РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ
И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

XX Международные Лихачевские научные чтения
9–10 июня 2022 года

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина
«Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева»
№ 587 от 23 мая 2001 года

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

XX Международные Лихачевские научные чтения
9–10 июня 2022 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать восьмые по счету и двадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2022 году социально значимый проект «XX Международные Лихачевские научные чтения» реализуется с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в соответствии с Указом Президента РФ от 30 января 2019 г. № 30

Санкт-Петербург
2022

ББК 72
Г52

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельной дискуссии и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **Е. А. Ильинская**, и. о. декана факультета конфликтологии СПбГУП, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий по учебной работе, доктор культурологии, профессор;

3-я секция — **Г. Ф. Фейгин**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП;

4-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП;

5-я секция — **А. А. Мельникова**, заместитель заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП по научной работе, доктор культурологии, профессор;

6-я секция — **Р. А. Ромашов**, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Г52 **Глобальный** конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — 628 с., ил. — ISBN 978-5-7621-1193-5. — Текст : непосредственный.

В сборнике опубликованы материалы XX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 9–10 июня 2022 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XX Чтениях приняли участие представители 10 стран мира.

Среди 210 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: И. О. Абрамова, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, М. Б. Пиотровский, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Фитуни, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, представители вузов, известные государственные и общественные деятели, руководители СМИ: судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, первый зам. гендиректора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ К. Ф. Затулин, директор Департамента информации и печати МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол М. В. Захарова, зам. руководителя фракции «Единой России» в Госдуме РФ А. К. Исаев, первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам С. И. Кисляк, зам. председателя Совета Федерации РФ К. И. Косачев, член Госсовета РФ, председатель ФНПР М. В. Шмаков, Посол РФ в Великобритании (2011–2019) А. В. Яковенко и др.

В числе иностранных авторов сборника — заместитель министра информации Беларуси И. И. Бузовский, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, почетный сотрудник Австралийского национального университета Э. Кевин, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия» Г. Меттан, директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы (Турция) Т. Тюркер; профессора: Ч. Варга (Венгрия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. Кёхлер (Австрия) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: «Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-1193-5

© СПбГУП, 2022

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием юбилейных XX Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов ваших встреч уже стало доброй традицией. Отмечу, что Лихачевские чтения отличают насыщенная повестка, заинтересованное участие известных ученых и политиков, общественных деятелей, представителей культуры и искусства. Это позволяет вести продуктивный диалог по важнейшим проблемам современности, предметно обсуждать пути их решения, учитывать весь спектр мнений. И потому Лихачевские чтения привлекают неизменное внимание экспертов, самой широкой аудитории.

Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами. И конечно, станет еще одним вкладом в сбережение и дальнейшее изучение богатейшего творческого, духовного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, чьи гуманистические идеи сегодня особенно актуальны и востребованы.

Желаю вам результативного общения и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
9 июня 2022 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял большое внимание Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, был почетным доктором прославленного вуза. И потому символично, что ваши встречи проходят именно здесь, в СПбГУП, и по праву считаются значимым событием в жизни Северной столицы и всей страны.

Отмечу, что в работе форума традиционно принимают участие известные ученые и политики, деятели культуры и искусства, представители СМИ. Их содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают широкий общественный резонанс, служат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Уверен, что Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми.

Желаю вам успехов, интересного и полезного общения.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
23 мая 2019 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отрадно, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
18 мая 2017 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч – всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимополезных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
16 мая 2016 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум – это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
17 мая 2012 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, – неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых – развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач – сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
5 мая 2011 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению наро-

дов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей – ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции – всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
11 мая 2010 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева – неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума – это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

♦ ♦ ♦

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XX МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Организаторам, участникам и гостям
XX Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Лихачевские чтения – авторитетный научный форум, на котором ученые, политики, общественные деятели, представители культуры и искусства обсуждают актуальные вопросы и ключевые тенденции развития современного мира, проблемы, волнующие людей в нашей стране и за ее пределами.

Вам предстоят тематические дискуссии о традиционных ценностях и «новой этике» Запада, переходе от однополярности к модели многополярного мира, состоянии глобальной экономики и задачах российского образования. Крайне важные вопросы.

Желаю интересной, плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Государственной Думы Федерального собрания
Российской Федерации
В. В. ВОЛОДИН
Москва, 9 июня 2022 года

Участникам и гостям
XX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую вас и поздравляю с открытием XX Международных Лихачевских научных чтений.

Впечатляющий состав участников, тематическое многообразие секций и круглых столов сделали Лихачевские чтения значимым событием в научной жизни Санкт-Петербурга и России.

Проведение данного мероприятия – это не только дань памяти академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся гуманитарию, гражданину и патриоту нашей Родины. Цель Чтений – всесторонний и глубокий анализ глобальных угроз и вызовов времени, требующих конструктивных ответов и решений.

Уверена, содержательные дискуссии в рамках Чтений внесут свой вклад в разработку моделей стабильного будущего, в понимание миссии и роли России в контексте геополитических трансформаций эпохи, а выработанные проекты и рекомендации станут важной вехой на пути укрепления духовно-нравственных основ российского общества.

От всей души желаю участникам Лихачевских научных чтений плодотворной работы и новых научных открытий!

Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации
Т. А. ГОЛИКОВА
9 июня 2022 года

Участникам и организаторам
XX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую участников и организаторов XX Международных Лихачевских научных чтений. Ваши встречи давно уже стали знаковым событием и традиционно объединяют в Северной столице выдающихся ученых и деятелей современности.

Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева сегодня является символом служения вечным, абсолютным ценностям для миллионов сограждан. Гуманистические идеи академика и великого просветителя актуальны и в наши дни.

Отрадно, что все годы организаторы и участники Чтений следуют заветам, положенным основателем, и уделяют большое внимание важным проблемам современности и мультидисциплинарному диалогу.

Уверен, что встреча пройдет в конструктивном, созидательном ключе, а все участники смогут получить бесценный обмен опытом.

Желаю вам успехов и плодотворной работы.

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
А. О. КОТЯКОВ

Организаторам и участникам XX Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов и участников юбилейных XX Международных Лихачевских научных чтений.

Данное мероприятие, организованное на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заслуженно зарекомендовало себя в качестве одной из важных площадок сопряжения интеллектуальных усилий видных общественников, ученых и деятелей культуры из различных государств. Отрадно, что опыт академика Д. С. Лихачева, внесшего бесценный вклад в общее достояние русской и мировой культуры, востребован и продолжает использоваться в поиске ответов на современные вызовы и угрозы, усилившиеся в последнее время в результате накопившегося конфликтного потенциала.

Рассматриваемая на Чтениях в этом году проблематика формирования поистине демократичного многополярного мира особенно актуальна сегодня, когда мы наблюдаем идущее вразрез со всеми правовыми и морально-этическими нормами яростное сопротивление происходящим изменениям со стороны государств, не желающих терять свое доминирующее положение в системе международных отношений. Важно, что особое внимание в предстоящих дискуссиях предполагается уделить ценностному и культурному факторам, а также месту России в глобальных процессах.

Убежден, что работа форума пройдет в продуктивном ключе, а его результаты придадут импульс развитию сотрудничества и взаимопонимания между народами в целях решения глобальных проблем.

Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации
С. В. ЛАВРОВ
Москва, 9 июня 2022 года

Участникам, организаторам и гостям XX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге на XX Международных Лихачевских научных чтениях!

На протяжении двух десятилетий масштабный форум собирает на берегах Невы общественных и политических деятелей из России и стран ближнего и дальнего зарубежья, представителей науки, культуры и искусства. Это знаковое событие занимает видное место в жизни Северной столицы, международного гуманитарного сообщества.

Мы бережно храним наследие талантливого ученого и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева, гордимся тем, что он жил и трудился в нашем городе. Выдающийся мыслитель считал, что русская культура способна хранить опыт и традиции разных народов мира, усваивать лучшие стороны человечества. Эти его мысли и высказывания обретают особую ценность и значимость в сопоставлении с темой юбилейных чтений «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка».

Уверен, что ваша плодотворная работа будет способствовать дальнейшему укреплению гуманитарных связей, станет основой новых просветительских проектов.

Желаю вам здоровья, благополучия, продуктивных и интересных дискуссий!

Губернатор Санкт-Петербурга
А. Д. БЕГЛОВ

Участникам и гостям XX Международных Лихачевских научных чтений

От имени Федерации независимых профсоюзов России, объединяющей миллионы прогрессивно мыслящих трудящихся, сердечно приветствую и поздравляю всех участников XX Международных Лихачевских научных чтений!

Сегодня, когда мир стоит на пороге глобальных потрясений, когда безответственные политиканы в стремлении сохранить и приумножить богатства небольшой привилегированной части населения земного шара готовы ввергнуть народы мира во всеобщую катастрофу, как никогда важно дать объективную оценку и предложить решения по преодолению разгорающегося конфликта.

Ваш уникальный по составу участников научный форум, способствующий сближению и диалогу интеллектуальных элит разных стран, может содействовать поиску путей устранения накопившихся в мире противоречий. Сегодня мир как никогда заинтересован в открытом, честном и конструктивном диалоге, отражающем различные подходы к перспективам глобального развития.

Российские трудящиеся, как и трудящиеся всего мира, жизненно заинтересованы в стабильном и справедливо устроенном обществе. Мы не должны допустить уничтожения социальных завоеваний, которые были достигнуты человечеством в упорной борьбе за последнее столетие.

Искренне желаю участникам XX Международных Лихачевских научных чтений плодотворной и конструктивной работы, позитивного настроя и новых творческих успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ
9 июня 2022 года

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Диалог культур в условиях глобализации», «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего», «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости», «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, И. О. Абрамова, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, О. Е. Лебедев, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, Е. Г. Драпеко, К. Ф. Затулин, М. В. Захарова, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев и др.; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Н. С. Сафронов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России (с 2014 г. — Международный форум старшеклассников), на который собираются победители ежегодного конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017, 2019, 2022 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2019 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются соответствующие сборники. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены и на научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА» 3

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 4

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XX МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 8

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка) 11

Пленарное заседание
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

ДОКЛАДЫ:

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ СЛОМА СТАРОГО МИРОПОРЯДКА 28

Д. О. БАБИЧ, *журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва)*
ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА ЗАПАДА. ПРИЕМЫ И ПРИНЦИПЫ
НАЧИНАЯ С 1991 ГОДА ДО СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ 33

Г. М. БИРЖЕНЮК, *заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП*
СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ. ОПЫТ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. 35

Н. С. БОНДАРЬ, *судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ*
НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НЕ ВСЕ «ВЕЧНОЕ» НЕИЗМЕННО 38

И. И. БУЗОВСКИЙ, *заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук*
ТЕКТОНИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ (БЕЛОРУССКИЙ ИЗЛОМ) 43

П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ (Москва), доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана*
КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 48

Ч. ВАРГА, *почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор права*
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ ЗАПАДА ЭКСПОРТИРОВАТЬ «НОВУЮ ЭТИКУ»
ЗА СЧЕТ СМЯГЧЕНИЯ ПРАВА ПУТЕМ ОТСЫЛКИ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И ВЕРХОВЕНСТВУ ПРАВА 50

Г. А. ГАДЖИЕВ, *судья Конституционного Суда РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*
НЕИЗБЫВНАЯ ТРАГЕДИЯ ИЛИ КАТАРСИС? 53

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, *министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Москва), академик РАН, доктор экономических наук, профессор*
О ТЕКУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ В МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ
И СОЗДАНИИ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ 55

Ч. ГОДДАРД, *профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания)*
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ
(ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ? 59

Ал. А. ГРОМЫКО, *директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН*
ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА — ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ 62

А. А. ГУСЕЙНОВ, *директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
ЧТО НОВОГО В «НОВОЙ ЭТИКЕ»? 65

М. С. ГУСМАН, *первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» (Москва), доктор политических наук, профессор, заслуженный журналист РФ, заслуженный работник культуры РФ*
МЕДИА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ 71

А. Н. ДАНИЛОВ, *заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор*
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ: РОЖДЕНИЕ НОВЫХ БОГОВ 72

Е. Г. ДРАПЕКО, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР*
ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 75

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
ПОЧЕМУ США СУЖДЕНА СУДЬБА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ 77

К. Ф. ЗАТУЛИН, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ*
УКРАИНСКИЙ ВОПРОС 81

А. К. ИСАЕВ, *заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат политических наук, профессор СПбГУП*
О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 83

О. Г. КАРПОВИЧ, *проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России (Москва), доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор*
КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 87

Э. КЕВИН, *почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт, лауреат литературных премий*
ПУТЬ В НОВАРУСЬ 92

И. Ф. КЕФЕЛИ, *директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — НА СТЫКЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ 96

Г. КЁХЛЕР, *президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии*
БОРЬБА ЗА МИРОВОЙ ПОРЯДОК:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ 99

Г. Б. КЛЕЙНЕР, *заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН (Москва), заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
ИНТЕЛЛЕКТ, ДУША, КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РАЗДРОБЛЕННОМ МИРЕ 104

А. В. КОСТИНА, *директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор*
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 109

Н. Н. КУЗЬМИНА, *ректор Академии труда и социальных отношений (Москва), заместитель председателя ФНПР, заместитель координатора Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, кандидат экономических наук*
ЭКОНОМИКА РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА 111

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, *член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)*
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ:
КОГО ВОСПИТЫВАЕТ ШКОЛА? 115

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), академик РАН, доктор юридических наук, профессор*
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
НОВЫЙ ЭТАП ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ 118

Д. А. ЛИХАНОВ, *писатель, председатель Российского детского фонда (Москва), Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов*
ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ 121

В. Л. МАКАРОВ, *научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*
ПОМОЩЬ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОГО МИРА 123

Е. И. МАКАРОВ, *заместитель председателя ФНПР, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП*
ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ОБСТАНОВКА
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ОРГАНИЗАЦИЯХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СВО ВС РФ НА УКРАИНЕ 124

И. А. МАКСИМЦЕВ, *ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ — ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА 127

В. К. МАМОНТОВ, *председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»*
МИР НАМЕРЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ 130

А. П. МАРКОВ, *профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО 134

Г. МЕТТАН, *президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы*
НОВЫЙ ЗАПАДНЫЙ ЯЗЫК ПРЕВРАЩАЕТ ЛЮБОЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В РАЗГОВОР ГЛУХИХ 136

Л. М. МОСОЛОВА, *профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, заслуженный работник высшей школы РФ*
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ 141

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*
К ВОПРОСУ О «ГОСУДАРСТВАХ-ЦИВИЛИЗАЦИЯХ» 143

А. Д. НЕКИПЕЛОВ, *директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. 145

Р. И. НИГМАТУЛИН, *научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*
НАУКА, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЧТО ДЕЛАТЬ 149

С. Б. НИКОНОВА, *профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, член Ученого совета, доктор философских наук*
КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА.
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МОДЕРНИСТСКОЙ ЭТИКИ: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КРИТИКА 152

В. А. ТИШКОВ, *научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), член Президиума, академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 155

Ж. Т. ТОЩЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор*
ИДЕОЛОГИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ? 159

Т. ТЮРКЕР, *директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы (Турция), доктор факультета политологии в Университете Анкары, профессор*
НОВЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК? ОТВЕТНЫЙ УДАР ЦИВИЛИЗАЦИИ(Й)? 165

А. В. УСПЕНСКАЯ, *профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ, почетный профессор СПбГУП*
Ч. ДИККЕНС ОБ АМЕРИКАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ 169

Л. Л. ФИТУНИ, *заместитель директора Института Африки РАН (Москва), заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
ГЕРМЕНЕВТИКА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 171

Т. Я. ХАБРИЕВА, *директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), заместитель Президента, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан, Почетный доктор СПбГУП*
«АКСИОЛОГИЯ» НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ
В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 175

А. Д. ХЛУТКОВ, *директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, доцент;*
В. А. ШАМАХОВ, *научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы*
РОССИЯ НА ПУТИ К СТАНОВЛЕНИЮ
ГЛОБАЛЬНОЙ (ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ) ГЕОПОЛИТИКИ 183

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, *главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть» (Москва), кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике*
ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК. ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ 185

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВИРУСНЫЕ ИНФЕКЦИИ 188

А. В. ШЕРШУКОВ, *заместитель председателя ФНПР, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» (Москва)*
УРОКИ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТРАГЕДИИ ДЛЯ СОВЕРЕМЕННОЙ РОССИИ 189

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП*
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 191

А. В. ЯКОВЕНКО, *ректор Дипломатической академии МИД России (Москва), доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (2011–2019)*
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ
КАК КАТАЛИЗАТОР ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 194

ДИСКУССИЯ 198

Выступаюшие: И. И. Бузовский, С. Ю. Глазьев, М. С. Гусман, Е. Г. Драпеко, А. С. Запесоцкий, К. Ф. Затулин, М. В. Захарова, С. И. Кисляк, Г. Б. Клейнер, К. И. Косачев, А. С. Максимов, Г. Меттан, А. Д. Некипелов, М. Б. Пиотровский, Т. Я. Хабриева, М. В. Шмаков

Панельная дискуссия
«ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА» СЕГОДНЯ И ЗАВТРА 208

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (модератор)*

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН (Москва), член Президиума, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, *министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Москва), академик РАН, доктор экономических наук, профессор*

Ал. А. ГРОМЫКО, *директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН*

Е. Г. ДРАПЕКО, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР*

К. Ф. ЗАТУЛИН, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (Москва), депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ*

М. В. ЗАХАРОВА, *директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол*

А. К. ИСАЕВ, *заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат политических наук, профессор СПбГУП*

С. И. КИСЛЯК, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США (2008–2017)*

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), академик РАН, доктор юридических наук, профессор*

Д. А. ЛИХАНОВ, *писатель, председатель Российского детского фонда (Москва), Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов*

В. Л. МАКАРОВ, *научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва), академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*

В. К. МАМОНТОВ, *председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»*

В. В. НАУМКИН, *научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва), академик РАН, доктор исторических наук, профессор*

Р. И. НИГМАТУЛИН, *научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва), член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*

В. Г. ПЕТУХОВ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе*

Ж. Т. ТОЩЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор*

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*

М. В. ШМАКОВ, *член Государственного совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП*

Секция 1
ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

ДИСКУССИЯ 219

Выступающие: И. О. Абрамова, Д. О. Бабич, И. И. Бузовский, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, П. Н. Гусев, Е. Г. Драпеко, А. С. Запесоцкий, К. Ф. Затулин, М. В. Захарова, Э. Кевин, С. И. Кисляк, В. В. Наумкин, В. Н. Пунченко, Л. Л. Фитуни, Е. В. Харитонова, С. А. Цыпляев, В. А. Черешнев, В. А. Шамахов

Секция 2
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЛИ «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА (ИДЕОЛОГИИ, ЦЕННОСТИ, НОРМЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА)? КАКОВ БАЛАНС СИЛ?

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ, *главный научный редактор издательского дома «Панорама» (Москва), кандидат философских наук*
СВЯЩЕННО ЛИ ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ?
(О правовом регулировании деятельности транснациональных корпораций) 231

Н. И. ВОРОНИНА, *директор Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
ЛИЧНОСТЬ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН В ДИАЛОГЕ ЭТНОСОВ 234

Е. М. ГАШКОВА, *старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент*
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СЕМЕЙНЫХ РЕЛИКВИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 235

Ю. Д. ГРАНИН, *ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор*
РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД 237

А. А. ДМИТРИЕВА, *профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения*
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА 239

Г. В. ДРАЧ, *научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ*
РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ 241

В. Ю. ДУНАЕВ, *главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор;*
В. Д. КУРГАНСКАЯ, *главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор*
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИМПЕРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 243

Т. И. ЕРОХИНА, *первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ*
«НОВАЯ» И/ИЛИ СТАРАЯ ЭТИКА: МЕТАМОРФОЗЫ АНТИУТОПИИ 246

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ, *и. о. декана факультета конфликтологии СПбГУП, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий по учебной работе, доктор культурологии, профессор*
ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ 248

Д. Н. КАТЫШЕВА, *профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП*
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР: ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫМ РАЗРУШИТЕЛЬНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ И УТВЕРЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 250

О. В. КАШИРИНА, *профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук*
«ЦЕННОСТНО-ЯЗЫКОВОЙ КРИЗИС» В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ 252

М. И. КОЗЬЯКОВА, *профессор кафедры истории и культурологии Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина (Москва), доктор философских наук*
ПОСТГУМАНИЗМ КАК ДОМИНАНТА ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСРЕДЫ 254

С. С. КОМИССАРЕНКО, *профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
К ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОГО НАРРАТИВА ЦЕННОСТНЫХ ОБЪЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА 257

В. Н. КОНОВАЛОВ, *профессор кафедры конфликтологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук*
ПРОЕКЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ОТ СИЛЫ ПРАВА К ПРАВУ СИЛЫ 260

К. В. ЛОЩЕВСКИЙ, *доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук*
ПОСЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ КОНКУРЕНТНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ К МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ ДОГМАТИЗМУ 262

С. А. МАДЮКОВА, *старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск), кандидат философских наук*
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА, ОБЛАСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ 266

И. В. МАЛЫГИНА, *заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор*
КРИЗИС ДИАЛОГОВЫХ СТРАТЕГИЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА 268

А. М. МЕЛИХОВ, *заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук*
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТАЛАНТОВ. 271

С. Г. МУСИЕНКО, *директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь*
КОНЦЕПЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИДЕОЛОГИИ 274

Е. А. ПОЛЯКОВА, *проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры (Барнаул), доктор исторических наук, доцент*
ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК БАЗИС «НОВОЙ ЭТИКИ» ЗАПАДА 277

Е. С. ПРОТАНСКАЯ, *профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СТРАТЕГИИ ОБНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕГО ВЕКТОРА ЦЕННОСТЕЙ. 279

В. Н. ПУНЧЕНКО, *заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)*
О ДИНАМИКЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
(По материалам исследований, проводимых в Республике Беларусь) 281

А. С. РАДЧЕНКО, *заместитель заведующего кафедрой физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук, профессор, мастер спорта СССР по легкой атлетике*
ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ 284

А. П. САДОХИН, *главный редактор журнала «Культура и цивилизация» (Москва), доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СУБКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА. 286

Т. Б. СИДНЕВА, *проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ:
ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО И ДОПУСТИМОГО. 288

Г. В. СКОТНИКОВА, *профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии*
ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ: ФУНДАМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ. 290

Н. Н. СУВОРОВ, *профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук*
ТВОРЧЕСТВО И РАЗРУШЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ. 292

С. А. СУХОРУКОВ, *и. о. заведующего кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент*
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ ВОСТОКА
НА ФОНЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ 295

Е. В. ХАРИТОНОВА, *старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент*
ТРАДИЦИОННАЯ АФРИКАНСКАЯ ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПРОЕКТ, МИССИЯ, АЛЬТЕРНАТИВА, ПРОТЕСТ 297

К. И. ШАРАФАДИНА, *профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук*
ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ/ТРАНСЛЯЦИИ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ 300

В. А. ШАХОВ, *профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота (Калининград), доктор культурологии, заслуженный работник культуры РФ*
КРИЗИС ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 302

Я. Г. ШЕМЯКИН, *главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук*
ПРИНЦИП ДИАЛОГА КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ
К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРУ 304

О. Д. ШЕМЯКИНА, *научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук*
О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА 306

О. Ю. ЮХНИНА, *заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент*
ГРАНИЦЫ ЛИЧНОГО В ЭПОХУ «НОВОЙ ЭТИКИ» 309

О. А. ЯНУТШ, *доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор культурологии*
ЭТНОСОФИЯ КАК СПОСОБ (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ «ТРАДИЦИОННЫХ» ЦЕННОСТЕЙ 311

ДИСКУССИЯ. 313

Выступающие: А. В. Агошков, Е. М. Гашкова, Т. И. Ерохина, А. С. Запесоцкий, Е. А. Ильинская, Д. Н. Катышева, М. И. Козьякова, А. В. Костина, Д. А. Лиханов, С. А. Мадюкова, Е. И. Макаров, И. В. Малыгина, А. П. Марков, С. Б. Никонова, Е. А. Полякова, Г. А. Праздников, Е. С. Протанская, А. П. Садохин, Т. Б. Сиднева, Г. В. Скотникова, Ж. Т. Тошенко, К. И. Шарафадина, В. А. Шахов, Я. Г. Шемякин, О. Д. Шемякина, О. А. Янутш

Секция 3
ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

ДОКЛАДЫ:

А. М. АЛЕКСАНКОВ, *директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент*
КРЕАТИВНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ. 326

М. БАЛИ, *научный сотрудник лаборатории CESICE (Центра исследований международной безопасности и европейского сотрудничества) Университета Гренобль Альпы (Франция), Ph. D., доктор экономики;*
Н. В. БУРОВА, *профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, почетный работник сферы образования РФ*
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРИОД 2014–2022 ГОДОВ 329

Д. И. БАЛИБАЛОВА, *профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук*
ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЗАПАДА НА ФИНАНСОВУЮ ПОЛИТИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 331

В. С. ГЛАЗЬЕВ, *стажер автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы» (Москва), младший научный сотрудник Научного центра евразийской интеграции*
СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 333

Ю. В. ГОЛИУСОВА, *ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), кандидат социологических наук*
САМОЗАНЯТЫЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 335

Г. А. ГОНЧАРОВ, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук*
СОВРЕМЕННЫЕ САНКЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ 337

Н. В. ДОРОХОВА, *профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук*
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 339

Ю. В. ИЛЬИНА, *заместитель директора по общим вопросам Института тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова Национальной академии наук Беларуси (Минск)*
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 341

Ю. Ю. КОРОЛЕВ, *профессор кафедры бизнес-администрирования Института бизнеса Белорусского государственного университета (Минск), кандидат экономических наук*
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПЛАТ РАБОТНИКАМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ НАНИМАТЕЛЯ В ПЕРИОД СИСТЕМНЫХ СДВИГОВ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ 343

А. И. КОТОВ, *специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук*
ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ. 346

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА, *главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Москва), руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ США К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ НА НОВОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА 348

Т. Б. МАЛИНИНА, *профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
МЕРА ТРУДА И МЕРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 350

К. Н. МАРКИНА, *заместитель заведующего кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП по учебной работе, кандидат культурологии, доцент*
КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 353

Л. А. МИЭРИНЬ, *профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ 355

Т. В. НИКИТИНА, *директор Международного центра исследований финансовых рынков, Российско-немецкого центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор*
ВОЗМОЖНОСТИ СЦЕНАРНОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА
И МОДЕЛЬНОГО АППАРАТА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ 357

С. М. НИКОНОРОВ, *профессор кафедры экономики природопользования МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра исследования экономических проблем развития Арктики, доктор экономических наук*
ESG ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 359

Н. Н. НИКУЛИН, *профессор кафедры экономики Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 361

В. В. ПАВЛОВА, *доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), кандидат экономических наук*
РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА РЫНКЕ ТРУДА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 363

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, *профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор социологических наук*
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ ЦЕННОСТИ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТКОВИДНОГО МИРА. 365

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ, *президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алма-Ата, Казахстан), политолог*
БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: ПОИСКИ И ВЫЗОВЫ. 367

А. Ю. ПРИХАЧ, *профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук*
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 369

Е. С. САДОВАЯ, *заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент*
ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В НОВОЙ СИСТЕМЕ МИРОУСТРОЙСТВА:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 371

О. А. СТРАХОВА, *президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;*
В. Ю. ЛЯПУНОВА, *руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург)*
СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 374

А. А. ФЕДЧЕНКО, *профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук*
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СИСТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 376

Г. Ф. ФЕЙГИН, *профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП*
СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ С ЗАПАДА НА ВОСТОК. 378

И. Э. ФРОЛОВ, *руководитель Центра исследования и прогнозирования высоких технологий и зарождающихся рынков Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор*
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: «ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ»
ИЛИ НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ? 380

М. М. ХАЙКИН, *заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор;*
А. А. ЛАПИНСКАС, *профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук*
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 383

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА, *профессор кафедры управления образовательными системами МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный доктор Международного университета в Москве*
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ — СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 385

Е. Г. ХОЛЬНОВА, *заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор*
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 388

Т. В. ЧУБАРОВА, *заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор*
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА 390

Н. Ю. ШВЕДОВА, *доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук*
НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА НА ФОНД ОПЛАТЫ ТРУДА КАК ФАКТОР ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 393

Г. А. ШКИРЕНКО, *доцент кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, кандидат экономических наук*
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 395

ДИСКУССИЯ 398

Выступаюшие: Д. И. Балибалова, В. С. Глазьев, Ю. В. Голиусова, Г. А. Гончаров, Н. В. Дорохова, А. С. Запесоцкий, Ю. В. Ильина, Ю. Ю. Королев, А. И. Котов, А. А. Лапинскас, А. Мишаров, Л. А. Миэринь, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Н. Н. Никулин, В. В. Павлова, Э. Э. Полетаев, Е. С. Садовая, А. А. Федченко, Г. Ф. Фейгин, И. Э. Фролов, Е. Г. Хольнова, Т. В. Чубарова, Н. Ю. Шведова, Г. А. Шкиренко

Секция 4
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ

ДОКЛАДЫ:

О. Н. АСТАФЬЕВА, *директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ*
СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТАХ И ДИСКУРСАХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 412

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН, *профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЖИТЬ ВМЕСТЕ: ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 415

Э. В. БАРКОВА, *профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор философских наук*
ЭКОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 417

А. Г. БОЛЬШАКОВ, *заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, доцент*
РОССИЯ В СОСТОЯНИИ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 420

Е. С. ДАШКОВА, *заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, профессор*
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ 422

Л. К. КРУГЛОВА, *профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук*
РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ИМПЕРИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ? 424

О. П. КУТЬКИНА, *проректор по учебной работе Алтайского государственного института культуры (Барнаул), кандидат педагогических наук, доцент*
НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ТРЕБУЕТ НОВУЮ МОДЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 426

В. Е. ЛЕПСКИЙ, *главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор психологических наук*
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО РАЗВИТИЯ (Миссия России в XXI в.) 428

А. В. МАНОЙЛО, *профессор кафедры российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук*
ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США 430

А. М. МИТЯЕВА, *заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ;*
Е. А. КУЗНЕЦОВА, *преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Серпуховского филиала Военной академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого*
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 439

А. М. ОСИПОВ, *профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА 441

И. А. СКАЛАБАН, *профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, доктор социологических наук*
ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВАЯ ЛОГИКА СТАРОГО МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА? 444

А. В. СКОРОБОГАТОВ, *профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), доктор исторических наук;*
А. И. СКОРОБОГАТОВА, *заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), кандидат педагогических наук, доцент*
МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 446

М. Н. ФОМИНА, *профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ*
НОВЫЙ ФОРМАТ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ДИАЛОГА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ. 448

Е. В. ХАРИТОНОВА, *старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент*
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА НОВОМ ВИТКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ (На примере SWOT-анализа системы российско-африканских отношений) 450

О. М. ШЕВЧЕНКО, *профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук*
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТРУКТИВНЫЙ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 453

Н. Н. ЯРОШЕНКО, *заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор*
КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ 456

ДИСКУССИЯ. 458

Выступающие: Н. Г. Багдасарьян, Г. М. Бирженюк, А. Г. Большаков, Е. С. Дашкова, А. С. Запесоцкий, А. Р. Кетов, О. П. Кутькина, В. Е. Лепский, Д. В. Лобок, В. К. Мамонтов, А. В. Шершуков, Н. Н. Ярошенко

Секция 5
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ

ДОКЛАДЫ:

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА, *заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор*
ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 469

Е. В. АЛЕШИНА, *методист Регионального модельного центра дополнительного образования детей Регионального института развития образования (Салехард), доцент, почетный работник воспитания и просвещения РФ;*
А. И. ЗВЕРЕВ, *докторант Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург), кандидат социологических наук*
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОБЪЕКТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ 472

Е. В. АНДРИЕНКО, *заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
АМБИВАЛЕНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ 474

О. С. АНИСИМОВ, *профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор психологических наук*
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛИФТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-МОТИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ И МЕТОДОЛОГИЯ 477

А. Н. БАКУШИНА, *начальник методического отдела Центра довузовских программ Высшей школы экономики (Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования РФ*
РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ 479

Э. В. БАРБАШИНА, *заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, профессор отдела аспирантуры Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук*
КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ 481

Г. М. БИРЖЕНЮК, *заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП;*
Н. С. САФРОНОВ, *академик Российской академии художеств (Москва), декан факультета культуры и искусств Ульяновского государственного университета, профессор, народный художник РФ*
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТОВ 484

К. Э. БРОНЗИТ, *профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, художественный руководитель студии анимационного кино «Мельница», заслуженный деятель искусств РФ, двукратный номинант на премию «Оскар»*
ШКОЛА ЖДЕТ ПЕРЕМЕН 487

О. Е. БУГАКОВА, *заведующая отделением «Преподавание в начальных классах» Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького;*
Е. Г. НЕВОСТРУЕВА, *педагог-организатор Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького*
ШКОЛА И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРОСТРАНСТВО СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ 489

М. Н. ВЕТЧИНОВА, *профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук*
РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ДИАЛЕКТИКЕ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 492

Е. В. ВОЛКОВА, *заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент*
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР 494

А. В. ВОРОНЦОВ, *президент Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ 496

И. В. ЖДАНОВА, *доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, кандидат философских наук*
ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 499

Н. С. ЗЕЛИКИНА, *доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук*
ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 501

Е. Б. КОСТЮК, *доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук*
МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ 503

Б. В. КУПРИЯНОВ, *профессор департамента педагогики Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук*
ПЕДАГОГИКА УЧАСТИЯ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (Диалектика прошлого и будущего) 505

Е. А. ЛЕГЕНЬКОВА, *заведующая кафедрой немецкого и романских языков СПбГУП, кандидат филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН 507

Е. А. ЛЕНСКАЯ, *директор Центра изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук, кандидат педагогических наук, доцент*
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ В СТРАНАХ МИРА 508

Г. В. МАКОТРОВА, *профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук*
РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ: КАКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НЕОБХОДИМЫ 510

А. А. МЕЛЬНИКОВА, *заместитель заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП по научной работе, доктор культурологии, профессор*
РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫЗОВАХ ВРЕМЕНИ: КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС 513

Л. Б. МОЖЕЙКИНА, *проректор Новосибирского государственного технического университета, кандидат психологических наук, доцент*
ПРИОБРЕТЕНИЯ ЭПОХИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 514

С. Д. ПОЛЯКОВ, *профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук*
О СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ 516

А. С. ПРУТЧЕНКОВ, *главный научный сотрудник Педагогического конструкторского бюро (Москва), доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 518

Т. А. РОММ, *заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 521

М. В. СОЗИНОВА, *и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент*
СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ 523

И. В. СОКОЛОВА, *заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ 525

В. Д. ТАКАЗОВ, *профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЕГЭ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ 527

В. Е. ТРИОДИН, *профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП*
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА 528

Р. Л. УРИЦКАЯ, *методист лицея № 410 Пушкинского района Санкт-Петербурга, кандидат исторических наук*
ОБРАЗОВАНИЕ, КОТОРОЕ НЕ НУЖНО РОССИИ. АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ШКОЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 530

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук*
ОТ ШКОЛЫ К ВУЗУ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 531

А. Н. ЧУМАКОВ, *профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ*
УНИВЕРСИТЕТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛИСТИКИ 533

И. Ю. ШУСТОВА, *ведущий научный сотрудник лаборатории развития личности в системе образования Института стратегии развития образования РАО (Москва), доктор педагогических наук*
ВОСПИТАНИЕ В ДЕТСКО-ВЗРОСЛОЙ ОБЩНОСТИ:
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ 536

ДИСКУССИЯ. 538

Выступаюшие: Е. А. Александрова, Е. В. Андриенко, О. С. Анисимов, Э. В. Барбашина, М. Н. Ветчинова, А. С. Запесоцкий, Е. И. Казакова, О. Е. Лебедев, Е. А. Ленская, Г. В. Макотрова, Т. А. Ромм, М. В. Созинова, В. Е. Триодин, А. Н. Чумаков, И. Ю. Шустова

Секция 6
ПРАВО, ЦЕННОСТИ И НРАВСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ДОКЛАДЫ:

Г. М. АЗНАГУЛОВА, *руководитель Аппарата директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), главный научный сотрудник Отдела теории права и междисциплинарных правовых исследований законодательства, доктор юридических наук, профессор*
РОССИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК 548

Е. Е. АМПЛЕЕВА, *заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент*
«ОГОВОРКА МАРТЕНСА» КАК КРИТЕРИЙ НРАВСТВЕННОСТИ И ГУМАНИЗМА
В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ 551

П. А. АСТАФИЧЕВ, *профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук*
ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. 553

О. А. БЕНЕДСКАЯ, *адвокат коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва), кандидат юридических наук*
ПРАВОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ ПРАВА:
К ПОДГОТОВКЕ СТРАТЕГИИ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 555

Е. А. БРЫЛЕВА, *начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент*
РАЗЛИЧИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 556

О. Н. ГРОМОВА, *заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент*
ЦЕННОСТИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕН 558

М. В. ДЕМИДОВ, *заведующий кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации, доктор юридических наук, доцент*
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ СО СТОРОНЫ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ. 560

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ, *профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ*
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДРУГИЕ ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ОКСЮМОРОН В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕМЕН? 563

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ, *заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор*
ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ 565

С. Н. КАСАТКИН, *доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук*
«УПАДОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ» И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕФЛЕКСИИ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ 567

В. А. КОВАЛЕВ, *доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук*
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ РЕНЕ ДАВИДА
В КОНТЕКСТЕ ОРИЕНТАЛИЗМА И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА 569

В. И. КРУСС, *заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ*
КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ 571

Г. М. ЛАНОВАЯ, *профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук*
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРАВЕ
(Взгляд через призму общечеловеческих ценностей и «новой этики») 574

В. В. ЛАПАЕВА, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук*
ОСОБЕННОСТИ ВХОЖДЕНИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР:
С ПОЗИЦИЙ ПРАВОВОГО ПОДХОДА 576

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса*
ПОИСКИ КОДА РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕН 578

А. И. ОВЧИННИКОВ, *заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор*
ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ 581

Е. А. ПЕТРОВА, *заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент*
РОЛЬ ПРАВА В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 583

В. Г. ПЕТУХОВ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе*
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА 585

Р. А. РОМАШОВ, *профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ*
КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРЕХОДНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ 586

Э. Л. САДЫКОВА, *исполнительный директор Фонда стратегического диалога и партнерства с исламским миром, начальник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии, профессор кафедры международных отношений и мировой политики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук*
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ВОПРОСЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА 588

К. Е. СИГАЛОВ, *профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук*
ПОРОКИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВ,
ИЛИ ЧТО ПОЯВИЛОСЬ НОВОГО В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ ПРАВЕ 590

Р. И. СИТДИКОВА, *профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук*
ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА 592

М. Г. СМИРНОВА, *профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук*
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ, ИННОВАЦИИ И НОРМЫ МОРАЛИ
КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ 594

А. А. ТАРАСОВ, *заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа), доктор юридических наук, профессор*
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОЙ ПРОЦЕДУРЫ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА — «ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ» ИЛИ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ? 596

В. В. ТРОФИМОВ, *директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук, профессор*
СТРАТЕГИИ КОНФЛИКТА И СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ:
ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 598

С. Ф. УДАРЦЕВ, *руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления Академии правовых и экономических исследований им. С. Зиманова при Казахском гуманитарном юридическом университете им. М. С. Нарикбаева (Нур-Султан), доктор юридических наук, профессор*
СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: КОРРЕКТИРОВКА ПОЛИТИКИ, ИДЕОЛОГИИ 600

И. Л. ЧЕСТНОВ, *профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ*
ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ 603

В. Л. ЭНТИН, *директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности МГИМО (Университета) МИД России (Москва), кандидат юридических наук, доцент*
ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРАВА: СТОЛКНОВЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ 605

ДИСКУССИЯ. 608

Выступающие: Е. Е. Амплеева, Н. С. Бондарь, Е. А. Брылева, Г. А. Гаджиев, Ч. Годдард, А. С. Запесоцкий, З. Н. Каландаришвили, С. Н. Касаткин, В. И. Крусс, Г. М. Лановая, В. В. Лапаева, А. А. Ливеровский, А. Г. Лисицын-Светланов, А. И. Овчинников, Л. А. Пасешникова, В. Г. Петухов, Р. А. Ромашов, К. Е. Сигалов, Р. И. Ситдикова, М. Г. Смирнова, В. В. Трофимов, В. Л. Энтин

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников) 621

Выступающие: Н. В. Буров, Л. А. Пасешникова, Е. Л. Колпакова; старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: А. Горелова, Е. Давыденкова, С. Доронина, А. Зыкова, З. Конарева, К. Мамаев, И. Никанов, В. Смирнова, М. Фаткуллина, Е. Харькова

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 627

Открытие пленарного заседания в Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова СПбГУП.
На трибуне: председатель Оргкомитета ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Академик РАН **С. Ю. Глазьев**

Директор Департамента информации и печати МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол **М. В. Захарова**

Академик РАН **Т. Я. Хабриева**, член Госсовета РФ, председатель ФНПР **М. В. Шмаков**, ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Презентация новых изданий Университета в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина СПбГУП

Члены РАН **И. О. Абрамова, Ал. А. Громыко, Г. Б. Клейнер, Р. И. Нигматулин, Ж. Т. Тощенко, А. С. Запесоцкий**

Академики РАН **С. Ю. Глазьев, А. Г. Лисицын-Светланов,** почетный профессор СПбГУП **Д. Н. Катышева**

Ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий,** советник ректората СПбГУП по творческим вопросам, писатель **О. В. Солод**

Член-корреспондент Российской академии образования, профессор **О. Е. Лебедев**

Зам. председателя Совета Федерации РФ **К. И. Косачев**

Первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, Посол РФ в США (2008–2017) **С. И. Кисляк**

Первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре **Е. Г. Драпеко**

Первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ **К. Ф. Затулин**

Академик РАН **М. Б. Пиотровский**

Зам. министра информации Беларуси **И. И. Бузовский**

Академик РАН **А. Д. Некипелов**

Академик РАН **Т. Я. Хабриева**

Академик РАН **В. А. Черешнев**

Председатель ФНПР **М. В. Шмаков**

Зам. председателя ФНПР **Е. И. Макаров**

Председатель Ленинградской федерации профсоюзов **В. Г. ДЕРБИН**

Зам. руководителя фракции партии «Единая Россия» в Госдуме РФ, профессор СПбГУП **А. К. Исаев,** ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС **В. А. Шамахов**

Председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга **А. С. Максимов**

Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС **А. Д. Хлутков**

Проректор Дипломатической академии МИД России **О. Г. Карпович**

Первый зам. гендиректора агентства «ТАСС» **М. С. Гусман**

Член-корреспондент РАН **И. О. Абрамова**

Академик РАН **В. В. Наумкин**

Профессор Московского юридического университета им. О. Е. Кутафина **Ч. Годдард** (Великобритания)

Зам. директора Белорусского института стратегических исследований **В. Н. Пунченко**, член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Беларуси **С. Г. Мусиенко**, ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Почетный профессор СПбГУП **В. Е. Триодин**

Почетный профессор СПбГУП **А. П. Марков**

Академик РАН **А. Г. Лисицын-Светланов**

Панельная дискуссия «„Великая шахматная доска“ сегодня и завтра»
(Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП)

Член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**

Член Президиума РАН, академик **Р. И. Нигматулин**

Судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), профессор СПбГУП **В. Г. Петухов,** председатель совета директоров «Комсомольской правды» **В. К. Мамонтов,** писатель **Д. А. Лиханов**

Академик РАН **В. Л. Макаров**

Заседание секции «Переход от однополярности к реальной многополярности: проблемы новой геополитики» (конференц-зал «Стасов/Ушаков»)

Директор Департамента информации и печати МИД России **М. В. Захарова**, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ **К. Ф. Затулин**, академик РАН **С. Ю. Глазьев**, ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Профессор **В. А. Шамахов**, академик **В. А. Черешнев**

Первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам **С. И. Кисляк**, главный редактор газеты «Московский комсомолец» **П. Н. Гусев**

Начальник Управления довузовской подготовки СПбГУП **Е. Л. Колпакова**, зав. кафедрой социальной психологии СПбГУП **М. В. Созинова**, члены-корреспонденты РАО **О. Е. Лебедев**, **Е. И. Казакова**, профессор СПбГУП **А. А. Мельникова**

Судья Конституционного Суда РФ, профессор **Г. А. Гаджиев**

Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), профессор **Н. С. Бондарь**

Председатель Российского детского фонда, писатель **Д. А. Лиханов**

Зам. председателя ФНПР **Е. И. Макаров**, член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**

Доцент СПбГУП **Т. В. Ефимова**, почетный профессор СПбГУП **Г. М. Бирженюк**, председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» **В. К. Мамонтов**, доцент СПбГУП **Д. В. Лобок**, главный редактор газеты «Солидарность» **А. В. Шершуков**, зав. кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета **А. Г. Большаков**

Зав. кафедрой теории права Тверского госуниверситета **В. И. Крусс**

Зам. председателя ФНПР, главный редактор газеты «Солидарность» **А. В. Шершуков**

Студенты СПбГУП

Прогулка по Неве на теплоходе

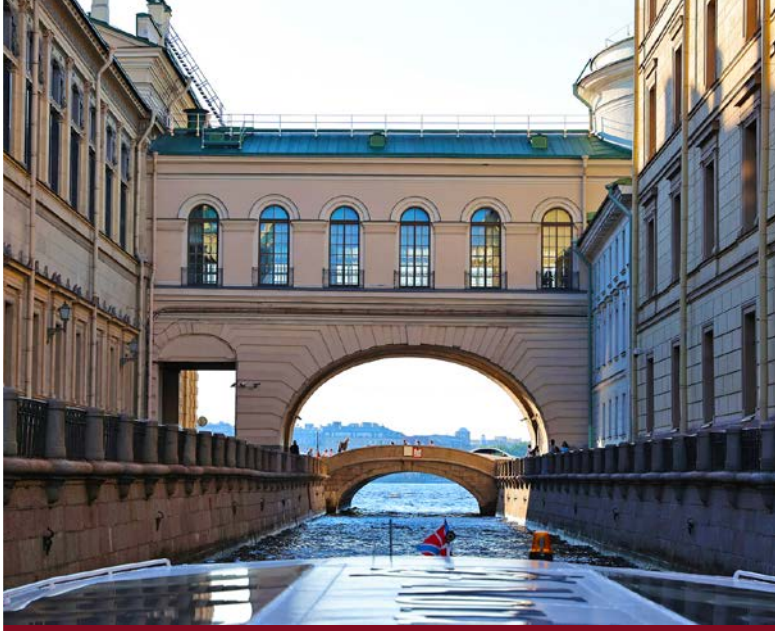
Члены-корреспонденты РАН **Л. Л. Фитуни, И. О. Абрамова**

Журналист **Д. О. Бабич** с дочерью

Политолог, журналист **Г. Меттан,**
зам. министра информации Беларуси **И. И. Бузовский**

Экскурсия по рекам и каналам Санкт-Петербурга: Аничков мост

Депутат Госдумы РФ **К. Ф. Затулин** с супругой



Речная прогулка: выход в Неву

Независимый эксперт, дипломат (1968–1998)
Э. Кевин (Австралия)

Первый проректор СПбГУП **Л. А Пасешникова**

Главный редактор журнала «Власть» **С. А. Цыпляев,**
президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» **Г. Меттан**

Концерт для почетных гостей XX Международных Лихачевских научных чтений.
На сцене: «Хор Турецкого» (Гранд Отель Европа)

Скрипач-виртуоз, дирижер **С. Стадлер**

Ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий** и группа «SOPRANO Турецкого»

Заслуженная артистка России **Н. Шацкая**

Прием в Гранд Отеле Европа

Пленарное заседание
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

9 июня 2022 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. И. КОСАЧЕВ	заместитель председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, член Президиума, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, Почетный доктор СПбГУП
Т. Я. ХАБРИЕВА	директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова[1]

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СЛОМА СТАРОГО МИРОПОРЯДКА[2]

События февраля 2022 года и российская специальная военная операция на Украине внесли существенные корректировки в систему приоритетов внешней политики нашей страны. Сегодня западные государства ведут с нами войну на уничтожение, поэтому все иллюзии России стать частью западного мира должны уйти в прошлое. Запад никогда не рассматривал Россию как равноправного партнера, а навязывал ей такую систему взаимодействия, где нашей стране отводилась роль полуколонии, выполняющей указания сюзерена и обеспечивающей его необходимыми материальными, финансовыми и людскими ресурсами. Для достижения этой цели по отношению к Российской Федерации применялись все средства колониального воздействия, среди них — схлопывание промышленного

[1] Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 11 монографий: «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Арабский город на рубеже тысячелетий», «„Возникающие“ и „несостоявшиеся“ государства в мировой экономике и политике» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа», «Население Африки в новой глобальной экономике» и др. Член редколлегий научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контуры глобальных трансформаций».

[2] Доклад подготовлен на основе сообщения на заседании Президиума РАН 9 февраля 2022 г.: *Абрамова И. О.* Геостратегическая схватка за Африку и интересы России в преддверии второго Саммита Россия–Африка // Российская академия наук : [сайт]. URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=7180d283-2d7d-4342-b018-b69e0123cdda (дата обращения: 27.05.2022).

потенциала и переориентация российской экономики на экспорт природных ресурсов, технологическая, финансовая и информационная зависимость от Запада, разрушение национальной системы образования, науки и культуры, сужение сферы применения русского языка, подкуп элит, «утечка умов», навязывание западной системы ценностей российской молодежи и многое другое. Важно было также ослабить, а лучше развалить российскую армию и окружить территорию РФ военными базами стран НАТО, что и удалось успешно проделать в 1990-е и 2000-е годы. Поскольку Россия обладала мощным ядерным потенциалом, необходимо было создать такую систему сдержек и противовесов, при которой наша страна не смогла бы вовремя отреагировать на превентивный ядерный удар. Большая роль в этой политике отводилась бывшим республикам Советского Союза, в первую очередь Украине, Белоруссии и Казахстану. Внутри же самой России ставка делалась на поддержку тех политических сил, которые, оказавшись у власти, готовы были пойти на полный компромисс с Западом.

Несмотря на несомненные успехи по реализации этих планов на Украине и в Грузии, в целом данная политика не принесла желаемых результатов. Более того, вопреки многочисленным санкциям, за последние 10 лет Россия существенно укрепила свой оборонный и экономический потенциал, а неоднократные попытки смены политического курса Кремля также провалились. В этих условиях необходимо было использовать принципиально новые рычаги воздействия на нашу страну, включая развязывание прямого вооруженного столкновения на наших границах. В определенной степени события на Украине просто «сорвали маски» и перевели наше противостояние из частично закамуфлированной в явную форму. Запад открыто и солидарно выступил против нас, применив все мыслимые и немыслимые инструменты давления — экономические, дипломатические, политические, информационные, военные и гуманитарные. В той непростой ситуации, в которой оказалась сегодня Россия, нам необходимо окончательно расстаться с иллюзиями и активизировать работу со странами, настроенными на продолжение сотрудничества с нами. В первую очередь речь идет не только об Индии и Китае, но и о других развивающихся государствах, бывших колониях и полуколониях Запада. Необходимо приложить все усилия, чтобы эти страны по-прежнему воспринимали Россию в качестве одного из *ключевых столпов и надежды развивающегося мира*, государства, восставшего против современных изощренных форм эксплуатации и ограбления со стороны объединенного Запада. Сегодня мы оказались в одной лодке со странами Азии, Африки и Латинской Америки и вынуждены защищать свою независимость и суверенитет с оружием в руках, выступая против коллективного Запада на собственных границах.

В 2022 году процесс трансформации современного мира существенно ускорился. Многополярность, как новое вызревающее мироустройство, потенциально открывает возможности для установления более справедливой системы международных отношений, учитывающей интересы максимально широкого круга членов мирового сообщества, более эффективного и быстрого развития многих государств, хотя и не исключает конкуренции и противостояния между ними.

«На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. В условиях крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между „старыми“ и „новыми“ игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение „периферийных“ зон соперничества» [5], в том числе Африканского континента.

Многочисленные проявления глубокого кризиса современного мироустройства свидетельствуют о необходимости его изменения. При определении иной конфигурации миропорядка старым и новым игрокам понадобятся сырьевые и топливные ресурсы, кадры, знания и навыки, еще не освоенные рынки и сферы влияния. И в этом смысле Россия и Африка все больше сближаются.

И Россия, и африканские государства обладают уникальными природными ресурсами, еще не до конца исследованными и поделенными, и огромной территорией с плотностью населения ниже среднемировой. Борьба за присоединение и России, и Африки к сфере влияния того или иного игрока в ближайшие годы будет становиться все более ожесточенной. В условиях складывающейся новой биполярности основными противниками в этой борьбе станут США и Китай.

Очевидно, что ни для России, ни для Африки такая картина мира не является идеальной, поскольку ставит под сомнение их экономическую субъектность. Африка уже сейчас высказывает опасения по поводу роста китайского влияния на континенте, при этом традиционно ругая бывших колонизаторов и США, но не отказываясь от финансовых вливаний и экономической помощи и той, и другой стороны. Россия, открыто прописанная в западных стратегиях как противник и «страна-агрессор», опутанная экономическими санкциями, с «поворотом на Восток» также стоит перед опасностью попасть в сферу влияния намного более мощного в экономическом плане Китая.

В этом смысле стратегии развития Африки и России во многом дополняют друг друга. Весьма показательно, что и там, и там в условиях формирования новой модели мирового развития есть понимание необходимости опираться на собственные силы и на взаимодействие не с одним ключевым партнером, а с разными игроками. Так, в Африке с начала 2000-х годов как на общеконтинентальном уровне, так и на уровне региональных объединений и отдельных стран все большее признание получает концепция «African ownership», означающая способность взять ответственность за свое развитие в собственные руки. Сегодня эта концепция приобретает статус «панафриканской». В 2013 году важнейший стратегический документ Африканского союза — «Повестка дня 2063» — в качестве исходного пункта главного направления развития континента называет «Africa-centered development» («развитие для Африки и внутри Африки»). По мнению африканских

экономистов, этот подход не означает отказ Африки от участия в международных экономических отношениях, но смещает фокус развития на внутренний рынок и локализацию производства импортных товаров и услуг. Ключевую роль в этом процессе должна сыграть интеграция в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли [8].

Что касается России, то она нуждается в новой стратегии социально-экономического развития. Важнейшие задачи этой стратегии: ускоренное развитие российской экономики с целью обеспечения роста благосостояния граждан страны; насыщение внутреннего рынка необходимыми товарами и услугами; восстановление национальной промышленности; реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров; обеспечение присутствия Российской Федерации в числе ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования; достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы; реформа финансовой системы и формирование нового механизма международных расчетов.

На наш взгляд, значительный вклад в решение вышеперечисленных задач может внести африканское направление внешнеэкономической деятельности России. Более того, в условиях постоянного повышения напряженности во взаимоотношениях с западными партнерами, роста экономической и политической мощи и влияния Китая на азиатском треке, раскачивания ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, африканский вектор внешней политики России приобретает особое значение. В политическом плане для нас чрезвычайно важна поддержка африканцев, голоса которых составляют более четверти всех голосующих в ООН. В экономическом плане Африка — важнейший рынок для реализации нашей промышленной продукции и применения российских технологий, включая локализацию производств нашей страны на континенте, подготовку кадров, передачу знаний и навыков. За 2014–2019 годы африканский потребительский рынок вырос в два раза и продолжает расти опережающими темпами по сравнению с остальным миром (4–5 % в год против 1,5–2 %) [7]. Быстро повышающийся спрос на товары и услуги открывает новые возможности для реализации российской промышленной продукции на рынке Африки.

Африка необходима нам и как поставщик важнейших видов стратегического сырья и материалов для успешного развития современных высокотехнологичных отраслей. В первую очередь речь идет о марганце, хроме, бокситах, уране, литии и редкоземельных металлах.

Россия, также ориентированная в своем развитии на импортозамещение, возрождение национальной промышленности и сельского хозяйства, в 10 раз меньше Африки по численности населения. Между тем для реализации задач ускоренного развития производства необходим доступ к емким внешним рынкам. Россия, длительное время своей Новейшей истории ориентировавшаяся на развитие экономических связей преимущественно с западным миром, оказалась в весьма уязвимом положении. Уготованная ей роль «бензоколонки», сырьевого придатка развитых стран и одновременно импортера западной промышленной продукции, технологий и «ценностей» успешно реализовывалась на протяжении более 20 лет, что привело к деградации отечественной промышленности, науки и образования и, как следствие, прочной технологической и информационной зависимости от США и Европы.

Экономический суверенитет Российской Федерации был подорван, а ее политический статус и международный авторитет существенно снизились. Более того, неутешительные, граничащие с глубокими катаклизмами в экономике и обществе тенденции внутреннего развития ведущих стран Запада не дают шансов рассчитывать на лояльное отношение США и их союзников к самой идее восстановления мощного, многоотраслевого и самодостаточного экономического комплекса в нашей стране, даже в случае гипотетических существенных уступок Москвы.

Между тем России сегодня необходим настоящий экономический прорыв, который невозможен без восстановления многоотраслевой промышленности и развития отечественных технологий. Расширение любого производства, в том числе высокотехнологичного, обеспечивается растущим спросом на данный вид продукции и возможностью локализации производственного процесса за пределами страны в максимальном приближении к потребителю.

Вот почему нам очень важно сегодня определить ключевое звено взаимоотношений с Африканским континентом, найти ту нишу, которая позволит обозначить особую роль России для развития Африки, выгодно отличающую ее от других партнеров африканских стран и одновременно лучше всего соответствующую стратегическим задачам Российской Федерации и Африканского союза.

В. В. Путин на пленарном заседании экономического форума «Россия–Африка» в 2019 году отметил, что товарооборот между нашими государствами, который в 2018 году превысил 20 млрд долларов, недостаточен и в ближайшие годы должен увеличиться по крайней мере в два раза [3].

Безусловно, торговля является важнейшим аспектом внешнеэкономической деятельности, и перспективы увеличения товарооборота России с африканскими государствами весьма благоприятны. Более того, структура нашего экспорта в Африку в 2019 году с точки зрения несырьевой неэнергетической составляющей, которая достигла 80 %, была практически оптимальной [4]. В товарной структуре российского экспорта в страны Африки в 2019 году машины, оборудование и транспортные средства занимали почти 25 %, минеральные продукты — 20 %, металлы и изделия из них — 8,5 %, продукция химической промышленности и каучук — 5 %, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 4 %. Увеличение российско-африканского товарооборота возможно как за счет его диверсификации и географического расширения (на сегодняшний день 84 % общего объема торговли России с Африкой приходится на семь государств: Египет, Алжир, Марок-

ко, ЮАР, Тунис, Нигерия и Судан), так и в результате роста поставок африканских товаров в Россию. В первую очередь речь идет о сельскохозяйственной продукции и об уникальных видах минеральных ресурсов, имеющих стратегическое значение, которые мы часто покупаем через европейских и других посредников [2].

«Весьма целесообразным представляется также сотрудничество с государствами Африки по линии Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ) — одного из флагманских проектов перспективного развития Африки на период до 2063 года. Однако в торговом и финансово-инвестиционном сотрудничестве отставание от лидеров останется в ближайшей перспективе очень значительным» [1].

Но все же, мы считаем, в наших отношениях на среднесрочную и долгосрочную перспективу *ключевым звеном*, привлекательным для африканских стран и способствующим успешному экономическому развитию России, может стать отработка двусторонних возможностей *технологического партнерства*. Это направление выступает драйвером развития взаимодействующих сторон в условиях четвертой промышленной революции и стимулом к созданию новых стратегических альянсов.

Экспорт технологий — это, во-первых, экспорт продукции, выпускаемой компаниями наукоемких отраслей. Такая продукция произведена с использованием новейших образцов техники и технологий, с участием высококвалифицированного, специально подготовленного персонала, воплощающего современные научные достижения, передовой опыт, и обладает высокой социально-экономической эффективностью. Одновременно экспорт технологий предусматривает и выдачу лицензий на производство наукоемкой продукции, локализацию производства того или иного продукта либо его отдельных компонентов, а также подготовку кадров и сотрудничество в научной сфере. Очевидно, что такая форма взаимодействия отвечает как интересам России (получает обширный рынок для экспорта продукции и через подготовку кадров усиливает свое влияние на Африканском континенте), так и интересам Африки (наращивает внутри континента производство новых товаров с высокой добавленной стоимостью и получает высококвалифицированные кадры, подготовленные российской стороной) [1].

В условиях трансформирующегося мира «спрос на российские технологии в Африке может существенно вырасти, так как Россия обладает высокими компетенциями именно в тех сферах, которые наиболее востребованы сегодня на Африканском континенте. Это аграрный сектор (включая семеноводство, животноводство, производство удобрений, переработку и хранение сельскохозяйственной продукции); медицина, включая не только производство лекарств и вакцин, но и развитие сети медицинских учреждений; цифровые технологии, транспортная и энергетическая инфраструктура, космос, строительство, водоснабжение и горнодобыча» [1].

Все эти планы рассчитаны на долгосрочную и среднесрочную перспективу. Однако сегодня нам необходимо разработать тактику взаимодействия с африканскими партнерами, которая дала бы эффективный и быстрый результат.

Большинство африканских государств сегодня занимают выжидательную позицию по отношению к России. Об этом свидетельствуют и результаты голосования в Генеральной Ассамблее ООН по американо-украинской резолюции, осуждающей военную операцию России на Украине. Из 54 африканских государств 28 проголосовали за резолюцию; 17 стран воздержались — Алжир, Ангола, Бурунди, Зимбабве, Конго, Мадагаскар, Мали, Мозамбик, Намибия, Сенегал, Судан, Танзания, Уганда, ЦАР, Экваториальная Гвинея, ЮАР, Южный Судан; 8 государств не участвовали в голосовании — Буркина-Фасо, Гвинея, Гвинея-Бисау, Камерун, Марокко, Того, Эсватини, Эфиопия. Эритрея стала единственной африканской страной, которая проголосовала против резолюции.

Почти все страны Африки не испытывают симпатии к западным партнерам, но находятся в сильной экономической зависимости от США и ЕС. В сложившейся ситуации дальнейшее развитие российско-африканских отношений будет напрямую зависеть от успеха нашей военной спецоперации на Украине. В этом случае симпатии большинства африканских государств будут на стороне Российской Федерации. Однако уже сегодня следует учитывать ряд моментов.

1. Требуется пересмотр подходов к сотрудничеству с интеграционными группировками Африки, прежде всего с Африканским союзом, в целях усиления влияния России на этой площадке. Возможно, будет целесообразно выделить взаимодействие с Африканским союзом в отдельный блок вопросов, не смешивая его с отношениями с Африканским континентом в целом.

2. Российская активность в странах Африки уже приносит свои ощутимые плоды. Страны, которым Россия оказывает экономическую поддержку, а также помощь в военно-технической сфере, продолжают сохранять заинтересованность в укреплении наших отношений. Напротив, государства, не так тесно взаимодействующие с Россией, смело высказались против ее действий. Таким образом, наращивание сотрудничества с ними в ближайшем будущем требует дополнительной оценки. Россия должна отвечать жестко и однозначно, указывая на роль СССР в обретении африканскими странами независимости и на недопустимость обвинения России в неоколониализме и империализме.

3. России стоит четко и недвусмысленно обозначить свою позицию: воздержавшиеся страны должны быть «вознаграждены» (инвестиционно, в сфере безопасности, включая продовольственную, и т. п.). С этими государствами следует начать выстраивать долгосрочное партнерство.

4. Особенного внимания заслуживает позиция Эритреи, ставшей одной из пяти стран, проголосовавших против антироссийской резолюции в Генассамблее ООН, и одной из двух, наряду с самой Россией, поддержавших нас в Совете по правам человека ООН. В ситуации, когда даже Венесуэла, старинный и верный союзник нашей страны, воздержалась, позиция Эритреи означает приглашение к широкоформатному сотрудничеству. Принимая во внимание крайне

выгодное (в том числе с военной точки зрения) расположение Эритреи, на развитие контактов с этим государством следует обратить самое пристальное внимание с учетом всех политических и имиджевых рисков.

5. В условиях жесткой конфронтации Запада с Россией именно страны Африки могут занять нишу более значимых партнеров в ближайшем будущем: так, среди 35 государств, воздержавшихся при голосовании в Генассамблее ООН по вопросу российской спецоперации, 16 представляют Африканский континент.

6. Вместе с тем страны Африки могут выступить нашими конкурентами как поставщики энергетических ресурсов, прежде всего нефти и газа, в ЕС. В этом направлении необходимо работать уже сейчас.

7. Следует уделить особое внимание выстраиванию информационного влияния России на Африканский континент с использованием как официальных российских СМИ, так и социальных сетей. Несмотря на то что в Африке достаточно велик авторитет западных СМИ, в социальных сетях простые африканцы оставляют много комментариев в поддержку России. Вероятно, текущие события воспринимаются как проявление нашей страной умения отстаивать собственные интересы, что одобрительно оценивается африканцами. В некоторых комментариях в соцсетях также содержатся упоминания о том, что Россия всегда поддерживала Африку, поэтому сейчас Африке следует поддержать Россию. Таким образом, текущие события могут способствовать укреплению положительного имиджа нашей страны в Африке.

8. Необходимо проработать риск того, что молодежь Африки будет с настороженностью относиться к обучению в России. Значительное количество новостных сюжетов посвящено проблемам, с которыми столкнулись африканские студенты на Украине, а так как в этих же сюжетах часто упоминается Россия, да и в целом территория постсоветского пространства в Африке воспринимается как нечто единое, возникающие страхи и опасения могут быть перенесены и на нашу страну.

9. Совместные с американскими и европейскими компаниями российские проекты на территории континента могут быть остановлены по решению наших партнеров. В этой ситуации, возможно, было бы правильным ориентироваться на компании из третьих стран, которые воздержались во время голосования по резолюции ООН 2 марта сего года.

10. Основным направлением нашего сотрудничества на ближайшую перспективу должно стать обеспечение продовольственной безопасности африканских государств (включая поставки зерна и другой сельскохозяйственной продукции, удобрений и т. п.). *Необходимо разъяснять нашим африканским партнерам, что именно Запад (и особенно США) виноват в перспективе возникновения голода на Африканском континенте, поскольку полностью перекрыл возможности поставок туда российской продукции, в частности продовольствия.* Особую роль приобретает также сотрудничество в медико-биологической области. Уже сегодня все африканские страны озабочены ростом цен на продовольственные товары и удобрения, а борьба с инфекционными и другими заболеваниями является одной из самых актуальных задач на континенте. В перспективе необходимо наращивать экспорт высокотехнологичной российской продукции в Африку. В ответ мы ожидаем от африканских государств неприсоединения к экономическим санкциям Запада и расширения сотрудничества с Россией по всем направлениям.

11. Следует также уделить особое внимание биологическим лабораториям Пентагона в Африке, активно раскручивая эту тематику. В 2020 году упоминалось о существовании американских биологических программ в следующих странах Африки: Гвинее, Камеруне, Кении, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Сенегале, Сьерра-Леоне, Танзании, Уганде, ЮАР [9]. Другой источник в том же году приводил такие данные: Демократическая Республика Конго, Египет, Замбия, Зимбабве, Камерун, Кения, Кот-д'Ивуар, Лесото, Либерия, Малави, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Танзания, Уганда, Эсватини, Эфиопия и ЮАР — в этих странах насчитывалось 49 биологических лабораторий [6].

12. Необходимо срочно разработать новый финансовый механизм нашего экономического сотрудничества с африканскими государствами с минимальной привязкой к доллару и евро, использованием национальных и цифровых валют, механизмов взаимозачетов и концессий.

13. Крайне важно обеспечить непрерывную серьезную оценку исследователями-профессионалами (именно специалистами по Африке, а не новоиспеченными экспертами без соответствующего опыта и знаний о континенте) экономических и политических последствий для нашей страны тех или иных решений, шагов африканских правительств и вновь открывающихся обстоятельств в связи с их экономическими возможностями и действиями (конъюнктурой). Для этого следует поддержать *целевое аналитико-консультационное направление деятельности доказавших свою высокую практическую эффективность специализированных исследовательских структур,* обеспечив их адекватной информационной, материальной и технической поддержкой.

Литература

1. *Абрамова, И. О.* Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия-Африка 2019? / И. О. Абрамова, Л. Л. Фитуни. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65, № 12. — С. 68–78.

2. Документы ТСВТ. — Текст : электронный // Федеральная таможенная служба : [сайт]. — URL: http://stat.customs.gov.ru/documents (дата обращения: 12.05.2022).

3. *Завражин, К.* Владимир Путин призвал удвоить товарооборот с Африкой / К. Завражин, К. Латухина. — Текст : электронный // Российская газета. — 2019, 24 окт. — URL: https://rg.ru/2019/10/23/vladimir-putin-prizval-udvoit-tovarooborot-s-afrikoj.html (дата обращения: 12.05.2022).

4. Международная сеть. — Текст : электронный // Российский экспортный центр : [сайт]. — URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/ (дата обращения: 26.08.2021).

5. *Фитуни, Л.* Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире / Л. Фитуни. — Текст : электронный // Национальная оборона : [сайт]. — URL: https://2009-2020.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

6. 25个国家和地区，200多个生物实验室究竟在干啥？美国请回答. —Текст : электронный // xinmin.cn : [сайт]. — URL: http://wap.xinmin.cn/content/31830499.html (дата обращения: 23.05.2022).

7. African Economic Outlook 2021. From Debt Resolution to Growth: The Road Ahead for Africa (chapter 1). — Текст : электронный // African Development Bank : [сайт]. — URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/2021/03/09/aeo_2021_-_chap1_-_en.pdf (дата обращения: 23.08.2021).

8. *Sherif, K.* Africa's key to wealth growth: produce and consume locally / K. Sherif. — Текст : электронный // The Africa Report : [сайт]. — URL: https://www.theafricareport.com/38264/africas-key-to-wealth-growth-produce-and-consume-locally/ (дата обращения: 23.05.2022).

9. 重磅揭秘丨美军全球布局生物实验室被曝光！格鲁吉亚73名志愿者"试毒"身亡. — Текст : электронный // CCTV.com : [сайт]. — URL: http://app.cctv.com/special/cportal/detail/arti/index.html?id=ArtieTEs5tQcd31aI7GQhZnZ200516&fromapp=cctvnews&version=807 (дата обращения: 23.05.2022).

Д. О. Бабич[1]

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА ЗАПАДА. ПРИЕМЫ И ПРИНЦИПЫ НАЧИНАЯ С 1991 ГОДА ДО СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

В конце 1980-х годов в мире сложилась уникальная ситуация ложных надежд и нездоровой эйфории. На фоне соглашений между советским лидером М. С. Горбачевым (именно так называла западная пресса Генерального секретаря ЦК КПСС) и американскими президентами Рональдом Рейганом и Джорджем Бушем-старшим было объявлено о конце холодной войны. Казалось, кончился период опасного противостояния, начавшийся во второй половине 1940-х годов по вине обеих сторон — сталинского СССР и пребывавших в состоянии маккартизма США. При этом американцы пользовались поддержкой опасавшихся советской экспансии Британии, Франции, возрождавшейся Западной Германии и других союзников, включая бывших врагов Японию и Италию.

Холодная война была сложным процессом, одним из негативных последствий которого стало ограничение контактов между вполне европейским по своему «генетическому коду» правопреемником Российской империи под названием Советский Союз и Западной Европой с ее заокеанским «расширением» — США. Не такая уж болезненная сегодня, в 1960–1970-е годы эта изоляция и правда выглядела очень вредной для СССР, поскольку именно тогда государства Америки, Западной Европы и Японии («Большая семерка») составляли группу промышленно развитых стран.

Тем не менее холодная война была формой поддержания равновесия в международных отношениях, позволявшей с 1945 по 1990 год (начало гражданских войн в бывшей Югославии) избегать крупных международных вооруженных конфликтов в Европе. Российский историк профессор Анатолий Уткин именно так рассматривает этот период истории, признавая его позитивные последствия. (В условиях относительного мира с 1945 по 1979 г., начало Афганской войны, в СССР происходило накопление знаний и смягчение нравов, сделавшие возможными демократизацию и создание независимой от государства плюралистической прессы в 1988–1990-х гг.)[2]

В то же время профессор Уткин отмечает, что США и их союзники в Западной Европе даже в период «медового месяца» России с Западом при позднем Горбачеве и раннем Ельцине ни на минуту не рассматривали процесс взаимного разоружения как игру по схеме «выигрывают все». С самого начала потепления советско-американских отношений в 1986 году Рейган, Буш-старший, а потом и Билл Клинтон рассматривали происходящее как выигрышный прежде всего для глобального Запада процесс, необходимой частью которого будет постепенное ослабление Москвы[3]. Просто Москве об этом на Западе было принято решение пока не сообщать — по всем правилам незнакомого советским людям рекламного рынка, где автор рекламы не несет ответственности за наивность потребителя.

Тем не менее для самих жителей СССР (а с 1991 г. — жителей бывших советских республик), а также для благонамеренной леволиберальной общественности Запада была создана рекламная версия о неком «конце истории» — выгодном для всех жителей Земли «вечном мире», в условиях которого военные конфликты исключаются в связи с постепенным переходом всего мира на единые западные ценности, которые «покорили весь мир и в обозримом будущем не будут ничем заменены»[4].

Первая статья американского политолога Фрэнсиса Фукуямы на тему конца истории была опубликована в 1989 году — «чудесном году» (Annus mirabilis, по выражению восторженных европейских комментаторов), когда один за другим пали просоветские режимы в Польше, Венгрии, Чехословакии и Болгарии. Все эти перевороты происходили бескровно, кровавым было только падение относительно независимого от СССР режима Николае Чаушеску в Румынии в конце того же 1989 года. Казалось, теория Фукуямы в общем и целом работает.

Но уже в августе 1990 года его теория дала трещину. Иракский режим Саддама Хусейна, только что вышедший из тяжелой войны с хомейнистским Ираном (1980–1988), решил компенсировать потери, понесенные в результате бесплодной попытки оккупировать нефтеносные провинции Ирана. В августе 1990 года Ирак оккупировал богатый нефтью эмират Кувейт — один из главных источников нефти Персидского залива для мировых рынков. США с января 1991 года

[1] Журналист, обозреватель агентства «РИА Новости». Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Театрализация зла в романах Набокова», «Вселенная писателя не должна ничего исключать: о романах Альбера Камю», «Набоков и „новая критика" в США», «Теория рецептивной эстетики», «Успех в журналистике — из чего он складывается и какие ловушки есть на этом пути» и др. Член Союза журналистов России.

[2] *Уткин А.* Мировая холодная война. М. : Алгоритм, 2005. С. 15.

[3] *Уткин А.* Указ. соч. С. 18.

[4] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 1991. С. 10.

начали войну с Ираком. Ее целью было вытеснение иракских войск из Кувейта и — вот это уже было новое явление! — смена режима в Ираке. В итоге война 1991 года оказалась почти бескровной для США (количество американских военнослужащих, убитых иракским оружием, было меньше количества тех солдат из антииракского контингента, которые погибли при автокатастрофах и других несчастных случаях при доставке огромного количества оружия на места боев в регионе Персидского залива).

Это создало совершенно новую ситуацию для западной военной пропаганды. Теперь не надо было успокаивать население США и других западных стран насчет собственных потерь. А насчет потерь иракской армии и гражданского населения была создана успокоительная версия: во-первых, размеры этих потерь занижались (лишь после войны были показаны разрушенные американскими бомбами дома и подземные укрытия, в которых погибли тысячи иракцев); во-вторых, утверждалось, что война ослабляет «репрессивный режим» Ирака, который в противном случае убил бы намного больше ни в чем не повинных людей.

Сам Фукуяма попытался представить войны не только в Ираке (в 1991 и 2003 гг.), но и в Сирии, Ливии и Йемене как «конфликты переходного периода» к вечному миру, но сейчас нарисованная им утопия терпит окончательный крах. Ирония истории относительно его самого заключается в том, что после переворота на Украине в 2014 году Фрэнсис Фукуяма стал подрабатывать в Киеве, выступая там как лектор для нескольких «лидерских программ» американского «Атлантического совета»[1]. В своих выступлениях Фукуяма еще в 2019–2021 годах обещал Украине мирное развитие и процветание, особенно в дни, когда ему дали прочесть платный курс лекций команде Зеленского, абсолютно не имевшей управленческого опыта, после ее победы на украинских выборах 2019 года.

Уже во время войны в Персидском заливе в 1991 году проявились главные принципы западной военной пропаганды в новых условиях. Перед тем как обратиться к главным принципам этой пропаганды, отметим необходимые «рамочные элементы», которые делают ее эффективной:

1) зона боевых действий закрывается для неконтролируемого проникновения любых независимых журналистов — западных и незападных. Все поездки осуществляются только в сопровождении американских военных или лояльных к США международных миссий — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), Евросоюза и т. д.;

2) активно работает пресс-центр, который в режиме «постоянного потока новостей» выдает выгодную Западу информацию (в первую очередь видеоматериалы), позволяющую удовлетворять постоянный «информационный голод» мировых СМИ выгодными западным войскам материалами;

3) в отношении возможных на войне неприятных неожиданностей (неожиданные потери в личном составе и технике, оставление территории, имиджевые потери в связи с жестокостью к населению противника) действуют правила «минимизации имиджевого ущерба» (damage control) пиар-служб крупных компаний.

Методы damage control и так хорошо известны всем сотрудникам пиар-служб крупных компаний: в «зону катастрофы» закрывается доступ всех «не уполномоченных командованием» лиц, заранее опровергаются наиболее негативные версии случившегося, обвиняются конкуренты (в условиях войны — «нарушающий нормы и обычаи войны» противник). Постоянно повторяется мантра, что «ситуация находится под контролем», а мирному населению не стоит ни о чем беспокоиться.

Очень скоро после 1991 года стало ясно, что выводы Фукуямы надо понимать с точностью до наоборот: вместо единой планеты — фрагментация, вместо мира — война. После войны в Персидском заливе последовали войны в бывшей Югославии (сербско-хорватская в 1991–1992 гг., боснийская в 1992–1995 гг., косовская в 1999 г.), а также в бывшем Советском Союзе (молдавская в 1992 г., гражданская война в Таджикистане в 1992 г., армяно-азербайджанский конфликт в 1991–1994 гг., ряд войн в Грузии). После краткого периода дистанцированного наблюдения за этими конфликтами в начале 1990-х Запад (прежде всего в лице США и ЕС) стал активно вмешиваться почти в каждую войну, преследуя цель — разрушение крупных государств и замена их на множество лишь формально суверенных, а на самом деле зависимых от Запада квазигосударств (были приняты меры по разрушению Югославии как самой крупной восточноевропейской федерации, ослаблению России как самого крупного «осколка» СССР, а также Ирака и Ирана как самых крупных самостоятельных стран Ближнего Востока). В отношении Китая с момента прихода к власти президента США Дональда Трампа в 2016 году стала вестись открытая экономическая война — со взаимными убытками в десятки миллиардов долларов[2].

В условиях нынешнего противостояния России с блоком НАТО и его союзниками по украинскому вопросу полезно выделить основные принципы военной пропаганды Запада, поскольку именно этими принципами руководствуются в своих действиях режим Зеленского и его западные союзники с момента начала боевых действий в Донбассе весной-летом 2014 года и особенно после начала спецоперации российских войск на Украине в феврале 2022 года. Приведем их в изложении нонконформистского издания Anti-Spiegel[3].

1. «Мы не хотим (не хотели) войны».

Anti-Spiegel так комментирует этот принцип: «Если верить западным массмедиа и политикам, они все хотят лишь мира. Но в случае с украинским конфликтом возникает следующая нестыковка: если Запад так стремится к миру, почему же он не выступает с инициативами о переговорах и компромиссе? Вместо этого западные страны, напротив, стали разрушать каналы

[1] Atlantic Council, Analytical Survey, 2021.

[2] *Owen J.* Liberal Peace, Liberal War. American Politics and International Security. Ithaca : Cornell Univ. press, 1997. P. 113–116.

[3] Nach Lehrbuch: Deutsche Medien betreiben Kriegspropaganda // Seniora.org : [сайт]. URL: https://seniora.org/politik-wirtschaft/nach-lehrbuch-deutsche-medien-betreiben-kriegspropaganda.

коммуникации с Россией, высылать в массовом порядке российских дипломатов и т. д.»[1].

2. «Всю ответственность за войну несет только противоположная сторона».

В случае украинского конфликта это, безусловно, Россия. Немецкие массмедиа, например, называют события на Украине «Putins Angrieffskrieg» или «Rußlands Angrieffskrieg» («путинская война-нападение», «война-нападение России»). Причем словосочетание «Angrieffskrieg» умышленно склеивается в одно слово, чтобы четко обозначить виноватого.

Вот как опровергает эту версию Anti-Spiegel: «Западные массмедиа прекрасно знают, что это Франция и Германия официально похоронили Минские мирные соглашения в октябре 2021 года. Просто об этом не стали слишком много говорить в западных массмедиа. Западные СМИ знают и о том, что Россия обозначила вступление Украины в НАТО как красную линию, но это никак не изменило поведение западных стран; помнят западные СМИ, что Россия с декабря 2021 года приглашает Запад на переговоры о взаимных гарантиях безопасности, включая украинский вопрос, — а Запад такие переговоры отверг. Все это западные СМИ знают. Просто своим читателям они об этом не сообщают».

3. «Лидер враждебной страны демонизируется».

Автор Anti-Spiegel иронично замечает по этому поводу, что «здесь нечего комментировать, все знают, какие репортажи „качественные медиа Запада“ делают про Путина. Они ниже стандартов самой плохой бульварной прессы».

4. «Запад защищает добро, а не частные интересы».

Быстрый приход американских нефтяных компаний в Ирак после его оккупации США в 2003 году, большие экономические интересы в Ливии у Франции (первой напавшей на эту страну в 2011 г. страны НАТО), скупка черноземов на Украине западными покупателями — все эти примеры от Anti-Spiegel говорят сами за себя.

5. «Противник умышленно совершает жестокости. Когда их совершает наша сторона, это происходит неумышленно».

Напомним, что война в Ираке началась с оказавшихся ложью сообщений об убийстве младенцев в Кувейте иракскими войсками, а события в украинской Буче были использованы для резкого наращивания поставок оружия украинскому режиму[2].

Выводы. Кратко перечисленные здесь принципы западной военной пропаганды необходимо внимательно изучать. В условиях победившей на Западе жесткой ультралиберальной идеологии эти принципы вряд ли будут поставлены под вопрос в ближайшем будущем — на это потребуются и время, и мужество.

России же надо четко указывать именно на эти приемы, а не говорить в целом о «лживом характере западных СМИ».

[1] Nach Lehrbuch: Deutsche Medien betreiben Kriegspropaganda.

[2] Ibid.

Г. М. Бирженюк[3]

СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ. ОПЫТ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Если провести даже поверхностный контент-анализ публикаций о ситуации на Украине с точки зрения частотных характеристик словесного обозначения того, что там происходит начиная с 24 февраля, то окажется, что слово «конфликт» существенно опережает остальные — политкорректные и не очень.

Причина видится не только и столько в том, что Роскомнадзор требует удалить из СМИ все материалы, где употребляется слово «война»[4]. Дело в том, что война — это не только действия одной страны против другой, но еще и юридический казус, который регламентируется нормами международного права. В соответствии с III Гаагской конвенцией 1907 года (ст. 1) «договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны»[5]. Строго говоря, как до принятия указанной конвенции, так и после введения данного акта в систему международного права объявление вой-

[3] Заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Действительный член Академии туризма. Почетный профессор Таджикского государственного института искусств им. М. Турсун-заде. Почетный профессор СПбГУП.

[4] Такого рода факты, оцениваемые как сообщение недостоверных данных о действиях Вооруженных сил РФ, ведомство зафиксировало в следующих источниках: «Новая газета», «Эхо Москвы», «Дождь», «Медиазона», The New Times, «Свободная пресса», «Крым.Реалии», «Журналист», «Лениздат», «ИноСМИ». Часть перечисленных изданий к настоящему времени либо закрыты, либо объявлены иностранными агентами. 4 марта 2022 года принят закон, который предусматривает серьезные уголовные наказания за фейки о Вооруженных силах РФ. Распространители их наказываются штрафами от 700 тыс. до 1,5 млн руб., исправительными или принудительными работами либо заключением в колонию на срок до трех лет. Если же в результате таких действий наступили «тяжкие последствия», то срок заключения может составить 10–15 лет (ст. 207.3 УК РФ).

[5] Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года (вступила в силу 26 января 1910 г.). URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hague03.asp ; https://european-court-help.ru/iii-gaagskaja-konvencija-ob-otkrytii-voennyh-dejstvij-dejstvujushhaja-ot-18-oktjabrja-1907-goda/

ны было своего рода ритуальным, по сути необязательным, элементом международных отношений.

После Второй мировой в мире не было крупных войн. Но были военная операция США во Вьетнаме (1960–1975), вторжение Вьетнама в Камбоджу 25 декабря 1978 года и свержение Пол Пота, введение советских войск («временного ограниченного контингента») в Афганистан 25 декабря 1979 года на долгие десять лет, боестолкновение между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова (1982), бомбардировка Югославии войсками НАТО, разрушение Ирака, Ливии, Сирии, 20-летняя кампания США в Афганистане, наконец, «принуждение Грузии к миру» в 2008 году силами российских войск.

В итоге: войн не было, но в боях погибли миллионы людей — военных и гражданских лиц. Здесь налицо чисто юридическая казуистика. По нормам ООН объявивший войну автоматически считается агрессором со всеми вытекающими последствиями, а осуществивший агрессию без объявления войны таковым не считается. В данном контексте понятно, почему Украина не объявляет войну России: в этом случае она, по Уставу ООН, автоматически становится агрессором, а поддерживать агрессора ни коллективный, ни индивидуальный Запад не станет. По этим причинам все, что связано с военными действиями, кампаниями, операциями и тому подобным, целесообразно называть конфликтами.

Если попытаться применить технологии конфликтологического анализа к ситуации с Украиной, то можно зафиксировать следующее.

1. Первое, с чего целесообразно начать анализ, — определение сторон конфликта. На первый взгляд, это риторический вопрос, поскольку одна страна (Россия) осуществляет специальную военную операцию в отношении другой страны (Украины). Однако 16 марта во время совещания с правительством по социально-экономической поддержке регионов Президент РФ В. В. Путин заявил, что коллективный Запад пытается уничтожить сильную суверенную Россию[1]. В этом же ключе формулирует свою позицию министр иностранных дел С. В. Лавров[2].

Иными словами, есть основания считать, что стороны конфликта — не Россия и Украина, а Россия и коллективный Запад. Возникает вопрос: чем в этом случае является Украина? Окончательный ответ на него даст история, а пока наши размышления движутся в русле предположений — от объекта, который история выбрала для эпической схватки двух цивилизаций (как в свое время Балканы, ставшие «пороховой бочкой Европы»), к запальной свече, от которой 8 июня 1914 года, когда в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, вспыхнул пожар Первой мировой войны.

2. Если рассматривать конфликт с точки зрения его формы и сфер проявления, то здесь наблюдается их большое разнообразие — от острой военной на территории Украины (а также ЛНР и ДНР) до не менее острых в экономической, финансовой, научно-технической, информационной и других областях социальной практики и международных отношений.

3. Довольно сложно определить точные пространственно-временные рамки конфликта. Вернее не рамки, поскольку он не завершен, пока лучше сосредоточиться на его истоках и начале. Скорее всего, это 2014 год, точка отсчета — референдум в Крыму и Севастополе и вхождение этих территорий на правах субъектов в состав России. Еще одна точка (или конфликтоген) — государственный переворот на Украине, произошедший в феврале 2014 года, и приход к власти оппозиции. Сразу после этого Верховная рада Украины отменила закон «Об основах государственной языковой политики», действовавший с 2012 года. Согласно закону, русский язык и языки национальных меньшинств получали статус региональных в тех местностях, где они являются родными как минимум для 10 % населения. В результате на востоке Украины, где преобладает русскоязычное население, вспыхнули протесты.

28 сентября 2017 года на Украине вступила в силу новая редакция закона «Об образовании», в котором прописано постепенное введение запрета на использование русского языка, а также языков других национальных групп в работе образовательных учреждений. Через полтора года был принят закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», также направленный на ограничение возможностей использования русского языка и языков национальных меньшинств[3].

Закон о государственном языке относится к категории наиболее чувствительных и резонансных, поскольку затрагивает интересы огромного количества людей и сфер их жизни. Языковая политика государства, будучи важной частью культурной политики, может в конфликтологическом плане рассматриваться либо как средство укрепления солидарности в стране, либо, напротив, как способ ущемления прав различных социальных и этнических групп, разжигания национальной розни и падения доверия части населения к власти. На Украине языковая политика носила откровенно националистический характер, так что у людей, по сути, не было выбора — или осваивать язык, или эмигрировать. Более сильный конфликтоген трудно придумать.

Однако один конфликтоген или их совокупность — это еще не конфликт, а только то, что объективно способствует возникновению конфликтной ситуации. Эта ситуация тщательно выстраивалась: сносились памятники, уничтожалось все, что напоминало о советском периоде в истории Украины, запрещались организации и союзы, лояльные к России, изымались книги неугодных авторов-россиян, запрещались концерты российских артистов и т. д.

4. Вопрос об объекте и предмете конфликта относится к числу наиболее дискуссионных в конфликтологической теории. В самом общем смысле предмет конфликта — то, по поводу чего спорят; противоречие,

[1] Комсомольская правда. 2022. 16 марта. URL: https://www.kp.ru/online/news/4667731.

[2] Лавров: Запад действует в ущерб интересам других стран // Российская газета. 2022. 14 апр. URL: https://rg.ru/2022/04/14/lavrov-zapad-dejstvuet-v-ushcherb-interesam-drugih-stran.html.

[3] См.: Как на Украине ограничивали использование русского языка // ТАСС. 2021. 15 июля. URL: https://tass.ru/info/11907705?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru.

из-за которого стороны вступают в противоборство; то, что не могут поделить участники конфликтного взаимодействия. Объект — движущие силы, условия, в контексте которых протекает конфликт. В некоторых случаях объект онтологизирует причины конфликта, а предмет — его повод.

Российско-украинский конфликт в этом плане выглядит весьма специфично. Украина — это одновременно и сторона конфликта (вкупе с коллективным Западом), и предмет конфликта (поскольку Украина борется с Россией за свою территорию и суверенитет), но это и объект конфликта, так как все условия сознательно были созданы украинским руководством.

В действительности же предмет конфликта намного масштабнее: это борьба со старым порядком мироустройства (однополярный мир) и попытка утвердить новый порядок (многополярный мир). Вопрос в том, приведет ли победа одной из сторон к установлению многополярного мира? То, что поляризация и взаимоотталкивание субъектов международных отношений усилятся, уже ясно на данном этапе конфликта. Что касается многополярности, то этот процесс начался практически сразу после Второй мировой войны, продолжается по сей день (его зримое воплощение — Китай, Индия, Бразилия, страны Юго-Восточной Азии) и с окончанием нынешнего конфликта не завершится. По мнению Г. Киссинджера, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка»[1].

Предмет конфликта часто связан с целями сторон, но в рассматриваемом случае эта связь пока не прослеживается. Одна сторона — Россия — обозначает свою цель как «демилитаризацию» и «денацификацию» Украины. Также в качестве задачи была названа помощь ДНР и ЛНР (выступление В. В. Путина 24 февраля 2022 г. по телевидению с объявлением о начале спецоперации). Кроме того, выступая в «Лужниках» на концерте в честь присоединения Крыма, В. В. Путин сказал, что цель российской военной операции на Украине — «избавить людей от геноцида»[2].

Спустя месяц после начала военной операции, 24 марта, официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова заявила на брифинге, что целями операции являются не только демилитаризация и денацификация Украины, но и устранение исходивших с территории этой страны угроз[3].

11 апреля в интервью телеканалу «Россия» С. В. Лавров сказал: «Наша специальная военная операция призвана положить конец безоглядному расширению и безоглядному курсу на полное доминирование США и под ними остальных западных стран на международной арене»[4].

Министр обороны РФ С. К. Шойгу презентовал цель этой же операции в аналогичном ключе: «Главное для нас — защитить Российскую Федерацию от военной угрозы, создаваемой странами Запада, которые пытаются использовать украинский народ в борьбе против нашей страны»[5].

В апреле заместитель командующего войсками Центрального военного округа Рустам Миннекаев заявил, что по итогам второго этапа спецоперации российская армия должна обеспечить сухопутный коридор в Крым, а также установить контроль над Донбассом и южными регионами Украины, что даст российским вооруженным силам еще один выход в Приднестровье, «где отмечаются факты притеснения русскоязычного населения»[6].

Это означает, что вышеназванные цели операции не исчерпываются денацификацией и демилитаризацией. Остается надеяться, что миссия армии ограничится восстановлением прав только русского населения.

Вторая сторона — Украина — свои цели пока формирует сугубо в инструментальном формате: получить финансовую и военную помощь от стран Запада, вступить (или приблизиться к вступлению) в НАТО, остановить продвижение российских войск и т. п.

Таким образом, данный конфликт весьма специфичен, поскольку стороны видят его по-разному и вошли в него с не вполне пересекающимися целями.

5. В целом же вариация целей операции вкупе с беллетризацией реальных и военных угроз со стороны Украины создает ощущение, что эта часть операции находится в процессе постоянной корректировки и уточнения. Более того, есть основания полагать, что не все задачи озвучиваются. Например, прокламируемые цели демилитаризации и денацификации Украины невозможны без достижения полного контроля над ее территорией (оккупации?) и смены ее властей. Однако официальные лица не говорят об этом вслух.

6. Последнее, что необходимо отметить в этом кратком конфликтологическом анализе: любой конфликт — явление многослойное. В нем переплетаются экономические, политические, психологические и иные мотивы. Одни выступают в качестве базовых, другие «подключаются» по мере развития конфликта. В связи с этим важно правильно диагностировать конфликт, поскольку, не выявив главную причину, невозможно ни спрогнозировать его развитие, ни тем более предложить эффективные меры по урегулированию.

Как представляется, военное противостояние России и Украины — это конфликт, в основе которого лежат социокультурные, ментальные факторы. В ментальной плоскости Украина существенно отличается от России, и разговоры о подобии и братстве двух народов мало что могут изменить в этом плане. Сама по себе Украина очень разнообразна во всех аспектах — религиозном, политическом, экономическом и др. Линии разграничения довольно четко проходят по осям «восток–запад» и «юг–север». Эти регионы различаются по этническому составу населения, доминирующим религиям, языку. Но есть и общие черты — инфантильность, небрежность, анархичность, неуважение к себе

[1] *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М. : АСТ, 2017. С. 10.

[2] Путин назвал цель военной операции на Украине // РБК. 2022. 18 марта. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/03/2022/623488529a7947de68c1e85c.

[3] Все цели военной операции на Украине будут достигнуты — МИД России // Regnum. 2022. 24 марта. URL: https://regnum.ru/news/polit/3543997.html.

[4] https://www.youtube.com/watch?v=CUN3NXmEulU.

[5] https://argumenti.ru/politics/2022/06/776302.

[6] https://news.mail.ru/card/342/#reference2.

и окружению, провинциальность, скупость, непоследовательность и т. п.[1]

В России такие качества в массовом сознании практически не встречаются. «Россия — цивилизационный экстраверт. Все ее действия направлены вовне. Украинцы — интроверты. У России более мужское начало, у Украины — более женское»[2].

Перед нами типичный ментальный конфликт, который «обогащается» факторами второго порядка: религиозными, экономическими, политическими и др. Военный конфликт между ментальностями имеет важную особенность: когда противниками являются представители разных культур и ментальностей, эта война не может быть выиграна ни одной из сторон, поскольку их культуры не пересекаются. Примеров тому немало: США при всей своей мощи так и не одолели Вьетнам; Советский Союз (а затем и США) ушли из Афганистана без победы, то же самое можно сказать о военной операции США в Ираке и т. д. Не исключено, что нынешняя военная операция на Украине быстро и однозначно не закончится.

Для такого вывода есть и другие основания. В частности, если посмотреть на данный конфликт на личностном уровне — как на конфликт двух лидеров государств, то понятно, что один из них в силу своего образования и «допрезидентского» опыта видит в данной ситуации реальные угрозы, а другой — только публику и ждет, что она будет ему внимать и аплодировать. Но беда в том, что у артиста нет своего содержания, он рефлексирующая и эмоциональная система, предназначенная для произнесения слов из той или иной роли, а когда артист озвучивает собственный текст, то лучше бы ему вообще ничего не говорить.

Это же обстоятельство осложняет переговоры. В конфликтологии есть термин «медиабельность конфликта», который означает готовность сторон к примирению на определенных взаимовыгодных условиях, способность понять друг друга, найти взаимоприемлемые решения. Это служит основой начала переговоров в конфликте и залогом его возможного разрешения. Здесь налицо неготовность как минимум одной из сторон к диалогу. Причины как ментального, так и политического характера — жесткость и статуарность позиций сторон. Пока некоторые подвижки наблюдаются в решении проблем, возникших в ходе операции (обмен пленными, гуманитарные коридоры, доставка гуманитарных грузов и т. п.). По основным же вопросам, судя по всему, идет «игра с нулевым результатом», когда один участник выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другой. В данной операции одна сторона хочет все, в то время как другая не готова поступиться ничем (опять срабатывает украинская ментальность). В реальности это вариант капитуляции, а в этом случае переговоры могут стать формальным закреплением достижений, которые произошли не за столом переговоров, а на полях сражений.

Войны давно нет, но все время где-то происходят столкновения. Войны нет, но и мира тоже нет. Есть военная операция, которая, в отличие от войны, предполагает не победу, а лишь достижение цели. Цель операции есть, но она до конца неясна, как неясно и то, состоится ли салют в честь ее достижения. Разумеется, все это не отменяет возможности конфликтологического анализа этой и подобных ситуаций. Конфликтология — наука, которая, с одной стороны, порождает вопросы, с другой — позволяет многие из них разрешить и продолжить дальнейший анализ непростой, интересной и, к сожалению, тревожной современности.

[1] https://racurs.ua/824-fenomen-ukrainskogo-mentaliteta-ili-ukraincy-i-rossiyane-siamskie-bliznecy.html ; Стражный А. Украинский менталитет: иллюзии, мифы, реальность. Киев : Книга, 2008.

[2] *Стражный А.* Указ. соч.

Н. С. Бондарь[3]

НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НЕ ВСЕ «ВЕЧНОЕ» НЕИЗМЕННО

Происходящая в современных условиях глубинная трансформация социально-правовой действительности неразрывно связана с пересмотром тех подходов и стереотипов, на основе которых еще недавно развивалась конституционная действительность, выстраивалась аксиология взаимодействия национального и наднационального. Порой происходит и отказ от этих подходов, хотя они представлялись неизменными и вечными. Современный кризис конституционализма необходимо рассматривать не в узкоюридическом плане, а как системный вызов всей правовой цивилизации.

1. Опрометчиво отказавшись в свое время от признания какой-либо идеологии в качестве «государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ), мы тем не менее не смогли уйти от борьбы идей, противостояния политико-правовых, конституционных в своей основе ценностей[4]. Сегодня эта борьба имеет тенденцию к резкому обострению, приобретая качественно новые проявления. Речь фактически

[3] Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020). Заведующий Центром судебного права, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, руководитель Научно-образовательного центра судебного конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий, учебников по конституционному, муниципальному праву, теории и практике развития правовой государственности. Член редколлегий восьми научных журналов. Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой Президента РФ, Почетной грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ и др. Победитель национальной премии по литературе в области права за монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (2018).

[4] См.: *Бондарь Н. С., Баринов Э. Э.* Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3–12.

идет о новой идеологии — воинствующей, не признающей международно-правовых норм и правил идеологии социокультурного разлома мира, «противостояния цивилизаций» (С. Хантингтон), балансирующего между войной и миром (имеются в виду новые формы войн — санкционно-экономические, информационные, гибридные и т. п.).

Соответственно мы имеем дело не только с пересмотром ценностных начал современной жизни, но и с изменением конституционно-правового смысла, понимания самих по себе фундаментальных категорий правовой аксиологии, призванных отражать «вечное», «неизменное» в стремительно меняющейся шкале оценок личности, общества, государства и окружающей их социально-правовой действительности. Более того, сама фраза «неизменные, вечные, фундаментальные конституционные идеалы и ценности в современном мире» может восприниматься как оксюморон: возможно ли говорить о «неизменности» конституционных ценностей в глобально меняющейся системе аксиологических координат современного миропорядка?

Но эти слова вполне могут (и должны) предполагать, по крайней мере, сопоставительные характеристики стабильности и динамизма получающих воплощение в конституционных нормах и институтах идеалов государственно-правового развития, принципов и высших ценностей, равно как и анализ диалектических взаимосвязей соответствующих явлений в их временном измерении. Имеется в виду не только статика, но и эволюция «вечных» конституционных начал, которые, например, в Конституции РФ отражены прежде всего в преамбуле, гл. 1 и 2. Данный тезис находит подтверждение и в зарубежном конституционализме как в связи с практикой конституционного закрепления и реализации отдельных принципов (например, принципы «секуляризма», светскости государства и т. п.[1]), так и при установлении более общих положений, которые могут рассматриваться в качестве «eternal clause» (неизменной нормы) в тексте конституции[2].

В связи с этим следует прежде всего учитывать, что конституционные идеалы могут соотноситься с характеристиками «вечных» и, стало быть, неизменных явлений лишь постольку, поскольку они в данную историческую эпоху сохраняют свою актуальность в сущностном социально-политическом контексте, а также отвечают потребностям формально-юридического, нравственно-этического воздействия на реальные отношения и не превращаются в некие пережитки прошлого, остаются значимыми для поколения современников. Но это не означает, что соответствующие явления, определяемые с помощью данных понятий, остаются неподвижными, неизменными, не претерпевают то ли внутреннего, то ли стимулированного извне (прежде всего политикой) изменения, развития[3].

В этом плане специфическое — не только формально-юридическое, но в какой-то мере и социально-политическое, социокультурное — значение приобретает учет контекста реализации, охраны, развития неизменных (фундаментальных) «вечных» конституционных идеалов, причем как на законодательном уровне, так и в правоприменении, в особенности в практике конституционного правосудия. Речь идет о том, что конституционные идеалы — это не только доктринально-гносеологическая категория: получая признание в конституции, они также приобретают свойства категории действующего права.

В то же время анализ тех или иных ценностных составляющих с точки зрения их воплощения и реализации в конституционализме предполагает необходимость самого по себе понимания места ценностей в системе современного конституционализма, а также их роли в формировании целостного представления об особенностях конституционного развития современного общества, в том числе в установлении соотношения национальных и наднациональных факторов современного конституционализма. При этом следует учитывать сущностные трансформации ценностей на различных уровнях их реализации.

2. Своеобразным политико-правовым результатом современного социокультурного, цивилизационного разлома явилось формирование «многоуровневого» (национального и наднационального) ценностного конституционализма, системные характеристики которого вызывают очевидные вопросы.

В основе этой «многоуровневости», если иметь в виду ее наднациональный этаж, лежит проблема формирования *глобального современного конституционализма*. В какой мере его утверждение является реальностью? Существуют ли сегодня предпосылки для конституционной глобальности? Если да, то что может стать ее нормативной основой? На первый взгляд, ею мог бы выступить в первую очередь Устав ООН. Но насколько сегодня это соответствует действительности с учетом полной оторванности реальной практики межгосударственных взаимодействий от заложенных в Уставе нормативных механизмов и моделей? К тому же очевидно, что ранее сложившиеся формы международного диалога, ориентированные на признанные ценности современного конституционализма, фактически утратили свое значение.

В этих условиях проблема формирования системы «многоуровневого» конституционализма связывается с возникновением во многом искусственного наднационального конституционного уровня, где определяются некие базовые ценности, провозглашаемые как универсальные. Эти ценности значительно отдалены от общепризнанных принципов и норм международного права, с одной стороны, и от норм, традиционных для современного конституционализма и национального правопорядка — с другой. Объяснением легитимности такого порядка служат идеи глобального представительства, сменяющие идею государственного суверенитета (Ю. Хабермас) с далеко идущими последствиями реализации этих «идей», в том числе с точки зрения формирования нового европейского конституционализма.

[1] См.: *Roznai Y.* Negotiating the Eternal: The Paradox of Entrenching Secularism in Constitutions // Michigan State Law Review. 2017. № 2. P. 253–332.

[2] См.: *Suteu S.* Eternity clauses in post-conflict and post-authoritarian constitution-making: Promise and limits // Global Constitutionalism. 2017. Vol. 6, № 1. P. 63–100.

[3] *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

Еще недавно в конституционном развитии государств Европейского континента проявлялись по крайней мере две во многом противоречивые, но взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, происходили процессы правовой глобализации, которая сводилась не только к сближению, взаимопроникновению, но и к конкуренции, соперничеству ведущих правовых систем современности. С другой стороны, имели место тенденции конституционно-правовой суверенизации, основанные на осознании, в том числе в системе западноевропейских демократий, необходимости защищать суверенные права, учитывать, сохранять социокультурные особенности национально-государственных конституционных систем. Сегодня же речь фактически идет о глобальном формировании не столько наднационального, но, условно говоря, *постнационального евроконституционализма*. Главным фактором его «демократической легитимности» выступают не государства с их национальными конституциями, а некое гомогенизированное политическое сообщество европейцев, преодолевших национальные таможенные режимы и государственные границы.

Подобная ситуация чревата *выхолащиванием сложившихся в рамках национальных правопорядков подходов к праву как социокультурному феномену, призванному быть равной для всех мерой свободы*. Категория равенства в системе современных ценностных ориентиров служит концентрированным выражением интегрального сочетания, «соединения» нравственного и юридического образа личности (как человека и как гражданина). В этих условиях глубокие деформации требований равенства, игнорирование социокультурных характеристик данной универсальной категории выступают главными угрозами современному правопорядку. Формы и способы проявления этих процессов многогранны, они не вписываются в единые начала, имеют предельно широкий спектр ярко выраженных национально-культурных аксиологических критериев, институционных и иных характеристик.

Особую актуальность эта тематика приобрела в современных условиях, когда отчуждение человека происходит не только от государства, но прежде всего от нравственно-этических начал правовой жизни. Вернуть человека в правовую среду, которая не сводится только лишь к формально-юридическому регулированию, — важная задача теории и практики современной юриспруденции. Гармонизация формально-юридических и нравственно-этических начал в праве и соответственно в статусных и поведенческих характеристиках правовой личности возможна и необходима прежде всего на основе Конституции.

Конституционные поправки 2020 года в этом плане существенно повысили удельный вес, концентрацию морально-этических начал конституционных норм, в том числе тех, которые относятся к антропологическим характеристикам субъектов конституционно-правовых отношений. Действующая система этико-правовых начал обновленной Конституции позволяет оценивать поступки граждан, действия органов публичной власти, в том числе с позиций греховности, добра и зла, справедливости и несправедливости, честности и долга, то есть этико-правовых понятий и стандартов.

В этих условиях появляются основания для выделения в качестве относительно самостоятельного доктринального и практико-юрисдикционного направления *конституционной антропологии.* Это предполагает признание того, что глубинные основы духа Конституции и конституционной модели взаимоотношений человека с обществом и государством сосредоточены в правовых, нравственно-этических характеристиках самого человека, придающих ему качества юридической личности. В концентрированном виде эти антропологические характеристики могут быть представлены посредством категорий, во-первых, *равенства*, во-вторых, *справедливости*, в-третьих, *достоинства личности*. Представляется обоснованным рассмотрение этих категорий как своего рода *«этико-правового триединства»* юридической личности, что в принципиальном плане отражает многообразие аксиологических характеристик субъектов социально-правовой жизни с точки зрения их социокультурных и формально-юридических, светских и библейско-философских, нравственно-этических и конституционно-правовых ценностных начал.

Поэтому при определении регулятивно-правоохранительного потенциала конституционного равенства необходимо учитывать по крайней мере три органически взаимосвязанных начала его нормативности: *во-первых*, требование равенства индивида как человека (своего рода биологическая нормативность, данная человеку от рождения, «равенство перед Богом»); *во-вторых*, равенство индивида как личности (социокультурная, нравственно-этическая нормативность требований равенства перед обществом); *в-третьих*, равенство индивида как гражданина (формально-юридическая нормативность равенства перед государством, законом, судом). В таком «триединстве» покоятся глубинные, своего рода сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические начала конституционного регулирования положения личности в обществе и государстве, что находит подтверждение в конкретном содержании отдельных конституций.

Так, например, для арабских стран не характерно восприятие либеральной трактовки формально юридического равенства в отношении мужчин и женщин; собственно равенство воспринимается с учетом положений государственной религии в его интерпретации исламским правом. В Индии предусмотренный на конституционном уровне принцип равенства фактически действует в ситуации закрепленного на уровне социальной нормы варно-кастового строя, индуистского закона дхармы, предполагающего следование своему пути и нестремление к существенному изменению собственного социального положения. Для Европы также характерны свои особенности: конституционное отношение к абортам и праву на жизнь в Польше; ссылка на конституционную идентичность в вопросе оценки конституционности поправок к конституции Венгрии 2016 года. И это не говоря уже о закреплении более чем в полусотне государств мира так называемого консти-

туционно-сексуального равенства, равенства однополых браков, в основе чего лежит, естественно, не политико-идеологическая борьба, а социокультурное противостояние.

В концентрированном варианте это можно оценить как проявления глубинных процессов изменения, деформации социокультурных начал в современном конституционализме, когда, с одной стороны, в отдельных регионах мира, особенно в странах мусульманского фундаментализма, имеет место клерикализация права, а с другой — в западных демократиях происходят процессы секуляризации права, лишения его нравственно-этических начал.

При этом проблема формирования наднационального конституционализма на основе гомогенного европейского общества таит в себе серьезный политический парадокс. Фактически, как отмечают те же Ю. Хабермас, З. Бжезинский и другие, основным фундаментом для подобного сплочения единой европейской нации являются транснациональные СМИ, неправительственные организации (активно участвующие в распространении новых глобальных «ценностей»), массовые политические движения (фем-активизм, движение «зеленых», BLM и др.). Между тем становится очевидно, что транслируемые данными структурами ценности фактически формируются не в рамках самого по себе сложносоставного европейского общественного пространства путем диалога и поиска компромисса, а через создание «правильной» информационной повестки, «новых» правовых ценностей. В этой ситуации поддержание национального фундамента правовой системы представляется ключом к сохранению суверенной государственности, отражающей прежде всего интересы проживающего на территории страны народа. Именно по этой причине все чаще национальные конституционные суды обращаются к идее конституционной идентичности, а законодатели формируют на конституционном и отраслевом законодательных уровнях адекватные механизмы, препятствующие бесконтрольному проникновению новых «универсальных» ценностей в национальные правопорядки.

В настоящее время, таким образом, система базовых представлений о возможных моделях ценностного конституционализма претерпевает серьезную трансформацию. Глобализация мирового порядка, в том числе юридического, создает определенные угрозы для национальных государств, основанных на праве как культурном феномене конкретного народа. При таком раскладе формирование некоего «универсального» конституционализма без учета национальных особенностей следует воспринимать как своего рода разновидность принудительной культурной (в том числе правовой) ассимиляции, которая в настоящее время все еще рассматривается в рамках международного правопорядка. Это актуализирует проблему соотношения национального и наднационального в ценностной системе конституционализма в нынешних условиях.

3. Анализ соотношения национального и наднационального в нынешних его проявлениях (применительно к России, в том числе и с учетом содержания конституционной реформы 2020 г., ее влияния не только на внутригосударственные, но и на международные проблемы) предполагает, что необходимо уяснить сущность новых подходов к этому соотношению, к взаимодействию международного и внутригосударственного права.

Изменения реальных международных отношений, государственной политики, направленной на те или иные международные институты, ранее сложившиеся и претерпевающие трансформацию (прежде всего политическую) наднациональные юрисдикционные органы не исключают того, что общепризнанные принципы и нормы международного права в конечном счете предопределяют важные характеристики реального состояния современного правопорядка, национальных правовых систем, тенденций их развития. Это в полной мере касается и Российской Федерации. Полисистемное, многоаспектное включение международного права в отечественное конституционное регулирование позволило не только сформировать на доктринальном уровне в качестве фундаментальной идею национального и наднационального измерения правоотношений, их соотношения в национальной системе конституционных координат с учетом взаимосвязи внутригосударственного и международного права. Также оно дало возможность во многом реализовать эти подходы — при всей сложности и неблагоприятных аспектах современной внешнеполитической ситуации — в сложившейся системе правопорядка.

Конституционная реформа 2020 года[1] содействовала переоценке вопросов соотношения национального и международного права и стала в данной части закономерной реакцией на участившиеся коллизии между актами международного права, в особенности решениями ЕСПЧ как органа наднациональной юрисдикции, и конституционными правоположениями. Однако следует признать, что эта реформа явилась не единственным и тем более не побудительным фактором серьезной трансформации подходов к решению данных вопросов. Кризисные тенденции геополитического развития, не имеющие формально-юридического эквивалента, тем не менее самым непосредственным образом влияют на правовую жизнь в ее национальном и международном проявлениях, предопределяют потребность в серьезном переосмыслении международных правоотношений с точки зрения возможностей, условий, пределов их влияния на юрисдикционные и иные характеристики национального правопорядка. Заметное значение имеют в этом плане — хотя и преувеличивать нет оснований — выход России из Совета Европы[2], денонсация соответствующих обязательств, в том числе по Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

[1] Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 14.06.2022).

[2] Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1804379 (дата обращения: 14.06.2022).

Тем не менее такие обстоятельства, хотя и создают собственный контекст осмысления проблемы соотношения национального и международного права, не опровергают сложившихся на основе оценки национального правового механизма представлений об общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации как составной части ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), если говорить об их фундаментальном политическом и нормативно-правовом значении в системе внутригосударственных правоотношений. Соответствующие конституционные положения составляют имеющие приоритетное нормативно-правовое значение основы конституционного строя Российской Федерации (ст. 16 Конституции РФ). Они первично определяют природу и юридические последствия проникновения наднациональных, в том числе европейских, правовых стандартов современного конституционализма в пространство российской правовой системы, обеспечивают их взаимодействие с национальными конституционными и иными правовыми требованиями, открывают дополнительные возможности для реализации и защиты национальных конституционных ценностей.

Этим назначением соответствующих конституционных положений не только не ставится под сомнение высшая юридическая сила, приоритет Конституции РФ в системе правопорядка, основанного на взаимодействии его национальных и наднациональных начал, но и, по сути, подчеркивается, что и *в вопросах, связанных с местом и ролью международного права в современном национальном правопорядке, Конституция выполняет функцию учредительного акта*. Между тем при всем многообразии и глубине имеющих место в отечественном правоведении подходов к анализу соотношения Конституции РФ и норм международного права, в том числе с учетом поправки к ст. 79, учредительные свойства Конституции, к сожалению, не вполне учитываются, не исследуются в международно-правовом аспекте. Без этого, однако, трудно дать убедительную (конституционно-правовую) аргументацию безусловного приоритета ценностных ориентиров Основного закона перед нормами международного права.

Принятие в 2020 году поправок о приоритете Конституции РФ было объективно обусловлено потребностью укрепить конституционно-правовую основу последовательной реализации положений наднационального правового регулирования. Также сыграли роль актуализация укрепления государственного суверенитета и получившие развитие конституционно-правовые оценки национальной идентичности, акцент на усиление роли Конституции в иерархии источников права, незыблемость ее верховенства как учредительного документа, обладающего высшей юридической силой.

Соответствующие позиции о верховенстве Конституции РФ как условии выполнения международных обязательств в национальной правовой системе последовательно обосновывались Конституционным Судом РФ на основе буквы и духа Конституции. Причем это было предопределено не просто вниманием к возникавшим в практике КС РФ конкретным ситуациям коллизий различного уровня правовых юрисдикций (имеются в виду прежде всего решения ЕСПЧ) и существующего конституционного регулирования, а соотношением фундаментальных аксиологических начал Конституции и норм международного права.

Во-первых, в решениях КС РФ — уже на начальных этапах его деятельности — получили всестороннее обоснование аксиологические характеристики самих основополагающих черт Конституции, включая ценность ее учредительных свойств. Это, в частности, означает, что исключительно Основной закон является конституирующим актом в отношении всей правовой системы государства. Речь идет как о внутренних характеристиках этой системы (в частности, ее федеративной природе), так и о внешних, связанных с установлением самой Конституцией возможностей и пределов действия международных договоров Российской Федерации, а также норм международного права как составной части национальной правовой системы[1].

Во-вторых, в решениях КС РФ подчеркивалась необходимость обеспечения конституционности международно-правовых положений при вступлении их в силу для Российской Федерации и для последующего применения (например, Постановление КС РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П).

В-третьих, Конституционный Суд указал на конституционную возможность исполнения решений межгосударственных органов при условии их соответствия общепризнанным принципам международного права, определяющим общепризнанные права и свободы и составляющим конституционный статус личности (Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П).

В-четвертых, КС РФ обратил внимание на важность сбалансированного подхода к правовым оценкам возникающих коллизий национальных и наднациональных правовых стандартов, исключающего ориентацию на субординацию в отношении различных правовых систем. Взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия (Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П). При этом весьма значимой является правовая позиция КС РФ, сформулированная в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П: решения наднациональных юрисдикционных органов ни в коей мере не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и подлежат реализации только при условии признания именно ее высшей юридической силы.

Утверждение приоритета верховенства Конституции РФ в отношении взаимосвязи национального и международного права является следствием и закономерным итогом возвращения к суверенитету российской государственности и основанной на этом трансформации правопорядка в современных условиях развития государства и общества. При этом конституционные изменения не умаляют роль и значение международного права (межгосударственного регулирования), обеспеченные действием ч. 4 ст. 15 Консти-

туции РФ. Скорее, они служат развитием, конкретизацией модели имплементации наднациональных правовых стандартов, что также отвечает подходу, согласно которому выбор соотношения между национальной и международной системами является суверенным для каждого государства.

Очевидно, что конституционно-правовые изменения ст. 79 Конституции РФ, дополненной положением о конституционной возможности неисполнения решения межгосударственного органа, содержащего «коллизионное» толкование международного договора по отношению к Конституции, необходимо рассматривать в общем контексте и во взаимосвязи с положениями ст. 15 Конституции РФ. Следует признать эти изменения эволюционным отражением правовой действительности, ориентированным на усиление защиты конституционных ценностей и национального правопорядка. При этом приоритетное действие Конституции, как это теперь прямо предусмотрено ее поправкой 2020 года, реализуется в прочной связи с осуществлением конституционно-судебной юрисдикции (п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ). В связи с этим актуальной представляется *постановка вопроса о судебной аксиологии* как инструментальном средстве разрешения коллизий между нормами национального и международного права, что особенно актуально в современных условиях геополитического кризиса.

И. И. Бузовский[2]

ТЕКТОНИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ (БЕЛОРУССКИЙ ИЗЛОМ)

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.

С. Есенин. Письмо к женщине

Известные строки Сергея Есенина особенно актуальны в отношении анализа и оценки современных общественных процессов. Политика глобализации, формирующая определенные вызовы и угрозы последних лет как в Республике Беларусь, так и на мировой арене, диктует необходимость соответствующего мышления и подобающей высоты рассмотрения, позволяющей увидеть процессы, события целиком, а не в отдельных проявлениях, переведя адекватность восприятия в плоскость ситуативного мышления, аффективной деятельности, эмоционального пацифизма.

Еще несколько лет назад — *видимо, только больное воображение могло представить такое в год празднования 75-летия Великой Победы* — в стране, потерявшей каждого третьего в страшнейших испытаниях Великой Отечественной войны, получившей возможность воспитывать поколения, не знавшие сражений, обрести независимость, найдутся механизмы, способные без вооруженного вмешательства перевернуть сознание, казалось бы, совершенно адекватной части населения и толкнуть его на путь саморазрушения, а символом мнимой свободы сделать флаг, который как минимум вызывает исторические споры, ассоциируется с коллаборационизмом на белорусской земле во время кровопролитной войны. Только нездоровая фантазия могла увидеть, как наследники Великой Победы накрывают этим флагом стелу «Минск — город-герой» — своими руками, без принуждения, более того — с фанатичным энтузиазмом. В итоге, как в большом эксперименте, мы наблюдали практическое воплощение теоретических технологий манипуляции общественным сознанием и поведенческими установками, осуществленное за короткий промежуток времени, но с масштабной предварительной подготовкой, и сегодня можем констатировать: работает! Беспрецедентная PR-кампания, митинги, подобные концертам, с выступлениями лидеров, обращающихся к разным целевым аудиториям, внедрение символики, например белых лент… Ничего подобного в России не реализовывалось, а в Беларуси — тем более. «Мирные протесты» моментально трансформировались в уличные беспорядки, и люди своими действиями транслировали готовность отказаться от благополучия, мира, истории страны с консолидированной установкой: «Мы за все хорошее и против всего плохого».

Беларусь стала одним из полигонов для отработки и реализации особо тонких стратегий, которые нам еще предстоит осмыслить, чтобы понять весь комплекс проблем и мировых общественных процессов, осознать недооценку работы со смыслами, ценностями, культурной составляющей, мощь накопленного разрушительного инструментария и ресурсов, глобальность вопросов общественного развития.

Цветные революции, социальные потрясения, вооруженные конфликты, мировые войны, разрушение

[1] См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П ; от 21 января 2010 г. № 1-П ; от 26 февраля 2010 г. № 4-П ; от 19 июля 2011 г. № 17-П и др.

[2] Заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), эксперт Аналитического центра «ЕсооМ», кандидат социологических наук. Занимал руководящие должности в Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Был вторым, затем первым секретарем Центрального комитета Белорусского республиканского союза молодежи. Работал в главном идеологическом управлении Администрации Президента Республики Беларусь. Был заместителем главы Администрации Президента. Возглавлял администрацию Центрального района Минска. Был заместителем председателя Постоянной комиссии по образованию, науке, культуре и социальному развитию Совета Республики Национального собрания. Член Национальной комиссии по правам ребенка. Награжден орденом Почета.

стран, империй и тому подобное — это лишь проявления великого цивилизационного противостояния, свидетелями и участниками которого мы стали. *Цель этого противостояния — духовная сфера, и мы сейчас наблюдаем ее тектонические сдвиги*. За общими понятиями, за их подменой, как в мутной воде, выстраиваются на бессознательном уровне кодовые системы.

Смута в понятиях, терминологиях, их подмена приводят к смуте в народе. Такие структурообразующие категории нашего общества, как демократия, права человека, свобода слова, гражданское общество, цели устойчивого развития, зеленая экономика, децентрализация, гендерное равенство, качественное образование и тому подобные стали обыденными для восприятия, считаются само собой разумеющимися при принятии управленческих решений на государственном уровне. При этом необходимо констатировать, что хотя мы находимся на марше переустройства всех сфер жизнедеятельности в соответствии с указанными целями, так называемыми точками общественного роста, консенсус, единое понимание всех категорий преобразования и одинаковое отношение к ним в социуме отсутствуют. Постулируемые общественные приоритеты транслируются под девизом «Делайте, как мы, и жить будете, как мы» без права на реальное обсуждение, без малейшего стремления согласовать их с культурными, духовными, нравственными и, конечно, экономическими национальными интересами. Как следствие, у индивидуумов и в обществе в целом они вызывают, с одной стороны, уверенность, так как отражают мировую практику успешности, подкрепленную масштабным информационным и PR-сопровождением, а с другой — ценностный диссонанс, состояние социальной энтропии.

При таком подходе объяснимы те ценностные противоречия по отношению к рыночным процессам, которые отмечались социологами в преддверии президентских выборов в Беларуси 2020 года и в сопутствовавших им попытках демонтажа власти. Так, подавляющее большинство людей считали, что государство должно давать возможность зарабатывать гражданам самостоятельно, и в то же время отмечали, что оно обязано обеспечивать льготы и пособия. С одной стороны, транслировалась приверженность рыночным тенденциям, а с другой — притязания на социальные гарантии.

Смута — социальная болезнь, при которой заболеванию подвергается не тело, а сознание общества. *Необходимы четкое представление об интегрированных в нашу жизнь ценностях, их общественное принятие*, осознание того, что за заимствованными ценностями стоит «дерево целей», а также понимание того, отвечают ли они нашим базовым интересам.

Как отмечал В. С. Степин, ценности и цели всегда взаимосвязаны, но ценности определяют «дерево целей». Цель отвечает на вопрос: «Что?», а ценность на вопрос: «Для чего?» [8, с. 41].

Истинные истоки смуты кроются в духовно-нравственной сфере. В области, которая консолидирует, роднит людей, сплачивает их в единый народ в противовес процессу, характеризуемому социологами как «атомизация общества», при котором разрушаются социальные узы, действует принцип «Я и вокруг меня», личные интересы главенствуют над коллективными.

В случае перевеса ценностных приоритетов на сторону материального, включая ситуации с естественными и искусственными экономическими трудностями, большинство членов общества теряют масштаб ви́дения, утрачивают способность адекватно оценивать ситуацию, персонифицируют ее исходя из ситуативных раздражителей. Деструктивные процессы и смута в общественном сознании обеспечиваются за счет ухудшения экономической ситуации, а далее констатируются *планомерное повышение социальной тревожности и рост значимости ценностных приоритетов личностного характера в ущерб общенациональным*.

Целостность личности обусловливается тем, что она ориентирована на определенную систему ценностей, существующую в структуре личности и выступающую центром, который формирует жизненную направленность поведения, развития. *Ценностная установка функционирует на основе избирательного отношения к материальному и духовному* [3].

Лучше всего охарактеризовать личность позволяет понятие «ценностная ориентация личности». Ценностная ориентация — это «особое субъективное, индивидуализированное и мотивированное отражение в психике и сознании человека, социальной группы ценностей общества на конкретном этапе исторического развития» [5, с. 366]. Ценностные ориентации выступают допустимым пределом возможностей поведения. *Понятие ценностной ориентации отражает важность культурных ценностей, четкость и направленность* всевозможных видов духовной и практической деятельности, социальных поведенческих установок [3]. Ценностные ориентации формируют в общественном и личностном развитии систему координат: что такое хорошо и что такое плохо. Консолидированная с помощью различных духовных, нравственных, эстетических средств, эта система становится важнейшим источником, механизмом создания разнообразных моделей поведения и осознания чувства социальной идентичности — одного из ключевых факторов, определяющих общественное поведение.

На современном этапе необходимо констатировать если не полное *разрушение управленческих механизмов регулирования социальных поведенческих установок*, то его гипертрофированное изменение, произошедшее в силу системных глобальных вызовов.

Утрата основополагающих функций религии и ее фундаментального влияния на формирование в обществе идеалов, жизненных смыслов, замещение их идеологизированными ценностями в определенный исторический период позволили обеспечить работу регулятивного механизма. На современном этапе развития, когда и религия потеряла свои системообразующие позиции в формировании ценностно-мировоззренческого поля для большей части общества, и политическая идеологизация этого поля стала оспариваться и даже порицаться, *произошла дезориентация, повлекшая тяжелые социальные, общественно-политические, эко-*

номические последствия, которые определили потребность заимствования якобы эффективных международных практик.

Наряду с этим современность характеризуется сжатием исторического времени: одно поколение переживает количество эпох, которое ранее отводилось нескольким с соответствующей возможностью культурной адаптации, формирования ценностного восприятия, утверждения жизненных смыслов.

Трансформация современного постиндустриального (информационного) общества, наряду со значительными научно-техническими достижениями, вызвала необходимость выстраивать новые подходы к мировосприятию. Последствия данной общественной трансформации побуждают к переосмыслению ценностных установок, что вызывает потерю ценностных ориентаций, конфликт общественных и личностно значимых форм организации жизнедеятельности. В структуре ценностных ориентаций уменьшается внешняя демонстрация приверженности тем или иным духовным приоритетам, доминирующая индивидуалистическая ориентация содействует выработке в сознании устойчивых материальных наклонностей и приоритетов коллективного признания. Рожденным в аграрном обществе людям пришлось работать в индустриальный период и трансформировать свой ценностный мир в постиндустриальное время, цифровую эпоху. Это неизбежно вызывает стрессовое состояние, усиливает деструктивные общественные процессы, которые характеризуются неспособностью согласовывать происходящее с традиционно транслируемыми и воспринятыми ранее ценностями.

Экспансия техногенной цивилизации бросает вызов культуре как самобытной ценностно-нормативной системе, упорядочивающей жизнь общества, — она разрушает основание личностной идентичности, переводит мир от системы локальных культур к становлению «глобальной культуры» [4, с. 127].

Вызовы времени диктуют необходимость меняться в течение жизни, постоянно оказываясь в незнакомом мире. *Стремление заполнить брешь в системе ценностных координат породило в том числе изменения и в базовых ценностях.* Так, по результатам мониторинга общественно-политической и экономической ситуации в Республике Беларусь, проводившегося Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в период с 2010 по 2018 год, наблюдался рост значимости такой важной ценности, как «семья». Претерпело изменение отношение к ценности «религия»: ее весомость повысилась, что свидетельствует о стремлении вернуться к традиционным ценностям в период разрушения идеологических постулатов.

Также, согласно актуальным данным, полученным Белорусским институтом стратегических исследований в 2020–2021 годах в ходе цикла социологических опросов, отмечалось, что для современного белорусского общества характерно доминирование базовых ценностей (семья, здоровье, работа и др.), цельность и преемственность исторической памяти, сочетание патерналистских установок с ценностями индивидуализма и самореализации, преобладание территориальной идентичности (самоидентификации) над этнической, религиозной и политической. В качестве периферических ценностей выступают суверенитет и независимость белорусского государства, обеспечение и реализация социальных гарантий граждан, отмечается ярко выраженный социальный запрос на качественную коммуникацию между властью и населением [1].

Казалось бы, результаты исследования достаточно позитивны, так как в приоритете семья, здоровье, работа. Однако в случае рассмотрения ценностных приоритетов с точки зрения их адекватности задачам формирования социально ответственной, патриотически ориентированной личности возникает закономерный вопрос: разве не следует акцентировать внимание на воспитании не эгоцентричной личности, пусть даже с определенными позитивными качествами, а человека, интегрированного в социум, со здоровым общественным, духовно-нравственным сознанием, гражданской ответственностью?

Данный подход к рассмотрению базовых ценностей четко определяется государствами с национально ориентированной идеологией. Правительство Китайской Народной Республики, отражая мысли древних мудрецов, в концепцию основных ценностей социализма наряду с такими понятиями, как могущество, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, стратегически заложило ценности правопорядка, патриотизма, любви к своей работе, честности и дружелюбия [7, с. 251]. При этом указывается, что концепция основных ценностей — это и есть своего рода нравственность, как отдельно взятого человека, так и страны, общества. Без этого государство не может процветать, а человек не способен добиться успеха. Если у нации нет общей концепции основных ценностей, нет единого мнения и норм поведения, тогда эта нация не может двигаться вперед. Подчеркивается также, что такие случаи — не редкость [7, с. 234].

Развивая данные идеи, стоит сказать о том, что «интерес общества и его интеллектуальной элиты к поиску национальной идеи возникает в ситуации кризиса самосознания. При этом гиперболизация национальной идеи выступает компенсаторным механизмом, позволяющим избавиться от чувства национальной неполноценности, обрести национально-культурную идентичность <…> в условиях цивилизационных вызовов» [4, с. 369].

Особую актуальность организация работы с ценностной сферой приобретает в условиях современных глобальных вызовов, связанных с международным давлением противоборствующих систем, попытками критического осмысления исторического прошлого с посылом на разрушение прежних ценностей и мировоззрения, сопровождаемым одним простым объяснением: «дальше так жить нельзя, необходимо развиваться как цивилизованный мир». С учетом того, что после распада СССР либеральная идеология свободно распространялась в общественном сознании как прогрессивная с сопутствующей пропиткой западными ценностями всего постсоветского пространства, сложилось жесткое *разграничение между поборниками рыночных*

неолиберальных реформ и приверженцами традиционалистских, патерналистских принципов. Данные направления различаются идейным, духовно-нравственным, социально-экономическим содержанием, предполагают разные концепции общественного устройства, представления о ценностном фундаменте, на котором оно должно базироваться.

Особенностью современного периода существования социума является трансформация его политических, социально-экономических, духовно-нравственных, культурных сфер. Этот процесс обостряется в государствах, находящихся на переходных этапах развития.

Именно разложение коллективного сознания, утрата способности рассуждать, генерировать смыслы жизни, стратегии развития общества приводят к его развалу, а не экономические причины в чистом виде. Советский Союз распался не из-за экономических проблем, а из-за разрушения идеалов, стратегии развития. Недооценка роли идей, увлеченность ситуативным описательным форматом работы ведет как минимум к пробуксовке в движении к поставленным целям, а в худшем случае — к стремительным разрушительным процессам, которые мы наблюдали и продолжаем наблюдать на постсоветском пространстве.

Концептуальная основа подходов к решению проблем безопасного развития общества подвержена изменениям в ходе истории. Часто даже в одном временно́м промежутке она не была универсальной для различных социальных и экономических образований. Тем не менее внимание к данной проблеме постоянно растет, увеличивается количество ресурсов, направляемых на ее решение, развиваются страновые подходы к пониманию и реализации мер безопасности. Вместе с тем нужно отметить, что развитие теоретических представлений в данной сфере заметно отстает от практических потребностей — это затрудняет определение общих закономерностей возникновения основных источников опасных явлений, алгоритмизацию динамики процессов, обеспечение единообразных подходов к оценке уровней безопасности, оптимизацию мер по предупреждению различных угроз и т. д. [2, с. 308].

Генезис социальных поведенческих, ценностных установок носит амбивалентный характер. Установки предполагают влияние на поведение человека как в его биологическом, так и в социальном аспекте. Они могут быть наследственными и приобретенными, неосознанными и осознанными, индивидуальными и групповыми. Особенность формирования социальных поведенческих установок выражается в том, что и биологическая, и социальная их составляющие детерминированы влиянием внешней среды, сферы существования и жизнедеятельности социальных субъектов.

Соответственно формирование социальных поведенческих установок включает совокупность объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся уровень социально-экономического развития и благосостояния общества, уровень экспектаций (социальных ожиданий) взаимодействующих субъектов, наличие целеполагания в развитии социальных систем. Субъективные факторы включают убеждения, нормы, ценности, коллективные представления, различные модели идентичности (социокультурной, религиозной, гражданской и др.).

В условиях глобальной информатизации и цифровой трансформации общества в отдельную категорию факторов следует выделить коммуникативные основания формирования социальных поведенческих, ценностных установок. К коммуникативным основаниям относятся СМИ, сетевые технологии интернет-среды и иные инструменты систем массовой коммуникации. Информационное воздействие со стороны СМИ на формирование ценностных установок личности может быть как благоприятным, так и неблагоприятным, следствием чего может стать разрушение (частичное либо полное) системы координат в ценностном, мировоззренческом поле.

В силу утраты прежнего действия религии, политических режимов на ценностные и мировоззренческие установки особую роль начинают играть информационно-культурные механизмы, СМИ, медиакоммуникации: их сверхвлияние оспаривать уже нельзя. Они обретают в управленческом механизме значение вектора, который задает принципы понимания и нормы поведения в обществе. Социум начинает формироваться через СМИ, через медиакоммуникации.

Глобальная медиасреда сегодня пропитывает своим влиянием все без исключения социальные институты, духовно-нравственную сферу, культуру — все, что интегрирует личность в общественные процессы. Посредством широкого инструментария печатных, электронных медиа, блогосферы, мессенджеров, соцсетей — всего огромного комплекса современных информационных ресурсов — оказывается влияние на суждения, оценки, нравственное, эстетическое, идеологическое состояния общества.

Мир стремительно входит в цифровой век, информационно-коммуникационные технологии опережают общественное развитие, информация становится стратегическим ресурсом.

Так, в начале 2022 года число пользователей Интернета на планете выросло до 4,95 млрд — это 62,5 % от общей численности населения. В январе 2022 года в мире насчитывалось 4,62 млрд пользователей социальных сетей, что составляло 58,4 % от общей численности жителей Земли [9].

Согласно исследованию Google Books, за всю историю человечества было издано около 150 млн авторов, работы которых, в том числе научные, прочитали около 300 млн человек. За последние 30–40 лет количество авторов выросло до 3,5–4 млрд. Эти люди способны транслировать свои мысли неограниченному кругу читателей и зрителей, вне зависимости от места их проживания. Читатели, в свою очередь, могут оставлять комментарии, писать сообщения на форумах — «беседовать» с авторами в реальном времени. От субъект-объектных отношений автора и читателя массмедиа перешли к отношениям «субъект–субъект», что формирует новое восприятие текста как источника информации.

Более 85 % жителей Беларуси пользуются Интернетом. Современной белорусской аудитории доступны различные медиа и платформы (интернет-телевидение и радио, онлайн-версии газет, мобильные при-

ложения, сайты СМИ, социальные сети, мессенджеры и др.) [6]. Однако традиционные СМИ (радио, телевидение, печатная пресса) остаются важнейшим источником информации для людей в возрасте 45 лет и старше. К традиционным СМИ обращаются в первую очередь за аналитикой, комментариями и разъяснениями. Как источник оперативной информации они давно уступили место интернет-ресурсам.

«Медийное поле Республики Беларусь насыщенное и разнообразное» [6]. На 1 января 2022 года в стране зарегистрировано 1680 печатных СМИ, из которых 428 — государственные; 261 телерадиовещательное СМИ, из которых 180 — государственные; 7 информационных агентств (2 государственных), а также 38 сетевых изданий, имеющих только интернет-формат (31 государственное). Таким образом, государственные СМИ составляют около трети всех средств массовой информации, зарегистрированных в стране.

«Наиболее популярными мессенджерами у белорусов являются Viber — 87 %, Telegram — 56 %, WhatsApp — 46 %, Skype — 22 %; социальными сетями: „ВКонтакте“ — 3,8 млн пользователей, Instagram — 3,2 млн пользователей, „Одноклассники“ — 2,8 млн пользователей, Facebook — 750 тыс. пользователей» [6].

По результатам исследования, проведенного по заказу Министерства информации Республики Беларусь в 2021 году компанией «МедиаИзмеритель», граждане Беларуси чаще всего обращаются к таким источникам информации, как интернет-сайты и телевидение (58,2 и 45 % соответственно). Мессенджеры используют 10,8 %, социальные сети — 23,8 %.

Реальностью современного информационного пространства стало понятие «постправда», которое точно отражает тенденцию развития информационного влияния. Масштабное фейковое воздействие, ориентированное на переключение сознания на эмоциональные переживания, отвлечение от реальной ситуации с подталкиванием к конкретным заранее спланированным антигосударственным целям — вот стратегия деструктивных сил в интернет-пространстве, их вызов обществу.

Только в 2021 году было заблокировано 2358 интернет-ресурсов, более 500 из них — за распространение экстремистских материалов. Это практически показатель шести лет предыдущей работы Министерства информации Республики Беларусь. По состоянию на 1 января 2022 года, ограничен доступ к 5023 информационным ресурсам и частям информационных ресурсов. На 1519 ресурсах размещалась информация о реализации наркотических средств, на 1195 — ненадлежащая реклама, на 993 — экстремистские материалы, на 86 — информация, которая может нанести вред национальным интересам, на 22 — пропаганда порнографии, насилия и жестокости, на 6 — табуированная лексика, на 10 — информация от имени незарегистрированных организаций, на 2 — информация об изготовлении взрывчатых веществ, на 1187 — азартные игры. Три ресурса не выполнили требования Мининформа.

На сегодняшний день мы вынуждены признать, что Республика Беларусь столкнулась с угрозами, порожденными идеологическими рисками и вызовами национальной безопасности. Такая ситуация подрывает психологическую и духовную обстановку в стране, разрушает общественное сознание, что актуализирует вопрос о принятии эффективных мер для укрепления традиционных ценностей белорусского народа, рассматриваемых с позиции национальных интересов Республики Беларусь.

Главный способ формирования здорового целеполагания — это «эффективная организация коммуникаций понятий в области сознания: идеалов, жизненных смыслов, ценностей» [2, с. 308]. Государство представляется структурой формирования внутренних коммуникаций индивидуума в механизмах познания ценностных шкал в социуме.

Практика организации работы со средствами массовой информации и массовой коммуникации подразумевает необходимость не только и не столько новостного контента, развенчивания, обличения противостоящих идеологий, деструктивных проявлений действительности, сколько концептуальных идей, консолидирующих ценностей, формирующих историческую истину. Историческая истина не одна, она зависит от культуры, от цивилизации, с которой мы себя ассоциируем, от идеологии, которую мы вырабатываем и отстаиваем исходя из политических приоритетов.

В заключение хочется еще раз отметить: знание, мышление, обусловливающие ценностные приоритеты, — это самый дорогой товар. Кто определяет идеологию, мысль, интеллектуальную жизнь общества, тот определяет будущее общественного развития.

Литература

1. *Алейникова, С. М.* Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова. — Текст : непосредственный // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 5 (68). — С. 135–147.

2. *Бузовский, И. И.* Концептуализация проблем системной трансформации постсоветских стран / И. И. Бузовский. — Текст : непосредственный // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2017. — С. 307–309.

3. *Бузовский, И. И.* Культурологические и аксиологические подходы в анализе современных социальных процессов / И. И. Бузовский. — Текст : непосредственный // Проблемы управления (Минск). — 2016. — № 5 (62). — С. 9–14.

4. *Запесоцкий, А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений) / А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2018. — 608 с. — Текст : непосредственный.

5. *Крысько, В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. — Санкт-Петербург : Питер, 2003. — 415 с. — Текст : непосредственный.

6. Медиакультура и медиапотребление в белорусском обществе. — Текст : электронный // Академия управления при Президенте Республики Беларусь : [сайт]. — URL: https://www.pac.by/press-center/edinyy-den-informirovaniya/2022/edi-noyabr2021.php (дата обращения: 12.05.2022).

7. *Си Цзиньпин*. О государственном управлении / Си Цзиньпин. — Пекин : Изд-во лит-ры на ин. яз., 2014. — 630 с. — Текст : непосредственный.

8. *Степин, В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин ; научный редактор А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. — 408 с. — (Классика гуманитарной мысли ; Вып. 3). — Текст : непосредственный.

9. Digital 2022: Another Year of Bumper Growth. — Текст : электронный // We Are Social : [сайт]. — URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/ (дата обращения: 12.05.2022).

П. Бюльбюль оглы[1]

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Внешняя политика современного государства зависит от множества факторов, среди которых приоритетными оправданно считаются: во-первых, обеспечение суверенитета, территориальной целостности, безопасности страны; во-вторых, создание надлежащих информационных, социально-психологических, культурных предпосылок для эффективного международного сотрудничества. Если первая группа факторов является традиционной и всегда была и остается в центре внимания каждого государства, то вторая долгое время поддерживалась только ведущими странами, а остальным представлялась чем-то дополнительным и не совсем обязательным.

Во второй половине XX века стало очевидно, что любой сотрудник дипломатической службы должен уделять большое внимание не только социальным, политическим и экономическим реалиям страны пребывания, но и тем ценностям и особенностям мировоззрения, которые доминируют среди ее граждан. Знание истории и культуры, понимание основ господствующей в стране духовной атмосферы, преобладающего способа мышления стали важнейшими предпосылками для принятия должных дипломатических решений.

Мировое сообщество состоит из стран Востока и Запада, Юга и Севера, и различия в их культурах, системах ценностей, моральных нормах в основном всем известны. Гармоничное развитие мировой цивилизации, на мой взгляд, возможно в том случае, если народы будут *понимать* интересы и устремления друг друга, *доверять* друг другу. Только при этих условиях государства могут эффективно сотрудничать в самых разных областях и повышать благосостояние своего народа, улучшать качество его жизни. Именно такой путь планетарного развития сможет предотвратить катастрофическое *столкновение цивилизаций*, о возможности которого предупреждал Самюэль Хантингтон[2].

Диалог между национальными культурами — обязательное условие для устойчивого развития общества, а успешная межкультурная коммуникация невозможна без *взаимопонимания*. Однако в основе успеха и развития лежат три фундаментальных фактора. Во-первых, отношение к разным культурам как к равным; во-вторых, уважение к их самобытности; в-третьих, безусловное признание их характерных черт и особенностей.

Известный российский культуролог М. М. Бахтин обоснованно считал, что культура может раскрыть себя глубже и полнее в общении с другой культурой[3]. При этом возникает взаимное влияние, которое порождает саморефлексию, осознание ценности и характера культур. Смыслы раскрываются, когда есть возможность рассмотреть их в сравнении и взаимодействии. Диалог между смыслами разрушает границы, обогащает все участвующие в диалоге культуры, делает их многогранными. Открываясь миру, национальная культура в то же время остается целостной, сохраняет свое лицо.

Дипломатическая деятельность возможна только в форме диалога. Суть и предназначение дипломатии заключается в «строительстве мостов». Для этого необходимо понимание другого, а иначе есть опасность неверного понимания и трактовки тех или иных реалий и высказываний, что может привести к нарушению адекватного восприятия геополитической ситуации. Взаимопонимания можно достичь лишь с учетом и в контексте культуры.

Дипломатия, учитывающая, кроме всего прочего, гуманитарный, социально-психологический фактор, чрезвычайно востребована в наше время. Это определяет основу так называемой мягкой силы (soft power). Данное понятие ввел в научный оборот американский политолог Джозеф Най в 1990 году. Первоначально он трактовал soft power как способность оказывать духовное, интеллектуальное, этическое, эстетическое влияние на субъекта международных отношений для достижения предпочтительного результата[4]. Впоследствии, в 2004 году, Най развил свои идеи в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics». В результате он пришел к выводу, что мягкая сила — эта способность получать желаемые политические и иные результаты на основе формирования многогранных гуманитарных усилий симпатии, привлекательности, доверия к той или иной стране[5].

Формирование действенной мягкой силы возможно при соответствующем уровне материальной и духовной культуры страны — эффективной экономике, современной науке, продуманной системе образования, уважении канонов гражданского общества. Только в таких условиях может стать реальностью всестороннее культурное сотрудничество между цивилизованными странами.

Мягкая сила, таким образом, представляется как многослойное обобщенное понятие, структуру которого определяет целенаправленный обмен в сфере литературы, искусства, науки, образования, кино, телевидения, спорта, кулинарии, туризма и т. д. В совокуп-

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан. Композитор, певец, актер. Министр культуры Азербайджана (1988–2006). Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (в соавт.) и других публикаций. Почетный профессор Азербайджанского государственного университета культуры и искусств им. А. Гусейнзаде, действительный член Международной гуманитарной академии «Европа-Азия». Награжден Почетной грамотой Президента РФ, орденами Дружбы и Почета (Россия), «Независимость» и «Честь» (Азербайджан), Чести (Грузия), удостоен многих других зарубежных наград.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2016.

[3] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Худ. лит., 1979.

[4] *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y. : Basic Books, 1990. P. 20–21.

[5] *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004.

ности это все составляет содержание *культурной дипломатии*. В этом смысле можно считать, что культура является системообразующим фактором мягкой силы, она может играть ключевую роль в международных отношениях, прямо или косвенно влиять на мировую политику и деловые отношения. На мой взгляд, культурная дипломатия порождает эффект *положительной обратной связи*: чем больше внимания страна уделяет культурному сотрудничеству с другими странами, поддерживает с ними культурный диалог, тем значительнее и глубже развиваются гармоничные отношения между народами и государствами.

Культурная дипломатия может быть действенной при определенных исторических, политических, экономических условиях и соответствующей информационной политике, которые в совокупности формируют необходимый социально-психологический климат, *доверие* между странами, народами, организациями, гражданами сотрудничающих стран. Успех культурной дипломатии возможен лишь при учете мировых тенденций в развитии отдельных сфер культуры и знании специфики страны, на которую она ориентируется. Необходимо предварительно определить доминантные культурные потребности, духовные, интеллектуальные ожидания разных слоев населения и особенно молодежи.

Хорошим примером успеха культурной дипломатии в международных отношениях является Республика Корея. Беспрецедентное развитие этой страны за последние 30 лет связано с ее вовлечением в процессы глобализации, распространением информационных, цифровых технологий, экспоненциальным ростом социальных сетей. Благоприятная социально-психологическая среда содействовала завоеванию южнокорейскими товарами и услугами многих рынков в мире. Опыт Кореи в сочетании культурного и экономического сотрудничества достоин глобального обобщения. Культурная дипломатия приобретает особое значение в эпоху глобализации, так как она определяет возможность конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления международного сотрудничества. Такой диалог обычно осуществляется разными путями: по государственной линии, через общественные организации и отдельными гражданами.

Культурные факторы стали важным инструментом реализации экономических и внешнеполитических целей современного независимого Азербайджана. Этому вопросу уделяет большое внимание президент страны Ильхам Алиев, а непосредственно курирует данный вопрос первый вице-президент Мехрибан Алиева.

При формировании и реализации внешней политики азербайджанские дипломаты стараются опираться не только на социологические, политические, экономические и другие научные знания, но и на культурные, религиозные, ценностные и мировоззренческие качества субъектов международной жизни, на особенности духовного и интеллектуального климата в разных странах.

В арсенал инструментов культурной дипломатии Азербайджана, безусловно, входят многочисленные мероприятия, организуемые с целью пропаганды национальной художественной литературы, музыки, изобразительного искусства, кинофильмов, театральных постановок, кулинарных технологий. Этой же цели служат выступления наших музыкальных и танцевальных групп в других странах, участие в международных спортивных соревнованиях. Так в разных странах формируется положительный социально-психологический настрой по отношению к Азербайджану, интерес к культуре и образу жизни нашего народа.

В азербайджанских семьях дети с малых лет воспитываются в духе уважения к другим народам и культурам, так что за много веков это превратилось в естественную черту нашего менталитета. Духовное развитие нашего народа на протяжении всей истории прошло три больших этапа, связанных с различными религиями — зороастризмом, христианством и исламом. Это запечатлелось в исторической памяти и подсознании людей и сегодня играет существенную роль в построении гармоничных межкультурных коммуникаций как внутри страны, так и на международном уровне. В современной Конституции Азербайджана закреплены базовые нормы национальной политики, включающие положение о равенстве всех граждан независимо от их расовой и этнической принадлежности. Мы считаем, что культуры малочисленных народов — это ценнейшее достояние. Необходимость сбережения этих культур диктуется не только их историческим и социальным значением, но и требованием соблюдения прав человека, поскольку любая национальная культура представляет собой воплощение права человека на свой мир, на выработанное веками традиционное мировосприятие. В Азербайджане считают, что мультикультурализм должен стать мировоззренческой основой поликультурного мира и межкультурного диалога.

Высокий уровень культурного развития Азербайджана оказал существенное влияние на формирование эффективной системы государственного управления и построение соответствующей социальной действительности. В конечном счете это отражается на впечатляющих показателях экономического, социального и гуманитарного развития Азербайджанской Республики.

В последние годы Азербайджан привлекает особое внимание мировой общественности, организуя и успешно проводя масштабные международные научные, культурные, спортивные и другие мероприятия, реализуя различные гуманитарные проекты ООН, ЮНЕСКО и ИСЕСКО.

Эффективность культурной дипломатии, безусловно, зависит от понимания смысла и значения мировоззренческих, духовных, социально-психологических, культурных факторов, и это диктует необходимость коррекции процесса подготовки будущих дипломатов, усиления внимания в учебном процессе к культурологическим, психологическим и этическим вопросам.

Ч. Варга[1]

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПОПЫТКИ ЗАПАДА ЭКСПОРТИРОВАТЬ «НОВУЮ ЭТИКУ» ЗА СЧЕТ СМЯГЧЕНИЯ ПРАВА ПУТЕМ ОТСЫЛКИ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЕРХОВЕНСТВУ ПРАВА

Панорама от прошлого к настоящему

С позиции Центральной Европы то, что мы называем *Западом*, всегда было точкой отсчета и ориентиром. Фактически территория, которая именуется *Востоком*, исторически развивалась по-другому. Политическая философия Востока базировалась на несколько иных основаниях и привела к иной институционализации. Поэтому естественно, что общая концепция государственности и взаимоотношений между государством и живущими в нем людьми также сформировалась принципиально иной. Учитывая размеры и богатое прошлое Российской империи, вполне понятно, что для ее мыслителей особый *русский* путь и идеалы представлялись адекватной и желанной альтернативой в случае свободного выбора. Однако как только разные экономические системы стали частями единой мировой экономики, а межгосударственные отношения из соседских переросли в международные, Запад трансформировал свое экономическое господство в политическое, заняв позицию мирового квазиправителя, несущего флаг идеала, который демонстрировался как окончательный прогресс человечества. Следствием этого стало то, что постепенно в евро-атлантических странах Атлантики и Западной Европы начали говорить о *центре*, который представляют они, и о *периферии(-ях)*, к которой относятся другие территории, то есть весь остальной мир[2].

Часть Европейского континента, которую историки называют *Центральной Европой*, начала свое историческое развитие под двойным влиянием — Византии и Рима[3]. Поэтому неслучайно именно здесь контрастные характеристики Востока и Запада проявились особенно красноречиво[4]. На исторически сложившуюся прозападную ориентацию указывает тот факт, что, в частности, венгерские правители последовательно голосовали за нее как за естественный выбор начиная с венгерского Средневековья, когда страна была еще связана с Римом, и еще более осознанно — с XIX века, когда наступила эпоха модернизации. В современной отечественной и международной науке процесс, в котором Венгрия как некогда европейская держава была вынуждена наверстывать упущенное после разрушения татарами, турецкой оккупации, борьбы с деспотичным правлением Габсбургов и катаклизмов более позднего времени, все чаще называют *модернизацией* в западном понимании этого термина[5].

Благодаря каналам, которым пришлось действовать подпольно, эта ориентация сохранялась в течение полувека после Второй мировой войны как мечта почти всего населения в противовес утопии навязанного социализма. Но к началу 1990-х годов, когда в мировой политике произошли радикальные перемены, и позднее, когда Венгрия смогла вступить в НАТО за год до начала нового тысячелетия и в Европейский союз пять лет спустя, Запад уже претерпел глубокие изменения, сравнимые (символически) с триумфом новой морали, которую проповедовали участники студенческих протестов 1968 года в Америке[6], Париже и т. д.[7] Таким образом, в течение нескольких десятилетий венгры столкнулись не только с эрозией западноевропейской и атлантической концепции безопасности и материального изобилия, роскошного образа жизни, которого они не получили, но и с постоянным снижением, почти исчезновением чувства ответственности и способности защитить себя в случае необходимости. Иными словами, к середине 2010-х годов признаки сегодняшнего кризиса уже были налицо. Он включал, помимо пренебрежения к традициям, безудержную миграцию, пересмотр моральных норм, отказ от табу в сексуальности, а также от воспитания человека в семье, то есть основополагающих факторов социальной интеграции. В результате появилась тенденция уничтожения любой культуры так называемой культурой отмены в Америке, а затем все больше и в Европе.

Интересно, что современные изменения правовых норм и общественные дебаты на эту тему всегда исходят из двух понятий, которые не являются правовыми, однако служат своего рода идеалом права: первое — действовать во имя прав человека, второе — требовать верховенства права.

Правовые аспекты? Идеология и практика защиты прав человека

Изначально права человека описывались в категориях достоинства личности, созданной по образу Бога (*imago Dei*). Эпоха Просвещения и ее финал — Великая французская революция — привели к появлению первой декларации прав человека, похожей на мани-

[1] Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук и Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор права. Приглашенный профессор многих зарубежных университетов (США, Австралия, Великобритания, Япония, Россия, страны Евросоюза). Автор более 500 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Law and Philosophy», «Paradigms of Legal Thinking», «Comparative Legal Cultures», «The Enigma of Law and of Legal Philosophising» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

[2] https://en.wikipedia.org/wiki/World-systems_theory.

[3] *Scott J.* W. Rebordering Central Europe // Cross-Border Review. 2016. № 1. P. 9–28.

[4] *Iordachi C.* Entangled Histories // Regio. 2004. Vol. 4 (1). P. 113–147 ; *Szűcs J.* The Three Historical Regions of Europe // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Vol. 29 (2/4). P. 131–184.

[5] *Kulcsár K.* Modernization and Law. Budapest : Akadémiai, 1992.

[6] *Bork R. H.* Slouching towards Gomorrah. N. Y. : Regan Books, 1996.

[7] *Varga Cs.* Humanity Elevating Themselves? // Varga Cs. Comparative Legal Cultures. Budapest : Szent István Társulat, 2012. P. 131–163. См. также: http://mek.oszk.hu/15300/15386.

фест. Уже в первых реакциях на их идеологизацию ощущалось отсутствие реальной основы, а также их произвольная гибкость и спорность. Что касается научной реконструкции, то стало ясно, что единственной целью активных сторонников защиты прав человека было вписать их в закон для утверждения в рамках и с помощью права. Когда это произойдет, сложность правовой системы приведет к тому, что будут иметь значение только уровень правового источника и контекст (ранг) нормы о правах человека независимо от того, какие соображения лежали в ее основе.

Что касается источника обязательств, вытекающих из прав человека, то научный анализ позволяет сказать только одно: права человека представляют собой проект. Нам ставят задачу, мы живем в соответствии с ней, теоретизируем, а затем соответствующим образом адаптируем свое поведение. Таким образом происходит самоподтверждение этой теории[1].

С момента принятия *Всеобщей декларации прав человека* (1948) политики, дипломаты, юристы, философы постоянно работают над расширением и дополнением официального перечня прав человека, почти непрерывно и бессистемно, и конца этому не видно.

Можно спорить о том, являются ли права человека абсолютным правом, которым он наделяется односторонне, независимо от других обстоятельств и от того, несет ли их обладатель и адресат обязательства перед своими ближними, сообществом, государством, миром и выполняет ли он эти обязательства. Почти столетие назад один влиятельнейший испанский мыслитель предостерег против *рассеивания ответственности*[2], прежде всего против его разрушительного эффекта, вследствие которого гарантированная забота сделает нас безответственными детьми[3]. «Язык прав»[4], который с тех пор был институционализирован как безальтернативный в Америке, теперь является односторонне выраженным ожиданием от нас помощи и поддержки — всегда по отношению к другим и никогда по отношению к нам самим, как проявление паразитизма за счет остальных. Причина, по которой идеологии прав человека окутаны молчанием, отражающим неприятие идеи единства прав и обязанностей[5], заключается в том, что их неявной целью стала атомизирующая индивидуализация общества, состоящего из одиночек[6].

Правовые аспекты?
Скрытая роль верховенства права

По сути требование верховенства права сегодня не только схоже с требованием прав человека, но имеет и иную природу — оно возникло из другого источника. В своем первом варианте немецкое *Rechtsstaat* (правовое государство) как современное образование, пришедшее на смену *Polizeistaat* (административному государству) на рубеже XVIII–XIX веков, стало категорией учения о форме государства *(Staatsformenlehre)*, характеризующейся как устройство, в центре которого находится конституционная организация в соответствии с законом (правом), где все связаны одним законом. Собственно *верховенство права (rule of law)* было исторически сформулировано как общее выражение конституционности английской государственности на рубеже XIX–XX веков, а его основным критерием была возможность разрешить любой спор в независимом суде.

В конце Второй мировой войны оба термина практически не употреблялись. Английское «верховенство права» начало приобретать свое нынешнее значение в разгар холодной войны, в 1957 году, как заявление Запада о том, что такое демократия, в отличие от советской диктатуры. В середине 1960-х годов, когда я оканчивал учебу в Пече, для нас *Rechtsstaat* существовало только как ключевое слово периода германской модернизации государства в XVIII–XIX веках, и мы ничего не слышали о термине «верховенство права», который в то время был не более чем *epitheton ornans* (украшающим эпитетом. — *Примеч. пер.*) самовосхваления Запада и использовался в основном как его юридический признак, не имея собственного значения.

Международное возрождение этого понятия, то есть его превращение в ключевой термин, началось практически одновременно с распадом Советского Союза и выбором нового пути для Центральной Европы. Прежде всего за этим стоит включение верховенства права как критерия, воплощающего стандарт ценностей, в язык дипломатии и кодекс международных отношений. Впервые он был использован Всемирным банком и Международным валютным фондом как органами ООН и, как следствие, в других международных экономических структурах — как термин, который теперь можно использовать и для шантажа. Затем он стал термином номер один в кампании, начатой Генеральным секретарем ООН (2004); за ним последовал ОЭСР (2005), а затем и Европейский союз (2011), который использовал его в качестве собственного критерия. Более того, ожидалось, что его воздействие будет многократно усилено возрождением политики публичного порицания в международных отношениях[7], иногда заменяющей, а не дополняющей корректное и непредвзятое использование языка[8].

[1] *Sajó A.* Az emberi jogok mint tudásrendszer [Human rights as a set of knowledge] // Állam- és Jogtudomány. 2004. Vol. XLV (1). P. 3–38.

[2] *Ortega y Gasset J.* Revolt of the Masses. L. : Allen & Unwin ; N. Y. : Norton, 1932.

[3] *Jonas D., Klein D.* Man-child. N. Y. : McGraw-Hill, 1970.

[4] *Glendon M. A.* Rights Talk. N. Y. : Free Press, 1991.

[5] Хотя основной постулат «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» был столь же ясен для Маркса (см.: https://www.marxists.org/archive/marx/iwma/documents/1864/rules.htm), как и сегодня для создателей Социальной доктрины католической церкви, проповедующей «взаимное дополнение прав и обязанностей» [Папский совет справедливости мира] в Компендиуме социальной доктрины церкви 2004 года (см.: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/justpeace/documents/rc_pc_justpeace_doc_20060526_compendio-dott-soc_en.html ; §156).

[6] *Varga Cs.* Rule of Law, Contesting and Contested // Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II/1. P. 245–268. См. также: https://ojs3.mtak.hu/index.php/cejcl/article/view/ 6041/4723.

[7] *Badie B.* Humiliation in International Relations. Oxford : Hart Publishing, 2017.

[8] *Varga Cs.* The Problematics of Human Rights // Varga Cs. Rule of Law, Contesting and Contested. Budapest : Ferenc Mádl Institute of Comparative Law, 2021. P. 246–264.

Традиционные ценности человечества или «новая этика» Запада?

С точки зрения философии права решающим в развитии событий стало то, что концепции *Rechtsstaatlichkeit* и *rule of law* укоренены в конкретных исторических обстоятельствах, так как возникли в прагматике конкретных мест и времени. То есть и то и другое формировалось на местном уровне специфическим образом, поскольку повсеместно возникало в ответ на запросы, характерные именно для того времени. И только позднее они, возможно, стали более универсальными, отчасти освободившись от своего локального характера благодаря взаимной ассимиляции национального опыта в результате взаимного обучения. Однако тот факт, что верховенство права является *неопределенной ценностью*, продолжает оставаться подводным камнем. С одной стороны, историческое значение термина не описывает его современного использования, с другой — всеобщее использование, выходящее далеко за рамки предполагаемых им прав, раздуло его значение.

Согласно теоретическим исследованиям, верховенство права является одним из оспариваемых понятий, не имеющих четких границ и догматики. Оно ничем не ограничено, но все время находится под перекрестным огнем разных политических амбиций, использующих его характерную «податливость» — изменчивость и растяжимость. То же самое происходит и с правами человека, когда разные группы влияния, включая маргинальные, требуют поддержки для себя — и всегда за счет средств и толерантности других членов общества.

Следовательно, «верховенство права» *не является операционализируемым понятием* в праве. Это выражается еще и в том, что в основном в международных документах, призывающих к имплементации этого понятия как ценности, оно используется либо как самодостаточный термин, либо как концептуальное обобщение с перечнем желаемых компонентов, которые сами по себе — такие же неопределенные обобщения.

Таким образом, недостаток концептуальной операционализируемости термина очевиден на двух уровнях. С одной стороны, он не имеет *фактического определения*. То есть он не определяется фактами *(Tatbestand)*, которые могут представлять собой прецедент в праве, и поэтому не может быть априори применен в праве, то есть установлен как прецедент. С другой стороны, само верховенство права складывается из набора ценностей, которые могут оказаться взаимоисключающими. Это означает, что их реализация в любом случае предполагает действия по взвешиванию и балансированию в поисках оптимального решения. Отсюда следует, что верховенство права — это *идеал*, которого невозможно достичь в полном объеме, поскольку достигнутое решение всегда будет оставаться спорным, это то, к чему можно (и нужно) стремиться, чтобы достичь оптимальной реализации[1].

[1] *Varga Cs.* Idol, Deduced from an Ideal? Rule of Law, Universalization, Degradation // Philosophy of Law and General Theory of Law. 2019. № 2. P. 192–214. См. также: https://zenodo.org/record/6466110#.YlwXSzW8qUk.

«Права человека» и «верховенство права» как смягчители закона и средства импорта «новой этики»

На протяжении десятилетий основным направлением западноевропейской и атлантической философии права было стремление связать закон, ранее заключенный в формальности, что обеспечивало его неприкосновенность, с повседневной социальной практикой и особенно с политической сферой. В этом заключается цель всех попыток *смягчить закон*, внедряя «мягкое право», чтобы обеспечить *гетерогенность* взамен до сих пор сохраняемой *гомогенности* закона.

Показательно, что международные декларации о верховенстве права не просто устанавливают *статус-кво*, достигнутый по общему согласию, но своей формулировкой, в которой говорится о правах человека в целом, без конкретизации, они призваны внедрить *статус-кво* в качестве обязательства. Таким образом, они претендуют на то, чтобы наложить на государства обобщенные будущие обязательства, проистекающие из прошлого.

Итак, каково сегодня состояние верховенства права, а вместе с ним и прав человека? Можно было бы подытожить практику следующим образом: у каждого в рукаве есть несколько джокеров, но никто не знает истинную ценность своих карт. Возможно, игроки даже не знают самих себя. Однако каждый получает согласно тому, что он заявляет, когда разыгрывает свои карты. Или же, подводя итог, было бы ошибкой предполагать, что за разницей во мнениях между, скажем, Брюсселем и Будапештом стоит иная концепция верховенства права. Все, что мы можем видеть, — это то, что одна сторона разыгрывает джокера как игрок с картами, не имеющими фиксированной ценности, поэтому игры в реальности не происходит, в то время как другая сторона просто указывает на это обстоятельство как на то, что не стоит игнорировать. Очевидно, что, когда последняя, присоединившись к игре, приняла ценность верховенства права (или *l'État de Droit*, или *Rechtsstaat*), она сделала это, исходя из их негласного понимания на тот момент и считая, что никто не будет использовать само понятие как пустую форму, которую сможет по своему усмотрению наполнять любое лицо, занимающее доминирующее положение.

Согласно вышесказанному, глобализация, с одной стороны, является продолжающимся процессом и, следовательно, фактом, который необходимо признать; с другой — это решения относительно его желаемого и избранного уровня и глубины, характера и воздействия. В любом случае это выбор, который должны сделать культуры и нации. Поэтому вопрос *глобализма* и *локализма* — это не просто вопрос «или–или», но вопрос ответственного выбора, а именно: в каких областях и вопросах, на какую глубину и в каком направлении мы хотим видеть продолжение традиционных ценностей и развитие своей культуры в нашем собственном локализме, дополняющем нынешнее мировое течение глобализма.

Вывод

Проводя линию социальной и правовой трансформации от прошлого к настоящему, мы сталкиваемся, с одной стороны, с попытками реализации утопии без-

граничных и условно недемократических сил, целью которых является открытое общество, глобализированное и атомизированное одновременно, с другой — с постепенным отказом от компонентов, которые могут обеспечить формальные обязательства и гарантии в праве. Права человека из защиты личности от государственного доминирования превратились в средство окончательной индивидуализации общества, а верховенство права стало моделью, которая может быть свободно адаптирована любой силой в любой момент в соответствии с политико-идеологическими требованиями любого мейнстрима. Сегодня все это направлено на служение глобализации «новой морали» с характерными симптомами продолжающегося декаданса на Западе, включая миграцию, гендерную принадлежность по выбору, заменяющую человеческий женско-мужской дуализм, и подмену семейных и национальных связей идеалистической аморфностью нового либерального стремления к так называемому открытому обществу.

Г. А. Гаджиев[1]

НЕИЗБЫВНАЯ ТРАГЕДИЯ ИЛИ КАТАРСИС?

Чрезвычайность и неожиданность событий, начиная с февраля текущего года, слом формировавшихся в течение десятилетий международно-правовых отношений, сложившихся экономических отношений неизбежно порождают алармизм. Подтвердился фразеологизм В. Д. Зорькина: «Мир устал от мира».

Что же происходит — опасное для права обрушение сложившегося правового миропорядка или полезный катарсис? Аристотель в своем трактате по теории драмы «Поэтика» использовал метафору с катарсисом, который означает физическое очищение организма человека. С ним он сравнил воздействие трагедии на ум человека.

Чтобы понять суть происходящего, надо погрузить весь событийный ряд в сложный контекст политических, экономических, идеологических отношений и вспомнить дискуссии о возможных способах конституционализации международного права. И о Шекспире!

В начале нулевых годов Ю. Хабермас опубликовал ряд статей и дал несколько интервью, темами которых были теракты в США 2001 года и их последствия — война в Ираке, Югославии (Косово), кризис ООН и международного права. В фокусе оказалась проблема обрушения процесса конституционализации международного права «гегемониальной державой», того самого процесса, который является развитием проекта Канта «К вечному миру».

У истоков этих дискуссий — идеи Канта о вечном мире («либо вечный мир между народами, либо кладбищенский покой», по Э. Ю. Соловьеву) и его проект гражданско-правового состояния, описанный в трактате «К вечному миру».

Проект Канта, устремленный в далекое будущее, кратко выражен в следующем фрагменте: «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена»[2]. Под законосообразными отношениями между государствами он понимал требования, вполне доступные для обычного, субъективного, «немистифицированного» разума.

Кант поднялся на уровень провидения того, что произошло в XX веке, когда предлагал задуматься над тем, а не приуготовит ли политическая искупность людей, сформированная «свойственным человеческому роду раздором», подлинный «ад с его страданиями», так что в итоге «и уже достигнутое состояние, и весь предшествующий прогресс в культуре будут вновь уничтожены варварскими опустошениями». И поэтому он, мысля вполне реалистично, допускал, что «на полпути» к законосообразным межгосударственным отношениям «человеческая природа, возможно, испытает самые тяжелые бедствия»[3].

Кант — представитель идеализма в философии. Допустил ли он какие-либо просчеты в своем проекте, ведущем к «всемирно-гражданскому состоянию»?

Два века спустя появилась возможность как оценить его достоинства, так и обнаружить возможные слабые стороны. В XX веке из семени, заложенного сугубо в европейскую почву, стали появляться ростки: пакт Бриана–Келлога; основание Лиги Наций после Первой мировой войны, когда США вышли на европейскую арену; политика победителей, в которой наряду с США, Великобританией участвовал уже и СССР; появление Организации Объединенных Наций.

В апреле 1945 года Франклин Д. Рузвельт писал о том, что «больше, чем окончания этой войны, мы хотим, чтобы было покончено со всеми военными начинаниями».

Но США все же пошли по пути милитаризации, а не реализации мечтаний Рузвельта. Реальностью стали глобальные властные амбиции США.

---

[1] Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 270 научных работ, в т. ч.: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Член редколлегий 12 научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

[2] *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. М., 2001. Т. 4 : Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения». С. 429.

[3] *Соловьев Э. Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 284.

ООН превратилась в «бумажного тигра», произошли трагедия в Сребренице, косовский конфликт, появился концепт «воинствующей демократии», а еще позже — концепция неоконсерваторов, их ви́дение американской политики создания мирового порядка по их собственным лекалам. Все это обессилило ООН и усилило позиции правых консерваторов в США.

Казалось бы, простой американский журналист Роберт Каган опубликовал эссе «Американцы происходят от Марса, европейцы — от Венеры». Это эссе, которое первоначально должно было называться «Сила и слабость», фактически было превращено администрацией Буша-младшего в доктрину национальной безопасности[1]. Этому способствовала Виктория Нуланд, супруга Роберта Кагана.

Каган различал американцев, которых он называл последователями Гоббса (вспомним его «Левиафан», символ государства), и европейцев, которых он называл кантианцами (наверное, за их веру в права человека, проект «вечного мира» и «всемирно-гражданское состояние»).

В своем эссе Каган высмеивает следующие идеи, популярные в Европе:

— что победа над нацистской Германией была достигнута благодаря борьбе Красной Армии, понесшей громадные потери;

— что социальная Конституция и экономические успехи (европейских стран) обладают притягательной силой, а поэтому должны быть основными факторами «мягкой, невоенной силы», которая и обеспечит европейцам влияние в мире;

— культивируемый в Германии пацифизм;

— идею создания в Европе независимых от НАТО европейских вооруженных сил[2].

Именно Каган стал пропагандистом реализма в международных отношениях и критиком идеализма во внешней политике.

Вернемся к оценке кантовского проекта о конституционализации международных отношений в Европе.

Очевидно, что модель одной общемировой республики, всемирно-гражданской общности — это если и реализуемый в принципе, но все-таки проект неблизкого будущего.

В Европе пошли по пути модели союза государств — Европейского союза, вступление в который посулили и Украине. Но даже идея о «Европе разных скоростей» не позволяет решиться на принятие Украины в этот Союз. Да и Турция уже много лет находится «у входа» в него, но вовнутрь ее не пускают, притом что она входит в НАТО.

Проект Канта приспосабливается под определенные, далеко не альтруистические политические интересы, что доказывают следующие факты: нужно было разместить военные базы НАТО (а по существу базы США) по периметру СССР; Турцию принимают в НАТО, но, учитывая религиозный состав населения и памятуя об имперском прошлом этой страны, она вряд ли станет членом Европейского союза, с 1964 года пребывая в статусе ассоциированного члена ЕС.

Так что темпы расширения Союза и скорость продвижения к новому светлому будущему человечества, как и в случае с проектом строительства коммунизма в отдельно взятой стране, оказались излишне оптимистичными, а это значит — ошибочными.

Но самые серьезные трудности для будущего проекта вечного мира создает «гегемониальная держава», которая в духе пресловутого реализма, а на самом деле в духе эгоизма манипулирует созданным Союзом. По щелчку пальцами Великобритания прибегла к Брекзиту, не удалось принять и Конституцию ЕС.

Однако самой разрушительной силой, которую не смог предвидеть Кант, оказалась доктрина *унилатерализма*, появившаяся при президенте Буше-младшем. В сентябре 2002 года он обнародовал новую доктрину безопасности, в которой объявил о праве на нанесение превентивного военного удара, необходимость которого определяется по собственному усмотрению США.

А в своей речи о положении нации 28 января 2003 года он заявил, что если Совет Безопасности ООН не согласится с военной акцией против Ирака, как бы она ни обосновывалась, то в случае необходимости США не посчитаются с запретом на насилие, зафиксированным в Уставе ООН[3]. (Он сказал следующее: «Курс страны не зависит от решения остальных держав».)

Унилатерализм является не просто глубоко законспирированной концепцией, но и практикой, определяющей отношения США с другими странами, опирающейся на новые цифровые технические возможности, международные, а по сути — созданные США финансовые институты типа Всемирного банка, продвигаемые в других странах правовые институты (подобно институту штрафной компенсации в целях защиты интересов американских правообладателей, который реализовывался по всему «развивающемуся миру» с помощью американской дипломатии). Кроме того, это и практика стигматизации стран как изгоев, империй зла.

В доктрине унилатерализма можно выявить несколько компонентов, в частности военный и нормативный. Первый формирует стратегию использования военной силы, отбрасывая мечты Канта как пустой идеализм. Второй компонент — это, по сути, тактика циничного использования популярной идеи о правах человека. Зачем предлагать какие-либо иные нормативные цели, если и так ясно, что надо *любой ценой* добиться, чтобы права человека соблюдались в каждой стране, не принимая во внимание их культурную идентичность?

Паразитирование на идеях Канта о самом святом на земле, по сути, оболгание, радикальное неприятие иных моральных установок — вот что представляет собой либеральный фундаментализм.

В итоге странным образом диалог культур ведется на языке пушек.

То, что сейчас происходит в мире, — это конфликт культур, который предвидел Уильям Шекспир. В пьесе «Венецианский купец», написанной в самом конце XVI века, почти 500 лет назад, описывается трагедия права, олицетворением которой является драма ростов-

[1] *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. С. 77–102.
[2] Там же.
[3] *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 171–175.

щика Шейлока. Драматичность его положения заключается в том, что он питал доверие к закону Венеции, и эта почти святая вера в закон подрывается в результате состоявшегося суда, подробно описанного Шекспиром. В древнеирландском судебнике Senchus Mor говорится: «Существуют три эпохи, во время которых все сущее теряет свой смысл, — это время стихийного бедствия, время всеобщей войны и время, когда заключенные договоры уничтожаются».

В основе сюжета — оппозиция двух людей и двух разных культур. Западную культуру олицетворяет богатый купец Антонио, а восточную — ростовщик Шейлок, живущий в гетто Венеции пришелец (мигрант на языке современности), но все же человек, обладающий чувством собственного достоинства. Его достоинство растаптывает Антонио, прилюдно плюнувший ему в лицо только потому, что он другой крови. Высокомерие европейца — вот главная причина конфликта двух людей, двух культур. Шейлоком руководит месть, когда он произносит знаменитую фразу: «На Вашу гнусность я своею гнусностью отвечу».

Автор сделал все, чтобы у читателя возникла ненависть к ростовщику Шейлоку, но читатель, живущий 500 лет спустя, может догадаться, что подлинная причина драмы — это высокомерие. Кажется, Шекспир описал все пороки и достоинства людей, как будто бы желая доказать, что в мире ничего не меняется — всегда будут Шейлоки и Антонио.

Неизбывное противоречие культур, порожденное неизбывным высокомерием, — вот о чем повествует вечно актуальный Шекспир, вот о чем он, как провидец, предупреждал человечество.

С. Ю. Глазьев[1]

О ТЕКУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ В МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ И СОЗДАНИИ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ[3]

Специальная военная операция (СВО) вскрыла заранее подготовленный властно-финансовой элитой США план по захвату власти в России. Он включает в себя следующие этапы.

1. Измотать российские вооруженные силы в столкновении с хорошо подготовленными и управляемыми непосредственно Пентагоном боевиками ВСУ, «прошитыми» нацистской вертикалью назначаемых спецслужбами США и Великобритании офицеров. Превратить население Украины в зараженных русофобией зомби. Параллельно настроить мировое сообщество против России, выдвигая в адрес ее руководства обвинения в военных преступлениях и геноциде. На этом основании конфисковать валютные активы России и ввести против нее тотальные санкции, нанеся максимально возможный ущерб. Этот этап фактически завершен.

2. Терроризировать российское население обстрелами приграничных населенных пунктов и объектов военной инфраструктуры, диверсиями на транспорте, хакерскими атаками. Поражать общественное сознание потоком недостоверных негативных новостей и антиправительственной пропагандой через социальные сети. Навязывать с помощью своих агентов влияния в финансово-экономических структурах власти проведение блокирующей мобилизацию ресурсов экономической политики, включающей: завышение процентных ставок, продолжение вывоза капитала, поощрение валютно-финансовых спекуляций, манипулирование курсом рубля, взвинчивание цен. Таким образом многократно усугубить действие санкций и спровоцировать обвальное падение производства и снижение уровня жизни. Этот этап в самом разгаре.

3. Провоцирование на фоне падения уровня жизни и потерь в ходе СВО протестных настроений и деструктивных общественно-политических акций с целью свержения законной власти. Применение всего арсенала методов организации «цветных революций», финансируемых компрадорской олигархией под обещание разморозить арестованные в американо-европейской юрисдикции активы. Параллельно — подготовка организационно-идеологических основ для сепаратистских действий в регионах. Этот этап сейчас в стадии активной проработки.

На данном этапе предусматривается также решение следующих задач:

— консолидация контроля США над Европейским союзом и странами НАТО;

— использование вооруженных сил Польши, Румынии и стран Балтии, а также наемников из государств Запада, Ближнего и Среднего Востока в боевых действиях против России;

— уничтожение мужского населения и обращение в фактическое рабство женщин и детей Украины

[1] Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Теория долгосрочного технико-экономического развития», «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса», «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на „экономическое чудо“», «Украинская катастрофа. От американской агрессии к мировой войне?», «Экономика будущего», «Последняя мировая война. США начинают и проигрывают», «Битва за лидерство в XXI веке. Россия–США–Китай. Семь вариантов обозримого будущего», «Рывок в будущее. Россия в новых технологических и мирохозяйственных укладах», «За горизонтом конца истории» и др. Депутат Государственной думы I, III, IV созывов. Награжден орденом Дружбы, медалью «В память 850-летия Москвы», медалью Совета безопасности РФ «За заслуги в обеспечении национальной безопасности», юбилейной медалью Совета безопасности РФ, Благодарностью Президента РФ.

[2] Доклад подготовлен на основе текста, опубликованного автором в телеграм-канале «Глазьев для думающих людей» 30 апреля 2022 года, и статьи: *Глазьев С. Ю.* Необходим незамедлительный переход к системе стратегического планирования // Завтра. 2022. 7 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/neobhodim_nezamedlitel_nij_perehod_k_sisteme_strategicheskogo_planirovaniya.

для последующего освоения этой территории в интересах властно-финансовой элиты США, Великобритании и Израиля.

Реализация этого плана, по сути, нацелена на уничтожение русского мира. Вслед за этим американское «глубинное государство» планирует уничтожение Ирана и блокирование Китая.

Однако в силу объективных закономерностей мирового экономического развития этот план обречен на провал. США не смогут победить в развязанной ими мировой гибридной войне за удержание своей глобальной гегемонии. Они неотвратимо проигрывают ее Китаю, который стремительно усиливается вследствие антироссийских санкций.

В стремлении нанести России максимально возможный ущерб Вашингтон, Лондон и Брюссель разыграли свои главные козыри: монополию на эмиссию мировых валют, имидж образцового правового демократического государства, веру в «священное» право частной собственности. Тем самым они поставили все независимые от них страны перед необходимостью поиска новых мировых валютных инструментов, механизмов страхования рисков, восстановления норм международного права и создания собственных систем экономической безопасности.

Антироссийские санкции не усилили, а наоборот, подорвали глобальное доминирование США и ЕС, к которым весь остальной мир стал относиться с недоверием и опаской. Они резко ускорили переход к новому мирохозяйственному укладу и перемещение центра мировой экономики в Юго-Восточную Азию. России нужно выстоять в противостоянии с США и НАТО, доведя СВО до логического конца, чтобы не оказаться разорванной между ними и Китаем, который уверенно становится лидером мировой экономики.

Однако чем слабее становятся позиции США в мире, тем агрессивнее ведет себя их властвующая элита. Избрав Россию как направление главного удара, они пойдут до конца в стремлении доказать всему миру свою роль глобального гегемона. Чтобы выстоять в борьбе с противником, который на порядок превосходит нас в финансовой, экономической и технологической мощи, необходима мобилизация всех имеющихся в стране ресурсов. Между тем мы пока их теряем: продолжаются утечка умов и капитала (65 млрд долл. в I квартале 2022 г.), вывоз подавляющей части природных ресурсов; простаивает половина производственных мощностей.

Экономические ведомства вместо того, чтобы предлагать меры по мобилизации свободных ресурсов, вслед за МВФ рисуют мрачные прогнозы падения в этом году ВВП, сокращения инвестиций и доходов населения на 6–10 %. Однако если проводить научно обоснованную экономическую политику, то имеющийся ресурсный потенциал позволяет обеспечить прирост этих показателей на 5–15 %.

Примером такой политики может служить деятельность правительства Примакова–Геращенко, работавшего с сентября 1998 года по май 1999-го, которое в худшей ситуации сумело за месяц стабилизировать макроэкономическое положение и добиться роста промышленного производства до 2 % в месяц. Вместо повышения ключевой ставки при большей, чем сегодня, инфляции, В. Геращенко оставил ее на неизменном уровне, кратно ниже инфляции. Одновременно была зафиксирована валютная позиция коммерческих банков и ужесточен валютный контроль. Это защитило валютный рынок от спекулянтов, и благодаря положительному торговому балансу курс рубля быстро стабилизировался. Были заморожены тарифы на услуги естественных монополий и усилена антимонопольная политика, а также восстановлены экспортные пошлины на вывоз сырьевых товаров, что сбило инфляционную волну и обеспечило значительные доходы бюджета. Открывшиеся возможности импортозамещения были реализованы благодаря потоку дешевых кредитов посредством введенных Геращенко механизмов целевого рефинансирования коммерческих банков под кредитование производственных предприятий. Быстрый рост производства отечественных товаров позволил насытить рынок и подавить инфляцию. Экономика вошла в режим расширенного воспроизводства на собственной технологической базе.

Начиная с 2012 года регуляторы финансово-банковского рынка проводят противоположную политику в идеологическом русле «Вашингтонского консенсуса». Накопленный с 2014 года ущерб от такой политики в России оценивается в 30 трлн рублей недопроизведенной продукции и 15 трлн рублей несделанных инвестиций.

В целях снижения зависимости денежной системы страны от санкций следует запретить вывоз золота и ввести налог на приобретение иностранной валюты, а также налог на вывоз капитала не ниже размера подоходного налога.

Целесообразно немедленно ввести специальный инструмент рефинансирования уполномоченных коммерческих банков, кредитующих инвестиции в импортозамещающие производства не более чем под 2 % годовых до трех лет. Аналогичный инструмент необходимо применять для кредитования импортозамещающего производства машин и оборудования (станков, сельхозмашиностроения, дорожно-строительной техники и пр.).

Из нефинансовых санкций самой болезненной мерой станет прекращение обслуживания самолетов американского и европейского производства. Других вариантов, кроме форсированного наращивания производства Ту-204 (214), Ил-96 и Ил-114 с автоматическим выкупом этих самолетов государственными банками и предоставлением в лизинг авиаперевозчикам, нет. Банку России необходимо срочно включить специальный инструмент рефинансирования по ставке не более 1 % уполномоченных коммерческих банков под залог приобретаемых ими отечественных самолетов.

Несмотря на текущую сбалансированность продовольственного рынка, в целях его долгосрочного поддержания следует ввести эмбарго на экспорт зерна, масла, сахара, нарастить запасы продовольственных товаров первой необходимости, в том числе в целях проведения товарных интервенций (при необходимости — для перехода к прямым административным

методам их распределения среди населения). Следует также сдерживать удорожание и вывоз минеральных удобрений путем введения экспортной пошлины. То же надо сделать в отношении вывоза продукции химико-металлургического комплекса, пользующейся спросом на внутреннем рынке.

Сверхактуальной задачей является переход на отечественное программное обеспечение во всех сферах, начиная с государственного сектора, оборонной промышленности, энергетики.

Ответом на введение ограничений на экспорт в Россию высокотехнологического оборудования может быть только широкое импортозамещение и форсированное развитие высокотехнологической кооперации с КНР. И то, и другое требует массированного кредитования посредством развертывания Банком России специальных инструментов рефинансирования коммерческих банков и институтов развития, выдающих целевые займы на реализацию инвестиционных проектов на условиях, аналогичных китайским (от 0,5 до 2 % годовых на срок до 10 лет и больше).

В целом для эффективного управления функционированием и развитием экономики в настоящий особый период необходим скорейший переход к системе стратегического планирования, основанной на уже опробованных механизмах частно-государственного партнерства с введением процедур ответственности за достижение плановых показателей и подкрепленной целеориентированной денежно-кредитной политикой финансирования реализации поставленных задач стратегического планирования.

Исходя из успешного современного международного опыта, предлагается внедрение специального инструмента Банка России по рефинансированию уполномоченных коммерческих банков и институтов развития, кредитующих инвестиционные проекты, оформленные как СПИК (специальные инвестиционные контракты), СЗПК (соглашения о защите и поощрении капиталовложений) или в других установленных правительством форматах многосторонних инвестиционных соглашений. В число участников этих соглашений следует включить уполномоченные правительством коммерческие банки и институты развития, которые под объем предусматриваемых в них инвестиционных кредитов могли бы получать рефинансирование от ЦБ по ставке не более 1 % годовых на срок исполнения контрактов. В этом случае конечный заемщик мог бы брать кредит на реализацию инвестиционного проекта под 2–3 % годовых. Это соответствовало бы как международным конкурентным условиям, так и объективно низкой рискованности проекта, оформленного как инвестиционный контракт с уполномоченными Правительством органами власти и коммерческими банками (институтами развития).

В целом масштаб угроз и вытекающих из них перспективных задач, исходя из целей обеспечения опережающего экономического роста темпами выше среднемировых, требует неотложной реализации мер по суверенизации экономического пространства России и поддержанию необходимого уровня экономической безопасности.

Стратегическое управление развитием и экономический суверенитет

1. Разработка стратегического плана мобилизации имеющихся ресурсов с целью обеспечения вооруженных сил и населения необходимыми товарами и нормативно-правовой базы по его исполнению. Осуществление этого плана должно вестись на основе частно-государственного партнерства и финансироваться Банком России посредством специальных инструментов рефинансирования уполномоченных коммерческих банков, которые должны доводить целевые кредиты до предприятий под контракты на производство продукции во исполнение указанного плана.

2. Формирование централизованной структуры управления во главе с Президентом, аналогичной Госкомитету обороны СССР, постановления которого должны иметь силу закона и которому должны подчиняться все органы власти, включая правительство и Центральный банк, системообразующие банки и корпорации, администрации субъектов Федерации. Государственные банки и предприятия, крупные частные корпорации должны быть поставлены в жесткие рамки реализации решений этого органа по выполнению госзаказов по централизованно устанавливаемым ценам. Экспорт и импорт стратегически важных товаров должен контролироваться правительством с целью обеспечения вооруженных сил всеми необходимыми ресурсами. Для этого должен быть введен порядок формирования государственного резерва за счет обязательной продажи правительству части валютной выручки по фиксированному курсу.

3. Подчинение макроэкономической политики, в том числе денежно-кредитной, целям модернизации и роста производства высокотехнологической продукции военного и двойного назначения. Для этого должны быть организованы кредитные линии со ставкой не более 2 % годовых для предприятий, производящих продукцию по государственным заказам и работающих по государственным программам.

4. Создание резервов стратегических видов сырья и материалов, необходимых для выпуска военной продукции и обеспечения социально-экономической безопасности страны с их приобретением в государственный резерв Банка России наряду с золотом и валютными ценностями.

Внешнеэкономическая безопасность

5. Ренационализация Московской биржи с ее подчинением Банку России. Восстановление управления курсом рубля. Защита валютно-финансовой системы от спекулятивных атак на основе стандартных мер охлаждения рынка, лицензирования капитальных и ограничения неторговых операций, фиксации валютной позиции коммерческих банков. Введение налога на продажу валюты и ценных бумаг, приобретенных менее года назад. Кардинальное повышение эффективности валютного контроля. Деофшоризация экономики и прекращение нелегального вывоза капитала согласно ранее представленным рекомендациям.

6. Отказ от услуг рейтинговых агентств, аудиторских, консалтинговых и юридических компаний недру-

жественных стран в разработке методик денежных властей, работе государственных ведомств, банков и корпораций.

7. Расширение евразийской экономической интеграции как по набору функций регулирования экономики (дополнить их валютной, монетарной образовательной и информационной политикой), так и по числу стран ЕАЭС.

8. Переход на национальные валюты во взаимной торговле и инвестициях не только в ЕАЭС и СНГ, но и в рамках БРИКС, ШОС. Вывод совместных институтов развития из долларовой зоны. Создание независимой от недружественных стран платежной системы и системы обмена межбанковской информацией.

В условиях экономической войны против России важно добиться решения поставленной Президентом РФ задачи перевода экспорта наших товаров на российский рубль, что приведет к формированию принципиально иной, устойчиво профицитной внешнеторговой системы. Профицит внешней торговли только в 2022 году за счет предложенного подхода оценивается в 25 трлн рублей. В контексте отказа от торговли в валютах недружественных стран необходимо ускорить «отвязку» воспроизводства российской экономики от западного ценообразования на отечественные биржевые товары, установив твердые внутренние цены на них и заморозив тарифы на электроэнергию и транспортные перевозки на текущий год. Такая политика приведет к замещению импорта и развитию собственной промышленности, росту доходов граждан, суверенизации единого экономического пространства ЕАЭС.

При этом в сегменте торговли сырьем с недружественными странами следует ввести экспортные пошлины, что позволит изымать в доход федерального бюджета природную ренту в объеме до 25 трлн рублей и устранять конъюнктурную зависимость от колебания цен на глобальных рынках.

Новая архитектура международных валютно-финансовых отношений

В сложившейся ситуации Россия должна выступить мировым лидером — инициатором перехода к новой мировой валютно-финансовой системе, основанной на международном договоре, предусматривающем прозрачные правила эмиссии и обращения цифровой международной расчетной валюты, обеспеченной корзиной национальных валют стран — участниц этого договора и запасами производимых в них биржевых товаров («товарный жгут»). Математическая модель конструирования такой валюты показала ее высокую устойчивость. Параллельно надо разработать механизм ценообразования в этой валюте, для чего необходимо создание собственного биржевого пространства, над концепцией которого сейчас работают специалисты ЕЭК.

Участниками формирования новой, справедливой и прозрачной мировой валютно-финансовой системы, наряду с такими жертвами американской агрессии, как Россия, Иран, Венесуэла, Куба, Афганистан, могут выступить страны — лидеры нового мирохозяйственного уклада: Китай, Индия, страны АСЕАН.

Необходимо срочное завершение затянувшегося процесса создания государственной идеологии, соответствующей традиционным нравственным ценностям, с современными ориентирами поведения. Она могла бы основываться на концепции социально-консервативного синтеза, объединяющей ценности социальной справедливости и христианской (мусульманской, буддистской) морали. Эта идеология должна быть не только декларирована, но и практически подтверждена в механизмах регулирования социально-экономического воспроизводства: в прогрессивном налогообложении доходов и имущества, универсальных социальных гарантиях, карьерных возможностях, национализации незаконно приватизированных или отданных под контроль противника объектов инфраструктуры и стратегически важных предприятий-монополистов, включая переданные под контроль Казначейства США гидроэлектростанции.

Идеология социально-консервативного синтеза, а также предложенные выше меры полностью соответствуют принципам функционирования нового, интегрального мирохозяйственного уклада. В его основе — сочетание централизованного стратегического планирования и механизмов рыночной конкуренции, поощрения частной инициативы и государственного контроля за денежным обращением; гармонизация деятельности всех социальных групп исходя из критерия повышения общественного благосостояния. Следованию этой идеологии должна быть подчинена деятельность государственных СМИ.

Ч. Годдард[1]

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ?[2]

Введение

Поневоле приходит на ум китайское проклятие: «Чтоб ты жил в интересные времена!» Сегодня мир очень изменился вследствие пандемии и специальной военной операции. И молодежь (наши студенты) унаследует нынешнюю изменившуюся реальность, которая, надо признать, теперь не так комфортна, как раньше.

Мы слышим западную пропаганду, возглавляемую премьер-министром и министром иностранных дел Великобритании. Поощряются русофобия, широкомасштабные экономические санкции и воинственные действия с поставками оружия тем, кто не поддерживает наш образ жизни. В результате мир будет иначе относиться к молодежи.

Русские, как мы знаем, не сдаются. Мы можем сказать: «Пусть делают все самое плохое, на что способны, — мы выживем». И, конечно, мы это сделаем. Но нам нельзя оставаться пассивными. Напротив, мы должны занять активную жизненную позицию[3]. Мы не можем позволить тем, кто находится за пределами наших границ, диктовать нам, как мы должны жить, заставляя нас существовать в соответствии с их правилами. Популярная телевизионная программа «Их нравы» показывает, какими могут быть эти условия и стандарты. «Цветная революция» и гендерная свобода не являются частью нашей культуры. Итак, что можно сделать?

Европейское пространство

Оно существенно изменилось после заключения Дюнкеркского договора между Великобританией и Францией в 1947 году. Европейское сообщество расширилось благодаря Брюссельскому договору, модифицированному Брюссельскому договору, затем Североатлантическому договору (с 12 первоначальными подписантами) и еще больше увеличилось в связи с последующим присоединением к НАТО 18 новых государств.

Резолюция Ванденберга, принятая Конгрессом США в 1948 году, лежит в основе американской приверженности к военному вмешательству для защиты европейских территорий, что позволило создать НАТО. Эта резолюция также составляет основу при оказании влияния, формировании мнения и завуалированном контроле над этими территориями и народами.

Как пишет Ф. А. Лукьянов, *«февраль 2022 года стал завершением масштабного исторического эксперимента, направленного на проверку гипотезы о возможности включения России в международный порядок, созданный ведущими западными державами без ее участия, но с предоставлением определенного пространства для ее развития в соответствии с правилами, установленными лидерами этого порядка. Результат оказался отрицательным»*[4].

О последствиях этой ситуации интересно рассуждает знаменитый советский и российский кинорежиссер Н. С. Михалков. Как иностранцу, мне кажется, что он предлагает много интересных идей, касающихся русского мышления и культуры. В его известной программе «Бесогон» используется изображение святого IV века, что подразумевает изгнание бесов и устранение ложного мышления. Библейское выражение «Имея очи, не видите? имея уши, не слышите?» (Мк. 8:17) можно легко применить к тем, кто из-за рубежа смотрит на Россию и русских.

На сайте Have Fun With Russian («Русский с улыбкой») размещена познавательная двуязычная статья, в которой он говорит о русских: *«...мы же понимаем, что мы никогда не будем милы. Мы — другие. Наша вера — другая. Наши представления о добре и зле — другие. Не потому, что мы лучше, но мы другие… мы должны быть мощными, независимыми, вооруженными, знать свое место и точно понимать, что мы никому его не отдадим. И это должно быть основой для нас. Вот, как мне кажется, основой нашего существования должны быть только национальные интересы нашей страны и наших народов».*

К сожалению, при создании послевоенного европейского пространства была проигнорирована огромная пропасть между мышлением, стремлениями и культурой европейцев и народов Советского Союза, европейцы просто навязывали им собственный порядок. Можно назвать этот процесс постоянно расширяющимся коллективным колониализмом. Такова предыстория сложившейся ситуации.

Влияние на Россию

Некоторые идеологии привлекательны, ими восхищаются за качества, выходящие за рамки собственного опыта человека. Либералов легко соблазнить. Эксперимент с Болонской системой образования стал одним из примеров такого соблазна для России. В ходе этого эксперимента были перенастроены и переопределены

[1] Профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Культура применения права в Великобритании», «Эксперты и экспертные свидетельства в международном арбитраже: использование, задачи и обязанности, основания для назначения», «Англичанин в Москве и МГЮА», «Английский язык и право — возможности в университете» и др. Член Королевского института британских архитекторов, Совета по регистрации архитекторов, Ассоциации менеджеров проектов, Ассоциации специалистов по проектному надзору, Королевского института арбитров, Королевского общества искусств, юрист в области строительства, международный арбитр. Главный редактор журнала «Kutafin University Law Review».

[2] Мнение, выраженное в этом докладе, принадлежит только автору и не является мнением какой-либо организации или лица, с которыми он связан.

[3] На современном сленге ее называют «активная жизненная позиция» или АЖП.

[4] *Lukyanov F. A.* Old Thinking for Our Country and the World // Russia in Global Affairs. 2022. № 20 (1). P. 5–10. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-1-5-10.

российское высшее образование и его дипломы в модель, подходящую для западной интеграции. Результат нельзя назвать удовлетворительным. Например, мы наблюдаем абсолютное размывание системы пятилетней квалификации специалиста и одновременно ретроградный сдвиг в предоставлении школьного образования.

Общая роль образования, по словам секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушева, заключается в том, чтобы *«развивать логическое мышление, давать знания и способность принимать самостоятельные решения»*[1].

Нельзя не согласиться с ним в том, что сегодня детей учат ставить крестики в квадратиках. Те из нас, кто, будучи родителями, контролирует выполнение домашних заданий, видят все большую тенденцию к «проставлению крестиков» и отходу от заданий, которые развивают личность и интеллект.

Н. П. Патрушев также обращает внимание на то, что образование не может быть цифровизировано, потому что оно заключается в развитии интеллектуальных и духовных качеств личности. Они передаются не посредством онлайн-занятий через Zoom, а только через тесное межличностное взаимодействие между студентом и преподавателем.

Одно из моих самых сильных впечатлений от жизни в России — это кинокультура советской эпохи, в частности «Ленфильм» и «Мосфильм». Голливуд проигрывает в сравнении с ними. За некоторыми исключениями, советские/российские фильмы более глубоко изображают человеческие межличностные отношения. Личные качества являются основой нашего общества, и мы должны извлекать из них пользу.

Финансирование образования

Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию О. Н. Смолин в вышеупомянутой статье сообщил неприятную новость. Действительно ли мы опустились в рейтинговой таблице ЮНЕСКО и Всемирного банка по финансированию образования в процентах от ВВП с 98-го на 120-е место из 193? В советское время расходы на образование составляли 7 % от ВВП. Актуальные данные труднодоступны, но, согласно недавней информации Организации экономического сотрудничества и развития, *«Российская Федерация вошла в десятку стран ОЭСР с самой низкой долей ВВП, затрачиваемой на учебные заведения от начальных до высших. В 2018 году Российская Федерация потратила на образовательные учреждения 3,4 % ВВП, что на 1,5 процентных пункта ниже, чем в среднем по ОЭСР»*[2].

На мой взгляд, вопрос о размере средств, выделяемых на образование, относится к компетенции Совета безопасности, и я думаю, что мы все должны поддержать секретаря, который подчеркивает опасность, исходящую от интеллектуально неразвитого населения, неспособного справляться с необходимыми задачами. Попытки обратить этот процесс вспять и улучшить качество образования населения заставляют вспомнить еще одно советское достижение.

Электрификация

Возрождение централизованного стратегического экономического планирования[3] возвращает нас к советским представлениям о том, что экономикой и ее секторами можно позитивно управлять в интересах общества. Эта идея часто критиковалась на Западе как нечто неприемлемое, в частности так называемые пятилетки, порожденные коммунистической идеологией.

Однако идея централизованного планирования была отражена в планах экономического восстановления, таких как американский план Маршалла 1948 года (он же Программа восстановления Европы). После его реализации наблюдался значительный рост европейского сельскохозяйственного и промышленного производства, а также существенное улучшение торгового баланса и связанного с ним «долларового дефицита». Это доказательство того, что централизованное планирование может быть эффективным. В план было вложено 15 млрд долларов США (что было важно с идеологической точки зрения), а вышеупомянутая резолюция Ванденберга позволила принять обязательства по американскому военному вмешательству в Европе. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке; вместе с этим планом было реализовано значительное идеологическое проникновение зарубежных ценностей туда, где их до этого времени не было. Это влияние постепенно расширялось на восток.

Изучение централизованного планирования должно начинаться с программы Ленина «Электрификация Советского Союза». Многим известны план ГОЭЛРО[4] — первый советский план восстановления и развития народного хозяйства и высказывание, относящееся к тем временам: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны».

Повторная электрификация

Мы не хотим ненужной конфронтации, но и не можем больше обольщаться иллюзиями демократии и либерализма. Мы также не должны соглашаться жить в пространстве (как физическом, так и интеллектуальном) с границами (как геополитическими, так и культурными), которым год от года угрожает все больше опасностей.

Исходя из вышеперечисленного, я делаю вывод, что нам необходима «повторная электрификация» общества через реформы образования для создания необходимого инструмента активной жизненной позиции, чтобы восстановить баланс между нашим и западным образом жизни. В частности, я хотел бы увидеть воз-

[1] Глава Совбеза призвал вернуть советский опыт образования. Что не так с нынешней системой? // Накануне.ru. 2022. 31 мая. URL: https://www.nakanune.ru/articles/118751/.

[2] Russian Federation // OECD iLibrary : [сайт]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/7659c2a2-en/index.html?itemId=/content/component/7659c2a2-en (дата обращения: 03.05.2022).

[3] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

[4] ГОЭЛРО (сокр. от Государственная комиссия по электрификации России) — государственный план электрификации Советской России.

врат к советской системе образования с переориентацией на диалектическое обучение (об этом см. далее), чтобы бросить вызов и дать отпор тому, что существует за пределами наших границ и неприемлемо для нас. Все мои знакомые, прошедшие через советскую систему обучения, — культурные, умные, сомневающиеся и способные люди.

Диалектическое обучение

Диалектика — это нечто большее, чем просто дебаты. По сути своей, это дискурс между двумя сторонами, придерживающимися различных точек зрения по какому-либо вопросу, где обе стороны хотят выяснить истину с помощью аргументированных логических доводов. Это требует открытости ума, взаимного уважения и любознательности. В отличие от дебатов — излюбленного символа демократии Запада, — диалектика исключает субъективные вопросы, такие как эмоции или риторика. Существует взаимное желание выяснить истину, а не просто заставить одну сторону принять позицию второй. В настоящее время введение односторонних (и незаконных) санкций[1] показывает явное желание навязать свою точку зрения, а не участвовать в диалектическом дискурсе.

Что касается сферы моей деятельности, то диалектические методы находят применение в международных конкурсах учебных судебных процессов. Они также предполагают рассмотрение дела, но при этом юридические вопросы должны быть исследованы и аргументированы в письменной и устной форме. Студенты делают это как для истца, так и для ответчика на основании одних и тех же фактов и должны отстаивать свою точку зрения, аргументируя ее. Учащийся делает это в свободное время, а оплата преподавателя — в тех случаях, когда она вообще начисляется за это, — не соответствует количеству часов, потраченных на поддержку учащихся. Тем не менее российские команды регулярно показывают очень хорошие результаты. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (в частности, кафедра правового моделирования под руководством Я. О. Алимовой) за последние пять лет занял два первых места в российских турах международного конкурса Джессопа и дважды попадал в 16 лучших (из 540) в международном конкурсе им. Виллема Виса. Оба являются англоязычными соревнованиями по студенческому праву. Факультет также может похвастаться успешными примерами участия и побед в подобных российских конкурсах. Эти соревнования отличаются жесткой конкуренцией и интеллектуальной строгостью.

Языки

Должно ли изучение иностранных языков быть частью образования в России? Мы должны быть готовы вести баталии за границей на языке команд наших противников. Следует отметить, что министр иностранных дел России свободно говорит на английском языке, а президент — на немецком. В сфере высоких политических глобальных взаимодействий наши лидеры и те, кто их поддерживает, прекрасно понимают смысл известной цитаты президента ЮАР Нельсона Манделы: *«Если вы разговариваете с человеком на языке, который он понимает, вы обращаетесь к его разуму. Если вы разговариваете с ним на его родном языке, вы обращаетесь к его сердцу»*.

Для молодых юристов новая реальность полна разнообразных возможностей. Мы должны иметь возможность оспаривать незаконные действия, предпринятые против нас за рубежом, на языке противников. В частности, важной является сфера государственного инвестиционного арбитража, которая становится еще более значимой в связи с действиями, предпринимаемыми враждебными государствами против инвесторов, которыми могут быть Российское государство или российская организация. Международный Франкфуртский государственный инвестиционный конкурс[2] поможет подготовить студентов к диалектическим спорам в этой области.

Выводы

Мы должны вновь «электрифицировать» наше общество при помощи обогащающего межличностного образования советского типа с акцентом на развитие эффективной диалектики. В некоторых областях, например в юриспруденции, это является основным навыком. В других областях она нужна для поддержки и развития граждан до такого уровня интеллектуальных способностей, который позволит решать стоящие перед ними задачи, включая защиту нашего образа жизни, когда от них это потребуется.

[1] Многие санкционные меры включают новые законы, меняющие правовой статус некоторых вещей, например владения собственностью и другими активами. Затем новые законы используются для оправдания кражи государственной и индивидуальной собственности. Судебная практика в отношении ретроспективных законов и их незаконности хорошо известна. Мы слышали, что судебные иски России против этих санкций уже ведутся (см., например: Медведев заявил, что Россия подаст в суды из-за санкций // Коммерсантъ. 2022. 6 апр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5294610).

[2] Я преподавал этот предмет на уровне магистратуры как российским, так и иностранным студентам. Эта область сложна — как правило, объем стандартного учебника составляет более 1200 страниц. Хотелось бы в 2022–2023 годах подготовить группу студентов для этого конкурса, в котором мы до сих пор никогда не участвовали. В этой области наши студенты получат преимущества в результате демонстрации своих способностей.

Ал. А. Громыко[1]

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА — ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Взрослый европеец 30–40 лет назад и сейчас — это люди из разной реальности. Но в учебниках истории за указанное время изменилось не столь много, если брать историю Европы до второй половины XX века. Школьные учебники в странах на пространстве от «Лиссабона до Владивостока» по своей сути — продукты одной рамочной культурной матрицы, пусть, возможно, самой многоликой и противоречивой в мире. Культура — одна из граней «длинной истории», истории структур, которые меняются крайне медленно. Человеческое поведение и восприятие мира никогда не поспевали за темпом технологического развития. Тем более это относится к идентичности каждого народа и отдельно взятого человека, включая культурную среду, в которую мы помещены с детства и которой пронизаны. Эта среда сильно дифференцирована на культуру высокую и низкую, элитарную и народную, утонченную и потребительскую, локальную и глобальную.

Культура отражает ход истории, как во многом и придает ей форму. Европа 1980-х годов еще представляла собой послевоенный феномен, часть мира, не только разделенного биполярной эпохой, но и сформированного Великой Победой 1945 года. Однако экономически и технологически Европа уже была глубоко вовлечена в процесс перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от модерна к постмодерну, в том числе в области культуры. Именно в 1980 году вышла книга классика футурологии Элвина Тоффлера «Третья волна» о постиндустриальном мире[2]. И все же настоящим водоразделом стал рубеж 1980–1990-х годов, когда мир после окончания холодной войны и ухода Советского Союза в историю стал превращаться в глобальный с точки зрения торговли, рыночных отношений, финансов, политики и, конечно, культуры.

Ко всей Большой Европе относятся слова Э. Гуссерля, сказанные в 1935 году: «Как бы ни были враждебно настроены друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия»[3]. Европейцы, наследники греко-римской и христианской цивилизаций и до, и после 1945 года воспитывались на классических примерах и произведениях эпох Возрождения и Просвещения, литературы, поэзии, живописи и архитектуры Нового времени, «золотого» для России XIX столетия. Возможно, позапрошлый век стал пиком европейской культуры, по крайней мере, в ее «высокой» составляющей. Затем европейский гуманизм был почти растоптан и уничтожен двумя мировыми войнами. Биполярный мир во многом политизировал европейскую культуру, но не полностью.

Окончание холодной войны на рубеже 1980–1990-х годов несколько сгладило противоречия внутри Старого Света, в том числе вследствие деидеологизации культуры. Одним из символов этого стало возвращение писателя Александра Солженицына в 1994 году в новую Россию, то есть 20 лет спустя после высылки писателя из СССР. Солженицын рассуждал об обновленном союзе трех славянских республик — России, Белоруссии, Украины — и Казахстана[4]. Другой знаковой фигурой из тех, кого выслали за антисоветские взгляды из СССР, был философ Александр Зиновьев. С 1978 по 1999 год он проживал в Мюнхене. Во многом вслед за Солженицыным траектория его взглядов развивалась от западничества к славянофильству.

После демонтажа «железного занавеса» новых культурных разломов, уже иного уровня, со временем избежать не удалось. Европа, подтверждая диагноз своей вечной внутренней противоречивости, стала местом новых разделительных линий, а западные европейцы занялись новой социальной и культурной инженерией. В лице Европейского экономического сообщества, а затем Европейского союза создавался нарратив новой Европы, границы которой приравнивались к границам интеграционного проекта с центром в Брюсселе. Цивилизационные границы Старого Света исторически были подвижными — они то сужались, то расширялись, но в целом с течением времени вбирали в себя все новые и новые земли.

Но никогда до 1990-х годов не предпринималась попытка вместо цивилизационного, исторического, политического, социального и культурного пространства бывших европейских метрополий обозначать границы Европы внешним контуром постмодернистского регионального интеграционного объединения, другими словами — вначале умозрительно резко сузить европейское пространство до территории ЕС, а затем расширять «Европу» на основе сконструированных и формально узаконенных в ЕС правил. В России же возобновился давний историософский спор, в котором Россия и Запад противопоставлялись.

---

[1] Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании. 1970–1990-е годы», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.), «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (ред. и соавт.), «О насущном. Европа и современный мир» и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», главный редактор журнала «Общественные науки и современность». Президент Ассоциации европейских исследований России. Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Входит в бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Член Научного совета при министре иностранных дел России, Российского совета по международным делам. Заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), Воронежского государственного университета. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006).

[2] *Toffler A.* The Third Wave. N. Y. : William Morrow, 1980.

[3] *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология. М., 1995. С. 302.

[4] *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 сент. № 213–214. С. 1. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf?ysclid=l37jbz6mj7.

За своеобразием 1980-х годов в истории Старого Света последовал период иллюзий, а затем разочарований, в том числе эпического масштаба, таких как Великая рецессия или пандемия. Многие несущие конструкции современной европейской культуры стали осмысливаться именно в 1980-е годы. Не случайно француз Жан Бодрийяр опубликовал свою знаменитую работу «Симулякры и симуляции»[1] в 1981 году, один из тезисов которой стал эталонным: «В мире все больше информации и все меньше смысла».

В течение последних десятилетий в западной части Старого Света предпринимались попытки придать европейской культуре новые смыслы. Одним из них стало представление о «новом Средневековье», которое развивал и популяризировал Умберто Эко среди прочего в работе «Средние века уже начались» (1993)[2]. В ней он полемизировал с более ранней антиутопией Роберто Вакка «Ближайшее средневековое будущее»[3] (1971), в которой автор предсказывал отступление современной технологической эры в мрачное прошлое[4]. Сам Эко был более оптимистичен и рассматривал современность как «непрерывный переходный период», когда, как в Средневековье, задача заключалась не в консервации прошлого, а в том, чтобы взять конфликт между старым и новым под контроль и создать механизм адаптации. Эти рассуждения Эко созвучны идеям в работах других мыслителей, посвященных различным аспектам риска. Так, в 1986 году вышла хрестоматийная книга Ульриха Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». Феномен риска изучал в своих работах о позднем модерне Энтони Гидденс[5].

Последние десятилетия роднят ощущения европейца со средневековой темой страха, даже с ожиданием конца света, по крайней мере, окончания того мира, к которому привыкли. Такие чувства причудливым образом переплетались с периодами эйфории. Но новый духовный подъем всегда заканчивался возвращением пессимистических настроений. В 1980-е годы Европа боялась третьей мировой войны между СССР и США из-за размещения на ее территории, по обе стороны «железного занавеса», ядерных ракет. В 1986 году разразилась техногенная катастрофа в Чернобыле. Эйфория окончания холодной войны сменилась холодным душем конфликтов на постсоветском пространстве, югославскими войнами и борьбой за сохранение территориальной целостности самой России. Перестроечные иллюзии были омрачены драмами и трагедиями миллионов людей, которые оказывались не «по ту сторону» границы после распада СССР.

На рубеже тысячелетий ожидания счастливого «конца истории» сменились мрачными прогнозами «столкновения цивилизаций». Приближение в летоисчислении магической цифры «2000» одни связывали со Страшным судом, другие — с «компьютерным апокалипсисом». Не успел новый миллениум начаться, как с российского на новый уровень поднялась проблема международного терроризма после «9/11». На уничтожение европейской культуры и ее физическое истребление был направлен проект так называемого всемирного халифата ИГИЛ. В 2008–2009 годах Европу сотрясла Великая рецессия, а в 2020-м — пандемия COVID-19.

Стали множиться проявления гиперлиберализма, например требование, введенное в ряде европейских стран, удалить из общественных мест и внешнего облачения человека символы веры. Тем самым с точки зрения консервативной общественной мысли, да и здравого смысла Европа лишала себя культурных корней, культурного иммунитета, становилась уязвимой перед экспансией других культур, включая фундаменталистскую часть исламской культуры. Система ценностей современного европейца все больше представляла собой деформированный, несбалансированный набор идей, среди которых доминирует не либерализм в его классическом виде, а неолиберализм в ущерб консервативным и коллективистским традициям общественной мысли и сознания[6].

Начиная с 1990-х годов европейская культура и идентичность европейца подверглись испытаниям из-за небывалых миграционных процессов. После распада СССР несколько десятков миллионов бывших советских граждан оказались в новых государствах, в которых они стали национальным меньшинством. Особенно это коснулось более 20 млн русских. В то же время парадоксальным образом новая Россия, границы которой отодвинулись на восток, этнически превратилась в более европейское государство, чем Советский Союз, так как доля русских, в основе мировоззрения которых превалировала европейская культура, в стране резко выросла (до 80 %).

Критика идей Просвещения, побочным продуктом которых в XX веке стали сверхчеловек Ницше и общество массового потребления, звучала во многих современных литературных произведениях, например в «Парфюмере» Патрика Зюскинда (1985)[7]. Книга Уильяма Голдинга «Повелитель мух», ставшая впоследствии культовой, появилась в 1954 году, но Нобелевскую премию за свое творчество писатель получил в переломные 1980-е (1983)[8]. Ее смысл не в восхвалении Человека — книга не о Прометее или Икаре, а в описании человекопадения.

Другим направлением в осмыслении современного самосознания Европы стала категория империи. Так, появилась литература, посвященная Европейско-

[1] *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. P. : Galilée, 1981 ; *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М. : Издат. дом «Постум», 2015.

[2] *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

[3] *Vacca R.* Il medioevo prossimo venturo. Milano : Mondadori Saggi, 1971.

[4] О «новом Средневековье» задолго до европейских интеллектуалов последних десятилетий писал, например, Николай Бердяев в работе «Новое средневековье» (1924). Бердяев сравнивал свое время с периодом поздней Античности.

[5] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990 ; *Idem.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991.

[6] *Громыко Ал. А.* Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.

[7] *Süskind P.* Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich : Diogenes, 1985 ; *Зюскинд П.* Парфюмер. История одного убийства. М. : Азбука, 2016.

[8] *Golding W.* The Lord of the Flies. L. : Faber and Faber, 1954 ; *Голдинг У.* Повелитель мух // Вокруг света. 1969. № 7–11.

му союзу как империи, в том числе с точки зрения таких элементов культуры, как идентичность и ценности[1]. Отметим, что, исходя из опыта истории, империи стремились к постоянному расширению — и вглубь, и вширь. Когда они теряли способность к этому или когда расширение приводило к перенапряжению сил, начинался процесс (само)разрушения. Точно так же феномен «усталости от расширения» в Евросоюзе (enlargement fatigue) обозначил пределы ЕС как особой империи, даже в случае признания ее облагороженного, «неосредневекового» характера. На деле же история последних двадцати лет показала, что экспансионизм ЕС пошел по жесткому пути, когда «мягкая сила» в инструментарии его внешней политики все больше уходила на второй план, уступая место банальному принуждению и милитаризации. Но такова судьба имперского мышления, какими бы благими лозунгами его ни прикрывать.

Современная европейская культура предстает как переплетение и напластование старого и нового, премодерна, модерна и постмодерна. Из толщи истории в Европу Новейшего времени перенесена установка «Хлеба и зрелищ!», которая приняла гипертрофированный массово-потребительский характер. О подводных камнях омассовления и стандартизации культуры еще в далекие 1920-е рассуждали мыслители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.). Великая народная культура, сотни лет назад породившая в Европе смеховую, потешную, карнавальную культуру, в эпоху постмодерна и «цифры» почти выродилась. После распада социалистического лагеря культиндустрия захлестнула постсоветское пространство.

Христианский гуманизм с угасанием религиозности европейского общества уступал место гуманизму «общечеловеческому», происходила унификация ценностей в духе «конца истории», который в чем-то сродни свойственным религиозному мышлению ожиданиям конца света. Как раньше массово ходили в церковь, так затем массово сели перед телевизионным поп-артом — еще одним мощным орудием моральной и эстетической деградации. Постмодернистская волна омассовления культуры в виде поп-арта ознаменовала откат культуры в своем развитии. Происходило движение вспять от науки к религии и затем к магии.

Одновременно продолжалось совершенствование технологий, а технический прогресс оставлял все меньше времени на осознание действительности. В результате вновь обретала популярность тема противостояния человека и машины. В кинематографе она ярко воплотилась в блокбастерах о беспощадных роботах-терминаторах. COVID-19 принес с собой и новую разновидность луддизма — «восстания людей против машин»: в 2020 году в Европе в страхе от пандемии современные луддиты разрушали вышки мобильных сетей 5G. В этом прослеживается и происходящий в европейском массовом сознании сдвиг от культуры потребления к постматериализму, о чем свидетельствует идеология европейских экологистов и «зеленых».

* * *

Европа и европейская культура за последние десятилетия глубоко погрузились в реальность постмодернизма, возникли его новые ответвления — постпостмодернизм, транс- и постгуманизм. Гуманистические основания европейской цивилизации Нового и Новейшего времени, уходящие корнями в Античность и христианство, сегодня соседствуют с современной массовой культурой и «цифровым» обществом со всеми их светлыми и темными сторонами.

Будет ли и дальше европейское культурное пространство испытывать фрагментацию, политизацию и в значительной степени деградацию — вопрос открытый. Сможет ли классическая культура и дальше служить его «цементирующим раствором»? Возможно ли гармоничное сочетание национальных традиций с «цифровым» миром, полным конфликтов? Кажется, что колоссальное культурное наследие Европы еще имеет запас прочности, чтобы противостоять безвкусию, примитивизации, клиповому мышлению, деконструкции высокой и народной культуры.

[1] См., например: *Zielonka J.* Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006 ; *Тэвдой-Булмули А. И.* Европейский союз как имперский конструкт. К вопросу о применимости понятия // Международные процессы. 2019. № 2. С. 91–100.

А. А. Гусейнов[1]

ЧТО НОВОГО В «НОВОЙ ЭТИКЕ»?

Слово (определение) *новый* в этике, как и в иных областях жизни, прилагается к изменениям разного масштаба, в том числе к эпохальным сдвигам в самом способе существования человека. Новой была этика Иисуса Христа, этика Нового Завета, которая соединяла людей разных племен перед лицом единого Бога. Новой была демократическая этика Нового времени, которая уравнивала представителей разных сословий как граждан одной республики. Новой была также коммунистическая этика, которая должна была сплотить всех людей в единую братскую семью. Есть ли в том, что сегодня именуется «новой этикой», что-то позволяющее видеть в ней нечто подобное?

I

«Новая этика» как термин в его сегодняшнем смысле появилась совсем недавно. Насколько я знаю, пока скрупулезно не прослежена его история. В США «новой этикой» называют моралистический поворот общественного сознания, направленный на очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма[2]. Некоторые отечественные авторы считают, что термин придуман в России, ограничивается русскоязычным пространством и выражает русский взгляд на радикальные моральные процессы, происходящие на Западе [7]. Это словосочетание получило дополнительный импульс и стало своего рода мемом после статьи режиссера К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» [2][3]. В любом случае под «новой этикой» имеются в виду не изменения в наших отечественных моральных представлениях и общественных нравах, хотя они весьма значительны в последние десятилетия (например, по отношению к труду, потребительству, сексуальным отношениям и т. п.), а дерзкие, непривычные с точки зрения традиционных представлений процессы в моральной (этической) практике западных стран.

Понятие «новая этика» употребляется с различными ценностными коннотациями: для одних оно является обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других — шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих — опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации и, что должно нас волновать в первую очередь, представляет собой смертельную угрозу для нас, нашего народа, страны, образа жизни. Последняя точка зрения, а именно позиция радикальных критиков, наиболее интересна и информативна для понимания того, идет ли речь в самом деле о новой этике в вышеупомянутом эпохальном смысле, а именно о другом понимании этических устоев нашего общественного существования.

В фактическом плане речь идет об изменениях в области морали, которые получили концентрированное выражение в широких общественных движениях за постколониальное очищение гуманитарных наук, против дискриминации женщин (Me Too), расизма (Black Lives Matter, BLM), за открытую гендерную идентичность. Эти процессы идут в западных странах, особенно в США и Великобритании, уже сравнительно давно (два-три десятилетия), затрагивают широкий круг проблем общественного сознания и стали существенной и, самое главное, морально превалирующей общественно-политической силой. В России же они получают заметное распространение в последние два-три года и затрагивают отдельные аспекты межчеловеческих отношений (харассмент, политкорректность, гендерная идентичность) и в значительной мере воспринимаются как чужие проблемы, вызывая преимущественно негативную общественную реакцию. Особо подчеркнем: тех, кто называет это «новой этикой» и именно в этом качестве отрицает ее, считая для себя (и в личном, и в историческом, и в религиозно-национальном аспектах) совершенно неприемлемой, возмущают не сами эти движения, а именно их претензии считать свои взгляды единственно правильными. «Новая этика» претендует именно на это — на новую моральную истину.

Женщина, которая через 20 лет вспоминает, как начальник хотел пригласить ее на обед или вожделенно коснулся ее колен под столом, не просто предается воспоминаниям и разбирается в своей душе, она ищет сочувствия, поддержки, сострадания и справедливости; при этом ее мнение в этом случае не должно ставиться под сомнение, точно так же как возможное и искреннее мнение предполагаемого обидчика о том, что у него не было дурных намерений или он даже ничего (самих эпизодов) не помнит, не должно приниматься в расчет: она и он в данном контексте выступают не в их персо-

---

[1] Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Этика и культура», «Философия — мысль и поступок», «Античная этика, «Золотое правило нравственности», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней», «Культурология Дмитрия Лихачева» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Этическая мысль», «Social Sciences», член редколлегий журналов «Вестник РАН», «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

[2] Как пишет русско-американский исследователь В. И. Россман, «вместо классических проблем гуманитарные науки сосредоточились на „микронарративах“, проблемах меньшинств и „новой этике“. В гуманитарных науках произошел своего рода „моралистический“ поворот, который был тесно связан с критикой империализма, колониализма, сексизма, расизма и других социальных недугов. Во многом легитимная, эта критика тем не менее оказалась разбалансированной и привела к перерождению гуманитарных наук в *grievances studies*, карикатурные науки об обидах и жертвах истории. Во всяком случае именно эта проблематика виктимности стала наиболее заметной в публичных дебатах» [9].

[3] «Современный Запад — такой вот преступник, прошедший химическую кастрацию и лоботомию. Отсюда эта застывшая на лице западного человека фальшивая улыбка доброжелательности и всеприятия. Это не улыбка Культуры. Это улыбка вырождения… Современный западный мир оформляется в Новый этический рейх со своей идеологией — „новой этикой“» [1].

нальных качествах, а как выразители неравноправных (маскулинных) отношений между полами.

Гомосексуальной паре мало того, чтобы их оставили в покое, она требует общественного признания, при этом не только юридических прав, но и моральной правоты, чтобы к ней относились так же, как к разнополому союзу. Такого же нравственно-участливого отношения к себе со стороны общества ожидают, требуют люди, экспериментирующие со своей гендерной принадлежностью.

Стороннику движения BLM мало, чтобы осудили расизм в США, важно, чтобы каждый белый почувствовал и публично признал себя расистом, чтобы не чтили их угнетателей (даже если они были «добрыми» хозяевами) в качестве морально достойных героев, не ставили статуи, другие памятные знаки так называемым выдающимся людям из числа рабовладельцев. Логика, заложенная в самом этом движении, заключается в том, что расизм как морально неприемлемое (точнее: абсолютно неприемлемое) явление не может иметь никаких исторических, психологических, экономических и прочих оправдывающих причин и что судить об этом могут и право голоса по этому вопросу имеют только сами представители дискриминируемых рас («цветные»).

В российском (русскоязычном) публичном пространстве и медиасфере акцентированное обсуждение «новой этики» только началось. Тем не менее общепринятое (по крайней мере превалирующее) акцентированно негативное отношение к ней вполне сложилось. Самые важные возражения против нее, которые обозначают качественное своеобразие данного общественного явления и одновременно призваны стать ментальной границей, отделяющей ее от системы так называемых традиционных российских ценностей, уже сформулированы. На мой взгляд, они сводятся к следующим вопросам: «Почему человеку, который ведет себя плохо, я не могу сказать, что он ведет себя плохо?», «Почему, если я считаю, что человек ведет себя плохо, ему недостаточно того, что я не осуждаю его, а он хочет, чтобы я еще считал, что он ведет себя хорошо?», «Почему я должен чувствовать свою вину за то, в чем лично никак не участвую и чего вообще не было в моих намерениях?».

Эти три *почему* отнюдь не надуманны, вполне реально структурируют общественное сознание большинства россиян, задействованы в их повседневном коммуникативном опыте. Их особенность в том, что они не останавливаются на внешних изменениях в нравах, которые несут с собой вышеуказанные западные движения, а вскрывают их глубинную ценностную основу, саму этическую конструкцию отношений между людьми в обществе. Речь действительно идет о новом повороте в этике.

II

«Почему человеку, который ведет себя плохо, я не могу сказать, что он ведет себя плохо?» Этот вопрос, который я позаимствовал из публичных текстов известного журналиста, писателя и общественного деятеля, замечателен своей фундаментальной очевидностью. Он как бы впечатан в тот образ морали, который господствует в повседневном сознании в качестве знания того, что человек должен делать. В самом деле, почему я не могу сказать о чем-то существующем, что это на самом деле существует, что дважды два равно четыре и т. д.? Ответ очень прост: можете, если действительно знаете.

А знаете ли вы, что является хорошим и плохим применительно к поведению, тем более к моральному поведению? Когда вы говорите о ком-то, что он поступил плохо, то возникает вопрос, что вы на самом деле осуждаете: сам поступок, его содержание или факт этого поступка, заключающийся в том, что это был поступок конкретного человека со своим именем. Если речь идет о содержании поступка (слова, действия, взгляда, жизни и т. д.), то, о чем бы ни шла речь, оно поддается объективной (научной) оценке (описанию, измерению, взвешиванию и т. д.). Но если речь идет о факте поступка, индивиде, который совершил поступок, то как вы и вообще кто-либо можете оценить, ведь это же *он* его совершил, это был *его* поступок, и он, совершая его, самим фактом взял на себя всю ответственность за него, все его последствия, включая, между прочим, и вашу (нашу) морализирующую оценку?

Поступок может быть плохим и часто бывает таковым. Но может ли быть плохим человек? Если да, то кто может сказать об этом? И почему именно я, другой, третий, десятый и так далее или даже все вместе можем это делать — компетентно судить об этом? Существует ли какое-то знание, которое позволяет отделить хороших людей от плохих, и если существует, кто владеет им и в какой школе этому учат?

В философии поступка как отношения живого индивида к миру (культуре), как учит Михаил Михайлович Бахтин, следует различать предметное содержание поступка (или само действие в узком смысле), которое является частью, элементом мира, и факт поступка, за которым стоит совершающий его живой индивид [3]. Но не для того надо различать, чтобы соблюсти академическую точность и, не сваливая в одну кучу разные предметы, отделить одно от другого. На самом деле отделить эти стороны (аспекты) поступка невозможно. Поступок *нельзя отделить от того, кто его совершает*: поступок, хороший или плохой, каким бы он ни был, имеет свое имя, является чьим-то поступком; поступок сам по себе, без совершившего его индивида, не существует и не может быть описан в своей фактичности. Вместе с тем индивида также нельзя отделить от поступка: индивид без поступка, без того, чтобы он что-либо делал, что бы это ни было, не является живым индивидом, он просто не существует, есть пустое место, ноль; быть — значит поступать. Как обобщающе сформулировал это фундаментальное свойство человеческого существования М. М. Бахтин, у индивида нет алиби в бытии. Различать эти две стороны (два аспекта) поступка, а именно его субъективное происхождение и эмпирическую (объективную) явленность, факт поступка и его предметное содержание, необходимо, чтобы понять поступок в целостности, чтобы можно было правильно соединить оба его конца и понять его внутреннюю структуру.

Соединить эти разнонаправленные стороны поступка, создающие именно благодаря этой разнонаправленности его каркас, устойчивую целостность, можно только в том случае, если двигаться от факта поступка к его содержанию, но никак не наоборот. Факт же поступка нам дан в его единственности, как этот единственный поступок (взгляд, мысль, дело, шутка, путешествие, книга, страдание, жизнь — словом, что бы это ни было), о единственности которого мы не можем сказать ничего, кроме того, что он произведен конкретным живым индивидом, который весь слился, вошел, воплотился, остался в этом поступке и о котором мы ничего не можем сказать помимо самого поступка, без того, чтобы дать ему имя, назвав того, кому он принадлежал, подобно тому как мы выставляем в музее рубашку, пометив, что ее носил этот знаменитый человек, или храним в доме как необычайную драгоценность чепчик далекого предка.

Если воспользоваться эстетическим языком, то об авторе поступка или поступков мы не можем сказать ничего, помимо того, что дано (зафиксировано, воплощено, запечатлено) в самих поступках и может быть нами описано, доказано, стать предметом анализа и т. д. Из этого следует, что мы можем оценивать поступки, исходя каждый раз из их конкретного содержания и соответствующих каждый раз вполне определенных проверяемых критериев, и более или менее точно определять, является ли тот или иной поступок плохим или хорошим. Для этого у нас каждый раз существуют свои более или менее точные, но всегда конкретные критерии, которые определяются природой (материей, веществом) самого поступка. Но о живом конкретном индивиде, чьим поступком является этот поступок, мы не можем сказать что-то сверх (помимо) поступка, так как между ним и фактом поступка нет никакого зазора. Единственная возможность оставаться в этом случае на почве фактов и быть объективным заключается в том, чтобы судить (выносить суждение) о поступках, но не о человеке, который совершил их, признав за последним лишь саму таинственную, изначальную и неотвратимую способность поступать (долженствовать) — способность, над которой бьется философия, давая ей различные наименования (свобода, свобода воли, произвол, автономия духа, моральная автономия и т. д.). Для нас важно подчеркнуть, что она и в повседневной речи, и в теоретических опытах понимается как моральная сила: при всех разнообразных полемизирующих между собой философских учениях они едины в том, что мораль (моральная сила) есть исходное начало человека, своего рода смысловой нерв человека, ответственный за его деятельное существование.

Эта мысль, согласно которой хорошими и плохими могут быть поступки, но не люди, совершающие их, станет более ясной и привычной, если вместо понятий «хорошее» и «плохое» использовать адекватные для оценки человеческого поведения понятия «добро» и «зло». Альфа и омега моральной оценки заключаются в том, чтобы судить злые дела, но не злых людей, злодейства, но не злодеев. На этой истине основывается этика с тех пор, как теория открыла саму этику как пространство человеческой свободы, а общественное сознание в форме Нагорной проповеди закрепило ее как нормативную практику.

Ведь мы, когда характеризуем некий поступок как злой, исходим из того, что он явился свободным деянием индивида (личности), который мог бы не делать этого. В противном случае мы не могли бы считать его (поступок) злым. Именно поэтому мы хотя и связываем индивида с этим злым деянием, поскольку оно является его деянием, но не отождествляем с ним, сохраняя тем самым за индивидом саму возможность действовать свободно.

Следовательно, уже элементарные требования логики запрещают расширять моральную оценку за фактические пределы человеческих поступков и распространять ее на самих производящих (совершающих) их индивидов, ибо в таком случае последние будут лишены самой возможности производить их. Ведь моральная оценка есть взгляд на реальность сквозь призму добра и зла, сама возможность выбирать между добром и злом. Такой выбор, конечно, не означает, что он этически нейтрален, равно далек от того и другого, а добро и зло равнозначны перед лицом морального субъекта, это означает лишь первый шаг, который индивид делает в качестве морального субъекта, первую развилку его жизненного пути.

Можно сказать так: выбор между добром и злом есть первый выбор на пути добра, в стремлении к добру. Или человек обладает свободой выбора между добром и злом, и тогда он сам не может изначально (субстанционально, по природе, в силу своей конструкции) быть ни добрым, ни злым, он может только хотеть (желать, стремиться, иметь возможность) быть добрым, но не злым. Или он сам по себе (уже изначально) является добрым или злым, и тогда у него нет выбора между добром и злом.

Первое и самое общее определение добра и зла как моральных понятий состоит в том, что первое есть то, к чему мы стремимся, а второе — то, чего мы избегаем. И поэтому, если добрые поступки еще можно с какой-то (скорее всего, ничтожно малой) вероятностью рассматривать как выражение доброй сущности тех, кто их совершает, то в случае злых деяний нет никаких оснований осуществлять такой перенос качества поступка на качества его автора.

Помимо логических соображений, существует социологическая причина, препятствующая переносу моральных оценок с поступков на их авторов. В морали индивиды следуют в качестве моральных только тем требованиям, которые они сами считают моральными, то есть действуют от своего имени. Это и означает автономию морали в ее социологической выраженности. Или, выражая эту же мысль в другой форме, в обществе нет особых субъектов, которые имеют обоснованное и общепризнанное право выступать от имени морали, определять, что есть добро и что есть зло, и ранжировать людей по моральному критерию.

Еще Сократ отметил, что существуют учителя математики, музыки, гимнастики, но нет учителей добродетели. Их потому и нет, что добродетель не усваивается человеком извне. Во всяком (в каждом!) деле есть общепризнанные знатоки, профессионалы, своего

рода учителя, так или иначе санкционированные обществом в этом качестве. В области морали таких лиц нет. И, кажется, это единственная область, в которой их нет. Этические (нравственные) стандарты существуют, но нет стоящих за ними авторитетов, их уполномоченных представителей.

Считается, что каждый человек является их авторитетом и представителем. Нравственная ответственность — способ бытия самих действующих индивидов: что бы они ни делали, они делают то, что они должны делать, ибо никто другой не может действовать за них, и никто, действуя сам, не может делать ничего помимо того, что он должен делать. Как живой индивид не может передать другому свою возможность и способность быть живым, точно так же он не может делегировать другому нравственную ответственность за все то, что он делает. Именно за все, так как не существует отдельных особых моральных поступков, а все поступки, само их бытие в качестве поступков составляют предмет нравственной ответственности; здесь не требуется даже уточнения, что подразумеваются поступки, совершенные в здравом рассудке, ибо сам факт нравственной ответственности является первым и несомненным критерием этого.

Когда в наших массмедиа комментировали движение BLM, зародившееся в США из гнева, вызванного гибелью в городе Миннеаполисе от рук полицейского 46-летнего афроамериканца Джорджа Флойда, отмечали контраст между величественностью почестей (золотой гроб, обилие официальных лиц, продуманно торжественный церемониал похорон), которые оказывали покойному, как если бы он был национальным героем, и сомнительностью дел, которыми отмечена его биография (пять тюремных сроков, последний пятилетний срок до 2019 г. за вооруженное ограбление, в день роковой гибели был остановлен из-за подозрения, что расплатился в магазине фальшивой денежной купюрой).

Комментаторы ценность жизни и достоинство личности Джорджа Флойда, которые были попраны грубыми несоразмерными действиями полицейских, что впоследствии было доказано судом, соотносили и измеряли ценностью тех действий, которые он делал, как если бы первое зависело от второго. А между тем чрезмерное, пусть даже карикатурное, чествование именно этого человека в блеклости и даже ничтожности его биографии с особой силой подчеркивает безусловную ценность жизни и достоинства личности в лице каждого индивида, а закрепляющее эту истину движение BLM поднимает на уровень первостепенной политической силы.

Сложнее выглядит этот вопрос применительно к так называемым выдающимся личностям, деяния которых по историческим критериям считаются прогрессивными, но сами по себе как индивиды и по факту, и по убеждениям они являлись этически токсичными, например были рабовладельцами, как один из отцов Конституции США и первый всенародно избранный президент Джордж Вашингтон. Логично предположить, что нравственное начало человека, поскольку оно не имеет никаких других источников, кроме свободы, не подвержено влиянию времени или, по крайней мере, не может не рассматриваться таковым, не может не быть помыслено в качестве абсолютного закона разумной жизни.

Если нельзя по порочным действиям делать заключение о негативной оценке нравственного достоинства того, кто их совершил, и криминальные деяния Джорджа Флойда не помешали чествованию его личности, то точно так же общественные заслуги не могут стать основанием для нравственного возвышения того, кому они принадлежат, и государственные достижения Джорджа Вашингтона не могут отменить его персонального позора как рабовладельца. Утверждая эту истину в ходе открыто заявленной политической позиции, сторонники BLM, несомненно, поднимают общественную мораль на новый уровень. Они исходят из убеждения, что моральные преступления не имеют срока давности. Это касается и истории общества, в основании которого лежали моральные преступления, ибо оно неизбежно и глубинно несет в себе их следы: в частности, привычка ставить памятники государственным деятелям, несмотря на такие преступления, является одним из доказательств этого.

Это же касается и истории отдельных индивидов, о чем свидетельствуют нашумевшие и получившие широкую огласку случаи харассмента, которые произошли давно (иногда 20–30 лет назад) и в таких случайных формах (например, флирта без последствий), что о них забыли сами обвиняемые. Нравственная травма оставляет в душе жертвы неизгладимый след, так же как тело человека несет на себе след, оставшийся от ножа или пули. И не надо тешить себя иллюзией, что это касается только отдельных чувствительных или смелых натур, которые решаются говорить об этом. В том-то и дело, что это не психическая травма, а нравственная, она касается самого нерва жизни.

III

«Почему, если я считаю, что человек ведет себя плохо, ему недостаточно того, что я не осуждаю его, а он хочет, чтобы я еще считал, что он ведет себя хорошо?» Ответ на это, казалось бы, естественное недоумение связан с тем, что мы понимаем под толерантностью и в чем видим ее роль в человеческом общежитии. Толерантность буквально означает терпимость — это одно слово, однако в перспективе этики оно имеет как минимум два существенно разных смысла.

В первом приближении, в самом общем и повседневном употреблении данного понятия терпимость понимается как особая, а именно — более мягкая, снисходительная, менее агрессивная, форма морального осуждения лица, совершившего недостойный поступок. В этом смысле она является морально-психологическим качеством индивида, свойством его темперамента, нрава. Она выражает отношение к индивиду, но не к совершенному им плохому поступку, открыта прощению, нацелена на то, чтобы в известной мере отличить индивида от этого поступка, считая, что индивид лучше, чем этот поступок (мол, последний был для него случайным, больше не повторится и т. п.). В этом значении терпимость является формой отно-

шения между индивидами в пределах одной культуры, одной и той же системы ценностей; она считается позитивным моральным качеством не сама по себе, а только в той мере, в какой поддерживает, укрепляет последнюю. Существуют такие жизненные контексты, в которых терпимость воспринимается как недостаток. В таких случаях моральный язык противопоставляет ей требовательность, справедливый гнев, бескомпромиссность.

Во втором значении терпимость выступает как фундаментальная моральная добродетель, которая сформировалась и исторически закрепилась в Новое время в результате разрушительных религиозных войн XVI века, сопровождавших становление современных европейских наций и национальных государств. В литературе и медиапространстве она чаще всего именуется заимствованным латинским словом «толерантность». Толерантность возникает как признание бесперспективности военного разрешения религиозных споров и стоящих за ними человеческих страстей и интересов. Первой ее формой является именно религиозная веротерпимость: она стала этико-правовой основой для объединения в едином политико-правовом национальном пространстве людей независимо от их религиозно-конфессиональной принадлежности. Первым правовым документом, санкционировавшим поликонфессиональную практику, считается *Нантский эдикт* 1598 года, который признал за католиками и представителями реформированной религии равенство в правах на образование, лечение и государственное попечение.

Под толерантностью понимаются такие терпимые (неагрессивные, сдержанные, миролюбивые) отношения между индивидами, которые практикуются ими при полном осознании того, что они придерживаются различных взаимно неприемлемых ценностных позиций: религиозных верований, жизненных убеждений, политических позиций. Речь идет уже не об уважительном отношении человека к индивиду вопреки тому, что последний допускает нечто, с его точки зрения, неприемлемое, а скорее, наоборот, об особом уважительном отношении, которое специально направлено на индивида именно по причине того, что тот делает, по его мнению, нечто ошибочное, неправильное. В первом случае мы имеем дело с терпимостью как естественной склонностью, а во втором — с толерантностью как качеством общественных отношений, которое закрепляется в качестве искусственной привычки.

Для толерантности характерно то, что она исключает корректирующее воздействие (критику, дискриминацию, преследование) по отношению к взглядам и действиям, которые воспринимаются и оцениваются действующим субъектом сугубо негативно. Словом, она представляет собой нравственную форму отношений между индивидами, которые придерживаются разных мировоззренческих установок.

Толерантность является адекватным способом публичного поведения в ситуации религиозного, этнического, расового, культурного многообразия общественного организма. Ее историческая судьба складывалась нелегко, но тем не менее общая тенденция заключалась в нарастающем расширении и углублении поля толерантности, распространяясь на гендерные, расовые, этнокультурные и другие аспекты общественных отношений. Этот процесс продолжается, приобретая актуальность и особую остроту в связи с интенсификацией межкультурных контактов, расширением миграционных потоков, легализацией нетрадиционных практик и других современных вызовов.

Толерантность является внутренне противоречивой практикой, требующей особой конструкции разных, в частности волевого (этико-нормативного) и эпистемологического, аспектов человеческого сознания. Человеку свойствен пафос истины, достигающий высшего напряжения тогда, когда это связано с его мировоззренческим выбором, убеждениями и верованиями. В то же время сама идея абсолютности истины обязывает человека считать относительным любое из ее конкретных воплощений. Ввиду этого толерантность становится выражением многообразия индивидуальных человеческих путей к абсолютной истине и одновременно их этической санкцией. Мы должны быть толерантны, потому что несовершенны и способны ошибаться. Толерантность является деятельным признанием права каждого человека на ответственное существование и собственный путь к истине.

Толерантность связана еще с одним внутренним напряжением. Оно касается уже различий в рамках внутри ее этико-нормативного аспекта между ее функционированием в качестве политико-правовой реальности и нравственного принципа.

В политико-правовой сфере толерантность нацелена на обеспечение равенства гражданских и человеческих прав индивидов независимо от их происхождения, социального положения, религии, политических убеждений и иных личностных фактических (объективированных) характеристик, гарантия соблюдения которых является субъективным основанием единства политико-правового общественного организма. Она всегда исторически конкретна и ограничена собственными юридическими рамками, которые, будучи защитными барьерами против нетолерантного поведения, в то же время являются своими ограничениями. Хотя современное право и относит защиту свободы и достоинства личности к разряду абсолютных прав, тем не менее оно санкционирует отступления от них, когда речь идет о чрезвычайных ситуациях в жизни общества и об особо опасных преступниках. Толерантность в праве сохраняет ранг общественной целесообразности.

Другое дело — ее место в нравственности, где она выступает в качестве безусловного долга. Толерантность в качестве нравственного принципа опирается в конечном счете только на моральную автономию личности, ибо окружающий мир, общество и люди дают много аргументов в пользу толерантности, но такие аргументы никогда не смогут стать единственной или даже преимущественной мотивирующей силой поведения индивидов. Таковой она, как и всякий нравственный принцип, становится в той мере, в какой выступает в качестве требования, которое человек предъявляет к самому себе, и не просто требования,

а требования в форме запрета навязывать свои убеждения другим. Толерантность как общая норма, обеспечивающая единство культурно многообразного сообщества, может функционировать только в ограниченной форме правового принуждения, отсекающего действия, нарушающие эту норму, и блокирующего самих индивидов, не признающих ее. Она в этом смысле предполагает и включает нетолерантное отношение к тем, кто сам нетолерантен. И только в качестве нравственного принципа, согласно которому моя толерантность выражается в том, что я не навязываю своих жизненных убеждений другим, она способна развернуться во всеобщую форму. Как нравственное индивидуально обязывающее начало толерантность является формой ненасилия.

Отвечая на поставленный вопрос, почему сторонникам разных «идеологических» меньшинств мало того, что их «терпят» (не осуждают, не дискриминируют), они хотят еще, чтобы их ценили, считали правыми, можно сказать: они делают это в защиту своего человеческого достоинства. К примеру, почему сторонники ЛГБТ-сообществ не удовлетворяются тем, что им не мешают культивировать свою сексуально-гендерную идентичность в качестве частных лиц, а хотят непременно публично (демонстративно) заявить об этом, ходить по улицам со своими флагами, устраивать фестивали и т. п. Они тем самым расширяют легальный статус до нравственного признания: утверждают, во-первых, себя как личностей, которые имеют право сами определять свои убеждения и жизненные принципы, во-вторых, свои убеждения и принципы в качестве полноценных форм общественной жизни, считая, что их делает таковыми сам факт того, что они суть их убеждения.

IV

«Почему я должен чувствовать свою вину за то, в чем лично никак не участвую и чего вообще не было в моих намерениях?» В самом общем философском смысле ответ на этот вопрос очень прост: в мире нет вещей, в которых вы не участвуете. Сам способ человеческого существования в мире есть способ участливого существования в нем. Эту мысль можно развернуть различным образом: я не могу не понимать, не чувствовать свою причастность к тому, что делают другие, в том числе совершенно неизвестные мне люди, даже жившие за века до меня, кем бы они ни были и какие бы злодеяния ни совершали, словом, о ком бы и о чем бы ни шла речь, я не могу не чувствовать вину уже по одному простому соображению, что я принадлежу к тому же человеческому роду. Будучи родовым существом, я причастен ко всем индивидам, которые принадлежат к моему — человеческому — роду.

Но даже отталкиваясь от своей единичности и единственности, индивид не может выстраивать отношения с миром без того, чтобы они не приобретали индивидуально ответственный характер. Ведь человек действует всегда целесообразно, он не может ничего сделать, не обозначив заранее своего желания, не приняв решения о том, что он должен делать; мы потому и являемся разумными существами, что не можем жить и действовать в мире без того, чтобы не судить его, не выражать своего отношения к миру, делая это, разумеется, в разнообразных формах и с разной энергией. На самом деле каждый человек создает, не может не создавать собственный целостный образ мира и не отвечать за него. Будучи живым индивидом я в силу своего сознательного существования связан с родом, неизбежно центрируя его на себе и оказываясь благодаря этому ответствен перед ним.

В рамках такого философски серьезного понимания ответственности не кажутся надуманными и вздорными претензии, которые черная Америка предъявляет к белой Америке за рабство прошлого, на котором взращено могущество США, и за расовые предрассудки сегодняшних дней. И вполне можно понять тех белых людей, которые активно включились в BLM, публично становятся на колени в знак признания своей исторической вины, даже если они персонально никакого отношения ни к рабству, ни к расизму не имеют. При этом следует особо подчеркнуть, что только черная Америка имеет право судить о том, несет ли белое большинство страны (при этом целиком все, в лице каждого единичного представителя) ответственность за все еще пропитывающие ткань общества проявления расизма. Здесь действует та же логика, в силу которой только женщины (но никак не мужчины) могут свидетельствовать об униженности своего достоинства в исторически сложившихся отношениях между полами.

Литература

1. *Арутюнян, З.* О домогательствах, проблемах трансгендеров, институте репутаций и радикальной непримиримости / З. Арутюнян. — Текст : непосредственный // Новая газета. — 2020, 5 авг.

2. *Богомолов, К.* Похищение Европы 2.0 / К. Богомолов. — Текст : непосредственный // Новая газета. — 2021, 21 февр.

3. *Гусейнов, А. А.* Философия поступка как первая философия (Опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина) / А. А. Гусейнов. — Текст : непосредственный // Гусейнов А. А. Этика и культура. Статьи, заметки, выступления, интервью / научный редактор А. С. Запесоцкий. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2020. — С. 229–263.

4. *Драгунский, Д.* Печку письмами топила. О том, как «новая этика» изменила время и пространство / Д. Драгунский. — Текст : электронный // Газета. — 2020, 7 авг. — URL: //https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/13184497.shtml (дата обращения: 20.05.2022).

5. Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости / составители: Т. Коэн, Е. Иванова, А. Чапаев [и др.]. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. — 340 с. — Текст : непосредственный.

6. *Кронгауз, Е.* Так вышло. 29 вопросов новой этики и морали / Е. Кронгауз, А. Бабицкий. — Москва : Альпина Паблишер, 2020. — 288 с. — Текст : непосредственный.

7. *Магун, А.* Откуда взялась «новая этика» и насколько она левая и тоталитарная? / А. Магун. — URL: https://meduza.io/feature/2021/02/23/otkuda-vzyalas-novaya-etika-i-naskolko-ona-levaya-i-totalitarnaya (дата обращения: 20.05.2022). — Текст : электронный.

8. *Романова, Т. В.* Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) / Т. В. Романова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — Т. 2, № 52. — С. 39–49.

9. *Россман, В.* Атланты и кариатиды: Гуманитарные науки в зиндане современного университета : рукопись / В. Россман.

10. *Скидельский, Э.* В новой этике действительно много тоталитарного / Э. Скидельский ; перевод И. Куна. — URL: https://meduza.io/feature/2021/02/17/v-novoy-etike-deystvitelno-mnogo-totalitarnog (дата обращения: 20.05.2022). — Текст : электронный.

11. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). — Нижний Новгород : Деком, 2017. — 304 с. — Текст : непосредственный.

М. С. Гусман[1]

МЕДИА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

На сегодняшний день в мире насчитывается более сотни крупных информационных агентств.

За многие годы сформировался ряд крупных региональных и мировых информационных альянсов: Всемирный конгресс информационных агентств, Всемирный медиасаммит, Организация информационных агентств стран Азии и Тихого океана, Европейский альянс информационных агентств и многие другие.

Информационное агентство ТАСС, которому в этом году исполняется 118 лет, — пример традиционной информационной компании, которая, тем не менее, идет в ногу со временем и активно участвует в международном сотрудничестве. Мой личный опыт работы в ТАСС, а также встречи с коллегами на заседаниях информационных альянсов показывают, что сегодня информационные агентства сталкиваются с теми же вызовами, что и другие крупные традиционные СМИ.

Рассмотрим ряд трендов, наблюдаемых в СМИ в последние годы.

Пандемия коронавируса, из-за которой многие были вынуждены оставаться дома, упрочила позиции цифровых СМИ. В 2020 году доходы цифровых СМИ составили 61,7 % от всех доходов медиаиндустрии, превысив прогноз на 4 %. Печатные СМИ в последнее десятилетие находятся в ситуации, когда отсутствие цифровой версии (сайта или мобильного приложения) делает их неконкурентоспособными и лишает доходов от рекламы.

Смартфон стал доминирующим средством для просмотра новостей. 53,5 % времени, которое совершеннолетние пользователи проводят в Интернете, приходится на мобильные телефоны. В последнем квартале 2021 года 54,4 % запросов в Сети приходилось на браузеры телефонов. Особую роль здесь играют новостные приложения за счет высокой скорости загрузки. Так, при том что 23 % совершеннолетних американцев регулярно используют Twitter, более половины из них читают на этой платформе и новости.

Нельзя не сказать и о растущем влиянии социальных сетей. В последние годы они активно пытаются отвоевать себе место на рынке новостей. Однако при всей доступности они содержат немало угроз. В первую очередь, несмотря на усилия последних лет по выработке систем верификации контента, многое из того, что публикуется в социальных сетях, не проходит проверку. Как итог — фейки, вбросы и манипуляция общественным мнением. Более того, как показывает время, так называемая проверка информации крупными социальными сетями нередко оказывается лишь разновидностью цензуры. Это отчетливо прослеживается на примере аккаунтов крупных российских СМИ.

Еще одним явлением последних лет, с которым необходимо считаться, стали Telegram-каналы. На одном из агрегаторов, предлагающем подборки каналов, в разделе «СМИ» в настоящее время представлено почти 23 тыс. ресурсов. Это не означает, что каждый из каналов — проверенное СМИ, в полной мере несущее ответственность за свои публикации. Как раз наоборот — многие Telegram-каналы переняли худшие черты желтой прессы, ради роста аудитории (и доходов от рекламы) публикуя непроверенную информацию и плодя фейки.

Система верификации каналов в Telegram отсеивает часть неблагонадежных источников. Однако, во-первых, она еще нуждается в доработке, во-вторых — опять же необходимо, чтобы аудитория владела основами информационной культуры и руководствовалась при выборе СМИ критерием достоверности.

Если же говорить о прямых угрозах медиасфере, то одной из самых опасных остается киберпреступность. В частности, почти все крупные мировые СМИ регулярно подвергаются DDoS-атакам. Так, несмотря на серьезные меры информационной безопасности, ТАСС время от времени по-прежнему получает фишинговые рассылки.

Среди наиболее резонансных случаев последних лет — взлом аккаунта New York Times в Twitter, когда неизвестным злоумышленникам удалось разместить там ложное сообщение о ракетном ударе, который Россия якобы намеревается нанести по США. Кибератака на агентство FactsWire (Гонконг) в апреле 2022 года позволила злоумышленникам заполучить информацию о 3700 подписчиках. А в январе 2021 года вторая по величине медиакомпания Норвегии Amedia подверглась масштабной кибератаке, в результате чего была отключена компьютерная сеть. Помимо невозможности выпуска печатной прессы, атака привела к сбою в работе систем подписки и рекламы: рекламодатели попросту не могли оформить новые заявки.

[1] Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный журналист РФ, заслуженный работник культуры РФ. Теле- и радиоведущий. Автор телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. около 450 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами). Автор книг, многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Всемирного конгресса информационных агентств, генеральный секретарь Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана (ОАНА), представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства Москвы в области журналистики, премии Союза журналистов России «Золотое перо». Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и рядом государственных наград иностранных государств.

Интересный факт был опубликован Лабораторией Касперского: размеры DDoS-рынка сегодня обратно пропорциональны размеру рынка криптовалюты. Когда курс криптовалюты растет, свободные вычислительные мощности направляются на ее добычу (майнинг), когда курс падает — на организацию DDoS-атак.

Что могут противопоставить информационному хаосу традиционные медиа и, в частности, информационные агентства? Прежде всего — гарантировать достоверность. В условиях, когда аудитория все чаще сталкивается с передергиванием фактов, профессиональная этика и умение работать с информацией остаются по-прежнему актуальными. С учетом глобальных кризисов настоящего времени мировым СМИ необходимо поддерживать диалог в рамках международных профессиональных альянсов, сообща продвигая принципы объективной журналистики. Наконец, взрывной рост социальных сетей и растущее с каждым годом число кибератак заставляют СМИ инвестировать в развитие новых технологий: укреплять свой цифровой сегмент и развивать механизмы защиты информации и кибербезопасности.

А. Н. Данилов[1]

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ: РОЖДЕНИЕ НОВЫХ БОГОВ

Вначале о цивилизационном разломе… Последствия распада СССР оказались более трагическими, чем кому-то казалось раньше, и возникший цивилизационный разлом до сих пор преодолеть не удается. Более того, он углубляется. Образовавшиеся на обломках былого Союза страны дрейфуют с разной скоростью в разные стороны. Как и во время любых перемен, в душах также начался разлом. Более десяти лет назад С. В. Ямщиков дал свою оценку: «Наиболее страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого постперестроечного времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память» [10]. Известный литератор Ю. М. Кублановский отметил, что в «последние годы существования Союза… подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут — свои. Но еще страшнее — моральное оскудение» [2]. На головы сограждан хлынул грязный поток хулы… да такой, что культура была не в состоянии провести «экспертизу» и отделить зерна от плевел, выстроить новые приоритеты. В глобальном хаосе цивилизационного разлома уходил в историю советский «Титаник»: рождался новый мир с новыми традициями, ценностями, богами.

А. В. Смирнов утверждает, что «современную эпоху было бы точнее назвать эпохой борьбы за глобальное продвижение одного цивилизационного проекта» [5, с. 352]. Он говорит о западном... Но возможно ли вообще устойчивое существование и развитие мирового разнообразия, опирающееся на единственную основу — западную европейскую цивилизацию? Не замечать уникальные цивилизации, которые представляют собой Китай, Индия, исламский мир, сегодня просто невозможно. Многие считают общество потребления, построенное европейской цивилизацией, неизбежной перспективой для всего мира, так что его ценности и идеалы необходимо признать образцом для подражания. Представляется, что по сравнению с другими социальными моделями такое общество обладает целым рядом достоинств, поскольку только в нем есть возможности для успешного развития экономики и культуры.

В то же время сама реализация ценностных установок потребительского общества вне Европы порождает новые кризисы и противоречия, зачастую не вписываясь в национальные и культурные особенности других стран. Поэтому возникает вопрос: приводит ли этот путь к процветанию и благополучию во всемирном масштабе? Являются ли его проблемы неизбежными шероховатостями в процессе роста или свидетельствуют о каких-то фундаментальных пороках? Это особенно важно для тех обществ, которым прежде не был свойствен данный тип организации социально-экономической и культурной жизни и для которых все еще возможны иные пути развития цивилизации. В связи с этим следует обратить внимание на то, что «речь идет об удивительном соответствии современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца XX века в связи с осмыслением современных глобальных проблем, но и о ее соответствии философским идеям, выросшим на почве самобытной культуры России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока» [6, с. 489]. Надо проанализировать различные представления об этих тектонических сдвигах, вероятные мотивы и механизмы выбора новых путей развития и те точки на планете (если таковые есть), где их реализация уже началась.

---

[1] Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор более 300 научных работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий: «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Гуманитаризация науки и образования в переходный период» (в соавт.), «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте „Исследование европейских ценностей“» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей» (в соавт.), «Знать, чтобы предвидеть… Социологические этюды», «Синтез философии, науки и культуры», «Современный социум в мире глобальных перемен» и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Социология». Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

«Мир движется к новому социальному строю, зримые черты которого уже вполне рельефно выступают во многих странах мира» [3, с. 8]. Как правило, новая цивилизационная целостность возникает не как завершенный проект, она вырастает из глобального динамического хаоса, оставшегося от уходящей цивилизации. Переход к новой целостности фиксируется, усложняющиеся системы всегда наращивают уровень своей организации. Новый уровень организации означает и новое качество. И этот новый уровень организации всегда воздействует на предыдущие уровни, меняя их. Причем связано это может быть с появлением новых законов развития. Законы также появляются со временем. И если новый уровень развития достигается, то возникают и новые закономерности, которые могут сдерживать действие предшествующих, ограничивать их.

В процессе перехода меняются связи и отношения людей, коммуникации, способы ви́дения мира, меняются сознание, культура. Все эти области постоянно взаимодействуют, и происходит развитие. Духовная матрица старой цивилизации, в которой мы сейчас живем, сформировалась. И, естественно, установился соответствующий тип развития. В нем можно найти большое ценностное разнообразие, которое со временем нарастает. Здесь же можно обнаружить черты, отличающие традиционалистские цивилизации от ныне существующей.

Конечно, в своих размышлениях легко выдать желаемое за действительное. Что зачастую и происходит, когда речь заходит о таких фундаментальных вопросах, как цивилизационный разлом, возникновение точек роста новых цивилизаций. Почему же в реальности не происходит, казалось бы, самого разумного и обоснованного? Что стоит на пути к многополярному миру и принятию миром Другого? Все в самой природе человека и его принадлежности к определенной цивилизационной целостности, которая изменчива, избирательна, функционирует на орбите вполне конкретной логики собственного смысла. Сознание человека не может преодолеть притяжения заданного и принятого им культурного кода. Принять диалог с Другим, возможность конвергенции смыслов, образа жизни, культуры возможно, но почему-то цивилизационные целостности не пускают в свой круг иные и сами не стремятся вовне. Каждый народ, государство живут или стремятся жить в своей цивилизационной капсуле. «За будущее ведется яростная борьба, поскольку оно теснейшим образом связано с конфликтующими друг с другом общественными интересами» [8, с. 10]. Так сложилось, что к своему тридцатилетию новые независимые государства вступили в новый век без образцов для подражания, померкли и их кумиры, а новые оказались калифами на час.

Однако Запад по-прежнему притягивает… Хотя постсоветский мир через три десятилетия уже не так восхищен возможностями общества потребления, которое сложилось ныне в ряде стран Европы и США. Его идеалы и ценности сегодня вдохновляют уже не так сильно, как прежде. Напротив, они вызывают все больше сомнений в том, что это единственно возможный вариант дальнейшего развития. Надо признать, для подобных предположений имеются достаточно серьезные основания. Индивидуальное потребление, зачастую никак не связанное с реальными потребностями человека, становится все более массовым, а процессы глобализации, усиленно поддерживаемые странами, где потребительское общество уже сложилось, способствуют распространению соответствующих систем ценностей на все регионы мира. Анализ тенденций изменения ценностных ориентаций на постсоветском пространстве показывает стремительное движение от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения.

Возникает вопрос: какими ценностями и жизненными смыслами руководствоваться? Есть потребительские общества западного мира, живущие согласно собственным ценностям, и есть другие — со следами традиционалистских культур, которые тем или иным образом трансформировались в процессе модернизации. Правда, вместе с западными технологиями и особенностями образовательных систем заимствуются и их духовные матрицы, которые в той или иной мере адаптируются в обществах, живущих по традиционным законам и обычаям.

Некоторые новые суверенные государства из бывшего социалистического лагеря выбрали развитие по западной модели. Но сегодня мир столкнулся с глобальными кризисами (экологическим, антропологическим), порожденными именно западной цивилизацией. Другие кризисы — экономические, финансовые, кризис культуры — не всегда воздействуют на весь мир, но остаются неизбежными и регулярными. Поэтому возникает вопрос: стоит ли выбирать эти известные стратегии, если опыт их реализации показывает, что они приводят к кризисам? Будет ли это хороший вариант дальнейшего развития или все же надо искать совершенно новые пути? Например, взять курс на новую многоцивилизационную целостность? Но в таком случае как, на какой основе мы будем сопрягать разные ценности, вырабатывать новую ценностную базу? Какие этапы должно пройти общество, какие шаги предпринять, чтобы не повторять прошлых ошибок?

Здесь на первый план выходит проблема трансформации базовых ценностей, которая во многом определила цивилизационный разлом и формирует содержание новой цивилизационной целостности. В постиндустриальном мире, когда возникло общество потребления, и рациональность начинает толковаться иначе, и наука, и экономическая жизнь общества тоже рассматриваются иначе. Вот с этих позиций было бы интересно посмотреть, какие изменения ценностей произошли в потребительском обществе, и рассмотреть новые точки роста для будущего. Что же является такими изменениями, которые просто усугубляют уже наметившийся глобальный кризис? Проблема ценностей — это проблема выработки некоего общего содержания, которое призвано способствовать выходу из глобального кризиса. Если этого не будет, то это не те ценности, на которые можно ориентироваться.

Э. Гидденс в своей известной работе 1990 года дает однозначно положительный ответ на вопрос: «Является ли современность западным проектом?» и объясня-

ет его тем, что «национальное государство и систематическое капиталистическое производство», которые «имеют свои корни в специфических характеристиках европейской истории и некоторые соответствия в предыдущих периодах или в других культурных условиях. Если в тесной взаимосвязи друг с другом они с тех пор распространились по миру, то это, помимо всего прочего, произошло из-за силы, которую они создали. Никакие другие, более традиционные социальные формы не были способны конкурировать с этой силой так, чтобы быть в состоянии сохранять полную самостоятельность и не быть затронутыми тенденциями глобального развития» [1, с. 322–323]. И далее: «Радикальный поворот от традиции, присущей рефлексивности современности, порывает не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [1, с. 324].

Чаще всего именно всеобщий хаос предшествует возникновению новой цивилизационной целостности. В нем уже зарождаются точки роста нового. Задача состоит в том, чтобы возникновение новой многоцивилизационной целостности стало проектом реального многополярного мира. Поэтому, не игнорируя многовекового опыта развития греко-латино-европейской культуры, следует, по убеждению Смирнова, провести «исследование логики незападных культур в данном ключе, что составляет первейшую задачу теоретической разработки проекта многоцивилизационного мира» [4, с. 357].

В настоящее время появились новые информационно-коммуникативные возможности, которые раздвинули национальные границы, превратив мир в большую деревню, где невозможно скрыться от навязчивых электронных глаз. Компьютерные технологии стали многое определять в жизни человека, формировать свой мир — виртуальный. Возможности искусственного интеллекта поставили под сомнение будущее самого homo sapiens. После распада системы социализма было объявлено о полной и безоговорочной победе западной модели развития и установлении однополярного мира. Но что-то пошло не так…

К сожалению, концепция всечеловеческого, которая была развита в русской мысли XIX–XX веков, до сих пор не воспринимается как будущее многоцивилизационного мира. Сложно принять Другое, оторваться от своей локальной культуры, которая является безальтернативной и навязывается для воплощения в глобальном цивилизационном проекте. Еще раньше В. С. Степин подчеркивал: «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [7, с. 737].

В каждой эпохе есть свои доминанты влияния на формирование национальной идентичности. Сейчас мы вступили в эпоху информационного общества, где очень многое зависит от глобальной паутины с ее неограниченными возможностями. Созданный человеком виртуальный мир стал воспроизводить и закреплять в социокультурном коде нового поколения жизненные смыслы и поведенческие установки, не прошедшие адаптацию в реальном культурном пространстве. Здесь возможно серьезное расхождение между государственной культурной традицией, историческим опытом народа и жизненными установками нового поколения. Конечно, это механизм непрямого действия. Надо смотреть, что «передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [9, с. 321]. Новые риски и вызовы порождают необходимость новых подходов к их преодолению. Переход к новой модели цивилизационного развития диктуется очевидной глобальной нестабильностью, к которой вынужден адаптироваться современный мир.

Преодоление цивилизационного разлома видится в признании многоцивилизационности, а значит, и многополярности мира. «Основным противоречием текущего момента в связи с этим становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира и отсутствием проекта многоцивилизационного мира» [4, с. 24]. Выход к точкам роста многоцивилизационной целостности может быть через страны с традиционными культурами, которые остались таковыми несмотря на современную технологическую и социальную модернизацию. Задача состоит в том, чтобы возникновение новой многоцивилизационной целостности стало проектом реального многополярного мира.

Таким образом, резонно поставить вопрос о том, что тридцатилетие постсоветских поисков оставило в душах людских, наполнились ли они добром и светом, восторжествовала ли историческая правда и что есть память народная без искажений и изъятий, преодолено ли моральное оскудение… И мы увидим, как много еще предстоит сделать, чтобы наша культура вновь воссияла и была в состоянии вершить таинство сотворения светлого будущего, отделять зерна от плевел, была готова принять новый многоцивилизационный мир, который сотворит и новых богов...

Литература

1. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс. — Москва : Праксис, 2011. — Текст : непосредственный.

2. *Кублановский, Ю.* 90-е принесли настоящую катастрофу / Ю. Кублановский. — Текст : электронный // Свой : приложение к газете «Культура». — 2016, 6 авг. — URL: https://portal-kultura.ru/svoy/articles/zvanyy-gost/138486-yuriy-kublanovskiy-90-e-prinesli-nastoyashchuyu-katastrofu/ (дата обращения: 13.05.2022).

3. Новое интегральное общество : общетеоретические аспекты и мировая практика / под редакцией Г. Н. Цаголова. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — Текст : непосредственный.

4. *Смирнов, А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А. В. Смирнов. — Москва : Садра : Издат. дом ЯСК, 2019. — 216 с. — Текст : непосредственный.

5. *Смирнов, А. В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / А. В. Смирнов. — [2-е изд.]. — Москва : ЯСК, 2021. — Текст : непосредственный.

6. *Степин, В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — Минск : Беларуская навука, 2021. — Текст : непосредственный.

7. *Степин, В. С.* Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — Текст : непосредственный.

8. *Урри, Дж.* Как выглядит будущее? / Дж. Урри. — Москва : Дело : РАНХиГС, 2019. — Текст : непосредственный.

9. *Харари, Ю. Н.* 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2019. — Текст : непосредственный.

10. *Ямщиков, С. В.* [Выступление] / С. В. Ямщиков. — Текст : непосредственный // А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции : материалы научно-общественной конференции. — Псков : Сельцо Михайловское, 2009. — С. 21–24. (Сер. «Михайловская пушкиниана»; Вып. 49).

Е. Г. Драпеко[1]

ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня в условиях глобального кризиса как никогда актуализируется вопрос о сохранении и развитии российской культуры. Россия — многонациональная страна, на территории которой веками создавалась уникальная культура, аккумулирующая накопленный поколениями духовный опыт нации, обеспечивающая единство народов России и определяющая место и влияние нашей великой страны на международной арене.

Русская культура и этнические культуры народов России выполняют важнейшую инструментальную социальную миссию передачи молодому поколению базиса нравственных, этических и моральных ценностей, накопленных веками, находящихся в глубинных архетипических слоях сознания, представляющих собой основу российской ментальности и национальной самобытности. Необходимо подчеркнуть, что осознание значимости своей культуры, а также способность передавать культурный опыт в процессе жизнедеятельности способствуют развитию в человеке нравственных ориентиров, базирующихся на уважении к истории и традициям нашего народа, а участие в культурной деятельности позволяет в полной мере раскрыть творческий потенциал и осуществить самореализацию личности.

Культура обладает огромным воспитательным и просветительным потенциалом в формировании каждого человека, и именно этот потенциал необходимо в полной мере использовать для достижения гражданского единства и развития национального самосознания российского народа. В этих целях в каждом из регионов современной России на основе культурного своеобразия активно стимулируется содержательная культурная деятельность, что повышает качество жизни населения, способствует развитию межрегионального социально-культурного взаимодействия и является фундаментальной частью государственного единства нашей страны. Нельзя забывать, что культура так или иначе пронизывает все сферы общественного взаимодействия и оказывает влияние на все уровни социальной жизни и межкультурной коммуникации, но, являясь открытой динамической системой, культура под воздействием внешних факторов претерпевает постоянные изменения, которые необходимо исследовать самым серьезным образом, корректировать и учитывать при реализации государственной культурной политики. Сегодня мы являемся свидетелями серьезного столкновения культур и идеологий на мировой арене, борьбы смыслов и духовных ориентиров, что еще раз актуализирует вопрос об укреплении, сохранении и развитии отечественной культуры.

Основное богатство России — это ее народ, поэтому развитие нашего государства как единого, сильного и независимого во всех смыслах, но готового к сотрудничеству и позитивному взаимодействию в мире возможно исключительно при условии духовного объединения российского общества путем формирования свободной, самостоятельной и нравственной, творчески мыслящей личности, что возможно осуществить, используя весь потенциал нашей культуры[2]. В этом случае нам будут нестрашны попытки внедрения чужеродных идеологий, взращенных на основе современного трансгуманизма. Ментальное единство народов России строится на основе традиционных для нашей страны нравственных ценностей, выработанных нашими предками на протяжении многих веков, являющихся общими для всего человечества. Это такие личностные качества, как честность, бескорыстие, добросердечие и милосердие, верность долгу и слову, уважение к старшим, законопослушание, любовь к нашей Родине и неприятие насилия[3] в любых его видах. В качестве механизма формирования этих качеств может успешно применяться социальное научение с использованием средств и методов социально-культурной деятельности, а культура в данном случае является инструментом передачи культурных смыслов и источником гражданской идентичности.

В качестве приоритетных функций культуры хотелось бы выделить две — воспитательную и просветительскую. Реализация данных функций культуры позволит существенно гуманизировать российское образование путем усиления воздействия культуры на процесс инкультурации и социализации современного подрастающего поколения.

В области культуры перед государством сегодня стоит ряд стратегических задач, имеющих исключительное значение как для общества в целом, так и для каждого россиянина в отдельности, реализация которых будет способствовать общественному и культурному развитию.

В первую очередь это сохранение культурного наследия России как универсальной ценности, кладези духовного, нравственного, социально-культурного и исторического опыта российской цивилизации, являющейся источником развития и сохранения самобытности страны[4].

Особенно хочется отметить необходимость сохранения и защиты русского языка как средства межнационального общения в России. Значение языка для

[1] Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы III, IV, V, VII, VIII созывов, кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Экономика и управление на предприятии туризма» (в соавт.), «Конституционные права и свободы граждан в механизме культурно-правовых отношений» (в соавт.), «Художественное образование в условиях современного общества» и др. Член постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ по культуре, информации, туризму и спорту. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденами Дружбы, Почета, медалями «В память 850-летия Москвы», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «К 100-летию Шолохова», Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

[2] Основы государственной культурной политики (проект) // Образовательная политика. 2014. № 3 (65). С. 11.

[3] Там же. С. 10.

[4] Там же. С. 11.

культуры трудно переоценить: если не будет языка, то и культура перестанет существовать, чему есть ряд исторических примеров. Необходимо с самых ранних лет прививать юным россиянам любовь к родному языку, а это не только умение грамотно писать и быстро читать, но и способность с помощью языка погружаться в удивительный мир русской поэзии и литературы, получать истинное удовольствие от прочтения книг, посещения театров, беседы с образованными интересными людьми. Русский язык является основой гражданского и культурного единства России, обладает огромным потенциалом для выражения образов, чувств и эмоций. Его важнейшая особенность — способность без ущерба собственной природе и законам развития адаптировать слова и понятия, пришедшие к нам из других языков.

Следующая, не менее важная по значимости стратегическая задача в области культуры — поддержка отечественной литературы и приобщение молодого поколения к чтению. К большому сожалению, в последнее время в молодежной среде появилась тенденция утраты интереса к чтению книг. По всей видимости, это связано с тем, что молодые люди не привыкли читать большие тексты, так как в социальных сетях и мессенджерах оперируют краткими текстовыми сообщениями, эмодзи, мемами, которые имеют ситуационный характер. Но необходимо понимать, что без чтения серьезной литературы невозможно научиться выражать и понимать сложные смыслы современной реальности, стать образованной интеллектуальной личностью, способной полноценно участвовать в жизни общества и конкурировать в нем.

Далее в качестве стратегической задачи культурного развития хотелось бы отметить поддержку и развитие качественной и благоприятной для личности информационной среды. Именно молодежь находится сегодня под прицелом чужеродных идей и течений, так как не обладает еще полностью сформированной картиной мира, которая может быть трансформирована под воздействием социальных сетей и СМИ, что обусловлено глубоким погружением молодых людей в информационное пространство, зачастую плохо контролируемое со стороны государства. Этот факт нельзя сбрасывать со счетов, и ему также необходимо уделять огромное внимание на самом высоком уровне. В связи с этим в качестве приоритетной цели дальнейшего развития информационного пространства в России можно назвать разработку качественного отечественного контента и социальных сетей, удовлетворяющих потребности современной молодежи в коммуникации, отвечающих всем требованиям современности и вписывающихся в ценностные рамки отечественной культуры. Информационное пространство сегодня чрезвычайно засорено из-за того, что каждый может создать что-либо и распространить вне зависимости от своего образования, кругозора, психического здоровья, что ставит под сомнение качественность информационного контента. Современный человек должен уметь критически оценивать получаемую информацию, и в связи с этим актуализируется вопрос о формировании медийной и информационной грамотности населения.

Будущее России во многом зависит от качественного решения воспитательных задач и развития творческого потенциала каждой личности. Государство должно во всем способствовать саморазвитию личности и создавать условия для этого. В связи с этим особенно важной становится поддержка создания и деятельности детских и молодежных организаций, различных объединений и движений. В качестве примера можно привести «Российское движение школьников», которое действует с 2015 года и насчитывает сегодня более 2 млн участников. Деятельность данного объединения направлена на воспитание подрастающего поколения и развитие детей на основе их интересов и потребностей. Важными моментами в организации подобных объединений являются работа с семьей и подготовка профессиональных кадров для работы с детьми. Это должны быть энтузиасты своего дела, обладающие педагогическими навыками, знаниями в области детской и подростковой психологии. В рамках деятельности детских и молодежных организаций необходимо формировать представления об этнокультурных особенностях и самобытности родного края, прививать любовь к родной земле и закреплять желание жить и работать в будущем там, где родился.

Одна из важнейших стратегических задач культурного развития России — поддержка профессиональной творческой деятельности и самодеятельности россиян в области искусства и развитие соответствующей инфраструктуры. Россия всегда гордилась своими талантами: певцами, артистами балета и театра, музыкантами. Но, к большому сожалению, уровень развития исполнительских искусств снижается, что связано с падением качества подготовки профессиональных кадров. Можно констатировать общую тенденцию оттока талантливых исполнителей на Запад, что определяет неудовлетворенность отечественных коллективов в квалифицированных кадрах. В связи с этим можно также вспомнить отечественный кинематограф, на развитие которого государство выделяет немалые средства, но все равно до уровня великого советского кино нынешнему кинематографу еще далеко. Необходимо активно приобщать население к творческой деятельности, развивать сеть культурно-досуговых учреждений, решать задачи культурного просвещения граждан всех возрастов. Ведь для того, чтобы в оркестр пришло сто профессиональных музыкантов, необходимо минимум за десять лет до этого принять в музыкальные школы 10 тыс. талантливых ребят. Это очень сложная работа, требующая реализации усилий по всей нашей стране на протяжении многих лет.

Одной из важнейших стратегических задач культурного развития общества является поддержка со стороны государства научных исследований в сфере культуры и искусства. Культурология, искусствоведение, эстетика, теория искусств, литературоведение, языкознание и другие области научного знания обогащают представления об обществе, культуре, цивилизации, способствуют формированию эстетических вкусов у населения, что, в свою очередь, активно противосто-

ит распространению псевдокультурного контента, пронизывающего сегодня практически все СМИ. Здесь хочется вспомнить знаменитого канадского культуролога Маршалла Маклюэна, который считал, что технологии приживаются в обществе 50 лет, а идеи — целый век. Возможно, сейчас в условиях глобальной темпоральной гонки эти сроки сократились, но тем не менее надо учитывать, что научное осмысление процессов и явлений опережает общественное развитие, и если науку не поддерживать и не развивать, то в один прекрасный момент мы будем ослеплены незнанием.

Сегодня перед нами остро стоит ряд задач культурного развития. Ясно лишь одно, что в нашей многонациональной и многоэтничной стране мы сможем реализовать эти задачи, только опираясь на духовно-нравственные ориентиры, самобытность и ментальность, заложенные в отечественной культуре, которую необходимо знать, сохранять и защищать.

А. С. Запесоцкий[1]

ПОЧЕМУ США СУЖДЕНА СУДЬБА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

Глобальное обострение противоречий

В течение многих лет основной темой Лихачевских чтений является диалог культур и цивилизаций. Первоначально мы были убеждены, что дальнейшее развитие мирового сообщества возможно только на основе стремления к взаимопониманию, диалога и равноправного партнерства. Однако жизнь скорее не подтвердила, а опровергла эту точку зрения.

Глобализация, которая, как представлялось ученым и политикам, является реальной формой диалога культур и единственно разумным видом коммуникации народов и государств, углубила противоречия между цивилизациями. Мы стали свидетелями (а в чем-то и участниками) кризиса политики мультикультурализма. Усилилось стремление многих стран к локализации своих экономик, культур, политических стратегий. В мире растут и порой обостряются до крайностей конкуренция между цивилизациями, противоборство стран и их объединений — вплоть до военных столкновений. Все более напряженной становится борьба за статус и ресурсы, права и влияние стран в региональных и мировых масштабах. Форматы этой борьбы различны: от резких заявлений политиков до кровопролитных боевых действий. Конфликты все чаще принимают бескомпромиссные формы.

Ответственность за такое развитие событий многие аналитики все чаще возлагают на США, которые не выдержали бремя лидерства и не сумели предложить миру достойные пути взаимодействия в меняющейся реальности.

Сегодня едва ли не каждое государство, его научная, финансово-экономическая, политическая, культурная элита, общество в целом заново осмысливают свои национальные интересы, ищут оптимальные ответы на вызовы и угрозы, которые несет в себе мировая трансформация, порождающая глобальную нестабильность.

Российская Федерация не является исключением. Наша страна находится в ситуации преодоления кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирования российской национальной идеи, поиска своего места в новом глобализирующемся мире. Для России проблема соблюдения своих национальных интересов приобретает особую актуальность и охватывает широкий круг явлений — от государственного суверенитета, экономической безопасности страны в условиях санкций и кризисных тенденций глобальной экономики до сбережения традиционных духовных ценностей и реликвий национальной культуры, сохранения своего культурного, человеческого, интеллектуального, технологического потенциала, развития ряда отраслей промышленности, определения векторов модернизации образования, обеспечения социальных программ и т. д.

США — страна идеологической отсталости

Тема данного доклада представляет интерес не только в контексте перспектив разворачивающегося ныне противоборства между возглавляемым США Западом и остальным миром, стремящимся выйти из-под западного диктата. В настоящее время главным объектом агрессии Запада стала Россия, но практически весь «не-Запад» уже не сомневается в том, на чьей он стороне.

Судьба США интересна и с точки зрения уроков, которые мировому сообществу (и России, разумеется) предстоит извлечь из потери угасающим гегемоном мирового лидерства. Процессы, стремительно развивающиеся на наших глазах, выглядят порой случайными, не связанными друг с другом. Однако если осмыслить их системно, то за видимой разрозненностью можно увидеть логику исторического процесса, действие объективных факторов и законов. Это станет предпосылкой для определения дальнейшей стратегии и тактики государств, отстаивающих свой суверенитет в условиях динамично меняющейся реальности.

Прежде всего хотелось бы поразмышлять о том, в чем заключается смысл существования государства как такового. По сути, история каждого государства — это, во-первых, поиск ответа на данный вопрос, во-вторых — собственно ответ. Полагаю, что в этом плане

[1] Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Автор более 3400 научных и научно-публицистических работ. Член редсоветов журналов «Философия и культура», «Вопросы культурологии» и др. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Награжден орденом Дружбы и др. Удостоен Благодарности Президента РФ (2012, 2021). Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования, Горьковской литературной премии (2007), премии им. Г. В. Плеханова РАН (2015) и др.

США к началу нового тысячелетия потерпели фиаско. История показала, что устойчивое развитие и обретение конкурентных преимуществ государства сегодня не может быть обеспечено опорой лишь на частный экономический интерес, на стремление граждан к материальному благополучию. Жадность индивидуума следует контролировать и ограничивать, а деятельность — направлять в общественно приемлемое русло. В XXI веке в любой стране процессы развития требуют все большего вовлечения широких масс населения, мотивация которых далеко не исчерпывается финансовым вознаграждением. В связи с этим экономическое развитие рассматривается не как абсолютная, а как относительная ценность; необходимое средство, но не цель. Данная истина выстрадана тысячелетиями исканий философской, в более широком контексте — гуманитарной мысли человечества: богатство ценно лишь в той мере, в какой оно способствует социальному прогрессу, духовно-нравственному развитию общества и человека.

Эти искания отразились в концепции социального государства как ответе на вопрос о смысле существования государства вообще. Но в практической реализации этой концепции США далеко отстали от многих стран — Швейцарии, Канады, Объединенных Арабских Эмиратов, Ливии времен Муаммара Каддафи, Белоруссии, Азербайджана и др. Неслучайно в темпах социально-экономического развития США уже много лет уступают Китаю. Более того, США систематически потребляют намного больше благ, чем производят, и являются крупнейшим в мире должником.

Для экономической, политической и культурной элиты США ценности культуры, гуманизма, общественного блага никогда не являлись непреложными. Как известно, многие важные мировоззренческие моменты народной культуры репрезентируются в фольклоре. Так, в США популярна поговорка: *If you're so smart, why are you so poor?* («Если ты такой умный, то почему такой бедный?»). Смысл ее в том, что деньги — главное мерило успеха.

Американская художественная культура весьма интенсивно (и талантливо) воспела и внедрила в общественное сознание героический образ предпринимателя, капиталиста-первопроходца, красочно описанный Джеком Лондоном и Теодором Драйзером. Герою рассказа О`Генри «Дороги, которые мы выбираем» принадлежит ставшая крылатой фраза «Боливар не выдержит двоих», отражающая индивидуалистическую природу успеха по-американски и естественность принесения дружбы в жертву корыстному интересу.

Между тем развитие западной, в том числе американской, модели показывает, что некоторые бесспорные преимущества капиталистического мироустройства не только оказались исчерпанными, но и превратились в свою противоположность, стали источником кризисов. Идея социального государства в США вступила в противоречие с идеей общества потребления.

Американский капитализм лишился конкуренции как драйвера развития

Страна оказалась в тупике из-за целого ряда факторов, прежде всего — фундаментальных изменений рынка и утраты им роли локомотива экономического развития. Эффективность классического капитализма времен Карла Маркса базировалась на свободном рынке с его стихийным диктатом экономических механизмов. В основе лежали конкуренция производителей, борьба за удовлетворение нужд потребителей за счет предложения более качественных товаров. Но этот рынок ушел в прошлое. Экономический центр тяжести переместился из фабричных цехов в сознание людей. Материальное производство было вытеснено производством смыслов, а потребности стали предлагаться на рынке как продукты. Опираясь на манипулятивные рекламные технологии, крупные корпорации добились успеха в навязывании массам маргинальных ценностей и противоестественных смыслов жизни. Разумеется, этот путь оказался прибыльным для власть имущих, но пагубным для страны в целом.

В последние годы научная элита США бьет тревогу. В частности, нобелевские лауреаты Джозеф Стиглиц, Пол Кругман и другие ведущие ученые ставят вопрос о пересмотре базовых разделов господствующей экономической теории, констатируют фундаментальные изъяны в американской модели капитализма и необходимость усиления государственного регулирования экономики, по сути призывают вернуться к здравому смыслу.

Однако, как это часто бывает, научная мысль и практическая деятельность идут разными путями и к разным целям. Сегодня ориентация на формирование человека-потребителя, на работника как средство оборачивается серьезными экономическими и социальными проблемами. По прогнозам американского ипотечного агентства Fannie Mae, уже в следующем году экономику США может ожидать рецессия. Бывший постпред США в ООН Никки Хейли считает, что в ближайшее время Китай обгонит США по объему ВВП, и предупреждает о вероятном банкротстве страны из-за политики, проводимой президентом Джо Байденом. Такие прогнозы становятся все более обоснованными.

Много лет подряд США гордились низкой инфляцией: в отдельные периоды она составляла 1 % в год и даже меньше, а в 2008 году был установлен рекорд — 0,01 %. Однако в 2021 году инфляция возросла до 7 %. В годы большого мирового кризиса США не допустили ни девальвации доллара, ни разорения слабых компаний. Во многом это было сделано за счет наращивания государственного долга. В 2022 году госдолг США превысил 29 трлн долларов, и было принято решение о новом «предельном» значении в 31,4 трлн[1]. По оценкам экономистов, «изменить положение в обстановке 2022 года не представляется возможным — финансовый сектор США нуждается в денежной подпитке, а долг правительства так велик, что повышение процентной ставки приведет к дефолту. Первой проблемой будет необходимость прекращения заимствований, в результате чего экономика утратит стимул к росту — рост ВВП во многом зависит от роста государственных расходов, а тот держится на увеличении долга»[2]. Все это — симптомы неэффективности системы. США по-

[1] *Колташев В.* США в воронке инфляции: как справлялись раньше и удастся ли теперь. URL: https://tass.ru/opinions/13449227 (дата обращения: 29.08.2022).

[2] Там же.

степенно утрачивают роль финансового центра, генератора роста мировой экономики, а в конечном счете и ведущего военно-политического игрока.

Дряхлеющая, потерявшая конкурентоспособность экономика США все больше живет за счет раздувания электронных финансовых пузырей, монополии на виртуальный денежный станок. В современной глобальной финансовой системе Запад стал главным должником, даже диктуя цены в мировой торговле и превратив недобросовестную конкуренцию в существеннейший инструмент выживания. Разумеется, мировое сообщество не заинтересовано в таком глобальном рынке.

Налицо исчерпанность и бесперспективность сложившейся в Америке и господствующей в западном мире в целом либеральной модели потребительского общества, основанной на спорном утверждении, активно транслируемом в СМИ, научной и художественной литературе, кинофильмах и так далее: «Ценность всего, в том числе людей, может быть выражена в деньгах». По словам многолетнего участника Лихачевских чтений академика В. С. Степина, доминирование таких принципов, определяющих ценности и нормы человеческого общежития, двигает человечество «по пути нарастания кризисов, ведущих к экологической и антропологической катастрофе»[1]. Эта точка зрения, высказанная в 2016 году, оказалась пророческой.

Мировое лидерство США сегодня поддерживается не эффективностью их социально-экономической модели, а вооруженными силами, монополией на «печатный станок» и доминированием в глобальном информационном пространстве.

Крах демократии

Следует обратить внимание на перерождение политической системы, которой всегда гордилась Америка, — демократии. В основе демократии, как известно, лежит метод коллективного принятия решений с равным правом для всех граждан на участие в данном процессе.

Демократия по-американски подошла к закономерному финалу своего развития — декларативной форме управления, «приватизированного» крупным капиталом. Сначала Дональд Трамп и его штаб предприняли определенные манипуляции, воздействуя на сознание граждан путем таргетирования избирательной кампании, в ходе которой каждый избиратель получил через социальные сети (в основном Facebook) образ «своего» президента. Этот образ был предварительно создан на основе анализа так называемых больших данных, аккумулирующих практически все аспекты жизни человека — от покупок в магазинах и визитов к врачам до видов досуга, любимых телеканалов и посещаемых веб-сайтов. В итоге Трамп был избран, но оказалось, что он не соответствует запросам властвующей элиты. На очередных выборах его оппоненты пошли на откровенные фальсификации в ходе «голосования по почте» и подсчета голосов. Когда Трамп потребовал пересчета, выяснилось, что бюллетени уничтожены. Весь мир увидел, что американская демократия оказалась не более чем декорацией. Понятно, что такая «демократия» не может быть драйвером развития страны.

То же произошло и с национальными СМИ, в результате чего США потеряли еще одну мощнейшую движущую силу — свободу слова, «четвертую власть». Как наглядно показала безуспешная попытка Трампа «осушить вашингтонское болото», все ветви американской власти, включая судебную, срослись в единый организм, перешедший к тоталитарному управлению государством и обществом.

В посттрамповских США обострились проблемы, связанные не только с социально-экономическим развитием, но и с межрасовыми отношениями, политической стабильностью, отношением граждан к истории. Невероятные ранее коллизии претерпела гендерная и семейная повестка. Оказалось, что общество утратило свободу, эту базовую американскую ценность.

Деградация элиты

Очевидно, что США вступили в фундаментальный кризис своего бытия. Как известно, при подобных кризисах первостепенное значение для страны приобретает качество национальной элиты, ее способность анализировать ситуацию, отбирать и формировать комплекс идей, способных вывести нацию на новую восходящую траекторию.

Увы, и в этом плане следует констатировать глубокое неблагополучие. В истории Запада по мере развития капитализма все большую роль играли интеллектуалы — философы, ученые, писатели, университетская профессура. Их идеи, возникающие на основе анализа экономической, политической, социальной, культурной реальности, оказывали значительное, иногда решающее влияние на власть и общество.

Однако сегодня мы видим, что практически все духовное производство на Западе, и в первую очередь в США, находится в руках монополистических структур. Интеллектуалы стали служащими, предлагающими идеи по заказу элит-корпораций, для которых общественное благо находится за пределами актуальных интересов. К этому можно добавить деформацию и истощение прочих слоев национальной элиты, потерю ее представителями способности к адекватной реакции на изменения окружающего мира и ситуации в своей стране. Элита исчерпала потенциал генерации новых идей и смыслов, выявления перспективных путей развития.

Коллективный портрет политической элиты США удручает. На праймериз с Джо Байденом соперничал Берни Сандерс, которому в тот момент было 79 лет. Другой кандидатуры в партии не нашлось. Поступки и высказывания нынешнего вице-президента США Камалы Харрис заставляют сомневаться в ее адекватности. Спикер палаты представителей Нэнси Пелоси постарше Байдена и тоже не всегда руководствуется здравым смыслом в речах и действиях. Заместитель Госсекретаря США Виктория Нуланд во время своего визита в Россию в октябре 2021 года продемонстрировала поразительное для ее должности невежество в области географии. Примерами общей тенденции к деградации американской элиты могут служить Хиллари Клинтон, Марко Рубио, Сара Пэйлин и др.

Непонимание этой «элитой» происходящего и неспособность заглянуть в будущее, беспомощность пе-

[1] *Степин В. С.* Трансмутации ценностей и интересов на современном этапе развития цивилизации // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 236.

ред лицом перемен поражают. Неслучайно доминантой размышлений многих современных политиков, ученых, деятелей культуры становятся тревожные ожидания. Известный канадский ученый, также многолетний участник Лихачевских чтений Петр Дуткевич отмечает, что «характер глобальных противоречий современного мира и неопределенность дальнейших перспектив делают движущей силой человеческих поступков страх перед будущим, который становится существенным мотиватором политических решений»[1].

Внутреннее перерождение совсем недавно великой державы делает ее лидерство в мире все более проблематичным. Усиливается несоответствие глобальных и сверхдержавных амбиций США их реальным экономическим и политическим возможностям.

Америка против Европы

Как известно, до Второй мировой войны США не играли в Европе особо важной роли. Великобритания стремилась столкнуть Германию с Советским Союзом и способствовала политическому восхождению Гитлера. Но сценарий реализовался не полностью: Гитлер создал «ось» с Римом и Токио, превратившуюся в глобального противника для партнерства Великобритании и США. Далее лидерам ведущих держав стало понятно, что эра независимости национальных государств, их ситуативных союзов подходит к концу. Наступала эпоха глобальных противостояний альянсов. Де Голль начал вынашивать идею объединения континентальных государств Старой Европы (Евросоюза), Черчилль — англосаксонского проекта объединения Великобритании и США, Сталин ответил на это Варшавским договором.

Сегодня Запад представляет собой сложную геополитическую конфигурацию. Строительство объединенной Европы прошло под военно-политическим контролем англосаксонского блока (США и Великобритании), где Великобритания играла роль младшего партнера. С выходом ее из Евросоюза влияние США на жизнь Западной Европы не ослабло благодаря НАТО. Данный военный блок обеспечивает США контроль над ЕС.

Современный американский проект мироустройства изначально не предусматривал ни равноправия стран, входящих в Евросоюз, ни независимости самого ЕС. Равенство участников Евросоюза — не более чем лозунг: страны «старой Европы» (Германия, Франция, Италия) играют первую скрипку, периферия отодвинута на задний план. Недавно принятые в ЕС бывшие члены Варшавского договора, как и положено лимитрофным государствам, по сути являются вассалами США. Что касается стран за пределами ЕС, то там влияние обеспечивается за счет коррумпированных властных структур и целенаправленно поддерживаемой обстановки нестабильности. Достаточно убедительный пример — Украина. Джордж Сорос в своем интервью британскому изданию The Guardian назвал события на Украине своим лучшим проектом[2].

Усилиями своих корпораций США превратились в главного коррупционера планеты, обеспечивая теневые доходы власть имущим в разных странах и выкачивая оттуда сверхприбыль. Неслучайно именно США внесли основной вклад в уничтожение созданной с огромным трудом системы международного права, на смену которой снова пришло право силы. Новая дикость, неоварварство творится якобы в защиту истинных ценностей, выстраданных человечеством за тысячелетия его истории. На самом же деле эти ценности бессовестно попираются.

Агония Запада

Ситуация в мире, сложившаяся после 24 февраля — дня начала специальной военной операции российской армии на Украине, — высветила ряд явлений, прежде малозаметных. В частности, оказалось, что так называемый коллективный Запад имеет границы коллективизма. Эти границы проходят по линии национальных интересов.

За границами Евросоюза, несмотря на давление со стороны США, страны Азии, Африки и Латинской Америки все чаще выбирают по сути оппозиционный Западу путь. Китай, Индия, Бразилия, Турция, Индонезия, Южная Африка и даже Мексика отказались вводить санкции против России. Это стало шоком для США, привыкших указывать другим государствам, какую геополитическую позицию они должны занимать. На фоне слабеющего коллективного Запада, управляемого и направляемого США, более заметным становится формирование «коллективного Востока», «коллективной Азии» и других сил, все откровеннее игнорирующих роль США как мирового лидера. В итоге Штаты мучительно, но неотвратимо движутся к роли региональной державы. Начался дрейф Америки из центра мировой политики на ее окраину.

Особенности этого процесса у нас будет возможность обсудить на XXI и последующих Лихачевских научных чтениях.

Американская мечта оказалась несбыточной

Пока же завершу доклад размышлениями Уильяма Фолкнера: «Американская мечта: что с ней произошло?» Великий писатель вспоминает о ее смысле: «…индивидуальная личность будет обладать неотчуждаемым правом индивидуального достоинства и свободы, основывающимся на индивидуальном мужестве, честном труде и взаимной ответственности. То, что мы слышим теперь, — это какофония страха, умиротворенности и компромисса, напыщенный лепет; громкие и пустые слова, которые мы лишили какого бы то ни было смысла, — „свобода“, „демократия“, „патриотизм“; произнося их, мы отчаянно пытаемся скрыть потерю от самих себя»[3].

Жаль, конечно. Миллионам людей в России импонировала эта мечта.

---

[1] *Дуткевич П.* Ключевые противоречия мирового порядка // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 74.

[2] Джордж Сорос: «Происходящее на Украине — мой лучший проект». URL: https://russtrat.ru/comments/20-aprelya-2022-0007-9994 (дата обращения: 29.08.2022).

[3] *Фолкнер У.* О частной жизни : [пер. Н. А. Анастасьева] // Анастасьев Н. А. Владелец Йокнапатофы. М. : Книга, 1991. С. 408.

К. Ф. Затулин[1]

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС[2]

Люди старшего поколения наверняка помнят основную дилемму диссертанта советской эпохи. «Писать надо то, что думаешь, или то, что надо?» — спрашивает соискатель у научного руководителя. Правильный ответ: «Писать надо то, что думаешь. А думать — то, что надо».

Мне нет ни смысла, ни возможности прикидываться. Я слишком давно в «украинской» теме. Есть отдельные граждане, и у нас, и на Украине, считающие меня и таких, как я, за все в ответе. На Украине, во всяком случае, я давно приговорен судами и всеми президентами, за исключением Кравчука и Януковича: «Все де по Вашему сценарию».

Много чести. Не по сценарию, а по прогнозу. Две большие разницы, как говорят в Одессе.

Что будет с Россией и Украиной после украинской кампании, зависит от того, как и чем она закончится. Поэтому несколько исповедальных слов о прошлом и настоящем прежде, чем о будущем.

Считал ли и считаю ли я Украину в том варианте ее существования и развития, который свершался с 1991 года, главной проблемой и угрозой для России? Да, безусловно. Были ли шансы и возможности столкнуть ее с антирусского пути, не прибегая к войне или специальной военной операции? Конечно, были. Кто виноват, что этого не произошло? Сама Украина, заинтересованный в конфликте Запад и все мы в России, конечно. В разной степени, как и в случае с развалом СССР.

Таймер конфликта с Украиной был запущен с самого начала, в 1991 году. Многие этого не понимали или не хотели понимать. Но скорость отсчета остающегося до столкновения времени разнилась. Первое ускорение случилось, на мой взгляд, в 1999 году в результате ратификации в России подписанного в 1997-м Большого договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве» с Украиной: мы сдали возможность держать Украину на правовом крючке, признав прежние административные границы между УССР и РСФСР государственными. Признали Крым и Севастополь украинскими без достаточных гарантий и условий. И сослужили плохую службу, поставив будущих руководителей страны перед необходимостью в 2014 году нарушить взятые Россией обязательства.

Нас не то интересовало на Украине в 1990-е годы: не русский язык и образование, не права русскоязычных регионов, не судьба общей церкви, а заводы, фабрики и газопроводы. А еще больше мы были заняты собой. Приватизацией (это власть и бизнес) и погоней за мечтой о возвращении советского народовластия одновременно в Москве и Киеве (это оппозиция в Думе, КПРФ). Лично я, например, был исключен из Народно-патриотического союза России за борьбу против ратификации Большого договора. На заседании, которое вел Геннадий Андреевич Зюганов.

При Путине ситуация стала меняться, — но от уверенности, что все можно решить на «верхних этажах», через межэлитные договоренности с президентами и олигархами на Украине, мы слишком медленно переходили к необходимости собственной мобилизации в борьбе за умы и сердца своих вчерашних сограждан по другую сторону границы. Наша власть смотрела на многое глазами своих украинских фаворитов.

Признаюсь, что никогда в жизни не разговаривал и не встречался с Виктором Медведчуком: ни с его, ни с моей стороны никогда не было такой инициативы. Ну с его стороны понятно: кто такой этот Затулин? Мне же с самого начала было очевидно, что с Медведчуком мы тянем пустышку, как в домино. К сожалению, люди, принимавшие у нас решения, упорствовали в своей ставке, отвлекали себя от реальных необходимостей. Одна затяжка с раздачей российских паспортов на Украине сыграла свою роковую роль, соблазнив активное меньшинство решиться на майданы и перевороты. Разве рискнули бы, если бы треть, а то и половина граждан, живущих на Украине, имели бы в кармане, кроме украинского, российский паспорт? Мы не переборщили, а недоборщили с грамотным, умным и широким вмешательством в эти так называемые внутренние украинские дела.

Новое, решительное ускорение таймера — 2014 год. Последствиями госпереворота, краха наших иллюзий и попыток соблазнения продажной украинской элиты стал Крым, а затем Донбасс. Российская власть перестала рассматривать 2 млн крымчан, а затем и вообще русских на Украине как заложников фальшивой российско-украинской «дружбы, сотрудничества и партнерства». Поезд конфликта встал на рельсы. Но, сказав «а», в 2014-м не стали говорить «б», остановившись у ворот брошенного Мариуполя. Мало кто теперь не крепок задним умом, переживая по этому поводу.

Запад увидел в конфликте на Востоке Украины шанс проучить Россию, нанести превентивный ущерб

[1] Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII, VIII созывов, Специальный представитель Государственной Думы по вопросам миграции и гражданства, директор Института стран СНГ. Автор сотен публикаций в отечественных и зарубежных СМИ, в т. ч. книг: «33 и еще одна история из жизни нашего материка», «Между Востоком и Западом. Украина на фоне оранжевой революции», «Россия и Абхазия: две страны — один народ», «Русский вопрос» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, Правительственной комиссии по миграционной политике. Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «В память 850-летия Москвы», «300 лет Российскому флоту»; орденами РПЦ святого благоверного князя Даниила Московского, преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, орденом Святого Саввы Сербской православной церкви; орденами и медалями Республик Армения, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахской и Приднестровской Молдавской Республик, Почетной грамотой и Почетным знаком Государственной Думы РФ «За заслуги в развитии парламентаризма» и др. Почетный гражданин Республики Абхазия и Республики Крым.

[2] Доклад подготовлен по материалам выступления на XXX Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 14 мая 2022 г.

ей как потенциальному союзнику Китая. Ослепленная ненавистью к России Украина пошла на поводу, отказываясь от исполнения Минских соглашений. Время теперь работало не на нас: взяв на себя фактическую ответственность за Донбасс, мы не смогли под пулями и снарядами наладить там нормальную жизнь и достичь успеха в негласном, но очевидном соревновании: где же лучше живется — в Донбассе или на остальной Украине, обнадеживаемой Западом?

Мы с Украиной восемь лет сидели на колесе, как в сюрплясе в гонках по вертикали. Я не велосипедист, но знающие люди говорят, что шанс проиграть больше у того, кто первым прервет паузу, тронувшись с места. Тот факт, что 24 февраля мы «перешли границу у реки», что бы мы потом ни говорили, оказал и продолжает оказывать огромное влияние на мировое общественное мнение, да и на нас самих. А это не должно было быть для нас безразлично. В 2008 году с Грузией мы такой ошибки не сделали.

Но теперь у нас «one way ticket». Запад, как мне кажется, от идеи ослабления и превентивного ущерба перешел к плану нанесения нам ущерба, несовместимого с жизнью. Слишком велик соблазн, который растет по мере затягивания спецоперации. Самое худшее — призрак советско-финской войны. Как известно, Гитлер сделал из нее ложный вывод, — что Советский Союз на глиняных ногах, — но цена его просчета не дает повода для радости.

Не должно быть иллюзий — мы все в одной лодке, и поражение власти Путина — это пролог к развалу страны по образцу 1917 или 1991 года. Надо побеждать любой ценой.

Вячеслав Никонов в своей «Большой игре» сейчас повторяет дедовские слова: «Наше дело правое. Победа будет за нами». Но что есть победа? В чем она состоит для нас в сегодняшней ситуации? Была, как известно, сформулирована цель: нейтралитет и невступление Украины в НАТО, демилитаризация, денацификация, признание возвращения Крыма и независимости республик Донбасса. Я не верю в достижение этих целей, пока на Украине существует нынешняя власть и территории под ее контролем.

В состоянии ли мы свергнуть Зеленского и (или) не оставить ему земли под ногами? У нас хватает выдающихся экспертов и аналитиков, которые настаивают на том, что в ходе спецоперации мы должны дойти до конца, до границы с Польшей. Потому что иначе враждебная нам Украина продолжит существование. Было бы странным с моей стороны бороться за сохранение враждебной Украины. Но можем ли мы рассчитывать на успех «освободительного похода Красной армии» на Западную Украину? А самое главное, не приведет ли он к повторному запуску троянского коня в наше историческое пространство? О такой опасности еще в 1904 году предупреждал министр внутренних дел Дурново, предостерегая царя от Галиции.

Ответ на вопрос о пределах возможного в ходе военной операции — за нашим военно-политическим руководством. Что же касается нейтралитета, демилитаризации и денацификации, то я не верю в это на территориях, которые останутся под контролем правительства Украины. А значит, ограничиться признанием Крыма и республик Донбасса, чего тоже не достичь переговорами, было бы поражением на перспективу. Не говоря уже о том, что поставило бы под вопрос все достижения в Херсонской, Запорожской и других областях Украины.

Нужно взять свое, Новороссию, чтобы максимально ослабить враждебную Украину и продолжить неизбежную с ней борьбу в других формах. Сапармурат Туркменбаши, объясняя запрет балета в Туркмении, в свое время сказал: «В крови туркмен нет балета». Мы вправе решить, что в крови западенцев и бандеровцев нет моря. Возвращение Украины к статусу сухопутной страны поумерит амбиции всяких Джонсонов строить военно-морские базы на украинском побережье, снабжать Украину оружием по морю и рассматривать императорский кораблестроительный завод в Николаеве как добычу Британской короны. Без выхода к приднестровско-молдавской границе мы поощряем идеи расправы с Приднестровьем, которые уже готовятся осуществить. Я убежден, что стратегически город-герой Одесса гораздо важнее, чем город-герой Киев. Если приходится выбирать.

Вопрос о том, как должна быть устроена власть и какую форму она должна принять на освобожденных территориях, принадлежит ближайшему будущему: включение в РФ, присоединение к ДНР и ЛНР, формирование новых республик, вроде Херсонской, по их образцу или даже «Украины 2.0». Главным в вопросе послевоенного устройства должны быть гарантии его для России и самочувствия местного населения. Тем более, что, как я уже сказал, надеяться на прочный мир не приходится.

Гораздо больше сейчас волнует вопрос, как добиться решающего перелома в войне, несмотря на всю Западную королевскую рать. Как организовать единение фронта и тыла, чтобы свести к минимуму сегодняшнюю разобщенность? Некоторые уважаемые мной люди черпают оптимизм в том, что бардака на Украине по определению больше, чем у нас. Соглашаясь с этим, не могу не заметить, что зато у Украины теперь есть за ней смотрящие на Западе. Во Вторую мировую они поставляли нам «студебеккеры», на Украину теперь они отправляют кое-что летальнее и современнее. Я уже давно говорю, что без нового издания Государственного комитета обороны мы вряд ли обойдемся. Дело не в ограничении демократических прав и свобод, а в том, чтобы провести всюду единую волю во имя победы. Разве у Сталина в 1941 году было мало власти? Чрезвычайная ситуация, война требует чрезвычайных решений и структур.

После того, как в борьбу на Украине так откровенно вмешался Запад, специальная военная операция с каждым днем все больше приобретает для нас характер Отечественной войны. Это нужно понимать. И люди в большинстве это понимают. Оставьте узким специалистам рассуждения о «прокси-войне», «гибридной войне» и др. Это Отечественная война, потому что от ее исхода зависит судьба России.

А. К. Исаев[1]

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Известно, что у наших старых, а теперь и новых друзей-китайцев есть древняя поговорка: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Славянская ментальность отличается от китайской. «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъяренном океане…», «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» — цитаты из отечественной классики.

В XXI веке на долю россиян выпадает достаточно «блаженства» и «упоения». Происходящее в наши дни можно без преувеличения сравнить с такими переломными моментами российской истории, как Великая смута начала XVII века, нашествие Наполеона 1812 года, национальная катастрофа февраля 1917-го и даже Великая Отечественная война.

Сегодняшние события действительно сравнимы с Великой Отечественной войной, так как против России идет война так называемого коллективного Запада, возглавляемого правящими кругами США и Великобритании — активного участника данного дуэта. Война ведется по всем направлениям, в том числе в сфере культуры, и это не просто запрет Чайковского и объявление империалистами Пушкина и Достоевского. Это в первую очередь «расчеловечивание» русских, придание нам демонического, бесовского образа. Зачем они это делают? Нормальному человеку неприятно, когда уничтожают его сородичей, поэтому необходимо лишить объект своей агрессии человеческих черт, и тогда можно будет уничтожать его спокойно и безнаказанно. Именно это сейчас происходит в отношении русских практически по всей Европе.

Однако война, развязанная против России, — не только культурная, но в первую очередь торгово-экономическая. Действия, предпринятые во вред нашей экономике, не могут быть названы санкциями. Вообще в мировой практике цель любых санкций — в соответствии с неким законным решением заставить ту или иную страну что-то делать или, наоборот, не делать. Но санкции, которые объявлены и применяются в отношении России, даже не преследуют цели прекращения специальной военной операции, а направлены на тотальное разрушение экономики. Об этом вполне откровенно сказали и министр финансов Франции Брюно Ле Мэр, и президент США Джо Байден, когда заявил, что Россия должна быть отброшена в XIX век.

То есть речь идет о сознательной политике, направленной на унижение, обнищание и в конце концов страдания и смерть десятков миллионов людей. На Украине против России развязана «горячая» война. Но мы с вами прекрасно понимаем, что фактически руками украинцев с нами воюет НАТО. Натовские офицеры планируют операции, в ходе военных действий используются данные натовской аэрокосмической разведки, натовское вооружение.

Украина неслучайно была выбрана для боевого соединения, направленного против нас. Для этого есть несколько предпосылок. Первая заключается в том, что школа Збигнева Бжезинского (а весь современный истеблишмент Демократической партии США — это ученики Бжезинского) учила: Россия без Украины перестанет быть сверхдержавой и превратится в региональную страну.

Вторая предпосылка состоит в том, что для борьбы с Россией идеальным спарринг-партнером является украинский национализм, поскольку ему присущи уникальные родовые черты: во-первых, он изначально является антирусским по идеологии; во-вторых, во все периоды своей недолгой истории он становился союзником тех, кто в тот момент был самым сильным и опасным врагом России.

Почему украинский национализм направлен в первую очередь против России? Если мы согласны с нашим президентом, что украинцы и русские — это по сути один народ, то как обособить одну часть от другой? Только противопоставлением, только, как выразился один из классиков украинского национализма Дмитрий Донцов, «вытравив из украинского народа все русское».

Здесь с нами и нашим президентом соглашаются «классики» украинского национализма. Степан Бандера в 1950 году писал в статье «Украинская национальная революция, а не только сопротивление режиму»: «Наша генеральная линия освободительной политики базируется на том фактическом состоянии, что борьба за государственную независимость Украины — это борьба против России, не только против большевизма, но против каждого захватнического русского империализма, который присущ русскому народу в истории и современности».

Бандеру условно можно считать «Лениным» украинского национализма. А вот слова «Карла Маркса» — Дмитрия Донцова: «Актуален не лозунг самостийности сам по себе. Мечтали же когда-то наши украинцы о самостийной Украине в союзе с Россией. Актуален, более реален, более конкретен — скорее осуществим! — лозунг отрыва от России, расторжение любого единения». Ибо, как он считал, выбор таков: будет существовать или Украина, или Россия.

[1] Заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ VIII созыва, член Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП. Главный редактор газеты «Солидарность» (1991–2000), секретарь ФНПР (1995–2001), депутат Государственной Думы III–VIII созывов (1999 — по наст. вр.). Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Социальная среда в условиях кризиса», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Основные изменения в трудовом законодательстве России» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Член Генерального совета партии «Единая Россия». Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденами Почета, Дружбы, медалью П. А. Столыпина II степени и др. Отмечен Благодарностью Президента РФ, почетными грамотами Правительства РФ, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ и пр.

А тот факт, что украинские националисты всегда примыкали к врагам России, подтверждается даже на уровне символики. Например, часто говорят, что современный желто-голубой государственный флаг Украины символически изображает колосящуюся пшеницу и безоблачное небо. На самом деле его автором является государственный изменник Иван Мазепа, известный тем, что предал Петра, перейдя на сторону врага. В тот момент врагом России была Швеция, а флаг этого государства представляет собой желтый протестантский крест на голубом фоне. Во время полтавского сражения для того, чтобы шведы могли отличить украинских казаков, воюющих на стороне Мазепы, от тех, кто воевал на стороне России, они прикрепляли к своему флагу желто-голубой прямоугольничек. А красно-черный флаг украинской повстанческой армии — это по сути знамя Национал-социалистической немецкой рабочей партии (единственной законной партии в нацистской Германии).

Итак, против нас ведется война с использованием разных средств, то есть гибридная. Ее цель формулируют наши бывшие соотечественники, сбежавшие за рубеж. Они часто спорят друг с другом, но два тезиса повторяют постоянно. Первый: за все происходящее отвечает не только Путин, но и «Единая Россия» и весь российский народ, поэтому нам предстоит каяться не менее 70 лет, как немецкий народ каялся за нацистские преступления. Правда, это, мягко выражаясь, абсолютно некорректное сравнение. Второй тезис, который можно увидеть в небольших эссе и многотомных трудах (например, у Б. Акунина): современное Российское государство является прямым наследником Золотой Орды и наследует русский империализм, поэтому всегда оказывается империалистическим. Империей была царская Россия, после нее — советская, империей стала и Российская Федерация. Следовательно, цель — уничтожение этого государства, чтобы потом его остатки как-то адаптировались на задворках Европы и американоцентричного мира. Таким образом, брошенный нам вызов очевиден: мы должны либо погибнуть как государство и цивилизация, либо победить.

А что значит победить, когда речь идет о нашем столкновении с самым сильным государством мира — США и с самым мощным, превосходящим Россию по военной силе военно-политическим блоком — НАТО? С моей точки зрения, победить для нас — это выстоять в течение ближайших нескольких лет. Если за это время Россия вопреки экономическим санкциям и военному давлению сохранится и укрепится, это будет означать крах для Соединенных Штатов Америки и всего американоцентричного мира.

В чем заключаются глубинные причины ведущейся против России войны? На мой взгляд, эта война во многом была предопределена противоречием между экономическим и политическим устройством мира, сложившимся после Второй мировой войны. ООН — прямая наследница антигитлеровской коалиции; в ее рамках работает Совет Безопасности, главная задача которого — поддержание международного мира. Пять стран являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, и каждая имеет право вето. Это и есть многополярное политическое устройство.

Между тем в экономическом мире все сложилось по-другому. В 1944 году, когда будущие победители уже думали о дальнейшем устройстве мира, Сталин потребовал некоторые территории, большей части которых мы лишились к настоящему времени (остались только Курильские острова и Калининград). А дядюшка Сэм «взял деньгами» — Бреттон-Вудским соглашением, в соответствии с которыми доллар США стал мировой резервной валютой и основным средством платежа, то есть был превращен в аналог золота.

Это соглашение имело три важнейших экономических последствия. Первое: все торговые сделки между странами заключаются в долларах США. В условиях мировой торговли это означает, что с каждого проданного коробка спичек некую сумму (скажем, один цент) получают США за то, что они являются владельцами средства платежа. Второе: валюты всего мира привязаны к доллару, то есть эмитируются лишь в том количестве, в каком страна обладает американской валютой. Если России требуется увеличить денежную массу, то мы можем напечатать деньги только в объеме нашего золотовалютного запаса, а иначе может сильно возрасти инфляция. Вообще вместо термина «золотовалютный» было бы логично использовать «валютно-золотой», поскольку золото в резервах всех стран мира не превышает 20 %, а остальное — валюта, то есть большей частью те же доллары. Чтобы мы могли напечатать рубли в экономических интересах страны, надо сначала купить доллары США. Но купить их можно, только продав реальные товары! То есть в обмен на натуральный продукт (нефть, газ, руды и др.) мы получаем нули на электронных счетах. Можно назвать какую-то страну Золотой Ордой, но натуральную дань со всего мира фактически собирают США. Наконец, третье последствие: предположим, мы решили печатать рубли без оглядки на доллар. Это приведет к гиперинфляции. Деньги, как вода, заполнят весь предоставленный им объем, который ограничен размерами национальной экономики, и эта «вода» разорвет экономику. Рухнут сбережения, обесценятся оборотные средства предприятий, подорожают кредиты и т. д.

А есть ли в мире страна, не имеющая необходимости привязывать свою национальную валюту к доллару? Да. Это Соединенные Штаты Америки. В связи с этим Федеральная резервная система США, которая, как мы знаем, является частной структурой[1], печатает столько долларов, сколько считает нужным. Например, по оценкам экспертов, в период пандемии COVID-19 они наштамповали до 4 трлн долларов — так называемых «вертолетных денег», которые щедро раздавали. Если бы так поступила любая другая страна, это разрушило бы ее экономику. Но экономика США — это не закрытый сосуд, а скорее ванна, стоящая на других ваннах. Когда она наполняется, «вода» стекает в другие емкости. Таким образом, к концу прошлого века США освоили лучший вид экспорта — экспорт инфляции.

Доминирующее положение доллара в мировых финансах было поставлено под сомнение, когда у ряда

[1] В ФРС входят 12 федеральных резервных банков и около 3 тыс. коммерческих. Форма собственности капитала — акционерная.

стран Европы появилась единая валюта — евро, а затем между Россией и Китаем начались переговоры о торговле с использованием национальных валют. США это очень не нравится, поэтому для укрепления монополии доллара и обнуления своего огромного государственного долга они развязали войну. Украинские националисты думают, что воюют за Родину, но в действительности они гибнут ради другой цели — укрепления доллара США. Западные пропагандисты говорят, что Соединенные Штаты борются за либерализм против нацизма, но на самом деле их идеология описывается одним словом: доллар. Все остальное — не более чем инструменты. Для мягкого влияния сгодится либерализм (борьба за права меньшинств и т. п.), при необходимости более жестких действий используют нацизм.

Победа над Россией для США принципиально важна еще и потому, что их политическая история — это история поражений. За последние 15 лет они не одержали ни одной более или менее убедительной победы. Обещали поставить на колени Иран, свергнуть Мадуро в Венесуэле, Лукашенко в Белоруссии и Асада в Сирии — ничего не получилось. Даже от маленькой Северной Кореи отскочили, как мячик от стены, а из Афганистана бежали с позором. Если теперь они в очередной раз на глазах у всего мира потерпят поражение от России, это будет означать их конец. Тогда начнется возврат «на родину» долларов, облигаций и других долговых инструментов, которые представляют собой огромную систему, надстроенную над долларом. Экономика США этого не выдержит. Страна, где половину взрослого населения составляют блогеры и юристы и откуда реальные производства (кроме военно-промышленных) переехали в другие страны, не сможет существовать в прежнем виде. Поэтому, если Россия выстоит, коллапс американоцентричного мира неизбежен. Этого никто не скрывает: и Россия — в лице Сергея Лаврова, и США — устами Байдена — заявили, что идет борьба за новое устройство мира, то есть по сути это мировая война.

И здесь я хотел бы сказать о той роли, которую в этой сложной ситуации должна сыграть наша политическая партия. В настоящее время мы видим очень высокий уровень национального единения: подавляющее большинство народа поддерживает решения Путина и специальную военную операцию. Но мы понимаем, что это в значительной мере эмоциональная реакция, во многом обусловленная введенными против России санкциями. Люди понимают, кто бросил нам вызов и в чем он заключается. Предстоит долгая борьба. После того как специальная военная операция завершится, конфронтация с теми, кто является нашим реальным противником, не прекратится. Поэтому нам потребуется большая политическая сила для того, чтобы сплотить общество, так же как она была нужна для выведения страны из экономического кризиса в начале 2000-х годов.

Роль такой политической силы может сыграть только партия «Единая Россия». Нас с вами не надо в этом убеждать, но когда мы встречаемся с избирателями, то должны неизменно отвечать на вопрос: «Почему именно вы?»

Первый аргумент: сегодня единственной партией реальной поддержки Владимира Путина является «Единая Россия». Если бы не целый ряд решений, за которые в свое время голосовала только «Единая Россия», президент не мог бы сегодня проводить сильную, независимую внешнюю политику. Один из таких примеров — парламентское голосование за налог на добычу полезных ископаемых, когда внесенный президентом закон получил необходимое число голосов только после того, как за него проголосовала фракция «Единой России».

Напомню еще один важный эпизод. В начале 2000-х Владимир Путин предложил в первую очередь погасить задолженность Международному валютному фонду (МВФ). Мы понимали, что этот долг означал не только экономическую, но и политическую зависимость. МВФ начал диктовать свои условия. И тогда Путин предложил рассчитаться с Фондом. Оппозиционные партии были категорически против. Но что стало бы сегодня с нашими пенсиями и зарплатами, если бы мы продолжали находиться в долговой зависимости от МВФ? И только «Единая Россия» тогда поддержала президента.

В те годы страна выдержала первый удар, нанесенный нашей экономике. Мы устояли благодаря бюджетному правилу и жесткой бюджетной политике, на которой настаивала «Единая Россия». Когда избиратели спрашивали, будет ли у правительства возможность выплачивать пенсии и пособия вовремя и в полном объеме, мы с чистой совестью могли ответить: «Да, в законе о бюджете, принятом на три года, это предусмотрено». И социальные проблемы начали понемногу решаться — благодаря «Единой России». Созданная в те годы система социальной поддержки и сегодня позволяет микшировать многие неблагоприятные воздействия на российскую экономику. Построение такой системы стало возможно благодаря Федеральному закону № 122, известному как «закон о монетизации льгот», который одобрила только «Единая Россия».

Нас часто упрекают в том, что мы утверждаем значительные бюджетные траты на такие статьи, как оборона и безопасность. Но давно известно, что народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую. Если мы не будем выделять необходимые средства на оборону и безопасность, то через некоторое время не сможем самостоятельно определять, сколько средств нам требуется потратить на здравоохранение и образование. Тем не менее только наша партия последовательно отстаивает эти статьи.

Второй аргумент: «Единая Россия» — партия, имеющая отделения в большей части населенных пунктов по всей стране, так что они доступны практически для каждого избирателя. Ни у какой другой партии нет такой разветвленной структуры. В выборах в Госдуму и законодательные собрания субъектов Федерации всегда участвует довольно много оппозиционных партий, но когда дело доходит до выборов на местных уровнях, то, например, КПРФ «закрывает» в лучшем случае 30 % мандатов. «Единая Россия», в отличие от других партий, представлена всюду. Это очень важно,

поскольку Российская Федерация — огромная страна с множеством регионов и национальных образований, так что предпочтения и интересы населения у нас весьма разнообразны. И лишь «Единая Россия» может ответить на запрос любого избирателя независимо от его классовой, национальной, социальной принадлежности. То есть мы уже много лет играем объединяющую роль, причем достаточно успешно.

Наконец, третий аргумент: «Единая Россия» — настоящая партия русской политической культуры. Мы не отвергаем ни одного периода нашей истории.

Партии либерального толка говорят, что семь десятилетий Советского государства — мрачное тоталитарное время. Мы возражаем: конечно, были совершены трагические ошибки и даже преступления, но в те же годы страна добилась победы в Великой Отечественной войне, состоялись первые полеты в космос и другие достижения в разных областях — в науке, культуре. Мы с уважением относимся к ветеранам, к их взглядам, в том числе на прошлое.

Коммунисты, напротив, борются за «чистоту» своей идеологии, утверждая, что в России до Октябрьской революции действовал ужасный режим, а иначе никакой революции не случилось бы. Мы же считаем, что и в царские времена у России было немало достижений и завоеваний. Правда, сегодня мы можем услышать, например, от Г. А. Зюганова, что он во многом одобряет деятельность Александра III. Но он должен знать, что Александр Ульянов, брат Владимира Ленина, участвовал в подготовке покушения на Александра III. Можем также напомнить, что написано в Манифесте Коммунистической партии, в то время как марксизм продолжает оставаться главной идеологией КПРФ. Манифест провозглашает, что у рабочих нет Отечества. Авторами идеологии космополитизма, а по сути антипатриотизма, были классики марксизма, которые, впрочем, никогда не относились ко всем нациям одинаково. Особенно они не любили русских.

В советский период издавалось полное собрание сочинений Ленина, в то время как сочинения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, даже многотомные, никогда не были по-настоящему «полными». Идеологический отдел ЦК КПСС прекрасно знал, что есть строки, принадлежащие классикам, которые в России лучше не публиковать. В частности, в одной из работ Маркс приводит слова польского политика Духинского: «Само название Русь узурпировано московитами. Русские не только не являются славянами, но даже не принадлежат к индоевропейской расе. Они пришельцы, которых надо выгнать обратно за Днепр». А вот как сам Маркс относится к этой точке зрения: «Я хотел бы, чтобы это оказалось правдой или по крайней мере чтобы этот взгляд стал господствующим между славянами». А вот из полемики Энгельса с Бакуниным: «У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию».

Казалось бы, российские коммунисты должны были все это учесть. Но, к сожалению, этого не произошло. Мы помним, что большевистская партия была, пожалуй, единственной в истории нашей страны, которая во время Первой мировой войны открыто призывала к поражению своей страны.

В 1930 году в столице развернулась полемика по поводу Генерального плана реконструкции Москвы. Предлагалось даже снести храм Василия Блаженного и убрать памятник Минину и Пожарскому: «Подумаешь, они спасли Россию! / А может, лучше было не спасать?». В итоге, слава богу, собор и памятник остались на месте.

Все это происходило до Великой Отечественной войны. Потом — война, обращение к русским корням, Дмитрию Донскому, Александру Невскому, некоторая корректировка коммунистической идеологии. Но мы должны помнить, что в идеологии современных коммунистов уживаются две составляющие — классово-марксистская и привнесенная в последние годы патриотическая. Трудно предположить, какая из них возобладает, если из-за санкций у нас начнутся проблемы в экономике. Тем более что совсем недавно, в 2021 году, коммунисты вступили в союз с очевидными врагами Отечества — навальнистами, которые всеми силами пропагандировали разработанную ЦРУ тактику так называемого умного голосования на выборах. Мы помним также, что именно наши коллеги-коммунисты (хотя и всего несколько человек) заявили о том, что они не поддерживают специальную военную операцию.

Что касается остальных политических партий, представленных в Госдуме, — ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди», то понятно, что они не могут претендовать на роль общенационального лидера. Лидер «Справедливой России» Сергей Миронов в последнее время занял жестко патриотическую позиции, но в 2011–2012 годах, когда была первая попытка «раскачать» нашу страну, депутаты от этой партии приходили на заседания с белыми ленточками — символами протеста. И именно по спискам «Справедливой России» в Государственную Думу тогда попали нынешние государственные изменники: отец и сын Гудковы, Илья Пономарев. Мы не только помним об этом, но и извлекли определенные уроки.

А «Новые люди»? Когда в Думе шло голосование за обращение к Президенту РФ о признании Донецкой и Луганской Народных Республик, это была единственная фракция, проголосовавшая против. Сейчас они занимают более патриотическую позицию, и мы не можем это не приветствовать.

Таким образом, остается «Единая Россия». Особенно если учесть, что это единственная партия, имеющая опыт вывода страны из кризиса. Коммунистическая партия обладает другим опытом — погружения в кризис. В отличие от коммунистов, мы подставили плечо президенту, когда это потребовалось, и вместе с ним вели работу по преодолению экономических проблем, накопившихся в 1990-е годы.

В 2008 году разразился мировой финансовый кризис, спровоцированный тем, что в США лопнул «пузырь» ипотечного кредитования. Россия тоже оказалась в зоне кризиса. Люди массово начали снимать деньги со счетов, и тогда Путин предложил несколько срочных мер: выдать кредиты банкам, чтобы они могли выплатить всем, кто хотел получить свои деньги, и увели-

чить сумму вкладов, подлежащих страхованию. Тогда мы вместе с правительством и президентом провели огромную работу. Нам удалось выдержать нашу линию, и кризис был преодолен. Других партий, имеющих опыт выхода страны из общенационального кризиса, в России на сегодняшний день нет.

Почему сейчас это особенно важно? Из-за санкций, введенных странами Запада, России предстоит решить множество проблем, в основном связанных с экономикой (борьба с безработицей, сдерживание роста цен, помощь бизнесу, лекарственное обеспечение и пр.). Мы должны будем выполнить огромную работу, чтобы эти санкции как можно меньше отразились на жизни страны.

Но главное, чего от нас ждут, — обновление идеологии. В том, что касается прошлого, идеология «Единой России» ясна и понятна. Мы изучили историю, сформулировали все необходимые оценки, поэтому точно знаем, против чего выступаем. А вот образ будущего у нас не настолько отчетлив. Что мы строим? Хотим занять место США в сегодняшнем мире, который все еще остается американоцентричным? Но это вряд ли встретит поддержку в других странах. Мы отказались от социалистической модели, которая была альтернативой американскому финансовому капиталу, но до сих пор не сконструировали новую модель. Партии «Единая Россия» придется заняться этой работой.

Среди важнейших вопросов — поведение российской элиты. Президент сказал о национал-предателях, но много ли таких людей среди фермеров, рабочих, учителей, врачей? Их практически нет. А вот среди тех, кого мы, как правящая партия, осыпали наградами и почестями, — огромное количество. Но не только мы в этом виноваты. Предательство элит — хроническая болезнь России. В начале XVII века правившие страной знатные бояре (знаменитая семибоярщина), которым в России, казалось бы, жилось лучше многих, оказались агентами Польши. А кто предал императора в 1917 году? Командующие фронтами. А Советский Союз? Верхушка Коммунистической партии. Может это не повторяться? Может.

Нам, как депутатам Госдумы, придется выполнять один из заветов Владимира Жириновского — возвращаться к русскому языку. Язык — это способ мышления, человек думает словами. Кешбэк, хештег и прочее — это из языка нашего противника, а если мы думаем на его языке, то нам труднее с ним бороться. Практически любой англицизм имеет аналог в русском языке, и было бы разумно настаивать на том, чтобы употреблять слова родного языка везде, где это возможно. Мы можем это сделать хотя бы на законодательном уровне.

В общем, предстоит достаточно серьезная работа. Сегодня многие задают вопрос: «Когда все это закончится и начнется прежняя нормальная жизнь?» Отвечаю: прежней больше не будет, но начнется новая, другая жизнь. А что касается нынешней турбулентности, то надо запастись терпением. У нас есть пример страны, имеющей гораздо меньше природных ресурсов и других возможностей, чем Россия. Куба находится рядом с США, и большой сосед уже несколько десятилетий душит ее всеми силами… и не может с ней справиться! Я предлагаю помнить девиз, под которым живут и побеждают патриоты Кубы: «Родина или смерть!».

О. Г. Карпович[1]

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Развивающиеся в последние десятилетия процессы постепенного изменения соотношения сил между традиционно ведущими игроками на международной арене и их влияния на формирование международной политической ситуации, системы торгово-экономических отношений, включение в эти процессы новых акторов все настойчивее ставят в практическую повестку дня тему трансформации мирового экономического порядка, в том числе мировой валютной системы.

Сформированная в 1944 году по итогам Второй мировой войны в Бреттон-Вудсе валютная система закрепила роль доллара в качестве главной мировой резервной валюты. Был утвержден долларовый стандарт, «американец» стал основной платежной единицей, применяемой в международных расчетах, единственной валютой, частично конвертируемой в золото, валютой интервенций и резервных активов.

Правительство США взяло на себя обязательство поддерживать постоянную цену на золото, а всю долларовую наличность обменивать на золото по требованию стран — участниц Бреттон-Вудской системы. Были созданы международные институты поддержки этой системы — Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития. Позже, в 1947 году, появилось Генеральное соглашение по тарифам и торговле, преобразованное в 1995 году во Всемирную торговую организацию.

По прошествии 30-летнего периода США были уже не в состоянии поддерживать привязку национальной валюты к золотому стандарту. В августе 1971 года

[1] Проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия», «Глобальные проблемы и международные отношения» и др.; глав в коллективных монографиях: «Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX–XXI веков», «New Technologies in Diplomacy» и др.; статей: «Климатическая политика Европейского союза: время ответственных решений» (в соавт.), «Отношения США и Европы после вывода американских войск из Афганистана» (в соавт.) и др. Председатель редсовета журнала «Вестник ученых-международников», член редсоветов ряда научных журналов.

президент Соединенных Штатов Р. Никсон объявил о «временном запрете обмена доллара на золото», чем фактически был запущен процесс прекращения действия Бреттон-Вудской системы, а в 1976 году по итогам Ямайской конференции валютная система была преобразована на принципах плавающих курсов, соизмеряемых на международном рынке валют при сохранении доминирующей роли доллара.

1 января 1999 года в безналичное обращение, а 1 января 2002 года — в наличное обращение был введен евро, сегодня — вторая по значению резервная мировая валюта.

Несмотря на некоторое ослабление к настоящему времени позиций, США продолжают оставаться наиболее могущественной политической, экономической и военной державой мира, а доллар сохраняет значение главной резервной и расчетной мировой валюты. Кроме того, обращающиеся на международном финансовом рынке обязательства США (порядка 30 трлн долларов) оказывают существенное влияние на страны, фонды, частных инвесторов, являющихся их держателями.

Вместе с тем в условиях неожиданного для соперников бурно возрастающего, особенно политического и военного, влияния России, агрессивно завоевывающего лидерские позиции в мировом промышленном и торгово-экономическом соревновании Китая, появления новых, более сильных и претендующих на самостоятельную роль Индии, Бразилии, Турции и ряда других стран некогда безоговорочное лидерство Соединенных Штатов Америки постепенно слабеет. Логика развития ситуации все настойчивее требует изменений в мировом порядке в направлении учета реалий нового времени. Указанные тенденции становятся особенно рельефными применительно к системе международных экономико-хозяйственных связей, а также к расчетной инфраструктуре и инструментам (прежде всего доллару США), их обслуживающих.

Ситуация в мировой экономике и на мировом финансовом рынке резко осложнилась из-за потерь, понесенных экономиками большинства стран мира в результате начавшейся в 2019 году пандемии коронавирусной инфекции. По оценкам ряда экспертов, в 2020 году пандемия привела к сокращению торговли товарами на 8 % и коммерческими услугами на 21 % в годовом исчислении. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, к концу 2021 года совокупная экономика стран мира потеряла порядка 7 трлн долларов США.

Отказ США и НАТО от рассмотрения по существу предложений учитывать российские национальные интересы и принцип неделимости безопасности, зафиксированный в 1999 году стамбульской Хартией европейской безопасности и Астанинской декларацией по итогам саммита Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 2010 году, а также резко негативная реакция Запада в связи с проводимой нашей страной спецоперацией на Украине привели к интенсивно разрастающемуся системному кризису — непосредственному и острому политическому, экономическому, информационному и опосредованному военному противостоянию.

Введенный сегодня против Российской Федерации режим массированных санкций, в том числе отключение от системы SWIFT, запрещение операций с долларом и замораживание золотовалютных активов прямо нарушает принципы международного права и практику международных экономических связей. В результате реализуемая США и НАТО линия на использование экономических рычагов в качестве «оружия возмездия» против одной из ведущих мировых держав объективно ведет к подрыву принципов функционирования международной валютно-финансовой системы, нарушению в значительной степени системы внешнеторговых обменов, доверия к США в качестве державы — гаранта сохранности зарубежных активов для многих стран мира, законодателя правил и норм поддержания международной экономической стабильности, а также к доллару как основе международной валютной системы.

Как следствие введенных против России санкций, неизбежными представляются сужение предложения на международных рынках важных товаров: углеводородов, отдельных наименований группы продовольственных товаров (например, зерна, подсолнечного масла), металлов, минеральных удобрений и тому подобного, а также разрушение выстроенных кооперационных цепочек, в значительной мере определяющих экономическое положение и социальную стабильность во многих странах мира.

Сегодня уже можно уверенно констатировать интенсификацию процессов, размывающих роль доллара. Развитие ситуации по этому сценарию и расширение ее масштабов неизбежно приведут к нарастанию в мире экономических и финансовых кризисных явлений. Очевидно, что вырисовывающийся сценарий и его неминуемые последствия сегодня уже не могут не учитываться руководством и финансовыми структурами многих стран мира вне зависимости от их политической ориентации и торгово-экономических приоритетов.

В данном контексте весьма существенным для Вашингтона станет такой фактор, как способность сохранить солидарность в рядах антироссийской коалиции и перспектива ее расширения. Уже сейчас, несмотря на большие экономические издержки, которые ЕС понесет в случае отказа от закупок российских углеводородов, появляются сведения о намерениях европейцев реализовать планы альтернативных российским схем поставок нефти в страны Союза. Причины этому следует искать сугубо в факторах политической сферы. Европа, отказавшаяся от претензий на военный, политический и экономический суверенитет, будет вынуждена на данном этапе полностью следовать курсу, декларируемому Вашингтоном.

В то же время пороговым фактором для европейцев может явиться не только уровень цены, которую им предстоит заплатить за политику санкционной блокады России. Перспектива неизбежного и значительного сокращения национальных экономик, падения социальных стандартов и в связи с этим обострения внутриполитической ситуации непременно будет оказывать все возрастающее воздействие на политику стран ре-

гиона. Если потери стран ЕС — потребителей российских углеводородов окажутся слишком тяжелы, с высокой степенью вероятности можно прогнозировать, что в условиях неготовности США оказывать Европе серьезную поддержку разногласия среди стран ЕС могут существенно нарастать и в конечном счете приведут с десинхронизации курсов по отношению к закупкам российских углеводородов и, возможно, по ряду других критических для европейцев позиций товарной номенклатуры.

Весьма иллюстративным стало применение в свое время европейцами различных комбинаций обхода введенных США и согласованных с ЕС санкционных ограничений против Ирана. Как показывает реальный ход событий, эта ситуация так или иначе будет неизбежно воспроизводиться и в современных условиях применительно к введенному эмбарго в отношении России.

Резко негативная первоначальная реакция руководящих органов ЕС на требование России оплачивать газ по схеме, предусматривающей получение российскими поставщиками газа средств на свои счета в рублях, постепенно меняется на менее определенную, выработанную Комиссией ЕС формулу, согласно которой закупки газа у России возможны «без нарушения режима санкций». Ряд европейских стран на национальном уровне уже согласились платить за газ в рублях, а другие в настоящее время находятся в стадии проработки этого вопроса. Неизбежные негативные последствия прекращения поставок газа для экономик стран, занимающих наиболее радикальную позицию, вынудят и их руководство в конечном счете выработать более осмысленный подход к данной проблеме.

Дальнейшие действия российского руководства лишь усугубляют для западноевропейских стран их сложное положение. 7 марта 2022 года Кремлем был опубликован список недружественных России стран, включающий государства ЕС. Вслед за этим принят целый комплекс указов Президента России и документов российского правительства, регламентирующих и ужесточающих характер практически всех торгово-экономических отношений с недружественными странами и воспринимающихся последними в качестве российских контрмер. 3 мая вступил в действие Указ Президента России № 52 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

На этом фоне следует ожидать серьезных негативных последствий для европейских стран не только в экономической, но и в социальной области. Россия, занимая предельно жесткую линию, будет загонять европейцев в угол и вынуждать их искать выход путем компромиссов и налаживания диалога с нашей страной. Это, в свою очередь, будет вести к нарастанию противоречий европейских стран с США, которые усугубляют давление на союзников, стремясь пресекать любые нарушения коалиционной дисциплины, и одновременно продвигают свои интересы на европейских рынках.

Такой сценарий объективно может содействовать «оживлению» попыток формулирования европейскими государствами некой «суверенной и независимой» общеевропейской политики, в том числе в области безопасности, с формированием соответствующих региональных структур. В рамках ЕС работа в этом направлении, то затухая, то вновь оживляясь, ведется на протяжении длительного времени. Нынешний президент Франции Э. Макрон уже неоднократно артикулировал идеи большей европейской самостоятельности, вплоть до создания европейской армии, явно претендуя на роль лидера таких процессов.

До настоящего времени подобные проявления излишней самостоятельности успешно пресекались Вашингтоном. Однако претензии на бóльшую самостоятельность в рядах европейцев полностью не искоренены, а события на Украине, очевидно, будут играть роль катализатора этих процессов, которые в условиях — пока потенциального — формирования нового мирового порядка могут получить самое неожиданное развитие.

Участие президента США Д. Байдена в состоявшихся в Брюсселе 24–25 марта 2022 года саммитах НАТО, ЕС, G7, а также его поездка в Польшу 26 марта для переговоров с президентом Польши А. Дудой и встречи с американскими военнослужащими имели своей целью упрочение антироссийской коалиции и придание европейскому крылу НАТО большей решимости на российском направлении. В этом плане согласованные продолжение санкционной политики в отношении России и наращивание помощи, направленной на повышение способности ВСУ к обороне, были ожидаемы.

Безусловно, обратили на себя внимание такие решения, как создание «совместной (США и ЕС) рабочей группы для разработки плана действий по усилению европейской энергетической безопасности», а также заявление Д. Байдена о том, что США и НАТО «ответят на применение Россией химического оружия». Данное заявление можно было бы трактовать как создание предпосылок для применения военной силы на Украине. Однако его воздействие было существенно сглажено словами американского президента о том, что «характер ответа будет зависеть от характера применения».

Саммит также одобрил принятую 21 марта сего года Советом министров иностранных дел и обороны Евросоюза оборонную концепцию «Стратегический компас ЕС», рассчитанную на период до 2030 года. Концепция, в частности, фиксирует, что более сильный в вопросах обороны и безопасности ЕС будет способствовать глобальной трансатлантической безопасности и дополнять возможности НАТО, а также предусматривает создание пятитысячных сил быстрого реагирования.

Сам факт проведения в экстренном порядке в течение трех дней такого количества важнейших для западных государств мероприятий порождал ожидания принятия направленных против России беспрецедентных по своему воздействию мер, которые заставили бы Кремль отступить. Однако «скромные» итоги прошедших саммитов и европейского турне Д. Байдена будут скорее восприняты как отражение растерянности За-

пада и его попытка «сохранить лицо», а также демонстрация уже ограниченных сегодня возможностей Вашингтона.

В этом же контексте необходимо рассматривать результаты прошедших 19 апреля 2022 года в формате видеоконференции консультаций руководителей США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Японии, Канады, Румынии, Польши, в которых приняли участие глава Европейского совета Ш. Мишель и председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, а также инициированного США совещания министров обороны НАТО и стран — союзниц Альянса (участвовали представители более 40 стран), состоявшегося на американской базе «Рамштайн» в Германии 26 апреля 2022 года. По их итогам была сформулирована в качестве основной задача не допустить успеха российской специальной военной операции на Украине и по существу согласован план действий по ее реализации, включающий среди прочего предоставление Киеву финансовой помощи, направление в зону конфликта вооружений, в том числе тяжелых, и военных средств, наращивание усилий по изоляции России в мире.

Вместе с тем официально сформированная российским руководством и предъявленная США и НАТО система «красных линий», по сути, является заявкой на радикальное переустройство существовавшего до сего времени мирового политического порядка, а также глобальной системы безопасности. Реализация (при успешном для России развитии сценария) объявленных целей операции на Украине и демонстрируемая устойчивость к массированному давлению США и НАТО объективно будут работать на дальнейшую интенсификацию процессов формирования нового мироустройства и — в качестве одной из его фундаментальных составляющих — трансформацию мировой валютно-экономической системы. В этом контексте осуществляемая администрацией США политика одновременного активного противостояния и сдерживания России и Китая значительно осложняет возможности реализации намерений США и, напротив, еще более подталкивает Пекин к тесному взаимодействию с Россией, создавая базу для нарастающей взаимной поддержки.

В нынешней ситуации исключительно важными для администрации США являются усилия по дальнейшему расширению круга участников антироссийского союза. Как свидетельствует развитие событий, бóльшая часть государств «второй и третьей лиги» на данном этапе заняли в основном выжидательную позицию. Симптоматичным в связи с этим является тот факт, что голосования в Генеральной Ассамблее ООН по антироссийским резолюциям «Агрессия против Украины» от 2 марта и «Гуманитарные последствия агрессии против Украины» от 24 марта 2022 года не привели к расширению антироссийской коалиции. Не дают пока результатов и попытки руководства США и Великобритании склонить Китай и Индию к поддержке санкционного режима и линии на изоляцию России, безрезультатными оказались усилия президента Д. Байдена и премьер-министра Великобритании Б. Джонсона подтолкнуть Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты к увеличению объемов добычи нефти.

Что касается весьма активно обсуждаемой в мире перспективы становления новой мировой валютно-финансовой системы, то, как и в предыдущие периоды, ее очертания в значительной степени будут зависеть от конкретных параметров нового мирового порядка. Он с высокой степенью вероятности начнет усиленно формироваться по итогам развития дискуссии между Россией и США по условиям новой системы международной безопасности и операции по демилитаризации и денацификации Украины, активного подключения к этим процессам других акторов, в первую очередь Китая и Индии. Как представляется, в новых условиях образование какой-либо единой валютной системы вряд ли реалистично — слишком велики будут расхождения в позициях и претензиях ведущих государств-игроков и их объединений, слишком значительной может быть «аллергия» многих стран на политику, проводимую США в настоящий период.

Можно уверенно прогнозировать нарастание тенденций к регионализации мирового экономического пространства на основе одновременного и параллельного развития нескольких валютных систем: долларовой, на базе юаня, которая может претендовать на позиции второй по значению, евро и (при благоприятном развитии событий) рубля. Нельзя полностью исключать и иные варианты, в частности рупии. Возможно развитие событий и в направлении поиска некой нейтральной, приемлемой для всех системы по принципу, например, созданной в 1969 году в рамках Международного валютного фонда SDR (Special Drawing Rights — Специальных прав заимствования) либо на основе функционирования криптовалюты, другой приемлемой для всех системы.

Ослабление доллара в результате надвигающегося системного политического и экономического кризиса на фоне неблагоприятных для него процессов (определенная компрометация доверия в качестве надежного хранения золотовалютных резервов, роста государственного долга до 128 % ВВП (данные на 4 февраля 2022 г.), инфляции до 8 % и др.) будет оказывать серьезное давление на американскую экономику. Так, Д. Пауэлл 21 марта сего года заявил, что возглавляемая им Федеральная резервная система готова отказаться от оказания поддержки экономики ради сдерживания инфляции. Он признал, что «снижение инфляции без серьезного ущерба для экономики США является непростой задачей». При этом Д. Пауэлл отметил готовность к «принятию агрессивных мер и повышению ставки по федеральным фондам более, чем на 25 базисных пунктов».

В этих условиях постепенное снижение роли США хотя и может стать более явным и активным, тем не менее будет достаточно длительным, неравномерным, чревато новыми обострениями международной политической ситуации и волатильностью мировых и региональных экономических и валютно-экономических процессов. Факторы, действующие на ослабление доллара, еще долго будут в значительной степени сдерживаться и компенсироваться сохраняющимся его зна-

чением наиболее распространенной мировой валюты обеспечения торгово-экономических операций и международных расчетов для значительного числа государств — союзников США, активной деятельностью по сохранению своего значения самими американцами в зоне их непосредственного политического и экономического влияния, а также инертностью сложившихся стереотипов еще для многих стран мира. Процесс снижения влияния доллара хотя и ускорится, возможно, существенно, тем не менее вряд ли будет обвальным.

Очевидно, что одна из альтернативных систем будет базироваться на юане. Пекин рассчитывает превратить юань в одну из самых популярных единиц расчета и сделать его резервной мировой валютой и реальной альтернативой доллару. Китай уже довольно давно запустил и активно продвигает отказ от использования доллара США. По мере наращивания торгового оборота России с Китаем наши страны увеличивают объемы расчетов друг с другом в национальных валютах. Так, в 2021 году около 25 % взаимных расчетов по внешнеторговым операциям между Китаем и Россией были осуществлены в рублях и юанях.

В соответствии с заявлением (14 марта 2022 г.) министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С. Глазьева, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Китай разработают проект независимой международной валютной системы, которая, как предполагается, будет основываться на новой международной валюте и рассчитываться как индекс корзины национальных валют стран-участниц и цен на биржевые товары. Предполагается, что проект будет представлен для обсуждения уже в ближайшее время.

Симптоматичной является и готовность России и Индии, обсуждающих ведение расчетов по внешнеторговым операциям в национальных валютах, рассматривать юань в качестве базисной валюты. Ряд стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) также постепенно отказываются во взаимной торговле от американской в пользу национальных валют. Соглашения о переходе на такие операции в трансграничной торговле уже подписали Япония и Индонезия, а также Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины. В то же время на этом пути Китаю еще предстоит сделать многое, в том числе преодолеть препятствия, связанные с тем, что на сегодняшний день юань остается лишь частично конвертируемым.

В качестве региональной валюты сможет функционировать и рубль, который многие эксперты считают существенно недооцененным. Этому будет содействовать и развивающаяся практика торговли России с рядом стран в национальных валютах. Однако данный процесс будет серьезно сдерживаться его нынешним статусом нестабильной спекулятивной валюты. На начальном этапе усилия по его введению в действие в качестве региональной валюты будут поддерживаться главным образом политическими факторами, в первую очередь в зоне стран бывшего СССР.

На более широком пространстве акцент будет делаться на переход в расчетах на рубль по товарам, по которым Россия имеет позиции традиционно преимущественного поставщика. Расширение зоны применения рубля для обслуживания торгово-экономических обменов в национальных валютах в двустороннем формате с государствами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ЕАЭС и, возможно, рядом стран АСЕАН также станет важным вектором внешнеэкономической деятельности России. Становлению рубля в качестве региональной резервной валюты и упрочению его позиций будет содействовать последовательный курс на перевод и расширение зоны внешнеторговых операций как по номенклатуре товаров, так и по перечню стран-контрагентов. Вместе с тем в рамках реализации этой линии все более настойчивой станет необходимость в мероприятиях по стабилизации рубля, возможно, денежной реформы.

В процессе формирования нового мирового порядка, в том числе с учетом итогов операции на Украине, Россия может получить хорошие шансы на обретение большего политического и, как следствие, экономического веса в мире, а также на усиление позиций в диалоге по проблемам глобальной системы безопасности. Вместе с тем период, когда политические дивиденды и военно-технические аргументы смогут обеспечивать устойчивость и усиление роли России и ее национальной валюты в мировых делах, скорее всего, не будет очень продолжительным.

Важным, хотя и вынужденным, шагом явилось решение российского президента о переводе расчетов за поставки газа в недружественные страны на рубли и его поручение Кабинету министров, Центробанку России и Газпрому реализовать меры по изменению валюты платежа до 31 марта 2022 года. Данное решение будет иметь как серьезные финансово-экономические, так и, очевидно, политические последствия. Президент России, объявивший в своем выступлении о введении этой, по существу, первой ответной меры против недружественных стран, отметил, что торговля газом за рубли является лишь первым шагом. Уже сегодня ясно, что, несмотря на первую реакцию США и ЕС, этот шаг, по сути, ставит оппонентов России в патовое положение.

Реализация данной линии не будет простой и займет какой-то временной промежуток. Однако ряд стран уже заявили о своей готовности перейти на новые стандарты. Что касается других государств, в том числе выступающих наиболее агрессивно и враждебно против России, их действия в этом вопросе в конечном счете будут определяться не только политическими, но и социально-экономическими факторами.

Критически важным с точки зрения закрепления своих позиций в качестве одной из ведущих мировых сверхдержав явится способность России подкрепить свои политические и военно-технические аргументы позитивными результатами в упрочении экономического статуса. В этом контексте необходимость ускорения процессов экономического и технологического развития страны становится для российского руководства главным вызовом.

Успех этого курса будет определять не только роль нашей страны в мире, ее взаимодействие с основными оппонентами и государствами-попутчиками, такими, например, как Китай и Индия, но и позиции нашей страны

в глобальных международных и региональных объединениях. При этом, планируя политический и экономический курс на средне- и особенно долгосрочную перспективу, в стремлении устранить опасности, исходящие от традиционного оппонента — США, важно постоянно иметь в виду и возможные негативные последствия для России оказаться в жестком кильватерном строю другого мирового экономического лидера — Китая.

Э. Кевин[1]

ПУТЬ В НОВАРУСЬ

Доклад представляет собой скромную попытку вписать нынешний украинский конфликт в контекст и предсказать его наиболее вероятный политический исход.

Будущее Украины решается на поле боя, потому что с 2014 года Киев прекратил быть для Москвы серьезным партнером по переговорам. Трагической данностью это стало, когда Киев отверг достигнутое в Стамбуле 29 марта мирное соглашение *ad referendum* — под условием одобрения правительствами. Киев отошел от стамбульских положений под скрытым давлением США и Великобритании, которые были (и остаются) заинтересованы в продолжении конфликта на Украине, а также, вероятно, крайних националистов из окружения В. Зеленского.

Я говорю «трагической», потому что после 29 марта огромное количество солдат и мирных жителей все так же бессмысленно гибнет в ходе боевых действий на Украине и в Народных республиках Донбасса, а национальное богатство Украины уничтожается в этой смертельной ссоре между братскими народами. В то же время заявляемые Киевом условия мира становятся все более надуманными и невыполнимыми.

Россия со своей союзницей Беларусью и фактическая коалиция Украины, США и НАТО преследуют в войне разные цели и руководствуются разными правилами ведения боевых действий. Мы наблюдаем уникальное по своей убийственности взаимодействие между реальным военным конфликтом на Украине и окружающей его циничной информационной войной, которую ведет Запад.

Россия могла бы уничтожить установленный в Киеве режим уже завтра, если бы решила использовать в столице Украины все свое неядерное военное превосходство (чего не случится). Киев и его союзники уже проиграли войну в первые несколько недель, но они настолько подвержены влиянию собственной лживой пропаганды, что отказываются видеть это. Запад, похоже, не особенно волнует, побеждает Украина или нет: он надеется, что война продолжится как можно дольше, чтобы извлечь побочную политическую выгоду из огромных страданий, которые она приносит украинцам. Джо Байден и его партия получают гигантские прибыли от продажи оружия — по иронии судьбы, того оружия, которое Россия благополучно взрывает с помощью направленных ракетных ударов, когда оно идет через Украину на фронт.

Произошедшее 24 февраля было вынужденным шагом В. Путина. Первый выстрел 24 февраля сделала Россия, но зарядили оружие и взвели курок Соединенные Штаты.

После Майдана, когда обеспокоенный Донбасс обратился к России за аналогичными крымской модели гарантиями безопасности от вторжения и геноцида, Москва в течение многих лет пыталась найти мирные решения, которые позволили бы Донецкой и Луганской областям остаться в составе новой федеративной Украины с гарантированной конституционной защитой русского языка и культурных прав.

В 2014 году в качестве названия для предполагаемой конфедерации этих двух областей было ненадолго возрождено слово «Новороссия». Речь идет об исторической «Новой России» — географическом термине, обозначающем отвоеванную у Османской империи около 300 лет назад территорию, на которой предложили жить русским поселенцам.

Киевские обстрелы продолжались, а минские мирные переговоры затухали, и в Донбассе заговорили о создании более крупной политической конфедерации Новороссии: возможно, с расширением на запад до границы с Приднестровьем и включением восьми областей — Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Донецкой, Луганской, Харьковской и Днепропетровской (в том числе таких важных городов, как Кривой Рог и Днепр). Проект вызвал споры и был по политическим соображениям заморожен в мае 2015 года.

Войны заканчиваются одним из двух путей: либо полной капитуляцией побежденной стороны, либо мирными соглашениями. Если посмотреть на то, как сейчас развивается конфликт на Украине и вокруг нее, то все указывает на последний исход. Я не думаю, что Россия достаточно сильна, чтобы добиться полной капитуляции киевского режима на всей Украине. Скорее всего, она и не хочет этого.

Исторический и географический обзор

Если взглянуть на стратегическую карту Европы и России с точки зрения НАТО, то можно заметить, что за последние годы произошли важные изменения. Вскоре по границам России и ее союзницы Беларуси от Арктики до Черного моря протянется фронт враждебных стран НАТО.

[1] Почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт. Автор шести книг, в т. ч.: «Возвращение в Москву» («Return to Moscow»), «Отношения между Россией и Австралией: история и современность» и др.; статей «Australia's secret pre-emptive war against Iraq», «Cambodia and Southeast Asia» и др. Лауреат литературных премий.

Со стратегической точки зрения Россия практически вернулась в моменты нападения на нее Европы, объединенной Наполеоном в 1812 году или Гитлером в 1941-м; но сейчас ее стратегическая глубина меньше, чем в 1812-м или 1941-м.

Однако есть и глобальные стратегические изменения, которые дают России преимущество. Европа больше не лидирует в мире. Сейчас западный блок противников России, составляющий около 15 % по численности населения от общего числа жителей государств — членов ООН, возглавляют США. Китай — мировая держава — выступил как верный союзник России. Сама Россия — тоже ведущее государство, обладающее ядерным оружием. Бóльшая часть мира за пределами Европы не присоединилась к НАТО и отказывается вступать в борьбу между альянсом и Россией.

Украина превратилась во взрывоопасный фактор серьезного ухудшения отношений между Россией и Западом, корни которого уходят как минимум в начало 2014 года — в месяцы Майдана и после Майдана. Я бы даже сказал, что еще глубже — в 1991 год, когда Россия и Украина стали первой и второй странами-преемницами Советского Союза.

В конце Первой мировой войны немецкие войска ненадолго оккупировали Украину и юг России. На Украине существовал раскол между коммунистами, лояльными Москве, и националистами, которые пытались создать независимое украинское государство. Победу одержали коммунисты. В 1941 году возрожденное украинское националистическое движение под предводительством Степана Бандеры приветствовало вторжение европейских армий Гитлера.

После победы неоднозначная история сотрудничества Украины с нацистами во время войны была похоронена. Республика снова стала одним из центров советской промышленности и сельского хозяйства, как это было в 1920–1930-х годах. Украинские коммунисты в послевоенном Советском Союзе имели большое влияние. Хрущев — сам по происхождению частично украинец — в 1954 году передал Крым, который в течение 300 лет был неотъемлемой частью России, Украинской Советской Социалистической Республике. Он наивно полагал, что две соседние советские республики всегда будут связаны братскими узами.

После распада Советского Союза в 1991 году Украина, крупное суверенное государство с богатыми ресурсами и населением около 50 млн человек, к сожалению, так и не обрела сильного патриотического посткоммунистического руководства. В течение 23 лет вплоть до 2014 года ее расшатывали слабые, в основном коррумпированные правительства, зависимые от чрезвычайно богатых постсоветских олигархов. Экономика переживала упадок, в то время как Россия после 2000 года под руководством Путина быстро восстановила национальный дух и силу.

На Украине под давлением безработицы, коррупции и хронической экономической депрессии начали возрождаться давно похороненные фашистские движения. Лучшие молодые украинцы эмигрировали в Россию или на Запад, а некоторые оставшиеся в отчаянии обращались к светлым воспоминаниям своих отцов и дедов о фашизме. Сформировалась новая идеология ненависти к чужим культурам и особенно ко всему русскому. Составлявшие не более 5 % населения Украины, эти молодые мужчины и женщины научились манипулировать политическими рычагами с помощью сочетания крайнего насилия и хитрости. Олигархи использовали их в качестве солдат для частных армий, но укронацисты, а это именно они и есть, добились своего. Они проникли в важнейшие органы общества — армию, полицию, государственную администрацию на всех уровнях. Тех, кто оказывал им серьезное сопротивление, они убивали.

Некоторые западные СМИ поначалу пытались объективно освещать эти опасные тенденции. Но теперь их голоса смолкли. Запад обелил укронацистское движение, и поэтому сейчас оно представляет еще большую угрозу.

Между тем до недавнего времени россияне продолжали сентиментально воспринимать украинцев как «младших братьев». Находящийся на востоке Украины регион Донбасса был почти полностью русскоязычным, украинский язык использовался там в качестве сельского диалекта. Национальный язык и культура были наиболее распространены в западной части страны. До 2014 года все языки и этносы Украины пользовались равной защитой со стороны закона.

Судьбы российского и украинского народа переплетались на протяжении веков. Эту совместную историю нелегко согласовать с принципами национального суверенитета и равенства всех государств — основой международного порядка ООН. Эта универсальная доктрина противоречит исторической реальности, в соответствии с которой крупные государства неизбежно влияют на более мелких соседей. В. Путин и С. Лавров потратили много времени, пытаясь объяснить эти сложности. Задача дипломатии — управлять потенциальными конфликтами между большими и малыми соседними государствами, поддерживая мир.

Рост укронацизма в 1991–2022 годах — неизбежность?

Дипломатия США и НАТО в Восточной Европе, в частности на Украине, с 1991 года была специально направлена на то, чтобы указанная задача была провалена. С 1996 года, расширяя НАТО до границ России, США сознательно поощряли распространение антироссийского национализма в небольших странах к западу и югу от нее. Это делалось в рамках необъявленной политики, направленной на ослабление России даже после исчезновения там коммунистической идеологии. Чем больше восстанавливалось самоуважение и сила России при Путине, тем более явной и агрессивной становилась антироссийская политика Запада. Нынешний конфликт обнажил враждебность США к России во всей ее откровенной силе.

В течение первых 23 лет после 1991 года политика Соединенных Штатов в отношении Украины была явно амбивалентной. США заявляли, что поддерживают демократию в этой стране, и вместе с тем подспудно поощряли крайние националистические партии Украины с их лютой ненавистью ко всему русскому. США хоте-

ли использовать эти партии, чтобы снова сделать Украину оружием против России — создать некоего монстра-Франкенштейна, «анти-Россию».

Итогом Майдана в феврале 2014 года стало насильственное свержение внеблокового правительства В. Януковича. После этого переворота при содействии США последние стали открыто участвовать в украинской политике, поддерживая антироссийские экстремистские идеологии, которые к этому времени стали доминирующими. Немногочисленное украинское демократическое движение было отодвинуто на задний план.

В украинских политических партиях, гражданской администрации и вооруженных силах ключевые позиции заняли крайние националисты. Они сформировали собственные элитные военные батальоны, такие как «Азов» и «Айдар», которые оснащали и обучали инструкторы США и НАТО.

Значение периода с 2014 по 2022 год

Любому здравомыслящему человеку ясно, что нынешняя война на Украине началась не в феврале 2022 года, а восемь лет назад, в 2014 году, после того, как резко националистическое и антироссийское правительство немедленно начало принимать новые дискриминационные антироссийские законы. Напуганное большинство русского населения Крыма умоляло Россию включить полуостров обратно в состав России. Российский парламент согласился.

Донбасс пытался сделать то же самое, поскольку его население уже испытывало серьезную этническую и языковую дискриминацию. Тем не менее Путин все еще рассчитывал, что государственное политическое решение будет найдено внутри Украины.

Однако в мае 2014 года украинский президент П. Порошенко отдал приказ о полномасштабном военном нападении на Донбасс. Две трети территорий мятежных областей, включая портовый город Мариуполь, были захвачены Киевом. Два главных города повстанцев подвергались беспощадным обстрелам. В конце 2014 года при посредничестве Франции, Германии и ООН была достигнута хрупкая договоренность о прекращении огня, однако вялотекущая война продолжилась, причем Киев никогда не соблюдал эту договоренность. По приблизительным оценкам, за восемь лет в восставшем Донбассе погибло до 14 тыс. мирных жителей. Сотни тысяч семей стали беженцами. Западные СМИ практически никогда не сообщали об этих неудобных фактах. Для россиян же они были постоянным источником боли, тревоги и гнева.

События достигли кульминации в феврале текущего года. За много месяцев до этого администрация Байдена начала направлять в Киев мощное градоразрушающее оружие. Российская разведка узнала, что киевские националисты намереваются окончательно захватить Донбасс и изгнать оставшихся в живых русскоязычных украинцев в соседнюю Россию. Другими словами, планировалась этническая чистка.

Киев сосредоточил свои лучшие и наиболее фанатично настроенные антироссийские силы — 60 тыс. человек — в сильно укрепленном Западном Донбассе. В качестве сдерживающего фактора Москва разместила на границах Украины более 100 тыс. российских войск.

17 февраля два мятежных города отделились от Украины и обратились к России с мольбой о защите. 21 февраля Россия признала их независимость и подписала с ними договоры о взаимной обороне. Многие наблюдатели надеялись, что это ослабит военное напряжение, но они ошиблись. Украинские обстрелы городов Донбасса усилились.

Наконец, 24 февраля Путин сообщил о начале специальной военной операции *по демилитаризации и денацификации Украины*. Он объявил *ограниченные правила ведения боевых действий:* российские войска не будут атаковать украинских гражданских лиц или даже украинских солдат в казармах. Он отказался называть происходящее войной, потому что для него это было неподходящее слово для ссоры между братьями.

Намеренно ли киевские крайние националисты и США поставили Россию в положение, когда у нее *не было другого выбора, кроме как вступить в войну*? Думаю, серьезные историки сделают правильные выводы.

Первый этап войны и значение Бучи

Поскольку центральные СМИ Запада все еще не сообщают об этом, важно подчеркнуть: в первые недели войны российская авиация и ракеты уничтожили украинскую армию как объединенную мобильную современную силу, нанеся удары по ВВС и аэродромам противника, подорвав мобильность его войск и нарушив каналы защищенной военной связи.

Возможно, Россия изначально рассчитывала на быструю и легкую победу, на то, что народ Украины встанет на ее сторону. Российская разведка недооценила силу крайнего украинского национализма, подкрепленную общественным страхом, а также дипломатическую поддержку киевского режима со стороны США и НАТО.

Отсюда и путинская чистка 150 специалистов российской разведки: похоже, они ошиблись, сказав своему правительству то, что, по их мнению, оно хотело услышать. По иронии судьбы, разведывательные службы США и НАТО сейчас, возможно, совершают ту же профессиональную ошибку. Либо это так, либо руководство не прислушивается к ним.

Столкнувшись с жестким сопротивлением украинцев в Киеве и Харькове, где население использовалось в качестве живого щита, российские танковые и бронированные колонны, чтобы не обстреливать жилые районы, отступили.

Россияне оставили множество людей — уязвимых из-за того, что те приветствовали или приняли их прибытие. Кровавая месть вернувшихся украинских националистов в таких местах, как Буча, была поистине ужасной[1]. Россия к своему ужасу увидела, что украинские экстремисты убили сотни соотечественников, чтобы использовать их трупы как реквизит для инсцени-

[1] *Kevin T.* Lies, truth and forensics in Ukraine — The case of Bucha // The Scrum : [сайт]. URL: https://thescrum.substack.com/p/lies-truth-and-forensics-in-ukraine?s=r (дата обращения: 08.05.2022).

ровки якобы российских злодеяний. А западные СМИ и такие политики, как Урсула фон дер Ляйен и Жозеп Боррель, проглотили ложь и, к сожалению, продолжают ей верить.

Думаю, после Бучи россияне наконец увидели абсолютное зло, с которым они столкнулись, пытаясь уважительно относиться к укронацистской администрации Зеленского. Это сильно повлияло на военную и дипломатическую стратегию России с апреля и далее.

В течение первого месяца войны украинская артиллерия обстреливала оккупированные Россией территории с позиций в жилых кварталах Киева и Харькова, и российская артиллерия не могла вести ответный огонь, не подвергая риску жизни и дома мирного населения. Бóльшая часть Киева все еще цела. Киевский режим преподносит это как победу. Но это не так.

В первый месяц войны русские войска понесли большие потери. Как уже отмечалось, Россия могла в любой момент использовать воздушную и ракетную мощь, чтобы сравнять с землей Киев и Харьков, но предпочла не делать этого из уважения к братскому народу. Вот ключевой для понимания этой странной войны факт.

Россия продолжает наносить высокоточные ракетные удары по военным объектам с воздуха на всей территории Украины. Существует вероятность нанесения ударов по ключевым дизельным железнодорожным узлам, даже по колоннам дизельных поездов и грузовиков, чтобы остановить поток западного оружия, ракет и топлива, направляющийся в котел Западного Донбасса.

Донбасский котел

В начале апреля российская стратегия была переориентирована на сопротивление мощной украинской армии крайних националистов в Западном Донбассе — той самой армии, которая в феврале готовилась к захвату повстанческих городов. В Западном Донбассе продолжаются кровопролитные бои. Российское военное превосходство на земле и контроль над воздушным пространством ведет к тому, что скопления украинских войск в котле эффективно обездвиживаются и несут непропорционально большие потери. Русские командиры наступают медленно, чтобы сохранить жизни своих людей.

Конечный результат не вызывает сомнений. По мнению таких военных экспертов, как Скотт Риттер, Александр Меркурис, Андрей Мартьянов и Жак Бо, храбрые, но сильно уступающие по вооружению и запертые в котле Западного Донбасса украинские солдаты обречены сдаться или погибнуть в бою. Я не испытываю радости от этого прогноза, потому что Киев попрежнему настаивает на отказе от капитуляции. Следовательно, любые решения сдаться в плен принимаются локально и сопряжены с риском.

Мариуполь

Этот гордый город Донбасса поневоле перешел под контроль киевских сил батальона «Азов» в 2014 году и с тех пор стал базой для их внушительного гарнизона. В начале идущей сейчас войны Мариуполь был окружен силами России и Донбасса. Затем последовали недели ожесточенных и разрушительных боев, по мере которых азовцы отступали к своей последней позиции — металлургическому заводу «Азовсталь». Пока это происходило, их артиллерийский огонь превращал бóльшую часть города в руины, а снайперы убивали тысячи мирных жителей на улицах ради развлечения. Азовцы разрушили драматический театр в результате спланированного провокационного взрыва, нацеленного на убийство 300 заложников, который они неубедительно попытались списать на мнимый ракетный удар России[1]. Вопиющая жестокость «Азова» по отношению к жителям Мариуполя, как и в Буче, укрепила решимость русскоязычного населения Донбасса и других регионов никогда больше не доверять Киеву.

Информационная война

Западной аудитории известно очень мало из того, о чем я рассказал. Ей предъявляется пропагандистский нарратив о том, что Киев «не сдает позиций» в благородной войне против жестокой России, которая без причины напала на Украину и совершает там грандиозные военные преступления. Никто не оспаривает этот ложный нарратив, за исключением нескольких несогласных сайтов и авторов вроде меня.

Главные западные СМИ не упоминают об украинских нацистах и их жестоком отношении к украинским гражданам и российским военнопленным. Они молчат о том, что Зеленский изначально был избран как кандидат для мирного правления, но сейчас его контролируют безжалостные украинские нацисты, которые расстреляют его, если он попытается заключить мир с Россией. Молчат они и о том, что до сих пор к большинству смертей среди гражданского населения приводили украинские обстрелы из зон «живого щита», работа снайперов и карательные убийства предполагаемых пророссийских коллаборационистов, как в Буче. Факты смерти мирных жителей в таких городах, как Буча, Мариуполь и Краматорск, оказались на Западе полностью искажены, а СМИ сознательно участвовали в этой лжи. Их целью было представить Россию в качестве жестокого агрессора и разжечь антироссийскую ненависть в западных кругах.

Я считаю, что российские войска продолжают соблюдать Женевские конвенции о гуманитарных правилах ведения войны. Украинская сторона этого явно не делает, что сильно влияет на возможности достижения мира и урегулирования споров.

Соединенные Штаты теперь уже не стесняются признаваться в том, что помогают Киеву в военной разведке в режиме реального времени — это помогло украинской стороне потопить крейсер «Москва».

Когда Донбасский котел падет или сдастся, российские войска возобновят медленное, но верное продвижение на запад. Думаю, что Харьков в итоге уступит российской осаде. В какой-то момент политический дух Киева будет сломлен, и он попросит мира.

География послевоенного исхода становится все более ясной. В Киеве и Львове укронацисты сейчас слишком сильны, чтобы Россия смогла одержать там

[1] *Kevin T.* Real war, propaganda war — the case of Mariupol // The Scrum : [сайт]. URL: https://thescrum.substack.com/p/real-war-propaganda-war?s=r (дата обращения: 08.05.2022).

верх. Эти города станут очагами саботажа и терроризма. С другой стороны, освобожденная Одесса, скорее всего, прощупав почву, радостно примет новый порядок, как это произошло в Мариуполе, Херсоне и Мелитополе.

На месте нынешней Украины возникнут два новых демилитаризованных государства — одно на северо-западе, другое на юго-востоке. Обе страны будут нейтральными и внеблоковыми относительно России и Запада, по австрийской или швейцарской модели. Ни одна из стран не вступит в НАТО и не будет находиться под его военной защитой.

По моим прогнозам, в юго-восточное государство войдет восемь упоминавшихся южных и восточных областей. Это новое, политически дружественное России, мультикультурное и толерантное государство будет в основном русскоязычным, но с полным правом на другие языки. Оно будет богаче благодаря промышленным ресурсам Кривого Рога и Донбасса, черноземным степям и контролю над масштабным мировым экспортом через многочисленные порты. Послевоенное восстановление получится быстрым, поскольку ему будут содействовать Россия и освобожденные силы и ресурсы местных жителей.

Оставшееся украинское государство со столицей в Киеве окажется крупнее, но беднее из-за отсутствия выхода к морю и более слабой обеспеченности природными ресурсами. Поначалу его народ будет психологически более подавлен из-за поражения в войне, как была подавлена Германия несколько лет после 1945 года. Запад поможет новому государству восстановить инфраструктуру и экономику, будет поддерживать моральный дух населения. В Голливуде снимут фильмы, где украинских солдат изобразят как героев. Укронацисты не пойдут под суд, но им придется смягчить свои политические программы, а их возможности вредить России и русским даже в собственном государстве будут резко ограничены. Многие вряд ли смирятся с таким положением вещей и эмигрируют в США или Канаду.

Может ли такой мир быть заключен дипломатическим путем и закреплен в договорах, международными гарантами которых выступят крупные европейские державы или Совет Безопасности ООН? Такое решение стало бы наилучшим, но я сомневаюсь, что оно будет достигнуто в течение ближайших лет. Сейчас в Киеве, Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе слишком сильна укоренившаяся враждебность к Российскому государству и слишком многие из корыстных побуждений (например, западные оружейные компании) желают сохранить политический климат ожесточенного конфликта.

Думаю, что более вероятным исходом будет замороженное противостояние, по аналогии с индийско-пакистанским или грузино-абхазским конфликтом.

В Киевском государстве сохранится антироссийский реваншизм, поощряемый Западом. Но российская власть будет подпитывать новое государство и защищать его от бед, как Россия подпитывала и защищала государство и народ Беларуси.

Как новая страна может именовать себя? Слово «Новороссия» несет слишком много исторических и колониальных коннотаций и слишком многозначно для разных людей.

Я голосую за «Новарусь».

Как и «Беларусь», это слово восходит к древнему священному слову «Русь». Таким образом, в названии можно выразить мысль о том, что три дружественных государства — Россия, Беларусь и Новарусь — части большой семьи Русь. Это было бы обнадеживающее и перспективное название для новой нации, которая решительно оставила жестокость и антирусский расизм киевского режима позади. Оно символизировало бы новое начало.

И. Ф. Кефели[1]

КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — НА СТЫКЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ

Когнитивная безопасность (некоторые авторы определяют ее как ментальную безопасность) — сравнительно новая область научной аналитики, социальных технологий и противодействия информационно-психологическим операциям, характеризующим геополитическую нестабильность современного мира. В нем геополитический потенциал любого государства определяется уже не только его экономической и военной мощью, размером территории и численностью населения, как было прежде, но и его информационным потенциалом, обеспечивающим создание информационного общества.

Переход от аналоговой к цифровой эпохе в начале XXI века был связан с появлением нового качества больших данных (БД) — прогностического. Феномен больших данных своим бурным ростом был обязан так называемым неструктурированным данным, фиксирующим в «цифре» любые данные о жизнедеятельности человека: тексты, фото, видео и т. д. Объем цифровой информации удваивается каждые 18 месяцев. Наступле-

[1] Директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика» (в соавт.), «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Математические начала глобальной геополитики» (в соавт.), «Диалектика познания глобального мира: между неолиберализмом и „постсоветским марксизмом“», «Проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности в преддверии super-human AI», «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности», «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век» (отв. ред., соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

нию цифровой эпохи предшествовали расшифровка структуры генома человека в 2003 году[1] и организованный в 2000-м международный проект «Слоуновский цифровой обзор неба» (Sloan Digital Sky Survey), реализация которого уже за первые несколько недель работы позволила собрать больше данных, чем накопилось за всю историю астрономии[2]. В докладе «Эпоха данных — 2025» отмечалось, что к 2025 году общий объем глобальной инфосферы достигнет 163 зеттабайт (Збайт равен 10^{21} байт), что на порядок выше, чем в 2016 году, а совсем скоро в научный оборот и инженерные расчеты войдет еще одна единица измерения больших данных — йоттабайт (Ибайт — 10^{24} байт)[3]. Для сравнения: максимальный объем информации, воспринимаемый человеком за свою жизнь, составляет порядка 4,4 Пбайт — $4{,}4 \cdot 10^{15}$ байт. Столь динамичный рост объема больших данных вызывает необходимость поиска путей обеспечения когнитивной безопасности как одного из направлений информационной безопасности.

Эффективность последней, ее качество и уровень зависят от множества факторов, в частности от состояния и уровня развития самой информатики в стране, качества подготовки кадров и, что не менее важно, их целевого трудоустройства, от социального запроса на информационные услуги, которые денно и нощно рекламируются во всех СМИ. Кстати, в области социальных и гуманитарных наук новой номенклатуры научных специальностей появилась новая группа — *когнитивные науки*, — охватывающая междисциплинарные исследования когнитивных процессов, мозга и языка, а также когнитивное моделирование и предусматривающая защиту диссертационных работ по физико-математическим, биологическим, психологическим, медицинским, философским, филологическим, техническим наукам. Так что ученые этих научных направлений — объединяйтесь!.. Все это касается сугубо гражданской жизни. Но в работу включились и военные специалисты.

Стратегия ментальной безопасности России

Под таким названием недавно была опубликована статья советника министра обороны России А. М. Ильницкого, в которой речь идет о стремлении США и НАТО к ликвидации России в ходе постоянно усиливающегося гибридного воздействия, включая экономическое и политическое санкции, информационные диверсии и кибератаки, приведшие в конечном счете к ментальной войне против России и всего незападного мира. «*Ментальная война*, — как справедливо утверждает автор, — это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на „оккупацию“ сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, „стирания“ национальной идентичности народа»[4].

США и ЕС пытаются создать глобальное информационное пространство, находящееся вне юрисдикции национальных государств, разрушая тем самым глобальную систему безопасности. Следует указать на доктринальное закрепление США (2018) идеологической и правовой платформы гибридного воздействия на Россию как своего стратегического противника[5]. В Стратегии кибербезопасности ЕС в цифровое десятилетие, принятой 16 декабря 2020 года, заявлено о том, что «каждый должен иметь возможность безопасно жить своей цифровой жизнью. Экономика, демократия и общество ЕС больше чем когда-либо зависят от безопасных и надежных цифровых инструментов и средств связи, которые мы должны защищать». Более того, в качестве новых стратегических инициатив ЕС указывается на создание «киберщита» для всего ЕС, совместного киберподразделения и «европейского решения для укрепления интернет-безопасности во всем мире»[6].

О необходимости разработки и принятия стратегии когнитивной безопасности России мы уже писали ранее[7]. Теперь эта проблема приобрела актуальный характер. Тем более что «бескомпромиссное геополитическое противоборство нового типа» обретает статус ментальной войны, в полной мере используя технологии искусственного интеллекта и больших данных и образуя так называемый шестой «домен» военных операций, наряду с операциями наземными, морскими, в воздушном, космическом и киберпространстве. Ментальная война в первую очередь захватила медиапространство.

От мифа к логосу, от логоса к мему[8]

«От мифа к логосу» — это седая древность, заря мифомышления, приведшего к рождению собственно философской, рационально-логической мысли в сохранившемся наследии милетской школы, в логике понятий Платона и натурфилософии Аристотеля. А «от логоса к мему» — это уже наша тревожная современность, взывающая к критике «цифрового разума». Миф

[1] В апреле 2019 года появилось сообщение о первом бактериальном геноме, полностью созданном с помощью компьютера. URL: https://www.eurekalert.org/pub_releases/2019-04/ez-fbg032819.php (дата обращения: 12.04.2019).

[2] The Ninth Data Release of the Sloan Digital Sky Survey: First Spectroscopic Data from the SDSS-III Baryon Oscillation Spectroscopic Survey. 2012. 30 Yuly. URL: http://arxiv.org/abs/1207.7137v1 (дата обращения: 01.08.2020) ; *Vedant Ch., Hsiang-Chih Hwang, Nadia L.* Zakamska, and Tamás Budavári. Computational Tools for the Spectroscopic Analysis of White Dwarfs. 2020. 22 July. URL: http:arxiv:2007.11598v1 [astro-ph.SR] (дата обращения: 01.08.2020).

[3] *Reinsel D., Gantz J., Rydning J.* Data age — 2025. The Digitization of the World from Edge to Core // IDC White Paper. 2018. Nov.

[4] *Ильницкий А. М.* Стратегия ментальной безопасности России // Aftershock : [сайт]. URL: https://aftershock.news/?q=node/1099876&full (дата обращения: 24.04.2022).

[5] National cyberstrategy of the United States of America. Washington : The White House, 2018. Sept.

[6] The EU's Cybersecurity Strategy in the Digital Decade // European Commission : [сайт]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade (дата обращения: 29.05.2022).

[7] Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : кол. моногр. / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб. : ИД «Петрополис», 2017.

[8] См.: *Кефели И. Ф.* От мифа к логосу, от логоса к мему. К вопросу об актуализации когнитивной безопасности // Медиа в современном мире : 61-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума, 21–22 апреля 2022 г. : в 2 т. / отв. ред. А. А. Малышев. СПб. : Медиапапир, 2022. Т. 1. С. 44–46.

как особый тип миросозерцания и миропонимания не столько объяснял, сколько объективировал субъективные впечатления и переживания мыслителя, одержимого «проклятыми вопросами» о должном и сущем, идеале и реальной действительности[1].

От логоса к мему (как значимой для культуры единицы информации) — это диалектическое *отрицание отрицания* классики, модерна и вхождение в необъятное пространство постмодерна, на удивление совпавшее по времени с наступлением новой геологической эпохи в истории Земли — антропоцена. Последние «верстовые столбы» к мему — это и наступление антропоцена, и промышленная революция 4.0, и овладение нано-, био-, инфо- и когнотехнологиями (NBIC) на наноуровне (а это как никак — 10^{-9} м!), и тревожная инверсия возрожденческого гуманизма в трансгуманизм культуры постмодерна. По сути, речь идет о необходимости создания теоретического каркаса глобальной безопасности, который автор предложил назвать асфатроникой[2].

Социальное бытие в ракурсе постмодерна предстало как мозаичное и крайне неупорядоченное образование («человейник» А. А. Зиновьева), дальнейшее развитие которого перестало подчиняться законам социального прогресса и оказалось подвластным представлениям о его неопределенности и многовариантности; иерархическая центр-периферическая модель мира — представлениям о многообразии и равноценности всех способов жизни. Такая интерпретация социального бытия удачно воплотилась в философии постмодерна в образе ризомы (от *фр*. rhizome — корневище), предложенном Жилем Делёзом и Пьер-Феликсом Гваттари и фиксирующем внеструктурный и нелинейный способ организации какой-либо целостности. Ризома претендует на замену многих категорий классической философии — объективной реальности и идеального, целостности и детерминизма, социального и природного, истины и веры, идеологии и политики, свободы и прогресса и др. На смену Космосу как образу организованного и подвластного человеческому пониманию мира приходит понятие Хаосмоса, выражающее «атмосферу нестабильности», «поиск нестабильностей» (Жан-Франсуа Лиотар).

Переход к постмодерну характеризуется перманентной вариативностью между миром и войной как полюсами современного геополитического миропорядка, наступлением «эры глобальных рисков» (на протяжении 2007–2022 гг. Давосский клуб публикует ежегодные доклады «The Global Risks», в которых четко ранжированы экологические, геополитические, экономические, технологические и социальные риски, охватившие все человечество) и «эры больших данных», неизбежно привлекающей нас повсеместной цифровизацией и информационной избыточностью мыслительного пространства. Язык постмодерна, «подталкиваемого» этими тектоническими подвижками, предстает уже не как посредник между мышлением и реальностью. Последняя выражается не в языке или через язык, а конституируется лингвистически, как «текстуализация» реальности. В осмыслении и описании миропорядка соответствующие мировоззренческие позиции служат для прикрытия нестабильности и хаоса.

В контексте философии постмодерна, претендующей на поиск выхода из «атмосферы нестабильности», очевидно, целесообразно поразмышлять о трансляции мира логоса в мир мемов. В этом мире разыгрывается драма цифровизации «всего и вся» на фоне интенсивно развивающегося медиапространства, в котором, по законам жанра, вовсю проявляют активность *образы темных сил* (как основа ментальных войн) и возрождаются образы сил добра, справедливости и правды, на что направлена информационно-психологическая и когнитивная безопасность. В «Паноптикуме» Джереми Бентама, цифровой вычислительной машине Чарлза Бэббиджа, «интеллектуальной машине» Семена Корсакова эти *образы темных сил* вырвались на свободу в виде медиавирусов цифрового «разума»[1], являющихся переносчиками идеологических кодов в медиапространстве. Ныне для того, чтобы разглядеть медийное лицо гуманизма цифровой эпохи, потребуется новая оптика, позволяющая «рассмотреть» премудрости когнитивной биотехнологии и «нанохирургии», которым окажется подвластным человеческое мышление. Само же медийное лицо будут украшать мемы в образах пушкинских «тройки, семерки, туза» (повесть «Пиковая дама»). Именно против мемов, олицетворяющих *образы темных сил*, и должны быть направлены методы и средства обеспечения когнитивной (ментальной) безопасности.

Итак, в качестве вывода, исходя из вышесказанного, следует указать на необходимость разработки проекта концепции когнитивной безопасности в развитие соответствующих положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в ред. Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400).

---

[1] *Кессиди Ф.* От мифа к логосу: Становление греческой философии / отв. ред. А. Е. Зимбули. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя, 2003.

[2] *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.

Г. Кёхлер[2]

БОРЬБА ЗА МИРОВОЙ ПОРЯДОК: РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

I

До тех пор, пока существуют суверенные государства, международный порядок формируется *волей* к сохранению статуса-кво и *протестом* против нее. Основные действующие лица — те, кто одержал верх в борьбе за власть, будь то в горячей или холодной войне или в какой-либо другой форме соперничества, — всегда будут делать все необходимое, по их оценке[3], чтобы сохранить и увековечить свое привилегированное положение за счет других.

В отличие от того, что было предложено бенефициарами статуса-кво после окончания холодной войны, сейчас мы не являемся свидетелями наступления новой эпохи беззакония или, наоборот, конца так называемого «существующего миропорядка по понятиям, а не в соответствии с международным правом». «Закон силы» определяет ход событий с самого начала истории. Этот закон остается неизменным, несмотря на принятие международных соглашений и создание организаций, призванных предотвращать войны. Несмотря на торжественные заявления об обратном, ни Вестфальский мирный договор после Тридцатилетней войны (1648), ни Священный союз после Наполеоновских войн (1815), ни Лига Наций после Первой мировой войны, ни Организация Объединенных Наций после Второй мировой войны не положили конец применению силы в отношениях между государствами. Чаще всего завершение войны предвещало не долгий мир (не говоря уже о кантовском ви́дении *ewiger Friede* — «вечного мира»), а новую борьбу за власть — либо между группой победителей, либо одним гегемоном, стремящимся к имперскому правлению. Те, которые являются или считают себя победителями, пытаются увековечить свое доминирующее положение. Это утверждение было верно как для «Концерта великих держав» после Венского конгресса, так и (все еще) для сегодняшней «пятерки» P5 — пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, которых Ганс Моргентау однажды назвал «Священным союзом нашего времени» [18, p. 503]. Военные интервенции на периферии Европы, оправданные «великими державами» XIX века во имя «гуманности», отражаются в «гуманитарных интервенциях» западных держав после окончания холодной войны [13].

Несмотря на запрет применения силы между государствами в Пакте Келлога–Бриана 1928 года и в Уставе Организации Объединенных Наций, могущественные государства продолжают вести войны и сегодня, игнорируя вопросы законности. За годы, прошедшие после окончания Второй мировой войны, система «коллективной безопасности» ООН показала свою неэффективность. Разрушительные войны, фактически односторонние агрессии — в Корее, Вьетнаме, Афганистане и совсем недавно в Югославии, Ираке, Сирии, Ливии — свидетельствуют о превосходстве национальных интересов над международным правом, несмотря на торжественное обязательство ООН «спасти грядущие поколения от бедствий войны» [21].

В 2022 году ничего не изменилось. Те, кто сейчас сожалеет о конце «миропорядка по понятиям, но не в соответствии с международным правом», попросту лицемерят. Такого порядка никогда не существовало. Невзирая на громкие заявления, сделанные после крупных катастроф в Европе и мире в 1815, 1918 и 1945 годах, — каждое новое начало было чревато противоречиями и несоответствиями. Было ли это обещание сторон, подписавших Договор о Священном союзе, соблюдать «принципы справедливости, христианского милосердия и мира»[4] или твердое намерение основателей ООН «объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности» [21], вместо того чтобы возвещать новую эпоху мира, уверенность государств-победителей в своем моральном превосходстве привела лишь к дальнейшей безудержной борьбе за власть, региональное или глобальное превосходство.

Так, обещание собравшихся в Сан-Франциско основателей ООН создать новый глобальный порядок, который будет основан на строгом запрете применения силы в отношениях между государствами и реализован с помощью тщательно продуманной системы коллективной безопасности, изложенной в гл. VII Устава ООН, с самого начала было невыполнимым. Созданная ими система была разработана таким образом, что освобождала ответственных за нее победителей 1945 года от этого запрета. Достаточно прочитать текст Устава, написанный мелким шрифтом. Пункт 3 ст. 27 предусматривает, в несколько уклончивой фор-

[1] Критика цифрового разума / гл. ред. В. В. Савчук. СПб. : Акад. исследования культуры, 2020.

[2] Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

[3] В частности, после окончания холодной войны фраза «все необходимые средства [меры]», используемая в резолюциях Совета Безопасности, стала часто употребляемым клише в изложении корыстных оправданий способов чрезмерного применения силы.

[4] Параграф 2 «Государственные и политические отношения» Договора о Священном союзе (договор между Австрией, Пруссией и Россией, подписанный в Париже 26 сентября 1815 г.).

мулировке, что постоянные члены Совета Безопасности могут наложить вето на любую принудительную меру в отношении самих себя, даже если они являются стороной в споре, в том числе в случаях, когда они применяют силу или угрожают другим государствам применением силы [15]. Этот странный вид «процедурного иммунитета» фактически также применяется к государствам, состоящим в союзе с постоянным членом. Таким образом, на самом деле среди великих держав была создана система *анархии*. Уже с момента своего основания ООН была беспомощна перед злоупотреблениями. Готов ли кто-то признать это или нет: система анархии среди великих держав — это система анархии среди всех. Длинный список случаев одностороннего применения силы постоянными государствами-членами с первых лет существования организации свидетельствует об этом двусмысленном положении международного верховенства права под эгидой ООН. Всякий раз, когда постоянный член или один из его союзников становится участником конфликта, Совет Безопасности оказывается парализован.

На самом деле фактор, сдерживавший после 1945 года развязывание новой глобальной войны, — не система коллективной безопасности ООН, а *баланс сил* между двумя основными игроками периода холодной войны — Советским Союзом и Соединенными Штатами, хотя этот баланс и не был устойчивым. Глобальная безопасность основана на взаимном *сдерживании*. Ситуация изменилась после событий 1989 года. Нарушение двухполярного баланса сил привело к тому, что самопровозглашенный победитель в холодной войне вместе со своими союзниками смог безнаказанно использовать войну для продвижения своих геополитических целей — в Югославии, Ираке или Афганистане (это лишь некоторые из наиболее последовательных случаев применения военной силы в тот период). В марте 1991 года президент США Джордж Буш, торжественно объявляя о победе в войне в Персидском заливе, говорил о «вполне реальной перспективе нового мирового порядка». Он утверждал, что «Организация Объединенных Наций, вышедшая из тупика холодной войны», теперь сможет «реализовать историческое видение своих основателей», и, заимствуя фразу из речи Уинстона Черчилля после Второй мировой войны, предположил, что это будет мир, в котором одержат верх «принципы справедливости и честной игры» [10].

Никакие утверждения не могли быть дальше от истины. В условиях гегемонии 1990-х годов упомянутый ранее структурный недостаток в Уставе ООН стал еще более существенным и пагубным для глобального порядка. Внезапно США смогли, проводя политику силы, определять глобальную повестку дня не только без соблюдения установленных процедур в рамках системы коллективной безопасности ООН (благодаря своим привилегиям в соответствии со ст. 27 [3]), но и в отсутствие возражений. Из-за этого международная анархия вышла на новый уровень. Подчеркну еще раз: элемент анархии был заложен в Уставе ООН. Согласно этому самому статуту запрет агрессивной войны неизбежно будет *неэффективным*, когда речь идет об ограничении утверждения своей власти наиболее могущественными странами. Это означает беззаконие в силу закона (а именно буквы Устава). Таким образом, ООН обречена на роль простого наблюдателя, если в конфликте участвует постоянный член Совета Безопасности. Мы не должны иметь иллюзий относительно «законов» международной realpolitik (реальной политики, или, точнее, политики силы): безнаказанность, согласно Уставу, определенных членов СБ в случаях их собственных нарушений — это не невинная процессуальная ошибка (в определенных конкретных ситуациях), а установленный законом факт. Двойные стандарты являются неотъемлемой частью функционирования всемирной организации в ее самой важной обязанности — поддержании международного мира и безопасности. Если бы это было не так, организация никогда бы не была создана. Комментируя право вето, бывший Госсекретарь США Корделл Халл был откровенен: «Наше правительство не осталось бы там [в ООН] и дня, не сохранив за собой право вето» [4, p. 1664].

II

Однако доминирование силы над законом, подтвержденное Уставом и практикой ООН (как сформулировано некоторыми из ее ведущих членов), в конечном счете может привести к саморазрушению. Это похоже на урок истории, который так и не был усвоен: каждая попытка утвердить свою власть, особенно со стороны претендующего на гегемонию государства, провоцирует ответную попытку. Стремление к постоянному доминированию, присущее логике гегемонистского правления, создает бесконечные проблемы для любого защитника статус-кво в его стратегии, направленной на то, чтобы помешать конкуренту достичь стратегического паритета. «Эффект ответного удара», как его метко описал Чалмерс Джонсон в своей фундаментальной работе «Издержки и последствия создания американской империи» [5], может привести к конфронтации и вооруженным конфликтам по всему миру.

Глобальная борьба за власть вступила в новую фазу. В начале XXI века именно вызов гегемонии США в мире (*pax Americana)* определяет трансформацию глобального порядка в направлении новой многополярной расстановки сил, которая будет отличаться от существовавшей среди государств — членов P5 в течение короткого периода после 1945 года. Напомним, что, согласно гл. VII Устава ООН была создана как инструмент P5 для управления миром.

Несколько десятилетий в условиях биполярности (после 1950-х гг.) и относительно короткий «однополярный период» (после 1990 г.) остались в прошлом, и теперь разворачивается новая и сложная динамика соотношения сил, которую Збигнев Бжезинский в свое время описывал как «глобальную перестройку» [3, p. 1–3]. Консенсус великих держав, воплощенный в Уставе ООН, больше не отражает реальность. Уходит в небытие не только господство Запада, но и традиционный индустриальный мир. Из-за отсутствия сдержек и противовесов в системе коллективной безопасности ООН принцип однополярности с доминированием США глубоко дестабилизировал мировой порядок

и создал вакуум власти в стратегически важных регионах. Страны, которые были исключены из баланса сил во время холодной войны и тем более в период однополярности, формируют новые альянсы [16, p. 61–73]. В то время как центр экономического притяжения смещается с Запада на Восток, создаются альтернативные торговые и финансовые сети, которые лучше отражают глобальные реалии и строят новые мосты между Севером и Югом. Этот процесс ускоряется тем, что западные державы, в частности США, продолжают настаивать на своем праве диктовать правила и исключать тех, кто не соблюдает навязываемые ими требования. Незаконная политика односторонних санкций, введенная (и во многих случаях применяемая экстерриториально) Соединенными Штатами и Европейским союзом, является свидетельством исключительности, которая противоречит целям и принципам ООН. Эта политика не только серьезно подорвала систему свободной торговли ВТО, но и сделала токсичным климат международного сотрудничества и глубоко дестабилизировала систему глобальной безопасности [12, p. 27–47]. Односторонняя стратегия, по сути, является ревизионистской. Она стала частью более масштабной борьбы за власть в начале XXI века, а именно за сохранение доминирующего положения Запада в условиях формирующегося нового порядка, который будет отличаться от хрупкого многополярного баланса сил после Второй мировой войны.

По своей структуре эта стратегия напоминает борьбу за власть в более ранние переходные периоды. Однако что изменилось в постоянной борьбе за власть, так это ее последствия для выживания человечества. Любая «перегруппировка» — или перестройка — в глобальном балансе сил с участием основных глобальных игроков теперь происходит под дамокловым мечом ядерного уничтожения. Остается надеяться, что этот риск, по крайней мере, предостережет разумных правителей, которые понимают логику «взаимного сдерживания». Аргумент в пользу сдерживания базируется на обосновании «гарантированного взаимного уничтожения» — еще одного термина из времен холодной войны. Однако призыва к рациональности и ответственности лидеров великих держав в Совете Безопасности может оказаться недостаточно. Несмотря на масштабную и очень важную стратегию нераспространения, воплощенную в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)[1], ядерный военный потенциал уже распространился за пределы традиционного «ядерного клуба». Нестабильная глобальная ситуация и политика вмешательства с целью смены режима в годы после окончания холодной войны, судя по всему, привели к тому, что все большее число стран рассматривают ядерное оружие как полис по страхованию жизни. Консультативное заключение Международного суда, оставляющее открытым вопрос о том, соответствует ли применение ядерного оружия международному праву в случае, когда на карту поставлено выживание государства («в чрезвычайном случае самообороны»[2]), ничуть не упростило ситуацию. Несмотря на юридические неясности, в логике взаимного гарантированного уничтожения страховой полис ради выживания может быстро превратиться в гарантию коллективного самоубийства.

Кроме того, ядерный потенциал растущего числа государств серьезно нарушит соотношение сил и может сделать глобальную перестройку гораздо более непредсказуемой и хаотичной, что чревато риском глобального конфликта. Обладая ядерным оружием и ракетными системами большой мощности, маленькая, в остальном слабая и маловлиятельная страна может полностью нарушить силовой баланс и даже диктовать свою волю великим державам. Несоответствие между показателями силы — экономическими, политическими и военно-конвенциональными по сравнению с неконвенциональными — не поддается даже самым тщательным геополитическим расчетам. Из-за этого юридический запрет на ядерное оружие, подобный недавно принятому[3], может носить только *декларативный* характер — как акт того, что мы по-немецки называем *Gesinnungsethik* (этика совести). Вместо принятия договора, который с самого начала не имеет законной силы, необходим акт *Verantwortungsetik* (этики ответственности) со стороны лидеров ядерных государств, обязывающих свои страны проводить *политику неприменения первыми* [20, p. 130–137]. В данном случае уместно напомнить о достигнутом всего несколько месяцев назад консенсусе между пятью постоянными членами Совета Безопасности относительно заявления о неприменении первыми. В своем совместном заявлении лидеры пяти стран провозгласили, в частности, что «в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана» и что «ядерное оружие — до тех пор, пока оно продолжает существовать — должно служить оборонительным целям, сдерживать агрессию и предотвращать войну» [6].

III

Состояние международных дел в том виде, в каком мы его описали, ставит перед миром вопрос о том, как «организовать» жажду власти — и сопутствующее ей взаимное недоверие между государствами — таким образом, чтобы она в конечном счете не победила саму себя, то есть чтобы в ядерную эпоху она не привела бы к самоуничтожению человечества. Что необходимо, так это новая *честность в реальной политике*. История силовой политики была чередой грандиозных заблуждений и нечестных заявлений тех, кто стремился править миром или, более «скромно», изменить баланс сил в свою пользу — будь то Александр Македонский, завоевавший Азию два с половиной тысячелетия назад, или «концерт великих держав», собранный на Венском конгрессе, Британская империя XIX века или Соединенные Штаты Америки, провозгласившие свою «победу» в холодной войне и в наш «постмодернистский» век взявшие на себя обязательство перестроить мир по своему образу и подобию [9, p. 19ff]. Они упоминают «цивилизацию», «мир» или, говоря современным языком, «права человека», «демократию», «справедливость» и «верховенство пра-

[1] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

[2] https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/188.pdf.

[3] https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/209/75/PDF/N1720975.pdf?OpenElement.

ва». Однако то, что означают эти слова, в подавляющем большинстве случаев — национальные интересы завоевателя или конкурента в борьбе за власть. Поскольку они так типичны для лицемерной имперской хроники событий, процитируем слова премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуина из послания ко Дню империи в 1924 году:

«Когда мы говорим об Империи, то не в духе размахивания флагом. <...> Думаю, что в глубине души мы смотрим на Империю как на средство, с помощью которого надеемся увидеть то развитие нашей расы, которое, по нашему мнению, принесет неоценимую пользу миру в целом; распространение за рубежом людей, для которых свобода и справедливость естественны как дыхание; людей, отличающихся, как мы надеемся и верим, прежде всего неизменным чувством долга» [1, p. 71f].

Ложная идеализация и иллюзии, порождаемые заявлениями о *новом порядке*, всегда контрастировали с трезвостью рассуждений и расчетов *реальной политики*. Сегодня, когда «новый мировой порядок» президента Буша, провозглашенный в 1991 году, потерпел сокрушительную катастрофу, а однополярная система, которую США стремились установить на данной основе, вызывает все больше вопросов [19], в усложняющихся *многополярных* рамках возникают новые неопределенности. Из «большой шахматной доски» [2] планета превратилась в поле для силовой игры между более чем двумя или тремя традиционными игроками[1]. Появляются новые группировки, и расстановка сил на «доске» постоянно меняется, так что делать прогнозы практически невозможно. Помимо традиционных «крупных игроков» и региональных либо мировых группировок, таких как Организация Североатлантического договора, Европейский союз (ЕС) или G7, вызов глобальной архитектуре, в которой доминирует Запад, стали бросать межправительственные организации — Африканский союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

Неудивительно, что это вызвало шквал «союзнической дипломатии» в соответствии с древней имперской максимой: *divide et impera!* (разделяй и властвуй). По сути, речь идет о «сдерживании» новых формирующихся держав и (или) их альянсов, чтобы сохранить власть и привилегии самозваных стражей глобального порядка. Среди этих «реактивных», все еще несколько неформальных альянсов фигурируют «Четверка» (Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности [QSD] между США, Японией, Австралией и Индией) и AUKUS (трехсторонний пакт о безопасности между Австралией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами). Дублирующее членство в этих структурах (глобально-региональных) обладает огромным разрушительным потенциалом, создавая новые риски межрегиональной и внутрирегиональной конкуренции (например, между Индией и Китаем, Японией и Китаем). Эти структуры, в свою очередь, может оппортунистически использовать глобальная держава в попытках защитить свое доминирующее положение от любого нового соперника. Сдерживание влияния своего главного антагониста в Азии и предотвращение образования новой геополитической группировки действительно было главным мотивом США для вступления в вышеупомянутые альянсы.

В сложившихся обстоятельствах не существует глобального арбитра в виде межправительственной организации, которая была бы способна сдерживать перераспределение сил в постепенно формирующейся многополярной системе. В этом также заключается экзистенциальный вызов для ООН: *как* пережить переход от многополярного порядка 1945 года к многополярному порядку XXI века? Организация просто станет неактуальной, если она в своей работе будет исходить из уходящих реалий — баланса сил предыдущей эпохи. С учетом предусмотренного законом права вето «держав 1945 года» на любую поправку к Уставу[2] проблемы кажутся практически неразрешимыми. После периода деколонизации после Второй мировой войны, четырех десятилетий холодной войны и по окончании периода дестабилизирующей гегемонии великая задача международного сообщества будет заключаться в том, как управлять реальным постколониальным миром XXI века, где бывшие колониальные страны, наконец, освободятся от постоянной опеки и придется каким-то образом интегрировать Глобальный Юг в общий баланс сил. Среди прочих мер потребуется расширение Совета Безопасности за счет увеличения числа постоянных членов.

Заключение

Вера в то, что можно установить статичный мировой порядок, — это заблуждение, поскольку невозможно выработать такие правила, которые будут неизменными и обязательными для всех и обеспечат застывшую во времени стабильность. В реальном мире история — это последовательность постоянно меняющихся, динамичных силовых диспозиций среди тех, кто достигает статуса «главного игрока» в тот или иной момент. Их усилия, хотя в конечном счете и тщетные, по сохранению *статус-кво* и сдерживанию соперников «всеми необходимыми средствами» всегда служили движущим фактором международных конфликтов [11]. Какие бы положения (нормы, принципы) и механизмы международное сообщество ни принимало, человеческая природа остается неизменной.

На фоне явно перманентной борьбы за мировой порядок «вечный мир» — такой, каким он виделся Иммануилу Канту (*ewiger Friede*) [7], останется благородной идеей. Тем не менее она может играть роль ориентира в моральном выборе или для исправления эксцессов realpolitik, которые в наш ядерный век могут угрожать выживанию человечества. *Мировое государство*, которое могло бы в одиночку покончить с межгосударственными конфликтами и «трагедией» силовой политики, как метко описал это Джон Миршаймер [17], было бы тоталитарным колоссом, приоритетные задачи которого

[1] Соединенные Штаты, Союз Советских Социалистических Республик, Китай — за два десятилетия начиная с 1970-х годов.

[2] Согласно ст. 108 Устава для внесения поправок требуется согласие постоянных членов Совета Безопасности.

никогда не совпадали бы со стремлением человечества к свободе (общей и индивидуальной), сохранению цивилизационного разнообразия и самоопределению.

Кроме того, в сегодняшней системе суверенных национальных государств еще невозможно международное право, если слово «право» понимать буквально. В отличие от норм морали, нормы права, как убедительно доказал Ганс Кельзен [8, s. 94ff], отличаются *едиными* механизмами ответственности в случае их нарушения. В сегодняшней системе они отсутствуют. Формулировка Устава ООН не оставляет сомнений в одном: *сила выше закона*, когда речь идет о суверенном статусе постоянных членов организации, которые должны обеспечивать применение «закона» согласно положениям о коллективной безопасности в соответствии с гл. VII Устава [14, p. 875–885].

В отсутствие единых механизмов обеспечения соблюдения норм международного поведения государствам, возможно, придется полагаться на правила и принципы «старомодной» realpolitik. С учетом последствий ядерной войны любая глобальная перестройка в формирующейся новой многополярной системе должна основываться на *разумном расчете* интересов каждой страны в выживании на основе *взаимности*. (В этом также заключается суть принципа ООН о «суверенном равенстве» государств [21].) Борьба за мировой порядок не закончится коллективным самоубийством только в том случае, если надежный баланс сил удержит каждого игрока от нанесения удара первым. Такое положение будет сохраняться до тех пор, пока эскалация не будет эффективно сдерживаться законом. В *реальном мире* — до тех пор, пока человечество не «изобретет себя заново», — мир, каким бы разочаровывающим он ни был, не «гарантирован» законом, а поддерживается страхом разрушения.

Литература

1. *Baldwin, S.* On England and other Addresses / S. Baldwin. — New York : Frederick A. Stokes, 1926. — Текст : непосредственный.

2. *Brzezinski, Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. — New York : Basic Books, 1997. — Текст : непосредственный.

3. *Brzezinski, Z.* Toward a Global Realignment / Z. Brzezinski. — Текст : непосредственный // The American Interest. — 2016. — Vol. 11, № 6 (July/August).

4. *Hull, C.* The Memoirs of Cordell Hull / C. Hull. — New York : Macmillan Co., 1948. — Vol. 2. — Текст : непосредственный.

5. *Johnson, Ch.* The Costs and Consequences of American Empire / Ch. Johnson. — New York : Metropolitan Books, 2000. — Текст : непосредственный.

6. Joint Statement of the Leaders of the Five Nuclear-Weapon States on Preventing Nuclear War and Avoiding Arms Races. January 03, 2022. — Текст : электронный // The White House : [сайт]. — URL: whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/03/p5-statement-on-preventing-nuclear-war-and-avoiding-arms-races (дата обращения: 02.06.2022).

7. *Kant, I.* Zum Ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf / I. Kant. — Königsberg, 1795. (Philosophische Bibliothek. Vol. 443 / editor Heiner F. Klemme. — Hamburg : Felix Meiner, 1992.) — Текст : непосредственный.

8. *Kelsen, H.* Reine Rechtslehre [1934] / H. Kelsen ; editor M. Jestaedt. — Tübingen ; Vienna : Mohr Siebeck : Verlag Österreich, 2017. — Текст : непосредственный.

9. *Kissinger, H.* Diplomacy / H. Kissinger. — New York : Simon & Schuster, 1994. — Текст : непосредственный.

10. *Köchler, H.* Democracy and the New World Order / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 1993. — Vol. XIX.

11. *Köchler, H.* Power and World Order / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Current Concerns (Special Edition). — Zurich, 2022 (Febr.).

12. *Köchler, H.* Sanctions and International Law / H. Köchler. — Текст : непосредственный // International Organisations Research Journal. — 2019. — Vol. 14, № 3. Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order.

13. *Köchler, H.* The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of "Just War" Compatible with the International Rule of Law? / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 2001. — Vol. XXVI.

14. *Köchler, H.* The Dual Face of Sovereignty: Contradictions of Coercion in International Law / H. Köchler. — Текст : непосредственный // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2019. — New York : Oxford Univ. Press, 2020. — Part 6 : Recent Lines of Internationalist Thought.

15. *Köchler, H.* The Voting Procedure in the United Nations Security Council: Examining a Normative Contradiction and its Consequences on International Relations / H. Köchler. — Текст : непосредственный // Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 1991. — Vol. XVII.

16. *Köchler, H.* World Order in an Age of Transition / H. Köchler. — Текст : непосредственный // The Saint Petersburg Lectures: Civilization and World Order : Studies in International Relations. — Vienna : International Progress Organization, 2019. — Vol. XXXIV.

17. *Mearsheimer, J. J.* The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer. — New York : W. W. Norton & Company, 2014. — Текст : непосредственный.

18. *Morgenthau, H.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. — [6th ed.]. — New York : Knopf, 1985. — Текст : непосредственный.

19. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. — Munich, 2007, Febr. 10. — URL: en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed: 30 April 2022). — Текст : электронный.

20. *Tannenwald, N.* It's Time for a U. S. No-First-Use Nuclear Policy / N. Tannenwald. — Текст : непосредственный // Texas National Security Review. — 2019. — Vol. 2, iss. 3 (May).

21. United Nations Charter. — Текст : электронный // United Nations : [сайт]. — URL: https://www.un.org/en/about-us/un-charter.

Г. Б. Клейнер[1]

ИНТЕЛЛЕКТ, ДУША, КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗДРОБЛЕННОМ МИРЕ

Раздробленный мир

Современный мир представляет собой причудливую смесь из разных фрагментов, меняющих свое положение, размеры и состояние. Такая картина характерна и для микроуровня, где функционируют отдельные индивиды, семьи, группы, организации, и для мегауровня, где взаимодействуют государства, наднациональные политические структуры, транснациональные компании. В последние годы значительную часть социально-экономического и политического ландшафта мира занимают вспыхивающие и затухающие сетевые социальные системы, формирующиеся на основе общности взглядов их участников на актуальные проблемы и события (экзальтированное обсуждение в социальных сетях какой-либо темы часто трактуется в негативном ключе как хайп). В целом современный мир можно уподобить рассыпавшемуся конструктору «Лего» с той лишь разницей, что его фрагменты, в отличие от «Лего», не имеют приспособлений для взаимной стыковки. Кроме того, устройство и форма отдельных элементов нестабильны и порой представляют загадку для других. В целом картина современного мира напоминает ландшафт зоны, описанный братьями Стругацкими в повести «Пикник на обочине», — территории, оставленной инопланетянами после посещения Земли и наполненной загадочными предметами с необъяснимыми свойствами. По словам М. Барроуза, «на международном уровне разнообразие государств, не говоря о растущей роли неправительственных гуманитарных организаций, международных корпораций и влиятельных частных лиц, усложняет задачу создания связного миропорядка»[2].

Утрата целостности мира, о которой писал еще Н. В. Гоголь, разрушает и целостность внутреннего мира человека, деформирует его идентичность, делает уязвимым для противоречивых влияний извне. Нестабильной оказывается и приверженность человека к тем или иным моральным и духовным ценностям, его готовность создавать устойчивые альянсы и коалиции. Мир оказывается раздробленным как в пространственном, так и во временно́м измерении. При этом его составляющие утрачивают способность к естественному соединению (комплексированию), развитию и самовоспроизводству, свойственную социально-экономическим системам. Из состояния «системы систем» мир на наших глазах переходит в состояние «несистемы несистем». Это создает угрозу не только будущему мира, но и прошлому. Множественные процессы категорического пересмотра прошлого (движение BLM, итоги Второй мировой войны, Холокост и др.) касаются не только артефактов — скульптурных памятников историческим или литературным персонажам, но и событийной канвы истории и оценок тех или иных исторических этапов. Мир оказывается не только *раздробленным*, но и *дробящимся* на глазах, поскольку внешние границы и внутреннее состояние фрагментов подвергаются ежесекундным трансформациям.

Ситуация существенно усугубилась в последние десятилетия в связи с развитием информационно-коммуникационных и социально-политических технологий, позволяющих манипулировать социальными группами, слоями и даже популяциями. Выражение «раздробленный мир», все чаще употребляемое политическими деятелями, вошло в девизы Всемирного экономического форума: «Создание совместного будущего в раздробленном мире» (Давос-2018); «Заинтересованные стороны за сплоченный и устойчивый мир» (Давос-2020).

Какие силы и факторы могут оказать фундаментальное противодействие дивергентным тенденциям? Тремя источниками и составляющими этих начал являются интеллект, душа, культура.

Интеллект

По общему мнению, вектор общественного развития указывает на движение по направлению к обществу знаний, где основным фактором и результатом деятельности, в том числе экономической, являются знания[3]. В свою очередь, средством получения, накопления и хранения знаний является интеллект. В процессе развития экономики знаний интеллект становится наиболее важным фактором, а равно и результатом социально-экономической деятельности. Интеллект

---

[1] Заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 800 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Системная экономика: шаги развития», «Российская экономическая цивилизация: вклад в мировую экономическую культуру» (в соавт.), «Системный анализ инвестиционной деятельности» (в соавт.), «Системная сбалансированность экономики» (в соавт.), «Коллективные формы хозяйствования в современной экономике» (в соавт.), «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Экономика. Моделирование. Математика», «Эволюция институциональных систем» и др.; статей: «Интеллектуальная теория фирмы», «Интеллектуальная экономика цифрового века», «Системно-ориентированное планирование: Россия XXI век», «Декоммерциализация общества — условие интеллектуализации экономики», «Спиральная динамика, системные циклы и новые организационные модели: перламутровые предприятия», «Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент — путь к менеджменту XXI века», «Человек в цифровой экономике», «Согласие несогласных: роль культуры в обеспечении устойчивости геополитической системы», «Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России». Председатель Научного совета Отделения общественных наук РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней.

[2] *Барроуз М.* Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015.

[3] *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N. Y. : Basic Books, 1973 ; *Макаров В. Л., Клейнер Г. Б.* Микроэкономика знаний. М. : Экономика, 2007 ; *Клейнер Г. Б.* Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56, № 1. С. 18–33.

можно рассматривать также как одну из важнейших предпосылок диалога культур как между странами, так и внутри каждой страны в любом периоде.

Определение, атрибуция и измерение уровня интеллекта до сих пор вызывают значительные трудности. Часто под интеллектом понимается способность человека успешно решать возникающие в ходе его жизнедеятельности задачи[1]. Однако в целях и в контексте анализа долгосрочного развития глобального общества такое понимание, по нашему мнению, требует уточнений с целью ответа на следующие вопросы:

а) кто в современном обществе является субъектом (обладателем, носителем) интеллекта; могут ли таковыми быть не только человек, но и группа людей, институт, социальный слой, социум данной страны или человечество в целом, а также алгоритм, программа, устройство;

б) ограничивается ли результат деятельности интеллекта успешным *решением* задач; какую роль играет интеллект в процессе адекватной и своевременной *постановки* задач, то есть в определении условий, целей и допустимых методов их решения?

В целом можно сказать, что интеллект проявляется в структуризации в предметной области, в формулировке и решении вопросов, существенных для субъекта — носителя интеллекта с точки зрения улучшения и пролонгации функционирования данного субъекта. В современный дискурс прочно вошли понятия интеллекта животных, растений, интеллекта программно-алгоритмических систем, интеллекта фирмы и различных социальных образований и т. п. Поскольку интеллект приписывается весьма широкому кругу разнообразных социально-экономических и природно-технических образований, возникает потребность в обобщении понятия носителя (субъекта, обладателя) интеллекта. Поиск обобщенного носителя интеллекта в соответствии с вышесказанным приводит к феномену *системы*. Понятие социально-экономической системы обобщает целый ряд социально-гуманитарных и естественно-научных образований, входящих в предметный круг исследуемых явлений, включая индивида, социальную группу, сообщество, популяцию, институт, технологию, инфраструктуру и т. д.[2]

Каково основное назначение интеллекта? Интеллект позволяет субъекту ориентироваться во множестве разноуровневых факторов, влияющих на его жизнедеятельность и, соответственно, анализировать ее результаты. Эти факторы возникают вследствие функционирования различных социально-экономических систем. Можно представлять себе обладателя интеллекта в условном центре многомерной конфигурации (сети), отражающей взаимодействия данного субъекта с другими системами и взаимоотношения систем между собой. Такая «паутинообразная» модель позволяет инкорпорировать интеллект в системную структуру факторов динамики современного мира. Говоря об интеллекте, мы будем применять данное понятие к разнообразным, разномасштабным и разнокачественным социально-экономическим, административно-политическим, техническим и природно-биологическим системам, подлежащим анализу. В итоге под интеллектом той или иной социально-экономической системы (*системным интеллектом*) станем подразумевать ее способность формировать и анализировать «системную картину мира». В частности, эта картина отражает структуру и динамику популяции систем, чье взаимодействие с данным субъектом является существенным для него, включая идентификацию этих систем, границы и местоположение в пространстве и времени.

В функциональном плане деятельность интеллекта по получению новых знаний начинается с фиксации «ситуации незнания». Будучи выявленной и осознанной, ситуация незнания выступает как триггер, толчок к развитию. Осознание незнания позволяет инициировать процесс поиска решения и дальнейшего развития, движения к успеху. Именно эту функцию и должен выполнять интеллект, с помощью которого осуществляются: а) выявление, осознание и идентификация незнания; б) переход от незнания к знанию. Таким образом, накопленное знание и выявленное незнание можно рассматривать как исходные ресурсы работы интеллекта по расширению сферы знания и выявлению новых ситуаций незнания[3].

Интеллект социально-экономической системы не является константой. Он может изменяться как под влиянием специальных усилий по развитию интеллекта, так и вследствие взаимодействия данной системы с другими системами. Производитель наукоемкой продукции, созданной с использованием значительного объема знаний, не только передает потребителю часть такого знания вместе с товаром, но и способствует развитию интеллекта потребителя, поскольку использование новых знаний требует в общем случае обновления (приращения) интеллекта. В интеллектуальной экономике, таким образом, большая часть трансакций связана с движением знания, незнания, интеллекта. Все эти три фактора в такой экономике служат предметами обращения.

Уровень интеллекта данной системы относится к числу весьма медленно меняющихся переменных. Интеллект не допускает жесткого управления, но при определенных условиях может быть развит и усовершенствован. Развитие странового интеллекта — одна из актуальных задач государственной политики в области науки и образования.

Согласно приведенному выше определению интеллектом обладают все участники геополитической деятельности, в том числе государства, межгосударственные и наднациональные структуры. При этом к числу участников следует относить не только стационарные организации с неопределенным жизненным циклом, но и временные группы, созданные для реализации совместных программ, проектов, процессов. Используя свой интеллект, каждый участник формирует свою картину мира.

[1] *Ушаков Д. В.* Интеллект: структурно-динамическая теория. М. : ИП РАН, 2005 ; *Гарднер Г.* Структура разума. Теория множественного интеллекта. М. : Вильямс, 2007.

[2] *Клейнер Г. Б.* Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. Т. 81, № 9. С. 794–808.

[3] *Клейнер Г. Б.* Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. № 1. С. 35–42.

В отсутствие единой идеологии и признанной системы общечеловеческих ценностей задача согласования мировоззрений, действий и ориентиров развития представляется трудноразрешимой. Ее решение — один из наиболее актуальных вызовов, стоящих перед человечеством. На геополитическом уровне особую роль здесь должны сыграть интеллектуальные лидеры всех стран — участниц геополитического взаимодействия. Сегодня далеко не в каждой стране фигура интеллектуального лидера определяется с достаточной четкостью. Во многих странах функции интеллектуального лидерства выполняют коллективные органы — комиссии, советы, элитные клубы. По нашему мнению, следует стремиться к персонализации интеллектуального лидера страны, опираясь на поддержку таких формальных и неформальных институтов, как Академия наук, система аттестации кадров, система научных званий и аффилиаций, научная и общественная экспертиза и т. п. Как показывает опыт, попытки властей собрать воедино интеллект нации в условиях отсутствия интеллектуального лидера тщетны.

Душа

Рациональная картина мира, создаваемая субъектом в ходе интеллектуального анализа, представляет собой весьма сложную конструкцию. При этом отдельные компоненты такой картины имеют разную степень привлекательности для данного субъекта геополитики. Кроме того, интеллект рисует компоненты картины мира и их состояние с разной степенью подробности и определенности; имеет значение и этап жизненного цикла, на котором находится данный субъект. Дополнительную неоднородность в галерею таких картин вносят и разные позиции субъектов в рейтинге лидерства в мировой геополитике. Этим не исчерпываются объективные причины несовместимости мировоззрений и, соответственно, дискоординации системных субъектов геополитического пространства-времени. На контурную рациональную конструкцию, предлагаемую интеллектом, накладываются эмоциональные краски, отражающие, с одной стороны, привлекательность (желательность) того или иного состояния для данного субъекта, с другой — оценку вероятности того, что данный сценарий может быть реализован. Иными словами, контурная карта мира получает целевую раскраску, отражающую ориентиры состояния и положения данного субъекта с учетом ожиданий по поводу достижения этих ориентиров.

Такая анимация осуществляется за счет особой движущей силы, которой наделен каждый субъект и которая определяет направление и характер поведения субъекта. Источник такой силы (частью метафорически, частью буквально) характеризуется в литературе как «душа» субъекта[1]. В зависимости от особенностей субъекта он демонстрирует более или менее амбициозное поведение в обществе, большую или меньшую согласованность намерений и действий, испытывает более или менее обоснованные ожидания относительно реакции среды на свои действия и т. п. В работе «Системная парадигма и системный менеджмент»[2] было введено понятие «душа экономической системы», обобщающее понятие «душа предприятия (фирмы)». Это дает возможность говорить не только о душе организации как объекта с неопределенным сроком окончания жизненного цикла, но и о душе проекта, программы, стратегии, плана с заданным сроком завершения. Временные союзы государств, формируемые для реализации конкретных задач типа создания адронного коллайдера, МКС, установок Токамак, борьбы с пандемией и тому подобных, также в той или иной степени наделены «душой» как источником координации намерений и деятельности участников в социально-экономическом пространстве и времени. Благодаря этому источнику, уникальному для каждой системы, она сохраняет идентичность на протяжении всего жизненного цикла. По сути, войны, включая войсковые, санкционные, холодные, гибридные, являются не столько инструментом захвата территорий и ресурсов, сколько средством деформации (изменения) «души» данной системы.

В жизни любой экономической системы могут быть выделены четыре основных аспекта:

— функциональный, включающий действия системы, ее устойчивые взаимоотношения с другими системами;

— интенциональный, охватывающий процессы формирования и реализации намерений в отношении своей деятельности;

— экспектационный, характеризующий формирование ожиданий системы относительно реакции объектов внешнего мира на те или иные действия или события;

— когнитивный, отражающий знания системы об окружающем мире.

Соответственно, экономическая система может быть представлена как совокупность четырех взаимодействующих сфер (подсистем): функциональной, интенциональной, экспектационной, когнитивной. Роли этих подсистем можно кратко сформулировать следующим образом: функциональная подсистема относится к тому, что система *может*; интенциональная — к тому, чего *хочет*; экспектационная — к тому, чего *ожидает*; когнитивная — к тому, что *знает*. Задача управления системой в целом состоит в организации согласованного, синхронизированного и сбалансированного развития этих подсистем и скоординированного взаимодействия между ними. Таким образом, душа играет роль медиатора и координатора указанных аспектов деятельности социально-экономической системы в долгосрочном плане. Одновременно духовно-нравственное начало жизнедеятельности системы, сосредоточенное в душе, формирует критерии ее дея-

[1] *Berry L.* Discovering the Soul of Service: The Nine Drivers of Sustainable Business Success. Detroit : Free Press, 1999 ; *Гэлэгер Р.* Душа организации. М. : Добрая книга, 2006 ; *Клейнер Г. Б.* Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2000. № 1. С. 5–20 ; *Он же.* Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент — путь к менеджменту XXI века // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16, № 2. С. 231–252.

[2] *Клейнер Г. Б.* Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 3. С. 37–50.

тельности и отслеживает их в ходе функционирования подсистем.

Одним из компонентов души является совесть — пробуждающаяся время от времени сила, влияющая на проявления души при определении и реализации целей развития.

Отметим, что вывод о необходимости развития, «воспитания» и культивирования одухотворяющего начала имеет особое значение для успешного функционирования социально-экономической системы. Уровень развития души данной социально-экономической системы, или уровень ее духовности, как и интеллекта, относится к медленно меняющимся переменным. Душа не допускает жесткого управления, но при определенных условиях может быть развита за счет воспитания морально-нравственных качеств участников деятельности системы. По нашему мнению, ключевую роль здесь может сыграть фигура духовного лидера, несущего ответственность за совершенствование души. Его поддержка осуществляется такими институтами, как религия, идеология, образование, искусство. В каждой стране следует стремиться к тому, чтобы фигура духовного лидера стояла рядом с фигурой интеллектуального лидера.

Между рациональной картиной мира, предлагаемой интеллектом данного субъекта, и эмоциональной, формируемой его духовным миром, могут быть противоречия. Взаимозависимость этих образов отражается в выражениях типа «если нельзя, но очень хочется, то можно»; «прятать голову как страус под крыло». Основную роль в разрешении противоречий между интеллектуальным и духовным миром играет культура.

Культура

Под культурой мы будем понимать совокупность устойчивых форм, ритуалов и правил человеческой деятельности и поведения, характерных для данного социума (населения страны, территории, персонала организации и др.).

Подобно тому как понятия интеллекта и души распространяются на широкие классы социально-экономических систем, термин «культура» также может применяться и по отношению к надындивидуальным образованиям, таким как организации, социальные группы, государства и другие социально-экономические системы. Культура формируется в процессе исторического развития, концентрирует характерные особенности данного социума, определяет механизмы взаимодействия индивидов и социально-экономических систем. Если преобладающими сферами деятельности интеллекта являются анализ, типология, структуризация реальности, а основные сферы проявления души — определение целей, ориентиров и образов будущего, то преобладающими сферами влияния культуры являются возможности и ограничения синтеза настоящего и будущего, то есть пути реализации поставленных целей, достижения заданных ориентиров. В отличие от трезвого интеллектуального рассуждения или эмоционального душевного порыва, культура концентрирует историческую обусловленность и не позволяет ни разуму, ни эмоциям выйти за рамки допустимого. Тем самым культура воплощает идею эволюционного развития и последовательного движения из настоящего в будущее.

Обращаясь к проблеме взаимодействия участников геополитического сообщества, мы видим, что такие обстоятельства, как существенные различия в уровнях странового интеллекта, конкурентность целей и притязаний стран, служат факторами, затрудняющими координацию и коэволюцию государственных образований. Сближение страновых культур, возникающее как следствие культурных обменов, распространения лучших образцов национального литературного, музыкального, кинематографического, художественного творчества, в общечеловеческом масштабе служит едва ли не единственным фактором преодоления раздробленности мира[1].

Культура народа обладает большей пластичностью, чем его интеллект и душа и, соответственно, легче поддается воздействию. В большинстве стран активно работают органы управления культурой (министерства, ведомства, департаменты). Представляется целесообразным, чтобы в каждой стране рядом с фигурами интеллектуального и духовного лидеров встала фигура культурного лидера — человека, обладающего высоким авторитетом в сфере воплощения культурных традиций, образцов, ритуалов. Желательно, чтобы этот персонаж выполнял роль эксперта в области культурных ценностей не в одной, а в нескольких основных культурных сферах. Понятно, что человек не может быть непререкаемым экспертом одновременно в области литературы, музыки, живописи и др. Однако культурный лидер должен обладать чувством прекрасного, позволяющим идентифицировать культурные достижения. В качестве поддержки деятельности культурного лидера во многих странах функционируют институты художественной критики и рецензирования, государственных наград, почетных званий, членства в авторитетных национальных и наднациональных экспертных органах и т. п.

Надежды и перспективы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что стратегические решения о выборе траектории развития страны принимаются при участии национального интеллекта, души, культуры. Интеллект структурирует пространство решений, позволяет описать их предпосылки, последствия и взаимосвязи. Душа определяет предпочтения на множестве решений, соподчиненность и настоятельность реализации критерия. Культура в этих условиях определяет ограничения на допустимость тех или иных решений, их последовательность и совместимость с решениями всех участников процесса.

Следует отметить, что по своей природе интеллект носит структурный характер, душа — индивидуаль-

[1] *Клейнер Г. Б.* «Согласие несогласных»: роль культуры в обеспечении устойчивости геополитической системы // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 95–98 ; *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. СПб. : СПбГУП, 2018.

ный, а культура — интегративный. Благодаря такому сочетанию взаимодействие интеллекта, души и культуры обеспечивает целостность и развитие субъекта.

В итоге возникают фигуры трех национальных лидеров: интеллектуального, духовного (душевного), культурного. Над ними возвышается фигура административного национального лидера — авторитетного руководителя государства (президента, главы исполнительной или законодательной власти, монарха и т. п.). Независимо от интеллектуальной мощи, душевной глубины и культурного развития такого лидера желательно, чтобы интеллект, душа, культура воплощались в автономных физических лицах, что обеспечивало бы сохранение устойчивости страны при неблагоприятных внешних воздействиях.

Образное выражение концепция трех лидеров находит в картине В. Васнецова «Богатыри». Илье Муромцу можно приписать роль интеллектуального лидера, Алеше Поповичу — духовного, Добрыне Никитичу — культурного. За рамками картины угадывается фигура царя — главы того государства, чьи границы охраняют богатыри. В данной конфигурации можно усмотреть параллель с верхушкой пантеона богов-олимпийцев в греческой мифологии: Зевс — административный лидер, Афина Паллада — интеллектуальный, Дионис — духовный/душевный, Аполлон — культурный.

В литературе описаны и другие варианты конфигурации власти, в которых лидеры не имеют персональных лиц («неизвестные отцы»), но представлены соответствующими институциями. В условиях России с ее опытом интеллектуального, духовного и культурного строительства, галереей выдающихся мыслителей, писателей, музыкантов, вошедших в число крупнейших представителей мировой элиты, наиболее органичным и способствующим устойчивому социально-экономическому развитию было бы персональное представительство группы общепризнанных национальных лидеров — «властителей дум» и «вершителей дел».

Целесообразность исследования социального интеллекта, «души общества» и культуры нации совместно отмечалась в работе нобелевского лауреата Р. Шиллера «Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events»[1]. Вводя понятие нарративной экономики, Р. Шиллер обратил внимание на то, что высокая социально-экономическая ценность нарратива обусловлена энергетикой соединения интеллектуальных, душевных и культурных компонентов.

В связи с тем, что в последние десятилетия активно развиваются информационно-коммуникационные технологии получения, хранения и распространения данных, возникают опасения, что искусственный интеллект заменит естественный в большинстве сфер экономической и социальной жизни. Такие предположения, на наш взгляд, безосновательны, поскольку формирование и идентификация ситуаций незнания (постановка задач), служащих наряду со знанием критическим фактором работы интеллекта, не могут быть выполнены искусственным интеллектом. Не имеют реального воплощения и такие понятия, как «искусственная душа» и «искусственная культура». То же самое можно сказать и о невозможности в обозримом будущем создания «искусственного административного лидера».

Как наглядно показал опыт мирового развития в XX — начале XXI века, взаимодействия административных глав государств недостаточно для сохранения стабильности и целостности мира. Перспектива движения к устойчивому и безопасному миру может быть связана только с реальным взаимодействием «живых» фигур интеллектуальных, духовных, культурных и административных лидеров стран — участниц мирового сообщества. Организация такого взаимодействия является, с нашей точки зрения, необходимым условием восстановления системности, целостности и непрерывности мира в пространстве и во времени.

Реализация высказанных выше предложений по выявлению и институционализации в структуре каждого из значимых участников геополитического процесса стержневой конфигурации из четырех системных лидеров (интеллектуального, духовного, культурного, административного) способствовала бы решению двух задач:

а) придания субъектам геополитики системной формы, обеспечивающей их внутреннюю устойчивость и способность к взаимодействию с другими;

б) преодоления на этой основе раздробленности существующего геополитического пространства.

[1] *Shiller R. J.* Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton : Princeton University Press, 2019.

А. В. Костина[1]

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Когда известный социальный философ В. М. Межуев характеризовал XX век как век культуры [3] (кстати, это утверждение верно и для XXI в.), он прежде всего имел в виду возможность культуры выступать в качестве основного стержня, маркера и движущей силы общества во всей совокупности его проявлений — начиная от экономики и технического развития и завершая политикой. Идея этого утверждения такова: несмотря на важность технологических прорывов в области конвергентных технологий и самой цифровой трансформации, достижений в области искусственного интеллекта и биоинженерии, экономических взлетов, основным фактором национального развития становится прежде всего культура.

Это связано с целым рядом причин. *Первая причина* заключается в том, что *культура представляет собой систему, определяющую нормативность любого сообщества* — не в правовом его плане, а в поведенческом, где активность человека соотносится с системой предписаний, требующих выполнения. Причем культура в этом смысле является не менее жесткой функциональной структурой, чем правовая система. Культура задает определенные границы поведенческой активности человека: то, что находится внутри границ, обладает позитивным содержанием, вне таковых — негативным и подвергается социальному осуждению.

Опасение вызвать осуждение своего сообщества заставляет человека придерживаться границ дозволенного и не совершать бесчестья — «не делать того, что осуждаем в других», по словам Фалеса [2, с. 74]. При этом культура обеспечивает легитимность целей, которые ставит перед собой человек, их нравственную санкционированность, а также оценку всех его поступков, чьей мерой выступает чувство личной ответственности. Выстраивание стратегии жизни в соответствии с нравственным кодексом своего народа, приводящее к общественному признанию и высокой оценке такой жизни окружающими, — одна из важнейших ценностей, содержащихся в границах тех культур, которые обладают связью со своими традиционными основами. Эти понятия о нравственном кодексе сохраняются практически у всех народов России.

В контексте такого понимания культуру можно рассматривать как систему регуляции, которая влияет на человеческую активность посредством совокупности норм и традиций. Их принятие означает осознание себя представителем данной культуры. Их отрицание соответствует неприятию самого содержания этой культуры, а фактически означает отрицание правильного взгляда на мир у представителей данного народа, неверное толкование ими базовых понятий, несогласие по поводу которых дает право воспринимать их в качестве чужих и чуждых, а следовательно, врагов.

Подобная интерпретация культуры как нормативной среды расширяет пространство ее значений от сферы прекрасного (это понятие с ней соотносится, как правило, в первую очередь) до сферы социальной регуляции, формирующей ту совокупность норм и значений, которая отличает один народ от другого, одну цивилизационную систему от другой.

Второй причиной, которая позволяет рассматривать культуру не только как главный источник современного развития, но и как фактор национальной безопасности, является *ценностное содержание культуры*. Именно культура сегодня выступает в качестве идейного стержня военных конфликтов. Так, главная цель современных войн — консциентальных, информационных, сетецентрических, кибервойн — разрушение всех идейных и ценностных опор, всех символов, которые придают смысл существованию любого народа. Победа в таких войнах соотносится с защитой и отстаиванием своих метафизических ценностей, своего образа мира и образа будущего.

Для обоснования этого факта достаточно вспомнить события «Арабской весны», когда традиционные ценности дискредитировались противостоявшими им либеральными, которые активно продвигались различными неправительственными организациями через систему благотворительных акций и гуманитарных проектов. Идеалы либерализма и демократии, избирательных и рыночных прав, свободы личности никак не соответствуют тем, что доминируют в традиционных восточных обществах с их родовым строем. Личностная свобода, означающая на Западе прежде всего индивидуальную автономию, на Востоке подразумевает глубокую встроенность в дела общины и соотнесенность с ее интересами, возможность принести общине процветание через свободу использования ее защиты и поддержки.

Столь же различно понимание ценности справедливости, которое оказывается еще более культурно и исторически опосредованным. То, что понимается как должное, на Западе и Востоке принципиально отличается, будучи соотнесенным со всем образом жизни и соответствуя «определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах» [7, с. 650]. В отличие от Запада, на Востоке справедливо то, что направлено на укрепление общины. В этом контексте

[1] Директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 366 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель» (в соавт.), «Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества», «Культура: между рабством коньюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: „баланс интересов“ в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редколлегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», Politbook. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

иначе читается сформулированный не без влияния американских политтехнологов лозунг арабских революций «Хлеб, свобода и социальная справедливость», так как именно понятия свободы и справедливости образуют те ценностные платформы, на которых выстраиваются системы восприятия мира Запада и Востока. Замена коннотаций этих базовых ценностей без замены самих понятий — эффективный механизм разрушения ценностных систем традиционалистских государств.

Сказанное дает основание рассматривать культуру в ее ценностном содержании в качестве одного из ведущих, стратегически важных факторов национальной безопасности любого государства современного мира.

Сегодня, когда осуществляется специальная военная операция, ценности России критикуются, а то русское, что давно вошло в золотой фонд мировой культуры — произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, П. И. Чайковского и других, — поспешно изымается оттуда и дискредитируется. В ситуации, когда Россия противостоит геополитической экспансии со стороны НАТО и Европейского союза, становится очевидным, что это противостояние содержит мощную ценностную составляющую.

Сравнение таких основополагающих документов, как Стратегии национальной безопасности России и США, подтверждает этот тезис. В Стратегии США, принятой в 2015 году при президенте Б. Обаме, определяется необходимость «сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности» [4]. Среди американских ценностей указываются равенство, демократия, свобода слова, вероисповедания, американский образ жизни, власть закона, права человека, защита таких сообществ, как «этнические и религиозные меньшинства, люди с ограниченными возможностями, лесбиянки, гомосексуалисты, бисексуалы и трансгендеры, перемещенные лица, а также рабочие-мигранты» [Там же]. В Стратегии 2017 года, принятой при Д. Трампе, постулируется, что защита американского образа жизни выступает в качестве одной из четырех основ (наряду с развитием американского благосостояния, сохранением мира посредством силы, расширением американского влияния) [5], сохранение которой является национальным приоритетом.

Важно, что и в Стратегии-2017 ценности представлены как квинтэссенция американского образа жизни, как то, что «способствует укреплению силы, стабильности и процветания суверенных государств» [Там же], как то, что требует защиты. Акцент в ней сделан на том, что американские ценности рассматриваются как универсальные, «всеобщие», *требующие распространения и внедрения*. И эти культурные коды, среди которых свобода и демократия, понимаемые в либеральном ключе, права человека без границ, собственность и благосостояние, определяют содержание информационных войн в их жесткой и мягкой формах, образуя контент сетевой коммуникации, продукции массовой культуры, новых коммуникационных паттернов. Эти коды становятся идеологической основой той информационной войны, которую Запад активно ведет против России. В «Промежуточных стратегических наставлениях по национальной безопасности» (Interim National Security Strategic Guidance), опубликованных в 2021 году, изложены направления развития Америки, которые развивают положения предыдущих документов стратегического планирования [1].

Российские ценности — это «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [6]. Эти ценности являются традиционными, то есть исторически сформированными, пронизывающими историю России со дня ее основания, но не утратившими значимости по сей день. Они присущи всем народам нашей страны и выступают в качестве интегрирующего фактора, образуя национальную идентичность России.

Важно, что ценности в Стратегии национальной безопасности России 2021 года определяются как закрепленные Конституцией РФ и «формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации» [Там же].

Цель консциентальных войн — воздействовать на сознание противника, чтобы изменить его базовые ориентиры и разрушить систему ценностей. В связи с этим одними из основных задач государства становятся воспитание новых поколений граждан в духе уважения к культуре своего народа и формирование их способности понимать причины и последствия происходящего, самостоятельно оценивать любую информацию, распространяемую через каналы коммуникации, и подвергать ее критическому осмыслению. Это необходимо в ситуации информационно-психологического влияния на традиционные ценности россиян в целях замещения их принципиально иными. Именно российские ценности испытывают мощное воздействие и подвергаются постоянным нападкам со стороны США и их союзников, которые стремятся к целенаправленной «вестернизации» отечественной культуры. Причем это определяется в качестве одной из целей Стратегии США: «Чтобы эффективно лидировать в мире, переживающем значительные политические изменения, Соединенные Штаты должны сохранять верность нашим ценностям дома и продвигать всеобщие ценности за рубежом» [4].

Следовательно, утрата ценностей, допущение искажения истории, девальвация духовной значимости великих личностей и героев, ослабление государствообразующего народа, дискредитация русского языка — все это несет в себе угрозу утраты не просто культуры, но суверенитета России. Напротив, сохранение этих духовных основ позволяет укреплять ее суверенитет и продвигаться к новым достижениям в развитии человека и общества.

Основой самобытности России являются ее нравственные ценности и смыслы, разделяемые народом, их духовное содержание и путь великого служения, всегда противостоявший прагматизму и утилитаризму Запада. Именно великая культура — источник нашей духовной силы и вдохновения в деле защиты России и ее дальнейшего развития.

Литература

1. Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности. — Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. — 2021, 3 марта. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10829651?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (дата обращения: 07.06.2022).

2. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; перевод М. Л. Гаспарова. — [2-е изд., испр.]. — Москва : Мысль, 1986. — 570 с. — Текст : непосредственный.

3. *Межуев, В. М.* Идея культуры : очерки по философии культуры / В. М. Межуев. — Москва : Унив. кн. : Прогресс-Традиция, 2012. — 403 с. — Текст : непосредственный.

4. Полный текст Стратегии национальной безопасности США. — Текст : электронный // ОКО ПЛАНЕТЫ : [информационно-аналитический портал]. — URL: https://oko-planet.su/politik/politiklist/271399-polnyy-tekst-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-ssha.html (дата обращения: 07.06.2022).

5. Президент Дональд Трамп провозглашает стратегию национальной безопасности, направленную на продвижение американских интересов. — Текст : электронный // Правдинформ : [сайт]. — URL: http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=20585 (дата обращения: 07.06.2022).

6. Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400. — Текст : электронный // Гарант : [справочно-правовая система]. — URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения: 07.06.2022).

7. Философский энциклопедический словарь / главный редактор Л. Ф. Ильичев [и др.]. — Москва : Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с. — Текст : непосредственный.

Н. Н. Кузьмина[1]

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА

Текущие условия развития экономики Российской Федерации сложно определить иным словом, чем война, поскольку разворачивается глобальное противостояние цивилизаций, где наша страна находится под прицелом неких могущественных сил, которые объявили новый «крестовый поход» против «русского мира», после того как Россия с очевидностью продемонстрировала свои намерения и потенциал на обретение подлинного суверенитета во всех общественных сферах. В российском обществе запрос на самоопределение, самостоятельность, самодостаточность является одним из проявлений запроса на справедливость, и не случайно на этой основе сформировался новый общественный консенсус с очень высоким уровнем поддержки политического руководства страны.

Одновременно мы являемся свидетелями объективного естественно-исторического процесса смены общественно-экономической формации и перехода к новому технологическому укладу, что само по себе происходит болезненно, так как означает смену идей, а значит, и людей, которые выступают их носителями. И если многие общественные процессы войдут в резонанс, это грозит глобальной катастрофой.

Современная война ведется во многих плоскостях и далеко не всегда в форме прямого боестолкновения вооруженных сил противоборствующих сторон. Более эффективной является так называемая «мягкая сила». Современные войны в принципе ведутся на уровне сознания и идей, и решающее значение сегодня имеет победа в экономической и информационной войнах. По выражению одного из руководителей Пентагона, мир приближается к такой ступени развития, когда уже никто не является солдатом, но все являются участниками боевых действий.

Что же ждет Россию на этом пути? Можно обратиться к святоотеческим пророчествам или предсказаниям ясновидящих, многие из которых говорят о грядущем расцвете России в XXI веке. Но это не помешает гармонию веры в наше светлое будущее «поверить алгеброй» экономического анализа.

В реализации планов удушения России существенную роль играет экономическая война, прежде всего в финансовом, банковском и страховом секторах, война с нашим производственным сектором, базовыми отраслями промышленности, торговая, логистическая и технологическая. Поэтому крайне важно понимать, хватит ли нам устойчивости перейти в новый режим функционирования нашей экономики при минимальных потерях и как этому помочь. Вместе с тем новая экономическая модель возникает как конструктивный результат общемирового кризиса, но для каждой страны этот кризис — свой, индивидуальный[2], с характеристиками и последствиями не столько общими, сколько особенными, которые определяют, выживет страна, либо трансформируется в иное государственное образование, либо исчезнет совсем.

При этом негативные моменты испытывают все страны, в том числе так называемый коллективный Запад, где раскручивается инфляция в показателях, которых, например в США, не наблюдали лет сорок. Следствием такой инфляции неизбежно становится глобальное уменьшение потребления, сжатие мирового спроса, падение производства, сокращение банковского кредитования. Изнеженную старую Европу поразили энергетический, продовольственный, промышленный, логи-

[1] Ректор Академии труда и социальных отношений, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, заместитель координатора профсоюзной стороны Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, кандидат экономических наук. Награждена орденом Дружбы, медалью «100 лет профсоюзам России», отмечена нагрудными знаками ФНПР «За активную работу в профсоюзах» и «За заслуги перед профдвижением России», Почетной грамотой Правительства РФ.

[2] Кризис — как момент истины : интервью с Р. Гринбергом // Банки и деловой мир : [сайт]. URL: https://bdm.ru/krizis-kak-moment-istinyi/.

стический, инфляционный кризисы. Впереди дальнейшее усугубление этих кризисов, а также кризис неплатежей, еще более высокая инфляция и спад экономики. В Британии ожидается беспрецедентное с 1950-х годов падение уровня жизни граждан. Во Франции собираются вводить талоны на еду. В Германии промышленники, профсоюзы, банкиры называют экономическим безумием отказ от российских нефти и газа…[1]

Введенные в феврале 2022 года в отношении Российской Федерации иностранными государствами санкционные ограничения, которые вызвали разрушительные последствия для экономик стран Запада, в России привели к усилению волатильности рубля, снижению цен на финансовые активы, расширению дефицита ликвидности банковского сектора. Одновременно ажиотажный спрос населения на ряд продовольственных и непродовольственных товаров в совокупности с ослаблением рубля привел к ускорению инфляции (до 17,8 % в апреле в годовом выражении)[2]. Тем не менее экономический блицкриг в отношении российской экономики не удался. Даже несмотря на то, что по количеству наложенных на нас санкций мы абсолютные лидеры, причин для краха экономики Российской Федерации на текущий момент нет.

Благодаря контролю за движением капитала и высоким процентным ставкам рубль был удержан от дальнейшего падения, более того, он укрепился до значений середины декабря 2014 года перед памятным решением Центробанка России, тогда основательно тряхнувшим нашу экономику. Не случился и объявленный дефолт: Россия успешно выплачивает долги по облигациям, несмотря на заморозку золотовалютных резервов.

Укрепление рубля и спад ажиотажного спроса способствовали замедлению инфляции: по данным Минэкономразвития России, до 0,2 % еженедельно во второй половине апреля и до 0,12 % в первую неделю мая (в то время как в начале марта 2022 г. цены повышались более чем на 2 % в неделю[3]). В годовом выражении инфляция стабилизировалась на уровне 17,7–17,8 % год к году.

В результате стабилизации по вышеперечисленным направлениям Банк России начал постепенно ослаблять введенные ранее ограничения на операции с иностранной валютой, а также 29 апреля 2022 года понизил ключевую ставку до 14 %[4]. Это значит, что финансовая паника февраля 2022 года полностью купирована.

Косвенные показатели экономической активности также демонстрируют достаточно стабильное состояние российской экономики. Общее потребление электроэнергии снизилось незначительно. Согласно системе мониторинга расходов Сбербанка России, после мартовского затишья россияне довольно свободно тратят деньги в кафе, барах и ресторанах[5].

Реальный сектор экономики в целом демонстрирует устойчивость. Российские предприятия в силу сложившегося глобального разделения труда находятся в начале технологических цепочек, и поскольку в мире сначала будут рушиться высокотехнологические производства, то у нас есть время перестроить свою экономику: изменить ее структуру, структуру занятости под то, что у нас должно быть в этих условиях. Главное — четко определить и сформулировать, что именно у нас должно быть.

Российская экономика, несомненно, сокращается, но прогнозы о снижении ВВП до 15 % в этом году не оправдываются, хотя и снижение на 7,8 % по итогам года в рамках базового сценария Минэкономразвития России не является оптимальным вариантом экономического развития. Более того, снижение ВВП для России сегодня не является обязательным.

Как отмечает Минэкономразвития России в недавно опубликованных «Основных параметрах сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», основной вклад в снижение ВВП внесет внутренний спрос — как потребительский, так и инвестиционный. В условиях снижения реальных располагаемых доходов населения (на 6,8 %) и увеличения безработицы (до 6,7 % от рабочей силы в среднем за год) ожидается сокращение оборота розничной торговли на 8,7 %, объема платных услуг населению — на 7,9 %. Снижение инвестиций в основной капитал составит 19,4 % с учетом действующих импортных и экспортных ограничений и высокой неопределенности относительно среднесрочных тенденций в экономике[6].

Если обратиться к действующему положению о Министерстве экономического развития Российской Федерации, то из него можно почерпнуть, что Минэкономразвития России отвечает не за экономическое и социальное развитие страны, а за политику в сфере анализа и прогноза означенного развития. И отсюда становится понятно, почему федеральный орган исполнительной власти, в названии которого присутствует словосочетание «экономическое развитие», на деле выступает как бы сторонним наблюдателем, а не актором этого процесса. Также становится понятно, что этот орган власти пребывает в старой парадигме либерально-буржуазной экономической модели. В текущих условиях России нужны перевод экономики страны на «мобилизационные рельсы», активное производство военной техники и снабжения для нужд армии, непосредственное влияние политики на хозяйственную деятельность страны, максимальное использование природных и экономических ресурсов[7] в целях от-

[1] См. Telegram-канал «Кристалл роста», посвященный вопросам роста экономики, геоэкономики, экономической войны, санкций (https://t.me/s/crystal_book).

[2] Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов // Нормативно-правовые акты : [сайт]. URL: https://bazanpa.ru/minekonomrazvitiia-rossii-informatsiia-ot19052022-h5595768/.

[3] М. Решетников: экономика России «выдержала первый удар» и выиграла время // Банки.ру : [сайт]. 2022. 19 апр. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10964946.

[4] Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации…

[5] Журнал Economist позитивно оценил экономику РФ на фоне введения санкций // РИА Новости. 2022. 6 мая. URL: https://ria.ru/20220506/ekonomika-1787327917.html.

[6] Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации…

[7] Экономика войны // United Traders : [сайт]. URL: https://utmagazine.ru/posts/9417-ekonomika-voyny.

стаивания своих национальных интересов и преодоления угроз, связанных с глобализацией. Очевидно, что без мощной и систематической государственной активности уже не обойтись, причем не только российской экономике — это общий мировой тренд в парадигме нарождающейся новой системы.

Зная менталитет большинства нашей управленческой и бизнес-элиты, легко предположить, что ничего существенного сами они делать не станут, будут жить старыми чужими схемами и ждать, когда снимут санкции. Некоторые из них, как, например, один из руководителей Банка России (не стоит называть его фамилию: так мыслит не только он, но и абсолютное большинство сотрудников Центробанка и Минэкономразвития России), совсем не знают экономическую историю своей страны (точнее, представляют ее в извращенном свете) и называют советскую экономику примитивной.

У экономики Советского Союза действительно было огромное количество проблем, которые достигли своего пика в 1980-х годах. Но советская экономика точно не была примитивной. Наоборот, это был сложнейший механизм, объединявший в себе полную цепочку производств, начиная от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и заканчивая созданием конечной продукции. Примитивизация экономики началась в 1990-х годах с приватизацией и либеральными реформами, когда абсолютно все высокотехнологичное производство было уничтожено, а модель экономики скатилась к формуле «продавать природные ресурсы на Запад, а на нефтедоллары закупать все остальное». И даже сейчас российская экономика остается куда более примитивной, чем советская, а технологические прорывы в отдельных секторах основываются на старых советских наработках и заделах. При этом отдельно следует подчеркнуть, что Советский Союз стал супердержавой именно в условиях санкций и во многом благодаря им.

Так что до введения режима санкций никто никакими технологиями делиться с нами не собирался. Наша экономика всегда была в определенном смысле довольно закрытой. Ключевое в технологиях по-прежнему оставалось в материнских компаниях и странах. Строго говоря, иностранный капитал в Россию не приходил, если не считать такие сферы, как добыча природных ресурсов или сфера услуг и торговля. Но подобные сектора экономики и не требуют особых передовых технологий. В Россию, что логично, не приходили предприятия машиностроения, IT-отрасли, вычислительной техники. Если и создавались в России западными инвесторами производства, то это были точечные локации, в основном в автомобилестроении, и появились они по причине близости к рынкам сбыта и по формату «отверточной сборки», да и то во многом благодаря жесткой настойчивости правительства.

Справедливости ради надо сказать, что есть еще одна сфера, куда иностранный капитал активно приходил и присутствовал в большом количестве. Это финансовый сектор. Нерезиденты постоянно спекулировали на нашем валютном и фондовом рынке — «раскачивали» рубль, владели 80 % акций наших компаний, находящихся в свободном обращении… Но это тоже не про высокие технологии.

Удивительно, что США запретили иностранным гражданам и организациям предоставлять российским фирмам услуги в области аудита, консалтинга и маркетинга, то есть собственноручно ликвидировали свою же мягкую финансовую силу, которая работала в России, в том числе в целях разведки. Хотя именно западные стандарты были той мерой ограничения для российских компаний, которую западные консультанты использовали в качестве конкурентного оружия в чужую пользу[1]. Так неожиданно мы оказались свободны от удушающей необходимости выделывать под чужие дудки замысловатые и крайне вредные для нас коленца.

Зерно, нефть, газ, оружие — вот что образовывало и образует наш бюджет. Между тем в первом квартале 2022 года углеводородные доходы выросли более чем на 80 % в годовом исчислении. И пока Европа не отключится от наших месторождений, мы можем сидеть и смотреть, как под беспрецедентными санкциями растет российская экономика. А вследствие неурожаев, прогнозируемых из-за жары (и не только) практически по всему миру, ожидается высочайший спрос на продовольствие… Можем сидеть и смотреть…

А можем прекратить или ограничить экспорт на Запад продовольствия и энергоносителей, что логично в условиях экономической войны, а самое главное — целесообразно с точки зрения интересов внутреннего развития. Оставленные в нашей стране энергоресурсы станут базой существенного снижения цен на энергоносители на нашем внутреннем рынке. Дешевые бензин, солярку и газ очень долго ждут многие граждане, предприятия, сельские производители, это тоже для большинства россиян проявление справедливости. Кроме того, с дешевым сырьем можно развивать высокотехнологичные отрасли переработки нефти и газа, да и в целом запускать новую индустриализацию, без которой не бывает экономики постиндустриальной. Такая экономическая политика может стать основой роста реальных доходов людей и создания новых рабочих мест.

В современных условиях государство обязано отбросить либеральные мантры и активно вмешиваться, взяв под контроль стратегические отрасли, прежде всего металлургическую. Несмотря на стратегическую значимость металлургии, данный сектор в России является полностью негосударственным. Причем конечными бенефициарами являются офшоры, преимущественно расположенные на Кипре. В результате металлурги ежегодно выводят (по крайней мере, выводили до недавнего времени) сотни миллиардов рублей из нашей экономики. При этом инвестиции в основной капитал традиционно были существенно ниже, чем общий объем выплачиваемых дивидендов. Конечно, не все дивиденды вымывались из страны. Но доля российских акционеров в уставном капитале металлургических компаний была минимальная и не шла ни в какое сравнение с офшорными бенефициарами.

[1] Телеграм за неделю: почему в России идут в армию, какие сюрпризы таит для США ленд-лиз и почему Украину не примут в ЕС // Federalcity : [сайт]. URL: https://federalcity.ru/index.php?newsid=13398.

Учитывая, что российская экономика десятилетиями развивалась в парадигме прозападного офшорного капитализма, работа металлургов даже признавалась эффективной. Например, металлурги действительно занимались модернизацией производств, внедрением высоких технологий и т. д. Так, компания «Северсталь» вышла чуть ли не на первое место в мире по эффективности производства. Тем не менее конечным бенефициаром этих изменений также выступили офшорные олигархи, а не экономика России.

В прежней парадигме отрасль существовать больше не должна. Государству критически важны стабильные и низкие цены на продукцию на внутреннем рынке, соблюдение хотя бы паритета между объемом инвестиций и объемом дивидендов, а не превышение последних над первыми в несколько раз. Поэтому цены на металлургическую продукцию на внутреннем рынке были ограничены (12 % сверх себестоимости, формирование которой идет под контролем Федеральной антимонопольной службы), а выплата дивидендов в пользу офшоров также была перекрыта общими для всей экономики законодательными актами.

Тем не менее, как признавали многие эксперты, данные действия являлись скорее ситуативными, в то время как необходимо выстраивать долгосрочный план развития металлургической отрасли, который будет включать полное соблюдение государственных интересов. И практически только что Президент России Владимир Путин поручил правительству утвердить стратегию развития металлургической промышленности страны на период до 2030 года и определить до 1 июня 2022 года целевые показатели, характеризующие объемы потребления металла на внутреннем рынке по основным направлениям потребления; направления экспорта российской металлопродукции с учетом введенных в отношении Российской Федерации мер ограничительного характера и необходимости опережающего развития транспортной инфраструктуры, используемой для экспорта такой продукции[1]. Глава государства также поручил определить показатели, используемые при осуществлении мониторинга уровня переработки металла в стране и развития производства металлопродукции высоких переделов.

Кроме того, правительству в стратегии развития металлургической промышленности надлежит предусмотреть перечень мер, направленных на увеличение потребления отечественной металлопродукции на внутреннем рынке (в том числе путем реализации металлоемких проектов) и снижение цен на такую продукцию, мер, направленных на повышение уровня переработки металла в Российской Федерации и развитие производства металлопродукции высоких переделов, а также на бесперебойное обеспечение отечественных металлургических предприятий критически важным сырьем, оборудованием, комплектующими и материалами, в том числе посредством организации их производства в России[2].

[1] Путин поручил принять меры для снижения цен на металлопродукцию на внутреннем рынке // ТАСС : [сайт]. 2022. 20 мая. URL: https://tass.ru/ekonomika/1468566.

[2] Там же.

В рамках подготовки стратегии развития металлургической промышленности планируется рассмотреть вопросы оптимизации налоговой нагрузки на отечественные металлургические предприятия и организации угольной промышленности. Внимание потребуется уделить и изменению тарифов на железнодорожные перевозки и электроэнергию, учитывая необходимость обеспечения баланса интересов отечественных инфраструктурных компаний и металлургических предприятий[3].

Более того, стратегия будет предусматривать обязательное снижение цен на металлургическую продукцию одновременно с ростом потребления за счет металлоемких проектов. То есть в ближайшие годы можем ожидать реализации крупных инфраструктурных проектов, а также развития производственных машиностроительных мощностей.

Отдельно необходимо отметить нацеленность на глубокую переработку металлургической продукции и развитие предприятий по ее конечному производству. До сих пор действовала схема, при которой Россия экспортирует продукцию первичной переработки (стальные листы), а взамен закупает, к примеру, части корпуса для судостроительной отрасли. Даже для судоверфи «Звезда» части корпуса до сих пор приходили из Южной Кореи, потому что подобных производств в России пока нет.

Помимо этого, стратегия нацелена на создание промышленных цепочек замкнутого цикла. Результатом будет не только производство достаточного объема продукции, пусть и по низким ценам, но и обеспечение металлургических предприятий отечественным сырьем, а также собственным оборудованием и комплектующими. То есть речь идет и о развитии машино- и станкостроения.

Стратегия предусматривает переориентацию экспорта на иные рынки. Если до настоящего момента наша металлургическая продукция поставлялась преимущественно в Евросоюз, то теперь необходимо разрабатывать иные направления. В целом это уже происходит. Так, за четыре месяца 2022 года поставки стального полуфабриката в Китай выросли в пять раз по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив в физическом выражении 400 тыс. тонн. При этом за весь 2021 год в Китай было направлено только 83,98 тыс. тонн стального полуфабриката. Кратный рост поставок пришелся именно на апрель, поскольку в январе-феврале поставки осуществлялись по старым маршрутам, а в марте компании перестраивали экспортные цепочки. То есть если отталкиваться от апрельских цифр, то предварительно можно сделать вывод, что Китай способен полностью переварить европейские объемы российского экспорта. Правда, экспорт продукции шел со значительным дисконтом: 650–700 долларов против 825–840, по которым основные поставщики продавали сляб в Юго-Восточную Азию — Индонезию и Малайзию. Тем не менее даже цена с дисконтом наши предприятия полностью устраивает. Например, в 2019 году сляб шел на экспорт по цене 350–400 долларов за тонну.

[3] Путин поручил принять меры для снижения цен на металлопродукцию на внутреннем рынке.

Таким образом, стратегия включает полный комплекс вопросов, связанных не только непосредственно с производством металла, но и со многими сопутствующими секторами, начиная с развития машиностроения и заканчивая логистикой. В тех отраслях, где мы можем построить экономику замкнутого цикла, мы должны это делать. Для этого у нас есть все — и соответствующие компетенции, и необходимый объем финансовых ресурсов, и достаточно емкий внутренний рынок (не говоря уже об экспорте).

В рамках, очерченных государством, есть место и свободе бизнеса: государство должно определять стратегию развития страны, в соответствии с которой будет оказываться поддержка наиболее перспективным и ключевым отраслям, в том числе частным предприятиям.

Мощный геополитический рычаг появляется у России и в связи с тем, что продукция сельского хозяйства становится все более дефицитной в мире, а российский агропромышленный комплекс развивается интенсивно. Однозначно следует ввести эмбарго на поставку продовольствия в недружественные страны.

Нужно отметить также, что ни одну из политик «мягкой силы» (так называемых soft-политик) нельзя проводить без главного инструмента, который называется государственной идеологией. Нельзя в государстве системно заниматься образованием, культурой, гуманитарными науками, правом, если нет общих представлений о системе ценностей, когда нет ясности, что такое хорошо и что такое плохо. Запрет на государственную идеологию вмонтирован в российскую Конституцию. Однако не было бы счастья, да несчастье помогло, как гласит русская пословица: в сложившихся обстоятельствах мы можем пренебречь и этим абсолютно не нужным нам ограничением.

Пришло время консолидации, всеобщей активной и слаженной работы, чтобы наша страна заняла достойное место в будущем мире, который обещает быть совсем другим. И Россия должна войти в него совершенно новым государством, отстояв национальные интересы. Ресурсы для этого есть.

О. Е. Лебедев[1]

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ: КОГО ВОСПИТЫВАЕТ ШКОЛА?

Проблемы развития образования в меняющемся обществе обусловлены тем, что выпускникам образовательных учреждений предстоит жить в обществе, которого пока нет. С поисками решения данной проблемы связаны попытки определения ключевых компетентностей, soft skills, других универсальных способов деятельности, которые могут быть востребованы на разных исторических и технологических этапах. Сложнее определить ценностные ориентиры обучающихся, которые отражают изменения, происходящие в обществе. Особенно трудно определить ценностные ориентиры для системы воспитания в общеобразовательной школе, за время обучения в которой мир может существенно измениться.

Обсуждение перспектив, проблем и возможных последствий перехода от однополярности к реальной многополярности имеет существенное значение для выявления ситуации ценностного выбора, в рамках которой школе предстоит определить свои стратегические цели. Выбор целей предполагает ответы на взаимосвязанные вопросы: кого должна воспитывать школа в условиях трансформации мирового порядка? Кого может воспитывать школа, обладающая определенной автономностью в социальной макросистеме? Кого скорее всего будет воспитывать современная российская школа?

Ответ на первый вопрос зависит от представлений о многополярном мире, которые, судя по имеющимся высказываниям в средствах массой информации, могут принципиально различаться. Высказывается предположение относительно трех блоков государств: первый возглавляют США, второй — Китай, а третий блок составляют государства, не присоединившиеся к первым двум. Лидером этого блока может стать Россия. Данная схема напоминает советское представление о мире, в котором существовали капиталистическая система, социалистическая система и движение неприсоединившихся стран. Концепция трех блоков отводит России роль Югославии.

Высказываются и другие предположения относительно центров, определяющих новый мировой порядок. Влияние таких центров может объясняться либо фактором «равных угроз», с которыми неизбежно придется считаться, либо фактором возможностей в решении глобальных проблем.

Россия в таком многополярном мире может восприниматься либо как могущественная военная держава, способная при необходимости «повторить», либо как страна, обладающая исключительными ресурсами — не только природными, но и технологическими и интеллектуальными.

Представления о характере многополярного мира имеют принципиальное значение для ответа на вопрос: какие качества должна воспитывать школа? В одном случае акцент делается на том, что молодым людям придется жить в обществе, которое делится на «дру-

[1] Член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч.: «Цифровой дебют образовательных отношений», «Управление образовательными системами: исследовательский проект», «Дидактика как теория трансформационных процессов в образовательной системе», «Цели воспитания как системоформирующий фактор», «Конец системы обязательного образования?» и др. Член редакционного совета журнала «Вопросы образования».

зей» и «врагов», в котором есть недружественные государства и сложно использовать преимущества международного разделения труда. В другом случае отдается предпочтение подготовке к жизни в обществе, основанном на идее сотрудничества, признании общих ценностей, возможности взаимообогащения культур.

Взгляды на перспективные изменения мирового порядка лишь в той или иной мере отражают реальные процессы, происходящие в обществе. Тем не менее они могут задавать ценностные ориентиры для развития системы образования. Обсуждая возможные направления в развитии российского образования в среднесрочный период, важно выделить внесистемные процессы, которые приобрели необратимый характер. Речь идет о тех явлениях, которые находятся вне системы образования, но при этом сильно влияют на нее (в данном случае имеется в виду система воспитания в общеобразовательной школе).

Можно выделить по крайней мере четыре таких явления.

Первое — рост тревожности людей в ситуации неопределенности, неуверенности в своем будущем и в возможности государства гарантировать реализацию долгосрочных программ, имеющих очевидную значимость для различных социальных групп. Следствие — ориентация, в том числе молодежи, на краткосрочные планы, быстрые результаты, инструментальные ценности. Так, в Советском Союзе после отказа от идеи построения коммунизма стали доминировать индивидуальные программы построения «коммунизма для себя».

Второе — все более настойчивые попытки объяснить имеющиеся в стране экономические и иные трудности враждебным окружением, государственной политикой в предыдущем историческом периоде, происками «пятой колонны». Следствие — рост взаимной подозрительности, неуверенность в своих возможностях изменить ситуацию, ориентация на позицию «безбилетника», уклоняющегося от проявления общественной активности. К этому надо добавить, что в стремлении решить актуальные проблемы государство апеллирует не к личным потребностям граждан, а к их гражданскому долгу, например призывает повысить рождаемость для решения демографической проблемы.

Третье — неизбежный дефицит специалистов разного уровня квалификации, причем занимающихся не только умственным, но и физическим трудом, когда происходит ограничение внешних контактов (даже при условии перехода от конфронтации к мирному сосуществованию и возобновлению сотрудничества). Следствие — противоречие между стремлением сделать «вертикальную» карьеру и необходимостью ориентации на непрерывное профессиональное развитие в рамках «горизонтальной» карьеры.

Четвертое — невозможность железного занавеса даже при значительном сокращении внешних контактов. Любой «занавес» окажется прозрачным, вследствие чего ситуация в обществе будет оцениваться не по заданным критериям, а в соответствии с личными ценностями.

Все это неизбежно повлияет на анализ потенциала системы образования, на понимание того, какие ее возможности окажутся востребованы на социальном и личном уровнях. Даже при ограниченных внешних контактах избежать международных сравнений уже невозможно. Такие сравнения имели место и в Советском Союзе, когда отмечались особенности советской системы образования, которые рассматривались как ее преимущества.

При оценке роли России в многополярном мире необходимо иметь в виду и достижения в отечественной системе образования, и возможности ее влияния на трансформационные процессы в обществе. К несомненным достижениям можно отнести решение проблемы доступности общего образования, создание масштабной системы дошкольных учреждений, дополнительного образования детей, образования взрослых, постдипломного образования, качественного начального образования, успехи в области физико-математического образования. В Советском Союзе был накоплен опыт оказания помощи развивающимся странам в развитии образования. При определении роли России в многополярном мире вполне имеет смысл рассмотреть наши возможности в решении глобальных проблем образования, в развитии процессов модернизации в данной сфере.

Оценка влияния системы образования на трансформации, происходящие в российском обществе, предполагает ответ на вопрос о мере автономности образовательной системы. Система образования способна влиять на формирование у обучающихся общих ценностей, уровень их социальной и познавательной активности, развитие личных качеств, готовность к личностному, в том числе профессиональному, самоопределению.

При этом конкретные цели образования могут быть различными. Содержание целей определяется ценностями, на которые ориентируется система. Социальные ценности и ценности школы не всегда и не во всем совпадают. Школа может признавать ценность самостоятельности личности, способности принимать ответственные и обоснованные решения в ситуации выбора, но в повседневной практике школа может жестко регламентировать поведение учащихся.

Автономность системы образования объясняется противоречивостью социального заказа на образовательные результаты и средства его выполнения. Применительно к школе это противоречие между требованием обеспечения всеобщей доступности и одновременно качества образования. На практике это противоречие проявляется в феномене успеваемости. Понятно, что в условиях обязательного среднего образования выдвигается требование к успеваемости, без выполнения которого нельзя решить проблему социального равенства учащихся. Но задача обеспечения всеобщей успеваемости может ставиться по-разному.

В советской школе задача заключалась в том, чтобы разные учащиеся, находящиеся в различных условиях и отличающиеся уровнем подготовленности к обучению, за одно и то же время достигали одинаковых образовательных результатов — не только за весь пери-

од обучения в школе, но и за период изучения отдельной темы. Следствием стало использование различных методов принудительного обучения, препятствующих развитию познавательной самостоятельности учащихся. Другое следствие — фальсификация показателей и снижение ответственности самих учащихся за качество и результаты учебы. Открытая фальсификация «процента успеваемости» снижала нравственный авторитет школы, препятствовала реализации ее воспитательного потенциала.

Требование показателей успешной успеваемости диктовалось идеологическими соображениями: надо было демонстрировать преимущества социализма. Кроме того, школа выполняла роль «социального приюта», обеспечивающего участие всех взрослых в жизни общества.

И в советской, и в постсоветской школе делаются попытки решить проблему качества образования за счет новых образовательных технологий и возможной индивидуализации, но при сохранении ориентации на единообразие программ и результатов потенциал системы общего образования реализуется лишь частично.

Автономность системы образования обусловлена не только известным рассогласованием социальных и педагогических целей, но и тем, что эта система является слабоуправляемой. Еще сто лет тому назад Анри Файоль отметил важность такого механизма управления, как скалярная цепь. С усложнением системы образования, изменением состава участников образовательного процесса (в том числе с повышением уровня образования педагогов и родителей) скалярная цепь становится все менее надежной. Цели образования, формулируемые в нормативных документах, и цели (реальные, а не в планах), которые ставятся учителями, могут весьма заметно различаться. Цели учащихся далеко не всегда зеркальны относительно целей учителей. Целенаправленность образовательного процесса зависит от соотношения его регламентации и возможностей для самоопределения участников. Такие возможности могут стать важным фактором, если совместная деятельность участников образовательного процесса воспринимается ими как ценность.

Возможная рассогласованность декларируемых педагогических целей и реальных результатов связана еще с одной особенностью образовательного процесса — взаимосвязью между обучением и воспитанием. Специфика целей обучения и воспитания хорошо известна: если первые можно определить как «станции назначения», то вторые чаще всего показывают «направление движения». Проблема относится к характеру связей между этими целями.

В образовательной практике обучение и воспитание чаще всего рассматриваются как параллельные процессы, что находит отражение в понятиях «воспитательная работа», «воспитательное мероприятие», «воспитательный момент», «план воспитательной работы». Реализация целей воспитания в этом случае выступает как дополнение к результатам обучения. Между тем образовательный процесс может рассматриваться как формирование опыта решения значимых для детей проблем, что предполагает освоение обязательных норм, развитие определенных личных качеств, выбор ценностных ориентиров. В этом случае ведущее значение имеют цели воспитания. Характер взаимосвязи обучения и воспитания является фактором, определяющим степень соответствия образовательных результатов (предметных, метапредметных, личностных) педагогическим целям.

Система образования отличается многообразием возможностей, которые могут иметь разное значение для реализации социальных целей. В различных социальных и образовательных ситуациях могут быть востребованы те или иные ее возможности. При этом запросы социальной макросистемы и запросы самой системы образования могут совпадать или не совпадать. Реализация запросов к системе образования предполагает использование определенных ресурсов, которыми сама система может и не обладать. К числу ее «собственных» ресурсов относится опыт решения образовательных проблем — прошлый и актуальный, традиционный и инновационный, национальный и интернациональный.

Полярность возможностей системы образования означает, что она в состоянии воспитывать людей с разными ценностными ориентациями и личными качествами. Кого на самом деле воспитывает система образования, определяется тем, на какой опыт решения образовательных проблем она ориентирована.

В сегодняшней ситуации на первый план стала выходить проблема оценки и реализации воспитательного потенциала школы. В связи с этим рассматривается и проблема отношения к системе воспитания в советской школе. Распространено мнение, что эта система была хорошо продуманной, эффективной, способной вести юное поколение к намеченной социальной цели. Но если считать данную систему своего рода «Титаником», готовым преодолевать социальные штормы, то с каким айсбергом-убийцей столкнулось это мощное судно? Факт крушения подтверждается тем, что в ситуации кризиса воспитанные школой строители коммунизма предпочли уйти на другие «стройки». При этом следует признать, что в советской школе действительно много внимания уделялось вопросам воспитания и что на самом деле можно перечислить достижения в теории и практике воспитания. Сильной стороной школьной воспитательной системы была ориентация на общие социальные ценности; слабой — то, что эти ценности сводились к конкретной идеологии и определенному политическому режиму. Следствием такой ценностной ориентации были непримиримость к инакомыслию, отрицание плюрализма мнений, негативное отношение к проявлениям индивидуальности, противопоставление социальных и личных целей.

Советская школа отрицала ценности дореволюционного общества. На «крутых поворотах» советской истории происходило отрицание ценностных установок предшествующего исторического периода. В 1990-е годы объектом отрицания стал советский опыт, в первые десятилетия XXI века — опыт 1990-х годов. Одновременно делались попытки вернуться к опыту «позапрошлого» этапа: в 1990-е годы — к гимназическому образованию, сейчас — к опыту совет-

ской школы. Воспитание, основанное на отрицании ценностей прошлого и замене их новыми установками, в итоге приводит к прагматизации личных позиций.

Использование ресурсов прошлого опыта для определения перспективных направлений развития системы образования может дать хороший эффект, если выявить необратимые процессы, происходящие в этой системе. Если она будет настроена исключительно на актуальные запросы, продиктованные конъюнктурой, то скорее всего школа будет воспитывать конформистов, готовых, как говорилось в советское время, «колебаться вместе с линией партии». Если же система будет ориентироваться на «вечные» ценности, то школа сможет воспитывать людей, готовых развивать и совершенствовать не только себя, но и общество.

Применительно к системе воспитания учащихся в общеобразовательной школе имеются в виду: нравственные ценности; возможность личностного самоопределения, предполагающего ответственность за последствия сделанного выбора; ценность образовательного процесса как опыта сотрудничества индивидуальностей.

В одной из публикаций последнего времени, где речь шла о специальной военной операции и ее последствиях, высказана мысль, что оценить происходящие события смогут только будущие поколения. Эти поколения воспитываются в школе. Результатом их воспитания станут критерии, исходя из которых будет оцениваться прошлое, настоящее и будущее России, ее роль в процессе перехода к новому мировому порядку.

А. Г. Лисицын-Светланов[1]

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НОВЫЙ ЭТАП ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Первая четверть нового тысячелетия по праву может претендовать на статус пролога к новому этапу развития истории человечества. Предшествующий XX век ознаменовался крушением традиционных многовековых империй, возникновением и разрушением биполярного мира, политическим и экономическим возрождением древних цивилизаций[2].

Во всех произошедших в XX веке переменах России выпало сыграть одну из главных ролей в статусе супердержавы. Это относится как к сфере политики, так и к сфере права, вне зависимости от того, идет ли речь о международном праве Организации Объединенных Наций, или о формировании советской национальной правовой системы, оказавшей существенное влияние на другие страны восточного блока.

Начавшаяся смена эпох ставит вопрос о месте и роли России в формировании мирового правопорядка XXI века и определении механизмов возможного взаимодействия российского права с другими национальными правовыми системами. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что любые планы позиционирования государства в глобальном мире (кроме военных, да и то в определенной степени) должны быть реализованы в определенных правовых рамках.

Сформировавшаяся к концу прошлого тысячелетия глобальная система международных отношений строилась на основе достаточно стройной иерархии источников международного права. Среди этих источников центральное место занимали международные договоры (универсальные, региональные и двусторонние). Сложившаяся система международных организаций — универсальных и региональных, а также применение правовых механизмов национального права, регулирующих международные частные отношения — от семейных и наследственных отношений до коммерческих инвестиционных проектов, обеспечивали стабильность международного правопорядка. Распад СССР и восточного блока, тяжелый процесс формирования правовой системы Российской Федерации как самостоятельного государства — правопродолжателя СССР [4, с. 30–51], неустойчивость СНГ как структуры переходного периода — все это привело к необходимости существенной коррекции внутренней правовой политики России и ее четкого позиционирования во всем спектре меняющихся международных отношений. При этом следует отметить, что между внутренней и внешней правовой политикой в современном мире нет «Китайской стены». Эти две сферы предполагают определенное взаимодействие.

Для построения правовой политики в глобальном мире как минимум требуется, чтобы ее принципы были

[1] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Национальное право в условиях глобализации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Культура как фактор, влияющий на развитие международного права», «Правовая культура и правовой нигилизм: характерные черты, оценки, проблемы», «Национальный и международный правопорядок в контексте геополитической ситуации», «Белые пятна в современном международном праве», «Роль международного частного права в процессе взаимодействия национальных систем права», «Правовые иммунитеты от „цветных революций“», «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)» и др. Член редсоветов журналов «Государство и право» и «Труды Института государства и права РАН». Член бюро Отделения общественных наук РАН. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

[2] Наиболее ярко это видно на примере КНР. ВВП Китая в 1980 году составлял 305,3 млрд долларов США, а в 2021-м — 17,46 трлн. Кроме того, за сравнительно короткий исторический срок Китай стал одной из ведущих космических и ядерных держав.

восприняты мировым сообществом. В качестве такого необходимого шага можно рассматривать речи президента России в бундестаге в 2001 году и в Мюнхене в 2007-м, в которых была подчеркнута пагубность и бесперспективность строительства однополярного мира. Возможно потому, что к указанным датам на Западе не сложилась вера в способность России преодолеть серьезные проблемы, сохранявшиеся внутри страны, и занять должное место на новой политической карте мира, Запад, по сути, продолжил путь построения однополярного мира без оглядки на сказанное.

Справедливости ради стоит отметить, что намеченные Западом цели отчасти удалось реализовать: кризис в Грузии и переворот на Украине продемонстрировали несостоятельность идеи союза независимых государств на территории бывшего СССР. Однако многообразие путей развития государств в меняющемся мире обозначило ограниченные возможности доминирования западного однополярного мира.

Два разразившихся в последние годы кризиса — эпидемиологический и украинский — вне зависимости от того, будем ли мы их считать объективными (первый как продукт биологических эволюций, а второй — как один из вариантов исторического развития) или рукотворными, с удвоенной силой ставят перед мировым сообществом вопрос о системе посткризисного устройства мира.

Украинский кризис — это отнюдь не последняя страница пролога к будущей истории, в которой США и Россия будут далеко не единственными/безальтернативными главными персонажами. К тому же он далек от завершения, особенно с точки зрения правового оформления. Впереди мировое сообщество ожидает куда более серьезная проблема, связанная с решением противоречий между двумя мировыми экономиками — США и Китаем. Такой прогноз обусловлен тем, что, несмотря на последовательную политику КНР, направленную на мирное решение существующих противоречий, в том числе экономических, США способствуют сохранению военно-политической напряженности, связанной, в частности, с принципиальным для Китая вопросом — Тайванем. В данном случае перспективы событий, а также правовое оформление возможного кризиса тем более туманны.

Вместе с тем история учит, что все противостояния государств находят определенное урегулирование. Даже войны между ведущими державами в конечном счете дают миру на определенный период тот или иной правопорядок.

Обращаясь к истории, следует отметить, что складывающаяся картина не представляется сюрреалистической. Достаточно вспомнить опыт построения системы международных отношений по итогам Второй мировой войны. Тогда после крушения порядка, сформированного по окончании Первой мировой войны, в Ялте были заложены основы новой модели. Сейчас она если и не разрушена, то трещит по швам. Кто будет формировать следующий правопорядок? Что в нем будет новым, а что останется традиционным? И наконец, как сохранить в нем для России место, аналогичное нынешнему статусу постоянного члена ООН?

Общество меняется, и перед любой сверхдержавой может встать вопрос о ее статусе в будущей мировой истории. Еще в ходе Тегеранской конференции 1943 года премьер-министр Британской империи — самого крупного в то время государства на планете, в ходе обсуждения вопроса об открытии второго фронта, по его собственным словам, чувствовал себя так: «С одной стороны от меня, скрестив лапы, сидел огромный русский медведь, а с другой — огромный американский бизон. А между ними сидел бедный маленький английский осел…» [1]. Сегодня можно поразному относиться к этому высказыванию У. Черчилля, особенно в части, касающейся ви́дения им дальнейших отношений сверхдержав и места (причем особого) Великобритании в мировой политике. Важно другое. Яркий политик своего времени, несмотря на предшествовавшую Второй мировой войне определенную международную изоляцию Советского Союза и колоссальные потери, которые это государство понесло в первые годы боев, правильно оценил дальнейшую роль и возможности СССР, еще боровшегося за победу.

В дальнейшем новый правопорядок, основанный на Уставе ООН, формировался государствами, разделяющими разные, часто принципиально отличающиеся друг от друга ценности. Тем не менее это были государства-союзники, что явилось фактором успеха в создании новой системы международных отношений, основанной на международном договоре как основном источнике международного права.

Важно отметить, что если в международных отношениях отдельные государства в одностороннем порядке совершают действия, демонстрирующие дружественную или, напротив, недружественную политику, то эти действия чаще всего носят конъюнктурный характер. Они не обязывают данное государство в дальнейшем двигаться тем же курсом. Международный договор, напротив, как никакой другой источник международного права, наглядно иллюстрирует весь процесс согласования воль государств, а также отражает цели и возможности их внешней политики. В дальнейшем стороны договора обязаны следовать его духу и букве [3]. В современных условиях важно определить составные части/элементы механизма выработки международных договоров и роль каждого из них в формировании грядущего правопорядка. Кроме того, необходимо понять, какие государства должны участвовать в этом процессе, чтобы согласованный правопорядок был не менее устойчив, чем созданный по итогам Второй мировой войны. Думается, что формирование нового правопорядка будет зависеть не только от воли союзников и классической дипломатии, как это было раньше. Решающим станет соотношение экономической и военной силы основных игроков на международной арене, а также надежность политических и правовых союзов между государствами на двух новых мировых полюсах.

Нынешний кризис вполне определенно демонстрирует, что мировая политика зависит не столько от воли суверенных государств, сколько от супердержав. Как отметил В. В. Путин на пленарном заседании Петер-

бургского международного экономического форума в 2017 году, «в мире не так много стран, которые обладают суверенитетом….» [2]. По сути, реальным суверенитетом обладают именно сверхдержавы.

Мир не воспринимает навязываемое ему однополярное устройство. Однако представляется, что мы не вступим и в эпоху парада суверенных государств, хотя ныне действующее международное право провозглашает суверенное равенство стран в качестве одного из своих основных принципов. Более реалистичным представляется новая модель биполярного мира, формируемого сверхдержавами.

Сейчас, в условиях военного противостояния, один полюс сложился. У политологов он получил название «коллективный Запад». Внутри него есть определенные противоречия, однако пока он действует весьма согласованно. Спровоцированный им кризис может быть квалифицирован как новая форма гибридной войны против России, причем созданный антироссийский фронт юридически вполне структурирован. Его военно-политическая основа — это НАТО, действующее на основе международного договора и на протяжении многих лет выступающее в качестве международной организации — субъекта международного права. Экономическую основу составляет сложившееся объединение США и Евросоюза. Оно, в отличие от НАТО, не имеет полноценного договорного оформления, однако принимаемые США санкционные решения и иные экономические меры в отношении третьих стран дублируются Евросоюзом. Правовую практику последних лет отличает то, что Евросоюз воспринял агрессивный американский правовой принцип экстерриториальности действия национального права, что ранее не находило поддержки в Европе.

Каким же может быть второй полюс и какое место в нем может занять Россия? Для ответа на этот вопрос следует сначала оценить, насколько необходим России второй мировой полюс, принимая во внимание тот факт, что она независима в военном отношении и обладает самодостаточной ресурсной базой. Указанная самодостаточность может быть приемлема для страны и общества, основывающегося на поклонении идее, например идее построения идеального государства. Однако, как показывает исторический опыт, это длится недолго. Для развития России необходим большой диверсифицированный рынок. На территории страны с ее нынешним населением, демографическими проблемами и присущими ей международными притязаниями создать современный рынок в национальных границах нельзя. Развитие страны возможно только с условием ее действенной интеграции в мировую экономику при наличии согласованной с заинтересованными государствами международной повестки.

Поскольку экономический потенциал России велик, но пока недостаточен для мирового лидерства, ей требуются союзники для утверждения на мировых рынках и особенно для развития своего высокотехнологичного сектора. С этой целью продолжается сотрудничество с такими экономическими гигантами, как Китай и Индия, и формируются новые организационные структуры, среди которых стоит выделить страны БРИКС.

В сегодняшних политических реалиях Китай и Индия противопоставляют себя коллективному Западу, не соглашаясь примкнуть к тотальным санкциям против России, но само по себе это не свидетельствует о сложившемся альянсе, который борется с западным доминированием. Что касается непростых отношений между странами, входящими в БРИКС, то всем им, включая Россию, предстоит пройти трудный путь, чтобы достичь взаимопонимания и доверия, выработать самостоятельную систему международного сотрудничества и тем более создать для нее устойчивое правовое обеспечение. Это, скорее всего, можно осуществить с помощью «горизонтальной модели» экономической интеграции, то есть на основе скоординированных позиций участников процесса, без очевидного доминирования одной из стран.

Таким образом, перед Россией в новом глобальном мире стоят следующие правовые задачи, от решения которых будет зависеть ее место в ряду супердержав:

— заключение поствоенных договоров, гарантирующих ее безопасность от НАТО;

— обеспечение интересов и прав государств, независимость которых Россия признала к 24 февраля 2022 года;

— обеспечение интересов и прав иных территорий, реализовавших право на самоопределение.

Принимая во внимание факт сохранения экономических отношений со странами «коллективного Запада» даже в условиях санкционной войны, России тем не менее следует пересмотреть договорную систему в сфере экономических отношений как с отдельными странами, так и с Евросоюзом в целом.

В качестве первого шага кардинального изменения экономического миропорядка можно рассматривать отход от системы долларовых расчетов. В настоящее время наметились изменения в международной финансовой системе, что для России связано в первую очередь с ролью доллара как основной резервной валюты и началом взаимных расчетов в национальных валютах.

Основная задача России состоит в том, чтобы сохранить свои позиции как одного из инициаторов формирования концепции нового правопорядка и активно участвовать в его создании и функционировании.

Литература

1. Английский осел Черчилль. — Текст : электронный // Интересные факты : [сайт]. — URL: https://interesnyefakty.org/angliyskiy-osel-cherchill/ (дата обращения: 19.05.2022).

2. Путин: в мире мало стран, обладающих суверенитетом, и Россия своим дорожит. — Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. — 2021, 2 июня. — URL: https://ria.ru/20170602/1495693004.html (дата обращения: 19.05.2022).

3. *Тункин, Г. И.* Теория международного права / Г. И. Тункин. — Москва : Междунар. отношения, 1970. — 511 с. — Текст : непосредственный.

4. *Шебанова, Н. А.* Собственность Российской Федерации за рубежом: правовое регулирование и защита : [монография] / Н. А. Шебанова. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 356 с. — Текст : непосредственный.

Д. А. Лиханов[1]

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Третья мировая война, которая разворачивается сейчас в границах юго-восточной Украины, но, без всякого сомнения, втянет, да и втягивает уже в свою орбиту иные страны, ставит перед русским обществом вопросы экзистенциального свойства, да такие, какими оно не задавалось последние лет сто.

И если разочарование в коллективном Западе на дипломатическом и политическом уровне произошло еще до начала военной спецоперации, то культурная и, я бы даже сказал, бытовая зависимость от него — на годы.

Нельзя утверждать, что советский человек западной культуры не знал. Знал, конечно! В консерваториях выступали выдающиеся зарубежные исполнители. Музеи выставляли лучшие произведения мировой живописи. В кинотеатрах показывали фильмы Кубрика и Феллини, над которыми советский народ рыдал от Камчатки до Таллина. Да и книги Маркеса и Воннегута не залеживались на полках. Именно из этих книг и фильмов граждане СССР, в большинстве своем невыездные, формировали свое впечатление о западном мире.

Ненавидимые советской интеллигенцией главлит, отдел агитации и пропаганды вкупе с отделом культуры ЦК и многочисленными ведомственными комиссиями были тем самым идеологическим ситом, которое, теперь-то это ясно со всей очевидностью, отделяло не только антирусскую и антисоветскую пропаганду, но и очевидное дурновкусие, пошлость, халтуру.

Вслед за уничтожением СССР и торжеством так называемой политики открытости страна наша превратилась в самую настоящую идеологическую помойку, на которой устроили неприкрытую вакханалию не только обиженные или, по их мнению, даже преследуемые режимом деятели культуры, но и культурологический ширпотреб западного покроя. А уж с торжеством дикого русского капитализма, когда весь этот мусор обрел еще и возможность бесконтрольной монетизации, дело было поставлено на широкую ногу. Русскому человеку настойчиво объяснялось, что со всеми его традиционными ценностями вроде классического балета, реалистической живописи, «совковой» литературы, музыки и кино он на самом-то деле остался в каменном веке, в то время как цивилизованный Запад ушел далеко вперед в своем стремлении по низвержению всяческих запретов. И не только идеологических, как выяснилось в самое ближайшее время.

Вообще, если обратиться к книге незабвенного Зигмунда Фрейда *Totem und Tabu*, увидевшей свет еще в 1913 году, то из нее можно легко сделать вывод о связи табуирования морали первобытного общества с невротическими состояниями современного человека. Полагаю, что именно на этой теории психоанализа и на теориях Юнга основано то, что происходит с европейским обществом в наши дни. Да и в нашем обществе утверждается настойчиво. Возникновение запретов, а также навязчивого состояния Фрейд объясняет тем, что в раннем детстве человек испытывает сильное наслаждение от прикосновения, но ему скоро противопоставляется запрет извне. В результате само чувство наслаждения переходит в бессознательное, и таким образом у человека складывается «внутреннее противоречие»: желание по отношению к предмету и запрещение его. Это может привести к неврозу, а само отношение к предмету становится амбивалентным. Следовательно, чтобы преодолеть первобытность моральных устоев, современному человеку необходимо избавиться от табу, выйти из состояния бессознательного и амбивалентного, предаться наслаждениям.

Не это ли и происходит в современном европейском, да и отчасти азиатском сознании, когда культ наслаждения и комфорта буквально насаждается во всех сферах человеческого бытия? Да и сама наивысшая цель человеческой жизни определяется как достижение физического и душевного наслаждения. И ведь это даже не античный гедонизм, который, как известно, подразумевал не только наслаждения, но и страдания. Это гедонизм радикальный, фашиствующий, не предлагающий человеку иной морали, кроме морали кайфа. И, безусловно, отрицающий любые табу на пути ее достижения.

Разве не отсюда пошли сперва робкие, но затем все более решительные и агрессивные атаки со стороны ЛГБТ-подпольщиков, которые буквально за десять лет оккупировали не только массовую культуру, что, впрочем, при ее повальном либерализме и безнравственности, а также многочисленной агентуре в ее рядах сделать было совсем не сложно, но и политические партии, государственные органы управления, законодательные и исполнительные ветви власти большинства государств. Теперь педерастия и иные сексуальные извращения, которые еще сорок лет тому назад считались психиатрическими отклонениями, вовсе не табу, но даже некая «путевка в жизнь», радужные паруса фашиствующей флотилии. Это же касается и педофилии, которая уже считается не грехом и не преступлением, но «особенностью отношений», которая в пятом издании «Диагностического статистического руководства по психическим расстройствам» (DSM-5, 2013) рассматривается как «педофильное расстройство» (302.2 (F65.4)).

Однако сексуальные извращения, возведенные в статус добродетелей современного «просвещенного» общества, — это, безусловно, лишь малая часть той силы, что взрывает и разлагает изнутри русское общество. Пьющая столетиями держава, для которой понятия *водка* и *душа* тесно соседствовали, поскольку после горькой русскую душу было проще излить даже

[1] Писатель, председатель Российского детского фонда, Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов. Сфера профессиональных интересов — защита детей, история христианства, теология и др. Автор более 100 публикаций, в т. ч. книг: «Любовь до востребования», «Жанры жизни», «Bianca. Жизнь белой суки», «Звезда и крест» и др.; статей и очерков: «За 40 минут до Третьей мировой», «Дело Ежова», «Пасха красная», «Маша, Яша и Наташа», «Па-де-де», «Плен дракона» и др. Награжден Почетной грамотой Президента РФ.

постороннему человеку, теперь уходит в героиновые галлюцинации, в которых, к слову сказать, человеческая душа не изливается другому, а попросту «отлетает». В результате на старте нового тысячелетия Россия занимает первое место в мире по потреблению наркотиков. Способствовали этому не только наркодилеры и коррумпированные борцы, но и российская богема, те самые деятели культуры, которые десятилетиями всяк по-своему — кто в музыке, кто в литературе или кино — романтизировали понятие дури, лакировали греховность душевного тлена, расставались без сожалений с этим табу. Да и сами чаще всего либо входили в криминальные связи наркобизнеса, либо становились его добровольными жертвами.

Даже фундаменту русского общества — его языку и православной церкви — не удалось избежать надругательства. Это и вульгарные шабаши на аналоях, что в какой-то период происходили чуть ли не ежедневно, и кощунственные арт-объекты с топорами в иконах, вызывающие в людях, даже далеких от православия, содрогание и гнев.

Про язык и говорить нечего. Мало того что большая часть населения страны, включая, между прочим, даже профессиональных писателей, пишет на нем с чудовищными ошибками, напрочь игнорируя правила орфографии и пунктуации, так еще и говорить разучились. Сочинения сегодняшних российских школьников напоминают «речь» обитателей джунглей Амазонки. Прочитав книгу, контуженная ЕГЭ молодежь не в состоянии высказать даже простых мыслей о ее содержании. А как говорят?! Отборная матерщина вперемешку с недоученным английским и русскими междометиями.

Так что глядя на то, как стремительно наша страна прощается с иллюзиями, как очищается от накипи и копоти лжи и заблуждений, как учится жить без американских котлет и газировки, невольно задаешься вопросом: да какой же морок царил и продолжает торжествовать в сознании нашего народа, если он всю эту мишуру, все эти бусы стеклянные, подобно тем же диким племенам Амазонки, выменял за золото русского Эльдорадо. Добровольно. Со счастливой улыбкой на лице и жвачкой во рту. Понятно, что его, народ наш, долгие годы искушали, вводили в грех ушлые царедворцы да телевизионные витии, к которым со временем присоединились еще и орды фашиствующих сетей, не приемлющих чужих мнений и взглядов на мироустройство. Кстати сказать, слово «сеть» мне с самого начала не нравилось, поскольку означало воистину паучье дело по захвату и уничтожению всякого в них оказавшегося. А уж как интеллигенция наша в делах этих преуспела — ни в сказке сказать, ни пером описать! Да все за государственный счет норовила! Ничуть не смущаясь от того, наше это государство или нет. Песнями своими, да музыкой, да литературой, якобы прогрессивной, дурила народу нашему последние мозги да уводила в блуд, в растление духа. Вот, к примеру, рецензия некоего эксперта из Москвы Михаила Фаустова на книгу писателя Упыря Лихого «Славянские отаку», выдвинутую в короткий список премии «Нацбест» за 2019 год.

«Запутанная русско-украинская геополитика, экономические коллизии, передовые научно-технические достижения и животрепещущие события, сопровождающиеся крушением общественной морали, — все нашло отражение в этом выдающемся тексте. Не совсем понятно, впрочем, на чьей стороне автор. То ли на стороне циничной зажравшейся русни, смакующей внутрихохлятский орально-генитальный конфуз, то ли на стороне красивой, свободной, но до дрожи в коленках самозатраханной Украины, олицетворяемой в воображении автора совокупляющимися друг с дружкой братьями». Я, по правде сказать, не знаю, что это за люди, Упырь да Фаустов. Понимаю только, что это самая настоящая мразь, от которой прежде всего хочется очиститься, а уж никак не выдвигать на национальную литературную премию. Таким авторам и таким экспертам самое место в свинарнике, где их эпатажу, распущенности и вони самое место. Да и то сомневаюсь, что фермерские хавроньи такое скотство снесут.

Не исключаю, что эти люди просто записные извращенцы. Что с них, убогих, возьмешь? Но вот, к примеру, директор одной из государственных художественных галерей, искусствовед, вовсе не дура, дефилирует вместе с супругой главы одного из ближних государств по выставке современного искусства. Показывает экспонат, представляющий собой вылепленные (довольно топорно) из хлебного мякиша человеческие головы, и объясняет, что каждая из фигурок обрызгана кровью автора и в этом заключается ее значимость для мировой ни много ни мало культуры, поскольку означает авторское освобождение. Мне кажется, что эта дама, ну, нездорова. Или, наоборот, настолько здорова, что ухитряется из клиента доктора Сербского создать нового Рубенса. С выгодой для себя, безусловно. Назавтра она привезет в свою галерею ведро конского навоза и продаст его за полмиллиона долларов. Очень выгодный бизнес — торговать нечистотами во всех их проявлениях.

Вы считаете, что все это проказы никчемных с точки зрения общечеловеческой культуры прохиндеев? Ничуть не бывало. Недавнее обсуждение указа президента России о традиционных ценностях было заблокировано вполне себе уважаемыми людьми со званиями, должностями и кремлевской благосклонностью. Следовательно, это вполне сформированная фронда со своей продуманной позицией и влиянием, раз ей удалось отозвать такой документ. Либо выверенный тактический ход, позволивший эту самую фронду засветить. Именно так обнаруживают замаскированные вражеские позиции во время военных действий.

Надо понимать, что все это не что иное, как проявление буржуазной культуры, эксплуататорской идеологии, предназначенных для того, чтобы подавлять классовое сознание, растлевать души и насмехаться над христианской нравственностью. И противостоять ей не сможет имперское сознание, хотя и связанное с православием, но бесконечно далекое от трудящихся масс, по сути поощряющее их эксплуатацию, в том числе и церковной элитой. Сегодня недостаточно преобразовать буржуазную надстройку русского общества —

необходимо, по Марксу, обновить весь его базис, прежде всего тот экономический экзоскелет, что движет обществом и страной. И сказать открыто и честно всему народу, какое общество мы вот уже тридцать лет созидаем после того, как бездумно и по чужому навету свергли общество социалистическое, а заодно и то великое государство, к чьему голосу прислушивались даже смертельные наши враги. Пришло, видать, время специальной операции в умах и сердцах людей. Время великих свершений.

В. Л. Макаров[1]

ПОМОЩЬ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ДУХОВНОГО МИРА

Поскольку сегодня значительная часть человечества живет в цифровом мире, многие вопросы теперь принято решать обращением к компьютеру. Информации, содержащейся в смартфоне, обычно бывает достаточно, чтобы ответить на текущие вопросы, постоянно возникающие в повседневной жизни.

Для решения более сложных проблем создаются цифровые двойники, помогающие предвидеть результаты принимаемых решений. Что такое цифровой двойник? Это компьютерная программа или набор программ, которые имитируют действия, происходящие в материальном мире. То есть люди научились достаточно точно моделировать действия материального мира. И это стало возможно благодаря тому, что понять материальный мир можно в терминах алгоритмов. А компьютерная программа есть не что иное, как набор алгоритмов.

Однако человеческое сообщество живет не только в материальном мире. Оно также погружено в нечто нематериальное, называемое духовным миром. Точного определения духовного мира до сих пор никто не сформулировал, что неудивительно, поскольку на языке алгоритмов это сделать невозможно. Почему невозможно? Это отдельный вопрос, до сих пор обсуждаемый мыслителями самого высокого ранга.

В качестве источников такого обсуждения укажу книгу Н. Н. Моисеева «Быть или не быть человечеству?» [1], а также книги Рождера Пенроуза, переведенные на русский язык, в том числе «Тени разума» [2].

Пенроуз особенно детально доказывает, что духовный мир человека невозможно объяснить сугубо по-научному, с помощью точных определений и логических выводов, как это делается в точных науках. Например, такие понятия, как сознание и душа, не поддаются точному определению, несмотря на многочисленные попытки самых разных мыслителей. Пенроуз как выдающийся математик и физик показывает расплывчатость с точки зрения стандартной логики базовых понятий духовного мира. Как специалист по квантовой механике он обращается к аналогиям квантового мира, в котором истина многогранна и зависит от наблюдателя. Об этом же пишут российские ученые — психологи Петренко и Супрун [3].

В отличие от ученых, писатели, которых недаром называют инженерами человеческих душ, создают свои искусственные миры, в которых духовная составляющая играет немалую роль. Термин «искусственный мир» в наше время используется довольно часто, особенно в связи с развитием компьютерных технологий. Причем речь идет не только о компьютерных моделях, создаваемых в научном мире, но и о компьютерных играх, голограммах и т. п.

Особого внимания заслуживают искусственный интеллект, мир роботов, уровень доверия человека к роботам. В последнее время проводятся активные дискуссии на эту тему. Достаточно упомянуть такое сообщество ученых, как Научный совет по методологии искусственного интеллекта (НСМИИ), который постоянно проводит на эту тему заседания, завоевавшие большую популярность.

Суть в том, что роботы понимают духовный мир человека весьма примитивно, поскольку пользуются алгоритмическими правилами. Классический пример, на который часто ссылаются, — робот да Винчи, который осуществляет хирургические операции точнее, чем любой хирург. Однако человек столь сложное существо, что описать его полностью алгоритмически невозможно. Поэтому в процессе хирургической операции может сложиться ситуация, не предусмотренная алгоритмом, который управляет роботом. И только человек, опытный хирург, сможет решить проблему.

Подобные ситуации часто возникают при использовании искусственного интеллекта. Материальный мир, в котором обитают и человек, и робот, чрезвычайно разнообразен. Ни один алгоритм не может предвидеть все возможные обстоятельства. И только человек, благодаря наличию духовной составляющей, всегда найдет выход и примет решение, которое разумно, с его точки зрения. Именно о таких ситуациях гово-

[1] Научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российской экономической школы, академик РАН, доктор физико-математических наук, кандидат экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики», «Социальный кластеризм. Российский вызов». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегий и редсоветов журналов: «Ekonomics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России» и др. Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степени. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича РАН, Демидовской премии и др.

рят «голос свыше» или «внутренний голос». Исторический пример роли внутреннего голоса — жизнь Жанны д'Арк.

Следует еще сказать о роли духовного мира в жизни человека применительно к искусству. В живописи, например, чувство прекрасного алгоритмически не объяснить. В наши дни модно рисовать картины с помощью компьютерных программ или сочинять музыку таким же способом. Но отличить истинный шедевр может только человек.

Поэтому роль искусственного интеллекта в нашей жизни возрастает, особенно при замене рутинного труда. Однако робот остается лишь помощником во всех делах творческого характера. Особенно если речь идет об управлении жизнью людей, в том числе на уровне государства. Настоящее творчество остается прерогативой человека, какие бы ухищрения ни придумывали гениальные мыслители типа Стивена Вольфрама [4], ссылающиеся на роль вероятностной составляющей. Современный суперкомпьютер действительно может генерировать любой текст, в том числе и стихи А. С. Пушкина. Но только Пушкин может определить, прекрасны ли эти стихи.

Таким образом, роботы без людей не имеют никаких перспектив. Смысл жизни постепенно постигает только человек.

Литература

1. *Моисеев, Н. Н.* Быть или не быть... человечеству? / Н. Н. Моисеев. — Москва : Россия молодая, 1999. — Текст : непосредственный.

2. *Пенроуз, Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. Москва : Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2005. — Текст : непосредственный.

3. *Петренко, В. Ф.* Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. — Москва : Нестор-История, 2017. — Текст : непосредственный.

4. *Wolfram, S.* A New Kind of Science / S. Wolfram. — Wolfram Media Inc., 2002. — Текст : непосредственный.

Е. И. Макаров[1]

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ОБСТАНОВКА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ОРГАНИЗАЦИЯХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СВО ВС РФ НА УКРАИНЕ

Тема традиционных Лихачевских чтений в 2022 году не могла обойти вниманием радикальную смену обстановки в глобальном и национальном масштабах, происшедшую после начала специальной военной операции Вооруженных сил РФ на Украине 24 февраля. Замечу, что эта обстановка существенно влияет на социально-трудовую атмосферу в стране.

Закономерно, что в периоды такого мощного потока быстро меняющейся информации обычному человеку трудно выделить значимые сведения, касающиеся его ключевых интересов: сохранения уровня заработной платы, обеспечения стабильности рабочего места и его загрузки. Гораздо проще сбиться на общие рассуждениями о геополитике и военном деле. Так происходит, когда обыватели и даже часть экспертов сталкиваются с шокирующими явлениями, лежащими за рамками их текущих интересов и знаний. На наших глазах произошла молниеносная перестройка сферы общественных интересов и информационной картины — переориентация разросшегося массового отряда вирусологов и эпидемиологов в военных обозревателей и аналитиков.

Доступность и простота использования современных средств массовой коммуникации порождают бурный поток информации, низвергающейся на головы пассивных потребителей. Как показала пандемия, если массовый читатель–зритель–потребитель не обладает навыками информационной гигиены, то его ждут нелегкие времена. Критически осмыслить непрерывный информационный поток в условиях жесткого пропагандистского напора, отобрать заслуживающую доверия информацию крайне трудно. Виртуализация действительности, создание вымышленных образов и информационных объектов заметно снижают способность обывателя оставаться в реальном мире.

Большинство из нас хорошо понимают, что ввиду многоплановости, драматизма, глубины и динамичности происходящих изменений сознание отдельного человека, пусть даже очень хорошо информированного, не в состоянии охватить всю картину происходящего и критически осмыслить ее, дать прогноз на ближайшую и среднесрочную перспективу, не говоря уже о долгосрочном прогнозе. Поэтому крайне важно, отбрасывая эмоциональную составляющую и вооружившись проверенными данными, складывать из отдельных качественных частей цельную картину текущих и ближайших событий.

Почему я начал свое выступление с такого пояснения? Прежде чем анализировать данные о социально-трудовых конфликтах, необходимо учесть возникшие в текущих условиях особенности информационного

[1] Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга», «Самозанятость в Российской Федерации. Социально-экономические и юридико-правовые аспекты по итогам 2019–2021 годов» (в соавт.), «Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах» и др. Действительный государственный советник 2-го класса в отставке. Почетный профессор СПбГУП.

обеспечения, носящего черты военной пропаганды, защитить свое сознание от манипулятивных технологий, не допустить размывания и изменения смысла применяемых терминов в сфере конфликтов.

Насколько обоснованны опасения и предостережения такого рода? Попробуем разобраться вместе.

Прежде всего напомню, что в данном случае я выступаю как научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП и предметом моего выступления является анализ социально-трудовой обстановки в первой половине 2022 года, включающей два периода: до и после начала СВО ВС РФ на Украине.

Первое наблюдение — резкое количественное и качественное изменение информационного поля, относящегося к конфликтам, в том числе в сфере социально-трудовых отношений.

Необходимо пояснить, что наш центр собирает информацию о конфликтах из примерно двух сотен релевантных источников, которые тщательно отбираются из множества иных в зависимости от степени достоверности, оригинальности и актуальности публикуемой информации по конфликтной тематике. Сбор и обработка информации с помощью автоматизированной системы происходят ежедневно. Для обнаружения тенденций выбран недельный промежуток времени. Как показывает десятилетняя практика, именно недельная дискретность позволяет вовремя уловить тенденции в возникновении, развитии или урегулировании социально-трудовых конфликтов.

Анализируя и суммируя еженедельные показатели до и после 9-й недели 2022 года (28 февраля — 6 марта — данные от начала СВО), мы обнаруживаем явные признаки информационной хаотизации. Если в течение 5-й недели мы получили 447 новых сообщений о конфликтах, относящихся к трудовым и смежным отношениям, то на 12-й неделе их стало 984 (рост 220 %). То есть мы отмечаем более чем двухкратный рост потока сообщений о социальных конфликтах уже через неделю после начала СВО. Однако дальнейший анализ и верификация поступающей информации показывают парадоксальную картину: количество полезных сообщений, то есть тех, которые действительно содержат информацию о социально-трудовых конфликтах, снизилось более чем вдвое (с 28 на 9-й неделе до 11 на 12-й неделе). Из этого можно сделать вывод, что объем информации, способной дезориентировать потребителя, не всегда способного провести ее профессиональную верификацию и очистить от шума, увеличился в несколько раз. Это явление, безусловно, способно вызвать негативные социально-психологические последствия и фрустрацию у значительного количества граждан, что мы и наблюдаем в реальности.

С качественной точки зрения в описываемом потоке сообщений можно увидеть заметное количество текстов, в которых смысл терминов, применяемых при описании конфликтов, искажается. Во многих случаях авторы сообщений и текстов, по-видимому, пока находятся в поиске словарного запаса и адекватной терминологии, необходимых для описания происходящих событий, и осуществляется этот поиск в условиях цейтнота, что и отражается на качестве их мышления и представления информации.

О чем же сообщают нам полезные информационные единицы, заслуживающие нашего внимания и доверия?

Прежде всего мы видим, что количество социально-трудовых конфликтов с началом СВО уменьшилось, и эта тенденция сохраняется. По сравнению с началом года (январь 2022 г.), когда было выявлено 30 конфликтов, что довольно много, так как всем известно, что первые полторы недели января рабочими не являются, в марте было отмечено 20 конфликтов. То есть произошло снижение их количества на треть. Причем снижение, если принять во внимание параметр территориального распространения, за счет локальных и региональных конфликтов. Резко уменьшилось количество конфликтов в отрасли здравоохранения, что связано, как это понятно, с продолжающимся спадом заболеваемости COVID-19. Если из анализа исключить эту важную составляющую, то можно прийти к выводу, что в остальных отраслях экономики количественная картина заметно (по сравнению с сопоставимыми предыдущими периодами) не изменилась. Мы по-прежнему отмечаем рост конфликтов в отраслях обрабатывающих производств, транспорта и строительства.

Вместе с тем заметно изменились причины конфликтов и их юрисдикционный статус. Среди причин на первом месте с большим отрывом — конфликты, возникшие из-за полной невыплаты заработной платы. Заметно увеличилось количество конфликтов, возникших на фоне угрозы банкротств предприятий. Одновременно пошло на убыль число конфликтов, вызванных сокращением работников и отсутствием индексации оплаты труда. Вероятнее всего на уменьшение причин, связанных с сокращением рабочих мест, и, как следствие, уменьшение веса этой причины повлияли решения ряда зарубежных компаний (с десятками тысяч работников) о временной приостановке работы с временным сохранением рабочих мест и выплатой 2/3 заработной платы. По заявлениям этих компаний, такие решения приняты в связи с логистическими проблемами и санкционным давлением, что подразумевает временность вводимых режимов и вероятность возвращения к нормальной экономической деятельности этих предприятий. Мотивировка подобных решений оставляет работникам надежду на сохранение уровня их доходов. С учетом того, что региональные рынки труда не способны одномоментно поглотить довольно многочисленные отряды работников предприятий с иностранным участием, к тому же имеющих довольно высокий уровень оплаты труда и весомый социальный пакет, сложившееся положение несет заметную угрозу повышения напряженности в сфере социально-трудовых отношений осенью текущего года, о чем будет сказано ниже.

Что касается юрисдикционного статуса, то можно провести прямую связь с причиной большинства конфликтов — полной невыплатой заработной платы. Такая связь предопределяет отнесение этих противостояний к конфликтам по праву, что, в свою очередь, подразумевает особые условия их развития,

заключающиеся в обязательности привлечения к их урегулированию Роструд инспекции и прокуратуры. Участие надзорных органов, в свою очередь, определяет скоротечность таких конфликтов, находящих свое разрешение обычно в пределах месяца.

Можно и далее анализировать полученные данные, но формат моего доклада подразумевает ограниченный регламент, поэтому перейду к выводам.

Первое: напряженность социально-трудовой обстановки, конфликтность на предприятиях с началом СВО ВС на Украине заметно снизились и находятся на уровне исторического минимума за предшествующие десять лет.

Второе: происходит постепенное изменение настроений протестующих, в ходе которого на первый план вышли опасения за сохранение своего рабочего места, особенно в условиях возможных массовых сокращений рабочих мест на предприятиях с иностранным участием и там, где импорт технологий и комплектующих заметно влияет на производственный процесс, оттеснив проблемы повышения размера оплаты труда, ее индексации, а также вопросы охраны труда.

Третье: сроки урегулирования возникающих конфликтов заметно сократились (до 22 дней) ввиду преобладания конфликтов по праву и активного вмешательства государственных структур и надзорных органов.

Четвертое: 54 % всех социально-трудовых конфликтов, происшедших и завершившихся в первом квартале 2022 года, закончились полным удовлетворением требований работников, а в 38 % случаев их требования удовлетворены частично. Лишь в 8 % случаев требования работников оставлены без удовлетворения. Подобное соотношение успешности разрешения социально-трудовых конфликтов с преобладанием выигрыша в пользу работников не имеет аналогов за последние 10 лет и может свидетельствовать об эффективной работе надзорных органов, обеспечивающих защиту трудовых прав работников, а также о довольно успешных действиях самих работников и представляющих их интересы профсоюзов.

Пятое: в настоящее время нет оснований для прогнозирования резких изменений в сфере социально-трудовой конфликтности в сторону ее роста или снижения. Заметные колебания могут произойти лишь тогда, когда накапливающиеся проблемы иностранных собственников не позволят далее сохранять на простое работников своих предприятий либо им не удастся найти покупателей на свои активы. При таком исходе продолжение их работы в существующем статусе перестанет быть возможным. Исходя из заявлений этих предприятий, окончание текущего статуса может произойти неодновременно, вероятно, в течение сентября–ноября 2022 года. Именно к этому периоду происходит традиционное сезонное повышение конфликтности на российских предприятиях, и, по-видимому, в текущем году такое нарастание напряженности также будет иметь место. В связи с этим кадровым службам предприятий, находящихся в состоянии простоя, региональным службам по труду и занятости целесообразно уже сейчас разворачивать на добровольной основе профессиональную переориентацию работников и мероприятия по предоставлению вероятно высвобождаемым работникам информации о трудоустройстве, например на предприятия системы ВПК, перешедшей к настоящему времени на шестидневную двухсменную рабочую неделю.

Завершу тем, с чего начал. Возникновение заметного потока информации, по внешним признакам относящейся к описанию конфликтов, при ближайшем профессиональном рассмотрении не свидетельствует о росте конфликтных настроений или событий. В «невиртуальной реальности», лишенной истерического восприятия, количество конфликтов идет на убыль, социально-трудовые процессы изменяются в направлении обеспечения ключевых интересов работников, заключающихся в сохранении единственного источника дохода — заработной платы — и покупательной способности на достигнутом уровне. Как показывают события последних месяцев, именно на этом сосредоточены усилия профсоюзов, государственных институтов и отчасти работодателей, что и принесло вышеописанные в целом позитивные результаты.

И. А. Максимцев[1]

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ — ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

Глобальные изменения в мировоззрении человека и устройстве мира определяют направление и скорость исторического развития цивилизации. Эти изменения обусловлены множеством достижений, неудач и непредвиденных событий в научной, экономической, политической и духовной сферах жизни общества. Время, в которое мы живем, уникально: экспоненциальный рост количества и качества преобразований сопровождается усилением их взаимной связи, а также скорости проникновения во все цивилизационные процессы. Оценка векторов текущих глобальных изменений наводит на мысль о необходимости глобального переосмысления устоявшихся подходов, концепций, идей, стратегий развития на разных уровнях управления — вплоть до человека как такового.

Катализаторами механизмов модернизации существующего мироустройства стали множество явлений, среди которых мировой экономический кризис; стремление ряда государств к однополярному мироустройству; диспропорция в развитии новых технологий; вытеснение идеями «новой этики» традиционных ценностей; изменение климата и пандемия.

Переосмысление внутренней и внешней политики — естественная реакция государства на угрозы, возникающие в связи с усилением перечисленных глобальных вызовов. В таких условиях необходимо укреплять связи с союзниками, формировать сообщества, коалиции, увеличивающие конкурентные преимущества и возможности совместного преодоления усиливающихся угроз. Одним из наиболее перспективных направлений межгосударственной интеграции для России стал Евразийский союз.

Стремление евразийских народов к сплочению основывается на их духовно-нравственном единстве и культурно-историческом взаимодействии в течение тысячелетий. Идея евразийского объединения важна также в аспекте концепции многополярного мира, призванной стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого круга различных государств, народов, культур и конфессий, которые отказываются от однополярной глобализации.

Идейным основанием для евразийской интеграции послужила историко-философская *концепция евразийства*, которая зародилась в 1920-х годах в просвещенной среде русской эмигрантской интеллигенции, а на современном этапе получила адекватное экономическое наполнение и достаточно стимулов для реализации ведущими экономиками на пространстве СНГ.

Современное прочтение евразийской идеи — гуманистический прагматизм

Смысл евразийской идеи изначально заключался в том, что на территории огромного континента Евразия сложилась особая цивилизация, которая соединяет в себе черты Запада и Востока, но в то же время существенно отличается как от западной, так и от восточной культуры.

Один из авторов концепции евразийства, Николай Сергеевич Трубецкой, лингвист, философ и культуролог, отмечал, что сама природа указывает народам Евразии на «необходимость объединиться» и «создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом».

Концепция евразийства пережила периоды критики, раскола, излишней политизации, определенного популизма, а в новейшей истории возродилась в виде движения неоевразийства. Однако современное развитие мира, изменение его геополитической и геоэкономической конфигурации, ставит перед нами вопрос: *что такое евразийская идея сейчас? Умозрительная концепция*, скорее эмоциональная, чем рациональная, *миф*, которым возможно вдохновиться, но который сложно воплотить, или *реальная возможность* объединить потенциалы государств — потенциалы в самом широком смысле: экономические, геостратегические, социальные, культурные?

Евразийское пространство благодаря своему местоположению часто воспринимается как мост, связующее звено между Европой и Азией. Существует острая необходимость решить задачу формирования глобальных логистических цепочек, и в этом смысле связующая роль Евразии, безусловно, важна. Однако нельзя забывать о самоценности и уникальности нашего *«месторазвития»*, говоря словами евразийцев. Как точно сформулировал историк Георгий Владимирович Вернадский в своей книге «Начертание русской истории»: «Освоение народом исторического своего месторазвития вполне прочно лишь тогда, когда оно *осознано* народом».

Понятно, что *«евразийское самосознание»*, то есть осознание себя евразийцами, к гражданам СНГ будет приходить постепенно, по мере развития интеграции. Данный процесс объективно запаздывает по сравне-

---

[1] Ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Состояние и перспективы интеграции России в Балтийском регионе», «Развитие торгово-экономического сотрудничества России и стран Евросоюза», «Российско-европейские экономические отношения», «Промышленность России и проблемы глобализации», «Международный бизнес» и др. Председатель Экспертного совета по экономике при Межпарламентской ассамблее государств — участников СНГ, Российско-китайской межправительственной рабочей подкомиссии по вопросам гуманитарного и научного сотрудничества, Экспертного совета по законодательному обеспечению образования Федерального собрания РФ. Почетный консул Республики Чили в Санкт-Петербурге. Член редколлегии журнала «Вестник Российской академии естественных наук», главный редактор журнала «Креативная экономика». Награжден орденами Почета, Дружбы, Кавалерским крестом ордена Заслуг перед Республикой Польша, правительственной наградой «За выдающийся вклад в развитие китайско-российских отношений» (Китай), орденами Академических пальм (Франция) и Звезды Италии степени «Командор» и др. Дважды лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

нию с Европейским союзом, где так называемая европейская идентичность как некая наднациональная принадлежность начала складываться еще со времен первых попыток европейской интеграции — с периода Средневековья.

На наш взгляд, современное прочтение евразийской идеи должно совмещать *гуманитарные ценности* (руководствуясь подходом «знать, чтобы понимать», изучать образ мышления и культурное наследие друг друга — то, что составляет «сердце» любой нации) и *прагматически выстроенную экономическую интеграцию* — развитие общих производств, крупные инфраструктурные проекты, совместные инновационные разработки. Все это возможно уже в современных условиях, на основе сформированного интеграционного ядра — Единого экономического пространства России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии. Но и сам по себе гуманизм в евразийском контексте в высшей степени прагматичен: именно от взаимодействия евразийских народов, от понимания ими общих целей и задач развития будет зависеть степень эффективности евразийского макрорегиона как единого субъекта глобальной конкуренции.

Евразийское пространство как пространство многообразия

Одно из важнейших конкурентных преимуществ геополитического и, что важнее, геоэкономического пространства Евразии состоит в *многообразии* — народов, исторических традиций, культур, религий, укладов, исторического опыта, деловых практик. На первый взгляд, идея преимущества от многообразия парадоксальна: оценивая эффективность интеграции, мы всегда говорим о степени унификации, гармонизации условий, норм и правил, о степени однородности пространства. Однако в современном мире многообразие евразийского пространства созвучно растущему разнообразию глобальной экономики: преимущества этого многообразия перекрывают определенные сложности в установлении норм и механизмов взаимодействия. Такой основополагающий принцип евразийского учения, как *полицентризм*, с точки зрения сохранения культурных кодов наций, входящих в евразийское пространство, очень важен и актуален в условиях глобализации, которая часто означает не только унификацию подходов к ведению бизнеса, но и конвергенцию культуры, языков, стирание уникальных национальных особенностей, определенное «глобальное упрощение».

В этом контексте евразийская идея обладает таким мощным потенциалом именно благодаря той синергии, которая может возникнуть от развития единого, но многообразного евразийского пространства, той дополнительной энергии, которая превысит сумму потенциалов объединяющихся стран.

Влияние современных глобальных вызовов на евразийскую интеграционную стратегию

Мир изменяется. Изменяется и глобальная экономика как система, связывающая части этого мира. Скорость таких изменений постоянно увеличивается — как уже отмечалось, в первую очередь в результате развития технологий и возрастающей быстроты передачи информации. Пожалуй, на сегодняшний день увеличение скорости изменений — самый серьезный вызов, требующий и от нас более быстрых, но не менее эффективных решений по реализации избранной интеграционной стратегии — движения к Евразийскому союзу.

Второй вызов — повышающаяся неопределенность развития глобального мира. Приведем лишь несколько тенденций: растет количество участников мировой экономики (стран, компаний, международных организаций, даже отдельных людей, которые благодаря развитию глобальных сетей могут быть заметными деятелями на глобальном рынке), увеличиваются амплитуды колебаний цен практически на все товары и активы в широком смысле, растет даже амплитуда климатических изменений. В данном контексте увеличивающееся многообразие субъектов мировой экономики и политики, их решений и действий играет с нами злую шутку — не стабилизирует систему, а разбалансирует ее.

В настоящее время, по различным оценкам, мировая экономическая система приближается к точке бифуркации либо уже находится в ней. В этой точке происходит смена типов решений и может трансформироваться пространственно-временная организация объектов. (Вспомним труды Ильи Романовича Пригожина, бельгийского и американского физика и химика российского происхождения, лауреата Нобелевской премии по химии 1977 г., автора концепции «философии нестабильности».) В условиях нахождения мировой экономики в точке бифуркации необходимо соответствующим образом модифицировать все стратегии экономической жизни, включая модели развития региональных интеграционных объединений.

Таким образом, становится все труднее прогнозировать дальнейшее развитие мировой политики, экономики, климата, определять мегатренды мирового развития. Нобелевская премия по экономике в 2011 году была вручена за эмпирические исследования причинно-следственных связей в макроэкономике, а именно между экономической политикой и такими макроэкономическими переменными, как ВВП, уровень инфляции, занятость и инвестиции, что подтверждает острую потребность в большей определенности при принятии средне- и долгосрочных экономических решений для всех экономических субъектов. При этом многие экономические закономерности, считавшиеся долгое время незыблемыми (такие как, например, рациональное поведение экономических субъектов), в кризисный период начинают подвергаться сомнению и требуют переосмысления как теоретиками, так и практиками экономической жизни. Это в полной мере относится к теории международной экономической интеграции, построенной по принципу объяснения происходящих процессов создания региональных экономических блоков, но не формирующей жизнеспособные модели для будущего развития интеграционных объединений.

Поэтому целесообразно определить те условия, при которых евразийский макрорегион станет эффективной пространственно-экономической системой, спо-

собной противостоять внешним шокам и обладающей собственной идентичностью и определенными конкурентными преимуществами.

1. Необходимо выработать адекватный баланс развития институциональной среды «сверху» (она будет способствовать четкому следованию определенной «дорожной карте» евразийской интеграции) и корпоративной интеграции «снизу», основанной на взаимном интересе компаний стран-участниц и адекватных моделях сотрудничества.

2. Ключевым экономическим механизмом и одновременно критерием эффективности формирования единого Евразийского экономического макрорегиона должна являться степень кооперации промышленных предприятий традиционных и новых отраслей, научных и образовательных центров как основы инновационной инфраструктуры, что подразумевает постоянное развитие взаимного интереса стран-участниц и образование суперпродуктивных региональных производственных систем.

3. Определенные уроки нам дает накопленный мировой интеграционный опыт: многие региональные объединения государств по разным причинам вступили в фазу внутренних противоречий. Среди этих причин есть более объективные — экономические (финансовые дисбалансы, слабая экономическая управляемость в Европейском союзе) и более субъективные — геополитические (кризис мультикультурализма в Европе, противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе в виде конфликта между Китаем и Японией в борьбе за острова и ресурсы в Южно-Китайском море). Данный опыт очень важен для нас: необходимо выстраивать механизмы сотрудничества в рамках евразийской интеграции, руководствуясь принципами равноправия существующих участников и открытости для вступления новых; проводить регулярный мониторинг экономик государств-участников; выработать адекватный механизм приема новых стран.

4. Образование и наука в Евразийском регионе — важный связующий фактор, развивающий его общую идентичность и объективные конкурентные преимущества. Этот фактор способен объединить виртуальными сетями ведущие научные школы и талантливую молодежь макрорегиона. Здесь можно говорить о построении модели интеллектуальной сетевой инфраструктуры — в основу такой интеллектуальной сети будущего может лечь Евразийская ассоциация университетов.

Выполнение данных условий, во многом связанных между собой, даст возможность евразийскому пространству эволюционировать в единый эффективный макрорегион. Однако современная ситуация в мировой экономике характеризуется высокой степенью неопределенности. Ее можно более точно охарактеризовать как «множественную неопределенность», то есть совокупность факторов развития мировой экономики, которые являются внешними по отношению к региональной интеграции на евразийском пространстве и влияние которых сложно оценить в силу растущей скорости и разнонаправленности их воздействия.

Тем не менее постоянное обострение борьбы национальных экономик за различные виды ресурсов (финансовые, природные, включая территориальные, информационные, включая инновационные и др.) изменяет геоэкономическую картину мира, требует от интегрирующихся государств осуществлять постоянный мониторинг международных экономических процессов и корректировать интеграционную стратегию.

В первую очередь по итогам острой фазы кризиса в интеграционную концепцию необходимо заложить возможности самостабилизации перед лицом агрессивной внешней среды. Это может быть реализовано, в частности, с помощью диверсификации экономической специализации стран-участниц одной интеграционной группировки, что приведет к диверсификации экспорта и меньшим циклическим колебаниям их экономик. Для евразийской интеграции данная задача является одной из приоритетных, и она выполнима. По мере географического расширения данный макрорегион, на наш взгляд, также в состоянии самостабилизироваться, в первую очередь за счет единого языкового и интеллектуального пространства, позволяющего быстро принимать стратегические решения и формировать единое ви́дение будущего Евразийского союза.

Таким образом, современная «точка отсчета» развития нового макрорегиона на евразийском пространстве характеризуется многочисленными внешними неопределенностями, но одновременно предоставляет странам-участницам уникальную возможность в условиях отсутствия явного мирового экономического лидера сформировать эффективную интеграционную систему, защищенную от внешних экономических потрясений и открытую для взаимодействия с современной глобальной экономикой.

В. К. Мамонтов[1]

МИР НАМЕРЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Мир никогда не станет прежним — есть такая расхожая фраза, мы часто ее слышим. Люди так комментируют какие-то яркие события, которые происходят в их жизни или вокруг них. И чаще всего это скорее эмоциональная оценка, чем аналитическая. Мир в целом штука очень прочная, чугунолитейная. Он меняется, конечно, но медленно, незаметно.

Однако бывают, конечно, такие события, которые реально и очень сильно меняют картину мира. И те, кто говорит: «Мир никогда не будет прежним», имея в виду все, что происходит с нами после 24 февраля, после начала спецоперации России на Украине, имеют основания так говорить. Есть тому некоторые доказательства. Вот эти доказательства я попробую привести в журналистской манере, не научной, не делая каких-то глубокомысленных выводов, а претендуя скорее на некоторую точность и, может, даже художественность своих моментальных снимков. Они будут разные, эти снимки, они будут из разных областей: из общественной жизни, экономики, военной истории, истории в целом. И все они служат как раз доказательством того, что даже такая инерционная конструкция, как мир, действительно может быть подвергнута серьезным изменениям, если на то есть политическая, человеческая воля, сложились благоприятные обстоятельства и имеются способы, возможности для перемен.

Возможности могут быть технологическими, могут быть умственными, интеллектуальными. Но они должны быть. Существует афоризм, который приписывают разным политическим деятелям, он звучит так: «Важны не намерения, важны возможности». Такой подход многое объясняет. Мало ли кто чего хочет или мало ли кто чего не хочет, но есть ли возможности для достижения целей — это очень важный фактор, и он имеет прямое отношение к ситуации, сложившейся сейчас вокруг Украины.

Ну например, Польша, мы знаем, всегда была снедаема мыслью о том, что это она должна быть империей от моря до моря, о том, что те земли и те области, те кусочки суши и те реки и люди, который живут на той же Западной Украине, — вообще на самом деле Польша. И хорошо бы вот это все вернуть, прибрать к рукам, но возможностей для этого в течение довольно длительного времени у Польши не было. И вдруг, обратите внимание, эти возможности внезапно появились или, по крайней мере, поляки считают, что они появились.

Их политика изменилась, их ставки политические изменились, их союзники в общем определились железным образом, и даже трудно себе представить, что совсем недавно польские руководители, польские политические деятели, хотя и не любили Россию, но жили не питая иллюзий. Относительно возможностей, например, прибрать к рукам кусочек Украины. Сегодня они об этом точно думают, да вуалируют это, да они должны договориться с НАТО об этом. И тем не менее возможность эта появилась, а уж с намерениями там все было в порядке давно. Вот это очень важная вещь.

Какие возможности, какие намерения возникли у нас, когда мы начинали эту тяжелую, сложную процедуру, именуемую специальной операцией? Она рискованная на самом деле, действительно рискованная. Что тут у нас с намерениями и что тут у нас с возможностями? Давайте посмотрим на это внимательнейшим образом.

Что касается возможностей. Лежат ли они в сфере военной? Ну конечно, слава богу, с начала 2000-х годов мы времени даром не теряли, хотя бы в военном отношении. Мы много сделали для модернизации армии, не сидели сложа руки, и наши ученые довели до материального воплощения все советские и постсоветские научные наработки. Все, что касается наших ракет, «Сарматов», «Кинжалов» и прочих «Буревестников», — это все у нас пошло в ход, это все достигло уровня изделия. Как говорят на военной приемке: «Изделие военная приемка приняла, изделия летают, изделия поражают цели, изделия решают свои задачи» — и это, безусловно, возможность. Мы опережаем своих противников и соперников в этой гонке. Но! Если у вас есть такие возможности в военной сфере, в прикладной, я бы сказал, военно-технической, означает ли это, что то или иное государство, у которого есть подобные возможности, принимает такое решение? Мол, так, теперь у меня есть военные средства, я теперь военными средствами все решу в жизни. Да нет, конечно. Конечно нет.

Возникает вопрос: какие такие у нас открылись возможности, помимо «Кинжала», которые столь кардинально изменили наши намерения жить со всеми в мире, построить Евразию от Лиссабона до Берингова пролива, со всеми дружить, в меру пользоваться ресурсами собственными и предлагать их соседям, «Северные потоки» разные строить? В какой момент это намерение трансформировалось в специальную операцию и почему?

Главным образом, я думаю, что эти перемены произошли у нас в головах. По крайней мере в головах тех, кто принимает решения, и в головах тех, кто их поддерживает, кто анализирует действительность, не убегает прочь, пытаясь спрятаться от нее. «Мир лучше войны!» — говорят нам те, кто удивительным образом не замечал трагедии русского Донбасса. Конечно лучше. Конечно, все, что сейчас происходит на Украи-

[1] Работал в газетах «Комсомольская правда» (1990–1997 — заведующий отделом республик, редактор отдела литературы и искусства, ответственный секретарь; 1997–2005 — занимал должности шеф-редактора и главного редактора), «Известия» (2005–2009 — главный редактор). В настоящее время генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Член Союза журналистов России, Общественной палаты РФ (2010–2011). Награжден медалью «За строительство БАМа».

не, — трагедия. Безусловно, это тяжелейшее испытание и, безусловно, внутри этой истории с военным решением проблем просвечивает история о том, как были упущены в течение многих лет возможности мирного их решения, политические возможности. Но о том, как политическому решению противились, как был торпедирован тезис о Большой Европе от Лиссабона до Владивостока, какой этому был построен противовес, как против этого сконцентрировались враги подобных идей, противники этих идей, нельзя ни в коем случае забывать.

Так что же, собственно говоря, произошло? А произошло следующее: мы больше не можем это терпеть. Не получается. Стало ясно, что если мы и дальше будем проглатывать отношение к России как к второстепенной державе, нас помножат на ноль. Помните, нас бензоколонкой называли, мы обижались и так далее? Тогда было только начало процесса. Вскоре стало понятно: обижаться — это мало. Если мы отнесемся несерьезно к тому, что, собственно говоря, сегодня, сейчас затрагивают наши «партнеры», а это экзистенциальные вещи, сама возможность существования России, то нам не простят потомки — получится, что мы разбазарили, не сохранили наследство.

Склонен думать, как и многие: то, что называется имперской традицией, имперским способом существования, — это, собственно (и не стоит робеть и лукавить, подбирая слова), и есть способ существования России. Многонациональной, гигантской, исторически сложившейся. Невозможно терпеть далее угрозу потери, ну, например, выхода к Черному морю. Или к Балтийскому. Угрозу сокращения до минимума подлетного времени ракет до Москвы. Превращения Украины в ядерную квазидержаву.

При этом нам говорят: вы должны уважать территориальную целостность другого государства. Когда кому-то надо, значит, разбомбить Югославию, это бога ради, это мировая общественность решила, что надо разбомбить. Теперь мировая общественность решила, что не надо покончить с нацистами на Украине. А мы решили, что надо. А нам без этого — никак. Еще раз хочу сказать, изменения произошли в головах, когда вместо позорного мира с международными боевиками была возвращена Чечня. Когда мы поняли, что должны защищать Сирию — и себя в Сирии. Когда возвращали Крым в родную гавань. Такие шаги опираются на безусловную, упрочившуюся военно-техническую составляющую, это важно. Но главные изменения произошли в оценке того, а что, собственно, такое Россия? Ну никак это не бензоколонка.

Теперь давайте посмотрим, а есть ли у нас возможность выдержать массированные санкции. Здесь бодрых заверений мало. Да, есть политическая воля, есть понимание исторического вызова, мы набираемся решимости и выходим на открытое противостояние с большим, серьезным и очень непростым противником. Потому что угроза абсолютно ясна, она отчетливо просматривается. Но хватит ли у нас сил воевать сразу со многими? И вот здесь нельзя уйти от вопроса: насколько необратимо наше решение быть свободными и самостоятельными? Ибо мы сейчас свободнее многих. Мы сейчас самостоятельнее, суверенее буквально всех. Но разве что Китай еще есть, да и то, может быть, он более зависимая страна. Вот это очень важный момент. Для того чтобы быть свободными и самостоятельными, нужно иметь силы, крепость духа, хорошие заделы в экономике, в ресурсах и т. д. Вот здесь у нас есть одна закавыка, о которой я хотел бы тоже обязательно сказать.

Дело в уверенности, что мы поступаем верно, двигаясь в сторону самостоятельности, суверенности, именно так отстаивая собственный цивилизационный путь. Уверены ли мы сами в том, что это единственный и магистральный путь российского развития? Принимая участие в споре интеллектуального рода, я попытался образно сформулировать это и придумал такой вопрос: «Мы берем Мариуполь ради того, чтобы ИКЕА к нам вернулась, или мы берем Мариуполь для того, чтобы ИКЕА не возвращалась к нам никогда?» Я понимаю, что это такое своего рода преувеличение, такая умственная закавыка, но мне представляется, что чрезвычайно важная. Может быть, она парадоксально сформулирована, но мне кажется, ответ на этот вопрос однозначен: «Мы хотим быть самостоятельными реально».

Это не нечто постмодернистское. Это не значит, что мы должны отгородиться от мира, построить какую-то стену, вернуться в СССР и т. д. Все эти благоглупости тут же немедленно всплыли на поверхность нашего обсуждения, общественного обсуждения сложившейся ситуации. Не в них суть. Уверенность наша должна быть в готовности не то чтобы затянуть пояса или перетерпеть, хотя, возможно, не без этого, как говорится, посмотрим. Но на деле это история о том, что нужно научиться многое делать самим, не перекладывать «на дядю» решение своих проблем, не торговать своей кровью и плотью, я имею в виду кровь и плоть нашей земли, то есть нефть и газ, для того чтобы получить «блага». («Нефть продадим, а остальное купим».) Хорошо хоть в военной сфере мы на этот тезис не полагались. Хотя, как сейчас помню, «Мистрали» собирались покупать. Мы прошли большой путь от попытки купить «Мистраль» до понимания, что нам задачи надо «решать самому, и это серьезное дело нельзя поручать никому», как поется в старой советской песне про любовь.

Я тут не могу не сослаться на свой собственный опыт. В свободное от работы и написания статей время я отреставрировал старый советский автомобиль «Москвич» 1959 года выпуска. Так я должен вам сказать, что в этом автомобиле импортозамещено все. Там нет ни одной детали, ни одного винтика, ни одного болтика, который не был бы изготовлен на территории великого Советского Союза. Да, машина в целом абсолютно в русле тогдашней автомобильной традиции. Похожа на некоторые машины в мире. Безусловно, изучались технологии, безусловно, это послевоенная машина и, безусловно, способствовала ее появлению и победа наша, и наши проникновения в некоторые святая святых тогдашней прикладной науки. Наверняка некоторые технологии и инженерные решения были подсмотрены. Но в то же самое время, глядя на это довольно

сложное для 1959 года устройство — механическое, электрическое и иное, задаешься вопросом: вот у той страны, которая выпускала «Москвич», в то же время был ли гигантский запас прочности, для того чтобы вести политику самостоятельную, суверенную? Стопроцентно да.

Почему сегодня мы не можем со стопроцентной уверенностью сказать себе «да»? По многим причинам. Потому что мы хотели, искренне хотели встроиться в глобальный экономический проект. Получилось ли это? Скажем честно: не вполне получилось. Принял ли нас «цивилизованный» мир? Нет, он толкает нас, чтобы табуретки, автомобили, ракеты и «Кинжалы» и все что хотите мы производили сами. С божьей помощью, безусловно, и с помощью наших истинных друзей. Не покупали, а производили. В конце концов в той же самой ИКЕА значительное количество товаров сделано в России. Тогда зачем нам эта марка? Зачем нам это чужое слово? Не знаю. Говорят, что мы таким образом получили и получаем — возможно, Запад и вправду помог — технологии, логистические, маркетинговые ходы. Некоторые подсмотрели, как кто-то винтики закручивает, какие они бывают красивые, значит, тут шагнули вперед. Больше того, есть отрасли, в которых мы действительно сами все не потянем, ни одна страна, кстати, так не делает. Но и здесь маячит вопрос свободы и суверенности. Проблемы, которые сегодня, скажем, у автопроизводителей, вовсе не технологические, не рыночные, а политические, когда «Рено» плачет, теряет доход, но уходит.

Они теряют и прибыль, и рынки. Они не хотели бы уходить, но их заставляет суровая евроатлантическая солидарность своего рода. Они так видят свою свободу: не работать в России, уходить оттуда, откуда скажут.

Ну ладно, дело же в конце концов не только в этом. И не в том, «Рено» уходит или остается. Есть дефицит электронных элементов. Он сложился задолго до спецоперации. А в мире есть монополисты, которые их производят, — и больше никто. Мы не можем допустить, чтобы встало все, что работает на литий-ионных аккумуляторах. У нас сейчас принято решение о том, чтобы построить гигантский завод наконец-то и производить эти батарейки самим. Потому что батарейки нам предельно важны — для экзистенциальных функций нам они нужны! А торговая марка ИКЕА нам не нужна для экзистенций, как мне кажется. Без нее можно обойтись.

Сейчас у нас есть такая опасность, мы можем допустить ошибку: от одних продавцов благ переметнуться со своим привычным газом, скажем, к другим. Так мы и сделаем, конечно, в известном смысле. Мир зависит и от нашего газа, и от нашей нефти, и от нашей пшеницы, как выяснилось, да много еще от чего зависит, например от нашего титана, от нашей ядерной энергии, от наших ядерных технологий и т. д. Да, все так. Тем не менее нам придется делать все больше шагов для того, чтобы не терять тренированность, не терять возможность делать и выращивать, и производить самим то, что мы зачем-то покупаем в других странах. Надо заканчивать с историей о том, как мы отправляем по всему миру металл, с тем чтобы завезти сделанные из него гвозди. Надо заканчивать с тем, что мы отправляем куда-то далеко-далеко свой лес — и внезапным образом потом получаем оттуда табуретки. Слава богу, что локализация по табуреткам вроде бы уже российская, но все равно странно. Да, мы не сможем вырастить бананы. Наверное, не сможем. Ну давайте покупать бананы. Да, возможно, мы не делаем какие-то первостатейные микрочипы, технологии какие-то, ну давайте их покупать. Так мир не хочет нам продавать их, скажете вы. Санкции! Ну что делать, тогда придется изменить этот мир.

Вся штука заключается в следующем: мы провозгласили, что свободны, самостоятельны и ведем свою собственную, самостоятельную политику. В русле западного цивилизационного проекта мы двигаться больше не можем, противоречия с интересами страны предельно обнажились. Нам кажется, и это правда, что цивилизационный проект, основанный на либеральной идее, либертариански неудобосказуемой, представляется опасным для наших целей. Таким образом, мы говорим этому миру «нет». Возможно, в значительной степени потому, что мир нам говорит «нет». Кто-то оценил наши благие намерения? Знаменитая формула, я уже ее упоминал, «от Лиссабона до Владивостока» была принята или хотя бы рассмотрена? Да нет, в ужас пришли от нее. Почему?

Ответ есть. Дело в том, что мы ведь не закрыться на самом деле хотим от всех. Да, нас вынуждают (мне кажется, к добру) стать более самостоятельными и гвозди производить самим, и не только гвозди. Как, мы знаем, мы же умеем, оказывается. Мы смотрим на наше вооружение и говорим: «Боже, ну ничего себе, смотрите что мы умеем!» У нас доказательства прекрасно работают в ходе спецоперации, хотя это не радостный, не гуманный способ. Но что поделать, бывают и такие способы.

Мир построил глобальную систему — экономическую, политическую, я бы сказал, культурную. Если можно это культурой называть. Построил такую глобальную систему, куда мы, во-первых, не входим ни под каким видом, а во-вторых, нам это преимуществ не дает. Мы вынуждены тогда расстаться с тем, что нам дорого. Со своей самостоятельностью, например, с суверенитетом. А зачем нам это? И вот здесь очень большой конфликт. Но это не значит, что мы не можем создать, мы обязаны создать свою глобальную систему. Эта задачка мудренее, чем реконструировать старый «Москвич» 1959 года. Нет, не его надо восстанавливать. Надо заново создавать свою глобальную экономику, да и сама жизнь ее выстраивает, только надо это понимать и надо это отстоять, в том числе и на Украине. Что я имею в виду? То, что называется Евразией в противовес американскому миру. Евразия очень мощный игрок, недооцененный. Китай, Индия, Россия, старая Европа, которую списывают со счетов. Ну если только она самоспишется. Там только самосписание может случиться. Одряхлеет и умрет вместе со своим Евросоюзом и вместе с потаканием американскому дяде как своему безусловному духовному экономическому, политическому и иному лидеру.

Еще раз повторю: именно Евразия, именно евразийский глобализм нам интересен (к нему ничего не мешает присоединиться и Южной Америке). В расширенном варианте БРИКС нам пригодится. Здесь мы можем сотрудничать, здесь понятно, как жить и как уважать друг друга. Обратите внимание, мы проделали гигантский путь с теми же китайцами. У нас и Даманский был, и посмотрите в каких отношениях мы находимся сейчас. Потому что мы развиваемся в одной вселенной. Мы развиваемся параллельно. Мы нужны друг другу. Мы не представляем друг для друга опасности, наконец. И мы постепенно выходим на важнейшие, интереснейшие решения. К примеру, стоит ли поклоняться, ну ладно, дряхлой Европе, допустим, за былые заслуги, за «Битлз» и Моцарта. А американцам? А доллару?

Есть такие самопровозглашенные короли поп-музыки. Кто выбирал королем западной поп-музыки Майкла Джексона? Да никто. Просто он много пел, много выпускал пластинок, а потом сам назвался. У нас в России есть свой король самопровозглашенный — Филипп Киркоров. Да пусть, на здоровье, пусть будет он. Это не несет никакой опасности. А вот самозваные глобальные крупье, которые тасуют все карты… Мне вспоминается фраза из фильма «Покровские ворота»: *Савва, тебе-то зачем это нужно?* Вот мы — как тот Савва. А зачем нам все это нужно? У нас кругом есть собственные задачи, собственные экзистенциальные вызовы. Почему мы должны идти в этом русле, мы что умеем так — за рога и в стойло? Да нет, никогда мы туда не пойдем. Во-первых, потому что у медведя рогов нет, к счастью, и медведь ни у кого разрешения не спрашивает, как мы знаем из одной крылатой фразы.

Ну ладно, это все красивые литературные высказывания. Но нам действительно не нужны некоторые идеологические, идейные и еще какие-то тенденции, которые нам навязывают в качестве условия вхождения в «цивилизованный» мир. Ну, например, там страшно озабочены перенаселением. И в связи с этим поддерживают любые виды человеческих взаимоотношений, в том числе в личном плане, кроме нормальной многодетной семьи. А нам-то это зачем? Ну зачем это Савве? У нас на огромную территорию 150 млн человек еле-еле наберется! Да нам многодетные семьи нужны позарез.

То, что мы сейчас друг другу рассказываем про Евразию, это страшный сон глобального мира, каков он сейчас. Это конец мировой гегемонии. Вот куда мы влезли, вот что происходит, когда мы штурмуем «Азовсталь». Вот ради чего мы берем Мариуполь. Вот таков мой ответ на эти вопросы.

Не претендую на сколько-нибудь законченные теоретические выкладки. Однако же есть еще один важный момент, про который я не могу не сказать. Когда я сам себе задаю непростые вопросы: «А потянем ли? А сможем ли? А так ли уж нам надо это все, а может быть, мы тут сами себя обманываем, а нам хочется севрюжины с хреном на самом деле?» Думаю, нет. Меня и многих очень беспокоит гибель людей и то, что мы вынуждены решать такими жесткими способами задачи, которые определяют наше будущее, само существование России. Жаль, что мы это мирным способом не научились делать.

Особенно обидно, что воюем славяне со славянами, русские с русскими. Это же разновидность гражданской войны на самом деле. История с «Азовсталью» чему нас, помимо прочего, научила? Когда армейцы наши доблестные собирались уже было штурмовать завод, то главнокомандующий сказал: «Да не лезьте вы в эти катакомбы». И сейчас благодаря этому точному решению, я думаю, сотни, а то и тысячи жизней спасены. Я сейчас не о тех, кто вышел. Эти пленные не особенно интересуют. Многие из них заслуживают суда и самой суровой кары за свои преступления. А тех, кто по ошибке, по глупости оказался там, — ну тоже судить, рассмотреть, вникнуть и дальше решить их судьбу надо. Но! Они живы, и живы те, кто собирался штурмовать их катакомбы. Это очень важный момент. Мы поясняем миру, что мы хотим, кто, собственно говоря, нам противостоит. На Западе люди слушают не только своих пропагандистов — иногда туда прорываются подлинные кадры, и когда они увидели эти татуировки на спинах и прочих частях тела азовцев, они внезапно задались вопросом: «Мы что, за фашистов что ли? Поддерживаем Украину, накачиваем оружием — фашистов что ли?».

Мелкое, конечно, прозрение. Но на войне позитива вообще мало, и он, позитив, весь такой шаткий, если честно. Но надо ценить его и собирать по крупицам — в одну подлинную правду правого дела. Уверенность в том, что мы выбрали правильный путь, означает: чтобы эту уверенность подкрепить, нам придется пройти этим путем и победить.

Вот такая диалектика.

А. П. Марков[1]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Сегодняшний мир вступает в эпоху «рвущихся нитей» истории, «эволюционного перелома, равного которому в истории человечества не было» (А. А. Зиновьев). Переход через эту границу чреват фундаментальными изменениями и необратимой деформацией культурно-антропологических матриц, архитектоника и метафизика которых была заложена великими пророками и философами осевого времени — эпохи, когда свершился интеллектуальный и «мировоззренческий» поворот истории и сформировался человек в его духовной открытости миру (К. Ясперс). В тревожных оценках перспектив человечества обнаруживаются отзвуки почти религиозной эсхатологии, фиксирующей стремительный рост «бытийственных проблем и противоречий», обострение противоборства добра и зла: «многое, слишком многое свидетельствует о том, что наш век — канунный»[2].

О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует нарастание глобальных кризисов, которые ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предыдущем этапе техногенного развития (В. Степин)[3]. Переход к новой стратегии также связан с грядущим «демонтажом капитализма» в результате разрушения модели рыночного производства и истощения ресурсов так называемых некапиталистических зон.

Драйвер перехода цивилизации в посткапиталистическую фазу — *четвертая промышленная революция*, которая приходит на смену нынешней информационной революции и формирует принципиально новый технологический уклад, основанный на экспансии искусственного интеллекта. В социально-культурном плане переход цивилизации в качественно иное состояние становится неизбежным из-за расширяющейся пропасти между *«силой»* и *«мудростью»* (А. Назаретян) и усиливающейся «асимметрия вооружений» добра и зла (А. Кураев).

Неопределенность сценариев будущего усиливает приближение *«технологической сингулярности»* — точки исторического времени, фиксирующей начало «взрывного» этапа прогресса, стремящегося в бесконечность и рождающего широкий спектр моделей развития с непредсказуемыми последствиями[4].

В предыдущие века источником глобальной динамики и фактором мирового развития была Европа. Сегодня западноевропейская модель культуры, человека, государственного устройства и общества вписывается в «стратегию нисхождения». Перспектива финала европейской цивилизации «впервые предстает во всем ее драматизме»: Запад покидает «арену истории» (А. Пелипенко). «Духовную капитуляцию» приближают разломы на метафизическом уровне: западная цивилизация вошла в стадию «предельной усталости» от перенапряжения, вызванного давлением «прометеева технологического порыва» (А. С. Панарин).

Все чаще звучат пессимистические выводы о тупиковом характере эпохи постмодерна. Концепция мироустройства, основу которой составила свобода «от» и модель рынка как независимого института оказалась разрушительной для ключевых институтов и структур государства и общества. Вне государственного контроля и сдерживающей энергии Логоса все сложные системы неизбежно стремятся «к конечному состоянию хаоса и смерти» (А. С. Панарин). Беспощадный рыночный отбор «расчеловечивает» личность, лишая ее совести, милосердия, ответственности. Рыночный тоталитаризм лишает общество солидарности, превращая его в дисперсную среду.

Метафизический и институциональный кризис западной цивилизации обретает глобальный масштаб. Точка бифуркации, повышая неопределенность завтрашнего дня, предполагает две взаимоисключающие стратегии будущего: 1) регрессивную, усиливающую дезорганизацию мировой системы; 2) конструктивную, обеспечивающую культурное воспроизводство и блокирующую рост энтропии. Эти стратегии ведут постоянную борьбу — не только в геополитике, но и в экзистенциальных глубинах мировой культуры и души человека. При этом у человечества всегда была и остается свобода выбора: идти по пути «нисхождения» или восходить к новым духовным высотам. «Дилемма проста и жестока: либо ценой основательной расчистки прорыв на следующий виток усложнения, либо провал в тотальное упрощение, консервация и глобальное торможение эволюционной динамики»[5].

Первый вариант, снимая напряжение движения вверх, неизбежно влечет за собой откат к «рецессивным» культурно-цивилизационным формам. Метафизический контекст появления и растущей популярности стратегий нисхождения — эпоха постмодерна, институты которой расширяют пространство регресса.

1. В стратегию культурно-антропологической регрессии мира вписываются пессимистические сценарии. Например, вариант катастрофического будущего Нассима Талеба, который не исключает финал самоуничтожения значительной части человечества (в том

---

[1] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч. «Энтропия свободы как глобальная проблема европейской культуры», «„Культурная регрессия“ как итог неолиберальных реформ постсоветской России», «Информационные войны постиндустриального мира как фактор геополитической конкуренции», «Западная цивилизация эпохи постмодерна: симптомы заката, альтернативный проект будущего» и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. С. 1135.

[3] Изначально слово «кризис» (*греч.* κρίσις) означает «суд», «приговор»; в более мягком значении — граница, поворотная точка.

[4] Процесс смены эволюции информационно-технологической революцией описывает «кривая Снукса–Панова». Описывает нарастающее увеличение угла между горизонтальной осью и кривой динамики цивилизации, которая все больше приближается к вертикали. Момент перехода кривой линии в вертикальную и есть точка сингулярности, где отрицаются предыдущие законы и логика развития и начинается переход в неведомое будущее.

[5] *Пелипенко А.* Русская матрица: Последний путь // Острог. 2017. № 14. С. 18.

числе в результате глобального военного конфликта)[1]. Или теория *бегства из культуры в натуру*, возврата в *родовые стихии*, в *наивную эпоху*. Свою логическую завершенность она нашла в концепции *культурного нигилизма* с ее тотальной критикой культуры как «антиприроды». Эпатирующим вариантом культурного нигилизма стал сценарий полного отказа от культуры и возврата к «новому единству с природой» американского антрополога Дж. Зерзана, согласно которому неизбежно появление *первобытного человека будущего*[2].

2. Ярко выраженный вектор «антропологического нигилизма» обнаруживает концепция *«управляемой эволюции»*, автором и исполнителем которой выступают группы транснациональных элит, которые: а) понимают логику исторических процессов и на этой основе выстраивают сценарии «оптимального будущего»; б) имеют ресурсы для их воплощения (А. Фурсов). Проект «управляемой эволюции» преследует две цели. Первая — тотальная власть над миром: контроль над ресурсами, духовными факторами человеческой эволюции, сознанием и поведением людей; вторая — мягкий «антропологический геноцид мира»: создание условий для естественного самоуничтожения значительной части человечества, ненужного в мире цифровой экономики и искусственного интеллекта.

3. В сценарий «антропологической регрессии» вписывается *«трансгуманистический проект»* будущего. Логика его адептов продиктована глобальной исчерпанностью «энергии восхождения», в том числе в результате «невероятного взлета усложнения в конце прошлого и начале нынешнего века». Сегодня мир стремительно проваливается «в процесс вторичного упрощения», силы которого «отчаянно наступают по всему фронту»[3]. Основные аргументы в пользу трансгуманистического сценария связаны с метафизической и биологической деградацией человечества. Во-первых, в психофизические матрицы ментальности людей встроены деструктивные энергии, и именно здесь находится источник амбивалентности эмоциональной сферы с ее бессознательной тягой к конфликтным ситуациям и другим негативным переживаниям. На этапе постмодерна возврат к телесности и «разнузданной чувственности» грозит погружением человечества в «скотоподобное состояние», лишая его оптимистического будущего (А. П. Назаретян). Во-вторых, пессимистическая оценка перспектив обусловлена биологической деградацией человечества, генофонд которого накапливает все больше несовместимого с жизнью материала. Поэтому решающим условием сохранения цивилизации, с точки зрения приверженцев трансгуманизма, является «сброс биологической оболочки» и «денатурализация носителя интеллекта». Искусственное производство человека, обесценив его «генетическую принадлежность» и уничтожив «родовые» основания идентичности, даст возможность человеку «почувствовать себя носителем общечеловеческой и даже космической истории», открывая перспективы контроля метагалактических процессов и «ноосферизации космоса»[4].

«Оптимистическая» группа сценариев является результатом интеллектуальной активности гуманитарной элиты, которая не утратила чувства долга перед судьбами мира. В данной системе координат обнаруживаются как минимум три варианта цивилизационного будущего.

1. В *стратегию восхождения* вписывается альтернатива западному неолиберализму — евразийский проект, значимый в контексте острейших проблем государственного и общественного развития для огромного географического и культурного пространства. Евразийский мир отрицает капиталистический путь развития в его неолиберальной версии и одномерную модель мироустройства, поражающую «цветущую сложность» народов и культур «недугом плоско-буржуазного конца истории»[5]. Духовный код Евразии, который не смогли окончательно уничтожить информационные интервенции Запада и компрадорские группы внутри страны, категорически не приемлет западную модель культурной политики, итогом которой стала духовно-нравственная деградация человека.

Статус духовного центра Евразийского континента по праву принадлежит России как состоявшейся в социально-культурном и духовном смысле цивилизации, обеспечившей синтез европейских и азиатских начал на основе примата закона кооперации над законом конкуренции, торжество истины, добра, красоты, справедливости, преимущество альтруизма перед эгоизмом.

2. Как сценарий завтрашнего дня рассматривается обновленный *коммунистический проект*, основу которого составляет образ человека в его созидательной, духовной сути. Основной аргумент в пользу данного варианта заключается в том, что даже реализованная в СССР социалистическая модель коммунизма, будучи гуманистически усеченной, развивалась в русле восхождения, что и обеспечило ее победу над нацистской идеологией. Европейская цивилизация 1930-х годов стояла на краю пропасти нисхождения (С. Кургинян). Здание буржуазного либерализма и гуманизма к тому времени было расшатано массовым атеизмом и выжжено ненавистью на полях сражений Первой мировой войны. В итоге энергия коммунистического будущего спасла мир от падения в стихии языческого прошлого, обеспечив победу СССР над нацистской чумой[6]. «Коммунистический строй в России не изжил себя, он был молодой, только начал взрослеть, и его убили. Искусственно разрушили... Я думаю, что советский период был вершиной русской истории, и на такую высоту Россия больше не поднимется»[7].

---

[1] *Cirillo P.* The Decline of Violent Conflicts: What Do The Data Really Say? URL: http://nassimtaleb.org/2016/06/nassim-recently-presented-thesis-violence-nobel-symposium.

[2] *Зерзан Дж.* Первобытный человек будущего. М : Гилея, 2007.

[3] *Кургинян С.* О будущем коммунизма // Завтра. 2018, 7 нояб. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_budushem_kommunizma?

[4] *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М. : Аргамак-Медиа, 2014. С. 324.

[5] *Дугин А. С.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России: мыслить пространством. М. : Арктогея-Центр, 1999. С. 647.

[6] *Кургинян С.* Указ. соч.

[7] Мой путь в науке : интервью с профессором А. А. Зиновьевым // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III, вып. 4 (10). С. 323.

Коммунистическое будущее обретает реалистичность прежде всего в контексте заката капиталистической системы. К тому же на фоне глобальных проблем приходит понимание бесперспективности неолиберальной модели мироустройства, которая завершает свой триумфальный путь распадом системообразующих институтов и теоретического каркаса, включающего такие категории, как гуманизм, свобода, демократия, права человека. Кроме того, неслучайно даже коммунизм в его советском воплощении гуманитарии квалифицировали «как адаптированную модель европейского Просвещения» (А. Панарин).

3. К оптимистическим вариантам глобального будущего относится также *ноосферный прорыв* — движение к парадигме универсального эволюционизма и устойчивого развития, к миру без войн и насилия. Основу парадигмы составляют учение В. И. Вернадского о ноосфере и идеи П. А. Флоренского о пневматосфере, воспроизводящей безусловные ценности человечества. Геополитическим субъектом «ноосферно-социалистических преобразований», переводящих динамику мировых разломов и столкновений «в континуум коэволюционного развития народов и государств», может стать «Большая Евразия» (А. И. Субетто), консолидированная цивилизационной мощью и духовным опытом России — важного звена современного миропорядка, во многом определяющего «вектор глобального развития и безопасности» (В. Н. Купин).

В концепцию универсального эволюционизма вписывается проект *нового социального государства*, которое избавляется от фрагментов «фаустовской культуры», породившей убийственный для человека и природы «технологический империализм».

Сценарий такого будущего выстраивается на базовых ценностях европейского Просвещения, в центре которого был человек-творец. В педагогике Просвещения был заложен высокий гуманистический смысл: она оптимистически оценивает конструктивный потенциал народов и культур, позволяющий «приобщиться к вершинам развития» (А. С. Панарин). Метафизическим фундаментом проекта нового социального государства может стать *космоцентричная доминанта*, вписывающая человеческие замыслы и цели «в строй общей космической гармонии, значение которой заведомо превышает наши своевольно корыстные притязания и расчеты» (А. С. Панарин).

Описанные выше оптимистические сценарии можно рассматривать как варианты будущего, предстающие в статусе потенциального, которое предшествует реальному и действительному и «скрыто» в его недрах (А. Бергсон). Безграничные творческие возможности человека, который всегда находил конструктивный ответ на трагические вызовы времени, делают эти сценарии вероятными (К. Ясперс). Реализация же того или иного варианта зависит не только от объективных обстоятельств и наличия необходимых ресурсов, но и от моральной ответственности интеллектуальной элиты.

Современная философско-культурологическая мысль должна рассматривать поиск новых стратегий и сценариев развития, альтернативных неолиберальным идеологиям, не только как свой научный долг, но и как духовно-нравственную ответственность перед будущим человечества.

Г. Меттан[1]

НОВЫЙ ЗАПАДНЫЙ ЯЗЫК ПРЕВРАЩАЕТ ЛЮБОЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАЗГОВОР ГЛУХИХ

Мы часто говорим о силе слов, но гораздо меньше — о словах силы. Слова силы стремятся использовать силу слов. Это вполне невинные либо выглядящие невинными слова, поэтому важно идентифицировать их и признать их суть: это средства завоевания и господства, инструменты сдерживания людей и их мыслей, формирования согласия граждан с нежелательной для них моралью и политикой. Так что вести любой диалог культур становится практически невозможно.

Известные авторы расшифровали язык тирании и открыли его источники.

Во время Второй мировой войны Виктор Клемперер, профессор-филолог еврейской национальности, который женился на «арийке» и чудом пережил нацизм, собрал основные слова и фразы нацистского языка, используемые в повседневной жизни. Он отлично продемонстрировал, как переосмысление слов немецкого языка партией Гитлера и Геббельса значительно облегчило захват власти и поддержание нацистской диктатуры. В замечательной работе «Язык Третьего рейха» (Lingua Tertii Imperii) Клемперер рассказывает, как это умышленное извращение языка привело немцев к почти абсолютному подчинению нацистской партии. Неслучайно Геббельс писал в своем дневнике: «Мы не хотим убеждать людей в наших идеях. Мы хотим сократить словарный запас таким образом, чтобы он мог выражать только наши идеи».

Джордж Оруэлл осудил язык сталинской диктатуры. В своем романе «1984», опубликованном в 1949 году, он описал установление тоталитарного режима, который навязывает новую идеологию, Ангсоц, или английский социализм, и новый язык, новояз, в котором создаются и исчезают слова в соответствии с потребностями Большого брата. Полиция мысли, вдохновленная практиками гестапо и НКВД, которая сегодня была бы похожа на религиозную полицию ис-

[1] Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева. Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад–Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

ламских режимов, цензура, использующая алгоритмы GAFAM, и массовая слежка АНБ обеспечивают распространение идеологии и языковой контроль, отслеживая самые мелкие поступки, каждый жест и подозрительное слово, с дьявольской точностью предугадывая намерения граждан.

Обладавший прекрасной интуицией, Оруэлл описывал события так, как будто они происходят в 1984 году. Это было очевидно, потому что начало 1980-х годов совпадает с захватом экономики акционерами компаний и представителями влиятельных финансовых кругов, а также с распространением идеологии неолиберализма, которая сегодня стала «глобалитарной» (глобальной и тоталитарной одновременно) благодаря обобщению фразеологии, навязанной во всех сферах социальной и экономической жизни. Именно тогда начался еще один «бизнес» по разрушению слов и порабощению языка, который называется политкорректностью. Первые признаки этой всеобщей мистификации — изменение словарного запаса и значения слов, создание нового, экономически и политически корректного языка, который мы используем, в то же время являясь его жертвами.

Но Оруэлл ошибся в определении «виновника». Вопреки тому, что он думал, воля к господству над умами в конце XX века проистекала не из английской социалистической диктатуры, а из рыночного тоталитаризма, ненасытного стремления к власти неолиберального капитализма и тирании расовых и сексуальных меньшинств, которые стремятся навязать свой способ мышления всему обществу.

Двойная матрица: технократическая и эмоциональная

Новый доминирующий язык является результатом влияния этих двух составляющих. Поэтому у него двойная матрица. Со стороны отца (читайте «родитель 1») она демонстрирует всемогущество технократии, менеджмента и рыночной экономики. Со стороны матери («родитель 2») это реакция на эмоциональное и социальное упрощение иерархической структуры, из-за которого меньшинства — феминистские, ЛГБТ- и антирасистские движения и все организации этого согласованного гражданского общества, гуманитарные и правозащитные НПО, активисты и межсекторальные исследователи — чувствуют, что они вынуждены занимать подчиненное положение в том же неолиберальном обществе. Новый язык на Западе — это «внебрачный ребенок» крайнего технократического ультралиберализма и ресентимента жертвы. Это двойное происхождение является первой характеристикой того, что, за неимением более подходящего термина, я называю «мягким языком» (Softongue). Мягкий язык — «демократический» продукт в том смысле, что это не результат творения одной партии, всемогущего диктатора или всесильной полиции. Он просто создавался день за днем двумя внешне противоположными, но на самом деле соучаствующими силами, доминирующими в социальной сфере.

На языке вчерашнего дня мы бы говорили о правых и левых. Но теперь все не так просто: имеется как консервативное правое крыло, которое боится и борется с социальными инновациями и выражающим их языком, так и левое консервативное крыло, отстаивающее сохранение старых структур социальной защиты и государственной службы. Точно так же в обоих лагерях имеются свои сторонники прогресса. Неолиберальный капитализм в экономике поддерживается самыми консервативными, если не самыми реакционными, представителями политического спектра, от многотысячной армии сторонников Дональда Трампа до всех правых популистов в Европе и Латинской Америке. Более того, неолиберальные правые тоже не имеют ничего против притязаний гендерных и расовых меньшинств. Социальные инновации устраивают их до тех пор, пока они предлагают экономические возможности.

Что касается прогрессивных, феминистских, ЛГБТ и расистских «левых» движений, то они в своей социальной борьбе намного опередили борьбу против эксцессов капитализма. Идеи помощи обездоленным классам сейчас далеко не так популярны, как защита меньшинств, особенно когда эти классы критически относятся к социальным инновациям, как мы видели во время протестов «желтых жилетов» во Франции. По общему признанию, иногда между двумя фракциями случаются стычки на почве конкуренции, жестокие конфликты, борьба за территорию, как еще недавно между демократами и республиканцами в Соединенных Штатах. Но, придя к власти, обе группы проводят одну и ту же политику, благоприятную для сверхбогатых, и применяют одни и те же принципы «управления». По сути, между ними происходит скорее конвергенция, чем непримиримое противостояние, при этом язык доминирования остается прежним. Новый выхолощенный «деревянный» язык (мягкий язык) — продукт этого двойного «послушания», двухпартийной, а не однопартийной системы. Он может быть довольно прочным, так что кризисы, даже такие сенсационные, как захват Капитолия в январе 2021 года, не пошатнут его устойчивости.

Чтобы убедиться в этом, надо лишь более внимательно присмотреться. Имеется ли реальное расхождение между лозунгом Дональда Трампа «Сделать Америку снова великой» и лозунгом Джо Байдена «Восстановить американское лидерство»? Так ли сильно различаются побежденный миллиардер Трамп и победивший миллиардер Байден, привлекший 1,5 млрд долларов от крупного бизнеса на свою предвыборную кампанию? Разве оба они не пользуются кошельками самых богатых соотечественников? Разногласия становятся более острыми, когда они касаются не существенных вопросов, а второстепенных.

То же самое можно сказать и о европейских демократических странах. Во Франции, например, мы подчеркивали разницу между Николя Саркози и Франсуа Олландом. Но разве оба они не правили, заявляя об одном и том же неолиберализме, одном и том же атлантизме и одном и том же европеизме, пока третий шулер, Эммануэль Макрон, не отправил их доучиваться, разыграв те же карты в другом порядке? В зависимости от их интересов и силовых полей, которые их пересекают, одни будут сосредоточены на экономике, другие —

на социализме. Одни будут опираться на бережливого потребителя, другие — отстаивать право самых крикливых меньшинств на то, чтобы отличаться от других. Но два лагеря будут «пестовать» одних и тех же людей, спешащих заявить перед лицом всего мира о своей уникальности и исключительности, и бесстыдно делить бенефиты, предоставляемые властью.

Мягкий язык, царство замалчивания

Вторая характеристика мягкого языка — его «приятность». И его принципы, и практика основаны на замалчивании и перифразах. Он везде добавляет «сахар». В отличие от новояза и языка диктатур, мягкий язык стремится не столько усилить эффект слов, сколько смягчить впечатление. Нацистский язык наэлектризовывал слова, раскалял добела. Смыслы слов «Volk» (народ), немецкий народ, прилагательное «*völkisch*» (народный) были доведены до крайности. Или, наоборот, язык оскорблял людей. Слово «еврейский» считалось хуже слова «свинья». Язык заставлял слова взлетать до небесных вершин и опускаться в бездну. Язык сталинской пропаганды действовал так же: восхвалял рабочего, классовую борьбу, диктатуру пролетариата и клеймил кулаков и буржуазию. Мягкий язык действует противоположным образом: подслащивает, затушевывает до тех пор, пока не сотрется весь рельеф, материальность, чтобы увести носителей языка в нереальный мир, отрезанный от истории, эмоциональных и братских привязанностей.

В неолиберальном управленческом языке все больше употребляются эвфемизмы и всевозможный «позитив». Язык экономистов и менеджеров выхолащивается, чтобы сгладить восприятие пагубных последствий их теорий. Мы должны любой ценой избегать называть вещи своими именами и связывать следствия с причинами. Посмотрите на слово «потенциал», подаваемое под разными соусами. Прощание с надеждой, ожидания, способности, талант, смелость, пригодность, подарок, обещание, благоприятные обстоятельства — да здравствует потенциал! Аналогичным образом трансформировался смысл таких выражений, как, например, «взносы в социальные фонды» со стороны работодателей, в которых слово «социальные» ассоциируется с дополнительными расходами, в то время как это по сути часть законной зарплаты работников.

Такие слова, как, например, «гибкость», внушают мысль о том, что адаптация — это непреходящий императив. Или, наоборот, мы будем избегать таких выражений, как «повышение цен» (это всего лишь повторная корректировка) и «увольнение». Уволенные рабочие? Нет, это социальная программа, мера циклической корректировки, реструктуризация и повышение производительности. Поэтому наряду с кривыми спроса и предложения студентам, изучающим менеджмент и экономику, настоятельно рекомендуется изучать хитрый жаргон своей науки. Они быстро поймут, что невыгодно говорить о рецессии, а не об отрицательном росте, о снижении зарплат, а не о конкурентной девальвации, о сокращении рабочих мест, а не о программе стимулирования, о закрытии предприятий, а не о переезде в другой регион, о социальном свертывании, а не о реформах, о рабочей силе, а не о человеческом капитале. Запретите слово «работа», которое напоминает, что капитал одних образуется за счет пота других. Моделирование языка, очевидно, идет гораздо дальше, чем эти небольшие семантические построения.

Цель? Придать субъектность трудящемуся человеку, сделав его одновременно боссом (самого себя) и наемным работником (своих владельцев-акционеров). На мягком языке это называется «ответственной» работой. Так, американская торговая сеть Walmart называет своих кассиров «менеджерами», а изготовители гамбургеров в MacDonald's становятся такими же «партнерами» (но не ради получения таких же дивидендов), как партнеры крупной юридической фирмы. Зачем повышать зарплату, когда хороший семантический бонус исполняет свой трюк... Вот как управленческому языку удалось успешно применить теории советского лингвиста Николая Марра, которые процветали в Советском Союзе в 1920-х годах. Марр утверждал, что все общества вскоре объединят свои самобытные языки в единый язык коммунистического общества. Таким образом, неокапитализм преуспевает там, где коммунизм потерпел крах.

Менеджеры, партнеры и акционеры из всех стран, соединяйтесь, объединяйте свой язык, и наступит ваше господство! Маркс просто выбрал не тех игроков. Он верил, что революцию совершат пролетарии, в то время как ее совершают боссы. От экономической корректности — к политкорректности, которая более заметна, потому что у нее меньше приверженцев и они мыслят более разнообразно. Тем не менее в обоих видах корректности применяется одна и та же стратегия эвфемизма, мягкого языка и замалчивания. Отличительной чертой политкорректности является стремление не оскорблять меньшинства лексикой, которая считается дискриминационной или унизительной. Благодаря ей мы получили слабовидящих вместо слепых, слабослышащих вместо глухих, людей с ограниченными возможностями вместо инвалидов, цветных людей вместо негров или чернокожих, гомосексуалистов вместо педерастов, мигрантов вместо беженцев и нелегальных иммигрантов. А новая педагогика научила нас тому, что слово «карандаш» (pencil) считается «предметом для письма» и что слово «классная доска» (blackboard) должно быть запрещено, потому что может «лежать в основе схем действий, способных помешать процессу обучения» учащихся. Со своей стороны после введения в язык epicene — общего рода (что позитивно) феминистские и ЛГБТ-движения окунулись в инклюзивную писанину и гендерную тарабарщину.

Сначала это желание действовать и говорить «по-доброму» казалось обоснованным: в конце концов, разве современный язык не обязан приспосабливаться к чаяниям своих носителей? Но в последнее время «искореняющие» эвфемизмы «свирепствуют», подхваченные волнами движения MeToo, неофеминистскими и антирасистскими акциями. Волны превратились в цунами. Словесная гильотина работает в полную мощь. Инклюзивная писанина со своим синтаксическим уродством (Tou.te.X.s) распространяется, как про-

каза, в учебных заведениях и прозе сторонников прогресса, оскорбляя здравый смысл, слух и этимологию. «Нарушителей» выслеживают и осуждают в социальных сетях с невероятной жестокостью и насилием, заставляя учителей и журналистов увольняться, профессоров отменять свои лекции, а драматургов подвергать цензуре свои пьесы. Дух «чистки», похоже, овладевает кампусами, школами и редакциями газет при соучастии редакторов, преподавателей и директоров по культуре, напуганных перспективой стать мишенью.

Страсть к замалчиванию превратилась в безжалостную цензуру. Эвфемизм распространился на статуи, музеи и названия улиц, захватывая целые области истории и культуры. Чтобы стереть пятно рабства, предпринимаются усилия по искоренению библиотек и общественных мест как неотъемлемой части европейской и американской истории. «Чистка» вышла из сферы слов на улицы.

Мягкий язык — «френглиш» или «рунглиш»

Как следует из названия, мягкий язык — это «френглиш», «денглиш» или «спанглиш». Его носители — либеральные личности, технофилы, чувствительные к «страданиям» мира, которые не могут ограничиться национальным языком. Какой родной язык? Французский для франкоязычных? Это сильно попахивает этническими ограничениями. Таким образом, мягкий язык характеризуется проницаемостью, пористостью, капиллярностью, почти онтологическим попустительством языку доминирующей силы — англо-американской — в технической, экономической и идеологической областях. Мягкий язык — это новый гибридный язык глобализированных высших классов, который свидетельствует об их подчинении империи и гарантирует их членство в кругу избранных чиновников глобализации.

Французская версия мягкого языка, напротив, не испытывает угрызений совести по поводу того, что позволяет колонизировать себя английскому. Это добровольное подчинение стандартизированному англо-американскому языку стало для культуры тем же, чем доллар является для экономики и торговли — признанием всемогущества США. Использование английского необходимо из-за глобализации торговли. Простой язык, практичный как для деловых, так и для технических целей, английский обладает многими достоинствами. Но почему он должен непременно внедряться во французский там, где это по сути не требуется?

Франц Фанон показал, что перенимать язык колонизатора — значит ставить себя в положение добровольного рабства, перенимать кодексы и мышление доминирующего. Американизация языка способствует американизации нравов, экономики и политики. Мы далеко ушли от начала XX века, когда довольствовались импортом из Америки методов производства, музыкальных постановок и немых фильмов. Американизация была форсирована мерами политического принуждения, чему способствовали две мировые войны. Формальный шантаж был осуществлен в 1947 году, когда США навязали Европе привилегированный показ американских фильмов в обмен на деньги из Плана Маршалла, а также методы и терминологию бизнес-управления в англосаксонской манере.

Англомания усилилась в 1960–1970-х годах благодаря рок-музыке, а начиная с 1980-х — за счет внедрения концепций «нового государственного управления», новых технологий, компьютеров и, наконец, цифровой революции. В 2020 году COVID-19 распространил англосаксонскую болезнь на язык здравоохранения: «кластеры» размножаются с той же скоростью, что и вирус, в то время как «локдауны» продолжаются. Национальные языки вытесняются английским. Французский, дипломатический язык до 1920-х годов, особенно сильно пострадал от этого, вплоть до того, что на рубеже 2000-х годов практически исчез с международной арены. В дипломатии и международных организациях он больше не играет номинальной роли, как мы можем видеть каждый день в штаб-квартирах в Нью-Йорке, Вене или Женеве. В школах менеджмента и на факультетах естественных наук, экономики и политики большая часть занятий уже ведется на английском языке. Французский язык долгое время не использовался в научной литературе.

Квебек, Африка, некоторые острова с франкоговорящим населением все еще сопротивляются, но в других странах «дамбы» рухнули. На некоторых радиостанциях и в авторитетной прессе каждое десятое слово — из английского языка. Мы не можем представить себе открытие бара или проведение «мероприятия» (event) без присвоения ему английской «фамилии», хотя во всех случаях имеется идеально подходящее французское слово. Франкоговорящие канадцы, которые все время выявляют неоправданные англицизмы, хорошо знают об этом.

Таким образом, мягкий язык способствует обеднению национальных языков и культур, сокращению их разнообразия (по оценкам, почти половина из 5 тыс. существующих языков исчезнет к концу столетия), потере автономии и сужению горизонта мышления. Если многоязычность — это благо, то моноязычность — несчастье: она убивает поэзию, эстетические эмоции, творчество. Но, может быть, это и является целью?

Мягкий язык является также средством коммуникации технократического класса, для которого он служит инструментом пропаганды, стратегий завоевания и сохранения власти. Каждое его слово должно быть эффективным и обладать определенной функцией.

Он используется либо для того, чтобы стереть отношения подчинения, либо для утверждения отношений власти. Таким образом, благодаря своим бесконечным ресурсам, гибкости и пластичности мягкий язык стремится утвердиться в качестве идеального языка лжи и манипуляций, языка новой формирующейся империи, ПДС (программа долгосрочного стимулирования) нашего времени. Привилегированный язык Добра. Любая ложь, чтобы в нее поверили, должна считаться истиной. Но Истина не навязывает себя. Истинная жизнь гораздо убедительнее, если ее можно связать с Добром. Следовательно, Истина, особенно если она ложна, и Добро связаны как в демократии, так и в диктатуре. Поэтому пропаганда, чтобы быть эффективной, всегда должна вестись во имя Добра. Поэтому любая

власть, которая ставит задачу экспансии и доминирования, должна начать с убеждения, что она действует во имя Добра, будь то социальный класс, правительство или компания. Мы даже можем сказать, что цель любой власти состоит в том, чтобы претендовать на монополию на Добро. Следовательно, Добро не обходится без зла в обоих смыслах этого слова, особенно когда это Добро служит прикрытием для Зла...

Следовательно, притязание на служение Добру — это сизифов труд, который требует длительных непрерывных усилий и значительных затрат, потому что власть должна выглядеть по возможности безупречно. Она должна грести не только по течению, на будущее, чтобы оправдать свои сомнительные действия, но и против течения, в прошлое, чтобы обелить свой имидж и переписать историю, если это необходимо. Возьмем, к примеру, концентрационные лагеря и массовые депортации. Большинство людей считают, что концлагеря были созданы нацистами или Сталиным для правых либералов. Но это не так. Первые концлагеря изобрели британцы во время англо-бурской войны в Южной Африке в 1899 году. Нацисты же адаптировали эту модель, когда открыли первый лагерь в Дахау, прежде чем превратить его в лагерь уничтожения, в то время как сталинизм превратил его в обширную сеть лагерей принудительного труда, куда ссылались враги режима, реальные или предполагаемые. То же касается массовых депортаций и геноцида. Мы знаем из учебников, что Сталин придумал массовые депортации, а турки предположительно осуществили первый геноцид против армян путем этнических чисток. Однако первые массовые депортации и этнические чистки прошли в Соединенных Штатах в 1830-х годах, чтобы вытеснить и уничтожить путем голода, алкоголя и болезней коренные народы. У диктатур нет монополии на Зло, как и у демократий нет монополии на Добро...

Все то означает, что мягкий язык — это язык Добра. С помощью магии эвфемизма он все сглаживает, стирает шероховатости, гасит сопротивление и споры. Он светский, мультикультурный, открытый, без границ. Он также соединяет, выражает сокровенные мысли, позволяет общаться душам. Свобода, демократия, права человека, терпимость, свободный рынок — все это высшее проявление Добра, как в древних религиях, без различия расы, религии или класса. Уже в 1991 году язвительный Филипп Мюре увидел, что французы в процессе использования мягкого языка начинают поклоняться жутким идолам. «Империя Добра распространяет свои щупальца повсюду: власть хорошей идеи и ложной инаковости продолжает расти, диктатура притворства и тирания доброжелательности начинают расти, отравляя нам жизнь», — предупредил он. Семь лет спустя он с насмешкой отметил, что «добро стало еще хуже». Он покинул этот мир в 2006 году, а сегодня пришел бы в ужас, увидев, до какой степени Добро стало тоталитарным. Миллионы жертв войн в Персидском заливе, Афганистане, Сирии и Йемене сведены до состояния «сопутствующих потерь», прежде чем их приговорили к голодной смерти с помощью беспощадных экономических санкций.

Кто они, воюющие стороны, которых мы поддерживаем? Они доблестные «борцы за свободу», а по сути кровожадные убийцы, которые без колебаний нарушают Женевские конвенции, применяя химическое оружие. А безжалостные экономические войны, которые мы ведем против непокорных народов — кубинцев, венесуэльцев, палестинцев? Это всего лишь «санкции», как бы наказывающие непослушных школьников. На внутреннем фронте мы будем декларировать, что война против COVID-19 была объявлена во имя здоровья, хотя это и плохо с точки зрения свобод и обанкротившихся владельцев ресторанов. Закрытие фабрик также благо, потому что можно говорить о повышении «конкурентоспособности». А если доходы акционеров и больших боссов стремительно растут, то это лишь для того, чтобы их удача лучше «просачивалась» к беднейшим. Однако Книга Бытия открывается ошеломляющим прозрением: «Слово стало Плотью». Слова могут породить реальность. Без слов нет реальности или, во всяком случае, нет реальности, доступной для восприятия.

В Книге Бытия Адам и Ева изгнаны из земного рая за то, что они сорвали запретный плод с Древа познания добра и зла. Бог прекрасно знал, что делает, запрещая им прикасаться к Древу высшего познания. Не из-за Зла, которое может постичь каждое сознательное человеческое существо, а из-за Добра, которое при неправильном использовании может принести гораздо больше вреда, чем Зло. Все поражены этой яростной доброжелательностью, как богатые, так и бедные, как большинство, так и меньшинства. Никто не может избежать его топора. Мятежникам и еретикам сразу ставят клеймо, подвергают их бомбардировкам, отправляют их на суд общественного мнения. Превознося Добро выше общего блага, мягкий язык стал языком нового культа, который хуже старого.

Язык технократической религии

Поэтому мягкий язык является жаргоном новой жреческой касты. Это язык не поэтов и писателей, а руководителей компаний, юристов, журналистов, пиарщиков, экспертов и т. п. Это ни в коем случае не язык знаний — это язык ноу-хау. Это язык власти на службе власти. У него есть свои гуру — Клаус Шваб и Марк Цукерберг; вдохновенные мистики, такие как Илон Маск, как будто сошедший со страниц комиксов 1940-х годов; монахи-солдаты и филантропы Билл Гейтс и Джордж Сорос; лицензированные теологи Бернард-Анри Леви, Матье Рикар и Александр Жольен; постоянные хористы, которые поют «Доброе слово» миллионными тиражами на десятках языков, такие как Джоэль Дикер, Джоан Роулинг или Барак Обама; вдохновенные пророки Юваль Ноа Харари, Джереми Рифкин или Джудит Батлер. Он также может рассчитывать на фанатичных педантов, приверженцев трансгуманизма, адептов новых «учений», одержимых конструированием и деконструированием своей сексуальной и расовой идентичности.

В мире, где используется такой язык, любая попытка диалога столкнется с большими трудностями, поскольку все представители другой культуры будут восприниматься как варвары, которых нужно обратить в новую веру.

Л. М. Мосолова[1]

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ

В данном докладе речь пойдет о причинах накопившихся кризисных явлений в российском образовании и необходимости их преодоления в контексте перехода к новому миропорядку.

Мы все понимаем, что наша страна проходит сейчас очень острую, напряженную и сложную фазу своего исторического движения. Действительно, это очень драматический момент кризиса современной мировой цивилизации, особой частью которой мы являемся. Североатлантический альянс продолжает инициировать мощный поток деструктивных явлений, выражающихся в разных формах санкций, терроризма, разжигания войны, нагнетания массовых страхов, экономической и политической дестабилизации мирового сообщества.

Российская армия ведет тяжелую военную спецоперацию по демилитаризации и денацификации Украины. Каждодневно СМИ слагают летопись свершающихся военно-политических и экономических конфликтов, разрушений и гибели людей.

Другой мощный поток связан с миростроительством. В драматических условиях существования человека и его особой ответственности в наше время российские интеллектуалы и все неравнодушные люди вновь пытаются осмыслить произошедшее и подумать о близком грядущем. И вот в этом пространстве бытия движется огромный и несколько странный «корабль» российского образования.

Обсуждаются хронические зигзаги реформенной политики неолиберализма и эклектичного консерватизма, оставившие специфические следы во всех областях социокультурной жизни, в том числе в сфере образования. Многими исследователями отмечается, что практика бесконечных реформ, редакций, поправок и всего процесса модернизации образования «сверху» явно задержалась на идейных рубежах 1990-х годов, на неолибералистском этапе нашего «вхождения в Европу», и в должной мере не воспринимала реальные сложности и противоречия, присущие российской действительности. Наряду с этим недооценивались позитивные традиции отечественного образования.

Рассмотрим некоторые существенные причины, приведшие к целому ряду негативных явлений в сфере научно-образовательной культуры России.

Прежде всего это то, что начиная с 1990-х годов в нашей стране стали широко распространяться постмодернистские воззрения, гипертрофирующие некоторые когнитивные особенности постижения социокультурной реальности. Носители этих взглядов подвергли глубокому сомнению и даже отрицанию идеи о возможности существования объективной интегративной науки о человеке, обществе и культуре, способной использовать полученные выводы в социальной практике, подобно тому, как это делается в области наук о природе — физической и биологической. С соблазнительной ироничностью постмодернизм прошелся по нашему интеллектуальному полю, увлекая за собой даже искушенных гуманитариев, а порой и целые коллективы кафедр.

Я согласна с мнением Э. С. Маркаряна, подчеркнувшего, что негативная роль постмодернизма состоит именно в том, что он, создавая лишь иллюзию ориентации обществоведения на новые адекватные цели, идеологически обезоружил наше поколение перед лицом подстерегающих его опасностей. Распространение постмодернистских концепций и поразительно несерьезное отношение к наукам о человеке, обществе и культуре в постсоветский период привели к тому, что Э. С. Маркарян назвал «ментальным разоружением» общества[2].

Гуманитарии в большинстве своем отказались даже от диалектического метода познания — одного из самых крупных достижений европейской интеллектуальной культуры.

Назову несколько конкретных положений или позиций постмодернизма, определивших тренды деградации научно-образовательной сферы конца XX — начала XXI века:

— эпистемологический конструктивизм с его трансферным проектом ликвидации классического гуманитарного знания, высокой культуры, признания прекрасного в природе и человеческих отношениях или, другими словами, отказ от истины, добра и красоты;

— отказ от старых нарративов, повлекший за собой мощный антисциентизм — отрицание попыток познать природу и сущность явлений мира, что ярко проявилось, в частности, в работах И. Прохоровой;

— крайний индивидуализм, презумпция свободы воли, доходящей до перехода через черту разума, нигилизм, «упакованный» в академическую ученость;

— гонка инноваций, страх в этом не успеть, культ полезности, комфорта и наслаждения, которым теперь отведено место «высокой культуры»;

— отказ считаться с биологическими предпосылками пола, «дикая» гендерная свобода, что характерно для третьей волны феминизма и перерождения культурной антропологии;

---

[1] Профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Национальной академии художеств Кыргызской Республики. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология в контексте междисциплинарных исследований», «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «История и культурология в познании мира человека», «Архаика евразийской культуры в свете современной науки», «Научно-образовательные топосы культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга», «Междисциплинарная методолгия в культурологических исследованиях М. С. Кагана» и др. Награждена орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Правительства Санкт-Петербурга.

[2] *Маркарян Э. С.* Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. М. ; СПб., 2014. С. 433–460.

— принятие новых идентичностей вместо «неподлинных», культивирование миноритарных групп — меньшинств с их отклонениями.

Это далеко не полный перечень причин, оказавших влияние на процесс деградации научно-образовательной культуры и других сфер деятельности современного человека, связанных с идеями постмодернизма, трансгуманизма, метамодернизма и т. п.

Существование всех новых наук в контексте этих идей держится на критике классической культуры, и они стремятся к множественности. Это Culture analytics, Culture critic, Cultural history, Media studies, Narratology, Visual culture, Culture identity, Body studies, Sport studies, Fashion studies и др.

Имена представителей указанного комплекса наук хорошо известны: М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Э. Левинас, Э. Саид, А. Бадью, С. Жижек, Р. Краусс, Р. Моррис, Дж. Сегал, Дж. Миркус и многие другие.

Общее название этих наук — Cultural theory. По мнению исследователя культуральной теории В. А. Мартынова, все эти дисциплины в сущности однородны. И теория, и методология, и идеология у них одна. Общий метод — деконструкция с последующей репрезентацией. Все они работают в рамках мультикультурализма и исповедуют идеологию постколониального неолиберализма. Это конструктивизм в культурологии. Культура понимается здесь как производство текстов (вплоть до фейков).

Несмотря на отказ от рефлексивных обоснований своих позиций и работу на дискурсивном поле, культуральная теория представляет собой «академический цех» с присуждением научных степеней. Группа «наук о культуре» — культуральная конструктивистская теория на самом деле выступила и выступает как «регулярная авторитарная дискурсивная стратегия», контролирующая работу над пониманием и определением культуры. По выражению В. А. Мартынова, новое гуманитарное знание в форматах культуральной теории, в частности в виде Popular culture studies, выступает как «спецслужба» по критике классической культуры. Оно занято деконструкцией смыслов человеческого бытия, ликвидацией сложных смыслов классической культуры и конструированием специальных текстов с акцентом на социально-политическом аспекте, соответствующем практическим устремлениям представителей неолиберализма современного Запада.

Процесс реформирования российского образования начался с середины 1990-х годов на фоне победы либерализма после крушения советской системы. Идеологемы и практики либерализма, целый ряд идей культуральной теории с легкой руки радикально настроенных местных либералов вошли в систему важных философско-образовательных и технологических положений реформы образования в стране. Эта система известна как Болонская декларация, принятая в России в 2003 году.

Болонский процесс, таким образом, был стимулирован извне, а не стал внутренне обусловленной социокультурной инновацией. В сущности, он был нам навязан. Слова ректора МГУ В. А. Садовничего, произнесенные им на VII съезде ректоров России, о том, что «это процесс двусторонний. Мы можем не менее настойчиво предлагать партнерам на вооружение наш опыт. Мы должны защищать интересы системы образования России»[1], не были приняты к обсуждению.

Со временем под давлением идей Болонской декларации наше образование становилось, как говорила Алиса в произведении «Алиса в Стране чудес», «все чудесатее и чудесатее». Болонская система, по моему глубокому убеждению, продуктивно не сработала. Появилось больше имитаций, чем продуктов подлинного научно-образовательного строительства.

В российской науке реформы образования не получили серьезного философского, культурологического, социологического, педагогического и общенаучного обоснования. Компетентностная модель образования с ее идеологией конкурентной борьбы и успеха все больше подвергается критике:

— в ней преувеличили системообразующий потенциал компетентности;

— она не является парадигмой образования (этот тезис не имеет смысла);

— она реализуется как способ проецирования сущностных черт современного общества и его потребностей на сферу образовательных отношений; с помощью вороха компетенций можно конструировать социального актора с заданными чертами, а не добиваться высокого качества общекультурного и профессионального образования[1];

— критике подвергается система многоуровнего образования: бакалавр воспринимается как неполноценный специалист, а практика двухлетней подготовки магистра, пришедшего из другой сферы гуманитарного и негуманитарного знания в поле определенной специализации, считается профанацией.

Существует целый спектр критических оценок реализации Болонской декларации в России и странах СНГ, который полностью в докладе привести невозможно. Чем дальше, тем больше реформа российского образования по болонскому сценарию воспринимается как часть атлантического проекта по ментальному разоружению России.

России следует на пороге строительства нового миропорядка заново ответить на вечные вопросы: «Чему учить?» и «Как учить?». А это предполагает необходимость постановки диагноза нашему времени с глубиной, подобной той, которую в свое время представил Питирим Сорокин. Нужны, конечно, целенаправленные коллективные усилия представителей обществознания, человекознания, естествознания и культурознания. Потребность в новом интегративном знании очень велика.

Необходимы преодоление стихийного развития современной цивилизации, породившего усиление деструктивных сил, и осуществление перехода к ее направленному развитию. Важно найти реальные пути диалога и кооперации между нациями с целью создания качественно новой атмосферы сосуществования

[1] Цит. по: *Давыдов Ю. С.* Болонский процесс и сохранение самобытности российского высшего образования // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 336.

разных народов. Для этого нужно вырабатывать соответствующие идеологические, моральные и научные предпосылки.

Поскольку общий кризис в нашем мире носит социокультурный характер, постольку необходимы адекватные реалистические знания о человеке и его культуре «как определяющем феномене жизни людей» (Э. С. Маркарян).

Культуральная теория Запада и ее субдисциплины далее не будут иметь большого значения. В России существует другая культурология, которую западные исследователи не знают. Она является итогом и синтезом классической науки. Сбор результатов работы всей российской культурологии — одна их важных предпосылок для определения перспектив развития России и ее научно-образовательной сферы в новом миропорядке.

В. В. Наумкин[2]

К ВОПРОСУ О «ГОСУДАРСТВАХ-ЦИВИЛИЗАЦИЯХ»

Еще в советское время среди востоковедов и их некоторых коллег по другим отраслям гуманитарных наук появилось немало сторонников так называемого цивилизационного подхода, в той или иной мере подвергавших сомнению универсальность марксистской «пятичленки», или формационной теории, с помощью которой объяснялась вся история человеческого общества. Эти осторожные поиски были не просто фрондой, обусловленной усталостью от господства «формационизма», хотя и этот фактор тоже играл определенную роль. Благо, что в марксистском наследии были положения, которые можно было трактовать в пользу некоторой модификации пятичленной формулы, в частности об «азиатском способе производства». Целый ряд ученых, тогда продвигавших в научные дискуссии мысли о важности цивилизационных особенностей в объяснении исторических процессов, и сегодня продолжают научную деятельность.

Однако речь в моем докладе идет не о дискуссиях того времени, а о спорах по сходной с той, прежней, проблематикой, которые ведутся сегодня в кругах ученых-гуманитариев различных специальностей с активным участием политиков и даже журналистов. Но уже не ради ниспровержения марксизма, по которому и так были нанесены серьезные удары (отчасти несправедливые).

Активность участников этих споров продиктована актуальностью проблемы, в центре которой лежит широко распространенное представление о важности цивилизационных черт тех или иных обществ и особости ряда государств, которые принято сегодня относить к числу «государств-цивилизаций», в отличие от «государств-наций», или национальных государств, преобладающих в мировом сообществе. Об этом я писал в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Полис», к которой я могу отослать всех интересующихся этой проблемой, чтобы не повторять то, что уже было написано.

Немалое число аналитиков, участвующих в спорах, говорят о феномене *цивилизационизма* (хотя далеко не все согласны с этим термином). Среди них стоит особо выделить работающего в Сингапуре британца Джеймса Дорси, выступающего одновременно в двух ипостасях — журналиста и исследователя. Он, пожалуй, больше других написал по этой теме, изучением которой занимается уже много лет. Принадлежит к числу критиков и этого тренда в мировой политике, и самих исповедующих его «государств-цивилизаций». С учетом того влияния, которое оказывают размышления Дорси на широкий круг читающей публики как на Западе, так и в Азии, стоит подробнее остановиться на его аналитических построениях, которым автор придает остро политическую окраску, что делает их довольно далекими от академизма и научной беспристрастности.

Дорси, приводя в пример такие основные государства-цивилизации, как Индия, Китай, а также наша страна, и выдвигая, в частности, тезис о том, что «индийский цивилизационализм» способен в перспективе создать новую «горячую точку», утверждает, будто бы три лидера ставят задачу создания такого мирового порядка XXI века, при котором «цивилизационистские устремления поставлены выше национального суверенитета, свобод и прав меньшинств»[3]. Учитывая рамки доклада, который все же не претендует на то, чтобы быть полноценной теоретической статьей, предполагающей всестороннюю проработку темы, я не буду затрагивать все ее аспекты и сосредоточусь в дальнейшем на феномене Индии.

Что касается утверждений британского автора в отношении России, то их несостоятельность очевидна. Именно в многонациональной и поликонфессиональ-

[1] См.: *Мосолова Л. М., Тхагопсоев Х. Г.* Компетентностный подход в образовании: к культурологическим измерениям // Мир культуры и культурология : альманах Науч.-образоват. культуролог. о-ва России. СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. Вып. V. С. 267–275.

[2] Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «История Востока», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle», «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее», «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)», «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Восток (Oriens)», «Россия и мир: научный диалог», «Восточная аналитика». Председатель редсоветов журналов «Восточный архив», «Эпиграфика Востока», член редсоветов многих изданий. Награжден орденами Александра Невского, Дружбы, «Дуслык» (Татарстан), Славы (Мордовия), Почета Совета муфтиев России. Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства РФ им. Петра Великого, премии С. Ф. Ольденбурга РАН, Золотой медали АН Республики Татарстан, Международной премии клуба «Валдай», премии им. В. В. Посувалюка МИД РФ и ТАСС, Золотой медали Хубилай-хана АН Монголии и др.

[3] *Dorsey J.* Indian civilisationalism: a potential next flashpoint? URL: https://www.researchgate.net/publication/360541828_Indian_civilisationalism_a_potential_next_flashpoint.

ной России права меньшинств обеспечены настолько убедительно, что это признается практически всеми, кто знаком с ситуацией в нашей стране. Приведу в качестве примера лишь мнение генерального секретаря одной из наиболее крупных и влиятельных международных исламских организаций со штаб-квартирой в Мекке — Лиги исламского мира (ЛАМ) — Мухаммада Абд аль-Карима Аль Исы. В ходе визита в Россию, программа которого включала посещение Москвы, Татарстана и Чечни, руководитель ЛАМ, как известно, дал высокую оценку уникальному многовековому российскому опыту обеспечения гармонии, согласия и мира между различными этническими и конфессиональными группами населения страны. О самом федеральном устройстве страны и ее политике в национальной и религиозной сферах всегда положительно отзываются в странах исламского мира, а также и за его пределами.

Дорси упрекает руководство другого государства-цивилизации — Китая — в том, что оно рассматривает Тайвань как интегральную часть своей страны в рамках политики «одного Китая». Но ведь абсолютное большинство государств мира не поддерживает находящихся в меньшинстве тайваньских политиков, которые выступают за объявление независимости острова. Становится очевидным, что лишь США в отношении Китая постепенно дрейфуют к политике «двух Китаев», что, естественно, вызывает серьезную озабоченность у этого дружественного нам государства, народ которого так же гордится своей древней историей, как и мы. Вслед за западными лидерами Дорси подвергает критике национальную политику китайских властей, обвиняя их в нарушении прав человека в отношении уйгуров, казахов и некоторых других этнических и религиозных меньшинств, в подавляющем большинстве исповедующих мусульманство. При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что Китай, как и многие другие государства мира, сталкивается с угрозами своей национальной безопасности со стороны религиозных экстремистов, международных террористов и сепаратистов. Игнорируются также и те успехи, которых добился Китай в экономическом развитии районов компактного проживания мусульманских меньшинств. Показательно, что западные политики, правозащитники и эксперты, лицемерно защищая китайских мусульман и открыто демонстрируя двойные стандарты, не желают видеть жестоких преследований, которым подвергалось и подвергается русское население Донбасса со стороны киевских националистов.

Перейдем к Индии. Дорси сильно критикует премьер-министра этого государства-цивилизации Нарендре Моди за концепцию Акханд Бхарат (или Аханд Индостан, «неделимой Индии»), то есть Индии, которая «простиралась бы от Афганистана до Мьянмы и включала обладающий ядерным оружием Пакистан, а также Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланку и Мальдивы» (забыл автор еще Тибет добавить, тогда картина была бы полной). Об этой концепции написано очень много, и я в данном случае также могу отослать всех интересующихся к имеющимся в изобилии материалам. Конечно, в правящей сегодня в Индии «Бхаратия джаната парти» (БДжП) есть сторонники националистических взглядов, но не они определяют политический курс страны. Дорси признает, что с того времени, как Моди в 2014 году возглавил индийское правительство, он воздерживается от публичного озвучивания хорошо известных индийских националистических геополитических амбиций. В то же время британский автор напоминает, что последний раз Моди выступал в таком духе не так давно, а именно в своем интервью в 2012 года в качестве главного министра Гуджарата, когда он заявил, что «Индия, Пакистан и Бангладеш должны снова воссоединиться».

Такие юнионистские устремления у определенной части индийских политиков существуют, но не следует забывать, что речь идет не о проекте насильственного объединения этих государств или их более широкого круга, а об их воссоединении на почве общей истории и цивилизационной близости, а также на основе добровольного воссоединения народов, что привело бы к созданию в Южной Азии мощной державы, способной стать одной из лидирующих в мире. По утверждению Дорси, якобы сохраняет актуальность концепция «Хинду Раштра» (в настоящее время ее принято переводить как «индийская система правления», Hindu polity), в которой британец видит воплощение индийского национализма. Хотя привлекательность этой концепции явно потускнела, не будем забывать, что ее сторонники и ранее подчеркивали то, что в ней идет речь не об индуизме, а об «индийскости». Хотя в сообщество бытующих в Южной Азии религий включаются не все. Помимо индуизма, это буддизм, сикхизм, джайнизм и, как выразился один из идеологов индийского национализма, «ислам с восточной системой ценностей вроде индонезийского».

Замечу, что подобные весьма резкие нападки на правительство Моди со стороны одного из видных западных мейнстримных авторов вряд ли способны укрепить ориентацию Индии на более тесное сотрудничество с США и их ближайшими союзниками в Европе и Азии и подлинное доверие между сторонами. Да, верно, что в силу прагматических геополитических соображений, в том числе связанных с непростыми отношениями с КНР, Дели участвует в таких форматах этого сотрудничества, как QUAD (Четырехсторонний диалог по безопасности), объединяющий США, Японию, Австралию и Индию. Верно и то, что Нарендра Моди придает этому четырехстороннему диалогу по безопасности важное значение, о чем свидетельствуют его недавние выступления. В частности, 24 мая 2022 года в ходе встречи лидеров «четверки» он заявил, что взаимодействие четырех государств «способствует созданию свободного Индо-Тихоокеанского региона». Тем не менее единодушия между ними не возникло: индийский премьер так и не согласился примкнуть к антироссийским санкциям своих партнеров по QUAD. Но попытки «подтягивания» Индии к западному лагерю продолжаются. Так, канцлер Германии Олаф Шольц пригласил Моди принять участие в июньском саммите G7 в баварских Альпах.

Развивая тему национализма индийских властей и провластных политиков, Дорси обращается к взглядам такого слывущего умеренным националистом деятеля, как Рам Мадрав, — бывшего генерального секретаря БДжП и члена исполкома консервативной националистической организации «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС), имеющей почти столетнюю историю и объединяющей, по некоторым оценкам, едва ли не 6 млн последователей. Мадрав ищет общие цивилизационные ценности у исповедующих различные религии жителей региона, который можно назвать «Большим Индо-Тихоокеанским», по аналогии с придуманным в США «Большим Ближним Востоком». В недавнем интервью Мадрав сказал британцу: «Восточные цивилизации и восточные религии исповедуют одну и ту же систему ценностей». В качестве примера такой религиозной системы ценностей политик сослался на «гуманистический ислам», который исповедует «Нахдатул Улама» — самое крупное не только в Индонезии, но и во всем мире движение, по выражению Дорси, «мусульманского гражданского общества» (оно образовалось в результате отделения от другого — умеренного реформистского неправительственного движения мусульман-суннитов «Мухаммадийя», созданного в 1912 г. и по сей день являющегося еще одной мощной религиозно-общественной структурой в Индонезии). «Нахдатул Улама» — движение, которое объединяет в своих рядах, по одним оценкам, до 90, по другим — не более 30 млн мусульман-суннитов, выступает за избавление ислама от ряда обветшалых, давно устаревших норм. Кстати, среди экспертов есть сторонники включения Индонезии в число государств-цивилизаций, если не сегодня, то во всяком случае в ближайшем будущем.

Британский эксперт также недоволен политикой Дели в отношении почти 200-миллионного мусульманского «меньшинства» (Дорси оценивает число мусульман в Индии в 14 % от общего числа жителей — 1,4 млрд). Он вспоминает внесенные в 2019 году в Индии поправки в закон о гражданстве, в соответствии с которым право на него предоставляется индийцам, проживающим в Афганистане, Бангладеш и Пакистане, но не мусульманам, а также лишение автономии Джамму и Кашмира, который был единственным штатом Индии, где мусульмане составляли большинство. Далеко не все и среди западных экспертов и аналитиков из мусульманских государств расценили это как попрание прав мусульман.

Несправедливая критика политики «государств-цивилизаций», в число которых входят наиболее влиятельные, имеющие протяженную историю страны не-Запада, отстаивающие свою национальную идентичность перед лицом гегемонистских устремлений западных держав, обостряет противоречия, которые прослеживаются в статьях и выступлениях мейнстримных западных авторов, к числу которых относится, к примеру, Джеймс Дорси. Можно предположить, что дебаты вокруг проблемы цивилизационизма в условиях новых глобальных вызовов и геополитической неопределенности сохранят существующую динамику в ближайшей и среднесрочной перспективе.

А. Д. Некипелов[1]

ЭКОНОМИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Последнее десятилетие XX — начало XXI века прошли под знаком неолиберальной глобализации. Новая ступень научно-технологического прогресса привела к кардинальному усилению хозяйственной взаимозависимости государств мира благодаря быстрому развитию международной торговли, резко возросшей транснациональной мобильности финансовых ресурсов и рабочей силы. Процессы интернационализации происходили в этот период в условиях, когда рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни и их важнейшей стороной было последовательное снятие барьеров, ограничивавших непосредственное взаимодействие экономических агентов из разных стран во всех сферах деятельности.

Тенденция к формированию на планете все более однородной рыночной среды получила многообразные проявления, и именно она, как представляется, определила качественную специфику этого этапа интернационализации мирового хозяйства. Быстро прогрессировал процесс отказа от административных и экономических (прежде всего тарифных) ограничений, стоявших на пути международной торговли, произошла полномасштабная финансовая либерализация. В валютной сфере незыблемым оставалось положение доллара США, а либерализация проявилась в переходе большинства стран к режиму свободно формируемого курса национальных валют. Быстро создавались единые стандарты макроэкономической политики. Ее монетарная составляющая в большинстве стран была подчинена задаче минимизации уровня инфляции, а финансовая — ограничения жесткими рамками дефицита государственного бюджета. Глобализация рыночной экономики про-

[1] Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от „робинзонады“ до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

явилась и в быстром развитии транснациональных производственных структур, в рамках которых возникали разветвленные цепочки создания стоимости, связывавшие в единое целое производителей разных стран. Получившие развитие в разных частях мира региональные интеграционные процессы рассматривались в этом контексте как форма укрупнения структуры мирового хозяйства в ходе его глобализации.

Все эти тенденции сопровождались ощутимым ослаблением экономических позиций национальных государств, передачей их функций на уровень меж- и транснациональных организаций. Все чаще в общественно-политическом дискурсе высказывалась идея создания в будущем единого мирового правительства.

Конечно, и в этих условиях была очевидной ключевая роль, которую в процессе глобализации играли США и их союзники. Однако формировалось представление, что интересы ведущих государств, по сути, совпадают с интересами мирового сообщества, поскольку их реализация содействует быстрому распространению современных производственных технологий и прогрессивных форм организации и менеджмента. Эти представления подкреплялись тем, что в ходе глобализации транснациональные компании, чьи штаб-квартиры в большинстве своем находились в развитых государствах, в массовом порядке переносили свои производственные звенья в развивающиеся страны.

Следствием процесса глобализации стали существенные перемены в специализации разных групп государств. Экономика США и многих их союзников превратилась в сервисную: основная, а в Соединенных Штатах подавляющая доля валового внутреннего продукта этих стран стала создаваться за счет предоставления услуг. Среди этих услуг, разумеется, ведущее место занимает высокоинтеллектуальная часть реального сектора экономики[1] — научно-технологические, информационно-коммуникационные, образовательные, медицинские, транспортные, строительные услуги. Но заметную роль в экономической структуре играют такие системные виды деятельности, как финансовые услуги. В последние десятилетия XX века развитие рынков ценных бумаг, разработка изощренных операций с финансовыми активами, основанных на сложных математических конструкциях, превратили финансовое посредничество в очень прибыльный вид деятельности. Предоставление этих услуг на глобальном уровне сконцентрировалось в ограниченном числе финансовых центров, большая часть которых либо расположены в ведущих странах, либо контролируются ими.

Снятие ограничений с транснациональных сделок не происходило (и не могло происходить) по заранее согласованному всеми странами порядку. Поэтому ослабление экономических позиций национальных государств в период неолиберальной глобализации не носило характера неотвратимого закона, в одинаковой мере затрагивавшего всех. Наиболее успешные из развивающихся стран (среди них следует прежде всего отметить КНР), активно используя возможности глобализации, тщательно дозировали свои решения по либерализации хозяйственной деятельности в соответствии с национальными стратегическими целями. Это означает, что и в период относительно благоприятного хода процесса глобализации сохранялся (а отчасти и развивался) потенциал межгосударственных противоречий.

Представляется, что переломным моментом стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов. Глобальная катастрофа, произошедшая в результате радикальной либерализации рынков капитала, нанесла мощнейший удар по странам, ранее сделавшим ставку на финансовое посредничество. И тут обнаружилось, что национальные интересы мировых лидеров никуда не исчезли, они просто оставались в тени, пока им ничего не угрожало. В результате кризиса нарушился баланс национально-государственных интересов, что было связано с быстрым возвышением Китая, изменением общего соотношения сил на мировой экономической арене, повышением интереса к позиции России относительно необходимости перехода к многополярному миру, а также притягательности таких организаций, как БРИКС. Все это способствовало возвращению геополитики на первый план в мировых делах. В период пандемии эта тенденция лишь усилилась.

Мировая экономика вступила в зону институционального кризиса. Недавние лидеры неолиберальной глобализации активно занялись перестройкой структуры собственных экономик, что отчетливо проявилось в тенденции к возврату производств, ранее перенесенных в развивающиеся страны. Еще недавно казавшиеся незыблемыми стандарты рациональной макроэкономической политики стали попросту игнорироваться развитыми государствами с целью противодействия рецессии из-за пандемии и сохранения социальной стабильности в национальных границах. В арсенал их действий вошли такие «нетрадиционные» меры ограничения свободы транснациональных сделок, как применение санкций против своих геополитических конкурентов. Все это дает основания полагать, что мы являемся свидетелями по меньшей мере значительного замедления глобализации[2], а вероятнее всего — прихода ей на смену процесса фрагментации, который будет сопровождаться существенной институциональной перестройкой экономических отношений в различных макрорегионах мировой экономики.

Россия по известным причинам оказалась в центре геополитических разломов современного мира. Беспрецедентные санкции, обрушившиеся на нее после начала специальной операции на Украине, вполне укладываются в общую логику «деглобализационного процесса» — вытеснения конкурентных отношений классических рыночных экономических агентов (фирм и потребителей) отношениями противоборства национальных государств и их коалиций. В этой «игровой ситуации», главными действующими лицами которой

[1] Реальный сектор экономики не следует отождествлять со сферой материального производства. К этому сектору относятся все виды деятельности, входящие в технологические цепочки, ведущие в конечном счете к удовлетворению естественных потребностей людей.

[2] Эта позиция получила весьма широкое распространение, отражением чего стало появление термина Slobalization (slower globalization — более медленная глобализация).

прямо или косвенно являются крупнейшие государства, России предстоит найти адекватные ответы на брошенные вызовы.

В связи с санкционной войной российской экономике приходится иметь дело с тремя основными видами шоков. Состоявшиеся и потенциальные ограничения на российский экспорт являются (либо могут стать) источником «шоков со стороны спроса». Запреты на поставку российским фирмам различных видов продукции, а также естественно возникающие или искусственно воздвигаемые логистические барьеры, затрудняющие доставку импортных товаров, порождают так называемые шоки «со стороны предложения». Наконец, сокращение возможностей или даже полное блокирование расчетов с использованием валют недружественных стран относится к категории «финансовых шоков». Каналы воздействия и последствия этих ударов по экономике различны, что приходится учитывать при выработке мер экономической политики.

Шоки, сопровождающие сокращение внешнего спроса, создают проблемы с реализацией ориентированной на экспорт продукции; они чреваты остановкой производств и ростом безработицы. Шоки, дезорганизующие производственный процесс, могут приводить к такому крайне неприятному явлению, как стагфляция — сокращению выпуска и повышению инфляции одновременно. Ограничения на применение в международных расчетах резервных валют серьезно затрудняют осуществление внешнеэкономических связей и тем самым провоцируют целый комплекс серьезных проблем для экономики, глубоко интегрированной в мировое хозяйство. Наконец, такие выходящие за рамки цивилизованных отношений меры, как замораживание суверенных резервов, средств юридических и физических лиц, попавших под санкции, напрямую сокращают ресурсы российской экономики. Все это в комплексе создает угрозу хаоса в производственной и финансовой деятельности, неконтролируемого спада производства, крупномасштабной безработицы, подрыва социально-политической стабильности российского общества.

Характер возникающих проблем однозначно свидетельствует о том, что нашей экономике предстоит пройти через период масштабной реструктуризации, связанной с необходимостью ее модернизации при существенном изменении характера включения в систему мирохозяйственных связей. Понятно, что такая реструктуризация в условиях дефицита времени — нетривиальная задача.

Анализ показывает, что в сложившихся условиях наличие базовых ресурсов (сельскохозяйственных угодий, природных ископаемых) для производственной деятельности и удовлетворения основных потребительских нужд является отнюдь не обузой, порождающей «наркотическую зависимость» от доходов, связанных с их эксплуатацией (так называемая голландская болезнь), а важнейшим условием успешного ответа на вызовы, с которыми столкнулась Россия. Именно это национальное достояние гарантирует возможность при всех условиях поддерживать достойный уровень потребления населения и не допускать неприемлемого снижения производственной активности. При этом ключевой становится задача определения оптимального механизма финансирования насущных структурных изменений. Дело в том, что эти изменения требуют значительных инвестиций и при их реализации займут немало времени.

Попытка обеспечить структурную перестройку исключительно на основе рыночной самонастройки в рамках взаимодействия частных фирм неизбежно сопровождалась бы неприемлемым уровнем безработицы в кратко- и среднесрочном периоде. Определенную роль в смягчении этой проблемы может сыграть малый бизнес, поэтому усилия, направленные на создание максимально благоприятных условий для его деятельности, являются абсолютно оправданными. Вместе с тем эта роль не может не быть ограниченной. Без активного участия государства процесс структурной перестройки неизбежно будет очень длительным и болезненным. В его распоряжении имеется инструментарий активной промышленной политики, позволяющей сформировать общий дизайн необходимых структурных изменений и добиться его реализации. Именно государство может обеспечить достаточно оперативное перемещение части доходов ресурсных отраслей экономики на финансирование секторов, нуждающихся в инвестициях и испытывающих дефицит текущего спроса.

В некотором смысле данная проблема аналогична той, которая стояла перед Советским государством в годы индустриализации. В принципиальном отношении возможно несколько подходов к ее решению.

Первый состоит в прямом изъятии средств из отраслей-доноров посредством жесточайшего налогового прессинга. Недостатки такого современного варианта «продразверстки» очевидны: она подавляет всякие стимулы к эффективной работе ресурсного сектора и приводит к социально-политической напряженности.

Второй подход связан с инфляционным финансированием структурной перестройки. Связанные с ним риски тем более велики, что и без того в российской экономике из-за обрушившегося на нее шока со стороны предложения проблема инфляции в среднесрочной перспективе будет стоять весьма остро.

Наконец, третий подход заключается в максимальном использовании финансовых возможностей самого государства. Эти возможности состоят в накопленных средствах Фонда национального благосостояния, принадлежащих государству факторных доходах (прибыль от государственных активов, рентные платежи за принадлежащие государству природные ресурсы), а также в заемных средствах. Понятно, что активное использование инструмента заимствований приведет к тому, что страна будет довольно длительное время жить в условиях растущего государственного долга. С учетом того, что сегодня этот долг находится на низком уровне, и того, что за счет привлеченных кредитов должны быть созданы эффективные производства, доходы которых станут источником его погашения в будущем, особой опасности в таком развитии событий нет.

Структурный шок, с которым столкнулась российская экономика, предъявляет особые требования к денежно-кредитной политике. Первые меры, при-

нятые денежными властями, можно признать эффективными. Быстрое (уже 28 февраля 2022 г.) и резкое повышение ключевой процентной ставки до 20 % позволило сбить ажиотаж на валютном рынке[1], вернуть вкладчиков в банки, в значительной степени подавить всплеск «моментной инфляции»[2]. Поддержки заслуживает и оперативная реакция Центрального банка на стабилизацию ситуации на рынках товаров и финансовых активов: снижение ключевой процентной ставки вначале до 17 (с 11 апреля 2022 г.), а затем до 14 % (с 5 мая 2022 г.). Однако намерение в 2023 году вернуться к четырехпроцентной годовой инфляции вызывает вопросы. Сомнения касаются не возможности добиться такого результата, а целесообразности самой этой установки в нынешних условиях.

Шок со стороны предложения и вызванные им серьезные структурные изменения в российской экономике носят долговременный характер, явно не укладывающийся в перспективу полутора-двух лет. Преждевременная попытка подавить инфляцию в этих условиях чревата серьезными проблемами в производственной сфере — ухудшением финансового положения предприятий и погружения экономики в длительную стагнацию. Поэтому задача на обозримый период должна заключаться не в том, чтобы как можно скорее вернуться к четырехпроцентному уровню годовой инфляции, а в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для структурной перестройки экономики.

С точки зрения заинтересованности экономических агентов в инвестировании, столь важной для решения этой задачи, ключевое значение имеет не уровень инфляции, а ее предсказуемость для экономических агентов и реальная процентная ставка. При этом низкая (или даже отрицательная) ставка сама по себе не означает благоприятных условий для инвестирования: ведь предпринимателям приходится считаться с тем, что в случае существенного снижения инфляции ситуация может быстро и кардинальным образом измениться. Данное соображение тем более важно, что в нормальных условиях отчетливо проявляется зависимость между уровнем инфляции и его изменчивостью.

Стандартный подход к решению этой проблемы состоит в том, чтобы последовательно вести дело к сокращению инфляции и одновременно осуществлять комплекс мер, призванных убедить экономических агентов в том, что антиинфляционная политика будет твердо проводиться, несмотря на текущие издержки, лежащие на стороне производства. Предполагается, что это наиболее надежный путь формирования благоприятного инвестиционного климата, и, похоже, именно к его реализации, пусть и не в самом жестком варианте, склоняется Центральный банк России.

Между тем в условиях сложной конфигурации шоков, с которыми столкнулась российская экономика, текущие издержки могут оказаться слишком большими. Поэтому самого серьезного внимания заслуживает иной вариант действий, в свое время успешно опробованный рядом стран, в которых годовой уровень инфляции превышал 30–40 %. Речь идет о внедрении системы индексации всех срочных контрактов, предполагающей автоматическую корректировку обязательств экономических агентов с учетом индекса цен, регулярно фиксируемого уполномоченным государственным органом. Конечно, воплощение в жизнь этой идеи требует немалых усилий и времени: ведь помимо прочего в этом случае фирмам предстоит перейти на адаптированную к инфляции систему бухгалтерского учета, а государству — внести изменения в налоговое законодательство. Кроме того, индексация не может быть совершенной, поскольку она будет происходить не непрерывно, а через определенные промежутки времени[3]. Но на фоне долгосрочного характера структурного шока, обрушившегося на нашу экономику, эти издержки могут оказаться приемлемыми с учетом тех выгод, которые дает субъектам хозяйственной деятельности кардинальное уменьшение влияния неопределенности ценовой динамики на принимаемые ими решения.

Еще один вызов, с которым столкнулись денежные власти, связан с тем, что недружественными государствами приняты ограничительные меры к российским банкам и экономическим агентам, затрудняющие для них пользование в международных расчетах резервными валютами. Но такая возможность не была исключена полностью. В результате возникла весьма специфичная ситуация. С одной стороны, сохраняется «бутылочное горлышко», через которое могут проходить расчеты в резервных валютах со стороны не попавших под санкции фирм через не попавшие под санкции российские банки за некоторые виды импортируемых товаров. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что недружественные государства в состоянии в любой момент сузить или даже вообще перекрыть платежи в резервных валютах.

Реакция российской стороны была абсолютно адекватной. Приняты решения, позволяющие российским фирмам погашать внешнюю задолженность рублями в случае необходимости, на рубли были переведены расчеты за поставляемый на внешние рынки газ. Большое, хотя во многом и вынужденное значение имеют ограничения по капитальным статьям платежного баланса, в частности решение о необходимости продажи экспортерами 80 % экспортной выручки на валютном рынке.

Резко упавшая привлекательность доллара и евро для российских экономических агентов стала причиной беспрецедентно быстрого снижения их курса

[1] Курс рубля к доллару США 23 февраля 2022 года составлял 80,42, 11 марта — 120,38, 13 апреля — 79,63 руб./долл. См.: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.

[2] Темпы месячной инфляции (в процентах к предыдущему месяцу) в первом квартале 2022 года быстро нарастали: январь — 0,99, февраль — 1,17, март — 7,61 %; в годовом исчислении эти показатели составляют: январь — 12,5, февраль — 15,0, март — 141,1, апрель — 44,0 % (см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_03.html). В апреле инфляция начала быстро снижаться. Ее среднесуточный уровень в первой половине месяца был уже в два раза меньше, чем в марте — 0,1 против 0,237 % (см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/60_13-04-2022.htm).

[3] О возможностях и ограничениях адаптации к инфляции при помощи индексации номинальных контрактов известно давно (см., например: *Begg D., Fisher S., Dornbusch R.* Economics. 3rd ed. McGraw Hill Book Company, 1991. P. 520–521), однако с утверждением идеологии Вашингтонского консенсуса они фактически были преданы забвению.

к рублю. Более того, эскалация антироссийских санкций в финансовой сфере теоретически может привести к полной ликвидации обращения валют недружественных государств на российском валютном рынке. В этом случае взаимная торговля сможет осуществляться либо с использованием рубля (а также таких валют, как китайские юани и индийские рупии), либо на основе внедрения клиринговых систем расчетов, либо посредством бартерных сделок.

В целом сложившаяся в валютной сфере ситуация носит явно выраженный игровой характер. Западным странам в стремлении нанести ущерб российской экономике приходится учитывать опасность резкого сокращения или даже прекращения поставок из России жизненно важных для них товаров, а также ставшую вполне реальной перспективу подрыва резервного статуса своих валют. Российская сторона избегает полного отказа от использования валют недружественных государств и не выдвигает требования перейти в расчетах с ними исключительно на рубли, поскольку не заинтересована в дополнительном сокращении взаимной торговли[1].

Р. И. Нигматулин[2]

НАУКА, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЧТО ДЕЛАТЬ[3]

Ученые, и в первую очередь ученые Российской академии наук — государственной академии, должны сохранять контакт со всеми слоями общества, партиями и тем более властью, а также влияние на всех них. Поэтому ученым пока надо отказаться от обсуждения извечного русского вопроса: *«Кто виноват?»*. С гневом нужно подождать и общаться только на научном языке, беря пример с великого академика Ивана Павлова. Во время революционного хаоса в 1918 году он говорил о проблемах *русского научного ума*. А в 1930-е годы он нашел путь, чтобы в своих письмах высказать жесткие, но сформулированные научным языком соображения о состоянии страны лидерам государственной власти. При этом он не потерял влияния на власть и сумел добиться прекращения преследования десятков пострадавших от репрессий ученых, представителей православной церкви и их родственников.

Во Второй мировой войне на стороне СССР с населением около 200 млн человек и его союзников США, Канады (200 млн) и Великобритании (50 млн) в целом участвовало примерно *450 млн* человек. Против них воевало и работало меньшее количество человек, а именно около *350 млн:* Германия (50 млн) вместе с покоренной ею континентальной Европой (300 млн). Но сейчас в условиях усиливающейся экономической войны нашей стране с населением всего лишь *150 млн* человек противостоят государства Европы, США, Канады и Японии, в которых живут и работают *950 млн* человек, то есть противник численно превосходит нас более чем в 6 раз. Причем это те страны и народы, технологические достижения которых мы используем в течение нескольких десятилетий.

В сложившихся условиях, когда надвигается угроза устойчивости нашей страны и мирового порядка, должна усилиться роль отечественной науки, в том числе академической и университетской. Ответ на вопрос: *«Что делать?»* должен быть дан с учетом научной составляющей.

Ученым необходимо сосредоточиться на решении главных проблем в течение 2022 года и последующих лет. Более того, нужно решить, *что* и *как* обсуждать, и очень важно *найти пути обсуждения* предлагаемых учеными *решений* в обществе и властных структурах.

Первые оценки последствий экономической войны

В 2021 году экспорт России составил около 493 млрд долларов, 90 % в его структуре занимало сырье или полусырье. Бóльшая часть экспортной выручки пока *сохранится*, тем более что цены на наше сырье выросли. Европейские лидеры понимают, что без наших углеводородов и другого сырья в их странах наступит экономический спад, сократятся доходы населения, что приведет к проблемам на выборах. Поэтому наша экспортная выручка вместе с сохранившимися золотовалютными резервами поможет поддержать курс рубля.

Кстати, события подтвердили, что *извлекаемое из земли сырье — более надежный ресурс*, чем избыточные и инфлирующие золотовалютные резервы, которые, как оказалось, могут быть еще и арестованы [2].

Необходимо изучить возможность и последствия ограничения нашего экспорта сырья и полусырья в за-

[1] В то же время необходимо принимать во внимание опасность новых актов «замораживания» сумм в резервных валютах, оказавшихся у российских фирм и банков. В этом отношении озабоченность вызывает значительный уровень актива по текущим статьям платежного баланса, зарегистрированный в первом квартале 2022 года, — 58,2 млрд долларов; за весь 2021 год этот показатель составил 122 млрд долларов (см.: https://www.cbr.ru/statistics).

[2] Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Механика сплошной среды», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика», «Кризис и модернизация России — 13 теорем», «4Э нашей жизни — экология, энергетика, экономика, этнос» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Член Национального комитета России по теоретической и прикладной механике. Член редколлегий ряда ведущих международных журналов по механике и теплофизике. Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премий Правительства РФ в области науки и техники. Награжден Золотой медалью ВДНХ СССР, Академии наук Республики Татарстан «За достижения в науке», орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени и др.

[3] Доклад подготовлен на основе статьи: *Нигматулин Р. И.* Академический взгляд на техно-экономическую блокаду // Независимая газета : [сайт]. 2022. 26 апр. URL: https://www.ng.ru/nauka/2022-04-26/9_8427_blockade.html (дата обращения: 08.06.2022).

висимости от снятия ограничений на необходимые для нас импортные комплектующие. При этом не надо преувеличивать масштаб трудностей, возникших в США и Европе из-за санкционной войны.

В США даже после роста цен на бензин более чем в два раза его стоимость составляет всего 6 долларов за галлон, или около 1,5 доллара за литр, что по *паритету покупательной способности*[1] *соответствует 45 рублям за* литр. Дешевле, чем у нас. Там справятся и с инфляцией, уже достигшей 7 %.

В Европе санкционная война с Россией создаст гораздо больше проблем. Повышение цен на газ, нефтепродукты и другое сырье приведет к более серьезному падению ВВП и более существенной инфляции.

Главная проблема экспортно-импортной составляющей нашей экономики заключается в том, что на вырученные доллары и евро из-за санкций нельзя купить необходимые для наших производств импортные *комплектующие*. Возникает *угроза безработицы*. Без необходимых комплектующих, которые используются в большей части производств, будет невозможно изготовить потребительский товар, вносящий вклад в ВВП.

У нас не только вся промышленность, авиационный транспорт, но и сельское хозяйство зависит от импорта комплектующих и компонентов из Европы, США и Китая. Без комплектующих у нас не будет станков, которые мы сами давно не производим. А для сельского хозяйства крайне важны импортные семена, племенной материал, добавки в комбикорма, ветеринарные препараты и т. п.

Неэффективность экономического блока

Ключевая и очень серьезная проблема, не позволяющая преодолеть обострившиеся экономические вызовы, — вопиющая многолетняя неэффективность работы социально-экономического блока правительства, руководителей корпораций и крупных предприятий, где почти *нет специалистов*, инженеров. Уже 30 лет менеджеры, юристы и финансисты вместо того, чтобы помогать специалистам, действуют неэффективно и разрушающе.

У нас самая *низкая отдача от инвестиций* в основной капитал (более чем в 1,5 раза меньше, чем в странах Европы и США), мы потеряли *технологическую* независимость. Нужно тщательно искать *специалистов*, выделяя тех, кто имеет созидательный опыт, и срочно выдвигать их на руководящие посты, иначе у нас нет никаких перспектив в развитии производительных сил.

Надо значительно усовершенствовать подготовку и переподготовку *инженеров* и квалифицированных *рабочих*, причем не только в вузах и училищах, но и на фабриках и заводах. Необходимо поднять зарплаты *преподавателям* университетов и училищ. Нужно соблюдать культуру академической свободы, профессорской и вузовской автономии. Необходимо сделать престиж и зарплату ученого и преподавателя выше престижа и зарплаты чиновника. Общество должно любить и уважать науку и образование.

Однако реализовать программу восстановления и подъема высшего образования и науки соответствующее Министерство сейчас *не способно*. В нем нет квалифицированных и опытных специалистов.

Напомню имена выдающихся ученых и государственных деятелей, которые руководили ведомствами, ответственными за образование и науку. Министерство образования и ВАК СССР возглавляли члены-корреспонденты Академии наук В. П. Елютин, Г. А. Ягодин, академики И. Ф. Образцов, Е. И. Шемякин. Председателями Государственного комитета по науке и технике были академики В. А. Кириллин, Г. И. Марчук, Н. П. Лаверов. Сравните их с теми, кто занимает аналогичные посты сейчас. Становится горько, печально и даже смешно.

Экономика и производительные силы

Помимо оценки вариантов замещения импортных комплектующих, производимых в недружественных странах, правительство совместно с научными учреждениями должно оценить состояние и развитие *сырьевой базы* России[2], являющейся практически единственным нашим экономическим козырем, по крайней мере, в ближайшее десятилетие.

Необходимо разработать методы индикативного стратегического *планирования* для ключевых предприятий производственного сектора, предусмотрев действенные *льготы* (земельные, налоговые, таможенные, административные), стимулирующие выполнение запланированных показателей.

Требуется срочно отработать меры по ограничению «террора» предприятий со стороны надзорных структур (правоохранительных, экологических, пожарных и др.) и объявить амнистию техническим специалистам, находящимся в заключении или под следствием по «экономическим» статьям.

Пора отрабатывать переход на финансирование государственного бюджета эмиссией Центрального банка России, чтобы обеспечить экономику необходимой ликвидностью. Следует изучить возможность расчетов золотом как в наличном, так и в безналичном порядке.

Вместе с мобилизацией государственных структур следует сделать все, чтобы развить *малый* и *средний* бизнес. На Западе он дает 60 % ВВП, а у нас только 20 %. В нашей экономике снова стали *избыточными* патронаж и давление государственных структур. Следует расширить практику снижения *налогов*, например НДС, для малого и среднего бизнеса, а также для предприятий, занимающихся конструированием, проектированием, программированием, наукой, обучением техническим дисциплинам, высокотехнологичных производств. Нужно развивать для них *целевое кредитование* по ставке не более 5 % годовых.

Правительство уже начало работу в указанных направлениях, о чем давно говорили ученые [1; 2]. Одна-

[1] В соответствии с экономической теорией сравнивать внутренние цены и ВВП в разных странах нужно именно по паритету покупательной способности, а не по курсу ЦБ.

[2] По этой теме в РАН имеются материалы, подготовленные под руководством академика Н. С. Бортникова и члена-корреспондента РАН В. Л. Яковлева.

ко нужны гораздо более решительные и срочные меры. Они перечислены ниже.

1. В первую очередь надо срочно добиться снижения *внутренних цен* на топливо, электроэнергию и сырье. При формировании внутренних цен, анализе их социально-экономической значимости, их сравнении с ценами и ВВП в других странах следует категорически отказаться от ориентации на доллары по курсу Центрального банка ($\$_{ЦБ}$), принятой из-за элементарного незнания в правительственных кругах. Пора понять, что согласно экономической науке при сравнении внутренних цен в разных странах следует ориентироваться на курс доллара по *паритету покупательной способности* ($\$_{ППС}$).

Курс $\$_{ППС}$, устанавливаемый по ценам наиболее распространеных потребительских товаров и услуг в разных странах, сегодня равен 25–30 рублям. Он достаточно устойчив и принципиально отличается от банковского курса $\$_{ЦБ}$, который после объявления санкций подскочил с 75 до 105 рублей, а позднее был установлен ЦБ в размере около 70 рублей с ограничениями на покупку долларов.

Практически во всех странах с преобладающим сырьевым экспортом, за счет которого они зарабатывают доллары, доллар по банковскому курсу в несколько раз дороже, чем по курсу по ППС: это защищает национальную валюту, предотвращает бегство капиталов из страны и позволяет сделать производство менее зависимым от импорта.

Банковский курс, по которому обмениваются валюты, определяет соотношение *только* между экспортом (26 % ВВП) и импортом (20 % ВВП). Для сравнения социально-экономической значимости остальной части (74 %) нашего ВВП и ВВП других стран, доходов населения и цен на различные товары и услуги, производимые внутри страны, в частности на «народные» (продукты питания, услуги ЖКХ, транспорт, топливо, электроэнергия), следует ориентироваться на курс *по ППС* с учетом доли импортных компонентов в цене товара[1].

Цена на «народные» товары на внутреннем рынке должна складываться из *внутренней себестоимости* в рублях, госотчислений (которые на сырье и полусырье, производимое внутри нашей страны, надо уменьшить) и умеренной прибыли.

Снижение цены на нефть, нефтепродукты, газ и электроэнергию за счет уменьшения госотчислений и прибыли реализует наше преимущество и будет инвестицией в развитие производительных сил, в частности в автомобильный и авиационный транспорт. Потери же госбюджета следует компенсировать за счет увеличения госотчислений с экспорта нефти и нефтепродуктов, ведь его объем более чем в три раза превышает их внутреннее потребление. Сказанное относится и к экспорту древесины, минеральных удобрений, химических веществ, металлов и другого сырья и полусырья.

2. Необходимо обязать основные «производственные» министерства и крупные госкорпорации иметь свои *опорные проектные и научно-исследовательские институты*. Их содержание должно быть кратно увеличено, а статус их сотрудников должен стать более престижным, чем статус «менеджеров». Без научных и проектных институтов невозможно преодолеть волюнтаризм «менеджеров» и их неспособность к творчеству.

3. Срочно отменить федеральные *процедуры закупок* (см. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ). За закупки должны нести ответственность генеральный директор и акционеры предприятия.

4. Отменить или хотя бы существенно снизить *налогообложение низкооплачиваемых* работников с необлагаемым минимумом зарплат на уровне 1 тыс. $\$_{ППС}$/месяц (около 30 тыс. рублей). Потерю госбюджета компенсировать повышением налогов на высокие доходы, например выше 16 тыс. $\$_{ППС}$/месяц (около 500 тыс. руб.), и дорогую собственность.

5. Особое внимание стоит уделить обеспечению *молодежи работой*. Требуется в срочном порядке кратно поднять стипендии студентам и особенно аспирантам, чтобы они занимались учебой и исследованиями, а не выходили на демонстрации. Нужно обеспечить студентов и выпускников вузов контрактами с предприятиями, чтобы они были заинтересованы работать в России, а не в зарубежных фирмах.

6. Все финансовые вливания в население, в частности отмеченные выше и приводящие к росту покупательского спроса, должны быть *сбалансированы* увеличением массы товаров народного потребления, в том числе за счет их импорта из Китая, стран СНГ, Турции, Ирана и других невраждебных нам государств. Иначе все вливания уйдут в инфляцию.

Что делать Академии наук

Надо рассмотреть и обсудить следующие мероприятия.

1. Академия должна *самореформироваться*. Главная задача — привлечение активной части докторского корпуса, директоров институтов, профессоров РАН к реальной работе, хотя бы в отделениях, в том числе и *при выборах* новых членов РАН. Авторитет Академии наук и ее членов существенно снизился. Нужно укрепить опору Академии на научное сообщество.

2. После реорганизации *необходимо поставить вопрос о возвращении РАН руководства институтами* хотя бы в части назначения директоров, утверждения госзаданий, распределения базового финансирования, оценки деятельности институтов. Этого *возможно* добиться. Пора понять, что чиновники Минобрнауки не способны выполнять данные функции.

3. Затем следует поставить вопрос о воссоздании *Российской академии медицинских наук* и *Российской академии сельскохозяйственных наук* со своими институтами, по отношению к которым они должны осуществлять такие же функции, как РАН. Единство трех

[1] Рублевые цены в России при их переводе в доллары делением на его высокий банковский курс, который к тому же в основном растет, выглядят очень низкими по сравнению с ценами в США и Европе. Это «позволяет» апологетам правительства утверждать, что уровень цен у нас невысокий и население в целом благополучно, несмотря на малые зарплаты и пенсии основной массы трудящихся. Если следовать такой «логике», всякая девальвация рубля приводит к падению российских цен в долларах, что не имеет никакого социально-экономического смысла для населения России.

академий следует обеспечить в рамках Объединения российских академий наук на правах ассоциации.

4. Нужно восстановить *академические журналы*, российскую систему *защиты диссертаций* и *ВАК*, в котором определяющую роль играют ученые, а не чиновники.

5. Социально-экономические цели, провозглашаемые уже 10 лет, откладываются, не выполняются и не будут выполняться, если ученые не разработают научную и теоретическую основу преодоления государственных экономических, технологических, социальных и гуманитарных проблем.

Важнейшей задачей руководства Российской академии наук становится *организация таких разработок* и их *внедрение* в общественное сознание и во власть.

Литература

1. *Нигматулин, Р. И.* Кризис и модернизация России — тринадцать теорем / Р. И. Нигматулин, Б. И. Нигматулин. — Москва : Новости, 2010. — 48 с. — Текст : непосредственный.

2. От стагнации к устойчивому социально-экономическому развитию России / руководители рабочей группы Р. И. Нигматулин, Б. И. Нигматулин. — Текст : электронный // ПРоАтом : [сайт]. — URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=9740 (дата обращения: 08.06.2022).

С. Б. Никонова[1]

КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МОДЕРНИСТСКОЙ ЭТИКИ: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КРИТИКА

Несмотря на то что социальная мифология издревле настаивает на присутствии в мире некой вечной борьбы добра со злом, скорее можно было бы сказать, что такая борьба на самом деле является мифом. Тех, кто встает на сторону зла, в человеческой истории сущие единицы, и даже они, чтобы сделать такой выбор, должны исходить из уже существующей моральной конструкции. Точнее было бы утверждать, что все борются за добро, но понимают его существенно различным образом. Чтобы определить, какая именно позиция из вступивших в борьбу является более «доброй», потребовался бы внешний критерий, выход на метапозицию, которую можно было бы назвать божественной. Конечно, веками люди апеллировали к такой позиции с абсолютной уверенностью, опирались на свою веру в добро и объявляли противоположную позицию злом. Даже если возникали сомнения, скорее это были сомнения в том, что мы можем эту метапозицию узнать, но не в том, что она существует.

Конец этой надежде положила рационалистическая критика эпохи Просвещения. И. Кант своим призывом «пользоваться собственным разумом» и не полагаться на «опекунов», знающих, в чем состоит внеположный абсолютный моральный закон, а также акцентировкой внутреннего основания морали, черпающей свои принципы исключительно из осознанной свободы субъекта, сделал метафизические критерии оценки морального действия эфемерными. Это позволило признать множественность моральных позиций и право Другого на свое мнение, подвело культуру к возможности диалогического состояния, принципу интерсубъективности, рациональной и эмоциональной коммуникации, укрепило ценности гуманизма и плюрализма, открыло путь к признанию различия мнений, к тому, чтобы перевести этические споры в горизонтальное измерение. Несмотря на то что просветительская этика была в конечном счете подвергнута критике за ее тотальный рационализм, упускающий из вида эмоции и чувства, именно она открыла эмоциям и чувствам путь к свободе из прежнего метафизического рабства.

К середине XX века человечество словно осознало, что оно больше не имеет права строить жесткие системы распределения добра и зла, игнорировать индивидуальные наклонности отдельных людей, быть невнимательным ко множеству различных голосов, заявляющих о своем присутствии в этом мире. Критика обрушилась на рациональность, поскольку рациональность обвинялась в потворстве выстраиванию жесткой системы моральных определений, в поиске единого критерия оценки. М. Фуко в предисловии к знаменитому труду Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения», который он назвал работой, во-первых, этической, во-вторых, радикально антифашистской, заявил, что так же, как некогда «христианские моралисты искали следы плоти, затаившиеся в закоулках души», авторы этой книги «исследуют мельчайшие следы фашизма в нашем теле»[2].

Фашизм здесь понимается предельно широко. Можно сравнить это прочтение с прочтением З. Баумана в его книге «Актуальность холокоста»[3]. Фашизм — это не агрессия, не сплочение перед лицом противоположных сил, а построение целостной системы, действующей рационально, слаженно, под единым началом, по единому принципу. Это построение разумной системы, подведение под единый свод правил, поиск закона, упорядочивание, оформление, выкорчевывание бурелома, чтобы обустроить прекрасный сад, уничтожение вредителей, чтобы обустроить слаженный и гар-

[1] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, член Ученого совета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление», коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др. Главный редактор журнала Российского эстетического общества «Terra Aestheticae».

[2] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 8.

[3] *Бауман З.* Актуальность холокоста. М. : Европа, 2010.

моничный мир, отсекание лишнего, чтобы создать великолепную статую…

Все, что ведет к гармонии, одновременно заражено этой слишком рациональной мыслью о целостном смысле. Эту опасность видят авторы книги «Анти-Эдип» и всячески пытаются избежать ее в собственном изложении, делая его практически нечитаемым, распадающимся, разорванным, словно «тело без органов» этого текста отчаянно борется с рациональным устройством текста как слаженного организма: «Между желающими машинами и телом без органов разгорается явный конфликт»[1].

Критика рациональности, итоговая для развития рационалистического проекта модернистской мысли, стала ее внутренней самодеконструкцией. Она готова была признать, что эксцессы систематизации являются тяжелым бременем и виной рационалистического проекта, поборовшего однажды условность и тотальную закрепощенность традиционного общества. И теперь она готова была вывести человечество на новый, еще неизведанный путь, на новый уровень, где разум сам уступит место обновленному чувству, минуя все ограничения, теперь осмысленные и преодоленные. В этом виделся едва ли не новый шанс к обретению Царства Божия, нового, постсекулярного, царства человеческой свободы[2].

Смущающим элементом прекрасной постмодернистской эпохи было, наверное, лишь то, что в экономике ей соответствовало все большее укрепление того самого принципа, которому эта новая мысль пыталась всячески противостоять: принципа капиталистического производства и потребления, все более порабощающего желания и чувства человека, что, собственно, и было главным предметом «антифашистской» критики Делёза и Гваттари и других еще более пессимистичных постмодернистов вроде Ж. Бодрийяра, которые вовсе не видели выхода из этого манипулятивного и симулятивного социального тупика. А в политике в то же самое время процветало разделение мира на два лагеря: коммунистический и капиталистический. И до определенного времени казалось, конечно, что существование коммунистического лагеря является некой издержкой, ложным путем, ошибкой, неверным прочтением тех левых ценностей, которые легли в основу экономической критики общества потребления, отклонением, недолжным к существованию. Забывать о том, что коммунистический проект — это плоть от плоти модерна и его рациональных критических раздумий, другая сторона того, что стало основой самого общества потребления, лишь с небольшими переакцентировками, было никак нельзя. Тем не менее это забывалось.

То, что фашизм также являлся лишь переакцентировкой рационалистических принципов Просвещения, также забывалось. Как могли те же идеи, что ведут к гуманизму и равноправию, привести к тоталитарной диктатуре? Казалось, это ошибка. Но проект рухнул. Сначала фашистский, потом и коммунистический. И возможно, уже в итоге стало ясно, что корень бед при их уничтожении не был даже затронут, что в конечном счете привело к полной трансформации всех прежних идей и ценностей и их превращению в свою полную противоположность.

Из трех путей рационализации социального порядка, порожденных критической мыслью модерна, два показали свою склонность к переходу от принципа рациональности к тоталитарной диктатуре. При дальнейшем преобразовании, сопровождаемом отказом от принципа диктатуры, они отказались и от рациональности, по сути, вернувшись к старым метафизическим убеждениям. Так, фашизм, отказавшись от претензий на тотальность, преобразовался в традиционализм, доверие к архаическим ценностям и устоям, а коммунизм как реальная государственная идеология пришел в согласие с религиозной верой. В то же время оставшийся либеральный проект, учитывая все плюралистические и антисистемные настроения, неожиданно преобразовался, апеллируя к столь желанному антифашистами и постмодернистами господству чувства над рациональной схемой, в новую систему противостояния добра и зла, где на стороне «зла» выступает все, что не является либеральным, таким образом, из признания права Другого этот проект превращается в жесткий диктат.

Диктат этот несколько парадоксален. Признание права Другого, каким бы он ни был, и множественности голосов является итогом развития лишь одной системы мысли — критической рациональности модерна, выступившей против метафизики и традиционного уклада жизни. Таким образом, всем остальным это признание в качестве идеологии было навязано извне. Теперь Другой, обретя навязанное право, оказывается вынужден для его утверждения «отменить» навязавшую его инстанцию, чтобы обрести это право в полной мере. В итоге, по сути дела, мы получаем диктат Другого, причем вынужденный.

Либеральная позиция признания обращается против собственных оснований и в конечном счете должна, чтобы обеспечить свое осуществление, быть уничтожена и перейти в тотальное утверждение внелиберальных, внерационалистических, внекритических ценностей (которые и являются по отношению к ней Другими). Это очень зыбкое положение, при котором критика любых иррациональных фундаменталистских убеждений сама ведет к новым иррациональным фундаменталистским убеждениям, только на новом уровне. И это как раз то, что мы получаем вместо обещанного «царства свободы», процветания гуманизма и всеобщего многообразия. По сути, либеральный проект в современном мире пришел к тому же самому, к чему несколько раньше пришли его более тоталитарные собратья: к диктатуре, жесткой цензуре, борьбе с «вредителями» и со всем, что ему противоположно (потому что оно стоит на стороне зла), к жесткому различению черного и белого, к новой, вполне архаической, системе мысли под прикрытием того, что осталось от старых гуманистических лозунгов.

Возникает вопрос: во всех этих случаях что пошло не так? И в ответ на этот вопрос появляется подозрение. Истоком преобразований, осуществленных модер-

[1] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Указ. соч. С. 24.

[2] См., например: *Ваттимо Дж.* После христианства. М. : Три квадрата, 2007. С. 65.

ном, начиная с эпохи Просвещения была рациональная критика, критика всех устоев и оснований. Она же легла в основу научного исследования, прорывающего все границы старых мировоззрений, и искусства, устремившегося к свободному выражению человеческой индивидуальности. Тем не менее все идеологические системы, которые в итоге были выстроены, для практических целей воспользовались принципом рациональности исключительно для построения новых, более разумных (на первый взгляд) сводов правил, новой содержательной этической основы для будущего общества. И все свелось к тому, что с ужасом заподозрили в новом мире Делёз и Гваттари, анализировавшие с одинаковым подозрением и Маркса с его утопией всеобщего равенства, и Фрейда с его господством бессознательного над сознанием (все это Фуко удивительным образом свел к слову «фашизм»).

В погоне за практическим результатом забыли то, что лежало в основе всего мировоззренческого переворота и что было подчеркнуто И. Кантом, но после, видимо, успешно и навсегда забыто в попытках построить новый прекрасный мир свободным порывом собственной субъективности. Забыли, собственно, *критику*. Рациональность всегда была свойством человека. Но критическая рациональность — достижение модерна, позволившее ему не только добиться тотального господства над всеми другими мировоззренческими системами, но и существенно гуманизировать мировосприятие людей. Тем не менее без критики, ограничения притязаний разума на знание абсолютной истины, о котором говорил Кант, без постоянного сомнения, взвешивания, рациональной дискуссии в публичном пространстве между всеми возможными высказывающимися тем или иным образом сторонами рациональность станет лишь основой для наиболее успешного построения новой и все более совершенной системы тотального контроля. Однако критика так чужда чувству, склонности, эмоциональному отклику травмированного болезненного человека, жаждущего утверждения своего права и получающего его от новой гуманистической морали, что она постоянно остается за бортом, словно некое нарушение истинного гуманизма, пережиток коллаборационизма с фашистами, неспособность занять честную позицию. Но если мы не вспомним об этой критической составляющей проекта модерн, то вынуждены будем отойти и от всех гуманистических ценностей, которые он утверждал.

Известный словенский философ С. Жижек в далеком 2008 году, когда казалось, что шанс на достижение «царства свободы» через укрепление и развитие созданных за последние пару столетий идеалов еще не утрачен, в работе «О насилии», предостерегая от утверждения слишком явного и непосредственного прямого действия против зла (которое само оказывается лишь маскировкой насилия со стороны системы), писал, что в нынешнем мире, может быть, единственное, что может нам помочь, — это теоретический анализ. Он вспоминает проблему, поставленную Ж.-П. Сартром в статье «Экзистенциализм — это гуманизм». Молодой человек, пришедший к Сартру с вопросом, не знал, что делать: вступить в ряды Сопротивления и бороться с фашизмом, но тем самым бросить и обречь на смерть родную мать, или остаться с матерью, но предать свободу родины и борьбу с фашизмом? Жижек говорит, вспоминая известный анекдот про Ленина: «Непристойное третье решение дилеммы состояло бы в том, чтобы посоветовать молодому человеку сказать своей матери, что он вступил в Сопротивление, а друзьям из Сопротивления — что он будет заботиться о матери; самому же в это время удалиться в укромное местечко и заняться наукой…»[1]. В 2008 году это казалось возможным хотя бы в качестве шутки. В современном мире это кажется уже невозможным. Но, может быть, как никогда на редкость необходимым…

[1] *Жижек С.* О насилии. М. : Европа, 2010. С. 10.

В. А. Тишков[1]

НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ[2]

Термин *национальное государство* или *nation-state* — это всего лишь синоним для любого суверенного государства с обозначенной и контролируемой территорией и установленным фактом постоянного населения. Само это понятие стало использоваться после появления Вестфальской системы международных отношений, которая еще в середине XVII века определила принципы суверенных государств, некоторые из которых действуют и поныне. К. Янг пишет: «В возникновении национального государства не было ничего естественного или предопределенного исторической судьбой. Это сравнительно новое явление в европейской истории — национальные государства стали складываться во времена Французской революции, и в их формировании большую роль сыграли интеллектуальные течения эпохи Просвещения. По мере того как складывалось современное гражданское общество, само понятие нации (национальности) стало сливаться с понятием гражданства и принадлежности к государству… Нации, подобно государствам, обусловлены обстоятельствами, а не всеобщей необходимостью, однако при этом считается, что они предназначены друг для друга и что одно без другого неполно и является трагедией»[3].

Национальные государства и их роль в истории

Рассуждения о том, что есть национальное (или ненациональное) государство, является ли Россия национальным государством, каков должен быть состав населения, чтобы считаться национальным государством, как правило, исходят из того, что под национальными государствами понимаются этнически обозначенные государственно-административные образования, как, например, в составе Советского Союза. Этот подход включает также утверждения о принадлежности к национальным государствам европейских стран по причине наличия там давно сложившихся наций и их якобы этнически гомогенного состава.

Все это заблуждения, ибо формирование европейских наций, несмотря на различия, особенно между так называемой французской (якобинской) и германской моделями нации, между Западной и Восточной Европой, было идентичным в двух аспектах. Во-первых, во всех случаях это были верхушечные проекты, инициированные и осуществляемые правящими элитами, но с опорой на реально существовавшие культурно различные сообщества, в разной степени осознающие свою общность на массовом, низовом уровне. С французской нацией, предписанной революционной элитой, а затем бонапартистским режимом, казалось бы, все ясно: это была конструкция, в основу которой был положен культурный компонент и языковой вариант центрального района страны Иль-де-Франс. Но и в случае с германской нацией, где присутствовало обращение к некому извечному «духу нации», ее природным корням, ведущую роль сыграл бисмарковский способ «огнем и мечом». Схожая ситуация была и в других европейских вариантах. К. Нагенгаст пишет: «Многие „национальности“ Восточной и Центральной Европы, в основании которых лежат предполагаемый общий язык, реальные или мифические предки и история, были в буквальном смысле созданы элитами, причем некоторые представители этих элит даже не могли говорить на языках изобретенных таким образом национальностей»[4].

В интеллектуальных кружках и академических институтах имело место творческое «воображение наций», вырабатывался вариант замещающего диалекты единого литературного языка, создавались фольклорные эпосы и писалась «национальная история». Э. Кисс отмечает роль таких поборников национального строительства, которые «достигли совершенно разных политических результатов, что особенно наглядно проявилось в случаях с численно небольшими группами, не обладавшими на протяжении своей истории политической независимостью. Так, в 1809 году некий филолог изобрел наименование „словенцы“ и стал творцом словенского национального самосознания… Вместе с тем членам других диалектных групп, например сорбам [лужичанам], так и не удалось выработать единого коллективного самосознания, и их политическое и культурное присутствие в современной Европе никак поэтому не ощущается»[5].

Второй общий момент в европейском и в любом ином нациестроительстве заключается в том, что особой гомогенизации населения в его культурных характеристиках добиться не удалось на протяжении всей истории национального государства, включая стадию

[1] Научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Российский народ: история и смысл национального самосознания», «Этничность, национализм и конфликты в СССР и после», «Национальная идея России», «Государственная национальная политика Российской Федерации» (в соавт.); энциклопедий «Народы России» (гл. ред.) и «Народы и религии мира» (гл. ред.) и др. Член редколлегий журналов «Вестник РАН», «Этнографическое обозрение» и др. Лауреат Государственных премий РФ, Демидовской премии. Награжден орденами Почета, Дружбы, Александра Невского, медалью «За трудовую доблесть».

[2] Доклад подготовлен на основе книги: *Тишков В. А.* Национальная идея России. М. : АСТ, 2021.

[3] *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах : [сб. ст.] / под ред. В. А. Тишкова. М. : Наука, 1994. С. 92–93.

[4] *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах. С. 81.

[5] *Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Там же. С. 148–149.

модернистской глобализации. Ответом на нивелирующее воздействие мирового капитализма и массовой культуры стали феномены «этнического возрождения», «поиска корней», «восстания меньшинств» и т. п. Публикации на тему политики самосознания нередко начинаются с того, что автор отмечает, насколько ошибочной и банальной оказалась та или иная концепция национального государства.

Таким образом, европейские нации не были и не являются культурно гомогенными коллективными телами, некой сакральной, освященной историей и культурой сущностью. Классическая евро-атлантическая идея нации заключала в себе такую цель, но она не реализовалась. А вот что действительно удалось — так это утвердить среди населения *представления о единой нации* (французов, немцев, итальянцев и т. д.), сформировать чувства сопричастности и лояльности (национального самосознания-идентичности), дисциплинировать население по части исполнения долга перед нацией и обучить его общим для всех членов нации правам и обязанностям. Желаемая культурная гомогенность национальных сообществ по сути обрела обратную инерцию в последние десятилетия в связи с массовой миграцией населения, увеличившей культурную сложность и сверхразнообразие старых, казалось бы, давно сложившихся наций. Однако перестали ли существовать национальные государства и нации из-за утраты реально никогда не существовавшей этнической чистоты?

Если не считать историософскую публицистику, то все эти дебаты не имеют отношения к строгой науке о нации и национализме, а тем более к пониманию природы современных государств, в которых нации отличаются культурной сложностью в этническом, расовом и религиозном отношении. Достаточно посмотреть, кто сегодня составляет французскую, немецкую, британскую нации, не говоря уже об американской и канадской, и ответ можно сформулировать на основе только визуального анализа. Так что нынешние поиски ответа на давний вопрос: «Что есть нация?» с позиций установления онтологической сущности как культурно-гомогенного коллективного тела являются бесплодными. *Все государства независимо от состава населения и формы правления, где в политике и общественном сознании имеется представление об общности по стране, лояльность и солидарность населения, патриотизм как чувство сопричастности со своей Родиной, имеют основания считать себя нациями*. Другое дело, что в ряде случаев этот термин, заимствованный из Европы, может заменяться схожим по смыслу понятием. Он может быть связан с религией (например, в мусульманских странах с понятием *уммы*) или с идеологией так называемого национального вопроса (например, в Китае есть понятие *джонхуа миндзу* как «нация национальностей»). Наконец, в СССР *советский народ* был гражданско-политической нацией, но только сам термин был отдан в пользование этническим общностям, а народ был объявлен «новым типом исторической общности людей».

Возврат наций и национального государства — лишь некая метафора как ответ на неолиберализм и постмодерн с их отрицанием данной довольно строго организованной формы социальных коалиций людей в пользу свободы личности, мирового правления и частного интереса. На самом деле эти самые важные и значимые для людей коалиции в форме суверенных согражданств за три последних столетия не сходили с исторической сцены. Нациестроительство на основе идеи нации и гражданского национализма (не без примеси этнонационализма) было и остается основой успешного и безопасного существования той или иной страны, а теории отмирания наций-государств выдвигают те, кто уже имеет такую государственность в достатке и даже в избытке. Зато десятки стран мира переживают драмы из-за того, что у населения нет представления о нации, а само государство не обладает необходимыми атрибутами национального государства (прежде всего суверенитетом). В итоге можно сказать, что *nation-state остается нормой мира современных государств, а сама эта тема остается чрезвычайно актуальной для обществоведов и политиков.*

Крупнейшие нации мира и их устройство

Вернемся на стезю практико-ориентированного анализа в той части, которая касается обозначенной нами темы нации и нациестроительства. Поскольку Российская Федерация относится к крупным государствам со сложным этническим и религиозным составом населения, нас интересует опыт понимания и управления такого рода обществами в остальном мире. Культурная сложность (многонациональность) не является уникальной характеристикой нашей страны, ибо среди нескольких десятков крупных стран (Россия занимает 10-е место по численности населения) нет таких, где население имеет гомогенный этнический, расовый и религиозный состав. Более того, в доброй половине стран из первой десятки проживает значительно большее, чем в России, число этнических групп, которые могут называться по-разному: «народы», «нации», «национальности», «меньшинства», «племена», а иногда вообще не иметь какого-либо категориального обозначения, кроме как «этнии» или «другие». Чаще всего это происходит по причине их официального непризнания со стороны государства. Тем не менее в науке и в международной практике есть методы определения этнического состава населения государства. Особенно сильная традиция такого глобального подсчета существует в отечественной этнологии и статистике.

В 1960-е годы Институт этнографии АН СССР издал многотомную серию «Народы мира», которая долгое время была наиболее авторитетным источником по данному вопросу и удостоилась неофициального перевода на английский язык в США «для служебного пользования». С. И. Брук издал этнодемографический справочник о населении всех стран мира со сведениями об этноконфессиональном и расовом составе каждой страны, хотя все это подводилось под концепцию повсеместного существования этносов, а не каких-либо других форм культурно-отличительных сообществ. В 1998 году вышла в свет под моей редакцией энциклопедия «Народы и религии мира», в которой насчиты-

валось 1250 статей о народах и 450 статей о религиях. Своего рода реестр этнической номенклатуры мира ведет международная организация «Этнолог»; свой список этнических групп мира также ведет ЦРУ США. Приведем данные по устройству и составу населения самых крупных стран мира (табл.).

Таблица

Государственное устройство и этнический состав крупных стран (2021)

№	Страна	Население (чел.)	Устройство	Число этнических групп
1	Китай	1 400 970 200	Унитарное с системой автономий: 24 провинции, 5 авт. районов, 30 авт. округов, 117 авт. уездов, 1085 нац. волостей	Официально признаны 56 национальностей: хань — 91,6 %, другие 55 (джуан, хуэй-дунгане, маньчжуры, уйгуры, сибо, мяо, наси, лаху, тибетцы, монголы, донг, дзинпо, буи, корейцы, хани, ли, казахи, тай и др.) — 7,1 %
2	Индия	1 357 580 350	Федерация, парламентская республика, 29 штатов, 7 союзных территорий	Несколько сотен наций, народностей и племен. Крупнейшие: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др.
3	США	329 210 630	Федерация, президентская республика, 50 штатов, система резерватов для индейцев	Этно-расовые группы: белые — 72,4 %, черные — 12,6 %, азиаты — 4,8 %, индейцы — 0,9 %, островные аборигены — 0,2 %, другие — 6,2 %, расово-смешанные — 2,9 %. Испано-американцы разной этнической принадлежности — 16,3 %. Среди белых преобладают выходцы из стран Европы
4	Индонезия	265 015 300	Унитарная, парламентская республика	Около 300 этнических групп: яванцы — 40,1 %, сунданцы — 15,5 %, — малайцы — 3,7 %, батаки — 3,6 %, мадурцы — 3 %, бетави — 2,9 %, минангкабау — 2,7 %, бугисы — 2,7 %, китайцы — 1,2 %, папуасы и прочие — 15 %
5	Пакистан	212 742 631	Федерация смешанного типа с этнотерриториальными автономиями	Около 100 этнических групп: панджаби — 44,7 %, пушту — 15,4 %, синдхи — 14,1 %, сирайки — 8,4 %, урду — 7,6 %, белуджи — 3,6 %, другие — 6,3 %
6	Бразилия	211 014 564	Федеративная, президентская республика, 26 штатов	Этничность не учитывается; белые — 47,7 %, мулаты — 43,1 %, черные — 7,6 %, азиаты — 1,1 %, индейцы — 0,4 %
7	Нигерия	188 500 000	Федерация, 36 штатов с учетом этнорелигиозного состава	Более 250 народов и племен. Наиболее крупные: хауса — 22 %, йоруба — 21 %, игбо (ибо) и иджо — 18 %, фулани — 10 %, ибибио — 5 %, канури — 4 %
8	Бангладеш	167 961 222	Унитарная, парламентская республика	Основное население: бенгальцы — 98 %, 27 малых этнических групп — 1,1 % (по другим источникам — 75 групп)
9	Россия	146 877 088	Федерация с автономиями (22 республики, авт. область, 5 авт. округов	193 этнические группы: русские — 79 %, татары — 3,7 %, украинцы — 1,4 %, башкиры — 1,1 %, чуваши — 1 %, чеченцы 1 %, другие — 10,2 %, без указания национальности — 3,9 %
10	Мексика	126 577 691	Федерация без автономий, 31 штат	Метисы (испано-индейские) — 62 %, индейцы — 28 %, другие — 10 % (главным образом европейцы). Перепись не собирает данные по этничности
	Мир в целом	7 759 546 000	202 страны (193 — члены ООН), из них 27 федеративных	5–6 тыс. этнических групп, около 7 тыс. языков

Как организованы эти страны, какие идеи и доктрины лежат в основе их государственного устройства, что составляет компоненты национального самосознания (идентичности) их культурно сложных обществ? Наше и другие исследования показывают, что крупные страны с этнокультурным и регионально-историческим разнообразием чаще выбирают федеративный тип государственно-административного устройства с делегированием «субъектам федерации» разной степени полномочий. К таким странам относятся Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, США, Канада. Россия тоже входит в их число; этот вариант для нашей страны апробирован историей Российского государства, опытом СССР и уже новой России. Среди крупных государств есть унитарные, но с внутренними автономиями разного уровня (Китай, Индонезия).

В административно-государственном устройстве крупных стран регионально-культурные особенности населения отражаются по-разному. Наиболее распространен смешанный тип, когда внутри федерации или унитарного образования существуют автономные территории (провинции, округа, районы и т. п.), которые имеют этнонациональный профиль и статус, равный или отличный от составляющих федерацию образований. Так устроены Китай с его национальными округами, автономными районами Тибет и Синьцзян, автономными уездами и национальными волостями. Похожим образом организованы другие полиэтничные страны, за исключением европейских, где предпочтение отдается экстерриториальной культурной автономии, и мусульманских, где концепт единой *уммы* не позволяет признавать меньшинства (Турция и Иран).

В некоторых странах субъекты федерации не имеют особого этнически обозначенного статуса, тем не менее в линиях их границ учтены этноязыковые характеристики населения, как, например, в Индии после реорганизации штатов в 1956 году. Однако в Индии имеются особые районы и целые штаты, которые де-факто являются автономиями на этнической основе (например, штат Нагаленд с населением, состоя-

щим из племен *нага*), и даже не контролируемые центральным правительством районы, как Джамму и Кашмир, где националистическое сепаратистское движение фактически переродилось в джихадистское подполье. Последний пример имеет особый смысл с точки зрения оценки исторических попыток реализовать «теорию двух наций» на религиозно-этнической (коммуналистской) основе в противовес секулярному и кросс-этническому варианту нациестроительства[1].

Чтобы не исключать из сравнительно-исторического анализа Европу, приведем пример Испании. Это полиэтничная страна, где кроме *кастильцев*, живут *каталонцы*, *галисийцы*, *баски*, *окситанцы*, *астурийцы*, *арагонцы*. Они говорят на своих языках, имеют собственные культурные традиции и сильное коллективное самосознание, основанное к тому же на исторической памяти существования отдельных государственных образований. Испания — конституционная монархия, но в XX веке утвердилась идея испанской нации как основы государства, и испанская культура и кастильский (испанский) язык имеют выдающиеся заслуги перед мировой культурой.

Пережив режим Франко, при котором некастильское население, культура и языки подвергались насильственной ассимиляции, Испания выбрала государственное устройство, основанное на федерации 17 автономий с высоким уровнем самоуправления. Автономные сообщества имеют собственные конституции (статуты). Такие культурно мощные и экономически развитые регионы, как Каталония и Страна Басков, в своих статутах записали понятия каталонской и баскской наций, и добрая половина населения и политического класса здесь занимает сепаратистские позиции в пользу создания собственных государств. В таком случае закономерен вопрос, а есть ли нация в Испании и из кого она состоит?

Естественно, тот же вопрос тем более закономерен для стран первой десятки по численности населения. Если, как считают отрицатели российской нации, в Татарстане не все принимают российскую нацию, то тем более очень многие не принимают китайскую нацию в Тибете и Синьцзяне, индийскую — в Нагаленде и в Джамму и Кашмире, испанскую — в Каталонии и Стране Басков, французскую — на Корсике, британскую — в Ольстере и Шотландии, канадскую — в Квебеке. И так по всему списку государств с сепаратистскими регионами и общественно-политическими силами. Так что *тезис о наличии разного рода диссидентов внутри той или иной гражданской нации никак не может служить аргументом в пользу отрицания ее существования*. Точно так же как нельзя связывать наличие нации в том или ином государстве с характером ее правления, точнее — с наличием или отсутствием демократии.

Важно рассмотреть, как разные страны и их правители в разные времена, а особенно сегодня, «работают с категорией нация» (выражение А. И. Миллера). Прежде всего, нет сомнений, что все крупные полиэтничные страны выбрали в качестве доктринальной основы своей легитимности и обеспечения согласия идею гражданской нации и идеологию национализма как идеологию сопричастности с Родиной, верности и служения Отечеству, то есть патриотизма. Идея нации как согражданства с общей судьбой, ценностями и ответственностью служит основой фактически всех современных государств, но для крупных стран со сложным составом населения и большими региональными различиями эта идея исторически утверждалась с большим трудом, конкурируя с этническим национализмом, трайбализмом и региональным сепаратизмом. В ряде случаев идею общей нации на полиэтничной основе отвергали представители этнического большинства, как, например, национализм хиндиязычного большинства в Индии или ханьский шовинизм в Китае.

В России противниками российской нации также выступают не только нерусские этнонационалисты, но и в неменьшей степени — радикальные представители так называемого русского национализма. В Канаде концепт канадской нации конкурирует с идеей франкофонов о квебекской нации, а также «первых наций» в лице индейцев и инуитов, имеющих внутреннюю автономную территорию и резервационные общины.

Имеются трудные варианты, когда в стране могут конкурировать две или три равнозначные по своему демографическому и культурному потенциалу национальные идеи. Это так называемые двухобщинные или равнообщинные государства, как, например, Бельгия в Европе или Малайзия в Южной Азии. Но и в этих случаях находятся рецепты разрешения противоречий и вырабатываются проекты национального строительства.

Еще один распространенный вариант осложненного утверждения концепта гражданской нации — когда на территории одной страны существуют регионы или анклавы, где преобладают представители этнической группы, составляющей основу или значительную часть населения другой (обычно соседней) страны. Наиболее показательные примеры — Нагорный Карабах в Азербайджане, Северная Ирландия (Ольстер) в Соединенном Королевстве, тамилы в Шри-Ланке в соседстве с тамильским регионом Индии и др. Но и в этих взрывоопасных ситуациях чаще всего побеждает общенациональная идентичность и политическая лояльность по стране гражданства, если только в истории взаимоотношений стран и населения не было опыта кровавых столкновений, а среди политиков-правителей не доминируют воинствующие экстремисты.

Судьба наций-государств в современном мире

Разные страны имеют разный опыт государственного строительства и экспертного обеспечения в области этнонациональной, языковой и конфессиональной политики. Почти во всех крупных странах тлеют конфликты разной степени напряженности, иногда перерастающие в беспорядки или даже гражданские войны, в основе которых лежат именно культурные или регионально-исторические различия. Индия на протяжении своего суверенного существования вынуждена постоянно мириться с двумя-тремя внутренними вооруженными конфликтами. Тем не менее концепт индийской

[1] См. подробнее: *Шаумян Т. Л.* Проблема Джамму и Кашмира // Национализм в мировой истории / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М. : Наука, 2012. С. 522–573.

нации продолжает оставаться в повестке, что позволяет сохранять легитимность и даже территориальную целостность государства. В Китае сложная ситуация с автономными регионами (Тибет и Синьцзян), где отличия по этническому, религиозному, языковому признакам представляют существенную преграду общекитайскому нациестроительству на ханьской основе.

Эти две крупные страны, во многом сравнимые с Россией, придерживаются разных стратегий этнонациональной политики в связи с разными государственно-политическими системами, но их опыт гражданского нациестроительства представляет интерес для России. Исследования современного мироустройства показывают, что *гражданский (государственный) национализм в разных видах продолжает играть ключевую роль в системе современных наций-государств* — по всей видимости, не меньшую, чем в периоды становления Вестфальской системы первых суверенных государств Европы, распада мировой колониальной системы после Второй мировой войны, а также геополитического катаклизма, вызванного распадом СССР.

Национальные государства играли огромную роль не только в разрешении внутренних и трансграничных вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI веков, но и в такой неожиданно глобальной проблеме, как пандемия коронавируса в 2019–2021 годах. Именно власти суверенных государств с их способностью обеспечить масштабные защитные меры, включая карантинные ограничения, гражданскую солидарность и готовность подчинения национальному правительству, помогали справляться с распространением болезни[1].

Как работают современные нации? Здесь многие компоненты и механизмы изменились, но некоторые остаются прежними, в частности разработка, выдвижение и борьба за саму идею нации. Этот акт «рождения нации» нередко связывают с определенными политиками, отцами-основателями вроде Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона в США, или с борцами-харизматиками типа Махатмы Ганди в Индии, Сунь Ятсена в Китае, Нельсона Манделы в ЮАР, или с влиятельными философами-гуманитариями, такими как Ж.-Ж. Руссо во Франции и Г. Гейне в Германии. «Отцами нации» могут быть и успешные правители-военачальники, как, например, Кемаль Ататюрк в Турции, несмотря на нынешний реванш исламизма, или Гамаль Насер в Египте, несмотря на провалы его политики панарабизма.

Рождение наций и переосмысление идеи нации происходят и в современную эпоху, особенно в связи с геополитическими катаклизмами — распадом прежних и рождением новых государств. Там, где этот процесс проходит успешно, обязательно есть претендент на титул «отца нации», как, например, Нурсултан Назарбаев в Казахстане, Ислам Каримов в Узбекистане, Гейдар Алиев в Азербайджане. Есть все основания на подобное и у В. В. Путина, особенно если бы он смог к тому же еще и поговорить с Махатмой Ганди, который, к сожалению, скончался до рождения нынешнего президента Российской Федерации.

Ж. Т. Тошенко[2]

ИДЕОЛОГИЯ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ?[3]

Одним из скомпрометированных понятий во время распада СССР и в начале строительства новой России стало слово «идеология». Нашлось немало тех, кто считал неприличным его произносить не только в научной полемике, но и в повседневном общении. Примечательно, что в речах некоторых политических псевдоавангардистов и соответственно в их периодических изданиях высказывались уничижительные и оскорбительные суждения по поводу как самой идеологии, так и тех, кто употреблял это слово или пытался разобраться в его сущностных и смысловых основах.

На мой взгляд, такое отношение к идеологии во многом сложилось потому, что она ассоциировалась с распространенным в то время словосочетанием «социалистическая (коммунистическая) идеология». А раз социализм (коммунизм) отвергался, то под раздачу попало и слово «идеология». Причем в этом отвержении проявлялся и второй аспект такого отношения к идеологии — так называемая функциональная неграмотность, в рамках которой полностью игнорировался факт реального существования различных мировоззренческих позиций, которые продолжают свое бытие (причем не только в России) независимо от чьих бы то ни было желаний.

[1] См.: *Тишков В. А., Бутовская М. Л., Степанов В. В.* Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса // Вестник Российской академии наук. 2022. № 4.

[2] Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор около 700 научных публикаций, в т. ч.: «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» (в соавт.), «Прекариат: становление нового класса» (в соавт.), «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)», «Тезаурус социологии», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Фантомы российского общества» и др. Председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден медалью «За доблестный труд», Серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

[3] См. подробнее: *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь мир, 2020.

Краткий исторический экскурс (Идеология — непременный атрибут развития общества)

Понятие «идеология» появилось в конце XVIII — начале XIX века как продукт осмысления существующих реалий в духовно-культурной и социально-политической жизни общества. В научный оборот это понятие ввел французский философ-просветитель Антуан Дестют де Траси (1754–1836). В его концепции идеология представлена как совокупность идей, призванная привести в единую систему достижения различных, в первую очередь социальных, наук. Он рассматривал идеологию как социально полезную форму знания, которая должна быть такой же точной, как естественные науки. В своем труде «Система идеологии», вышедшем в свет в 1804 году, он обозначил свое представление об идеологии как учении об общих закономерностях происхождения и функционирования идей в процессе развития общества.

В дальнейшем процесс осмысления понятия «идеология» обычно связывают с именами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые способствовали тому, чтобы термин «идеология» вошел в широкий обиход как в науке, так и в политической жизни. Этот вывод связывают с их трудом «Немецкая идеология», в котором они определяли идеологию как «политическое мышление, формируемое в интересах определенных групп общества», как одну из форм превращенного сознания[1].

Однако следует сказать, что этот труд не был известен современникам: впервые он был напечатан век спустя, в 1932 году, в Советском Союзе. Поэтому вполне естественно, что объяснение понятия «идеология» связывают с «Манифестом Коммунистической партии», в котором было обосновано представление о ней как о специальной концепции и ее практическом использовании. В манифесте было обращено внимание на то, как конструируются идеи различными политическими силами и представителями правящей буржуазии в своих классовых и групповых интересах. В результате доминирующая идеология — буржуазная — является проекцией интересов не всего общества, а только одной его части — капиталистов. В противовес буржуазной идеологии, по их мнению, должна возникнуть и стать действенной силой пролетарская идеология, мировоззрение рабочего класса[2].

В дальнейшем, по мере развития общественной мысли, понятие «идеология» дополнялось и уточнялось многими учеными и политическими деятелями. Не имея возможности подробно анализировать этот процесс, особо отмечу труд К. Манхейма «Идеология и утопия» (1929). В нем он, полемизируя с К. Марксом, настаивал на том, что идеология отражает мышление не только классов, но и людей, стремящихся к сохранению или постоянному репродуцированию одобряемого ими образа жизни[3].

В конце XX века существенный вклад в осмысление идеологии внесли основатели Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер, которые развили концепт «критики идеологии» («Диалектика просвещения», 1947). Они проводили различие между «свободной идеологией» субъекта и его идеологиями в различных областях социальной жизни (таких как политика, экономика или религия), подчеркивая, что идеологии различных эпох суть продукты исторических процессов.

Представляет интерес и попытка европейских марксистов (Антонио Грамши, Георг Лукач) охватить все многообразие подходов с точки зрения науки и политической деятельности. Из современных трактовок привлекает внимание утверждение Уилларда Маллинза, что идеология состоит из четырех базовых характеристик: она должна властвовать над познавательной способностью; быть способной руководить оценочными суждениями; служить инструкцией к действиям; быть логически последовательной[4].

Так что же такое идеология?

Постепенно в XX веке в дискуссиях по поводу сущности идеологии сформировались две основные точки зрения.

Одна из них нашла отражение в работах советских обществоведов и сводилась к тому, что идеология — это совокупность (и даже система) теоретических взглядов, которые разрабатываются специалистами и в которых находят отражение объективные потребности общественного развития, предназначенные для выражения интересов трудящихся[5].

Другая точка зрения рассматривает идеологию не только как теоретическое и политическое осмысление классовых интересов, но и как бесконечное множество идей, при помощи которых люди осознают свой мир, собственные интересы, ценностные ориентации, понимание устройства окружающего мира, своей страны, непосредственно окружающей среды. А так как осознание разнообразно, разнопланово и отражает различные мировоззренческие позиции, то соответственно существует много идеологий, которые находятся в состоянии постоянного взаимодействия, соперничества и даже противостояния[6].

Анализ процессов, происходящих в реальном мире, позволяет сделать вывод, что *идеология — это совокупность взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются экономические, политические, социальные и духовно-нравственные отношения с позиций тех интересов, которые важны и значимы для данного субъекта в целях их реализации*. В идеологиях, которые вырабатываются политическими силами (государством, партиями, массовыми движениями),

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 60.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1959. С. 46–56.

[3] *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юристъ, 1994.

[4] *Mullins W. A.* On the Concept of Ideology in Political Science // American Political Science Review. 1972. Vol. 66 (2). P. 498–510. DOI:10.2307/1957794.

[5] *Биккенин Н. Б.* Социалистическая идеология. М. : Политиздат, 1983 ; *Москвичев Л. Н.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., 1971.

[6] *Волков Ю. Г.* Образы идеологии и гуманизма в современной России. М. : Кнорус, 2016 ; *Макаренко В. П.* Главные идеологии современности. Ростов н/Д : Феникс, 2000.

содержатся цели (программы) их деятельности, направленные на закрепление или изменение (развитие) общественных отношений, исходя из мировоззренческих позиций, находящих отражение в ценностных ориентациях, установках и интересах. Идеология предполагает, что она во всех ее многообразных проявлениях воплощает в себе: а) не просто знание, но и его оценку; б) знание, которое связано с тем, что является ценным, важным (тем, к чему надо стремиться) для придерживающихся той или иной идеологии; в) понимание того, *как* достигнуть провозглашенных целей, что неминуемо ведет к борьбе мировоззрений, их постоянному сопоставлению и отстаиванию в ходе политической и (или) социальной борьбы. В связи с этим уместно напомнить вывод К. Маркса: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами»[1]. При этом реализацию этих идейно-политических целей, как показывает история, обеспечивали довольно высокий уровень организационной работы и последовательность действий носителей этих установок.

В поиске идеологии

Идеи — особый, своеобразный и специфический продукт общественного бытия. Они рождаются, развиваются, нередко живут самостоятельной жизнью. Многие из них остаются мимолетной искрой, другие служат отдельным социальным и политическим силам ограниченное время. И среди этого потока идей лишь некоторые не только становятся отражением политических и духовных смыслов отдельных людей или групп и объединений, но и воплощаются в реальной жизни государств, народов, всего человечества.

Несмотря на эти различия в трактовке происхождения идей и их роли в жизни человечества, большинство исследователей сходятся в том, что ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Наиболее ярким проявлением существования многих идеологий являются политические партии, выражающие устремления и особенности восприятия той социальной базы, которую они представляют (или претендуют представлять).

Следовательно, в окружающем мире, реальной действительности независимо от специфики различных обществ идеология — необходимый элемент их существования. И если эта определенность отсутствует, то можно в полной мере говорить о потере стратегической цели, ради которой общество и государство существуют. В ином случае возникает духовный вакуум, который лишь разъединяет участников данного социально-исторического процесса.

Примером этого является наша российская действительность. Нелепой оказалась современная российская официальная политика по отношению к проблемам идеологии. Травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом объясняется тем, что в Конституции РФ зафиксировано положение: в России нет государственной идеологии. Отказываясь от *государственной идеологии*, «творцы» российской Конституции полностью игнорировали тот факт, что ни одно из существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих позиций и ориентаций. Появившиеся предложения об ошибочности и необходимости изменения этой статьи Конституции РФ встретили ожесточенное сопротивление (нео)либералов, пугая всех возможным возрождением сталинизма, появлением нового ГУЛАГа и тому подобными ужасами. Именно с этих позиций происходит интенсивная дегероизация отечественной истории.

Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации произошла потеря прежних ориентиров, а новые не были сформированы. Были утрачены прежние объединяющие идеи, которые являются (или должны являться) непременным атрибутом всякой эффективной власти, претендующей на сохранение государственности.

Хотелось бы отметить интересный факт — на состоявшемся 1 июля 2021 года праздновании столетия образования Компартии Китая было отмечено, что «ни в коем случае нельзя идти по пути СССР с его открытостью, гласностью, историческим нигилизмом, очернением истории своей страны, пересмотром роли основателей китайского государства»[2].

Отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. В результате в 1990-е годы разразился целый бум инициатив, начиная от цитирования формулы Уварова (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) «Православие, Самодержавие, Народность» до бесконечных поисков заветных призывов, устраивающих всех. Но этот поиск заранее был обречен на провал: это были идеи отдельных искателей истины, ученых, политиков, просто амбициозных персонажей.

Современные российские идеологии и ее субъекты

Так кто же является творцом, носителем и реализатором идеологии? Что является критерием ее значимости и устойчивости в процессе исторического развития? При каких условиях они становятся достоянием народов, его основных классов, определяющих будущее и судьбы миллионов людей? История развития революций — наглядный пример превращения идей в материальную силу.

Если рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни существует много идеологий, среди которых необходимо выделить основные (см. табл.).

Во-первых, в современной России продолжает существование социалистическая идеология, несмотря на кризис идей социализма и коммунизма. Эта идеология никуда не исчезла и, более того, имеет тенденцию к дальнейшему сохранению и даже большему распространению.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

[2] Цит. по: *Карнеев А. Н.* Примеряющая мантию сверхдержавы XXI века // Независимая газета. 2021. 1 июля.

Социалистическая идея продолжает свое существование, так как олицетворяет собой вековую и даже тысячелетнюю мечту о справедливом государстве, каким и был в представлениях этих групп населения Советский Союз при всех зигзагах его развития. При этом надо отметить, что социальная база этих идей изменилась (что еще не совсем осознали левые партии): теперь не рабочий класс представляет собой ведущую политическую и социальную силу — он раздроблен, трудится в различных экономико-финансовых условиях, опосредованных различными формами собственности. На наш взгляд, социальную базу левых идей составляет прекариат (от *лат.* «нестабильный, неустойчивый, негарантированный»), который состоит из больших социальных групп, живущих в состоянии неуверенности в стабильности своего нынешнего и будущего положения. Именно эти группы заинтересованы в реализации социалистических идей, которые они считают олицетворением справедливого общества. Причем эти группы не отвергают существование частных форм собственности, ратуют за установление социального (но не уравнительного) равенства и в качестве желаемой цели — за социальную справедливость.

Таблица

Каких политических взглядов вы придерживаетесь?[2]

Взгляды	Год			Отрасли					
	2018	2019	2020	Строительство	Транспорт	Торговля, бытовое обслуживание	Промышленность	Сельское хозяйство	Наука
Левые (социалистические, коммунистические)	22,5	25,2	23,0	27,7	26,3	21,7	20,0	28,0	21,0
Правые (либеральные)	14,5	14,9	21,6	13,7	18,0	13,0	23,0	13,7	28,0
Патриотические, национальные	36,8	24,2	25,8	26,0	26,3	20,3	29,7	18,7	29,0
Монархические	1,2	1,2	1,6	0,7	2,3	0,7	1,7	1,0	2,0
Религиозные (христианские, мусульманские или др.)	5,0	9,1	6,1	8,3	6,3	12,7	4,7	11,7	2,0
Другие (напишите)	1,5	–	12,7	–	–	–	13,7	11,3	13,0
Никакие	18,6	18,9	–	18,3	15,7	22,7	–	–	–
Не ответили	–	6,4	9,3	5,3	5,0	9,0	7,3	15,7	5,0

Во-вторых, определенное влияние имеет либеральная идеология, которая нацелена на такие внешне привлекательные ценности, как развитие демократии и обеспечение прав человека, но в довольно специфическом толковании. Под этим подразумевается нацеленность на преимущественное существование, развитие и функционирование частной собственности, превращение государства в «ночного сторожа», абсолютная, безоговорочная ответственность каждого человека за выбор своего жизненного пути, свою конкурентоспособность для выживания в нынешних российских реалиях. Более того, открыто провозглашается, например Иноземцевым, что «новое неравенство» не может считаться несправедливым, поскольку в его основе лежит не принуждение, а результат деятельности творческих (креативных) личностей[2].

Показательно, что социальная база либерализма за все годы существования новой России значительно сократилась. Народ отверг правые партии в их стремлении захватить законодательные и представительные органы власти. В общественном мнении были развенчаны и прежние, и существующие лидеры либерализма, начиная с Е. Гайдара. Однако, несмотря на отсутствие поддержки народа, экономические идеи либерализма продолжают существовать на государственном уровне. Именно их существование и продолжение реализации на официальном уровне привело (наряду с другими факторами) к стагнации социально-экономического развития России, росту социального неравенства, увеличению социальной напряженности, формированию общества травмы.

Показательно, что ограниченность и даже гибельность идей либерализма стала очевидной и для президента страны, когда в интервью газете «Financial Times» в июне 2019 года прозвучала резкая оценка роли и значения либерализма в жизни как всего мира, так и отдельных стран. Причем президент особо подчеркнул, что проблема состоит не столько в том, что либералы и их идеи существуют, а в том, что «эта часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству»[3].

В-третьих, в 2000-е годы стала формироваться консервативно-патриотическая идеология, которую в настоящее время олицетворяет ряд довольно разношерстных социально-политических течений — от приверженцев идей традиционализма, ценностей предшествующих поколений до разного рода этнических, националистических и конфессиональных организаций. И хотя в том или ином варианте все они выступают за сохранение исторических и национально-

[1] *Источник:* данные всероссийских социологических опросов, проведенных в 2018–2020 годах в шести отраслях национальной экономики и культуры социологами Российского государственного гуманитарного университета и Центром социального прогнозирования и маркетинга (подробнее см.: Прекариат: становление нового класса : кол. моногр. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2020 ; Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь мир, 2021).

[2] *Иноземцев В.* Кризис великой идеи // Свободная мысль. 2011. № 1. С. 17–28.

[3] Цит. по: Коммерсантъ. 2019. 1 июля.

культурных ценностей, их приумножение, воспитание преданности стране, поддержку традиций и обычаев в жизни современных граждан, эти организации лишь условно могут быть названы скрепляющей и нравственной силой, так как в одежды патриотов облачаются и те, кто сбежал за границу, прихватив немало уворованных в стране средств, и те, кто живет в криминальном мире, и те, кто ради получения различных дивидендов готов присоединиться к этой идеологии. В связи с этим возникает далеко не праздный вопрос: может ли считаться патриотом олигарх, если весь свой капитал он хранит за границей?

На поле патриотизма играют многочисленные партии и движения — от «Единой России» до Либерально-демократической партии и различных специфических объединений, ратующих за особенный путь развития России. Разношерстность этих сил усугубляется тем, что консервативные и патриотические идеи по-разному трактуются и реализуются различными политическими силами, что нередко приводит к рассогласованности действий, а иногда и к их столкновению.

В-четвертых, предпринимается попытка придать общероссийской, в том числе государственной, идеологии облик религиозного фундаментализма и даже монархизма. Эта попытка реализуется предложениями амбициозных политиков, которые в своем желании заявить о себе и удержаться на плаву предлагают свое ви́дение мировоззренческих установок россиян и методы их формирования. Так, небезызвестный депутат Госдумы Е. Мизулина в 2013 году предложила идею — отразить в Конституции РФ, что православие является «основой национальной и культурной самобытности России», таким образом, заменив отсутствие понятия «государственная идеология»[1]. К сожалению, в обновленной Конституции появилось слово «Бог», что в принципе противоречит другому положению Конституции, что Россия является светским государством.

Однако вернуться в прошлое невозможно, что неоднократно было доказано историческим опытом. Попытки Русской православной церкви выйти на желаемую траекторию внедрения в сознание россиян канонов и догм православия встретили пассивное, сдержанное, а порой и явное сопротивление.

Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические и спорные идеи о «милитаризации сознания»[2] или превращении среднего класса из опоры общества в источник его раскола и дестабилизации[3]. Стоит отметить и навязчивые и невразумительные попытки построить и утвердить «соборно-вечевую мораль», а также доказать, что будущее предсказал апостол Павел[4].

[1] Версия. 2018. № 49.

[2] *Ципко А. С.* Милитаризация сознания убивает инстинкт самосохранения и делает смерть сакральной // Независимая газета. 2019. 4 июля.

[3] *Щипков А.* Протестная рента. Средний класс, призванный консолидировать общество, его раскалывает и дестабилизирует // Независимая газета. 2019. 8 июля.

[4] *Асопов Н. В.* Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 39, 46, 49.

Состояние российского общества как общества травмы порождает и такие эрзац-мировоззренческие формы, как квази-, псевдо-, контр- и паракультуры, паразитирующие на ожиданиях и надеждах людей, что вызвано, с одной стороны, их неуверенностью в своем положении в существующем обществе, с другой — превращением культуры в бизнес-культуру, средство получения прибыли, в том числе за счет потакания низменным вкусам части населения. Это состояние способствовало расцвету манипуляций различных мистических лиц.

К этому следует добавить, что из политического и идейного дискурсов существующей политической власти исчезла пропаганда личных качеств человека — чести, достоинства, трудолюбия. Они забыты или скомпрометированы. Не стало для официальной пропаганды тех людей, которые воплощали в себе лучшие черты человека, кому бы следовало подражать, с кого бы стоило брать пример и ориентироваться в своих делах и поступках. Оскудение нравственного облика — это тоже один из показателей идеологического обнищания общества травмы.

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что оно находится под угрозой в условиях существования различных идеологий, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки разных социальных классов, общностей, групп без всяких координирующих попыток согласовать их со стороны государства. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травмированного состояния.

Есть ли перспектива?

То, что идеология нужна не только политическим организациям и движениям, но и любому государству, все в большей мере осознается во всем мире. Попытки представить современные общества как деидеологизированные были отвергнуты сами ходом исторического развития и ушли в прошлое. Эти идеи, которые развивались в работах западных исследователей (Р. Арон, Д. Белл, С. Липсет и др.), утверждали, что развитые страны вышли за рамки того общественного состояния, которому необходима идеология, и вступили в новую «неидеологическую» эру. Был провозглашен «конец идеологии». На самом деле (и реальность это подтвердила) эта концепция выражала сциентистски-технократическую иллюзию, будто бы все проблемы современного общества могут быть решены исключительно «техническими» средствами, без участия масс, борьбы классов и т. д.

Однако логика современного исторического развития еще раз продемонстрировала, что ни одно из государств не может обходиться без официальной идеологии, без того, чтобы ориентировать граждан своей страны в том, какое общество строится, какие цели и идеалы оно преследует, как будут связаны личные и общественные интересы и какими средствами это бу-

дет достигнуто. Иначе говоря, век деидеологизации не состоялся. И как показывает реальный исторический процесс, идеология, несмотря ни на что, возвращается, и более того, она переросла в различные формы информационной войны.

Примером успешного применения идеологии может быть политика Коммунистической партии Китая: китайский народ должен четко представлять как перспективные, так и текущие, ближайшие цели. Что касается будущего, то это строительство социализма с китайской спецификой, а цель, которая должна заинтересовать каждого китайца, — реализация китайской мечты: обеспечить подушевой уровень ВВП в размере 12 тыс. долларов (как официально заявлено — достичь уровня среднего достатка по сравнению с показателями развитых стран). Такое соединение общественно значимых и личных интересов стало для Китая объединяющей силой, которая делает возможной реализацию провозглашенных целей. О том, что это будет достигнуто, свидетельствуют темпы успешного развития КНР. Если в 1990 году ВВП России втрое превышал аналогичный показатель Китая, то спустя 25 лет Китай превосходит Россию по этому показателю в шесть раз.

Так что же должно быть положено в основу государственной идеологии России?

Во-первых, на наш взгляд, необходимо четкое и однозначное определение стратегической цели развития и средств ее достижения. Такая стратегия не только должна найти отражение в государственных документах, но и стать частью общественного сознания, понимания людьми, к чему в перспективе стремится и чего желает добиться (получить) население страны. Более того, эта цель неминуемо призвана обрести форму идеологии, духовно-нравственного обеспечения, чтобы по крайней мере большинству населения страны было ясно, какое общество его ожидает в будущем.

Во-вторых, государственная идеология немыслима без обеспечения социальной консолидации общества, которую можно достичь только в том случае, если стратегические цели развития будут конструироваться не только «сверху», но и «снизу», с непосредственным участием народа, с учетом его ценностных ориентаций и установок. А что это означает на современном этапе развития российского общества? Социологические исследования показывают, что на первое место выходит желание установления социальной справедливости, стабильного социального положения и устойчивого гарантированного будущего. Именно эти цели проходят через социологические опросы как всего населения, так и большинства социальных групп. О том, что эти устремления не реализуются, говорят данные Левада-Центра: за последние 20 лет (начиная с 2000 г.) убежденность в том, что страна движется по неверному пути, колебалась в пределах 40–50 %[1]. Как это согласуется с высоким уровнем доверия президенту страны, достигающим в отдельные годы 80 %? На наш взгляд, такое противоречие вполне объяснимо: если доверие к президенту формируется персонально как к лицу, обеспечивающему управление страной, то во-втором случае оценка соотносится с базовыми основами устройства личной жизни и теми возможностями, которыми люди могут пользоваться в своих интересах, интересах семьи и своих близких.

Таким образом, в укреплении или дезорганизации жизни государства, общества, социальных институтов и всего населения важнейшую роль играет идеология. Однако существующее безвременье в духовно-идеологической сфере только усиливает травмирующее воздействие на человеческий потенциал и социальный капитал. Возникшие новые вызовы для социума в виде необходимости мировоззренческой определенности требуют скорейшего решения проблем жизнеустройства россиян, гуманизации их трудовой и общественной деятельности, создания возможностей для раскрытия творчества и реального участия по строительству нового общества.

Отсюда следует вывод: идеология Российского государства должна строиться на том, что желает народ, к чему стремится население. И тогда официальная идеология (позвольте пофантазировать) может быть сведена к таким целям: *«Справедливость, Достоинство, Доверие»*.

[1] Независимая газета. 2020. 30 нояб.

Т. Тюркер[1]

НОВЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК? ОТВЕТНЫЙ УДАР ЦИВИЛИЗАЦИИ(Й)?

Статья Эрнесто Лакло 1992 года «Универсализм, партикуляризм и вопрос идентичности» по-прежнему актуальна в эпоху транзита мирового порядка. В то время как дебаты о моно-, би- или многополярности были основным вопросом международной политики в последние два десятилетия, выход Великобритании из Европейского союза и особенно ураганное влияние Трампа и его аура в виде интернационализированного трампизма породили новые вопросы и реалии, несмотря на победу Байдена на президентских выборах 2020 года и обещание возврата традиционных ценностей (если можно так назвать гегемонистские аргументы периода после холодной войны). Очевидно, что обещания Байдена в вопросах международной политики не сочетались, а в некоторых областях и контрастировали с тем, что происходило в мире до сегодняшнего дня. Таким образом, дебаты эпохи Трампа все еще не утратили актуальности, а вопрос о мировом порядке по-прежнему актуален.

В последнее десятилетие основы западных обществ и международной системы были поставлены под сомнение: 1) внутренними проблемами, вызванными трансформацией технологий, капитализма, общества, управления и международной политики; 2) международным соперничеством в региональных масштабах и 3) тотальной конкуренцией со стороны Китая. Очевидно, что эти три фактора создали для Запада сложную картину, которая выкристаллизовалась в антисистемные вызовы: термины «правый или левый популизм» больше не могут объяснить всю сложность ситуации. Высказывается мнение, что в наши дни происходят спонтанные изменения или серьезные отклонения в истории Запада и всего мира. Однако пандемия, избирательная кампания в США (включая захват Сената 6 января 2021 г.), международные политические дискурсы и события показали, что мир находится в той стадии, когда *старое не может умереть, а новое не может родиться, и мы боремся с монстрами*, как говорит Грамши.

Эти три уровня заслуживают краткого пояснения. Говоря о внутренних проблемах Запада на Лихачевских чтениях в 2017 году, я упоминал Баумана и Бордони и считаю необходимым снова повторить их идеи и умозаключения. Для описания современности Бауман и Бордони предложили термин *текучая современность*, поскольку если во время и после долгого XIX века современность можно было описывать как *статус-кво*, то XXI век — это снова период неясности, поиск нового *статус-кво* или, по формулировке Умберто Эко, «*попытка проникнуть в завтрашние, пока неизвестные обстоятельства*». В своей книге «*Состояние кризиса*» Бауман и Бордони утверждают, что мы сталкиваемся с двойным кризисом — с одной стороны, бессилием государств, с другой — радикальным изменением социальных структур. Результаты современного кризиса можно разделить на политические и социальные.

Наиболее заметный политический результат, который я хочу подчеркнуть, — потеря чувства *идентичности* или коллективного сознания, которое было сформировано в *национальных государствах* для обеспечения преемственности, и от этого зависела вся международная система. Такая идентичность, или коллективное сознание, имеет два аспекта: локальный аспект описывает особенности, связанные с нацией, языком, религией, историей и тому подобным, обеспечивая сплоченность внутри страны, в то время как универсальный аспект связан с безопасностью, справедливостью, демократией, правами человека и прочим, обеспечивая преемственность системы ценностей и даже международной системы. Независимо от затронутого здесь вопроса о противостоянии универсализма и партикуляризма, я считаю допустимым, что обособленность национальных государств зависит от универсальности ценностей, которая создает международную систему; иными словами, заметная эрозия универсальных ценностей является еще одним существенным фактором. Другой аспект — слабость государств перед политическими требованиями масс; в этой области все еще идет поиск законных и эффективных путей управления. Однако именно благодаря требованиям масс социальные результаты могут быть связаны с политическими. Можно возразить, что требования масс также трансформировались. Сегодня они не знают, чего хотят, но очень хорошо знают, чего *не* хотят; это делает общества менее управляемыми с помощью таких современных методов, как представительство, парламент, партии или даже структуры гражданского общества. В то же время нельзя не считаться с тем, что массы одержимы жаждой потребления. Согласно концепции авторов, *общество потребления* заменило гражданское общество, что является новой реальностью для всех социальных и политических сфер. Это делает из потребления текущий *telos (греч.* цель. — *Примеч. пер.)*. Кризис современности и ее «текучий» характер, о котором говорилось выше, на самом деле указывают на кризис суверенитета и демократии в современном мире.

Пост-версия современности в целом основывалась на оценках с точки зрения постмодернизма, согласно которым наднациональные организации и микронации заменили бы национальные государства и даже нации, обновленные версии демократии были бы усовершенствованы с помощью социальных сетей, гражданского общества и тому подобного, число синих воротничков

[1] Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Оттоманской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Оттоманской и Российской империй и вопросам современной международной политики, в т. ч.: «Проблемы кризиса современности, поиска идентичности и демократии в западном мире», «История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи» и др.

сократилось бы по сравнению с белыми воротничками, а экономика стала бы зависеть от еще большего количества технологий и инноваций.

Однако противоположные тенденции — традиционная политика, а именно сначала Брексит и Трамп, а затем и инфраструктурная динамика традиционного общества, нанесли ответный удар, став вызовом постиндустриальным экономическим отношениям, в которых консервативные ценности были противопоставлены либеральным обещаниям *вымышленного* общества. В парадигме Кодзина Каратани (треугольник «государство, капитал, общество») можно утверждать, что расширение капитала в сравнении с государством и обществом создало множество *проблемных областей* в тот период. Приведу лишь один пример: то, что социальные сети временно закрывают аккаунты действующего американского президента, должно шокировать, если вспомнить, что монополия на насилие является основой легитимности государства и полномочия цензора в этой модели принадлежат государству, а не отдельным группам капитала. Дебаты о популизме в тот период — еще одна яркая иллюстрация кризиса. В то же время нельзя игнорировать предупреждение Мадлен Олбрайт о *фашизме* в ее книге 2018 года.

Второй уровень, региональное соперничество, стал еще одной проблемой в рамках кризиса. Оно было названо *беззападностью* на Мюнхенской конференции по безопасности и *гоббсовской международной средой* на Всемирном экономическом форуме, а альманахи последнего десятилетия пишут о вакууме и «легких» конфликтах, характеризующих международную политику почти во всех регионах мира. Это Ближний Восток, включая Сирию, Ирак, Афганистан и Ливию; Африка, особенно Сахель и побережье Восточной Африки; кризис демократии в Южной Америке, особенно в Венесуэле; Восточная Европа, особенно Украина в 2022 году, и т. д. Региональные державы с глобальным влиянием, сформировавшимся в тот период, такие как Россия, Индия и Бразилия; а также другие региональные державы, такие как Иран, Индонезия, Филиппины, Южно-Африканская Республика, Египет и Саудовская Аравия, стали игроками, бросающими вызов Западу. Более того, раскол внутри Запада, проявившийся в Брексите, стремление Турции к более автономной внешней политике, африканская перспектива Франции и *neue Ostpolitik* (*нем.* новая восточная политика. — *Примеч. пер.*) Германии стали более серьезными вызовами для западного мира. Все эти «малые» кризисы, приведшие к гибели миллионов людей, голоду и бездомности, которые стали реальностью во времена господства Запада, еще больше ударили по его господству, а его соперники только укрепили свои позиции.

Хотя такое соперничество уже подрывало гегемонию Запада в международной политике, настоящий — системный — вызов пришел из Китая. Как уже упоминалось выше, этот вызов носит тотальный характер и выражает стремление к глобальному доминированию. Дебаты о роли Китая в Бреттон-Вудской системе уже говорят о тотальном вызове, поскольку вся западная гегемонистская мировая система основана по большей части на Бреттон-Вудсе. Конечно, Бреттон-Вудс создал некоторые предпосылки для укрепления западной гегемонии, но все же это был результат реального экономического доминирования США. Никсоновский шок стал запятой в предложении, но никак не точкой. Три фактора, а именно: 1) стремительный экономический рост современного Китая; 2) упомянутая выше «запятая», которая сделала нынешнюю экономическую систему недействительной, и 3) позиции новых игроков, таких как Индия и Россия, в отношении поиска новой системы, могут свести на нет доминирование доллара США. Налицо появление нового мира.

Если в течение двух десятилетий *belle époque II*, последовавших за падением Берлинской стены, девизом был новый свободный мир, где, по словам Фрэнсиса Фукуямы, «*история закончилась*», то в последнее десятилетие, особенно после Брексита, происходит превращение Китая в глобальную державу, а свободный мир со свободной торговлей и либеральными ценностями становится первым, от чего отказывается Запад в свете *новой версии холодной войны*. На этот раз Фукуяма пишет «*Идентичность»* и постулирует концепцию «*столкновения цивилизаций*» своего покойного профессора Сэмюэля Хантингтона.

Краткое изложение событий последних лет поможет прояснить контекст. Первое важное событие, достойное упоминания, — дебаты между Трампом и Байденом перед выборами. Расколотое общество, полное противоречий, — вот главное впечатление от американских выборов 2020 года. Во внутренней политике Трамп был «*традиционным*» консерватором. Термин «*традиционный*» используется здесь, чтобы отличить его от «*нео*»-формы, а Байден был либералом и даже социал-демократом с точки зрения Европы. Что касается экономики, то Трамп выступал за традиционную промышленность, а Байден — за новую, поддерживая информационный сектор и сектор услуг. Что касается международных экономических отношений, то Трамп придерживался *меркантилистских* взглядов, в то время как Байден был сторонником свободной торговли. В международной политике Трамп должен был создать контролируемый вакуум, из-за которого союзники испытывали бы нужду в США, в то время как Байден должен был призвать Америку вернуться на мировую арену для укрепления сотрудничества со старыми союзниками. Вскоре Байден уже пытался найти золотую середину между собственной предвыборной позицией (обещаниями *великой перезагрузки*, по выражению Клауса Шваба на Всемирном экономическом форуме, постиндустриальной мечты, прогрессивного общества и нового американского миропорядка, мотивированными его либеральным *weltanschauung* (*нем.* мировоззрением. — *Примеч. пер.*) и ультра-идеалистическим подходом к международной политике) и позицией Трампа, обещавшего *вернуться к американской мечте* эпохи после Второй мировой войны, индустриальному и прочному обществу, спонтанному мировому порядку, где *«Америка превыше всего»*, что было мотивировано его консервативными взглядами и ультрареалистическими предпосылками в международной политике. Очевидно, что такого баланса весьма трудно добиться...

Байден — или любой другой, будь то демократ или республиканец — сегодня и в ближайшем будущем должен решать проблемы дуального общества в США, связанные с необходимостью сосуществования традиционного индустриального и постиндустриального обществ, огромными экономическими проблемами, а именно инфляцией, расколом общества, прогрессивными требованиями и консервативной реакцией, политической закостенелостью, разрывом партийных мотиваций между поколениями и даже идеологиями, сложностями на предстоящих выборах и т. д. Однако все эти вопросы могут происходить из одной фундаментальной проблемы, о которой говорилось выше, — поиск нового *telos*, нового *habitus* (*лат.* системы установок), нового *modus vivendi* (*лат.* образа жизни), нового американского *status quo*, который может явить собой способ быть цивилизованным, когда термин *постцивилизация* столь же правомерен, как и термин *пост-правда*. Этот поиск, конечно, будет идти параллельно с поиском решений в области международной политики и даже нового мирового порядка: Байден был весьма разочарован тем, что нашел мир не таким, каким он был после окончания президентского срока Обамы в 2016 году.

Вкратце, мир 2020 года, который уже далеко ушел от западной гегемонии и стабильной архитектуры, в общем виде имел следующую расстановку сил: тотальный соперник — Китай, старый соперник, находящийся между США и Китаем, — Россия, бросающие вызов союзники — Германия и Франция, растущее влияние региональных держав и их амбиции по всему миру. План Киссинджера эпохи Трампа — присоединение России и Индии к альянсу тихоокеанских стран с центральным англо-американским блоком, состоящим из США, Канады, Великобритании, Новой Зеландии и Австралии, для сдерживания Китая — был реалистичным и перспективным и для администрации Байдена. До февраля 2022 года... Но теперь стало очевидно, что англо-американский блок (усиленный в 2021 г. новой Атлантической хартией) выбрал путь консолидации трансатлантических отношений путем подавления континента и оттеснения России. Однако этот путь едва ли жизнеспособен по следующим причинам: 1) необходимость в России и ее союзниках (в частности, Индии) в Тихоокеанском регионе; 2) реакция со стороны континентальной Европы; 3) угроза глобального экономического кризиса. Еще одной, возможно, самой важной причиной может быть угроза консолидации Китая, России, Индии и многих других стран Тихоокеанского региона и, возможно, Ближнего Востока и даже Европы на основании консенсуса в поиске нового мирового порядка. Хотя Россия сама по себе не способна на глобальный вызов, ее союз с Китаем полностью меняет игру.

В ближайшем будущем, если соперничество между США и Китаем станет главной осью международной политики, каким соперничеством будет жить мир и какую архитектуру это создаст? Поскольку основой политики всегда являются материальные соображения, конкуренция США и Китая должна создать политический дискурс, который узаконит нынешние позиции. В этот момент фраза Киссинджера может стать ориентиром для дебатов. Он утверждал, что на протяжении всей своей истории человечество создавало способы объяснения окружающего мира: в Средние века — с помощью религии, в эпоху Просвещения — с помощью разума, в XIX веке — с помощью истории, в XX веке — с помощью идеологии. Другими словами, в XX веке доминировала идентичность и позиции, основанные на идеологической конфронтации США сначала с фашизмом, а затем с социализмом. XIX век был веком национализмов с преобладающим историческим подходом, который был основой национальной идентичности. С тех пор участие масс в политике привнесло новый аспект в проблему идентичности. Идентичность будет центральным пунктом политической повестки, если массы будут оставаться ее действующими лицами. Хотя смерть *koinon* (*греч.* общественного) и доминирование *idion* (*греч.* собственного) утверждались сторонниками антиутопий во время пандемии, описание идентичности на тот момент было проблематичным. Национальные идентичности не исчезли, но первостепенной идентичностью была идеологическая. Такое явление, несмотря на замену, снова станет основным курсом. Итак, национальные идентичности останутся, идеологические идентичности останутся — ведь Байден призывает мир к политике, основанной на ценностях, но первостепенная, новая идентичность должна быть более сложной, объясняющей соперничество и убедительной для закона, а также создающей сплоченность для внутренней политики Запада, особенно США; для этого может быть использована концепция *цивилизации(й)*.

Цивилизация(и) — это двоякий и даже противоречивый термин. Вопреки общему мнению, этот термин очень долгое время употреблялся в единственном числе. Проблема «мы и другие», ставшая камнем преткновения современной политики, уходит корнями в ветхозаветную главу «*Числа*». Считались только «мы», а «все остальные» были язычниками. Древние греки называли других *варварами*. В Риме бытовала концепция «римляне против дикарей». Таким образом, концепция основывалась на утверждениях об универсальном характере идентичности и была дихотомичной. Рим стал единственным источником легитимности, где в один и тот же период правили четыре римских цезаря: в Риме, во втором Риме — Стамбуле, в третьем Риме — Москве и в «другом» Риме — Вене, о которой Вольтер говорил, что «это не святое и не римское место, а просто кучка немцев». Латинское слово «*универсальный*» и греческое слово «*экуменический*» были основой легитимности до Вестфальского мира, который обеспечил легитимность партикуляризму и сделал возможным триумф национализмов в XIX веке. В то время термин «цивилизация» использовался как синоним для *хороших манер* или *приличий*, и это четко прослеживается у Мирабо в значении *modus vivendi*, принадлежащего аристократии. Позже во французском языке оно вновь обрело универсальное значение, обозначая эпохи развития человечества — хронологически несколько цивилизаций, в то время как немецкий язык всегда предпочитал *Kultur*. В тот же период, пока Франция создавала республиканскую политическую модель нации на основе взгля-

дов Руссо, Германия должна была сформировать свою собственную модель нации на основе *Sittlichkeit* (концепции этической жизни) Гегеля и «*Речей к немецкой нации*» Фихте — или комбинации фон Ранке и Лампрехта из историографии.

В поисках новой концепции политической идентичности в свое время были проведены реформы Александра II, которые сделали недействительной концепцию графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность»; Российская империя создала более подходящую и полезную формулировку для целей своей идентичности, соответствующую ее потребностям как империи на тот момент. Речь идет о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1875), где он впервые классифицировал цивилизации и создал концепцию цивилизации в рамках современной Вестфальской национальной модели с вариантами сплочения масс с помощью формулировок идентичности. Как говорил Марк Твен, «история никогда не повторяется, но часто рифмуется»; вот и формулировки Данилевского рифмовались с формулировкой Уварова, относя царя и самодержавие к имперской (романской) лояльности, церковь — к философии православия, а народность — к преимущественно германской национальной сущности. (В этом очень помог термин «самобытность» (уникальность), предложенный для России славянофильской мыслью и заимствованный из немецкой антропологии и философии.) Чудо заключалось в том, что таким образом была создана идентичность, необходимая империи для реализации современной на тот момент политики и транснационального внутреннего и даже регионального влияния. Классификация была настолько успешной, что Достоевский использовал ее в последние годы своей жизни; из нее вытекала идея византизма Леонтьева, и даже утверждение Бакунина, что анархия была бы успешной только в Российской и Османской империях, основывалось на этой классификации цивилизаций.

Множественное число в концепции цивилизаций использовалось только в Британии, что неудивительно, поскольку потребности этой империи были схожи с потребностями России. Сначала в 1919 году Шпенглер в своей работе «Закат Европы» продолжил использовать форму множественного числа для слова «цивилизация», затем Тойнби в 1934 году в своей книге «Исследование истории» основывал свои идеи на существовании цивилизации(й). (В континентальной Европе термин все еще принципиально использовался в единственном числе, но, подобно французской *L'École des Annales* (*фр.* Школа «Анналов») с историческим периодическим подходом Броделя, использовавшего термин *synthétique geographies* (*фр.* синтетические географии); или же не использовался вообще, как в Германии.) Британский менталитет тори был импортирован в США Лео Штраусом, за которым последовали его ученики Сэмюэль Хантингтон и Фрэнсис Фукуяма.

Таким образом, концепция множественных соперничающих цивилизаций не является чуждой для США, Великобритании и России. (Хотя континентальное европейское сознание далеко от этой концепции, сам ЕС может рассматриваться как ее пример, особенно вкупе с основополагающими идеями Александра Кожева, который был русским иммигрантом. Кроме того, не чужд этой концепции и Китай с его имперским мышлением, именующий себя *Zhōngguó,* что означает «средний мир».) Однако причина, по которой сегодня эта концепция является адекватной и полезной для формулирования дискурса соперничества между США и Китаем, должна получить объяснение, выходящее за рамки интуитивных представлений и «оценок на глаз», в зависимости от конкретной ситуации в США, Китае и международной политике. Во-первых, эта концепция достаточно гибкая, чтобы охватить большую мировую территорию, ее значение шире, чем «культура» или «нация», и опять же более гибкое, чем термины идеологии. Это можно назвать мирным сосуществованием культур и наций под большим толерантным куполом. (Хотя можно легко утверждать, ссылаясь на Терри Иглтона, что *civitas* и культура конкурируют.)

Кроме того, она не является столь строгой, как концепция, формирующая идеологический блок, и приветствует различные политические модели с узкими разделительными линиями. Гибкая концепция цивилизации может быть полезна для формирования более крупных альянсов, когда уже будет достигнуто четкое понимание того, что постнационалистические тенденции по своей сути утопичны, а демократию в наше время следует описывать шире, с более практичными подходами и с учетом иных моделей, таких как китайская политическая система. Партикуляристская по своей природе, благодаря призыву к универсализму такая концепция может быть достаточно привлекательной. В ее основе лежит почти двухсотлетняя вестернизация стран, находящихся, по выражению Жака Рансьера, *aux bords de l'ouest* (*на берегах Запада*). Она имеет более выраженное географическое преимущество, от Японии до Индии; и даже от постсоветской географии, изменяя/подчеркивая значение термина «Евразия», который в настоящее время противопоставляется Западу, до европеизированной Азии, Ближнего Востока в более широком понимании, с интерпретацией «средиземноморских корней», включая ислам и иудеохристианское наследие. Наконец, можно утверждать, что потребность в новом *telos* и обещание новых *habitus* и *modus vivendi*, которые являются сильнейшими аргументами Запада в новом соперничестве, вероятны и достижимы в ходе диалога цивилизаций. (В рамках этой модели можно утверждать, что немецкое понимание *Kultur* (культуры) и даже *Kulturkampf* (борьбы за культуру) могло бы стать сутью миропорядка в краткосрочной перспективе.) Вместо союзов XIX века, основанных на национализме и истории, или союзов XX века, основанных на блоках и идеологиях (но также включая национализм), мир XXI века может быть основан на цивилизациях и социологии (возможно, культурологии или антропософии), включая идеологическое наследие и национальные суверенитеты. Остается надеяться, что такая конфигурация мировой политики приведет к более мирной и стабильной системе, а не будет напоминать суждение Баумана о фашизме как о естественном и неизбежном результате самой современности.

А. В. Успенская[1]

Ч. ДИККЕНС ОБ АМЕРИКАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Размышления о современном состоянии российско-американских отношений приводят к выводу, что нынешнее небывало жесткое противостояние обусловлено не только политическими и экономическими противоречиями. Эти противоречия, особенно между крупнейшими державами, существовали всегда: борьба за региональную и мировую гегемонию, торговые пути и рынки сбыта, наконец, за источники сырья. Но в современном противостоянии столько ожесточения и патетики, что трудно воспринять неистовые выпады политиков как просто демагогическое прикрытие корыстных интересов, — похоже, происходит конфликт неких традиционных ценностей, свойственных нашим странам. Еще Достоевский говорил, что люди даже за хлеб не дерутся так ожесточенно, как за идею.

В основе этого духовного противостояния лежат различные ценности, веками культивировавшиеся в общественном сознании России и Запада. Действительно, протестантская этика капиталистического мира, особенно ярко проявившаяся в своем кальвинистском обличье в Новом Свете, куда массово эмигрировали европейские протестанты, противостоит соборной этике, питавшей традиционалистское общество Российской империи, отчасти — Советского Союза, имеющей аксиологическую значимость в России и по сей день.

Но какова суть этих традиционных ценностей, изначально присущих именно США, стимулирующих Америку противостоять не только России, но, в сущности, и Западной Европе, которая под натиском своего могущественного партнера все больше лишается политической субъектности и экономической самостоятельности? Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к опыту самих европейцев, особенно англичан, связанных со своей бывшей колонией, увидевших еще на заре существования США некоторые основополагающие традиции, важные и для страны, и для окружающего мира, и являющие при этом симптомы острого неблагополучия.

В конце XVIII — начале XIX века государство, назвавшее себя «Соединенные Штаты Америки», бывшее до тех пор на периферии сознания европейцев, стало вызывать все больший интерес. Страна, восставшая против метрополии, свергнувшая власть колонизаторов, с оружием в руках завоевавшая свою свободу, провозгласившая, подобно древним грекам и римлянам, народовластие — республику и свободные выборы, — все это вызывало уважение и даже восхищение у либерально настроенной европейской публики.

Известные поэты-романтики С. Кольридж и Р. Саути, разочаровавшись в результатах Великой французской революции, хотели бежать в Америку, чтобы основать в этой свободной стране коммуну, и только отсутствие денег остановило их.

Один из величайших европейских писателей Чарльз Диккенс также испытывал интерес к Америке. К началу 1840-х годов он, уже достигший всеевропейской славы, получил приглашение прочесть в США курс лекций на морально-нравственные и литературные темы. Власти молодого американского государства очень заботились о создании положительного имиджа страны и приглашали к себе известных деятелей науки и культуры.

Но надежды на благоприятное впечатление не оправдались. Вначале Диккенс выпустил в свет «Американские очерки», затем прибег к художественной форме осмысления поразившего его материала — написал роман «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», где часть действия происходит в США.

Прежде всего Диккенса и его героя, молодого Мартина Чезлвита, в попытке самоутверждения устремившегося из Англии в Америку, поразил глубокий провинциализм американской культуры. Мелким событиям, как, например, избрание члена муниципалитета, пресса придает чуть ли не всемирный характер. Первая же встреча на американском берегу яркими красками изображает средства массовой информации, имеющие в стране огромную власть. Пресса криклива, невыносимо вульгарна и продажна, за деньги она будет очернять или превозносить, постоянно искажая правду. Свобода печати имеет весьма причудливый характер. Диккенс перечисляет названия газет, иронически переиначивая их: «Нью-йоркская помойка», «Нью-йоркский скандалист», «Нью-йоркский клеветник», «Нью-йоркский добровольный доносчик», «Нью-йоркский грабитель». Но американцам это нравится: «Такими просвещенными путями выходят наружу бурные страсти моего отечества»[2], — говорит один из них. Американец называет прессу «оплот нашей разумной отечественной свободы, повергающий в трепет иноземных тиранов», «предмет зависти всего мира», «авангард цивилизации»[3].

В целом духовный провинциализм выражается в отторжении не только политических реалий, но и культуры Старого Света, в разговорах персонажей постоянно чувствуется напряженная, полемическая противопоставленность Европе, что порождает одновременно и желание жесткого изоляционизма, и воинствующие мессианские настроения. Это не удивительно: ведь американская нация формировалась как нация эмигрантов, покидавших родину в состоянии обиды, неприятия прошлой жизни и невероятных эйфориче-

[1] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 100 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «Антологическая поэзия А. А. Фета», «Античность и русская литература. Мотивы. Образы. Идеи» и др.; учебника «Конфликтология духовной сферы» (в соавт.); статей: «Мережковский и Набоков», «Аполлон — победитель Пифона: идеи Винкельмана в поэзии и публицистике А. А. Фета», «Инобытие для героя: об одном из источников эпизода романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, почетным знаком Российского профсоюза работников культуры. Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Диккенс Ч.* Собр. соч. : в 30 т. М., 1959. Т. 10. С. 316.

[3] Там же. С. 317.

ских надежд на самореализацию в мире, где все можно начать с чистого листа. Психология отталкивания от Старого Света как от устаревшего, отжившего, погрязшего в грехах и невежестве становится символом веры нового общества, вырастающего на пустом месте. «Я вижу, вы привезли с собою, сэр, обычный груз бедствий, нищеты, невежества и преступлений — в дар великой республике»[1], — приветствует эмигранта американец. — «Здесь вы узнаете, что такое свет солнца»[2]. Сама культурная память о великих европейских многовековых достижениях подвергается насмешливому осмеянию, осознается как некие пережитки, от которых американцу, новому человеку, необходимо избавиться.

Официальная американская идеология, во многом сложившаяся под влиянием протестантских фанатичных проповедников, предлагает обществу манихейский миф, где создаваемый ими Новый мир — мир естественных людей (нечто вроде вольтеровского «дикаря»), не отягощенных грузом традиций и моральных предрассудков, — противостоит миру обветшавших духовных ценностей, миру неестественному, полному зла и неправды. Старые религиозные и общекультурные ценности — нравственная разборчивость, чувство чести, любовь к ближнему, сострадание, милосердие — и в самом деле помешали бы новому человеку добиваться индивидуалистического успеха любой ценой. В обществе, освободившемся от всех этих «комплексов», торжествует неприкрытый социал-дарвинизм, выжить и добиться успеха может только сильнейший, то есть наименее отягощенный нравственностью.

Вот, например, как Диккенс характеризует будущего конгрессмена, майора Паукинса: «Он был большой политик. Единственный его девиз по части тех обязанностей гражданина, от которых зависит честь и доброе имя его отечества, гласил: „Обмакнув перо, зачеркнуть все начисто и начать снова“. Поэтому он считался патриотом. <…> он умел весьма ловко мошенничать и мог открыть банк, организовать заем, основать компанию для спекуляции земельными участками (неся разорение, гибель и смерть сотням семейств). <…> Поэтому он считался замечательным дельцом. Он мог околачиваться в баре, разглагольствуя о государственных делах по двенадцать часов подряд. <…> Поэтому он считался оратором и другом народа»[3].

В отсутствие связей с мировой культурой в обществе угасает духовное начало, единственной религией становится культ наживы. Все разговоры, «все заботы, надежды, радости, привязанности, добродетели и дружеские связи, казалось, были переплавлены в доллары». «Людей ценили на доллары, мерили долларами, жизнь продавалась с аукциона, оценивалась и шла с молотка за доллары»[4].

В этом обществе для обогащения все средства хороши: поражает засилье разнузданной рекламы, сочетающей ложь, подтасовки и умолчание. Герой Диккенса и еще множество доверчивых выходцев из Старого Света, не имеющих иммунитета к подобному промыванию мозгов, приобретают земли в диком краю, где собираются создать «Новый Эдем», райский сад. Рай оказывается адом — тяжелый климат, страшные болезни, неплодородные почвы, но благодаря рекламе туда едут все новые и новые эмигранты, многие — на верную смерть. Сам Диккенс, показывая гротескные картины этого Эдема, отмечает, что в нем отразилось все американское общество.

Мессианские интенции — вот еще одна удивительная черта молодого, недавно сформировавшегося, захолустного в культурном отношении американского государства 1840-х годов. Америка устами ее восторженных пропагандистов предстает осуществившимся идеалом республиканской свободы, истинной демократии: «…мы образец мудрости, пример всему миру, вершина человеческого разума»[5]. Американское политическое устройство и образ жизни должны стать непререкаемым образцом для всего остального мира, погрязшего в деспотии. Подобный американоцентризм у Диккенса-сатирика приобретает анекдотические формы. Статья местного ничтожного журналиста Брика, как уверены американцы, конечно же, «ненавистна парламенту и Сент-Джеймсскому дворцу».

Отказ от культурных традиций, сдерживающих моральных начал, самолюбование порождают еще одну черту молодого американского общества — самозванство, дилетантизм. Общественная жизнь полна самозваных философов, политологов, читающих бесконечные публичные лекции, выступающих в печати с непререкаемыми сентенциями («философия духа», «философия преступления», «философия растений» и т. д.). Домохозяйка готова прочесть лекцию и о правах человека, и о метафизике, и о гидравлике[6]. Ценностная иерархия отсутствует: чем крикливее, самоувереннее и легковеснее очередной лектор, тем большее внимание он завоевывает. Невиданный национальный нарциссизм часто принимает агрессивные формы: никто не должен критиковать Америку! «…ни один сатирик не мог бы дышать этим воздухом. Если бы среди нас появился второй Ювенал или Свифт, его затравили бы». Любой критик коренных национальных основ американской жизни подвергается «грязной и грубой клевете», становится объектом «закоренелой ненависти и фанатических гонений»[7]. «Вы тут не в деспотической стране, — говорит типичный американец Чоллоп. — Мы пример для всего земного шара, и потому нас надо уважать, предупреждаю. <…> Я и не за то всаживал пулю и убивал на месте»[8].

Не обошел Диккенс и проблему рабства, за которой скрывалась более общая проблема расовой нетерпимости, свойственная американскому обществу. Даже аболиционисты находят негров «смешными», «забавными», похожими на обезьянок, а антипатию между черными и белыми — естественной.

Диккенс прежде всего опирался на собственные впечатления. Но он гениально смог угадать некоторые направления общественного развития Америки, кото-

[1] *Диккенс Ч.* Указ. соч. Т. 10.
[2] Там же. С. 329.
[3] Там же. С. 329–330.
[4] Там же. С. 336.
[5] *Диккенс Ч.* Указ. соч. Т. 10. С. 342.
[6] Там же. С. 352.
[7] Там же. С. 339.
[8] Там же. Т. 11. С. 123.

рые показались ему, представителю культурной элиты Старого Света, не только смешными и уродливыми, но и откровенно опасными. Демократическое общественное устройство вовсе не мешало пропаганде американской мечты о постоянном продвижении вперед, отодвигании границ, сначала — на Дикий Запад, далее — по всему миру. Дж. Вашингтон еще на заре американской независимости, в 1783 году, называл новорожденную страну «поднимающейся империей». И комплекс превосходства над Старым миром, мессианского избранничества изначально являлся одним из смыслообразующих факторов этой новой цивилизации.

Джон Адамс писал в 1765 году: «Я всегда с почтительным изумлением размышляю о заселении Америки как о начале великого плана и промысла Всевышнего, имеющего целью просвещение и освобождение порабощенной части человечества»[1]. Этот комплекс избранности отразился и в художественной литературе. Г. Мелвилл писал: «Мы, американцы, — особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру… Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы совершим нечто великое… Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас»[2]. Впрочем, в своем знаменитом романе «Моби Дик, или Белый кит» Мелвилл отказывается от безоглядного оптимизма, изображая аллегорическую картину: Америка, как несчастный корабль, несущийся по бурному морю за фантомной целью и ведомый безумным капитаном, задумавшим истребить мировое зло.

Диккенс же, насмотревшись на чудеса молодой американской демократии, с гневом и сарказмом пишет об американской элите, которая на каждом шагу обнаруживает полное непонимание великих принципов, создавших Америку: «Доведя свою родину до того, что ее презирают все честные люди, они посягают на права еще не родившихся наций, более того — на самый прогресс, но даже не понимают этого, а если и понимают, то сокрушаются об этом столько же, сколько свиньи, которые валяются в грязи на улицах. Они думают, что кричать другим народам, коснеющим в беззаконии: „Мы не хуже вас!“ *(не хуже!)* — достаточная защита и оправдание для республики, только вчера пустившейся в свой славный путь, а сегодня уже до того искалеченной, до того изъеденной язвами и болячками, оскорбительными для глаз и не поддающимися исцелению, что лучшие друзья с презрением отворачиваются от мерзкой твари»[3].

Диккенс очень сочувствовал великим идеям, вдохновившим создателей американского государства, — идеям свободы, равноправия и справедливости. Но он видел и опасности, подстерегавшие эту страну, коренящиеся в самих ее традициях, однако, как он и ожидал, американцы ответили лишь негодованием. Не услышали или не приняли всерьез его предостережений и жители Старого Света.

Л. Л. Фитуни[4]

ГЕРМЕНЕВТИКА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА[5]

Герменевтика занимается проблемами интерпретации текстов не только в привычном узком, «издательском» смысле слова (хотя и в нем тоже), но и в самом широком философском понимании: текстов как продуктов языкового выражения, интерпретации смыслов, которые возникают при работе со значимыми человеческими проблемами. В данном докладе автор намерен поделиться своими соображениями по вопросу интерпретаций феномена «нового мирового порядка» (НМП), который на протяжении долгого времени выступает то в качестве идеала, то в качестве химеры, сводящихся к переустройству устоявшегося течения жизни мирового сообщества. При этом на практике, как показывает история, каждое такое переустройство неизменно сопровождается катаклизмами и тяжелейшими последствиями для множества стран и народов.

Разумно начать наши размышления с попытки хотя бы в общих чертах договориться о том, что все же подразумевается под термином «новый мировой порядок». Подчеркнем, что речь идет не о конкретном наполнении международной реальности с приходом очередного НМП, а о выделении ключевых отличительных характеристик последнего как родового явления и самостоятельной сущности, очерчивающих систему политических отношений внутри всего человечества. Другими словами, как неоднократно повторяющихся во всеобщей истории реалий политического, экономического и социального бытия.

Сам состав термина указывает как минимум на три его ключевые особенности, призванные в своем един-

[1] Цит. по: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. М. : Радуга, 1992. Т. 2. С. 428.

[2] Цит. по: *Шлезингер А.-М.* Циклы американской истории. М. : Прогресс, 1992. С. 31.

[3] *Диккенс Ч.* Указ. соч. Т. 10. С. 447–448.

[4] Заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Автор более 280 научных работ, в т. ч.: «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Африка: ресурсные войны XXI века», «Экономика международного терроризма», «Международное движение капитала в условиях глобализации», «Финансовый мониторинг» (учеб. пособие), «Теневой оборот и „бегство капитала“», «Преодолим ли голод? Ключевая проблема развивающихся стран» и др. Главный редактор журнала «Ученые записки Института Африки» и серийного издания «Глобальные и стратегические исследования». Член редколлегий журналов «Азия и Африка сегодня», Journal of Financial Crime, Journal of Money Laundering Control и др. Заместитель председателя экспертного совета РФФИ по глобальным проблемам и международным отношениям. Президент московского Независимого центра документации по вопросам свободы, демократии и законности.

[5] Доклад подготовлен в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

стве порождать новое качество бытия всего человечества. Фундаментом этой триединой сущности выступает составляющее основу термина существительное «порядок», то есть *ясная и четкая организация какой-либо сферы действительности.* По умолчанию подразумевается, что речь идет об общественных отношениях — политических, экономических, социальных и любых других. Определение «мировой» указывает не только на географический охват новым порядком всего мира, но и на то, что им устанавливаются иерархия и правила взаимоотношений различных частей ойкумены, включая отношения между странами, народами, классами, общинами и иными социальными группами, их образующими. Наконец, важнейшая дифференцирующая составляющая в наименовании термина — прилагательное «новый» — призвана ознаменовать прекращение действия законов и правил «старого», предшествующего порядка либо по крайней мере их существенную модификацию или избирательное использование.

В свете сказанного можно расширительно утверждать, что весь ход всеобщей человеческой истории в целом являет собой последовательную смену провозглашения и крушения начинаний, которые современники интерпретировали в качестве «нового мирового порядка»: от эфемерных, как впоследствии оказалось, монотеистических реформ Эхнатона в Древнем Египте до эфемерных, как ныне выясняется, глобалистских построений адептов и эпигонов монополярного нового американского века (*New American Century*).

То, что современниками воспринимается как приход *Novus ordo seclorum*, другими словами, «нового порядка на века», часто уже через одно-два поколения считается досадным сбоем, нелепым зигзагом на пути магистрального хода истории. Впрочем, вполне возможно, что по прошествии еще более продолжительного исторического отрезка заклейменный зигзаг реабилитируется и уже будет интерпретироваться как «светлый феномен, опередивший свое время», не понятый и незаслуженно оклеветанный современниками и ближайшими потомками.

Таким образом, понимание НМП «исторично, преходяще, временно, а это означает изменчивость самих горизонтов понимания» [2, с. 79]. Каждое следующее поколение интерпретирует *новый мировой порядок* по-своему.

Процесс понимания концепта нового мирового порядка принципиально не может быть завершен, поскольку помещаемые в него смыслы бесконечно движутся по расширяющемуся кругу. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию. Как прозорливо резюмировал Х.-Г. Гадамер, «постановку вопроса здесь направляет „предпонимание“. Речь идет о сложившейся общественной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она представляет не только предмет опытно-научного рационализирования, но и его рамки, в которые „вставляется“ методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая помехи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая оспаривает существующие господствующие отношения» [1, с. 617].

Идея *«нового мирового порядка на века»* лежит в основе существования Соединенных Штатов с момента их возникновения. Материальное подтверждение этого видел на долларовой банкноте практически каждый. На ней изображена Большая печать США с девизом *«Novus ordo seclorum».* Однако появление термина в современном политическом значении связано с именем 28-го президента США (1913–1921) Вудро Вильсона. 8 января 1918 года он представил свои знаменитые Четырнадцать пунктов, которые впоследствии легли в основу Версальского договора. По смыслу они были общей схемой НМП, хотя сам этот термин в них не использовался. 18 февраля 1918 года Вильсон выступил перед Конгрессом США со специальным обращением по вопросу нового *международного* порядка [6], а 9 сентября 1919 года в Университете Миннесоты впервые употребил словосочетание «новый порядок мира» (*new order of the world*), описывая мироустройство, куда будут допущены лишь демократические страны. Для автократий двери окажутся закрыты. Небезынтересно, что для выражения этой мысли он использовал английский фразеологизм *to send to Coventry,* который означает «подвергнуть кого-то бойкоту, остракизму, отмене»: *«The league of nations sends autocratic governments to Coventry»* [5].

Как мы видим, «культура отмены» — по своей морально-этической основе будучи продуктом протестантского общественного сознания — была присуща установочным текстам американских президентов уже в те годы, в том числе и в международных делах. Конечно, Вудро Вильсон не мог предполагать, насколько буквально в 1940 году автократ из Германии решит следовать его инвективе о ковентрировании в отношении демократической Британии.

Впрочем, означенный германский автократ попытался навязать свою собственную интерпретацию смыслов НМП, который он без затей так и именовал на родном языке — *die neue Ordnung*.

На Ялтинской конференции 1945 года Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль обсуждали планы послевоенного устройства мира. Однако сложившаяся после войны биполярность не дала победителям установить единый НМП на планете. Каждая из сверхдержав интерпретировала идеальные смыслы НМП по-своему. Однако допустимо считать, что сложившаяся биполярность сама стала специфической новой формой мирового порядка более высокого уровня, просуществовавшей почти 45 лет.

После Мальтийского саммита 1989 года и Михаил Горбачев, и Джордж Буш-старший видели в эпохе, наступающей с окончанием холодной войны установление НМП. Однако в этом их интерпретации феномена не были одинаковы. Горбачев непосредственно использовал слова «новый мировой порядок», а Буш-старший говорил о том же описательно как о «мире, совершенно отличном от того, который мы знали» («a world quite different from the one we’ve known») [7]. Горба-

чев, очарованный идеями мирового братства, все же отдавал предпочтение строительству «общеевропейского дома», в котором и будут коллегиально приниматься решения относительно НМП. Буш же, как и пришедший ему на смену Клинтон, рассматривали НМП через призму однозначного и непререкаемого американского лидерства.

Крушение Советского Союза в 1991 году можно принять за отправную точку в установлении очередного НМП. С последних десятилетий XX века до наших дней господствовавший миропорядок сменился как минимум трижды: крах двухполюсной системы, установление монополярности с бесспорной гегемонией США, возможное зарождение многополярной системы. По поводу устройства и реальных перспектив последней четкого представления и однозначного мнения пока нет. Нынешний этап формирования модели международных отношений характеризуется высокой степенью неопределенности и нестабильности.

Последовательная смена перечисленных циклов сделала рассуждения о происходящих тектонических сдвигах в мировой экономике и сложившемся миропорядке неизменным трюизмом последних тридцати лет.

С начавшимся в нулевые годы размыванием безальтернативности монополярного мира и прорисовкой в мареве неолиберального фундаментализма сначала зыбких, но постепенно все более явственных контуров глобальной полицентричности набор пророчеств-клише о судьбоносных переменах и их необратимости стал пополняться. Кризис 2008–2010 годов привел к тому, что на лидерство по степени избитости в качестве субститута НМП стала претендовать фраза «Мир уже никогда будет прежним», хотя в течение 10 лет после зародившегося в США глобального кризиса радикальных перемен не происходило [3, с. 5–6].

В 2020 году с наступлением пандемии коронавируса было вновь объявлено о том, что «человечество отныне вступило в иную реальность». К 2022 году государства мира, несмотря на огромные издержки и существенные человеческие потери практически оправились от шока первых двух лет кризиса и приступили к выстраиванию *моделей и правил существования в «новой нормальности»* [4, с. 5], то есть в международном плане все того же НМП.

Изменения глобальных масштабов уже произошли. Как мы подчеркивали в предшествующих публикациях, за первые два месяца пандемии большинство правительств эффективно провели операции по ограничению множества прежде непререкаемых свобод граждан, были остановлены целые отрасли экономик (международные авиаперевозки, туризм и т. д.). Качество жизни больших масс населения радикально снизилось, а цикл быта и поведенческий порядок в развитых странах (в развивающихся — меньше) отныне стали добровольно подчинены жесткому регулированию. Не прибегая к непростой процедуре, предусмотренной национальными законодательствами, практически все государства на базе указаний представителей исполнительной власти (часто не высших) де-факто перевели функционирование ведущих экономик мира, создающих более 80 % валового мирового продукта, в мобилизационный режим [4, с. 5–6]. При этом отрасли, не приспособленные функционировать в таком режиме (туризм, мелкое предпринимательство и пр.), впали в кому, если не умерли. Разобщение и парцеляризация национальных обществ достигли невиданных в современной истории размеров. Межстрановые, межэтнические и межконфессиональные отношения испытывают колоссальное напряжение, что открывает окно возможностей для активного использования заинтересованными силами принципа «разделяй и властвуй» [4, с. 6].

Не вдаваясь в оценку конечной эффективности перечисленных мер правительств, важно отдавать отчет в том, насколько они даже по окончании своего действия (по истечении примерно двух лет) значимы для характера эволюции государственной власти, настроений и взаимодействий в обществе, будущих международных отношений. Россия в ее нынешнем состоянии и положении в полной мере подвержена общим мировым процессам.

Ученые и политики сходятся в том, что *«пандемия и мировой экономический спад сделали невозможным развитие глобализации в русле 1990–2010-х годов»* [Там же]. И вот почему.

Как известно, термином «глобализация» принято обозначать два близких, но разных по содержанию явления: а) текущий независимо от воли людей процесс глобального обобществления и интернационализации экономической жизни; б) политико-экономический проект по использованию этого объективного процесса в интересах доминирующих (лидирующих) групп мировой финансово-экономической олигархии. Глобальным лидером «проекта» и его национально-государственным вдохновителем и двигателем долгие годы были США, создававшие в своих интересах мировые альянсы и формировавшие новые, обслуживающие их могущество комплементарные центры экономической силы. Государства и альтернативные центры влияния, не укладывавшиеся в данную схему, подлежали устранению или низведению до роли отверженных мировым сообществом и влачащих жалкое существование [Там же].

Как известно, *эта схема глобализации дала сбой*, поскольку сама породила конкурентов США в лице Китая и в меньшей мере других восходящих стран, еще недавно классифицировавшихся как «развивающиеся», «рухнувшие» (*collapsed*) или «отсталые». Внутри олигархических элит Запада зрело несогласие между той их частью, которая отдавала приоритет мировой гегемонии США как государства, и той, для которой национальная оболочка господствующей группы олигархии была вторична по сравнению с ее групповыми (классовыми) интересами [Там же].

Обе части тем не менее в создавшихся условиях были заинтересованы в перезапуске глобализации по новому программному коду. Первая часть желала замены «глобализации 1.0» на обновленную версию модели господства США в мире в парадигме безусловной «мощи американского империализма» середины XX века — нуллификации итогов возвышения Китая, Индии, Бразилии и ослабления позиций ЕС, Канады и ряда других игроков. Вторая часть допускала неко-

торое перераспределение баланса сил в мировой гегемонии за счет доли ЕС, России и еще ряда акторов при условии установления более жесткого господства коллективных наднациональных структур, формируемых в первую очередь самой этой частью мирового олигархата [Там же].

Пандемия создала окно возможностей для обеих вышеназванных групп. С одной стороны, вспышка коронавирусной инфекции существенно повысила управляющую роль государства, показала жизненную важность возврата рассеянных по миру за годы действия прошлой модели глобализации производств на собственную суверенную территорию и под свою юрисдикцию.

С другой стороны, провалы правительств в попытках пресечь пандемию, неготовность практически всех западных демократий эффективно противостоять вирусу на национальном уровне (разница свелась к тому, что у кого-то получалось «просто плохо», а у кого-то «чрезвычайно плохо»), неспособность реализовать защиту провозглашаемой ими же высшей «европейской ценности» — человеческой жизни, нанесли непоправимый удар национальному государству. Официальная политика властей части стран Запада — спасать молодых, оставляя стариков умирать, — серьезно подорвала морально-этические основы института семьи, и без того сильно эродированного в последние десятилетия. [3, с. 10] Максимальный разрыв общественных связей через введенную самоизоляцию, концепция «каждый спасается сам, отделившись от социума» создали предпосылки для отказа от «неэффективного вмешательства государства» и укрепили многих в малой полезности последнего. «Это сформировало необходимую среду для выведения на авансцену в постпандемическом будущем *сообществ компетентных негосударственных акторов надсуверенного уровня»* [Там же, с. 11].

Резкое обострение кризиса политической системы в США во второй половине 2020 года привело к (возможно, временной) победе «ультраглобалистов», выступивших, с одной стороны, за жесткую консолидацию Запада, а с другой — ужесточивших подходы к России и Китаю. Несмотря на все издержки, победителями удалось консолидировать коллективный Запад вокруг возрожденного пропагандистско-идеологического лозунга НМП-1918 «Демократии против авторитарных режимов», а в военно-материальном плане — вокруг блока НАТО и его субпродуктов в других регионах планеты (AUKUS и пр.). К концу 2021 года необходимость изменения динамики развития существующего миропорядка фактически перезрела. Мир, окончательно преодолев «зигзаг истории», вернулся в своих типовых противоречиях к началу XX века и напрягся в ожидании нового Сараево…

Как показано выше, «новые мировые порядки» рождаются обычно в результате необратимых перемен в глобальном балансе сил, подрыва планетарных позиций старых гегемонов и поступательного восхождения новых претендентов на эту роль. Это не линейный процесс. В некоторых случаях (как было в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) старые державы-гегемоны способны повторно укреплять свои позиции путем захвата и поглощения новых, ранее недоступных ресурсов. Так, по окончании холодной войны коллективный Запад сумел повторно на время обрести исторический динамизм за счет того, что на собственных условиях получил в полное распоряжение потенциал стран бывшего соцлагеря. Это позволило ему продлить свою гегемонию еще почти на 30 лет. Однако к середине 2010-х годов легкодоступная часть этого резерва, потребление которой не требовало особых затрат, оказалась практически «переваренной». Остались лишь «трудно осваиваемые» сегменты мировой экономики на территории бывшего СССР и особо отсталые районы развивающегося мира. Кроме того, как отмечалось выше, в среднесрочной перспективе обозначилась неизбежность конфронтации с Китаем и, возможно, с некоторыми другими крупными и густонаселенными восходящими экономиками.

Передел мира с последующим введением очередного НМП стал столь же неизбежным. Было принято решение о разыгрывании к весне 2022 года украинской карты для окончательного решения описанной выше проблемы, и, возможно, Россию посчитали слабым звеном в этом раскладе мирового баланса сил.

Для России развертывание такого сценария обозначило необходимость реального отказа от пусть и несколько ослабевшей, но по-прежнему сохранявшейся со времен Горбачева ориентации на Запад. Одновременно и ошибочной, и преступной была наивная надежда на то, что Запад захочет взвалить на себя заботу об огромном пространстве бывшего Советского Союза и его многочисленном населении (а сегодня это суммарно около 400 млн человек) и помочь этой части мира обрести тот же уровень зажиточности и благосостояния, в котором пребывает сам.

Проведенная деиндустриализация, парцеляризация территории, разукрупнение и разобщение хозяйствующих субъектов, ликвидация большинства системообразующих передовых производств и целых отраслей вместе с развалом системы профессионально-технического образования и подготовки, снижением качества общего образования (не говоря уже о воспитании) привели к тому, что ко времени вспыхнувшего обострения конфронтации с Западом Россия вынуждена решать массу проблем, которые могли бы либо отсутствовать полностью, либо быть не столь серьезными.

Кризис мирового порядка, разразившийся в конце зимы этого года, породил необходимость обновления всей экосистемы экономических и политических отношений на внутреннем и внешнем контурах российской государственности. Очевидна необходимость укреплять оба контура, формировать новые или обновленные подходы и, что самое главное, стимулы к совершенствованию отношений с иностранными государствами, причем стимулы эти могут быть как положительными, так и отрицательными. Нужно преодолеть ситуацию, когда от России ожидают, что она должна все время кому-то что-то давать, рассчитывая в лучшем случае на заверения в вечной дружбе и «стратегическом партнерстве». У партнера должна быть совершенно ясная перспектива потерь в случае пренебреже-

ния интересами нашей страны. Вместе с тем понятно, что в общей гамме «убедительных доводов» силовые аргументы будут оставаться доводами последнего порядка.

Сегодня неотложные задачи — это преодоление точек уязвимости на внешнем и внутреннем контурах. Такими точками на внешней линии являются те страны, на которые противник оказывает неприкрытое давление из-за стремления сохранить и продолжить развивать отношения с Россией, нежелания присоединяться к бойкотам и санкциям гегемонистских держав. Наиболее уязвимой точкой на внутреннем контуре видится недопонимание значительной частью населения того, что успех России в выстраивании нового мирового порядка, ее место в нем находятся в прямой зависимости от величины и качества личного вклада каждого гражданина в коллективные усилия всей страны. Достойное место в формирующемся новом мировом порядке позволит России перестать быть эксплуатируемой и ограбляемой полупериферией, от которой требуют выполнения установленных кем-то без ее согласия правил, и войти в число равноправных системообразующих субъектов миропорядка, определяющих смыслы развития последнего.

Литература

1. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики : [перевод с немецкого] / Х.-Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 699 с. — Текст : непосредственный.

2. *Канке, В. А.* Основы философии : [учебник для студентов средних специальных учебных заведений] / В. А. Канке. — Москва : Унив. книга : Логос, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.

3. *Фитуни, Л. Л.* Коронавирус и «конец истории» / Л. Л. Фитуни. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института Африки РАН. — 2020. — № 2 (51). — С. 5–13.

4. *Фитуни, Л.* Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира / Л. Фитуни, И. Абрамова. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. —2020. — Т. 64, № 9. — С. 5–14.

5. Address at the University of Minnesota Armory in Minneapolis. — Текст : электронный // The American Presidency Project : [сайт]. — URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-university-minnesota-armory-minneapolis (дата обращения: 09.05.2022).

6. Address to Congress on International Order. — Текст : электронный // The American Presidency Project : [сайт]. — URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/311360 (дата обращения: 09.05.2022).

7. September 11, 1990: Address Before a Joint Session of Congress. — Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео // Miller Center : [сайт]. — URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress (дата обращения: 09.05.2022).

Т. Я. Хабриева[1]

«АКСИОЛОГИЯ» НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Вызовы времени и роль права в их преодолении

Д. С. Лихачев открывает свою замечательную книгу «Человек в литературе Древней Руси» утверждением: «Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества»[2]. Антропоцентризм выдающегося ученого и гуманиста можно смело отнести и ко всем явлениям мировой цивилизации, одним из достижений которой является право.

Сейчас, когда мы наблюдаем глубокие трансформации цивилизации — беспрецедентную глобализацию современного мира, компьютеризацию потоков информации, технологизацию и цифровизацию самого бытия человека, возникает вопрос: стало ли это бытие более гармоничным и безопасным? На фоне техногенных катастроф и природных катаклизмов, пандемии и усиления международной напряженности ответ кажется не очень оптимистичным. И наши взоры вновь обращаются к испытанному средству гармонизации общественных отношений — праву.

Современный человек, сознает он это или нет, пребывает в многомерном правовом пространстве, состоящем из международного регионального, государственного, локального уровней. Каждый уровень правового

[1] Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента РАН, академик РАН, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университета) МИД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Теория современной конституции» (в соавт.); «„Цветные революции“ и „арабская весна“ в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.), «Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редсоветов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Представитель РФ в Венецианской комиссии Совета Европы (Европейской комиссии за демократию через право). Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; Комиссий при Президенте РФ по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, по государственным наградам; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; Правительственной комиссии по проведению административной реформы; Экспертного совета Управления Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан; Научного совета при Совете безопасности РФ и др. Заместитель председателя Международного союза юристов, член президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, Почета, Дружбы и др. Почетный доктор СПбГУП.

[2] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. С. 5.

массива находится в динамичном состоянии и стремится дать ответы на вызовы нашего времени.

Международное право: от фрагментации к кризису

Процессы диверсификации и расширения сферы международного права привели к его фрагментации, которая стала проявляться в росте специализированных норм (например, норм *lex specialis* судебных прецедентов) и нормативно-правовых систем (таких как «автономное» право ЕС), не имеющих четкой взаимосвязи между собой и не связанных с основными принципами международного права. В этом явлении справедливо усматривают угрозу целостности международного права.

С 1990-х годов до настоящего времени наблюдаются и более тревожные симптомы, сигнализирующие о снижении универсальности международного права. Первоначально предпринимались попытки закрепить верховенство международного права над политикой государств. Эти попытки завершились провалом. Вместе с тем более отчетливо наметился тренд трансформировать международное право в однополярную нормативную систему, управляемую из единого центра (точнее, из государства-лидера). Использование военной силы в так называемых гуманитарных целях, особенно в обход Совета Безопасности ООН, стало символом отказа группы ведущих государств мира от основополагающих идей международного права. Принижение роли государственного суверенитета и почти полное игнорирование принципа невмешательства во внутренние дела служат явными признаками замещения международного права неким суррогатом — глобальным (или мировым) правом. Можно констатировать, что международное право не только вступило в полосу серьезного кризиса, но и подошло к гибели своей модели, сформированной на основе Устава ООН.

Каким может быть ответ государств, не желающих мириться с навязываемым миру «глобальным квазипорядком»? Главная задача на сегодня — возродить категорический императив согласительной природы международного права, которое во все времена было правом согласия. Нужно добиваться того, чтобы международные отношения строились только на основе равноправия и уважения суверенитета государств. Становится все более очевидным, что многополярная система — это не только желательное, но и необходимое условие возрождения международного права, основанного на Уставе ООН, и преодоления его нынешнего кризисного состояния.

Существующая теория международного права, созданная главным образом на основе Устава ООН и соответствующих международных договоров, ориентирует государства на внедрение международных норм в национальное право различными способами[1].

В связи с этим во многих странах продолжаются дискуссии о соотношении международного и внутригосударственного права, в том числе о верховенстве национальных конституций в праве государств. Немало конституций утверждают в том или ином виде свое верховенство по отношению к международному договору или, более широко — к международному праву в целом.

Конституционная практика большинства развитых западных государств исходит из верховенства конституции над международным правом. Нюансы в конституционном регулировании этого вопроса могут встречаться в государствах, которые относятся к системе общего права. В них такие положения чаще формулируются в решениях высших судебных инстанций. Например, практика Верховного суда США определенно свидетельствует о том, что Конституция обладает верховенством по отношению к заключаемым федерацией договорам, а нормы Конституции имеют преимущественную силу по сравнению с положениями международного договора[2].

Во Франции заключение международного договора или соглашения, содержащего положения, противоречащие Конституции, возможно только при условии ее пересмотра. В то же время Государственный совет Франции еще в Решении от 30 октября 1998 года занял предельно четкую позицию, в соответствии с которой «закрепленное в ст. 55 Конституции Французской Республики верховенство норм международного права не применяется во внутреннем правопорядке к конституционно-правовым нормам»[3]. В Федеративной Республике Германия международные договоры имеют статус федерального закона и должны соответствовать Конституции. Если они противоречат ей, то остаются действительными в международно-правовом отношении, но не могут быть применены во внутригосударственной сфере без внесения изменений в Основной закон.

В конституциях других регионов мира также немало примеров закрепления, иногда в оригинальной форме, верховенства Основного закона. Например, в Конституции Мексики предусмотрено, что законы Национального конгресса, изданные на ее основе, и все договоры, соответствующие ей, составляют верховное право федерации. Верховный суд Мексики в дополнение к этому заключил, что международные договоры обладают приоритетом перед федеральными законами и законами штатов, но уступают Конституции. Близкая по смыслу формула закреплена в Конституции Туниса 2014 года: «международные соглашения, одобренные и ратифицированные парламентом, имеют приоритет перед законами, но не перед Конституцией»[4].

В связи с этим возникает еще один вопрос об отношении национальной правовой системы к междуна-

[1] *Лазарев В. В.* Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

[2] См. подробнее: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Юриспруденция, 2013. С. 528–529.

[3] См.: *Маклаков В. В.* Конституционный контроль и защита прав и свобод человека в современной Франции. М. : ИНИОН РАН, 2015.

[4] Конституция Туниса была предметом рассмотрения Венецианской комиссии Совета Европы. См.: CDL-AD (2013)032 Opinion on the Final Draft Constitution of the Republic of Tunisia. Adopted by the Venice Commission at its 96th Plenary Session (Venice, 11–12 October 2013). Характерно, что Комиссия не сделала замечаний по поводу положения о верховенстве Конституции в правовой системе страны.

родному договору, в котором государство прекращает свое участие, и его статусе. На первый взгляд, все просто: нет договора — нет проблемы, то есть договор, прекративший действие на территории России, больше не будет рассматриваться как часть ее правовой системы, и на него не будут распространяться положения ч. 4 ст. 15 Конституции страны. Федеральное законодательство предусматривает, что прекращение международного договора Российской Федерации освобождает ее от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем и не влияет на права, обязательства или юридическое положение Российской Федерации, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения. Однако характер и содержание договора, а также сопутствующие обстоятельства могут отразиться на процессе прекращения международных обязательств.

Современные реалии продемонстрировали актуальность для международного и конституционного права вопроса о прекращении действия норм ряда международных договоров на территории государства. Пример у всех на слуху: вынужденный выход России из Совета Европы, объявленный 15 марта 2022 года, позволял тем не менее завершить процедуру прекращения членства в этой международной организации с 1 января 2023 года. В этом случае Россия могла бы денонсировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) с 15 сентября 2022 года. Однако резолюция Комитета министров Совета Европы от 16 марта 2022 года с этой же даты прекратила членство России в международной организации, что повлекло и автоматическое прекращение действия всех международных договоров, открытых только для государств-членов.

При этом необоснованное исключение было сделано для ЕКПЧ, действие которой, а следовательно, и юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) было продлено для России еще на 6 месяцев — до 16 сентября 2022 года. Россия (проект Федерального закона «О прекращении действия международных договоров Совета Европы и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ») сочла необходимым прекратить действие ЕКПЧ, как и других двадцати договоров, с 16 марта 2022 года. Таким образом, решения ЕСПЧ по жалобам, принятым после 16 марта текущего года, рассматриваться в России не будут.

Выход из Совета Европы и денонсация 21 документа (Устава, Генерального соглашения о привилегиях и иммунитетах Совета, протоколов к нему, ЕКПЧ и 10 протоколов к ней, а также 3 конвенций) влекут за собой не только принятие соответствующего закона, но и признание утратившими силу 9 федеральных законов (ратификационных), внесение изменений в 9 кодексов, 2 федеральных закона и 4 указа президента.

Таким образом, только после надлежащего выполнения всех процедур изменения российского законодательства в связи с выходом России из Совета Европы можно будет считать, что соответствующие договоры не являются составной частью российской правовой системы.

Встречается мнение о том, что, помимо решения юридико-технических вопросов прекращения действия договоров Совета Европы, необходимо в целом определиться с оставшимся от него ценностным наследием, «отголоски» которого будут проявляться в российской правовой системе. Видимо, речь не может идти об «искоренении» из правовой системы государства ценностного каталога, закрепленного не только в конвенциях Совета Европы, но и в иных международных договорах и международных актах, которые сохраняют силу для России. При этом следует сохранить ценностные достижения, имеющие более широкий горизонт закрепления (ООН, СНГ, ШОС, БРИКС и т. д.), уже в качестве императивов общего международного права без привязки к конкретным механизмам их прошлой имплементации и в качестве общепризнанных принципов и норм международного права с учетом прежде всего Конституции страны и опорой на нее[1].

Право интеграционных объединений: императивы политики и экономики

Общее международное право пребывает в кризисе и ищет ответы на современные вызовы, но не все международные уровни правового массива находятся в таком же состоянии. Международное интеграционное право, которое иногда называют наднациональным, становится объектом пристального внимания не только юридической науки, но и государств. Носителем и «законодателем» данного наднационального права выступают региональные международные организации, в ряде случаев отличающиеся интеграционным характером, то есть обладающие наднациональными полномочиями. В отличие от универсальных международных организаций, в которых участвует большинство государств мира и которые наделены достаточно сложным и неэффективным механизмом принятия решений, для региональных международных организаций характерен, как правило, более компактный состав, более современные и гибкие институционные механизмы, призванные в кратчайшие сроки достигать поставленных целей. Правда, намечается тенденция, которую еще предстоит оценить, — это формирование неких региональных международных анклавов закрытого типа, к которым относится Европейский союз и (в последнее время это становится все очевиднее) примыкает Совет Европы.

Россия выступает как поборник равноправного и справедливого международно-правового регионализма, что проявляется в стратегиях ее участия в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), СНГ, ШОС, БРИКС. Международные интеграционные объедине-

[1] См. подробнее: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414 ; *Она же.* Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6–12 ; *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, 2020 ; *Морозов А. Н., Каширкина А. А.* Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 120–141.

ния (ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси) — важные инструменты обеспечения международной и региональной экономической устойчивости, преодоления мировых экономических кризисов и минимизации их последствий. Они оказывают ощутимое воздействие на экономический рост государств-членов в случае эффективного функционирования самого межгосударственного интеграционного объединения. Это объясняется тем, что в рамках межгосударственного объединения, как правило, посредством международных договоров создается особое международно-правовое и экономическое пространство, которое в период глобальных кризисов призвано оставаться пространством безопасности и устойчивости благодаря заложенному в международно-правовых актах арсеналу средств более тесного сотрудничества на основе взаимной поддержки[1].

На наш взгляд, поступательное развитие интеграции требует от государств постепенного наращивания интеграционного взаимодействия, то есть углубления и расширения сфер сотрудничества за счет включения в матрицу правового регулирования новых параметров и форматов[2]. Разумеется, такие параметры и форматы интеграционного взаимодействия государств в рамках международного объединения или международной организации немыслимы без международно-правовой составляющей, а в конечном счете — без договоренностей государств о новых сферах и формах сотрудничества в рамках межгосударственного интеграционного объединения.

На региональном уровне происходит весьма активное наращивание массива так называемого интеграционного права, которое конкурирует, а подчас и конфликтует с нормами международного права. Так, в ряде своих постановлений Суд Европейского союза открыто высказался в пользу приоритета «права сообщества» над международным правом[3]. Однако эта концепция не может быть поддержана безоговорочно, потому что такой подход открывает путь для злоупотребления правом (пусть даже интеграционным) в ущерб интересам третьих государств и других международных организаций. ЕАЭС, к примеру, занимает противоположную позицию, закрепляя в преамбуле учредительного договора приверженность государств-членов и Союза целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права.

В то же время в условиях деформации международного правопорядка, усиления интернациональной и политической конфронтации очень важно сохранить международно-правовые основы для позитивного развития мировой и региональной интеграции[4]. При этом нельзя отрицать, что существующая интеграционная повестка демонстрирует во всех общемировых процессах обострение регионализации, пришедшей на смену глобализации.

В целом феномен регионализации укладывается в логику диалектических процессов. Он приходит на смену глобализации тогда, когда она перестает двигаться по восходящей линии цивилизационного развития. В этом случае регионализация объективно является некоторым «отчуждением» от достижений цивилизации человечества в общемировом смысле. К тому же феномен регионализации является для напряженных международных отношений «траекторией спасения», позволяющей избежать противоборства глобальных игроков в жестких форматах. Так или иначе, регионализм может выступать и политической альтернативой, и экономической площадкой роста нового международного сотрудничества с государствами, которые долгое время находились в тени мировой политики и экономики. Это в полной мере относится и к феномену региональной интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также организаций международного сотрудничества типа ШОС и БРИКС, не являющихся в строгом смысле слова интеграционными объединениями, но обладающими некоторыми их характеристиками.

При этом сохранение функционирования межгосударственных интеграционных объединений на региональном уровне, а также развитие международно-правового регулирования интеграционных отношений в условиях деформации мирового правопорядка ставит для государств вопрос о модернизации законодательства и конституционных норм. Примечательно, что за последние два-три года во всех государствах ЕАЭС значительно обновились как конституции, так и текущее законодательство.

Можно заключить, что императивы политики и экономики побуждают многие государства искать точки опоры в интеграционных региональных объединениях и в интеграционном праве. Неслучайно интеграционная динамика проявляется не только в Европе, но и в Центральной и Южной Америке, Африке, Юго-Восточной Азии.

Конституция как прибежище социальной стабильности

В условиях масштабного глобального конфликта, развивающегося в разных направлениях, и неясности контуров нового мирового порядка важнейшим элементом внутренней стабильности каждого общества остается Основной закон государства — Конституция. Пожалуй, в правовом отношении это самая надежная точка опоры. Она задает ключевые векторы развития

[1] См. подробнее: *Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я.* К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 5–15 ; *Хабриева Т. Я.* О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 21–23 ; *Тиунов О. И.* Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8 (188). С. 92–98 ; *Курбанов Р. А.* Евразийское право. Теоретические основы. М. : ЮНИТИ : ЮНИТИ-ДАНА, 2015 ; *Он же.* Евразийская интеграция в контексте мировой глобализации: современные тренды и тенденции развития // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 133–141.

[2] *Каширкина А. А.* Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 160–171.

[3] См., например: Flaminio Costa v E.N.E.L. Case 6/64. Judgment of the Court of 15 July 1964.

[4] См. об этом: *Тихомиров Ю. А.* Способы преодоления критических ситуаций как деформирующего фактора развития государств и мирового сообщества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 1. С. 13–15.

общества и закладывает прочный фундамент регуляторов общественных отношений.

Стратегические ориентиры новой парадигмы суверенного ценностно ориентированного конституционного развития восприняты и Россией. Практика конституционных поправок до последнего времени по сравнению со многими другими странами, осуществившими полномасштабные конституционные реформы, была менее радикальной[1]. Конституционные преобразования в Российской Федерации происходили путем точечных изменений Основного закона и раскрытия его потенциала посредством правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также законотворчества[2].

В Послании Президента Федеральному собранию 15 января 2020 года, по сути, была провозглашена стратегия дальнейшего конституционного и государственно-правового развития, базирующаяся на ценностях техногенной цивилизации и коллективизма, а также на приоритете социокультурной специфичности российского общества.

Широкая дискуссия, развернувшаяся в ходе подготовки поправок к Конституции Российской Федерации, продемонстрировала общественный запрос на отражение в Основном законе «конституционной самобытности» и ряда других ценностных и морально-нравственных ориентиров.

Инициатива президента, которая была реализована в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[3], дала старт пусть не конституционной реформе[4], но все же преобразованиям, по своему значению, масштабам и глубине приближающимся к ней[5]. Их осуществление привело к следующим последствиям.

1. Расширение ценностного каталога Основного закона, более рельефное отражение в нем исторических истоков, духовных традиций и собственных идеалов российского общества.

2. Модернизация системы социальных прав граждан и юридических гарантий.

3. Корректировка формы публичной власти, придание ей новых очертаний в связи с ощутимой коррекцией корреспондирующего этой форме содержания.

4. Своеобразный тюнинг механизма государства и осуществления публичной власти, а также технологических процессов формирования и проведения государственной политики, установление новых параметров функционирования системы публичного управления.

5. Изменение в конфигурации дихотомии национальной правовой системы, соотношении ее открытости и защищенности от негативного внешнего воздействия. Оно произошло посредством встраивания в Конституцию и конституционное законодательство новой (но уже апробированной благодаря деятельности Конституционного Суда РФ) формулы соразмерности универсальных и национальных правовых ценностей, принципов и норм.

В результате состоявшихся на разных уровнях обсуждений, включая общественную дискуссию и дебаты в палатах Федерального собрания, в обновленной Конституции 1993 года нашли отражение или получили особое звучание общественно значимые ориентиры, которые существенно расширили и углубили ценностное содержание Конституции. Среди них стоит выделить следующие.

1. Социокультурные и духовные ценности — основа национальной (государственной) идентичности и самоидентификации российского народа: многонациональный союз равноправных народов, объединенных тысячелетней историей; преемственность в развитии Российского государства; исторически сложившееся государственное единство; русский язык как язык государствообразующего народа; общероссийская культурная идентичность; культура как уникальное общее наследие при сохранении культурной самобытности народов, этнокультурного и языкового многообразия; сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; историческая правда и ее защита; патриотизм, гражданственность, почитание памяти о защитниках Отечества, значение подвига народа при защите Отечества; традиционные для России семейные ценности — брак как союз мужчины и женщины; обеспечение приоритета достойного семейного воспитания; уважение к родителям и старшим и забота о них, солидарность поколений.

2. Ценности общественного (в том числе социально-экономического) развития: устойчивый экономический рост; передовое научно-технологическое развитие; социально ориентированная государственная политика; «ценностное» отношение к труду и уважение человека труда; социальное партнерство; общественное и индивидуальное здоровье и формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью.

3. Экологические ценностные ориентации: сохранение природного и биологического разнообразия страны, обеспечение экологической безопасности, экологическое воспитание. Регламентация этих положений направлена в том числе на установление оптимального баланса индивидуальной свободы и общественных, публичных интересов.

---

[1] См. подробнее: Конституция 1993 года: была ли альтернатива : материалы круглого стола (Москва, 16 января 2019 г.) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2020.

[2] *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

[3] Об этом см. подробнее: *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Указ. соч.

[4] О признаках и чертах конституционной реформы, а также других разновидностях конституционных преобразований см.: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М. : Наука, 2016 ; *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2018 ; *Khabriéva T.* La réforme constitutionnelle dans le monde contemporain. P. : Société de législation comparée, 2019.

[5] О хронике проведения конституционных преобразований см. : Конституционная модернизация — 2020 и Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: https://izak.ru/img_content/content/books/konstitucionnaya-modernizaciya-2020-2.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

4. Социально-политические ценности: гражданский мир и согласие в стране; экономическая, политическая и социальная солидарность; развитие гражданского общества и поддержка его институтов, включая некоммерческие организации; международный мир и безопасность; мирное сосуществование государств и народов. Перечисленные ценности ранее не возводились на уровень конституционного регулирования в Российской Федерации, за исключением ряда положений внешнеполитического раздела Конституции РСФСР 1978 года (где имеется ссылка на Конституцию СССР).

5. Государственно-правовые ценности: принцип правопреемства (правопродолжательства) в отношении Союза ССР, закрепляющий российскую конституционную идентичность во внутригосударственном и международном пространстве; принцип единства публичной власти. В связи с тем что система разделения властей, включающая «сдержки и противовесы», является одним из признаков правового государства и представляет собой ценность политического, государственно-правового характера, можно констатировать и определенные изменения в этой системе[1].

Кроме того, усилены акценты на таких ранее закрепленных в Основном законе ценностях, как суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, предпринимательство и частная инициатива.

В числе прямо неупоминаемых в качестве ценности, но присутствующих в тексте Конституции (что можно определить посредством систематического толкования ее норм) — сильное, независимое государство, соответствующее российской ментальной традиции. Важнейшая часть любой Конституции — фиксация на высшем правовом уровне норм о суверенитете государства. Новые формулировки статей о правопреемстве (правопродолжательстве), укреплении международного мира и безопасности, участии в международных договорах следует рассматривать в общем контексте, который закрепляет и углубляет понимание концепции суверенитета Российской Федерации и внешней политики государства[2].

Вполне корректно оценивать в том же контексте регламентацию Конституцией вопросов, связанных с усилением охраны самой Конституции, поддержанием ее авторитета и приоритета в правовой системе страны, с невмешательством во внутренние дела Российского государства. Российская Федерация, будучи суверенным государством, обладающим всеми полномочиями по определению конфигурации собственной правовой системы, ранее закрепила в ч. 1 ст. 15 и далее будет реализовывать примат Конституции над теми нормами международного права, которые ей не соответствуют. Прежде всего это касается такого истолкования межгосударственными органами положений международных договоров, которое противоречит Конституции РФ.

В поиске новых стратегий правового развития как на мировом, так и на национальном уровне центральное место в большинстве государств занимает мировоззренческая проблематика, отражающая защиту национального суверенитета и культурной идентичности. Для России она чрезвычайно актуальна. Сейчас, когда в Основном законе наконец расставлены ценностные маркеры, можно двигаться дальше — настраивать правовую систему Российской Федерации в унисон с конституционализированными духовными, морально-нравственными и политико-правовыми ориентирами. Это позволит Конституции России занять достойное место в мировом конституционном пространстве и обеспечить успешное преодоление недостатков и деформаций международного правопорядка.

Ценностные ориентиры современных обществ и их закрепление в конституциях

Конституционная реформа 2020 года в России обострила интерес к аксиологической (ценностной) составляющей Основного закона. Как известно, в текст Конституции были внесены изменения, касающиеся исторического наследия страны, культурной самобытности всех ее народов и этнических общностей, защиты института брака и семьи, социальных гарантий и т. д. По утверждению некоторых либеральных критиков, акцент на коллективной идентичности в обновленной Конституции якобы отражал попытки «замедлить возникновение современного общества в России»[3]. На самом деле усиление ценностных элементов в современном конституционализме — это общемировой тренд.

В новых или обновленных конституциях неевропейских стран начинают проявляться тенденции, выражающиеся в преодолении исключительно либеральной, считавшейся «универсальной», ценностной модели. Государства все чаще отстаивают не только политический, но и «ценностный» суверенитет. Как представляется, отход от классических принципов западного либерализма в пользу защиты собственного суверенитета и ценностей собственного развития будет ускоряться, поскольку провозглашенные Западом «универсальные», «общечеловеческие» идеалы в современной международной обстановке оказались не более чем декларациями. Даже ценности, связанные с неотъемлемыми правами человека (свобода, собственность, безопасность), на практике отрицались и с легкостью нарушались.

История мирового конституционализма неразрывно связана с аксиологической оценкой конституции как основного закона в государстве. По выражению одного из основоположников социологической школы Э. Дюркгейма, в числе задач любой конституции «перевод представлений о ценностях того или иного общества на язык права». Более того, согласно концепции Дюркгейма, сама жизнеспособность обще-

[1] *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Будущее права: наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М. ИНФРА-М, 2020. С. 62–64.

[2] См. подробнее: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИНФРА-М, 2021.

[3] *Бланкенагель А.* Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? (на англ. яз.) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146). С. 73.

ства определяется тем, есть ли у него идеалы и высшие ценности[1].

Уже первые в мире конституционные акты XVII–XVIII веков в Англии, США, Франции содержали указание на основные принципы и ценности революционного либерализма — верховенство закона, парламентаризм, разделение властей, естественные и неотчуждаемые права человека. Главными среди них представлялись свобода, равенство, собственность, сопротивление угнетению.

Либеральные индивидуалистические конституции VIII–XIX веков были в XX веке массово заменены конституциями, закрепившими ценностную концепцию «социального» и «правового» государства. Появились и социалистические конституции, основанные на ценностях, отрицающих или трансформирующих западную либеральную идеологию.

В настоящее время постепенная смена вектора мирового цивилизационного развития в сторону многополярного мира (которая, как мы видим, сталкивается с огромными препятствиями) формирует предпосылки для появления новых конституционных ценностных ориентиров. Эти ориентиры в большей степени учитывают историческое разнообразие культур и национальных правовых систем. Данное явление особенно характерно для стран с древними и самобытными культурными традициями, таких как Китай, Индия, Россия, для арабо-мусульманского региона (особенно после революций «арабской весны»), для некоторых сообществ Африки.

Вполне закономерно, что первые два десятилетия XXI века ознаменовали новый этап массового преобразования конституций в этих странах и регионах мира, которые стали исходить из новых стратегий своего развития и представлений о собственной социокультурной идентичности. Можно сказать, что социокультурная, ценностно-формирующая роль конституции как основного закона государства становится сейчас как никогда востребованной.

Эволюция мирового конституционализма в пользу усиленной защиты собственных ценностей и национальной идентичности особенно заметна на примерах конституций стран Латинской Америки, Африки и ряда азиатских государств. Даже некоторые страны Восточной Европы (например, Венгрия) вносят в свои конституции положения, которые во многом расходятся с западным либеральным мейнстримом (например, о браке как союзе мужчины и женщины, роли христианства в сохранении нации, поддержке уникального языка и культуры, основных ценностях нации, среди которых верность, вера и любовь).

Если первые конституции стран Латинской Америки (Венесуэлы 1811 г., Аргентины 1819 г., Мексики 1824 г., Боливии 1826 г.) были сконструированы по французским или североамериканским лекалам, то ныне они отличаются самобытностью, учитывают местные реалии и закрепляют различные социально-экономические ценности, не имевшие аналогов в более ранних конституциях мира.

Большинство государств Африки после обретения независимости выбрали в качестве образцов конституционные институты бывших метрополий. Вместе с тем в самых последних конституциях Африки все чаще появляются положения, в значительной мере отражающие национальную специфику, национальную идентичность и культурное своеобразие этих народов. Оригинальности добавляет роль обычного права в их правовых системах.

К особой группе африканских конституций можно отнести конституции государств преимущественно Северной и Центральной Африки, которые иногда именуются «исламскими». Многие из новейших конституций в данном регионе появились в результате революционных событий, получивших название «арабская весна»[2]. Среди них — Конституция Марокко (2011), Конституция Республики Южный Судан (2011), Конституция Египта (2014), Конституция Туниса (2014). Помимо традиционных исламских ценностей в них закрепляются основы общественного и государственного строя, которые отражают специфику культурно-исторического развития этих стран. Так, в Конституции Арабской Республики Египет историческим особенностям страны и ее вкладу в мировую цивилизацию посвящено несколько страниц преамбулы.

Можно утверждать, что в конституциях Африки XXI века наблюдается существенное расширение пределов и объектов конституционной регламентации, стремление включить в основной закон все важные проявления общественной жизни и широкий круг морально-этических ценностей, которые ранее не были предметом правового (тем более конституционного) регулирования. В африканских конституциях появляются также и специальные разделы об основных целях и принципах государственной политики и о «ценностях государства и нации»[3].

Представляется, что современные латиноамериканские и африканские конституции в части регламентации национальной идентичности и национальных конституционных ценностей во многом заслуживают внимания конституционалистов; они нередко превосходят в этом смысле конституции стран Запада и других регионов мира. В них есть указания на ценностные основы и принципы построения общества и государства, главные цели и задачи государственной политики. Та-

[1] *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. 4-е изд., испр. М. : Юрайт, 2019.

[2] Подробнее об этом см. : *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Указ. соч.

[3] Следует также отметить, что многие термины, обозначающие исторические национальные институты и установления, стали включаться в новейшие африканские конституции непосредственно на национальных языках, без перевода на европейские языки. По этой причине при подготовке Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации многотомного издания «Конституции стран мира» приходилось давать либо подстрочный перевод этих терминов, либо комментарий к ним. См.: Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006 ; Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Норма : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010 ; Конституции государств Африки и Океании : сб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018–2022.

кое целеполагание в полной мере соотносится с одной из главных черт любой конституции — быть политическим и идеологическим программным документом. Далеко не все конституции мира отвечают этой задаче.

Ценностные ориентиры характерны для конституций всех государств СНГ. Помимо отсылок к общим ценностям, закрепленным в преамбулах, эти конституции устанавливают права на сохранение национальной и этнической самобытности (ст. 56 Конституции Армении) и связи с диаспорой (ст. 19), ответственность государства за сохранение национального исторического, культурного и природного наследия (ст. 15 Конституции Туркменистана). Обновленная конституция Киргизской Республики содержит отдельную главу «Духовно-культурные основы общества» (раздел первый, гл. III). Характерно, что ни одно из указанных государств не берет на себя миссию «нести свет своих ценностей» во внешней мир.

Несколько иную картину мы наблюдаем в Европейском союзе. Опыт ЕС показывает, что даже общепринятые ценностные ориентиры не всегда могут вести в верном направлении. Как известно, основополагающие ценности указанного объединения закреплены в ст. 2 Договора о Европейском союзе[1]. Среди них можно назвать идеалы верховенства права, демократии и прав человека. С течением времени указанные ценности обрастают многочисленными механизмами защиты, которые носят все более и более инвазивный характер по отношению к конституционному развитию отдельных государств-членов. При этом традиционный механизм противодействия «серьезному и устойчивому нарушению основополагающих ценностей», знаменитая ст. 7 Договора о Европейском союзе, дополняется все новыми и новыми механизмами надзора и принуждения. Апогеем указанного идеологического давления становится Механизм обусловленности верховенством права, предусмотренный в 2020 году[2]. Он угрожает лишить Венгрию средств Фонда восстановления ЕС, который был создан с целью преодоления последствий пандемии коронавируса, а также иных бюджетных средств, необходимых для реализации мер Союза. Указанное ставит под сомнение саму целесообразность членства Венгрии в ЕС. Польша в качестве штрафных санкций, установленных Судом Европейского союза, за нарушение ценностей верховенства права уже должна выплатить ЕС более 100 млн евро, и эта задолженность возрастает на 1 млн евро ежедневно.

Обеспокоенность вызывают также положения Договора о Европейском союзе, согласно которым Союз осуществляет международное сотрудничество не для того, чтобы прийти к взаимному согласию с иными цивилизациями и народами, а с целью защиты и «продвижения» собственных ценностей, что прямо закреплено в ст. 21 Договора о ЕС. Указанное нельзя назвать не чем иным, как «диктатом ценностей», что приводит к конкретным практическим последствиям. В 2020 году в Европейском союзе были изданы акты Совета[3], согласно которым за действия, квалифицируемые Союзом в качестве «серьезных нарушений прав человека и злоупотреблений ими» (что является весьма оценочным понятием), любой человек в мире может быть лишен имущества, собственности, доходов и свободы передвижения в Европе. И все это осуществляется вне географической привязки, то есть представляет собой экстратерриториальное действие актов объединения в отношении частных лиц, без необходимости решать, привлекать их к международной или внутренней ответственности.

Таким образом, «диктату ценностей» нет места в условиях перезагрузки современного миропорядка и формирования полицентричной архитектуры мироустройства, которая становится неизбежной. Негативный опыт Европейского союза служит напоминанием о том, что никакой радикализм, диктат и экстремизм, даже в благих целях, не способствуют сохранению мира и повышению благосостояния народов.

* * *

Подводя итог, отметим, что за последние десятилетия серьезной трансформации подверглась вся система права, регулирующая на разных уровнях сферу общественных отношений. Право, творимое законодателями, старается поспевать за стремительными изменениями условий человеческого бытия. Каждая эпоха создавала свои контексты, диктовала праву свои ценностные ориентиры. Право сохраняет предшествующие контексты, сумма которых может быть названа памятью права, и в этом смысле оно, как и язык, — код в сложении с его историей. В поисках точек опоры для современного права не будем забывать завет Д. С. Лихачева: все достижения цивилизации должны служить во благо человека.

[1] Consolidated version of the Treaty on European Union // EUR-Lex : [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT (дата обращения: 16.06.2022).

[2] Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // EUR-Lex : [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ%3AL%3A2020%3A433I%3ATOC&uri=uriserv%3AOJ.LI.2020.433.01.0001.01.ENG (дата обращения: 16.06.2022).

[3] Consolidated text: Council Regulation (EU) 2020/1998 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex : [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/1998 (дата обращения: 16.06.2022) ; Council Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 implementing Regulation (EU) 2020/1998 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex : [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0478 (дата обращения: 16.06.2022).

А. Д. Хлутков[1],
В. А. Шамахов[2]

РОССИЯ НА ПУТИ К СТАНОВЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ (ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ) ГЕОПОЛИТИКИ

Глобальная тенденция становления многополярного мироустройства реализуется, как говорится, на наших глазах. Происходящее обретет реальные контуры спустя годы, однако уже сегодня признаки многополярности становятся все заметнее. Достаточно вспомнить концепцию локальных цивилизаций С. Хантингтона, благодаря которой классическая (силовая, военная) геополитика постепенно стала обретать статус глобальной (цивилизационной) геополитики.

Теперь в качестве акторов глобальной геополитики рассматриваются не только государства, но и наряду с ними локальные цивилизации, международные союзы и организации (к примеру, Организация Объединенных Наций, Европейский союз и Евразийский экономический союз, Организация Североатлантического договора и Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества и Организация тюркских государств).

После распада Советского Союза стала прослеживаться тенденция к утверждению однополярного (униполярного) мира во главе с США, однако с каждым годом все более отчетливо звучат заявления специалистов в области мировой политики и международных отношений о грядущем становлении многополярного мироустройства.

По этому поводу стоит вспомнить выступление И. С. Иванова[3] на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность» (2015). Вот его слова о *закате Большой Европы*: «Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не отметить объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего…

Перед нами стоит задача определить такие правила игры между Евроатлантикой и Евразией, которые свели бы к минимуму риски неконтролируемой конфронтации, создали бы возможности для диалога и сотрудничества в решении общих проблем и восстановления управляемости международной системы»[4].

Спустя четыре года В. А. Чижов — постоянный представитель Российской Федерации при Европейском союзе, Чрезвычайный и Полномочный Посол, принимавший участие в 17-м Родосском форуме «Диалог цивилизаций» (конференция «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге»), — выступил с докладом «Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность», в котором сказал, что Евросоюз был основан «не на ценностях, а на интересах, как инструмент предотвращения новой войны в Европе… Сейчас ЕС в известном смысле вернулся к своему первоначальному предназначению и вновь превратился в инструмент сопряжения интересов своих стран-членов. Менее чем через три недели начнет работу новая Еврокомиссия, глава которой У. фон дер Ляйен определила ее как „геополитическую“. Посмотрим, как геополитика в исполнении новоиспеченных еврокомиссаров будет способствовать преодолению перечисленных мною кризисных явлений и сохранению за Европой в широком смысле этого слова глобальных позиций как в экономике, так и в политике в меняющемся многополярном мире…

Но хотелось бы обратить внимание на очевидное. Единственный путь для того, чтобы Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый „задний двор“ мировой экономики и политики, — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока… Что же касается более общего „рецепта“ объ-

[1] Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций и учебно-методических пособий, в т. ч. монографий: «Политика обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации», «Национальная финансовая политика в обеспечении экономической безопасности государства», «Развитие городов: теоретические и методические аспекты» (в соавт.) и др.; учебных пособий: «Основы экономической безопасности бизнеса» (в соавт.), «Основы бескризисного государственного управления в эпоху глобализации» (в соавт.) и др. Награжден орденом Почета, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью за отличие в воинской службе I степени, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалями «За отличие в военной службе» I, II и III степени.

[2] Научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса. Генерал-полковник таможенной службы. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Военная безопасность России и ее информационная политика в эпоху цивилизационных конфликтов» (в соавт.), «Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций» (в соавт.), «Профессионализм на государственной гражданской службе: технологии достижения» и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, Экспертного совета Комитета Госдумы РФ по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи, Экспертно-консультативного совета при Законодательном собрании Ленинградской области, Общественной палаты Санкт-Петербурга. Награжден орденами Дружбы, Святого Владимира, Святого благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом Льва Финляндии и др. Удостоен Благодарности Президента РФ. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

[3] Министр иностранных дел России (1998–2004), президент Российского совета по международным делам.

[4] *Иванов И. С.* Закат Большой Европы : [выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность». Рига, 12 сентября 2015 г.]. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680 (дата обращения: 10.04.2022).

единения Евразии, то он, на наш взгляд, умещается в простое словосочетание — интеграция интеграций. То есть сопряжение экономических потенциалов двух сосуществующих на нашем континенте крупнейших интеграционных проектов — ЕАЭС и ЕС.

Характерно, что зафиксирован этот рецепт был впервые еще на московском саммите Россия–ЕС в 2005 году в „дорожной карте“ по общему пространству внешней безопасности: „Россия и Европейский союз признают, что процессы регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют и которые основаны на суверенных решениях государств, играют важную роль в укреплении безопасности и стабильности. Они соглашаются активно продвигать эти процессы взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование Большой Европы без разделительных линий и основанной на общих ценностях“.

На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только „Большая Евразия“ с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)»[1].

Между тем силовая политика, которую сегодня реализует Евросоюз, не ставит цели преодоления кризисных явлений в политике Запада с учетом формирования многополярного мира и других глобальных изменений. Напротив, после начала специальной военной операции на Украине политика ЕС стала еще более одиозной.

Более того, следует напомнить, что стратегическая задача в отношениях России с ЕС была четко сформулирована в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. 30 октября 2016 г.), где упомянуты три региона евразийского континента — Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский: «Формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции»[2].

Очевидно, что Концепция внешней политики Российской Федерации претерпит определенные изменения и будет принята в новой редакции после завершения специальной военной операции и осмысления глобальных геополитических подвижек в мире.

В ходе дискуссий о Большой Евразии, Большом евразийском партнерстве и месте России в нем министр иностранных дел России С. В. Лавров, выступая в Совете Федерации РФ 1 декабря 2021 года, определил нынешний статус нашего государства следующим образом: «Россия — великая евразийская, евро-тихоокеанская держава»[3].

В связи с этим вспоминаются гордые слова, которые канцлер А. М. Горчаков после Крымской войны адресовал правительствам европейских государств: «Россия не сердится — она сосредоточивается» («La Russie ne boude pas — elle se recueille»). Так продолжается традиция открытой и четкой политики России. Но время привносит и новое: сегодня она согласуется с заявлением В. В. Путина о необходимости держать Запад в напряжении («известное напряжение там все-таки возникло»[1]).

Такая позиция России четко выражает одну из ключевых тенденций нашего времени: обособление государств друг от друга и устойчивость к попыткам внешнего влияния на их поведение после завершения «тридцатилетнего перехода», последовавшего за холодной войной[2]. Необходимость держать Запад в напряжении — естественная реакция на ведущуюся против России гибридную войну (в том числе когнитивную, cognitive warfare), которая в последние годы определяет глобальную военно-политическую повестку.

Сегодня Россия воспринимается европейцами как империя, о чем в книге «Евразийская империя» писала Э. Каррер д′Анкосс, известный французский историк и политолог, постоянный секретарь Французской академии. На основе подробного обзора политических хитросплетений в жизни постсоветской России она задается вопросом: поскольку идея евразийства вновь стала популярной в России под влиянием националистов, которые ностальгируют по империи и видят в этой идее способ осуществить имперскую мечту, следует ли сделать вывод, что «значение, которое придает сегодня российская власть исламу и Азии, является последним проявлением имперского менталитета, пережившего исчезновение империи? Или же все проще, и это прагматизм государства, которое учится жить без империи и пытается после ее распада заменить ее зоной особого влияния, основанной на своего рода „доктрине Монро по-русски“? В конечном итоге не трансформируется ли Россия, вдохновленная американским примером, в республику-империю?»[3]

Ответ вряд ли может быть однозначным. Все-таки Евразия как средоточие геополитических и иных интересов многих стран по-разному видится как государствами собственно евразийского континента, будь то великие державы или государства-лимитрофы, так и с берегов других континентов. Российскую геоцивилизацию, в свою очередь, следует рассматривать как один из полюсов полицентричного мироустройства.

---

[1] См.: *Кефели И. Ф., Шамахов В. А.* Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, полптика. 2019. № 4. С. 17–25. URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/view/247/230 (дата обращения: 16.06.2022).

[2] Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Гарант : [информ.-правовой портал]. URL: https://base.garant.ru/71552062 (дата обращения: 21.06.2022).

[3] Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на тему «Приоритеты внешней политики России» на «правительственном часе» и ответы на вопросы в СФ ФС РФ. Москва, 1 декабря 2021 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4977054) (дата обращения: 10.04.2022).

С. А. Цыпляев[4]

ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК. ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Череда геополитических конфликтов России и Запада делает, на первый взгляд, неизбежным поворот России на Восток, то есть смену политических и экономических ориентиров и партнеров. Прорубленное Петром I «окно в Европу» наглухо задраивается в ожидании длительной «зимы» в отношениях Россия–Европа. Появляется желание настежь распахнуть ворота в «теплый» Азиатско-Тихоокеанский регион, в первую очередь в Китай. Российская элита продемонстрировала эйфорические ожидания — Китай заместит нам Европу как покупатель нашего сырья, источник технологий и инвестиций.

Реальность оказывается гораздо жестче. Китай замедляет свое развитие и не генерирует растущего спроса на сырье, очень избирателен в развитии проектов, стремится обеспечить дешевую сырьевую базу и не желает создавать себе конкурента. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) становится средоточием новых возможностей для укрепления экономической и геополитической конкурентоспособности. Если не иметь о них четкого представления, то погоня за фантомными выгодами от смены глобальной ориентации обернется в лучшем случае несколькими потерянными годами, в худшем — десятилетиями на обочине мирового развития.

В чем заключается стратегический национальный интерес России? Это не интеграция ради интеграции, не просто дружба и торговля. Сегодня императив для России — реиндустриализация. Ставка на сельское хозяйство, экологический туризм и продажу чистой воды возможна, но потребует полной перезагрузки национального характера. Сырьевая специализация — это краткосрочная стратегия, дальше либо рывок в индустриализацию, либо выход из состава ведущих мировых игроков без шансов на выживание после исчерпания природных ресурсов. Идея «большого скачка» в постиндустриальную эпоху без индустриального фундамента просто утопична.

Манящий Восток

Представление о том, что XXI столетие будет «веком Азии», стало общим местом. Главным локомотивом развития стал Китай, среднегодовые темпы роста которого в 2000–2010 годах составляли 10,5 %. Еще в начале 2000-х для России, учитывая ее место в мировом разделении труда, было логично развивать связи со странами АТР и активно выходить на местные рынки. Однако азиатские страны долгое время не представляли большого интереса для России. До 2011 года отсутствовали трубопроводы, связывавшие российские недра с азиатскими потребителями.

Началом восточного поворота России можно условно считать 2009 год. Когда цены на сырье упали, привычные источники фондирования на Западе временно иссякли, а ресурсы российского правительства оказались ограничены, то многие компании обратились к поиску новых источников капитала в Азии. Среди наиболее значимых достижений — подписание контракта между Роснефтью, Транснефтью и CNPC о строительстве отвода «Сковородино–Мохэ» от магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). По условиям контракта в обмен на кредит в 25 млрд долларов от Банка развития Китая российские компании обязались поставлять в Китай 15 млн тонн нефти ежегодно в течение 20 лет. Другим знаковым событием стало IPO компании «Русал» на Гонконгской фондовой бирже в январе 2010 года.

Наконец, весной 2014 года «поворот» получил продолжение под влиянием событий на Украине. В Шанхае было подписано 42 соглашения, главным из которых стал газовый контракт между Газпромом и CNPC по строительству газопровода «Сила Сибири», оцененный тогда в 400 млрд долларов.

Российское ви́дение «азиатского курса»

Российское ви́дение «азиатского курса» было сверхоптимистичным и заключалось в том, что в течение 10–15 лет Россия сможет сбалансировать доли торговли с ЕС и АТР в товарообороте настолько, что дальнейший разрыв торговых отношений с Европой не нанесет экономике неприемлемого ущерба. Поток азиатских инвестиций заместит западные, пусть и в меньшем объеме. Главным партнером России в Азии станет Китай, отношения с которым будут укладываться в ту же формулу, что и с Европой: российское сырье в обмен на кредиты, технологии и инвестиции. Неуклонный рост спроса на энергоресурсы, металлы и удобрения в Китае создаст мощный стимул для роста российской экономики. Много денег придет из Азиатского

[1] Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел России, Москва, 18 ноября 2021 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67123 (дата обращения: 19.11.2021).

[2] Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего : ежегод. докл. Междунар. дискус. клуба «Валдай» / О. Н. Барабанов [и др.]. 2021. Октябрь. С. 21. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/39314 (дата обращения: 16.06.2022).

[3] *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 года до наших дней. М. : РОССПЭН, 2010. С. 330.

[4] Народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, секретарь Комитета по обороне и государственной безопасности Верховного Совета СССР (1989–1992), полномочный представитель Президента РФ в Санкт-Петербурге (1992–2000), полномочный представитель Президента РФ в Межпарламентской ассамблее государств — участников СНГ (1994–2000), декан юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (2015–2020). В настоящее время главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть», кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса. Член Совета по внешней и оборонной политике (с 1999 г. по наст. вр.). Автор ряда общественно-политических публикаций, в т. ч.: «Выборы как основа демократизации страны», «Запад или Восток — куда поворачивать России», «Чем отличается федерализм из Конституции от федерализма из жизни», «Россия–Украина. Сломанная ось цивилизаций» и др. Награжден орденом «Знак Почета», удостоен Благодарности Президента РФ.

банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути. Юго-Восточная Азия превратится в рынок для продукции отечественного машиностроения и инфраструктурных решений.

Как показали прошедшие годы, это ви́дение не было реалистичным. России нужно переосмысление «азиатского вектора» своей внешнеэкономической стратегии.

Сегодня у российских политиков и экспертов вызывают удивление «недружественные» действия китайской стороны: закрытие неба Китая для самолетов с «двойной регистрацией» (перерегистрированных в России без согласия лизингодателей), намерение китайских компаний выйти из проекта «Арктик СПГ-2», прекращение заключения контрактов Huawei с российскими операторами на поставки сетевого оборудования. Это противоречит нашей картине мира, в которой есть два центра силы — США и Россия, а остальные должны определиться, к какому из них примкнуть. Политические и экономические противоречия между Китаем и США мы воспринимаем как безальтернативную поддержку России со стороны Китая, не принимая во внимание исторические и культурные особенности китайской нации.

В некоторые моменты истории Китай производил почти 50 % ВВП мира и на сотни лет в своем развитии опережал другие народы, воспринимаемые им как варвары, не представляющие никакого интереса для Срединной империи. Китай ощущал себя центром цивилизации, своего императора воспринимал как властелина всей Земли, а остальные страны — как его данников. Только в середине XIX века в Китае появилось министерство иностранных дел, когда в страну явились «варвары» с Запада. Название министерства говорило само за себя: «Министерство управления делами всех народов». Страна с таким мироощущением не будет ведомым «верным вассалом». Китай прагматичен, исходит из своих интересов, и это ваше дело — идти с ним рядом или нет. Китайские политологи и эксперты на международных форумах прямо заявляют, что судьбы мира зависят от отношений США и Китая. Наивно ожидать от Китая готовности разрушить связи с главными потребителями его продукции, ЕС и США, ради «солидарности» с Россией.

В нынешних условиях достраивание «азиатского вектора» российской внешнеэкономической стратегии сопряжено со значительными трудностями и не заменит в среднесрочной перспективе связи с Западом. Развитие связей с государствами Азии и работа с региональными инвесторами происходят с запозданием и в крайне неблагоприятных внешних условиях. Специфические проблемы, над преодолением которых предстоит задуматься для успешной интеграции в АТР, заключаются в нескольких вызовах:

— уход от ориентации исключительно на Китай;

— снижение негативного влияния санкций;

— наращивание знаний о России среди азиатских инвесторов, а также экспертизы в России по АТР (включая государство, бизнес и гражданское общество).

Необходимым условием успеха будет проведение структурных реформ и радикальное улучшение инвестиционного климата в России.

Заря индустриализации

Здесь уместно вспомнить, как проходила индустриализация в Советском Союзе. Откуда, как по мановению волшебной палочки, в крестьянской стране возникла тяжелая индустрия, позволившая технически в основном подготовиться к продолжительной войне? Учебник истории никогда не рассказывал об американском гражданине Альберте Кане и его выдающейся роли в советской индустриализации. Прославившийся как «архитектор Форда», Альберт Кан был приглашен в СССР, подготовил программу промышленного строительства и в 1930 году получил контракт на организацию строительства промышленных предприятий в сопоставимых деньгах больше нынешнего годового федерального бюджета. Его фирма спроектировала и организовала строительство более 500 заводов. На всех объектах, начиная от проектирования и строительства и заканчивая поставками оборудования, трудились десятки и сотни американских и немецких фирм. Оплачено все это было валютой от поставок зерна. Деревня вынесла на своих плечах всю тяжесть индустриализации и надорвалась.

Сегодня это выглядит абсолютной фантастикой. С одной стороны, абсолютная идеологическая непримиримость, не чета нынешней. С другой — экономические интересы, Великая депрессия и прагматический подход. Все сказанное — не повод посыпать голову пеплом и предаваться чувству «национального унижения». Если хорошо подумать, то это был единственно возможный вариант получения высоких технологий и оборудования для ускоренной индустриализации. Где бы мы оказались в 1941 году в случае победы сторонников «тотального импортозамещения»?

Индустриализация, дубль два

Сегодня запустить индустриализацию в России и проще, и сложнее. С одной стороны, нет непримиримых идеологических противоречий с внешним миром. С другой — поднялись серьезные конкуренты, занявшие нишу фабрик мира, — Япония, Китай, Индия, другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Велик соблазн под лозунгом «опоры на собственные силы» уйти в изоляцию, закрыться от конкуренции. «Покупать свое» — дело хорошее, но в одночасье это не получится. Сырье, комплектующие, оборудование и технологии еще долго придется приобретать за валюту. Где взять валюту? Развивать отрасли, производящие товары на экспорт, помимо минерального сырья. Например, сельское хозяйство, компьютерные технологии. Импортозамещение — это развитие экспортных отраслей, а не закрытие отечественного рынка, консервирующее технологическую отсталость.

Где может быть востребована, помимо внутреннего рынка, индустриальная продукция России? Откуда взять технологии, оборудование, инвестиции? Естественный партнер — это снова Европа, причем ее постиндустриальная часть. Как сегодня Китай является индустриальной фабрикой США, так Россия может побороться за место индустриальной фабрики Европы, не отказываясь от рынка СНГ. Предприниматели

в 1990-е годы естественным образом вышли на такое решение. Перед властями и бизнес-сообществом встала нетривиальная задача совместить российское предпринимательство, западные технологии и преимущественно среднеазиатскую рабочую силу, бережно вырастить новую индустрию на каменистой отечественной почве.

В чем состояли исторические преимущества России? В первую очередь в культурной и территориальной близости к Европе. Европа и Россия вместе в состоянии создать самодостаточный конгломерат — от сырья до постиндустриала с постепенным перемещением индустриального компонента на Восток. Если «национальная гордость великороссов» не позволяет идти путем Петра Великого, то остается вариант сырьевого придатка Китая, как это ни называй. Китайцы объективно не заинтересованы в создании себе конкурента на линии Китай–Европа, и Россия в экономическом плане может его интересовать как источник дешевого сырья и территория для транспортного сообщения. Надо ли развивать экономические связи с Китаем и АТР в целом? Безусловно, да. Но ожидать бесплатного «восточного чуда» точно не стоит.

Окно возможностей закрывается

Надо отчетливо понимать, что наши преимущества тают, исторического времени у нас осталось совсем мало. Китай стремительно овладевает лучшими бизнес-практиками, современным корпоративным управлением. Страна становится глобальным игроком, так что, повернув на Восток, мы с изумлением обнаружим те же вестернизированные подходы, которые порой так раздражают наши власти. Китай приступил к ликвидации и второго своего недостатка — удаленности от Европы. Если экономики Европы и Китая сомкнутся благодаря транспортному коридору быстрой доставки грузов, то у России останется весьма скромное место в мировой системе разделения труда. Награда — транспортный тариф и отсутствие экономического будущего, то есть исторической перспективы. Шелковый путь превратится в стальной обруч.

Линия реиндустриализации в нашей стране активно развивалась, пока не была сметена ураганом нефтегазовых доходов. Элита страны и граждане дружно уверовали в вечное счастье нефтегазовых рантье. Во внешней политике вновь зазвучали регистры великодержавности. Уже ясно, что мир не хочет переустраиваться по нашим рецептам, а внешнеполитические проекты начинают придавливать российскую экономику к земле.

В духе нового направления мысли послушаем Восток. Дэн Сяопин завещал Китаю держаться в тени и не демонстрировать претензии на лидерство. Исключительная концентрация Китая на внутреннем развитии, стремление избегать любых конфликтов, которые могли бы ему помешать, дали феноменальные результаты. Эффективной может считаться только та внешняя политика, которая создает наилучшие возможности для внутреннего развития страны.

Поворот к АТР в обнаруживающихся ограничениях на дальневосточном треке все больше упирается в необходимость структурных реформ на общероссийском экономическом пространстве в целом. Это и точка отсчета долгосрочной стратегии нового позиционирования России в глобальном хозяйстве, способной дать положительные результаты.

Потребуются внешнеполитические инициативы, направленные не только на ослабление текущей напряженности в отношениях с Западом и отмену санкционных режимов, но и на создание и укрепление международных гарантий бесконфликтной трансформации глобального хозяйства.

Литература

Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с. — Текст : непосредственный.

Масленников, Н. И. Восточный поворот России: проблемы и перспективы / Н. И. Масленников, С. А. Цыпляев, И. Ю. Юргенс. — Текст : непосредственный // Евразийская интеграция. Экономика, право, политика. — 2016. — № 1 (19). — С. 38–47.

Цыпляев, С. А. На Запад или на Восток / С. А. Цыпляев. — Текст : непосредственный // Ведомости. — 2016, 21 марта. — С. 6–7.

В. А. Черешнев[1]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВИРУСНЫЕ ИНФЕКЦИИ

Говоря о глобальном конфликте и контурах нового мирового порядка, нельзя не сказать о глобальных экологических вызовах, которые ведут к трансформации среды обитания человека из-за изменения биосферы Земли. Согласно учению о ноосфере В. И. Вернадского, биосфера — это тонкая пленка живого вещества, состоящая из трех основных компонентов: растений, животных и микроорганизмов. Человек является социально-биологическим существом и испытывает влияние всех названных представителей. У него имеется собственная микробиота, представленная различными микроорганизмами на коже, слизистых и преимущественно в толстом кишечнике. Человек испытывает влияние «собственных» бактерий, вирусов, грибков, а также поступающих из внешней среды. Особенно активно проявляют себя вирусы, поскольку эпидемии новых вирусных заболеваний человека появляются все чаще и чаще. Ярким примером этого является еще незавершившаяся пандемия COVID-19, вызванная вирусом SARS-CoV-2.

Отчего это происходит? Оригинальную точку зрения на возникновение новых вирусных инфекций представили академик Гурий Петрович Ступаков с соавторами. Они полагают, что интенсивная хозяйственная деятельность человека, так называемый антропогенный пресс, за последние 70–100 лет привели к массивному уничтожению лесов, диких животных, которые являются естественным резервуаром для многих видов зоонозных вирусов. Теряя предшествующих хозяев, вирусы ищут новых, и поскольку популяция животных сокращается, а человеческая — неизменно нарастает, вирусы устремляются в организм человека, и мы наблюдаем, как зоонозы, то есть инфекции, присущие животным, становятся антропозоонозами. Так появился ВИЧ — от обезьян к человеку, так сформировался и COVID-19 — от летучих мышей к человеку. Естественной средой обитания вирусов становится неуклонно увеличивающаяся человеческая популяция.

И хотя в среде ученых не стихают споры о рукотворном происхождении патогенного коронавируса SARS-CoV-2, то есть созданного в специальных биолабораториях, все же вектор дискуссий постепенно разворачивается в сторону того, что опасный вирус сформировался в природе, в естественных условиях. Специалисты-ученые — вирусологи, иммунологи, биотехнологии — могут лишь усилить вирулентность таких природных патогенных вирусов, которые могут составить основу биологического оружия, тем более что поле для такой деятельности очень обширное. Вирусы по численности многократно превосходят все формы жизни на нашей планете. По сути, вся жизнь человека протекает в вирусной среде, но лишь несколько десятков из них опасны для человека, а другие — большинство — мирно с ним сосуществуют.

Патогенные вирусы научились в динамике эволюции уклоняться от защитных факторов иммунной системы, более того, поселяются, живут и накапливаются в иммунокомпетентных клетках, которые превращаются в резервуар патогенных микроорганизмов, как это происходит, например, при ВИЧ-СПИДе, вследствие чего формируется длительная персистенция патогенного вируса в человеческом организме. В динамике хронических вирусных инфекций к ним могут присоединиться возбудители других заболеваний, и возникает полиморбидное состояние, характеризующееся развитием у пациентов нескольких сочетанных патологических процессов, что существенно осложняет течение болезни и ухудшает прогноз.

Большое значение имеют микроорганизмы, находящиеся в микробиоте каждого человека. В кишечнике человека более 6 тыс. различных видов микробов и свыше 10 тыс. видов вирусов, причем многие из них не выделены в чистом виде и их функция неизвестна. Однако соотношение вирусов и бактерий довольно постоянно: при уменьшении количества вирусов увеличивается число бактерий, и наоборот — снижение числа бактерий увеличивает содержание вирусов. Бактерии располагаются внеклеточно, а вирусы — «прячутся» в клетках эндотелия кишечника. Поэтому при воздействии лекарств, например антибиотиков, гибнут в основном бактерии, а вирусы остаются недоступными. Например, при лечении антибиотиками поражаются возбудители опасных заболеваний, скажем туберкулезная палочка или пневмококк. Но при этом гибнут и сапрофиты, то есть непатогенные микроорганизмы, вследствие чего возникают дисбактериоз и дисбиоз и в целом создаются условия для увеличения количества вирусов в организме человека.

Таким образом, XXI век — это столетие преимущественно вирусных инфекций, и без решения глобальных экологических проблем нельзя будет остановить экспансию вирусов. Человечеству следует идти

[1] Главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор более 900 научных публикаций, в т. ч. 68 монографий: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Влияние наркомании на социально-экономическое развитие общества», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «Введение в задачи моделирования и управления динамикой ВИЧ-инфекции» и др.; руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 14 учебников, 11 учебных пособий, 8 методических рекомендаций, 5 курсов лекций для вузов; 42 патентов и 2 открытий. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» («Russian Journal of Immunology»), «Вестника Уральской медицинской академической науки». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премий Правительства РФ в области науки и техники и в области образования. Почетный доктор СПбГУП.

по пути, указанному Владимиром Ивановичем Вернадским, — от современной техносферы (загрязненной биосферы) к ноосфере (ноос-разум), сфере взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: главное, что мы должны определить как стратегическую задачу в стране и мире, — народо- и природосбережение. Эти два направления тесно связаны друг с другом. Причем народосбережение надо понимать в широком смысле — как сохранение всего населения страны и в узком — как заботу об отдельных малочисленных этносах. То же можно сказать о природосбережении: необходимо сохранить природу в целом и отдельные ее резервации — заповедники, заказники и пр. Народо- и природосбережение должны стать основой государственной политики.

А. В. Шершуков[1]

УРОКИ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТРАГЕДИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для людей, занимающихся исследованиями в области экономики, политики, социальной сферы, Лихачевские чтения в 2022 году — это возможность в контексте исторических событий поговорить о сегодняшних проблемах. Так получилось, что на июнь в этом году приходятся и памятные исторические даты. Многие «узлы» в политике и экономике по-прежнему существуют, они все еще не развязаны и затягиваются все сильнее.

В этом году Лихачевские чтения проходят через несколько дней после памятной даты рабочего движения России. 60 лет назад, 1–2 июня 1962 года, волнения на электровозостроительном заводе в городе Новочеркасске завершились расстрелом демонстрации. Но это была развязка, точнее — часть развязки политической, экономической и социальной драмы. А причиной конфликта стали откровенные просчеты в планировании производства, системе тарифов и политике цен в Советском Союзе в последние годы эпохи Хрущева. Если, с одной стороны, снизить тарифные ставки оплаты труда работников, а с другой — повысить цены на мясо, то эти ошибочные решения в комплексе становятся основой конфликта. Если же в тлеющий конфликт плеснуть бензина, как сделал директор завода, заявивший «нет денег на мясо — ешьте пирожки с ливером», то вспыхивает протест в виде, по сути, «русского бунта», описанного еще Пушкиным. А если вместо переговоров власть прибегает к «услугам» армии, то все завершается трагедией, о которой помнят и через 60 лет. 22 убитых на площади, около 70 раненых. И более ста человек, в отношении которых были заведены уголовные дела.

Какие исторические уроки следует помнить в связи с Новочеркасском? Решения в экономической сфере надо всегда рассматривать не только с точки зрения производства и финансов. Социальные результаты, последствия для работников и — шире — всего населения нельзя отодвигать на второй план. Это не «сопутствующие» соображения, а первостепенные критерии оценки якобы непредвзятых технократических решений. Другой урок — пагубные последствия пренебрежения к такому инструменту, как обратная связь. Наличие эффективной обратной связи помогает предотвратить негативные последствия тех или иных мер либо вовсе нивелировать их. Когда формализм в управлении или боязнь огорчить начальство становятся определяющими факторами принятия решений, то риск ошибки становится максимальным. Но и на этом этапе худшее еще можно предотвратить. Третий урок Новочеркасска заключается в том, что неготовность к содержательному диалогу приводит к кровавой трагедии. Приехавшие в 1962 году в Новочеркасск представители советского руководства вместо разговора с представителями протестующих предпочли вызвать войска…

Значит ли сказанное, что мы можем рассматривать события 60-летней давности лишь как исторические и не имеющие отношения к сегодняшнему дню? Не вполне.

Драма в Новочеркасске показывает, что даже в том государстве, которое позиционирует себя как «страна рабочих и крестьян», трудовые отношения могут содержать зародыш острого конфликта, для разрешения которого, как в данном случае, используются не переговоры или другие мирные средства, а стрельба.

Следует поставить жесткий вопрос. Можем ли мы сегодня, в современной России, утверждать, что новочеркасские события не повторятся ни при каких условиях? Представляется, что гарантии этого лежат не в сфере усиления административного или полицейского контроля. В том же СССР, который сегодня многие воспринимают исключительно как средоточие положительных качеств, были и существенные ограничения свободы слова, и политическая полиция, и смертная казнь. Но это не предотвратило выступления работников. В результате, помимо тех, кто стал жертвами стрельбы непосредственно на заводе, впоследствии к высшей мере наказания были приговорены несколько участников выступления в Новочеркасске. Семь человек были расстреляны, 103 — приговорены к лишению свободы на сроки от 2 до 15 лет.

Сегодня в ситуации радикального переформатирования экономических отношений и внутри России, и особенно с внешним миром, много говорится о необходимости выстраивания новых цепочек поставок,

[1] Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Труда» (2012–2020). Автор книг: «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012), «Краткая история профсоюзов России» (2020).

быстрой переориентации с Запада на Восток, внедрения технологий, которые являются ключевыми для производства современной техники. Правительство инвестирует огромные средства в импортозамещение. По сути, речь идет о «новой индустриализации». Но эти технологические и финансовые вопросы неотделимы от социальных. Когда в 1930-е годы в СССР проводилась индустриализация и миллионы жителей деревень переселялись в города, этот процесс сопровождался огромными вложениями государства в социальную сферу. Требовалось не только предоставить переселяющимся жилье, продовольствие, медицинскую помощь, но и обеспечить для них рост материальных доходов, повышение культурного уровня. Проблема сегодняшнего переформатирования экономики заключается в том, что «новая индустриализация» будет (если будет) проводиться в ситуации неопределенности, даже некоторой турбулентности доходов работников. Среднесрочные прогнозы, которые дают некоторые экспертные сообщества, в том числе имеющие отношение к государству, говорят о возможном падении располагаемых доходов работников. В то же время открытие новых предприятий, создание новых рабочих мест предполагает и увеличение фондов оплаты труда. Таким образом, можно констатировать, что сегодня сложилась необычная ситуация и даже прогнозы нужно учитывать с поправкой на патриотическую или космополитическую ориентацию эксперта, что, конечно, не имеет отношения к научным оценкам. Тем не менее уже сейчас очевидна необходимость серьезного предварительного анализа не только предложенных экономических мер, но и их социальных последствий и прелиминарной экологической проверки. Декларацию Генсека ЦК КПСС Юрия Андропова, заявившего в свое время «мы не знаем общества, в котором живем», сегодня можно интерпретировать как «знание общества, которое вовлекается в процесс экономических изменений, должно воплощаться в конкретные меры по социальному развитию этого общества».

Эти меры не могут ограничиваться поддержкой малоимущих. К сожалению, социальная политика государства в последние годы, включая период пандемии, делала акцент именно на помощи малоимущим, большая часть которых — семьи с детьми. За последние двадцать лет в России немного сократилась доля такой удивительной категории населения, как «работающие бедные», в которую входили огромные массы работающего населения. Но в конце 2021 года 50 % работающих получали зарплату ниже 38 тыс. рублей в месяц, хотя даже зарабатывающих такие суммы нельзя отнести к среднему классу. При этом в отношении наиболее обеспеченных слоев общества лишь недавно и очень ограниченно начали вводиться элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц. И если долгие годы нас пугали тем, что из-за прогрессивного налогообложения капитал «убежит» за рубеж, то сегодня этот аргумент не работает. Бежать, слава богу, некуда. Вопросы социальной справедливости (уровня и соотношения доходов, налогообложения, прав работников и профсоюзов) сегодня, в период экономических преобразований, равны по значимости вопросам технологического переустройства.

Не менее важна и проблема обратной связи. На сегодня реакция власти на возможную негативную реакцию населения, работников инструментально реализована на основе центров управления регионами. Однако эти структуры являются для органов власти внутриуправленческими, в известной степени контролирующими сами себя. Ответ на старый казуистический вопрос: «Кто стрижет парикмахера?» по сути дается в форме, решающей проблему отчетности, но не вполне эффективной для содержательного решения проблемы. Представляется, что больший эффект в части построения обратной связи на принимаемые решения может быть получен в результате построения институциональной опоры, базирующейся на организованных представителях работников — профсоюзах. Построенная в России система социального партнерства, основанная на системе трехсторонних консультаций, регулярных переговорах и трехсторонних комиссиях федерального и регионального уровня, организационно может стать основой для такой обратной связи. Но для этого власть должна ответить на вопрос: нуждается ли она в содержательном и позитивном мониторинге своих решений или только формальном одобрении своих действий? Именно второй вариант ответа привел к трагедии в Новочеркасске 60 лет назад. Его неэффективность как для работников, так и для государства сегодня вполне очевидна.

К сожалению, строительство институциональной основы для системы социального партнерства в последний год сталкивается с определенным противодействием. Зачастую государственные органы выступают с инициативой о ликвидации профсоюзной структуры (как, например, профсоюза адвокатов) или последовательно, от регионального до федерального уровня, выдвигают претензии к национальному профцентру, преследуя конкретную цель — изъятие профсоюзной собственности. Хотя такие претензии неправомерны, так как в свое время правительством страны были подписаны все необходимые документы и к тому же действуют законодательные нормы, которые сегодня подвергаются произвольной трактовке. Социальная политика в стране и политика государства по отношению к структурам, которые влияют на социально-трудовые отношения, естественно, должны характеризоваться едиными подходами. Сюжеты в духе Салтыкова-Щедрина «мы дадим вам медаль за работу и сразу же за эту работу арестуем» не могут считаться нормальными в социально ориентированном государстве.

Но даже внедрение механизмов предварительной экспертизы и последующего контроля не является абсолютной гарантией сохранения социального мира и развития. В сложных системах, к которым относится современная экономическая и социальная система России, конфликты неизбежны. Но, как говорил капитан Глеб Жеглов из фильма «Место встречи изменить нельзя», «правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать». Другое дело, что такая постановка вопроса предъявляет иной уровень требований к качеству работы правоохранительных органов, в том числе окончательный разрыв

с практикой 1990-х годов, когда следователи и прокуроры зачастую выступали как инструмент в имущественных «разборках» и перераспределении собственности. Сейчас такой разрыв, как представляется, еще не произошел.

В случаях же возникновения социальных или трудовых конфликтов всегда встает вопрос их скорейшего купирования и разрешения. Конечно, большую роль в этом деле играют методы медиации, которые, к слову сказать, профессионально изучаются и внедряются факультетом конфликтологии СПбГУП. Но и здесь нельзя недооценивать роль постоянного содержательного диалога, который во время уже начавшегося конфликта обязаны продолжать стороны социального партнерства. Ответственность сторон в этом случае заключается в том, чтобы, не скатываясь к взаимным обвинениям, оперативно найти способ «расшивки» конфликта.

Новочеркасск — это не только история. Сегодня социологические опросы показывают низкий протестный потенциал российского населения, в том числе наемных работников. Но было бы большой ошибкой считать, что относительно спокойная ситуация не может измениться. «Предохранителем» от социальных взрывов может быть не самоуспокоенность или надежда на взаимную ответственность власти, бизнеса и работников, а только постоянный содержательный, неформальный социальный диалог, основанный на эффективно работающих институтах социального партнерства. И это не «клапан для спуска пара» (достаточно унизительный образ для всех сторон переговоров). Речь идет о предотвращении проблем и реальном, неимитационном их разрешении. В этом и заключается главный урок Новочеркасска для современной России.

М. В. Шмаков[1]

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Юбилейные XX Международные Лихачевские научные чтения проходят в сложное для России время.

Откровенно говоря, в России все времена сложны и тяжелы. Вспомним труды самого Дмитрия Сергеевича Лихачева, в которых он рассуждает о судьбе нашей страны: «Россия всегда ощущала себя ищущей пути в будущее или устремляющейся в будущее по этому пути»[2], — написал он в одном их них.

Сегодня мы снова ищем правильную дорогу. В очередной раз российская экономика находится под жестким прессом санкционных мер со стороны западного мира. Однако решения американских и европейских политиков вредят не только России, но и собственному бизнесу и гражданам. Об этом свидетельствует рост цен на топливо, энергоносители, товары и услуги в этих странах. Так, по данным некоммерческой Американской автомобильной ассоциации, средняя стоимость галлона бензина марки Regular (соответствует бензину АИ-92 в РФ) в США поднялась до 4,45 доллара, увеличившись за год на 147 %[3]. По данным Евростата, цена на энергоносители в Еврозоне в апреле 2022 года увеличилась на 38 % по сравнению с прошлым годом.

Рабочее движение и часть бизнеса западных стран понимают, что это может привести к затяжной экономической рецессии. Например, крупнейшие профсоюзы Германии (IG Metall, IGBCE, IG Bau) выступили против эмбарго на поставки энергоносителей из России, поскольку это может привести к остановке промышленного производства в Европе и потере рабочих мест, что скажется на мировой экономике в целом.

Разрушение логистических цепочек поставок и уход западных компаний отразились и на социально-экономической ситуации в России. Однако действия западных стран по ослаблению российской экономики не привели к ожидаемым Западом результатам. Несмотря на резкий рост цен в марте, спровоцированный нестабильным курсом рубля, спекуляцией ретейла и попыткой населения сделать запасы, в апреле и мае инфляция замедлилась, а курс рубля и стоимость товаров и услуг стабилизировались.

Ситуацию на рынке труда можно назвать относительно устойчивой. Уровень регистрируемой безработицы не растет с января 2022 года и составляет 0,9 %. Отсутствуют сообщения о массовых высвобожденях работников.

Однако сегодня требуются дополнительные меры по сдерживанию роста численности работников, находящихся в простое и работающих неполное рабочее время. За два месяца — с марта по май — численность

[1] Член Государственного совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России. Председатель Совета попечителей СПбГУП. Автор ряда публикаций по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч. книг: «Профсоюзы России на пороге XXI века», «Без борьбы нет победы!», «За достойный труд», «Профсоюзные вести сквозь призму юмора» (соавт.); учебных пособий для профсоюзных работников и активистов «Конфликты в трудовых коллективах» (соавт.), «ФНПР в меняющемся обществе», «ФНПР в вопросах и ответах»; главы «Федерация независимых профсоюзов России» в книге «15 лет ВКП: взгляд в будущее». Руководитель редсовета книги «История профсоюзов России». Руководитель авторского коллектива «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Председатель Совета попечителей, почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Член Правления Вольного экономического общества России. Награжден орденами Дружбы, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степени, медалью «В память 850-летия Москвы», Почетной грамотой Правительства РФ и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Лихачев Д. С.* Мысли о России // Беседа. Традиции, история, культура : [сайт]. URL: http://www.tradicii.info/ru/lihachev-ru/124-mysli-o-rossii-lihachev.html.

[3] Цены на бензин в США установили новый рекорд, поднявшись выше $4,5 за галлон // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14649177?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru.

работников, трудящихся неполное рабочее время, увеличилась на 53 тыс., а находящихся в простое — на 98 тыс. человек.

В настоящее время правительством реализуется ряд разумных мер, направленных на укрепление отечественной экономики. Усилены меры по прекращению оттока капитала, установлен запрет на использование российских природных ресурсов иностранными компаниями. Снижена ключевая ставка (после резкого повышения ключевой ставки до 20 % в марте 2022 г. она была снижена до 14 % в мае). Национализируются предприятия, что позволяет сохранить производство и рабочие места. Например, активы группы Renault перешли в государственную собственность, а на заводах данной компании планируют выпускать автомобили «Москвич».

Вместе с тем риск ухудшения экономической ситуации сохраняется. Ситуация, в которой оказались российские работники зарубежных фирм, приостановивших свою работу в нашей стране, может обернуться для них массовыми увольнениями. Имеющихся вакансий по соответствующим профессиям может не хватить, а значит, потребуются массовое переобучение и создание новых рабочих мест.

Реальные доходы населения снижаются. Принимаются меры по поддержке самых бедных слоев населения (семей с детьми, пенсионеров), однако практически отсутствуют меры по повышению заработной платы работников.

Центральный банк России упорно концентрируется на «таргетировании» инфляции вместо поддержки российской экономики. До сих пор проводится политика резервирования средств вместо инвестирования в экономику. Ключевая ставка, хотя и постепенно снижается, остается слишком высокой, что делает кредиты для бизнеса недоступными. Борьба с инфляцией, выразившаяся в ограничении денежной массы, обескровила экономику. Установленные Минфином и Центробанком жесткие требования для кредитования российского бизнеса тормозят его развитие.

Вместо содействия созданию новых производств и рабочих мест наше государство размещало средства за рубежом, таким образом поддерживая не российский, а иностранный бизнес. Нам не удалось обеспечить реальное импортозамещение: то, что могло производиться в России, закупалось за границей. Политика внешней торговли ориентировалась скорее на выгоды иностранных предпринимателей, работающих в России, чем на поддержку отечественных товаропроизводителей. Боясь инфляции, мы туже затянули пояса и чуть было не задушили свою экономику.

Наша страна имеет большой потенциал. Территория и природные ресурсы, промышленность и сельское хозяйство, социальная инфраструктура и человеческий капитал — все это дает нам хороший шанс для реализации «нового индустриального прорыва». Для этого требуется внести изменения в управление экономикой в целом.

Для решения задач государственного планирования и координации деятельности предприятий всех форм собственности необходимо воссоздать Госплан и Госснаб на новой цифровой основе. Они должны выполнять функции агрегаторов.

Сохранение и создание рабочих мест должно стать ключевым направлением государственной экономической политики. Сегодня в первую очередь необходимо принять меры по сохранению существующих рабочих мест. Одной из таких мер является национализация. Национализировать следует предприятия в состоянии банкротства, стратегически важные и общественно значимые предприятия, собственники которых не обеспечивают нормальную их работу, а также основной капитал организаций, заявивших об уходе из России.

Противники национализации говорят о сохранении бизнеса и частной собственности. Но бизнес — это в первую очередь работники, основным источником дохода которых, как правило, является заработная плата. Что делать таким работникам, если они потеряют единственный источник дохода?

Кроме того, подавляющее большинство обанкротившихся предприятий в итоге ликвидируются. Это означает, что вместе с компанией исчезают рабочие места, а работники теряют работу. При этом основным кредитором банкротов зачастую является государство, которое через банки и налоговые службы полностью «обирает» своих должников. Эту порочную практику необходимо прекратить. Государственным приоритетом должен стать не сбор недополученных налогов, а сохранение занятости граждан.

И в процедуре банкротства, и в процедуре национализации обязательно должны участвовать работники, их представители, то есть профсоюзы. Все важные решения о дальнейшей судьбе организации должны приниматься с участием представителей работников.

Государство должно поддержать создание новых производств, обеспечивающих выпуск необходимых товаров и формирование новых рабочих мест. Для производителей должны быть обеспечены доступные кредитные ресурсы.

Главной целью налоговой политики должна стать поддержка инвестиций в производство. Для этого необходимо облегчить налоговое бремя производственного сектора.

В условиях нового индустриального развития государственным приоритетом, помимо создания новых рабочих мест, должно стать повышение реальных доходов граждан.

В настоящее время усилия государства направлены на поддержку доходов самых бедных слоев населения, преимущественно семей с детьми. При этом остальные категории граждан такую поддержку практически не получают и продолжают беднеть. К ним относится значительная доля работающего населения. Необходимо реализовать меры по повышению реального содержания заработной платы работников.

По действующей методике повышение МРОТ и прожиточного минимума зависит от роста медианной заработной платы и доходов. Однако цены на товары и услуги, особенно первой необходимости, растут быстрее. В текущих условиях данная методика не работает. Нужно вернуться к ежеквартальному определе-

нию прожиточного минимума на основе потребительской корзины и пересматривать МРОТ не реже одного раза в квартал в соответствии с темпами роста прожиточного минимума[1].

Необходимо произвести внеочередную индексацию заработной платы в организациях всех форм собственности, включая бюджетную сферу, в которой трудится много «работающих бедных». Такую индексацию уже произвел ряд крупных компаний. В дальнейшем заработную плату следует регулярно (не реже одного раза в год) индексировать выше уровня инфляции.

Должны быть решены проблемы повышения заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы. Реальная заработная плата должна вырасти у каждого работника в здравоохранении, образовании, культуре, спорте и социальной сфере без интенсификации их труда.

Следует активнее устанавливать минимальные гарантии по заработной плате в регионах. По нашим данным, на 1 января текущего года только в 21 субъекте Российской Федерации был установлен размер минимальной заработной платы, превышающий федеральный МРОТ. При установлении такого размера необходимо ориентироваться не на прожиточный минимум, который позволяет только выживать, а на минимальный потребительский бюджет, покрывающий основные материальные, культурные, духовные и иные потребности работников.

Нужно значительно увеличить размер пособия по безработице, который должен устанавливаться в зависимости от трудового (страхового) стажа гражданина. Сделать это целесообразно за счет внедрения страховых принципов его выплаты. Рассчитываем, что новый единый государственный внебюджетный фонд, формируемый на базе Фонда социального страхования и Пенсионного фонда России, возьмет на себя данную функцию.

Требуется жесткий контроль за недопущением возникновения задолженности по заработной плате. Должны быть созданы гарантийные учреждения, обеспечивающие выплату работникам заработной платы в случае отсутствия платежеспособности у работодателя.

Необходимо продолжить работу по совершенствованию прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц. С 2021 года по предложению Президента России была введена 15%-ная ставка НДФЛ на доходы свыше 5 млн рублей в год. Теперь необходимо установить новое деление для доходов свыше 10–15 млн рублей в год и снизить до 0 % ставку для тех, кто получает доходы в пределах МРОТ.

Создание новых рабочих мест потребует изменений в системе профессиональной подготовки работников, поскольку под данные рабочие места необходимы работники определенной квалификации. Для этого требуется разработать долгосрочную программу непрерывного образования граждан. Следует бесплатно обучать граждан по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям, а также направлять работников на профессиональное и дополнительное профессиональное образование не реже одного раза в 2–3 года.

Должна быть разработана система долгосрочного прогнозирования потребности в работниках. В настоящее время наблюдается дефицит кадров в одних видах экономической деятельности и избыток — в других. «Новая индустриализация» невозможна без квалифицированной рабочей силы. Именно квалифицированные российские работники с полноценными социально-трудовыми правами, а не самозанятые и малый бизнес смогут наладить импортозамещение и обеспечить рост нашей экономики.

Сейчас важно сохранить достигнутый уровень социально-трудовых прав и гарантий трудящихся.

Вместо «размывания» трудового законодательства, инициированного сегодня под предлогом улучшения условий для ведения бизнеса, мы должны сосредоточиться на сбалансированном повышении эффективности правового регулирования в сфере труда с участием социальных партнеров.

Решение социально-экономических задач и предотвращение социальной напряженности в обществе невозможны без формирования устойчивой обратной связи между гражданами и властью. Механизм такой обратной связи в трудовой сфере давно известен — это социальное партнерство.

Первоочередными задачами в сфере социального партнерства, по нашему мнению, являются: установление социально-трудоправовых гарантий трудящихся в новых формах занятости, в том числе право на вступление в профсоюзы; распространение отраслевых соглашений на всех работодателей отрасли; участие профсоюзов в управлении организациями.

Реальное согласование интересов работников и работодателей в рамках эффективного социального партнерства на всех уровнях — от предприятия до национального уровня — послужит развитию всех сфер экономики, где человек будет занят деятельностью, приносящей не только достойный доход, но и уважение, возможность самореализации и развития.

[1] Апрельские тезисы. О чем говорили на Генсовете ФНПР // Солидарность. 2022. 27 апр. URL: https://www.solidarnost.org/articles/aprelskie-tezisy.html.

А. В. Яковенко[1]

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ КАК КАТАЛИЗАТОР ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Проблема несовершенства современного мирового порядка, необходимость его адаптации к меняющимся условиям, а также текущие процессы его трансформации обсуждаются учеными-политологами и находятся в эпицентре реальной мировой политики уже не один десяток лет. Мировой порядок как категория и основной фактор развития политического, экономического, социального взаимодействия стран — участниц международных отношений относится к тем феноменам, научное осмысление которых постоянно не поспевает за его реальным развитием.

Термин «мировой порядок» был введен в научный и политический оборот относительно недавно. В 1977 году вышла в свет книга «The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics» («Анархическое общество: исследование порядка в мировой политике») Хедли Булла, в то время профессора по международным отношениям Австралийского национального университета в Канберре. В своем исследовании он впервые употребляет данный термин и пытается анализировать с этой точки зрения тенденции международного развития.

Что касается мирового порядка как политической реальности и основы формирования системы международных отношений, то данное понятие в современном смысле возникает, начинает функционировать и определять мировую архитектуру в тот период, когда на Европейском континенте начинается оформление наций в рамках государственного устройства.

Старые миропорядки

В политологической науке принято выделять несколько форм или этапов развития мирового порядка. Не претендуя на полноту анализа, обозначу основные этапы его метаморфоз. Первый этап — Вестфальский — возникает как результат Вестфальского мирного договора 1648 года, после которого государства постепенно стали главными элементами международной системы. При этом хотел бы отметить, что в силу господствовавших тенденций мирового развития вплоть до первой половины XX века термин «мировой» по существу ограничивался границами Европы, которая в то время играла основную роль и определяла характер и особенности развития и в других частях мира.

На смену Вестфальскому пришел Венский период, начало которому было положено подписанием Венского мира после завершения Наполеоновских войн в 1815 году. Он характеризовался выдвижением в число первостепенных ряда великих европейских держав, получивших больший вес и влияние по сравнению с остальными странами. Наряду с государствами эту систему формировали союзы государств. Существует еще одно определение данного этапа: «система европейского концерта». Именно в тот период появились такие понятия, как *великие державы*, *многосторонняя дипломатия*. Этот миропорядок считается первым примером реализации принципа коллективной безопасности.

Итоги Первой мировой войны закрепила Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Ее структуру образовали Версальский мирный договор 1919 года, а также соглашения, заключенные по итогам Вашингтонской конференции в 1921–1922 годах. На этом этапе мировой порядок преодолел европейские границы, но пока еще не приобрел характер универсальной системы. Институционально был зафиксирован полицентричный мир, в котором принятие и осуществление важнейших решений происходило на основе договоренностей великих держав с учетом интересов остальных. Была создана Лига Наций.

Следующий этап начался после завершения Второй мировой войны. В основу мирового порядка были положены принципы, выработанные конференциями в Ялте и Потсдаме. Была создана новая система институтов международного общения, поддержания стабильности, экономического взаимодействия. По результатам конференции в Бреттон-Вудсе была сформирована валютно-финансовая система, которая трансформировалась во второй половине 1970-х годов после конференции на Ямайке. Именно на этом этапе термин «мировой порядок» обретает современное значение.

Соединенные Штаты, пострадавшие в войне меньше других и получившие по ее результатам наибольшие политические и экономические дивиденды, выдвинулись на позицию мощнейшей мировой державы. Понесший же огромные материальные, людские и структурные потери Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть войны и обеспечивший при поддержке стран антигитлеровской коалиции разгром фашизма на континенте, с полным на то правом завоевал позиции страны-победительницы, одной из мировых политических сверхдержав.

Такая конструкция предопределила двухполярную конфигурацию послевоенной международной системы, с течением времени приобретшей вид двух соперничающих между собой лагерей государств. На

[1] Ректор Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Замминистра иностранных дел России (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, действительный член Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Член Научного Совета при Совете безопасности РФ. Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Президента РФ и Правительства РФ.

определенном этапе с ростом объединительных тенденций стало повышаться значение и влияние европейских стран, которые в этот период выделяются в самостоятельный центр силы. Однако позднее эти тенденции были придавлены американцами, и Европа с собственного согласия через механизмы НАТО фактически была низведена до уровня коллективного сателлита Соединенных Штатов и Регионального крыла созданного блока НАТО. На протяжении почти полувекового периода вплоть до прекращения существования Советского Союза эта система характеризовалась достаточно высокой стабильностью, определяла правила и характер международного мира.

Последовавший затем период, начавшийся, как принято считать, после завершения холодной войны в 1991 году и просуществовавший в относительно неизменном виде до 2000 года, имел моноцентричную конфигурацию, характеризовался безусловной доминирующей ролью США, резким повышением уровня международной нестабильности, переделом межгосударственных границ и большим количеством открытых вооруженных конфликтов, нарастанием конфронтационного потенциала.

После 2000 года мировое сообщество вошло в очередной, уже современный период своего существования. Этот этап характеризуется высокой нестабильностью, нарастанием тенденции к коренной ломке соотношений политического и экономического влияния между целым рядом государств, упрочением позиции многих стран-акторов на политической арене, в первую очередь возрождающейся России, Китая, Индии, ряда других государств, уходом с политической авансцены некоторых ранее влиятельных международных политических структур и появлением новых. Постепенно назревавшая необходимость внесения существенных корректив в архитектуру и принципы международных политических и экономических отношений, в том числе в валютно-финансовую систему, становилась все более очевидной.

Процессы подготовки к новым трансформациям мирового порядка в условиях относительной стабильности теоретически могли быть растянуты на весьма длительный временной период. Однако ситуация, развивающаяся на наших глазах, привела к резкому обострению противоречий в международных политических и экономических делах и интенсификации тенденций к мировым метаморфозам. Вместе с тем, если обратиться к истории мирового развития, мы увидим, что переход от одной стадии развития мирового порядка к другой еще ни разу не прошел эволюционным путем, а неизменно становился итогом регионального или мирового кризиса. Похоже, что и на этот раз исключения не произойдет.

Предложения российского руководства о необходимости учета объективных и жизненно важных интересов нашей страны, натолкнувшиеся на жесткую и бескомпромиссную реакцию Вашингтона и подавляющего большинства стран — участниц НАТО, ряда других американских сателлитов, вынужденное проведение специальной военной операции на Украине, где Россия встретила пока опосредованное, но вполне конкретное и мощное противодействие коллективного Запада, объявленная России экономическая и информационная война на уничтожение подвели итог возможностям эволюционной адаптации мирового порядка к современным реалиям, перевели эти процессы в острый, кризисный и более сжатый по времени формат.

Новый миропорядок

В настоящий момент очевидным является то обстоятельство, что ход становления новой конфигурации мирового порядка будет определяться совокупностью целого ряда факторов. С одной стороны, это итоги завершения специальной операции на Украине, наша способность противостоять массированным и не ограниченным никакими правилами и рамками международного права попыткам со стороны Запада изоляции России на мировой арене, курсу на сдерживание ее развития и уничтожение путем использования экономических и финансовых «систем вооружений». С другой — способность возглавляемой США коалиции свести к приемлемому для них минимуму объективно неизбежные негативные политические, экономические и социальные последствия объявленной ими тотальной войны против России.

Любые предположения — занятие рискованное и неблагодарное, и все же, как представляется, уже сегодня можно с достаточной степенью уверенности делать первые, пока предварительные, прогнозы относительно вариантов завершения нынешнего этапа развивающегося кризиса.

Ход и характер ведения Вооруженными силами России специальной военной операции на Украине свидетельствуют о ее в целом хорошей проработке и планировании, уверенности российского политического и военного руководства в успешном завершении и достижении поставленных задач и целей.

Хотя выше и говорилось о формально неопосредованном характере столкновения российских вооруженных сил в рамках специальной военной операции на Украине с США и НАТО, это утверждение можно принять лишь с известным допущением. На протяжении длительного времени ВСУ готовились, снабжались, тренировались, вооружались и создавали инфраструктуру наступательной операции с активной помощью, привлечением значительных сил и средств коллективного Запада. Эти усилия, ранее закамуфлированные, на каком-то этапе стали демонстративными. Количество «наемников» из стран явной и неявной антироссийской коалиции составило десятки тысяч.

Вместе с тем при нынешнем уровне военно-технических возможностей России Запад (НАТО и Евросоюз) пока не готов к активным действиям. Попытки США и стран антироссийской коалиции обеспечить полную и глобальную политическую и экономическую блокаду России на данном этапе дают пока ограниченные результаты. Несмотря на интенсивные и жесткие шаги Вашингтона в данном направлении, эти попытки во многих случаях вызывают противоположную реакцию. Причем можно предположить, что такая тенденция будет только нарастать, особенно на фоне ожидаемых успехов российских сил.

Весьма симптоматично развиваются события в связи с вынужденным для России требованием к недружественным странам оплачивать газ по схеме, предусматривающей получение Россией средств на свои счета в рублях. Резко негативная первоначальная реакция на это предложение на уровне руководящих органов ЕС «гармонично сочетается» с выработанной Комиссией ЕС формулой, согласно которой закупки газа у России возможны «без нарушения режима санкций». Ряд стран Европы уже дали согласие платить за газ в рублях, некоторые другие прорабатывают это предложение. Неизбежные негативные последствия прекращения поставок газа для экономики стран, занимающих наиболее радикальную позицию, в итоге вынудят и их руководство вырабатывать более осмысленный подход к данной проблеме.

Позиция России уже сейчас существенно подкреплена целым набором принятых руководством страны решений относительно использования газа на случай отказа европейских стран; обозначен целый спектр направлений будущей работы. Это и активное расширение использования газа на внутреннем рынке, и переориентирование экспортных потоков на восточные направления. Но особенно большие перспективы открывает заявленный курс на системное развитие углубленной переработки углеводородного сырья. Это расширяет возможности не только для улучшения структуры российского экспорта, но и, что особенно важно, дает мощный стимул развитию передовых отраслей национальной промышленности, выводу России в число влиятельных экономических и технологических мировых держав.

Что будет?

Основной акцент коллективный Запад, очевидно, будет делать на стремлении расширить антироссийскую коалицию за счет новых участников, снизить для России возможность опираться на помощь, поддержку или нейтралитет наиболее значимых в современном мире в политическом и экономическом плане стран. В этом контексте весьма симптоматичны и иллюстративны результаты прошедших 19 апреля 2022 года в формате видеоконференции консультаций руководителей США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Японии, Канады, Румынии, Польши, в которых приняли участие глава Европейского совета Ш. Мишель и председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. Участники консультаций четко сформулировали основную задачу: не допустить успеха российской специальной военной операции на Украине. Кроме того, они по сути согласовали план действий по ее реализации, включающий, в частности, предоставление Киеву финансовой помощи, направление в зону конфликта вооружений, в том числе тяжелых, и других военных средств, наращивание усилий по изоляции России в мире. В этом же контексте следует рассматривать инициированное США совещание министров обороны НАТО и стран — союзниц Альянса (участвовали представители более 40 стран), проведенное на американской базе «Рамштайн» в Германии 26 апреля.

Вместе с тем ход и логика развития событий свидетельствуют о том, что антироссийской коалиции вряд ли удастся достичь поставленных целей. Безуспешными, видимо, останутся и усилия по расширению состава участников самой коалиции. Более того, проводимая Вашингтоном в настоящее время линия на жесткое давление и «выкручивание рук» не даст желаемого результата, но будет и далее вынуждать руководителей влиятельных государств, в том числе Китая, Индии, Бразилии, Объединенных Арабских Эмиратов, открыто демонстрировать свое неприятие бесцеремонного нажима и шантажа. Для нашей же страны такое развитие будет содействовать реализации курса на сохранение этих стран в качестве если не своих союзников, то ситуативных партнеров, понимающих цели политики России.

В долгосрочном противоборстве, очевидно, акцент будет перемещен на экономику, внешнеэкономические связи, финансовую область. Однако на современном этапе в силу обозначенных выше факторов для коллективного Запада уже не представляется возможным добиться падения и капитуляции России. Здесь позиции нашей страны будут укреплять высокая обеспеченность сырьевой, энергетической и продовольственной базы, ресурсами пресной воды (критическое значение которых будет стремительно нарастать), достаточными не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и для поддержания мощного экспортного потенциала, значение которого на фоне нарастающего дефицита в мире будет только увеличиваться.

Позиции США в мире, вследствие целой серии провалов во внешней политике, наиболее чувствительными и очевидными из которых к тому времени станут российское и китайское направления, приобретут устойчивую тенденцию к ослаблению. Этот тренд будет усугубляться нарастанием нестабильности внутри страны — в экономике, социальной и внутриполитической сферах, а также комплекса серьезных внешнеэкономических проблем и противоречий, сокращения доли и веса США в международных экономических делах в целом. Однако с учетом все еще мощного потенциала, а также значительной инерции США будут оставаться одним из мировых полюсов (но уже не единственным) на протяжении весьма длительного периода. Границы этого периода проследить сегодня не представляется возможным.

Несколько сложнее с современных позиций рассуждать о перспективах и месте объединенной Европы. Безусловно, обострение проблем — энергетических, сырьевых, возможно, с обеспечением продовольствием — серьезно подорвет режим «размеренной европейской идиллии». Столь же деструктивное воздействие будет оказывать комплекс усугубляющихся социальных противоречий, в том числе вызванных неоднозначной миграционной политикой, растущим вследствие этого конфликтным потенциалом культурного, межконфессионального и цивилизационного противостояния сначала внутри ряда стран, а затем и в региональном масштабе.

Неизбежное, в случае неуспеха американской политики, снижение влияния Вашингтона в мире, нарастание противоречий внутри ЕС, новое обострение борьбы за европейское лидерство — все это может переломить центростремительную тенденцию,

базирующуюся сегодня на признании европейцами безоговорочного лидерства США, практически добровольной переуступке Вашингтону своего суверенитета и объединяющем эффекте членства в НАТО.

В то же время нельзя исключать, что вероятность нарастания трений с Соединенными Штатами, расхождения интересов и позиций по целому ряду жизненно важных проблем может подталкивать страны Сообщества к возвращению к идее сильной объединенной Европы с единой внешней политикой и политикой в сфере безопасности, претензиями на позиционирование региона в качестве самостоятельного центра силы. Однако такой сценарий был бы теоретически возможен лишь при условии прихода к власти в ряде ведущих европейских стран ориентированных на это сил и, главное, появление генерации новых авторитетных и самостоятельных национально ориентированных политиков-лидеров. Однако это сложно предположить, во всяком случае сегодня.

На позициях самостоятельных мировых центров первого ряда, очевидно, закрепятся и растущие демократические и экономические гиганты Китай и Индия. Целенаправленные усилия руководства этих государств по активному наращиванию своей военно-технической силы лишь упрочат и сделают еще более обоснованными их претензии на мировое экономическое лидерство, а также на заметную роль в вопросах международной безопасности и поддержания мира в рамках новой мировой архитектуры.

За то, чтобы войти в ряд лидеров второго эшелона, видимо, с большими шансами на успех будет бороться Турция, которая уже сегодня под руководством президента Р. Эрдогана последовательно проводит линию на построение «новой Великой Османской империи» и настойчиво старается распространить свое влияние на соседние страны в азиатском, североафриканском регионах, в районах Среднего Востока, а также на ряд государств постсоветской зоны.

Достаточно хорошие шансы существенно повысить свои ставки и играть более значимые роли в мировых делах в перспективе имеют такие страны, как Бразилия, Индонезия, Пакистан и ряд других, имеющих необходимый потенциал для этого. Им будет благоприятствовать многополярная структура формирующегося мира. Очень многое в будущем этих стран будет определять приход к власти искушенных и дальновидных лидеров, способность выбора самостоятельного курса, надежных союзников и партнеров.

Позиции ряда других государств, в том числе аравийского региона, будут определяться возможностями их сохранения в течение длительного времени в качестве мировых финансовых центров, стабильных поставщиков стратегических энергоресурсов и сырья.

Сегодня мы являемся свидетелями того, что когда-то разработанные механизмы обеспечения мировых экономических процессов и взаимосвязей между государствами во многом утратили свои универсальный характер и эффективность, а иногда просто дискредитированы, низведены США и их союзниками до уровня утилитарных средств достижения своих целей. Соответствующие механизмы для системы мировой экономики, обеспечения внешнеэкономических и внешнеторговых связей должны быть разработаны и согласованы заново. В их основу будут положены баланс сил и гарантии исключения возможности односторонних действий со стороны стран Запада.

Особое место в этом комплексе должна занять и новая мировая валютно-финансовая система, которая по своему устройству скорее всего станет сложной, многокомпонентной и интегральной. Затронутые мною два последних комплекса критических проблем, безусловно, относятся к приоритетным, требуют отдельного и тщательного рассмотрения.

Место России в мире

В заключение хотелось бы затронуть важнейший для всех нас вопрос о месте России в нарождающейся мировой системе. Несмотря на известные сложности и проблемы, переживаемые нашей страной в период ее новейшей истории, Россия вступила в навязанную ей извне фазу острого мирового кризиса в наилучшем из возможных состояний. Руководству страны удалось преодолеть период внутренней нестабильности. Хотя процесс формирования политической системы еще не завершен, она функционирует устойчиво, разработаны и введены в действие эффективные механизмы поддержания социальной стабильности. Страна существенно окрепла экономически и финансово. Разработаны и реализуются, хотя и не без проблем, программы экономического, научно-технологичного и структурного развития. Впервые за обозримую историю Россия занимает лидирующие в мире позиции в военно-технической сфере.

Все это создает благоприятную основу для того, чтобы преодолеть оказываемое за нашу страну беспрецедентное давление, которое правильнее было бы охарактеризовать как необъявленную гибридную войну на уничтожение, выстоять и продолжить переход к поступательному развитию и обеспечению суверенных интересов во всех сегментах политической и социально-экономической сфер.

У нас есть все основания для уверенности в том, что по результатам нынешнего кризиса Россия сумеет обеспечить себе роль одного из главных полюсов формирующейся новой системы мирового порядка. Политические дивиденды, которые наша страна приобретет, создадут возможность не только отодвинуть от своих границ очаги внешних угроз, существенно упрочить позиции на пространстве бывшего СССР и в международных организациях, но и создать основу для строительства взаимовыгодной, в полной мере отвечающей нашим национальным интересам системы отношений с преобладающим числом стран и мировых центров силы по самому широкому спектру направлений международной повестки. В то же время способность России поддерживать и укреплять свои позиции в рамках нового миропорядка может быть надежно обеспечена на длительную перспективу только при условии постоянного поддержания уровня политической и военно-технической устойчивости — наглядного и убедительного фактора экономического и технологического могущества. Все это составит основу целей и задач программ развития Российской Федерации на длительную перспективу.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
М. С. ГУСМАН	первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный журналист РФ, заслуженный работник культуры РФ
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
С. И. КИСЛЯК	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США (2008–2017)
Г. Б. КЛЕЙНЕР	заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
К. И. КОСАЧЕВ	заместитель председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ
А. С. МАКСИМОВ	председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, кандидат технических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, член Президиума, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, Почетный доктор СПбГУП
Т. Я. ХАБРИЕВА	директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, мы начинаем работу пленарного заседания XX Лихачевских чтений.

Я рад приветствовать всех присутствующих в нашем Университете. Сегодня многие первый раз принимают участие в этом форуме, так как в связи с пандемией произошло значительное обновление состава. В этом году, в отличие от предыдущих лет, мы постарались привлечь не столько международных участников, сколько делегатов из Российской Федерации.

Идея проведения этой научной конференции была предложена первым Почетным доктором СПбГУП, академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который является символом российской гуманитарной культуры и науки, российской интеллигенции. Именно на сцене Театрально-концертного зала в 1993 году прошла торжественная церемония его посвящения в Почетные доктора СПбГУП.

Первоначально это научное мероприятие называлось «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном уни-

верситете профсоюзов». Но после ухода из жизни Дмитрия Сергеевича мы с Почетным доктором СПбГУП Даниилом Александровичем Граниным в 2001 году обратились к Президенту России Владимиру Владимировичу Путину с предложением увековечить память об академике Д. С. Лихачеве. Через три дня после того, как наше письмо поступило в Администрацию Президента, был выпущен Указ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». Такая быстрая реакция (беспрецедентная для мирного времени) Владимира Владимировича и его администрации, которая готовила документы, говорит об особом отношении президента к личности Д. С. Лихачева, его научному и нравственному наследию, к Лихачеву как духовному символу России.

В 1999 году, незадолго до ухода Дмитрия Сергеевича из жизни, я по инициативе Д. А. Гранина и поручению самого Д. С. Лихачева зарегистрировал общественное движение «Конгресс петербургской интеллигенции»[1]. Так получилось, что все его отцы-основатели были почетными докторами СПбГУП, кроме меня и еще одного человека, который сегодня также является нашим Почетным доктором. Назову имена учредителей — это Д. С. Лихачев, Д. А. Гранин, Ж. И. Алферов, А. П. Петров (композитор, чьим именем назван зал, в котором мы сейчас находимся), К. Ю. Лавров (народный артист СССР, в то время художественный руководитель Большого драматического театра), М. Б. Пиотровский (председатель Конгресса петербургской интеллигенции) и ваш покорный слуга (председатель Исполкома Конгресса).

В Указе Президента РФ от 23 мая 2001 года № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» есть п. 4, согласно которому проведение Международных Лихачевских научных чтений поручено Конгрессу петербургской интеллигенции.

Спустя некоторое время Владимир Владимирович поддержал Международные Лихачевские научные чтения своим грантом. В 2022 году социально значимый проект «XX Международные Лихачевские научные чтения» реализуется с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в соответствии с Указом Президента РФ от 30 января 2019 года № 30. Именно систематическая поддержка, оказываемая главой государства Лихачевским чтениям, позволила им приобрести беспрецедентный масштаб: каждый год в Чтениях принимают участие свыше полутора тысяч человек (и 2022-й не стал исключением).

За все время проведения в Лихачевских чтениях приняли участие представители 59 государств — от стран Западной Европы, США до стран Азии, Африки и островов Тихого океана. Ежегодно до пандемии в форуме участвовали представители свыше 25 стран. В этом году ввиду сложной политической ситуации, не желая ставить наших друзей (особенно из стран НАТО) в трудное положение, мы сузили состав приглашенных — в Чтениях участвуют представители 10 стран, больше всего — из Казахстана и Беларуси, но есть и представители стран Запада (Австралии, Швейцарии, Великобритании и др.).

Сегодня в Лихачевских чтениях принимают участие более 20 академиков и членов Российской академии наук, руководители крупнейших научно-исследовательских институтов РАН, члены Совета Федерации и Государственной Думы РФ, представители профсоюзов, свыше 150 докторов наук, профессоров, представляющих около 40 регионов нашей страны, что свидетельствует о чрезвычайно широком охвате и представительности нашего форума.

Предоставляю слово для открытия XX Международных Лихачевских научных чтений члену Президиума Российской академии наук, академику РАН, директору Государственного Эрмитажа, Почетному доктору СПбГУП Михаилу Борисовичу Пиотровскому.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Дорогие коллеги, я рад всех приветствовать на очередном интеллектуальном празднике, каковым являются Лихачевские чтения. Сегодня, 9 июня, великий день — 350 лет со дня рождения Петра Великого, поэтому считаю уместным привести слова Д. С. Лихачева о Петре I: «Петровские реформы… явились закономерным результатом всего развития русской культуры», то есть по сути были не революцией, а результатом эволюционного развития России.

Главное завещание Дмитрия Сергеевича Лихачева — «Декларация прав культуры», которая была подготовлена в СПбГУП и за воплощение в жизнь которой мы продолжаем бороться. Русская традиция — это прежде всего Пакт Рериха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников) и «Декларация прав культуры» Д. С. Лихачева.

Недавно в Законодательном собрании Санкт-Петербурга состоялась международная конференция, на которой, в частности, обсуждалась проблема соблюдения прав культуры в Донецкой и Луганской народных республиках, Абхазии, Осетии и других местах. Сегодня происходит изменение принципов работы, направленной на соблюдение прав культуры в мире, о чем свидетельствует ряд ярких примеров.

После начала спецоперации и «отмены» русской культуры выяснилось, что много российских выставок находится за рубежом. Культурное «наступление» России, выражавшееся в том числе в проведении выставок в западных странах и в том, что их посмотрело много людей (например, выставку «Коллекция Морозовых. Шедевры современного искусства» в Париже, выставку «Фаберже в Лондоне: от романтики до революции»), означало, что в такое сложное время российский флаг развевался над странами Европы.

Возвращение выставок в Россию — большая победа, за которую мы благодарны сотрудникам посольств, Министерству иностранных дел, правительству России и многим другим. Для того чтобы все получилось, нужно было обеспечить соблюдение тех гарантий (в частности, касающихся возврата выставок), которые в соответствии с «Декларацией прав культуры» и в развитие ее идей в свое время были сформулированы и приняты усилиями России в мировом культурном пространстве. Все условия были оговорены заранее, поэтому была возможность осуществить эти гарантии. История с возвращением в Россию выставок показала, кто друг, а кто враг, кто-то занял позицию посередине в мировом культурном пространстве.

[1] Следует иметь в виду, что Конгресс петербургской интеллигенции не имеет никакого отношения к Конгрессу российской интеллигенции, представляющему группу ультралиберальных политиков. Господин Пономарев, признанный на территории России иностранным агентом, провозгласил себя руководителем Конгресса российской интеллигенции, юридически не имеющего отношения к настоящему Конгрессу. Поэтому прошу не путать Конгресс петербургской интеллигенции с узким кругом лиц определенной политической ориентации.

Дмитрий Сергеевич ассоциируется у нас с памятью о блокаде Ленинграда и культурной жизни в то время. Жизнь и деятельность во время блокады, которую мы постоянно вспоминаем, можно рассматривать как руководство к действию. Мы знаем, как хорошо была организована система охраны и защиты культурных ценностей во время блокады. Именно в то время возник лозунг «Когда говорят пушки, музы не молчат». Сегодня этот лозунг как никогда актуален. Блокада научила нас говорить сквозь ее кольцо, преодолевая ее границы. Культурные события, которые происходили в блокадном Эрмитаже (например, праздник памяти Низами и др.), проводились не только для петербуржцев, но и для всего мира.

Сейчас Россия оказалась в частичной блокаде, и мы стараемся найти способы общаться, минуя это кольцо. Как явившийся образ Богоматери хорошо виден в облаках, так и явления российской культуры будут видны всем.

Я благодарю всех присутствующих за то, что вы сегодня с нами. Заявленные для обсуждения на XX Международных Лихачевских научных чтениях темы актуальны и интересны, важны с точки зрения как сегодняшнего дня, так и будущего.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену Государственного Совета РФ, председателю Федерации независимых профсоюзов России Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Об истории становления Лихачевских чтений и их организации Александр Сергеевич Запесоцкий рассказал достаточно подробно. Я хочу лишь добавить, что ФНПР является учредителем СПбГУП и мы всегда внимательно относимся ко всем инициативам Университета.

Лихачевские чтения за 20 лет внесли огромный вклад в развитие мировой гуманитарной и культурологической мысли. Мы считаем, что, регулярно проводя их, Университет успешно работает на благо России. Профсоюзы, включающие представителей всех отраслей и профессий, понимают, что развитие культуры способствует росту экономики, повышению производительности труда, чем бы человек ни занимался. В то же время культурное процветание невозможно, если в стране отсталая экономика. Только с учетом этой взаимозависимости мы сможем построить общество свободных людей, достойно живущих и работающих, с объективным взглядом на жизнь, не замутненным воздействием технологий манипулирования сознанием и волей.

Мы считаем, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — лучший гуманитарный вуз в мире. Во-первых, он уникален в том смысле, что даже в международных профсоюзных организациях нет и намека на подобное научно-образовательное учреждение. Во-вторых, среди гуманитарных университетов, работающих в России и за ее пределами, он выделяется и качеством образования, и оптимальными условиями для обучения и воспитания молодежи, и уникальными исследованиями. ФНПР как учредитель гордится своим детищем и будет дальше способствовать развитию Университета.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется заместителю Президента РАН, Почетному доктору СПбГУП Талии Ярулловне Хабриевой.

Т. Я. ХАБРИЕВА: — Уважаемые коллеги, я хотела бы вернуться к теме пленарного заседания «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка».

Я, как ученый, в первую очередь исхожу из того, что нужно прогнозировать будущее, дав оценку настоящему. Такие оценки уже даны в докладах, представленных на XX Международные Лихачевские научные чтения. Прежде всего я изучила то, что предлагают правоведы, и хочу вам сказать: Дмитрий Сергеевич Лихачев был абсолютно прав, когда призывал помнить о том, что достижения цивилизации должны служить на благо человека. И право здесь не исключение.

Однако возникает вопрос: как ощущает себя человек, когда наступает глобализация (иногда очень агрессивно) и еще не отступила пандемия, ведутся экономические войны и нарастает международная напряженность? Насколько комфортно он себя чувствует? Сегодня человек пребывает в многомерном юридическом измерении (международное, региональное, национальное, локальное и пр.), но стало ли от этого лучше?

Как ученый-юрист, я считаю: в первую очередь нужно понять, что происходит с международным правом, а затем предлагать решение.

Оценивая общее состояние, могу сказать, что сегодня международное право находится в кризисе (и в этом со мной согласятся мои коллеги, например академик РАН А. Г. Лисицын-Светланов). Фрагментация, которая поразила международное право, привела к утрате универсальности. В связи с этим произошло превращение общего международного права в нормативную систему параметров однополярного мира. Это неработающая система, недолговечная, и нужно искать способы выхода из сложившейся ситуации. Считаю, что всеми средствами, научными и практическими, нужно возрождать категорический императив, согласительную природу международного права, которое зарождалось и состоялось именно как право согласия суверенных государств.

Возможна и другая траектория — регионализм, который по логике развития цивилизации начинает активно распространяться, когда глобализация идет не по восходящей. Сейчас сложилась именно такая ситуация. И то, что международное и региональное интеграционное право, эти большие правовые массивы, разрастаются, свидетельствует о том, что мы должны обратить внимание именно на регионализм. Успешный пример — Евразийский экономический союз.

Чем хороши эти правовые массивы и почему для нас сейчас это важно? Потому что эти нормативные системы не отрицают ядро международного права и выступают за сохранение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права, — все это было провозглашено в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Полагаю, что позитивное развитие интеграционных объединений позволит нам обрести контуры безопасного мира, образец которого дает этот союз. Можно предположить, что другие объединения, такие как ШОС и БРИКС, также будут развиваться. Это одно из направлений создания многополярного мира, к которому мы будем стремиться.

Но есть и иное направление. Исследования Института законодательства и сравнительного правоведения показывают, что государства, все больше стремясь к политическому суверенитету, желают достичь и ценностного суверенитета, потому что ценностная составляющая

в конституциях играет все бóльшую роль. Сегодня мировоззренческая тематика находится в фокусе внимания народов и государств.

Конституционная реформа, состоявшаяся в России, подготовила нас к новой ситуации. Наше преимущество не только в том, что мы вернулись к истокам, но и в том, что это позволит заново сформировать правовую и законодательную систему и подготовиться к созданию контуров нового мироустройства, в котором будут уважаться суверенные права государств и культуры всех народов. То есть эволюция развернется не в одном направлении, которое, по сути, ранее нам навязывалось, а в сторону признания равенства всех культур, в том числе правовых. Поэтому в Конституцию РФ была включена ст. 79 в новой редакции: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Эта статья означает новое соотношение универсального и национального, что было подготовлено деятельностью Конституционного Суда РФ. В этой части мы сумеем предоставить нашим гражданам лучшие условия защиты, чем те, которые не оправдали себя. Теперь мы вправе тиражировать собственные правовые образцы.

Желаю всем успехов и уверенности в будущем в стабильном многополярном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Наши Чтения проходят под эгидой не только Конгресса петербургской интеллигенции, но и Российской академии наук, а также при поддержке Министерства иностранных дел РФ, которое здесь представляет директор Департамента информации и печати МИД России Мария Владимировна Захарова.

М. В. ЗАХАРОВА: — Сегодня часто приходится слышать, что сложившаяся за последние десятилетия международная система (архитектура международных отношений, привычный формат общения и т. д.) уходит в прошлое. Но, по-моему, это не совсем так. Система международных отношений подвижна, меняется каждый день, отвечает на вызовы и таким образом формирует новую реальность. Этот процесс — как течение реки, которое меняется каждую секунду.

Что происходит сегодня? На мой взгляд, в международной повестке появляются новые факторы и аргументы, которые предъявляются России. Эти факторы настолько серьезны, что не могут остаться без внимания.

Можно как угодно оценивать место России в мире — как регионального игрока или глобальной державы, но в любом случае то, что предъявлено нам в качестве аргумента в международных отношениях, формирует повестку не в региональном, а в глобальном масштабе, поскольку оказались затронуты глубинные процессы во всех сферах и во всех точках земного шара. Было бы заблуждением считать, что все происходящее сейчас стало ответом на какие-то конкретные факты последнего времени и недостаточную, на наш взгляд, степень уважения к нашей стране. На самом деле все это имеет отношение не только к России как к региональному игроку. Это глубоко продуманная, более того — выстраданная реакция на те процессы, которые в конце XX — начале XXI века происходили в мире и уже понемногу начали менять реальность, ведя ее к апокалипсису. Два десятилетия Россия предлагала миру и в первую очередь тем, кто называл себя доминирующей силой, диалог на равноправных началах и в уважительной форме. Под термином «диалог» я подразумеваю не общение двух субъектов, а выработку новых принципов коллективного построения мироустройства. Что же мы увидели в ответ на наши предложения? Непоколебимую, почти маниакальную убежденность Запада в своей непогрешимости и уникальности. И что самое удивительное, он даже не счел нужным как-то смягчить это или облечь в более или менее дипломатичную форму. Наоборот, западная точка зрения не только жестко заявлялась, но и навязывалась в качестве концепции восприятия действительности всем остальным миром.

Безусловно, происходящие сегодня события станут предметом тщательного научного анализа. Но мне хотелось бы сказать о том, как к ним следует относиться нам, современникам. Многие рассматривают этот кризис как нечто драматическое и впадают в уныние. Но те, кто знает историю, понимают, что настал момент глубинных изменений. Должно произойти обновление, второстепенное и наносное уйдет на задний план, а вместо этого высветится новый магистральный путь дальнейшего мирового развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется депутату Госдумы РФ Константину Федоровичу Затулину.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Когда я увидел в средствах массовой информации сообщение «XX Лихачевские чтения: Захарова раскроет сущность Запада, а Затулин решит украинский вопрос», мне на ум пришло известное изречение Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу, полнота его одностороння». Я никогда не стремился к тому, чтобы меня воспринимали как специалиста по Украине. Тем не менее меня все время, а теперь еще чаще, чем обычно, приглашают на ток-шоу и другие программы и мероприятия, посвященные именно ситуации на Украине.

Так что же там происходит? Все эти определения — «гибридная война», «прокси-война» и тому подобные — не вполне подходят для описания ситуации, но и сводить все к понятию «специальная военная операция» тоже было бы неправильно. По мере того как становится все более очевидно, что мы ведем борьбу не только и не столько с режимом Зеленского на Украине, сколько с коллективным Западом, эта военная операция на наших глазах превращается не просто в войну, а в войну отечественную, потому что от ее итога зависит будущее нашей страны. Что будет и с Россией, и с Украиной, и со всем миром? Именно об этом думает, по-моему, большинство населения нашей страны. Именно ради будущего России наш народ, понимая по существу, что происходит, готов согласиться с трудностями и лишениями (желательно, конечно, чтобы они не были катастрофическими), а наши военные, участвующие в этой операции, действуют так, как привыкли действовать их отцы и деды на фронтах прошлых войн, то есть со всей ответственностью, теряя здоровье и саму жизнь, но при этом добиваясь поставленных целей.

Думаю, что сейчас нет смысла подробно анализировать, могло ли сложиться по-другому. Конечно, было бы желательно, чтобы на Украине нашлись силы, которые еще до 24 февраля смогли бы добиться того, чтобы этот вооруженный конфликт не состоялся. На протяжении многих лет, начиная даже не с 2014, а с 1991 года, и внутри Украины, и извне предпринимались усилия с целью перенаправить ее с антироссийского, а теперь уже по сути антирусского пути, потому что антироссийское государство с математической точностью превращается в антирусское, что и происходит сегодня с официальной Украиной. В то же время наши геополитические конкуренты всеми силами старались реализовать свои цели, противоположные нашим. Они видели в Украине удобное средство для того, чтобы не допустить возрождения России, создать нам проблемы на много лет. Но приходится признать, что все попытки решить эти проблемы гуманными методами, не доводя дело до военного столкновения, оказались тщетными.

Конечно, мы с помощью пропаганды и других мирных действий добились определенного эффекта. Люди, оказавшиеся в зоне действия наших вооруженных сил на Украине, и не только на территории Донецкой и Луганской областей, но и в Херсонской, Запорожской, Харьковской, достаточно быстро возвращаются к пониманию того, что же на самом деле произошло, потому что знают, как в свое время осуществлялась принудительная украинизация. Напомню, что наиболее активно это происходило при советской власти, в 1920-х — начале 1930-х годов. В подобных случаях рано или поздно начинаются обратные процессы.

Среди моих коллег-историков, в том числе тех, кого я знаю десятки лет, много высококлассных специалистов, которые, как, например, мой однокурсник Алексей Ильич Миллер, почему-то уверены, что украинизация необратима. Украинцы — это другой народ, и никак иначе. Но я считаю, что все зависит от наших усилий. Кто-то, возможно, думает, что мы сражаемся за территории, но на самом деле мы боремся за людей. Это надо понимать. Однако в своей практической деятельности мы, к сожалению, далеко не всегда это учитываем. В то время как наши военные жертвуют своими жизнями, мы здесь, находясь, по сути, в тылу — в Государственной Думе и Совете Федерации, в Администрации Президента и Правительстве, проявляем непростительную медлительность в том, чтобы идти навстречу потребностям нового времени. Об этом свидетельствуют и организация нашей экономики, и меры в отношении беженцев и вынужденных переселенцев, и многое другое.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается депутат Госдумы РФ, актриса Елена Григорьевна Драпеко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Что волнует сегодня депутатов Государственной Думы, вынужденных принимать как популярные, так и непопулярные решения?

Мы продолжаем реализацию национальных проектов, в том числе в области культуры. Делаем сельские дома культуры современнее и удобнее, создаем модельные библиотеки — и это настоящие дворцы знаний! Модернизируем театры юных зрителей и детские кукольные театры. Большую поддержку получает российская кинематография, снимаются отечественные фильмы, правда, с переменным успехом. Продолжается реализация программы охраны памятников истории и культуры, очень многие реставрируются. Думаю, в Петербурге это все очень заметно, но и в других городах тоже вполне ощутимо.

Михаил Борисович Пиотровский рассказал о том, как мы отбиваемся на внешних контурах, пытаясь через барьер, которым от нас отгораживаются, докричаться до коллег за рубежом, особенно в Западной Европе, которая пошла по пути отмены России. Но и внутри страны также обострились некоторые противоречия. Мы пытаемся найти решения, чтобы не допустить раскола в обществе, а, напротив, консолидировать его.

Несмотря на успехи в выполнении национального проекта, система управления культурой в России остается проблемной зоной. Государство, требуя лояльности от деятелей культуры, должно сделать первый шаг им навстречу. Но чем оно, государство, помогает деятелям культуры? Творческие союзы фактически лишены какой бы то ни было поддержки, кроме грантовой. А чиновники, заседающие в администрациях, экспертных советах Министерства культуры и прочих ведомствах, не являются представителями учреждений или деятелей культуры, а представляют лично себя. Я считаю, что это главная проблема, которую нам надо решить, потому что именно профессиональные объединения выражают общую позицию. Но их голоса не слышны.

Другая важная и вечная тема: а судьи кто? Возьмем кино. С одной стороны, продюсеры, подсчитывающие выручку от проката, с другой — режиссеры, получающие призы на международных фестивалях по принципу «кто дальше плюнет в сторону России, тот лучший». Я считаю, что это очень важная проблема. В культуре нет других способов оценки, кроме экспертных. Невозможно взвесить или измерить качество того или иного фильма — можно только оценить.

Что касается такого болезненного вопроса, как охрана памятников, то в этой области у нас принято много законов и подзаконных актов. Я внесла на рассмотрение еще один законопроект. Он будет регулировать использование и сохранение памятников архитектуры, которые сегодня являются жилыми домами, и обеспечивать соблюдение интересов проживающих в них граждан. Надеюсь, что мы еще вернемся к обсуждению этих проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику РАН Сергею Юрьевичу Глазьеву.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я очень рад возможности в очередной раз принять участие в Чтениях и передать вам поздравления от Евразийской экономической комиссии.

Как известно, мы создаем Евразийский экономический союз, в котором нам очень недостает гуманитарного измерения. Буквально две недели назад состоялся Евразийский экономический форум, на котором именно вопросы культуры, гуманитарного сотрудничества оказались в центре внимания, потому что в ситуации драматических испытаний, выпавших на долю нашей страны и ее союзников, очень важно ощущать духовную общность, общие исторические корни и культурную основу. Именно это позволяет нам совместно строить будущее. Хочу предложить Вам, Александр Сергеевич, и Вашим коллегам присоединиться к нашей инициативе по созданию Евразийского сетевого университета. Нам кажется, что ваше участие сделает этот проект более результативным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — С огромным удовольствием, сочту за честь.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Переходя к тематике наших сегодняшних обсуждений, должен сказать, что все ныне происходящее было предсказано нашей академической наукой. Более пятнадцати лет назад мы разработали теорию долгосрочного экономического развития как смены технологических и мирохозяйственных укладов. И вот сегодня, в полном соответствии с научным прогнозом, мы переживаем драматический момент: технологическую революцию, которая радикально меняет мировую технологическую структуру, и управленческую революцию, которая полностью меняет расклад сил в мире.

Это уже пятый переход в истории человечества за последние 500 лет, и всегда такие переходы, к сожалению, сопровождались мировыми войнами. Нынешние события мы тоже предвидели, и я могу уверенно сказать, чем они закончатся: поражением агрессора. Десять лет назад я опубликовал доклад «Последняя мировая война: США начинают и проигрывают». Каждый раз, когда меняются мирохозяйственные уклады, страны, которые доминируют до этого момента, пытаются сохранить свою гегемонию любой ценой и развязывают мировые войны против конкурентов, чтобы сохранить свое лидерство. В прошлом веке Великобритания, стремясь удержать свою гегемонию, сначала развязала Первую мировую войну, потом спровоцировала Вторую, в которой погибли более 100 млн человек. Чудовищные жертвы. Но в результате Британская империя развалилась, потому что к тому времени уже была менее эффективной, чем ее конкуренты — США и Советский Союз, которые и построили новый мирохозяйственный уклад. Сейчас он разрушается, как и предыдущие. Этот цикл длится примерно 30 лет, и, согласно нашим прогнозам, еще два-три года нам предстоит переживать военные обострения, в ходе которых американская властвующая элита будет безуспешно стараться сокрушить своих конкурентов.

Как всегда, в итоге появится новый лидер, и мы его уже видим. В странах Юго-Восточной Азии сформирован новый мирохозяйственный уклад. По объемам производства Китай и Индия сегодня уже обгоняют США и Европейский союз. Разрушительные действия, которые предпринимают США, начиная от санкций и заканчивая выращиванием нацистских режимов, направленных против нас, объективно влекут за собой укрепление нового центра мировой экономики. Нет сомнений, что через пять лет доминирование в мировой экономической системе окончательно сместится в Юго-Восточную Азию. Евразийский экономический союз вполне ориентируется в происходящих событиях: мы быстро изменяем структуру наших экономических отношений, укрепляя связи со стратегическими партнерами в Юго-Восточной Азии. Мы намерены предложить нашим партнерам создать антивоенную коалицию, одной из целей которой будет освобождение от зависимости от западных валют — доллара, евро, фунта. Вместо этого предполагаются выпуск новой мировой валюты, свое биржевое пространство и система ценообразования. Уверен, что все это будет реализовано, но потребуется некоторое время. Ближайшие два-три года будут решающими в этом плане.

К сожалению, как и в предыдущие драматические эпохи, главный удар агрессора направлен против России. Во многом это результат той русофобии, которая заложена в так называемой геополитике (псевдонаука, созданная в свое время британскими и германскими мыслителями). Русофобия предполагает сокрушение России, потому что в мифологических построениях западных политиков ключ к контролю над миром лежит в контроле над Евразией, а в Евразии Россия — главный актор. Поэтому, подпитываемые утопическими доктринерскими идеями, они сегодня обрушивают всю свою мощь против нас.

По нашим прогнозам, пик противостояния придется на 2024 год. Мы должны выстоять в этой схватке. Как верно отметил Константин Федорович, эта мировая гибридная война отличается от предыдущих прежде всего тем, что она ведется не за территорию, а за умы, влияние, контроль над мировой финансовой системой, а собственно боевые действия используются главным образом в карательных целях. Несомненно, победа будет за нами, но хотелось бы, чтобы она обошлась меньшей кровью. Современное понимание природы и движущих сил этой войны позволяет утверждать, что ключ к победе лежит через создание широкой международной антивоенной коалиции, восстановление международного права, формирование нового мирохозяйственного уклада. И мы, Евразийская экономическая комиссия, с нетерпением ждем ваших рекомендаций, потому что эта война не только боевая, а прежде всего гуманитарная. Так что я хочу пожелать всем коллегам успехов и надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется заместителю председателя Совета Федерации Константину Иосифовичу Косачеву.

К. И. КОСАЧЕВ: — Начну с любимой мною мысли известного германского писателя и философа Лиона Фейхтвангера: люди наблюдают за ходом событий так, как дети наблюдают за часами: все их внимание приковано к движению секундной стрелки, а на минутную и тем более на часовую они не смотрят. Так происходит и сегодня, когда мы обсуждаем события в России и вокруг нее. Разумеется, очень хочется говорить о конкретных сюжетах и о ходе специальной военной операции, о наших взаимоотношениях с соседями по Европе и Азии, но я всегда стараюсь смотреть на ситуацию более отстраненно и в контексте существенных процессов, которые продолжают развиваться в истории человечества.

Если отсчитывать историю человечества с момента появления homo sapiens примерно 200 тыс. лет назад, то период от Древнего Рима до наших дней — последние полчаса на циферблате часов. А вся история нашей страны, начиная, скажем, с Рюрика, — девять минут. Поэтому происходящее в последние сто дней — намного меньше секунды. Если исключить историю древних народов, то, думаю, вы согласитесь с тем, что последние четыре-шесть веков можно описать как историю непрекращающихся попыток Запада освоить весь остальной земной шар. Это происходило в самых разных формах и разными методами, иногда откровенно чудовищными. Мы помним о самом масштабном геноциде в истории человечества — уничтожении индейцев на североамериканском континенте, когда погибло около 15 млн человек. Напомню, что жертвами Холокоста стали примерно 6 млн.

Как бы то ни было, на начальном этапе Запад действительно сумел обеспечить себе преимущество перед остальным миром, первым осваивая новые технологии.

Мореплавание, огнестрельное оружие, конвейерная организация производства — все это позволило совершить одну из первых промышленных революций. Передовые позиции Запада в мире долгое время объяснялись его способностью многое делать лучше, чем другие народы.

Но в начале XX века ситуация вдруг начала меняться. Для этого было как минимум две причины. Во-первых, человечество достигло относительно высокой степени нравственного развития. Мораль становится такой, что считается не очень прилично силой подчинять себе другие народы и заставлять их работать на себя, как было в эпоху колониализма. Во-вторых, другие народы понемногу набирают силу и становятся готовы к конкуренции с Западом, больше не принимая его лидерство как нечто само собой разумеющееся. На мой взгляд, это стало основной тенденцией XX века: появление многих центров силы и начало реальной, изначально здоровой конкуренции.

Что происходит в этот момент с Западом, который избалован своим многовековым лидерством и искренне уверовал в собственную исключительность и богоизбранность? А ведь в странах Запада по-настоящему верят в то, что они несут процветание и счастье. Те же, кто в этом сомневается, рассматриваются как зло, противостоящее добру. Однако Запад уже не в состоянии по-прежнему «естественно» сохранять свои лидерские позиции, поэтому начинает делать все возможное для «сдерживания» конкурентов. То есть отныне все более явной стратегией становится удержание других стран на более отсталых позициях, создание проблем для их развития.

Весь мир отчетливо видел эти тенденции на протяжении последних 30 лет, в период после окончания холодной войны. В данном контексте важно, что мы еще не до конца осознали: столь любимая нами глобализация, по сути, оказалась всего лишь одним из инструментов подчинения себе других теми, кто эту глобализацию придумал и на каком-то этапе начал ею управлять.

Что произошло сейчас? Сначала Россия, а потом все в возрастающей степени и Китай, не обращая внимания на «сдерживание», рванули вперед. К настоящему времени в этом ралли участвует уже много стран. Но в феврале нынешнего года наступил решающий этап. Притворяться больше не надо: Запад перешел к политике уничтожения, в данном случае России. То же самое совершенно точно произойдет с любой другой страной, которая не пожелает вписаться в концепцию однополярного мира. Нет никакого сомнения, что это война на уничтожение.

Выход из сложившейся ситуации не будет скорым. Думаю, всем очевидно, что происходящее с Украиной и Россией — это лишь малая часть того, что происходит с человечеством. Мы подошли к развилке, после которой, как в старой комедии «Кавказская пленница», идем либо в ЗАГС, либо к прокурору. Я уверен, что у нас есть все возможности добиться сначала нормализации, а потом и гармонизации международных отношений, но не на тех принципах, которые навязывает Запад, а на тех, которые наша страна еще 30 лет назад предлагала миру, отстаивала их в Парижской хартии для новой Европы и других документах вплоть до декабря прошлого года, когда мы выдвинули известные инициативы по организации коллективной безопасности. Нас не услышали ни вначале, ни потом. Сегодня мы переживаем тяжелые потрясения, но нас рано или поздно услышат, потому что других альтернатив развития человечества просто нет. Мы на правильной стороне истории.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну профессора Андрея Станиславовича Максимова.

А. С. МАКСИМОВ: — Уважаемые коллеги! Здесь уже упоминалось о том, что сегодня вся Россия празднует 350-летний юбилей Петра Великого. Мы с вами находимся в городе, основанном Петром, — в колыбели науки и образования Российской империи.

Хотелось бы обратить внимание еще на два момента. Во-первых, поздравляю всех нас с тем, что после двухлетней пандемии мы имеем счастье общаться по-настоящему, видеть глаза и улыбки друг друга. Особенно прекрасно, что сейчас это происходит на XX Международных Лихачевских чтениях.

Во-вторых, как подчеркнул Александр Сергеевич, в этом году для нас очень значима именно международная составляющая Чтений. От имени Администрации Санкт-Петербурга хочу высказать слова благодарности и восхищения коллегам из-за рубежа, особенно из тех стран, которые проводят недружественную политику по отношению к Российской Федерации. Сегодня они совершают подвиг. И напомню замечательную мысль классика русской литературы Антона Павловича Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука». Желаю вам дальнейших успехов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому ученому-экономисту, Почетному доктору СПбГУП Александру Дмитриевичу Некипелову.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Я хотел бы кратко сказать об экономических проблемах, с которыми мы столкнулись. Эти проблемы обозначаются на фоне серьезных изменений в мирохозяйственном устройстве, особенно очевидных после мирового финансового и экономического кризиса 2007–2009 годов. До этого в ходе глобализации создавалось все более однородное рыночное пространство, основными агентами которого были фирмы и отдельные люди, а государство уходило на второй план. Речь шла о перспективе, пусть и отдаленной, формирования мирового правительства. После кризиса начался откат глобализации, причем в силу ряда причин в странах, которые были сторонниками снижения роли государства, эта роль как раз проявлялась ярко. Так происходило потому, что ранее государственные институты в этих странах оставались за кадром и тенденции мирового развития играли им на руку.

Для России ситуация осложняется масштабными санкциями. Мы столкнулись с целым рядом серьезных экономических шоков: нас вытолкнули из международных технологических цепочек, что повлекло за собой резкие перекосы как спроса, так и предложения. Проблемы такого рода проявились уже в ходе пандемии, но сейчас они приобрели обвальный и в то же время долгосрочный характер. Очевидно, что предстоит длительный и непростой период трансформации российской экономики — изменения характера международного сотрудничества и преобразования всей производственной структуры.

Важно, что особенность нашей экономики, которая всегда рассматривалась как ее слабость, может стать залогом ее устойчивости. Я говорю о топливно-сырьевой ориентации экономики России. В сложившейся ситуации наличие практически всего спектра природных ресурсов

и достаточно высокий уровень развития сельского хозяйства имеют большое значение. Складывается впечатление, что страны, которые ввели против России санкции, не обратили на это обстоятельство должного внимания.

Конечно, возникают проблемы, связанные с изменением размещения экономических ресурсов. Часть их можно решить естественным рыночным путем — в этом смысле, скажем, действия, направленные на стимулирование малого производства, абсолютно оправданы. Некоторые изменения могут произойти под влиянием относительно небольших корректировок функционирования экономической системы, и в данном случае рыночный механизм тоже, вероятнее всего, сработает эффективно. Однако для восстановления наших позиций по многим технологическим направлениям потребуются серьезные стратегические решения. Важную роль в перераспределении ресурсов должно будет сыграть государство.

Отдельный круг вопросов, которых я сейчас касаться не буду, связан с изменениями, произошедшими в валютно-финансовой сфере. Хотелось бы только в этой связи обратить внимание на следующее обстоятельство. Мы должны очень внимательно следить за текущим счетом платежного баланса страны. В первом квартале 2022 года положительное сальдо текущего счета платежного баланса составило 58,2 млрд долларов, что в два с половиной раза больше, чем в первом квартале прошлого года. Сейчас ситуация с расчетами в валютах недружественных государств нестабильна, и средства, которые находятся на счетах не только Центрального банка, но и частных структур, могут оказаться в опасности. Нам необходимо учитывать это обстоятельство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сегодня в работе Чтений впервые участвует выдающийся российский дипломат Сергей Иванович Кисляк. Он почти 10 лет был послом России в Соединенных Штатах Америки, где стал свидетелем важных событий, в частности победы Дональда Трампа на президентских выборах.

С. И. КИСЛЯК: — Уже первые часы работы Чтений показывают высочайший интеллектуальный уровень дискуссии: сказываются 20 лет опыта. У Лихачевских чтений уже сформировались глубокие традиции, и конечно, мероприятие будет развиваться и дальше, продолжая помогать нам лучше осознавать события, происходящие в стране и мире. Меня очень радует, что в зале я вижу так много молодых лиц. Молодежи непросто разобраться в текущей ситуации, понять перспективы ее развития, и то, что ей помогает в этом наука, — бесценно.

Возвращаясь к теме нашего заседания, хочу сказать, что мне придется некоторое время побыть диссидентом: я не вполне согласен с нашим основным тезисом о том, что происходит глобальный конфликт. Конфликтов на планете немало, каждый из них в большей или меньшей степени влияет на развитие мирового порядка. Объективная реальность такова: мир меняется. В последние десятилетия появились новые центры экономической силы, что означает появление и новых центров политической и в перспективе военной силы. Казалось бы, важные мировые игроки — Россия, Европа, США — с этим согласны. Однако на деле Россия принимает объективную реальность такой, как она есть, а США нет.

Американцы считают себя исключительными людьми, которые должны вести за собой остальных и, более того, обладают правом доминирования, позволяющим продвигать собственные интересы — и экономические, и военно-политические. Отсюда и американский тезис о том, что мир теперь покоится не только на международном праве, но и на международных правилах. Эти правила последние десятилетия формировали сами США и их союзники, стремясь к мировому господству.

Тем не менее американцы не могут не видеть, что позиции Китая усиливаются. Это самый большой вызов США в настоящее время, в том числе в военном отношении.

Россия тоже бросает вызов безопасности США, хотя этот вызов они и считают краткосрочным. За последние десятилетия создана концепция сдерживания России, причем это определение эволюционирует: от «удерживания» и «придерживания» до «задерживания». Все эти слова переводятся на английский язык почти одинаково, но имеют разное оперативное значение. Применительно к России сдерживание в течение примерно последнего десятилетия подразумевает три компонента.

Первый компонент — военно-политический. Он реализуется за счет развертывания сил у наших границ и поощрения антироссийских настроений в окружающих нас странах. Украина в этом смысле — самый яркий, но не единственный пример. Второй компонент — экономическое сдерживание. Санкционная политика в отношении России — это не просто реакция на ее решимость защищать свои интересы, это составляющая доведенной сейчас до абсолюта политики сдерживания развития России для того, чтобы она не становилась серьезным конкурентом США. Третий компонент, о котором мы часто забываем, — психологическое воздействие на наших граждан, направленное на раскачивание страны изнутри. За всю историю нашего противостояния с США, даже во время холодной войны, усилия по взламыванию нашего менталитета изнутри не достигали такой интенсивности, таких масштабов финансирования и координации с союзническими государствами. Последствия этого воздействия мы будем ощущать не один год, и это нужно учитывать, выстраивая модели экономического развития и формируя подходы к соотношению международного и внутреннего права.

Если посмотреть, какие мнения высказывают наши западные коллеги по поводу отношений с Россией, то можно заметить, что в основном их интересует, что будет, когда военный конфликт на Украине закончится. Я уверен, что закончится он на наших условиях, но, действительно, чего ждать потом? У западных ученых-политологов, как мне кажется, есть общее мнение, что эпоха дивидендов мира закончена и не возобновится никогда или, по крайней мере, в обозримом будущем. Эта экономическая, политическая или скорее даже пропагандистская категория характеризует возможность государства направлять на внутреннее экономическое развитие средства, которые во время конфликтов шли на военные цели. Следовательно, отныне Запад будет строить экономику с опорой на военно-политическое давление. Выдержим ли мы его? На мой взгляд, да, но этот момент обязательно нужно учитывать.

В оценках того, каким будет мир после окончания спецоперации, западные ученые расходятся. Диапазон мнений очень широк: от напряженной холодной войны до просвещенного общества, в котором каждый понимает, что необходимо учитывать интересы других, вырабатывать консенсусные решения и стремиться к мирному сосуществованию.

Я верю, что эта оптимистическая теория реалистична, но ее воплощение потребует огромных усилий и большого количества времени.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу подняться на трибуну нашего гостя из Белоруссии, социолога Игоря Ивановича Бузовского.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Весь мир знает, что произошло в Республике Беларусь летом 2020 года в связи с президентскими выборами. Уверен, что подобные беспорядки могут повториться в любой постсоветской стране. Эти события наглядно продемонстрировали, что в обществе утрачены идеалы, смыслы и ценности, которые позволяли различать, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Больше нет стратегии развития, видения того, куда мы движемся. Согласно социологическим опросам, проведенным перед выборами, большинство населения отдает предпочтение рыночной стратегии развития, но при этом указывает на необходимость сохранить социальные гарантии. Такой дисбаланс в приоритетах приводит к дальнейшим ценностным трансформациям, которые являются одной из проблем современного этапа развития Республики Беларусь.

Международные исследования выявили, что жители Беларуси считают приоритетными такие ценности, как здоровье и семья. Казалось бы, что в этом плохого? Но выдвижение на первый план названных ценностей заслоняет подходы к стратегии развития общества. Почему мы не ведем речь о патриотизме, коллективизме, которые были приоритетными раньше?

Люди заявляют о том, что придерживаются определенных ценностей — христианских, семейных и др. А есть ли такие ценности, которые могут стать ориентиром для каждого из нас, объединить не только граждан одной страны, но, возможно, и все мировое сообщество? Либо из-за недопонимания его важности, либо из-за стремления проявлять терпимость к разным взглядам мы до сих пор не имеем четкого списка ценностей, которые бы объединяли общество.

Между тем такой перечень создан в Китае. На одном из съездов Коммунистической партии Китая были четко определены ценности, которые в дальнейшем прописывались не только в политических документах, но и при государственном заказе на книги, фильмы и т. д. Полагаю, нам также необходимо как можно скорее приступить к этой работе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово известному журналисту, радио- и телеведущему Михаилу Соломоновичу Гусману.

М. С. ГУСМАН: — Начну с того, что меня очень радуют две вещи. Первая — слово «пандемия» за прошедшие два часа прозвучало всего несколько раз. Вторая — работа Лихачевских чтений возобновилась, и мы наконец снова встретились.

Сотрудники ТАСС каждое утро собираются на планерку, и это продолжается уже больше 100 лет — с самого начала работы агентства. В ноябре 2019 года на таких планерках стали все чаще говорить о тревожных новостях, поступающих из нашего представительства в Пекине.

Однако мы и представить не могли, что в самом скором времени ожидает мир, в том числе не представляли и масштабы информационного хаоса, в котором он окажется. Человечество прильнуло к экранам телевизоров и компьютеров. Для нас это был огромный вызов: мы несли повышенную ответственность за достоверность и точность информации, связанных с бедой, которая постигла планету. Как мне кажется, журналисты ТАСС, старейшего и, на мой взгляд, по-прежнему ведущего агентства России, и их коллеги со всего мира с этим вызовом справились.

Выдвигалось множество версий происхождения коронавируса, делались самые разные прогнозы развития ситуации, и по мере появления новой информации мнения менялись. Значимость цифровых СМИ резко выросла, и сейчас это безоговорочные лидеры рынка. Мы уже не можем представить себе печатное СМИ без цифровой версии.

Появились и новые угрозы — гигантские объемы фейковой информации, кибератаки и т. п. Эти угрозы страшны для любых общественных институтов, но для информационных структур — особенно. В частности, кибератаки на ТАСС, одно из самых хорошо защищенных в этом плане гражданских государственных учреждений, происходили примерно раз в два месяца, затем они участились, и сейчас попытки взломать наши системы предпринимаются едва ли не каждую неделю. Мы переживаем очень сложный период. Конечно, обозначенные мною проблемы касаются не только ТАСС и не только нашей страны, но в силу того, что Россия не первый год ведет информационную войну, они для нее особенно актуальны. С началом спецоперации количество информационных атак на нашу страну увеличилось многократно.

Отвечать на вызовы, которые на нас обрушились, необходимо в высшей степени профессионально. Мои слова прозвучат банально, но я считаю, что единственным ответом в этой ситуации должно стать размещение точной, выверенной, объективной и сбалансированной информации в российских СМИ. Только правда способна стать оружием, которое поможет победить в информационной войне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я хотел бы поговорить о духовных аспектах, которые, на мой взгляд, сегодня играют в обществе определяющую роль. Сейчас мир раздроблен, он распадается. Консолидация в виде коллективного Запада или других объединений — это временное явление. Современную международную ситуацию можно сравнить с калейдоскопом: небольшое движение меняет всю картину.

Что в этих условиях может послужить факторами укрепления взаимодействия государств, компаний и других структур? На мой взгляд, таких факторов четыре. Под сводами этого замечательного зала, в котором уже в 20-й раз проходят Лихачевские чтения, клубятся идеи, которые должны консолидировать нас. Политологи, социологи, экономисты, мы все представители одного сообщества — научного. Идея консолидации, по моему мнению, должна базироваться на четырех столпах — взаимодействие интеллекта, взаимодействие души, взаимодействие культуры и взаимодействие влияния. Эти типы взаимодействия должны стратегически определять конструкцию будущего мира.

Что такое интеллект? Мы говорим, что необходимо прийти к обществу знаний. Знания важны, но они пред-

ставляют собой результат деятельности интеллекта, именно интеллект их производит, хранит и развивает.

Второй фактор — душа. Интеллект создает конструкцию мира, а душа вносит в нее эмоции, человечность, духовность. Мы находимся в Гуманитарном университете профсоюзов, и, как мне представляется, именно на гуманитарной основе должно строиться духовное взаимодействие между странами в сегодняшнем дробящемся мире.

Третий фактор — культура, которая, объединяя прошлое, настоящее и будущее, обозначает траекторию общественного развития.

Итак, душа, интеллект, культура, влияние (или инспирирование) — вот факторы, способные препятствовать мировому разобщению. Обратите внимание, что это социальные факторы, и они, на мой взгляд, смогли бы сыграть ту роль, которая не удалась факторам другого рода, например экономическим. У каждого из этих направлений общественного взаимодействия должны быть признанные всеми лидеры. Лидеры интеллекта, лидеры духовного развития, лидеры культуры и лидеры влияния должны участвовать в управлении наравне с формальными структурами стран и корпораций.

Таким образом, четырехкомпонентная структура лидерства, дополняющая формальную структуру управления, является, на мой взгляд, единственно возможной в современных условиях основой консолидации мира.

Я уже 10-й раз выступаю на Лихачевских чтениях и могу сказать, что идеи, которые предлагались в этом зале, в основном были нацелены именно на интеграцию и совместное движение человечества вперед.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте предоставить слово нашему гостю из Швейцарии, человеку удивительного мужества, который не просто занял принципиальную позицию по российскому вопросу, а публично о ней заявил, — политологу и журналисту Ги Меттану.

Г. МЕТТАН: — Дорогие друзья, в этом году мне пришлось потратить на дорогу из Швейцарии в Россию 12 часов, хотя раньше этот путь занимал всего 3 часа. Россия теперь так же далеко от Швейцарии, как Австралия. Вот к чему привели европейский прогресс и эффективность.

Позвольте мне поговорить о словах, ведь слова, как вы знаете, очень важны. Слова могут спасать и создавать, но также они способны убивать и разрушать. Вот почему они так значимы. Вы знаете из курса истории, что при любой диктатуре словами пытались манипулировать. Например, во времена нацистской Германии Гитлер и Геббельс пытались манипулировать словарным составом немецкого языка, создавая новые слова и меняя значение старых. Еврейский филолог Виктор Клемперер смог пережить Холокост и написал две важные книги. Он проследил, как в течение 12 лет трансформировался словарный состав немецкого языка под давлением нацистов. Геббельс, министр пропаганды, говорил, что его цель — сократить словарь таким образом, чтобы он отражал только идеи Третьего рейха.

Джордж Оруэлл в своем знаменитом романе «1984» описал, как Министерство правды и Полиция мыслей смогли сформировать новый словарный состав английского языка, подразумевая под этим новый язык СССР сталинских времен...

Сейчас в странах Запада установилась своего рода новая, «мягкая» диктатура. Соответственно изобретается новый «мягкий» язык, который стремится все «подсластить», сделать прежние понятия приятными и прилизанными. Он в высшей степени технократичен, говорящие на нем используют такие слова, как «рентабельность», «прибыльность», «жесткие меры», «конкуренция». В то же время этот язык крайне эмоционален и включает такие слова и обороты, как «дискриминация» (гендерная, расовая, по признаку сексуальной ориентации и др.), «права человека», «демократия» и т. д.

В свое время Конфуций высказал важную мысль: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться… народ не знает, как себя вести». И еще: «Когда слова теряют свой смысл, люди теряют свободу». Вот почему нам сейчас требуется восстановление истинных смыслов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, мы обсудили причины глобальных конфликтов и контуры нового мирового порядка, высказали свои суждения по многим важнейшим вопросам. Наша дискуссия подошла к завершению. Благодарю всех участников за интересные выступления!

Панельная дискуссия
«ВЕЛИКАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА» СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

9 июня 2022 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН, член Президиума, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. К. ИСАЕВ	заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ, депутат Госдумы РФ, кандидат политических наук, профессор СПбГУП
С. И. КИСЛЯК	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США (2008–2017)
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Д. А. ЛИХАНОВ	писатель, председатель Российского детского фонда, Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов
В. Л. МАКАРОВ	научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
В. Г. ПЕТУХОВ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

М. В. ШМАКОВ член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я пригласил коллег подискутировать на тему перехода от однополярности к реальной многополярности и обсудить проблемы новой геополитики.

Для меня эта тема распадается на два вопроса, и я хотел бы уточнить мнения коллег по каждому из них. Во-первых, я прошу выступающих кратко охарактеризовать ситуацию, в которой находится современная Россия. Во-вторых — высказать свою точку зрения о ближайших перспективах положения дел в мировом сообществе.

Пожалуй, в качестве названия сегодняшней дискуссии я бы взял заглавие книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска» — не как шутку или пародию, а как напоминание. В этом сочинении Бжезинский обосновал простую идею: Россия с Украиной — великая империя, Россия без Украины — региональная держава. Книга была написана довольно давно, однако она помогает понять принципы, укоренившиеся в американской политике, и то, как сегодня, спустя много лет после выхода издания, воплощаются на практике идеи, изложенные в ней.

Чтобы дать импульс к началу дискуссии, я хочу изложить, пожалуй, коллективную точку зрения, которая была выработана на Лихачевских чтениях, — мировое сообщество движется к эре окончания однополярности. В. В. Путин говорил об этом в Мюнхенской речи; к таким же выводам пришли участники Чтений. Величайший философ современности, наш Почетный доктор, академик В. С. Степин заметил, что современная модель западной цивилизации входит в глубочайший кризис и на самом деле в мире не было глобализации, ею называли вестернизацию — навязывание западного образа жизни.

Мы коллективно разбирались в причинах этого кризиса. В первую очередь нужно назвать кризис в самой развитой капиталистической стране — Соединенных Штатах Америки. Если определенный социально-экономический уклад приходит в упадок, то прежде всего это случается в государстве-лидере и только потом процесс охватывает остальные страны. На примере США хорошо видно, как перестал работать целый ряд драйверов капитализма.

Первый из них — конкуренция. В том виде, в котором она существовала во времена Карла Маркса, конкуренции давно нет — ее заместил государственно-монополистический капитализм. Могущественные монополии, транснациональные корпорации подавляют конкуренцию и лишают капитализм в его современном виде этого драйвера.

Второй драйвер — свобода слова. Вся пресса сегодня скупается крупным капиталом. В сборнике Лихачевских чтений был опубликован доклад канадского профессора Петра Дуткевича «Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях», в котором говорилось, что демократия — мощный драйвер развития капитализма. Но когда он приватизируется, то перестает работать, сменяясь состязанием «денежных мешков»: кто больше заплатит, кого продвинет продажная пресса, тот и выиграет выборы.

Наконец, главный драйвер — это национальная элита. Мы с академиком О. Т. Богомоловым провели комплекс исследований, посвященных процессам, происходившим в Китае, СССР и других подобных социально-экономических формациях. Если направление развития страны выбрано удачно, то складывается система, которая много лет работает продуктивно. Потом начинаются перебои, и в этот момент свое слово должна сказать национальная элита. Если она в состоянии выработать идеи, которые выведут систему из сложной ситуации, то начнется новый виток развития — так произошло в Китае. Если национальная элита не может предложить такую идею, то система (даже великие империи) продолжит двигаться к распаду.

Элита Советского Союза на рубеже 1980–1990-х годов не сумела выработать новую идеологию, поэтому было решено использовать идеологию Запада. Однако у нас дела пошли значительно хуже, чем даже у отстающих западных стран, особенно в экономике.

Тем не менее западная система не смогла выработать пути реформирования капитализма, что стало очевидно с приходом к власти Д. Трампа. Ряд личностных качеств не позволил ему стать хорошим президентом, но проблемы замечать он умел. Если бы Америка дала ему возможность исправить положение и чиновники вместе с национальной элитой выполнили бы свой долг, то, наверное, у США были бы большие шансы на процветание. Сейчас, после того как США, по сути, вернулись к тому состоянию, в котором находились при Б. Обаме, шансы на это существенно уменьшились. США быстрыми шагами идут к статусу региональной державы. В. Путин вовремя начал спецоперацию. Сегодня дела в России обстоят не очень хорошо, однако на Западе они совсем плохи. Происходящие сегодня события могут привести к существенному переформатированию мирового порядка.

Выступая на Лихачевских чтениях три года назад, академик Глазьев сказал, что у американцев осталось немного серьезных козырей. Первый — Бреттон-Вудская валютная система, которую Россия, Китай и другие страны сейчас разрушают. Кстати, национальный долг США составляет около 32 трлн долларов — это показатель катастрофы, происходящей с экономикой страны. Из такой ситуации выбраться очень сложно, если вообще возможно. Второй упомянутый академиком Глазьевым козырь — опережающее остальной мир развитие электронных технологий, в частности в области массовых коммуникаций. Китай для себя решил данную проблему, мы движемся к ее решению медленно, даже вяло, но, думаю, близится время перехода стран к национально ориентированным информационным системам. Таким образом, две системы, которые дают американцам преимущества, — валютная и информационная — будут разрушены. Что у них останется? Третий козырь — военные базы по всему миру, на которые США официально тратят около 700 млрд долларов в год, а неофициально — примерно 1 трлн. Скоро подобные расходы будут им не под силу. Поэтому, повторюсь, нас ждет переформатирование мирового порядка.

Академик Сергей Юрьевич Глазьев, что Вы можете сказать по этому поводу?

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Эта трансформация неизбежно приведет к разрушению ядра уходящего мирохозяйственного уклада. Признаки разрушения американской системы в финансовой, политической и других областях,

перечисленные Александром Сергеевичем, — это классические признаки распада. Замечу, что у старого мирохозяйственного уклада существовали два ядра — СССР и США. С управленческой точки зрения они были весьма похожи, но диаметрально различались с точки зрения идеологии. Вот уже 30 лет мы находимся в состоянии перехода, и однополярный мир — специфика этого перехода. Властвующая элита единственного оставшегося ядра пытается сохранить свою гегемонию путем развязывания мировой войны.

Александр Сергеевич совершенно прав в том, что распад американской системы близок. Сначала рушится идеологический контур — мы можем судить об этом по краху идей демократии в США и фальсификации последних выборов. США больше не пример для остального мира. Далее рушится правовой контур, о чем говорят системные нарушения международного права со стороны США. Затем — денежный контур. В войне против нас американцы в русофобском запале разыграли свой главный козырь — монополию на эмиссию мировой валюты. Доллар потерял этот статус, никто больше в него не верит, и едва ли найдутся глупцы, которые продолжат наращивать валютные резервы в долларах. Что касается производственного контура, то в этой области Америка уже проиграла Китаю. Остается последнее, на чем держатся остатки общественной самоорганизации, — семейный контур. Однако из-за ЛГБТ-пропаганды разрушится и он.

Таким образом, США находятся в состоянии системного распада. Однако эта страна представляет большую опасность. Суждения Бжезинского, что Россия без Украины не будет империей, антинаучны и архаичны. Но такого рода идеи отравили западное общественное сознание — и оно приобрело отчетливое русофобское направление.

Нам в очередной раз пришлось оказаться в эпицентре мировой войны. Очевидно, в этой войне выиграет Китай, и будущее мировой экономики будет формироваться в биполярном мире — в конкуренции между коммунистическим Китаем и демократической Индией. Именно от этих двух стран, так же как от СССР и США в XX веке, будет зависеть мировое развитие в веке нынешнем. Остальные страны так или иначе примкнут к одному из этих ядер.

В основу новой системы будут положены три составляющие. Первая — социалистическая идеология (первенство общественных интересов над личными, характерное для Индии, Китая и Азии в целом). Вторая — рыночная конкуренция, обеспечивающая эффективность экономики. Третья — главенство национальных интересов. В отличие от советского социализма, в идеологии новых лидеров национальные интересы будут важнее международной солидарности трудящихся. Сплав трех составляющих и сформирует основу грядущего мирохозяйственного уклада.

Что касается нашей страны, то после распада СССР она оказалась на периферии уходящего мирового порядка. Мы поверили в однополярную систему, которая на деле была не более чем мигом в процессе смены мирохозяйственных укладов. Что я имею в виду под периферийным положением? Мы фактически стали донорами, которые до текущих событий отправляли на Запад миллиарды тонн сырья. Происходила утечка капитала и умов. Сейчас мы рискуем оказаться на периферии одновременно старого, уходящего мирохозяйственного уклада и нового, формирующегося в Азии, которой Россия тоже поставляет сырье. Чтобы выйти из этого бесперспективного положения, нужно консолидировать общество, мобилизовать резервы и создать собственную систему управления с традиционной российской идеологией и опорой на национальные интересы. Ученые Академии наук пришли к выводу, что Россия может выйти на траекторию экономического роста не менее 8 % в год при условии реализации такой системы управления, которая сегодня характерна для стран нового мирохозяйственного уклада.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется депутату Госдумы РФ Константину Федоровичу Затулину.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Я не сомневаюсь в том, что мы победим. Вопрос заключается в другом: что именно считать победой и когда и как она может быть достигнута? Кто-то, устав от собственных недоусилий, призывает объявить победой что угодно, лишь бы конфликт побыстрее завершился. Я не сторонник такого подхода. Сейчас очевидно, что ситуация вышла за рамки целей, состоящих в признании Донецкой и Луганской народных республик, потому что мы уже контролируем населенные пункты за пределами этих территорий.

Ясно, что официальная Украина, на которую влияют западные страны, сегодня не готова ни на что соглашаться. Когда президент Украины выступает на мероприятиях, аудитория встает — такова мода западного мира. Он купается в лучах славы, и, видимо, ему, в отличие от национально ориентированных государственных деятелей, все равно, сколько в данный момент гибнет украинских солдат. Он выполняет заказ — нанести вред России.

Недавно в Лондоне премьер-министру Эстонии Кае Каллас вручили премию за противостояние России и поддержку усилий Запада. Эстонский и британский премьеры вторили друг другу, призывая ни в коем случае не заключать мир с Россией и продолжать воевать до последнего украинца. Глядя на это, я думаю, что через определенное время мы столкнемся с тем, что замороженное противостояние превратится в активное.

Я не согласен с теми, кто считает, что мы способны бороться со многими противниками сразу и что западная экономика исчерпала свои ресурсы. В частности, меня удивляет, что В. А. Никонов каждый раз говорит о том, что наша экономика грандиозна, а западная — ничто. Я так не считаю. Запад попал ловушку Фукидида, когда воспользовался нашим противостоянием с Украиной для того, чтобы нанести превентивный удар по России как потенциальному союзнику Китая. Но в процессе этой операции, мне кажется, он перешел к более масштабной идее. Германия, Франция, Япония, Австралия встали в один строй и играют по правилам, которые диктует Вашингтон. Они решили, что в состоянии нанести России травмы, несовместимые с жизнью государства. Пока Запад от этой мысли не откажется, можно говорить о том, что идет отечественная война за выживание. Она для нас затратна, но вместе с тем абсолютно безальтернативна. Дело не в том, что Западу не нравится президент Путин — ему не нравимся все мы и наше государство.

На Международном петровском конгрессе, на открытии которого в Эрмитажном театре я побывал, много говорилось о том, что главное достижение Петра I и его самая большая любовь — это город Санкт-Петербург. А мне все-таки кажется, что главное детище Петра I — это не Санкт-Петербург, а Российская империя. Я сожалею, что в прошлом году мы так вяло отметили 300-летие со дня провозглашения России империей.

В завершение хочу сказать: решение сегодняшних проблем затянется надолго. Иногда высказывается мнение, что однополярный мир был нестабилен, а многополярный, который придет ему на смену, наоборот, будет

устойчивым. На самом деле многополярный мир может оказаться гораздо более нестабильным, чем однополярный. Мы вступили в этот период, и альтернатив у нас нет, потому что так, как раньше, уже не будет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу высказаться представителя МИД России Марию Владимировну Захарову.

М. В. ЗАХАРОВА: — Я хотела бы оттолкнуться от слов Константина Федоровича о премии, которую власти Великобритании вручили премьер-министру Эстонии. Тут важен нюанс: за что именно была вручена награда? Нас интересуют не официальные формулировки, а истинный смысл этого события. Почему именно премьер-министру Эстонии? Можно подумать, что Эстония — главный интерес британской политики. Конечно, это не так, не думаю, что эта страна обладает какими-то ресурсами, способными настолько заинтересовать Лондон. В чем же дело? Константин Федорович сказал, что все дело — в поддержке усилий Запада и киевского режима. Но режим поддерживают многие, тем более в странах натоцентричной системы.

На мой взгляд, причина заключается в идее, с которой выступает эстонский премьер. Обратите внимание, насколько ее действия антидипломатичны. Она призвала европейских лидеров прекратить любые контакты с Россией. Сначала показалось, что это просто неудачная формулировка. Я стала следить за высказываниями Каллас. Она продолжала настаивать на своем, причем не только давала интервью, но и сама писала материалы для европейской печати. И премию она получила именно за эту идею — заблокировать все контакты европейских грандов с Россией.

В международной информационной повестке регулярно появляется тема противостояния коллективного Запада и России. Вашингтон ведет дуэль одновременно с Москвой и Пекином. От этой стрельбы с двух рук пришел в ужас даже Генри Киссинджер, заявивший, что Вашингтон никогда не противостоял двум мощным центрам одновременно.

Однако все это лежит на поверхности, а что скрывается внутри? Уверена, что мишень Вашингтона не Москва и не Пекин. США хотят устранить своего главного конкурента — Европейский союз. За последние 20 лет он стал настоящим мировым лидером. В структуре ЕС появилась сильная валюта, которая стремительно ворвалась на мировую финансовую арену, завоевав свое место посредством реального сектора экономики, а не печатного станка, как доллар. Евро обеспечен реальными экономическими возможностями и ресурсами почти тридцати стран.

Именно это я считаю главным в происходящих сейчас событиях. Поэтому российские энергетические ресурсы и были отсечены от Европы: удар был направлен на нее, а не на Россию. Мы же последние тридцать лет только и говорили о том, что нужно сойти с энергетического монорельса. По большому счету США в этом случае работали на нашу идеологию. Образование Евросоюза происходило в период острого противостояния двух систем. Это объединение должно было способствовать неконфликтному развитию Европы. Европейский союз — артерия, питающая Европу, и если эту артерию перерубить, то последствия будут фатальными.

В связи с этим разговоры о Брексите — как подобное могло случиться и не совершают ли британцы ошибку — было смешно слушать. Никакой ошибки не было. Проводилась осознанная акция по выходу страны из объединения, к которому она изначально примкнула лишь на выгодных для себя условиях. Такие основополагающие для государства вещи, как валюта и правила пересечения границы, Великобритания по-прежнему определяла сама. Британцам было ясно, что следующий этап после их выхода из Евросоюза — ослабить ЕС, указав ему его место.

Последнее, о чем я хочу сказать, — роль России в текущих событиях. Сейчас, после несостоявшегося визита С. Лаврова в Сербию, во многом прояснилось то, каким видится коллективному Западу наше место и место любой другой страны. Запад дал понять, что хотел бы видеть любое государство таким, куда даже прилететь на самолете можно только с его разрешения. В идеальной западной модели мира все подчинено интересам правящей верхушки Вашингтона. В России это прекрасно понимают, но с таким положением дел не согласны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Константинович Исаев, Вам слово.

А. К. ИСАЕВ: — За сто дней проведения спецоперации я проехал по всем восьми федеральным округам России, побывал в Донецке и Луганске и беседовал с людьми о том, в какой ситуации мы оказались и что будет дальше. Практически всюду, кроме последних двух точек, обязательно находился человек, который задавал мне вопрос: «Когда все это закончится и начнется прежняя нормальная жизнь?» Как честный человек, я мог ответить только одно: «Никогда». Мир, к которому мы привыкли, существовавший до 24 февраля (или до начала пандемии, или до 2014 г.), больше не будет прежним. К сожалению, значительная часть наших соотечественников пока этого не понимает.

С эпизода нападения коллективного Запада на Россию началась мировая война за передел мира. К сожалению, она была неизбежна. Экономическое однополярное устройство мира (где господствуют доллар и финансовый капитал США) и политическое многополярное устройство (пять стран, имеющих право вето в Совете Безопасности ООН, представляют пять политических систем) вступили в острый конфликт. Мир должен либо подстроить политику под экономику, либо видоизменить существующую экономическую систему.

Вообще, в войне могут решаться разные задачи: заставить противника отступить, сделать его более сговорчивым и т. п. Какие задачи ставят наши враги? Изменники, которые бежали из страны, повторяют одно и то же: Россия как империалистическое государство должна быть разрушена. Гибридная война с нами ведется в том числе и на культурном уровне, что всегда подразумевает расчеловечивание противника.

Мы, как страна и цивилизация, стоим перед выбором: либо победить, либо погибнуть. Победить для нас в ситуации, когда против нас выступает самый сильный военно-политический блок (НАТО), — значит выстоять. У нашей страны есть все необходимые для этого ресурсы. Если мы выстоим под давлением, которое на нас оказывается, то американоцентричный мир неизбежно — здесь я согласен с Сергеем Юрьевичем — распадется.

Самое слабое звено в нашей стране не экономика, а идеология. Сегодня в России нет цельной идеологии. Сергей Юрьевич говорил о кризисе американской идеологии. Да, возможно, она находится в кризисе, но она цельная, понятная, ее можно представить в виде простых лозунгов и идей. А что у нас? Мы чтим традиции и опираемся на них. Прошлое, исходя из исторического опыта, дает ответ на вопрос, против чего мы выступаем. Будущее

дает ответ на вопрос, за что мы боремся. Мы выступаем за многополярный мир. Что такое для нас многополярный мир? Несколько миров, внутри которых будет по одной господствующей стране? Вряд ли такая идея получит поддержку, и маловероятно, что мы обретем много союзников. Или многополярный мир — это нечто другое? Например, замена системы, где финансовый капитал господствует над производством, на систему, где капитал выступает в роли подчиненного. Вот о чем нужно задумываться и что нужно обсуждать. Чтобы выстоять и победить, мы должны выстроить общую национальную идеологию, которую будет разделять каждый житель страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу выступить дипломата Сергея Ивановича Кисляка.

С. И. КИСЛЯК: — Сегодня идет судьбоносная схватка за наши интересы, решается дальнейшая судьба России в мире. Однако американцы пытаются сделать этот конфликт глобальным — прежде всего для того, чтобы прочертить новую разделительную черту в мире, чтобы те, кто окажется по другую сторону этой черты, на стороне так называемой продвинутой демократии, объединились против России.

Разделение мира на демократии и автократии — это новый идеологический разлом, который Запад пытается нам навязать, чтобы было проще объяснить оказываемое на Россию экономическое давление и свое враждебное отношение. Но абсолютное большинство стран не желают вводить санкции против России, несмотря на массированную обработку и даже угрозы со стороны США. При этом их поведение объясняется не особым расположением к России, а тем, что двуличие Запада отражается на жизни этих стран. Они считают, что в такой ситуации лучше не идти на поводу у сильных мира сего, а сохранять независимость и принимать решения самостоятельно.

Нынешний конфликт — архисложный, требующий максимальной мобилизации наших сил. Что делать? Сергей Юрьевич дал ответ: развивать экономику. У нас прекрасная страна с огромными запасами природных ресурсов и талантливым народом. Все, что требуется, — организовать рациональное использование этого богатства. Но при этом необходимо перестать смотреть на страны Запада снизу вверх и покупать у них все, что они готовы продать. Мы должны думать на несколько шагов вперед. Это важно, потому что Запад стремится закреплять свои доминирующие позиции в экономике, навязывая свои стандарты в промышленности. Особенно они продвинулись в этом деле в годы президентства Обамы, когда ставка делалась на развитие новых отраслей и производств. США планировали внедрить собственные стандарты, чтобы затем занять или укрепить свои позиции там, где они еще этого не сделали, и получить новые возможности для продвижения своих интересов в области экономики.

Сегодня США испытывают немало трудностей, прежде всего внутриполитических. Страна расколота почти по всем вопросам, кроме одного — отношения к России. Здесь проводится общенациональное соревнование — кто выдвинет лучшее предложение по нанесению ущерба российской экономике. Мы не можем относиться к этому легко, потому что нам предстоит серьезная борьба, а в любой борьбе необходимо понимать, с кем имеешь дело. Тридцать два триллиона долларов — это не весь долг США. К данной сумме надо прибавить социальные обязательства американского правительства перед населением — это тоже огромные деньги. Но американский истеблишмент не сильно беспокоится на сей счет. Почему? США могут напечатать любое количество долларов, что позволяет им наращивать свои долги практически без ограничений. Каждый новый президент обязательно критикует предыдущего за то, что тот увеличил госдолг на несколько триллионов долларов, и почти сразу начинает делать то же самое. Секрет в том, что американцам еще ни разу не пришлось полностью платить по счетам. В этом заключается самая большая проблема для всего мира. США фактически экспортируют инфляцию без ограничений, но до сих пор доллар на мировом рынке не только остается резервной валютой, но и считается самым надежным платежным средством. Многие экономисты уверены, что доверие к доллару все же будет падать, но это произойдет не завтра и даже не в ближайшие годы. Потоки долларов — не только широкие, но и «капиллярные», они проникли практически во все сферы мировой торговли, поэтому расставание с ними будет происходить болезненно.

Тем не менее мир претерпевает трансформации, меняется расстановка сил, и наше место в нем становится другим. Прогнозируется, что к 2030 году Китай обгонит США по ВВП в абсолютном измерении, а сейчас они уже сравнялись по такому показателю, как покупательная способность юаня и доллара. Через 20 лет, по оценкам экспертов, ВВП Китая на 40 % превысит ВВП США, а второе место будет занимать Индия. Где место России в этой конфигурации? По тем же оценкам, в конце первой десятки — начале второй. Но для этого важно, чтобы мы не находились в такой ситуации, когда надо приспосабливаться к остальным. Мы имеем все возможности, но еще не научились использовать их. Это должно стать нашей приоритетной задачей в предстоящей борьбе за место в будущем многополярном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается академик Виталий Вячеславович Наумкин.

В. В. НАУМКИН: — Идеология нам необходима, но сегодня требуется в первую очередь не столько целостная идеология в традиционном смысле, сколько то, что может помочь консолидировать наш народ в противодействии тому беспрецедентному давлению, которое оказывается на нашу страну. Мы видим значение таких символов, как день рождения Петра Великого. Победа в Великой Отечественной войне, память о ней — это тоже безусловные ценности, работающие на консолидацию общества, в том числе молодежи, что особенно важно.

Что касается спецоперации на Украине, то тут я согласен с Константином Федоровичем. Мы должны осознать, что это не совсем глобальная война России с Западом. Любая полноценная война должна неизбежно перерасти в ядерную, но этого не хочет никто — ни мы, ни наши противники. Поэтому необходимо понять, где проходят красные линии, которые нельзя пересекать, но можно и нужно в той или иной мере использовать.

Хорошо бы осознать, что вообще происходит в мире. Сейчас формируется новое мироустройство. Но в то же время очевидно, что нарастают и обостряются противоречия между неолиберальной моделью глобализации и цивилизационной самобытностью народов (в том числе российского), которые отстаивают собственные ценности. Все государства, существующие в мире в настоящее время, можно разделить на две категории: традиционные национальные государства, переживающие сегодня острейший кризис, и так называемые государства-цивилизации (Китай, Индия, Россия), которые все в большей мере раз-

виваются на основе именно цивилизационной составляющей, своей самобытности и собственной позиции в мире. Думаю, что в этом и заключается источник силы, к которому мы могли бы апеллировать.

Глобализация сегодня трещит по швам. Запад хочет лишить нас благ, к которым мы и так имели весьма ограниченный доступ. Свобода передвижения людей и капиталов, распространения информации и культурного обмена — все это и прежде было скорее декларацией, чем реальностью. Но теперь закрывается и то окно возможностей, которое мы имели. Об этом свидетельствуют инциденты с задержанием произведений искусства, которые возвращались в Россию после зарубежных выставок. Но мы в состоянии не только успешно противостоять такой политике, но и использовать ее в своих интересах.

Еще один важный аспект сегодняшней международной политики: противостоящий нам Запад старается настроить против нас страны Востока, которые симпатизируют России. Им угрожают вторичными санкциями, новой изоляцией и т. д. Например, сегодня СМИ сообщили, что Китай вынужден наложить ограничения на деятельность компании Huawei в России. В связи с этим особые задачи возлагаются на российскую дипломатию. Мы знаем о высокой квалификации нашего дипломатического корпуса и уверены, что им удастся сплотить вокруг России максимально большое количество государств и наций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену Госсовета РФ Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Россия проводит военную спецоперацию на Украине, но наши сограждане живут так, как будто ничего не происходит, — везде царит сплошное благодушие. Конечно, мы должны обсуждать текущее положение дел и говорить о перспективах, но этого недостаточно. Я считаю, что Россия должна предпринимать более решительные действия.

В начале июня министр иностранных дел России С. В. Лавров был вынужден отменить официальный визит в Сербию, так как страны, над которыми пролегал маршрут его перелета, не пропустили самолет. Однако, несмотря на недружественное отношение к нам, мы продолжаем поставлять в эти страны энергоносители, и Россия не отозвала из них своих послов, не объявила о разрыве дипломатических отношений. Ранее мы не ответили должным образом на обвинения своих спортсменов, когда под ложными предлогами они не были допущены к участию в Олимпийских играх. Почему? Кто-то возразит, что разрушить легче, чем потом построить заново, но я не согласен с таким аргументом. Чем жестче мы будем себя вести, тем больше уважения к нам будет. Особенно сейчас, когда ведется война по всем направлениям — в экономике, политике, информационном поле, и только в последнюю очередь — военная спецоперация на Украине.

Почему Эстония позволяет себе проявлять враждебное отношение к России? В странах Балтии не желают вспоминать, что в 1721 году был заключен Ништадтский мирный договор, согласно которому Россия получила значительную часть территорий, на которых они сегодня расположены, к тому же Петр I заплатил за них большой выкуп. Эстонцы и латыши прекрасно об этом знают. Поэтому чем большую твердость мы проявим, тем проще с ними будет говорить.

Что будет дальше? Во всем мире назревает левый поворот — в экономике, политике, идеологии. А это значит, что будет усиливаться роль государства, на смену монополистическому капитализму придет национализация. Готовы ли мы к этому? Что нам придется делать и кто возглавит этот процесс? Как умерить аппетиты крупных корпораций и олигархов, которые де-факто продают страну? Мариуполь в 2014 году можно было взять без боя, но наши олигархи не дали этого сделать, сказав, что у них там совместный бизнес с местными предпринимателями и они решат все проблемы. Не решили. Что мы имеем в итоге? Мариуполь взят, но ценой больших потерь.

Константин Федорович сказал, что возможны различные варианты окончания спецоперации. Один из них — заключить соглашение, скажем, «Минск-3», зафиксировав границы по линиям соприкосновения, и наступит мирная жизнь. Но такой «мир» фактически станет поражением России и через год-два приведет к еще более кровавой войне. Этого нельзя допустить, заявляю как гражданин Российской Федерации.

Здесь уместно вспомнить события XX — начала XXI века, повлекшие за собой существенные изменения — перекраивание географической карты и внедрение новых способов управления обществом. В прошлом веке первым шоком для мирового сообщества стало крушение «Титаника», затем Первая мировая война, в результате которой распалось несколько империй. Вторая мировая война стала попыткой завершить «дела» Первой и привела к укреплению англосаксонской диаспоры во всем мире. В самом начале XXI века произошел страшный теракт в Нью-Йорке, повлекший за собой тысячи жертв. После этого мир сплотился в борьбе с терроризмом, но при этом спецслужбы всех стран, включая Россию, фактически оказались в подчинении у Вашингтона, который координировал эту деятельность.

Сегодня события на Украине стали вызовом для мирового сообщества и предлогом для того, чтобы развернуть враждебные действия против России. И чем тверже мы будем себя вести, чем резче отвечать на оскорбления и враждебные действия, тем большего добьемся. Рубикон перейден, началась борьба по всем направлениям. Значит, надо воевать, а иначе не надо было в нее ввязываться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Я выскажусь с точки зрения африканиста. В России нередко можно услышать фразу: «Мы не Африка». Но если приглядеться, то между нами можно найти некоторое сходство. Что в свое время проделывали государства, достигшие благосостояния не только за счет новых технологий, но и в значительной степени благодаря колоссальным объемам ресурсов, которые они вывозили из колоний? Они не только грабили эти страны, но и коррумпировали их элиты, старались размыть национальную идентичность, в том числе за счет сокращения использования национальных языков и т. п. Сегодня все это в полной мере осуществляется и по отношению к России.

Вместо высокомерного взгляда на Африку нам следует учиться на их опыте. Сейчас они всеми силами борются с влиянием Запада и стремятся сотрудничать с Россией, потому что прекрасно понимают все происходящее в международной политике. После голосования в ООН о введении санкций против России в связи с событиями на Украине я получила много сообщений от коллег из африканских стран. Их голоса разделились примерно поровну: половина проголосовала за, половина — против. Но все говорят о том, что находятся под жесточайшим давлением и пре-

красно понимают, что Россия сейчас пребывает в таком же положении, что и страны Африки.

И второе, о чем я хотела бы сказать: в последние десятилетия произошли колоссальные изменения в восприятии мира нашим сознанием. Философы продолжают обсуждать соотношение бытия и сознания, но информационные технологии вносят в него свои коррективы. Виртуальная реальность воздействует на каждого человека, во многом формируя обычную материальную реальность. Если о событии не пишут в Интернете, то его как будто и не было. Но такая ситуация не может продолжаться долго, потому что человеку требуется крыша над головой, ему надо что-то есть и где-то спать. Поэтому материальная составляющая в конечном счете проявится если не как доминирующая, то как очень важная. И в этом смысле мы с африканцами тоже находимся в одной лодке. И Россия, и Африка обладают колоссальными ресурсами, поэтому в перспективе мир будет в значительной степени учитывать интересы не только стран Запада, Китая и Индии, но также Африки и России.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается академик Валерий Александрович Черешнев.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Хотел бы напомнить еще об одной глобальной для человечества проблеме — пандемии коронавируса, а сегодня — еще и об обезьяньей оспе, которая, хотя и не столь опасна, может трансформироваться в нечто гораздо худшее (никто не знает, каким будет ее мутагенез). Иммунологи и вирусологи всего мира изучают причины их возникновения. В частности, ученые Российской академии наук пришли к выводу, что во всем виноват тяжелейший экологический кризис. Новые инфекции возникают в результате процессов, происходящих в биосфере, которая в последние десятилетия подвергается разрушающему воздействию человеческой жизнедеятельности. Человек вырубает леса, пожары уничтожают колоссальные зеленые массивы — 28 млн гектаров ежегодно! При этом гибнут миллионы особей животных. А жизнь микроорганизмов тесно взаимосвязана с жизнью остальной биосферы. Когда исчезает среда обитания той или иной бактерии или вируса, они ищут и находят нового хозяина — растение или животное, и сегодня таким объектом становится Homo sapiens.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валерий Александрович, возможно ли, что коронавирус появился в лабораториях, которые американцы разместили на Украине и в Грузии?

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — В ходе научных экспедиций на Кавказ и в Китай с целью биологического исследования летучих мышей были изучены особи, находящиеся в спячке. Из их кишечника выделили вирус, полностью соответствующий штамму Омикрон. Вряд ли эти мыши были заражены вирусом, полученным в лабораториях.

Напомню, что 40 лет назад, в 1982 году, два нобелевских лауреата, Люк Монтанье и Франсуаза Барре-Синусси, работавшие в Институте Пастера, открыли вирус иммунодефицита человека. После этого несколько лет ходили слухи, что это биологическое оружие, разработанное в секретных лабораториях. И только когда было доказано, что источником ВИЧ стали обезьяны — серый мангобей и шимпанзе, от теории бактериального оружия отказались.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово писателю Дмитрию Альбертовичу Лиханову. Его отец, известный писатель и общественный деятель Альберт Анатольевич Лиханов, был Почетным доктором СПбГУП.

Д. А. ЛИХАНОВ: — Я хочу поддержать Михаила Викторовича и Константина Федоровича, которые говорили о Китайской Народной Республике. Несколько лет назад Председатель КНР Си Цзиньпин на одном из съездов Компартии сказал, что к 2050 году Китай останется единственной сверхдержавой в мире. Не будет ни Соединенных Штатов Америки, ни России — никого. А это значит, подтвердится ленинский тезис о победе коммунизма во всем мире. Так что левый поворот уже состоялся, и об этом надо честно сказать всему обществу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — С интересом выслушаем мнение известного журналиста Владимира Константиновича Мамонтова.

В. К. МАМОНТОВ: — Уважаемые коллеги, у меня два тезиса, оба на букву «и»: первый — идеология, второй — ИКЕА.

Итак, идеология. Напомню, что во время Великой Отечественной войны с разрешения Сталина вновь стали открываться церкви. Это было необходимо, чтобы получить поддержку населения, большая часть которого в то время все еще оставалась верующей. Сталинская политика относительно религии и храмов — хороший пример того, как идеология может и должна консолидировать общество, а не разделять его и не навязывать единственную точку зрения.

Теперь про шведскую торговую сеть по изготовлению и продаже мебели и товаров для дома. Нам надо, чтобы ИКЕА ушла или чтобы вернулась? Когда мы придем к единой точке зрения относительно ИКЕА, многое станет ясно. Как мне кажется, сейчас надо думать в первую очередь об импортозамещении.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мне хочется задать вопрос генерал-лейтенанту Петухову. Вениамин Григорьевич, мы победим на Украине?

В. Г. ПЕТУХОВ: — Мы просто вынуждены победить!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Я разделяю мнение, что наряду с экономикой и политикой огромную роль играет идеология, то есть совокупность идей, которые объединяют людей. Во время Великой Отечественной войны кроме мощи советского оружия именно идея объединения сыграла колоссальнейшую роль в оказании сопротивления врагу. Но о каких идеях мы говорим сегодня? Их должны сформулировать ученые и политики, а для этого мы должны знать, чего хотят люди, к чему они стремятся. Именно это и будет положено в основу идеологии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сегодня в этом зале находится человек с легендарной фамилией Громыко. Его дед в течение многих десятилетий возглавлял Министерство иностранных дел СССР, принимал активное участие в создании Организации Объединенных Наций и пользовался высочайшим авторитетом в международных дипломатических кругах. А теперь профессор Алексей Анатольевич Громыко выскажет свою точку зрения.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Сейчас мы действительно находимся в ситуации, может быть, одной из самых опасных после 1945 года или, по крайней мере, начиная с 1991 года, когда мы потеряли большую страну, где ядром были жившие в РСФСР россияне. Неопределенность зашкаливает, риски очень высоки. Какие сценарии могут реализоваться в ближайшие два-три года — никому не известно, так как многие процессы переходят под ручное управление.

Сегодня много говорилось о том, что рыночные законы больше не работают. Действительно, уже много лет они работали неэффективно, а сейчас о них можно и вовсе забыть. Запад перешел от точечных санкций в отношении России к «ковровым бомбардировкам». Что делать? Россия — великая держава во всех смыслах: военном, дипломатическом, культурном. Все составляющие этого потенциала мы будем использовать и в дальнейшем. Но нам хотелось бы и в новом мире, в XXI веке, остаться великой державой, и наш потенциал позволяет сохранить этот статус.

Хотел бы вернуться к теме мировоззрения и попытаться ответить на вопрос: какое место через 10–20 лет наша страна будет занимать на геополитической и ценностной карте мира? США в XX веке сформировались под влиянием американской мечты, которая оказалась очень продуктивной. Туда стремились попасть миллионы людей, стекались капиталы, и страна от этого выиграла. Существовала и европейская мечта. Правда, эта концепция обрела очертания только в начале XXI века. В 1945 году завершилась эпоха евроцентризма, но в 1957-м началось объединение Европы, и европейцы были уверены, что после распада СССР Евросоюз будет лидировать и задавать тон в мире на равных со Штатами. Однако пока это не удается, хотя экономика Евросоюза находится в тройке мировых лидеров наряду с экономиками США и Китая.

А как обстоят дела с российской мечтой? Последние 20 лет активно продвигалась концепция «русского мира», которая сыграла большую роль в сплочении народа и идеологической «оснастке» наших действий в 2010-е годы. В дальнейшем формирование идеалов и ценностей у людей в России будет осуществляться под воздействием различных условий. Менее значимым станет то, что будет происходить вокруг нас, хотя очень важно, чтобы у нас были сильные позиции в мире. Но главное — то, что будет происходить внутри страны. До какой степени мы сможем реализовать принципы и идеалы социальной справедливости, общества возможностей, меритократии, социальных лифтов? Это очень важные вопросы во все времена, но сейчас, после 30 лет тяжелого и неравномерного развития, они становятся особенно острыми. С какими бы внешними рисками и вызовами мы ни сталкивались, сейчас это второстепенные факторы. Мы должны не только миру (это во вторую очередь), а в первую очередь самим себе доказать, что можем быть успешными. Но для этого надо многое изменить и реструктурировать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу высказаться академика Роберта Искандеровича Нигматулина.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Ситуация намного серьезнее, чем представляется большинству из нас, так как экономически нам в мире противостоят 950 млн человек, в то время как население России — около 145 млн. Почти миллиард человек с новыми технологиями, за счет которых мы построили свое потребление. Поэтому вызывает опасение не столько экспорт, сколько импорт. В связи с этим нам предстоит решить сложную задачу импортозамещения. Почему сложную? Во-первых, квалификация экономического блока нашего правительства оставляет желать лучшего; во-вторых, на производстве не осталось квалифицированных инженеров.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Что делать?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Воспитывать. Я, как математик, изложу теорему: пока профессор, доцент, ассистент, учитель будут получать зарплату, в десять раз меньшую, чем зарплата депутата Госдумы, у нас ничего не получится с импортозамещением. Пока в Министерстве науки и высшего образования, в чьем ведении находится Академия наук, нет ни одного профильного специалиста, а только юристы, тоже ничего не выйдет. Наукой и образованием должны руководить опытные профессора, которые до этого читали лекции и писали учебники. Следует сказать, что Российская академия наук и вообще руководство фундаментальной наукой у нас было устроено оптимально — лучше всех в мире. В 2013 году Государственная Дума разрушила эту систему. Но мы ждем, что она пересмотрит свои решения, а иначе никакие научные достижения в России будут невозможны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Академик Валерий Леонидович Макаров, Вам слово.

В. Л. МАКАРОВ: — Я хочу сделать акцент на термине «идеология». Мир разделяется по разным критериям, но главное разделение происходит по идеологическим линиям. Однако в Конституции России отрицается государственная идеология, хотя это именно то, что может нас объединить. Идеология необходима! И происходящий в настоящее время левый поворот должен быть зафиксирован в основополагающих документах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону академика Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Войны происходили во все исторические эпохи, но так или иначе они всегда заканчивались миром. Вот и сейчас мы ожидаем, что рано или поздно конфликт будет урегулирован и наступит мир. Но на каких условиях будет заключено мирное соглашение? Кто будет вести переговоры и подписывать юридически значимые документы? Что будет положено в основу, какие обстоятельства будут учтены как значимые? Ведь правовые принципы, составлявшие фундамент, на котором строились все международные отношения после Второй мировой войны, безнадежно разрушены.

Существует Организация Объединенных Наций, но мы видим, что специализированные учреждения ООН не выполняют своих функций должным образом. В итоге мы сами должны взяться за это сложное дело и выработать условия будущего мира. Хочу напомнить, что в 1943 году в ходе Тегеранской конференции Рузвельт, Черчилль и Сталин, между которыми были разногласия, выступили как союзники, что позволило одержать победу над гитлеровской Германией и создать новую модель мироустройства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос депутату Госдумы РФ, актрисе Елене Григорьевне Драпеко: генерал-лейтенант В. Г. Петухов сказал, что Россия победит. А за счет чего победит наша страна, что станет решающим фактором?

Е. Г. ДРАПЕКО: — За свою более чем тысячелетнюю историю Россия только триста лет провела в мире. На нас нападали и с востока, и с юга, и с запада. Но мы генетически так устроены, что побеждаем в войнах, у нас это в крови. В мирное время мы об этом не думаем, но как только возникает необходимость — мы можем показать, на что способны!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я, как философ, заявляю, что идеология — это важнейшая форма общественного сознания. Если у страны отсутствует идеология, то она не сможет нормально развиваться и в итоге погибнет. В России, на мой взгляд, сложилось неправильное понимание идеологии — как постсоветского болезненного синдрома. Согласно ст. 13 Конституции РФ, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Эта статья понимается так, что в нашей стране не должно быть идеологии, более того, она запрещена.

Один из авторов данной конституционной статьи, судья Конституционного Суда РФ и Почетный доктор СПбГУП Г. А. Гаджиев, пояснил, что, когда принималась эта норма, они исходили совершенно из иных соображений: не существует единой идеологии, обязательной для всех.

В результате в нашей стране появилась идеология всемогущества денег, которой придерживаются чиновничий класс и элита. Согласно принципам этой идеологии деньги — самое главное в жизни, и человек должен посвятить жизнь их зарабатыванию. Но в этой идеологии не упоминаются Родина, дружба, духовные ценности.

С моей точки зрения, сегодня самую большую опасность для России представляет ее элита, которая за последние 30 лет настолько прикипела душой к Западу, что готова пожертвовать интересами страны.

Слово предоставляется Константину Федоровичу Затулину.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Считаю, что в российской Конституции не все формулировки удачные (например, об идеологии). В 1990-е годы была принята упомянутая ст. 13, чтобы окончательно распрощаться с проклятым прошлым. Потом выяснилось, что прошлое оказалось не таким уж проклятым. А сегодня эта статья Конституции выглядит одиозно.

Если мы будем пытаться конструировать идеологию так, как это делали в поздние 1990-е годы, в том числе те, кто предложил эту статью, то ничего не получится. Напомню, что Президент РФ Б. Н. Ельцин поручил своему помощнику Г. А. Сатарову найти национальную идею и сформулировать новую идеологию, но ничего не вышло.

Формулировка в Конституции «Россия превыше всего» будет похожа на «Deutschland über alles» или «Украіна понад усе». Люди, находящиеся у власти и на местах, должны проникнуться идеей служения своему Отечеству, иначе распадется связь времен и произойдет то, что случилось с теми, кто сегодня оказался за пределами нашей страны.

Необходимо вести дискуссии, касающиеся разных этапов истории нашей страны, в частности многонациональной империи. В ходе проведения заседания дискуссионного клуба «Валдай» я задал президенту вопрос: «Почему в 2021 году торжественно отметили 800 лет со дня рождения Александра Невского и практически в самый последний момент вспомнили о 300-летии Российской империи?» На мой взгляд, так произошло потому, что было неудобно признаться в том, что Россия — это империя.

В настоящее время в стране проводятся мероприятия, посвященные 350-летию первого императора Петра I, а в прошлом году долго размышляли, удобно ли праздновать 300-летие Российской империи: вдруг мы кого-нибудь огорчим тем фактом, что являемся империей? В рамках марксистско-ленинской теории все связанное с империей принято было ругать, и здесь уместно вспомнить работу В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Но империя — это прежде всего многонациональный мир, равенство всех перед законом.

В 1990-е годы национальный вопрос в нашей стране понимался исключительно в духе ЦК КПСС — это прежде всего защита прав малых народов. А к 2000-м годам возник другой национальный вопрос — русский. Я внес поправку в Конституцию РФ о русском народе как государствообразующем, и она в несколько измененном виде вошла в ее новую редакцию: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов РФ». Наконец в Конституции РФ появился русский народ, которого до этого там не было.

Месяц назад из Администрации Президента РФ пришло разъяснение, как понимать этот тезис: понятие «государствообразующий народ» относится к языку, но не к национальности. То есть нет русского народа, но есть некий народ, говорящий на русском языке. Пока нет понимания того, что без русского народа Россия не может существовать. Аналогичная мысль прослеживается и в статье В. В. Путина о том, что русские и украинцы — один народ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается Андрей Константинович Исаев.

А. К. ИСАЕВ: — Согласен с В. К. Мамонтовым, что идеология должна объединить тех, кто остался. Потому что тех, кто уехал (мысленно и физически), с нами уже ничего не связывает.

Я поддерживаю тезис нашего президента, что русские и украинцы — это по сути один народ. Война, ведущаяся внутри народа, называется гражданской. И здесь кроме глобального есть и другое измерение. Фактически мы столкнулись с гражданской войной, отсроченной на 25 лет, которая ведется на территории бывшего Советского Союза. В гражданской войне не может быть компромисса: дискуссия, которая ведется при помощи гаубиц и минометов, посвящена одному важному вопросу — выбору пути развития нации. И в этой битве может быть только один победитель.

Так получилось, что выбор пути связан с отдельными территориями. Западники — это те, кто согласился с ролью колонии. Они считают, что мы проиграли третью мировую войну и должны подстроиться под победителей. Но есть и те, кто полагает, что мы должны претендовать на роль самостоятельной великой державы.

Если говорить об идеологии, то нас действительно многое объединяет — прежде всего это прошлое. Но мы должны предъявить образ будущего. Однако у нас недостаточно воли, чтобы все организовать, потому что отсутствует идеология. Она определяет задачи и кадры, которые должны их решать с учетом образа будущего.

Без идеологии, и это важно в глобальной войне, у нас не будет союзников в мире. Если мы скажем, что образ нашего будущего — это американский путь без США, нас вряд ли поддержат. Если мы предложим альтернативный

образ будущего, то обретем союзников во всем мире не только на государственном, но и на человеческом уровне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу выступить Марию Владимировну Захарову.

М. В. ЗАХАРОВА: — Последние несколько лет я часто слышу требование возродить идеологию, в том числе от людей, которые сами являются символами и создателями идеологии отдельных сфер нашей жизни. Это довольно странно, потому что людям, сумевшим достичь фантастических высот, чего-то не хватает для того, чтобы изобразить будущее. Даже сейчас в этой аудитории выступающие, которые и есть наше будущее, потому что они его заложили, просили нарисовать эту картину.

Александр Сергеевич сказал, что люди боятся рассуждать на тему идеологии в связи с постсоветским синдромом. Почему они этого боятся? Ведь не потому, что идеология была настолько сильной, что претендовала на статус мировой и вела за собой страны и народы в отсутствие информационной революции (когда не было ни телефонов, ни Интернета). Эта идеология объединяла людей по всему миру. До сих пор никому, несмотря на информационно-коммуникационные возможности, не удается даже приблизиться к такому уровню идеологического воздействия. Но к чему это привело? В СССР произошло разрушение идеологии и инструментария, а потом самой страны.

Однако сильнейшая идеология совершенно не означает краха страны. Необходим алгоритм, базирующийся на нашей геополитике, ресурсах, возможностях, культуре и традициях, а самое главное — работающий.

Сегодня все выступающие говорили о необходимости идеологии. У меня создается впечатление, что так отстаивать могут только то, что уже существует. Уверена, что у каждого выступающего есть своя модель, возможно, объединяющая и государствоцентричная.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации все идеи уже сформулированы, поэтому ее можно считать нашим идеологическим руководством. Мораль, философия, экономика и прочее — на любой вопрос есть ответ. Но первое — не разработан движок, который может запустить этот механизм, и второе — в ней не учитываются люди (от элиты до непосредственно населения).

Наша идеология и национальная идея очевидны: первое — человек должен хотеть жить в своем государстве; второе — человек должен хотеть, чтобы его дети жили в этом государстве. Все остальное — инструментарий, то, каким образом можно реализовать эту концепцию (используя силовой вариант, внушение, создание условий, воспитание), — вторично. Это должно быть государство, в котором люди (народ в целом и индивидуум в частности) захотят жить и продолжать свой род. Продолжение рода — это и культура, и образование, и традиции. Без этого любая надстроечная идеология будет безуспешна. Все остальное — это упаковка и методология.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Михаил Викторович, прошу Вас.

М. В. ШМАКОВ: — В ходе обсуждения мы подняли дискуссию об идеологии не только до академического, но и миротворческого уровня. Я хотел бы обратить внимание присутствующих на идеологию простого человека. Я жил в Марьиной Роще, где действовал принцип: кто сильнее, тот и прав. России как государству надо быть более твердой и решительной в своих действиях, и тогда нас будут уважать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сергей Юрьевич, пожалуйста, Вам слово.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — У нас не может быть никакой другой идеологии, кроме идеологии социально-консервативного синтеза. Первая составляющая — социальная — предполагает социальную справедливость и приоритет общественных интересов над частными. Так должна работать вся система управления, включая регулирование зарплат, прав собственности, распределение доходов, налогов и т. п. Вторая составляющая — консервативная — включает ценности семьи, отдельного человека, его права, то, что при советском социализме трактовалось несколько однобоко. В качестве примера идеологии социально-консервативного синтеза можно назвать социализм христианский, исламский, конфуцианский, Махатмы Ганди. Сегодня эта идеология воплощена в новом мирохозяйственном укладе — смешанной экономике, где социалистическая идеология реализована не на словах, а на практике. Она разрешает частный бизнес, но поощряет его в тех сферах, где происходит рост общественного благосостояния. Фирма Huawei подняла производство с нуля и превратилась в гиганта, но она не разрешает частному бизнесу заниматься спекуляциями и наживаться за счет общества. И таких примеров — много.

Идеология социально-консервативного синтеза укладывается в нашу духовно-нравственную культуру: социализм как общая идея, регулирующая рыночную экономику. Некоторые атеисты называют эту систему рыночным социализмом, опираясь на инструментальные вещи и незыблемость консервативных ценностей.

Я хочу поддержать Константина Федоровича в том, что мы не должны заниматься шапкозакидательством. Самое страшное — это недооценка противника. Все-таки он в 10 раз больше нас тратит на военные расходы, в 100 раз — на научные исследования, в 1000 раз больше печатает денег. Наш противник исповедует идеологию постгуманизма. Что они предлагают нам сегодня? Идеологию расчеловечивания, лишения человека всех признаков коллективности, превращения мира в электронный концлагерь, которым будет управлять мировое правительство.

Гибридная мировая война закончится созданием нового мирохозяйственного уклада со смешанной экономикой и социалистической идеологией, но это не стопроцентный вариант. Вполне возможно, что недружественные страны сумеют реализовать свой план: первое — стереть Россию с лица земли (и у нас на этот счет не должно быть иллюзий), второе — уничтожить Иран, третье — изолировать Китай. Я не думаю, что они смогут реализовать этот план, потому что американская сверхсила уже не работает. От США пытаются дистанцироваться даже осторожные индусы. Но теоретически возможен и такой исход, по сути завершение существования человеческой цивилизации, переход к постгуманоидному состоянию, где людьми будет управлять искусственный интеллект.

Поэтому события, в которые мы оказались втянуты, заставляют нас мобилизоваться во всех смыслах. Именно от нас сейчас во многом зависит судьба всего человечества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Сергею Ивановичу Кисляку.

С. И. КИСЛЯК: — Способны ли мы в сложившихся условиях сформулировать новую идеологию? Для Андрея Константиновича это не представляет проблемы, потому что он состоит в партии с ярко выраженной и разделяемой всеми ее членами идеологией, которую партия предлагает стране. А у других партий, возможно, нет такой идеологической платформы.

Если мы решили создать идеологию для России, то какую мы выберем? Коммунистической партии? Нет. Я, как бывший член Компартии, многое оттуда почерпнул бы, но в нынешних условиях отсутствие у молодежи желания работать над идеологическими задачами обусловило бы возникновение большой проблемы, которая может раскачать лодку.

Поэтому для меня сейчас важнее попытаться на основе российской Конституции сформулировать национальную идею, которая должна нас объединять, и в этом смысле я готов поддержать Марию Владимировну. Она может дополняться по мере развития государства и обретать консенсусные дополнения.

Однако я настороженно отношусь к формализованному процессу вырабатывания идеологии для Российской Федерации. Это приведет к расколу страны. Идеология должна сложиться в результате борьбы России за свое место. Для этого у нас есть общая основа: Конституция, наша история и даже программы партий, представленных в Госдуме.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Вячеславович, пожалуйста, Вам слово.

В. В. НАУМКИН: — В обществе, особенно у молодого поколения, наблюдается усталость от использования термина «идеология». Оно подозрительно относится к тому, что навязывается.

Нужно решить проблему нашей идентичности, которая лежит в основе всего. Константин Федорович сегодня правильно говорил об имперском наследии как составной части нашей идентичности — эту идею нужно развивать. Проблема идентичности важна и в том случае, когда мы говорим о «русском мире» и притягательности «русской идеи».

Вокруг России — славянский мир. Но много славян сегодня выступают против нашей страны. Например, болгары, которых мы столетиями спасали от порабощения, и в Первой мировой войне, и во Второй были против России, как и сейчас, когда существует угроза третьей мировой войны. А наши чеченские собратья, часть нашего многонационального народа, потрясающе показывают себя во время спецоперации на Украине. Их участие — это проявление этнической солидарности.

Нужно извлекать уроки из недавнего прошлого, а не далекого. Сегодня мы говорим о необходимости импортозамещения, о том, что должны все делать сами. Но кто ответит за то, что у нас разрушены целые отрасли промышленности, в частности авиастроительная?

Предлагаю всем подумать о сохранении принципа справедливости, который должен лежать в основе идеологии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подошла к завершению. Я не берусь подводить ее итоги, поэтому предлагаю каждому сделать это самостоятельно.

Думаю, не случайно часть дискуссии мы посвятили идеологии. В связи с этой важной проблемой расскажу историю о том, как советская идеология была заменена нынешней. Несколько лет назад патриарх пригласил руководителей федеральных телевизионных каналов и задал вопрос: почему выпускаются программы, которые калечат человеческие души? Один из телебоссов ответил: «Мы тут ни при чем. Телевидение — это всего лишь зеркало жизни, мы ее просто показываем». После этого один из них, К. Эрнст, поехал читать лекцию на факультет телевидения Московского госуниверситета, где заявил, что Первый канал создал идеологию Нового времени. Когда развалился Советский Союз и началась новая жизнь, люди не знали, что им делать и как вести себя в новых условиях. Власть не смогла ничего им предложить. И тогда по телевидению начали показывать сериалы, в которых массовой аудитории предлагались новые ценности и модели поведения в разных жизненных ситуациях. Жаль, что Г. Сатаров не смог тогда ничего предложить в качестве национальной идеи, в отличие от сценаристов телеканалов.

На сайте СПбГУП выложено более 1300 работ Дмитрия Сергеевича Лихачева и примерно 180 работ преподавателей нашего Университета, посвященных осмыслению лихачевского духовного, нравственного и научного наследия. Д. С. Лихачев — дважды Почетный гражданин Санкт-Петербурга, это своего рода квинтэссенция петербургской интеллигенции. Мало кто знает, что дед Лихачева, Михаил Михайлович, тоже был Почетным гражданином Санкт-Петербурга в дореволюционное время. А тогда это звание, как и дворянство, передавалось по наследству. Вот такое признание своего рода петербургского эталона.

Дмитрий Сергеевич Лихачев рассказывал, что после революции многие уехали за границу, не приняв ее. Лихачевым тоже было тяжело, но они не смогли уехать из страны, объяснив это так: «Мы не могли бросить Родину, как не смогли бы бросить свою больную мать». Я соглашусь с Марией Владимировной в том, что существуют фундаментальные вещи, которые у нас или есть, или мы не нация, не страна. Похожую метафору позже я встретил в работе В. В. Путина, который очень уважал Д. С. Лихачева. В частности, он, рассказывая о своем восприятии нашей страны в 1990-е годы, заметил: «Россия — это тяжело больная мать, у постели которой я нахожусь. Я не могу покинуть Родину, отказаться от нее, я буду с ней до конца и разделю ее судьбу».

Подобные чувства испытывают многие из нас. Мы могли бы уехать и прекрасно устроиться в западных университетах, получать большие зарплаты. Но мы живем в России. И что бы ни случилось, мы будем работать здесь во имя страны, ради ее процветания и победы в самых трудных ситуациях.

На этой патриотической ноте мы завершаем первый день XX Международных Лихачевских научных чтений.

Секция 1
ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

10 июня 2022 г. Конференц-зал «Стасов/Ушаков» (гостиница «Рэдиссон Royal»)

Руководители секции:

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор
П. Н. ГУСЕВ	главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Комиссии Общественной палаты РФ по поддержке средств массовой информации, председатель Союза журналистов Москвы
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы РФ, директор Института стран СНГ
С. И. КИСЛЯК	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в США (2008–2017)

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН, член Президиума, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости»
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Э. КЕВИН	почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт, лауреат литературных премий
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Н. ПУНЧЕНКО	заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)
Л. Л. ФИТУНИ	заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
С. А. ЦЫПЛЯЕВ	главный редактор общенационального научно-политического журнала «Власть», кандидат физико-математических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса, член Совета по внешней и оборонной политике

В. А. ЧЕРЕШНЕВ — главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

В. А. ШАМАХОВ — научный руководитель Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Секцию ведут академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев и депутат Госдумы РФ Константин Федорович Затулин.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я сделаю несколько вводных замечаний, чтобы акцентировать особенности перехода к реальной многополярности.

Переход к многополярности и интегральному мирохозяйственному укладу предполагает восстановление национального суверенитета, потому что на него опирается международное право. Принципиальное отличие интегрального уклада от имперского заключается в том, что при нем не будет центра, навязывающего остальным правила игры. Разумеется, ядро существовать будет, а конкуренция в основном сосредоточится между Индией и Китаем.

Главным направлением международного сотрудничества становятся сочетание конкурентных преимуществ и создание условий для совместных инвестиций, производств и инфраструктурных проектов. Давление на других игроков с тем, чтобы все они совершали одинаковые действия, например занимались либерализацией валютного регулирования, не оказывается. Допускается вариативность систем регулирования экономики, включая валютные ограничения. Одновременно формируются региональные объединения — от достаточно аморфных структур типа МЕРКОСУР до бюрократической империи, как я называю Европейский союз.

Евросоюз, для которого характерна очень жесткая система управления, в какой-то мере можно назвать порождением предыдущего имперского мирохозяйственного уклада. В отличие от этого объединения, Евразийскому экономическому союзу свойственна гибкость. Будучи министром по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), могу сказать, что за последние 10 лет мы приняли более 5 тыс. решений, и по всем из них был найден консенсус.

Пожалуй, наиболее масштабное взаимодействие Евразийского экономического союза разворачивается в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Это пример сотрудничества в новом мирохозяйственном укладе: соблюдаются принципы взаимовыгодности и уважения суверенитета партнеров, их усилия концентрируются вокруг совместных инвестиций и ни один из них не навязывает своих условий другим.

Международное право в рамках нового мирохозяйственного уклада будет, очевидно, более обширным. В частности, ЕЭК продвигает идею новой мировой расчетной валюты, основу которой образуют две составляющие: корзина национальных валют и корзина биржевых товаров. Ни одна из стран не должна иметь возможность приватизировать мировую валюту.

Разумеется, сохранятся принципы международного права в мировой торговле. Кроме того, очевидно, что необходимо заключать международную конвенцию по кибербезопасности. США выступают против такой инициативы, и понятно почему: они лидеры кибертерроризма. Также необходимо добиться заключения конвенции по биобезопасности и определить меры, которые бы принуждали государства, прежде всего США, соблюдать ее нормы. Это позволит предотвратить появление мирового электронного концлагеря под эгидой Всемирной организации здравоохранения или других структур.

Чтобы выйти из гибридной войны, необходима международная коалиция. Создание такой коалиции, думаю, можно начинать с Азии. Мы работаем над реализацией идеи президента России по формированию Большого евразийского партнерства, которое могло бы стать прообразом нового мирохозяйственного уклада. Оно воплощает принцип интеграции интеграций, поскольку задействуется не только Евразийский экономический союз, но и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), региональное партнерство АСЕАН — Китай.

Таким образом, установление взаимовыгодных экономических отношений на основе надежной правовой базы — важнейшая задача, которую нужно решить для выхода из мировой гибридной войны. Агрессор должен понимать, что ему может быть нанесен непоправимый ущерб. Отказ от использования доллара и евро повлечет за собой именно такой ущерб — это разрушит гигантские валютно-финансовые пирамиды, которые сегодня нависли над мировой экономикой.

Конечно, согласовать интересы игроков на мировой арене очень сложно. Однако Россия сегодня больше других стран заинтересована в инициировании такого рода крупномасштабных предложений по реформированию международной экономической и политической системы. Предлагаю участникам секции обсудить этот и другие вопросы.

М. В. ЗАХАРОВА: — Выступая недавно на Всемирном экономическом форуме в Давосе, канцлер ФРГ Олаф Шольц заявил (прямая цитата): «Когда мы осознаем, что наш мир становится многополярным, это должно подтолкнуть нас к еще большей многосторонности, к еще большему международному сотрудничеству».

По сути, об этом же в России говорили на протяжении примерно 20 лет. Один из самых ранних тезисов о многополярности принадлежит Е. М. Примакову: его идеологема нашла отражение в Концепции внешней политики России 2000 года. И вдруг 22 года спустя Олаф Шольц объявляет, что мы живем в новом многополярном мире.

Это говорит прежде всего о том, что к западу от Москвы нас не слышали, не принимали наши слова всерьез. Однако при этом идея многополярности прорабатывалась — не из-за цитат российских политиков или их концепций, а просто в силу объективной реальности. Однако США и их союзники продолжают питать иллюзию об

однополярной модели мироустройства с единственным центром принятия решений в Вашингтоне. Задача понятна — любой ценой не допустить потери собственной гегемонии, пусть даже на словах. Мы понимаем, что формирование действительности может начаться в виртуальной реальности.

Конечно, для сохранения подобной виртуальной монополярности и ее насаждения в формате Realpolitik Запад применяет широкий набор инструментов — от санкций всех видов до прямого силового давления.

Почему сейчас Запад начал инкорпорировать слово «многополярность», хотя ясно, что уверенность западных стран в собственной исключительности отрицает саму суть этого понятия? Потому что он будет создавать собственную многополярность, и уже приступил к этому.

Конечно, главным полюсом западной многополярности США видят себя. Место естественного спутника главного полюса отводится Европейскому союзу. Остальные полюсы лидеры будут формировать, не признавая никого из уже существующих кандидатов на эту роль — ШОС, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), африканские государства и т. д.

Есть устойчивое понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион», которое не требует дополнительных обоснований и разъяснений. Чтобы продвинуть идею новых полюсов, Запад отказывается от термина АТР и внедряет понятие «Индо-Тихоокеанский регион». Мы наблюдаем слом существующего восприятия и насаждение нового, замену естественного полюса искусственным.

В заключение хотела бы обозначить два кризиса. Первый — кризис либерализма. Либерализм, конечно, полностью отошел от истинных и глубинных понятий, которые изначально составляли его идею, и сейчас можно говорить о тоталитарном либерализме. Второй — кризис права. Система международных организаций не выполняет своих функций, принципы, прописанные в основополагающих конвенциях, не применяются на практике. Возможно, право подошло к тупику развития. Отсюда вытекает множество сопутствующих проблем.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Энтони Кевину из Австралийского национального университета.

Э. КЕВИН: — Два дня назад я встретился с Е. Д. Григорьевым, председателем Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. У нас состоялась отличная, очень масштабная по охвату тем беседа, и я сказал, что Восток и Запад находятся в состоянии разрыва связей. Думаю, русское слово «развод» описывает ситуацию очень точно. В результате влияние Запада ослабевает, а влияние остального мира — усиливается, и Россия играет в этом процессе очень важную роль.

Я был послом Австралии в Польше, Чехии, Словакии, Камбодже. По всем нормам и традициям я должен быть в своей стране уважаемым государственным мужем в летах. Но это совершенно не так: в Австралии у меня нет права голоса. Все, что я пишу, отправляется в стол, меня не приглашают на заседания Австралийской радиовещательной корпорации — в общем, меня благополучно отменили.

На русское сообщество в Австралии обрушилась лавина ложной информации о специальной операции на Украине, и внутри него сложилась очень напряженная ситуация. Я изучал войну с помощью всех открытых источников обеих сторон и, будучи опытным дипломатом с богатым прошлым, заявляю, что операция необходима. Я считаю, что она обостряет тенденции, угрожавшие России с 1991 года, и с невероятной ясностью демонстрирует, что само существование страны подверглось риску. Я патриот Австралии и всегда верил в важность и необходимость политики разрядки, в нормализацию отношений между Востоком и Западом. Теперь это вряд ли будет возможно — уж точно не на моем веку.

Россия должна оставаться сильной в эту эпоху испытаний. Вчера мы стали свидетелями свободного высказывания разнообразных, противоречивых идей. В Австралии в нынешние времена такой дискуссии не получилось бы. К сожалению, мы — очень небольшой и покорный участник разведывательного альянса «Пять глаз», но в Австралии есть и другие голоса. Нас немного, но мы существуем.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Господин Кевин, мы вас приветствуем как узника совести. Сейчас я хочу предоставить слово дипломату Сергею Ивановичу Кисляку.

С. И. КИСЛЯК: — Нам действительно нужно всерьез задуматься о том, что же мы подразумеваем под реальной многополярностью или полицентричностью. Люди уже не размышляют, что именно стоит за этим термином и как этого добиться. А добиться на самом деле непросто.

Я готов подписаться под каждым пунктом изложенного Сергеем Юрьевичем. Проблема заключается в том, как достичь полицентричности, ведь мы живем в таком мире, где сопротивление этой цели будет самым жестким. К тому же нельзя забывать, что сил у наших оппонентов по-прежнему немало.

Говоря о нашем основном оппоненте — американцах, хотел бы отметить особенность их мышления: США считают, что обязаны обеспечить свое лидерство во всех сферах жизни в мире. Слово «лидерство» в американском языке (не английском, а именно американском) понимается как «естественное управление». Объяснение этому тоже формулируется чисто по-американски: если американцы не обеспечат свое лидерство, лидером станет кто-то другой. То есть в американском политическом мышлении не существует самой идеи полицентричности в нашем ее понимании как консенсусного концерта государств.

Конечно, они прекрасно понимают, что есть объективная реальность и полицентричность вызревает вне зависимости от того, что о ней говорят. Поэтому представители администрации Байдена прилагают особенно заметные усилия для продвижения американского лидерства. Их логика такова: если вырисовываются другие центры влияния, то необходимо этот процесс брать под контроль и ставить во главу потенциальных центров нужных лиц. При этом следует опираться на союзников, которых подбирают в каждом регионе исходя из ситуации в нем. Естественно, также нужен противник, в борьбе с которым объединяются все действующие лица. В итоге, строго говоря, полицентричность как концепция будущего мироустройства США не отвергается, но их понимание полицентричности ничего общего с нашим не имеет. События на Украине, которые нам, по сути, навязали, и происходящее вокруг них — яркий пример того, что США будут использовать объективно существующие в мире проблемы, чтобы строить полицентричность под собственным руководством.

Возвращаясь к идеям Сергея Юрьевича, я задумываюсь, как их осуществить. Вместе с кем мы можем работать над созданием нового мира? Объективная реальность такова, что сейчас нам наиболее близок Европейский союз. Однако России также нужны союзники, которые способны серьезно влиять на формирование мировой си-

стемы. Сегодня среди таких стран в первую очередь можно назвать Китай и Индию.

Что касается Китая, то сразу возникает ключевой вопрос: а нужны ли перемены ему? Китайцы вряд ли с легкостью откажутся от системы, которую они сумели наладить под себя и где они уже чувствуют себя комфортно.

Маленький, но показательный пример. Появилось сообщение о том, что компания Huawei не будет поставлять оборудование для связи в Российскую Федерацию. Скорее всего, на китайцев надавили американцы. Случившееся наталкивает на мысль, что Китай не будет стремиться к поиску новых способов экономического взаимодействия с Россией, а продолжит исходить из того, какие возможности у него остаются в системе, где он преуспел.

Население Индии растет очень бурно, и даже только за счет него эта страна имеет все шансы в ближайшем будущем стать одной из самых могучих экономических держав наряду с Китаем. Вчера я приводил прогноз Международного валютного фонда, согласно которому к середине века индийская экономика на 10–15 % обойдет американскую. На мой взгляд, индийцы не смогут стать партнерами России в той мере, в какой ей это необходимо для выстраивания единой системы полицентричности на основе справедливых и разумных с ее точки зрения принципов.

Последнее, на чем я хотел бы сейчас остановиться, — международное право. Оно подвергается серьезному давлению. Многие страны придерживаются принципа, что право — это инструмент защиты слабых, и им оно необходимо больше, чем сильным, поэтому последним развивать и укреплять право, как и придерживаться его норм, необязательно.

Возврат к пониманию того, что международное право нужно рассматривать как доминирующий инструмент при построении любых схем полицентричности, должен оставаться одним из центральных элементов нашей внешней политики, в каких бы измерениях мы ее ни проводили — в сотрудничестве с близким нам ЕС или в борьбе на международных площадках.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предоставляю слово директору Института Европы РАН Алексею Анатольевичу Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Попробуем представить себе 2050 год. Кто чуть менее чем через 30 лет войдет в десятку стран мира по ВВП с учетом паритета покупательной способности? По итогам 2021 года Россия находилась по этому показателю на шестом месте. Я предположу, в 2050 году в первой пятерке с большой долей вероятности окажутся такие центры силы, как Китай, США, Япония, Индия и, возможно, Германия. С Россией за позицию в первой десятке будут серьезно конкурировать Бразилия, Южная Корея, Турция, Мексика, Индонезия. Обращаю внимание на то, что к 2050 году из европейских стран (в Европе это, кстати, очень хорошо понимают) только Германия сможет претендовать на место в десятке самых крупных экономик мира. Там, скорее всего, не окажется ни Великобритании, ни Франции, не говоря уже о малых странах. Для России такое развитие событий станет вызовом. И ее положение будет зависеть не от действий других стран, а от внутренней ситуации, в первую очередь в социально-экономической сфере.

Я считаю, что те явления, которые примерно с 2020 года казались новыми (возникновение напряжения между коллективным Западом и Россией, США и Китаем), были продолжением крупных тенденций и событий, наблюдавшихся еще в 1980-е и особенно в 1990-е годы. Не бывает ничего случайного или непредсказуемого. Закон взлета и падения великих держав, который работал на протяжении многих столетий, будет действовать и в XXI веке.

Как себя вести в таком нестабильном и опасном мире? Скорее всего, верная стратегия состоит в том, чтобы не бросаться из крайности в крайность, а стараться хеджировать риски, доводить до возможного максимума внутреннюю стрессоустойчивость, искать во всем баланс и исходить по возможности не из идеологем, а из здравого смысла.

В этом контексте я хочу коснуться вопроса о суверенитете. Понятно, что суверенитет, как и свобода, абсолютным не бывает. Если общество открывается внешнему миру, то, естественно, встает вопрос и об уязвимости перед внешними конкурентами. Насколько закрытыми или открытыми надо быть? Следует ли превращать импортозамещение в воссоздание нашей жизни только во внутреннем контуре? Очень важно понимать, что XXI век, как и XX, будет веком государств-наций, и институт национального государства по-прежнему останется фундаментом тех механизмов, с помощью которых будут решаться вопросы глобального управления и регулирования и определяться развитие региональных структур.

Ни один центр силы не может самостоятельно решать вопросы, касающиеся его национальных интересов. Здесь вступает в силу представление об объединениях — региональных или трансрегиональных, — с помощью которых, как с помощью мультипликатора, государство (или государства), ставшее ядром союза, может добиваться желаемого и формировать мир по удобным для него правилам.

В этом смысле прекрасными примерами выступают Франция и Германия, которые вокруг себя смогли собрать Евросоюз, представляющий собой самую крупную экономику на планете. Видимо, это и будет основной инструмент их работы во благо себе и союзникам в XXI веке.

Хотя сейчас развитие Китая идет по нарастающей, он не сможет существовать сам по себе. Именно по этой причине Китай системно создает целый механизм, с помощью которого десятки других стран могут помочь ему стать самым крупным центром силы.

Наконец, Россия. У нашей страны тоже есть потенциальные мультипликаторы. Ими способны стать Союзное государство, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, а также БРИКС, ШОС, ОПЕК+ и АСЕАН+.

Несколько завершающих замечаний. Первое: на мой взгляд, полностью уходит в прошлое неолиберальная модель глобализации. Второе: безусловно, мы уже живем в полицентричном мире, но пока не понимаем, как он будет развиваться. Это может быть как полицентризм, действующий по закону джунглей, так и полицентризм, где государства уважают друг друга. Третье: происходит стратегическая расстыковка между США и Европой, хотя сейчас она и затушевывается их консолидацией вокруг событий на Украине. Также абсолютно ясно, что США держат курс на развязывание новой холодной войны с Китаем.

И последнее. Можно ли утверждать, что мы видим формирование новой биполярности? Распространено мнение, что США и Китай — это новые центры мировой силы, к которым будут примыкать остальные страны. Я считаю, что, скорее всего, мы имеем дело с ловушкой аналитики, потому что полицентричный мир не может быть одновременно миром новой биполярности. Не представляю, как в новой биполярности найдется место России, Индии и иным странам, которых такая система сделает ведомыми и уж точно лишит возможности формировать мир вокруг себя по правилам, выгодным им, а не другим.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предоставляю слово академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Хочу оттолкнуться от того, что сказал Алексей Анатольевич Громыко. Мне кажется, нам не нужно сейчас увлекаться прогнозами. Будет ли Россия на пятом, шестом или восьмом месте, гражданам страны по большому счету все равно. Им важны достаточный уровень комфорта существования, соблюдение тех норм жизни и ценностей, к которым привыкло наше общество.

Однако коль скоро затронут вопрос ранжирования, нам, пожалуй, нужно говорить о том, где будут государства, которые в первую очередь входят в орбиту нашего влияния — страны Южного Кавказа, Центральной Азии и некоторые другие. В этих регионах наблюдается целый ряд тревожных тенденций, которым мы иногда не уделяем должного внимания.

Также нужно сказать о том, что, на мой взгляд, среди наших национальных приоритетов должно быть повышение международной привлекательности России и в экономической, и в политической, и в культурной сфере. Конечно, санкции нас несколько отбрасывают назад. Однако я считаю, что мы справимся с их последствиями, и сфокусироваться нужно прежде всего на другой проблеме. Это проблема взаимодействия с соседними странами, в том числе восточными, на которых я сделал акцент, упомянув Центральную Азию и Южный Кавказ. Безусловно, отношения России с исламским миром, наряду с российско-китайскими отношениями, — ключевое направление внешней политики, которое требует особого внимания.

С Китаем у нас не всегда совпадают интересы, и следует привыкать к некоторой асимметричности в отношениях с ним, особенно с учетом того, что он, как крупный поставщик товаров и услуг, является для нас особо значимым партнером. В целом на Китай можно положиться. Однако нужно держать ухо востро, чего, мне кажется, нам иногда не хватает.

Везде, так же как в СНГ, есть лоббисты интересов других государств мира, и понимать, чего они хотят и как будут использовать желаемое, в том числе в своей внутриполитической борьбе, очень важно. Алексей Анатольевич верно заметил, что России нужна определенная перестраховка, хеджирование рисков. Я бы сказал, что скорее речь идет именно о перестраховке и о том, чтобы наши партнеры, в первую очередь на Востоке, были уверены: работа с Россией не нанесет ущерба их национальным интересам. Такие опасения есть и у представителей стран СНГ, хотя чаще всего они ими делятся в приватных беседах.

Вчера уже затрагивалась проблема защиты окружающей среды. Сейчас она еще более обострилась. С учетом огромной площади нашей страны мы можем чувствовать себя более уверенно, чем остальные: одну часть государства бедствие затронет, но прочие, вероятно, останутся невредимыми. В то же время должна существовать продуманная стратегия отношений со средой, составленная с учетом ви́дения ситуации в целом. Экологический конфликт влечет за собой разного рода болезни, и, полагаю, нужно ожидать возникновения новых пандемий и эпидемий.

Пока на Чтениях никто не говорил о проблемах, связанных с космосом. Между тем наши противники активно обвиняют Россию в его загрязнении. Здесь тоже ведется идеологическая война, в которой мы, по-моему, уступаем.

К сожалению, утратила значение идея «русского мира». Мы, честно сказать, ленимся ее продвигать. Нужно апеллировать к нашей общей истории — общей со странами не только СНГ, но и Восточной Европы. Я вчера уже отмечал, как эффективно работают связанные с ней смыслы. Скажем, в разных государствах есть люди, которые дорожат наследием победителей во Второй мировой войне, — это и их война, и, разумеется, наша тоже. Следует это использовать.

Подчеркну: в рамках полицентричной системы нужно создавать альянсы, искать союзников. С одной стороны, безусловно, движение мира к полицентричности ослабляет Запад в противодействии не-Западу. С другой стороны, полицентричность несет в себе и угрозы. Достаточно привести в пример не всегда простые отношения России и Турции.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Коллеги, хочу задать вам (прежде всего тем, кто уже высказался) два вопроса. Не существует ли риска, что полицентричность станет войной всех против всех? На второй вопрос меня натолкнули слова Виталия Вячеславовича. Когда мы говорим о своих союзниках, обычно имеем в виду бывшие республики СССР. В самом ли деле эти государства — наши друзья или они скрытые, полускрытые и явные противники нашего усиления?

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Я, как представитель одной из бывших советских республик, отвечая на вопрос о предпочтительности полицентричности или однополярности, хочу сказать, что если бы мы доминировали, то однозначно отстаивали бы однополярность. В дальнейшем было бы принято решение о делегировании полномочий и пр.

Если подняться на более высокий уровень обобщений, то следует ответить на вопрос: что важнее — духовное или материальное? Виталий Вячеславович Наумкин высказал мысль о необходимости продвижения идеи «русского мира», моментов, связанных с нашей общей историей, и пр. Важна не только экономика, но и цель, понимание того, куда мы идем и за что боремся.

Сегодня, в очень сложный период, можно говорить о том, что наших противников, а если называть прямо — врагов, купили, то есть за деньги вовлекли в однополярный поток. Но это не столько покупка, сколько создание условий, при которых они поверили в стратегию и идеологию, позволяющую двигаться в невыгодном для нас сегодня русле.

Необходимо формулировать стратегии и размышлять о том, куда мы движемся. Лобовая реклама, новостной блок, стремление говорить с позиции сильного, когда один доминирует, а остальные внимают, — это технологии прошлого века. Пиар воздействует на бессознательное, поэтому должен стать неотъемлемой частью нашей работы. Необходимо переключиться на ценности и идеалы и говорить о том, что мы понимаем под ними, и вообще артикулировать нашу деятельность.

Резюмируя, хочу сказать, что поиск стратегии развития и определение ценностей, которые должны нас консолидировать, лежат в основе ответа на поставленный вопрос о полицентричности и однополярности. Мы выступаем за многополярность, общие ценности, но должны понимать, куда пойдем, возможно даже под совместным флагом.

М. В. ЗАХАРОВА: — Создается впечатление, как будто без понимания того, что будет с нами завтра, мы не можем никуда двигаться. Мы считаем себя самыми умными, поэтому должны знать, куда в итоге придем. Наша жизнь напоминает движение поезда по заданному маршруту. Но

мы же не поезд, а люди, следующие принципам, то есть традиционным ценностям, которые закреплены в основополагающих документах. Они очевидны и просты, в них заключена философская, идеологическая база, создававшаяся тысячелетиями. Это государство, в основе которого — семья, состоящая из мужчины и женщины, рождающая девочек и мальчиков, а не особей среднего рода. Мы определили форму организации общества (от начальной ячейки до высшей) и закрепили ее в основополагающих документах.

Я согласна с Игорем Ивановичем в том, что нужно доносить до людей идеи, используя простые слова. Все можно разложить по полочкам, как в песне «С чего начинается Родина». Но мы считаем, что в нашем высоком обществе не следует рассуждать о таких банальных вещах.

Сергей Иванович упомянул о том, что Huawei не будет поставлять оборудование для связи в Российскую Федерацию, потому что на них надавили американцы. Но это, скорее всего, не совсем так, потому что нам доступны только открытые данные, но есть и закрытые.

Считаю, что работать надо со всеми сторонами по любым вопросам. Пример — несмотря на множество разногласий, США направили в Венесуэлу делегацию, которая встретилась с представителями правительства Николаса Мадуро. И России необходимо поступать так же.

Как на протяжении 20 лет развивались отношения России с Китаем? Наша элита клеймила это направление. Поэтому в Китае практически нет корпунктов российских СМИ. Такое же отношение Россия проявляет к другим частям света: ноль внимания к Африке и Азии в медийном плане и на внешнем контуре, и внутри.

Чтобы сделать китайское направление привлекательным, надо увеличить финансирование и подключить маркетинг. А мы задействуем гамбургский порт как важнейший и платим за это большие деньги, несмотря на то что с Китаем у России вторая по протяженности граница и есть железная дорога. Поставляя товары по ней, мы накормили бы всю страну на этом направлении.

Наша экономическая элита 20 лет делала все, чтобы отвратить людей от Китая, пугая нас возвращением «челноков», которые, между прочим, в сложные 1990-е годы помогли населению выжить. Теперь «челноки» будут ходить не с сумками, а с красивыми портфелями, но во многом они повторят тот же путь. Малому и среднему бизнесу, поставляющему в Европу продукцию и переводящему туда деньги, не давали возможности взглянуть на китайское направление прагматично.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Сергею Юрьевичу Глазьеву.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Отвечая на вопрос Константина Федоровича, хочу сказать, что войны всех против всех не будет в силу высокой связанности международных экономических отношений, которую мы сейчас на себе почувствовали, так же как и Китай. Концепция нового мирохозяйственного уклада ориентирована прежде всего на совместное инвестиционное сотрудничество и кооперацию.

Я полностью согласен с Марией Владимировной, высказавшейся в пользу расширения сотрудничества с Азией.

М. В. ЗАХАРОВА: — На вопрос журналиста К. Ремчукова о том, не боимся ли мы, что Китай, Азия предадут Россию, я ответила, что Европа нас предавала неоднократно. Потенциально надо не только просчитывать, но и закладывать эти риски и продолжать работать.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Мария Владимировна, на эти вопросы ответил император Александр III, сказав, что у России есть только два союзника: армия и флот.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я хотел бы обратить внимание на то, что в свое время Китаю было комфортно вести дела с США, но он отрезвел после торговой войны, которую объявил Трамп. Сейчас Китай смотрит на мир совершенно по-другому и сбрасывают долларовые резервы.

Вопрос Константина Федоровича о союзниках я хочу переадресовать российской стороне. Мария Владимировна говорит о двусторонних отношениях, а в рамках ШОС уже 20 повесток формируют (можно сказать, навязывают) американцы вместе с Банком международных расчетов. Представители России из Минфина и Центрального банка визируют документы, даже не читая их. То есть нам самим нужно предлагать инициативы, особенно в ШОС, которая открыта для диалога. Китай и Индия ждут от нас инициативы, потому что у них (при огромных размерах и мощи) нет такого опыта международной деятельности, какой есть у России, но скоро они перестанут ждать.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется Сергею Ивановичу Кисляку.

С. И. КИСЛЯК: — Китай рассчитывал, что все изменится к лучшему, когда Д. Трамп перестанет быть президентом. Действительно, постепенно все смягчилось, но процесс не повернулся вспять. Объективно для построения нового миропорядка России нужны союзники. И Китай, конечно, здесь цель номер один. Я сомневаюсь в том, что наших китайских друзей привлекает идея биполярного устройства. В силу своего менталитета они не будут рисковать и пока не готовы нести ответственность за мир. Они заинтересованы в работе с нами, и Россия не должна упустить этот шанс.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — В России бытует мнение, что китайцы только и ждут случая, чтобы заполонить Сибирь. Однако Китай во все времена волновала одна проблема — как накормить большое количество людей. И поэтому агрессивность китайцев смягчается пониманием необходимости мирной жизни.

Слово предоставляется главному редактору газеты «Московский комсомолец» Павлу Николаевичу Гусеву.

П. Н. ГУСЕВ: — Мария Владимировна сказала, что в Китае практически не представлены российские СМИ. Примерно 15 лет назад я, как глава Союза журналистов России, пытался открыть в Китае ряд русскоязычных изданий. Для этого потребовалось соответствующее решение ЦК Компартии Китая и оформление большого количества документов, смысл которых не соответствовал мотивам, с которыми мы хотели прийти туда. Преодолеть барьеры, по крайней мере в тот период, было невозможно. Тогда же отказались и от собкоров.

Что касается развития отношений России с Китаем, то вспоминается, как мэр Лужков категорически заявил, что Чайна-тауна и китайцев в Москве не будет.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется сотруднику Института Африки РАН Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — На вопрос Игоря Ивановича: «За что мы боремся и куда идем?» Мария Владимиров-

на ответила: «Зачем нам знать, куда мы идем». Я с огромным уважением отношусь к Марии Владимировне, но хочу поспорить с тем, что было сказано на панельной дискуссии, что идеология — это когда человеку хочется жить в своей стране. Ведь можно провести целенаправленную селекцию, например, такую, что была объявлена недавно в высшем образовании: мы формируем не творца, а потребителя. То есть можно вывести такую породу людей, которым будет удобно жить в одном обществе, но некомфортно в другом.

Говоря о «русском мире» и этике, я хотела бы сформулировать дилеммы, характерные для нашего типа этики: общее выше частного (раньше: общественное выше личного); справедливость выше закона (как известно, наша сила в правде); духовное выше материального; власть выше собственности (об этом говорила и Мария Владимировна); служение выше владения.

Эти дилеммы не навязаны российской этике, а созданы в ходе традиционного развития. Я, как представитель Института Африки, могу сказать, что эти принципы близки традиционной африканской этической системе. Подобная модель была привлекательна для стран третьего мира, и во многом именно поэтому был успешен советский проект по деколонизации Африки.

Вчера на пленарном заседании возник вопрос: почему же все-таки при наличии сильнейшей идеологии и соблюдении морального кодекса СССР распался?

Цивилизационное развитие имеет форму веретена, в котором есть нижняя часть — традиционная, верхняя часть — стратегия, цели и задачи развития, и срединная часть — бытийная, которой уделяется недостаточно внимания. Нельзя делать акцент исключительно на одну из этих частей. Сила — в балансе, золотой середине в нашей традиции или пути Дао — в восточной, евразийской, к которой мы обращаемся сейчас.

Я являюсь членом исполкома Всемирной федерации научных работников. В 1946 году Ф. Жолио-Кюри создал ее как организацию ученых, которые должны нести ответственность за судьбы мира в связи со своими открытиями. Это произошло после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. И до сих пор члены этой организации говорят о разоружении. Но в условиях сложившегося однополярного мира о нем не может идти и речи. Яркий пример — КНДР, развивающая ядерное вооружение, и Муаммар Каддафи, который отказался от ядерного проекта.

Следует упомянуть один нюанс, связанный с парадоксом разоружения. После сокращения вооружения у западной элиты возникла иллюзия, в которой она пребывает до сих пор, что в ядерной войне можно выжить, оборудовав бункер и пр. Страх от возможности нанесения удара девальвировался.

Мы знаем, что гибридная война ведется на разных уровнях, первый из которых (система образования, память о войне, героях, памятники) исторически, фактологически, мировоззренчески постоянно подвергается нападкам. Второй уровень — финансово-экономический (Бреттон-Вудская система, санкции и пр.) — является мощным оружием в гибридной войне. Следующий уровень — военный (миротворческие операции, спецоперации, война против генофонда через алкоголизацию, наркотические вещества и пр.).

Мы должны быть сильными, чтобы оставаться таковыми и претендовать на суверенитет.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово члену Президиума РАН Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Почему Африка всегда находится на периферии во всех областях наших отношений с другими странами? Потому что она практически отсутствует в информационном пространстве. С 25 января по 2 февраля 2022 года мы провели исследование и выяснили, что доля упоминаний США в наших СМИ на тот момент составляла 14 %, а Африки — менее 0,5 %. И это еще высокий показатель: сейчас он составляет менее 0,01 %.

Эту тему в своем выступлении затронула и Мария Владимировна. Вся Африка южнее Сахары не покрыта российской информацией, соответственно все страны получают сведения о России из западных СМИ, что в том числе формирует общественное мнение в них, хотя на уровне министров и высших руководителей они делают реверансы в сторону России. Кстати, Эритрея — одна из стран, которая не поддержала американо-украинскую резолюцию. А наше ближайшее окружение, Евразийский экономический союз, воздержалось при голосовании, опасаясь санкций. В Эритрее правит диктатор, но в геостратегическом плане эта страна интересна России.

Почему нам следует обратить внимание на Африку как на еще один формирующийся полюс развития? Во-первых, молодое население Африки (до 25 лет) составляет 60 %. Это наше будущее, именно молодежь предъявляет основной спрос на современные товары и услуги. Во-вторых, начиная с 2040 года прирост среднего класса, основного потребителя, будет происходить не в Азии, а в Африке. В-третьих, вопросы безопасности. В связи с созданием нового блока AUKUS (оборонный альянс Австралии, Великобритании и США) возникла огромная территория, в которую вовлечен Африканский континент. Нам следует рассматривать Африку и с точки зрения размещения там новых точек противодействия России. Уже ведутся переговоры с Кенией и ЮАР. Наконец, Африка — это 54 страны, то есть 54 голоса ООН.

Сергей Юрьевич говорил о формировании новой системы мировых расчетов. Африканцы очень заинтересованы в этой системе, включающей национальные валюты и реальные биржевые товары, потому что они, как и Россия, обладают 35 % мировых ресурсов, необходимых для производства высокотехнологичных товаров. Если мы говорим о цифровых валютах, то тут у Африки можно поучиться, потому что первый онлайн-платеж в мире был проведен в Кении, а не на Западе, Руанда отказалась от бумажных денег и пр.

Елена Григорьевна, какова численность женщин в Государственной Думе?

Е. Г. ДРАПЕКО: — 14 %.

И. О. АБРАМОВА: — А в Руанде — 64 %, в ЮАР — 35 %. Они уделяют большое внимание роли женщин.

Нам следует двигаться от противного. Все, что происходит сегодня в России и Беларуси, прежде было опробовано на Африке: колониальные технологии, превращение в сырьевой придаток Запада, развязывание «цветных революций» (с вовлечением молодежи, детей, сетевой передачей информации).

Все, что совершается в науке, тоже было отработано в Африке: привязка африканской науки к западной, утечка мозгов, гранты в тех областях, где африканцы достигли определенного уровня (в первую очередь эпидемиология и медицина). Согласно открытым данным, в странах Африки расположено более 45 биологических лабораторий США. Стоит учитывать большое количество инфекционных болезней в Африке и то, как этим фактом можно манипулировать.

Еще одна технология, которая была опробована в Африке, — разрушение национальной идентичности, отказ от национального языка, который формирует мышление. Все африканские страны — либо франкофоны, либо англофоны, либо используют португальский, арабский и испанский языки (речь идет о черной Африке).

Игорь Иванович говорил о технологиях манипулирования общественным сознанием — они тоже опробованы на Африке. Я много лет работала с африканскими мигрантами по линии Совета Европы и видела, как действуют представители этой организации.

Необходимо мыслить стратегически, а мы постоянно немного отстаем. Китай стал великой державой, теперь мы с ним дружим. А в 1990 году, когда в России на Китай никто не обращал внимания, ВВП этой страны (389 млрд долларов) был сопоставим с ВВП Украины (293 млрд).

В связи с Африкой следует говорить не о торговле, а о технологиях. У России есть технологии, которые нужны Африке и которые мы можем отработать на огромном, быстроразвивающемся молодежном рынке. И тогда России и Африканскому континенту успех будет обеспечен.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Ирина Олеговна, я поддерживаю все, что Вы сказали, наверное, как и многие присутствующие. В Советском Союзе считалось, что лучшие друзья Советского Союза — угнетенные народы Африки.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Африканцы хотели бы прислать в Россию делегацию и установить контакты хотя бы на уровне культуры, но ощущается сопротивление со стороны Министерства иностранных дел.

М. В. ЗАХАРОВА: — Направления Азии и Африки будут укрепляться за счет перераспределения кадровых ресурсов в МИД, но это невозможно сделать за один день.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется академику РАН Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — В связи с празднованием юбилея Петра I хочу сказать, что утечку мозгов придумал именно он, пригласив в Россию 17 выдающихся европейских ученых для создания Санкт-Петербургской академии наук и художеств (предшественницы Академии наук). В середине XVIII века количество зарубежных и российских ученых сравнялось. Может быть, нужно взять пример с Петра I: что целесообразно, то и следует делать?

Люди до XX века жили с пониманием того, что они бессмертны. Несмотря на то что велись войны, были эпидемии, катаклизмы, человечество возрождалось и увеличивалось. Первый звонок прозвучал в августе 1945-го, когда на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Спустя несколько десятилетий прозвенел второй звонок — экологический кризис.

Техногенный пресс, давление которого началось в середине XVIII века и продолжается уже 240 лет (а мы сейчас находимся на пике техносферы), нарастает и неизбежно приведет к самоликвидации человечества.

В 2002 году в ЮАР прошел Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию, посвященный охране природы планеты, на котором были оговорены комплексные природоохранные программы и предусмотрен переход на безотходные производства замкнутого цикла. Все понимали, что может разразиться экологический кризис, была согласована сумма взносов для решения проблемы выброса парниковых газов в атмосферу. Но США — лидер по масштабам выбросов — заблокировали свое присоединение. И все закончилось, так и не начавшись.

Главное — это здоровье. В странах Африки средняя продолжительность жизни в середине 1990-х составляла 54–55 лет, в Японии приближалась к 80 годам, в России достигла отметки 70 лет. А сегодня в Японии средняя продолжительность жизни равна 85 годам, в США — 80, в Скандинавских странах — 82, в развитых государствах — 82–83, а в России — 72. Кроме того, такой разницы между продолжительностью жизни мужчин и женщин, как в России, нет больше нигде: как правило, она составляет 1–3 года, а в России — 11–12 лет. Мужчины у нас в среднем живут 66–67 лет. Согласно научным данным, между пенсионным возрастом и возрастом дожития должно быть не менее 10–12 лет. Если в среднем люди живут 67 лет, а на пенсию выходят в 65, то это надо как-то объяснить и реагировать на запросы науки.

К сожалению, в России начиная с 2014 года происходит планомерное разрушение Академии наук и превращение ее в общественный клуб. На Западе академии не государственные, а общественные. Члены западных академий не академики, а Doctor of Philosophy либо Professor. В России же начиная с петровских времен в Академию наук входила интеллектуальная элита.

Сейчас нередко высказывается мнение, что Академия наук — это устаревшая форма организации. Я хотел бы привести в качестве примера Китай, который в 1949 году создал свою Академию наук по кальке с Академии наук СССР. Но в КНР имеет место соответствующее финансирование. Там, где все работает системно и науке уделяется достаточно внимания, академическая форма эффективна и вполне себя оправдывает.

Российский Институт иммунологии и физиологии и китайский Институт микробиологии и иммунологии в Харбине в 1990 году подписали договор. В то время наши условия были сопоставимы: 150 сотрудников и два двухэтажных здания. Сейчас в Китае действуют пять 20-этажных институтов и одна научно-исследовательская лаборатория, 1,5 тыс. сотрудников, а у нас как было 150 человек, так и осталось. Кроме того, в Китае функционирует биотехнологический корпус, который заполнен наполовину, так как рабочие места ждут молодых специалистов, которые должны вернуться из Европы и США и развивать направления, связанные с вакцинологией и иммуноглобулинами. Сегодня в Китае популярен лозунг, призывающий вернуться в родную страну всех обучившихся.

Еще одна важная проблема современности — распространение биолабораторий. Так, в странах Африки насчитывается 60 таких лабораторий, в Грузии — 8, в Китае — 40 и т. д. Природа создает патогенные штаммы, а в лабораториях их доводят до уровня высшей патогенности.

К 60 годам у человека (не важно, в какой стране он живет — в Японии, Нидерландах, Швеции или России) накапливается букет болезней, но в организме они уравновешивают друг друга, главное, чтобы не было обострений. Мощная вирусная инфекция оказывается стимулятором, запускающим хронические процессы. В итоге одно заболевание провоцирует все хронические.

Здесь уместно сказать о разнящихся в России и на Западе статистических данных о количестве смертей от COVID-19. Допустим, смерть человека наступила от инфаркта миокарда, но после того, как сделали ПЦР-тест, выяснилось, что у него был COVID-19. Однако в качестве причины указывают «инфаркт, осложненный коронавирусом». А нужно наоборот, потому что COVID-19 запустил

инфаркт. Поэтому в России статистика свидетельствует о 370 тыс. умерших, а в Соединенных Штатах Америки — об 1 млн. Однако когда в России проанализировали данные за два года, то произошло увеличение смертности на 985 тыс. Цифры не обманешь.

Необходим полицентричный мир, но и в моноцентричном есть определенные плюсы. Главное — решить проблемы во всех важных областях, в том числе в сфере воспитания.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Если Академия наук не в состоянии самостоятельно решить проблемы, то не на кого пенять. Неужели большое число уважаемых людей не могут организоваться, чтобы доказать свою правоту и право на существование Академии? То, что произошло с Академией наук, — неправильно.

Слово предоставляется члену Совета по внешней и оборонной политике Сергею Алексеевичу Цыпляеву.

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Помнится, на одном из форумов цикла «Петербургский диалог» генерал Л. Г. Ивашов сказал, что будет создан мощный антиамериканский военный блок, в который войдут Россия, Индия и Китай. На ехидный вопрос экспертов, кто возглавит этот блок, он с улыбкой ответил: «Конечно, Россия».

Сейчас я бы не возлагал на Китай больших надежд. При этом китайцы согласны дружить с Россией — почему бы и нет? Говорят: у вас такая большая территория, так много полезных ископаемых. Вот их отношение, с которым мы должны считаться.

Мы по привычке не воспринимаем Китай как отдельный центр силы, и многополярность наша дальше двух полюсов, похоже, не простирается. Однажды на заседании Совета по внешней и оборонной политике России Сергей Лавров произнес довольно длинную и проникновенную речь о необходимости равноправия всех государств в мире. Я задал вопрос: «Как же тогда мы смотрим на право вето в Совете Безопасности ООН? Это особое положение пяти стран, а отнюдь не равноправие». Он сказал, что все правильно, так и должно быть. Это тоже свидетельствует о том, что мы не предполагаем больше никаких полюсов, более того — отказываем даже ЕС в том, чтобы быть полюсом, считая, что он идет в фарватере Америки. Думаю, что мы не готовы пересматривать свое отношение к многополярности.

Китай не заинтересован в России как в индустриальном конкуренте. Он абсолютно прагматичен в своих действиях. Россия же фактически начала заниматься реиндустриализацией.

Вспомним, как проходила индустриализация в Советском Союзе. Сталинградский тракторный завод был разрезан в Америке, привезен сюда и построен, Магнитогорский металлургический — копия завода в городе Гэри, штат Индиана, и т. д. ДнепроГЭС проектировали американцы, они же построили 15 из 16 турбин, генераторы изготовили немцы, Уралмаш был полностью оснащен западным оборудованием. Это не повод посыпать голову пеплом — понятно, что тогда было принято единственно правильное решение. Сегодня тоже, если взяться за импортозамещение всего и вся, страна может оказаться в крайне тяжелом положении.

Невозможно заместить высокотехнологичный импорт одним махом. Например, в Афганистане нужен был прибор ночного видения, а сделать его никак не получалось, несмотря на все усилия инженеров и героев социалистического труда.

Несколько комментариев к общей дискуссии по идеологии. Меня очень беспокоит появление «новой религии», адепты которой говорят, что все в этом мире организовали и сделали американцы, потому что они всемогущи. Я называю их сектой американопоклонников. Такие речи внушают нам беспомощность, которая подавляет нашу инициативу, способности, интеллект и т. д. Ничуть не лучше рассказы о том, как отвратителен Запад. Мы, мол, предлагаем прекрасные решения, но они все отвергают. Это не что иное, как выученная беспомощность.

Я не могу согласиться, что Индия и Китай вскоре станут мировыми лидерами по объему ВВП, потому что технологии по-прежнему генерируются на Западе. Единственная страна, которая экспортирует технологии, — Соединенные Штаты. Не стоит рассчитывать, что Индия и Китай, просто заваливая мир дешевыми товарами, добьются мирового лидерства и их пример будет нас вдохновлять.

В завершение хочу вновь обратиться к сегодняшнему юбиляру. Известно, что Петр I приглашал в Россию европейских ученых, заимствовал технологии, отправлял дворянских детей учиться в Европу, да и сам туда ездил с той же целью. Такое ощущение, что мы хотим опровергнуть правоту и Петра Великого, и Сталина и совершить чудо — прорыв в условиях изоляции. Боюсь, это будет стоить огромных и неоправданных затрат, и Китай не поможет.

Что же касается многополярного мира, то у нас есть отличная иллюстрация нашей готовности к нему. В Петербурге работает Межпарламентская ассамблея стран СНГ, в правилах которой записано, что ее председатель регулярно переизбирается с обязательной ротацией. Так вот, с 1994 года «ротация» происходит таким образом, что председателем всегда является представитель Российской Федерации. Поэтому давайте не строить иллюзий. Если мы действительно ратуем за многополярный мир, нам придется очень многое изменить в своей жизни и сознании.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Мы никогда не говорили, что собираемся развивать многополярность в рамках СНГ, иначе наступило бы сумасшествие. Кстати, именно многополярность в СНГ пытались предложить те, кто в свое время организовал Союз ГУАМ наряду с СНГ и до сих пор пытается создать из Украины такой субъект, который сможет противостоять России. Это и была попытка создать многополярность в СНГ. Так что фактическое председательство России в Межпарламентской ассамблее СНГ вполне логично.

Что касается сталинской индустриализации, я не стану с этим спорить, единственное мое возражение заключается в том, что тогда мы опоздали. Когда наступил 1941 год, было уже поздно развивать кооперационные связи с Германией, хотя немецкое промышленное оборудование сильно помогло бы нашей промышленности. Помоему, 1941 год в отношениях с Германией — примерно то же, что 2022-й в отношениях с Соединенными Штатами. Было бы странно сейчас приглашать американских специалистов, хотя они могли бы быть очень полезны.

Будучи депутатом Государственной Думы, могу сказать о тех действиях, которые в создавшейся ситуации правительство считает нужным предпринять в первую очередь. Парламент, как и президент, вполне доверяет правительству в этом отношении. В первом пакете мер, например, предлагается скорректировать пошлины. В частности, покупка автомобиля иностранной марки облагалась налогом на роскошь в том случае, если ее стоимость превышала 3 млн рублей. Теперь предлагается повысить лимит до 10 млн. Эта мера принимается в рамках структурной трансформации экономики в условиях специ-

альной военной операции. Однако в военно-промышленном секторе у нас, к сожалению, по-прежнему доминируют финансисты. Ваше предприятие хочет получить заказ на выпуск ракет и самолетов? Тогда берите кредиты под залог своей собственности. Это типичный менеджерский подход, а не мобилизация экономики, которая сегодня так необходима.

В заключение — о хорошем. Подводные лодки производятся в Санкт-Петербурге — проектируются в КБ «Малахит» и изготавливаются концерном «Гранит». Я немного знаю технологический процесс и уверяю, что никакого американского оборудования на этих предприятиях нет.

Е. Г. ДРАПЕКО: — В Петербурге все предприятия оборонного сектора работают с отрицательной прибылью.

С. А. ЦЫПЛЯЕВ: — Экономика не исчерпывается военной сферой. Надо создавать и развивать гражданские отрасли для мирной жизни, и здесь нас подстерегают большие сложности.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Согласен. Готов повторить свой тезис: мы снова опаздываем. Многое надо было сделать раньше, но теперь это уже невозможно. Сейчас мы находимся в особой ситуации, и теперь надо делать другое.

Приглашаю выступить профессора Владимира Александровича Шамахова.

В. А. ШАМАХОВ: — У меня всего лишь несколько реплик. Во-первых, новый миропорядок многополюсный и другим быть не может. В настоящее время мы выбираем, с кем будем сотрудничать больше, с кем меньше. В любом случае в отношениях с США, Китаем, Индией и другими странами нам необходима стратегия, а стратегии не может быть без идеологии. И в США, и в Китае идеология есть, причем очень мощная, последовательная и системная.

Во-вторых, отмечу, что в России к идеологии часто относятся как к вере или мечте. На самом деле идеология — это в первую очередь целеполагание. Если мы не определимся с этим с самого начала, то будет сложно двигаться дальше, и мы так и будем шарахаться из стороны в сторону. Это важно особенно сейчас, когда международное право практически развалилось.

В-третьих, снова о полюсах. Мы говорим об экономических, политических и тому подобных полюсах. Предлагаю вернуться к традиционному пониманию полюса как физического феномена. Через Арктику можно осуществить глобальный прорыв, в том числе и экономический.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Член-корреспондент РАН Леонид Леонидович Фитуни, Вам слово.

Л. Л. ФИТУНИ: — Коллега Шамахов упомянул об идеологии как целеполагании. Принято считать, что идеология — это система концептуально оформленных идей, выражающих интересы, мировоззрения и идеалы некоего сообщества — государства, социального класса и т. п. Идеология, приемлемая для всего мира, должна включать идеи, воспринимаемые всем миром как позитивные.

Есть довольно красивая концепция многополярности, которую еще в 1990-х годах развивал замечательный российский государственный деятель Е. М. Примаков. По его прогнозу, многополярная система будет базироваться на трех столпах — России, Индии, Китае. Но действительно ли это будут только три страны? Или, может, больше — плюс, например, те же Соединенные Штаты или какое-то другое государство — Турция, Иран? Готовы ли мы к большему числу полюсов силы? Мне кажется, такая многополярность нам не очень понравится. Она окажется для нас хуже биполярности или даже монополярности, потому что придется тратить много сил и ресурсов на противостояние давлению. Так что будущий многополярный мир требует внимательного изучения и научно обоснованных, тщательно выверенных прогнозов. В этом смысле я готов поддержать тезис Марии Владимировны о Китае. Она сделала акцент на внешнеполитическом и отчасти информационном параметре этого вопроса. Анатолий Чубайс в 1990-е годы на предложение определенных мер в сфере экономики, как правило, возражал: «Вы что, хотите, чтобы у нас было как в Китае?» К концу 1990-х доминировала уже другая точка зрения: Китай так быстро растет, но у нас другой путь. В 2000-е годы мнение снова изменилось: почему бы и не как в Китае, если у них такие впечатляющие успехи?

Что касается китайской истории и ментальности, то здесь следует помнить одну важную деталь. В большинстве случаев у китайцев совершенно нет тех концепций, которые мы выдаем за их ви́дение. Мне пришлось столкнуться с этим на собственном опыте, когда в Президиум РАН приехала китайская делегация. Президент Академии сказал о том, что нам известно китайское проклятье: чтоб вам жить в эпоху перемен. Китайская переводчица долго не могла это перевести, переспрашивала несколько раз. Через несколько минут выяснилось, что такой поговорки у них нет.

И последнее. Вопрос о нашей внешней политике и многополярности. Для нас идея «русского мира» кажется естественной и очевидной. Однако даже среди африканцев, которые большей частью поддерживают нас, эта идея не вполне однозначна. Поэтому для взаимодействия с этими странами я предлагаю другую идею — идею освобождения. Концепция может быть следующей. В 1990-е годы Россия, так же как раньше страны Африки, была по сути колонизирована — с поправкой на XXI век. Формально независимое государство, а в реальности — угнетенная и подвергающаяся грабежу периферия, из которой Запад выкачивает ресурсы, в том числе интеллектуальные. Основная мысль: мы с вами, мы готовы взять на себя лидерство в том мире, который освободится от эксплуатации со стороны развитых стран. Этот посыл будет понятен. Я не говорю, что надо забыть о «русском мире», но искать союзников и надеяться на поддержку можно только тогда, когда вы говорите об общих интересах, в которые оформляются общие идеалы.

Л. Л. ФИТУНИ: — Давайте не забывать, что СССР и Китай разошлись в 1950-е годы именно из-за идеологии. Китайцы говорили: «Не надо отказываться от того, чего вы достигли за 40 лет советской власти и чему мы у вас научились». Но мы ответили, что будем начинать заново. Сейчас пришло время вспомнить этот урок.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Я согласен, что это была одна из причин, но не единственная. А главная заключалась в том, что Китай вставал на ноги и больше не желал подчиняться руководству из Москвы.

М. В. ЗАХАРОВА: — Отказ от взаимодействия с коммунистически ориентированным Китаем носил стратегический характер. Действительно, это были в первую очередь идеологические расхождения — на фоне того, что протяженная граница между странами никуда не исчезла

и экономические связи были довольно крепкими. Мы все время говорили о том, что Китай не хочет, чтобы мы были сильными. Но никто в мире, даже самая маленькая страна, не хочет, чтобы кто-то их опережал.

Относительно того, что право вето является ярким признаком неравноправия, — категорически не согласна! Не надо путать неравноправие с распределением функциональных обязанностей. Если кто-то ведет транспортное средство, а вы пассажир — это не означает неравноправия. Просто у вас разные функции в данный момент. Ни одна маленькая страна даже физически не может себе позволить заниматься мировой повесткой в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Решение общемировых проблем требует колоссального потенциала. Поэтому распределение функций — это, напротив, признак соблюдения баланса сил, чтобы у стран была возможность на реализацию равноправия.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Предлагаю высказаться коллеге из Беларуси Виталию Николаевичу Пунченко.

В. Н. ПУНЧЕНКО: — Изложу несколько тезисов в контексте сегодняшней повестки.

Первое. Мы пытаемся облечь в смысловую конструкцию наши действия, по сути, находясь в атаке. Но более успешной представляется формула, когда вначале создается смысловая основа для действий, а затем следуют сами действия. На наш взгляд, по ту сторону нашей цивилизации поняли, что вначале необходимо установить точку единения (это ярая русофобия), а затем можно перейти к действиям — санкциям, поставкам оружия, инфофейкам. Между тем российское общество, на наш взгляд, еще не изменило в корне модели поведения. Действительно, слаженности и мобилизации пока не наблюдается.

Второе. Запад мобилизован на основе приставки «анти-», то есть против общего врага. Это, конечно, сильная основа, но только в краткосрочном периоде. Идеологема созидания всегда долгосрочна и требует приложения значительных усилий для того, чтобы в нее поверили, иначе она не сработает. Так, Украина, увлекшись в свое время русофобией, потеряла возможность стать центром православия, центром восточного славянства. Но и нам сегодня очень важно не остаться на этом уровне «Запад враг — и точка». Та идеологема, которую мы сегодня видим, еще не артикулирована, но очевидно, что это восстановление исторической справедливости ради извечной миссии — сохранить человеческую цивилизацию, базирующуюся на христианской, а именно православной, концепции. Либо необходимо срочно предложить новую идеологию, а это, как показывает опыт Беларуси, невозможно.

Если не рассматривать силовые меры, то каким представляется рецепт преодоления раскола общества? Мы поступили следующим образом. 2021 год был объявлен Годом народного единства, тем самым дан сигнал обществу о том, что необходимо примиряться и сплачиваться вокруг власти. В том же году учрежден День народного единства 17 сентября. Общество было вовлечено в широчайший диалог по поводу новой конституции, которая была затем принята на республиканском референдуме. Сейчас стоит задача вовлечь общество в новые проекты — рассмотрение концепции национальной безопасности и выстраивание конструктивных, прогосударственных институтов гражданского общества, проведение всебелорусского народного собрания.

К сожалению, мы мало говорим на понятные, близкие каждому темы, например о ценности мира. А ведь такая риторика могла бы стать мощным стимулом для того, чтобы общество объединилось в поддержке государства. Это фактически образ будущего, к которому мы придем в результате очищения.

Хотелось бы напомнить, что Запад предъявляет ультиматумы не только России, но и Беларуси как ее верному союзнику. В этой связи удивляет неуверенность в союзнической позиции Беларуси, которую многие выражают. Я очень благодарен Алексею Анатольевичу за то, что в числе мультипликаторов региональной политики России первым было названо наше союзное государство. Действительно, Союзное государство России и Беларуси должно стать эталоном для масштабирования дальнейших проектов, и мы к этому готовы.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Слово предоставляется журналисту Дмитрию Олеговичу Бабичу.

Д. О. БАБИЧ: — Коллеги привели известное изречение, что у России два союзника — армия и флот. Но давайте вспомним, кто погубил императорскую Россию в феврале 1917 года. Революционные матросики Балтийского флота! Даже председатель Государственной думы Михаил Родзянко (мы знаем, какую роль он сыграл в этой революции) сказал, что лучше этот флот утопить, чем иметь такого «союзника».

Думаю, все согласятся, что без союзников в современной международной политике никак нельзя. Мы должны подумать о том, кто может быть нашими союзниками и почему наши противники являются таковыми. И тут я попытаюсь возразить Сергею Алексеевичу. Мы должны исходить из того, что против нас не выступают народы — против нас направлена идеология. Как только мы говорим, что англосаксы или поляки против нас, — сразу проигрываем, потому что победить народ нельзя. В отличие от идеологии.

Вспомним последние годы Советского Союза и риторику Запада того периода. «Мы не против советского народа, — говорили они. — Мы обожаем русский народ, украинский, казахский. Но у вас плохая идеология». И советские люди, уставшие от очередей и прочих неудобств позднего социализма, отозвались: «Так она и нам не нравится, давайте поживем вообще без всякой идеологии».

Я вижу по меньшей мере три идеологических массива, которые были сформированы самой российской историей. Во-первых, у нас есть советские патриоты. Во-вторых, патриоты, скажем так, страны вообще, часть которых решительно не приемлет советский период. В-третьих, у нас есть проевропейские либералы. Сколько бы мы ни говорили о сотрудничестве с Китаем и странами Африки, Россия остается европейской страной. В течение 70 лет наши контакты с остальной Европой и западным миром вообще были сведены к минимуму. Эти рамки для многих стали травматическим фактором, который надо каким-то образом смягчить. Но, к сожалению, сейчас такие ограничения вновь стали неизбежны.

Обратимся к не очень давней истории. В начале XX века сформировались три постхристианские идеологии: социализм, национализм, либерализм. У каждой были огромные массы приверженцев.

Но все три идеологии по мере распространения были упрощены и выродились в бастардный вариант для миллиардов людей. Европейский национализм XIX века трансформировался в чудовищный Третий рейх, упрощенный вариант очень неплохих социалистических идей конца XIX века был воплощен в раннем Советском Сою-

зе, маоистском Китае, Северной Корее и т. п. Сейчас мы дожили до примитивизированного варианта либерализма. Вы правильно сказали, Мария Владимировна, — тоталитарного либерализма. Кто-то говорит «неолиберализм», но, по-моему, этот термин не отражает сути явления.

Почему нам надо найти слово для обозначения того явления, в которое превратился либерализм, почему оно опасно и почему для нас невозможно примирение с этой идеологией? Во-первых, она основана на тотальном отрицании «неугодной» истории: в раннем СССР от отечественной истории остались восстания Емельяна Пугачева и Степана Разина, декабристы, народники, большевики. У американцев это сейчас борьба против расизма в 1960-е годы, феминистское движение, борьба за права гомосексуалистов. Мы видим, как там сносят памятники, — так же как у нас в 1918 году.

Во-вторых, обязательно находится прежде угнетенный класс, именем которого можно ограничивать права живущих сегодня людей. К тому моменту, когда большевики пришли к власти, крепостного права в России не существовало уже 56 лет, но из их речей можно было сделать вывод, что оно исчезло буквально накануне. Они говорили о защите пролетариата, численность которого не превышала 8 % населения. То же самое мы видим сейчас в США. Чернокожее население было уравнено в правах со всеми остальными 50 лет назад, но борьба с расизмом продолжается. Если посмотреть, что творится в сфере искусства, то создается впечатление, что эти люди еще вчера были рабами.

В-третьих, амбиции мирового масштаба характерны и для тоталитарного социализма, и для тоталитарного национализма, и для современных ультралибералов. Они обязательно претендуют на мировое господство, преподнося его как счастье для всего мира.

Кстати, стремление осчастливить всех — отличное оправдание для репрессий. Что нам мешает достигнуть всеобщего счастья? Кулаки? Дети священников? От них надо избавиться — никто и не вспомнит. И действительно, в 1960-е годы казалось, что об этом все прочно забыли. Однако потом все же вспомнили, с известными последствиями.

То же самое мы видим сегодня. Население Донбасса — кто это вообще? Барьер на пути к развитию и счастью! Убрать это население — и все. Поэтому мы говорим об украинском нацизме и о денацификации. Но давайте посмотрим правде в глаза: идеология, которая сейчас господствует в США и Евросоюзе, — это, конечно, не нацизм. Это тоталитаризм, но в новой (третьей) форме. И в итоге он смыкается с нацизмом, потому что речь снова идет о мировом господстве. Тоталитаризм всегда сопровождается враждой с крупными государствами. Советский Союз враждовал с США, а до этого — с Британской империей, а теперь Запад собирается драться с Россией и с Китаем. Но такое положение дел — мощная основа для нашего союзничества.

В большом государстве не может быть гомогенной среды. У него непременно есть испуганные соседи, как у сегодняшнего Китая, или национальные меньшинства, как в Советском Союзе. Так вот, оказалось, что ультралибералы в борьбе с крупными странами готовы в этих меньшинствах или у соседей поддерживать отъявленных националистов — нынешних украинских нацистов, хорватских фашистов против сербов, уйгур против китайцев. Они используют этих радикалов, но сами таковыми не становятся. Наглядный пример — близкая мне Польша. Я давно слежу за жизнью этой страны и знаю, что братья Качиньские всегда были националистами и не меняли своей идеологии с 1980-х годов. Но не так давно, лет пять тому назад, на них вдруг стали накладывать санкции. Почему? Потому что США и Евросоюзу показалось, что линия борьбы с Россией уже не располагается на границе Польши, а переместилась в Донбасс. То есть Качиньские оказались в тылу. Однако сейчас давление на них уже не такое сильное, потому что они опять оказались на границе.

Проблема этого нового, третьего тоталитаризма (пусть это будет тоталитарный либерализм, хотя лучше бы найти термин покороче) заключается в том, что у этой машины нет заднего хода. Если направление движения настоящего демократического общества предсказать трудно, то траектория тоталитарного режима всегда одна и та же — только вперед.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — Уважаемые коллеги, мы опять говорим о том, какая идеология нам нужна и нужна ли она вообще. Я очень осторожно подхожу к данной проблеме, поскольку помню о том, чем заканчиваются потуги создать новую искусственную идеологию, чтобы только противопоставить ее прежней. Уверен, что соответствующая статья Конституции давно устарела, но это не значит, что на ее месте должна появиться другая — о том, что идеология у нас есть или должна быть. Идеологию, на мой взгляд, должны иметь политические партии, движения и другие сообщества, которые в ходе выборов могут получить поддержку населения и потом реализовать свои идеи.

Однако нам требуются общие ориентиры, выработка какого-то понимания. Об этом мы тоже говорили. Например, госпожа Харитонова обозначила наши приоритеты. Конечно, Россия должна быть самодостаточной страной, чего нам на разных этапах истории иногда недоставало. Мы все время беспокоимся о том, что по нашему поводу думают другие, и очень часто это нам вредит. Вся история перестройки была отмечена этим: одобряют ли нас, аплодируют ли нашим шагам по сохранению мира и развалу Советского Союза одновременно? Сейчас мы начинаем от этого избавляться.

У нас очень много проблем, которые требуют срочного решения. Главная проблема заключается в том, что 24 февраля этого года мы пришпорили коня, не решив до конца многие из более мелких, но важных задач, которые должны были быть решены в этом случае. И теперь приходится это делать «на марше» — другого выбора мы не имеем.

Напомню, что Россия никогда не проигрывала отечественных войн. Другие войны — да, случалось (Русско-Японская, Крымская), но отечественные войны всегда завершались победой. Цена за такие победы всегда очень высока, но она понятна людям, потому что в подобных войнах решается вопрос о выживании страны, государства, каждого из нас — тех, кто не готов стоять на коленях.

Надеюсь, что мы быстро переведем экономику на новые рельсы и мобилизуем все остальные ресурсы. Я против того, чтобы внутри страны мы занимались поиском врагов народа. Даже если таковые и есть — давайте помнить о печальном опыте XX века. Лучше оставить их в покое и перестать волноваться по этому поводу. Те же, кто уехал, — пусть перебесятся там, главное, чтобы они не мешали нам здесь.

Благодарю всех участников за интересную дискуссию и надеюсь, что мы и впредь будем встречаться на Лихачевских чтениях и на других площадках.

Секция 2
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЛИ «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА (ИДЕОЛОГИИ, ЦЕННОСТИ, НОРМЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА)? КАКОВ БАЛАНС СИЛ?

10 июня 2022 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя ФНПР, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков[1]

СВЯЩЕННО ЛИ ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ? (О правовом регулировании деятельности транснациональных корпораций)

Тема правового регулирования деятельности транснациональных корпораций (ТНК) достаточно освещена в отечественной литературе и содержит весь спектр ее неоднозначных оценок. С одной стороны, сторонники ТНК пишут о социальном значении их работы (создание рабочих мест, насыщение товарного рынка и пр.), чему зачастую препятствуют «бюрократизм» и «протекционизм» государственных и общественных организаций. С другой — проблема злоупотреблений трансграничных корпоративных групп (сверхэксплуатация, уход от налогов, хищническое отношение к окружающей среде и пр.) показывает, что свободе деятельности ТНК должны быть положены вполне определенные и справедливые пределы.

Известно, что значительная часть норм, регулирующих деятельность корпораций, имеет частно-правовой характер, хотя используются и публично-правовые методы, характерные для предпринимательского права; методология корпоративного права носит диспозитивно-императивный характер.

В последние несколько лет появились публикации, авторы которых анализируют опыт регулирования корпоративных отношений с помощью норм международного публичного права. (См., например, работы Е. А. Аристовой[2], В. А. Филипенко[3], И. С. Шитки-

[1] Главный научный редактор издательского дома «Панорама», кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизации России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: „экономический век“ и „общинный социализм“», «Социальная справедливость как ценность культуры» и др.

[2] *Аристова Е. А.* Правовое регулирование ответственности трансграничных корпоративных групп нормами международного публичного права // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 210–222.

[3] *Филипенко В. А.* Soft law: сущность и отражение в корпоративных правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 281–293.

ной[1].) Они указывают, что деятельность корпораций в различной мере подпадает под действие норм международного публичного права, а также наднационального права. Международное публичное право в сфере экономики (международное экономическое право) не регулирует напрямую деятельность корпораций, однако влияет на формирование национальной (внутригосударственной) системы права, в том числе через функционирование неправительственных организаций и различных международных объединений. Оно устанавливает наиболее общие принципы экономической деятельности, например неотъемлемый суверенитет государств над национальными богатствами и ресурсами; свободу выбора формы организации внешнеэкономических связей; экономической недискриминации; равенства и взаимной выгоды и пр.[2]

Среди основополагающих документов международного экономического права можно назвать Женевские принципы, принятые на первой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Женеве в 1964 году («Принципы, определяющие международные торговые отношения и торговую политику, способствующие развитию»), Декларацию о принципах международного права, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, Декларацию об установлении нового международного экономического порядка (НМЭП) и Хартию экономических прав и обязанностей государств, принятые в форме резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году, Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «О международной экономической безопасности» (1985) и многие другие акты[3].

Несмотря на общий характер данных принципов, отдельные исследователи указывают на действия, связанные с регулированием деятельности корпораций через применение публичных международно-правовых норм. Е. А. Аристова, опираясь на работы американских ученых Стивена Ратнера (Steven Ratner) и Джордана Поста (Jordan Paust), «отмечает, что международное право уже признает обязанности иных субъектов, нежели государство, нести ответственность за военные преступления, геноцид, преступления против человечества, применение пыток, использование рабского труда… Единственная причина, по которой международное право до сих пор сфокусировано на ответственности государств, заключается в нежелании правительств наделить корпоративные группы способностью нести ответственность на международном уровне. Профессор права в Университете Хьюстона Джордан Пост (Jordan Paust) в подтверждение концепции анализирует обширную судебную практику США привлечения юридических лиц и негосударственных организаций к ответственности за совершение международных преступлений…»[4].

Помимо наиболее общих норм, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), которые включают нормы о признании обязанностей частных лиц, автор упоминает о различных кодексах корпоративного поведения. Наиболее универсальными из них являются Декларация о международных инвестициях и межнациональных предприятиях, включающая Руководящие принципы ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) для многонациональных предприятий (далее — Руководящие принципы ОЭСР), пересмотренные в 2000 и 2011 годах, а также Основы ООН (UN Framework) по вопросам транснациональных корпораций и прав человека, одобренные Советом ООН по правам человека в 2008 году, — программные документы, исполнение которых добровольно. Подчеркивается, что на момент проведения исследования практическая ценность этих актов считалась невысокой, поэтому полноценным источником права они не стали. Тем не менее в случае их закрепления в рамках национального законодательства стран — членов ООН и внутренних нормативных актов корпораций данные принципы имеют значительный потенциал по улучшению имиджа корпораций в целом и трансграничных в частности.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что соответствие национального и корпоративного права нормам международного экономического права является условием не только эффективного правового регулирования деятельности ТНК, но и улучшения (социального) имиджа корпораций в целом.

Очевидно, что ключевым нормативным актом любой национальной правовой системы является Основной закон — Конституция (или, как в случае Великобритании, свод исторических документов и норм). Конституционные нормы, касающиеся как основ экономической жизни, так и собственно деятельности корпораций (имущественных прав, организационно-управленческих отношений и пр.), выступают основным источником правового регулирования деятельности ТНК и хозяйственных корпораций в целом. Даже краткий анализ текстов конституций иностранных государств показывает, что многие из них прямо указывают на необходимость ограничения эгоистических действий хозяйствующих субъектов правилом учета и соблюдения общего блага. Статья 14 (п. 2) Конституции ФРГ гласит: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу»[5]. (Данная норма перешла в действующий Основной закон из Конституции Веймарской республики.) Пункт 3 той же статьи гласит: «Отчуждение собственности допускается только в целях общего блага. Оно может производиться только по закону или на основании закона,

[1] *Шиткина И. С.* Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 4. С. 24.

[2] См.: *Шевченко Б. И.* Международный бизнес. М., 2017. С. 92.

[3] См.: *Чернявский А. Г., Синяева Н. А., Самодуров Д. И.* Международное право. М., 2020.

[4] *Аристова Е. А.* Указ. соч. С. 213.

[5] Основной закон Федеративной Республики Германия // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты : пер. с нем. / под ред. Ю. П. Урьяса. М. : Прогресс, 1991. (Приводится по: Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : ИНФРА-М — Норма, 1997. С. 181–234. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm#01.02.00.00.00.00.00.00.00 (дата обращения: 01.05.2022).)

регулирующего характер и размеры возмещения. Возмещение определяется со справедливым учетом интересов общества и затронутых лиц». Таким образом, на высшем правовом и политическом уровне государства установлено (именно установлено, а не допускается! Обратим внимание на императивность данной нормы): если собственность служит только умножению капитала, значит, она используется *не по назначению*.

Преамбула действующей Конституции Французской Республики (инкорпорирована в действующий Основной закон из текста Конституции 1946 г.) гласит: «Всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает черты национальной общественной службы или фактической монополии, должно стать коллективной собственностью»[1]. Статьи 41–42 Конституции Итальянской Республики содержат схожие нормы: «Частная хозяйственная инициатива свободна. Она не может осуществляться в противоречии с общественной пользой или с ущербом для безопасности, свободы, человеческого достоинства. <…> В предусмотренных законом случаях частная собственность может быть отчуждена в общих интересах при условии выплаты компенсации»[2]. Таким образом, законодатели трех экономически развитых государств, формально считающихся капиталистическими, указывают на необходимость и законность применения норм публичного права для деятельности хозяйственных корпораций. (Практика применения этих норм составляет тему отдельного исследования.)

Конституция России подобных норм не содержит. В ней есть ст. 36, п. 2 («Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц») и ст. 75.1 («В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»), содержащие перечень наиболее общих принципов хозяйственной деятельности[3]. О возможности отчуждения собственности у недобросовестного владельца, равно как в целом о регулировании процесса учреждения, функционирования и ликвидации хозяйственных корпораций, здесь не сказано.

Специфика отечественной ситуации такова, что взаимодействие и сближение норм публичного и частного права имеют место в процессе правоприменения. Подтверждением этому, равно как и превалированию в правоприменении общих, межотраслевых начал, по мнению В. В. Долинской, служит то, что трактовка принципа добросовестности «в гражданском праве соответствует нормам международного права (например, ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.,) и Конституции РФ (ч. 3 ст. 17), а также пересекается с нормами иных отраслевых кодифицированных актов (например, ст. 111 АПК)»[4].

Таким образом, вследствие толкования Конституционным Судом РФ понятия «добросовестности/недобросовестности» в деле о налоговых отношениях[5] право публичное обогатило частное, а значение и смысл принципа добросовестности получили *высокую оценку* в качестве способа обеспечения справедливого баланса прав и законных интересов сторон — ключевой цели правового регулирования.

Думается, если бы Конституция России содержала исчерпывающие легальные определения основных принципов экономической деятельности (того же принципа добросовестности/недобросовестности), процесс гармонизации международного экономического и гражданского (в том числе корпоративного) права России получил бы необходимое правовое и политическое основание.

---

[1] Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-frantsii-1946-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-frantsii-1946-goda.html (дата обращения: 01.05.2022). В некоторых переводах понятие «коллективная собственность» приведено иначе — «собственность общества».

[2] Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Издат. группа ИНФРА-М — Норма, 1997. С. 423–450. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/italy.htm#01.02.03.00.00.00.00.00.00 (дата обращения: 01.05.2022).

[3] См.: Конституция РФ. URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (дата обращения: 01.05.2022).

[4] *Долинская В. В.* Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Сер. «Юриспруденция». 2020. № 1. С. 7–19.

[5] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.

Н. И. Воронина[1]

ЛИЧНОСТЬ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН В ДИАЛОГЕ ЭТНОСОВ

Осмысливая сегодня празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (август 2012 г.) как грандиозное событие в одной из российских земель — Республике Мордовия, прежде всего обращаешься к российской духовности как способу человеческого бытия. При этом важно отметить, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Народ России есть не чисто европейский и не чисто азиатский. И это не есть лишь географическое положение. Культура России во всех ее подлинных проявлениях есть мощный и глубокий пафос равенства с культурами и Запада, и Востока. Она своего рода духовный мост, стихия всечеловеческого проникновенного диалога.

Люди, которые жили и творили на мордовской земле независимо от этнической принадлежности, отдавали свою душу ее процветанию, закрепляли определенные черты ментальности, обогащали языки, на которых общались, передавали следующим поколениям социально-психологические установки, способы восприятия мира, манеры чувствовать и думать.

Они жили и живут в лоне одного государства, созидая общую культуру, но исповедуя свои, родные этнические корни. Получался симбиоз? Конечно, нет. Это было и есть плодотворное обогащение, открытие себя через открытие другого, а результат — способность к самосовершенствованию, самоуглублению и самопознанию в русле мироздания.

Древние полагали, что каждое место оправдывает genius loci (гений места). Об этом же толкует старинная русская поговорка: «Не стоит село без праведника». Каждое место одухотворено, спасено и оправдано праведником, рожденным там или проходившим по этим местам.

Кто же они, эти праведники, эти гении места? Есть ли они в Мордовии? Чем они интересны сегодня? Смогли ли они построить духовный мост не только в диалоге с Россией, но и с миром?

Духовная реальность **Степана Дмитриевича Эрьзи** (1876–1959) — это мир человеческих чувств. Выдающийся скульптор мировой и отечественной культуры и крупнейший модернист европейской культуры, обновитель и выразитель парадигмы человека XX века, вскормлен мордовской землей.

С кем он себя идентифицировал? С кем сравнивал? Чью суть раскрывал?

Эрьзя — мордвин духом и кровью.

Эрьзя — русский душой и пластикой.

Эрьзя же — гражданин мира своей культурой.

Можно с этим спорить, но действительно родная мордовская земля была местом рождения и вдохновения Эрьзи. Здесь он начинался как художник (и это на всю жизнь). Москва, Екатеринбург, Баку, Новороссийск, Батуми сформировали профессиональную культуру пластики, ее он совершенствовал в Европе. Аргентина дала материал и общение на другом уровне, которое выработало свой, самобытный пласт в мастерстве художника. Можно сказать, что Эрьзя — пограничный художник, никогда не терявший чувства «мы», но преломлявший его в универсальном переживании культуры и нравственности. Основа привлекательности его творчества в том, что он всегда был самим собой, талантливо соединив дар глубокого проникновения в собственный внутренний мир «я», в свои этнические корни с открытостью всему миру.

Николай Платонович Огарев (1813–1877) и **Михаил Михайлович Бахтин** (1895–1975) — российские люди разных эпох, причастные к одной земле — мордовской, прожившие на ней не одно десятилетие; связанные профессиональной идентичностью — литературным и научным трудом, любовью и пониманием искусства, использующие его духовную ипостась в своем творчестве. Оба изгнанники. Огарев вынужден был покинуть Родину и поселиться вдали от нее (в Англии), Бахтин — уехать из своего родного города Санкт-Петербурга и жить долгие годы в провинции (в Саранске).

«Десятилетие в истории и культуре — не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо», — пишет Г. С. Кнабе[2]. Про Н. П. Огарева можно сказать, что, прожив всю свою жизнь в XIX веке, он все-таки наш современник, он и тогда, и сейчас наполняет интеллектуальную жизнь России вдохновенными идеями, многие из которых реализуются. Он так же, как и Эрьзя, — человек мира. Он возвратился не только в Россию, но и на мордовскую землю, делясь своими мыслями и идеями с разными поколениями. Его имя носит Мордовский государственный университет в Саранске, ежегодно проходят Огаревские чтения, аккумулируя научные знания и открытия. А главное — найдены новые грани в исследовании жизни и деятельности конкретного человека, Николая Платоновича Огарева, в оценке его философского и экономического знания, политических, медицинских, изобретательских практик, поэтического и музыкального дара, благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы, то есть всего того, что можно на-

[1] Директор Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный учитель школы Республики Мордовия. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч.: «Лики провинциальной культуры», «Личность и время: метафизика музыки», «Многообразие культурных миров» (в соавт.), «Огарев: неисчерпаемость личности», «Хронотоп моей судьбы», «Саранск: город и горожане в зеркале истории» и др. Награждена орденом Славы III степени, орденом «За веру и верность». Трижды лауреат Государственной премии Республики Мордовия.

[2] *Кнабе Г. С.* Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» // Избранные труды: Теория и история культуры. СПб. : Летний сад ; М. : РОССПЭН, 2006. С. 1047.

звать его профессиональной и жизненной идентичностью. А студенты и преподаватели, называя себя огаревцами, идентифицируют себя с его личностью и деяниями.

Прожив в Саранске 25 лет, М. М. Бахтин создал свою духовную ауру в тихом провинциальном городе, расположенном в центре России, несмотря на то, что провинция вырвала его из привычного научного общения, сделала изгоем, определив для него одновременно доли избранничества и обделенности жизнью. Но Бахтин не испытывал характерные для русского интеллигента (особенно провинциала) чувство вины, скуку, одиночество, разочарованность. Он работал... Вдохновенно читал лекции для студентов, писал (чаще в стол) свои гениальные труды, общался с интересными людьми, тем самым превратив вынужденное «заточение» в среду одухотворенного обитания не только для себя, но и для окружавших его людей. Это было его «мы», особое, неповторимое. Это особый тип «его провинции», становящейся духовной столицей, столицей бахтинства, «своей» столицей мира. И не побывав ни разу за пределами России, Бахтин становится гражданином мира.

Федот Васильевич Сычков (1870–1958) и **Николай Владимирович Рябов** (род. 1958) — мордовские художники. Их можно поставить в один ряд, хотя возраст и этническая принадлежность различны.

Ф. В. Сычков родился в русском селе, в русской семье, но всеми своими корнями пророс в этническую суть мордвы. Писал портреты и тематические картины; его полотна реалистичные, яркие, сочные, жизнеутверждающие. Его краски «брызжат» солнцем, лица — улыбками и радостью. Повседневное существование его в быту односельчан-русских и поездки в соседние села, где проживала мордва-мокша, сформировали пограничное мирочувствование художника Сычкова. Он видел мордву-мокшу именно в этом ракурсе (платки, пулаи, сюлгамо, другие яркие красно-желтые, солнечные украшения мокшанского костюма). Видел этническую красоту в скуластых лицах, особом разрезе глаз мордовок, круглощеких и голубоглазых русских девчат, размышлял и принимал решения в творчестве на *меж- и транснациональном уровнях.* У него была своя позиция, никому не навязываемая, ни у кого не заимствованная. Он и сегодня «живет» среди нас как уникальный бытописатель русской и мордовской деревни, уловивший поэтическую красоту природы и человека в ней.

Н. В. Рябов родился и живет до сих пор в родном мордовском-эрзя селе Подлесная Тавла. Отличительной чертой его творчества является мифологизация места, пространства бытия его предков. Рябов трансформирует реальные впечатления в иной художественный мир, названный им самим «этносимволизмом». Творчество Рябова — это пример иного подхода к своим родовым корням, к своей идентичности через всплеск интереса к этническим формам искусства, интеллектуальной и эмоционально-эстетической потребности человека в их осмыслении. Для этого он обращается к архетипам мордовской мифологии, переводя их на язык современных символов:

— природа, ментальность, семья, дети, быт — это дом;

— мысли, сюжеты, обереги — это Родина;

— образы, чувства, символы, знаки — это душа.

В этом *его* особая укорененность в своем «я» и особое разрешение проблемы самоидентификации. Он гражданин России, Мордовии и своего маленького, но богатого тавлинского мира.

Личность в истории человечества всегда концентрировала в своем существовании и отражала в своей сущности драматизм времени. Поэтому значение личности в истории, равно как и в культуре, трудно переоценить. И сегодня, как всегда на изломе времен, идеи воспринимаются и оцениваются по-разному, а степень собственной причастности к происходящим изменениям в мире осознается личностью так же многогранно, как в случае с нашими персонажами. И сегодня мы, жители Мордовии, тысячелетие прожив вместе на одной земле с другими этносами, не только ощущаем себя частью огромной России, но видим и чувствуем перспективу, так как никогда не скудела духовная суть российской земли и не иссякали на ней таланты.

Е. М. Гашкова[1]

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СЕМЕЙНЫХ РЕЛИКВИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Обращаясь вновь и вновь к научному и публицистическому наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева, каждый раз убеждаемся в его провидческих словах. Как никогда становятся актуальными его призывы к молодому поколению о сохранении исторической и культурной памяти. В знаменитых «Письмах о добром» две главы (письма № 40 и 41) посвящены именно этой теме. «„Запас“ памятников культуры, „запас“ культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей степени умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры»[2]. Современный че-

[1] Старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Основы теории коммуникации» (в соавт.), «Экзистенциально-онтологические основания антропологии цельности», «Антропология цельности как проблема», «Цивилизационная идентичность и культура», «Условия формирования личности в контексте киберантропологии», «Models of self-identification in digital communication environments», «University educational environment in the information exchange agents evaluations» и др. Член Российского философского общества.

[2] *Лихачев Д. С.* Письма о добром / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука ; СПб. : LOGOS, 2006. С. 179. (Литературные памятники).

ловек уповает на новые технологии, особенно цифровые, которые успешно делегируют функцию хранения информации «облачным технологиям». Кроме огромных баз данных там находятся и всевозможные формы проявления субъектности. Перевод внешних процессов в виртуальность, корректировка аватара в соцсетях, создание фейков и дипфейков искажают не только реальность, но и историческую память, которая приобретает симулятивную природу. Культура и искусство обязаны фиксировать субъективность; коммуникация с конкретными произведениями, артефактами культуры в окружающей действительности, а особенно в семье — это ключ к нравственно-эстетическому формированию личности.

Стремительно меняющийся «дигитальный» мир, мир цифровых технологий и гаджетов, требует от юзера-пользователя, то есть потребителя, постоянного отслеживания новинок рынка, обновления устройств, знакомства с новыми программами и приложениями. Этот же самый мир диктует необходимость самопиара, демонстрации успехов, привлечения внимания к своей персоне любыми способами. Возможности хранения информации увеличиваются по экспоненте, хотя сами устройства для хранения уменьшаются, а то и вовсе исчезают «в облаке».

Однако путешествие в мир иллюзий практически всегда индивидуально, несмотря на то, что для удовлетворения потребностей в духовной сфере в настоящее время собираются колоссальные по объему данные, которые при определенной обработке выдают предложения о просмотре, путешествии, выборе, покупке чего-либо с учетом ваших интересов. Такое манипулирование, зачастую слишком прямолинейное, настораживает, раздражает и провоцирует на сокрытие своих предпочтений, если пользователь думает о своей приватности. «Не влезайте в душу ближнего с ногами, даже если вы их вытерли» — гласит психологическая мудрость. Цифровые технологии пытаются «влезть» в нашу душу всеми возможными ресурсами, да и сам пользователь порой наивно, порой с мазохистским удовольствием делится со всем миром деталями своей жизни, а потом удивляется хейтерству или «разводу» мошенниками. Недаром публицист Игорь Шнуренко назвал свою последнюю книгу «Человек взломанный»[1].

Минимализм как стиль архитектуры, дизайна и как художественный метод вполне созвучен цифровой футурологии, поскольку мир реальных предметов, потребностей человека все больше поглощается виртуальной средой. Трудно представить обычного молодого человека-юзера, окруженного статуэтками, салфетками, книжными стеллажами во всю стену, фотографиями предков и картинами в рамах, а также прочими непременными деталями уютного мира «старой, олдскульной» повседневной жизни. С точки зрения оптимизации жизненных задач и принципа мобильности это вполне оправдано: внутренний мир — это вы сами и коробочка смартфона, которая всегда с вами. «В виртуальном мире происходит слияние субъекта и симулякра, а технологические успехи в создании все более смешанных форм реальной и виртуальной действительности приводят в своеобразный тупик, где невозможно различить означающее и означаемое»[2]. Жизненная, профессиональная или образовательная траектория должна быть ориентирована на весь мир, тем более что погруженность в виртуальность и использование цифровых технологий позволяет с этим миром сотрудничать и контактировать не выходя из дома, и двухгодичный пандемийный этап продемонстрировал это со всей очевидностью.

Культура, и особенно искусство, продолжает фиксировать субъективность и в определенной степени помогает «потребителю» детализировать личное бытие, сопрягая его со всеобщим. Поиски «своего», уникального, вписанного в течение времени существования (экзистенции) позволяют художнику использовать для самовыражения практически все. Однако мир вещей хрупок, непрочен, тленен, а столовое серебро и бриллианты, переданные по наследству, вряд ли можно встретить у обитателей «человейников».

Исторические катаклизмы и природные катастрофы — важнейший маркер системы ценностей. На арт-биеннале «Манифеста 10» в Эрмитаже (2014) невозможно было не включиться в размышления о судьбе произведений искусства в обычной, частной истории человека/семьи, когда пробираешься по обломкам разрушенного дома-инсталяции «Срез» Томаса Хиршхорна, швейцарца по происхождению. Напомню, что «показ» разрушенного многоэтажного дома с оставшимися без стен комнатами при всей своей прямолинейности имел еще один важный подтекст. Среди руин и обломков на самом верхнем этаже, на боковых неразрушенных стенах интерьеров остались висеть картины художников-авангардистов. Если вы обладаете хорошим зрением, то узнаете картины К. Малевича, П. Филонова, О. Розановой; как и положено в Эрмитаже — это подлинники. Т. Хиршхорн — участник многих арт-групп с политической повесткой, лауреат премий М. Дюшана и Й. Бойса — в последние годы транслирует одну мысль: «Искусство — это о том, как люди живут друг с другом»[3].

Сохранение произведений искусства в музее — норма исторической памяти; сохранение подлинных художественных артефактов для обычного дома — культурная доминанта, историческая поколенческая память семьи, опора в мире преходящих ценностей. Однако при катастрофических событиях перед любым человеком встает проблема выбора, извечная нравственная дилемма в дискуссиях, кого спасать: близкого или «Джоконду»? Для обычного человека очевидно, что спасать нужно близкого человека, но для человека культуры не все так однозначно, поскольку своей жизнью можно пожертвовать и ради другого, и ради иде-

[1] *Шнуренко И.* Человек взломанный. М. : Наше завтра, 2021. 456 с.

[2] *Гашкова Е. М.* Симулякр, фейк, дипфейк: прогресс или регресс? // Актуальные проблемы современной политической науки : сб. науч. тр. / под ред. М. С. Арканниковой. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 97.

[3] «Мое положение здесь далеко не выгодно, а совесть не чиста»: интервью В. Леднева с Т. Хиршхорном // Артгид. 2014. 22 июля. URL: https://artguide.com/posts/635-tomas-khirshkhorn-moie-polozhieniie-zdies-dalieko-nie-vyghodno-a-soviest-nie-chista (дата обращения: 30.04.2022).

алов. Музейщики спасали бы артефакты, библиотекари — книги, ученые — свои коллекции из экспедиций и научные результаты.

Становится все меньше бережно хранимых артефактов семейной истории. Исчезли перевязанные пачки писем от близких, записки любимых, поздравительные открытки от родственников и друзей — теперь их место заняли мессенджеры для переписки и готовые электронные открытки со стандартными спам-текстами. Не стало солидных семейных альбомов с летописью событий и памятными фотографиями, либо снятыми специально в фотоателье, либо любительскими невысокого качества — на смену пришли фотосессии, результат которых сразу оформляется в любом масштабе и материале. Никто не хранит подшивки журналов и вырезки из газет, не собирает рецепты, не переписывает тексты песен в толстые тетради-песенники, не ведет дневников в бумажном виде — «одно сплошное телевиденье», то бишь цифровые носители. «Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, свое село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной оседлости человека. Человек — это не степное растение перекати-поле, которое осенний ветер гонит по степи.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»[1].

Если в семье есть художественные ценности, иконы, картины, артефакты, созданные профессионально и дилетантски, произведения различных декоративно-прикладных искусств, награды предков, то сохранение и передача их от поколения к поколению реально помогает фиксировать историческую память. Через межкультурный ретроспективный диалог в коммуникации с семейными художественными артефактами происходят формирование не только эстетических ориентиров и вкусов, но и духовно-нравственных качеств личности, закрепление семейных ценностей, пробуждение интереса к истории своей страны.

Ю. Д. Гранин[2]

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

О формировании нового мирового порядка говорят давно. Особенно рьяно — после присоединения Крыма и начала формирования Соединенными Штатами противостоящего России и Китаю «альянса демократических стран мира». Теперь, когда специальная военная операция РФ на Украине вступила в решающую фазу, выяснилась невозможность возврата к прежнему — однополярному — мироустройству. В условиях тотальной гибридной войны с Россией коллективного Запада становятся очевидными не только геополитические амбиции ряда ведущих государств мира, но и цивилизационные основания массовой международной русофобии. За экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против нашей страны отчетливо *просматривается конфликт евро-атлантической и российской цивилизаций* — сегодняшних геокультурных и геополитических воплощений многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим ви́дение справедливого мироустройства.

Об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер, писали много и неоднократно[3]. Но реально ли геополитическое сближение России с Индией и Китаем, заключение с ними долговременных союзов? О возможности и перспективах такого сближения мне не раз приходилось писать. Но теперь, в условиях растущей хаотизации и становления многополярности мира, эти вопросы для нас трансформируются в один: «С кем, против кого и как будем дружить?». Казалось бы, в краткосрочной перспективе ответ очевиден: «Со всеми, кто против них». Но даже в этом горизонте планирования такой ответ неубедителен. А долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». И хотя Китай и Индия не имеют на гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, пытаясь отыскать краткосрочную и долговременную выгоду для самих себя.

Поэтому разработанный два года назад геополитический проект «Большая Евразия» — формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда, по мнению его разработчиков, должны были войти и некоторые страны Европы, — был отложен на

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 177.

[2] Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм. История и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ», «Нации и национализм. Теория и история», «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции» и др.; статей: «„Цивилизация“ и цивилизационная эволюция России», «„Цивилизации“, „модернизации“ и „революции“ в наследии Айзенштадта и Хантингтона», «Цивилизационная специфика советской и современной России» и др. Член Союза журналистов России.

[3] См.: *Гранин Ю. Д.* Национальные государства в глобальном мире // Известия РАО. 2017. № 3 (43). С. 40–54.

неопределенное время. Допустим, это время наступит. Но и тогда проект мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной *цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития*. Но такой модели и стратегии у России пока нет, а проблем — хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спецификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее все еще нет долгосрочной цели развития, понимания его характера и претензий, как у США, на глобальное доминирование[1]. Будучи инобытием предшествующих исторических форм (моделей) цивилизационного развития, она, как и другие цивилизации, характеризуется исторически конкретными, но изменяемыми, *состояниями* общественных (политических, экономических, культурных и т. д.) порядков совместной жизни, причудливо сочетая элементы социальной архаики, социалистического прошлого и западной современности[2]. Аналогичными характеристиками обладает и нынешний Китай, также проделавший большой путь по «лестнице цивилизаций», но теперь демонстрирующий впечатляющие успехи социально-экономического и научно-технического развития.

Как и в России, в экономическом пространстве этой страны представлены разные хозяйственные формы: архаический (аграрный), устаревающий (индустриальный) и перспективный (информационный) уклады. Сосуществуют частный и государственный, рыночный и административно-планируемый способы производства. А экономическая мозаичность сочетается с культурной гетерогенностью страны: ее языковым многообразием, полиэтничностью и многоконфессиональностью[3]. Но *ценностно-смысловой каркас этой цивилизации не эклектичен, а целостен.* Он замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему рационализмом. Основанный, по-видимому, не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка[4], этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их *гармонического соответствия.* Отсюда особая китайская *стратегия жизни как эволюции*, предполагающая поиск не лобового, а обходного пути, компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии[5]. С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как большой семье (что сближает Китай со странами Северной Европы) и государстве как Поднебесной империи, не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение великого пути, а однопартийность — как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

И этим Китай принципиально отличается от России, которая до сих испытывает синдром культурной шизофрении: осознает себя то русской Европой, то «Азиопой» (Н. Милюков), то евразийской державой. В политическом классе первая самоидентификация преобладает. Поэтому в экономике, политике, образовании и культуре все еще сильна идеология западоцентризма и космополитизма, слаб российский патриотизм, а значит, отсутствует консенсус властных и экономических элит по поводу собственной цивилизационной модели развития. Их разногласия подогреваются научными спорами о том, что представляет собой РФ: национальное (европейское) государство, государство-цивилизацию или бесконечную империю.

Думаю, продолжающаяся на момент написания этих строк (апрель 2022 г.) специальная военная операция РФ на Украине после ее окончания завершится присоединением Новороссии к исторической России, и она вновь войдет в те, органичные для нее, границы «месторазвития» великорусского этноса, которые имела в начале XIX столетия. Дальнейшие территориальные приобретения ей не нужны и, думаю, противопоказаны. Начиная с XVII столетия все военные угрозы России шли с Запада. Поэтому теперь, гася «пылающий западный фронтир» и не забывая о поддержке и расширении «русского мира» на сопредельных территориях, она открывает для себя новые горизонты стратегического развития.

Планируя его перспективы, не стоит впадать во грех имперского мессионизма. В области внутренней политики следует сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике «гибких союзов» и альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «От Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время «Большой Евразии» неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

Ключевым моментом такой стратегии, на мой взгляд, должна стать идея «переплетенных модернов»: мера сочетания заимствованных и собственных форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни общества и государства (Япо-

[1] См.: *Гранин Ю. Д.* Государство как фактор цивилизационной эволюции России // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 14–27.

[2] Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.

[3] *Гранин Ю. Д.* Государство как фактор цивилизационной эволюции России.

[4] *Смирнов А. В., Солондаев В. К.* Процессуальная логика. М. : Садра, 2019.

[5] *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / пер. с фр. В. Лысенко. М. : Московский филос. фонд, 2001.

ния, «азиатские тигры») до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу. По последнему пути пошел Китай. В итоге к настоящему времени он кратно превзошел РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам, в 48 раз, по другим — наверное, более реалистичным, в 10 раз. В любом случае «стратегия развития страны говорит о том, что к 2035 году Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером»[1]. Наверное, это произойдет. Хотя мировая динамика последних лет оптимизма не добавляет. Поскольку именно теперь силовой потенциал суверенных государств ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступает на второй план.

Под предлогом защиты Украины США развязали полноценную гибридную войну против России. Ее можно истолковать в парадигме столкновения цивилизаций, которая лишь отчасти объясняет всплеск масштабной русофобии. Нас действительно не любят за то, что мы иные, за то, что Россия, перефразируя героя Булгакова, не вмещается в европейскую «шляпу» евро-американских стандартов, выдаваемых за общечеловеческие. Но еще более негодуют, что этой «отсталой стране» досталась львиная доля всех ресурсов планеты. В последние годы это стало особенно очевидным. Человечество вступило в эпоху неуправляемого и «дефицитного Мира», передел которого уже начался. Многие представители политических, экономических и прочих элит и верхних эшелонов власти видят эту проблему. Но не все понимают ее геополитический аспект: *в условиях крайнего обострения противостояния с Западом и неизбежной борьбы с ним (и не только) за сосредоточенные на нашей территории ресурсы проблема модернизации страны превращается в проблему ее сохранения в качестве независимого суверенного государства с собственной культурно-исторической спецификой.*

Поэтому помимо намечаемого российским Центром стратегических разработок, курируемого Алексеем Кудриным, формирования новых институтов социального и государственного управления[2], необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России и наполнению его новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое — там в великих победах Россия ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей суверенной демократии и другой цивилизационной специфики. Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо мобилизовать население на реализацию большого социального проекта: построение социального государства нового типа — государства всенародного благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.

А. А. Дмитриева[3]

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Современные тенденции развития общества делают актуальным сохранение накопленных за многовековую историю ценностей и традиций культуры, в числе которых одно из важнейших мест занимает мировое художественное наследие. Особенно остро данный вопрос актуализируется в условиях современной социальной нестабильности, в чрезвычайных ситуациях, требующих встать на защиту этических ценностей человечества. Проблема сохранения и популяризации мирового художественного наследия всегда находилась и остается в пограничных областях искусствоведения, культурологии, философии, истории, а также отдельных отраслей этих и других наук, нацеленных на воспитание личностных качеств человека.

Одним из актуальных вопросов исследования современной культуры является осмысление традиций классического искусства, которые в творчестве художников XXI века претерпевают переработку и адаптацию к эстетическим и этическим требованиям нашей эпохи. Многообразные художественные новации последних лет демонстрируют интерес мастеров современного искусства к стилистическим приемам и тематике мастеров прошлого, ставших создателями образцовых и общепризнанных в мировой культуре шедевров.

За основу живописцы нередко берут и перерабатывают приемы академизма, реализма, импрессионизма и иных художественных методов. При этом авторы не прибегают к заимствованиям, но лишь полагают эти методы как базис для создания новой концепции произведения. В итоге имеет место своеобразная культурная «инкорпорация» — явление, сходное с аналогичными процессами в лингвистике, при котором в художественную форму вставляется другая основа и в ре-

[1] *Кубарев А.* Китай вкладывает в научное место в 10 раз больше денег, чем РФ // Политика сегодня. 2019. 23 дек. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам (см.: Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ / А. А. Аузан [и др.]. М. : ЦСР, 2017).

[3] Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, доцент. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Натюрморты Хенка Хелмантела: традиции искусства XVII века в современной голландской живописи», «Студия военных художников имени М. Б. Грекова и значение ее деятельности в патриотическом воспитании военнослужащих», «Групповые портреты стрелковых гильдий в творчестве Франса Халса», «Северная война в русском и европейском изобразительном искусстве XVIII–XIX веков», «Исторические сюжеты в живописи Адама Франса ван дер Мейлена», «Синтез пейзажа и батального жанра в живописи Себастьяна Вранкса» и др.

зультате образуется единое стилистически сложное произведение. Анализ такого произведения не сводится к цитированию классических маркеров, но выходит на более сложный уровень, учитывающий запросы современного зрителя, общие тенденции эволюции искусства XXI века и социальную востребованность конкретной художественной школы.

Названные процессы стилистического и образного синкретизма классической и новаторской традиций в искусстве выполняют важную функцию: они помогают современному зрителю соприкоснуться с вечными ценностями, воплощенными в произведениях мастеров классической эпохи, переработанными и актуализированными в контексте глобальных вызовов нашего времени. В то же время перманентное обращение художников XXI века к классическим образцам как нельзя лучше показывает, что эти ценности не подвластны времени, что они непреходящи и остаются в культуре неизменными. Классическое искусство помогает сохранить общечеловеческие ценности, оставшиеся от каждого периода нашей истории.

Не менее важно также учитывать этическую составляющую искусства, его способность формировать общественное мнение, что в наши дни представляется особенно значимым в связи с имеющей место конфронтацией разных типологий культуры. И здесь на помощь вновь приходит классическое наследие, способное примирить полярные взгляды, так как оно утверждает общественные идеалы и, соответственно, формирует этические маркеры. Еще великие французские мыслители XVIII века Вольтер, Шарль Луи Монтескьё, Жан-Жак Руссо, Дени Дидро обоснованно считали, что «мнения правят миром»[1]. Они полагали, что классическое искусство выполняет важную функцию в формировании общественного мнения и потому всегда останется востребованным художниками последующих эпох. Накапливаясь многими столетиями и отражаясь в произведении разных национальных художественных школ, традиции классического искусства выступают глобальным вызовом мировой культуре XXI века, однако во многих случаях вступают в единство с ее инновационными решениями. Убедиться в справедливости этого суждения помогают примеры творчества современных живописцев, работающих во многих странах мира.

Так, Франция в течение трех столетий была очагом развития новаторских (для XVIII–XX вв.) течений и художественных объединений. К числу таковых относятся социальный реализм, импрессионизм, постимпрессионизм и др. Их традиции сохранились в современном искусстве Франции и нашли отражение, например, в творчестве живописца Лорана Парселье (род. 1962). Его картины «Стол в тени террасы» (2010), «Бассейн среди цветов» (2012), «Зима» (2008) погружают зрителя в мир красок и иллюзии быстротечности времени, солнечного света и атмосферу волшебной красоты природы. Полотна этого мастера демонстрируют предельное обобщение деталей, экспрессионистское сопоставление контрастных цветовых пятен, что позволяет назвать художника продолжателем традиций одновременно импрессиониста Камиля Писсарро (1830–1903) и фовиста Альбера Марке (1875–1947)[2].

Продолжателем традиций искусства США рубежа XIX–XX веков является художник Ким Инглиш (род. 1957), многие работы которого напоминают парижские этюды Берты Моризо (1841–1895) или пейзажи Поля Сезанна (1839–1906) раннего периода творчества[3]. Мастер изображает простую красоту, которую находит в повседневной жизни, где каждая деталь говорит о гармонии, существующей между светом и тенью. Произведения Кима Инглиша «Улица Мехико» (2020), «Снег в Денвере» (2020), «Палитра февраля» (2021), «Городская жизнь» (2019) и ряд других недавно были успешно экспонированы и проданы при посредничестве галереи Абенд (Денвер, Колорадо), что подтверждает востребованность художника среди широкой публики.

Достижения голландского искусства в представлении широкого круга зрителей связываются с шедеврами XVII века, подарившего миру имена Рембрандта (1606–1669), Питера Класа (1597–1661), Виллема Хеды (1593/1594–1682). Их творческое наследие подверг своеобразной переработке почти незнакомый современному зрителю художник Хенк Хелмантел (род. 1945), искусство которого является попыткой возродить традиции малых голландцев. Композиционная схема и тематика его натюрмортов близки к произведениям мастеров 1610–1640-х годов, хотя цветовое построение и тщательная трактовка фактуры предметов имеют несвойственный картинам живописцев XVII столетия фотореалистичный характер.

Среди многих имен современных отечественных художников следует упомянуть Дмитрия Ильича Левина (род. 1955), которого по праву можно назвать продолжателем традиций русской пейзажной живописи Ивана Шишкина (1832–1898), Константина Коровина (1861–1939), Исака Левитана (1860–1900). В полотнах Дмитрия Левина «Апрель. Пробуждение», «Весна в деревне. Мамонтово», «Деревенская идиллия», «Закат в Барыбино»[4] передана чарующая атмосфера русской природы. Автор вызывает у зрителя чувство возвращения в ранее знакомые уголки провинции, изображенные с любовью и наполненные особенным лиризмом.

Перечисленные имена составляют лишь малую часть примеров обращения современных художников к наследию классических мастеров. Однако дискуссия по данному вопросу имеет и другую сторону. При анализе современного искусства следует учитывать, что обращение нынешних художников к классическому наследию не всегда может быть понятным и доступным для восприятия массовым зрителем, если тот не знаком с образцами искусства старых мастеров. И в таком случае каждое созданное в классических традициях произведение воспринимается широкой аудиторией как принципиально новаторское.

[1] *Вольтер*. Избранные произведения. М. : ГИХЛ, 1947. С. 126.

[2] *Jeancolas C.* L'Art fauve. P. : FVW, 2006. 197 p.

[3] *Pleynet M.* Cézanne. P. : Gallimard, 2010. 272 p.

[4] О картинах Д. И. Левина см.: Официальный сайт Дмитрия и Виктории Левиных. URL: http://www.levin-art.ru/ (дата обращения: 17.04.2022).

Современное искусство не устает удивлять новыми открытиями, каждое из которых можно считать уникальным. В настоящее время многие концепции еще на стали привычными, по отношению к ним современная художественная критика не успела выработать понятийного аппарата. Принципиально важно учитывать и тот факт, что принятые сегодня аксиомы по отношению к классической традиции в искусстве формулировались веками. Если вспомнить начало творческого пути Караваджо (1571–1610) или знаменитый Бунт четырнадцати во главе с Иваном Крамским (1837–1887), то можно прийти к выводу, что эти и другие мастера при жизни также считались антагонистами, представителями «альтернативного» искусства по отношению к художественным догмам своей эпохи. И только с течением времени их открытия и художественные решения были признаны переломными и реформаторскими.

Подводя итог и отвечая на вопросы о том, кто победит в современной гонке культурных феноменов и каким образом распределится «баланс сил», вспомним известную метафору французского теолога и философа-платоника XII века Бернара Шартрского: «Мы подобны карликам, усевшимся на плечах гигантов; мы видим больше и дальше, но не потому, что взгляд у нас острее, и не потому, что мы выше их, а потому, что они нас подняли и воздвигли над миром своим собственным величием»[1]. Слова средневекового ученого как нельзя лучше доказывают, что при всех вариациях развития культуры XXI века новые достижения опираются на открытия предшественников, что новаторство во многом отталкивается от традиции и что в недалеком будущем художественные инициативы многих наших современников станут неоспоримой классикой для мастеров последующих поколений.

Г. В. Драч[2]

РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Россия в который раз в своей истории оказалась перед лицом глобальных вызовов. Глобальных в плане масштабности и значимости для страны, всех ее народов и их будущего. Светлого, как было принято добавлять в совсем еще недалекие советские времена, или демократического, прогрессивного для всего цивилизованного человечества, как провозглашалось тоже в весьма близкие 1990-е, когда самые противоречивые и неоднозначные процессы именовались одним словом — «Демократия», причем с большой буквы. В данном случае оказалась применимой формула «не названное не существует и начинает существовать, будучи названным». Россия, как «очарованный странник», вошла в культурное пространство Запада, которое, впрочем, давно стало частью нашей национальной культуры и достаточно подробно изучалось начиная со школы. Более прагматичные люди увидели в сближении с Западом возможность сохранения капиталов, которые они правдами или неправдами активно выводили из России. Но вскоре Запад указал России на ее место в сложившейся конфигурации мира и на пределы ее притязаний в мировой системе разделения труда. Под вопрос были поставлены и обширность территории (вернее, право владеть ею), и обилие природных богатств (право распоряжаться ими), и «имперские притязания» России, хотя наша страна сложилась, да и пребывает в современном мире как империя.

Но глобальность как некая величина — только одно из значений этого слова. Оно применимо в первую очередь к характеристикам процессов, происходящих внутри страны, — глобальные изменения, глобальные социальные трансформации и т. д. Но ведь есть и внешняя сторона. Глобальность, глобализм — это черта современного мира с его системой разделения труда, опутавшими планету коммуникациями и сетевыми структурами с их широкими возможностями манипулировать общественным сознанием. Даже для небольших стран участие в мировых процессах приобретает глобальный характер, начинает играть заметную роль в их внутреннем развитии вплоть до того, что определяет его.

Глобальная конфигурация современного мира характеризуется в ряде работ, среди которых выделяется статья безвременно ушедшего философа Владимира Васильевича Миронова, опубликованная им еще в 2011 году. В связи с событиями на Украине сегодня она стала еще более актуальной. Прежде всего глобализация позволяет воспроизводить капиталистическую мир-систему. Сутью глобализации выступает «создание общей экономической и производственной империи, основанной на усилении роли транснациональных взаимодействий, когда производство становится неким единым процессом…»[3] В этой системе мирового производства каждая из современных стран занимает свое жестко регламентированное место. Государства Запада, имеющие неоспоримые преимущества в области науки и технологий, пользуются привилегиями. Таким образом, иные измерения глобальности, кроме принадлеж-

[1] *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 13.

[2] Научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч.: «Рождение античной философии и начало антропологической проблематики», «Наука о культуре в эпоху постмодерна», «Культурология как научная и учебная дисциплина в свете инновационного потенциала», «Агонистика и „человек агональный“ в культуре Древней Греции», «Культурология: на пути самообретения», «История философии и теория культуры. Избранные труды», «Г. В. Ф. Гегель о начале философии» и др.

[3] *Миронов В. В.* Глобализация и угрозы унификации // Философские искания. Московско-Петербургский сборник / под ред. В. В. Миронова. М. : МГУ, 2011. Вып. 2. С. 7.

ности к западной цивилизации, не принимаются в расчет.

Между тем подобного рода конфигурация мира, как отмечает В. В. Миронов (сегодня это стало широко признаваемым фактом), проявляет признаки неустойчивости. Такие быстроразвивающиеся страны, как Китай, Индия, Южная Корея, уже не могут согласиться с отведенной им ролью «поставщика производственных услуг». Они не только овладевают современными технологиями, но и претендуют на их разработку, то есть на создание системы науки и образования, основывающейся на собственной культуре.

Перед лицом такого рода вызовов оказалась и Россия, перестав мириться с ролью поставщика природных ресурсов. Не будем говорить сейчас о деиндустриализации, олигархической экономике и разрушении системы образования и науки в ходе реформ 1990-х годов. Многое оказалось жизнеспособным и позволяет стране достойно отвечать на внешние вызовы. Однако вопросы глобального характера — о культурном пространстве и культурных трансформациях — встают перед современной Россией во весь рост. К сожалению, нередко они приобретают характер разрушительной и уничтожающей критики советского периода, да и всей истории страны. К примеру, русскую науку характеризуют как зависимую от власти, переход к Болонской системе объявляется безусловным достижением в сфере образования и т. д.

Пожалуй, вместе с такого рода вопросами мы попадаем в эпицентр событий, формирующих современные вызовы. Россия лишь отвечает на них. Их суть — произошедшая на наших глазах «тихая революция», создание современных систем науки и образования в ряде стран традиционной культуры, прежде всего южноазиатских. Использование в развитии производства современных технологий формирует соответствующий образ жизни. Такого рода процессы называются «трансплантацией науки в инокультурную среду» — в середине прошлого века подобное казалось невозможным, а сегодня стало реальностью. Эту реальность стали описывать, используя словосочетания «конец знакомого мира», «столкновение цивилизаций» и даже «смерть Запада». Между тем стоило бы обратиться к первоисточнику — в данном случае к мнению историков науки, создавших самостоятельное направление, которое получило название «Науковедение» (The Science of Science — наука о науке). Одноименный сборник статей в переводе М. К. Петрова был опубликован в Москве издательством «Прогресс» в 1966 году[1]. Поставленные в статьях вопросы об ученом (науке) и слаборазвитых странах, «малой науке» и «большой науке», обществе и науке на Востоке и Западе проливают свет на многие современные коллизии и связанные с ними вызовы.

Прежде всего в сборнике раскрывается исторический путь Запада или, как иногда пишут, «восхождение Запада», начатое античными греками. У них мы видим иное понимание природы и иную систему трансляции опыта, связанную с преодолением политеистической системы имен, персонификации и гилозоизма и созданием системы рациональной аргументации, благодаря чему природа предстает как конфигурация причинных связей (детерминизм), проверяемых опытом. Обращение к истории европейской науки, эпохам Ренессанса и Нового времени позволяет объяснить достижение Западом технологического превосходства и мирового доминирования.

Однако в контексте заявленной темы представляется более важным другое направление — «ученый и слаборазвитые страны». Технический прогресс принес Западу неоспоримое преимущество перед странами традиционной культуры. Как отмечает известный ученый-кристаллограф и историк науки Джон Бернал, в отстающих странах возникает желание строить науку и образование по тому же типу, что и в развитых странах Запада. Но возможно ли это? Идею упрощенной науки для слаборазвитых стран Бернал отвергает. Острой в этом контексте оказывается и другая проблема: подготовленные специалисты часто не находят соответствующей работы[2].

Между тем глобальная проблема выживания в современном мире, открывающая новое историческое пространство, может решаться лишь как единая в экономических, политических, научных и технологических аспектах. Иными словами, речь должна идти о культурной целостности страны. В то же время императивы эпохи ставят вопрос о том, что определенные фазы развития «должны каким-то образом координироваться в международном плане. Величайшая проблема нашего времени состоит в том, возможна ли такая координация в мире…»[3] За годы, которые прошли с тех пор, как были написаны эти строки, многое изменилось. Оказалось, что страны, не входящие в западную привилегированную систему, сумели сформировать отвечающие современным требованиям науку и технологии и конкурентоспособную экономику. И тем не менее вызов, императив нашего времени, состоящий в преодолении противостояния и достижения международной кооперации, остается без ответа.

Дело в том, что Запад как техногенная цивилизация претендует и на политическое, и на культурное лидерство. Сегодня констатируется, что происходят активные взаимодействия в области технологий, науки и производства. Но, как отмечают многие исследователи, это не приводит к созданию единой универсальной культуры. Мир не был однороден и в предыдущие столетия. Унифицирующее воздействие Запада началось сравнительно недавно — несколько веков назад. Нам уже приходилось ставить вопрос, «насколько это приемлемо для современных национальных культур и государств, испытывающих мощное унифицирующее давление глобализации, подкрепляемое политическими и военными методами. В этом отношении Россия, сопротивляющаяся процессам конструирования однополярного мира, не представляет собой исключения»[4]. Конечно, базисными остаются вопросы экономическо-

[1] Наука о науке : пер. с англ. / под ред. В. Н. Столетова. М. : Прогресс, 1966.

[2] Наука о науке... С. 270.

[3] Там же. С. 271.

[4] *Драч Г. В.* Культура как стратегический ресурс: современная ситуация // Культура как фактор развития общества, государства, личности : материалы форума. Ростов н/Д, 2014. С. 12.

го развития страны и ее участия в международной кооперации. Но мифы о «свободном мире» и «невидимой руке рынка, которая все расставит по местам» разрушились на наших глазах. Доминирование западной цивилизации не может развиваться по экспоненте. Эксплуатация природных ресурсов, загрязнение биосферы имеют свои пределы. Доминирование одной цивилизации еще А. Дж. Тойнби рассматривал как свидетельство ее упадка: «Однако технология, прежде бывшая ключом западного превосходства, оборачивается теперь против себя самой…»[1]

Создаются конфигурации стран — участниц международных взаимодействий. Ключевая задача этих государств — сохранение культуры как исторической данности, как способа отношения человека к природе и образа жизни, как веры и традиций, освящающих нормы и образцы поведения. Культурное многообразие, уникальность и неповторимость национальных культур остаются основным капиталом человечества, создают предпосылки для его дальнейшего существования. Между прочим, идея прогресса и беспрестанного движения в будущее, характерная для западного мира, в странах традиционной культуры конкурирует с идеей циклического развития и сохранения традиций. Восток, познавая новое, не отказывается от старого.

Россия прорубила окно в Европу еще в XVIII веке, что привело к прорыву в науке, образовании и промышленности. Впоследствии (особенно в советский период) в нашей стране не раз проводилась тотальная модернизация. И все же Россия остается страной традиционной культуры, бережно хранящей свое историческое и культурное прошлое (хотя можно было бы привести и многочисленные примеры обратного). Конечно, в этом смысле Россия рассматривается как страна европейская, христианская, но отличающаяся от Запада, несмотря на все модернизации. Ряд современных государств (прежде всего Китай и Индия), в которых сохранился пласт населения, приверженного традиционной культуре, вполне успешно модернизировали собственную экономику, создали мощные технологические платформы и проводят самостоятельную политику. Россия в этом смысле представляет собой некое двуязычие культуры: традиционные ценности и установки на брак, семью, право и государство, с одной стороны, язык науки и образования, идеология Просвещения (в том числе советского) — с другой. В стране как бы параллельно существуют два мира. В Европе же пространством науки и образования стали агональность, рациональность и индивидуализм.

Другое дело, что подобное двуязычие оказывается мощным фактором развития стран с традиционной культурой. Развиваются науки, образование, технологии и в то же время сохраняется человеческий капитал, нравственные и эстетические ценности. У России остались такого рода ресурсы, хотя многое было растрачено в годы раскулачивания, опустошительных Гражданской и Великой Отечественной войн. Кроме того, нужно учитывать опасности, связанные с переходом к массовому обществу, о которых писал Х. Ортега-и-Гассет. В современной России достаточно сильно влияние православных ценностей, консолидирующих социум, но накоплен и большой просветительский опыт. Наука, образование и традиционные ценности, оказывается, вполне совместимы, и это позволяет начать новую страницу истории России. Но с одним условием: без оглядки на Запад.

В. Ю. Дунаев[2],
В. Д. Курганская[3]

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИМПЕРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[4]

Общность хозяйственно-экономической жизни традиционно рассматривалась социальной теорией как один из определяющих признаков нации и, соответственно, как важнейший фактор формирования национальной идентичности. В этих концепциях отражен реальный социально-исторический процесс образования

[1] *Тойнби А. Д.* Постижение истории : сб. : пер. с англ. М. : Прогресс, 1991. С. 586.

[2] Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор. Автор 215 научных публикаций, в т. ч. 1 индивидуальной и 25 коллективных монографий: «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Ценности и идеалы независимого Казахстана» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета Скандинавского института академической мобильности (Финляндия), Общества центрально-евроазиатских исследований (CESS, США). Награжден медалью «20 лет независимости Республики Казахстан», нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

[3] Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор. Автор 290 научных публикаций, в т. ч. 3 индивидуальных и 23 коллективных монографий: «Философская антропология как метафизика свободы», «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета Скандинавского института академической мобильности (Финляндия), Общества центрально-евроазиатских исследований (CESS, США), Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана. Председатель редсовета международного научного журнала «Global Science Communications», член редколлегии журнала «Идеи». Награждена медалью «20 лет независимости Республики Казахстан», нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки».

[4] Исследование проведено при финансировании Комитетом науки Министерства образования и науки Казахстана: грант № AP09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

политических наций — европейских национальных государств.

В современную эпоху ситуация резко изменилась. Глобализация, подчиняющая национальные экономики требованиям мирового рынка, то есть, по сути дела, обслуживанию интересов транснациональных корпораций, подрывает экономический суверенитет государств, а вместе с ним и хозяйственно-экономический базис национальной идентичности. Не случайно в многочисленных концепциях нации, циркулирующих в современном социально-политическом дискурсе, маркерами национальной идентичности членов гражданского общества эпохи «поздней модернити» выступают единство культуры, истории, языка, обычаев и традиций, конфессиональной религии и тому подобное и практически не используется критерий единства экономической жизни.

Вместе с тем невозможно отрицать многостороннее прямое и опосредствованное воздействие состояния национальной экономики на процессы, модели и стратегии национальной идентификации. Например, в экономически успешных странах возникает феномен так называемой конкурентоспособной национальной идентичности, формируется ее позитивный имидж. Напротив, экономическая несостоятельность государства требует постоянной мобилизации компенсаторных идеологических и политических механизмов для формирования и поддержания в массовом сознании граждан позитивной национальной самоидентификации.

Выстраивание эффективной политики идентичности определяется способностью этой политики руководствоваться принципом взаимной обусловленности экономических, социально-культурных, идеологических параметров национальной идентичности. Реализация этого принципа может быть продемонстрирована на примере различия двух стратегий модернизации общественного сознания казахстанцев, принятых в 1997 и 2017 годах.

В первые годы после обретения Казахстаном государственного суверенитета переход к рыночной экономике сопровождался демонтажем социал-органических связей, их заменой социал-атомистическими связями в социальной сфере и шоковой терапией идейно-мировоззренческой и социально-психологической сферы общественного сознания. В принятой в 1997 году Стратегии «Казахстан-2030» была провозглашена программа имплементации в общественное сознание казахстанцев постулатов идеологии неолиберального рыночного фундаментализма — психологии частнособственнического индивидуализма и космополитической модели формирования гражданской идентичности. Эта программа, мотивированная необходимостью *адаптации* культурно-исторической традиции «к качественно иной системе ценностей и новому типу человеческих отношений»[1], по сути дела требовала *кардинальной перестройки* общественного сознания, предполагая кризисно-катастрофический сценарий трансформации традиционной ментальности казахстанского общества. При этом предполагалось, что разрыв социал-органических связей, скрепляющих традиционные этнокультурные общности (Gesellshaft), их разложение на атомарные составляющие гражданской общности (Gemeinshaft) приведут к исчезновению социально-структурных причин возникновения межэтнических противоречий и конфликтов: «Быстрое развитие частнособственнического индивидуализма не только способствовало смене ценностных ориентиров, но и подорвало глубинные корни межэтнических противоречий… Наше движение к рынку, который космополитичен и интернационален, делает великое дело — ослабляет межэтнические противоречия»[2].

Однако эти идеологические установки, принятые на первоначальном этапе проведения радикальной экономической реформы и национально-государственного строительства, вскоре продемонстрировали свою несостоятельность, и потребовалась фундаментальная переориентация политики идентичности. Во-первых, индивидуализированное (З. Бауман) или атомизированное общество по определению не может выработать идеологию своей коллективной идентичности, сформулировать национальную идею. По классической валентинианской формуле экзистенциальной самоидентификации, «гносис» — знание ответов на вопросы: «Кем мы были и во что мы превратились? Где мы были и куда нас забросило? Куда мы уходим и от чего смерть нас избавила?» Политическая идеология, предоставляя общественному сознанию ответы на вопросы: «Кто мы, что мы делаем, в чем наши ценности, кто наши друзья и враги, в чем наша сила?»[3], — задает основные параметры позитивной внутригрупповой и общенациональной самоидентификации. При этом смысловое содержание этих ответов формализовано и интегрировано в социально-политические структуры и институты. В обществе, основанном на доминировании социал-атомистических связей, как справедливо отмечают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, идеология формирования коллективной идентичности социума лишена смысла: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? — вот самые бесполезные вопросы»[4].

Во-вторых, в обществе такого устройства аскриптивные типы этнокультурной идентичности на самом деле не демонтируются, но радикально изменяется их социальная функция. В традиционалистских обществах социал-органические связи выступают структурной основой сопринадлежности интегрированных в эти связи индивидов и социальных групп единому общественному целому. Поэтому социальная идентичность и национально-государственное строительство могут формироваться на основе той или иной формы идеократии. Например, согласно принципу исламского фундаментализма «al-Islam din wa-dawlah» («Ислам — это религия и государство») цель и смысл существования государства состоят в том, чтобы обеспечить общественно-политические условия процветания истинной

[1] Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание президента страны народу Казахстана 1997 года. URL: http://massaget.kz/laws/rus/docs/K970002030 (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Казахстан-2030.

[3] *Мусихин Г. И.* Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. 2011. № 5. С. 143.

[4] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 44.

религии. В Советском Союзе легитимность политического режима обосновывалась декларированием его приверженности универсальным истинам «единственно верного учения».

В обществах «поздней модернити» «великие рассказы» (Ж.-Ф. Лиотар) традиционных типов идеологии более не могут служить основой легитимации социально-политических режимов. При этом деидеологизация выступает параллелью процессу наделения социал-атомистических связей статусом социально-структурной основы не столько плюралистического, сколько фрагментированного общества. Когда содержательно-смысловым контекстом идентификационных стратегий становятся ценности существования «случайных индивидов» (К. Маркс), идентификационные стратегии «человека экономического» строятся на основании самого примитивного, а потому и наиболее кризисного способа социальной идентификации индивидов и социальных групп: стратификацию по имущественному признаку и дифференциацию по этнической принадлежности.

На современном этапе развития Казахстана модернизация понимается иначе, чем это предписывалось либеральной парадигмой модернизации как вестернизации, как формирования социально-политической и духовно-нравственной сфер социума на основе постулата универсальности рыночных принципов и механизмов. В апреле 2017 года Н. А. Назарбаев опубликовал программную статью «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». Здесь предложена принципиально иная модель формирования национальной идентичности: «Первое условие модернизации нового типа — это сохранение своей культуры, собственного национального кода… сохранение внутреннего ядра национального „я“ при изменении некоторых его черт»[1], препятствующих развитию нации. Как видно, речь идет уже не о *замене*, а об *обновлении* социально-исторически сформировавшихся установок национальной идентификации. Не рыночный частнособственнический индивидуализм и идеология космополитизма с их высокомерно-пренебрежительным отношением к историческому опыту и национальной самобытности, а духовные корни традиции должны выступать основой нациестроительства: «Особое *отношение к родной земле, ее культуре, обычаям, традициям* — это… *основа того культурно-генетического кода,* который любую *нацию делает нацией*, а не собранием индивидов»[2]. Однако концептуальная непроясненность идеологемы «национальный культурный код» и непроработанность социально-политических технологий идентификационных процессов, разворачивающихся на ее основе, привели к тому, что программа духовного обновления возымела обратный эффект. Согласно данным массового социологического опроса, проведенного Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Казахстана в 2019 году, 75 % респондентов считают, что менталитет современных казахов возвращается к традиционализму[3].

Связь экономических и социокультурных детерминаций идентификационных процессов не является линейной. Скажем, Япония — высокоразвитая индустриальная страна, остающаяся глубоко традиционалистским обществом, в том числе и в сфере производственных отношений, формирующихся во многом по патерналистскому принципу, на отношениях личной преданности работника фирме. Там начальник в принципе не может сказать подчиненному: «Ничего личного — только бизнес». Экономическая политика выстраивается как часть политики идентичности, ревностного сбережения традиционалистского уклада. При этом японский капитализм не уступает в эффективности идеально-типической англосаксонской модели. В свою очередь, лидер постиндустриальной экономики — США — является не только индивидуализированным, но и, как отмечает Ж. Бодрийяр, одним из наиболее идеологизированных обществ, политически и социально-психологически консолидированных убеждением в своей исключительности как общества воплощенной утопии Добра, Права, Свободы[4]. Как указывал К. Маркс, развитая система капиталистического способа производства преобразует все свои предпосылки в результат собственного самодвижения, подчиняет собственной логике все те социальные уклады, которые капитал застал при своем возникновении. Поэтому капиталу по большому счету безразлично, в рамках каких связей — социал-органических либо социал-атомистических, личной или вещной зависимости — осуществлять свое расширенное воспроизводство.

Формирование глобального мирового рынка превращает национальные государства в модели реализации аксиоматики (имманентной логики) капитала. «В принципе все государства изоморфны, то есть они суть области реализации капитала как функции от одного-единственного внешнего мирового рынка»[5]. Человек подчиняется машинерии мирового рынка не как производитель или потребитель в рамках национальной субъективности (как гражданин нации-государства), но как ее функциональный орган, внутренняя составная деталь. Государства же, несмотря на их отличия в организации и развитии, утрачивают внутренние хозяйственно-экономические истоки идентичности. Инспирированная процессами глобализации утрата национальным государством значительной доли своего экономического и политического суверенитета влечет за собой риски роста популярности националистической идеологии и поддержки населением политических партий и общественных движений, артикулирующих националистические настроения в своих политических лозунгах и программах.

---

[1] *Назарбаев Н. А.* Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания (12 апреля 2017 года). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36155529 (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Там же.

[3] Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания : книга 2. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2019. С. 284.

[4] *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб. : Владимир Даль, 2000.

[5] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Указ. соч. С. 789.

Т. И. Ерохина[1]

«НОВАЯ» И/ИЛИ СТАРАЯ ЭТИКА: МЕТАМОРФОЗЫ АНТИУТОПИИ[2]

Этические основания культуры априори присутствуют в истории человечества: мифосистемы древности и современности репрезентируют моральные догмы и этические ценности, характерные для той или иной культуры и вбирающие в себя национальные, исторические и социальные черты. Несмотря на то что базовые этические категории связаны с вечными (традиционными) ценностями (добро, счастье, справедливость, гуманность и др.), смысловое наполнение этих категорий в истории культуры может быть разным, а интерпретация содержания данных дефиниций становится онтологически значимой в контексте развития цивилизации и культуры.

Обращаясь к истории культуры, можно обнаружить, что каждый период истории человечества ориентируется на некий идеальный утопический проект, в основе которого представлены этические ценности[3]. При этом каждый новый проект либо обращается к традиционным ценностям человечества, отстаивая свое право на существование на основе этих ценностей, либо отрицает эти ценности, точнее — вкладывает в них новое содержание. Утопия в данном контексте понимается нами широко — как модель идеального общества, основанного на справедливости, гармонии, гуманизме[4]. Подобная трактовка обусловлена тем, что утопия, черты которой можно обнаружить в представлениях о «золотом веке», а концептуальные обоснования — в философии Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы и других, несмотря на разные трактовки, имеет базовые характеристики. Прежде всего это модель *идеального социального* устройства, которая, как ни парадоксально, привела не только к появлению теоретических оснований, но и к воплощению в реальности антиутопий: «Почему выцвела утопическая картина? Мне на ум приходят две причины. Первая — это неудача утопии, вторая — ее триумф»[5].

Возникновение антиутопии, по мнению исследователей, естественный процесс, поскольку она рождается из реакции на изменения в обществе, кризисы, научно-технический прогресс и другие свидетельства развития человечества, в то время как утопия статична и ориентирована на «поиск вневременных абсолютных ценностей, без признания которых существование человеческого общества находится под угрозой саморазрушения»[6].

В этом контексте обращение к понятию «новая этика», широко обсуждаемому в отечественной науке, также может быть представлено в ракурсе соотношения традиционных этических категорий, их смыслового наполнения и интерпретации, а также в построении бинарной оппозиции утопия/антиутопия.

В современных исследованиях существуют различные подходы к трактовке «новой этики». Осмысление этой дефиниции представлено в исследованиях А. А. Гусейнова, который отмечает не только различие в понимании «новой этики» в европейском, американском и отечественном гуманитарном знании, подчеркивая, что «новая этика» — это прежде всего «дерзкие, непривычные с точки зрения традиционных представлений процессы в моральной (этической) практике западных стран»[7], а не изменения в моральных представлениях. Академик также обращает внимание на различные ценностные коннотации употребления понятия «новая этика»: «для одних оно является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других — шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих — опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации»[8]. В связи с этим особый интерес представляют размышления писателей, критиков, которые обращаются к «новой этике» в аспекте творчества, в том числе ориентируясь на литературную традицию жанров утопии и антиутопии. Так, О. Бугославская определяет «новую этику» как «способ построения утопии, мира, где все друг друга любят, уважают и никогда не обижают»[9]. Утопические основы «новой этики» заложены в декларации ее базовых представлений, интерпретация которых становится камнем преткновения, хотя гуманистические основания этих представлений признаются так или иначе всеми исследователями. Обратимся к тем положениям «новой этики», которые свидетельствуют, на наш взгляд, о генетических связях «новой этики» с утопическими/антиутопическими проектами советской культуры.

Прежде всего «новая этика» обращается к пониманию насилия и жертвы. К. Фрумкин отмечает, что «но-

---

[1] Первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заслуженный работник ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры» (в соавт.), «Советское бытие в динамике философско-антропологического и культурно-исторического опыта» (в соавт.), «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ.

[2] Доклад подготовлен на основе исследования, выполненного с использованием гранта Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

[3] *Гусейнов А. А.* Этика и культура. Статьи, заметки, выступления, интервью / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2020. 784 с.

[4] *Черткова Е. Л.* Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 12–37. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1166 (дата обращения: 17.01.2022).

[5] *Huxley A.* Brave new world. L. : Vintage, 1994. P. 24.

[6] *Черткова Е. Л.* Указ. соч.

[7] *Гусейнов А. А.* Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 92.

[8] Там же.

[9] Новая этика: мир без иронии // Знамя. 2021. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2021/9/novaya-etika-mir-bez-ironii.html (дата обращения: 17.01.2022).

вая этика», ориентированная на достижение комфорта, «исключения ситуаций, в которых бы человек был унижен, обижен, принужден, повергся насилию»[1], делает жертву (унижения, насилия) «важнейшим актором даже не потому, что она может требовать компенсации за свои страдания, а потому, что ее свидетельские показания становятся источником информации и поводом для реформаторских усилий по изменению общества. Жертва в некотором смысле обладает властью маркировать требующие реформирования проблемные зоны»[2]. Безусловно, концепт жертвы в истории культуры имеет негативную коннотацию, а установка на отсутствие насилия, отказ от жертв в полной мере соответствует гуманистическим идеалам общества, традиционным ценностям и этическим нормам.

Вместе с тем история культуры демонстрирует нам различные трактовки понимания жертвы и насилия. Не останавливаясь на религиозных трактовках концепта жертвы, отметим, что жертвенность и насилие становятся базовыми элементами советской идеологии и морали: «весь мир насилья мы разрушим». В советской идеологии жертва насилия приобретает коллективную идентичность (угнетенные рабочие и крестьяне, «униженные и оскорбленные») и требует защиты от насилия, при этом насилию подвергаются бывшие угнетатели, которые также приобретают коллективную идентичность, символически представленную в образе врага народа. Жертва и насилие становятся понятиями амбивалентными: они не только предполагают возможную взаимозаменяемость, но и размывают границы интерпретации насилия и жертвы. К. Фрумкин обращает внимание на то, что борьба с насилием в контексте развития человечества может трактоваться двояко: любой закон — вариант насилия, следовательно «борьбу с насилием легко интерпретировать как борьбу с цивилизацией. Ведь что такое цивилизация как не внесение определенных правил в человеческое поведение?»[3].

М. Эпштейн обращает внимание на то, что продолжением концептов жертвы и насилия в «новой этике» становится понимание необходимости исправления ошибок прошлого. В размышлениях А. Гусейнова эта часть новой этики связана с ответом на вопрос о личной ответственности, чувстве вины и причастности каждого человека к роду человеческому[4]. Соглашаясь с точкой зрения философа в том, что не существует событий, к которым человек не был бы причастен, отметим парадоксальность трактовки «философии поступка» (М. Бахтин). С одной стороны, путь «исправления имен», предложенный Конфуцием с целью обращения к прошлому как возможности построения идеального настоящего и будущего, складывается в древности и имеет этические основания. С другой стороны, реализация принципа искупления вины за прошлое в истории культуры свидетельствует о возникновении нового террора. Согласимся с М. Эпштейном, который отмечает, что в истории советской культуры был представлен вариант исправления «ошибок прошлого», приведший к трагическим результатам: «В СССР в 1920-е годы представители дворянства, аристократии, буржуазии истреблялись идейно и физически — но уже в 1930-е, даже в эпоху свирепейшего сталинизма, этот „перегиб“ стали называть „вульгарным социологизмом“. А теперь, сто лет спустя, называть такой же вульгарный социологизм и даже биологизм „новой этикой“ кажется странным»[5]. И речь не об этическом чувстве вины, истоки которого мы можем обнаружить в христианстве (в идее искупления первородного греха), а о беспощадном требовании исправлять «ошибки своих предков», даже если человек «виновен только в том, что по факту рождения принадлежит к „угнетательским“ классам (социальным, этническим, биологическим)»[6].

Важнейшим положением «новой этики» в связи с обозначенными ранее категориями жертвы, насилия и искупления вины становится амбивалентность истолкования понятий «индивидуальность» и «коллективизм». Многие философы, обращаясь к «новой этике», отмечают, что само определение этики в качестве «новой» обусловлено обращением к меньшинству: «новый этический подход, связанный с полноправным включением так называемых меньшинств в общественную жизнь и с аннигиляцией самого понятия меньшинства в нравственном сознании общества, когда речь идет о нравственных явлениях»[7]. История культуры неоднократно рассматривалась в контексте развития и противостояния идеологем коллективизма и индивидуализма. Обращение к индивидуализму в «новой этике» имеет позитивное начало: утверждение ценности жизни каждого человека, самоценности личности соответствует этическим идеалам общества. Более того, реализация идеологии коллективизма в период становления и развития Советского государства подтверждает невозможность построения идеального общества без обращения к индивидуализму.

Вместе с тем очевидность выбора приоритетов при построении идеального общества не снимает возможности построения новой тоталитарной системы: «Нет ни малейшего сомнения, что люди всех социальных, этнических, врожденных и приобретенных идентичностей должны быть равны перед законом и заслуживают уважения как личности. Но сводить личность к „представительству“, к коллективной ответственности — это не этика, а ровно ей противоположное»[8]. Не случайно М. Эпштейн называет подобный подход появлением «минус-этики» («вычитающей из человека то, что делает его независимой, самоценной личностью»), а еще точнее — «идеоэтикой» («Там, где человеческая уникальность переходит в множественность коллектива, кончается этика и начинается идеология») или «этиктатурой»[9]. Идеология коллективизма имеет в основе своей демократические ценности, построенные также на этических идеалах, в свою очередь цен-

[1] *Фрумкин К.* Рождение нежного мира // Знамя. 2021. № 7. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2021/7/rozhdenie-nezhnogo-mira.html (дата обращения: 17.01.2022).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Гусейнов А. А.* Что нового в «новой этике»?

[5] *Эпштейн М.* Новая этика или старая идеология // Знамя. 2021. № 8. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya.html (дата обращения: 17.01.2022).

[6] Там же.

[7] *Гусейнов А. А.* Что нового в «новой этике»? С. 105.

[8] *Эпштейн М.* Указ. соч.

[9] Там же.

ность отдельной личности может сменяться авторитарностью и приводить к тоталитаризму.

Подводя предварительные итоги осмысления новой трактовки традиционных этических ценностей, представленных в «новой этике», отметим, что негативные коннотации, вызываемые «новой этикой» в отечественной культуре, имеют историко-культурные и социокультурные основания. Культурная память, в которой советский период истории России существует в том числе в аспекте культурной травмы, а советская этическая система («моральная идеология», по А. Гусейнову) способствует построению тоталитаризма, обнаруживает черты тоталитарного сознания в постулатах «новой этики». Показательны высказывания отечественных писателей о содержании «новой этики», в которых доминируют негативные коннотации: «Утопия всегда легко переворачивается и превращается в свою противоположность. Поэтому движению сопутствуют явления, которые несколько пугают своей бескомпромиссностью и однобокостью»[1] (О. Бугославская), «новая этика» — идеологическое обоснование «грядущего (и уже отчасти наступившего) нового тоталитаризма, подобного которому еще не знало человечество»[2] (Д. Данилов), «новую этику» можно назвать «агрессивной ранимостью, наглой хрупкостью, наступательной и нетерпимой толерантностью»[3] (Д. Драгунский).

Не отрицая этических оснований «новой этики» и обозначенного выше нового поворота в осмыслении традиционных этических категорий в контексте современной культуры как необходимого условия развития человечества, отметим, что любое насильственное внедрение этических установок приводит к трансформации социальной утопии в антиутопию. Антиутопические основания «новой этики» очевидны из-за агрессивного навязывания этических норм посредством насилия и принуждения. Не случайно наряду с появлением трактовок «новой этики» возникает концепция «нового тоталитаризма»: «требование полного приятия любой идентичности приводит к новой форме нетерпимости, по сути более радикальной, поскольку она не осознается как нетерпимость. Если „приятие“ становится обязательным, то „неприятие“, по логике, должно быть просто запрещено»[4].

В построении бинарной оппозиции «утопия/антиутопия» антиутопия, как показывает историко-культурный опыт, побеждает, поскольку базируется не на внутреннем и органичном принятии этических норм общества как собственных основ жизни, требующем длительного совершенствования общества и самосовершенствования личности, а на более коротком и уже апробированном в истории культуры пути построения государства как «мегамашины» (Л. Мэмфорд). Антиутопия становится вариантом реализации утопии в действительности, о котором говорил Н. Бердяев, отмечая, что «избежать зла и страдания можно лишь ценой отрицания свободы. Тогда мир был бы принудительно добрым и счастливым. Но он лишился бы своего богоподобия. Ибо богоподобие это прежде всего в свободе»[5].

Е. А. Ильинская[6]

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА: ГРАНИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Обращение к вопросу о взаимовлиянии идеологии и культуры сегодня актуализируется особенно остро на фоне происходящих геополитических трансформаций и событий. С политической точки зрения идеология представляет собой систему специфических идей, которая репрезентирует идеалы, интересы и мировоззрение субъектов политики, а также обозначает конфигурацию санкционирования власти в обществе в определенный момент времени. В свою очередь, с культурологической точки зрения идеология является наивысшей формой общественного сознания и составной частью культуры. Здесь мы подходим к важному моменту определения граней взаимовлияния культуры и идеологии. Нам важно понять, каким образом культура влияет на формирование идеологии личности и общества в целом. В независимости от того, интересуется человек политикой или нет, в его сознании есть определенное отношение к общественному порядку, в соответствии с которым личность живет, что формирует, соответственно, конкретную модель поведения в обществе.

Данная модель базируется на дихотомии «правильное/неправильное» и функционирует следующим образом: некоторые аспекты общественного обустройства личность считает правильными и принимает, а другие выходят за рамки идеальных представлений человека, и он их отрицает и считает неправильными. Таким образом, можно утверждать, что определенный элемент идеологии существует в той или иной мере в культурном мировоззрении каждого представителя общественной группы. По мнению виднейшего российского куль-

[1] Новая этика: мир без иронии.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Скидельский Э.* «Новая этика» не угрожает демократии на Западе — а в России заставляет говорить о социальном неравенстве / пер. с англ. И. Кун. URL: https://meduza.io/feature/2021/02/17/pochemu-novaya-etika-vstrechaet-takoe-soprotivlenie-v-rossii-i-grozit-li-ona-demokratii-na-zapade (дата обращения: 17.01.2022).

[5] *Бердяев Н.* Миросозерцание Достоевского. URL: https://www.litmir.me/br/?b=39356&p=13 (дата обращения: 17.01.2022).

[6] И. о. декана факультета конфликтологии СПбГУП, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий по учебной работе, доктор культурологии, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Конфликтогенный потенциал нетрадиционной занятости и пути его снижения» (в соавт.), «Социально-культурная работа за рубежом» и др.; статей: «Формирование толерантности студенческой молодежи средствами социально-культурной деятельности», «Культура и время: опыт типологического анализа», «Категория времени как универсалия цивилизации», «Темпорально-глокализационные процессы в современной культуре» (в соавт.), «Механизмы социально-культурной синхронизации и регуляции» (в соавт.), «Социально-трудовые конфликты как социальная и исследовательская проблема» (в соавт.) и др.

туролога А. Я. Флиера: «дихотомия правильное/неправильное помимо общекультурной структуры сознания лежит в основе всякой идеологии как системы представлений об общественном устройстве»[1]. Безусловно, человек может совсем не интересоваться политикой, но так или иначе он должен соблюдать установленный на основе общекультурных норм, принятых в данном обществе, общественный порядок, что указывает на наличие в его сознании идеологии в зачаточном виде. Уровень сформированности идеологии личности напрямую зависит от уровня погруженности в культуру, от возраста, воспитания, образования, вида профессиональной деятельности человека, от личных интересов, приобщенности к общественной деятельности и т. д.

Далее целесообразно понять, каким же образом формируются личностные идеологические установки у конкретной личности, а именно положительная или отрицательная оценка элементов общественного порядка. В данном случае в первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что человек с рождения погружается в уже сформированное веками социально-культурное информационное поле, имеющее определенные границы и темпорально обусловленный набор субъектов, которые участвуют в переработке, передаче и хранении информации. Уровень и широта социальных контактов человека зависят от определенного набора субъектов информационного поля. Таких уровней может быть несколько. На первом уровне человек взаимодействует в рамках своей семьи, которая является наиболее однородным в социально-культурном отношении образованием. Человек с рождения впитывает основы этнокультурного мировоззрения, сформированного у членов его семьи, базирующегося на глубоких архетипических слоях сознания носителей культуры. Происходит процесс инкультурации в том культурном пространстве, которое дается человеку при рождении и впоследствии воспроизводится сознательно или бессознательно на протяжении всей жизни, как мир покоя и детства. На этом уровне человек приобретает первый опыт общественного взаимодействия, усваивает первичное, но очень устойчивое понимание общественного устройства.

Второй уровень представляет собой конгломерацию друзей, коллег по профессиональной деятельности, дальних родственников и т. д. Во многом на данном уровне коммуникация и набор ее субъектов определяются теми социально-культурными установками, которые были усвоены в семье, но бывают и исключения.

Названные два уровня составляют основу культурной среды, в которую погружен человек. На этих уровнях в процессе взросления человека и постоянной коммуникации генерируются идеологические установки личности, определяющие представления об общественном устройстве, создается так называемый социальный фрейм, в рамках которого человек осмысливает себя в мире. Следующие уровни социальных контактов более масштабны, поэтому менее всего влияют на идеологические установки человека и носят скорее отвлеченно-информационный характер, — это уровни государства и всего мира. Основным субъектом коммуникации на данных уровнях являются СМИ, и об этом следует сказать отдельно.

В последние десятилетия мы все больше внимания уделяем социальным сетям в информационном пространстве Интернета. Большинство людей молодого и среднего возраста активно используют социальные сети в своей жизни. В контексте нашего дискурса можно отметить, что степень влиянии социальных сетей на формирование социально-культурных и идеологических установок индивидов достаточно высока. Данное влияние реализуется благодаря возможности мгновенного распространения информации на сколь угодно большие аудитории в практически любой точке земного шара. Благодаря информационным технологиям социальные сети могут находиться как минимум на втором уровне социальных контактов личности. Это происходит из-за переноса части личной жизни индивида из реального пространства в виртуальное. Такой потенциал социальных сетей может использоваться для трансформации общественных установок населения на отдельных территориях с помощью специфических технологий, например применения манипуляций общественным мнением на основе концепции окна дискурса (окно Овертона), когда в существующую общественную норму путем последовательных событий на протяжении достаточно длительного времени вводятся элементы, ранее считающиеся немыслимыми. В качестве примера можно привести эволюцию отношения населения разных стран к ЛГБТ-сообществу, а ведь это тоже идеологический момент. Таким образом, может происходить трансформация идеологических установок личности, и противостоять этому можно только с помощью актуализации культурных традиций народа и обращения к духовным ценностям этноса.

В конкретной культурно-исторической среде функционирует та или иная социально-культурно обусловленная идеологическая система. Так, например, в России еще с петровских времен превалирует этатистская идеология в умеренных ее формах. На это указывает доминирование коллективизма в общественном сознании, концентрация государственной власти в едином центре, максимальное подчинение человека государству, что базируется на традиционализме и патриархальной установке уважения к старшим (опыт и авторитет) в рамках российской повседневности. Данная почти иррациональная патриархальная установка исходит из убежденности, что знания предшествующих поколений являются априорными, испытаны веками и утверждаются авторитетом отцов и дедов. Государство в данном случае воспринимается как гарант стабильности, прочности общественного устройства, при этом в повседневности принято снисходительно поругивать власть, но быть твердо уверенным, что в случае необходимости «царь-батюшка» все решит в нашу пользу. Полагаться на старшего, сильного и мудрого является, пожалуй, одной из самых характерных черт русского народа.

Только учитывая этнокультурную обусловленность и архетипичность идеологических установок в созна-

[1] *Флиер А. Я.* Культура в идеологии // Проблемы культурологии. 2020. № 1. С. 101–109.

нии носителей культуры, можно рассматривать вопрос о возможности их практической трансформации в тех или иных целях. Необходимо учесть, что идеология — это не только концепции и убеждения, то есть дискурсивные элементы, но и символы, ритуалы и художественные формы — недискурсивные элементы[1]. Целенаправленно и комплексно влияя на каждый из этих элементов, можно добиться определенных результатов. Изменить идеологические установки старшего поколения общества будет фактически невозможно, так как процесс инкультурации практически завершен и социально-культурная ниша индивида найдена, а повлиять на молодое поколение, обладающее идеологически неокрепшим сознанием возможно. Данный процесс может занять десятилетия, но, используя, например, концепцию окна дискурса, отталкиваясь от действующей общественной нормы, постепенно внедряя нужные идеи по схеме «стандартно–разумно–приемлемо–радикально–немыслимо», можно достичь определенных успехов, если при этом учитывать этнокультурную специфику населения.

Взаимовлияние культуры и идеологии очевидно, и, на наш взгляд, культура все-таки первична, так как дает существенный импульс для формирования соответствующих идеологических установок личности. Рассматривая идеологию как динамически развивающуюся систему коллективных идей и убеждений, можно выделить несколько социально-культурных форм ее репрезентации в обществе, а именно знаковую (объективация реального мира), ритуальную (символическую), художественную и поведенческую. Таким образом, практически все события в обществе могут иметь идеологическое измерение. Тем не менее зачастую идеологии призваны коллективно обосновывать навязанные шаблоны поведения, в результате чего индивид обозревает окружающую действительность через идеологическую призму, но со стороны, вне идеологической системы можно увидеть всю иллюзорность идей и убеждений. Примером подобного влияния может быть реализация идеологии потребления в современном обществе.

Противостоять идеологическим инвазиям можно лишь путем сохранения и развития национального самосознания в русле этнокультурных традиций и ценностей; приобщения подрастающего поколения к ценностям национальной и мировой культуры; воспитания в обществе здорового патриотизма, основанного на способности личности к освоению и трансляции духовных культурных ценностей; формирования у населения толерантности к представителям других культур и народов через познание многообразия мира. Необходимо также неуклонно повышать уровень жизни населения, соблюдая баланс между экономическими и политическими изменениями в государстве, которые должны быть направлены исключительно на благополучие нации.

Д. Н. Катышева[2]

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР: ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫМ РАЗРУШИТЕЛЬНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ И УТВЕРЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В современных исторических условиях цивилизационного противостояния однополярному миру в пользу многополярности в художественной культуре с особой остротой возникает необходимость утверждения традиционных ценностей и зависящих от них национальных эстетических моделей. Это имеет отношение не только к мировой художественной культуре человечества, но и к нашей, отечественной. Она формировалась и развивалась на протяжении веков в русле утверждения философско-эстетических и духовно-нравственных ценностей. Будучи верной принципу всеоткрытости к мировой художественной культуре, вместе с тем сохраняла свою самобытность. Последнее не противоречило системному обновлению традиций в связи с новым культурно-историческим контекстом и сменой эстетических параметров в культуре и искусстве.

Однако современная цивилизационная ситуация предельно обострила противостояние однополярному миру, который, на мой взгляд, тесно связан с глобальным проектом — не естественно-эпическим, а рукотворным, к чему приложили немало усилий с целью распространения своего диктата, главенства крупнейшие западные промышленные корпорации, возглавляемые единым известным центром.

Исследование истоков, генетических оснований глобализации, ее разрушительных начал, препятствующих развитию многополярного мира, — задача ученых, политиков, социологов. Чтобы понять явление, его сущность в науке, в ее инструментарии присутствует обязательный принцип — историзм. Его никак не отменить, он важнейший в фундаментальных основах науки. К примеру, в литературе, искусстве это также необходимо. Всякое явление, рассматриваемое как целостность, зависит, как пишет Г. Д. Гачев, «от выявления той специфической жизненной си-

[1] *Мусихин Г. И.* Идеология и культура // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 53–62.

[2] Профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Рудольф Нуреев — балетмейстер», «Имена и судьбы в искусстве (вторая половина XX века)», «Петербургские сезоны: начало XXI века (драма, балет)», «Русский балет. Традиции одухотворенного танца» и др.; учебного пособия «Вопросы теории драмы. Действие. Композиция. Жанр» и др. Почетный профессор СПбГУП.

туации, в которой только и именно она должна была возникнуть»[1].

Усилия глобального проекта были направлены в том числе против этносов, национальных культур, их идентичности и в первую очередь против традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях информационной агрессии. Глобализация с ее последствиями, связанными с ориентацией на западные ценности и эстетические модели, проявилась в «выгорании», «выветривании» национальной самобытности культур народов и стран с особым прицелом на Россию. Влияние нашей страны на мировую художественную культуру трудно переоценить, особенно это касается XIX–XX веков (литература, поэзия, музыка, театр, исполнительское искусство). Им противопоставляется поток поп-арта, захватывающего в угоду коммерческим интересам область высоких художественных творений, традиций, художественного наследия с его потенциалом развития новых художественных идей. Выдвигается культ бессознательного, «пандемия бессознательного», разрушительных низменных инстинктов, стремление к стандартизации бытия, его виртуализации. Противоречия современной цивилизации, ее провалы связаны с отказом от глубинных духовных энергий человека, которые были определяющими в русском театре. Об этом писал еще А. С. Пушкин, видевший сущность театра в том, что тот стал «заведовать страстями и душою человеческою». И для него «изображение страстей и излияний души… всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно»[2].

Новаторские реформаторские идеи К. С. Станиславского, оказавшие влияние на весь мировой театр XX — начала XXI века, продолжили пушкинскую концепцию театра, выдвигая основой системы театрального искусства правду жизни человеческого духа на сцене, соотнесенную с правдой тела, пластической составляющей образа в его образно-чувственном воплощении. При этом в конкретной человеческой судьбе отражались общечеловеческие проблемы бытия. Как писал режиссер театра и кино Г. М. Козинцев, история всякого человека — во всякой жизни. Традиционные ценности русского театра определялись выдающимися деятелями и творцами: Н. В. Гоголь писал, что это «кафедра, с которой можно много сказать миру добра»; М. С. Щепкин говорил о театре как о втором университете. Все это имело связь с мировой театральной культурой. Деятели в эпоху Просвещения видели в театре «школу социальных нравов».

На протяжении веков как в мировом, так и в отечественном театре наблюдается устремление к воплощению истинного бытия человека, особенно его внутреннего мира — источника побуждений, мотивов поступков, выбора своего пути, участия в разрешении подлинно драматических конфликтов во имя утверждения созидательных идей человечества — истины, справедливости, добра и красоты. Своеобразие искусства определялось верностью своей идентичности, культурному национальному коду. Это отвечало парадигме развития, самобытности русского театра — драматического и музыкального (оперы и балета). Исполнительское искусство стремилось к одухотворенному, эмоционально насыщенному воплощению сценического образа.

Общая задача, особенно актуальная в современной ситуации, — сохранение психологического репертуарного театра с целостной идейно-художественной программой, с учетом постоянно обновляющейся традиции театрального искусства, его педагогической школы.

Сегодня сильный разрушительный удар направляется именно в сторону традиции, мирового и национального художественного наследия. Российские «реформаторы» обращены к западным театральным брендам, а не к исконным самобытным традициям русского театра. В них они видят тормоз для новой развивающейся формации искусства в целом и театра в частности. Однако следует заметить, что традиции — отнюдь не устаревшая архаика, «это передача Огня, а не поклонение пеплу», как говорил композитор Г. Малер.

Традиция содержит устойчивые художественные ценности как предшествующих веков, так и новой формации, где свежие художественные идеи только зарождались, но требовали последующего развития в наступающем времени. Г. Гачев справедливо отмечал: «…мы должны вскрыть, что такое традиция — и не в ее отрицательном аспекте тормоза, оков, той материи, которая сопротивляется новым идеям, но в ее благотворной роли…»[3]

И далее ученый задает вопрос: «И не должны ли мы видеть в… силе традиции не только нечто отрицательное, но и благостную народную силу, отражающую в себе глубинную устойчивость бытия, простоту и ясность ее коренных ценностей, которые не поддаются расползанию в суетливой свистопляске новизны и моды?»[4] Что касается традиций мирового театра, то в них заложен «аккумулятор жизненно-творческой силы» прошлых веков и тысячелетий.

В настоящих социокультурных и политических условиях Россия вступает в противостояние с Западом за сохранение не только своей идентичности, своих культурно-духовных традиций, но и общемирового культурного наследия. Стремится укрепить свой издревле, исторически сформированный принцип державности в смысле удерживания от зла, разрушения освященных христианскими заповедями духовно-нравственных ценностей, уклада жизни, который формировался веками. Вот почему, по мысли выдающегося деятеля художественной культуры З. Я. Корогодского, театр должен особенно четко ориентироваться на свою исконную цель: «Сказать важное, спасительное для людей»[5]. Но надо помнить, что в кризисных ситуациях может проявиться «художественная болезнь века», что уже случалось в прошлом. О ней русский философ И. Ильин писал как об искусстве, которое «…творится… в атмосфере художественной бессовестности… здесь все

[1] *Гачев Г. Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М. : Просвещение, 1968. С. 20.

[2] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М. : Гослитиздат, 1962. Т. 7. С. 543.

[3] *Гачев Г. Д.* Указ. соч. С. 10.

[4] Там же. С. 19.

[5] *Корогодский З. Я.* Сделать умным сердце // Университетские встречи — 2. СПб. : СПбГУП, 2003. С. 108.

позволено, что тешит несытую страсть или извращенный каприз автора…»[1].

Это имеет отношение и к той современной российской группе театральных деятелей, которые называют себя постдраматической режиссурой. Они фактически отказались от традиций, художественного наследия, литературно-драматической основы спектакля. Отказались от великих авторов — У. Шекспира, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова — в угоду собственным симулякрам с вульгарно-социологической актуализацией, жанрами спектакля-скандала, провокации. При этом с оглядкой на западные сценические «новации», а заодно и на те разрушительные процессы, которые происходят в западной культуре. Как пишет немецкий философ Г. Маркузе, они обусловлены определенными социополитическими процессами. Он их называет так: «герметизация политического универсума, формирование Государства Благосостояния и Войны»[2] при концентрации экономики под контролем крупных корпораций, системы военных альянсов. В этой связи — разрушение высокой культуры в угоду массовой: «Ликвидация двухмерной культуры происходит… посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и их массового воспроизводства и демонстрации»[3].

В результате утверждается культ бессознательного, эстетизация безобразного, сексуализация сознания художника, что нередко оборачивается в порно. Особая миссия направлена против ясного смыслообразующего начала, многозначности образа в текстах: когда сокращаются языковые формы, происходит обеднение лексики, расхождение между понятием и непосредственным фактом. Цель этих тенденций — привести к формированию «одномерного человека», обезличенного, лишенного интеллектуального потенциала и креативных способностей, чтобы он был легко управляемым извне.

В заключение отметим: совершенно очевидно, что для корневых начал и парадигмы развития отечественной культуры в целом и художественной в частности все эти тенденции чужды и враждебны. В отечественном искусстве образ всегда был связан с образцом, идеалом человека, который важен не только как отдельный индивидуум, но и как личность, соединяющая в себе частные интересы с общечеловеческими, их непреходящими духовно-нравственными ценностями.

Путь к ним в отечественном сценическом искусстве открыт. Этот путь показывают многие театры и в столицах, и в других российских городах. В балетном искусстве такими образцами являются театры танца в народном художественном творчестве, театры балета — в профессиональном, и ярким тому примером служит Академический театр балета Бориса Эйфмана. Лучшие достижения театрального искусства были и остаются основой отечественной художественной культуры.

О. В. Каширина[4]

«ЦЕННОСТНО-ЯЗЫКОВОЙ КРИЗИС» В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ[5]

Концепт ценностно-языкового кризиса разрабатывается в рамках гуманитарной кризисологии как междисциплинарной метатеории социальных наук[6], рассматривающей его в качестве продукта гибридных войн, ведущихся американским олигархатом и истеблишментом против всех открытых и демократических стран в глобализирующемся мире. В XX веке ценностно-языковые кризисы предшествовали военным фазам гибридных войн, проводимых Западом против России на культурном, идеологическом, продовольственном, энергетическом, коммуникационном, валютно-финансовом и других фронтах перед Первой и Второй мировыми войнами, а дважды они приводили к краху нашей государственности с распадом страны: так Антанта погубила Российскую империю, а «навязанное Вашингтоном „новое мышление“ М. С. Горбачева с Б. Н. Ельциным уничтожило Советский Союз»[7]. В XXI веке когнитивный и информационный фронты действуют против России открыто. Такова актуальность изучения ценностно-языковых кризисов.

В связи с этим можно сказать, что наступает период бифуркации (сильно неравновесного состояния) мирового процесса, где финансовые цели уже становятся неглавными. На первое место выходит «эволюционная война — гораздо более глубокая и масштабная — это война за всю последующую эволюцию человечества» (А. А. Зиновьев). На данном этапе происходит такти-

[1] *Ильин И.* Что такое искусство? // Ильин И. Собр. соч. : в 10 т. М. : Рус. кн., 1956. Т. 6. С. 68.

[2] *Герберт М.* Одномерный человек. М. : Ермак, 2003. С. 4.

[3] Там же. С. 87.

[4] Профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор 145 научных публикаций, в т. ч. 5 индивидуальных и коллективных монографий: «Управление событийными коммуникациями: философские размышления», «Культура времени в современной картине жизни» и др.; статей: «Становление молодежной экстремологии в структуре гуманитарной кризисологии» (в соавт.), «Научно-образовательная сфера: приоритеты междисциплинарного взаимодействия» (в соавт.), «Resolving Ethno-Social Conflicts in the North Caucasus: Pathway to Peace and Integration» (в соавт.), «Преемственность смыслов и форм патриотизма в контексте социального времяведения» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

[5] Доклад подготовлен на основе статьи: *Каширина О. В.* Кризис цивилизации: культура времени как «язык» его преодоления // Человек, экономика, общество в условиях пандемии: региональные, глобальные и федеральные аспекты : сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 14 февраля 2021 г.). Ставрополь, 2021. С. 292–297.

[6] *Каширин В. И.* Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России : науч.-образоват. журн. 2014. № 2. С. 34–46 ; № 3. С. 90–96.

[7] *Глазев С. Ю.* Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М. : Кн. мир, 2016.

ческая перегруппировка сил, на авансцену выводится администрация США, которая действует под флагом американского патриотизма и иллюзии возвращения США статуса мировой державы во всех областях жизни. Приоткрывается завеса над секретами российской элиты, закрепляя ее роль как «криптоколонии» глобального капитала, ожидая от нее поддержки изнутри в «новом глобальном ударе по России, который будет нанесен с целью ввергнуть нашу страну в гражданскую войну, в дестабилизацию и хаос, а если получится — то и разорвать ее на куски»[1].

В этот период кризис идентичности цивилизационных субъектов (личностей, социальных общностей любого масштаба, берущих на себя ответственность за будущее ближайшего окружения и всего человечества) переходит в кризис ценностей. Универсальные ценности: истина, свобода, равенство, жизненные смыслы, совесть, честь, справедливость и другие — обесцениваются, вместе с нейтрализацией социально-исторического опыта, нарушением цивилизационного кода преемственности прошлого, целостности настоящего и целесообразности будущего наступает хаотизация самосознания людей, а следовательно, их поведения и деятельности. Язык цивилизационной истины сменяется множеством языков хаотизации и манипуляции сознанием и самосознанием, например языком «цветных революций», власти, масс, патриотических революций, экспертов, двойных стандартов и тому подобного, каждый из которых имеет свои смысловые поля коммуникации, включающие внутреннюю, внешнюю и метавнешнюю мотивационные структуры. Таков механизм воздействия ценностно-языкового кризиса на коммуникативные процессы, происходящие в общественном и индивидуальном сознании и самосознании цивилизационных субъектов.

Изучает этот механизм практическая философия управления коммуникацией, разрабатываемая как одна из ветвей фундаментальной философии многополярности[2]. Представленный концепт ценностно-языкового кризиса является междисциплинарным, а потому использует категории фундаментальной философии: «диалектика», «триалектика», «пространственно-временная ситуация» и т. п. Задействуются и категории практической философии управления коммуникацией: «коммуникативное время», «смысловое поле как коммуникативная матрица и как высота времени», «язык масс как синергия пассионарности масс», «язык власти как энергия стабильности власти», «диагноз времени как барометр многополярности» и др.; а также категории психологии: «смысловое поле», «личностный смысл» и др.; социальной психологии: «общественные значения», «смысловой образ», «внутренняя, внешняя и метавнешняя мотивация»; философии культуры: «оценки/ценности», «цивилизационная истина экспертов», «коммуникативная правда масс», «культура времени», «культура самосознания», «культура поведения», «культура деятельности», «паттерны культуры времени» и др.[3]

Ядром концепта ценностно-языкового кризиса выступает культурно-временной (диалектико-триалектический) анализ кризисной структуры смысловых полей коммуникации. Кризисная структура в смысловых полях коммуникации обнаруживается в процессе культурно-временного, а по сути, культурфилософского анализа, фиксирующего диалектические (нетождественные, а порой взаимоисключающие), триалектические (взаимодополняющие — по принципу динамического равновесия В. И. Вернадского) и диалектико-триалектические (по принципу гармонизации «золотой пропорции») противоречия. Обострение этих противоречий в индивидуальном и коллективном сознании и самосознании цивилизационных субъектов приводит к тому, что в смысловых полях коммуникации приобретают кризисный характер и структурные элементы: а) внутренняя мотивация личностных смыслов; б) внешняя целесообразность общественных значений; в) метавнешняя (синтезная переходная) целесообразность мотивации. В такой структуре смыслового поля коммуникаций между двумя ее полюсами (в психологии — между личностными смысловыми и общественными значениями, по А. Н. Леонтьеву) дрейфуют оценки/ценности, сохраняя динамическое равновесие между ними, которые в состоянии бифуркации сознания/самосознания, приближаясь к полюсу личностного смысла, приобретают смыслы мотивации, а приближаясь к полюсу общественного значения, — значение целесообразности. Иначе говоря, смысловое поле цивилизационного субъекта в контексте культурно-временного подхода в разных пространственно-временных ситуациях, приближающихся к сильной неравновесности, приобретает или общественное значение целесообразности, или индивидуально-личностный смысл мотивации. Остановимся на этом подробнее с учетом кризисной ситуации.

А. Кризис внутренней мотивации проявляется в состоянии максимального сближения оценок/ценностей с индивидуально-личностными смыслами в смысловых полях коммуникации. Формируется язык внутреннего диалога, в котором диалектика индивидуально-личностных оценок и общественных ценностей из нетождественности превращается в несовместимость, берут верх личная вера (в свои способности, возможности), завышенная самооценка, несбыточные надежды. Происходит нарушение симметрии между информацией, знанием и пониманием. Разрушается когерентность системы (И. Р. Пригожин), когда элемент воспринимает дальнодействующие цели системы как свои. Возникает угроза бифуркации — сильной неравновесности смыслового поля коммуникации. Результатом такого кризиса являются «расщепление» духовного мира, разрыв личностного времени, в котором прошлое трактуется как перегруженное общественное значение, а опора на собственные силы чревата игно-

[1] *Ивашов Л.* Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? М. : Аргументы недели, 2021.

[2] *Каширин В. И.* Становление гуманитарной философии многополярности // Гуманитарий Юга России : науч.-образоват. журн. 2017. Т. 6, № 6. С. 97–108.

[3] Разработка этих и других категорий культуры времени О. В. Кашириной, по существу, является новым вкладом в развитие культурологии как науки, см., например: *Каширина О. В.* Культура времени как мировоззренческая парадигма и интеллектуальная технология практической философии // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 258–272.

рированием культурно-временной перспективы. Разрыв времен ведет к дефициту личного времени и отставанию жизненных стратегий от требований времени. Появляется клиповое мышление, которое развивает компьютерную болезнь и общее духовное нездоровье субъекта. Субъект подвергается угрозе не пройти этап социализации — не приобрести чувство ответственности за свой духовный рост, ближайшее окружение и будущее всего человечества. Кризис внутренней мотивации делает субъекта легковнушаемым, подверженным внешней манипуляции.

Б. Кризис внешней целесообразности проявляется в состоянии максимального сближения оценок/ценностей с общественными значениями в смысловых полях коммуникации. Цивилизационные субъекты воспринимают такое сближение как жестокое управление посредством внешних факторов (социоестественных, социокультурных, публицистических, конфликтологических, идеологических). В теории диссипативных структур внешняя целесообразность называется концептуальной ситуацией и интеллектуальной средой, кризис которой означает «негодную попытку разобраться в сути дела, поскольку в действительности решение проблемы подменяется ее постановкой» (И. Пригожин, И. Стенгерс). В этом случае «истина цивилизационной свободы как свобода сохранения и свобода изменения» (Л. В. Скворцов) под давлением кризиса внешней целесообразности становится невозможной. Теряет смысл однозначной адекватности отражаемого объекта и отражающего субъекта (как в теории познания). Цивилизационная истина носит расщепленный характер самоотрицания: сохранение внутренней мотивации исключает изменение, а изменение — сохранение. Следовательно, в смысловом поле коммуникации истина/неистина однозначной адекватности/неадекватности подменяется цивилизационной истиной соответствия/несоответствия. В условиях же ценностно-языкового кризиса, в отсутствие истины цивилизационной свободы, нарастают масштабы самодеструкции цивилизационных отношений.

В. Кризис метавнешней (синтезной, переходной) мотивации/целесообразности, то есть коммуникативной правды. Коммуникативная правда как динамическое равновесие соответствия/несоответствия мотивации и целесообразности достигается в случае срединной «равноудаленности» оценок/ценностей и от личностных смыслов, и от общественных значений. При этом разбалансировка этого динамического равновесия означает, что отступление от достигнутой (в процессе общения цивилизационных субъектов) коммуникативной правды и дрейф ее в одну или другую сторону предполагают неизбежное приближение к точке цивилизационной бифуркации — сильно неравновесного состояния смыслового поля коммуникации. Деформируются не только полюсы смыслового поля коммуникации (личностный смысл и общественное значение), но и сами дрейфующие оценки/ценности, раздваиваясь и соединяясь (оценки — с личностными смыслами, а ценности — с общественными значениями), что влечет за собой новую волну нарушений истины/правды, соответствия, а также появление множественности языков. Множество разрозненных языков, разобщенных отсутствием возможности достичь цивилизационной истины свободы, порождает потенциал двойных стандартов: цивилизационную истину диктует меньшинство узкой элиты общества, в том числе научных экспертов, а коммуникативную правду очевидности формирует большинство масс. Возникает монополия на знания, которая господствует в постиндустриальном мире. Диктатура знаний способна предотвратить хаос противоборства «цветных» и «патриотических революций» и наступления вавилонского столпотворения.

Однако наилучший вариант для укрепления единства общества, достижения суверенитета государства и идентичности гражданского общества — укрепление динамического равновесия между цивилизационной истиной современности и коммуникативной правдой повседневности. Это путь к ликвидации ценностно-языкового кризиса в России.

М. И. Козьякова[1]

ПОСТГУМАНИЗМ КАК ДОМИНАНТА ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСРЕДЫ[2]

Единый, целостный, взаимосвязанный и одновременно расколотый, полярный — именно таким предстает мир в начале нового тысячелетия. Он представляет собой результат интенсивно протекающих социальных, культурных, политических трансформаций и одновременно итог беспрецедентного развития новейших технологий. Они создают новую универсалию социокультурного плана — новый мировой порядок взаимодействия, унификации и универсализации различных культур. В орбиту гомогенного движения включаются не только материальные субстанции, но и разнообразные практики, символы и идеи, ценности и смыслы. Системные вызовы, связанные с глобальной унификацией, ставят под угрозу культурное и национальное многообразие мира. Конфигурации силовых полей де-

[1] Профессор кафедры истории и культурологии Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика повседневности. Материальная культура и быт Западной Европы XV–XIX веков», «История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX века», «Исторический этикет», «Русский мир: фундаментальные проблемы современности», «Культурные доминанты социального государства: история и современность», «Палимпсест и апокриф: идентичность в глобальной медиасреде» и др. Член Московского отделения Всероссийского культурологического общества.

[2] Доклад подготовлен на основе статьи: *Козьякова М. И.* Палимпсест и апокриф: идентичность в глобальной медиасреде // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 362–366.

лают невозможным сохранение былого суверенитета, растапливая остатки национально-этнического своеобразия в своем «плавильном котле».

Человек XXI века обладает культурой особого типа, которая возникает под воздействием хаотичного потока сообщений, обрушивающихся на индивида со всех источников информации. В «мозаичной» культуре, как писал А. Моль в своей известной работе «Социодинамика культуры», гуманитарное знание уже «не является в основном продуктом университетского образования», но выступает итогом «ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений». Они усваиваются через средства массовой коммуникации (печать, кино, радио, телевидение), беседы с окружающими — «через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей» [1].

Современные СМИ играют исключительно важную роль как институт глобального информационного плана. Интернет, другие экранные медиа выступают в качестве механизма, формирующего технические возможности по развитию глобализированного информационного пространства. Медийная революция и экранная культура, цифровизация техногенной среды, окружающей человека, ведут к сдвигам в массовом сознании, воздействуют на ментальность, трансформируют идентичность. Все больше утверждается значимость визуального образа, поскольку средства массовой коммуникации, особенно телевидение, оперируют образами и обращаются к эмоционально-чувственным переживаниям.

Развертывание медийной сферы, ее укорененность в жизни современного общества сопровождаются возникновением целого ряда специфических явлений, оказывающих непосредственное воздействие на человека. Постоянное присутствие рядом с человеком смартфона или ноутбука, нахождение их на расстоянии вытянутой руки превращает эти гаджеты в нечто большее, чем обычные технические приборы. Недаром М. Маклюэн рассматривал средства коммуникации как своеобразное продолжение органов чувств, расширение человека в пространстве. Действительно, быть «на связи», ощущать свою «включенность» в глобальную сеть, связывающую множество людей, становится привычкой, превращается в важнейшую жизненную потребность. Одновременно это новая ценность, сравнимая по своей значимости с первичными потребностями в пище, одежде, жилище.

Сейчас медийная реальность превращается в среду человеческого бытия, и приоритет в ее «колонизации» вплоть до самого последнего времени принадлежал странам Запада. Преследуя идеологические или же коммерческие цели, западные СМИ генерируют собственный продукт — мифологемы и мифы массовой культуры. Искусственно воспроизведенный виртуальный мир активно вторгается в жизненное пространство современного человека, диктует установки, определяет смыслы и ценности — именно таким образом модели и знаки виртуального мира обретают собственную жизнь. Использование современных информационных технологий формирует общественное мнение и тем самым с неизбежностью приводит к манипулированию людьми.

Заданный самой техникой эффект присутствия предполагает презумпцию достоверности виртуальной картины. Однако также техника формирует возможность все более глубокого и полного искажения реальности: творец экранной реальности, как в кинематографе, использует совокупность особых приемов для ее создания. Новый медиакоммуникативный универсум формирует в обществе феномен «ложного сознания», наполняет виртуальное пространство фантомами симулякров. Эффект реальности превращается в механизм глобальной фальсификации — иллюзорный мир, созданная СМИ картинка внедряется в сознание реципиента.

Конечно, в первую очередь манипуляционные техники обращены к массовой аудитории. Ее ориентируют на определенное электоральное поведение, на социальные и культурные стереотипы, образцы, мнения. Вплоть до настоящего времени глобальный информационный рынок обеспечивал максимально полную реализацию однополярного мира, и ему было трудно составить конкуренцию. Центр этой медиаимперии перераспределял ресурсы и возможности в интересах одного-единственного полюса силы, знаменуя тем самым его абсолютную власть. Своеобразным мейнстримом медиапространства служил постгуманизм, ставящий во главу угла либертарианский индивидуализм, нивелирующий во имя специфически понимаемой «свободы» добро и зло, правду и ложь, красоту и уродство, объявляющий вне закона иную точку зрения, иной образ мыслей, иные стратегии и тактики жизнедеятельности.

Доминантные характеристики массового общества парадоксальным образом онтологизируются сегодня не самими его субъектами, акторами данного общества, а средствами массовой коммуникации, транслирующими некие социальные и культурные реалии. «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа», — писал в своем исследовании Н. Луман[2]. Он отмечал, что таким образом возникает «двойной смысл реальности — в виде фактически протекающей, то есть наблюдаемой операции, и в виде порождаемой тем самым реальности общества и его мира»[3]. Этот план следует обозначить как «второй смысл реальности массмедиа» — именно то, что благодаря ей выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, то массмедиа производят трансцендентальную иллюзию[4]. Мнимая иллюзорность медийного пространства, его превращение в новую реальность проявляются на политической арене — в «цветных революциях», в межгосударственных отношениях.

Смыслы встраиваются в пространство идеологий, культурных кодов, умножая тем самым варианты манипуляционных приемов. Ведущие новостные програм-

[1] *Моль А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. 3-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 46–47.

[2] *Луман Н.* Реальность массмедиа / [пер. с нем. А. Ю. Антоновского]. М. : Праксис, 2005. С. 8.

[3] Там же. С. 19.

[4] Там же. С. 13.

мы, транслирующие социальный и культурный нарратив современного мира, объединяют этот мир на основе доступа не к достоверному знанию, а к носителям информации, к Сети. Они способны упразднять, подменять и искажать фактический материал, ориентируясь на «демонстрационные эффекты»; заменять одну реальность другой, стирая фактологию контента и порождая эффект средневекового палимпсеста. В огромном коммуницирующем пространстве медиареальности возникает проблема потери точки опоры — смыслового компендиума.

Парадоксально, что условность параметров, эфемерность и нематериальность этой среды ни в коей мере не препятствуют восприятию медийно-виртуальной визуализации в качестве реально существующего мира. Трансформируя сущность вещей или явлений, она производит впечатление совершенно особой достоверности, поскольку иллюзорное «впечатление» обладает более ярко выраженной модальностью, чем многие аспекты реально существующего нарратива. Поверхностный односторонний взгляд, воспринимающий тот или иной фрагмент мироздания, его трактовки, не является при этом тайной, наоборот, представляется как некая достоверность.

Важный фактор медийной экспансии — включенность средств массовой коммуникации в структуру основных институтов общества. Селекция медийной событийности имеет определенные, далеко не позитивные последствия. Нюансировка достоверности создает возможность тонкого и незаметного искажения реальности, и эта возможность превращается в механизм глобальной фальсификации. Презумпция подлинности предлагаемой картины ставится при этом под вопрос.

«Публичность замутняет все и выдает скрытое за известное и каждому доступное», — отмечал М. Хайдеггер[1]. Возникшая в сфере международных отношений фраза «highly likely» («весьма вероятно») превратилась в новый слоган, в термин, понимаемый и без перевода. Опиравшийся на чьи-то далеко не репрезентативные высказывания в Сети, на специально сфабрикованные фотографии, инсценировки, откровенные фейки, модус публичного выступления, по мысли его авторов, мог служить в любой ситуации вполне достаточным доказательством. По определению М. Хайдеггера, публичность особым образом «правит всем толкованием мира <…> и оказывается во всем права». Данная правота не зависит от содержания собственных высказываний, не основана на вхождении в существо дела, она априорна, нечувствительна ко всем различиям уровня и подлинности[2].

Задачи по определению эффективности информационного воздействия на население сохраняют актуальность на протяжении длительного времени — интерес к ним не угасает уже более полувека. Несмотря на многочисленные исследования, проводившиеся с середины прошлого столетия, данная проблема все еще не получила однозначного решения. Предлагаемые варианты ответа на этот вопрос раскрывают дилемму между тезой о «всесильности» средств массовой коммуникации и антитезой об их исключительно ограниченном влиянии.

Первый концепт относится к сравнительно «старой» социологической модели, в которой утверждалось, что информация напрямую и полностью воспринимается адресатом. Это была теория так называемых глубоких эффектов, а ее автор, Г. Лассуэлл, изучавший практику пропаганды, использовал метафору «волшебной пули». Информация уподоблялась пуле, направленной в мозг реципиента, где она незамедлительно должна была произвести определенный эффект. Другое, столь же образное название теории — «модель подкожной иглы». Она апеллировала к сенсации, произведенной трансляцией радиопостановки романа Г. Уэллса «Война миров» в 1938 году и панической реакцией на нее массовой американской аудитории[3]. Последующие исследования не подтвердили эту теорию: прямые медиаэффекты имеют место, однако они возникают при определенных условиях и оказываются значительно скромнее, чем предполагалось первоначально.

Об ограниченном эффекте массмедиа свидетельствовало также исследование Э. Каца, П. Лазарсфельда, Э. Роупера[4], где анализировалось поведение избирателей на президентских выборах в США в 1940 году. Оно положило начало коммуникативной теории. Многочисленные исследования второй половины XX века подтвердили сложный характер проявления медийных эффектов, их зависимость от конкретных исторических обстоятельств, особенностей аудитории, индивидуальных характеристик адресата. Последние могут быть детерминированы такими факторами, как личностный опыт, уровень интеллекта, социальный статус, принадлежность к тем или иным социальным группам. В кризисное время влияние массовой коммуникации возрастает, в период стабильности — ослабевает, действуя на небольшие группы соответственно их запросам. Влияние массовой коммуникации оказывается большим, если общество находится в состоянии трансформаций, различного рода конфликтов. Наглядные примеры, подтверждающие этот тезис, — современные «цветные революции».

Проблемы массмедиа изучались в разных странах, в результате был разработан целый ряд моделей, отражавших отдельные стороны медийного восприятия. Так, сфере событийной тематики соответствует концепция «повестки дня»: внимание аудитории обычно фиксируется на трех-пяти новостных темах, при этом частое повторение одних и тех же сюжетов повышает оценку их важности. Именно в этом ключе действует современная западная пропаганда, используя бесконечные повторы в освещении определенных событий.

Пресловутая свобода слова, официально закрепленная правовыми институтами Запада, давно уже канула в Лету. Так, четко разделилось медийное пространство США: поддержка оказывается либо демократам, либо республиканцам. Печатные и электронные средства массовой информации согласованно и практически не-

[1] *Хайдеггер М.* Время и бытие : пер. с нем. М. : Наука, 1993. С. 151.

[2] Там же. С. 150–151.

[3] *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М. : Алгоритм, 2015.

[4] *Katz E., Lazarsfeld P., Roper E.* Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Routledge, 2017.

отличимо выступают по многим международным вопросам, по острым актуальным проблемам. В их числе могут быть названы темы, связанные с генеральной антироссийской линией большинства стран Запада, будь то «дело Скрипалей» или «дело Навального», присоединение Крыма или же проблематика операции по защите Донбасса.

Однозначна в отношении России линия польских или прибалтийских СМИ. Бывшие прибалтийские советские республики, ныне самостоятельные государства, выстраивают собственные политические мифологемы — идеологизированные национальные проекты, где искажаются или откровенно извращаются факты, связанные с историей Второй мировой войны. Подобно средневековому палимпсесту, в «книге» истории стираются и переписываются целые главы, что позволяет коллективному Западу максимально эффективно использовать запущенную в последние годы антироссийскую истерию.

Западные СМИ взращивают антироссийскую идентичность, активно внедряют в сознание населения образ России как врага, агрессора, попирающего международные нормы. Выросло целое поколение людей, воспитанных не на идеалах добрососедского взаимопонимания, а на готовности противостоять «имперским притязаниям Москвы». Политизация исторических реалий, кардинальная переоценка совместного прошлого, в том числе периода борьбы с фашизмом, привели к подъему националистических движений, к оправданию многих преступлений, совершенных карателями в годы Второй мировой войны.

Для эффективного «ответа» медийному террору, развязанному против нашей страны, необходимо освоение активной информационной повестки. Важнейший аспект в ее формировании связан с внятным формулированием ценностных приоритетов, с легитимизацией идейного, идеологического вектора. Необходима собственная идеология, собственные «национальные проекты», и потому их разработка становится в настоящее время все более неотложной задачей. Эти проекты должны отвечать на вызовы времени, учитывать потребность в инновационном развитии и одновременно опираться на доминантные аксиологические, культурологические характеристики[1].

Речь идет в первую очередь об исторической памяти, поскольку культурная идентичность онтологизируется в контексте взаимодействия памяти, ценности, почвы. Это те ценности и смыслы, которые присутствуют в народном сознании и закреплены на архетипическом уровне: память о героическом прошлом, верность отеческим традициям, патриотизм. Имплицитно присутствуя в российском архетипе, они были запечатлены в объединительном пафосе «Бессмертного полка», ярко проявили себя при воссоединении Крыма[2]. В этой связи коренным образом меняются подходы к традиции и традиционализму: на повестку дня выносится не отрицание традиции, не отвержение традиционной культуры, но обращение к ней, ее приятие, сохранение и поддержание. И это отнюдь не тезис К. Маркса: «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», а опора на важнейший, архетипический пласт национальной культуры.

С. С. Комиссаренко[3]

К ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОГО НАРРАТИВА ЦЕННОСТНЫХ ОБЪЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Современный мир сегодня подвержен всеохватывающему политическому, экономическому, социальному, культурному и нравственно-этическому кризису. Его проявлениями выступают не только политические, экономические и социальные необратимые изменения, но и тектонические смещения в понятии моральных норм. Сегодня размываются смыслообразующие дефиниции морали и права как в отношениях между странами, государствами и народами, так и в межличностных взаимоотношениях людей, где ментально-мировоззренческие противоречия во взглядах, убеждениях, представлениях приводят к их глубокому разъединению. Мир переживает невиданные трансформации механизмов его переустройства, что ведет к слому прежних регуляторов сосуществования. Следствием этого является состояние аномии, когда старые парадигмы мироустройства не работают, а новые еще не сформировались. Наиболее всего аномия проявляется в ценностном поле существования, где ценности утрачивают свое первоначальное значение и все более получают различные нарративы.

Основу ценностей составляют ценностные объекты в виде неких идей и идеалов, которые являются значимыми для наций, отдельных страт, групп людей и для каждого отдельного человека. Философ и культуролог М. С. Каган пишет о том, что «понятие „ценность“ обозначает отношения между человеком и „объектом“ <...> только при таком подходе становятся возможными постижение и объяснение *диалектики абсолютного*

[1] *Козьякова М. И.* Русский мир: фундаментальные проблемы современности // Русский мир: динамика научного познания. 2019. С. 129–130.

[2] Там же. С. 130.

[3] Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Культурные традиции русского общества», «Пушкин в культурном мире русского дворянства», «Национальный вопрос в современной России как культурная дилемма», «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Социальный диалог в коммуникативной среде российского общества», «Субкультуры России: социально-исторические аспекты», «Основы социально-культурного менеджмента», «Теория и история социально-культурной деятельности» и др.

и относительного в реальной истории аксиосферы»[1]. При этом М. С. Каган отмечает, что «ценностное отношение, рассматриваемое со стороны субъекта, реализуется двояко — как *отнесение к ценности* оцениваемого объекта и как его осмысление <...> оценка данного объекта становится *отнесением к ценности*… непосредственно эмоционально, а затем может в той или иной мере осознаваться и вербализоваться…»[2] Также ученый отмечает, что «ценностное отношение» предполагает «необходимость осмысления оцениваемого, т. е. выявления и понимания того конкретного смысла, которое данный объект имеет для себя как субъекта»[3]. Следовательно, ценностные объекты имеют тот или иной смысл, который им придает субъект.

Таким образом, ценностное поле не просто включает ориентации на те или иные ценностные объекты, но и характеризует их в зависимости от определенного нарратива тем или иным субъектом. Именно нарратив становится сегодня объектом повышенного внимания и ядром разъединения в смыслообразующих понятиях ценностей. Не сущность ценностных объектов как таковых, не их содержательность, а именно интерпретация того или иного объекта играет все большую роль в современном мире. Нарратив становится не просто определителем значимости ценностного объекта, но инструментом его формирования. С помощью нарратива можно придать значимость любому ценностному объекту или, наоборот, развенчать его. Нарративная концепция связана с подменой смыслов, их переакцентировкой и специфической рефлексией восприятия.

Исследователь нарратива Е. С. Худякова пишет, что «нарративы обеспечивают контекст для восприятия отдельных событий»[4]. Основываясь на теоретических исследованиях нарратива учеными У. Лабовым и Дж. Валетски, она выделяет две функции нарратива — референциальную и ценностную. Референциальная функция нарратива стимулирует социальное окружение человека, обеспечивая его жизнь в коллективе. Для любого коллектива необходим тот нарратив, который сближает и облегчает жизнь человека в нем, выполняя тем самым функцию идентичности. В свою очередь ценностная функция «включает 5 базовых блоков, выделяемых на основании синтаксических и семантических признаков: ориентацию (orientation) — группу свободных высказываний, в которой дается характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации; усложнение (complication) — группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (или оценку) (evaluation) — точку максимального напряжения; разрешение (или завершение) (resolution) — где происходит завершение ситуации; коду (coda) — „функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время“»[5].

Одним из первых ученых, кто внес нравственный нарратив в оценку ценностных объектов, был немецкий философ Ф. Ницше. Ценностные бинарные объекты, такие как «добро» и «зло», «хорошее» и «плохое», исследовались ученым в контексте существующей морали конца XIX столетия. Ф. Ницше призывает к постановке самой «проблемы морали» и ее «переоценке». Философ трактовал традиционную христианскую мораль европейской цивилизации как изжившую себя и не имеющую перспективы в будущем форму ценностного бытия человека. «Ценность этих „ценностей“ принимали за данность, за факт, за нечто проблематически неприкосновенное: до сих пор ни капельки не сомневались и не колебались в том, чтобы оценивать „доброго“ по более высоким ставкам, чем „злого“, более высоким в смысле всего содействующего, полезного, плодотворного с точки зрения *человека* вообще (включая и будущее человека)»[6].

Именно человек становится для Ф. Ницше полем борьбы ценностей, воплощенных в «морали рабов» и «морали господ». «Мораль рабов», связанная с западноевропейскими моделями жизни, в основе которых лежат христианские ценности *сострадания*, *сочувствия* и *сопереживания*, ставится философом под вопрос. Данные христианские ценности истолковываются ученым как «принижение» самого человека, который становится слабым и беззащитным не только перед миром, но и перед самим собой. В свою очередь «утилитарная мораль рабов» противопоставляется Ф. Ницше «морали господ», которая связывается с аристократическим духом человека, его волей и способностью быть индивидуальностью. «Мораль господ» налагает на человека большие обязательства в виде его ответственности не только за себя, но и за свое будущее.

Нравственный нарратив ницшеанской морали пронизан не только переоценкой бинарных ценностей, таких как «добро» и «зло», «плохое» и «хорошее», «низменное» и «благородное», но и тезисом о том, что необходимо «одержать победу над моралью», отказавшись от общепринятых «ценностных благ», навязанных человеку «императивом стадного страха». Его преодоление будет способствовать тому, «чтобы дать толчок к обратным оценкам, к переоцениванию „вечных ценностей“, на предтечей и людей будущего, завязывающих в настоящем узел, который на целые тысячелетия толкнет волю человека на новые пути»[7].

Нравственный нарратив ценностных объектов, с одной стороны, формируется естественным путем через освоение культурно-исторического опыта той или иной нации, где моральные константы формируются, отбираются и распространяются через традиции, обычаи, образы жизни и передаются от одного поколения к другому. С другой стороны, может возникать искусственным путем в виде специфических идеологем, которые внедряются различными институтами образования, воспитания, где СМИ играют особую роль в их

[1] *Каган М. С.* Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. С. 50.

[2] Там же. С. 52.

[3] Там же.

[4] *Худякова Е. С.* Нарратив и идентичность: от детства до старости : монография. Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 14.

[5] Там же.

[6] *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Избранные произведения : пер. с нем. СПб. : Азбука-классика, 2003. С. 599.

[7] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 116.

распространении, закреплении, влияя таким образом на становление определенных картин мира и мировоззрение людей в целом.

Американский антрополог К. Гирц писал, что «идеология именует структуру ситуации таким образом, что в этом заключено отношение вовлеченности. Ее стиль — витиеватость, живость, намеренное внушение: объективируя нравственное чувство с помощью тех самых приемов, которых избегает наука, она хочет побудить к действию. Если наука — это диагностическое, критическое измерение культуры, то идеология — измерение оправдательное, апологетическое: она относится „к той части культуры, которая устанавливает и защищает убеждения и ценности“»[1]. Здесь следует добавить, что идеология способна выводить смыслы ценностных объектов из идеологических доктрин и придавать им соответствующий нравственный нарратив. Наиболее ярким примером данного нарратива может быть сконструированная в 1930-х годах министром просвещения С. С. Уваровым знаменитая триада «Православие, самодержавие, народность».

Данная идеология отражала взаимообусловленную ценностную систему объектов николаевской России. «Православие» представляло собой совокупность христианских ценностей, таких как *Бог, святость, вера, аскеза, милосердие* и т. д. Данные ценности опирались на нравственные базовые константы, изложенные Христом в Нагорной проповеди. «Самодержавие» отражало *сакральность* царской власти как главной ценности России, воплощенной в таких ценностных объектах, как *признание* этой сакральности, *почитание* царской власти и обязательное *служение ей.* «Народность» декларировалась в виде абстрактного народа как объекта *особой значимости* для царской власти и предмета *особой заботы о нем*, а также надежды власти на его *благорасположение* и *благодарность* в ответ на данную заботу.

Таким образом, нравственный нарратив ценностей формировал идеологию государства, где нарративная концепция конструировала его идеологию в виде абстрактной реальности, как некого фантома.

Также идеология способна формировать ценностные объекты, смыслы которых опираются на государственные доктрины. Нарративная концепция советского времени была использована для создания нравственных ценностей в деле воспитания и образования «масс». Изложенные в «Моральном кодексе строителя коммунизма» основные ценности в духе марксизма-ленинизма отражали ценностные объекты в виде *преданности идеям коммунизма*, *любви* к социалистической Родине и странам социализма, *дружбы* с братскими народами и *солидарности* с ними, одновременно с этим *нетерпимость* к врагам коммунизма. Не был забыт в данном нарративе и сам советский человек, для которого моральный кодекс формулировал ценностные жизненные ориентации, воплощенные в *коллективизме*, *честном и добросовестном труде*, *честности и правдивости во взаимоотношениях* и т. д. Как отмечает философ Г. Б. Гутнер, «нарратив, созданный тоталитарным советским режимом, имел — и успешно решал — задачу легитимации этого режима. Все его деяния оказывались вписаны в непрерывное повествование как неизбежно принадлежащие к жизни народа»[2].

Сегодня проблема нравственного нарратива, по мнению К. Гирца, заключается в том, что современный мир переполнен «осознанием тупика», страданиями и ощущением «неразрешимости этического парадокса». К. Гирц констатирует, что «существуют по крайней мере три рубежа, на которых хаос — беспорядочность явлений, не только не интерпретированных, но и *не поддающихся интерпретации*, — угрожает охватить человека: границы его аналитических способностей, границы его выносливости и границы его нравственных представлений»[3].

Безусловно, сегодня повышенная турбулентность, конфликтность, непредсказуемость являются не просто характерными чертами современного мира, но и специфическими барьерами на пути проектирования стратегии будущего. Выходом из существующего кризиса может быть «переоценка» морали как предпосылка для выстраивания новых конструктов взаимоотношений между всеми субъектами современного мира, где ценностные ориентации обретут морально-нравственные базовые остовы, способные не разъединять, а соединять людей.

[1] *Гирц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова, Г. М. Дашевского [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004. С. 259.

[2] *Гутнер Г. Б.* Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. № 17. С. 107.

[3] *Гирц К.* Указ. соч. С. 259.

В. Н. Коновалов[1]

ПРОЕКЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ОТ СИЛЫ ПРАВА К ПРАВУ СИЛЫ

Идея нового мирового сообщества, или нового мирового порядка, широко обсуждается в политологических научных кругах.

Под новым мировым порядком понимается определенная структура международных политических отношений, оформленных (или неоформленных) в рамках соответствующих принципов и норм международного права, а также совокупного взаимодействия государственных и негосударственных, традиционных и новых субъектов, международных организаций на данный период времени.

Если употребляется термин «новый международный политический порядок», то возникает вопрос: «А что такое „старый“ международный порядок?» Исследователи считают, что, например, в 1945–1989 годах существовал качественно особый международный порядок, для которого характерными были следующие черты: во-первых, биполярная структура; во-вторых, нормативный порядок мировой политики: создание ООН, других международных организаций и институтов; в-третьих, углубляющееся противоречие между экономически развитыми и слаборазвитыми странами — «богатым Севером» и «бедным Югом» [6, с. 34–35].

Известно, что крах того или иного типа международного порядка вызывался либо масштабными войнами, либо революциями. До определенного времени эксперты отмечали своеобразие современного периода, заключающееся в том, что замена международного политического порядка, сложившегося после 1945 года, произошла в относительно мирных условиях, несмотря на наличие многочисленных региональных вооруженных конфликтов и холодной войны, вызывавшей постоянную напряженность между противоположными блоками [Там же, с. 35].

Переход к новому международному политическому порядку связан с серьезными геополитическими сдвигами, временной дезориентацией в определении главного противника на международной арене; перегруппировкой сил, коалиций и союзов; заменой ряда прежних идеологических стереотипов; сменой политических режимов; возникновением новых государств и т. д. [Там же].

Трансформация всей системы международных отношений сопровождается всплесками политического экстремизма и агрессивного национализма, усилением религиозной нетерпимости, увеличением числа межнациональных конфликтов, а также возрастанием миграционных потоков [Там же].

Феномены экономической, социальной и политической интеграции и дезинтеграции наблюдаются сегодня практически во всех странах. Концепции нового международного политического порядка и отражают эти вполне реальные тенденции в мировом политическом процессе [Там же, с. 36].

Понятие «порядок», на наш взгляд, адекватно представлено определением Хедли Булла, который рассматривал порядок, исходя из «смысла общих интересов в элементарных целях социальной жизни», предначертанных правил, «которые поддерживают эти цели», и «институтов, которые помогают сделать эти правила эффективными» [7, p. 65]. «Под международным порядком, — подчеркивал он, — я понимаю образец деятельности, которая направлена на поддержание элементарных или первичных целей международного общества» [Ibid, p. 8]. Что касается понятия «мировой порядок», то он тоже рассматривается как образец деятельности, однако направленной на поддержание элементарных, или первичных, целей социальной жизни уже всего человечества, а не только его межгосударственной составляющей.

Указанное понятие трактуется в качестве порядка среди всего человечества как целого, который шире, фундаментальнее порядка международного. Надо признать, этот термин часто используется без четко определенного значения или в пропагандистском смысле, что затрудняет поиски его содержательной строгости. Помимо понятия порядка (международного и мирового), Булл ввел в академический оборот и термин «мировое общество» (более точно — «мировое международное общество»): оно непосредственно коррелирует с международным сообществом и, более того, выступает его неотъемлемой составляющей. При этом субъекты мирового общества являют собой меньшую, но наиболее развитую часть международного сообщества, поскольку обладают не только военно-техническим и экономическим, но и моральным лидерством. Именно они руководствуются в отношениях между собой общепринятым кодексом поведения, включающим признаваемые и разделяемые ими нравственные ценности. В силу этого обстоятельства мировой порядок имеет отчетливо выраженное западное происхождение, характеризуется формами и стандартами поведения, задаваемыми ему мировым обществом [Ibid, p. 37].

Можно согласиться с распространенной среди теоретиков точкой зрения, согласно которой расширение, или экспансия, мирового общества на планете стало главной тенденцией международной жизни в 1990-е годы и эта тенденция сегодня продолжается. Эвристичность концепции Булла заключается и в том, что он зафиксировал тенденцию к глобализации мирового порядка [Ibid].

Структура современного мира представлена в довольно интересной модели канадско-российского исследователя Алекса Бэттлера (он же О. А. Арин). Он делит современный мир на глобальные или региональ-

---

[1] Профессор кафедры конфликтологии Южного федерального университета, доктор философских наук. Автор 600 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Методология и методика исследования конфликтов», «Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал» (в соавт.), «Конфликтология в социальной работе» (в соавт.), «Практические аспекты концепта трансграничного взаимодействия в свете „big data“», «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества. Методология и практики реализации» (в соавт.) и др. Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия.

ные полюсы и центры силы. По его мнению, полюсы представляют собой отдельные государства или регионы, опережающие по своей экономической мощи остальные. К примеру, в Латинской Америке региональным полюсом считается Бразилия, в Африке — ЮАР, на Ближнем и Среднем Востоке — Турция, в Восточной Азии — Япония, в Восточной Европе — Россия. Глобальным полюсом являются США.

Полюс как политологическая категория отличается от категории центра силы, который может быть локальным, региональным или глобальным. Как считает эксперт, к центрам силы относят государства, способные руководствоваться в области международных отношений собственными национальными интересами.

Уровни экономического развития стран позволяют разделить мир на три части. Самым мощным в экономическом, политическом и военном отношениях является «первый мир», включающий Северную Америку, Западную Европу и Японию. В нем единым центром силы выступают США, что ориентирует данный полюс на однополярный характер системы международных отношений.

Во «второй мир» входят постсоветские страны, развивающиеся государства Южной Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока. Здесь получила распространение стратегия формирования «многополярного мира».

Третья группа состоит из акторов-изгоев, которые критически относятся к нормативной (правовой) системе международных отношений.

Отметим, что процесс развития международных отношений носит нелинейный характер. Важнейшая сторона нелинейности — это наличие не только стабильности и поступательности, но и деградационных элементов развития. Таким образом, этот процесс цикличен. Мировой порядок подвержен сменам стационарного состояния и переходу к другим сценариям, задающим новую логику и этику международных отношений.

В экспертных кругах общепринято положение, согласно которому биполярная система является наиболее стабильной. Теоретически устойчивой может быть и многополярная система — при наличии сопоставимых центров силы.

Однако в истории действует закон неравномерного развития государств. Определенное государство или группа стран обязательно вырывается в лидеры, желающие пересмотреть существующую структуру международных отношений с соответствующей ей системой безопасности. В этом случае многополярная структура международных отношений со множеством центров силы становится весьма неустойчивой: она характеризуется международной нестабильностью, наличием региональных конфликтов, включая военные, борьбой всех против всех и пр.

В российском прочтении концепция многополярности рассматривается как наиболее желательная конструкция, отражающая идею равноправного диалога с другими странами и центрами силы. Китай и Индия также стоят на стороне подобной системы, даже при допущении, что текущая модель международных отношений превращается в биполярный мир с двумя центрами силы — США и Китаем.

Существующему «либеральному мировому порядку, основанному на правилах» соответствует определенная нормативная система.

Как отмечают авторы американского ежегодного сборника «Стратегические оценки» (1998) Института национальных стратегических исследований, в «первом мире» не только реализуется сфера «осязаемых интересов», но и утверждается нормативная система международных отношений. По их мнению, внедрение этих норм направлено не на навязывание «западных ценностей» другим центрам силы, а на добровольное принятие и признание странами базовых стандартов поведения государств друг с другом. Приведем эти стандарты без сокращений. «Нормы ядра — это: а) те, которые „содействуют международному образу“: воздержание от агрессии, право на коллективную оборону, законы войны, контроль над оружием, мирное разрешение споров, приверженность антитерроризму, уважение авторитета Совета Безопасности ООН, уважение других инструментов и институтов, которые прямо воздействуют на те или иные конфликты; б) те, которые „управляют функционированием международной экономики“: свобода торговли, морское право, доступ к ресурсам, невмешательство в потоки информации, защита окружающей среды, правила открытой многосторонней торговли и сотрудничество в отношении транснациональных проблем; в) те, которые „базируются на управлении населением государства“: права человека, законы, представительское и подотчетное правительство, индивидуальные свободы, свобода прессы и другие атрибуты гражданских обществ и государств» [1, с. 31].

Исходя из вышеперечисленных стандартов, можно заключить, что нормативную систему международных отношений определяют не столько силовые компоненты, сколько свод правил (норм) взаимодействия акторов, который был разработан и принят мировым сообществом за предшествующий период мирового порядка.

Так, за годы холодной войны был создан огромный корпус норм международного поведения государств, их взаимоотношений друг с другом (Устав ООН, ее резолюции, нормативные акты ОБСЕ, двусторонние заявления, многочисленные прецеденты разрешения кризисных ситуаций и т. д.).

Если сторонники школы Realpolitik рассматривали международные отношения как взаимодействие «национальных интересов, понимаемых в терминах силы», то последователи нормативной системы международных отношений считают, что это взаимодействие «национальных интересов, понимаемых в терминах легитимности».

Специалисты не отождествляют в полном объеме нормативную систему международных отношений с международным правом. При этом непременным условием эффективного функционирования нормативной системы международных отношений является реализация такого постулата права, как неотвратимость наказания за нарушение или несоблюдение норматив-

ных положений. Как справедливо замечает российский исследователь Ю. П. Давыдов, «способы воздействия (наказания, в случае нарушения правил поведения) должны иметь свою иерархию, создавая возможность эскалации (постепенного повышения интенсивности и объема воздействия) и маневрирования (в том числе и деэскалации в случае появления результатов давления)» [3, с. 201].

Одним из доминирующих в современном мире способов санкций (помимо экономических) для нарушителей нормативной системы международных отношений является исключение из международных организаций или ассоциаций типа Европейского союза, ПАСЕ, ОБСЕ или ООН либо лишение выгод пребывания в них.

Интересные аналитические материалы по перспективам новой биполярности содержатся в докладах Валдайского клуба 2018–2019 годов.

Так, в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Жизнь в осыпающемся мире» (октябрь 2018 г.) можно найти следующую оценку состояния современного международного порядка: «Развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена. Мир двинулся в ином направлении. Он соскользнул в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать ее последствия» [4]. Эпоха односторонних решений, как мы знаем, ведет к анархии, военным инцидентам, кибератакам, террористическим актам, региональным конфликтам и пр.

В докладе «Время взрослеть, или Оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств» (2019) обосновывается следующее положение: «Например, хотя сегодня уже никто (в отличие от 1990-х гг.) не затевает обсуждения о пределах суверенитета государства, этот вопрос перестает быть категорией, ограничивающей других в их действиях. Невмешательство во внутренние дела — просто слова, а не норма поведения. Принцип суверенного равенства все больше превращается в формальную теоретическую схему. Достижение силового преимущества и отказ от любых ограничителей — почему нет?» [2]. Авторы Валдайских докладов, затрагивая перспективы новой биполярности, приходят к мысли, что предстоящий мир будет «без полюсов... сценарий острого кризиса, который ведет не столько к новому балансу сил, сколько вообще к полной перезагрузке институтов, власти, способов производства и международных отношений» [5].

При этом постулируется тезис, согласно которому «соотношение сил держав, включая все категории, которые входят в понятие „сила“, остается важнейшим фактором стабильности» [2]. Другими словами, в Валдайском проекте теоретическое внимание стало фокусироваться на факторе силы. Мы приходим к такому итогу: в современном мире сила права уступает место праву силы.

Литература

1. *Арин, О. А.* Двадцать первый век: мир без России / О. А. Арин. — Москва : Альянс, 2001. — 352 с. — Текст : непосредственный.

2. Время взрослеть, или Оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств / О. Барабанов, Т. Бордачёв, Я. Лисоволик [и др.]. — Текст : электронный // Валдай. Международный дискуссионный клуб : [сайт]. — URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/vremya-vzroslet-ezhegodnyy-doklad/?sphrase_id=520151 (дата обращения: 23.05.2022).

3. *Давыдов, Ю. П.* Норма против силы. Проблема мирорегулирования / Ю. П. Давыдов. — Москва : Наука, 2002. — 285 с. — Текст : непосредственный.

4. Жизнь в осыпающемся мире / О. Барабанов, Т. Бордачёв, Я. Лисоволик [и др.]. — Текст : электронный // Валдай. Международный дискуссионный клуб : [сайт]. — URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/ (дата обращения: 23.05.2022).

5. Не одичать в «осыпающемся мире» / О. Барабанов, Т. Бордачёв, Я. Лисоволик [и др.]. — Текст : электронный // Валдай. Международный дискуссионный клуб : [сайт]. — URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/?sphrase_id=520149 (дата обращения: 23.05.2022).

6. Учебник по направлению Конфликтология / под научной редакцией В. Н. Коновалова, С. А. Мартиросян. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федер. ун-та, 2011. — 312 с. — URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=241092 (дата обращения: 23.05.2022). — Текст : электронный.

7. *Bull, H.* Anarchical society: A Study of Order in World Politics / H. Bull. — London : Macmillan, 1977. — 335 p. — Текст : непосредственный.

К. В. Лошевский[1]

ПОСЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ КОНКУРЕНТНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ К МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ ДОГМАТИЗМУ

Глобальный конфликт, разворачивающийся на наших глазах в различных сферах и измерениях, ко всему прочему может быть понят как окончательное прощание с эпохой, сформировавшей большинство привычных нам практик, институтов и ценностей, эпохой, не без оснований именовавшей саму себя Новым временем или модерном. При этом в, казалось бы, стандартной коллизии старого и нового порядков (знания, политической власти, морали и права) теперь обнаружива-

[1] Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Символическая природа „божественных имен“ и иерархия методов познания в философии языка Прокла Диадоха», «Топос утопии: пространственная метафорика в новоевропейском социальном конструировании», «Проблема воспитания в контексте социальной антропологии Просвещения», «Язык и формирование субъективности: версия Соломона Маймона», «Конец модерна и судьба основополагающих новоевропейских практик», «Философская истина и литературная фикция: изобретение смысла» и др.

ются заметные смысловые сдвиги, существенно переформатирующие понятия традиции и новации. Модерн в своих наиболее последовательных идеологических программах решительно рвал с традиционными социальными устоями, противопоставляя им идею рационально организованного общества и непрерывного интеллектуального, социального и морального прогресса. Тем самым рациональность и стремление к инновациям и преобразованиям (иногда демонстративная «антитрадиционность») оказывались связанными в единый мировоззренческий комплекс, противостоящий разного рода попыткам консервативной (и, следовательно, иррациональной) реставрации.

Анализ же актуальной культурно-идеологической ситуации позволяет говорить о том, что основной целью наступления адептов новых мировоззренческих стратегий («новая этика», woke, cancel culture и т. д.) на традицию являются не столько ценности традиционного общества, и так давно уже дискредитированные и списанные в архив, сколько именно та традиция, которая в течение последних столетий складывалась на базисе системы ценностей европейского модерна. Таким образом, актуальный конфликт в известном смысле можно интерпретировать как «атаку на разум», деструкцию рациональности, с тем отличием, что теперь ее инициаторами выступают не идеологи романтического консерватизма, а наиболее радикальные прогрессисты и инноваторы. В их глазах основывающийся на рациональных принципах (как будет показано далее, это в первую очередь презумпция незнания и воля к истине) порядок представляет собой своего рода новый ancien régime, подлежащий безжалостной отмене всеми доступными средствами. Для осмысления такого положения дел целесообразно проследить в общих чертах генезис, эволюцию и кризис конгломерата идей, концепций и ценностей, определявших мировоззренческий ландшафт по меньшей мере трех последних столетий европейской (а в результате глобальной экспансии европейской цивилизации и мировой) истории.

Как уже было отмечено, европейский модерн практически во всех своих аспектах — мировоззренческом, экономическом, политическом, правовом, эпистемологическом, эстетическом — формировался под знаком решительного разрыва со скомпрометировавшей себя своей неэффективностью традицией. Этот процесс находил свое выражение прежде всего в прогрессирующей эмансипации, говоря языком П. Бурдьё[1], основных социальных полей от доминирования социального поля религии — главного контролера и ревизора традиционных практик.

Одним из важнейших маркеров этого эпохального сдвига оказывается само изменение отношения к новизне и новациям: на место традиционной подозрительности по отношению к еще неизвестному приходит нескрываемый энтузиазм, лозунгом эпохи становится слово «открытие», то есть обнаружение и описание новых предметных областей, выявление прежде не фиксировавшихся или игнорировавшихся связей и взаимозависимостей. П. Деар отмечает, что античный и средневековый идеал знания был ориентирован не на экспликацию нового, а на объяснение уже известного, и даже позднеренессансные мыслители и ученые полагали, что их задачей является археологическая, по сути, реставрация некоего утраченного древнего знания, то есть восстановление прерванной по каким-то причинам традиции[2]. Тем более радикальной выглядит переориентация на новизну в интеллектуальном и культурном пространстве Европы XVII века, благодаря которой, собственно, у нас и появляется основание говорить о Новом времени в самом прямом смысле. Идеологи новой науки, нового искусства, нового социально-экономического и политического знания буквально одержимы жаждой новизны, будь то открытие новой физической и космологической реальности, выработка нового художественного языка или конструирование нового порядка существования человеческих ансамблей[3].

Но это устремление к новому и неизвестному, по сути, означает отказ от претензий на обладание знанием и легитимацию ситуации незнания как основного модуса человеческого существования, признание продуктивности незнания как фундамента, на котором может быть выстроено подлинное, то есть нейтральное, не ангажированное ни социально-политическими, ни культурно-религиозными, ни субъективно-индивидуальными факторами знание. Воля к такому знанию, противопоставляемому догматизму традиции, составляет основополагающую характеристику модерна[4]: на базисе стремления к нейтральной истине формируется универсум самых разнообразных новоевропейских практик, включающий в себя практически все области человеческого действия — экономику, политику, право, литературу, искусство, средства массовой информации, семейные, межвозрастные и гендерные отношения, даже развлечения и спорт.

Таким образом, можно констатировать, что едва ли не решающим условием возможности перехода от традиционного общества к современному оказывается своеобразная «апология незнания», апелляция к тому самому docta ignorantia, с помощью которого Н. Кузанский рассчитывал преодолеть кризис схоластического способа мышления[5]. В силу собственного незнания и отсутствия какой-либо внешней инстанции, гарантирующей нам истину, мы вынуждены полагаться исклю-

[1] См.: *Бурдьё П.* Генезис и структура поля религии // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. О. И. Кирчик. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 4.

[2] *Деар П.* Событие революции в науке. Европейское знание и его притязания (1500–1700) // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Новое лит. обозрение, 2015. С. 22.

[3] Косвенное свидетельство такой переориентации на новизну можно увидеть в изменении семантики слова «революция», которое мы, собственно, и используем для обозначения подобного рода кардинальных изменений. Еще в XVI столетии под revolutio понималось циклическое кругообращение, то есть периодическое возвращение к уже пройденной точке (именно в этом смысле Коперник говорит об обращении — de revolutionibus — небесных сфер). И лишь в эпоху Просвещения под революцией начали понимать радикальную и бесповоротную смену существующего порядка (см.: *Шейпин С.* Научная революция // Деар П., Шейпин С. Указ. соч. С. 317).

[4] *Фуко М.* Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа» : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2016. С. 11.

[5] *Кузанский Н.* Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч. : в 2 т. / пер. с лат. В. В. Бибихина. М. : Мысль, 1979. Т. 1. С. 50.

чительно на свои персональные способности, учиться пользоваться своим умом[1]. Индивидуальные свободы, провозглашенные фундаментальными ценностями модерна, в первую очередь свобода совести и свобода слова, научная дискуссия, состязательное правосудие и эстетическое разнообразие, легитимируются и морально оправдываются только отсутствием заранее данных нам нормативных истин. В поисках обоснования достоверного знания Декарт прибегает к радикальному сомнению — констатации собственного незнания даже такой, казалось бы, самоочевидной вещи, как то, спит он или бодрствует[2].

Только вынеся за скобки реальность, способы обнаружения которой остаются от нас скрытыми (то есть, так сказать, «традиционную» реальность), мы можем нащупать путь к знанию как нейтральной дескрипции «настоящей» реальности, как природной, так и социальной. Эта дескрипция предполагает фиксацию независимых от наблюдателя различий, на основании которой формируется сеть классификаций и таксономий, охватывающая каждый известный нам сегмент описываемой реальности. Поэтому исходным пунктом любых высказываний о мире должно быть своего рода предварительное эпохэ, отказ от любых допущений и суждений, претендующих на знание этого мира до того, как нами будет проделана надлежащая работа по его освоению. И, как уже говорилось, этот принцип имеет важнейшие эпистемологические, эстетические и этические импликации.

Таким образом, модерн, начинавшийся как радикальная критика традиции, постепенно сам трансформируется в традицию со своей догматикой, то есть с устоявшейся системой ценностей, сложившейся на базисе мировоззренческого агностицизма, воли к истине и конкуренции легитимируемых ими различных индивидуальных перспектив; в традицию, в которой к концу XX века стали отчетливо проявляться черты настолько глубокого системного кризиса, что в публичном пространстве обрела популярность идея конца модерна и наступления некоей новой эпохи, за которой благодаря в первую очередь бестселлеру Ж.-Ф. Лиотара закрепилось название «постмодерн»[3]. Главный симптом этого кризиса можно увидеть в эрозии воли к истине, в том, что незнание превратилось из условия возможности знания в модус деструкции любых нейтральных дескрипций, претендующих на фиксацию значимых различий.

Нейтральной «истине» противопоставляется многообразие интенциональных нарративов, и это противопоставление потенциально подразумевает субверсию всей устоявшейся социальной догматики, всех прочих оппозиций и дифференций, определяющих привычную конфигурацию современного мира. Разоблачение этой фикции нейтральности осуществляется посредством производства все новых социальных конструктов, назначение которых состоит в вытеснении и замещении объектов и отношений, с традиционной для модерна точки зрения находившихся по ту сторону общественных дисциплин. Снимая различие между фиктивно нейтральной дескрипцией и ангажированным нарративом, постмодерн нарратизирует и социализирует (что означает, по сути, риторизирует) любые дискурсы, тем самым нейтрализуя и десемиотизируя само различие как таковое. Различие более не имеет значения, в том смысле, что отныне не влечет за собой каких-либо серьезных последствий[4].

Однако опыт последних десятилетий показывает, что это провозглашенное Лиотаром состояние постмодерна еще не демонстрирует существенных черт по-настоящему новой эпохи, а лишь свидетельствует о кризисе модерна как эпохального и глобального проекта. Его следует рассматривать скорее в качестве своего рода переходной фазы, с одной стороны, сохраняющей инерцию ряда основных тенденций модерна, а с другой — предваряющей и подготавливающей новую мировоззренческую революцию, полностью переформатирующую прежнюю, уже модернистскую традицию. Эта революция затрагивает сам фундамент, на котором строилось и развивалось общество модерна, и прежде всего позицию первичного незнания как условия возможности свободной конкуренции в равной мере легитимных мироинтерпретаций, движимых волей к истине. Из этой позиции вырастал этический идеал модерна, подразумевавший отсутствие какой-либо монополии на истину: пространство истины — это поле столкновения, говоря языком М. Фуко, «веридикций» — высказываний истины, конструирующих реальность и тем самым учреждающих онтологическую и этическую нормативность[5]. Если этика модерна — это в конечном счете этика незнания, провоцирующего волю к истине как к горизонту любой человеческой практики, то этический идеал новой, условно говоря, пост-постмодернистской формации[6] основывается на произвольной нормативности, апеллирующей к фикции предустановленного «объективного» знания.

Три ведущих дискурса, сформировавших ядро постмодерна и пост-постмодерна — экологический, феминистский и постколониальный (в форме прежде всего «критической расовой теории»), — демонстративно отказываются даже от видимости нейтральности, видя в собственной ангажированности не роковой недостаток, а существенное преимущество, важный аргумент в пользу своей эффективности. Если все дискурсы в равной мере представляют собой ангажированные нарративы, то именно характер этой ангажированности превращается в критерий их социального одобрения. Если любое знание — это социально санк-

[1] *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч. : в 6 т. / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 27.

[2] *Декарт Р.* Размышления о первой философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. / пер с лат. С. Я. Шейнман-Топштейн. М. : Мысль, 1994. Т. 2. С. 17.

[3] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 4.

[4] *Лощевский К. В.* Конец модерна и судьба основополагающих новоевропейских практик // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 370–372.

[5] *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2014.

[6] Для этой рождающейся на наших глазах формации у нас еще нет общепринятого наименования. Встречающиеся в литературе термины «гипермодерн» или «метамодерн» по разным причинам не выглядят удачными. Поэтому наилучшим вариантом пока представляется достаточно неуклюжее и бессодержательное название «пост-постмодерн».

ционированное мнение[1], то решающее значение приобретает характер этой санкции, способ, каким она дается и приобретается.

Для модерна основной формой получения социальной санкции была та или иная разновидность публичной дискуссии — процесс, включающий одновременно конкуренцию и консенсус. Классический пример: политические конвенционалистские теории и в первую очередь основополагающая для всех них социогенетическая конструкция Т. Гоббса. Первичная жесточайшая конкуренция ведет к общему консенсусу, учреждающему и легитимирующему новую реальность[2]. По сути, мы можем рассматривать ее как своего рода матрицу новоевропейской реализации воли к истине: рождение общего, «объективного» знания из духа агностического субъективизма. Тогда как пост-постмодернистская модель социального санкционирования истин носит принципиально иной характер.

Речь уже идет не о консенсусе на основе конкуренции, а скорее о секулярном аналоге божественного откровения, подразумевающем наличие некоей инстанции, компетентной формулировать обязательные к исполнению предписания и накладывать на общество соответствующие рестрикты и запреты. Эта модель не рациональна, а фидеистична, она предполагает не ансамбль субъективных веридикций, а диктат некоей анонимной «объективной» веридикции, полемика с которой не просто ошибочна, а аморальна или патологична. Этика конкуренции индивидуальных проявлений воли к истине заменяется «новой этикой», принципы которой профетически транслируются политически и социально активными группами, установившими эксклюзивный контроль над медийным пространством и тем самым узурпировавшими право на истину. Этим группам, за короткий период превратившимся из маргинальных в доминирующие, глубоко чужд принцип основополагающего незнания, они сектантски одержимы миссией распространения эксклюзивных истин, исключающих какие-либо альтернативные точки зрения, и стигматизируют сторонников этих точек зрения как этически неполноценных субъектов, подлежащих информационной (пока что) маргинализации и экстерминации.

Эрозия воли к истине предопределяет демонтаж рационально-агностического фундамента модерна, именно в этом смысле можно понять замечание К. Мейясу о том, что «деабсолютизация мышления приводит к производству фидеистической аргументации»[3]: если критическая рациональность модерна была разрушительна для традиционного догматизма, то современный внерелигиозный и даже антирелигиозный фидеизм, внешне имитирующий основные фигуры модерна, на самом деле нацелен на их деструкцию и переосмысление в качестве, так сказать, предрассудков критического разума. В соответствующем духе переинтерпретируется вся номенклатура редогматизированных новоевропейских «ценностей».

Так, С. Пинкер в своем, казалось бы, апологетическом по отношению к ценностям модерна сочинении «Просвещение продолжается» смещает акценты таким образом, что основные практики модерна, сохраняя внешние контуры, наполняются совершенно иным содержанием. Восхищаясь достижениями современной науки (а именно наука представляет собой специфически новоевропейскую социальную практику), он, однако, видит в ней не производство знания, инспирируемое первичным незнанием и волей к истине, а монополию на обладание и распоряжение знанием как наличным ресурсом[4]. Но тем самым наука превращается в инстанцию, производящую истины, не подлежащие критическому обсуждению, и все, что освящено ее авторитетом, то есть санкционировано группами, обладающими соответствующим символическим капиталом, приобретает характер императивной веридикции.

Те же, кто пытается инициировать подобные критические обсуждения, стигматизируются как обскуранты и «враги науки». Научная истина, несмотря на самые изощренные методологические средства ее получения, из рациональной превращается в фидеистическую, а фидеистические истины не могут быть нейтральными, они представляют собой реанимированные нормативные метанаррации, казалось бы, уже безвозвратно разоблаченные и деконструированные гиперкритикой постмодерна, с той разницей, что метанаррации модерна выстраивались на платформе принципиального отказа от притязаний на предустановленное знание, а именно эта ситуация первичного незнания составляет обязательное условие возможности рациональности как стратегии реализации воли к истине. Поэтому демонтаж этого фундамента рациональности неизбежно ведет к замене рационалистических нарративов фидеистическими, даже если этот фидеизм самым тщательным образом маскируется.

Такой поворот исторической траектории интеллектуального развития нашего мира, ставший едва ли не главным «последствием современности»[5], порождает вопросы, на которые у нас пока нет внятных ответов. Насколько успешен будет этот новый догматический фидеизм в первую очередь в сравнении с критическим рационализмом модерна, сформулировавшим чрезвычайно эффективные эпистемологические, экономические, эстетические и политические программы универсального значения и глобального масштаба? Возможен ли реванш модерна, выступающего в новой ситуации в качестве своего рода рационалистического консерватизма? Или модерн останется лишь достаточно кратковременным по историческим меркам эпизодом между эпохами фидеистической догматики?

Но как бы то ни было, у нас есть все основания признать, что разворачивающаяся с позиций новейших идеологий атака на ценности модерна окончательно превращает его в традицию, то есть в почву и среду экзистенциально важных смыслов, а стало быть, в то, что имеет смысл защищать.

---

[1] *Блур Д.* Сильная программа / пер. с англ. С. Гавриленко // Логос. 2002. № 5/6 (35). С. 164.

[2] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 133.

[3] *Мейясу К.* После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. С. 64.

[4] См.: *Пинкер С.* Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. С. 449.

[5] См.: *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова. М. : Праксис, 2011. С. 164.

С. А. Мадюкова[1]

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА, ОБЛАСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ

Одним из значимых направлений научной деятельности представителей Новосибирской этносоциологической школы является анализ особенностей функционирования феномена этнокультурного неотрадиционализма, его проявлений в различных сферах жизни межэтнических сообществ России. В докладе представлены основные идеи концепции этнокультурного неотрадиционализма, специфика его существования (на примере регионов Южной Сибири), а также значение неотрадиционализма в процессе социокультурных трансформаций российского общества в контексте глобализационных тенденций и информационно-технического взрыва. В диалектической связи с этими процессами находятся актуализация этнической идентификации и фрагментация. Мы солидарны с позицией, определяющей, что «этническая и культурная фрагментация и модернистская гомогенизация — это не два аргумента, не два противоположных взгляда на то, что происходит в современном мире, а две важнейшие тенденции глобальной действительности»[2].

Сама проблематика неотрадиционализма возникла в нашей исследовательской деятельности в ходе проведения полевых этносоциологических исследований в первой половине 2000-х годов, в ходе которых наши респонденты в регионах Южной Сибири (республики Алтай, Тыва, Хакасия) говорили о значимости этнокультурных традиций для современной тюркской молодежи, признавая в то же время, что традиции меняются, адаптируясь к социокультурным условиям современного мира. С целью терминологической определенности отметим, что под традицией мы понимаем некоторый объем социокультурной информации, а также методы и каналы ее трансляции (от *лат*. trado — передавать), то есть традиция — это и то, что передается, и то, как эта передача осуществляется. Стоит также указать, что оценка содержания и роли традиции среди исследователей в последние десятилетия существенно трансформировалась. В современном социогуманитарном дискурсе доминирует взгляд на традицию как динамическое явление, играющее важную роль не только в прошлом, но и в современном развитии, где традиция становится фундаментом выбираемого будущего через референцию к авторитету прошлого[3].

Зафиксируем ряд сущностных характеристик этнокультурного неотрадиционализма как явления. Во-первых, неотрадиционализм предполагает синтез традиции и новации, инкорпорацию новаций и постоянную переинтерпретацию новационной компоненты, «проверку на соответствие» ценностному ядру традиции. В ходе такой «проверки» часть новаций может отсеиваться, а часть — приживаться внутри обновленной традиции, которую уже можно считать неотрадицией. Сама традиция при этом не перестает существовать, однако происходит ее содержательное обновление. Таким образом, при смещении границ соотношения этнического и иноэтничного или интернационального (универсального в формах закрепления и трансляции социокультурного опыта) этнокультурная традиция не остается статичной, а постоянно обновляется в ходе межэтнических взаимодействий, становясь неотрадицией. Таким образом, мы фиксируем синхронный и диахронный аспекты развития традиции, подразумевая в диахронии привнесение и адаптацию новаций в этнокультурные традиции, трансформацию/вымывание сакрального смысла традиций, привнесение в процесс воспроизводства традиций рефлексии и рациональности, а в синхронии — процесс этнокультурных взаимодействий, в ходе которых привнесенные элементы другой этнической культуры выступают как инновации[4].

Во-вторых, этнокультурный неотрадиционализм существует в тесной связке с этнокультурной идентичностью и является одним из оснований актуализации такой идентичности. В современных российских «национальных» регионах именно этническая идентичность часто выделяется как основная форма идентичности. Неотрадиционализм здесь реализует обозначение границ своей общности и служит для ориентации в пространстве социальных взаимодействий, возможности символического самоутверждения в полиэтничной социокультурной реальности. Озабоченность сохранностью и воспроизводством этнической культуры является значимой характеристикой таких сообществ, где усвоение традиции и включенность в нее способствуют формированию локального патриотизма. Этнические традиции формируются под воздействием природно-климатической, исторической, социально-экономической специфики региона. Соответственно, неотрадиции способствуют воспроизводству этничности на новых основах, которые выступают как этнические

[1] Старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, кандидат философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Феномен социокультурного неотрадиционализма» (в соавт.), «Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России (на примере Республики Алтай и Новосибирской области)» (в соавт.), «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика» (в соавт.); статей: «Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая» (в соавт.), «Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма)», «Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk)» (в соавт.), «Национальная политика в социокультурном пространстве региона (на примере Республики Алтай)» и др.

[2] Цит. по: *Эриксен Т. Х.* Ethnicity and Nationalism. URL: https://static1.squarespace.com/static/5c03b76b96e76fd25bee32fe/ t/5c486d110e2e728dfff2aace/1548250387328/Ethnicity+and+Nationalism%2C+third+edition.pdf.

[3] См.: *Мадюкова С. А., Попков Ю. В.* Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 25–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-neotraditsionalizm-vosproizvedenie-traditsiy-i-vosproizvodstvo-etnichnosti/viewer.

[4] См.: *Мадюкова С. А.* Социокультурный неотрадиционализм как современная форма снятия противоречий этнокультурных традиций и социокультурных новаций // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Философия». 2009. Т. 7, № 1. С. 113–117.

маркеры, формирующие культурные этнические границы[1]. В этом смысле в неотрадиционализм имплицитно включена рациональная компонента.

Выполнение определенных этнокультурных обрядов меняет свои изначальные функции, и одной из новых функций обрядности становится символьное определение социальной причастности, осознанной, рациональной идентификации себя с локальным (этническим) сообществом (например: «Я выполняю этот обряд, потому что я тувинка»[2]). Показательным примером может служить неоднократно фиксируемая нами в ходе этносоциологических опросов ценность родного языка для респондентов как приоритетного языка бытового общения и «языка моего народа», даже если он не обладает «коммерческим» потенциалом (когда для продвижения по карьерной лестнице необходим высокий уровень владения русским и (или) английским, а не национальным языком).

Ношение национальной одежды, приготовление блюд национальной кухни, участие в национальных праздниках, проведение национальных свадебных обрядов и многое другое становятся значимыми для индивида, поскольку именно через выполнение этих обрядов и ритуалов осознается и транслируется этническая принадлежность. И если изначально в наших исследованиях речь шла о неотрадиционализме в обрядах жизненного цикла[3], то в ходе дальнейшей работы стало очевидно, что корректно экстраполировать наше понимание на переосмысление существования всего бытия современного этноса как неотрадиционалистского, фиксируя тенденции неотрадиционализма практически во всех сферах его (этноса) жизни.

В-третьих, в рамках этнокультурного неотрадиционализма происходит трансформация как вектора наследования традиционного знания, так и гендерной принадлежности его носителей. Так, в традиционном обществе передача социокультурной информации (трансляция традиций) происходила посредством приватных (семейных) каналов, а носителем традиции чаще всего являлась женщина старшего поколения (бабушка). В неотрадиционализме трансформируются каналы трансляции традиционного знания, оно вытесняется в публичную сферу (средства массовой информации и Интернет, система образования и массовые праздники, политические кампании и фестивали этномоды и др.), меняются векторы передачи такой информации (например, дети узнают о традициях своего народа на уроках «Основы духовно-нравственной культуры народов России» или курсах в рамках регионального компонента образовательной программы и не только пересказывают эту информацию своим родителям, но и предлагают выполнять этнокультурные традиции и конкретные обряды в семье). При этом если проведение такого рода обрядности закрепляется в семье, то ее исполнение и дальнейшая передача иногда могут быть возложены на молодого мужчину (как главу семьи).

Наконец, в-четвертых, в неотрадиционализме происходит трансформация традиционных этнокультурных ценностей, они в большей или меньшей степени десакрализуются современным контекстом. Наиболее ярко такая десакрализация и коммерциализация проявляются в развитии этнотуризма. На примере исследования его развития в одном из самых развитых туристических регионов страны (Республика Алтай) нами выявлено, что у туристов пользуются популярностью «этническая» сувенирная продукция: изделия из войлока, кожи, дерева, керамики; блюда национальной кухни из молока и мяса. Рецепты приготовления таких блюд, национальная утварь, одежда используются при организации питания в туристических комплексах, добавляя им привлекательности за счет «этнического колорита»[4].

К культурно-развлекательным мероприятиям регионального масштаба, имеющим этническую окраску и популярным у туристов, нами отнесены Международный курултай сказителей, Межрегиональный фестиваль русского народного творчества «Родники Алтая», Республиканский народный праздник «Тюрюк-Байрам — праздник кедра», международные театральные кочевые фестивали «Желанный берег», «Легенды синего неба — Кок Тенгри» и др. Ежегодно в регионе проводится конкурс национального костюма, праздники «Чагаа-Байрам», «Наурыз», «Эл-Ойын». Спортивная часть таких мероприятий зачастую включает национальные виды спорта: борьбу куреш, набивание жестка (тебек), стрельбу из лука (карчага сайны), поднятие камня (кодурге таш) и др. Зрелищность этой составляющей мероприятий также добавляет региону туристической привлекательности[5].

Крайним проявлением такого рода десакрализации может служить исключительно коммерческое использование этнической атрибутики и стиля в туристическом бизнесе. Довольно популярны в настоящее время отели премиум-класса, построенные в виде так называемых юрточных городков, где есть юрта-ресторан, юрта для SPA-процедур, а также юрты-номера, с кондиционерами, душевыми кабинами и Wi-Fi. В ресторанах таких отелей подаются блюда национальной кухни в сочетании с листьями салата, соевым соусом и кетчупом, а в сувенирных лавках можно приобрести «национальную» одежду, сшитую из дешевых тканей на промышленном производстве, и украшения, созданные на специальных станках (не вручную). Эклектичное смешение традиционных элементов культуры с современными, возникшими под влиянием глобализационных тенденций, а также новые смыслы и функции таких квазитрадиционных этнокультурных субъектов, хотя

[1] *Мадюкова С. А.* Воспроизводство этничности в контексте социокультурного неотрадиционализма // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 65–69.

[2] Подробнее см.: *Мадюкова С. А., Попков Ю. В.* Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб., 2011. С. 102 и далее.

[3] *Мадюкова С. А.* Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири) : дис. … канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

[4] *Мадюкова С. А.* Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 72–94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnye-i-etnopsihologicheskie-osobennosti-tuvintsev-v-sisteme-determinant-razvitiya-respubliki-tyva-na-primere-etnoturizma/viewer.

[5] *Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Региональная специфика этносоциальных процессов и межэтнических отношений в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3. С. 122–131.

и имеют весьма отдаленное отношение к аутентичной этнокультуре, являются показательным примером использования ее потенциала и подстраивания под современные социальные запросы.

Нельзя не упомянуть влияние цифровизационных процессов на этнокультурный неотрадиционализм, поскольку при переходе в цифровое пространство появляется принципиально новая характеристика этнокультурного неотрадиционализма, а именно: нивелирование границ физического пространства, утрата специфики центра и периферии, города и села, полиэтнического и моноэтнического сообщества. В цифровом пространстве исчезает необходимость взаимодействия и взаимовлияния в физическом пространстве, привязки к определенному типу локальности. В частности, особую роль в трансляции этнокультурного знания приобретают социальные сети, цифровые образовательные платформы, чаты в мессенджерах. Так, есть исследования деятельности в групповых чатах, объединенных по принципу принадлежности к роду, в которых производится согласование действий и распределение обязанностей для последующего выполнения конкретного этнокультурного обряда в реальном физическом пространстве.

Отвечая на вопрос о том, является ли этнокультурный неотрадиционализм трансформацией традиции или новоделом, поясним, что, с нашей точки зрения, говорить исключительно о новационной природе неотрадиционализма было бы некорректно, поскольку ценностное ядро этнических традиций сохраняется и в современности, однако существенно трансформированы их функции, смыслы и каналы трансляции, что позволяет говорить о традиционализме исключительно с приставкой «нео-». При этом роль этнокультурного неотрадиционализма в сохранении этнокультурных идентичностей сложно переоценить, поскольку такие сообщества «опознают» себя через выбор и интерпретацию традиций. Как представляется, такого рода самоидентификация (осуществляемая посредством обращения к культурной памяти этноса) является более продуктивной и необходимой для современного российского общества, чем поиски своей идентичности в мире «чужих» (в том числе западных, возникающих в результате процесса глобализации) идеалов, ценностей и смыслов.

Переосмысление, возрождение, сохранение, популяризация этнокультурных традиций в современных социально-экономических и политических условиях играют значимую роль в процессах самоопределения отдельных личностей, групп и целых сообществ. Озабоченность воспроизводством этнической культуры становится важным ресурсом их самоутверждения, а также определения перспектив их развития. При этом, как представляется, в таком этнокультурном самоутверждении нет угрозы раздробленности страны, этническая идентичность не является оппозицией государственно-гражданской идентичности, что многократно подтверждено в ходе наших исследований. Нам кажется корректной метафора оркестра, где ярко и полноценно звучащий каждый отдельный музыкальный инструмент не нарушает общей гармонии звучания оркестра.

Литература

Ламажаа, Ч. К. Архаизация общества: тувинский феномен / Ч. К. Ламажаа. — Москва : Кн. дом «Либроком», 2013. — 272 с. — Текст : непосредственный.

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. — Санкт-Петербург : Центр информатизации образования «КИО», 2019. — 320 с. — Текст : непосредственный.

Попков, Ю. В. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.

И. В. Малыгина[1]

КРИЗИС ДИАЛОГОВЫХ СТРАТЕГИЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Завершение проекта глобализации, о котором еще вчера говорили с большой долей осторожности, преимущественно в терминах предчувствий и интуиции, сегодня осознается как факт, очевидность которого невозможно игнорировать на фоне надукраинских событий. Понадобится время для того, чтобы с достаточной степенью полноты осмыслить изменения, которые ждут мир в связи с переходом в новое состояние, артикулировать и оценить меру обретений и утрат, связанных с разрушением величайшей иллюзии человечества. Тем не менее уже сегодня становятся очевидны некоторые характерные черты постглобального мира, которые убеждают нас в том, что ни единого мира с более или менее толерантным отношением к его разнообразию, ни всеобщего мирового сознания, обещанного теоретиками глобализации на ее начальном этапе, так и не случилось.

Первое, чем ознаменовался конец глобализации, — это глубочайший коммуникативный кризис, который возник на фоне украинского «кейса», затронул всех его явных или «условно латентных» акторов и, по сути, об-

[1] Заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор. Автор 122 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культурология: имя собственное: к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера» (науч. ред. и соавт.), «Проблемы культуры в XXI веке» (в соавт.), «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире» (науч. ред. и соавт.) и др.; учебных пособий: «Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии» и др.; статей: «Культурные идентичности в постглобальном мире», «„Синтез войны и театра“: социально-гуманитарный дискурс о природе терроризма» (в соавт.) и др. Член редсовета журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», редколлегии электронного журнала «Культура культуры», президиума Научно-образовательного культурологического общества.

нулил потенциал диалоговых коммуникативных стратегий. Новой «нормой» не только межгосударственной, но и межкультурной коммуникации становится монологический диктат и с точки зрения ее концептуальной основы, и в смысле использования информационных и технологических ресурсов, исключающих любые возможности диалога.

Необходимо отметить, что кризис диалоговых стратегий обусловлен целым рядом как контекстуальных, так и вполне конкретных причин. Прежде всего необходимо вспомнить, что возможность любого диалога обеспечивается набором исходных требований к ее сторонам: «признание ценности и равенства партнера по диалогу, его рациональной способности, возможности выдвижения интерсубъективно значимых проблем, принятие неполноты и возможной ошибочности любой позиции, плюрализм и толерантность, взаимодополнительность понимания и рациональной интерпретации»[1]. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет об идеальной ситуации, смоделированной в рамках классической философии со ставкой на всепобеждающую силу разума.

Что же касается культурной ситуации, которая все еще описывается в терминологии постклассического дискурса, то здесь данные критерии диалоговой коммуникации утрачивают качества безусловности и объективности; доминирующим на уровне теоретизирования в условиях постклассической философии становится «мозаичное видение межкультурного диалога»[2] с учетом различий взаимодействующих культур, когда диалог фактически претендует на статус полилога, в котором должен быть услышан голос каждой взаимодействующей стороны. Однако претензии коллективного Запада на лидерство в глобальной конкуренции привели к экспансии западного типа рациональности и к почти ничем не сдерживаемому трансферу западной модели ценностей, регулируемой так называемой новой этикой с ее «культурой отмены».

Эти тенденции свидетельствуют о ситуации монологического типа отношений, причем в том негативном смысле, который вкладывал в данное понятие М. С. Каган, утверждая, что монолог эгоцентричен, авторитарен и деспотичен, ибо не считается с тем, к кому обращено высказывание, априори рассчитан на то, чтобы быть услышанным, усвоенным и стать руководством к действию[3].

Очевидно, что монологический диктат способен провоцировать зеркальный ответ, или «отзеркаливание» различных, в том числе вытесняемых и санкционируемых, дискурсов[4], «различные незападные дискурсивные стратегии», которые «все еще возникают в качестве ответа на западный вызов»[5]. Более того, сомнительный в своей легитимности монологический диктат порождает адекватные формы ответа. О том, что данный вывод не просто фигура речи, свидетельствует появление на рубеже XX–XXI веков международного или глобального терроризма, который в рамках философско-культурологического дискурса трактуется как культурный по своим глубинным причинам феномен, поскольку возник как ответ, противодействие «традиционных народов и культур, расположенных к востоку от Европы, тотальному наступлению на них западной цивилизации без святых и героев»[6]. Самые крупные террористические атаки в XXI веке, включая события 11 сентября в Нью-Йорке, стали выражением протеста в ответ на западное культурное доминирование[7].

Но самым выразительным примером реакции на монологический диктат Запада до сих пор остается террористическая атака на сирийскую Пальмиру. Древний город, хранивший культурные следы античной цивилизации, крупнейший памятник мирового культурного наследия на Ближнем Востоке, показательно, перед объективами телекамер, был подвергнут варварскому разрушению боевиками ИГИЛ (запрещенной в России и многих странах мира террористической организации).

При всей значимости событий и многочисленных контекстах, важных для осмысления «кейса Пальмиры», в рамках данного доклада следует выделить две тенденции, которые, скорее всего, будут определять характер коммуникации в условиях кризиса диалоговых стратегий.

Первая — это сублимация террористической активности в сферу культуры, выбор культуры в качестве важного стратегического объекта[8]. И вторая — символический контекст террористических действий. В случае Пальмиры трудно объяснить столь масштабную акцию исключительно невежеством или жаждой наживы. Совершенно очевидно, что это высказывание, манифестация, символический жест, «зеркальный ответ», адресованные коллективному Западу, «вышедшему» из античной культуры[9].

«Кейс Пальмиры», кажется, должен был научить считывать глубинные смыслы происходящего и извлекать уроки: диктат рождает диктат, а монологическое высказывание далеко не всегда и совершенно не обязательно воспринимается как руководство к действию. Тем не менее события, разворачивающиеся на Украине после 2014 года, атаки на памятники общего прошлого, достигшие сегодня своего апогея, очень напоминают невыученный урок истории.

На наших глазах разрушаются многие мифы, порожденные дискурсом глобализма. Один из них — миф об интеграции людей и государств в глобальную сетевую коммуникацию посредством Интернета, что по

[1] *Губман Б. Л.* Диалог культур в перспективе постклассической философии // Культура культуры. 2016. № 1.

[2] Там же.

[3] *Каган М. С.* Горизонты и границы диалога в истории культуры: философский анализ // Каган М. С. Избр. тр. : в 7 т. СПб., 2006. Т. 1 : Проблемы методологии. С. 222.

[4] *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое лит. обозрение, 2017.

[5] *Губман Б. Л.* Указ. соч.

[6] *Кутырев В. А.* Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–93.

[7] *Флиер А. Я.* Культурные основания насилия (памяти Усамы бен-Ладена) // Культурология 20-11 : авт. сб. эссе и статей. М. : Согласие, 2011. С. 519.

[8] *Малыгина И. В., Малыгина А. В.* «Восстание традиционалистов»: от «культуры» террора к террору против культуры // Культурология: имя собственное: к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера / общ. науч. ред. И. В. Малыгиной. М. : Согласие, 2021. С. 187–202.

[9] Там же.

определению делает невозможным отключение от коммуникации культуры или страны, язык которой способна распознать сегодня Всемирная паутина. Между тем события, разворачивающиеся на наших глазах, упраздняют эту иллюзию. Формирование и структурирование потоков информации, которые могут двигаться параллельно, не пересекаясь и преодолевая при необходимости онтологическую неизбежность диалогового дискурса, наполнение этих потоков любым желаемым контентом, а главное — право доступа к информации и возможности ее трансляции, как оказалось, подчиняются жесткому контролю и санкционируются посредством различных способов: от технического исключения из коммуникативного поля или даже отключения от международных платежных систем, банальных фальсификаций и мистификаций до символически насыщенных «фигур умолчания», «культуры отмены» и других приемов, которым еще только предстоит быть описанными и обрести адекватное название.

Четвертая промышленная революция, сделавшая благодаря цифровому и информационному развитию мир прозрачным, вместе с тем привела его к тотальности контроля и мониторинга всех сфер социальной и частной жизни, включая коммуникацию и, что особенно важно, сделала очень уязвимым перед постоянно умножающимися технологиями постправды[1].

Совершенно очевидно, что возможности достижения диалога в этом контексте стремятся к нулю. В связи с этим встает вопрос о наличии хотя бы гипотетического ресурса, который можно противопоставить кризису диалоговой коммуникации. Представляется, что объем этих ресурсов соразмерен уровню компетентности субъекта современной культуры — индивидов и социальных групп, включенных в процессы межкультурного взаимодействия.

Коллективный субъект современной культуры — поколение Миллениума, или поколение Y, через которое уже уверенно проросли новые поколенческие генерации, — формировался в условиях информационной и цифровой революций, в реалиях «прозрачного мира», поэтому нередко предстает как субъект с незавершенной, разомкнутой идентичностью «постороннего», легко пересекающего смысловые границы множества виртуальных социальных и культурных миров, ни к одному из них не накопив сколько-нибудь глубокой привязанности. Это поколение с устойчивой зависимостью от технологий сетевой коммуникации и жизненным миром, свернутым до технологических возможностей смартфона. Что касается его компетентности, то она сродни «трагической мудрости» в том смысле, в котором размышлял о ней в середине XX века Г. Марсель, сожалея о том, что место мудреца в современном обществе заняли эксперты, на статус мудреца претендует теперь все общество, а само понятие «мудрец» утрачивает очевидного референта[2].

Сегодня мудрец — источник и производитель знания — и его потребитель благодаря обширному рынку гаджетов почти равны друг другу. Траектория движения к знанию значительно сократилась, если не «схлопнулась» вовсе. Его постижение как длительный процесс, череда трудоемких рефлексивных процедур поколению, сформировавшемуся в условиях цифровой революции и «визуального поворота», нередко представляется обременительным и избыточным, гораздо проще его присвоить в готовом виде[3], просто «скачать». Все это делает субъекта современной культуры беззащитным перед множественными медиапрактиками постправды, неспособным выстраивать продуктивный диалог. И мы ничего не сможем противопоставить технологиям монологического диктата, пока не развернем «схлопнувшуюся» спираль.

Эту задачу прежде всего призваны решать образование и наука, на долю которых выпали тяжелейшие испытания реформами и унификации по западным образцам. По прошествии времени стало очевидно, что стратегии интернационализации образовательного и научного пространства также тяготеют к навязыванию монологического типа отношений и недобросовестной конкуренции, в которой у России на протяжении всего постсоветского периода были заведомо проигрышные позиции. Последние десятилетия отмечены изменениями в приоритетах российской науки, смещением критериев социальной полезности в сторону усиления экономического эффекта. Наряду с этим ориентация экономики на технологические тренды привела к появлению мифов о несвоевременности и избыточности социально-гуманитарного знания в глобальной конкуренции, и статус ученого-гуманитария на шкале между элитарностью и маргинальностью заметно качнулся в сторону последней.

Приходится признать, что гуманитарные разочарования постглобального мира, в том числе связанные с кризисом диалоговых коммуникативных стратегий, и утверждение монологического диктата в качестве новой «нормы» межгосударственного и межкультурного взаимодействия требуют экстренных решений, которые должны лежать в плоскости создания новых социокультурных практик и реабилитации традиционных социальных институтов, ответственных за формирование субъекта культуры.

[1] См., например: *Тузовский И. Д.* Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42–60.

[2] *Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М. : Политиздат, 1991. С. 352–366.

[3] См.: *Малыгина И. В.* Динамика гуманитарного образования в современной России // Вестн. Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 286–294.

А. М. Мелихов[1]

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТАЛАНТОВ

И глобалисты, и антиглобалисты, будь они более образованны, могли бы ссылаться на авторитет Достоевского в свою поддержку. Антиглобалисты имели бы возможность обосновывать высшую ценность национальной идентичности его словами о том, что «всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения». Глобалисты же могли бы ссылаться на мнение Великого Инквизитора, провозгласившего, что главное стремление человечества — это возможность преклониться перед чем-то настолько бесспорным, что перед ним преклоняются все люди вместе, *непременно все вместе.*

В своей же предсмертной Пушкинской речи Достоевский попытался примирить идею особой национальной миссии России с идеей всемирного единства, провозгласив всемирную отзывчивость исторической миссией русского народа: «Я именно напираю в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия».

В те времена подобные вопросы представлялись делом времен крайне отдаленных, но сегодня проблемы глобальной культуры обсуждаются во вполне злободневных дискуссиях.

Основательный труд А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций»[2], написанный по материалам Международных Лихачевских научных чтений, включает такой длинный перечень идей и цитат (список источников заполняет почти сорок страниц), что даже беглый их обзор потребовал бы серьезной академической статьи. Поэтому попытаюсь лучше вслед за автором «обратиться к истокам и сущности воззрений Д. С. Лихачева, побудивших его сформулировать подходы к диалогу культур в „Декларации прав культуры“».

Вдумаемся в несколько ее основных положений[3].

«Культура — главный источник гуманизации человечества».

Если понимать под гуманизацией все то, что отличает человека от животного, то культура не столько источник этого отличия, сколько само это отличие. А что является источником культуры — это, на мой взгляд, дар воображения и потребность в экзистенциальной защите, выстраивании воображаемого мира, позволяющего принять ужасную реальность, в которой человек бессилен перед старостью, смертью, болезнями, катастрофами и прочими «забавами» безжалостного мироздания. Именно поэтому народы, вынужденные жить разбоем ради выживания, создают культуру героическую, прославляющую наиболее умелых и бесстрашных убийц, в которых они справедливо видят своих защитников. Так что если понимать под гуманизацией милосердие и доброту к каждому живому существу, то ни один героический эпос такой гуманизации не способствует. Культура способна эстетизировать любую силу, не могу только припомнить, когда бы она эстетизировала бессилие, ибо ее миссия и заключается в том, чтобы заслонить от нас наше бессилие перед разрушительными силами природы. Могучий злодей для культуры желаннее хилого праведника.

«Диалог культур обеспечивает взаимопонимание между народами и проявляет духовную уникальность каждого из них».

Если говорить о высших достижениях культуры, то они в значительной степени возвышаются над уникальными национальными особенностями, что и позволяет относить их к так называемой мировой культуре. Но в основе своей каждая национальная культура направлена на формирование национальной экзистенциальной защиты — что можно сделать лишь за счет наций-конкурентов: отыщите вызывающий восхищение образ немца или француза у Гоголя или Толстого. Откровенный диалог культур непременно обостряет национальную рознь, он открывает, что самые возвышенные образы каждая нация приберегает для себя; подобные диалоги лучше вести на расстоянии, когда каждый народ сам выбирает у другого, что ему по душе, а насчет остального остается в неведении. У меня есть даже подозрение, что словосочетание «глобальная культура» — что-то вроде оксюморона, сухой воды и круглого треугольника: культура любого сообщества, мне кажется, наделяет ее носителей ощущением собственной правоты и красоты непременно по отношению к другим сообществам, поэтому глобальная, общечеловеческая культура может возникнуть лишь тогда, когда всей планете придется противостоять внеземным цивилизациям, в достаточной степени антропоморфным, чтобы мы могли видеть в них себе подобных.

«Реализация демократических ценностей и прав человека в значительной мере определяется уровнем культурного развития общества».

Никак не получается счесть недостаточно культурной рабовладельческую аристократию времен Платона, Софокла и Праксителя. Или русскую аристократию золотого века с Пушкиным во главе. Возможно, Ницше

---

[1] Заместитель главного редактора журнала «Нева», писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Броня из облака», «Застывшее эхо», «Былое и книги», «Биробиджан — земля обетованная», «Тризна», «Под щитом красоты», «Любовь-убийца», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Дрейфующие кумиры», «Колючий треугольник», «Каменное братство», «И нет им воздаяния» и др., а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премий им. Н. В. Гоголя, Правительства Санкт-Петербурга, фонда «Антифашист» и др.

[2] *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций (По материалам Международных Лихачевских научных чтений). СПб. : СПбГУП, 2018.

[3] Цит. по: Там же. С. 18.

и преувеличивал, утверждая, что всякая культура стоит на каком-то рабстве, но нельзя же и вовсе не принимать его во внимание.

«Экспансия антигуманных явлений коммерческой массовой культуры угрожает самобытности национальных культур и развитию человечества».

Я не самый лучший знаток массовой культуры, однако голливудская продукция, в немалом количестве попадавшаяся мне на глаза, была практически вся основана на вечных гуманистических архетипах: защита слабого, наказание подлого, спасение друга или любимой женщины, отказ от богатства во имя чести…

То есть на всем, чего людям не хватает в реальности, иначе коммерческая культура перестала бы приносить доходы. И, к слову сказать, все фантазмы, породившие самые страшные катастрофы XX века, — национализм, социал-дарвинизм, расизм, как биологический, так и классовый, — придумали интеллектуалы, а вовсе не «масса». И еще — строго между нами — в демократическую эпоху глобальная культура может быть только массовой.

«Необходимо выработать национальные и международные меры по защите культуры, сохранению и развитию культуры каждого народа, налаживанию взаимодействия и диалога между нациями».

Не представляю иных методов защиты культуры каждого народа от более влиятельных и обольстительных культур, кроме принудительной изоляции и разжигания вражды к более успешным соперницам, но уверен, что Лихачев не мог иметь в виду что-либо подобное. Что же до международных мер, то не представляю, что может побудить делегатов сильных, доминирующих культур согласиться на меры, ограничивающие их собственную «мягкую силу».

Мне кажется, все культуры зарождались, развивались и живут в значительной степени как орудие противостояния другим культурам, и превратиться в средство всемирного объединения они не могут, не отказавшись от собственных национальных истоков, что противоречит задаче сохранения культуры «каждого народа». Причем даже таких грандиозных утрат было бы недостаточно для становления общечеловеческой, глобальной культуры, ибо для этого необходим еще и общечеловеческий противник. Хотя и при наличии такого противника все равно не исчезнет борьба за величину вклада, которые каждая нация должна будет внести в общую борьбу; в принципе эта борьба может и обостряться: когда пароход тонет, уровень взаимопомощи и взаимопонимания в борьбе за шлюпки отнюдь не возрастает.

Иными словами, я не вижу, каким образом лихачевскую «Декларацию прав культуры» можно использовать для формирования какого бы то ни было, пускай и утопического, проекта межкультурного и межцивилизационного примирения.

Примирить потребность в национальной избранности с потребностью межнационального мира, как известно, пытался Федор Михайлович Достоевский: русская национальная исключительность заключается во всемирной отзывчивости, и лучший пример тому — Александр Сергеевич Пушкин. У Пушкина каждый народ, о каком бы он ни писал, и впрямь становится бесконечно обаятельным, но, во-первых, сомнительно, насколько мы вправе считать Пушкина выразителем мнений и чувствований всего русского народа, а во-вторых, между миром поэзии и миром реальной геополитики дьявольская разница: в стихотворении «Клеветникам России» трудно отыскать «окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону».

Я вовсе не собираюсь разбирать этот спор славян между собой. Мне кажется, к нашим дням, а именно к перестроечному экстазу прогрессивной интеллигенции, более приложимы другие мысли Пушкинской речи: «Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!»; «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия».

А разочарование значительной части интеллигенции в своем прежнем увлечении тоже может быть выражено цитатой из книги С. Франка «Крушение кумиров» (Берлин, 1924): «Уже нет трепета, с которым мы когда-то всходили на галереи европейских парламентов и прислушивались к страстным, вдохновенным речам европейских политических ораторов. Мы заранее знаем их содержание: либо безответственная демагогия, либо официально лицемерное провозглашение каких-либо священных принципов, в которые никто не верит и которые никогда не осуществляются, оправдание какого-нибудь зла под тем или иным высоким предлогом, либо, наконец, сознание своего бессилия и безвыходности положения; от всей текущей политики на нас уже заранее веет или человеческой глупостью, или человеческой подлостью, или тем и другим вместе — и во всяком случае пошлостью, унынием, безнадежностью серых будней»[1].

Однако каждое новое разочарование требует и нового утопического утешения. Одну из таких утопий предложил недавно ушедший из жизни философ А. С. Панарин: «Ее исходным принципом является утверждение, что по критериям могущества, успеха и богатства России уже не быть сверхдержавой, поэтому соревноваться с геополитическими лидерами по данным признакам — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению ресурсов, в том числе духовных.

…Реализация данного проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход к социально-психологической, духовной борьбе за судьбы неприкаянных и нуждающихся в „социальной реабилитации“. Россия должна подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха и стать империей для всех „нищих духом“. Как только все „второсортное“ население мира поймет, что кроме России у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта в его религиозной энергетике. В свое время христианство совершило чудо: возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, — слабых,

[1] Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 271.

больных, бедных, которые стали воплощением новой человеческой надежды. Сегодня требуется совершить аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, „неперспективные“ по критерию успеха, силы, славы и богатства. В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи „новых бедняков“, отлученных либеральной церковью, новых изгоев. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в котором изначально доминировал критерий „политического успеха“))»[1].

Поскольку метафизическое пространство — это пространство человеческого воображения, то в нем можно возвести любые воздушные замки и державы, но земным людям необходимы не только воображаемые высокие цели (а они им действительно необходимы), но и земные мотивировки. А. С. Панарин их тоже предлагает: вследствие ограниченности природных ресурсов планета не выдержит бурной активности эффективных и успешных, поэтому ради выживания человечества на арену должны выйти культуры и народы, согласные довольствоваться малым, для таких культур Россия может стать образом надежды, «обетованной землей бедных».

Либеральную церковь пропускаю, поскольку не уверен в ее существовании, а на церкви христианской задержусь. Да, возведение в высший ранг труждающихся и обремененных было ценностной революцией, но что эта революция изменила в реальном мире, большой вопрос. Пессимисту может показаться, что она лишь присоединила к «обычным» войнам войны религиозные, но даже он не сможет отрицать существования немалого числа чудаков, действительно старающихся жить по законам нестяжания и милосердия.

Народы-чудаки, однако, невозможны. Можно не сомневаться, что если какие-то «новые изгои» и потянутся к России, то лишь за тем, чтобы отомстить богатым и знаменитым за свое вековое унижение. Можно не сомневаться также и в том, что они согласны довольствоваться малым лишь до тех пор, пока у них нет возможностей получить больше, как можно больше. Иными словами, ценностная революция возможна не для наций, но лишь для одиночек-бессребреников, которые встречаются во всех нациях.

И вот интернационал талантливых одиночек, мне кажется, до некоторой степени осуществим. В книге А. С. Запесоцкого «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» приводится цитата и из моего доклада: «Каждый народ может существовать лишь до тех пор, пока ощущает себя избранным, хотя бы в собственном воображении (впрочем, никакой другой избранности не бывает). А тот круг народов, внутри которого существует согласие об их совместной избранности, сегодня, по-видимому, и можно назвать пышным словом „цивилизация“. Сегодня важнейшим национальным проектом России становится производство гениев — путем бескорыстной поддержки самых талантливых и романтичных, создания условий для творчества, организации широчайшей сети школ для одаренных детей, особенно в провинции, пропаганды в СМИ подлинных творцов, достигших профессиональных высот без потери нравственного облика»[2].

Все, что требуется для перехода этого проекта на международный уровень, — открыть двери для особо одаренной молодежи из других стран. Расходы на этот образовательный проект, если сравнить их с военными затратами, будут копеечными, а репутационный эффект — весьма весомым. Если у России появится репутация страны, где живут не слишком богато и не слишком чисто, но умеют ценить таланты, лично меня такая Россия устроит, как устраивает александровско-николаевская Россия, давшая миру плеяду гениев — от Пушкина до Толстого. Такую ценностную шкалу можно упрекнуть в аристократичности, и этот комплимент я охотно принимаю. Ибо ее демократизм заключается в признании того, что демос нуждается в величии ничуть не менее, чем интеллигенция, и только из-за неумения ценить величие творчества он вынужден тянуться к величию насилия. Но когда ему хотя бы в какой-то степени откроется величие художественного и научного гения, культ политиков и государственных деятелей — интриганов и завхозов — покажется ему просто смехотворным.

Культ талантов демократичен еще и потому, что он ищет искру гения всюду, а не только там, где светло, не только в просвещенных верхах, но и в темных низах.

И что действительно сближает народы — это их гении. Экономические связи, порождающие конкурентную грызню, ко взаимной нужде непременно примешивают и взаимное раздражение, а гении порождают чистую, бескорыстную любовь. Чем нам дорога́ Англия — колониями, фабриками? Разумеется, Шекспиром, Ньютоном, Максвеллом, Диккенсом. Италия — это Данте, Микеланджело и Ферми, Франция — Мольер, Пуанкаре и Камю, Америка — Марк Твен, Эдисон и Хемингуэй. Именно эту Англию, Италию, Францию и Америку мы любим, а всякое политическое начальство к этой любви только примазывается.

Собственно, когда мы произносим слова «художественная культура», мы подразумеваем не такой уж и долгий ряд конкретных имен. Поэтому если под «Декларацией прав культуры» подразумевать «Декларацию прав талантов», то я готов под нею подписаться и даже выйти на митинг в ее защиту, если только когда-нибудь кому-нибудь из политиков каким-то чудом вздумается строить свою карьеру на защите талантов.

А между тем из всех обиженных и обделенных мне больше всего жаль таланты не пробившиеся и даже, возможно, не узнавшие, что они таланты.

Вот декларация их прав миру всего более и нужна.

Вспомним, что все материальные достижения России ее «партнерами» либо отрицаются, либо осмеиваются, а единственной основой неоспоримого авторитета России были и остаются ее гении: Толстой, Достоевский, Чехов, Мусоргский, Чайковский, Стравинский…

Теперь, правда, взялись и за них, но отменить их будет труднее всего. Поэтому важнейшая историческая задача России — продолжение этого списка, то есть поддержка талантов во всех отраслях человеческой деятельности.

[1] Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 370–371.

[2] Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Указ. соч. С. 367–368.

С. Г. Мусиенко[1]

КОНЦЕПЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИДЕОЛОГИИ

Для автоматического определения своих войск, сил и вооружений с целью отличить их от войск, сил и вооружений противника существует система радиолокационного опознавания «свой–чужой». Она представляет собой крупный аппаратно-программный технический комплекс и не дает уничтожать союзников («своих»).

За последние годы идеология, существовавшая в СССР, была превращена в некую «страшилку» об ограничении свободы. В итоге же обещанная «свобода» была подменена хаосом. Теперь приходит понимание, что под видом «свободы» нам годами навязывали скорее идеологию хаотизации, ведущую к деградации. Для чего это делалось? Не для установления ли новой формы управления? Алгоритм управления массами в современном мире довольно прост: сначала навязываются «примеры для подражания», подобные рекламным картинкам, потом при помощи этих «подобий образов» или «псевдообразов» начинают управлять обществом, ловко загоняя человека в нужные рамки, причем под видом предоставления ему «свободного выбора». Абстрактное понятие «свобода» заменяется здесь на конкретный симулятор образов.

Полярные мнения заменены «бесполой» борьбой, полезность для человека подменена пользой для потребителя. Идеология навязывается через рекламные паузы, она становится модой. Создается псевдокультурная среда, наполненная такими персонажами, как М. Галкин и А. Макаревич, — «попсовой» братией, культивируемой согласно западной франшизе «подобия образа». Сейчас вся она заняла противоположную народу сторону. Можно десятилетиями петь: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас», а потом, став гражданином Израиля, заявить, что все те, кто уехал из страны, на самом деле и есть Россия.

В этих условиях становится необходимым нечто вроде новой кодировки «свой–чужой» для ситуации в культуре по аналогии с военным комплексом.

«Согласитесь, Беларусь и Россия неоднократно сталкивались с навязыванием нам чуждых ценностей. С подачи Запада целенаправленно искажается историческая правда, осуществляются попытки разрушить наше культурное наследие и национальную идентичность. В европейских странах происходит варварское, бездумное уничтожение памятников, воздвигнутых в честь воинов, погибших в борьбе с коричневой чумой. Целенаправленно реализуется процесс вычеркивания главенствующей роли советского народа, всех республик бывшего Советского Союза в Великой Победе над фашизмом», — заявил в интервью журналу «Национальная оборона» государственный секретарь Совета Безопасности Республики Беларусь Александр Григорьевич Вольфович[2].

Система опознавания «свой–чужой» зародилась еще в период Второй мировой войны. Она появилась у армий США и Великобритании, где потери от огня по своим составляли 20–25 %. Вслед за ними аналогичные принципы разработали и в СССР, причем у каждого рода войск существовали свои частоты и коды. Советская система была достаточно уязвима для противника, особенно если аппаратура попадала к нему в руки[3].

В 1961 году, когда в очередной раз аппаратура оказалась у потенциального врага, состоялось заседание оборонного отдела ЦК партии. На него собрали министров — радиопромышленности, судостроения, авиапрома, — руководителей управлений минобороны, всех светил науки в области радиолокации. В зале присутствовало человек пятьдесят. На сцену вышел заведующий отделом оборонной промышленности ЦК Иван Сербин. Он показал пальцем в зал и очень зло сказал: «До каких пор вы будете ставить страну на колени? Разработайте такую систему, которая не боится дискредитации!» После этого он ушел, заседание окончилось[4].

Генеральный конструктор новой системы, Герой Социалистического Труда Ильдус Мостюков в 1977 году завершил государственные испытания. В 1980-м прошли войсковые испытания. Чтобы увидеть систему в деле, Министерство обороны СССР провело масштабные учения: в них участвовали сотни самолетов, радиолокационных систем, кораблей Черноморского флота в Одесском военном округе. И уже после этого было принято решение о массовом перевооружении армии, которое продолжалось в течение пяти лет. В проекте участвовало 30 заводов Советского Союза. Самолеты с системой «Пароль» много раз попадали в руки потенциального противника, но никакого значения это уже не имело. В аппаратуре нет «залитых» кодов. Тысячи их вариантов меняются каждую секунду по случайному закону. Такие разработки на тот момент могли себе позволить только два государства в мире: США и СССР. Сейчас системой «Пароль» пользуются 40 стран, в том числе все члены ОДКБ. Индия покупает и российскую, и американскую систему[5].

---

[1] Директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь. Автор книги «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.). При его участии подготовлены: сборник материалов международной конференции «20 лет без СССР — СНГ — Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Bialorus: model panstwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др. Член правления Союза писателей Беларуси.

[2] *Вольфович А. Г.* «Белорусско-российское взаимодействие в сфере безопасности было, есть и будет нашим безусловным приоритетом!» [Интервью: И. Коротченко] // Национальная оборона. 2022. № 5. URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/belorussko-rossijskoe-vzaimodejstvie-v-sfere-bezopasnosti-bylo-est-i-budet-nashim-bezuslovnym-prioritetom-43687.shtml (дата обращения: 12.05.2022).

[3] *Корякин О.* Как создавалась секретная советская система опознавания «свой–чужой» // Российская газета : [сайт]. 2015. 2 апр. URL: https://rg.ru/2015/04/02/parol-site.html (дата обращения: 12.05.2022).

[4] Там же.

[5] Там же.

Автор полагает, что сегодня нам нужен именно такой лаконичный и конкретный стиль и такие же отчетливые результаты — но уже в области культуры и идеологии.

Мы заигрались в аполитичное общество — мировой тренд по его созданию зашел слишком далеко. Ложь превратилась в инструмент пропаганды, безответственность стала нормой. Наступило время «постправды», то есть «отключения» народа от исторической реальности. Это не артикулируется, но становится все очевиднее. Так, 12 мая 2022 года депутаты латвийского Сейма проголосовали за прекращение действия статьи латвийско-российского договора о сохранности мемориальных сооружений. Таким образом были устранены юридические преграды для сноса памятника в Риге. Мемориал был возведен в честь советских воинов, освобождавших Латвию от немецких оккупантов[1].

Однако мы можем посмотреть на ситуацию и с другой стороны. Западные санкции против России должны были, по замыслу их инициаторов, озлобить народ, настроить его против власти. Но фактически происходит обратное: озлобляется народ именно на инициаторов. Налицо слабая теоретическая подготовка, непонимание фундаментального концепта — положительной и отрицательной обратной связи. Происходит возвратное, рекуррентное влияние результатов текущего процесса на его протекание.

Если Европейский союз готовит шестой пакет санкций против России, значит, предыдущие пять не обеспечили должного эффекта? При этом на 12 мая 2022 года по курсу Национального банка Республики Беларусь 100 евро были равны 105,77 доллара, а на 12 мая 2021 года 100 евро были эквивалентны 120,75 доллара. Британский фунт стерлингов за это же время «отступил» примерно на 2,6 %. Комментарии о том, кто, кого и в чью пользу ослабил, наверное, в данном случае излишни.

Заместитель директора информационного отдела Министерства иностранных дел Китая Чжао Лицзянь заявил в своем Twitter: «Уровень инфляции в еврозоне достиг нового максимума в 7,5 % с 1997 года. Санкции США против России наносят ущерб союзникам, еще одно напоминание о том, что сказал Генри Киссинджер: „Быть врагом Америки — опасно, быть другом Америки — фатально“»[2].

Евросоюз переживает самый серьезный рост инфляции, начиная с основания Еврозоны в 1999 году. В марте-апреле 2022 года инфляция в странах ЕС стала двузначной: 19 % — Эстония, 16,6 % — Литва, 13,2 % — Латвия, 12,3 % — Польша, 11,9 % — Чехия, 11,2 % — Нидерланды, 10,9 % — Словакия, 10,5 % — Болгария, 10,2 % — Греция.

По данным Федерального статистического управления, в марте цены производителей сельскохозяйственной продукции в Германии выросли в среднем на 34,7 %. Это самый высокий рост цен по сравнению с месяцем предыдущего года с момента начала исследования в 1961 году. Особенно подорожали продукты растительного происхождения (на 42,1 %), животные продукты стали на 29,5 % дороже. Цены на рапс выросли на 70,1 %, на молоко — на 33,3 %. Стоимость продукции свиноводства выросла на 21,1 %, а крупного рогатого скота — на 47,5 %[3]. И это только начало «санкционной» работы, в которой все острее будет ставиться вопрос: кто «свой»?

«Это не мир, а перемирие на 20 лет», — сказал маршал Фердинанд Фош после подписания договора в знаменитом железнодорожном вагоне в Компьенском лесу в 1918 году. Он не ошибся. Тогда артиллерия дала 101 залп — это были последние выстрелы Первой мировой войны, которые стали, однако, лишь предвестниками войны грядущей. Сейчас перемирие после развала СССР продержалось 30 лет. Но оно закончилось.

Почему теперь мы подняли красные флаги Победы? Они несут Идею! Люди устали жить без понятий и идей. Без них нет картины будущего как области притяжения. В последнее время было принято разрушать ключевые смыслы без какого-либо созидания. Раскрепощение осуществлялось через извращение. Будущее представало лишь в «псевдообразах». Не стоит упоминать, что для продолжения развития цивилизации необходимы апробация и принятие конкретных решений. Реальная идеология исходит из практики и здравого смысла. Смыслы — это ядро идеологии. Иначе мы будем иметь то, о чем говорят многие западные теоретики современной культуры: мысли без смысла, образы без сути, будущее без будущего, жизнь без пользы для людей, потребление для потребления, потребителя для производителя, информацию — лишь для продвижения, а не для понимания, и историю — для забытья.

«Настоящей целью тоталитарной идеологии является не преобразование внешних условий человеческого существования и не революционная реорганизация общественного строя, а преобразование самой человеческой природы, которая, как она есть, постоянно противостоит тоталитарному процессу. То, что поставлено на карту в тотальном господстве, на самом деле является сущностью человека», — писала Ханна Арендт в 1951 году. Согласно определению Х. Арендт, что любое созидающее государство (каким, по твердому убеждению автора доклада, и был СССР) уже не тоталитарно по своей сути.

В то же время в публикациях Всемирного экономического форума и его председателя Клауса Шваба с поразительной откровенностью заявляется, что следует вмешаться в природу человека и в его взаимоотношения с другими людьми с помощью всех имеющихся в распоряжении технических средств: люди, животные

[1] Сейм Латвии разрешил снос памятника в Риге // БелТА : [сайт]. 2022. 12 мая. URL: https://www.belta.by/world/view/sejm-latvii-razreshil-snos-pamjatnika-osvoboditeljam-v-rige-501287-2022 (дата обращения: 15.05.2022). Для справки: в боях за Латвию во время Великой Отечественной войны погибло более 150 тыс. советских воинов. Мемориалы сносят для ликвидации памяти о них.

[2] *Мустафа С.* В МИД КНР инфляцию в ЕС оценили цитатой Киссинджера // Газета.Ru : [сайт]. 2022. 8 мая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/08/17705390.shtml?updated (дата обращения: 12.05.2022).

[3] *Светлова Е.* В Германии взлетели цены на еду: прогнозируют 20 % роста // MK.ru : [сайт]. 2022. 12 мая. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/05/12/v-germanii-vzleteli- ceny-na-edu-prognoziruyut-20-rosta.html (дата обращения: 12.05.2022).

и растения должны быть полностью переделаны, ведь человеческая природа не стоит на месте[1].

Почему же нам навязывают такие модели и нормы? Что вообще есть норма? Норма морали — это норма народа или политических элит? Но «псевдоэлиты» не несут для народа морали будущего. На данный момент ситуация весьма печальна. Прежняя система мира отмирает, а новые смыслы все еще не рождаются. Взросление и обретение мудрости — разные процессы. Мы говорим о необходимости опираться на традиции общества, но что делать, если традиции уже разрушены? Мы говорим, что справедливость выше закона, но что делать, когда закона уже нет?

В этих условиях и появляется необходимость в системе определения «свой–чужой», которая станет работать поверх тех различий, к которым мы уже привыкли.

Почему не было преемственности после распада СССР? Потому что воцарился тотальный отказ от советсткой системы, пренебрежительное отрицание «совка». Преемственность предполагает эволюцию, а не полное отторжение. Навязанная культура и ее носители уже сделали шаг назад. Нам долго транслировали образы «ментов-пьяниц», «солдат-раздолбаев», «чиновников-казнокрадов», «бандитов-героев». Как с ними быть? Очень просто: надо не «запрещать», но создавать новые — «свои» по «кодировке» народа.

Мы говорим, что «псевдосмыслы» разрушают общество. Но это значит, для борьбы с ними необходимо ставить определенные задачи и достигать конкретных результатов. Надо идти от малого к большему, создавать цельную систему своего образования и воспитания. Вызывать эмоции, обсуждать их коллективно и реализовывать практически. Если дети начинают нарочно идти наперекор родителям, это очень легко могут использовать в своих целях «чужие». Надо воспитывать «своих» детей, чтобы вернуть и потерянных для будущего родителей. И эта работа может проводиться на всех уровнях и во всех сферах общества.

Работать на страну сейчас — и сложно, и просто одновременно. Ежедневно и без лозунгов делать для страны что-то полезное надо всегда, а не в качестве одолжения или спонсорства. Такие понятия, как справедливость, на самом деле до сих пор существуют в мире! И их транслируют сотни новых идеологов в сети Интернет, в частности в Telegram-каналах. Например, Юрий Подоляка (2 млн 117 тыс. подписчиков на 12 мая 2022 г.) и Михаил Онуфриенко (837 тыс. подписчиков) имеют не только огромную аудиторию, но и доверие, значительно превышающее то, каким обладают ведущие телеканалы и ТГ-блогеры «от власти». Так происходит потому, что они говорят на одном языке со «своими».

Культурный отбор и народный фильтр в сети Интернет прошли многие люди науки: М. Делягин, С. Глазьев, М. Хазин, Е. Пономарева и А. Фурсов. Трудно вспомнить академический институт с подобным уровнем доверия и поддержки. Их образы становятся властителями дум. И это уже не журналистика и СМИ, это сама жизнь.

Еще один вариант определителя «свой–чужой»: миллионы прихожан Украинской православной церкви (Московского Патриархата) в один момент в собственной стране превратились во врагов или заложников. Миллионы людей, которые десятилетиями отстаивали свои духовные права, тысячи приходов и монастырей, чтимых святынь, стали «чужими». Многие люди, несмотря на все трудности или агрессию, годами проводили в центре Киева, на Крещатике, шествие на 9 мая. За что они боролись и кто они для нас сейчас? «Чужие» ли? Нет! Но, увы, и в этих «своих» летят ракеты денацификации. Тем не менее надо четко осознавать то, что они — «свои».

Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий заявил в колонке в The Telegraph: «„Русский мир“ — это раковая опухоль, которая представляет смертельную угрозу для всей Европы. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию»[2].

Таким образом мы с удивлением узнали, что, оказывается, у нас уже есть своя «новая идеология»! «Русский мир»… Вероятно, эта идеология определяется просто по факту рождения и по языку.

То, что мы «чужие» для навязываемых нам «псевдообразов» и «псевдоэлит», мы чувствовали давно, а сейчас это видим и слышим.

В этом деле государство должно брать на себя ответственность или оно просто перестанет существовать. После травмы, нанесенной развалом СССР, государство часто играло негативную роль, а ведь это была, по сути, моральная травма и огромная духовная потеря.

Борьба духовного и материального, коллективного и индивидуального намного сложнее простых схем на телешоу. Знание об этой борьбе рассеяно повсюду, но теперь она требует философского подхода для описания — и не «походя», а мастерами уровня Михаила Булгакова, Льва Толстого или Константина Паустовского. «Носителем (частично) такого знания является каждый человек. Найти его, выделить, систематизировать и представить органу управления способна только социологическая наука, в этом ее высокая общественная миссия»[3].

Президент Беларуси Александр Лукашенко авторитетно и точно сказал, что в его понимании власть — «не служба, а служение».

Нужна новая социосферная концепция гармоничного развития общества, доверие к «своим» смыслам во всех сферах общества для создания стратегии служения созиданию, для мотивации и укрепления воли к реализации наших идей.

---

[1] Хорватский депутат Европейского парламента Мислав Колакушич заявил: «Пандемия COVID-19 доказала нам, что большое количество стран в Европе и мире возглавляют социопаты и психопаты. Теперь эти же люди в Европе хотят сделать наши медицинские данные доступными для фармацевтической промышленности и тем самым нанести еще больший ущерб здоровью, безопасности и свободе» (см.: Главные события в мире за 11–12 мая 2022: только самое важное // Русская Правда : [сайт]. URL: http://rusprava.info/Glavnie-sobitiya-v-mire-za-11-maya-2022-tolko-samoe-vazhnoe-44122.html (дата обращения: 12.05.2022)).

[2] Премьер-министр Польши призвал искоренить идеологию «русского мира» // Ведомости : [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/05/13/921887-premer-ministr-polshi-prizval-iskorenit-russkii-mir (дата обращения: 13.05.2022).

[3] *Шавель С. А.* Социосферная стратегия развития общества. Минск : Беларуская навука, 2022.

Е. А. Полякова[1]

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК БАЗИС «НОВОЙ ЭТИКИ» ЗАПАДА

Современный этап развития общества характеризует трансформация мировоззренческих установок. Развитие научного знания обусловило смену «мировоззренческой парадигмы Зависимости» «мировоззренческой парадигмой Независимости», ключевая идея которой может быть выражена тезисом Альфреда Коржибски по отношению к объективной реальности — «карта не есть территория». Под ним понимается, что объективная реальность существует, но все законы, сформулированные и описанные людьми, — «это лишь некие карты, причем весьма неточные», созданные для удобства действия и ориентировки человека[2]. Утверждению новой парадигмы сопутствовала смена теоцентричной идеологии общества на антропоцентричную, доминирующий характер которой становится очевидным начиная с периода Нового времени. Человек чувствует себя царем природы и демиургом объективной реальности. Вследствие этого незыблемые в период господства «парадигмы Зависимости» общечеловеческие ценности и этические представления первоначально подвергаются корректировке (например, в областях «человек–природа», «человек–религия»), а затем либерализации. Постепенно утверждается мысль, что «лучшее общественное устройство — это то, которое не мешает, а в идеале и помогает человеку получать максимум удовольствий в его жизни»[3]. Итогом этих процессов становится снижение требований к нормам общественной морали и нравственности, что, в свою очередь, оказало влияние на процессы индивидуализации и обособления членов социума, продвижение идей гедонизма, трансформацию модели семьи, межличностных и межгенденых отношений и формированию нового комплекса морально-нравственных воззрений, известных в отечественном социальном дискурсе как «новая этика».

Ряд исследователей (Э. Россман, Л. М. Карпова и пр.) отмечают, что генезис термина связан с начавшимся в Германии на рубеже XIX–XX веков феминистическим движением Neue Ethik, выступавшим «за новое понимание любви во всех ее проявлениях, либерализацию сексуальности и эмансипацию женщин» с целью укрепления института семьи[4].

Отношение к новой этике в мире неоднозначно. В зарубежном медиапространстве она практически не обсуждается, а в российском — ассоциируется либо «с угрозой развращения со стороны Запада», либо «с угрозой свободе личности»[5].

Так что же лежит в основе «старой» и «новой» этических систем? Рассмотрим сравнительную характеристику базовых этических норм и морально-нравственных ценностей. Этика как система правил, регулирующая поведение человека и дающая ответ на вопрос: «Как следует правильно жить?»[6], появилась в период господства «мировоззренческой парадигмы Зависимости» и опиралась на систему ценностей, сформулированных человечеством в течение длительного исторического периода развития. Это и религиозные заповеди (не убий, не укради, не возжелай); и ограничения (не ложись с мужчиной как с женщиной); и правила нравственности (поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой); и представления о добре/зле, справедливости/несправедливости действий и поступков; и воззрения, регулирующие поведение человека в период исполнения разных социальных ролей, базирующиеся на таких понятиях, как вежливость, тактичность, чуткость, уважение, скромность, честность, правдивость, справедливость и др.

Как уже было отмечено ранее, понятие «новая этика» и точки зрения на его трактовку и содержание дискуссионны. В отечественном дискурсе существуют следующие трактовки: «понятие, которое родилось от некоторой безысходности», «гласность относительно проблем, которые связаны со злоупотреблением властью, сексуальностью, гендерными отношениями, разными формами уязвимости и неравенства в институциональных взаимодействиях», «комплекс проблем, который обсуждается, на самом деле не такой уж и новый… описывает ряд изменений в российском и международном обществе, которые касаются социокультурных норм в измерении гендерных взаимодействий, отношений к разным социальным группам, часто обозначаемым как сексуальные, религиозные, этнические „меньшинства"», «новый, неоформленный и не закрепленный ни в общественном мнении, ни тем более в законодательстве свод правил и норм этикета, которые явочным порядком отвоевывают себе право на существование. Они формируются через громкие скандалы и тихие истории с определенным разоблачением поступков,

[1] Проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры, доктор исторических наук, доцент. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч.: «История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательной формы культуры (вторая половина XIX — начало XXI в.)», «Церковная археология как фактор формирования церковных музеев наглядных пособий», «Церковно-археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX — начале XX века», «Развитие музея как образовательной формы культуры», «От интерпретации до репрезентации: практикоориентированные аспекты теории музеологии», «Музей в контексте актуализационно-адаптационных процессов» и др. Член Императорского православного палестинского общества, председатель Общественного совета при Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая».

[2] Мировоззренческие парадигмы или эволюция сознания. URL: https://slava-arin.livejournal.com/3833.html.

[3] Там же.

[4] *Карпова Л. М.* «Новая этика» в контексте современной российской культуры: pro et contra // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-etika-v-kontekste-sovremennoy-rossiyskoy-kultury-pro-et-contra (дата обращения: 04.05.2022).

[5] Там же.

[6] *Шиповская Л. П.* Этика, ее предмет и роль в обществе // Сервис+. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-ee-predmet-i-rol-v-obschestve (дата обращения: 05.05.2022).

расценивающихся в силу обстоятельств как недопустимые» и др.[1]

Анализ публикаций и видеоисточников показал, что базис новой этики составляют всем давно известные ценности и нормы, например гуманизм, отказ от насилия и дискриминации, соблюдение социальной справедливости, уважение к другому, но при этом для нее также характерны самопрезентация и желание идеологической власти, акцентированное внимание на соблюдении границ личности и борьба за собственные привилегии, воспевание принципа толерантности, противопоставляемого оградительным нормам социума. Карающим инструментам за несоблюдение догм нового кодекса является анафема XXI века — «культура отмены».

Развитие «новой этики» проходит все классические стадии развития культурной формы: изменение социокультурной ситуации — появление новой культурной потребности — осознание обществом ее необходимости и формирование системы социальных экспектаций — актуализация потребности посредством поиска оптимальной формы ее удовлетворения — появление, адаптация и развитие культурной формы — утверждение культурной формы в статусе «культурной нормы»[2]. В случае с «новой этикой» в самом обобщенном виде это можно представить так: утверждение и развитие «мировоззренческой парадигмы Независимости» и формирование антропоцентричной морали — появление потребности в усовершенствовании норм общественной морали и нравственности для улучшения условий для самореализации и развития членов общества (в том числе и ранее угнетенных) — появление разного рода общественных движений, продвигающих новые этические нормы с целью получения признания, в том числе юридического, и привилегий — разработка, принятие, утверждение законов, защищающих права движений, доминирование новых норм над старыми. На первый взгляд складывается впечатление, что развитие «новой этики» никакой угрозы социуму не несет: уравнены в правах на получение социальных благ мужчины и женщины, представители разных этносов и конфессий; контролируются права детей, осуществляется охрана и забота о животных и пр. Но при этом ряд социальных реалий Запада, таких как движения феминисток, #MeToo, Black Lives Matter и другие, легализация ЛГБТ, признание законности однополых браков, вплоть до совершения обряда венчания, разрешение на усыновление однополыми семьями детей, ювенальная юстиция, заставляет задуматься об небезопасности для мирового порядка утверждения постулатов «новой этики» в статусе культурной нормы. Вполне закономерно возникают вопросы: вследствие чего происходит деградация общества; почему «благими намерениями вымощена дорога в ад»?

С точки зрения автора настоящего доклада, в основе деструктивных процессов лежит феномен толерантности. Этимологически термин происходит от латинского глагола tolero (терпеть) и английского tolerance (допускать). В современную культурологию термин «толерантность» пришел из медицины и означает «терпимость иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям»[3]. В российской культуре термин «толерантность» начиная с XIX и до конца XX века трактовался в соответствии с его этимологией, о чем свидетельствуют многочисленные энциклопедические словари этого периода. Иначе дело обстояло на Западе. В ноябре 1995 года резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО была утверждена Декларация принципов толерантности, трактующая, что «толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира», «каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими», «толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных актах в области прав человека»[4]. В качестве иллюстрации на практике претворения в жизнь принципов толерантности можно привести работу Аль Ратрут Сами «Толерантность в современном обществе», в которой он, сравнивая США и Россию и отмечая недостаточную толерантность россиян, утверждает: «В Соединенных Штатах, в свою очередь, толерантность набрала очень серьезные обороты и проникла во все сферы жизнедеятельности человека: поддержку обрели самые различные социальные группы, а также религиозные и секс-меньшинства. Несмотря на то что обе эти страны обладают чертой мультикультурализма и являются демократическими государствами, проявления толерантности и терпения имеют существенные отличия. В частности, принятие прав гомосексуалистов (в том числе разрешение однополых браков) в США является обычной практикой, в то время как в России права гомосексуалистов отрицаются, а сами представители ЛГБТ-сообщества преследуются законом»[5].

Роль толерантности в завоевании культуры подчеркивает пастор Скот Лайвли, доктор права и доктор теологии, американский активист и писатель[6]. Он выделил пять этапов утверждения «новой этики» в части признания ЛГБТ в США, отметив, что все начиналось с толерантности. На первом решалась стратегическая задача — добиться от общества высокого уровня толерантности и получить право «быть оставленным в покое». На втором этапе выдвигались требования о принятии и получении равноправия наряду с иными социальными группами. Третий этап был отмечен получением признания и продвижением ценностей ЛГБТ-сообщества в социуме. На четвертом этапе

[1] Открытый вопрос: гайд по миру «новой этики». URL: http://mmbook-hse.ru/books/41/.

[2] *Полякова Е. А.* Развитие музея как образовательной формы культуры // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2014. Т. 6, № 32. С. 129.

[3] Большая советская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/bse/%d0%a2%d0%be%d0%bb%d0%b5%d1%80%d0%b0%d0%bd%d1%82%d0%bd%d0%be%d1%81%d1%82%d1%8c.

[4] Декларация принципов толерантности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

[5] *Аль Ратрут Сами.* Толерантность в современном обществе // StudNet. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 03.05.2022).

[6] Содом : [видео] / реж. Аркадий Мамонтов. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P8yoql6JKjA.

началась фаза принудительного участия (организация гей-парадов, регистрация браков, усыновление детей). Текущий пятый этап — это этап наказания несогласных за нетолерантное поведение, их травля (культура отмены) и принятие юридических мер. В 2014 году Скот Лайвли отметил, что в странах бывшего СССР пока не чувствуют угрозу, поскольку процесс завоевания культуры находится на самом низком уровне — формирование толерантности общества[1] с целью формирования «пассивного принятия окружающей реальности, непротивление ей»[2].

С точки зрения автора, опасность первого этапа нельзя недооценивать, особенно учитывая то, что она формируется за счет ресурсов «мягкой силы» — культуры и искусства. В качестве примера можно привести формирование толерантности к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией средствами кинематографа. Постепенно среди героев фильмов и сериалов появлялись персонажи, которые первоначально вызывали неприятие и недоумение (Вова из фильма «Ты у меня одна», 1993), затем снисходительность (Сандру и Джефферсон из бразильского сериала «Новая жертва», 1997), затем зритель проникался симпатией к смешному, эмоциональному, эпатажному, но в целом доброму персонажу (модельер Милко их сериала «Не родись красивой», 2006; секретарь Вадик из фильма «Служебный роман. Наше время», 2011; кондитер Луи из сериала кухня «Кухня», 2012). Так всего за 20 лет был пройден путь от негативного восприятия до равнодушного, а затем и терпимого отношения к представителям некогда неприемлемых для России сообществ, и, как следствие, открытие клубов, публичная демонстрация отношений, подчеркивание принадлежности к сообществу — все то, что, по сути, характерно для второго этапа (требования о принятии и получении равноправия).

Подводя итоги вышеизложенного, можно констатировать, что на появление «новой этики» повлияли смена мировоззренческих парадигм и утверждение в обществе антропоцентричной морали. Декларируемые сторонниками «новой этики» не новые для человечества этические нормы затмевают существующие угрозы, связанные с утверждением в статусе «культурной нормы» деструктивных социальных явлений. Ключевую роль в этом процессе играет формируемая, в том числе и за счет ресурсов «мягкой силы», толерантность. Вследствие этого стратегической задачей любого государства является ориентация на противодействие социокультурным угрозам, продвижение и сохранение традиционных ценностей человечества и создание безопасных условий дальнейшего устойчивого развития нации.

Е. С. Протанская[3]

СТРАТЕГИИ ОБНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕГО ВЕКТОРА ЦЕННОСТЕЙ

Система ценностей общества рассматривается в социологии, философии и конкретно в этике как совокупный итог его развития. В этой связи показательны опросы населения, проводившиеся начиная с 1980-х годов под общим названием «Всемирный обзор ценностей» с периодичностью 5 лет в период с 1981 по 2014 год, в которых участвовали тысячи респондентов из 97 стран всех континентов, охватывающих в совокупности около 90 % населения Земли. С 1990 года проектом руководил один из разработчиков вопросника — профессор Мичиганского университета (США) Р. Инглхарт[4], автор концепции постматериализма. «Всемирный обзор ценностей» выявил в качестве ключевой ценности для людей современного мира ценность *доверия*. Сравнение опубликованных результатов обзора в РФ и странах Северо-Восточной Азии (Китае, Южной Корее, Японии) показывает, что уровень доверия за все время достигает 60 % только в Китае (к 2012 г.). В Японии он также относительно стабилен, в среднем 38 %, а в Южной Корее плавно снижается с 34 до 26 % последние 30 лет. В РФ в период перестройки с 1990 по 1995 год индекс доверия снизился с 35 до 23 %, а с 2000 по 2011 год вырос с 23 до 28 %[5]. Инглхарт отмечает влияние экономического роста на продолжительность жизни населения, а также на нарастание психологического стресса, а на определенном этапе он стимулирует людей не столько к максимальной экономике роста, сколько к максимальному качеству жизни. А результатом достижения относительной безопасности жизни становится повышение ценности *саморазвития и самовыражения*[6].

Конечно, сегодня нельзя говорить о традиционных ценностях человечества, *не расшифровывая* это по-

[1] Содом : [видео].

[2] *Аль Ратрут Сами.* Указ. соч.

[3] Профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 195 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Профессиональная этика. Моральная пропедевтика делового поведения», «Профессиональная этика психолога», «Этнокалендарь России: перспективы распространения опыта Санкт-Петербурга», «Биоэтика» (ред. и соавт.), «Феномен Антона Макаренко в культуре XX века. К 130-летию со дня рождения», «Культура и этика профессиональной деятельности: история и современность» (в соавт.) и др. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», грамотами губернатора Санкт-Петербурга, Благодарностью Президента РФ.

[4] https://publications.hse.ru/articles/360763955 (дата обращения: 01.05.2022).

[5] *Левшин С. В.* Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея) по данным «Всемирного обзора ценностей». URL: http://www.cyberleninka.ru/article/n/analiz-tsennostey-rossii-i-stran-severo-vostochnoy-azii-kitaya-yaponii-yuzhnoy-korei-po-dannym-vsemirnogo-obzora-tsennostey (дата обращения: 01.05.2022).

[6] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности изменяющегося общества. URL: http://www. sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm (дата обращения: 01.05.2022).

нятие. Все так называемые *общечеловеческие ценности — семья, дети, отношения полов, феминизм и маскулизм, уважение старших, этноидентичность* — в разной степени *актуально переосмысляются в неоднозначных контекстах*. В зависимости от уровня экономики в разных культурах испытывает *кризис ценность патернализма* и связанные с ней *общинность, соборность, коллективизм*, которые переосмысляются на фоне утверждения и фактического *признания ценностей индивидуализма*. *Патернализм* ощущается повсеместно, в особенности в поколениях молодежи и людей среднего возраста, в любой сфере — будь то медицина, образование, правовые, семейные отношения — *как неприемлемый принцип взаимоотношений*, когда кто-либо полагает, что имеет право что-то решать за другого, делать за него выбор его будущего как старший по возрасту, как родитель, врач или руководитель, который «лучше знает»… Социологами отмечается расширение спектра прав и свобод, отказ от различных вариантов вертикальных отношений, предпочтение во всех случаях в качестве альтернатив диалога на равных. Характерно высказывание одного из ярких экономистов и политиков, лидера реформ 1990-х годов Е. Гайдара, связавшего путь России в будущее с отказом от патерналистской политической доктрины советизма: «…недалек уже тот день, когда абсолютное большинство россиян поймут, что государство — не отец и не родственник вовсе, а наемный работник, которому мы платим налоги за то, что он управляет некоторыми нашими общими делами. И не более того»[1].

Востребованность творчества, обновления в условиях рынка, глобализационные процессы, навязывающие стандарты качества товаров, услуг, комфорта, самореализации и личного благополучия, актуализируют вопросы *культурной идентичности*, которая даже в корневых основаниях — *идентичности религиозной, языковой* — являет *множественность возможностей* и сочетаний. Так в христианской традиции различия ветвей ортодоксальной греческой, сербской, армянской апостольской церквей ярко проявляются в акцентах празднования основных событий, то же проявляется и в католической, и в многообразии церквей протестантского направления. Наиболее распространенный в межнациональном общении английский язык в британском и американском вариантах дает множество несовпадений, не говоря уже об отмеченном Б. Шоу (пьеса «Пигмалион») многообразии диалектизмов одного только Лондона. Однако благодаря распространению интернет-технологий англосаксонская лексика расширяет число носителей и становится *инструментом влияния*, в то время как русский язык, хотя и занимает 3-е место по объему контента в Сети, свои позиции, к сожалению, утрачивает.

При этом сама множественность языков, обычаев, культур признается ценностью, нуждающейся в сохранении, и рассматривается как необходимое условие развития цивилизации так же, как и биологическое разнообразие видов в природе.

При *отсутствии* условий для сохранения *этнической аутентичности* для какой-либо культуры в любой точке земного шара особое значение придается именно *ценности влияния*. Одним из основных *инструментов* объединения, информирования, а наряду с этим и *влияния* стала Сеть (Всемирная паутина). Интернет за весьма короткий срок реализовал *глобальные демократические перемены* в социуме, предоставив возможности контактов всех со всеми. Благодаря Сети не только общество воздействует на личность, но и *личность может влиять* на общество, как это происходит не только с политиками, но даже и с детьми, подростками, чьи призывы, высказывания становятся достоянием миллионов людей, влияют на их взгляды… В Сети без границ человек обрел небывалую прежде свободу в своих контактах, высказываниях, а наряду с этим и *уязвимость*: в виртуальном пространстве каждый оказался на виду у всех, что повысило ответственность за частные мнения, а иным политикам, артистам они стоили серьезных потерь в рейтингах и даже карьеры.

Множественность идентичности и реализация потребности в оказании *влияния* наиболее убедительно отражаются именно в цифровой среде, создающей возможности как проявления индивидуализма, так и разжигания массовых страстей, создания потоков мнений, разобщающих общество, *сеющих рознь*. Благодаря Сети, предоставляющей все виды информации, товаров и услуг, сформировался тип потребителя, принимающего решения в первую очередь на основе виртуальной информации, ориентирующегося в ней, доверяющего определенным платформам, сайтам, чья *идентификация становится целью специальных сетевых программ* как *отслеживающих* его интересы, стремления и вкусы, так и *влияющих* на его рефлексию и самореализацию им своей индивидуальности. Отмечая возрастающую роль виртуализации, медийную насыщенность культуры, философ А. С. Лаптенок отмечает потерю четкой иерархии ценностей, изменение паттернов поведения, что фактически приводит к *исчезновению понятия нормы*[2].

Наряду с этим именно Сеть обнаружила актуальность *ценности доверия* к размещенной в ней информации. В этой связи неслучайно была принята «Большой восьмеркой» (G8) подписанная в 2000 году Окинавская хартия глобального информационного общества[3] с 19 позициями по его развитию. В Хартии ставятся задачи преодоления отставания в цифровых технологиях, обеспечения *глобального доступа* и всеобщего участия в этом процессе, инвестирования в людей, активное использование ИТ в государственном секторе… А также создания недискриминационной и предсказуемой политики и нормативной базы для укрепления *делового и потребительского доверия*, в том числе к электронным рынкам, поддержки таких инициатив, «как кодексы поведения, маркировка, другие программы подтверждения надежности».

Влияние Сети на ценности культуры отдельных наций и стран, безусловно, проявилось в прогрессе *об-*

[1] *Гайдар Е. Т.* У реформаторов вновь появился шанс // Гайдар Е. Т. Собр. соч. : в 15 т. Т. 8. URL: https://www.iep.ru/ru/publikatcii/publication/ 6559.html (дата обращения: 01.05.2022).

[2] *Лаптенок А. С.* Мораль в информационном обществе: верность традиции или новые парадигмы? // Дискурсы этики. 2013. № 5. С. 18–21.

[3] http://www.kremlin.ru/supplement/3170.

разования, ставшем условием повышения *ценности человеческого капитала*. В современном мире именно образование — основа культуры личности и критерий развития народа, нации.

В российской истории все переломные эпохи в той или иной степени связаны с реформами в образовании — и проведенные в правление Петра I, Екатерины II, Александра II, и внесенные революцией 1917-го и перестройкой 1990-х. Ценность науки, образования, предлагаемая властью, принималась как благо. Благодаря реформам росло число грамотных и образованных людей, повышалась в народе ценность знания, стимулировались рост экономики и благополучия. В периоды утраты *ценностных ориентиров именно образование оставалось* краеугольным камнем новой эпохи. Так, декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», принятый 26 декабря 1919 года после, казалось бы, невосполнимого урона, нанесенного народам России, ее экономике, науке и культуре революцией 1917 года, Гражданской войной, и обязывавший граждан от 8 до 50 лет обучаться грамоте (по желанию — на родном или русском языке), в народной массе, уставшей от выстрелов, пожаров и грабежей, был воспринят с энтузиазмом. Победив «разруху в головах», образование масс создало новую прослойку образованных профессионалов, ученых, конструкторов, которые и подняли страну из руин, заставили иноземцев ее уважать… Важным аргументом межнационального мира и *влияния русской культуры* было не только просветительство, труд лингвистов, создавших в короткие сроки 50 вариантов письменных языков для народов СССР[1], но и труд многих русских интеллигентов, открывавших в азиатских и северных республиках школы и университеты, заводы и фабрики, помогавших в становлении систем образования.

Подобную *роль сохранения национальных ценностей* в годы перестройки сыграли реформы и развитие образования в РФ, когда развал СССР, разрушение экономических связей, остановка предприятий, гиперинфляция, разгул криминала, массовая безработица обрушили систему ценностей социалистического общества: на смену коллективизму пришла частная инициатива, покупка и продажа валюты стали не только законны, но и актуальны для всех, позорное «спекулянт» заменено почетным «предприниматель», когда обстоятельства вынудили миллионы граждан менять профессию, переучиваться, осваивать основы предпринимательства, бухгалтерии. Именно востребованность образовательных услуг в значительной степени предотвратила возможность развития кровавого сценария перестройки государства, его экономики и ценностных оснований, переключив внимание масс на открывшиеся возможности лицензирования новых программ, частные образовательные услуги, популярные экономические, юридические, психологические факультеты в каждом втором вузе, курсы иностранных языков, тренинги личностного роста и принятия решений.

Образованное общество как национальная идея в Японии и Южной Корее, в странах Европы, а также в России сегодня — это путь к национальному процветанию. Обращаясь к вопросу о стратегии обновления в современном мире и перспективах общего вектора ценностей, можно предположить, что им станет сотрудничество в системе образования и науки, отражающее многообразие технологических, культурных достижений народов мира, не имеющее национальности и границ и наряду с этим являющееся локомотивом развития и поиска общечеловеческих ценностей, а для России — еще и дополнительной возможностью в распространении русского языка и русской культуры.

В. Н. Пунченко[2]

О ДИНАМИКЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (По материалам исследований, проводимых в Республике Беларусь)

Текущая геополитическая ситуация ставит мир на порог глобального переустройства, следствием которого становится демонтаж всех сдерживающих механизмов — в первую очередь ценностей, норм, традиций. Целенаправленной и системной деятельностью предстают попытки переоценки и «обнуления» исторического и культурного наследия целых поколений и даже наций, искусственного противопоставления «демократических» и «традиционных» ценностей.

Характерной деструктивной политтехнологией в глобальном масштабе сегодня выступает стремление изъять из среды человеческого обитания все то, что способно нести, по выражению академика Д. С. Лихачева, «примиряющую роль культуры»[3], снимая тем самым барьеры враждебности в мире.

В то же время переломным эпохам свойствен рост гражданского самосознания, интереса к собственной истории и культуре, идейно-мировоззренческим и духовным истокам. Общество все чаще задает ключевые вопросы: что мы строим; куда мы идем; где наше место в современном турбулентном мире; какие ценности нас

[1] См.: https://istoriki.su/istoricheskie-temy/mir_i_sovetski_soyuz_v_20-ye_gody/mir_sov_union_20g_publitsistika/1120-lingvisticheskoe-stroitelstvo-v-sssr-kak-bespismennye-narody-poluchali-alfavit.html (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск). Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Информационный фактор в гибридных войнах», «Политическая активность молодежи в Республике Беларусь: нормативные аспекты», «Деструктивная политическая активность молодежи в Республике Беларусь (политико-правовой аспект)», «Трансформация ценностных ориентиров молодежи под влиянием информационных технологий», «От фейков к глубоким фейкам: высокотехнологичный цифровой обман. Правовые и организационно-технические аспекты противодействия» (в соавт.) и др. Награжден благодарностью Президента Республики Беларусь.

[3] *Лихачев Д. С.* Великая культура примирительна по своей сути // Гуманитарная культура как фактор преобразования России : Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 мая 1997 г. / отв. ред. В. Е. Триодин. СПб. : СПбГУП, 1997.

объединяют? Для государства это исторический шанс не только ответить на запрос граждан, но и вовлечь их в формирование и воплощение образа будущего, основанного в том числе на их представлениях и ожиданиях.

Последние десятилетия вопрос ценностей все чаще затрагивается в проблемном аспекте. Причиной этого выступает целый ряд новых *условий и вызовов*, с которыми приходится сталкиваться не только Республике Беларусь, но и всему мировому сообществу. Обострение вызовов, в свою очередь, требует объективного и беспристрастного анализа (диагностики) *актуальных трендов* в сфере ценностей, определения и при необходимости корректировки определяющих *установок и принципов* выстраивания государственной политики во взаимодействии с обществом.

Условия и вызовы. Глобальной мировой тенденцией последних десятилетий и серьезным вызовом для многих стран является «вестернизация», постепенное поглощение западной массовой культурой национальных особенностей, насильственное изменение социальных связей и структуры общества, стирание границ допустимого и неприемлемого, следствием которого выступает общий кризис идентичности.

Если посмотреть на географическую карту, то видно, что Беларусь находится на границе «двух миров», цивилизаций. Поэтому нас всегда и во все времена пытались изменить, переделать, переподчинить, наконец, завоевать.

Арсенал инструментов воздействия на сознание и установки людей широк. Это апелляции к эмоциям, нагнетание чувства неудовлетворенности, страхов и депрессивных настроений, игра на амбициях и запросах людей. Их цель — ослабление «армирующих» основ любого общества: подрыв доверия к основным государственным и социальным институтам, «размывание» ценностного ядра общества (например, отказ от национальных традиций, перекодирование семейных ценностей и т. д.).

Отдельным направлением становятся проявления деформации исторической памяти как результата умышленного и целенаправленного искажения истории, навязывания новомодных смыслов и интерпретаций, искусственной политизации ключевых событий и дат. В тематику исторической политики Республика Беларусь вступила вынужденно, в силу объективных обстоятельств, обусловленных главным образом процессами, происходящими в странах-соседях. Польша, Литва, Латвия, Украина в конце 1990-х — начале 2000-х годов начали активно искать «виновников» своих внутри- и внешнеполитических неудач в «советском» прошлом.

Особый вред для ценностной основы государства и общества имеет вовлечение в экстремистскую деятельность молодежи — лиц в возрасте от 14 лет до 31 года. Как свидетельствует мировой исторический опыт, зачастую именно молодежь выступает носителем деструктивных политических идей, основным актором структурных революционных преобразований и главным реципиентом влияния как внутренних, так и внешних общественно-политических сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки в конкретном государстве или регионе. Беларусь в этом смысле не является исключением, подтверждением чего служит наблюдавшаяся в течение 2000–2020 годов планомерная переориентация работы специализирующихся на «демократизации» Беларуси иностранных некоммерческих организаций и фондов на поддержку альтернативного молодежного движения с целью его радикализации и изменения общественно-политических ориентиров белорусов с течением времени (естественное саморазрушение идейных основ нации).

Кроме того, актуальные тенденции в социальных сетях свидетельствуют о внедрении более тонких, непрямых способов формирования ценностной «вкусовой палитры» молодежи, в том числе основанных на технологиях искусственного интеллекта. В данном направлении, в частности, используются возможности социальной сети TikTok, располагающей мощным инструментарием воздействия на сознание и поведение пользователей, открывая широкие возможности управления массами.

В целом белорусы не драматизируют новые вызовы и нападки на ценности, воспринимая их, с одной стороны, как геополитическую судьбу, а с другой — как стимул всегда быть в тонусе, бороться за ценностную идентичность.

Актуальные тренды. На сегодняшний день белорусы сохраняют устойчивость и цельность ценностного фундамента. Его основой является благополучие страны, семьи, душевный комфорт, стремление обеспечить своим детям и внукам более высокие стандарты жизни. Обществом отторгаются разрушение семейных ценностей, конфликт поколений, навязывание любых чуждых норм и моделей поведения. Это выступает «опорной точкой» в развитии социальной, информационной и правовой политики государства.

Главными ценностями белорусского общества, которые разделяет практически все население, являются мир, безопасность, свобода (в том числе от навязываемых идеологем), справедливость. Общими предпосылками их формирования выступают предшествовавший современному периоду исторический путь белорусского народа (пребывание в составе поликультурных и поликонфессиональных государств).

К основным тенденциям в ценностной картине мира современного белорусского общества можно соответственно отнести: важность самоидентификации («главное — считать себя белорусом»), преобладание территориальной и гражданской идентичности над этнической и религиозной, высокий консолидирующий потенциал культуры. Главным символом национально-государственной идентичности белорусы называют объекты культурного наследия страны (дворцы и замки, Слуцкие пояса, Беловежская пуща и т. д.). При этом предметом национальной гордости современных белорусов, помимо вклада белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне, выступает культурное наследие белорусского Возрождения (Ф. Скорина, М. Гусовский) и второй половины XIX — начала XX века (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович).

В контексте исторической памяти белорусам свойственно спокойное, без отторжения или сакрализации какого-либо из этапов восприятие исторического прошлого через призму Великой Победы. Большинство участников опросов считают, что решающий вклад в Победу над нацизмом внес СССР, а пропаганда фашизма должна преследоваться по закону[1].

Значимым фактором, задающим тренд развития ценностных ориентиров общества, является изменение демографического профиля страны: «уходит» значительная часть поколения носителей советских ценностей, в активную социальную и политическую жизнь вступают настоящее «перестроечное» и «постсоветское» поколения. Выступая субъектом отношений, молодежь одновременно становится и объектом воздействия зарубежных деструктивных сил, стремящихся через изменение сознания и моделей поведения молодежи ослаблять устойчивость национальных интересов Республики Беларусь, посягать на ее конституционный строй, национальную идентичность.

В числе проявившихся к настоящему времени трендов можно выделить, с одной стороны, повышение значимости индивидуализма, свободы и инициативы для молодых людей, с другой — стремление освободиться от оков традиций и обычаев, менее ответственное отношение к институтам государства, религии, семьи. Социологические исследования подтверждают наличие предпосылок к ускорению ценностного разрыва поколений под влиянием стремительного развития информационных технологий. Так, современной белорусской молодежи свойствен индивидуализм (около 60 %), а не коллективизм (около 30 %). Ради обеспечения условий успешной жизни молодежь готова много трудиться, проявлять личную инициативу. Результаты исследований свидетельствуют о различиях в восприятии поколениями патриотизма. В частности, если для лиц старшего возраста патриотизм в большей степени ассоциируется с понятием «преданность» и готовностью к самоотверженной защите Родины, то для молодежи это прежде всего любовь к своей стране, ее истории, культуре, языку (39 %) и активная деятельность во благо страны (33 %). На фоне старшего поколения молодежь проявляет бóльшую терпимость к инакомыслию, толерантное отношение к инаковости окружающих (национальной, культурной, особенностям здоровья и т. п.)[2]. В целом взаимовлияние реального и сетевого пространства позволяет совершенствовать инструменты и технологии информационного воздействия на молодежь, стимулируя формирование у нее позитивных ценностных установок.

Установки и принципы. Моделируя эволюцию *ценностной матрицы* общества, можно с высокой вероятностью предположить повышение значимости социальной справедливости и равенства возможностей, эффективности государственного управления. Наряду с этим для белорусов важна ценность традиционных форм семейно-брачных отношений (значима для более 85 % белорусов)[3]. Данный аспект, как и многие иные направления, связанные с идентичностью (сохранение национальной самобытности, культурных и духовных традиций), нашел отражение в обновленной Конституции Республики Беларусь[4].

При формулировании принципов развития *социально-правовой идентичности* в социально-правовом ракурсе представляется важным базироваться не только на универсальных подходах верховенства права и демократии, но прежде всего на ценностях и установках, отвечающих национальным интересам. Для белорусов такими ценностями видятся *незыблемость основ конституционного строя*, *баланс интересов личности и государства*, *уважение и доверие к легитимной власти, созидательность, жертвенность, приоритет национальных интересов над частными, справедливость, неприятие давления извне*. При этом во многом абстрактный и девальвированный принцип «демократии» вполне может быть реанимирован через развитие и воплощение в жизнь идеи *«народовластия»*, наиболее отчетливо отражающей сущность выстраиваемой как в Республике Беларусь, так и, возможно, в России общественно-политической модели будущего.

Ключевыми направлениями укрепления *исторической памяти* видятся следующие позиции: совместная разработка государством и заинтересованными организациями адекватных мер защиты от информационного давления и *противодействия фальсификации истории*, признание и *осуждение на международном уровне геноцида белорусского народа* в годы Великой Отечественной войны, *популяризация научных знаний*, доведение достижений исторической науки до широкой аудитории.

В качестве основных принципов государственной *молодежной политики*, способствующих укреплению межпоколенческих ценностных связей, на современном этапе видятся следующие: *самореализация* — как создание государством благоприятных условий для развития и раскрытия талантов молодого поколения, *открытость* — как отторжение фальши, имитации, формального подхода в работе с молодежью, *коммуникация* — как постоянная обратная связь и взаимодействие, *преемственность* — как устойчивая система передачи опыта от старшего поколения к младшему, *патриотизм* — как любовь к Родине, самоотверженность, *сопричастность* — как формирование востребованности и высокой мотивации молодежи в построении будущего своей страны.

[1] Республиканский социологический опрос «Историческое прошлое в оценках общественного мнения населения Республики Беларусь», проведен с 5 по 30 августа 2021 года Институтом социологии НАН Беларуси по заказу БИСИ, опрашивалось население Беларуси в возрасте от 18 лет и старше. Общий объем выборки составил 1304 респондента.

[2] Республиканский социологический опрос проведен по заказу БИСИ Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ в ноябре 2021 года. Метод анкетирования — выборка многоступенчатая, стратифицированная, случайная. Репрезентирует население Республики Беларусь в возрасте 14–17 лет по полу, возрасту, месту проживания (2 тыс. респондентов).

[3] Республиканский социологический опрос проведен по заказу БИСИ Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ в апреле 2022 года. Метод анкетирования — выборка многоступенчатая, стратифицированная по региону и типу населенного пункта с контролем квот по полу и возрасту (1,5 тыс. респондентов).

[4] Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2022.

А. С. Радченко[1]

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ

Известно, что различные виды двигательной активности определяют физическую и творческую работоспособность человека на многие годы, поэтому поддержание физического и ментального здоровья как базовой ценности человечества является одним из основных стимулов для занятий физическими упражнениями. В то же время происходит снижение общей двигательной нагрузки на человека в юношеском и молодом возрасте: игры из дворового пространства переместились в виртуальное, пешая ходьба заменена поездками на транспорте, домашний труд облегчили бытовые приборы. Приходится признать: как ни парадоксально, значительную роль в процессе снижения двигательной нагрузки играют технические достижения человечества, особенно — тотальная компьютеризация во всех сферах деятельности.

Неблагоприятные последствия усиливающейся гиподинамии фиксируются и на уровне динамики травматизма среди студентов. Так, данные СПбГУП указывают на негативную тенденцию: если в 1990-е годы травмы были довольно редки (5–7 за учебный год), при этом они обычно происходили на факультете искусств у хореографов, то в настоящий момент травматизация составляет около 70 случаев в год. При этом, хотя на факультет искусств приходится значительное количество от общего числа травм (около 40 %), общий баланс уже другой, и в сумме физические повреждения у студентов остальных факультетов превосходят уровень травматизации на факультете искусств. Такая ситуация свидетельствует о том, что у студентов не сформированы в должной мере скорость реакции, координация движений, ощущение пространства и т. д. В связи с этим в современную образовательную программу вуза необходимо включать не только дополнительные организационные и агитационные меры, активизирующие занятия физическими упражнениями и спортом среди молодежи, но и некоторые финансовые затраты на внедрение современных технологий в области физической культуры и спорта, способствующие компенсации указанных негативных тенденций.

Двигательная активность человека — основа стабильности работы мозга в процессе всей жизни. Последние обзоры биологических исследований убедительно подтверждают широко распространенное мнение, что увлечение регулярными физическими упражнениями различных форм или любительские и даже профессиональные занятия спортом вызывают в организме адаптивные изменения, которые обеспечивают в процессе жизни его более длительную физическую и творческую активность.

Большая часть аудитории, которая интересуется вопросами собственного здоровья, знает, что обсуждаемая закономерность проявляется прежде всего в усовершенствовании функций сердечно-сосудистой и дыхательной систем, улучшении работы мышц и всего опорно-двигательного аппарата. При этом изменения в нейрогуморальной и вегетативной регуляции многих функций организма, произошедшие в результате занятий физическими упражнениями, обеспечивают человеку более успешное осуществление его специфической трудовой деятельности, будь то работа, требующая периодического физического напряжения с различной интенсивностью, или деятельность с частой и (или) длительной мобилизацией интеллектуальных, творческих способностей. Об усовершенствовании функций центральной нервной системы (ЦНС), которая осуществляет высшую нервную деятельность, обычно не вспоминают.

В одной из своих работ[2] мы попытались проанализировать опубликованные в специальной периодической литературе материалы по вопросу взаимодействия между регуляцией сердечной деятельности и состоянием структур различных отделов головного мозга у пожилых людей, в прошлом профессионально занимавшихся длительное время циклическими видами спорта на выносливость. Данные многих исследований предоставили возможность сделать выводы о том, что систематически выполняемая человеком в течение большой части жизни циклическая мышечная аэробная работа оказывает благоприятное воздействие на головной мозг. Так, регуляция деятельности сердца — усовершенствование желудочково-артериального сопряжения — улучшает перфузию головного мозга и создает функциональные преимущества в пожилом возрасте. При этом сдерживается угасание как серого, так и белого вещества, особенно в структурах, связанных со зрительным контролем и пространственной ориентацией, двигательным контролем, состоянием памяти и возрастным ухудшением когнитивных функций по сравнению с людьми, ведущими малоподвижный образ жизни.

Многочисленные исследования показали, что значительная часть от общего огромного числа нейронов мозга человека (примерно две трети от общего количества) участвует в организации и управлении движениями. По последним данным, более 80 % (!) серого вещества подвержено благоприятным изменениям в результате регулярных занятий физическими упражнениями[3]. Авторы названного обзора проанализировали множе-

[1] Заместитель заведующего кафедрой физического воспитания СПбГУП, доктор биологических наук, профессор, мастер спорта СССР по легкой атлетике. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Эффективность гипоксических тренировок в подготовке ребистов любительских команд» (в соавт.), «Нормобарическая гипоксия как фактор оздоровления организма человека» (в соавт.), «Адаптивные перестроения в головном мозге человека в результате длительного занятия физическими упражнениями», «Современные средства ежедневного контроля физической активности человека» (в соавт.), «Проблема оценки адекватности мышечной работы функциональному состоянию организма человека» (в соавт.) и др.

[2] *Радченко А. С., Давыдов В. В., Калиниченко А. Н.* Многолетняя циклическая аэробная тренировка сохраняет здоровье мозга человека в пожилом возрасте (краткий обзор иностранной литературы) // Российский медико-биологический вестник им. академика И. П. Павлова. 2016. Т. 24, № 4. С. 152–163.

[3] *Batouli S. A. H., Saba V.* At least eighty percent of brain grey matter is modifiable by physical activity: A review study // Behavioral brain research. 2017. Vol. 332. P. 205–217. DOI: 10.1016/j.bbr.2017.06.002.

ство работ, в которых изучались самые разнообразные виды двигательной активности человека. Структурные изменения мозга наблюдались не только после длительных занятий циклическими видами спорта, но и в результате занятий другими видами двигательной активности: дзюдо, дайвингом, баскетболом и иными спортивными играми, танцами, силовыми тренировками, жонглированием, аэробными упражнениями и др.

Авторы с особой тщательностью отобрали исследования, в которых для получения данных применялись современные технологии визуализации микрососудов мозга и нейронов его различных областей. В предпоследнем абзаце анализируемой статьи говорится о существовании доказательств того, что образ жизни, богатый психическими и физическими проблемами, помогает поддерживать когнитивное и общее здоровье пожилых людей и противодействует возрастному когнитивному дефициту. Физическая активность как специфический компонент образа жизни продемонстрировала улучшение когнитивных способностей, замедление скорости когнитивного старения, сохранение мозговой ткани и улучшение резерва мозга для повышения устойчивости к нейродегенерации у пожилых лиц. Исследования показали, что быть физически более активным в подростковом и среднем возрасте полезно для когнитивных функций в зрелом возрасте.

Таким образом, изучение мозга современными медико-биологическими методами показывает значительные структурные и функциональные изменения в ЦНС, вызванные длительными занятиями различными физическими упражнениями.

Передовые достижения в области биологических наук открывают новые возможности в сохранении здоровья. Изучение биологических механизмов, которые реагируют на уровень кислорода в организме млекопитающих, способствовало пониманию множественных изменений в развитии нормы и патологии физиологических процессов у человека. В ходе многолетних исследований было показано, как на молекулярном уровне осуществляется поддержание гомеостаза кислорода в организме, как происходят перестроения при снижении концентрации кислорода во вдыхаемом воздухе (гипоксии) и в какой последовательности включается активация процессов, которые увеличивают доставку кислорода в клетки, — производство эритроцитов, рост микрососудов, регуляция сосудистого русла, изменение потребления кислорода тканями за счет перестроений клеточного метаболизма. Было продемонстрировано совершенствование систем транспорта и утилизации кислорода в организме человека, которые запускаются при гипоксии.

Эти исследования открывают новые возможности для разработки методов лечения большого спектра сердечно-сосудистых и легочных заболеваний, связанных с нехваткой кислорода в организме человека, а рассматриваемое направление исследований было признано одним из наиболее перспективных. Поэтому в 2016 году У. Кэлину, П. Рэтклиффу и Г. Семензе была присуждена Премия Альберта Ласкера в области фундаментальных медицинских исследований, а в 2019-м они стали лауреатами Нобелевской премии по физиологии и медицине[1].

Обратим особое внимание на то, что наиболее остро недостаток кислорода ощущает головной мозг. Имеются сотни работ, в которых рассматривается влияние гипоксии на ЦНС. Известно, что для поддержания оксигенации мозга диаметр его крупных артерий увеличивается по мере нарастания гипоксии. Скорость кровотока также повышается при одновременном его перераспределении в зависимости от активности той или иной области мозга. Установлено, что при регулярном применении гипоксии увеличиваются продолжительность жизни и активность экспериментальных животных. Регулярное использование умеренной гипоксии способствует улучшению когнитивных функций человека. Эти закономерности продемонстрированы посредством применения современных технологий визуализации перестроений церебрального кровотока при различной деятельности в условиях гипоксии.

Оздоровительное воздействие средне- и высокогорья на организм человека известно давно. Люди, постоянно проживающие в горной местности, живут дольше по сравнению с жителями равнины, меньше страдают от распространенных сердечно-сосудистых заболеваний, проявляют более высокую физическую работоспособность, с возрастом сохраняют физическую и творческую активность. Поэтому часть населения планеты с удовольствием и надеждой проводит свободное время на горных курортах, где в условиях умеренной естественной гипоксии занимается физическими упражнениями с целью поддержания высокого уровня физической и умственной работоспособности.

Использование среднегорья в спортивной подготовке целенаправленно применяется уже более полувека, с момента принятия решения о проведении очередных Олимпийских игр в Мехико на высоте более 2200 м над уровнем моря. Эмпирический подход тренеров постепенно сформировал методики тренировки в условиях естественной гипоксии. В настоящее время имеется огромное количество исследований, целями которых являются обоснование и совершенствование методов тренировки во многих видах спорта, а также способов оздоровительного воздействия гипоксии на организм человека.

Итак, имеется теоретическая и практическая основа для совершенствования двигательной активности человека в условиях естественной и, как далее выясняется, искусственной гипоксии.

Общественный запрос на применение гипоксии в спорте и физических упражнениях подтолкнул производителей к созданию нового типа прибора — гипоксикатора, который серийно выпускается многими компаниями и продается по ценам, сопоставимым со стоимостью спортивного велосипеда. Названный прибор

[1] Более подробно с достижениями в этой области знаний можно ознакомиться в следующих работах: *Hurst J. H.* William Kaelin, Peter Ratcliffe, and Gregg Semenza receive the 2016 Albert Lasker Basic Medical Research Award // The Journal of Clinical Investigation. 2016. Vol. 126 (10). P. 3628–3638. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5096796 ; Oxygen sensing and adaptability won the 2019 Nobel Prize in Physiology or medicine / Q. Zhang, Q. Yan, H. Yang [et al.] // Genes & Diseases. 2019. Vol. 6, № 4. P. 328–332. DOI: 10.1016/j.gendis.2019.10.006.

создает поток воздуха для дыхания с регулируемым процентным содержанием кислорода, соответствующим определенной высоте над уровнем моря. Таким образом, посредством дыхания гипоксической смесью можно симулировать пребывание на выбранной высоте до 6200 метров над уровнем моря. Любители горных восхождений и высокогорных курортов могут адаптировать свой организм к умеренной и жесткой высотной гипоксии, не выходя из дома. Можно также выполнять разнообразную мышечную работу на тренажерах в условиях гипоксии, усиливая тем самым тренирующий эффект упражнений. Многие известные спортсмены, олимпийские чемпионы в видах спорта на выносливость постоянно используют гипоксикаторы в своих тренировочных программах, чем значительно сокращают финансовые затраты на длительное дорогостоящее пребывание в горных тренировочных лагерях.

Напрашивается практический вывод о создании на кафедрах физвоспитания университетов передовых условий оздоровительной работы, то есть о включении гипоксической тренировки (ГТ) в процесс занятий по физическому воспитанию. Наиболее эффективно ГТ может быть использована, например, при занятиях скандинавской ходьбой, которая популярна в нашем Университете. Кроме того, ГТ полезна для оздоровления профессорско-преподавательского коллектива, состоящего преимущественно из лиц среднего, зрелого и пожилого возраста.

Еще одним важным технологическим достижением в современном спорте и занятиях физическими упражнениями является применение компьютерных программных систем оценки функционального состояния человека, которые стали доступны любому занимающемуся физическими упражнениями. Так, в покое и при выполнении физической работы непрерывная регистрация электрокардиосигнала компактным прибором, который крепится на теле человека, позволяет контролировать реакцию организма при мышечной работе. На основе физиологических показателей, вычисляемых по данным кардиоритма, можно контролировать изменения адаптированности организма к физическим нагрузкам и оценивать эффективность процесса тренировок.

Таким образом, кратко изложенные в данном докладе современные научные и технологические достижения в области биологии, физиологии спорта и физической активности, а также в области технологий, связанных с производством тренажеров, медицинской электроники и компьютерных программных систем, дают представление об открывающихся возможностях сохранения физического и ментального здоровья студентов и профессорско-преподавательского состава университетов.

А. П. Садохин[1]

СУБКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Одна из характерных особенностей современного человечества заключается в том, что цивилизации и культуры, имеющие различные политические, экономические и культурные интересы, постоянно ведут борьбу за рынки сбыта, расширение своего политического влияния и сохранение уникальности своей культуры. Для этого используются самые различные приемы и методы подавления конкурентов. Среди последних применяются введение экономических и политических санкций в отношении юридических и физических лиц конкурентов, секторальные санкции в отдельных сферах общественной жизни, кампании отказа от культурного и спортивного сотрудничества, сокращение дипломатических отношений и т. п. Такого рода методы и средства межгосударственных отношений получили название гибридной войны.

В этих условиях особенно актуальными становятся вопросы строительства устойчивого и безопасного мира путем установления нового типа миропорядка, который сегодня получил название «многополярный мир».

Вопросы устройства многополярного мира сегодня довольно часто обсуждаются на научных конференциях, международных политических конгрессах, в публичных выступлениях политических лидеров, в научных статьях и монографиях. При этом в них понятию «многополярность» часто придается самое разное содержание или смысл. Это означает, что теория многополярности в целостном виде еще не сформировалась.

В настоящее время термин «многополярный мир» чаще всего означает такую политическую модель устройства мира, в которой одновременно сосуществует несколько центров силы, равных по своим политическим, экономическим, военным и культурным возможностям, не стремящихся подчинить друг друга с помощью принудительных средств. Многополярный мир выступает как противоположность однополярного мира (один мировой центр силы) или биполярного мира (два противоположных мировых центра).

Анализ многочисленных исследований, посвященных многополярному миру, позволяет выделить несколько характерных черт многополярности.

[1] Главный редактор журнала «Культура и цивилизация», доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 117 научных публикаций, в т. ч.: «Политические ресурсы и инструменты местного национализма в современной России», «Ресурсы этнической идентичности в современной России», «Культурология в лабиринте современных образовательных императивов», «Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (На материале диалогов из Telegram)» (в соавт.), «Визуальный язык церемонии открытия XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов» (в соавт.), «Machine Learning Methods for Indicating Cultural Biases in Spoken Russian Language: Dominants and Tends of Modern Society» (в соавт.) и др.

1. Многополярный мир представляет собой противоположность однополярного мира, поскольку означает сосуществование нескольких независимых политических и экономических центров, определяющих глобальные процессы современности.

2. Эти центры самодостаточны в своем суверенитете и противостоят любым формам материальной или военной гегемонии со стороны других центров.

3. Эти центры полностью независимы в выборе своих политических и социокультурных ценностей и не признают гегемонию ценностей других центров.

4. Многополярность не признает двухполюсную модель мироустройства, поскольку исходит из того, что полюсов должно быть несколько.

5. Многополярность не допускает как отсутствия полярности, так и ее механического многообразия, поскольку не признает центром принятия решений планетарного масштаба ни США, ни Европейский союз, ни какой-либо другой центр силы.

6. Обязательным условием многополярности является отказ от принуждения к единым нормам устройства общества и принятия универсальных «правил» в устройстве и практической жизни составляющих ее центров.

7. И наконец, готовность каждого центра к равноправному полилогу с другими центрами для обмена опытом и знаниями, установления взаимного доверия и взаимопонимания.

Таким образом, модель многополярного мира представляет собой такую концепцию мироустройства, в которой исключается доминирование одного или двух государств над всеми другими, устраняется опасность новой мировой войны, создается механизм справедливой конкуренции между странами.

Вероятно, не вызовет возражений утверждение, что современные отношения между странами и народами носят стихийный характер, поскольку основываются на личных, этнических и государственных интересах, несовпадение которых служит причиной всех межгосударственных конфликтов и войн. Наличие военных конфликтов, противостояние политических группировок, несовместимых идеологических установок, противоборство на международной арене и другие факторы современности свидетельствуют о высокой степени разобщенности современного мира. Поэтому формирующаяся многополярная модель мироустройства настойчиво требует от человечества переоценки многих жизненных ценностей для предотвращения конфликтов и войн. Осознание этой необходимости закономерно породило различные идеи о более разумном мироустройстве, о том, как излечить человечество от пороков и сделать нашу планету общим домом.

Тщательный анализ современных проблем цивилизации приводит нас к выводу, что утверждение модели многополярного мира представляет собой сложный и многогранный процесс. Этот процесс потребует радикальных изменений всех аспектов международных отношений. Человечеству предстоит освободиться от эгоизма современных общественных отношений, от устаревших форм экономики, политики и культуры. В силу своей сложности он может растянуться не на один десяток лет или даже больше.

Все вышесказанное означает, что современному миру необходима новая парадигма сосуществования народов на основе создания планетарной общности. Для этого антропоцентрическую парадигму мироустройства, господствующую сегодня, должна сменить в будущем антропосферная парадигма, основывающаяся на стремлении исключить все причины неравенства и конфликтов на всей планете. Практической формой такой парадигмы может стать модель многополярного мира, ставящая своей целью создание всеобщего мира и процветания не отдельных государств, а всех народов планеты.

Утверждение новой парадигмы потребует радикальных преобразований основных институтов современной цивилизации, таких как принципы международных отношений, формы государственной власти, национального законодательства, прав человека и др. Главной целью этих изменений будет не обеспечение личных интересов отдельных людей, а достижение общего блага, в котором личные интересы не будут ограничены, они будут удовлетворяться через общие интересы.

Средством реализации целей новой модели мироустройства выступает культура, которая является основой всего современного мироздания. Данная роль культуры определяется тем обстоятельством, что именно она формирует человека как члена общества. Однако утверждение этой модели требует новых форм межкультурного диалога, основанного на взаимном равенстве национальных культур, на их культурной кооперации, а результатом новых форм взаимоотношений должна стать культурная общность планеты.

Очевидно, что для достижения этой цели предстоит долгий и сложный этап постепенного изживания эгоистической сущности современных общественных отношений. Необходимо будет согласовывать межрелигиозные, политические и культурные различия в деле построения единой человеческой общности. Но без этого формирование единой культурной общности в разрозненном и разобщенном конфликтами и войнами мире вряд ли возможно. Она может быть создана посредством духовной эволюции человека и изменения окружающей среды его обитания на основе единства общечеловеческих ценностей.

Современные глобальные конфликты и ситуации столкновения интересов сегодня традиционно принято решать преимущественно политическими средствами, но, как показывает практика, их эффективность оказывается очень низкой. Примером тому является деятельность ООН, которая уже на протяжении многих лет не может устранить существующие очаги конфликтов. Поэтому в настоящее время очевидна необходимость создания особого международного общественного института, который средствами политического, экономического и межкультурного диалога сможет обеспечить устойчивый мир и установить новый миропорядок в интересах всего человечества.

Т. Б. Сиднева[1]

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ: ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО И ДОПУСТИМОГО

Искусство, в разные эпохи его истории далекое от монолитности, в современной культуре утвердилось как сфера нерегламентированной свободы, все допускающей «демократии», как открытый путь создания новых «миров». Актуальное его состояние свидетельствует о беспрецедентной множественности и разнонаправленности эстетических парадигм, творческих тенденций и художественных языков. Обращенность к ближайшему и отдаленному прошлому художественного опыта соседствует с постпостмодернистским и метамодернистским переосмыслением самого феномена искусства, дигитальная цивилизация подвергает ревизии традиционные представления о его коммуникативных и когнитивных ресурсах. Социальное бытие искусства чутко отражает возросшую неоднородность, расчлененность общества и представляет широчайший спектр идеалов, ценностей, интересов и потребностей. Логика радикальной смены эстетических приоритетов привела к очевидным последствиям: раздвигается сфера допустимых смыслов, размываются границы искусства и не-искусства[2], художественная классика меняет формы своего существования под воздействием утраты сакрального смысла ценностей, проверенных веками. В этих условиях возникла устойчивая иллюзия того, что традиционные идеалы и ценности человечества, нравственные вопросы, которые ставило и обсуждало искусство прошлых эпох, будто бы отступили под натиском тотального артистического экспериментирования.

Проблема «искусство и нравственность» в последние десятилетия стала одной из самых непопулярных и неудобных для обсуждения — и в эстетике, и в искусствознании, и в арт-журналистике. В философии современного искусства возникли и прочно утвердились две популярные версии понимания проблемы отношения художественного и нравственного. Первая связана с убежденностью, что эта тема дидактична, элементарна и напрямую связана с реализмом, а также с теми видами искусства, которые транслируют нравственные смыслы в «формах жизни». Для второй характерно признание того, что нравственная проблематика связана с советской идеологией, концепцией соцреализма и в целом с морализмом, определяющим искусство как «путеводитель к подлинной нравственности» (Д. Дидро).

По логике упомянутых представлений классическому искусству, обращенному к высоким нравственным идеалам, нередко была уготована роль хрестоматии или музея (по принципу «чтобы помнили»), и оказались допустимы (и всемерно поощряемы) эксперименты по модернизации классики с целью ее осовременивания и «освежения». При этом сопутствующими модусами процесса стали ироническая игра и скептицизм.

«Соблазн чисто артистической морали» (Ж. Маритен), казалось бы, обозначил магистраль современного художественного опыта, а необходимая для творца искусства «обнаженная ответственность за пробуждение сознания» (Ж.-П. Сартр) нередко представляется избыточной для художественной элиты, истоком самоопределения которой некогда была способность жить во имя высоких идеалов истины, добра и красоты.

Однако в сложившихся условиях ревизии оснований искусства и переосмысления иерархии ценностей обнаруживается особая острота жизненно важных вопросов, требующих обсуждения. Должно ли современное искусство ставить задачу пробуждения в людях «чувств добрых» или эта задача локальна и малозначительна для раскрепощенного и многоликого пространства артистического опыта? Должно (и способно) ли искусство воспитывать или его воспитательная функция декларирована апологетами классической дидактики? Способствует ли свобода без границ и регламентов, апробированная в актуальных художественных проектах, формированию гуманистических принципов личности? Может ли нравственная зрелость личности стать результатом свободного «путешествия» в пространстве искусства? И, наконец, когда и каким образом при встрече с искусством в сознании человека пробуждается «вдохновение к моральному раздумью» (выражение В. В. Зеньковского)? В череде подобных вопросов (которые можно продолжать и далее) очевидно: метаморфозы, происходящие сегодня в искусстве, заново заставляют нас обратиться к проблемам, казалось бы, давно и навсегда решенным.

Как известно, нравственность существует в обществе как «фундамент духовного бытия человека, вектор личностной реализации в жизни, основной механизм регулирования межличностных отношений»[3], созданный по принципу «я-для-другого» (в определении М. Бахтина). Этическое утверждается в своем значении, по точному замечанию Н. Голик, «прежде всего

[1] Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 210 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика» и др.; статей: «Граница как пространство взаимодействия культур и ее значение для современной культурологии (в диалоге с М. С. Каганом)», «Когнитивный статус пограничья в музыкальном творчестве», «Граница классического и неклассического в мышлении С. Прокофьева», «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Взгляд со стороны: о границах понимания инонациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Главный редактор журнала «Актуальные проблемы высшего музыкального образования». Член Союза композиторов России, Российского культурологического общества. Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

[2] См. подробнее: *Сиднева Т. Б.* Категория границы в музыке: смена культурных парадигм : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01. СПб., 2014.

[3] *Сиднева Т. Б.* Диалектика границы в музыке. М. : ABCdezign, 2014. С. 59.

как опыт жизнестроения», «дизайн своей собственной жизни»[1].

В процессе самоопределения нравственности особое значение приобретает «мир человеческого поступка» (М. Бахтин), отражающий внутреннее понимание личностью социальных принципов и норм. Мир поступка преобладает по объему и значению, поскольку в нем доминируют эмоция и интуиция. Родство «мира человеческого поступка» с художественным мышлением — связь, обусловленная исходной эмоциональностью, образной конкретностью, личностным характером постижения нравственных истин. Именно об этом родстве писал Д. С. Лихачев, отмечая, что «литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни»[2].

В то же время нравственные смыслы, проникая в пространство художественного осмысления, не становятся более простыми и линейными. Сложность внутренней организации художественного произведения позволила разным ученым отнести его к сложнейшим «человекоразмерным» (термин В. С. Степина) квазиорганическим системам. Оно соединяет в себе чувственную конкретность и абстрактную понятийность, интегрирует эстетический, нравственный, философский, религиозный, научный, утилитарный смыслы. Художественному мышлению свойственна образно-символическая многомерность, фиксирующая связь чувственного и сверхчувственного, конкретно-образного и абстрактно-всеобщего, имманентного и трансцендентного. Нравственные идеи, поступки, эмоции в пространстве художественной целостности, обретая «архитектоническую упорядоченность в конкретном образе» (М. Бахтин), отличаются интенсивностью и насыщенностью, что обусловлено тяготением художников к экстраординарным, нравственно «трудным» ситуациям. Особенное значение это имеет в тех видах искусства и жанрово-стилевых парадигмах, которые предполагают воссоздание жизненных ситуаций, поведения и поступков человека.

В нефигуративной живописи, внесюжетной литературе, «абсолютной» музыке, хореографии и иных сферах искусства, где высока условность художественного языка, предметный аспект нравственности не обладает понятийной или эмпирической определенностью и доминирует трудно регламентируемая нравственная эмоция — со-чувствия, со-переживания, со-участия. Здесь открывается одна из причин ригорических обвинений в «имморализме» реалий «беспредметного» и внесюжетного искусства. Возможно, здесь же мы можем найти объяснение того, почему преодоление связи с реалиями действительного мира в художественном высказывании «отбросило» нравственные смыслы на периферию современных дискуссий об искусстве.

В радикальных трансформациях традиционного художественного опыта утверждается креативный потенциал личности, и в трансляции безграничных возможностей творчества нашей эпохе нет равных. В этом процессе одновременно открывается пространство свободы моральных чувств и переживаний. Вместе с тем в этом высвобождении есть и оборотная сторона. Человек, абсолютизирующий экспериментальный потенциал искусства, но не знающий «корневой» системы искусства и равнодушный к целостному освоению всей его истории, непременно оказывается в «тисках» вседозволенности, когда можно говорить что угодно и действовать как угодно. И свобода оборачивается зависимостью, универсализм — культурным провинциализмом. О подобной подмене и «неприученности жизнью» к свободе много писал Ф. Достоевский…

Д. С. Лихачев последовательно подчеркивал чрезвычайную важность понимания культуры как органически целостного явления, единой среды, в которой существуют общие процессы. По определению выдающегося ученого, культура — «сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо ее части»[3]. Искусство в этом пространстве не только чувствительный барометр общих тенденций, но прежде всего та сила, которая способна гармонизовать мир, объединить здоровые силы и преодолеть процессы нравственной деградации и опасность утраты гуманистических начал и человеческого достоинства. Но при каких условиях оно способно выполнять эту высокую миссию? Вероятно, только в русле взаимосвязанности элементов «сакрального поля» культуры.

Эксперименты с классикой возможны, метаморфозы канонического искусства допустимы. Но при важном условии: сохранения памяти об «источнике». Только тогда и возможна адекватная оценка самых смелых артистических экспериментов и радикальных «поворотов». Очевидно, что «без привычки постоянно соотносить явления литературы с классической мерой мы делаемся провинциальными»[4] — в смысле опасности смешения мелкого с существенным, сиюминутного с вечным.

Как универсальное и всепроникающее, нравственное измерение искусства не может быть точечным или фрагментарным. Одним из важнейших аспектов проблемы «искусство и нравственность» является вопрос об этической позиции художника. Острота вопроса обусловлена и особой чувствительностью художника к социальным процессам (характерны слова манновского персонажа, обращенные к композитору Леверкюну: «Все проклятие времени взваливаешь целиком на свои плечи»[5]), влиятельностью личности творца, от которого сегодня общество ждет честного слова и гражданской ответственности. Выдающийся российский композитор Сергей Слонимский, размышляя о «драгоценной свободе творчества», свободе созидательной мысли и новаторства, подчеркивал особую важность «свободы от слова неправого, несправедливого, недо-

[1] *Голик Н.* Этическое в культуре. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2002. С. 35.

[2] *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. Л. : Дет. лит., 1985. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf.

[3] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 381.

[4] *Элиот Т.* Что такое классик? // Нобелевские лауреаты по литературе. URL: http://noblit.ru/content/category/.

[5] *Манн Т.* Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом. М. : Республика, 1993. С. 199.

брого!»[1]. В этом многомерном суждении очевидно понимание того, что значимость позиции художника распространяется далеко за пределы его артистического профессионализма.

Серьезные, поворотные события современной жизни со всей очевидностью демонстрируют, что и за пределами поэтики художник несет высокую ответственность за свои высказывания, оценки, позицию. Искусство не существует вне связи с личностью творящего его художника, сила воздействия образно-символического художественного языка соразмерна влиятельности внехудожественных суждений автора. М. Каган дал глубокое обоснование открытости и «проходимости» границы между автором и произведением, между «эмпирической» и «поэтической» ипостасями личности творца[2].

В заключение напомню гегелевское утверждение о том, что искусство возможно только при условии сохранения связи царства эмпирического и духовно-идеального. Если эта связь утрачивается, открывается произвол отношений чувственного опыта и идеи и оказываются неизбежными подмены и имитации. Более двух столетий назад для классика философии это означало самоисчерпание искусства. Пройдя путь тотальных метаморфоз, опровержений и отрицаний классической парадигмы, получив беспрецедентный опыт современности, искусство, как известно, опровергло свое исчезновение. Но тем острее оказывается оно перед проблемой возможного и допустимого. Нравственные смыслы, вовлеченные в пространство художественных экспериментов, в этом процессе подтверждают свою непреходящую значимость.

Г. В. Скотникова[3]

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ: ФУНДАМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ[4]

Рассмотрение поставленной темы является одним из путей развития *русского самосознания*, следовательно, совершенствования камертона всей современной отечественной культуры. Именно понимание места человека в культуре в контексте доминантных ценностей определяет ее целостный строй. «Нет силы творчества и действительности народного духа… без национального самосознания», — писал классик русской философии, психолог, глубоко постигший своеобразие русского духовного склада, П. Е. Астафьев (1846–1893)[5]. Этот выдающийся мыслитель подчеркивал, что одно «из священнейших и величайших, самое малое им причастное возвеличивающих дел жизни — дело *родного национального самосознания*»[6].

Современный русский человек редко отдает себе отчет в том, что из всех областей умственной деятельности он в силу своего духовного склада наиболее способен именно к философии: «Погруженный лучшими и глубочайшими своими стремлениями в свой внутренний духовный мир, он <русский человек> не может не быть глубоко проникнут интересом *самосознания*»[7].

Сегодня важно правильно понять особенности нашей духовной природы, увидеть *магистральную* линию в истории отечественной философии, осознать значение тех мыслителей, творчество которых является фундаментом национального самосознания[8], сформулировать наши духовные идеалы, укорененные в глубинах культурно-исторической традиции, позволяющие культуре сохранять верность своей органике, следовательно, реализовать творческие, духовно-душевные силы человека. Иначе говоря, важно научиться видеть главное в духовных заветах отечественной истории и культуры, иерархию жизненных ценностей.

Будучи живым и личным духом, человек всегда принадлежит к определенной народности, которая «есть духовная природа человека» (Н. Г. Дебольский)[9]. «Народный дух — так назовем мы ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческих душ»[10]. Национальный (народный) дух не может быть вполне безотчетным и выражается в сознательном строе жизненных задач, в цельном мировоззрении. П. Е. Астафьев подчеркивал: «…самый центральный, наиболее драгоценный, наиболее ревниво охраняемый, отмежевываемый от всего, нарушаю-

[1] *Слонимский С.* Свободный диссонанс. СПб. : Композитор–СПб, 2004. С. 6.

[2] *Каган М.* Эстетика как философская наука. СПб. : Петрополис, 1997. С. 377–383.

[3] Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Византийская традиция в русском самосознании. Опыт историко-культурологического исследования», «Созвучие вечным смыслам бытия», «Византийский áссист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория» и др.; статей: «Художественный мир в новой парадигме гуманитарной науки России», «Византия и Запад: новая волна сближения-противостояния», «Красота русских храмов XII века как воплощение национального духовного идеала» и др. Член редколлегии журнала «Русское самосознание».

[4] Доклад подготовлен на основе монографии: *Скотникова Г. В.* Византийский áссист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория. СПб. : Аргус СПб, 2018.

[5] *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М. : Москва, 2000. С. 35–36.

[6] Там же. С. 46.

[7] *Астафьев П. Е.* Указ. соч. С. 53.

[8] См.: *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М. : Айрис-Пресс, 2008. Автор обосновывает принципиально новую парадигму сущности и исторического пути развития русской философии, обозначая ее магистральную линию, имеющую своим предметом человека в его духовном измерении.

[9] Н. П. Ильин называет Н. Г. Дебольского (1842–1918) основоположником *философской национологии* (*Ильин Н. П.* Указ. соч. С. 23).

[10] *Страхов Н. Н.* Ход развития нашей литературы, начиная от Ломоносова // Страхов Н. Н. Борьба с Западом. М. : Рус. цивилизация, 2010. С. 134.

щего его чистоту пункт нашего внутреннего мира»[1], — религиозные задачи и интересы. Русский человек живо ощущает смысл слов апостола Павла: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2-е Кор. 4:16).

Православие на Руси легло на благодатную почву. О родственности русско-славянской природы и православного духовного идеала прозорливо писал Ф. И. Тютчев: «Русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы»[2].

П. Е. Астафьев, формулируя духовный идеал русского человека, писал: «*Душа выше и дороже всего: ее спасение*, полнота, цельность и глубина внутреннего мира — *прежде всего*…». «*Душа всего дороже* — таков основной мотив и Православия, и Самодержавия, и Народности нашей»[3]. Именно так в Новое время русская мысль, достигшая во второй половине XIX века классического периода своего развития, выразила исконный духовный идеал России, сформировавшийся в древнерусской культуре.

Наш современник часто не осознает того важного факта, что Русь приняла Крещение в православной купели, когда культура Византии переживала период высокого духовно-аскетического подъема. Возродилось, как раскрывает О. С. Попова[4], едва ли не крайнее из аскетических направлений — стремление к напряженной и отрешенной духовности в ее абсолютной полноте, соответствовавшей монашеским идеалам, которые были чрезмерны для мирской среды, хотя и устремлявшейся к ним по мере сил («Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы»).

Таким образом, Русь выбрала ориентацию не на средние, а на *максимальные* духовные ценности, восприняв их как *норму и единственно возможный путь*, получив в наследство от Византии все *самое духовно насыщенное*, что она могла дать[5].

России суждено было раскрыть такие стороны духовного богатства Византии, которые оставались невыявленными даже в ней самой. В XIV веке Константинопольский патриарх Филофей (1353–1354, 1364–1376) назвал русских «святой народ»[6].

Духовный идеал и стержень жизни были навсегда восприняты Русью. Философ и литературный критик Н. Н. Страхов (1828–1896)[7] говорил о своем пребывании на Святой горе Афон: «Вспомним при этом, какой дух там живет, — дух нашего православного благочестия. Там — одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого»[8].

Древняя Русь унаследовала от Византии особый взгляд на место человека в мире, определенный тип духовности, «связанный с идеалом симфонии Церкви и государства, с подвижничеством, деятельной любовью к ближнему, помощью бедным, тем, кто нуждается в защите, с почтением к учености и образованию»[9]. Ведущий отечественный византинист академик С. П. Карпов подчеркивает, что Византия оставила нам завет, сформулированный Иоанном Златоустом: «Благочестие выше благосостояния».

Культура России на протяжении последней четверти века живет на ветру обновлений, атакующих перемен, связанных с процессами глобализации, либерализации, атомизации жизни. В общественном сознании укореняется плюрализм (принципиальное духовное равенство) идей, концепций, позиций, то есть разрушается иерархия жизненных смыслов и ценностей. Однако отсутствие доминирующего направления, общей *философии жизни* государства и личности есть не что иное, как отсутствие цели, определенной перспективы культурного движения общества, ведущее к распылению сил и государства, и личности.

Сегодня нередко декларируется отказ от самой идеи *воспитания* человека, *от преемственности* с исторической традицией. Говоря словами Н. Н. Страхова, «просвещение для многих современных людей состоит преимущественно в отрицании всяких духовных требований как устарелых предрассудков»[10]. Но человек не может быть всеяден ни в физическом, ни в духовном отношении. Подлинное просвещение противоположно эклектическому накоплению сведений и сугубо рационально конструируемому идеалу (как известно, «многознание уму не научает», Гераклит), ибо оно направлено на раскрытие способности к самобытному развитию личности. По Н. Н. Страхову, идеал образованного человека — человек, достигший сознательной самобытности, имеющий ясное осознание своего личного и национального достоинства.

Прагматизм и индивидуализм, ставшие знаменем культуры Запада начиная со второй половины XIX века, а ныне остающиеся характерным признаком атлантизма, вытесняют духовную составляющую культуры личности и общества, обесценивают религиозно-нравственные начала, входя в противоречие с природой русского национального духа[11]. Для России это особенно болезненный процесс. Вспомним, что только в русском языке есть слово «пошлость» (это подчеркивали Гоголь,

[1] *Астафьев П. Е.* Указ. соч. С. 50.

[2] Сочинения Ф. И. Тютчева: стихотворения и политические статьи. СПб., 1990. С. 475.

[3] *Астафьев П. Е.* Указ. соч. С. 48.

[4] *Попова О. С.* Византийская духовность и стиль живописи VI–XI вв. (Равенна и Киев) // Византийский временник. М., 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 216–221.

[5] Там же.

[6] *Медведев И. П.* Русские как «святой народ»: взгляд из Константинополя XIV в. // Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. СПб., 2000. С. 83–88.

[7] Отметим недавно увидевшую свет первую фундаментальную монографию о жизни, творчестве и окружении Н. Н. Страхова: *Фатеев В. А.* Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб. : Пушкинский Дом, 2021.

[8] *Страхов Н. Н.* Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 10.

[9] *Карпов С. П.* О варягах, юбилеях и нашем образовании // Родина. Российский исторический журнал : спецвып. 2012. Сент. С. 7.

[10] *Страхов Н. Н.* Ход развития нашей литературы, начиная от Ломоносова. С. 165.

[11] *Мухина З. З., Канныкин С. В.* Патриотизм как нравственный принцип в философии истории Н. Н. Страхова (1828–1896) // Научные ведомости. Сер. «Философия. Социология. Право». 2019. Т. 44, № 2. С. 222–228.

Набоков, И. Ильин), означающее безблагодатное, бездуховное бытие, погружение в удушающую материальность, в которой искажается человеческая сущность.

Укрепление нашей духовной силы связано с обогащением интеллектуального фундамента, развитием русского самосознания, то есть в первую очередь с восстановлением подлинной философской культуры, преемственности с ее магистральным направлением, «метафизическим персонализмом»[1], освоением идейных заветов его выдающихся представителей.

Важнейшая задача системы образования состоит в раскрытии духовного идеала, исторически выработанного отечественной культурой, как существенно личного для каждого члена нации. Решая эту задачу, национальная культура постепенно находит свой центр тяжести в русской философии, которая есть сознательный путь русского человека к самому себе, к национальному идеалу духовной личности.

Русская философия — это философия, присущая России как стране-цивилизации, имеющей стержнем православную духовность, то есть философия, являющая собой одну из форм синергийной культуры и видящая исток своей самобытности в сердечной открытости Родине, служащей Истине.

Роль философии, национального самосознания незаменима в обществе. Выдающийся русский философ П. А. Бакунин (1820–1900) подчеркивал: хотя люди, озабоченные реальными делами и вещами, воспринимают идеи, смыслы и философию как пустые призраки, однако «метафизика господствует над миром и изменяет его своими формулами»[2]. «Ибо философия не учит творить, но учит *понимать творчество*; а еще точнее, она учит *творить понимание*. И в этой совершенно уникальной *области творчества* „заменить“ философию не может ничто — ни искусство, ни религия, ни наука»[3].

Н. Н. Суворов[4]

ТВОРЧЕСТВО И РАЗРУШЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ[5]

Иллюзорные проекты воображаемых культурных пространств возникают в ожидании благоприятных перемен в жизни и социуме. Модели возможного будущего создаются в спектрах утопии или антиутопии с акцентами на основные ценности, в равной мере включенных в человеческое существование и пространство культуры. Вера в прогрессивное развитие присутствия утверждает иллюзию поступательного движения культуры, связанного с ростом благополучия проживания, расширением пространства присутствия, усложнением отношений с бытием. Культурное присутствие осваивает новые секторы бытия, обнаруживая в нем потаенность, превращает созданные творческие идеи, произведения и артефакты в новое самостоятельное и соперничающее бытие. Культура как состояние гомеостаза противостоит изменчивости и непредсказуемости природы. Культурному сознанию как интерсубъективному феномену свойственна благостная панорама всеобщего прогресса, которая распространяется как на присутствие, так и на бытие. Субъективность в любом культурном измерении стремится продлить свое существование и выбирает благоприятные условия. Утопическая новизна возникает как аттрактор неуверенного сознания независимо от состояния бытия и выступает продуктом вариативного устройства жизнедеятельности.

Покров культуры в своем многообразии способен противостоять враждебному бытию, творя очередное событие, захватывающее субъекта своим драматизмом. Соединение присутствия и бытия — событие — строится на основаниях предыдущих состояний — из «обломков» прошлого, но с добавлением элементов необходимой новизны, готовится уступить место событию, последующему за ним. Д. С. Лихачев писал: «Хаос всегда неустойчив и до некоторых пределов разнороден, и это делает хаос удобным строительным материалом для отдельных новых систем»[6]. Событие большой значимости для социума создает культурное пространство для нового самостоятельного бытия, подчиняющего себе многообразие жизнедеятельности.

Ценность или антиценность события акцентирует его значимость, превращается в центр индивидуальных интенций субъективности. Среди этих интенций эстетическое сознание склонно к истреблению чувственного негатива, применяя при этом радикальные средства, и прежде всего — суждения вкуса, основанные на личных предпочтениях. Субъективное сознание стремится закрепить событие, продолжить и по возможности повторить его благостность или при его враждебности создать условия для скорейшего преодоления. Между тем отношения бытия и присутствия могут складываться трагически, как бы находясь в зависимости от неуемной активности божества Шивы — созидателя и разрушителя. Каким бы значимым ни было событие, оно остается временным с обязательным распадом возникшего порядка и гибелью своего недолгого пребывания.

[1] *Ильин Н. П.* Указ. соч.

[2] *Бакунин П. А.* Запоздалый голос сороковых годов. СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1881. С. VIII.

[3] *Ильин Н. П.* Сестра русской литературы // Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М. : Айрис-пресс, 2008. С. 244.

[4] Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук. Автор около 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма», «Галерейное дело. Обращение произведений искусства», «Воображаемое как феномен культуры», «Постмодернизм и современная культура» (в соавт.), «Новизна в культуре или культура новизны» (в соавт.). Член Союза художников России.

[5] Доклад подготовлен на основе статьи: *Суворов Н. Н.* Творение и разрушение в культуре, или Творческая деструкция // Вестник СПбГИК. 2021. № 4 (49). С. 57–65.

[6] *Лихачев Д. С.* Рождение нового через хаос (вместо предисловия) // Полярность в культуре / сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. СПб., 1996. С. 11. (Альманах «Канун». Вып. 2).

Созидание нового, как и его разрушение, подвергается не только осознанию — выведению смыслов полезности и ценности, но и эстетической оценке, связанной с чувственным влечением к новизне. Стремление к целостности, «достройке до сферы» свойственно эстетике холизма, опирающейся на представления об отдельном организме и распространяющей это представление на всю культуру. Эстетическая оценка постоянно сопровождает появление новизны и определяется как стремлением к целостности нового явления, так и его очередным распадом на отдельные элементы. Соотношение целого и частей рассматривается в интенции эстетического, предполагает целесообразность и гармонию отдельных частей в процессах созидания и разрушения. Действительно, целостность способна породить состояние законченности и внутренней гармонии, уменьшает действие энтропии, случайность и неопределенность. Состояние целостности становится качеством эстетической образной модели, доведенной искусным художником до лаконизма — самостоятельной жизненной формы.

Следовательно, распад связей, разрушение целого становятся предметом эстетического анализа — внимания к деталям и их аналитического исследования. В данном случае распад соотносится с воображаемой былой целостностью и связывает два процесса с различными интенциями в один общий, суммирующий целостность. Возникновение, зрелость и разрушение объединяются в эстетической оценке явления.

Универсальная деструкция лежит в современной картине мироздания, где центральное место занимают процесс творения посредством разрушения и вызванная этим разрушением перестройка всей системы. Разрушение былой упорядоченности порождает хаос, обусловленный взаимодействием закономерности и случайности, где закономерность характеризует основные интенции феномена, а случайности вносятся отдельными вмешательствами — природными или субъективными[1]. Неупорядоченный хаос выступает потенциальной возможностью нового порядка, из которого образуются новые системы. Последовательный прогресс возможен лишь в ограниченном диапазоне времени, но он несопоставим с жизнью Вселенной, в которой перманентный катастрофизм сопровождается недолгим равновесием.

С. Лем сформулировал принцип разрушения как возникновение жизни: «Коротко это можно выразить так: Земля возникла потому, что Прасолнце вошло в зону уничтожения; жизнь возникла потому, что Земля покинула эту зону; а человек возник потому, что миллиард лет спустя стихия уничтожения обрушилась на Землю снова»[2]. Гибель гигантских рептилий, населявших Землю, расчистила среду для иных существ, ставших прародителями приматов. По мысли Лема, разумная жизнь и земная цивилизация своим существованием обязаны случайным катастрофам, которые произошли «в нужном месте и в нужное время» и развивались по строгим законам физики. Катастрофы самого большого, космического масштаба — необходимое условие эволюции звезд и эволюции жизни.

Альтернатива «творение/разрушение» в широкой перспективе снимается, поскольку всякое разрушение становится началом и основой последующего творения, равно как и всякое творение в итоге будет разрушаться. Культурную альтернативу «либо разрушение, либо творение породил человеческий ум — и навязал ее мирозданию уже на заре нашей истории»[3]. Чудесное творение мира Создателем становилось предметом подражания в художественном творчестве, рассматривалось как последовательное прогрессивное развитие и распространялось на всю культуру. О разрушении мира — апокалипсисе — вспоминали в трагические эпохи, когда терпел крах привычный порядок. Разрушение в истории культуры всегда трактовалось как гибель людей, памятников, социального устройства, а хрупкое культурное творение противостояло общему процессу гибели только фактом своей созданности — «вечная память памятнику». Творчество нового — попытка остановить природное разрушение, противопоставить ему раскрывающуюся потенцию присутствия. Творение и разрушение превращались в устойчивую связь возникновения и преобразования новизны и ее эстетической оценки.

Как творение, так и разрушение способны принимать формы материальных и символических процессов, например: переоценка или перемещение ценностей, создание и переписывание текстов, интерпретация произведений, критика и переосмысление идей. Элементы созданной целостности способны стать основой нового творения. Сам акт поименования выступает неявной микрокатастрофой присутствия и проявляется в процессе перевода из формы материальной сущности в идеальную, вербальную или воображаемую и последующего воплощения ее в «веществе языка, ибо слова тоже оказываются вещами, природой, давая мне больше того, что я в них смыслю»[4]. Слово актом своего звучания или написания переводит бессловесное бытие в иную систему смыслов, нарекает и означивает, преобразуя былую бессловесность. Переоценка, осмысление и поименование — как опережающая, так и отстающая практики присутствия — выражены в формах предчувствия или воспоминания. Они возникают до появления изменений в пространстве культуры как пророчества и предвидения, остаются после его исчезновения как культурная память, тексты и артефакты. Принцип созидания через разрушение следует приложить к пониманию двойственной природы новизны в культуре, направленной как в прошлое, так и в будущее, которая также выступает в виде разрушения и созидания.

Эсхатологическая картина конца мира, возникшая в истории культуры, связана с окончательной гибелью присутствия. Этот универсальный культурный метанарратив отмечен в древнеегипетской мысли, античной, скандинавской, индуистской, ацтекской мифологии. Апокалипсис становится последней сценой театра бытия, после чего присутствие погружается в пер-

[1] *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. 2-е изд. СПб. : Петрополис, 2003. Кн. 1. С. 60.

[2] *Лем С.* Принцип разрушения. М. : АСТ, 2002. С. 511. (Б-ка XXI в.).

[3] *Лем С.* Указ. соч. С. 538.

[4] *Бланшо М.* Литература и право на смерть // Бланшо М., Зомбарт В., Канетти Э. Тень парфюмера. М. : Алгоритм, 2007. С. 48.

возданный Хаос. Отдельная человеческая жизнь тонет в общем потоке гибели всей культуры. Неожиданная картина уходящего мира раскрывается в проблемном соотношении единого и общего, их возможном расхождении и совмещении, концентрируется в моменте гибели.

Эсхатологическая картина присутствия детально разработана в христианстве и представлена в описании грядущего Страшного суда в Откровении Иоанна Богослова. Яркое и образное пророчество выступает как донесение воображаемого свидетельства из будущего — окончание театрализованного представления бытия и закрытие занавеса: солнце и луна меркнут, звезды падают с неба, само небо свертывается в свиток. Мрачная фантастика Иоанна согласуется с общей концепцией христианской драматургии конца света, была канонизирована и нашла выражение в великих художественных воплощениях апокалиптических мрачных видений (например, цикл из 15 ксилографий А. Дюрера).

Пророку необходимо было перенестись в будущее для осмысления пророчества. Иоанну нужна была «воображаемая наблюдательная точка вне истории; эту позицию удобно локализовать либо в самом начале истории, либо в самом ее конце»[1]. Апостол оказался в последней воображаемой позиции, после которой время останавливается, а смыслы и ценности обостряются. В этой точке невозврата эстетическое находит свое крайнее выражение, концентрируется в ценностных значениях и ярких образах — суммирует человеческие смыслы. Пророческие интеллектуальные интенции улавливают едва заметные колебания будущего, а воображение достраивает их до образной, смысловой и ценностной модели мира. Образная целостность видений пророка придает им эстетическую достоверность. «Бросок мышления» как интеллектуальный прием окрашен в индивидуальную форму и не может поддаваться точному анализу, но его результат принимает форму устойчивого нарратива и законченную образность.

Остается открытым вопрос об истинности пророчества, который упирается в анализ семиотики высказывания. Знак может быть как ложным, так и истинным, а театрализация бытия распределяет знаки по их ролевому участию в «театре бытия», по значениям и ценностям, порой смешивая смыслы. Пророк всегда осознает свое одиночество — он предполагает, что может быть не услышан, не понят и не признан. Владение истиной прозрения остается привилегией одинокой экзистенции. Изреченная в пророчестве новизна, возможно, уже наступила, но осталась незамеченной суетным сообществом.

В средневековом сознании существовала двойственность образов и смыслов в представлениях о смерти. Никто в Средневековье не говорил о двух судах — они литературно не зафиксированы, но образы этих двух судебных процедур накладывались друг на друга и постоянно подразумевались. Любопытно, что образы обыденного сознания не находили обобщения и оставались только интуитивными открытиями, не оформлялись в концептуальные или литературные нарративы. Причина этой непоследовательности скрывалась в психологической трудности совмещения частного и общего времени. Субъективная темпоральность не укладывалась в последовательное историческое течение событий. Прошлое, настоящее и будущее оказывались лишь частью личной биографии, события окрашивались красками индивидуальной судьбы, а обобщенное будущее рисовалось как «внешняя» религиозная абстракция.

Примером гибельной культурной новизны, ставшей следствием исторических событий, явилось взятие Константинополя крестоносцами 13 апреля 1204 года в ходе 4-го Крестового похода. Это событие, не внезапное и случайное, но подготовленное многими культурными процессами, желаниями, действиями и хитроумными интригами реальных личностей, повлекло за собой огромные последствия для Европы.

Разрушительная деятельность преследует различные цели — от устранения случайных огрехов и несущественных культурных фрагментов, не имеющих влияния на дальнейшее развитие системы, до полного уничтожения феномена. Так, можно выделить пять видов разрушительной новизны:

1) разрушение направлено на «негативные ценности» и оправдывается процессом очищения мира от скверны. Эстетическая оценка картины мира требует воображаемого совершенства. Новизна очищенного мира и его улучшение оказываются еще одной иллюзией, подкрепленной продуманным и методичным процессом разрушения, к которому также относится процесс самоочищения и уничтожения возможного зла;

2) ироническое разрушение. Новизна иронической интерпретации применяется в литературе. Так, город Глупов из произведения Салтыкова-Щедрина предстает как емкий культурный феномен, собравший в своей «летописной» истории многие черты Российского государства. События и отношения между глуповцами и правителями города представлены как национальные архетипы, а многие эпизоды, не имеющие прямой корреляции с отечественной историей, становятся правдивым отражением типичных смыслов и ценностей. Ироническое обострение превращает социальную реальность в пространство абсурда, активизирует ее разрушение;

3) разрушение ценностей культуры как устаревших во имя эстетической новизны. Художественная культура остро реагирует на изменения исторических эпистем — в ней формулируются идеи и возникают направления, еще до конца не осмысленные, но уже нашедшие воплощение в некоторых художественных практиках. Появление произведений, радикально отличающихся от привычной классики, свидетельствует о сдвигах восприятия мира и изменении роли субъекта, требовании его решительной активности;

4) социальное разрушение. Революционные изменения в обществе могут принимать различные формы — от продуманных и частичных изменений до полного разрушения социальной структуры — приведения государства к смуте и анархии;

5) разрушение мыслительных структур. Изменение теоретических конструкций благодаря новым изобре-

[1] *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1997. С. 23.

тениям и идеям. Процесс движения понятий, которые вбирают предыдущее знание, прибавляя новое содержание, корректируя или отбрасывая прежние формулировки. Одним из примеров выступают понятие и метод деконструкции, разработанные Ж. Дерридой и понимаемые как выборочное разрушение и воссоздание.

Природные катастрофы, проблемы экологии, опасность столкновения планеты с астероидом, вспышки пандемии ставят перед сущим новые потенциальные угрозы, как открывшиеся бездны бытия с бесконечными опасностями, как неожиданные повороты и сюрпризы новизны с трагическими случайностями. Не последнее место в возникновении разрушительной новизны занимает активность экзистенции, ее привычки не принимать новое, но разрушать все, что не согласуется с традиционными ценностями.

С. А. Сухоруков[1]

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ ВОСТОКА НА ФОНЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Традиции в странах Востока всегда были фундаментом государственности и ее воплощения. Национальные особенности складывались в течение столетий на основе множества факторов: религиозных, территориальных, политических и др. В результате формировалась комфортная среда для жизни населения.

Навязывание другой культуры и насильственная глобализация зачастую тяжело воспринимались жителями восточных стран и наносили вред в больших объемах, чем это можно было изначально представить. Например, в Японии в XIX веке крушение национальных ценностей по причине насильственного вторжения европейцев повлекло за собой значительный рост самоубийств — это нашло отражение даже в японском искусстве того времени, прежде всего в тематике японских гравюр, в которых появились соответствующие жанровые сцены.

В архитектуру стран Востока тоже проникали европейские новшества, что повлекло за собой изменение традиционных архитектурных схем. В XIX веке во многие (в большинстве своем крупные) восточные города европейское зодчество буквально ворвалось. Из-за этого в течение многих десятилетий строительство представляло собой неконтролируемый хаотический процесс. На одной улице в ряде восточных городов мы можем увидеть скопление домов разных архитектурных стилей: от готики до неоклассицизма. Повторюсь, такой яркий архитектурный букет — практически неотъемлемый атрибут восточного городского полотна 150-летней давности.

Восточной архитектуре тяжело было конкурировать с западными постройками. К сожалению, здесь в большой степени играли роль не здравый смысл, а мода, позиция европейских жителей в странах Востока и финансовая составляющая. Даже техническая и инженерная составляющие оказались на последнем месте. В вышеупомянутой Японии развязка наступила в 1923 году, когда в Токио произошло одно из крупнейших землетрясений в стране. Европейские постройки рассыпались, как карточные домики, что вызвало огромное количество человеческих жертв. Только после этой катастрофы японцы частично вернулись к традиционным методам строительства и укрепления зданий, а частично начался пересмотр требований к европейским постройкам.

Пренебрежительное отношение к традиционной архитектуре в XIX веке не обошло стороной и Индию. Типовое европейское здание, которое было далеко от традиций и условий жизни в местном климате, на последней стадии строительства можно было облечь в любой стиль, угодный заказчику. Так появились, например, ратуша в Бомбее, сделанная в византийском стиле, или монетный двор в стиле неоготики[2].

Элементарные функциональные требования в архитектуре, не говоря уже о традициях, отходят на второй план, в том числе и у именитых архитекторов второй половины XX века. Так, американский зодчий Луис Кан свое отношение к архитектуре «…стремился свести к общим, извечно существующим „институтам“ человеческого общества, порывая тем самым с конкретностью социальной действительности. Работая над проектами для Индии и Бангладеш, Кан не интересовался ни историей, ни культурой, ни экономикой, ни социально-политической обстановкой, ни местными традициями этих стран»[3].

Ближе к концу XX века процесс глобализации начал набирать все большие обороты и становиться очевидным в большинстве областей человеческой деятельности. Единственной страной, которой удалось найти золотую середину между новыми реалиями и традиционными ценностями, оказался Китай. Начав использовать новые технологии со всего мира и получив тем самым пользу от процесса глобализации, страна не отказалась от традиционных ценностей в архитектуре. Преемственность видна по многим направлениям.

Один из первых примеров новой архитектуры в контексте глобализации с отстаиванием собственных интересов относится к концу 1980-х годов, когда Китай начал воплощать в жизнь свою новую экономическую программу. На пока еще британской территории, Гонконге, появился Банк Китая — небоскреб со строгими геометрическими формами, которые ассоци-

[1] И. о. заведующего кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент. Автор 55 научных публикаций, в т. ч.: «Архитектура стран ислама: Традиции и новации», «Градостроительная политика и архитектура современного Стамбула», «Русско-иранские связи в архитектуре в XX — начале XXI века», «Особенности развития современной архитектуры Бейрута», «Современные мечети Анкары. Единство в разнообразии», «Процессы глобализации в архитектуре современной Индии. Принятие или отторжение» и др.

[2] *Короцкая А. А.* Современная архитектура Индии. М. : Стройиздат, 1986. С. 70.

[3] Там же. С. 124.

ируются с молодым бамбуком, почитаемым в Китае за выносливость и силу. Интерьер несет в себе положительные элементы фэншуй, например водопады. «По канонам фэншуй в Китае возводились целые города, на принципы этого учения ориентировалось строительство всех типов зданий»[1]. Также здание оказалось связанным с нумерологией. Оно было заложено 8 августа 1988 года — в день, когда доминирует цифра 8 (на кантонском диалекте означающая «славу», «процветание»). Таким образом, небоскреб обрел свою национальную составляющую, и в дальнейшем такая связь будет только укрепляться.

Отдельно следует сказать о проведении Олимпийских игр в Пекине в 2008 году. Это мероприятие тоже повлияло на процессы, связанные с глобализацией. В страну пригласили большое количество европейских и американских зодчих для возведения разного рода объектов. Несмотря на лавинообразный приезд иностранцев, национальное архитектурное лицо было сохранено. Одна из причин — вместе с мировыми архитекторами должны были работать китайские специалисты, хорошо знакомые с национальными градостроительными традициями и символизмом в культуре. «Услугами местных консультантов в вопросах традиций культуры, особенно традиционной архитектуры, страны-заказчики пользуются достаточно часто»[2]. Например, в возведении одной из визитных карточек Китая, Олимпийского стадиона «Птичье гнездо», принимал участие Аю Вэйвей (р. 1957) — известный художник, архитектор, критик.

Во второе десятилетие XXI века, когда глобализация стала набирать все большие обороты, Китай продолжает сохранять четкий баланс между зарубежным влиянием и национальными интересами. Безликие, типовые постройки не характерны для этой восточной страны.

Однако современная глобализация в архитектуре Востока порождает в большей степени негативные последствия. Пример тому — вышеупомянутая Индия. Большой урон наносится крупными архитектурными корпорациями как из стран Западной Европы, США, так и из Китая, не принимающими во внимание местные условия с национальными чертами. Организации предоставляют клиенту современное здание с богатой технической начинкой. Локальные зодчие не могут соперничать с транснациональными игроками в области проектирования и проигрывают в отстаивании своих идей.

Участие крупных архитектурных бюро затронуло практически все сферы строительства: престижные жилые комплексы, отели, больницы и многое другое. Например, застройка расположенных в крупных мегаполисах Индии (Мумбаи, Хайдарабад, Ченнай) зон IT-парков, обслуживающих глобальные компании, лишена всяких национальных черт и отражает исключительно западные веяния, при этом небольшие местные конструкторские бюро не имеют возможностей изменить данную ситуацию.

Положение с каждым годом становится все более сложным. Например, в массивах элитных жилых комплексов, возведение которых происходит бурными темпами, национальные формы превратились в безвкусную пародию на то, что было актуальным еще несколько десятилетий назад. То же самое массово происходит с гостиничными комплексами, торговыми центрами и т. п. Страдает как само здание, так и в целом градостроительная отрасль.

К счастью, есть и исключения из правил, но их совсем немного. Например, сеть отелей Park Hotel является прекрасным образцом грамотного подхода к возведению зданий за счет использования местных ресурсов и многовекового культурного наследия страны.

Глобализация в меньшей степени затронула сооружения, связанные с культурой. В данном случае финансовые средства поступают через некоммерческие организации или через фонды, имеющие опыт более продуманного отношения к постройкам. В качестве примера приведу Индийскую школу бизнеса, возведенную в Хайдарабаде в 2001 году архитектурным бюро John Portman & Associates. Несмотря на явно американское влияние, здание оказалось удобным для работы и влилось в оформление окружающего пространства, установив новые ориентиры и стандарты дизайна[3].

Иран — еще одна страна Востока, правда уже мусульманского мира, которая практически не была затронута процессом глобализации. Иранская революция 1979 года повлекла за собой применение к стране многочисленных западных санкций в самых разных областях. Однако нельзя сказать, что они сильно ударили по развитию архитектуры в стране. Наоборот, появилось множество построек, которые получили известность за пределами страны, а их авторы стали обладателями престижных премий, в том числе международных. Один из многочисленных примеров — Хабиби Мадждабади (Habibeh Madjdabadi) (р. 1977), архитектор и дизайнер. Многие вещи, которые она делает, находясь в поле традиций, выходят за уже сложившиеся в архитектуре рамки, превращаясь в индивидуальную концепцию развития. При подготовке проекта Хабиби акцентирует внимание на местной культуре и географии, при этом не забывая о материале, который должен быть грамотно подобран.

Из ее многочисленных работ, в том числе принимавших участие в международных проектах, следует выделить реализованную жилую постройку «40 узлов» (2014), которая при помощи новых технологий будто погружает вас в прошлое. На фасаде здания был воплощен один их главных видов традиционного художественного творчества Ирана — ковроделие, которое всегда находилось на высоте и ценилось не только на Востоке, но и за его пределами. В течение столетий иранскими мастерами были изобретены разнообразные техники изготовления ковров, большая часть которых дошла до наших дней. Фасад дома, созданный из стекла и кирпича, создает эффект укутанного ковром хрупкого сосуда, а за счет фактурной кладки ковровый орнамент расположен не в одной плоскости, как можно

[1] Архитектура Китая: два взгляда. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. С. 335.

[2] Там же. С. 334.

[3] *Сухоруков С. А.* Процессы глобализации в архитектуре современной Индии. Принятие или отторжение? // Современное искусство в контексте глобализации. Наука, образование, художественный рынок : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 118–119.

было изначально представить, а выглядит объемным. В своей постройке архитектор также повторила цепочку действующих лиц, участвующих в процессе. В случае настоящего ковра один человек занимается плетением, другой зачитывает своеобразную инструкцию чередования разноцветных нитей, из которых получается причудливый орнамент. В строительстве эта «схема» была повторена таким образом: один рабочий читает раскладку орнамента, а другой при помощи кирпичей выкладывает правильную схему.

Подводя итог, стоит сказать, что процессы колониализма и глобализации последних нескольких десятилетий наносили урон в первую очередь национальной истории и культуре. В архитектуре это коснулось практически всех стран Востока, и только немногие сумели найти правильный баланс сосуществования. Новые условия, где все больше проявляют себя ценности и нормы отдельно взятой страны, имеют массу преимуществ, которые позволяют с оптимизмом смотреть в будущее.

Е. В. Харитонова[1]

ТРАДИЦИОННАЯ АФРИКАНСКАЯ ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОЕКТ, МИССИЯ, АЛЬТЕРНАТИВА, ПРОТЕСТ

Этика — это безгранично расширенная ответственность по отношению ко всему живущему.

Альберт Швейцер

Африканский проект. Современная Африка мыслит долгосрочными стратегическими категориями. Пример, доказывающий этот тезис, — документ «Повестка 2063», принятый в 2015 году в столице Эфиопии Аддис-Абебе главами государств и правительствами Африканского союза. «Повестка» определяет стратегию развития и формулирует основные цели и задачи Африки на ближайшие 48 лет — к столетию деколонизации континента[2]. Де-факто, это проект развития с четко сформулированными представлениями об *образе будущего*: «Африка должна быть сильным, единым, устойчивым, миролюбивым и влиятельным глобальным игроком и партнером, играющим значительную роль в мировых делах»[3]. В этом будущем, которое африканцы называют «Африка, о которой мы мечтаем», — процветание и благополучие, свобода от страха, болезней и нужды, единство и интеграция, солидарность и социальная справедливость, континентальная субъектность, политический, экономический и финансовый суверенитет. Суть проекта заключается в достижении высочайшего уровня экономического, политического и социального развития с сохранением традиционных ценностей: одно из семи устремлений Повестки — «Африка с сильной культурной самобытностью, общим наследием, ценностями и этикой»[4].

О традиционной африканской ценностно-этической системе (убунту[5]): примеры актуализации в современности. В условиях колониализма и в постколониальную эпоху традиционные ценности и этика африканцев входили в противоречие с ценностями и этикой западного мира. Пример — несовместимость западных ценностей индивидуализма, приоритета личности по отношению к коллективу и базовых африканских ценностей — коллективизма, общинности, солидарности и единения.

Убунту — основа африканской картины мира, модель поведения, комплекс этических норм и ценностей, суть «африканской этики»[6], основным элементом которой является чувство общности и единение, пронизывающее все аспекты жизни. При наличии этнического разнообразия *убунту* характерно для всех культур Африки и составляет суть «африканства»[7]. По мнению первого президента Танзании Джулиуса Ньерере: «Вступив в контакт с цивилизацией, которая переоценила свободу личности, мы фактически столкнулись с одной из самых больших проблем Африки в современном мире. Наша проблема заключается в следую-

[1] Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук (социальная психология), доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Цивилизационные альтернативы Африки» (в соавт.), «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России» и др.; статей: «Зимбабве на перепутье. Стратегическая „ниша“ России в многополярном мире», «Глобальные вызовы и конфликты в зеркале африканских событий», «Вопросы выживания цивилизации в условиях системных вызовов. Что делать?», «Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР)» (в соавт.), «Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи)», «Взаимодействие культур в ценностно-смысловом измерении (на примере российско-африканских отношений)», «Социальные представления арабской молодежи: факторы и тренды регионального развития (на материале полевых исследований)» и др. Награждена Почетной грамотой Федерального агентства научных организаций России.

[2] Напомним, что освобождение Африки от колониальной зависимости произошло в 1960-х годах.

[3] Повестка Африканского союза 2063. Цели и приоритетные области. Повестка дня 2063. URL: https://au.int/agenda2063/goals.

[4] Повестка Африканского союза 2063.

[5] *Kamwangamalu M. N.* Ubuntu in South Africa: A sociolinguistic perspective to a pan-African concept // Critial Arts. 1999. № 13. P. 24–28 ; *Teffo J.* Botho/ubuntu as a way forward for comtemporary South Africa // Word and Action. 1998. № 38 (365). P. 3–5.

[6] African Ethics // Anthology of Comparative and Applied Ethics University of Kwazulu. Natal Press, 2009.

[7] *Kigongo J. K.* The Relevance of African Ethics to the Contemporary African Society. URL: https://www.crvp.org/publications/Series-II/8-Contents.pdf.

щем: как получить преимущества европейского общества, преимущества, которые были получены организацией, основанной на личности, и при этом сохранить собственную структуру африканского общества, в которой человек является членом своего родового братства»[1].

В африканских странах развитие личности и формирование ее идентичности возможны только в сообществе. «Мы можем по-настоящему идентифицировать себя, только если мы останемся верны нашей общине, ее прошлому и настоящему. Понятие индивидуального успеха или неудачи является вторичным»[2]. Поведение, препятствующее благополучию сообщества, строго осуждается, вплоть до полного отчуждения провинившегося. Всеобщность людских проблем — идея традиционной африканской этики, которая согласуется с панафриканскими ценностями, с ценностью африканского единства. Кваме Нкрума[3] на первой конференции независимых африканских государств в Аккре в 1958 году сказал: «Сегодня мы едины… и рана, нанесенная одному, является раной для всех»[4].

Коллективизм против «протестантской этики». Указанные характеристики личности во взаимоотношении с сообществом позволяют определить культуру Африки южнее Сахары (АЮС), в том числе деловую культуру, как коллективистскую, по типологии нидерландского социолога Г. Хофстеде[5]. Именно *убунту* как укорененная в традиционной культуре стран АЮС этическая система, по мнению африканских исследователей, служит барьером к принятию африканцами протестантской трудовой этики, которая по своей сути противоположна *убунту*: приветствует индивидуальный успех, конкуренцию, ориентацию на извлечение прибыли, прагматизм. Тезис Макса Вебера о наличии связи между протестантской трудовой этикой и господством капитализма[6] послужил основой для современных научных попыток объяснить, почему капитализм терпел неудачу в Африке и преуспевал в западном мире[7]. Встроенные сегодня в капиталистическую систему мирового хозяйства, страны Африки ищут свой путь в рамках капитализма. Попытки африканских ученых разработать модифицированную систему экономической философии, включающую традиционные африканские ценности, направлены на преодоление различий ценностно-этических систем, чтобы сделать капитализм «контекстуально релевантным для африканских стран и приемлемым для африканской ментальности»[8], но пока это не получается: африканский этический комплекс, укорененный в африканской ментальности, служит серьезным препятствием к принятию западных экономических и этических моделей[9].

Солидарность против сегрегации. Одной из важнейших социально-этических ценностей в Африке является солидарность. Принцип солидарности обеспечивает сплочение семьи (родственная солидарность), общины (общинная солидарность), группы, нации, расы. Солидарность гарантирует чувство безопасности и взаимопомощь.

Чрезвычайно значима солидарность африканцев со всеми жертвами работорговли, колониализма, апартеида, расизма. Пример — проект возвращения в Африку всех представителей чернокожей расы, пострадавших от работорговли, расизма, дискриминации и сегрегации, под лозунгом «Африка ждет вас». Призыв прозвучал в 2020 году, когда министр туризма, искусства и культуры Ганы Барбара Отенг-Гьяси на фоне протестов и митингов BLM[10] в США после убийства Джона Флойда пригласила афроамериканцев вернуться на историческую родину и подчеркнула, что чернокожему населению США «не нужно оставаться там, где вы не нужны»: «Мы продолжаем держать объятия открытыми и приглашаем всех наших братьев и сестер домой... Африка — ваш дом». Отенг-Гьяси выразила надежду, что протесты, связанные со смертью афроамериканца Джорджа Флойда, положат конец расизму не только в США, но и во всем мире. Движение BLM, поддержанное африканцами, стало формой протеста африканской этики, основанной на солидарности, против западной этики, допускающей сегрегацию, дискриминацию и расизм.

Африканская альтернатива: прецеденты практического применения принципов традиционной африканской этики. Традиционная этическая система, характерная для культур Африки, включает в себя категории терпимости, раскаяния, прощения[11]. Прецедентами успешного использования традиционных этических систем в решении внутриполитических конфликтов является деятельность *комиссий истины и примирения* в ЮАР после ликвидации апартеида в годы правления Нельсона Манделы и работа традиционных народных судов *гачача*[12] в Руанде после граж-

[1] Лучшие 20 цитат Джулиуса Ньерере // MyQuotes : [сайт]. URL: https://myquote.co/ru/authors/14790/; https://www.thoughtco.com/julius-kambarage-nyerere-quotes-43594.

[2] *Odoyuye M. A.* The value of African religious beliefs and practices for Christian theology // Theology on Route / ed. by K. Appiah-Kubi and S. Torres. Maryknoll ; N. Y. : Orbis Books, 1979. P. 110.

[3] Нкрума Кваме — ганский философ, социолог и политолог, первый премьер-министр и первый президент независимой Ганы.

[4] *Нкрума К.* Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 146.

[5] *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Unit 2. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8. DOI: 10.9707/2307-0919.1014.

[6] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 17.

[7] *Murove M. F.* The Incarnation of Max Weber's Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism in Post-Colonial African Economic Discourse: The Quest for an African Economic Ethic // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics / ed. by M. F. Murove. University of Kwazulu-Natal Press, 2009. P. 220.

[8] *Murove M. F.* Op. cit. P. 221.

[9] По мнению Кваме Нкрумы, «капитализм — это всего лишь джентльменский метод рабства». URL: https://ru.citaty.net/avtory/kvame-nkruma/.

[10] BLM — аббревиатура движения Black Lives Matter (Черные жизни имеют значение).

[11] *Мосейко А. Н., Харитонова Е. В.* Африканская этика: рассмотрение понятия, прецеденты использования // Африканские исследования. М. : РУДН, 2016 ; *Харитонова Е. В.* Цивилизационные альтернативы Африки в глобализирующемся мире: политико-правовые и этические способы разрешения конфликтных ситуаций (на примере ЮАР и Руанды) // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 254–257.

[12] Гачача — на языке киньяруанда название деревенского общинного суда.

данской войны и геноцида 1994 года[1], цель которых состояла в посткризисном урегулировании, основанном не на возмездии и наказании преступников, что характерно для западных правовых систем, а на моральном исцелении и примирении общества. Особая роль отводилась осознанию вины, покаянию и искреннему желанию «исправить» свои поступки. Тяжелейшая посткризисная ситуация в ЮАР и Руанде привела к тому, что основанные на культурно-исторических и ментальных особенностях африканцев этические «технологии» оказались не просто востребованными, но и единственно возможными. Нормы и правила живой африканской этики стали *эффективной альтернативой* западному подходу к решению конфликтных ситуаций.

Юристы признают, что история знает примеры необходимости выбора между правосудием и миром, когда общество старается забыть про минувшее зло, справедливо полагая, что поиск и наказание виновных ни к чему хорошему не приведут[2]. В этих случаях деятельность международного уголовного трибунала, который будет воспринимать правосудие лишь как обязательное наказание виновных, способна помешать компромиссу. «Трибунал, настроенный любой ценой воплотить в жизнь максиму pereat mundus et fiat justicia (пусть рухнет мир, но свершится правосудие), вполне может этот мир и похоронить»[3]. Избежать этой максимы удалось при мирном переходе ЮАР от режима апартеида к демократии в 1990-е годы, когда апартеид был признан международным преступлением, и черное большинство жаждало мести и наказания виновных. Гражданской войны и крови удалось избежать благодаря мудрости Н. Манделы, его опоры на традиционную этическую систему *убунту*. Он отказался от судебного преследования функционеров прежнего режима и от привлечения международных уголовных трибуналов и создал *комиссии истины и примирения*. ЮАР и Руанда продемонстрировали альтернативный западному подход к решению конфликтных ситуаций и национальному примирению, связанный с традиционными этическими принципами народа. Свойственное западному миру и западному праву деление на «правых» и «виноватых», на «жертв» и «убийц» оказалось неприемлемым для посткризисной ситуации в африканских странах. Как сказал южноафриканский ученый Млулеки Муньяка: «Деление на „своих“ и „чужих“ — западная идея. В *Убунту* все люди — это единая семья»[4].

Африканская протестная идентичность и миссия. Идентичность понимается как самоопределение индивида по отношению к образцовому («референтному») или враждебному для него феномену — личности, группе, сообществу. Во втором случае — в случае протестной идентификации — индивид наделяет себя *другими* и даже *противоположными* по отношению к этой враждебной группе качествами. Исторически африканская протестная идентификация формировалась в условиях многовековой оппозиции к культуре «белого человека» как ответ на обесценивание и разрушение собственной культуры. В среде африканской интеллигенции формировались идеи о самобытности и превосходстве африканцев, о ценности их культуры и личности. Протестная составляющая самосознания была направлена против всех форм угнетения и унижения достоинства человека как реакция на постулат о превосходстве белой расы, западной культуры, западных ценностей и западной этики.

В идеях мыслителя британской Западной Африки второй половины XIX века Э. Блайдена, а затем и в идеях «Негритюда»[5], ставших основой африканской идентичности, уже обозначены различия представителей черной и белой рас: «африканцы — раса богоискателей и проповедников. Европейцы — раса строителей империй и завоевателей». У европейцев огромные успехи в материальной сфере, но духовная жизнь их бедна и, видимо, Африка призвана возродить среди них веру в Бога[6]. В этом африканцы видят свою *миссию*. Так, в стихах камерунского деятеля культуры, поэта, служителя африканской христианской церкви преподобного отца Энжельбера Мвенга, звучит тема мессианства африканцев.

Мы — голос молитвы в вашем молчанье без Бога.
Мы — джаз и блюзы. Мы — тамтамы, мы —
Мы — ваш путь надежды под луной и звездами![7]

В этих строках заложена тема обновления мира, возвращения ему человечности и духовности в век машинной цивилизации и отхода от божественного начала. По мнению Мвенга, именно древняя культура Африки, соединившись с христианской верой, может выполнить эту миссию. Особенно ярко миссия Африки по спасению мира выражена в словах Л.-С. Сенгора — поэта, философа, первого президента независимого Сенегала: *«Пусть мы ответим: „Здесь!“ — когда нас призовет Возрождение мира... Ибо кто внесет оживляющий ритм в этот мертвенный мир машин и орудий…»*[8]

Заключение. Сегодня Африка находится в условиях столкновения двух ценностно-этических парадигм. Первая — система традиционных ценностей, встроенных в коллективный менталитет африканцев. Вторая — современная западная система ценностей, в основе которой лежат чуждые африканской традиции

[1] См. подробнее: *Харитонова Е. В.* Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР) // Конфликтология / nota bene. 2018. № 3. С. 56–68.

[2] *Исполинов А.* 70-летие Нюрнбергского трибунала и современное международное право. URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/10/70letie_nyurnbergskogo_tribunala_i_sovremennoe_mezhdunarodnoe_pravo (дата обращения: 10.12.2015).

[3] Там же.

[4] *Munyaka M., Motlhabi M.* Ubuntu and its Socio-moral Significance // African Ethics. An Anthology of Comporative and Applied Ethics. University of Kwazulu-Natal Press, 2009. P. 67–68.

[5] *Мосейко А. Н.* Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции // Восток (Oriens). 2006. № 4. С. 84–95 ; *Она же.* Об одном из идейных направлений в современной Африке (Теория «негритюда») // Вопросы философии. 1968. № 3. С. 171–179.

[6] См.: *Френкель М. Ю.* Общественная мысль в британской Западной Африке во второй половине XIX в. М. : Наука, 1977. С. 102–108.

[7] *Мвенг Э.* «Коллективное письмо». Цит. по: *Ляховская Н. Д.* Литература Камеруна // Франкоязычные литературы Тропической Африки. М. : Наука, 1989. С. 212.

[8] *Сенгор Л.-С.* К маскам // Песни в сумраке. Поэзия Африки. М. : Худож. лит., 1973. С. 480. (Б-ка всемирной литературы).

и ментальности ценности превосходства материального над духовным, индивидуализма, личного успеха на основе конкуренции. Западные ценности и так называемая новая этика касаются брачно-семейных, нравственных отношений, где приветствуется малая или бездетная семья, допускаются нетрадиционные сексуальные отношения, где не принято жить совместно с представителями старшего поколения. Это дискредитирует африканские ценности — ценность многодетных семей, общения и диалога поколений, продолжения рода и круговорота жизни. «Новая этика» Запада несовместима с традиционной африканской ценностно-этической системой.

Несмотря на чуждость западных ценностей африканскому менталитету, африканцам необходимы западные технологии для модернизации и развития континента. Важнейшим для Африки является вопрос, как интегрировать западные достижения и технологии и при этом сохранить собственные ценности, самобытность и идентичность. Стратегией выхода из этого противоречия является «Повестка 2063» — проект развития, сочетающий в себе экономический прорыв, политический и финансовый суверенитет[1], социальную справедливость, гендерное и расовое равенство с сохранением африканской культурной самобытности, традиционной этики и традиционных ценностей[2]. Однако так называемый коллективный Запад, в состав которого входят прежде всего США и бывшие метрополии, не заинтересован в суверенитете Африканского континента и реализации Проекта африканского развития в условиях «экономического неоколониализма»[3] и может приложить усилия, чтобы его заблокировать. К сожалению, Россия в сложившихся обстоятельствах вряд ли сможет предложить Африке существенную помощь, наподобие той, которая была оказана Советским Союзом в прошлом веке в ходе деколонизации континента, хотя именно такая поддержка могла бы привести к изменению баланса сил в системе «нового мирового порядка» в сторону приоритета традиционных ценностно-этических систем в современном мире.

К. И. Шарафадина[4]

ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ/ТРАНСЛЯЦИИ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ

Авторитетные лингвисты, изучающие русский язык XXI века, утверждают, что национальная языковая картина переживает эволюцию ключевых концептов, вызванную сдвигами в общественной системе ценностей. «Именно с ними связано появление прежде невозможных сочетаний, таких как *успешный человек, эффективный менеджер, яркий индивидуалист, позитивный эгоист*»[5]. Известен курьезный факт времен перестройки: чиновник, которого журналист назвал в своей статье «ударником капиталистического труда», подал на него в суд, считая такую характеристику оскорблением «чести и достоинства». Для него идеологическая характеристика «капиталистический» все еще оставалась понятием компрометирующе-ругательным.

В языке нового века уже целый ряд слов утратил сему отрицательной (или близкой к ней) оценки: *коммерсант*, *бизнесмен*, *карьера/карьерист, эгоист, амбиции*.

И все же сомнительным представляется лексикографическое предложение А. Д. Шмелева, который, справедливо полагая, что «современный нормативный словарь не должен игнорировать возникающие новации», фиксируя эти изменения оценочности, но надо ввести специальные пометы для таких случаев. В них должно быть отмечено, что «словоупотребление, отражающее новую систему ценностей, воспринимается многими носителями языка (особенно старшего поколения) как „неправильное“», — полагает Шмелев[6]. Однако, на наш взгляд, ссылка на такое «оценочное суждение» вряд ли будет уместна в словаре.

---

[1] «Африка берет на себя полную ответственность за финансирование своего развития». Устремление 7: Африка как сильный, единый, устойчивый и влиятельный глобальный игрок и партнер. Повестка дня на 2063 год. Окончательная редакция, апрель 2015 г. Африка, какую мы хотим. Комиссия Африканского союза.

[2] Там же.

[3] *Соин С.* Колониализм умер, да здравствует неоколониализм: как продолжается эксплуатация третьего мира. URL: https://sciencepop.ru/kolonializm-umer-da-zdravstvuet-neokolonializm-kak-prodolzhaetsya-ekspluatatsiya-tretego-mira/ (дата обращения: 03.05.2022).

[4] Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «„Алфавит Флоры“ в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы», «Творчество А. С. Пушкина: два взгляда на пространство смысла» (в соавт.), «Жизнь культуры в универсуме слова» (в соавт.), «„Селам, откройся!“: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы» и др. Член Российско-франко-британского общества по изучению русской культуры (Париж), Международного Тургеневского общества, секции мировой литературы Санкт-Петербургского дома ученых. Член редколлегий научных журналов «Вестник СПГУТД. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки», «Текст. Книга. Книгоиздание». Награждена Благодарностью Российской академии образования за многолетний добросовестный, плодотворный труд в системе образования и науки.

[5] *Шмелев А. Д.* Русский язык начала XXI века: действительные и мнимые изменения // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 117–124. URL: http://journal.pushkin.institute/archive/archive/2011/4_(227)/6726_Русский_язык_начала_XXI_века_действительные_и_мнимые_изменения/stat2011-4-6726.pdf (дата обращения: 04.07.2022).

[6] Там же.

Языковой тенденцией, вызывающей тревогу, стало кардинальное изменение словесных коннотаций большого ряда понятий. «Обновление» понятий не просто настораживает исследователей, но заставляет говорить о семантических сдвигах в национальной языковой картине, так как они являются языковыми свидетельствами девальвации традиционных ценностей, их маргинализации и профанации, а новые медиа, к сожалению, становятся средой их обитания и распространения. Об этом мы уже писали в недавней статье[1] на примере реверсивного изменения семантики слов «монстр/монструозный» и «шокировать» с пейоративной на мелиоративную: теперь, оказывается, можно считать себя «прекрасным монстром», умиляться мультяшным «монстрикам», претендовать на статус «монстра общения», а также «немножко шокировать».

К ряду «обновляемых» можно добавить понятия «эклектика», «мистерия», «империя/имперский», «чувственный» и др.

Настораживает и такое явление, как нивелирование эксклюзивных понятий. Покажем это на примере «демократизации» понятия «гений».

Персональное значение слова «гений» во многих языках одинаково: тот, кто обладает Божьим даром; человек, которому присуща высшая степень творческой одаренности. Гегель сравнивал восприятие нами гениального творения с молнией: «Внутренний замысел и осуществление гениальной фантазии одновременно предстают нам как удар молнии в их мгновенном взаимопроникновении и неуловимейшей жизненности»[2]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона добавляет в понимание феномена гениальности масштаб влияния: деятельность гения должна иметь «общее родовое значение», то есть «для народа или для всего рода человеческого»[3].

Сравним: современный словарь зафиксировал своего рода демократическое понижение статуса гения: *разг.* «тот, кто в совершенстве владеет чем-либо»[4]. Практика словоупотребления в современных СМК это подтверждает: *Если меня спросить, кто такой Михалков, ответ будет один: Михалков — гений!; Пелевин — гений, почему только я прежде его не читал?!; Тарасова назвала российскую фигуристку гением: «Женя — великий человеческий гений»; Гений Марадоны выходил за пределы игры и общечеловеческой морали.*

Потеря значимых нюансов в словах-понятиях современной речи — феномен не только лингвистический, но и социокультурный. И об этом стоит задуматься.

Для сравнения напомним блестящее пояснение известным лингвистом Л. В. Щербой нюансов значений в синонимическом ряду понятий-определений *знаменитый, известный, выдающийся, замечательный, большой*, обозначающих статус ученых. Так, «*большой ученый* является объективной характеристикой; *выдающийся ученый* подчеркивает, может быть, то же, но в аспекте более сравнительном; *замечательный ученый* говорит об особом интересе, который он возбуждает; *известный ученый* отмечает его популярность; то же делает и *знаменитый ученый*, но отличается от *известный ученый* превосходной степенью качества»[5].

Совсем недавно в СМИ появилась информация, что будет поставлен законодательный барьер засилью англицизмов в отечественном рекламном дискурсе. Речь шла прежде всего о лексических и графических заимствованиях со ссылкой на тот факт, что в Москве, в частности, более половины уличных рекламных имен — это англицизмы или русские лексемы в латинской транслитерации.

Но самые «коварные» заимствования — те, что касаются строя речи и словесных моделей речевого этикета, которые издавна отражали стоящие за ними культурные скрипты, сформированные национальными традициями и продиктованные слагавшимися веками базовыми концептами национальной картины мира. Поэтому неудержимое распространение возникшего в сфере торгового «этикета» калькированного заимствования — пожелания *«Хорошего дня (Хорошего вечера)»* свидетельствует не только об отсутствии вкуса и вторжении в частное пространство. Это еще и языковое свидетельство замены национальной традиции концептуализации времени суток, опирающейся на человеческую деятельность, западноевропейской моделью, в которой время суток в большей степени связано с положением стрелок на часах.

Получившая не меньшее распространение в молодежной среде «модная» этикетная формула просьбы «Можно, пожалуйста…» (калька с англоязычной конструкции *May I please / Могу (ли) я…*), вытесняет русскую норму: либо просьбу (*Мне, пожалуйста…*), либо вопрос (*Можно мне…?*), потому что считается этим поколением «более вежливой», как полагают некоторые авторы. Мы же склонны объяснять это неосознанным проецированием-экспансией синтаксической англоязычной модели на русские речевые формулы, так как, по результатам нашего опроса, молодые люди не слышат «нерусскости» возникающей контаминации.

Жаль, что забыты исконно русские выражения, оставшиеся только на страницах уникального Словаря русского речевого этикета[6], предлагающего около 6 тыс. слов и устойчивых выражений, которые всегда употреблялись при вежливом, дружеском или официальном общении: *Благоволите (сделать что-л.); Сослужите (мне) службу; Удружите; У меня милость к Вам; Вашим добром да Вам же челом; Будьте достолюбезны; Бывайте к нам (у нас); Бывайте с беседой* и др.

---

[1] *Шарафадина К. И.* СМИ как фактор влияния на языковую ментальность // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра : XVI Всерос. науч.-практ. конф., 8 апреля 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 10–14.

[2] *Гегель Г.-В.-Ф.* Эстетика : в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 341.

[3] Гений // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 8 (15) : Гальберг — Германий. 1892. URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/33239-%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 04.07.2022).

[4] Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%B3/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 04.07.2022).

[5] *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 110–129. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-57.htm (дата обращения: 04.07.2022).

[6] *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-пресс, 2001.

Еще Пифагор советовал: «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык»[1]. Как один из видов человеческой деятельности язык составляет часть культуры, но как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой. Сохранение культуры языка зависит в том числе и от нас. При этом важны как индивидуальные усилия каждого носителя языка, так и общественные и государственные инициативы.

В. А. Шахов[2]

КРИЗИС ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Новый виток цивилизационного противостояния Запада и России практически исключает возможности конструктивного диалога. Сложившаяся ситуация делает актуальной проблему концептуального анализа причин тотального «коммуникативного» кризиса между Россией и Европой.

Во-первых, корни сегодняшнего отказа западной цивилизации от конструктивного диалога с Россией уходят в историю. Дело в том, что западная цивилизация изначально содержала взаимоисключающие ценностные доминанты. С одной стороны, позитивное влияние на общемировую цивилизационную динамику оказывала гуманистическая парадигма, основу которой составили гуманизм, права человека, рационализм, обеспечивший развитие науки и промышленности. С другой стороны, Запад стал инициатором колониализма и антигуманных Крестовых походов, на его почве родились идея исключительности европейских народов, расизм и нацизм. Одной из причин возникновения феномена западной исключительности стал догмат о непогрешимости папы (отсюда экзистенциальное убеждение в собственной правоте). Господство католицизма в средневековый период породило непримиримость к инакомыслию, которая с появлением протестантизма в начале XVI века привела к жесткому противостоянию и многочисленным религиозным войнам. Фанатизм, сопровождавший это противостояние, в дальнейшем обусловил насильственное навязывание своей идеологии. В результате духовная матрица западной цивилизации — христианство как культурообразующая религия — сменилась постхристианством, которое сегодня трансформировалось в откровенное антихристианство.

Размышляя о судьбах мира, Д. С. Лихачев писал, что «двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами»[3]. К сожалению, западная цивилизация последних десятилетий развивается в рамках неблагоприятного прогноза. Окончательную релятивизацию духовно-нравственных ценностей осуществила эпоха постмодерна (подтверждением чему является распространение агрессивных течений «новой этики» — движений ЛГБТ, BLM и т. д.). Именно глубинная метафизическая пропасть между нашими культурами стала поводом «отмены» русской культуры западными «гуманитариями».

Во-вторых, невозможность диалога между Западом и Россией обусловлена разновекторной направленностью мотиваций взаимодействующих субъектов. Источником деструктивного характера коммуникации становится сам метод, который использует англосаксонский гегемон. Если Россия придерживается риторико-диалектической стратегии, основанной на стремлении отыскать истину, то Запад «работает» в риторико-эристическом режиме, всячески пытаясь утвердить свою позицию геополитического и морального превосходства любыми способами. В качестве аргументов используются симулякры, фейки, которые в информационном пространстве играют ведущую роль и порождают реальные культурно-политические последствия. Подобная установка ведет к тупику в межцивилизационных отношениях[4].

Взаимодействие цивилизаций приобретает форму некоего диалога, течение которого может быть представлено в виде соприкосновения двух информационных полей. Общение возможно только в том случае, когда два информационных языковых текста не являются абсолютно чуждыми друг другу, имеют общее смысловое пространство или хотя бы точки соприкосновения[5]. В противном случае общение невозможно в силу отсутствия поля понимания, каналов адекватной коммуникации. Но при этом культурный обмен происходит тогда, когда данные смысловые поля не совпадают полностью — абсолютное совпадение ин-

[1] Пифагор. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%84%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80.

[2] Профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, доктор культурологии, заслуженный работник культуры РФ. Автор 96 научных публикаций, в т. ч.: «Образование и национальные традиции в контексте культурного детерминизма калининградского локуса», «Маршрутами Красной Армии 1945 года», «Историческая Пруссия в зеркале конфессиональных отношений», «Русский солдат на дорогах Пруссии», «Тильзитский мир и Таурогенская конвенция: от исторических концепций — к формированию туристских дестинаций», «Калининградский эксклав: роль национальных меньшинств в социокультурной среде», «Основы культурологии», «Культурологический аспект патриотического воспитания молодежи Калининградской области» и др. Председатель Калининградского регионального отделения Российского культурологического общества.

[3] *Лихачев Д. С.* XXI век должен быть эпохой гуманизма. М., 1987. С. 31.

[4] *Комарова И. И.* Цивилизационный кризис между Западом и Россией в контексте диалога культур: риторический аспект // Калининград: проблемы межрегиональных связей : науч. альм. 2021. Вып. 16. С. 62.

[5] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство–СПб, 2004. С. 15–16.

формационных полей, которое свидетельствует о тождественности общающихся, исключает обоюдный интерес и мотивацию к общению: говорить не о чем. Общение возможно, когда поля частично совпадают, то есть существует точка контакта, понимания, и в то же время есть пространство несовпадения, что позволяет производить информационный обмен. Это последнее условие как раз и является необходимым для осуществления акта общения[1]. Применительно к сложившейся ситуации межкультурного, цивилизационного диалога между Россией и Западом наблюдается тенденция динамичного уменьшения поля общего смыслового пространства[2].

Сегодняшний кризис диалога культур России и Запада усугубляет западноевропейская традиция демонизации неевропейских народов и культур. Разные народы рассматривают себя в ипостаси «свой–чужой», акцентируя свое особое положение и обосновывая свои культурные отличия от других этносов. Очевидно, что большинство незападных народов не мотивируют свое превосходство путем уничижения «чужих», а религиозные идеи не постулируют за счет рационализации неполноценности других народов. Создавая свою неповторимую картину мира, незападные цивилизации транслируют интровертный характер деятельности.

Совсем иными являются основы западной национальной исключительности: перманентная экспансионистская направленность; доминирование исключительности в аксиологической цивилизационной модели; наличие агрессивных форм проявления нацизма; прагматичный характер обоснования своего превосходства. Экстравертный и агрессивный характер исключительности западного мира — в сущности, его цивилизационное ядро. В качестве основного механизма их исключительности и формой ее проявления выступают этнические субстрактирующие ксенофобии. Наиболее выраженной из них стал антисемитизм, приведший в XX веке к геноциду еврейского народа — холокосту.

Сформировавшаяся в современном историческом поле новая модификация западной ксенофобии — русофобия — может стать источником геноцида русского народа, особенно в ситуации культурно-политического ослабления России. В связи с этим вызывает озабоченность состояние наших внутренних проблем дидактического и эстетического характера. В частности, деструктивное влияние на умы молодежи «цифрового ГУЛАГа», которое истощает ресурсы духовно-нравственной безопасности общества[3]. Губительными для эстетического сознания нашей молодежи факторами являются насаждаемые в СМИ элементы попкультуры, копируемые с западных образцов и системно подтачивающие основы нашего культурного наследия, отшлифованного на протяжении тернистого пути культурогенеза Отечества.

Это путь с множеством точек бифуркации, культурными взрывами, о которых заявляли в своих трудах Н. А. Бердяев[4] и Ю. М. Лотман[5]. Определяя опасности и проблемы в развитии и ориентации духовно-нравственных ценностей в молодежной среде в современный период, обозначим его как переходный. В сложившейся ситуации чрезвычайную актуальность обретает поиск стратегических условий, обеспечивающих духовно-нравственную безопасность общества. «Духовная безопасность — это система условий, позволяющая некоему общественному субъекту (культуре, обществу) сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. Их выход за рамки нормы под воздействием различного рода факторов (прежде всего культурного, ценностно-нормативного характера) ведет к дезорганизации и в конечном счете — к национальной катастрофе, то есть к распаду общества как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовных оснований»[6].

Особую роль в обеспечении духовно-нравственной безопасности общества играет система ценностей российской молодежи. Регулирующая функция ценностно-ориентационной системы проявляется в том, что посредством ценностей в молодежном сообществе формируются стандарты культурных оценок, определяются иерархия жизненных целей молодых людей и выбор методов их достижения. Поскольку любые социальные изменения могут иметь как положительный, так и отрицательный характер, точно таким же образом и ценности, выступая катализатором изменения сознания молодого индивида, могут стать фактором, не только ускоряющим проводимые социальные преобразования, но и тормозящим их.

Основываясь в целом на результатах анализа важнейших молодежных духовно-нравственных ценностей, можно сделать вывод о том, что их переоценка носит сложный характер, что в целом свидетельствует о низком уровне духовно-нравственной безопасности. Результаты исследования приоритетов, принципов и ценностей современной российской молодежи показывают, что молодое поколение демонстрирует утрату жизненных ценностей и моральных норм, отсутствие мотивации к интеллектуальному и культурному развитию[7]. Поэтому воспитание молодежи на традициях национальной культуры должно стать «модальностью долга» интеллектуальной элиты страны, что предполагает «перестройку мозгов» либеральных реформаторов образования, до сих пор работающих по кальке Болонской конвенции. Основной задачей правящих элит должна стать «национализация» культуры и воспроизводящей ее духовные матрицы системы образования.

---

[1] См.: *Шахов В. А.* Интеграционные процессы в российском регионе Юго-Восточной Балтии: адекватность осмысления культурных концептов // Человек. Культура. Образование. 2018. № 1 (27). С. 124–133.

[2] *Комарова И. И.* Указ. соч. С. 59.

[3] *Михалков Н. С.* Бесогон ТВ. URL: https://ok-solovey.ru/besogon-s-mihalkovym-ot-18-04-2022-novyj-vypusk/ (дата обращения: 18.04.2022).

[4] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

[5] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

[6] *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культура, политика. М. : Наука, 2003. С. 176.

[7] Ценности современной молодежи / М. А. Матвиенко, К. Е. Егушев, Н. О. Пименов, Р. Р. Файрузов // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1523–1525. URL: https://moluch.ru/archive/90/18759/ (дата обращения: 16.04.2022).

Я. Г. Шемякин[1]

ПРИНЦИП ДИАЛОГА КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРУ

Идеал диалога общепризнан в мировом сообществе. Даже в условиях современного чрезвычайного обострения ситуации на планете сам принцип диалога никем не ставится под сомнение. Попыткам его осмыслить и интерпретировать посвящена масса литературы. Тем не менее сложностей и в понимании проблематики, и особенно в практическом воплощении данного идеала сегодня, пожалуй, гораздо больше, чем раньше. Это не случайно.

В основе всех трудностей мировоззренческого плана лежит проблема, которую У. О. Куайн обозначил как проблему «радикального перевода», то есть адекватного понимания тем или иным социокультурным субъектом текста, созданного представителем иной культуры, характеризующейся качественно иными представлениями о путях решения ключевых экзистенциальных проблем[2]. Куайн пришел к выводу, что любой межъязыковой перенос осуществляется в соответствии с принципом неопределенности[3]: «Нет никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предложений, невосприимчивых к независимому контролю»[4].

На современном этапе глобализации проблема «радикального перевода», на первый взгляд чисто умозрительная, превратилась «в гигантскую по своим масштабам проблему культурной эквивалентности смыслов диалога»[5]. Одни и те же ценности и понятия, присутствующие, казалось бы, в духовном космосе всех культур (истина, добро, любовь, свобода, право и т. д.), могут получать (и получают) разные, а в некоторых случаях и противоположные интерпретации у представителей различных цивилизаций, существенно отличающихся друг от друга подходами к миру и к жизни. Вполне закономерно, что и сам феномен диалога может пониматься по-разному, и это понимание обусловлено цивилизационным контекстом.

Истоки свойственной западному цивилизационному сознанию трактовки рассматриваемого понятия восходят к платоновской концепции диалога. Платон был, несомненно, первопроходцем в философской разработке проблематики диалога, однако, при всем значении его трудов для истории человеческой мысли, платоновская интерпретация данной проблематики имеет существенные ограничения, связанные главным образом с явной недооценкой одного из двух основополагающих структурообразующих принципов. А именно — принципа многообразия мира вообще и человеческой реальности в частности и в особенности. Как подчеркивал отвергший такой подход М. М. Бахтин, в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее — значит быть причастным ее бытию»[6]. Пожалуй, самую жесткую критическую оценку платоновской трактовки диалога дал С. С. Аверинцев: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога — это диалоги Платона, а их главный герой, самый непременный персонаж и самый яркий образ — Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного „я“, а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими как вещами, сам никем не движимый»[7].

Таковы самые глубокие истоки той тенденции к монологизации диалога (то есть, по сути, превращения его в свою противоположность, в монолог), которая оказалась весьма характерной для западной интеллектуальной традиции. Цивилизационный монолог Запада, который фактически вообще не слышал подлинных «голосов» иных культур, продолжался на протяжении нескольких веков, по меньшей мере начиная с эпохи Великих географических открытий. В XX веке положение стало в какой-то степени меняться, по крайней мере в том, что касается научной среды. Однако даже тогда, когда значимость диалога с неевропейскими традициями признавалась, западные интеллектуалы были склонны трактовать оптимальный путь восприятия представителями этих традиций идеала диалогического общения как постепенное усвоение ими западного социокультурного стандарта плюрализма. В целом же

---

[1] Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; глав в коллективных монографиях: «Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации», «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» и др.; статей: «Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований», «Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте» и др. Член Ассоциации исследователей ибероамериканского мира. Награжден Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ за значительные заслуги в сфере науки и многолетний добросовестный труд.

[2] *Куайн У. О.* Слово и объект. М. : Логос : Праксис, 2000. С. 43.

[3] *Стайнер Дж.* После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М. : МЦНМО, 2020. С. 372.

[4] *Куайн У. О.* Указ. соч. С. 94.

[5] *Следзевский И. В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М. : Ин-т Африки РАН, 2010. С. 138.

[6] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Книга по требованию, 2013. С. 197.

[7] *Аверинцев С. С.* Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 215.

Запад и в XX, и в начале XXI века продолжал быть главным фактором монологизации диалога в мире[1], причем совершенно очевидно, что в последнее время эта тенденция проявляется с особой силой.

Учитывая то обстоятельство, что именно Запад доминирует в современном информационном пространстве, необходимо обратиться к опыту переосмысления феномена диалога представителями незападных традиций, прежде всего отечественной. В этом плане чрезвычайно важной представляется задача актуализации творческого наследия М. М. Бахтина.

По моему убеждению, из всех имеющихся в арсенале мировой научной и философской мысли концепций диалога (из наиболее значимых здесь следует упомянуть работы Э. Левинаса, Ю. М. Лотмана и В. С. Библера)[2] именно «диалогика» Бахтина больше других отвечает потребностям современного момента развертывания «борьбы умов». Приведем несколько ключевых положений концепции Бахтина, позволяющих, на мой взгляд, наиболее ярко проиллюстрировать мысль о том, что именно эта концепция является реальной альтернативой той преобладающей на Западе трактовке рассматриваемого феномена, которая была кратко охарактеризована выше.

Диалогическое общение, по Бахтину, это основа социальности как таковой, синоним жизненного процесса в «мире людей». «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. д. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками»[3]. При этом для русского мыслителя «не идея как монологический вывод… а событие взаимодействия голосов» является «последней данностью» любого межчеловеческого контакта[4]. Диалогическая активность — это «активность *в отношении чужого живого и полноправного сознания*. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п.». Диалогическое взаимодействие — это взаимодействие «многих равноправных и полноценных сознаний»[5]. В противоположность этому «монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного… сознания… При монологическом подходе… *другой* всецело остается только *объектом* сознания, а не другим сознанием… Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его… и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность»[6]. Подлинный же диалог — это взаимодействие субъектов, каждый из которых сохраняет собственную идентичность, и потому он не исключает разногласий и даже конфликтов, но ориентирован в целом на достижение взаимопонимания[7]. Принципиально то, что сформулированные Бахтиным принципы диалогического общения распространяются им как на область межличностного общения, так и на сферу взаимоотношений различных культур[8].

Есть ли в современном мире силы, мыслящие и действующие в духе бахтинского (или, по крайней мере, близкого к нему) понимания феномена диалога, так или иначе противостоящие западной тенденции к монологизации? На мой взгляд, самого пристального внимания заслуживает в этом плане феномен БРИКС. Что объединяет столь сильно отличающихся друг от друга по многим параметрам членов этого объединения, которому очень многие на Западе с момента его возникновения неоднократно пророчили близкий распад, акцентируя именно эти различия и связанные с ними вполне реальные противоречия? Первое и главное, что здесь определенно можно констатировать: всех членов БРИКС объединяет стремление сформировать полицентричный миропорядок, исключающий гегемонию какого-либо одного центра, конкретно — модель однополярного мира во главе с США. Это означает, что у них есть общая стратегическая перспектива, которая и обусловливает очевидную общность (или близость) позиций стран БРИКС по основным вопросам международной повестки. Но это стремление к созданию полицентричного мира опирается на общую (несмотря на все различия) духовную основу. Анализ основных документов этого объединения позволяет сделать вывод, что все их пронизывает одна «сквозная» идея: «Центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, касающимся той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из утверждения этого принципа закономерным образом вытекает, что решение каких-то общих, касающихся всех проблем, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате реального диалога, с учетом интересов всех заинтересованных сторон»[9]. История взаимоотношений стран БРИКС между собой, на мой взгляд, убедительно свидетельствует, что в данном случае реализуется в той или иной мере тот вариант диалогического общения, который описывается как приведенными выше формулировками Бахтина, так и (еще точнее) следующими его словами, характеризующими взаимодействие равноправных социокультурных макросубъектов, каждый из которых сохраняет в полной мере свою идентичность, отстаивает собственные интересы, но при этом внимательно вслушивается в «голоса» других участников диалога: «Активное согласие–несогласие… стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения»[10].

Разумеется, в современном мире существуют и другие силы, которые так или иначе противостоят исходящей из западных центров тенденции к монологизации. Так, сравнительные цивилизационные ис-

[1] См.: *Шемякин Я. Г.* Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М. : ИЛА РАН, 2010. С. 60–65.

[2] См.: *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998 ; *Библер В. С.* От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

[3] *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 337.

[4] Там же. С. 197.

[5] Там же. С. 328–329.

[6] Там же. С. 336.

[7] Там же.

[8] *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 353–354.

[9] *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=61166&object_type=pdf&ysclid=l56rdwhic0555527778 (дата обращения: 04.07.2022).

[10] *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 366.

следования позволили выявить очевидные параллели между российской и латиноамериканской цивилизационными традициями в понимании феномена диалога[1]. Тем не менее именно БРИКС, по всей вероятности, является сегодня главной идейно-политической силой, утверждающей принцип подлинного, полноценного диалога.

Воплощенная в феномене БРИКС «тенденция к формированию полицентрической структуры организации международного сообщества означает и ориентацию на глубокое изменение самой направленности и процесса мирового развития»[2]. Признавая объективное содержание глобализации (расширение и интенсификация контактов, углубление взаимозависимости между различными частями мира), члены данного объединения отвергают западную трактовку глобализации как процесса, утверждающего принцип доминирования экзогенных факторов социальной эволюции над эндогенными, то есть над внутренней логикой развития той или иной страны, с чем связаны и весьма распространенные на Западе представления о «затухании» института национального государства. Общая черта стран БРИКС — акцентирование, в противовес этим представлениям, роли национального государства как основного субъекта диалога на международном уровне и главного рычага тех преобразований, к которым стремятся участники данного объединения, в том числе в сфере мировой политики. Свойственная им ориентация на создание полицентричного миропорядка означает изменение удельного веса эндогенных и экзогенных факторов развития человечества: усиление роли первых и уменьшение значения вторых, отказ от понимания глобализации как «вестернизации всего мира» по преимуществу и разработку ее альтернативной версии, основанной на принципе реального многостороннего диалога в условиях теснейшего взаимодействия между членами мирового сообщества. Главная роль в этом процессе, как свидетельствует логика действий стран БРИКС, отводится опять же национальным государствам, опирающимся при решении проблем модернизации на достижение цели синтеза ее императивов и ценностей местных культур.

В этой связи нельзя не отметить еще одну важнейшую черту БРИКС: это уникальное по своим потенциальным возможностям пространство диалога не только стран, но и основных наличествующих в мире в настоящее время великих цивилизационных традиций. Впрочем, на этом уровне диалог еще только начинает по-настоящему разворачиваться. Тем не менее есть серьезные основания полагать, что общность подхода к феномену диалога опирается на глубокие духовные основания, общие для всех представленных в БРИКС цивилизаций, несмотря на огромные различия между ними[3].

О. Д. Шемякина[4]

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Стремительно меняющийся на наших глазах миропорядок актуализирует проблему принципов описания общественных систем, обладающих разной исторической динамикой. Сталкиваются не просто разные цивилизации, сталкиваются структуры большой длительности, в которых соотношение веры и рацио, взаимодействия локальных миров и «большого» общества, стратегии интеграции, конфликтов и форм солидарности, степень принятия многообразия мира имели вековые традиции, сформировавшие выбор разительно отличающихся ответов на вызовы глобальных и локальных рисков древности и современности.

Классическое знание, строившее свое описание на форме, числе, диспозиции и величине, было выращено в эпоху визуальной революции, которая утверждала значимость внешнего описания объекта на основе визуального опыта фиксированного в пространстве наблюдателя. Для этой формы знания было важно и доверие к количественным характеристикам измерения объекта (к числу и величине), появившееся вследствие утверждения формальной рациональности.

Все, что не охватывалось человеческим глазом, в это описание не попадало. При этом не просто терялась глубина проникновения в объект, но и не ставилась задача анализа противоречий между внешними признаками и внутренним содержанием, например языков, при изучении этничности и самосознанием народа, в которое еще нужно было проникнуть[5]. Кроме того, следует отметить, что классическое знание было ориентировано на описание объекта в ситуации статики, предпочитая работу с объектом с четкими границами, и оказывалось не особенно успешным при описа-

[1] См.: *Шемякин Я. Г.* Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // Цивилизации. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций. М. : Наука, 2021. С. 137–184 ; *Он же.* Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // История : [электрон. науч.-образоват. журн.]. Вып. 8 (106), т. 12. URL: https://sochum.ru/s207987840016465-0-1 (дата обращения: 04.07.2022).

[2] *Шемякин Я.* БРИКС в стратегической перспективе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-v-strategicheskoy-perspektive/viewer.

[3] См.: *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода.

[4] Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Микробиологическая опасность и социальные инициативы: чума в Москве 1770–1772 гг.», «Непрямое зрение: возможность увидеть смыслы истории в повседневности», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст» и др.

[5] *Абашин С. А.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб. : Алетейя, 2007. С. 93.

нии нарушенности границ, анализа переходных форм и т. д.

В современной ситуации поворота на Восток перечисленные характеристики классического знания также могут оказаться недостаточными. Историческая динамика восточных систем отличалась от европейской, сохраняя значимость инерции традиции. Идеи сотворенности мира, религиозного опыта, который был призмой преломления оценки социальности, роль невербального опыта в передаче традиции сохраняли глубины, недоступные формальной рациональности. Социальные структуры, несмотря на значимость идеи иерархии, состояли из многообразных локальных миров. Роль непредсказуемых рисков создавала благоприятную среду, в которой случайность, разнообразие, неопределенность, своеволие и индивидуальные особенности пропитывали все социальное пространство. А это, в свою очередь, определяло многообразие конструктивных напряженностей между локальными мирами и «большим» обществом, вариативность сценариев власти, достигавшей общественного согласия. В этом отношении традиционные общества Востока и домодерная Европа схожи. Поэтому современный поворот к Востоку означает в том числе и реанимирование собственного опыта Европы. М. Фуко считал свободу в доиндустриальных обществах результатом спонтанного развития индивидуальности и особого характера недисциплинированности[1].

Классическое знание оказывается малопригодным и для описания современного состояния западного мира, которое З. Бауман определил как «текучую современность», хотя текучесть и изменчивость здесь имеет совершенно иную этиологию — разрушения социальных связей.

Тогда что же такое «твердая» социальность, которую наиболее адекватно описывает классическое знание? «„Тяжелая современность“ была… эпохой формирования действительности на манер архитектуры или садоводства; действительность, послушная вердиктам разума, должна была быть „построена“ при строгом контроле качества и согласно строгим процедурным правилам и прежде всего спроектирована до того, как начнутся строительные работы. Это была эра чертежных досок и проектов — не столько для нанесения на карту социальной территории, сколько для подъема территории до уровня ясности и логики, которым могут похвастаться только карты. Это была эпоха, которая надеялась узаконить разум в действительности, изменить ставки так, чтобы вызвать рациональное поведение, сделав все неразумные действия слишком дорогостоящими, чтобы намереваться их предпринять»[2].

Риторическим механизмом, обеспечивающим устойчивость нового, пришедшего на смену средневековому общественного устройства, были идеи камерализма — создания и продвижения самого представления о государстве как едином, рационально устроенном организме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками[3]. Последовательным воплощением камералистского проекта были, например, реформы Петра I. Однако отличием петровской административной системы было отсутствие самой «системы» в смысле рутинных механизмов управления: «вплоть до последних лет своей жизни он опирался на служащих двух гвардейских полков — Преображенского и Семеновского — в качестве проводников его воли в обход старых или новых административных органов»[4]. Гвардия позволяла осуществлять «ручное управление» страной, и никакая Табель о рангах не могла упорядочить систему государственной службы, пока рядовой гвардейского полка мог отдавать распоряжение главе провинции[5].

Классическое знание, которое наиболее адекватно для описания модерного общества на определенном этапе его развития, оказывается не способным создавать картину общественной жизни в переходный период — противоречия в нем были органичны, а конфликты между идеями и реалиями неизбежны. Данный тип знания заводит исследователя в тупик, когда он сталкивается с необходимостью описания объекта, в котором неоднородность была нормой. Если же обратиться к традиционному обществу Средневековья, то оно было, как уже отмечалось, воплощением беспокойства границ и многообразия форм перехода как способа бытия социальной системы, проявившихся во всех измерениях жизни: «нетвердых» границ государств, множественных переходных форм зависимостей, выстраивающих социальную иерархию, переходов из сакральной сферы в профанную, что делало религию, политику и юриспруденцию практически неотделимыми друг от друга.

Кристаллизация «жидкого элемента» в социальной ткани возможна была только на той стадии общественного развития, когда идея упорядоченности становится самоценностью и когда возникает многочисленный современный бюрократический аппарат, последовательно выпалывающий местное своеволие. Вот только сделать это было можно с достаточной степенью эффективности на сравнительно небольшой территории.

Текучесть и подвижность в досовременном мире могли быть столь масштабными и мощными явлениями, что оказывались способны прорастать и в современность — я имею в виду феномен номадизма[6]. Номадизм требует особого языка описания, связанного с анализом структур большой длительности. Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизавшей Восток и Запад и ставшей предпосылкой динамизации социальной жизни кон-

[1] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 357 ; *Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии : пер. с англ. М. : Новое изд-во, 2017.

[2] *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. С. 56.

[3] Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2 : Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань : Ab Imperio, 2017. С. 18.

[4] Там же. С. 49.

[5] Там же. С. 50.

[6] *Шемякина О. Д.* Конец шелкового пути? Феномен номадизма в мировой экономике древности и современности. URL: https://nosh.msu.ru/culture/tpost/gultby3hi1-kruglii-stol-posvyaschennii-strukturam-b.

тинента[1]. Номадизм может быть рассмотрен во множестве социальных проекций. Вызовы воинственных кочевников политиям древности и Средних веков требовали ответов — мобилизации огромных армий и военных походов, а также развития многообразной этнодипломатии и установления обширной торговой сети, ставшей логистической основой континентальной экономики, а также транзитом идей и технологий.

Номадизм как социальное явление появился в результате перемещения людей и товаров, а оно было невозможно без включения в оседлые общества общин этнически чуждых им номадов, занятых широким спектром «кочевых» занятий. Главными объектами деятельности и ресурсами номадов были люди, которым они предлагали посреднические услуги, а не природа. Движение было связано не только с деятельностью особой категории людей, которые специализировались на посредничестве.

Евразийский коридор был зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены[2]. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов[3].

В современном нам мире константы, определившиеся в процессе освоения трансконтинентальных торговых путей, продолжают действовать и сегодня. Древние сухопутные маршруты имеют отношение к транспортной логистике программы «Один пояс, один путь». Реализация этой программы будет означать возможность создания новой альтернативной глобализации. Различия и различения как необходимые элементы процесса идентификации в историческом ядре шелкового пути постоянно меняют свои очертания. Они прозрачны, поскольку люди их преодолевают, превращаясь из «своего» в «чужого» и наоборот[4]. Торговля шелком потеряла свою актуальность, но номады, воспитанные в традициях посредничества, остались и преодолели континентальные границы. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах[5].

И это дает нам основание для утверждения того, что в широтном коридоре Евразии действовали структуры большой длительности, связанные с номадизмом как с движением товаров, людей, идей и технологий в физическом пространстве, а также с движением в сфере сознания, текучей идентичности, изменчивой и ситуативной.

И наконец, о «текучей современности», о которой писал З. Бауман. Одна из глав его книги с аналогичным названием посвящена «кочевникам» современной цивилизации Запада. Превосходство захватчиков во времена «тяжелой» современности состояло прежде всего в их способности осваивать, полностью использовать и заселять территорию. «Игра доминирования в эру текучей современности ведется не между „большим“ и „меньшим“, а между более быстрым и более медленным. Правят те, чья скорость выше, чем скорость противника. Когда скорость означает доминирование, „освоение, использование и заселение территории“ становятся препятствием — помехой, а не преимуществом. Принятие под свою юрисдикцию и, более того, аннексия чьей-либо земли подразумевают капиталоемкие, тяжелые и невыгодные заботы об управлении и обеспечении общественного порядка, ответственность, обязательства — и прежде всего налагают значительные ограничения на свободу передвижения в будущем… Растущее число влиятельных голосов мировой элиты предпочитает оставить „государствам-нациям, превратившимся в полицейские околотки“, задачи по разрешению кровопролитных соседских конфликтов; как нам сообщают, разрешение таких конфликтов должно быть также „разгружено“ и „децентрализовано“, перераспределено вниз в глобальной иерархии с учетом или без учета прав человека и передано туда, „где оно и должно быть“, — местным военачальникам и оружию, которое они имеют благодаря великодушию или „вполне понятным экономическим интересам“ мировых компаний и намерению правительств способствовать глобализации. Например, Эдвард Лутвак, старший научный сотрудник в американском Центре стратегических и международных исследований, много лет являющийся надежным барометром изменений настроения Пентагона, призывал в журнале Foreign Affairs за июль-август 1999 г. (названном газетой Guardian „наиболее влиятельным периодическим изданием“) „дать войне шанс“»[6].

Я позволила себе столь обширную цитату из работы известного британского социолога не только для того, чтобы обозначить особый тип агрессии экстерриториальных элит в установлении нового миропорядка. В современной ситуации разные типы социальных систем, сформировавшиеся в разные эпохи, заговорили разом, поэтому важно предельно расширять интеллектуальное пространство взаимодействия различных социальных учений, которые соответствовали бы реальной сложности «мира людей» и предохраняли бы сознание студентов, работающих с учебными текстами, от жестких, линейно ориентированных схем.

---

[1] *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М. : АСТ : CORPUS, 2010.

[2] *Абашин С. А.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб. : Алетейя, 2007. С. 235–236.

[3] От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М. : МИРОС, 1994. С. 3–50 ; *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер : пер. с фр. / под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой ; вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 712–734.

[4] *Абашин С. А.* Указ. соч. С. 236.

[5] *Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М. : АСТ : CORPUS, 2019. С. 50–54.

[6] *Бауман З.* Указ. соч. С. 201–202.

О. Ю. Юхнина[1]

ГРАНИЦЫ ЛИЧНОГО В ЭПОХУ «НОВОЙ ЭТИКИ»

На протяжении нескольких лет мы часто сталкиваемся с выражением «новая этика», как правило, в контексте обсуждения социально-политических движений, таких как MeToo или Black Lives Matter, ставших особенно резонансными. Мы живем в эпоху, когда в жизни современного общества многие привычные вещи подлежат переосмыслению и устанавливаются новые правила.

В публичное пространство открытой дискуссии вынесено обсуждение опыта самых разных социальных групп, ранее не имевших статуса говорить о своем негативном опыте и своих переживаниях. Речь не идет об «этическом рейхе»[2], потому что это разговор в публичном поле, а не лоббирование интересов. В «новой этике» нет обещания светлого будущего, а есть обещание возможного диалога между условно существующим большинством, которое привыкло к тому, что правила устанавливаются ими и все живут по этим правилам, интегративно включаясь во взаимодействие, и теми, кого можно назвать другими, угнетаемыми, уязвимыми группами, которые предполагают, что их тоже необходимо слушать и слышать.

Одним из оснований «новой этики» является принятие различий, инклюзивное отношение к другим, предполагающее, что любая общность складывается из совокупности культур или традиций всех групп, которые в эту общность входят, например российский опыт — это синкретически объединенный опыт разных этносов, разных этнокультурных традиций.

В последнее время участились разговоры о том, что старые моральные нормы надо «сбросить с корабля современности», а вместо них следует принимать, воспроизводить и продвигать некоторые формы «новой этики». Проблематика этого феномена активно присутствует в обсуждении современного круга вопросов этики.

Не существует какого-либо манифеста «новой этики», и для того, чтобы экстрадировать некоторые нормы «новой этики», необходимо погрузиться в большое количество дискуссий, обсуждений, конфликтов, где собеседники имплицитно говорят о некотором конфликте именно этического, парадигмального. Также стоит вопрос: «новая этика» — это устойчивое словосочетание или научный термин? Имеем ли мы дело с «новой этикой» или с новыми границами этического сообщества, тех людей которых мы считаем субъектами этики?

На тему «новой этики» академических исследований на сегодняшний день практически нет, а проблемное поле этого явления дает возможность очертить многочисленные интернет-издания, которые затрагивают обширный круг тем: от проявления расового, гендерного и возрастного неравенства, феминистских заявлений, вопросов политкорректности, поведения человека, в том числе в интернет-пространстве, до генетических и медицинских исследований, а также проблем нейро- и биоэтики.

Причину появления «новой этики» с ее новым пониманием психологии меньшинства и культом меньшинства связывают со Второй мировой войной, которая явила миру опыт антигуманного обращения и несостоятельность этических систем, основанных на дуализме добра и зла, когда оказалось, что большинство не бывает право или очень часто бывает не право. Этические нормативные постулаты раньше определялись выбором и поддержкой большинства людей, им следовало большинство. Меньшинства, объединенные в группы по национальному, социальному, ментальному, сексуальному признаку, считались маргинальными. Но мнение большинства теперь не является верным, этические нормы больше нельзя определять исходя из того, что так поступает большинство. Голос и власть большинства не имеют больше авторитета и моральных санкций.

Один из адептов «новой этики», Лешек Колаковский, писал о том, что нет моральной догмы, а человек должен делать нравственный выбор ежедневно и не ссылаться при этом ни на какие авторитеты.

В своей книге «Глубинная психология и новая этика», впервые изданной в 1949 году, Э. Нойманн пишет, что проблема зла, с которой человек сталкивается постоянно, как на индивидуальном уровне, так и в формате коллективного, — это основная жизненная трудность современного человека. Усмирить и трансформировать эти деструктивные силы традиционная этика оказалась не способна. Человеку, по мнению Э. Нойманна, предстоит в первую очередь осознать свою неполноценную личность, свою тень и все зло, которое заключено в нем самом. Зачастую мы проецируем это на другого человека, удовлетворяя свою потребность найти оправдание собственным недостаткам, которые довольно легко и часто обнаруживаем в другом. Результатом этого и стало разделение мира на расы и индивиды, высшие и низшие народы, хороших и плохих. Рассматривая в своем исследовании старую и новую этику, Э. Нойманн пишет, что чрезвычайно жесткие требования к человеку, его мужеству, личному выбору характеризуют «новую этику» как радикальную, предполагающую необходимость постоянного рассмотрения проблемы добра и зла. Автор утверждает, что индивид, прежде чем выполнять роль в коллективной деятельности, должен самостоятельно решить основную проблему нравственности. «Новая этика» Э. Нойманна исходит

[1] Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Реалистический поиск в художественной культуре XX века: опыт гиперреалистичного самопознания» (в соавт.), «Искусство гиперреализма как выражение адекватного самосознания современности» (в соавт.), «Архитектура Петербурга XXI века. Возможные пути развития городской среды», «Становление русской национальной культуры в эпоху нового времени», «VR-технологии в современном искусстве», «Public art: современное искусство в пространстве городской среды» и др. Награждена Почетной грамотой ФНПР.

[2] *Богомолов К.* Похищение Европы 2:0 // Новая газета. 2021. 10 февр.

из двух принципов — большинство не всегда право и зло не является преодолимым[1].

Означает ли «новая этика» обновленный этический кодекс? Каковы особенности «новой этики» сегодня? Какие новые этические границы сообщества устанавливаются? Можно выделить основные.

Требование соблюдать границы друг друга, которые люди устанавливают сами для себя. Зачастую употребляется термин «токсичное поведение», который не подлежит точному определению, но интуитивно объясним (задают неприятные вопросы, настаивают на своем, нарушая границы другого, и в целом не вписываются в нормы поведения данного сообщества).

Также примером установки границ может служить разговор о пассивной агрессии, которая не выражается явно, но имплицитно ощутима. Установка на радикальное априорное принятие другого. В принципе основанием для современной цивилизации, во многом европоцентричной, становится толерантность или принятие другого, но должно ли оно быть абсолютным и моментальным?

Сторонники «новой этики» категорически не приемлют насилие. Но нет никакого гомогенного определения феномена насилия. Отсутствие концептуализации насилия в пределах «новой этики» приводит к тому, что описание этого феномена бесконечно расширяется и умножается. Насилием объявляется все: пересечение границ другого человека, психологическая манипуляция, причинение физической боли. Сегодня много понятий, с помощью которых сторонники «новой этики» предлагают описывать конкретные ситуации насилия: газлайтинг, сексторшн, харассмент, кэтколлинг, апскертинг, культурная апроприация. Как видно, сплошные англицизмы, объясняющие тот факт, что в англоязычном пространстве довольно давно существуют некоторые договоренности о том, что необходимо в язык вводить больше слов, которые будут описывать множественный опыт насилия.

Еще одна черта «новой этики» — это радикальный ревизионизм по отношению к прошлому, когда слышны призывы: снесем памятники, перепишем книги, ограничим доступ к контенту. Потому что это не соответствует современным моральным принципам. Но есть другой подход, часто используемый в массмедийной культуре, — сопровождение продукта комментирующими отсылками о том, что демонстрируемая информация — это продукт своей эпохи, она основана на «предрассудках», которые не соответствуют современному знанию о человеке и обществе, когда могли господствовать расовые или сексистские стереотипы.

Как нет единого кодекса «новой этики», так нет гомогенной критики моральных и нравственных установок и социальных пактов, которые утверждают представления о должном и недолжном и сталкиваются с прежними установками.

Критикуя «новую этику», предполагают, что ее носителям или сторонникам присуща интенция агрессивного субъектного права перестраивать мир, установка на жесткое утверждение своего я, с которым трудно конкурировать. Это построено на продвижении ценности комфорта в современном сообществе. Здесь также можно продолжить разговор о соблюдении границ друг друга, что нужно заботиться друг о друге, принимать друг друга, сказать нет насилию, газлайтингу, стремиться к безопасным пространствам (safe space), где каждый чувствующий себя маргинализированным может быть в безопасности и не испытывать дискомфорта по расовой или этнической принадлежности, из-за умственных или физических способностей. Очевидным является нежелание сталкиваться с внешним миром, утверждая, что нам нужен уют, комфорт, предсказуемость. Мы не хотим сталкиваться с неприятными другими, не только врагами, но и превосходящими нас физически и интеллектуально. Здесь заключен своеобразный парадокс. Опыт нашего совместного бытия складывается зачастую из конфронтации, столкновения с другим, с необходимостью переступать границы, резонировать друг с другом. Критики «новой этики» как раз говорят, что сторонники этих моральных позиций уничтожают прежний социально-антропологический опыт. Это скорее слишком явная демонстрация того, что человека не удовлетворяло в прежней культуре, для которой весь опыт конфликтности был нормальным.

Люди сейчас существуют в определенных контекстах, ситуациях и понимают, что те этические дилеммы или установки, в которых они воспитывались, не очень подходят для их опыта. Конфронтация себя самого с собственным опытом и воспитанием и нежелание принимать это как норму — самое интересное в современном обсуждении.

Еще один важный тезис в разговоре о «новой этике». Человечество сегодня проживает уникальный опыт взаимодействия с цифровыми технологиями. В этой связи необходимо говорить не только об этике цифровых сервисов, но и об этике цифровой эпохи, когда в этом пространстве также формируется представление о правильном или неправильном, должном и недолжном. Существует много болевых точек и неосознаваемых моментов, которые можно прагматизировать. Например, стоит задать вопрос о том, как сервисы влияют на человека. Технологии влияют на людей или люди влияют на технологии? Что значит любовь в эпоху, где ее комментируют, выставляют на всеобщее обозрение, хранят в виде скриншотов, дружба, когда каждый другому friend, безопасность в эру биометрических данных?

Разговор о «новой этике» в научном поле еще только начинается, но уже прорисовываются границы этого дискурса, определяя новые установки на фактическое воплощение идеи абсолютной ценности человека, проявление его индивидуальности, неприкосновенности достоинства каждого, возможности диалога, показывая готовность к нравственному развитию общества.

Литература

Гусейнов, А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов. — Текст : непосредственный // Ведомости прикладной этики. — Тюмень : ТИУ, 2021. — Вып. 58. — С. 91–106.

[1] *Нойманн Э.* Глубинная психология и новая этика. СПб. : Академ. проект, 1999.

О. А. Янутш[1]

ЭТНОСОФИЯ КАК СПОСОБ (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ «ТРАДИЦИОННЫХ» ЦЕННОСТЕЙ[2]

В настоящее время во многих регионах мира наблюдается растущее стремление к сохранению и актуализации традиционных ценностей. На первый взгляд, это выглядит как довольно простая и естественная реакция на негативные последствия культурной глобализации, информационно-технологическое развитие общества и переход от жестко структурированного мира к миру постоянно меняющихся и перемещающихся, подвижных и непостоянных форм, к «текучей современности»[3]. Однако при чуть более пристальном рассмотрении можно предположить, что у данного процесса есть более фундаментальные основания, нежели простое желание победы «своей» идеологии, ценностей и норм над «чужими»/«чуждыми». Прежде всего речь здесь, вероятно, должна идти о трансформации самого дискурса гуманитарных наук и философии, «ответственных» за осмысление бытия и формирование образов мира. Е. Н. Ищенко отмечает, что этот процесс характеризуется, в частности: 1) размыванием границ между разными областями внутри самой философии (этики, социальной философии, философии культуры и пр.); 2) отсутствием более или менее значительных «конструктивистских» проектов или же контуров «новой метафизики»; 3) синтезом донаучных, вненаучных и научных форм познания[4].

Если У. Эко сравнивал нашу эпоху со Средневековьем[5], то многие современные теории познания (например, различные варианты теории воплощенного познания) с точки зрения истории эпистемологии являются и вовсе определенным «возвращением к истокам», к опыту первобытных людей, туземцев или детей[6]. По этому же пути идет и появившаяся в конце XX века этнософия — «становящаяся научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии, исторической и культурной антропологии, философии и культурологии»[7], но принципиально отличающаяся от них тем, что «возвращает нас к мифологическому сознанию, противостоящему дискурсивному понятийному мышлению»[8]. Если энактивизм выступает новой формой конструктивизма в эпистемологии, то этнософия — новой формой конструктивизма в создании жизнестроительных и жизнетворческих смыслов.

Д. С. Лихачев писал: «Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные»[9]. По мнению М. Н. Эпштейна, этнософия как раз и изучает взаимосвязь всех элементов культурного целого с неким мистериально-сакральным центром и пафосом национальной жизни[10]. В современных условиях, когда ни гуманитарные науки, ни философия не могут помочь обществу эффективно справляться с растущим числом «ситуаций смыслопотери» (В. А. Кутырев), этнософия оказывается способом конструирования онтологии смысла, позволяющим противостоять современному этическому релятивизму[11]. Если все предыдущее развитие современной цивилизации стремилось к универсализации и унификации мира, окружающего человека, то мифологическое осмысление действительности предполагает определенную дифференциацию «профанных» и «сакральных» сфер жизни, наличие между ними соответствующих границ, запретов, норм и правил поведения. По словам А. В. Малинова, этнософия встраивает человека «в онтологическую иерархию миров, возвращает качественные различия в жизнь людей, связывает человека с другими измерениями (предки, род, историческая жизнь народа, космические циклы)»[12] и, таким образом, ценностно структурирует пространство.

Несмотря на наличие региональных особенностей этнософских проектов, представляется важным выделить два момента, свойственных этнософии как таковой. Во-первых, это смещение ценностных акцентов с «настоящего» на «прошлое» и «будущее», которые только и придают этому «настоящему» смысловую перспективу[13]. Во-вторых, это конструирование мифов, позволяющих представителям различных культурных групп (национальных, конфессиональных и пр.) соотносить себя не только с контекстом актуальной социокультурной действительности и историческим опытом, но и с некой глобальной смысловой структурой Вселенной. В результате на основе реально существовавших исторических фактов и традиций по сути за-

---

[1] Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор культурологии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт» (в соавт.), «Русская культура в памятниках, текстах, метафорах», «Основы построения культурологической теории образования», «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского: Традиции и современность» (в соавт.) и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Российского философского общества.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00018, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).

[3] *Бауман З.* Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

[4] *Ищенко Е. Н.* Современный философский дискурс: пространство и границы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2003. № 2. С. 195–209.

[5] *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 257–268.

[6] *Князева Е. Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. ; СПб. : Университет, 2014.

[7] *Малинов А. В.* На пути к этнософии // Научно-технические ведомости С.-Петерб. гос. политехн. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4 (184).

[8] *Малинов А. В.* Указ. соч.

[9] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 380.

[10] *Эпштейн М.* Техософия и другие «софии» // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 772–788.

[11] *Малинов А. В.* Указ. соч.

[12] *Малинов А. В.* Этнософская утопия «Алтайской философии» // Вече. 2013. № 25. С. 134.

[13] Там же.

ново конструируется система ценностей, позволяющая упорядочивать самые разные стороны жизни человека. Мифологически осмысленное прошлое становится импульсом постановки целей и ориентиром при выборе способов их достижения.

Лихачев предупреждал, что «если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями»[1]. При этом «святыни „Святой Руси“» он понимал как «святыни нашей культуры: ее наука, ее тысячелетние культурные ценности, ее музеи, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Ибо хранящиеся в России памятники Античности, произведения итальянцев, французов, немцев, азиатских народов также сыграли колоссальную роль в развитии российской культуры и являются российскими ценностями, поскольку, за редкими исключениями, они вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития»[2]. Проблема заключается в том, что если с инокультурными ценностями и наследием прошлого ситуация более или менее ясна, то в отношении актуального поликультурного пространства многонациональных государств (каких сейчас большинство в мире) ни философия культуры, ни культурология, к сожалению, пока так и не смогли предложить достойных оснований обеспечения подлинного единства и целостности культурной жизни.

Четыре года назад, в рамках XVIII Международных Лихачевских научных чтений, А.-К. И. Забулионите говорила о том, что в «современной ситуации культуры, когда ее целостность становится проблемой, концепты классической культурологии не во всех ситуациях оказываются продуктивными»[3], и в качестве альтернативы существующим философским и культурологическим алгоритмам познания предлагала алгоритмы «неклассической культурологии». Этнософия же, похоже, уже стала, хотя и самодеятельной, но практической альтернативной, реально позволяющей фундировать преодоление культурно-исторической раздробленности людей, живущих на одной территории, без риска распространения тоталитарных концепций.

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 380.
[2] Там же. С. 380–381.

[3] *Забулионите А.-К. И.* Транскультурная миграция и потенциал неклассической культурологии // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 410.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. В. АГОШКОВ	главный научный редактор Издательского дома «Панорама», кандидат философских наук
Е. М. ГАШКОВА	старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
Т. И. ЕРОХИНА	первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Е. А. ИЛЬИНСКАЯ	и. о. декана факультета конфликтологии СПбГУП, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий по учебной работе, доктор культурологии, профессор
Д. Н. КАТЫШЕВА	профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП
М. И. КОЗЬЯКОВА	профессор кафедры истории и культурологии Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина, доктор философских наук
А. В. КОСТИНА	директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор
Д. А. ЛИХАНОВ	писатель, председатель Российского детского фонда, Фонда защиты детей, президент Международной ассоциации детских фондов
С. А. МАДЮКОВА	старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, кандидат философских наук
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя ФНПР, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
И. В. МАЛЫГИНА	заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП
С. Б. НИКОНОВА	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, член Ученого совета, доктор философских наук
Е. А. ПОЛЯКОВА	проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры, доктор исторических наук, доцент
Г. А. ПРАЗДНИКОВ	заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор
Е. С. ПРОТАНСКАЯ	профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
А. П. САДОХИН	главный редактор журнала «Культура и цивилизация», доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Г. В. СКОТНИКОВА	профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии

Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
К. И. ШАРАФАДИНА	профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук
В. А. ШАХОВ	профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, доктор культурологии, заслуженный работник культуры РФ
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук
О. Д. ШЕМЯКИНА	научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук
О. А. ЯНУТШ	доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор культурологии

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги. Мне очень приятно вас приветствовать на этой секции, которая в научном плане мне, пожалуй, ближе остальных. К сожалению, я не смогу принять участие в вашей работе, но по давней традиции председатель Оргкомитета лично приветствует участников каждой секции, высказывает свои соображения и пожелания.

Так получилось, что в этом году в Лихачевских чтениях не смог принять участие академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов. Он собирался приехать, но после важного события в Российской академии наук — выборов академиков и членов-корреспондентов, проходящих в несколько туров и всегда сопряженных со стрессом, у него немного ухудшилось самочувствие. Пожелаем ему здоровья и будем надеяться, что в следующем году ему удастся влиться в наши ряды.

А сегодня ведущими секции будут Жан Терентьевич Тощенко — выдающийся российский социолог, член-корреспондент Российской академии наук, и Евгений Иванович Макаров — крупнейший аналитик не только в России, но и во всех странах БРИКС социально-трудовой проблематики с учетом философского, культурологического, экономического аспектов, автор большого количества трудов по социально-трудовым вопросам. Темы, заявленные в названии секции, нам с вами знакомы, доклады размещены на сайте Университета. Давняя традиция наших Чтений — не читать по бумаге и не повторять буквально тезисы своих докладов в выступлениях.

Дорогие коллеги, вчера в рамках Чтений состоялась интересная и важная дискуссия с вашим участием. На мой взгляд, было высказано много интересных мыслей, поэтому вы, как у нас обычно бывает, скорее всего, не только выступите со своими тезисами, но и включитесь в обсуждение выступлений других участников. Сегодня у нас уже XX Чтения, но это с того момента, когда Владимир Владимирович Путин придал им государственный статус, а вообще они проводятся начиная с 1993 года. Чтения начинались как Дни науки в Университете, и у их истоков стоял Дмитрий Сергеевич Лихачев. Все эти годы я пытаюсь бороться со склонностью ученых к монологам в ущерб многосторонним дискуссиям и диалогам. Потому что здесь, на Чтениях, мы получаем уникальный шанс, собравшись из разных городов и учреждений, пообщаться друг с другом, услышать других и самим быть услышанными. Я очень рад, что здесь присутствуют студенты, и надеюсь, что скоро они, уже в качестве молодых ученых, будут выступать с этой трибуны. Желаю вам интересного и плодотворного общения!

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приветственное слово. Дорогие друзья, я тоже рада приветствовать вас на нашей секции. Уверена, что у нас состоится интересная и продуктивная дискуссия.

Е. И. МАКАРОВ: — Первым предлагаю выступить Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги, участники пленарного заседания, вероятно, обратили внимание, что одной из важных тем, вызывающих горячие дискуссии, является идеология, с которой тесно связаны проблемы ценностей и духовного мира людей. Напомню, что термин «идеология» был введен в научный дискурс французским философом Антуаном де Траси, который рассматривал ее как науку об идеях. В любом обществе, как известно, всегда множество различных идей, но де Траси уделил внимание лишь тем из них, которые оказывают воздействие на умы и поведение людей. Большую роль при этом играет информация, которую необходимо донести до широких масс. Второй момент — оценка этой информации: принимают или не принимают, разделяют — не разделяют. И третий момент: собираются ли те, кто разделяет эти идеи, способствовать их реализации или останутся пассивными сторонниками.

В России значение слова «идеология» приобрело негативный оттенок после краха СССР, когда общество стремилось освободиться от диктата коммунистической идеологии. Это было время тотального отказа от всего, что было характерно для Советского Союза. Как показывают недавние социологические опросы, около 1,5 % россиян считают, что лучшее государственное устройство для России именно монархия. Конечно, это совсем небольшая доля наших сограждан, но и такие настроения нельзя игнорировать, они вполне реальны.

И еще один принципиальный вопрос. Рассуждая о ценностях, мы всегда должны учитывать их иерархическую классификацию. Люди, принимающие участие в наших исследованиях, выступают в разных ипостасях. Когда к человеку обращаются как к гражданину страны, он думает о ценностях, касающихся всего общества. Как житель города или района, он рассматривает другие ценности (доступность жилья, качество дорог, медицинского обслуживания и т. п.), как член трудового коллектива — третьи (уровень оплаты труда, атмосферу в коллективе). Наконец, некоторые исследователи отмечают ценности, связанные с межличностным взаимодействием, в частности семейные. Это важная иерархия ценностей, и в наших рассуждениях мы всегда должны ее учитывать и стараться увидеть, как разные ценности дополняют друг друга, и не противопоставлять ценности человека, например, как гражданина и как работника.

Е. И. МАКАРОВ: — Вчера на пленарном заседании я отметил одну особенность: примерно две трети выступающих говорят в основном о прошлом, немного о настоящем, совсем чуть-чуть — о задачах на ближайшее будущее, но почти никто не рассматривает долгосрочные перспективы. То есть мы, занимаясь анализом прошлого, упускаем главное: не формулируем желаемый образ того будущего, к которому движется мир. Поэтому обращаюсь с просьбой: в конце выступлений хотя бы в нескольких словах говорить о том, каким вы видите будущее.

Профессор Анна Владимировна Костина, приглашаю Вас к микрофону.

А. В. КОСТИНА: — В настоящее время, в условиях перехода от однополярного мира к многополярному и формирования нового миропорядка, становится очевидно, что межцивилизационные разломы, во-первых, углубились, во-вторых, проходят по границам ценностных миров — по различиям смыслов, устремлений, которые и определяют образ будущего для каждого субъекта глобальной политики. А образ будущего становится доминантой и путеводной звездой, определяющей образ настоящего. Более того, сегодня мы ясно видим, что главная цель современных войн — не территориальные завоевания, а разрушение идейных и ценностных опор противника, смыслов и значений, метафизики его существования. Победы же в этих войнах соотносятся с защитой и отстаиванием своих ценностей и перспектив. То есть мы должны отстоять свои ценности, несмотря ни на что.

Мария Владимировна Захарова напоминает, что образ будущего, по крайней мере в его идеологической части, неоднократно предлагался Россией всему миру, в том числе Западу. Но наши предложения не были услышаны, а в результате современную международную обстановку можно охарактеризовать как кризисную. Уже в начале 2000-х годов было очевидно, что исходящие от России предложения, касающиеся мира и диалога, не находят ответа. Бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси заявил, что холодная война на самом деле была третьей мировой, а сейчас (это было в 2003 г.) США ввязались в четвертую мировую войну, которая продлится много лет. Ему фактически вторил вице-президент США Ричард Чейни, подтвердивший, что с целью управления всем миром Соединенные Штаты вступили в войну, до конца которой мы не доживем. Это подтверждает наши выводы: война рассчитана не на один год, а на долгий период.

Это война ценностей. Она не может завершиться победным маршем, а будет, возможно, весьма затяжной. Все это позволяет утверждать, что сегодня культура выступает в качестве одного из факторов национальной безопасности и главным источником современного развития. Для подтверждения этого тезиса хотелось бы обратиться к некоторым фактам.

Давайте сравним стратегии национальной безопасности России и США. Мы прекрасно знаем, какие ценностные компендиумы содержатся в этих двух документах. В редакциях Стратегии национальной безопасности США 2015 и 2017 годов постулируется, что расширение американского влияния является национальным приоритетом и что Америка готова для защиты своих ценностей применять военную силу, «при необходимости используя ее в одностороннем порядке». Этот сценарий реализуется постепенно, так что большинство этого не осознает. Сначала разрушаются базовые ценности, потом происходит культурная унификация, изымаются ресурсы, в том числе интеллектуальные, страна теряет способность воспроизводить свой интеллектуальный потенциал, лишается образа будущего и воли к развитию, деградирует.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации была принята в 2021 году. Подчеркну только один момент: очень важно, что наши ценности в Стратегии названы традиционными. Это означает, что они не результат сегодняшней моды, а пронизывают всю историю России, сохраняя свое значение до настоящего времени.

Еще один важный фактор — образование. Александр Сергеевич Запесоцкий вчера кратко сказал об этом, попытаюсь немного развить его тезисы, потому что это очень важная тема для студентов. Образование является одним из важнейших условий формирования единой национальной культуры. Приведу пример. В докладе Всемирного банка от 22 ноября 1994 года с грифом «Конфиденциально. Только для служебного пользования» были представлены рекомендации для российского образования. В том числе: не повышать долю расходов на высшее и среднее профессионально-техническое образование; передать ответственность за выбор учебных материалов от министерства школам; установить минимальные стандарты гражданственности, а именно наличие способности объясняться на иностранном языке и правильно заполнять налоговые декларации. И так далее. Какие цели преследовала данная директива? Кроме очевидной ориентации на депрофессионализацию, она означала разрушение единого ценностного пространства страны, деконструкцию всей ее истории и создание негативного образа государства.

Все, о чем я упомянула, позволяет сделать вывод, что утрата ценностей, допущение искажения истории, обесценивание великих личностей и героев — все это несет в себе угрозу утраты не только культуры, но и суверенитета России. И напротив, сохранение духовных основ позволяет укреплять суверенитет и продвигаться к новым достижениям в направлении развития человека и общества.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Анна Владимировна, как Вы относитесь к дискуссии по поводу Болонской системы?

А. В. КОСТИНА: — Эта проблема давно, с момента вхождения России в Болонскую систему, занимает нас — преподавателей, студентов и все образовательное и научное сообщество. Теперь, когда министр науки и высшего образования сказал о том, что Россия будет отказываться от этой системы, мы можем только одобрить это ре-

шение. Почему? Любая образовательная система носит национально- и культурно-опосредованный характер. Те ценности, которые доминируют в государстве, определяют и векторы развития образования. Без этой важной составляющей — ценностной основы — образование превратится просто в обучение. Мы не можем этого допустить, потому что главная задача образования — воспитать гражданина. Думаю, что коллеги придерживаются такого же мнения.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю на сцену профессора Ирину Викторовну Малыгину.

И. В. МАЛЫГИНА: — Одна из задач нашего форума — создать некий образ будущего. Мы должны пережить и осмыслить сегодняшние события во всем многообразии противоречий, конфликтов и возможностей, но, наверное, это станет возможно лишь тогда, когда мы окажемся на некой дистанции от них.

Все, что связано с так называемым украинским кейсом, убеждает нас в одном: еще недавно наши размышления и теоретические построения, культурные и социальные практики реализовывались в рамках относительно универсальной парадигмы, которую мы рассматривали как дискурс глобализации.

Мир понемногу отказывается от глобализации, но при этом возможно огромное количество сценариев дальнейшего развития. Они существуют как бы в свернутом виде, и мы не знаем, какой из них уже завтра развернется с силой расправленной пружины. Но вот вопрос: можно ли хоть как-то управлять этим процессом и кто в состоянии это сделать? Здесь, как мне кажется, мы оказываемся перед очень важной проблемой субъекта культуры. Все уже признали, что мир не будет прежним, он будет меняться, но мы не проснемся в другом мире уже завтра. На эти изменения потребуется довольно продолжительное время. Кто будет это делать?

Вчера мы много дискутировали на тему идеологии. В культурологии мы употребляем другие термины: социализация и культурация. Анна Владимировна, Вы совершенно справедливо сказали, что пока образовательная система не вернется в прежние национальные рамки, мы так и не поймем, что такое наша национальная культура. Потому что образование, особенно высшее, — это и есть тот ценный «сухой остаток», который остается с человеком и формирует его личность. Когда размываются границы национального образования, одновременно разрываются границы национальной культуры. Это взаимообусловленные процессы.

Здесь мне хотелось бы обратиться к молодому поколению. Надеюсь, вы видите, как бережно мы относимся к той системе ценностей, в которой мы живем, и у вас она тоже сформирована. Различия между поколениями есть всегда, не зря их даже классифицируют определенным образом: есть поколения X, Y, Z, миллениалы и т. д. У каждого поколения свой бэкграунд, оно всегда растет в новом контексте.

И все же — что мы знаем о вас? Нынешняя молодежь формировалась в пространстве четвертой промышленной революции — прозрачного мира и тотального влияния массовой культуры, в результате мы видим человека с разомкнутой, незавершенной идентичностью, который спокойно фланирует по смысловым поверхностям самых разных виртуальных и реальных миров, утратив потребность или способность стать субъектом какой-либо одной из культурных систем. Ему как будто «везде хорошо».

Когда вы говорите, что вам не нужна ни идеология, ни пропаганда, будьте внимательны. К чему? Приведу пример. На одной из культурологических студенческих конференций рассматривалась тема «Иной в культуре», и ребята один за другим рассказывали про монструозного «Другого» и как этот образ преподносится в массовой культуре. В президиуме рядом со мной сидел проректор по науке, доктор технических наук. Я спрашиваю: не правда ли, наши ребята провели отличную работу? А он в ответ: я вообще не понимаю, чем вы, культурологи, занимаетесь, откуда взялись «монстры» и пр.

Но через год случилась Крымская весна. Мы все помним, как тогда весь мир обрушился на Россию. И я напомнила тому проректору, как за год до этого серьезные ученые прозевали развивающиеся процессы, а студенты-культурологи говорили, что мир уже подготовлен к «приходу» монструозного «Другого». Без манипуляции массовым сознанием (хотя я не утверждаю, что причина была только в этом) это было бы невозможно. Так что, дорогие «цифровые аборигены», когда вы наслаждаетесь кинотекстами, имейте в виду, что там пропаганды и идеологии может быть гораздо больше, чем кажется. Будьте внимательны. Мы в вас верим!

Е. И. МАКАРОВ: — Прошу пройти на сцену Дмитрия Альбертовича Лиханова.

Д. А. ЛИХАНОВ: — Поскольку я не ученый, мое выступление будет отчасти публицистическим, но в большей степени это будет речь писателя. Итак, что происходит в нашей стране и что, на мой взгляд, необходимо сделать для того, чтобы наша культура изменилась? Ибо в том, что она должна измениться, сомнений нет.

Мои книги публикуются в крупном российском издательстве «Эксмо». Я хорошо знаю это издательство, в том числе его «кухню» — как там делаются деньги.

В 2019 году мой роман был номинирован на премию «Национальный бестселлер». Это довольно популярная премия, но, как сказали бы теперь, трешевая. Я стал изучать перечень соискателей и обнаружил автора под псевдонимом Упырь Лихой. В своем докладе я упомянул о нем и его книге под непонятным названием «Славянские отаку». Примечательна также рецензия на это произведение некоего эксперта из Москвы Михаила Фаустова, написанная с использованием не вполне пристойной лексики. Не знаю, что об этом подумали члены жюри, но, по-моему, подобные вещи нельзя публиковать ни в коем случае.

В изобразительном искусстве не лучше. Недавно в городе Кирове открылась выставка моего товарища, замечательного русского художника, академика Академии художеств Дмитрия Анатольевича Белюкина. И я, выступая на открытии выставки, сказал: «Знаете, друзья, спецоперация требуется не только на Украине. Спецоперация требуется в русской культуре, потому что она требует очищения от того навоза, который скопился в ней. Я имею в виду все области культуры последних десятилетий».

Сейчас очень важно и в литературе, и в живописи, и в культуре вообще освободиться от всего наносного, от того мусора, который за эти годы на ней нарос, как ракушки на корабль, и сформулировать для общества и для искусства новые цели и задачи, а главное — ту цель, которую ставит перед нами руководство страны. Напомню, что примерно полгода назад на общественное рассмотрение был вынесен проект президентского указа об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нрав-

ственных ценностей, но вскоре обсуждение было приостановлено по инициативе тех людей, которые кормятся с этого «мусора». Но проблему все равно необходимо решать, потому что этот бизнес наносит огромный вред обществу.

Е. И. МАКАРОВ: — Передаю микрофон профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — В различных определениях идеологии подчеркивается, что это не только плод рационального мышления, но и образ будущего, который формирует перспективы нашей жизни. Поэтому «полномочия» искусства распространяются далеко за пределы его эстетических задач. Как и все другие сферы человеческой жизни, искусство ответственно за все, что происходит в мире.

Современная культура открывает бесконечные возможности восприятия самых разных стилей, техник, направлений. Такой широкой доступности искусств мир до сих пор не знал. Поскольку искусство оказывается всем открыто, традиционные проблемы нравственности, нравственного смысла, воспитания трансформируются, приобретают новый вид. В этом отношении характерным явлением представляется такое направление, как новая этика.

В докладе Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова о новой этике сформулированы важные идеи. Действительно, сегодня совершается моралистический поворот, нацеленный на очищение гуманитарного знания от колониализма, расизма, сексизма и т. д. Участливого отношения сегодня требуют те сферы, которые ранее считались маргинальными. Новая этика проникла в искусство, и она, казалось бы, снижает художественную ценность искусства. Поскольку сегодня все всем доступно, интерес смещается от качества произведения к активности художника, от которого ждут осуждения, поддержки, публичного выступления. Достаточно вспомнить «Тангейзера» в Новосибирском театре, «Кармен» в Перми, постановки Константина Богомолова и т. п. Постановки как таковые уходят в тень, а на первое место выдвигается позиция художника, эпатаж.

Искусство оказывается в сложнейшей ситуации. Нефигуративная живопись, литература и кино без сюжетов в какой-то степени затмили классику. Плохо ли это? Может быть, всеобщий доступ открывает бесконечный креативный потенциал человека?

Здесь я хотела бы напомнить важные слова Михаила Михайловича Бахтина о том, что мир человеческого поступка — это ядро нравственности, в котором соединяются воля, эмоции, опыт, теории и контекст. Искусство «работает» тогда, когда такое единение действительно происходит. Образ будущего может быть полноценным лишь при условии, что мы помним о происхождении, знаем не только эксперименты с классикой, но и ее традиционное прочтение. В правильно понятой свободе, отдаленной от провинциализма, и есть образ будущего, который способен построить искусство.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Татьяна Борисовна, в прошлом году, как Вы помните, разгорелась жаркая дискуссия вокруг манифеста Богомолова о новой этике. Насколько вы разделяете его трактовку новой этики?

Т. Б. СИДНЕВА: — Человек — существо традиционное. Искусство как сложнейшая система — та сфера, которая всегда должна помнить о своем происхождении, а иначе эксперимент не работает. Если этого нет, если маргиналия выдается за магистральное направление (как у Константина Богомолова), то возникает то, что мы сегодня видим: Кармен — блондинка, Татьяна мучается в наркотической ломке и т. п. Это было бы невозможно, если бы человек знал исходный, оригинальный текст. И это происходит не только в драматических театрах. Петр Ильич Чайковский, например, безусловный классик, сегодня стал причиной всевозможных споров и скандалов. Киевская академия музыки отказалась от имени Чайковского. Это вопиющий факт, говорящий о многом.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю выступить профессора Марию Ивановну Козьякову.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Мы много говорим на такую важную тему, как идеология, но сейчас никакая идеология у нас невозможна, потому что в Конституции Российской Федерации есть статья, в которой закреплено именно отсутствие государственной или обязательной идеологии. Чтобы понять, почему именно так это сформулировано в нашем Основном законе, надо рассмотреть исторический контекст. В те годы, когда писалась Конституция, были свежи впечатления о недавнем опыте, когда коммунистическая идеология была государственной и обязательной, что стало важным фактором некоторых последующих проблем.

Между тем образование в Советском Союзе было очень хорошим. В учебных заведениях воспитывали не квалифицированного потребителя, как сейчас, а творческого и думающего человека, и требовалось всего лишь избавить их от идеологического довеска. Но, увы, мы выбрали Болонскую систему. Что можно сделать теперь? Вчера была предложена, по-моему, прекрасная формулировка: синтез социального и традиционно-консервативного. Это то, на чем должна базироваться наша ценностная система.

Когда я много лет тому назад писала кандидатскую диссертацию, мне пришлось изучать социальные фонды АФРГ (Ассоциации развития финансовой грамотности). И многие спрашивали: почему у них капитализм, а фонды больше и лучше, чем у нас, хотя СССР — страна социализма. Найти объяснение этому было трудно. Тогда мы рассматривали альтернативу — скандинавский социализм. Так вот, достижения нашего прошлого необходимо вернуть, поскольку мы позиционируем себя как социальное государство.

На Западе вошел в практику термин «постгуманизм», означающий либертарианский индивидуализм, доведенный до предела, до своего отрицания — отрицания всего того, что некогда представляло собой сущность гуманизма. В эпоху Ренессанса теоцентризм был заменен антропоцентризмом, и тогда появились само понятие гуманизма, гуманитарных наук, кружки гуманистов и т. п. В нашей стране гуманизм существует в двух ипостасях: западной и отечественной. Гуманизм в западной ипостаси означает гуманитарные направления научных исследований; в нашей — внимание и уважение к маленькому человеку (гуманизм Толстого и Достоевского), и это чрезвычайно важно для нас сейчас.

Подытожим: наш образ будущего, как я полагаю, — все то хорошее, включая образование и воспитание, что мы можем взять от Советского Союза, дополнив современными технологиями.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Не так давно во Франции состоялись президентские выборы. Во время предвыборной

кампании я обратил внимание, что Макрон, когда агитировал за свое избрание, сказал, что одна из задач, стоящая перед современной Францией, — совершенствовать идеологию. Это к вопросу о том, должна ли в стране быть государственная идеология. Другой вопрос — почему мы от нее отказались.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Хочется поддержать ваш тезис известной поговоркой: свято место пусто не бывает. Не будет нашей идеологии — будет чья-то другая, чужая.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Вы напомнили, что Конституция запрещает государственную и обязательную идеологию. То есть необязательная и негосударственная идеология Конституцией разрешена. Пока мы, видимо, не готовы четко определить, что могло бы нас удовлетворить в качестве идеологии — общественной, государственной, обязательной, любой. Но в трудовых отношениях идеология фактически существует, в семейных тоже. Нет единой, цельной, синтетической, возможно. Для всей страны.

А сейчас я предоставляю слово доценту Ольге Александровне Янутш.

О. А. ЯНУТШ: — Сегодня было сказано о том, что большинство исследователей ориентируются либо на прошлое, либо на настоящее, но почти не затрагивают будущее.

Когда речь заходит о ценностях, возникает ощущение, что существуют два совершенно разных исследовательских мира. В одном мире говорят о том, как сложилась современная отечественная культура. В этом смысле никто не отрицает европейского влияния. Когда же речь заходит о будущем, исследовательский мир совершенно меняется: основной идеей становится поиск своего, отторжение всего чужого. Звучат абстрактные призывы, которые, действительно, не совсем понятно, как реализовывать на практике. В итоге обращение к традиционным ценностям превращается в мифологизаторскую деятельность.

Этнософия — наука, которая как раз занимается исследованием истории культуры и будущего. Она располагается на стыке этнографии, культурологии, антропологии и философии, но отличается от них тем, что уходит от понятийного дискурса в сторону мифологического сознания. В ее рамках мы имеем дело с конструированием антологии смысла в условиях этического релятивизма, когда не понятно, как относиться к тому пути, который был проделан и ценность которого, безусловно, признается. Это первый момент.

Второй момент, к которому я хотела бы привлечь внимание, — дискуссии о тех форматах, которые нужно создавать для сохранения или развития нашей культуры. В одном из замечательных докладов, которые я прочла на сайте, было сказано: не стало солидных семейных альбомов с летописью событий и памятными фотографиями, никто не хранит подшивки журналов, и дальше приводится цитата Д. С. Лихачева: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них <…> значит, он не любит их». Следует признать, что современная культура в принципе развивается в совершенно других форматах. Форматы памяти и любви соразмерны текущей культуре. И реставрация форматов, не соответствующих запросам современного поколения, не может увенчаться успехом. Необходимо искать новый подход. Да, я понимаю эту ностальгию, но мне кажется, что здесь требуется другая, в том числе исследовательская, парадигма.

Наконец, третий вопрос, который у меня возник, когда я читала доклады и слушала интереснейшие дискуссии. Мне кажется, что авторы современных исследований часто путают понятия «цивилизационный конфликт» и «культурный конфликт», или «конфликт культурных ценностей». И хотя консенсус относительно того, что это разные понятия, уже достигнут, каждый раз, когда речь заходит о цивилизационном конфликте, в итоге разворачивается дискуссия о правильных и неправильных ценностях. На мой взгляд, это разные пространства исследования, и смешивать их не совсем корректно.

Главный же вопрос, который должен ставить перед собой исследователь: «Кто мы в настоящем?» На мой взгляд, настоящее не получает должного внимания. Мне кажется, у нас в фокусе оказывается либо прошлое, либо будущее, причем будущее совершенно абстрактное. В идеале оно должно быть хорошим, но как этого добиться, никто не объясняет. По моему мнению, причина кроется именно в непонимании того, кто мы в настоящем. Мы пытаемся конструировать будущее через мифологизацию прошлого либо через идею о том, что будущее построит новое поколение, и оно непременно окажется хорошим. Но кто мы сейчас? Как без ответа на этот вопрос можно пытаться построить будущее?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Ольга Александровна затронула очень интересный вопрос, и в этой связи хочу подчеркнуть: пропагандируя наши идеи и ценности, мы должны понимать, каким языком разговаривать с аудиторией. Всегда нужно думать о том, поймут ли тебя. Есть большая разница между научным языком и языком, который будет понятен среднестатистическому россиянину.

Е. И. МАКАРОВ: — Ольга Александровна, мне, как инженеру, хотелось бы сказать по поводу Вашего выступления следующее. Вчера у нас с госпожой Захаровой была дискуссия относительно искусственного интеллекта и его владельцев. Я сейчас поясню, в чем связь между ней и Вашими словами. Вчера я отмечал, что нам известны имена и фамилии владельцев искусственного интеллекта — тех, кто, ни у кого не спрашивая разрешения, создавал IT-компании и делал программные продукты, в конце концов, превратившиеся в элементы искусственного интеллекта.

Ольга Александровна спрашивала, какая форма может прийти на смену альбому со старыми фотографиями. Как инженер отвечу — такой формой может стать технология виртуальной реальности, способная превратить давно умершего человека со старой фотографии в виртуальную личность. Нейронные сети и искусственный интеллект позволяют вести с этой личностью диалог. Кажется, подобные вещи современному молодому человеку будут намного ближе и понятнее, чем полуистлевшие фотографии. Но тогда встает вопрос: с кем именно происходит подобный виртуальный диалог? Кто собственник и автор искусственного интеллекта? Конечно, искать новые формы крайне интересно и увлекательно, но каждый раз мы натыкаемся на следы капитализма, который останавливает этот поиск.

О. А. ЯНУТШ: — Я говорила скорее о форматах, чем о формах, но очень интересно, что вы привели именно такой пример. Культура — саморегулирующаяся система. Негативные воздействия на нее уравновешиваются другими влияниями. И те и другие нам еще не до конца понятны, тем не менее форматы меняются, и мы должны за этим внимательно наблюдать.

Е. И. МАКАРОВ: — Хотелось бы предоставить слово профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Сейчас все больше начинает обсуждаться тема многополярного мира, о котором еще 15 лет назад говорил В. В. Путин на Мюнхенской конференции. По этому вопросу появилось уже довольно значительное количество публикаций, из которых я бы выделил монографию А. Г. Дугина («Теория многополярного Мира. Плюриверсум»). В ней достаточно подробно раскрываются характерные черты нового состояния мировой цивилизации. Однако ни в одной из публикаций, в том числе и дугинской, не исследуются основания, на которых эти характерные черты будущего могут быть реализованы.

Вся жизнедеятельность человечества основана на так называемой антропоцентристской парадигме. В соответствии с ней центральное место в мироздании занимает человек, который реализует свои возможности исходя из собственных интересов. Ядро антропоцентристской парадигмы составляют именно интересы различных общественных субъектов. Как правило, реализация этих интересов осуществляется в конкурентной борьбе путем подавления соперников, в частности с помощью введения разного рода санкций. Текущая ситуация представляет собой конкретное проявление реализации противоположных интересов.

Как бы ни прогрессировала современная цивилизация, различного рода конфликты, связанные с реализацией интересов, никуда не исчезают. Более того, по мере развития научно-технического прогресса они становятся все более острыми, сложными и, можно даже сказать, все более бесчеловечными. Таким образом, встает следующий вопрос: «Возможно ли дальнейшее развитие и утверждение многополярного мира на основе антропоцентристской парадигмы, или новое состояние общества, которое декларируется в концепции многополярного мира, требует совсем другого подхода, другой парадигмы?»

В литературе уже появились предложения заменить антропоцентристскую парадигму на антропософскую. Если идея антропоцентристской парадигмы, как я уже говорил, заключается в реализации различных интересов, то антропософская парадигма предполагает выдвижение на первый план общечеловеческих культурных ценностей. Иными словами, в основу новой парадигмы должна лечь культура, которая сделала человека человеком. Только с такой сменой парадигм возможно утверждение многополярного мира.

Проблем, которые, так или иначе, относятся к тому, что мы сегодня называем многополярным миром, касались в своих исследованиях А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден. Они предлагали гуманистические пути решения человеческих проблем. Но давайте задумаемся, какова сегодня судьба идей Чижевского, Вернадского, Тейяра де Шардена? Они забыты. Они не реализовались, хотя представлялись весьма многообещающими. И произошло так потому, что эти идеи не совпадали с антропоцентризмом человеческого существования.

Каковы перспективы возможной смены общечеловеческой парадигмы? Реализовать ее можно только через некий мировой культурный форум, где будут утверждены общечеловеческие ценности. Если этого не произойдет, тогда многополярный мир останется лишь голубой мечтой человечества.

Д. Н. КАТЫШЕВА: — Скажите, пожалуйста, учение о ноосфере Вернадского сегодня каким-то образом развивается?

А. П. САДОХИН: — Фрагментарно — да. Почему? Основополагающей идеей Вернадского была организация взаимоотношений человека и природы. Как сегодня решаются экологические проблемы? В соответствии с представлениями Вернадского или нет? По-моему, нет.

Г. В. СКОТНИКОВА: — Мне кажется, идею общечеловеческих ценностей, какой бы красивой она ни была, стоит положить в копилку пока не определенной будущности. Простите, что опять ухожу в прошлое, тем не менее, на мой взгляд, нет ничего лучше идеи, которую принесла на своих знаменах Великая французская революция — права и свободы человека и гражданина. Каждый человек свободен в реализации своих ценностей и культурных интересов, но ровно до тех пор, пока не нарушает границ чужой свободы. Мне кажется, вот правило, которое может регулировать многополярный мир или любые диалоговые отношения в целом.

Итак, ключевой вопрос заключается в том, кто должен реализовать эти идеи, провести смену парадигм, если даже такие фундаментальные организации, как ООН, со своими функциями не справляются?

А. П. САДОХИН: — Да, ООН имеет общемировое значение, но можно назвать множество постановлений и деклараций ООН, которые сегодня безнаказанно игнорируются или нарушаются. Авторитет ООН снизился. Она превратилась в дискуссионный политический клуб, который навешивает ярлыки своим участникам, но дальше этого дело не идет. Таким образом, отдавать организующую роль ООН, мне кажется, не следует.

Нужно созвать особый мировой культурный форум, который бы утвердил общечеловеческие ценности в качестве руководящих принципов нового миропорядка.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Прозвучали интересные выступления, были высказаны полемические точки зрения. Это очень хорошо. Я всегда говорю студентам: если все будут со всеми согласны, то наука остановится в развитии. Необходим поиск новых направлений и подходов.

Я обратил внимание на один момент. Мы часто провозглашаем прекрасные идеи, с правильностью которых трудно спорить. Однако не всегда понятно, как идея касается конкретного человека и что он должен сделать для ее воплощения. Александр Петрович Садохин очень верно заметил, что никто не возражал против идей Вернадского об организации оптимальных взаимоотношений человека и природы. Но какие практические шаги человеку следует для этого предпринять? Начиная с самых простых составляющих жизни: куда выбрасывать мусор, как правильно наладить отопление в доме и пр. Только когда мы переходим к практическому решению вопроса, тогда можно оценить, в самом ли деле человек принял и оценил ту или иную идею, действительно ли будет пытаться ее реализовать. Поэтому все провозглашаемые идеи нужно развивать до конкретики: что может и должен сделать каждый. Тогда идеи будут воплощаться в жизнь.

Е. И. МАКАРОВ: — Я хотел бы предложить выступить профессору Вячеславу Александровичу Шахову.

В. А. ШАХОВ: — Прежде всего, обозначу проблемы, существующие в самом западном регионе Российской Федерации — Калининградской области, которая является частью юго-восточной Балтии. Основная проблема — формирование идентичности. Есть несколько инструмен-

тов для того, чтобы исправить эту проблему. Должен отметить, что в Калининградской области процессы, связанные с попытками западных политтехнологов изолировать русскую цивилизацию, ощущаются наиболее остро.

Есть и другие проблемы. Например, миграционный транзит на Запад русско-немецкого населения, которое в основном переезжает из Казахстана в Германию. Существует проблема мультинациональной общности: 135 национальностей на территории 15 тыс. квадратных километров — это очень серьезно. Самая большая по численности диаспора — литовская (18 тыс. человек). Есть проблема германофильства. Приходится сотрудничать с западно ориентированными силами, тормозить их, наблюдать, что они представляют нашему обществу.

Сегодня я хотел бы остановиться на двух важнейших блоках проблем: экзистенциальном характере отношений с соседними странами, Литвой и Польшей, и духовно-нравственном воспитании молодежи.

Что касается первого вопроса, то, чтобы понять его суть, необходимо посмотреть на то, как строились отношения с Литвой и Польшей до отмены русской культуры. Диалог русской и литовской культур отсылает нас в далекое прошлое, напоминает о политической и культурной истории существования в одном государстве. Достаточно перейти через реку Неман по мосту королевы Луизы в городе Советске, бывшем Тильзите, — и вы оказываетесь в Литве. Работая в структуре города Советска до 2013 года, мы очень многое делали для того, чтобы диалог состоялся. Например, устраивали грандиозный фестиваль российской культуры «Российская волна» в литовском городе-курорте Паланга. Я хотел бы подчеркнуть гуманитарную сущность этого фестиваля и сказать, что он был единственным проектом в истории взаимоотношений наших государств, который базировался на общественной инициативе диаспорного движения Литвы и Российской Федерации. Также нужно упомянуть европейскую программу грантов «Литва — Польша — Россия», реализуемую с участием Калининградской области.

То, о чем я сейчас говорю, созвучно с мыслями, изложенными Яковом Георгиевичем Шемякиным в докладе о принципах диалога культур и Сергеем Григорьевичем Мусиенко в работе о концепции «свой — чужой» в области культуры и идеологии. Однако в ситуации взаимоотношений Калининграда и Литвы бахтинская идеология как борьба умов не может быть применена, поскольку Литва свой ум отключила: за нее, как я и сказал, думают Соединенные Штаты. И все-таки надежда умирает последней. Хочется верить, как сказал в своем докладе «Творчество и разрушение как культурные практики» мой коллега Николай Николаевич Суворов, что всякое разрушение становится началом последующего творения.

Особую роль в обеспечении духовно-нравственной безопасности российского общества играет система ценностей молодежи. Был создан патриотический фонд увековечения памяти фельдмаршала Петра Александровича Румянцева. Выпускается серия буклетов «Русский солдат на дорогах Пруссии» и научный журнал «Проблемы международных связей» (я возглавляю его уже 20 лет) — мы пытаемся работать в практически разрушенном культурном поле.

Е. И. МАКАРОВ: — Прошу выступить доктора исторических наук Якова Георгиевича Шемякина.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Очень удачно получилось, что мне выпало выступать после предыдущего докладчика. Я начну с несколько провокационной цитаты, принадлежащей историку Андрею Борисовичу Зубову: «Совсем не случайно, что все, связанное с технологией, пришло в Россию с Запада. И корабль, и выборы, и телефон, и крекинг нефти, и воинский строй, и каменное зодчество, и регулярная планировка, и компьютер, на котором пишется эта статья, — все, в конечном счете, оттуда».

На мой взгляд, очевидно, что западная цивилизационная традиция уже стала неотъемлемой частью социально-генетического кода российской цивилизации. Представить себе российскую культуру вне диалога с Западом невозможно. Но сейчас Запад навязывает нам монолог, иными словами, отрицание диалога, превращение его в противоположность.

Действия современного Запада можно назвать глобальным отказом от собственных традиций. На что эти действия провоцируют нас? На такой же монологический ответ. На мой взгляд, это одна из главных опасностей, которые нам угрожают, потому что вне диалога с западной традицией, считаю, утвердить собственные ценности мы не сможем. Надо стараться налаживать диалог. Меня очень порадовала буря оваций в адрес Ги Меттана. Он один из самых мужественных и последовательных представителей исконной западной традиции.

Насколько западному обществу удастся противостоять монологизации — большой вопрос. На Западе очень ярко выражен исключающий дискурс. Даже если диалог в нем в принципе признается как реальность, то западная цивилизация ставится на неизмеримо более высокую ступень в иерархии бытия по сравнению с теми, с кем вступает в диалог. Превращение диалога в монолог началось не сегодня, но даже тогда, когда ценность диалога, казалось бы, не отрицалась, цель его трактовалась вполне определенным образом — усвоение собеседником западного стандарта плюрализма.

Приведу пример исключающего дискурса. Есть книга современного британского автора Ниала Фергюсона, заголовок которой на русский язык перевели достаточно мягко — «Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира». В оригинале же он звучит так: «Civilization. The West and the Rest», то есть «Запад и остаток». В основе принципа о Западе и прочих странах как остатке мировой истории две составляющие. Во-первых, изначальные претензии монотеистических религий, в данном случае христианской и особенно ее жесткого варианта — протестантизма, на духовную монополию и монополию связи с божественным. Во-вторых, достаточно мощная традиция, восходящая к наследию Аристотеля, его учению о том, что в процессе познания принимаются во внимание только чистые формы, а все остальное, что не вписывается в них, — недостаточно значимый для изучения предмет. Эта аристотелевская культура рассудочных дефиниций легла в основу формальной рациональности Запада. Формальная рациональность характеризуется тремя убеждениями. Первое — все можно сосчитать, нет ничего, что не поддается счету. Качественные определения не имеют значения. Второе: раз все можно сосчитать, следовательно, все можно познать. Третье: раз все можно познать, миром можно править. По крайней мере, той его частью, которая доступна человеку.

В начале дискуссии прозвучал призыв обрисовать будущее и путь к нему. На мой взгляд, нужно вопреки всему утверждать принципы диалога. В качестве цели мы должны провозгласить создание не просто многополярного мира, а такого мира, в котором все культуры будут иметь

возможность осознавать себя как центр и определенный способ трактовки человеческого начала.

Е. И. МАКАРОВ: — Яков Георгиевич, позвольте вопрос. Я несколько лет назад присутствовал на встрече Латиноамериканской социологической ассоциации. На меня произвело большое впечатление, что многие представители ассоциации спрашивали меня о таких явлениях в нашей культуре, как программа ликвидации безграмотности и система образования Макаренко. Это была случайность или интерес был неподдельным и можно говорить о конкретном проявлении взаимодействия?

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Думаю, интерес был неподдельным. Да, это один из моментов взаимодействия.

Е. И. МАКАРОВ: — Когда Вы употребили слово «монолог», мне пришел на ум древний символ Уроборос: змея, пожирающая свой хвост. Почему монолог превратился в основной способ изъявления точки зрения наших уважаемых западных партнеров? Монолог стал продолжением хаоса толпы. Голова змеи — это монолог, а хвост — это хаос толпы. Или наоборот. Из Уробороса надо вырваться, и Вы, Яков Георгиевич, совершенно точно определили направление, в котором нужно для этого двигаться.

Прошу выступить профессора Татьяну Иосифовну Ерохину.

Т. И. ЕРОХИНА: — Сегодня мы много раз упоминали такие категории, как «прошлое», «будущее» и «настоящее». Настоящее для меня связано с противопоставлением «утопия–антиутопия», в котором мы так или иначе существуем.

Одна из функций культуры — проективная, и любой проект, который она предлагает осуществить в будущем, конечно, утопичен: он заключает в себе идеал, к которому мы стремимся и на который ориентируемся. В истории культуры такими утопическими проектами были представления и о «золотом веке», и о светлом будущем, которое являлось элементом многих мифосистем, в том числе советской. К современности утопическое восприятие применяется крайне редко: люди практически никогда не говорят о том, что их настоящее идеально. Такой проект идеальной оценки современности, пожалуй, существовал в социалистическом реализме, когда идеализировалось текущее состояние общества.

Выстраивая будущее, мы тоже сталкиваемся с амбивалентностью «утопия–антиутопия», на которую я хотела бы обратить внимание. Для антиутопии как жанра характерна ориентация на будущее. Антиутопия всегда содержит предупреждение о том, к чему мы можем прийти.

Знаете, какая самая большая сложность возникает во время обсуждения со студентами классических романов-антиутопий Брэдбери, Хаксли, Оруэлла, Бёрджеса? Сложнее всего найти в предложенных этими авторами концепциях общества утопические черты. Никакая власть ни в романах, ни в жизни, конечно же, официально не заявляет, что устанавливается тоталитаризм и личность всячески притесняется. И в этих текстах каждая концепция антиутопического общества, если взглянуть на нее с определенной стороны, строится на идеальных началах. Также можно задаться вопросом по поводу «Заводного апельсина» Бёрджеса: утопия это или антиутопия? Ведь в романе реализована идея абсолютной свободы: люди могут делать все, что захотят. Грань между понятиями «утопия» и «антиутопия» очень зыбкая.

Сегодня прозвучал вопрос о режиссере Богомолове. Он был задан не мне, но, если позволите, я коротко выскажусь по поводу его манифеста «Похищение Европы 2.0» и выдвинутого в нем тезиса об этическом рейхе. Заявления Богомолова во многом провокационны и эпатажны, чего требует жанр. Мне самой, конечно, ближе взгляд на новую этику академика Гусейнова, но, согласитесь, Богомолов поднял острый вопрос, ответ на который для нас очень важен, — вопрос о культурной идентичности. Мы должны определить, что собой представляем и куда нам дальше идти.

Подводя итог, хочу сказать: мы больше не можем находиться на грани, мы должны принимать решение. Этого требует время, в которое мы живем. Мы находимся в ситуации, в которой начинаем отделять своих от чужих, хотя вроде бы учитываем двойственность положения дел.

Очень сложно предложить конкретный путь к новому мироустройству, но, на мой взгляд, принципиально важно понять, что в основу культуры должны быть положены этические принципы. Новая ли это этика, старая ли — уже не столь существенно, главное, чтобы этика была. Идеология строится на ценностях — традиционных, национальных. Да, она тесно связана с мифологизацией, потому что сакрализация ценностей любой культуры не может происходить без мифологизации. И, безусловно, она предполагает осознание своей культурной идентичности.

Е. И. МАКАРОВ: — В продолжение нашей дискуссии приглашаю на трибуну Светлану Александровну Мадюкову.

С. А. МАДЮКОВА: — Того частного аспекта темы культурной реальности, о котором я буду говорить, сегодня еще не касались. В наших исследованиях мы называем этот аспект этнокультурным неотрадиционализмом. Несмотря на то что я работаю Институте философии, я себя идентифицирую в первую очередь как социолог, и эта концепция возникла в ходе полевых социологических исследований в Южной Сибири. Молодые люди очень часто говорили мне, что хотят знать традиции своего народа, выполнять национальные обряды, чтобы ощущать причастность к своему народу. Они, разумеется, не использовали термин «идентичность», но именно в этом была их конечная цель: идентифицировать себя со своим этносом. По итогам данных исследований была сформулирована концепция культурного неотрадиционализма, обозначающая узловые моменты, характеризующие этот феномен. Должна оговориться: эмпирической базой наших исследований в первую очередь были так называемые этнические регионы Южной Сибири. Однако мы понимаем, что Россия — многонациональная страна: в ней проживают представители свыше 180 национальностей, в ее состав входят 22 национальные республики. Поэтому когда мы говорим о культуре России в целом, эти черты — полиэтничность и поликультурность, — на мой взгляд, должны обязательно учитываться.

Что такое неотрадиционализм? Это синтез традиционного и инновационного в самых разных его модификациях. Данный феномен, конечно, неоднороден по своей структуре, в нем есть разного рода перекосы, о которых я скажу чуть позже. В синхронном и диахронном аспектах этот феномен существует следующим образом. В синхронии происходит взаимодействие различных этносов и культур, когда элементы одного этноса становятся новациями для культуры другого этноса. А в диахронии в ходе исторического развития эти новации могут либо прижи-

ваться, если они проходят проверку на соответствие ценностному ядру принимающей этнической культуры, либо не приживаться.

Сейчас, как мне кажется, мы находимся на этапе возрождения неотрадиционализма, который, пожалуй, наиболее ярко проявляется на постсоветском пространстве с 1991 года. В это время в странах, входивших в состав СССР, возвращение к этнической культуре как способу формирования групповой идентичности стало крайне актуальным, поскольку идентифицировать себя как бывшего советского человека было невозможно, и появилась необходимость в других формах идентичности.

Хотелось бы заострить внимание на принципиальном моменте. Часто высказывается мнение о том, что поддержка и актуализация этнических и субэтнических культур могут привести к раздробленности общества, его фрагментации. Как мне представляется, этот тезис не совсем корректен. Мне кажется, здесь уместно сравнение с оркестром: когда каждый музыкант вдохновенно исполняет свою партию, произведение звучит особенно красиво и гармонично.

Однако неотрадиционализм несет иную угрозу, не менее значимую, на мой взгляд. Как я уже говорила, он очень неоднороден по своей структуре, поэтому может проявляться в разных формах. Как соблюсти баланс между сохранением и актуализацией глубинных этнокультурных ценностей и той формой неотрадиционализма, которую исследователи называют квазитрадиционализмом или псевдотрадиционализмом — развратом культуры, когда обращение к корням начинает использоваться в коммерческих целях? В таком случае возникает «мусорная» культура, которую сегодня уже упоминали. Мне кажется, это очень актуальная проблема. И когда она будет решена, я прогнозировать не берусь.

Е. И. МАКАРОВ: — Выступает Елена Александровна Полякова.

Е. А. ПОЛЯКОВА: — Хочу поговорить о национальной идентичности, подмене системы ценностей и роли толерантности в этом процессе.

У нас наблюдается размытость образа национального героя — это факт. В 2021 году в Московской области провели анкетирование школьников 6–11-х классов, в котором приняли участие 6 тыс. человек. Итоги анкетирования таковы. Для 23 % опрошенных национальными героями являются члены их семей; для 18 % — представители того или иного коллективного сообщества: президент Владимир Путин, врачи, учителя, герои Великой Отечественной войны, среди которых были названы, например, Георгий Константинович Жуков и Зоя Космодемьянская. 15 % ребят отнесли к своим национальным героям персонажей вселенной «Марвел». И 23 % не смогли ответить на заданный вопрос. Эти места вакантны, чем мы и можем воспользоваться.

С чего начинает формироваться система ценностей? В процессе дискуссии мы обсуждали проблемы мировоззрения, образования, говорили о студентах, однако важно помнить, что ценности закладываются в раннем детстве. Ситуацию, когда национальными героями российских детей стали персонажи «Марвел», можно назвать только катастрофой.

Готовясь к одной из лекций, я проанализировала, как образ национального героя отражается в культуре на примере английских, немецких и русских сказок. Разница меня поразила. Если кто-то из вас читал английские сказки (такие, например, как «Молли Ваппи» или «Джек и бобовый стебель»), то он согласится, что для английского национального героя первично стремление к обогащению и материальное благополучие, затем следуют избегание неудачи и наказание зла. Если мы говорим о системе ценностей в немецкой культуре, то там лидирующие позиции занимают (по убывающей) семья, традиции и опять же наказание зла. Наконец, рассматривая русские сказки, мы можем построить следующую иерархию ценностей: борьба со злом, его наказание и только затем поиск выгоды для себя.

Таким образом, получается, что поколение, воспитанное на традиционной сказочной культуре и формируемой ею системе ценностей, вдруг в какой-то момент погружается в иную культуру, которая связана с совершенно иной парадигмой. Взрослые часто задаются вопросом: почему так сложно понять современную молодежь, что с ней происходит? А происходит подмена исконных мировоззренческих основ. И с моей точки зрения, причина этого — толерантность.

Еще со студенческой скамьи я привыкла при работе с термином в первую очередь искать его определение в словарях. Листая словари, мы видим, что первооснова термина «толерантность» — опасное привыкание к болезнетворным микробам. Еще в XIX — начале XX века понятие трактовалось именно так. Но затем толерантность стала занимать иное место в системе ценностей, начала практически возводиться в культ. Теперь она ассоциируется с уважением. С моей точки зрения, это неправильный подход, потому что в первую очередь данное понятие предполагает терпимость. Утверждение системы новой этики, происходящее сейчас, осуществляется именно через толерантность.

Любая культура табуирована, и именно табуированность обеспечивает степень ее сохранности. Возможно, имеет смысл подумать о системе табуирования российской массовой культуры с целью сохранения ее идентичности.

А. В. КОСТИНА: — Елена Александровна, что Вы понимаете под массовой культурой?

Е. А. ПОЛЯКОВА: — Имеется в виду не столько культура, которая транслируется в массы, сколько культура, которая не соответствует нашей системе ценностей, но навязывается средствами массовой информации.

А. В. КОСТИНА: — Елена Александровна, где проходит грань, отделяющая толерантность от сверхтолерантности — оправдания всего под предлогом свободы?

Е. А. ПОЛЯКОВА: — Эта граница довольно зыбкая. Толерантность, с моей точки зрения, вторична. В первую очередь речь должна идти об уважении.

Е. И. МАКАРОВ: — К микрофону приглашается Ольга Дмитриевна Шемякина.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Молодежь, присутствующая в этом зале, воспитана на идеях общества потребления. Сегодня система, основанная на принципах общества потребления и Болонского процесса (когда студент имеет право выбора и включен в европейскую систему образования), рушится. И какие слова слышит молодежь? Ценности, патриотизм, идеология.

Мне кажется, важно не просто выйти из Болонской системы, но не утратить ценности европейской цивилизации

и систему знаний, в частности европейскую социологию, работы ученых, переживших мировую войну, на чьих биографиях отпечаталась эта великая трагедия, например социологов Зигмунта Баумана и Норберта Элиаса, которые хорошо знали тупики собственного культурного ареала.

Следует научиться понимать страхи, которые испытывает человек другой культуры и которые, несмотря на уровень потребления, способны деформировать внутренний мир человека (настолько, что он становится зависимым от стабилизирующих препаратов, системы вспомоществования, которая лечит душу). Это страх человека, у которого ничего нет и который очень одинок (он не включен ни в корпорацию, ни в ассоциацию), единственное, что он защищает, — это собственное тело (то, как оно ест, спит, тренируется). Этот уровень доступен в данный момент огромному количеству представителей европейской культуры. Управление телом — единственная реальная свобода.

Но она лишает человека основной потребности — в коммуникации. Отсюда — депрессия, одиночество (ведь даже люди с высоким уровнем дохода загнаны в кондомиониумы). Важно, чтобы мы в процессе отмены не отменили бы тех, кто имеет душу, совесть и испытывает тревогу за завтрашний день всего человечества.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю на трибуну Елену Михайловну Гашкову.

Е. М. ГАШКОВА: — Мое выступление посвящено сохранению исторической памяти и семейных реликвий в цифровую эпоху. У меня вызывает сожаление то, что мы утратили, и возникают опасения за наше цифровое настоящее и будущее. Эти опасения усилились в период пандемии, когда мы вынужденно пребывали наедине с собой и обучали студентов дистанционно. Информационный контент, который увеличивается по экспоненте, продолжает размещаться в маленькой коробочке — такой вызов поставила перед нами современность.

Второй вызов — военные действия — актуализирует абсолютно другие ценности: вода, свет, газ, тепло и др. То есть человечество вернулось к своим истокам и начинает размышлять, что делать, несмотря на наличие колоссальных возможностей.

Историческая память, которая подвижна и ситуативна, корректируется, становится избирательной. Это своеобразная защитная реакция, когда человек не хочет вспоминать что-то тревожное. Я задалась вопросом: что мы оставим следующим поколениям, нашим дипфейкам?

Сожаление, что мы утрачиваем семейные реликвии (альбомы, песенники, артефакты), связано с тем, что мы не можем восстановить прошлое, чтобы не повторять ошибок. Например, блокадные дневники — потрясающий проект, который никого не оставляет равнодушным. Семейные реликвии, которые мы бережно храним, образуют два блока: вера и воля. То есть мы храним то, что являлось священным для наших предков (иконы, военные награды, письма с фронта). Однако наши футуристические ожидания сталкиваются с политическими процессами и не выдерживают испытания временем.

Работа швейцарца Томаса Хиршхорна «Срез» послужила отправным пунктом для размышлений. Она была выставлена на биеннале «Манифеста-10» в Эрмитаже и представляет собой разрушенное здание с поломанной стеной. Мы видим быт людей, сохранившийся в небольших фрагментах. Но Эрмитаж не был бы Эрмитажем: на стенах комнат на верхних этажах висят картины Родченкова, Малевича, Филонова, которые остались невостребованными. На вопрос, кого или что мы будем спасать во время войны — близких или произведения искусства, — здесь дан однозначный ответ. Но культурологи, работники музея, наверное, будут спасать «Джоконду».

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Георгию Александровичу Праздникову.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Свое выступление я назвал «Диалогичность традиций», что не случайно: в начале 1980-х годов в журнале «Советская этнография» развернулась дискуссия о традиции, импульс которой задала статья Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы культурной традиции». Моя работа в развитие этой дискуссии называлась «Традиция как диалог».

На сегодняшнем заседании тема диалога неоднократно поднималась, так же как и тема традиций. Мне кажется, что диалогичность традиций очень важна для их понимания. Потому что традиция предполагает обобщение (русская традиция, японская или традиция Востока), но вместе с тем всегда избирательна. Традиция — это не только прошлое, которое воздействует на настоящее, но и то, что выбрано из прошлого в соответствии с инновационными задачами. Произведения Чайковского и Мусоргского, Стравинского и Шостаковича — это разные русские традиции. И этот момент важен для их понимания.

Еще одна из обсуждаемых сегодня тем — Болонский процесс. Мне пришлось вникнуть в его суть, и в результате в журнале «Социологические исследования» была опубликована моя статья «Болонский процесс в смысловом пространстве современного образования». Я проанализировал документы Болонской системы как процесса, в развитии, и не нашел в них ничего, что противоречило бы образованию в классическом понимании, к которому пришла философия образования во второй половине XX века.

Сегодня уже говорили о том, что нужно опираться на русскую традицию. Ориентация на национальные особенности зафиксирована и в документах Болонского процесса. А то, что мы из всего этого взяли, — проблема нашей идеологии. Мы выбрали ориентиры, исходя из интересов рыночников и либералов. Так, интервью бывшего министра социального развития профессора А. П. Починка называется «Главное — воспитать рыночного человека». Не просто человека воспитать, а рыночного — это определило то, что мы заимствовали из Болонской системы.

Бакалавриат исключает возможность фундаментального образования, которое является традицией отечественного обучения. Это запрос рынка, потому что на Западе бакалавриат на протяжении длительного времени мыслился как переходное звено между школой и университетом, а в России он стал ступенью высшего образования.

Между принципами идеологии, которые будут сформулированы (ментально или в Конституции), и тем, что мы выбираем, существует дистанция. Идеология, которая продолжает существовать (либеральная, советская и пр.), несмотря на статью в Конституции РФ, в наши дни определяет выбор из целого, в котором представлен комплекс разных возможностей.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю выступить Андрея Валерьевича Агошкова.

А. В. АГОШКОВ: — Сегодня все говорят о кризисе. Преподаватели — о кризисе в сфере образования, эко-

номисты — об экономическом кризисе. На юридической секции Лихачевских чтений тоже было заявлено, что право переживает кризис. Я попытаюсь определить причины сложившейся ситуации.

Один сотрудник Института государства и права РАН рассказал о том, что сегодня сложилась токсичная социально-психологическая ситуация, поэтому в обществе высок запрос на справедливость. В ответ академик А. Г. Лисицын-Светланов сказал: «А что такое справедливость? Ее и не было никогда. Везде была несправедливость. Это миф». Пока высказываются такие мнения, кризис не будет преодолен. Мне хотелось бы напомнить о порядках начала XX века: 14-часовом рабочем дне, 7-дневной рабочей неделе и выходным по церковным праздникам, детском и женском рабском труде, отсутствии пенсий, пособий, страхования, отпусков и т. д. У меня иногда создается ощущение, что часть правящего класса не воспринимает социальный прогресс как исторический процесс. Хотелось бы дожить до тех времен, когда дискуссии о праве, экономике, образовании, культуре из плоскости мифологии поднимутся на уровень науки.

Е. И. МАКАРОВ: — На трибуну приглашается профессор Елена Сергеевна Протанская.

Е. С. ПРОТАНСКАЯ: — Сегодня нельзя не признать кризис ценностей. Американский социолог Рональд Инглхарт в течение многих лет проводил исследование системы ценностей. Охват респондентов получился очень широким, а результаты — весьма репрезентативными. Среди ценностей, которые назвали все народы, в первую очередь было отмечено доверие. В разных странах индекс доверия различается. Самый высокий — в Китае (до 60 %). В России этот индекс снизился в 1990-е годы и вырос в 2000-е. Доверие — это вопрос диалога. Единство нации предполагает выработку представлений о своей истории и перспективах.

Культура диалогична, и чем больше развит диалог между разными поколениями, учеными, между государствами и обществом, тем вероятнее достижение взаимопонимания. Сегодня как никогда актуально взаимопонимание между поколениями, идея префигуративной культуры, ориентированной на будущее, в котором молодое поколение ощущает себя технологически превосходящим все предшествующие и способным научить.

Маргарет Мид писала: мы знаем, что будущее не будет таким, какими были наша юность и зрелость, что оно будет другим, но каким — мы не можем предсказать. В связи с этим диалог между поколениями является важным условием взаимопонимания, формирования ценностей, которые нам сегодня необходимы, чтобы быть вместе.

Кризис системы ценностей вызван тем, что традиционный патернализм, в котором мы выросли, сегодня сменяется другими ориентациями. На смену патернализму, когда кто-то решает за человека, приходит понимание того, что человек сам является хозяином своей жизни. Плохо это или хорошо? Наверное, хорошо, потому что это дает стимул к развитию индивидуальности, творчества. И наряду с этим происходит формирование ответственности, чувства долга.

Часто можно услышать мнение, что Россия — это страна возможностей. Мне кажется, что нужно говорить о том, что Россия — это страна ответственности, долга, когда образование, социальные льготы и возможности, которые человек получает, — это в том числе и зона его ответственности.

Завершая, хочу сказать, что поиск идеологии — это поиск не запретов и законов, а взаимопонимания между разными поколениями и всеми слоями общества.

Е. И. МАКАРОВ: — К микрофону приглашается профессор СПбГУП Александр Петрович Марков.

А. П. МАРКОВ: — Я не соглашусь с мнением Евгения Ивановича, который сказал, что мы в основном рассуждаем о прошлом и настоящем, но никто не говорит о будущем. В частности, мой доклад посвящен кризису цивилизации и сценариям грядущего мироустройства.

Как мне показалось, вчера на пленарном заседании и сегодня на секционном заседании звучало много лукавых формулировок.

В сегодняшних выступлениях вызвал удивление тезис о благе, которое якобы обусловлено единством человека и природы. Но сама культура возникает как не-природа, вторая природа.

Несколько слов по поводу идеологии. На мой взгляд, Жан Терентьевич внес путаницу, сказав, что идеология — это наука о бытии. Она никогда не была и не будет наукой. Идеология — это социально-культурный институт, который обеспечивает ценностно-нормативное единство общества и транслирует смыслообразующий сценарий. Необходимо понимать, для чего мы живем. Но на этот вопрос пока нет ответа, поэтому сегодня высказывались опасения. Однако это не означает, что надо менять Конституцию и вносить в нее статью об обязательности идеологии.

Смысл не в системе гуманитарного знания, поэтому выглядит смешным вариант, когда идеологию предлагают придумать. Не надо ничего придумывать. Можно взять евразийский проект философа А. С. Панарина. Макроевразия может объединить три четверти населения мира, несмотря на то, что оно исповедует разные религии. Людей может объединить идея справедливости и то, что англосаксонский гегемон считает их изгоями. Еще один вариант — «Москва — Третий Рим». Необходимо сохранить для будущих поколений неизуродованный образ человека, который присутствует в Нагорной проповеди Христа.

Но есть и другой смысл. Профессор Петр Дуткевич отметил, что у русских есть хорошее качество — способность к самоотречению. Но она проявляется тогда, когда есть ответ на вопрос, во имя чего отрекаться.

Я хочу напомнить о формуле, позволяющей понять, с чего началась русская цивилизация. Речь идет о византийском термине «катехон», означающем препятствование окончательному торжеству зла в истории. Вот Россия его и останавливает. Имя зла — языческие стихии, влекущие за собой реванш расизма. Философ Гейдар Джемаль говорил о неизбежности реванша «культуры жрецов».

Нужно рационально смотреть на происходящее — в этом заключается миссия морально ответственной интеллектуальной элиты и первый ресурс. Второй ресурс — это система образования. Мы должны заложить основы духовной и душевной безопасности, чтобы молодежь устояла от соблазнов страшного грядущего мира.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю на трибуну профессора СПбГУП Светлану Борисовну Никонову.

С. Б. НИКОНОВА: — Я хотела бы поговорить о новой этике. Один из выступающих сказал, что новая этика, получившая развитие на Западе, знаменует отход от западных ценностей и традиций.

Когда мы говорили об отрицании западных традиций и настаивали на собственной, возник вопрос, почему современная молодежь в большей степени знает западную культуру, чем отечественную. Все современные институции — по сути, западные, созданы Западом в период Нового времени. Весь глобализированный мир создан по западным образцам.

Если мы сейчас исключим все западное и будем развивать только свое, станем традиционалистами, то мы уничтожим основание, на котором достигли стадии самосознания, отменим его. То есть мы ничем не отличаемся от тех, кто поступает так же в рамках новой этики на Западе. Мы хотим отменить западные ценности, которые развили в нас самосознание.

Традиционалистский проект — та же самая новая этика, «культура отмены», которая возникла на Западе. То есть в этом мы полностью следуем западной тенденции. Что делать? Вспомнить, что западная система, которая привела нас к тому, что мы признали права другого, послужила основой для нашей культуры (которая сейчас по всему миру отменяется), рационального рассуждения и критического мышления. Нужно отказаться от голословных рассуждений и воспользоваться собственным разумом.

У Юргена Хабермаса есть статья с характерным названием «Модерн — незавершенный проект». Может быть, следует согласиться с Хабермасом в том, что надо вернуться к ценностям модерна и вопреки «культуре отмены» придерживаться ценностей Просвещения.

Что нам это даст в плане идеологии? На пленарном заседании этот вопрос обсуждался, и многие говорили, что нам нужна идеология. Мария Владимировна Захарова сказала, что идеологию не могут спустить сверху, и предложила вариант формальной идеологии, которая призывает пользоваться собственным разумом, размышлять, вести диалог. В частности, М. В. Захарова отметила, что государство должно быть таким, чтобы в нем хотелось жить. Но нигде не сказано, каким конкретно оно должно быть.

Если мы начнем что-то отменять и запрещать, это будет пиар-ходом в пользу запрещаемого и отменяемого. Считаю, что в современных условиях необходимо придерживаться старых западных ценностей новоевропейского проекта Просвещения.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Кларе Ивановне Шарафадиной.

К. И. ШАРАФАДИНА: — Многие согласятся с тем, что язык является одним из инструментов национальной самоидентификации. Меня настораживает получившая в последнее время распространение реверсивность семантики: изменение значения некоторых понятий с точностью до наоборот.

Сегодня звучали такие слова, как «монстр», «монструозный». В частности, слово «монстр» раньше имело негативный смысл — чудовище. В ходе снижения лексикографической культуры было зафиксировано одно из новых значений слова «монстр» — любое значительное явление или личность как с положительным, так и с отрицательным смыслом.

Происходят нюансирование значений, что ведет к их утрате, и девальвация эксклюзивных понятий. Например, сегодня все стали гениями: и фигуристка Евгения Медведева, и режиссер Никита Михалков, и писатель Виктор Пелевин и т. д. Гегель писал, что гениальные произведения словно удар молнии. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона уточняется, что гениальное произведение должно иметь родовое значение, то есть влиять на изменение национальной картины мира или жизни общества в масштабах нации.

Происходящие изменения, в частности снижение лексикографической культуры, настораживают. Поэтому я прошу не доверять электронным версиям словарей и пользоваться информацией авторитетных порталов, например сайта Института русского языка им. В. В. Виноградова.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые коллеги, заседание нашей секции подошло к концу. Прошу Жана Терентьевича обобщить услышанное и сделать выводы.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Выступления участников отразили многогранность и дискуссионность заявленной в названии секции проблематики. С некоторыми идеями я согласен, с некоторыми — нет. Я выделил много интересных аспектов, которые учту в своей деятельности.

Е. И. МАКАРОВ: — Хочу выразить благодарность всем участникам за высочайшую степень ответственности, с которой вы подошли к сегодняшнему мероприятию, потому что мы достигли всех поставленных целей.

Секция 3
ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

10 июня 2022 г. Лекционный зал № 6 СПбГУП

Руководители секции:

А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. М. Алексанков[1]

КРЕАТИВНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Происходящие в 20-х годах XXI века события в мире наглядно свидетельствуют о нарастающем системном кризисе развития, который выражается в том числе в исчерпанности возможностей основной общепринятой социально-экономической модели развития описывать происходящее и разрабатывать эффективные механизмы адаптации к внешним изменениям.

Кризисные явления выражаются в замедлении экономического роста в рамках используемой для его расчета и формализации модели; в плохо контролируемой денежной эмиссии, приводящей к интенсификации инфляционных процессов; в структурных перекосах, непомерных расходах на содержание глобальной системы финансового управления и контроля. Но главным является кризис экстенсивной модели экономического развития, основной целевой функцией которой является воспроизводство капитала на основе расширяющихся рынков. Причем основным источником воспроизводства капитала с 1970-х годов стало закредитованное потребление среднего класса, возможности которого к 2020-м годам оказались существенно исчерпаны.

Таким образом, стала все отчетливее проявляться проблема необходимости переформатирования модели социально-экономического устройства. При этом многочисленные дискуссии о завершении пятого технологического уклада и постепенном переходе на новый, шестой, концентрировались на ключевой роли технологических преобразований в форматах так называемой Индустрии 4.0, практически не уделяя внимания социальной и общественной модели, которая должна была сопровождать внедрение нового технологического уклада на основе цифровой экономики. Приоритет технологий оказался настолько силен, что практически вытеснил социально-экономические вопросы из поля осмысленного и непредвзятого дискурса.

Общее состояние системы экономического взаимодействия оказалось все ближе к неустойчивому, несбалансированному состоянию, которое характеризуется плохо контролируемым ростом достаточно большого количества параметров системы. Например, динамика роста численности населения, потребляемой энергии, числа технологических открытий и инноваций, общего объема структурируемой и неструктурируемой информации и многих других параметров имеет схожий характер экспоненциального роста за период с начала XX века. Очевидно, что такой характер роста не может сохраняться долго без разрушительных последствий для системы в целом. При этом модель новой стабиль-

[1] Директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Организация эффективного взаимодействия образовательных учреждений и промышленных предприятий при реализации научных проектов» (соред.), «Перспективы формирования персональных профилей компетенций и персональных траекторий развития, как ключевого кадрового элемента цифровой экономики» (в соавт.), «Интернационализация высшего образования: вызовы и реалии», «Актуальные вопросы международной деятельности» (соред.), «Кадровое обеспечение цифровой экономики: европейский опыт и российские новации» (в соавт.) и др. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования.

ности плохо формализована, управленческие и организационные решения на разных уровнях часто базируются на анализе совокупности факторов прошлых состояний без учета качественно новой специфики современных реалий.

Рациональное поведение людей на основе обработки получаемой информации оказалось далеко от равновесного состояния вследствие существенного превышения общего объема информации над объемом эффективно обрабатываемой информации отдельным индивидуумом. Начала складываться уникальная ситуация, когда каждый индивидуум формирует вокруг себя зону информационного комфорта с тем объемом и качеством информации, которую он может обработать и принять. Таким образом, резко повысилась субъективная составляющая в формировании мировозренческой позиции, когда практически любая позиция может быть обоснована и подкреплена достаточным количеством фактов. То есть сложилась ситуация, когда общий объем информации о состоянии окружающей среды способствовал потере объективной картины мира вследствие физической невозможности человека обработать этот объем.

Практически сложилась ситуация, когда основой для формирования поведенческих реакций и разногласий между людьми становится не профессиональная или имущественная принадлежность, уровень доходов, социальный статус и тому подобное, а мировоззренческая модель понимания окружающего мира. При этом люди часто объединяются в микросоциальные группы при помощи социальных сетей или иных средств коммуникации по признаку общности отношения к тем или иным социально-экономическим процессам, по признаку общих нравственных, социальных или, часто, психологических ценностей.

В такой современной ситуации крайне важными становятся вопросы формирования среды для развития мышления человека. Под мышлением в данном контексте следует понимать индивидуальную мыслительную модель, по которой каждый конкретный человек выявляет и формализует смысловые центры окружающей среды и связи между ними. Так, любую модель мышления можно представить в виде графа, который может включать достаточно большое количество центров среды и связей между ними, но общий принцип всегда остается неизменным, то есть формализованная картина мышления представляет собой смысловые центры и связи между ними.

Следует также понимать, что относительно достоверной будет иерархическая картина связности, фактически представляющая собой трехмерную модель. Принципы организации иерархий являются крайне сложным и неоднозначным вопросом, но некоторое приближение к естественному состоянию вещей возможно при применении характеристик энергетического состояния смысловых центров. Этот вопрос достаточно сложен, так как требует гармонизации различных по смыслу и содержанию понятий, например энтропии и внутренней энергии преобразования. Для упрощения моделей мышления на первом шаге можно принять, что снижение неопределенности состояний (энтропии) за счет других субъектов или объектов среды есть естественное состояние живого организма, но удержание этого состояния часто требует достаточно больших затрат сил и энергии.

Трехмерная иерархическая модель может быть структурирована двумерной моделью в координатах «индивидуальное–групповое», «рациональное–иррациональное». В такой двумерной модели характеристиками индивидуального и группового будут степень детерминированности обществом или властью индивидуального и группового поведения, значимость индивидуалов или групп в формировании социально-экономических сообществ, предопределенность индивидуального или группового поведения и т. д. При оценке рационального и иррационального начал будет оцениваться предрасположенность к поведению на основе рационально-логических обоснований или чувств и эмоций.

Индивидуальное и групповое как характеристики сообществ достаточно детально описаны в различных работах, при этом рациональному и иррациональному поведению уделяется меньше внимания. Иррациональное мышление часто появляется там, где индивидуальные возможности по рациональному осмыслению действительности исчерпаны, при этом далеко не все рациональные факторы приняты во внимание. Так, можно считать, что иррациональное мышление является частью материалистического мышления, построенного на возможности мозга анализировать факторы внешней среды без их рационально-логической формализации.

Как отмечалось выше, основным противоречием мышления в настоящее время является противоречие между количеством факторов среды и информации об их состоянии и физической способностью индивидуумов связать эти факторы в единую непротиворечивую картину. Поэтому часто индивидуумы становятся объектами манипуляций со стороны субъектов среды, и примеров этому достаточно много. И в этом смысле креативность как способность управлять смысловыми центрами среды и связями между ними является инструментом сохранения субъектности по отношению к окружающему миру.

Основой креативного мышления является способность дефрагментировать ментально существующие сборки, тем более что большинство смысловых центров и отношений между ними являются результатом человеческих манипуляций, не имеющих какого-либо физического содержания. Примером такой манипуляции может быть понятие собственности, воспринимаемое большинством как абсолютно незыблемое понятие с почти физическими характеристиками. Результатом дефрагментации систем является понимание глубинной, часто скрытой от поверхностного взгляда сущности вещей и отношений. А результатом креативного решения — новая сборка старых или новых смысловых центров с новыми отношениями между ними. Иначе говоря, способность к креативности выражается в способности размораживать устоявшиеся отношения, пересобирать их и далее замораживать на определяемый креатором период времени.

Социальный аспект является одним из важнейших составляющих креативного мышления. И дело здесь не в абстрактном человеколюбии, а в восприятии человека как важнейшего созидающего элемента системы. Сложившееся в последние два десятка лет в экономических системах отношение к человеку как к элементу системы воспроизводства капитала, как к «человеческому капиталу» существенно упрощает систему в целом, сводя ее деятельность к выполнению целевой функции — воспроизводству капитала. Такое понимание системы ведет к ее деградации вследствие нарушения основного принципа развития и равновесия. А этот принцип можно сформулировать как то, что любая система будет развиваться равновесно и поступательно, если принципы и правила ее функционирования будут максимально совпадать с объективными, природными принципами развития систем.

Исходя из этого положения, человек является не инструментом системы, а активным ее участником, хотя бы из-за наличия у него способностей абстрактно мыслить и создавать принципиально новые связности, чего природа сделать не в состоянии. Примером таких связностей могут быть создаваемые синтетические материалы, новые лекарства и т. д. При этом игнорирование природных законов и правил может быть экзистенциальной проблемой для жизненной экосистемы человека, при этом понимание всей совокупности природных правил возможно только с использованием всего арсенала познания, а именно — рационального и иррационального мышления.

Аргументом противников данного подхода может быть очевидный факт, что достаточно большое количество людей не имеет способностей креативного и социального управления окружающей средой на основе социально и экономически ответственного подхода к глобальной экосистеме. Это факт, к которому можно только добавить, что большинство людей действительно живут своими локальными экосистемами, ближним кругом. При этом часто именно в локальных экосистемах люди добиваются их равновесного состояния и поступательного развития. Примерами таких устойчивых локальных экосистем могут быть даже некоторые небольшие государства. Однако при укрупнении систем начинают проявляться пограничные состояния, и из системы начинают выкристаллизовываться ее различные критичные элементы.

В этом контексте устойчивое равновесное развитие системы возможно только при сохранении ее внутренних противоречий, «растворенных» внутри самой системы. И в этом смысле экономические модели прошлого не способны обеспечить развитие (усложнение) системы, требуются новые модели, построенные на основе принципов креативного и социального мышления.

Литература

1. *Майнцер, К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез : [перевод с английского] / К. Майнцер ; под редакцией и с предисловием Г. Г. Малинецкого. — Москва : Кн. дом : «ЛИБРОКОМ», 2009. — 464 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему). — Текст : непосредственный.

2. *Михалевский, Д.* Пространство и Бытие : сборник статей / Д. Михалевский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 477 с. — Текст : непосредственный.

3. *Острецов, И.* Введение в философию ненасильственного развития : монография / И. Острецов. — Ростов-на-Дону : Комплекс, 2002. — 231 с. — Текст : непосредственный.

М. Бали[1],
Н. В. Бурова[2]

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРИОД 2014–2022 ГОДОВ

Экономические санкции становятся все более популярным инструментом, используемым одной или группой стран, чтобы заставить «целевую» страну остановить или отменить какое-то действие или изменить свое «поведение». Ученых — экономистов, социологов, политологов — и политиков очень интересует вопрос об эффективности санкций в достижении тех или иных целей. В данном докладе основное внимание уделяется санкциям, введенным Европейским союзом (далее — ЕС) против Российской Федерации (далее — Россия), включая обе волны санкций (2014 и 2022 гг.). В ряде работ уже рассматривалась эффективность санкций, введенных в 2014 году. При этом в настоящее время нет исследований, в которых одновременно были бы изучены последствия санкций обоих периодов. Кроме того, большинство этих исследований основано на использовании фиктивных переменных (принимающих значения от 0 до 1) в качестве санкций. В данном докладе санкции ЕС моделируются индексом санкций, созданным на основе методологической базы[3]. Этот индекс зависит от типа санкции, уровня внешнеторговых отношений между «целевой» страной (против которой предпринимаются санкции) и исходной страной (так называемой страной-санкционером), а также от времени адаптации экономики страны к тому или иному типу санкций.

Целью эконометрического анализа является желание отделить последствия экономических санкций ЕС для ВВП России от воздействия на главный макроэкономический показатель страны других ключевых переменных, таких как цена на нефть, инфляция, государственные расходы и др. В докладе рассмотрены информационная база и методология произведенного моделирования, приведены результаты и сформулированы выводы.

Авторами была использована модель структурной векторной авторегрессии (общепринятое обозначение — SVAR), состоящая из семи переменных, представленных поквартально. Временной период моделирования охватывает 77 кварталов, начиная с первого квартала 2003 года и заканчивая первым кварталом 2022 года. Для того чтобы санкции оставались эндогенной переменной (что позволяет генерировать функции импульсного отклика), накладываются ограничения на основе разложения Холецкого. При этом порядок переменных в модели имеет значение. Именно поэтому валовой внутренний продукт (ВВП) в модели занимает последнее место, потому что это переменная, представляющая интерес. Индекс санкций является воздействующей переменной и занимает первое место, а промежуточные переменные, оставаясь эндогенными, являются своего рода контрольными переменными. Наш вектор эндогенных переменных Y(t) для (t = 1… 77) определяется как

$$Y(t) = (S_t, OIL_t, REER_t, CPI_t, R_t, GX_t, GDP_t) \quad (1),$$

где GDPt — валовой внутренний продукт России;

REERt — реальный эффективный обменный курс;

GXt — государственные расходы на конечное потребление в Российской Федерации;

CPIt — индекс потребительских цен в России;

Rt — 3-месячные или 90-дневные ставки и доходность;

St — индекс санкций;

OILt — цены на сырую нефть, долл./баррель.

Порядок очередности рассмотрения факторов зависит от причинно-следственной связи между факторами в предложенной модели: первый фактор — индекс санкций — оказывает влияние на шесть переменных, следующих за ним, второй фактор — цена на нефть — оказывает влияние на пять переменных, следующих за ним, и так далее, и только седьмая переменная — ВВП России — фактор, на который воздействуют все шесть предшествующих.

---

[1] Научный сотрудник лаборатории CESICE (Центра исследований международной безопасности и европейского сотрудничества) Университета Гренобль Альпы (Франция), Ph. D., доктор экономики. Автор 18 научных публикаций, в т. ч.: «How to Simulate International Economic Sanctions: A Multipurpose Index Modelling Illustrated with EU Sanctions Against Russia» (в соавт.), «A Contemporary Literature Review of the Russian Ruble Determinants», «Digital Space: How Cryptocurrencies Offer Safe-Haven Savings and Protection Against Sanctions», «The Impact of Economic Sanctions on Russia and its Six Greatest European Trade Partners: A Country SVAR Analysis», «Digitalization of Economy: Possible Circumvention Strategies of International Sanctions», «Digital Economy and Security: Safety Consciousness in the Teaching of Statistics», «The Impact of Economic Sanctions on Russia and its Six Greatest European Trade Partners: A Country SVAR Analysis», «Ukrainian Crisis: the Impact of Sanctions on Russian and European Gdp» и др.

[2] Профессор кафедры статистики и эконометрики, директор Центра российско-французского сотрудничества в области образования и науки Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Международные программы высшего образования: генезис и перспективы развития» (в соавт.), «Маркетинговая архитектура и эффективность евразийской экономики» (в соавт.) и др.; статей: «Оценки нелегального сектора ненаблюдаемой экономики», «Признание профессионального опыта в системе высшего образования Франции», «Data Scientist: новая профессия или возвращение в будущее (размышления на примере французской системы образования)», «Forces and dangers of digital economy» (в соавт.) и др. Член Российской ассоциации статистиков. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования, кавалер ордена Академических пальм (Франция), награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

[3] *Bali M., Rapelanoro N.* How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia // International Economics. 2021. Vol. 168. P. 25–39.

Пять из выбранных переменных являются «домашними» (то есть Россия может влиять на них) переменными, а именно: трехмесячная процентная ставка (R_t), реальный эффективный обменный курс (REER_t), индекс потребительских цен (CPI_t), государственные расходы (GX_t) и ВВП (GDP_t). Еще две переменные — индекс санкций (S_t) и цена на нефть для региона Европы (Oil_t) — являются «внешними» (то есть не зависящими от действий России).

Индекс санкций построен по схеме, созданной М. Бали и Н. Рапеланоро (2021). Что касается оставшихся, «контрольных» переменных, то был введен фактор — цена на нефть, поскольку немалая доля российского ВВП напрямую связана с экспортом нефти, — некоторые исследования также показывают, что на цену рубля влияет цена нефти. Реальный эффективный обменный курс включен в модель для того, чтобы оценить взаимосвязь между экономическим ростом и национальной валютой. Это также позволяет свидетельствовать о конкурентоспособности российской валюты по отношению к набору иностранных валют, а не фокусироваться на одной валюте (долларе США или евро). Инфляция (через индекс цен) включена в модель, поскольку она может оказывать влияние на экономический рост. Трехмесячная процентная ставка присутствует взамен ключевой процентной ставки, так как последняя не была полностью доступна в течение исследуемого периода. Взаимосвязь между экономическим ростом и процентными ставками широко изучена. Наконец, государственные расходы интегрированы в кейнсианскую логику, чтобы иметь небольшой теоретический (идеологический) противовес другим переменным, присутствующим в модели.

Все наши ряды являются стационарными, за исключением индекса санкций. Это не препятствует сходимости модели и не влияет на ее устойчивость (подтверждение тому расчеты устойчивости собственного вектора в ППП STATA). Результаты модели SVAR статистически значимы. Некоторые трудности в построении значимой модели были связаны с исходными данными и, несомненно, с очень большим количеством нулей в индексе санкций. Тем не менее это все еще второстепенная проблема, пока модель SVAR стабильна, что демонстрируется набором *функций импульсных откликов* (IRF).

Мы выбрали модель с запаздыванием 1 (лаг, равный одному кварталу), так как это соответствует результатам байесовского информационного критерия Шварца (SBIC) и информационного критерия Ханнана–Куинна (HQIC). Эти два информационных критерия имеют интерпретацию, аналогичную информационному критерию Акаике (АИК). Тем не менее представляется, что вышеназванные критерии — SBIC и HQIC — имеют теоретическое преимущество перед АИК, поскольку их минимизация обеспечивает согласованные оценки истинного порядка задержки. Также была проанализирована модель с лагом, равным 2, со сравнимыми результатами.

Комментируя результаты SVAR-моделирования, можно отметить, что увеличение индекса санкций на один пункт приводит к (статистически значимым):

— увеличению (0,167 процентного пункта) инфляции от одного квартала к следующему, которое длится не менее двух кварталов (на 0,6211 процентного пункта больше в совокупности за два квартала, или одно полугодие);

— очень заметному росту процентной ставки от одного квартала к другому, которое длится два семестра, прежде чем возвращается к норме. Мы не можем указать единицу измерения, потому что процентная ставка измеряется первыми разностями, но наблюдаем сильное увеличение;

— резкому падению (2,169 процентного пункта) роста реального эффективного обменного курса (и вывод: санкции замедляют укрепление российского рубля по отношению к другим валютам) от квартала к кварталу. Это снижение является длительным, и его последствия ощущаются до четырех кварталов после санкционного шока (общее кумулятивное снижение за четыре квартала (то есть год) составляет –4,73 процентного пункта);

— небольшому падению (–0,061 процентного пункта) поквартального прироста ВВП России, наибольшие эффекты которого исчезают через три квартала (суммарно –0,705 процентного пункта), но долговременные эффекты которых сохраняются (что означает, что санкции все-таки тормозят рост российского ВВП).

Недостаточная значимость IRF (функции импульсного отклика) в долгосрочной перспективе объясняется тем, что в период с первого квартала 2003 года по первый квартал 2014-го санкционный индекс был равен 0. Это влияет на расчет априорных значений нашей модели, но не означает, что модель нежизнеспособна.

В заключение отметим, что в результате эконометрического моделирования при помощи модели структурной векторной авторегрессии и выполнения определенных условий можно сделать следующие выводы. Санкции оказывают сильное влияние на реальный эффективный обменный курс рубля, замедляя его укрепление как минимум в течение четырех кварталов. Санкции очень четко и существенно влияют на процентную ставку. Это подтверждается тем, что изменения процентных ставок происходят в ответ на санкции. Санкции очень незначительно замедляют рост российского ВВП, но это замедление длится во времени. Они незначительно стимулируют инфляцию в России, в том числе в среднесрочной перспективе. Наконец, санкции не оказывают существенного влияния на государственные расходы в России и на цены на нефть.

В качестве дискуссионных моментов отметим следующее: слабое воздействие санкций на инфляцию и ВВП России, вероятно, объясняется тем, что модель подробно учитывает санкции 2014 года, а санкции 2022-го представлены лишь одним кварталом, причем с применением данных, которые являются предварительными. Мы уверены в правильности выявленных тенденций, выводов о направлении воздействия санкций на ту или иную экономическую величину, но остаемся «осторожными» в отношении силы воздействия (в процентных пунктах). Необходимо дождаться дополнительных фактических данных по всем переменным модели (за второй-четвертый кварталы 2022 г. и последующие), чтобы подтвердить полученные прогнозные значения макроэкономических агрегатов.

Д. И. Балибалова[1]

ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЗАПАДА НА ФИНАНСОВУЮ ПОЛИТИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Переход к рыночной экономике в нашей стране происходил на основе концепции стратегического взаимодействия с Западом. Эта концепция была сердцевиной плана Маршалла — программы Госсекретаря США Дж. К. Маршалла. После Второй мировой войны США предложили странам Европы совместно осуществить план восстановления экономики государств, пострадавших от войны. В этом случае США брали на себя обязательство предоставить финансовые ресурсы, однако выдвигали целый ряд политических и экономических условий предоставления такой помощи. СССР и страны народной демократии Восточной Европы, вошедшие впоследствии в социалистический лагерь, от плана Маршалла отказались.

О концепции стратегического взаимодействия в нашей стране вспомнили в конце XX века. Предполагалось перестроить экономику на западный манер — наладить взаимодействие рыночной системы управления с ограниченным государственным регулированием[2]. Экономическое положение СССР в конце 1980-х годов было крайне тяжелым: галопирующая инфляция, увеличение дефицита бюджета, резкое снижение темпов роста и т. д.

Масштаб и сложность экономических преобразований требовали поддержки Запада. Однако западные государства заявили, что помощь будет предоставлена только в том случае, если руководство нашей страны будет следовать заранее согласованной программе реформ. Поддержку окажут как правительства развитых капиталистических стран, так и международные финансовые институты (Международный валютный фонд (далее — МВФ), Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития и др.)[3].

С середины 1980-х годов начались консультации с руководителями этих организаций по вопросам перехода СССР к рыночной экономике. Особую роль в этом процессе сыграл МВФ. В 1987 году по его рекомендациям были приняты решения по либерализации экономики СССР. В основе этих рекомендаций лежали положения Вашингтонского консенсуса — программы, сформулированной в конце 1980-х годов Институтом мировой экономики Петерсона (США) для стран-заемщиков с целью своевременного погашения долга Фонду.

Особое внимание уделялось финансовой политике. Финансовая политика представляет собой совокупность мероприятий по мобилизации финансовых ресурсов, их распределению и целевому использованию для выполнения функций государства. Ее основу составляют бюджетная и налоговая политика. В отношении этих двух направлений суть вышеуказанного консенсуса заключалась в следующем:

1) государство должно поощрять приватизацию государственных предприятий;

2) государство должно ликвидировать бюджетный дефицит либо свести его к минимуму:

— расходы бюджета должны направляться на первичную медицинскую помощь, начальное образование, развитие инфраструктуры;

— субсидии потребителям и дотации производителям должны быть сведены к минимуму;

3) налоговая политика должна распространяться на юридических и физических лиц, причем в налоговую базу следует внести всех физических лиц: не только налогоплательщиков, но и плательщиков страховых взносов и получателей социальных выплат.

Экономической основой СССР была общенародная собственность, реализованная в двух формах: государственной и кооперативно-колхозной. Частная собственность на средства производства отсутствовала. Народное хозяйство велось по плану и представляло собой единый комплекс. Доходная часть бюджета формировалась в основном за счет платежей государственных предприятий (налог на прибыль, налог с оборота, плата за фонды и различные отчисления). Налог на доходы физических лиц приносил госбюджету гораздо меньше доходов (налоговая ставка составляла 8 % от заработной платы работника), приблизительно столько же давал бюджету и колхозно-кооперативный сектор.

Переход к рынку круто менял всю финансовую политику страны. Дело в том, что СССР был унитарным государством, бюджетная система которого строилась по иерархическому принципу: нижестоящие бюджеты входили в состав вышестоящих, в результате формировался единый государственный бюджет страны. Он ежегодно принимался на сессии Верховного Совета СССР в форме закона о бюджете, в составе которого прописывались и бюджеты союзных республик.

22 мая 1992 года было принято Постановление Верховного Совета России № 2815-1 «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». В нем говорилось, что Россия вступает в эти организации путем принятия статей Соглашения Фонда, Банка, Ассоциации и условий, установленных в резолюциях советов, управляющих этими организациями.

В июне 1992 года Россия стала членом МВФ в статусе страны-заемщика и уже в августе получила кредит на сумму 1 млрд долларов США сроком на 5 лет с от-

---

[1] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук. Автор более 100 научных публикаций и учебных изданий, в т. ч. учебного пособия «Налоговое право. Краткий курс лекций»; статей и научных докладов: «К вопросу о должной осмотрительности налогоплательщика» (в соавт.), «Новации финансово-правового статуса бюджетного учреждения социально-культурной сферы РФ», «Особенности проявления правового нигилизма в финансовом праве», «Налоговая культура и налоговая политика: проблемы взаимодействия», «Коллизии в российском законодательстве как проблема правовой культуры» (в соавт.) и др.

[2] *Носова С. С.* Экономическая теория : [учебник]. 4-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2017. С. 128.

[3] Там же. С. 130.

срочкой погашения на 3 года. Российская Федерация обязалась удерживать дефицит бюджета на уровне 5 % от стоимости внутреннего валового продукта (ВВП). Практически это означало резкое сокращение бюджетных расходов, прежде всего на социальные потребности населения. Это и было выполнено правительством Е. Т. Гайдара.

После 1992 года эксперты МВФ стали активно участвовать в разработке российских законов. На создание программ и законов по «переходу к рынку» МВФ выделял кредиты, которые оформлялись как государственный долг России. Более 80 % от суммы предоставленных кредитов получали эксперты МВФ «за эффективную разработку программ и законов», остальная их часть доставалась российским чиновникам за внедрение и исполнение этих законов. Общий контроль за выполнением условий осуществлял МВФ[1].

Для пополнения доходов бюджета были разработаны и в 1991 году приняты новые законы: «О плате за землю», «Об основах налоговой системы в РФ», «О налоге на добавленную стоимость», «О налогах на имущество физических лиц», «Об акцизах», «О налоге на прибыль», «О подоходном налоге с физических лиц», «О налоге на имущество предприятий», «О налоге на операции с ценными бумагами». Также вводился налог с продаж.

Особую роль среди них должен был сыграть Закон «О налоге на добавленную стоимость (НДС)». Налог этот был введен, во-первых, для пополнения доходов бюджета в условиях острого финансового кризиса, во-вторых, в связи с присоединением к международному сообществу. Этот налог существует почти во всех странах мира, за исключением США и Японии (в этих странах вместо него действует налог с продаж).

Этот налог носит спекулятивный характер, он взимается с каждой операции по реализации товаров, работ или услуг. При этом товаров не становится больше, но количество посредников и перепродаж резко возрастает, а так как НДС — налог косвенный, то оплачивают его потребители.

По своей экономико-правовой природе НДС является налогом на потребление товаров, работ или услуг, взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости, добавленной на каждой из этих стадий. Процедура расчета НДС весьма парадоксальна: налоговой базой его является не добавленная стоимость, а стоимость реализованной продукции; он взимается с авансовых платежей.

НДС не распространяется на экспортные товары и услуги — это стимулирует их вывоз за рубеж, что выгодно производителям сырья.

Ставки НДС менялись: 28 % в 1992 году, 20 % с 1993-го по 2003-й, 18 % с 2004-го по 2018-й. Однако с 2015 года МВФ стал настоятельно рекомендовать повысить ставку до 22 %. Это аргументировалось тем, что сдвиг в налоговой политике в сторону налогообложения потребителей создаст стимул для увеличения экспорта, будет способствовать повышению конкурентоспособности и уменьшению неформальной занятости.

В 2018 году в Налоговый кодекс РФ была внесена поправка, и ставка НДС повысилась до 20 %. В период пандемии это стало непосильным для большинства предпринимателей, многие были вынуждены уходить в теневой бизнес, любыми способами уклоняться от уплаты налога. Кроме того, нужно сказать, что НДС снижает покупательную способность потребителя, увеличивая социальную напряженность в стране.

Говоря о влиянии МВФ на бюджетную политику России, следует отметить, что еще при вступлении в Фонд ей было поставлено условие быстрейшего погашения задолженности. Поэтому в ежегодном Законе «О федеральном бюджете России» это прописывалось как главная цель. Причем сумма внешней задолженности указывалась не в рублях, а в долларах США и в валюте Европейского союза — евро.

В 2005 году Россия досрочно погасила задолженность перед МВФ и получила новый статус — страны-кредитора. Теперь ее средства могли использоваться в операциях МВФ. Фонд стал разрабатывать для нее ежегодные рекомендации по налогово-бюджетной, денежно-кредитной политике, а также структурному реформированию экономики. Он одобрил так называемое бюджетное правило и рекомендовал России его применять.

Бюджетное правило — это ограничение бюджетных показателей, направленное на сокращение расходов бюджета с тем, чтобы они не превышали доходы и не возрастал государственный долг. В России бюджетное правило регулирует распределение нефтегазовых доходов и ограничивает дефицит бюджета. Это правило вошло в Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 262-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части использования нефтегазовых доходов федерального бюджета».

Изъятая часть нефтегазовых доходов бюджета поступает в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Оба фонда имеют валютную структуру: 45 % — доллары США, 45 % — евро, 10 % — фунты стерлингов. Эти средства в основном вкладываются в иностранные долговые обязательства, размещаются на инвалютных счетах в банках, где доходность всего 0,4 %. На инвестиции в собственную экономику из Фонда национального благосостояния почти ничего не поступает. По существу, Россия бесплатно, с учетом инфляции доллара, кредитует из своего бюджета иностранные государства. Сама же она вынуждена брать кредиты у иностранных государств, уплачивая за них проценты, определенные договорами. Таким образом, Российская Федерация, вкладывая свои бюджетные деньги в экономику других государств, помогает им развиваться, лишая собственную экономику инвестиций, необходимых для развития. В ответ же мы получаем санкции.

Многие ученые, общественные деятели выступают против такого сотрудничества с МВФ. Академик С. Ю. Глазьев в статье «Хватит терять по 100 млрд долларов ежегодно» пишет: «Российский Минфин вложил очередные миллиарды долларов бюджетных денег

[1] *Антонов А. В., Ковальчук Ю. К.* Есть что скрывать // Советская Россия : [сайт]. 2016. 11 февр. URL: https://www.sovross.ru/articles/1353/23554 (дата обращения: 29.06.2022).

в кредитование государственных, в том числе военных, расходов противника»[1].

Председатель Государственной Думы В. И. Володин недавно поручил профильным комитетам изучить вопрос о целесообразности дальнейшего присутствия Российской Федерации в Международном валютном фонде, Всемирной торговой организации и Всемирной организации здравоохранения. И это вселяет надежду, что негативное вмешательство МВФ будет прекращено.

В. С. Глазьев[2]

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Взаимосвязь между инвестициями и экономическим ростом давно является предметом экономико-математического моделирования.

Эмпирические исследования подтверждают значение инвестиций как ключевого фактора роста экономики России, государств Евразийского союза и ведущих стран мира. Во всех странах, за исключением Индии (где все еще велик фактор прироста численности работающих) и США (где гипертрофировано значение финансово-спекулятивного сектора), между приростом накопления основного капитала и приростом ВВП существует прямо пропорциональная зависимость. За последние 10 лет в России темп прироста валового накопления капитала снижался пропорционально падению темпов прироста ВВП.

В 1990-е годы в России произошло пятикратное сокращение инвестиций в основной капитал, так и не компенсированное в полной мере до сих пор. Следствием этого стало обвальное сокращение валового внутреннего продукта, рост которого возобновился с конца 1990-х годов одновременно с увеличением объема инвестиций.

Важнейшим показателем инвестиционной политики является отношение инвестиций в основной капитал к ВВП, который называют нормой накопления. Страны с высокими темпами экономического развития характеризуются сравнительно более высокой нормой накопления, которая в успешно развивающихся странах достигает трети ВВП и выше.

Определение зависимости между величиной нормы накопления и ростом ВВП является важным ориентиром для управления развитием экономики на макроуровне. В России данный показатель колеблется на уровне 20–23 %, что ниже, чем в быстро развивающихся странах, и предопределяет отставание российской экономики и снижение ее веса в мировой экономической системе.

Для успешного экономического развития важен не только объем инвестиций, но и их качество. Наибольший эффект дают инвестиции в передовые технологии, определяющие современный экономический рост. Его важной характеристикой с этой точки зрения является показатель наукоемкости ВВП (отношение объема НИОКР к ВВП). Он резко упал в начале 1990-х годов, так же резко сократилось число исследователей (отражающее интеллектуальную составляющую рабочей силы). Это усилило негативный эффект сокращения инвестиций для развития российской экономики.

С завершением перехода к рыночной экономике в России сложилась инертная структура финансирования инвестиций. Главным источником финансирования инвестиций в основной капитал являются собственные средства предприятий, доля которых превышает 55 %. Это предопределяет нарастание диспропорций в российской экономике, в которой поступательно увеличивается доля высокорентабельных добывающих и сырьевых отраслей. На долю кредита коммерческих банков, через которые должно было бы происходить перераспределение капитала в высокотехнологические отрасли, приходится менее 10 %. Столь низкая доля банковского кредита и гипертрофированно высокая доля собственных средств предприятий предопределяют низкие темпы структурных изменений экономики, в которой для производств с высокой добавленной стоимостью хронически не хватает финансирования инвестиций.

Основной причиной недостаточного финансирования инвестиций в развитие перспективных направлений экономики является ограничительная денежно-кредитная политика. Она определяет интенсивность использования главного механизма финансирования инвестиций в рыночной экономике — банковского кредита. В России этот механизм не работает в связи с высокой процентной ставкой, которая превышает ставку рентабельности субъектов хозяйственной деятельности практически всех отраслей обрабатывающей промышленности.

Опыт стран, совершивших экономическое чудо, показывает необходимость форсированного наращивания инвестиций до 35–45 % ВВП за счет расширения их кредитования. Международный опыт успешных рывков в экономическом развитии ранее отстававших стран свидетельствует о критической важности использования механизмов расширяющегося рефинансирования коммерческих банков со стороны центробанков для кредитования инвестиций.

Теоретически создание максимально благоприятных условий для повышения инвестиционной актив-

[1] *Глазьев С.* Хватит терять по 100 млрд долларов ежегодно // Аргументы недели : [сайт]. 2014. 20 авг. URL: https://argumenti.ru/economics/n451/359932 (дата обращения: 29.06.2022).

[2] Стажер автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы», младший научный сотрудник Научного центра евразийской интеграции (Москва).

ности должно было бы стать главной целью деятельности центрального банка, если во главу угла государственной экономической политики ставится цель опережающего развития экономики.

Несмотря на низкую инвестиционную активность в российской экономике, стоит отметить разнообразие существующих инструментов ее государственной поддержки на микроуровне. Некоторые из них продемонстрировали свою эффективность и активно используются в настоящий момент: специальные инвестиционные контракты, госгарантии по кредитам для проектов государственного значения, возмещение процентов по кредитам за инвестпроекты, субсидирование затрат, возмещение процентов за кредит за техперевооружение и т. д. Данные инструменты необходимо использовать согласно их функциям. Для этого необходимо учитывать такие факторы, как размер проекта и стадия жизненного цикла производимой продукции. Однако масштаб реализации данных методов недостаточен для обеспечения опережающего развития экономики.

Показательным примером является опыт ЕС в стимулировании инвестиционной и инновационной активности посредством использования механизма формирования денежного предложения. Только фискальные меры финансирования инвестиций занимают порядка 14,2 % от ВВП ЕС, что эквивалентно 1,9 трлн евро. Однако наиболее важным источником инвестиций являются долгосрочные целевые операции Европейского центрального банка по рефинансированию коммерческих банков, занимающихся кредитованием производственных предприятий. Совокупный объем монетарных мер стимулирования инвестиционной активности в ЕС достигает почти 40 % ВВП.

Меры и механизмы стимулирования инвестиционной активности увязываются в общей системе стратегического управления развитием российской экономики. Эта система должна объединять федеральные и региональные органы исполнительной власти, институты развития, государственные корпорации и банки, включая центральный банк, в совместной работе по реализации документов стратегического планирования. Они включают основополагающие стратегии развития экономики в целом, ее отраслей и регионов. Эти стратегии вписываются в общегосударственную макроэкономическую политику, включая все ее составляющие: денежно-кредитную, научно-техническую, внешнеэкономическую, промышленную и др.

Необходимы различные меры стимулирования инвестиционной активности, включая налогово-бюджетную политику, деятельность институтов развития, широкое использование инструментов частно-государственного партнерства в целях развития российской экономики.

Поскольку главным узким местом воспроизводства российской экономики является предложение денег, на этой схеме ключевое значение придается финансовым инструментам, которые должен использовать Центральный банк РФ для предоставления необходимых для реализации государственных программ и приоритетов кредитных ресурсов. Из этих средств по принципам проектного финансирования должно осуществляться кредитование инвестиционных проектов предприятий, предусмотренных стратегическим планированием.

Схема организации целевого кредитования роста инвестиций и производства должна стать рабочим механизмом реализации стратегических и индикативных планов модернизации и развития экономики на основе опережающего развития производств нового технологического уклада. Необходимо предусмотреть многократное увеличение целевого инвестиционного рефинансирования Банком России коммерческих банков и институтов развития одновременно с введением планирования их деятельности исходя из установленных приоритетов модернизации и развития экономики. Предлагаемые меры должны реализовываться в рамках целостной стратегии опережающего развития экономики, призванной обеспечить системное применение всех имеющихся в стране ресурсов для обеспечения устойчивого опережающего развития экономики.

Литература

Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/284/Analytical_report_-2021.pdf (дата обращения: 04.04.2022). — Текст : электронный.

Блинов, С. Денежная политика количественного смягчения при высоких ставках центрального банка / С. Блинов. — Москва, 2014. — 17 с. — Текст : непосредственный.

Глазьев, С. Ю. Управление развитием экономики : курс лекций / С. Ю. Глазьев. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2019. — 759 с. — Текст : непосредственный.

Глазьев, В. С. Стимулирование инвестиционной активности как ключевой элемент управления развитием современной российской экономики / В. С. Глазьев. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. — 2022. — № 92.

Горидько, Н. П. Феномен «роста на ожиданиях»: регрессионный анализ и релятивистская концепция времени в экономике / Н. П. Горидько, Р. М. Нижегородцев. — Текст : непосредственный // Вестник экономической интеграции. — 2011. — № 12 (44). — С. 11–27.

Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. — Москва : Прогресс, 1978. — 936 с. — Текст : непосредственный.

Миркин, Я. М. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / Я. М. Миркин. — Москва : Магистр, 2018. — 480 с. — Текст : непосредственный.

Сухарев, О. С. Инвестиционная функция экономического роста России. Финансы: теория и практика / О. С. Сухарев. — Текст : электронный // Финансы: теория и практика / Finance: theory and practice. — 2021. — Т. 25, № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-funktsiya-ekonomicheskogo-rosta-rossii/viewer (дата обращения: 10.12.2021).

Широв, А. А. Оценка мультипликативных эффектов в экономике. Возможности и ограничения / А. А. Широв. — Текст : непосредственный // Вопросы теории. — 2011. — С. 40–58.

Ю. В. Голиусова[1]

САМОЗАНЯТЫЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН[2]

Самозанятость — довольно популярная тема и в научном сообществе, и в средствах массовой информации, что связано с изменениями в мировой экономике, переходом к новым формам занятости и преобразованиями на глобальном рынке труда.

Надо сказать, что самозанятость как явление распространена по всему миру. Если рассматривать Россию с точки зрения ее интеграции в мировую систему, то самозанятость во многом результат компромиссов, к которым пришли исследователи этой проблемы и практики, воплощающие в жизнь социально-экономические новации. В современной экономике остро стоит вопрос обеспечения занятости. Для решения этой проблемы Международная организация труда (МОТ) предложила решать эту проблему предоставлением возможностей негарантированной (прекаризированной) занятости, частью которой и является по большей части самозанятость[3].

Во многих странах мира, в частности в США, Южной Корее, Германии, самозанятость предполагает минимальный набор взаимоотношений с государственными структурами, которые учитывают работающих на себя людей, получают налоги с их доходов и фактически не вмешиваются в их деятельность. Сумма налога варьируется от страны к стране. В США он составляет 15,3 % дохода, в Республике Корея — минимум 8 % от дохода плюс 10 % НДС, шкала прогрессивная. По прогрессивной шкале самозанятые платят налог и в Германии: чем больше дохода получил, тем больше придется отдать (от 0 до 45 %). При этом отчисления во всевозможные фонды не являются обязательными. В США обязательна только медицинская страховка[4].

Самозанятость также имеет множество определений в научной литературе. «Самозанятые — лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие); работники, не состоящие в штате организаций, а самостоятельно реализующие произведенные личным трудом товары и услуги на рынке. В реальной жизни люди могут обладать множественной занятостью. Люди зачастую начинают свой бизнес, не порывая с работой в качестве наемных работников, являясь своего рода полупредпринимателями, или частичными предпринимателями»[5].

В России легализация самозанятости фактически произошла в 2018 году, когда был принят Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „налог на профессиональный доход“»[6]. Правда, понятия «самозанятый» и «самозанятость» в тексте закона отсутствуют. Согласно закону «физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации… Профессиональный доход — доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества». Также закон регулирует некоторые аспекты налогообложения участников эксперимента, установив лимит по использованию специального режима: доход до 2,4 млн рублей в год. С 1 июля 2020 года налог на профессиональный доход распространяется на всю страну. Срок действия эксперимента — до 31 декабря 2028 года. Списка разрешенных видов деятельности в документе нет, но есть перечень лиц, не имеющих права применять специальный налоговый режим.

В 1982 году Международной организацией труда (МОТ) была одобрена классификация по статусу занятости, основанная на дихотомии оплачиваемой работы по найму и самозанятости (self-employment jobs). «Главными критериями, определяющими статус занятости, являются отношение к владению средствами производства, степень экономического риска и самостоятельность при принятии управленческих решений»[7]. МОТ установила, что к самозанятым относятся четыре основные группы трудящихся, среди которых как работающие индивидуально, так и использующие труд наемных работников: «индивиду-

---

[1] Ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат социологических наук. Автор более 75 научных публикаций, в т. ч.: «Современная российская молодежь: образование, труд, занятость», «Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва)» (в соавт.), «Социологический портрет самозанятых в современной России» (в соавт.), «Прекариат как новая группа наемных работников» (в соавт.), «Потенциал трудовой мобильности населения Республики Тыва» и др. Награждена Почетной грамотой главы Республики Тыва.

[2] Доклад написан на основе статьи: *Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Горина Т. И.* Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2020. № 4. С. 821–836.

[3] Politiques et règlementation visant à lutter contre l’emploi précaire. Geneve : Organisation internationale du Travail, 2011. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_164287.pdf (дата обращения: 29.06.2022).

[4] Как устроена самозанятость в разных странах // Самозанятые : [сайт]. URL: https://самозанятые.рф/blog/самозанятость-в-разных-странах (дата обращения: 29.06.2022).

[5] *Заславская Т. И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17–32.

[6] Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „налог на профессиональный доход“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977 (дата обращения: 29.06.2022).

[7] В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда : моногр. / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова М. : ВШЭ, 2014. С. 474.

альные предприниматели, не использующие наемный труд (own-account workers)», «предприниматели некорпоративного бизнеса, использующие наемный труд (employers)», а также члены производственных кооперативов (members of producers' cooperatives) и неоплачиваемые работники семейных предприятий (contributing family workers)[1].

Интересные результаты были получены в проекте «Самозанятые: кто они?», реализованном в Институте социологии ФНИСЦ РАН. Цель исследования — выявление содержательных мотивов деятельности самозанятых. Объект — самозанятые Москвы, отобранные по факту рекламирования своих услуг на различных интернет-платформах. Была сформирована база контактов категории «Услуги» с сайтов «Авито», «Яндекс», «Фриланс» и «Юла». Всего база насчитывала 1025 контактов. Определяющим критерием включения в базу было опубликование объявления не ранее чем за месяц до опроса (декабрь 2019 г.). Методом сбора информации стало телефонное интервью по полуформализованному опроснику. Было опрошено 190 человек.

Характеристики опрошенных: 52,6 % женщин и 47,4 % мужчин, возраст — от 18 до 72 лет (18–24 — 10 %, 25–34 — 22,6 %, 35–44 — 33,7 %, 45–54 — 20 %, 55–64 — 8,4 %, старше 65 лет — 2,1 %, отказались назвать — 3,2 %). Большинство респондентов (60 %) имеет высшее образование, 29,5 % — среднее профессиональное. Официально зарегистрированные самозанятые — 17,1 %, зарегистрированные ИП — 23,7 %, неформальные самозанятые — 53,7 %; 5,5 % отказались отвечать на данный вопрос. Респонденты предпочитают искать заказы на сайтах частных объявлений, посредством личных связей и в социальных сетях. В категорию «Другое» попали рекомендации клиентов, сеть LinkedIn, сайт «Ярмарка мастеров», рассылка визиток и флаеров по фирмам, давно наработанная база клиентов, звонки потенциальным клиентам и сайт «Профи.ру». Виды деятельности респондентов разнообразны, но большинство из них — преподаватели, мастера по ремонту, IT-специалисты, портнихи и кулинары.

После знакомства и получения общих сведений респондента просили ответить на два основных открытых вопроса: «Какие преимущества вы видите в деятельности самозанятого человека, который не работает в организации, а работает на себя?» и «Какие недостатки вы видите в деятельности самозанятого человека, который не работает в организации, а работает на себя?». Согласно полученным ответам, главное преимущество самозанятого — свобода, возможность самостоятельно принимать решения по занятости и по времени: «Сама выбираю степень своей нагрузки, сразу в кошельке какая-то сумма денег».

Положительные стороны нового закона обсуждали в основном зарегистрированные индивидуальные предприниматели и самозанятые, в микровыборке «комментаторов» их оказалось 80 %. Кратко преимущества нового закона можно сформулировать так: «недорого, просто и спокойно». Монологи о недостатках деятельности самозанятых длились намного дольше: практически все респонденты (92 %) отмечали негативные стороны и последствия нового закона, поэтому группировать эти ответы не имело смысла. Практически половина опрошенных высказала сомнения, что государство приняло закон для упрощения и защиты деятельности самозанятых.

Что касается официального юридического статуса, то можно выделить три негативные доминанты в оценках — отсутствие социальных гарантий, несовершенство налогообложения и недоверие к государству.

Таким образом, с одной стороны, многие респонденты положительно отзываются о новом законе, отмечая простоту оформления, спокойную работу, понятные взаимоотношения с ФНС, с другой — их смущает понятие «эксперимент» и его конечный срок, нечеткость социальных гарантий его участников (пенсионных начислений, страховых взносов, отпускных, больничных, учета стажа работы), то, что бизнес-структуры и госорганы могут отказаться работать с самозанятыми, неотрегулированность учета затрат на аренду и расходные материалы.

Главный фактор, препятствующий легализации самозанятых, — недоверие к власти и государственным институтам.

В результате принятых правительством мер, в основном введения специального режима налогообложения для самозанятых граждан, к 2021 году общая численность официально зарегистрированных самозанятых, по данным ФНС, достигла 2 млн человек, с 2019 года они заработали свыше 220 млрд рублей и заплатили почти 4,5 млрд рублей налогов[2].

В начале пандемии COVID-19 в силу ряда причин, прежде всего отсутствия у этой категории работников многих социальных гарантий, таких как оплачиваемые отпуска, оплата больничных и тому подобное, эксперты отнесли самозанятых к числу наиболее уязвимых работников в этот период. Действительно, в апреле 2020 года, в пик заболеваемости, число самозанятых сократилось на 15 %, а их доходы — на 20 %, но уже в мае эти показатели вышли на уровень, который был до начала пандемии. Эти данные приводит ФНС, основываясь на контрольно-кассовых показателях[3].

Безусловно, влияние пандемии очень дифференцировано в зависимости от вида деятельности самозанятых. Например, режим самоизоляции снизил доходы водителей такси на 62 %, в то время как доходы курьеров выросли более чем в три раза. Доходы самозанятых, и прежде работавших удаленно, практически не изменились. Восстановить завоеванные до пандемии позиции самозанятым также помогли цифровые технологии. В то время, когда живое общение было ограничено, многократно возросло использование электронных технологий для поиска работы, привлечения новых клиентов и оптимизации бизнес-процессов. В частности, исследование «COVID-19 и самозанятые:

[1] Indicator description: Employment by status in employment // ILOSTAT : [сайт]. URL: https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/description-employment-by-status (дата обращения: 29.06.2022).

[2] https://www.rbc.ru/newspaper/2020/08/31/5f479f9a9a7947f30cef78b0.

[3] В России зарегистрировались два миллиона самозанятых // Федеральная налоговая служба : [офиц. сайт]. 2021. 23 марта. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10747467/?ysclid=l4zjs2yrft775634880 (дата обращения: 29.06.2022).

шесть месяцев кризиса», которое провел Центр экономических показателей Лондонской фондовой биржи, показало, что объем работ увеличился у тех, кто искал ее через приложения, различные онлайн-платформы и сервисы независимо от вида их деятельности.

В конечном счете пандемия коронавируса в России ускорила прирост зарегистрированных самозанятых. По итогам первого полугодия 2020 года их число выросло в 10,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 2019 года (данные сервиса «Яндекс.Касса»), и прирост продолжается — в среднем на 3,5 тыс. в день. В мире переход к ненормативному труду, к которому относится и самозанятость, привел к различным социально-экономическим рискам. В структуре самозанятости наиболее вероятные риски — неустойчивость занятости, индивидуализация трудовых отношений и девальвация коллективной организации труда. Вслед за изменениями на рынке труда непременно происходят изменения в системе социально-структурных отношений.

Число самозанятых в мире возрастало около 20 лет, их труд стал основой экономического благополучия во многих странах. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2019 году каждый седьмой работающий в развитых странах был самозанятым.

Признание социального статуса и роли самозанятых в общественном устройстве со стороны государства способствует стабилизации их положения и препятствует размыванию их идентичности. Официально признанный общественный статус такой большой части экономически активных граждан, как самозанятые, служит основой их социального благополучия, трудового и общественного поведения.

В настоящее время меры поддержки самозанятых, прописанные в специальном налоговом законе и принятые государственными органами в период пандемии коронавируса для того, чтобы защитить эту категорию работников от негативных последствий, носят в основном экономический характер. Это общемировая практика. Даже в развитых странах, где самозанятость является важнейшим сегментом трудового рынка, остро стоит проблема социальной защищенности самозанятых, поскольку эта категория трудящихся зачастую остается не охваченной государственными программами.

Г. А. Гончаров[1]

СОВРЕМЕННЫЕ САНКЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Нестабильная международная политическая и экономическая ситуация, как следствие усиления борьбы за геополитический и геоэкономический передел мира, объективно актуализирует проблему обеспечения устойчивой экономической безопасности России. Экономические санкции, административные ограничения и другие средства недобросовестной конкуренции цинично и открыто применяются группой стран — союзниц США (далее — Запад) для того, чтобы ослабить и в конечном счете разрушить российскую экономику, а также экономику союзной Беларуси.

В связи с этим целью данного доклада является изучение последствий антироссийских санкций для развития экономики России и Беларуси.

Запад отреагировал на специальную военную операцию России на Украине усилением санкционного давления. Главным санкционным оружием против России и Беларуси являются далеко идущие финансовые и экономические ограничения. Эти ограничения должны (по мнению коллективного Запада) оказать огромное давление на российскую и белорусскую экономики и со временем ограничить способность России проводить подобные военные операции.

Следует отметить, что эскалация санкционной войны против российской экономики и отдельных лиц происходит с 2014 года по причине воссоединения Крыма с Россией и поддержки Донецкой и Луганской народных республик[2]. После неудавшейся попытки свержения Лукашенко коллективный Запад усилил санкции и в отношении Беларуси.

В период, предшествующий спецоперации России на Украине, Запад сосредоточил свое внимание в основном на дипломатии, угрожая нашей стране, что любое нарушение территориальной целостности и суверенитета Украины будет встречено жестким санкционным ответом[3].

После признания Россией Донецкой и Луганской республик и начала специальной операции на Украине западные лидеры объединились, чтобы воздействовать на Россию экономическими мерами и финансовыми ограничениями.

Рассмотрим основные санкции, введенные Западом на данный момент времени.

1. *Ограничения в отношении Центрального банка и Правительства РФ:* замораживание валютных резер-

[1] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор 93 научных публикаций, в т. ч.: «Опыт экономико-правового и организационного обеспечения государственно-частного партнерства стран ЕАЭС в сфере социальных услуг», «Пути совершенствования государственного обеспечения экономической безопасности малого и среднего предпринимательства в условиях „атипичных“ кризисов», «Методологические аспекты создания модели экономической безопасности малого предприятия», «Экономическая безопасность организации: методология оценки», «Сущностная характеристика системы экономической безопасности малого предпринимательства и ее составляющих» и др.

[2] *Мухамадеев Д. В., Шевченко Я. Н.* Войны торгово-экономические и санкционные: попытка теоретического размежевания в свете науки о международных отношениях // Мировая политика. 2020. № 1. С. 12–22. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.1.29072. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29072.

[3] *Чанышев Р. Н., Исанов И. Э.* Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4 (29). С. 29. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-4-29-29.

вов ЦБ РФ (Великобритания, США, ЕС и Канада); запрет операций с ЦБ РФ (Великобритания, США, ЕС и Канада), а также с Фондом национального благосостояния и Министерством финансов (Великобритания и США).

2. *Финансовые санкции:* исключение из SWIFT, глобальной системы обмена финансовыми сообщениями, нескольких крупных российских и белорусских банков (Сбербанк, ВТБ, Промсвязьбанк, Россельхозбанк, Банк Дабрабыт, Банк развития Беларуси и Белагропромбанк); замораживание активов государственных белорусских банков, включая Белинвестбанк и Банк Дабрабыт; запрет на российские депозиты свыше 100 тыс. евро в банках и листинг акций российских государственных корпораций[1].

3. *Экономические и торговые ограничения:* запрет на коммерческую деятельность с российскими компаниями в аэрокосмической, оборонной и энергетической отраслях; запрет на импорт российской нефти; лишение России и Беларуси статуса «наибольшего благоприятствования» и др.

4. *Ограничения для лиц:* замораживание и арест активов граждан России и Беларуси; запрет на въезд определенных лиц.

5. *Другие:* территориальные санкции, уже введенные в отношении Крыма, распространены на Донецк и Луганск (Великобритания и ЕС); закрыты порты США, ЕС и Канады для российских судов и воздушное пространство США, ЕС, Великобритании и Канады для наших самолетов[2].

Указанные выше санкции нанесли ощутимый удар по экономике России и Беларуси, что выразилось: 1) во временной дестабилизации финансового сектора экономики и колебании курсов национальных валют; 2) в увеличении темпа инфляции до 20 %; 3) в массовом исходе иностранных инвесторов с рынков России и Беларуси; 4) в нарушении логистических цепочек; 5) в снижении товарооборота с ЕС и другими недружественными странами; 6) в снижении капитализации значительного количества отечественных компаний; 7) в снижении уровня реальных доходов населения и т. п.

Однако, по мнению большинства отечественных и зарубежных экспертов, санкции не достигли и в принципе не могут достичь поставленной коллективным Западом цели — существенно ослабить Россию. Российская экономика выдержала удар, а ответные санкционные меры нанесли существенный урон экономике ЕС и США. Российский финансовый рынок удалось быстро стабилизировать за счет использования золотовалютных запасов, административного регулирования валютной выручки, повышения базовой учетной ставки, сокращения зоны использования доллара и евро.

Ответные меры нанесли существенный урон экономике ЕС и США: 1) энергетический кризис и нарушение сроков перехода к «зеленой экономике»; 2) рекордный рост инфляции; 3) резкое снижение продовольственной безопасности; 4) дестабилизация финансовых рынков и ценовые шоки; 5) нарушение логистических цепочек; 6) снижение товарооборота и потеря рынков сбыта; 7) падение реальных доходов населения и т. п.

Главным результатом санкционных войн, по нашему мнению, является ускорение процесса новой геоэкономической реальности, что выражается в:

1) разрушении существующей международной финансовой системы, сокращении сферы использования доллара США, суверенизации национальных валют и экономик;

2) переориентации внешнеторговых отношений в мире;

3) структурной и организационно-управленческой перестройке национальных экономик (Россия и другие страны ЕАЭС);

4) формировании и развитии новых региональных экономических образований;

5) снижении роли США, ЕС, Великобритании и Японии как мировых экономических центров;

6) усилении Китая, Индии, России и экономических союзов, созданных с участием указанных стран в роли мировых экономических центров;

7) формировании новых глобальных логистических систем.

Таким образом, санкционные войны стали сегодня неотъемлемым элементом современных международных экономических отношений, и поэтому их последствия требуют дальнейшего исследования.

[1] Какие санкции введены против России в 2022 году // GOGOV : [сайт]. URL: https://gogov.ru/articles/sanctions-5apr22.

[2] Евросоюз опубликовал пятый пакет санкций против России // Москва24 : [сайт]. URL: https://www.m24.ru/news/politika/08042022/449534 ; Санкции-2022: вызовы и решения // Право.ru : [сайт]. URL: https://pravo.ru/story/240221/.

Н. В. Дорохова[1]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Ключевым отличием современного этапа развития общества является беспрецедентная скорость изменений, происходящих во всех сферах жизнедеятельности. Данные трансформации вызваны целым рядом причин, среди которых необходимо выделить высокие темпы научно-технического прогресса, повсеместную цифровизацию, перестройку системы ценностей, существенные геополитические сдвиги. Заметный вклад в усиление нестабильности, неопределенности и напряженности социально-экономической среды внесла пандемия COVID-19, сопровождавшаяся масштабными ограничениями и кризисными явлениями в общественной жизни и экономике.

В настоящий момент мощным катализатором нестабильности представляются геополитический кризис и сопровождающая его санкционная война, масштабы и глубину последствий которых еще предстоит оценить. Сложившаяся ситуация отличается противоречивостью, поскольку несет в себе серьезные угрозы и в то же время открывает новые возможности для развития экономики, что актуализирует потребность комплексного анализа направлений ее трансформации. Обобщение многочисленных научных исследований, аналитических материалов и статистических данных позволяет выделить следующие направления трансформации экономики под воздействием вышеперечисленных факторов и условий:

1) переход российской экономики от индустриального к постиндустриальному этапу развития. При этом трансформационные процессы отличаются неоднородностью, поскольку отдельным отраслям экономики присущи черты постиндустриального этапа развития, а в некоторых отмечаются признаки индустриального и даже доиндустриального этапов. Также в территориальном разрезе процесс трансформации развивается неоднородно;

2) сопровождение кризисных явлений в экономике разрастанием неформального сектора. При этом, по нашему мнению, к неформальному сектору необходимо относить нелегализованную предпринимательскую деятельность, умышленное занижение или сокрытие масштабов легальной предпринимательской деятельности, использование труда неформальных работников, а также умышленное занижение оплаты труда официальных работников организации;

3) изменение отраслевой структуры экономики, сопровождающееся перетоком капитала и занятых в наиболее перспективные отрасли. Структурные изменения в отечественной экономике активно развиваются начиная с 2000-х годов, сопровождаясь масштабным переливом капитала и занятых из сельского хозяйства и промышленности в сферу услуг. Одновременно существенному сокращению в сфере услуг подверглись здравоохранение, образование и наука, что является крайне негативной тенденцией. Значимым в структуре экономики остается добывающий сектор;

4) специфический характер адаптации отечественной экономики к происходящим изменениям и меняющимся условиям. Например, сфера занятости населения Российской Федерации адаптируется к кризисным явлениям в экономике не сокращением численности занятых, а снижением заработной платы, сокращением продолжительности рабочего времени, административными отпусками и другими мерами.

Трансформация занятости населения представляет собой совокупность изменений, отличающихся диалектическим противоречием, которое проявляется в том, что, с одной стороны, трансформация занятости — это процесс ее приспособления к изменениям социально-экономических условий, сопровождающийся деструктивными последствиями, а с другой — это процесс развития, несущий положительные эффекты.

Обобщая наши собственные исследования, а также многочисленные научные публикации по данной тематике, можно выделить следующие направления изменения занятости населения, коррелирующие с вышеперечисленными направлениями трансформации экономики, происходящими в контексте глобальных перемен:

1) симбиотическое развитие стандартной и нестандартной занятости населения;

2) формирование масштабного анклава неформальной занятости;

3) развитие структурных сдвигов в занятости населения;

4) прекаризация занятости.

Так, в настоящее время в экономике наряду со стандартной занятостью населения все более масштабное распространение получают разнообразные формы нестандартной занятости. «Первопричиной зарождения и распространения новых, нестандартных форм занятости населения выступает неполное соответствие стандартной формы занятости населения на современном этапе развития экономики потребностям как отдельного человека, так и общества в целом. Если в условиях индустриального этапа имело место подчинение уклада общественной жизни нуждам производства, то в современном мире производство зависит от уклада жизни общества, который характеризуется индивидуализмом, информатизацией, виртуализацией и т. д.»[2] В ответ на изменения, происходящие в современной экономике и обществе и вызванные прежде всего глу-

[1] Профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий (в соавт.): «Рынок труда и механизм его регулирования», «Занятость населения России: современные тенденции», «Неформальная занятость: теоретические основы, исследование, прогноз», «Современные реалии рынка труда» и др. Область научных интересов: функционирование рынка труда, управление трудовыми ресурсами, роль человека в экономике.

[2] *Дорохова Н. В.* Трансформация форм занятости населения в современной экономике Российской Федерации: теория, методология, практика : дис. д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2021.

бокими технологическими преобразованиями, формируется нестандартная занятость, представленная разнообразными формами и развивающаяся в настоящее время наряду со стандартной формой занятости. При этом отмечается усиление взаимного влияния стандартной и нестандартной занятости друг на друга, нивелирующее различия между ними.

Для решения обозначенной проблемы ученые дополняют статистические данные результатами эмпирических исследований, позволяющими выявить реальные масштабы распространения нестандартной занятости, установить дифференциацию ее форм в экономике, определить достоинства и недостатки каждой из форм. Так, по результатам обобщения результатов эмпирических исследований[1] установлено, что масштабы распространения нестандартной занятости как в Российской Федерации, так и в ее регионах превышают 40 %, наиболее распространенными ее формами являются занятость на условиях гражданско-правовых договоров, временная занятость, вторичная и дистанционная занятость, а также занятость на условиях срочных трудовых договоров. При этом большинство экспертов считают, что распространение нестандартной занятости происходит по инициативе работодателя, стремящегося минимизировать свои издержки.

Особым направлением трансформации занятости населения и ее адаптации к турбулентности социально-экономической среды выступает формирование масштабного анклава неформальной занятости. По официальным статистическим данным, доля неформального сектора в общей занятости достигает 20 %. При этом распространение неформальной занятости сопровождается широким спектром негативных последствий, в числе которых: сокращение налоговых поступлений в бюджет государства и отчислений во внебюджетные фонды, сокращение доходов населения, снижение темпов создания высокотехнологичных рабочих мест, падение качества человеческого капитала и т. д.

Немаловажным проявлением воздействия трансформационных процессов экономики на занятость населения является изменение ее профессиональной структуры — возникновение новых профессий, как правило, базирующихся на цифровых технологиях и вытесняющих профессии, распространенные в условиях индустриальной экономики. По данным Глобального института McKinsey, в ближайшей перспективе (до 2035 г.) в масштабах мировой экономики автоматизации будет подвергнуто до 50 % работы (в человеко-часах), а к 2065-му — до 99 %[2].

В настоящее время к числу наиболее востребованных на рынке труда профессий относятся:

— IT-специалисты (программисты, системные администраторы, веб-дизайнеры, аналитики больших данных, тестировщики и т. д.);

— инженеры-проектировщики (архитекторы, дизайнеры, конструкторы);

— медицинские работники;

— маркетологи (в том числе SMM-маркетологи).

Кроме того, современный этап развития экономики сопровождается перетоком занятого населения из сферы материального производства в сферу услуг, интенсивность которого с течением времени будет лишь усиливаться. Наиболее перспективными направлениями увеличения численности занятых в непроизводственной сфере выступают: «работа с большими данными — 2,95 %, облачные технологии и мобильный Интернет — 2,47 %, Интернет вещей — 2,27 %, автоматизация производства — 0,36%»[3].

Одним из немаловажных направлений трансформации занятости населения под воздействием социально-экономической нестабильности является рост прекаризации занятости, под которой принято понимать неустойчивость занятости, сопровождающуюся снижением правовой и социальной защищенности работников, высоким риском потери работы, увеличением доли краткосрочных отношений занятости, усилением неравенства на рынке труда и т. д.[4] По мнению большинства исследователей, прекаризация занятости в современных условиях неизбежна, поэтому данный процесс требует разработки и внедрения соответствующих инструментов, способствующих снижению остроты данной проблемы: совершенствования институциональных условий занятости, активизации профсоюзного движения, внедрения цифровых инструментов в деятельность государственной службы занятости[5] и т. д.

Таким образом, трансформация занятости населения в современных условиях представляет собой динамично развивающийся процесс, который сопровождается как положительными, так и отрицательными последствиями. В числе положительных эффектов трансформации занятости населения необходимо отметить прежде всего: сокращение продолжительности безработицы и времени поиска работы; появление новых рабочих мест; повышение трудовой мобильности населения; рост гибкости отношений занятости; расширение возможностей занятости для лиц с низкой конкурентоспособностью; расширение возможностей для творчества и самореализации; сокращение рутинного труда за счет масштабной автоматизации и роботизации про-

[1] *Попов А. В.* Масштабы и особенности распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ // Проблемы развития территории. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/masshtaby-i-osobennosti-rasprostraneniya-razlichnyh-form-nestandartnoy-zanyatosti-v-subektah-rf ; *Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Коваленко В. В.* Неустойчивая занятость — глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3 (180). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neustoychivaya-zanyatost-globalnaya-problema-sovremennosti-kak-snizit-ee-masshtaby-v-rossii ; *Федченко А. А., Дорохова Н. В., Дашкова Е. С.* Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 16–24; и др.

[2] Цифровая Россия: новая реальность (июль 2017 г.). URL: http://www.mckinsey.com/global-locations/europe-andmiddleeast/russia/ru/our-work/mckinsey-digital ; *Дорохова Н. В., Мусаева Г. И.* Влияние цифровой трансформации экономики на сферу занятости населения // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 221–232.

[3] *Одегов Ю. Г., Павлова В. В.* Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyetehnologii-i-ih-vliyanie-na-rynok-truda.

[4] Прекаризация занятости и регулирование социально-трудовых отношений в России / В. Н. Бобков, Н. В. Бобков, А. А. Акимов, У. Т. Алиев // Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М. : Издат. дом «Магистр-Пресс», 2015. С. 8–9.

[5] Цифровая Россия: новая реальность (июль 2017 г.) ; *Дорохова Н. В., Мусаева Г. И.* Указ. соч.

изводства; рост спроса на высококвалифицированный персонал, обладающий мультикомпетентностью и владеющий информационно-коммуникационными технологиями на высоком уровне; потребность в персонале, ориентированном на постоянное саморазвитие и обучение; рост инвестиций в развитие человеческого капитала и т. д. К отрицательным эффектам трансформации занятости населения относятся: сокращение стандартных рабочих мест; исчезновение ряда профессий; размывание границ между свободным и рабочим временем, что вызывает повышенную нагрузку на работников; снижение конкурентной позиции лиц с неразвитыми цифровыми компетенциями и низким уровнем образования; игнорирование принципов социального партнерства; лишение работников гарантированных прав на нормированную занятость, регулярную оплату труда, социальное страхование и отпуск и т. д.

Подытожив все вышеизложенное, необходимо отметить, что трансформации экономики и занятости населения в контексте глобальных перемен являются диалектически противоречивыми явлениями, сопровождающимися положительными и отрицательными последствиями, что требует разработки соответствующих механизмов их регулирования, ориентированных на развитие положительных и нивелирование отрицательных последствий.

Ю. В. Ильина[1]

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Глобализация экономики является характерной чертой структурных изменений. Глобальные перемены, возникшие в экономиках практически всех стран мира, диктуют свои правила и, как следствие, стремятся адаптировать имеющиеся системы к новому укладу. Удаленная работа меняет отношение к организации рабочего времени и пространства, а также коммуникацию с коллегами. Для большинства дом и офис теперь — это одно и то же место. Нам приходится самим организовывать свой день и рабочее пространство[2], покупая все или почти все в формате онлайн.

В связи с развитием цифровых сервисов большую значимость приобретает кибербезопасность. Так, по данным Интерпола, за время пандемии резко увеличилось количество кибератак[3]. На фоне существующих проблем, возникших в мире, появляется необходимость выхода России и Беларуси на единую площадку при осуществлении закупок товаров, работ и услуг. Несмотря на то что в наших странах сформированы устойчивые экономические связи, сфера государственных закупок имеет ряд недостатков. Для их устранения необходимо разработать систему, тесно связанную с технологическим прогрессом и внедрением современных методов управления экономическими процессами. При переходе к повсеместной цифровизации внедрение технологии блокчейн (blockchain) позволяет децентрализовать функции государства и распределить их между всеми членами общества, повысив тем самым доверие граждан к системе государственного регулирования[4]. Эта система также позволяет решить проблему безопасности и трудности координации финансовых и экспортно-импортных потоков через границы и между несколькими странами, участвующими в международных торговых операциях.

В связи с этим новая технология блокчейн представляет несомненный интерес для повышения эффективности и прозрачности системы государственных закупок, о чем свидетельствуют призывы многих исследователей и авторитетных международных организаций.

Вместе с тем изменение нормативного статуса и отсутствие общего набора стандартов, вероятно, будут несколько сдерживать рост рынка блокчейн-технологий. Это повлечет за собой необходимость разработки единого законодательного пространства. Тем не менее все большее внедрение технологии блокчейн для smart-контрактов, платежей и цифровых идентичностей, по оценкам специалистов, в ближайшем будущем предоставит потенциальным игрокам рынка возможности для роста.

Некоторые ученые называют технологию блокчейна «машиной доверия». Из-за использования различных криптографических методов и ее децентрализованного и распределенного характера она очень устойчива[5]. Эта «машина доверия» крайне необходима сейчас России и Республике Беларусь. Отметим, что специалисты в области информационных технологий в последнее время считают возможным устаревание проблемы так называемых 51 % атак. Так, в 2018 году В. Бутерин, соучредитель компании Ethereum, предложил новый алгоритм консенсуса, который, предположительно, требует только 1 % узлов, чтобы быть чест-

[1] Заместитель директора по общим вопросам Института тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова Национальной академии наук Беларуси (Минск). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Планирование государственных закупок в Беларуси и США», «Генезис государственных закупок в Республике Беларусь» (в соавт.), «Блокчейн-моделирование и управление процессами государственного заказа», «Подходы международных экономических и финансовых организаций к оценкам системы госзаказа» и др.

[2] Глобальный сдвиг или глубочайший кризис: каким будет 2021 год // РБК : [сайт] URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/603118b49a79476d93415458.

[3] Там же.

[4] *Супрун Я. Н.* Технология блокчейн в системе государственных закупок // Реформы в России и проблемы управления — 2020 : материалы 35-й Всерос. науч. конф. молодых ученых. М., 2020. С. 52–55.

[5] Government at a Glance — 2017 edition: public procurement // OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=78413 (дата обращения: 08.02.2022).

ным, и исключает риск 51 %[1]. Другими словами, сеть должна контролировать 99 % узлов блокчейна, а не 51 %. По мнению специалиста, «51-процентная атака» вскоре может быть названа «99-процентной атакой».

Использование технологий блокчейна может помочь правительствам в решении целого ряда задач в различных областях экономики: финансы, промышленность, сельское хозяйство, налоги, работа государственных органов, услуги, медицина.

Блокчейн управляется компьютерами или серверами (так называемыми узлами) на одноранговой основе без необходимости в посредниках, которые традиционно аутентифицируют транзакции (например, банки в случае осуществления финансовых сделок). Данные, добавленные в блокчейн, передаются всем участникам сети и проверяются любым лицом с соответствующим разрешением на основе консенсусного протокола блокчейна. Эти данные хешируются, то есть преобразуются в новый цифровой формат, для обеспечения целостности, предотвращения подделки и с целью гарантии того, что сообщение было создано и отправлено заявленным отправителем и не было изменено в пути. После проверки транзакции хранятся в «блоках», которые «прикованы» к другим процессам в хронологическом порядке с использованием криптографических методов. Данные после добавления в блокчейн имеют отметку о времени, и их почти невозможно изменить[2].

В блокчейне каждый одноранговый узел хранит полную копию данных, и обновления видны всем участникам одновременно. Таким образом, все участники сети в блокчейне имеют доступ к одной и той же информации в любое время. Другими словами, блокчейн — это общая доверенная книга, доступ к которой имеют все участники процесса. Такой механизм позволяет людям, не испытывающим особого доверия друг к другу, сотрудничать, не полагаясь на доверенных посредников.

Поскольку данные реплицируются столько раз, сколько есть узлов, фальсификация данных потребует компрометации большого количества узлов, что на практике труднореализуемо и фактически невозможно. В теории сеть блокчейн может быть скомпрометирована, если валидатор или пул валидаторов контролируют более 50 % вычислительной мощности сети, которая называется «51-процентная атака», что представляется нелегкой задачей[3]. На практике существует много разных моделей блокчейна, которые различаются с точки зрения степени децентрализации и доступа, идентичности участников, механизма консенсуса, скорости, уровня конфиденциальности, потребления энергии, сбора и масштабности.

В результате повышается уровень контроля над цифровой системой и обеспечиваются прозрачность и гибкость структуры управления, что уменьшает количество ошибок и ограждает ее от рисков воздействия «человеческого фактора». Однако, несмотря на ряд преимуществ эксклюзивных блокчейнов для защиты данных и транзакций, необходимо использовать средства безопасности, которые аналогичны инструментам защиты систем управления базами данных, поскольку даже при помощи вычисления сложных хештегов невозможно на 100 % гарантировать безопасность блокчейн-системы.

Технология блокчейна сложна и быстро меняется. По мере развития технологий и новых моделей разрабатываются операционные потоки и приложения, классификации продолжают развиваться. Остановимся на некоторых разновидностях этой технологии.

А) Неразрешенные или разрешенные блокчейны.

Различия между разрешенными и неразрешенными блокчейнами в основном связаны с вопросом доступа к платформе. Блокчейн без разрешения — тот, в котором доступ ограничен. Он может быть ограничен на различных уровнях в зависимости от особенностей платформы, в частности, является ли она публичной, консорциумной или частной[4] [4]. Напротив, разрешенный блокчейн — тот, который открыт для всех, у кого есть компьютер, без каких-либо ограничений. Каждый может получить доступ к платформе и проверить транзакции.

В то время как распространяются блокчейны без разрешения, такие как биткойн, много случаев их использования в области международной торговли основано на разрешенных блокчейнах.

Б) Государственные и частные/консорциумные блокчейны.

Различие между публичными, консорциумными и частными блокчейнами связано с вопросами управления платформой (кто ею управляет) и аутентификации пользователей (уровень анонимности участников). Типы платформ различаются по степени своей децентрализации[5].

В) Общественные блокчейны.

В общедоступной платформе никакой конкретный объект (объекты) не управляют платформой. Транзакции являются публичными, и отдельные пользователи могут сохранять анонимность. Пользователю предоставляются специальные привилегии на любое решение. При этом публичный блокчейн должен гарантировать, что пользователи будут стремится к консенсусу. Большинство публичных блокчейнов не требуют разрешения, то есть они открыты для всех, и любой человек может скачать необходимое программное обеспечение на свое устройство без разрешения и запуска открытого узла, а также читать и записывать соответствующие данные на блокчейне. Публичные блокчейны без разрешений используются в основном для криптовалют, где не требуется разрешение[6].

Кроме того, вследствие их высокодецентрализованного характера публичные блокчейны считаются особенно безопасными и устойчивыми к вредоносным атакам.

---

[1] *Buterin V.* Chain interoperability. 2016, 9 sept. // R3. URL: https://www.r3.com/wp-content/uploads/2017/06/chain_interoperabilityr3.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

[2] *Srivastava S. K.* Green supply chain management: a state-of-the-art literature review // Intern. J. of Management Rev. 2007. Vol. 9, № 1. P. 53–80.

[3] Ibid.

[4] Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction / A. Narayanan [et al.]. Princeton : Princeton Univ. Press, 2016.

[5] Ibid.

[6] Blockchain technology market // Transparency Market Research. URL: https://www.transparencymarketresearch.com/blockchain-technology-market.html (дата обращения: 08.02.2022).

Г) Частные блокчейны.

В полностью частных блокчейнах разрешения для проверки и записи данных на блокчейн контролируются одним субъектом, которому доверяют другие пользователи, и участники определены. В некоторых ситуациях сущность может ограничить разрешение на чтение для некоторых пользователей. Ограниченные разрешения на чтение обеспечивают более высокий уровень конфиденциальности для пользователей. Эта функция недоступна в публичных блокчейнах. В частном блокчейне верификация транзакций осуществляется довольно простым способом. Учитывая, что валидаторы известны, человеку проще вмешаться и исправить неисправные узлы и риски атаки 51 или 99 %, возникающие в результате сговора. Но более централизованный характер этих сетей делает их менее устойчивыми к внешним атакам, и существует больший риск подделки данных.

Д) Консорциум блокчейн — это тип частного блокчейна, который работает под управлением группы. Это «частично децентрализованная» платформа[1]. Узлы в данном случае управляют процессом консенсуса. Они могут читать и (или) записывать данные и решить, кто имеет доступ к блокчейн-книге. Право на чтение блокчейна может быть публичным или ограниченным участниками[2]. Например, блокчейн-консорциум может быть сформирован из 10 компаний, каждая из которых работает как устройство, подключенное к блокчейн-сети. Если компания 2 только торгует и делится своими счетами с компаниями 3, 4 и 5, можно было бы решить, что разрешение на чтение общих данных предоставляется только этим компаниям. Применение таких платформ часто мотивируется стимулами для использования конкретных особенностей технологии распределенной книги. Оно стимулирует сотрудничество и улучшает процессы между учреждениями (например, банками, корпорациями и государственными учреждениями).

Приведенным перечнем разновидностей классификация блокчейнов не ограничивается. Фактическая конструкция блокчейна зависит от конкретных целей и степени децентрализации и конфиденциальности данных.

Для России и Республики Беларусь единая информационная технология блокчейн открывает множество возможностей не только в различных сегментах экономики. Существует много возможностей использования и внедрения технологии блокчейна для электронного денежного обращения, электронного голосования, документооборота и др. Перспективным в существующих реалиях представляется использование технологии блокчейна в системе государственных закупок.

Блокчейн, с его непосредственным потенциалом для повышения производительности и соотношением «цена–качество», может непреднамеренно способствовать ограничению возможностей коррупции, возникающей из-за асимметрии информации (например, непрозрачности цен поставщиков) или зависимости от третьих сторон во время предтендерного планирования. При внедрении блокчейна в систему государственных закупок ожидаются улучшение эффективности затрат и целостность исполнения государственного заказа, что влечет повышение уровня прозрачности функционирования системы государственных закупок в целом.

[1] Blockchain technology market.

[2] Ibid.

Ю. Ю. Королев[3]

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПЛАТ РАБОТНИКАМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ НАНИМАТЕЛЯ В ПЕРИОД СИСТЕМНЫХ СДВИГОВ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Изменения мирового глобального контекста, наблюдаемые в последние годы, оцениваются подавляющим большинством специалистов как кризисные и требующие принятия безотлагательных мер по решению назревших социально-экономических проблем. Ответом на новые глобальные экономические вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация, стала разработка законопроекта «О внешней администрации по управлению организацией»[4], который призван решить проблему приостановки работы в стране иностранных компаний «в отсутствие очевидных экономических оснований».

Цель законопроекта — защитить национальные интересы путем предупреждения массовых банкротств и сохранения бизнеса, а также права работников иностранных компаний, приостановивших работу. Согласно законопроекту для управления российским имуществом иностранных граждан и компаний, которые сами акционеры больше не желают развивать на территории страны, предлагается применять симбиоз уже имею-

[3] Профессор кафедры бизнес-администрирования Института бизнеса Белорусского государственного университета (Минск), кандидат экономических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографии «Развитие экономико-правового института банкротства и механизмов обеспечения выплат и защиты интересов работников при экономической несостоятельности (банкротстве) нанимателя»; учебных пособий «Бухгалтерский учет, налогообложение и аудит», «Финансовый анализ», «Управленческий учет в зарубежных странах», «Ревизия и аудит» и др. Член редколлегий научных журналов «Вестник Волжской государственной академии водного транспорта», «Accounting and Financial Control». Награжден грамотой Министерства образования Республики Беларусь.

[4] Проект Федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией» // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=219134#f1tkd5T2XogebB2d1 (дата обращения: 25.04.2022).

щегося в Федеральном законе от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) механизма замещения активов (ст. 115) и внешней администрации. При этом один из вариантов внешнего управления предполагает создание новой организации на базе существующей через процедуру банкротства и замещение активов компании путем выделения, то есть создание на базе имеющегося имущества прежнего собственника нового хозяйственного общества. Покупатель акций нового общества обязан сохранить две трети рабочих мест и продолжить деятельность компании как минимум год.

Как видим, разработанная временная схема работы в России иностранных компаний, приостановивших деятельность, уже получившая законодательное оформление, несмотря на декларируемые цели и задачи, может привести к значительному сокращению числа занятых работников. По крайней мере это коснется тех из них, кто не сможет претендовать на две трети сохраняемых рабочих мест, либо всех работников после минимально установленного законопроектом периода работы нового общества сроком в один год. Это указывает на необходимость поиска путей и возможностей повышения эффективности защиты и гарантирования прав работников на заработную плату в случае банкротства нанимателя, поскольку именно работники считаются наиболее уязвимой категорией кредиторов при процедуре банкротства. Они не только зачастую не могут организованно отстоять свои экономические интересы, но и, потеряв в результате банкротства основной и единственный источник средств к существованию в виде заработной платы, неизбежно сталкиваются с ухудшением условий жизни и утратой части своих прав.

То, что в период неустойчивости экономики и нестабильности внешних условий проблемы банкротства предприятий становятся все более актуальными, подтверждает также недавнее решение Правительства РФ ввести с 1 апреля полугодовой мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан[1]. Это уже второй мораторий, вводимый на фоне неопределенности экономической ситуации в стране и мире. Ранее действовавший мораторий на подачу кредиторами заявлений о несостоятельности компаний и предпринимателей отраслей, пострадавших от пандемии COVID-19, был снят 7 января 2021 года и позволил, как считают специалисты, смягчить излишнюю напряженность и обеспечить сохранение стабильности функционирования национального бизнеса за счет снижения числа банкротств в 2020 году. В результате, как следует из сообщений арбитражных управляющих в Федресурсе (https://fedresurs.ru), в первом квартале текущего года количество корпоративных банкротств выросло лишь на 6,4 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года (до 2544 случаев). Можно полагать, что рост количества корпоративных банкротств в начале 2022 года продолжил тенденцию прошлого года, а абсолютное число решений о несостоятельности все еще ниже доковидного уровня[2].

Вместе с тем отмеченные специалистами некоторые позитивные тенденции наблюдаются на фоне роста объемов требований кредиторов второй очереди (включая требования по заработной плате и выходным пособиям) по завершенным делам о банкротстве. Сводные результаты процедур, применявшихся в деле о банкротстве, составленные на основе обработки сведений из отчетов арбитражных управляющих за 2019–2021 годы и публикуемые АО «Интерфакс» на сайте «Федресурс», показывают, что общая сумма требований второй очереди, включенных в реестр требований кредиторов, демонстрирует негативную тенденцию роста их объемов. В среднем за анализируемый трехлетний период удовлетворено порядка 11 % требований кредиторов второй очереди, а в 2021 году процент удовлетворения требований снизился до предельно низкого уровня и не достиг даже 10 %. Можно было бы предположить, что эта тенденция возникла только в последние годы и связана с экономическими последствиями влияния пандемии COVID-19 на экономику страны. Однако наши исследования, проведенные ранее, показали, что в период с 2016 по 2018 год удовлетворялось порядка 30 % требований[3]. Этот показатель хотя и ниже уровня полного удовлетворения требований кредиторов второй очереди по заработной плате, выходным пособиям и другим аналогичным выплатам, причитающимся работникам, но вместе с тем значительно превышает уровень, фактически сформировавшийся в последние три календарных года.

В связи с этим представляется объективно необходимым наладить эффективное функционирование всех элементов организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя. *Блок управления*, или *управляющий блок*, такого механизма, в роли которого выступает государство в лице федеральных и региональных органов исполнительной власти (регулирующих и уполномоченных органов, а также органов по контролю (надзору)), на практике представлен системой арбитражных судов и арбитражными управляющими. От слаженной работы и уровня профессионализма последних в первую очередь зависит эффективная работа всей системы защиты экономических интересов работников при банкротстве нанимателя.

Объект управления — элемент механизма, характеристики и свойства которого изменяются под влиянием целенаправленных и систематических управляющих

[1] Банкротства в России: итоги I квартала 2022 года : Статистический релиз Федресурса // Федресурс : [сайт]. URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0% BB%D0%B8%D0%B7%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0-1%20%D0%BA%D0%B2%202022.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

[2] Число обанкротившихся компаний и граждан увеличилось // Жизнь и экономика : [сайт]. URL: https://www.eg-online.ru/news/453627/.

[3] *Королев Ю. Ю.* Развитие экономико-правового института банкротства и механизмов обеспечения выплат и защиты интересов работников при экономической несостоятельности (банкротстве) нанимателя. Минск : Ин-т бизнеса БГУ, 2020. С. 196–197.

воздействий блока управления[1]. Соблюдение баланса интересов всех заинтересованных сторон следует рассматривать в качестве главной цели экономико-правового института несостоятельности (банкротства)[2]. Следовательно, удовлетворение требований членов трудового коллектива в ситуации экономической несостоятельности (банкротства) будет являться объектом управления организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя.

Следующий элемент механизма — *модель управления*, под которой в общем понимается скоординированный по ресурсам, исполнителям и срокам реализации комплекс научно-исследовательских, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение целевых задач, определенных блоком управления[3]. В нашем случае рассматриваемая модель реализуется в виде процедур внешнего управления, финансового оздоровления, конкурсного производства, реабилитационных процедур (применяемых к гражданам) либо мирового соглашения. Перечисленные модели должны осуществлять реализацию *целевой функции* механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя. Поскольку его важнейшей целью является наиболее полное удовлетворение экономических требований членов трудового коллектива в ситуации несостоятельности (банкротства), то целевая функция должна определяться в первую очередь гарантией защиты конституционного права собственности, закрепленного ст. 35 Конституции РФ. По смыслу упомянутой статьи неполучение работником заработной платы, выходного пособия и иных причитающихся выплат в случае банкротства работодателя следует расценивать как нарушение права работника «на уважение своей собственности, выражающееся в незаконном удержании чужого имущества работодателем»[4].

Помимо конституционных прав, обладающих высшей юридической силой, при определении целевой функции организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя следует принимать во внимание и государственные гарантии по оплате труда, под которыми понимаются средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав. Государственные гарантии по оплате труда в Российской Федерации в соответствии со ст. 130 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ включают, например, помимо величины минимального размера оплаты труда, мер, обеспечивающих повышение уровня реального содержания заработной платы, ограничения перечня оснований и размеров удержаний из заработной платы по распоряжению работодателя, а также размеров налогообложения доходов от заработной платы и некоторых других гарантий, еще и обеспечение получения работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности[5] в соответствии с федеральными законами.

Целевая функция организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя, определяемая в соответствии с конституционными правами и государственными гарантиями по оплате труда, реализуется через такие закрепленные действующим законодательством правовые средства и инструменты, как привилегированное положение работников по отношению к другим кредиторам, требования которых по выплате выходных пособий и оплате труда, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности удовлетворяются во вторую очередь (в соответствии со ст. 64 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ и ст. 134 Закона о банкротстве), наличие права у представителя работников должника участвовать без права голоса в собрании кредиторов (ст. 12 Закона о банкротстве) и др.

Качественные показатели реализации заданной целевой функции могут измеряться численными показателями, формируемыми субъектами управления в виде различных данных (отчетов), передаваемых в блок управления, для выработки эффективных управляющих воздействий[6]. К таким показателям для целевой функции организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя можно отнести, например, сумму требований, включенных в реестр требований кредиторов второй очереди, удельный вес удовлетворенных требований кредиторов второй очереди в общей сумме всех удовлетворенных требований за определенный период времени.

В заключение важно отметить, что эффективное функционирование организационно-экономического механизма обеспечения выплат работникам при банкротстве нанимателя и, в частности, каждого из перечисленных выше элементов этого механизма должно гарантировать сохранение экономического равновесия в период системных сдвигов и глобальных вызовов для Российской Федерации.

[1] *Журавлев Д. М.* Экономический механизм управления развитием региона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 48.

[2] *Королев Ю. Ю.* Указ. соч. С. 42–64.

[3] *Журавлев Д. М.* Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием региона // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 2. С. 254.

[4] *Игнатенко А. С.* Защита требований работников при несостоятельности (банкротстве) работодателя в России и зарубежных странах : дис. … канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2016. URL: https://msal.ru/upload/main/00disser/2016/Ignatenko/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%90.%D0%A1.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

[5] Статья 130 «Основные государственные гарантии по оплате труда работников» Трудового кодекса РФ // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/7e1ee9da7e27c1740b317e9f3a442bf860cd68dc/.

[6] *Журавлев Д. М.* Экономический механизм управления развитием региона. С. 50–51.

А. И. Котов[1]

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Экономика России не в первый раз сталкивается с ограничениями, налагаемыми на нее со стороны ряда недружественных государств. Такие ограничения постоянно принимались в отношении Советского Союза на протяжении практически всего периода его существования. Не стала в этом смысле исключением и постсоветская Россия. Современная история санкций в отношении нее берет свое начало с 2014 года, когда из-за неконституционных событий, произошедших на Украине, Крым на основании результатов проведенного референдума вошел в состав Российской Федерации. Принятые в указанный период санкции тем не менее не смогли оказать существенного влияния на российскую экономику и тем более «порвать ее в клочья». Новый, беспрецедентный по своему масштабу этап санкционного давления на Россию стартовал в 2022 году после начала проведения Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции на Украине. По мнению некоторых экспертов, придерживающихся русофобской политики, особенно ангажированных рядом западных стран, эти ограничения, наряду с ведущимися военными действиями и изменением конъюнктуры цен на энергоносители, должны будут обескровить экономику России и исключить ее влияние на решение сколь-нибудь важных международных вопросов.

Согласно базе данных Castellum по состоянию на апрель 2022 года, общее количество принятых против России санкций достигло 6901. При этом наибольшее число ограничений введено такими странами, как Швейцария (1103), Великобритания (1098), ЕС (940), Франция (931), США (838), Канада (729), Австралия (642) и Япония (620). Значительная часть (5693) из принятых ограничений носит индивидуальный характер и направлена против отдельных физических лиц. Другая часть ограничений связана с так называемыми секторальными санкциями. К ним, в частности, относятся ограничения на: 1) импорт российских нефти и газа; 2) импорт российского угля; 3) импорт российских металлов; 4) экспорт металлов в Россию; 5) экспорт предметов роскоши и некоторых продуктов питания в Россию; 6) экспорт технологий в Россию; 7) доступ России к фондам МВФ и Всемирного банка; 8) погашение суверенного долга иностранными резидентами; 9) корреспондентские банковские счета российских банков; 10) доступ российских банков к международной банковской системе SWIFT.

Следует отметить, что принятые рядом государств ограничительные меры в отношении России не могут не оказывать отрицательного влияния на отечественную экономику. Так, по оценке некоторых экспертных организаций, их введение приведет в нынешнем году к падению ВВП России на 10–12 %, увеличению безработицы до 8,5 % и росту цен на 20–22 %, что, в свою очередь, повлечет за собой снижение уровня жизни населения. В результате принятых санкций заметно снизилась деловая активность бизнеса, нарушились деловые связи между отечественными и западными предприятиями, существенно вырос отток иностранного капитала и инвестиций, осложнился доступ российских организаций к высокотехнологичной продукции.

С целью снижения негативных последствий введения санкций Правительством России разработан План действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления. Указанный план включает в настоящее время более 100 инициатив социального, налогового, финансового, регуляторного и общего характера. Реализация инициатив обеспечивается Правительственной комиссией по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций, созданной согласно Распоряжению Правительства РФ от 28 февраля 2022 года № 357-рс «О Правительственной комиссии по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций». Общий объем финансирования инициатив, направленных, прежде всего, на увеличение ключевой ставки, изменение порядка продажи валютной выручки, ужесточение мер валютного контроля, введение временных запретов на экспорт отдельных видов продукции, установление порога снятия наличной валюты, перевод оплаты за экспортируемый газ на рубли, достигает 1000 млрд рублей.

Приведенные оценки последствий влияния санкций на экономику России носят негативный характер. При этом следует отметить, что большинство экспертов, как правило, рассматривают исключительно такие оценки и не учитывают другую сторону ограничительных мер, связанную с их стимулирующим влиянием на деятельность по их преодолению. Данное обстоятельство, характеризуемое как окно возможностей, предполагает активизацию усилий государства и бизнеса прежде всего в тех сферах, из которых иностранные компании вынуждены уходить из-за санкций. До их введения вход отечественных предприятий на многие рынки товаров, работ и услуг был практически закрыт в силу высочайшей конкуренции со стороны указанных компаний, прочно закрепившихся на этих рынках в 1990-х годах. Теперь же, в условиях изменившейся рыночной конъюнктуры, российские предприятия могли бы воспользоваться сложившейся си-

[1] Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук. Автор около 50 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий и учебных пособий: «Региональный научно-образовательный и инновационный хаб и его роль в инновационном развитии субъекта Российской Федерации», «Управление стратегическим развитием региона — решающий фактор устойчивого социально-экономического развития (на примере Санкт-Петербурга)», «Экономика знаний — основа устойчивого экономического развития России», «Цифровая платформа как инструмент управления социально-экономическим развитием территорий», «Качество городской среды как экономическая категория инновационной экономики» и др. Член Вольного экономического общества России. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

туацией и занять достойное место в международной системе разделения труда.

Активизация деятельности отечественных компаний по освоению рынка товаров в решающей степени связана с реализаций политики импортозамещения, проведение которой началось в России с 2014 года с целью замещения импортируемой продукции товарами и услугами, произведенными внутри страны. Справедливости ради следует отметить, что проблема импортозамещения возникла в РФ в конце 1990-х годов в результате распада Советского Союза и скоропалительных решений тогдашнего российского руководства о переходе к рыночным отношениям на основе либеральной модели функционирования экономики.

Одним из важных инструментов реализации политики импортозамещения является в настоящее время Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», запущенная в 2014 году и действующая на период до 2024 года. На ее реализацию в 2021 году было выделено, в частности, более 300 млрд рублей. При этом за период с 2014 по 2021 год было завершено более 1500 проектов по импортозамещению. Принятие в 2022 году большого числа дополнительных санкций против России, безусловно, потребует уточнения ее параметров и активизации работы по ее реализации. Под непосредственным воздействием санкций сегодня находятся тяжелое машиностроение, электронная промышленность, станкостроение, самолетостроение, текстильное производство, медицинская и фармацевтическая промышленность. С целью эффективного решения задач импортозамещения Правительством РФ и Государственной Думой РФ разработан пакет законопроектов по защите бизнеса и населения в условиях санкций.

Основными мерами государственной поддержки отечественных предпринимателей в настоящее время являются: льготные кредиты и кредитные каникулы (для предпринимателей, осуществляющих деятельность в сельском хозяйстве); отмена плановых налоговых проверок для представителей малого и среднего бизнеса; отмена комиссии за прием оплаты через систему быстрых платежей; установление лимита комиссии за эквайринг; нулевой НДС для предприятий туристического бизнеса; перенос сроков уплаты налогов и сдачи отчетности. Кроме того, важными элементами государственной поддержки также являются субсидии на открытие своего бизнеса и субсидии из Фонда социального страхования для стимулирования занятости.

Отмечая положительные успехи в реализации политики импортозамещения, нельзя обойти вниманием наличие ряда проблем. О них, в частности, свидетельствуют данные о доле импорта России в различных отраслях экономики. Она по-прежнему остается высокой: в гражданском самолетостроении (более 80 %), в тяжелом машиностроении (около 70 %), в нефтегазовом оборудовании (около 60 %), в энергетическом оборудовании (около 60 %), в сельскохозяйственном машиностроении (от 50 до 90 %). Данное обстоятельство определяет необходимость принятия более действенных мер, которые должны быть направлены на повышение эффективности государственной поддержки и на создание более благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности. При этом в условиях ограниченности ресурсов представляется крайне важным определение конкретных видов продукции, производство которой необходимо локализовать. Особенно актуальной в этом случае является продукция, необходимая для выполнения национальных проектов (более 40).

Рассматривая влияние санкций на экономику России, нельзя не отметить и их влияние на региональную экономику, в том числе и на экономику Санкт-Петербурга. Степень влияния, безусловно, определяется характером этой экономики и ее особенностями, обусловленными историческим и социально-экономическим развитием. В частности, отличительной чертой петербургской экономики является ее диверсифицированность и тесная связь с мировой экономикой. Так, организации Санкт-Петербурга, в том числе промышленные, поддерживают внешнеэкономические связи более чем со 160 странами, активно экспортируя и импортируя самые разнообразные товары и услуги. Будучи крупным портовым и логистическим центром, город связан сетью воздушных, морских и наземных коммуникаций практически со всем миром. Всемирно известные достопримечательности давно превратили Санкт-Петербург в туристическую Мекку для туристов со всех континентов. Приходится с сожалением констатировать, что все эти связи и отношения в той или иной степени будут подвержены санкциям, что будет иметь негативные последствия как для отраслей и сфер экономики города, так и для его жителей.

Особого рассмотрения требует оценка влияния санкций на предприятия обрабатывающих производств (промышленности), занимающих весомую долю в экономике Санкт-Петербурга. Следует отметить, что начиная с 2010 года, еще до введения каких-либо санкций, доля промышленности в экономике города начала снижаться, уступая место другим отраслям и видам деятельности. Согласно статистическим данным, доля предприятий обрабатывающих производств (промышленности) в структуре валового регионального продукта (ВРП) за последнее десятилетие заметно снизилась. Так, если по итогам 2011 года доля указанных предприятий в ВРП составляла 23,7 %, то уже по итогам 2020-го эта доля составила 13,9 % (уменьшение в 1,7 раза). При этом роль промышленности в обеспечении населения рабочими местами и доходами, формировании бюджета города и решении социальных вопросов по-прежнему остается высокой. Вместе с тем, принимая во внимание зависимость предприятий обрабатывающих производств (промышленности) от зарубежных рынков, вполне обоснованно предположить появление негативных последствий санкций на их деятельность.

Очевидно, что в условиях действия санкций политика импортозамещения, проводимая в России, становится для предприятий обрабатывающих производств (промышленности) Санкт-Петербурга, по существу, безальтернативной. При этом непосредственная реализация такой политики в Санкт-Петербурге должна вестись с учетом региональной специфики и наличия конкурентных преимуществ для производства той или

иной продукции. Предполагать, что на местном уровне, даже в таком регионе как Санкт-Петербург, возможно локализовать производство продукции, ранее импортируемой из-за рубежа, было бы по меньшей мере нерационально. Здесь необходимо проведение единой государственной промышленной политики, направленной на приятие обоснованных решений, как по номенклатуре производимой продукции, так и по месту ее изготовления. При этом, очевидно, что организовать необходимую работу по импортозамещению без эффективной государственной поддержки субъектов предпринимательства не представляется возможным. Одним из наиболее важных инструментов такой поддержки являются институты развития промышленности. В этой связи проводимая в Санкт-Петербурге работа по повышению эффективности функционирования Фонда развития промышленности (увеличение капитала, расширение программ поддержки) является важным инструментом реализации политики импортозамещения.

Критически чувствительной к санкциям по-прежнему остается IT-отрасль. Объявленный в начале 2022 года уход с российского рынка ведущих информационных компаний, в том числе EPAM, Oracle, Microsoft, SAP и др., может создать для российских пользователей определенные трудности. Так, несмотря на снижение в последние годы зависимости отечественного рынка программ от иностранных производителей, доля программного обеспечения, закупаемого госорганами у иностранных компаний, все еще составляла в 2019 году не менее 65 %. Поэтому, учитывая, что сегодня, согласно В. Б. Бетелину[1], все отрасли и сферы экономики так или иначе связаны с использованием цифровых технологий, иного пути, кроме как создание отечественных программных продуктов, просто не существует. С целью поддержки данного направления Минцифрой России создан и ведется Реестр зарегистрированных отечественных программных продуктов, разработчики которых освобождены от уплаты НДС, а компании, закупающие отечественный софт, имеют право на компенсацию государством 50 % затрат на его приобретение. При этом согласно Федеральному закону от 29 июня 2015 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» и ст. 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при государственных закупках установлен приоритет российского программного обеспечения, входящего в специальный реестр.

Литература

1. *Наружный, В. Е.* Импортозамещение в России: исторический опыт и текущие перспективы / В. Е. Наружный, В. А. Титов, Ю. А. Оболенская. — Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. — 2019. — № 11. — С. 101–112.

2. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. — Текст : электронный // Валдай : [сайт]. — URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-xviii-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-klub-valday-stenogramma.

3. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды : Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р. — Текст : электронный // Гарант : [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/72204984.

4. *Харченко, К. В.* Импортозамещение как целевой ориентир предпринимательской активности / К. В. Харченко. — Текст : непосредственный // Управление городом: теория и практика. — 2016. — № 2. — С. 44–48.

Л. Ф. Лебедева[2]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ США К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ НА НОВОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА[3]

Пересмотр форматов торгово-экономического взаимодействия между субъектами мирового хозяйства, масштабы и характер использования Соединенными Штатами и рядом других стран все более широкого круга ограничительных практик актуализируют исследования их последствий на глобальном, региональном, национальном уровнях, в том числе в контексте влияния на торговлю, инвестиционный обмен между странами, технологический трансферт, развитие международной интеграции. «При всей динамичности процессов, протекающих в сфере изучения мировой экономики, сама она меняется еще быстрее, что неизбежно ведет к формированию „белых пятен“ на интеллектуальной карте исследователей»[4]. Для осмысления формирующейся новой конфигурации международных отношений исключительно важно выявление происходя-

[1] *Бетелин В. Б.* О проблеме импортозамещения и альтернативной модели экономического развития России // Стратегические приоритеты. 2016. № 1 (9). С. 11–21.

[2] Главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века» (в соавт.), «Международная торговля: вчера, сегодня, завтра» (в соавт.), «США: государство–человек–экономика: региональное измерение» (в соавт.), «Пенсионные системы стран мира: стратегии и опыт модернизации» (в соавт.), «Роль государства в социальном обеспечении пенсионеров: повестка XXI века» (в соавт.), «Приоритеты научно-технологической политики США» (в соавт.) и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика», «США и Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

[3] Доклад подготовлен по материалам исследования при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001-А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором — начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

[4] *Афонцев С. А.* Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 37.

щих сдвигов в мирохозяйственных связях; со всеми их текущими, краткосрочными эффектами, а также многогранными долгосрочными последствиями.

Изменения в национальных подходах к торгово-экономическим отношениям в мире, их регулированию сопровождаются перераспределением позиций традиционных лидеров и набирающих силу игроков; происходит «укрепление новых региональных и глобальных центров мировой экономики и политики и развитие сложной многовекторной системы сотрудничества и конкуренции между ними, а также между ними и прежними лидерами международной системы, которые всеми средствами стремятся сохранить за собой доминирующие позиции»[1]. Соединенные Штаты Америки в борьбе за мировое лидерство демонстрируют применение различных инструментов, обосновывая их особенностями «новой эры конкуренции» в военно-политической, финансово-экономической, технологической сферах. В Стратегии национальной безопасности США (2017) экономике и внешнеэкономическим отношениям страны уделено особое внимание не только в плане защиты национальных производителей и укрепления их позиций на мировых рынках, но также и в контексте отстаивания с союзниками и партнерами «общих интересов в сфере политики и обеспечения безопасности»[2]. Такой позиции, по сути, придерживается и президентская администрация Джозефа Байдена, при всех различиях по вопросам позиционирования США в мире, в сравнении с администраций Дональда Трампа.

На рубеже второго-третьего десятилетий в США ключевым положением концепции достижения превосходства над соперниками была заявлена «стратегия сдерживания» их развития (прежде всего Китая и России)[3]. В ряде экспертных оценок американских исследовательских центров[4] среди наиболее эффективных инструментов «дестабилизации», «подрыва» российской экономики выделялось использование санкций, а для повышения их влияния — совместные действия с союзниками, партнерами.

Использование санкций закреплено в США законодательно, а в самом названии закона «Countering America's Adversaries Through Sanctions Act», который был подписан в августе 2017 года бывшим в то время президентом США Дональдом Трампом, сформулирована их главная цель — «противодействие противникам Америки». Во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» (2021)[5], принятом в первый год президентства Джозефа Байдена, уточнены направления сдерживания развития России, Китая, сплочения западной коалиции в целях противостояния ключевым соперникам.

Учитывая основополагающую роль разработки и внедрения передовых технологий в обеспечении национальной безопасности и позиций страны в мире, стратегических конкурентных преимуществ, в фокусе внимания американских правящих кругов — вопросы, связанные с поддержкой разработки и доведения до практического использования в оборонной и гражданской сферах «критически значимых технологий», в том числе «зарождающихся технологий»; с развитием государственно-частного партнерства. Одновременно возрастающее значение в политике Вашингтона приобретают защита национальных научно-технологических достижений от их использования другими государствами, усиление экспортного контроля относительно технологий, наукоемкой продукции, в том числе совершенствование законодательства в данной сфере.

Положения Закона США «О реформе экспортного контроля», вступившего в силу в 2020 году, конкретизируют порядок экспортных ограничений в рассматриваемой области, в частности уточняя понятия «критические технологии» (*critical technologies*) и «зарождающиеся технологии» (*emerging technologies*). Таким образом, речь идет об ограничении доступности для других стран разрабатываемых технологий, которые могут стать критически значимыми для национальной безопасности США в перспективе. По Закону «О реформе экспортного контроля» предполагается их мониторинг (на основе президентских распоряжений) для включения в списки подпадающих под определение критических технологий. В русле утверждения данных ограничений в качестве национальной стратегии в то время президентом Дональдом Трампом в 2020 году была утверждена также «Национальная стратегия для критических и зарождающихся технологий» (*National Strategy for Critical and Emerging Technologies 2020*)[6], защита которых призвана воспрепятствовать их использованию соперниками.

Во втором — начале третьего десятилетия XXI века претерпела трансформацию и позиция Вашингтона относительно участия в международной экономической интеграции. Политика США по пересмотру торговых соглашений в период президентства Д. Трампа (в том числе с ближайшими партнерами, когда, например, соглашение ЮМСКА (США, Мексика, Канада) заменило НАФТА) была представлена как движение к «новой модели торговли для XXI века».

Продвижение формирования трансконтинентальных партнерств (Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП)) отличалось высокой степенью активности в период президентства Барака Обамы, исходя из необходимости укрепления позиций США в Азии и Европе.

Соглашение о транстихоокеанском партнерстве было заключено в феврале 2016 года двенадцатью государствами[7] и оценивалось в Соединенных Штатах как одно из важнейших достижений президентской администрации Обамы для упрочения американских пози-

[1] *Войтоловский Ф. Г.* Трансформация внешних условий обеспечения национальной безопасности России // Вестник Российской академии наук. 2019. № 4. С. 393.

[2] National Security Strategy of the United States of America. Washington D. C. : The White House, 2017. P. 38.

[3] Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia. Washington D. C., 2020.

[4] Extending Russia: Competing from Advantageous Ground. Santa Monica, U. S. : RAND Corporation, 2019.

[5] Interim National Security Strategic Guidance. Washington, 2021.

[6] National strategy for critical and emerging technologies. Washington, 2021.

[7] Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.

ций в регионе. Однако после выхода США из Соглашения ТТП, с приходом в Белый дом в 2017 году Дональда Трампа, 11 стран заключили Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП), вступившее в силу в конце 2018 года. Участникам ВПСТТП предстоят еще сложные переговоры по дальнейшему уточнению положений, регулирующих как непосредственно торговые отношения, так и связанные с особенностями участия государства в поддержке национальных производителей в странах-участницах; с экологическими, трудовыми стандартами, вопросами защиты прав интеллектуальной собственности и др. Но, несмотря на все сложности и сохранение неопределенности по ряду позиций, перспективы трансконтинентального партнерства не лишены привлекательности для ряда других стран, рассматривающих возможности присоединения к нему.

Решения Вашингтона по торговым соглашениям в русле «новой модели торговли для XXI века», выхода из достигнутого соглашения по ТТП способствовали ускорению формирования других торгово-экономических объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В связи с этим не стоит исключать возможности присоединения новых членов и к ВПСТТП, и к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), соглашение о котором было подписано в ноябре 2020 года и вступило в силу 1 января 2022 года. Объединив страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) с крупнейшими торговыми партнерами (Китай, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия), ранее подписавшими соглашения о свободной торговле с АСЕАН, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство стало крупнейшей торговой зоной. Инициативы по ее расширению требуют последующих существенных уточнений и согласований, достижение которых зависит от множества экономических и политических факторов.

В сложившейся ситуации для России актуализируется продвижение Большого евразийского партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми... уже сложились тесные отношения… и других заинтересованных государств и объединений»[1]; расширение сотрудничества с дружественными и нейтральными странами при использовании возможностей увеличения их числа; формирование повестки с союзниками и партнерами по развитию торгово-экономического взаимодействия.

Т. Б. Малинина[2]

МЕРА ТРУДА И МЕРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В научной литературе человеческое потребление определяют по-разному. По мнению экономистов, потребление представляет собой использование общественного продукта и является завершающей стадией расширенного воспроизводства; оно тесно связано с начальной стадией данного процесса — производством. Социологи определяют потребление как процесс использования социально-экономических, культурных и природных благ с целью удовлетворения потребностей человека, социальных групп и общества в целом. Но в последнее время потребление в постструктуралистской концепции рассматривается как символическая практика, как потребление не вещей, а знаков, как коммуникативный процесс[3].

Одной из проблем в анализе производства и потребления является их соизмерение: показать связь производства и потребления, выявить меру общественной производительности труда и потребления. Для современной экономики характерно неконтролируемое развитие производства вне связи с жизненно важными потребностями человека и общества[4]. Современные реалии заставляют осознать необходимость переориентации производства, государственной политики и самих принципов организации строя экономики на цели развития человека, улучшения окружающей среды, сохранения природных ресурсов для будущих поколений[5]. Представители Римского клуба в 1970-х годах выдвинули идею о том, что производство ради прибыли постепенно должно сменить производство ради удовлетворения потребностей. В противном случае мировая экономика достигнет пределов экономического роста. В Декларации, принятой на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 1995), заявлено о том, что в XXI столетии социальное развитие и удовлетворение потребностей людей выдвигаются на первый план. В концепции устойчивого развития, одобренной Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), содержится призыв отказаться от модели развития, которой следовали европейские страны и которая рассчитана на получение прибыли.

К потреблению необходимо подходить с точки зрения экономической социологии, интегрирующей эко-

[1] Выступление Президента РФ В. В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2016). URL: https://tass.ru/pmef-2016/article/3373184.

[2] Профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона» (в соавт.), «К вопросу о сбалансированном взаимодействии производства и потребления в социально-экономическом развитии (потребительно-стоимостной подход)», «Место цифровой экономики в социальном развитии человека и общества», «Цифровая среда: драйвер профессий будущего», «Понимание молодежью категории „качество жизни“: на примере учащейся молодежи Санкт-Петербурга» и др. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

[3] *Малинина Т. Б.* Мера труда и мера потребления в социальном развитии общества : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.03. СПб., 2012.

[4] *Малинина Т. Б.* Указ. соч.

[5] Там же.

номический и социальный подходы, то есть рассматривать потребление как социальное развитие человека и общества[1]. Капиталистическое производство определяет потребление только как условие необходимого сбыта товаров — произведенный товар надо продать, а служит ли его потребление целям развития общества и человека, совершенно не важно. Еще в 1960-х годах Дж. К. Гэлбрейт указывал, что в современном обществе все хорошо с производством автомобилей, сигарет, рекламой, но плохо с общественным образованием, здравоохранением, культурным развитием. Все это как нельзя актуально в настоящий момент[2].

Процесс глобализации исследуется в научном сообществе давно. С одной стороны, глобализация представляет собой объективный процесс интеграции человечества в единую мировую систему. И это происходит во всех сферах жизнедеятельности общества: экономике, культуре, политике, миграции, образовании, информации и т. д. Причем глобализация проявляется таким образом, что все социальные процессы, происходящие в одной части света, начинают определять происходящее в других частях света. Отметим, что в ходе процессов глобализации происходит конструирование человека, его интересов, досуга и т. д. Это связано и с потреблением. В обществе потребления иррациональность, ситуативность, поверхностность, эмоции всегда доминируют над рациональным выбором. Многие исследования наглядно показывают, как происходит иллюзия сглаживания социального неравенства благодаря иллюзии гармонизации и принадлежности к высокому потребительскому слою путем потребления разрекламированного «звездами» того или иного товара. Здесь можно говорить не о потреблении услуг или товаров, а об ощущении принадлежности к тому или иному слою общества и стилю жизни. Формируется, развивается и навязывается культ вещей и «красивой» жизни. Культ знаков и ощущения причастности себя к рекламируемому образу жизни становится самоцелью. Развитые государства через механизмы «принудительного» потребления навязывают находящимся на периферии экономического развития странам модели потребления, которые, наряду с другими факторами, приводят к экономической и социокультурной зависимости.

В то же время глобализация является определенного рода геополитикой одной страны, направленной на распространение своего влияния на все стороны жизнедеятельности общества другого государства или нескольких стран на весь мир. Очевидно, что США сегодня навязывают свою волю другим странам мира. Россия, втянутая в этот процесс, потеряла свой экономический суверенитет. В результате этого образовались две экономики: внешняя и внутренняя. Внешняя экономика представляет собой часть мировой экономики (нефтегазовые компании, металлургические отрасли и т. д.), где создаются стоимости. Там управляют бизнесмены, целью которых является прибыль. Внутренняя экономика — это промышленное производство внутри страны, где создаются потребительные стоимости, где работают транспорт, агропром, электроэнергетика и тому подобное, трудится и потребляет население.

Пандемия COVID-19 внесла коррективы в процесс жизнедеятельности общества, включая личное потребление. На первое место во время пандемии вышло онлайн-общение между людьми. Также актуальной стала торговля через Интернет. Интернет-магазины получили невероятное развитие. Все ушло в виртуальный формат, безналичный расчет стал приоритетным. Снизился масштаб потребления через торговые сети. По мнению многих современных социологов, восстановить его в прежнем объеме вряд ли удастся. До пандемии население больше посещало магазины и торговые центры. Был так называемый контакт с товаром. Во время пандемии преобладают интернет-покупки. Удаленным стал не только шопинг, но и образование и работа. Есть вероятность, что дистанционное образование частично останется в виде курсов или дополнительных занятий. Однако, как показали практика и исследования ученых, качество дистанционного образования намного ниже очных занятий в школах и вузах. Не нужно забывать и о таком важном аспекте, как социализация детей и молодежи.

Согласно многим социологическим опросам о возможностях очной и дистанционной работы сотрудники компаний с удовольствием остались бы на удаленке и сейчас. Однако сохранится и физическое присутствие на работе для многих профессий. И, как следствие, ручной труд будет выше цениться. В случае с удаленной работой работодатель может перейти на другой уровень взаимодействия со своими сотрудниками, так называемый фриланс (договор для решения конкретных задач). А это, в свою очередь, повлияет на уровень стабильности и социальной защищенности работника.

Жизнедеятельность любого общества невозможна без труда, так как он является основным фактором развития человека и общества. Чтобы жить и развиваться, человек должен удовлетворять свои жизненно необходимые потребности: есть, одеваться, иметь жилище и т. д. Для этого общество должно непрерывно создавать соответствующие материальные средства и блага, которые без человеческого труда возникнуть не могут.

Труд как создатель потребительных стоимостей есть, как писал К. Маркс, «независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость». Таким образом, труд был и остается основой и решающим фактором всей человеческой жизни. Только в труде и с помощью труда удовлетворяются человеческие потребности, создается национальное богатство, формируются и развиваются сам человек и общество в целом. Все, что необходимо для жизни и развития людей, создается трудом[3]. В результате процесса глобализации и экономических преобразований, проводимых в нашей стране, в обществе изменилось отношение к труду, повлекшее

[1] *Малинина Т. Б.* Мера труда и мера потребления. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

[2] *Малинина Т. Б.* Мера труда и мера потребления в социальном развитии общества.

[3] *Малинина Т. Б.* Мера труда и мера потребления в потребительно-стоимостном измерении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика / ред. Л. А. Вербицкая. 2008. № 1. С. 115–125.

за собой ряд негативных социальных последствий: снизилась доступность бесплатных услуг образования, здравоохранения, культуры, и как итог — падение нравственности и морали.

Глобальный кризис, который испытывает мировая экономика сегодня, снижает уровень и качество жизни людей, и, как следствие, меняется соотношение меры труда и меры потребления. Этому способствуют во многом непрекращающиеся гибридные войны и пандемия как одна из разновидностей такой войны. С одной стороны, процессы глобализации усугубили социально-экономическое положение в стране: сокращение рабочих мест; рост безработицы; снижение заработной платы до нищенского уровня; падение покупательной способности населения; резкое расслоение общества. С другой стороны, процессы цифровизации и внедрение информационных технологий изменили образ жизни современного человека. Цифровая среда не только способствовала социальному развитию человека и общества в целом, но и повлекла за собой зависимость от западных цифровых платформ.

В. В. Путин 26 марта 2021 года на заседании Совета безопасности РФ подчеркнул: «…мы выступаем за незыблемость цифрового суверенитета государств. Это означает, что каждая страна может самостоятельно определять параметры регулирования собственного информационного пространства и соответствующей инфраструктуры»[1]. Например, «…киберальянс Китая и России по цифровому суверенитету стал основным предшественником цифрового суверенитета, поскольку обе страны активно продвигают такую идею для защиты своих национальных интересов, которые в основном связаны с вопросами экономики и безопасности. Обе страны требуют усиления контроля над своим собственным киберпространством, поддерживая принцип невмешательства в многочисленные глобальные системы управления Интернетом, такие как МСЭ, ICANN, Администрация адресного пространства Интернет и Форум управления Интернетом»[2].

На сегодняшний день очевидно, что в рамках ведущихся информационных и кибервойн с отключением России от глобальных интернет-платформ и вводом санкций разного уровня необходимо продолжить создание независимого регионального сегмента Интернета и инфраструктуры, которая станет устойчивой без архитектуры Глобальной сети. И здесь очень важен баланс между многосторонним режимом управления Интернетом и обеспечением цифрового суверенитета[3].

Сегодня в мире наблюдается процесс деглобализации, который выражается в экономическом кризисе, прокатившемся по всему миру и повлекшем за собой политический и социальный кризисы. Идет борьба за лидерство между странами, за энергетические, человеческие, интеллектуальные, производственные и тому подобные ресурсы.

«С 2014 г. российская экономика живет в условиях масштабных экономических санкций. Заняв свое место в арсенале средств экономической политики ряда государств, прежде всего США, санкции превратились в нерыночный, нерегулируемый международным правом и торговыми соглашениями инструмент экономического и политического давления, продвижения собственных экономических интересов, недобросовестной конкуренции. Вводимые под различными предлогами рестриктивные меры, по существу, служат целям, далеким от официально заявленных, а зачастую и противоположным»[4].

В связи с этим у Российской Федерации есть возможность развить свой научно-технический потенциал, добиться роста экономики, вернуть себе особый статус сильного государства. Частично это прописано и в Стратегии народосбережения Российской Федерации до 2050 года. Исторически сложившееся государственное единство России обеспечивается развитием страны как государства-цивилизации, скрепленной русским языком, русской культурой, русским народом, который выполняет миссию государствообразующего народа[5]. Развитие России определяется социальным развитием человека, национальной безопасностью и исторической перспективой. Это требует роста численности населения, укрепления его национальной идентичности, улучшения физического и нравственного здоровья, уровня и качества жизни[6]. Только в таких условиях представляется возможным достичь оптимального соотношения между мерой труда и мерой потребления.

[1] Заседание Совета Безопасности // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231.

[2] *Мартиросян А.* Реалии цифрового суверенитета в современном мире // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 32. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2483.

[3] *Мартиросян А.* Указ. соч.

[4] *Лебедев А.* Санкции против «Северного потока — 2». Экономические последствия // Современная Европа. 2020. № 5. С. 173–181.

[5] Выступление члена Бюро Президиума ВРНС А. С. Галушки на XXIII Съезде ВРНС, 19 октября 2019 г. // Всемирный русский народный собор : [сайт]. URL: https://vrns.ru/narodozberejenie/5193.

[6] *Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021.

К. Н. Маркина[1]

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В конце XX века в культурном пространстве произошла череда перемен, стимулом для которых стала в том числе деятельность коммерческих субъектов, ориентированных на долгосрочное присутствие в социокультурном контексте. Культура стала использоваться в качестве эффективного инструмента и локации, благодаря потенциалу которой у маркетинговых игроков появляются дополнительные возможности в аспекте укрепления своих позиций, трансформации реальности под свои цели, воспитания новых поколений потребителей с измененной системой ценностных ориентиров.

В настоящее время феномен бренда все чаще осмысляется как некая идея или концепция, которая несет в себе ценности и культурную составляющую. Соответственно, при разработке брендингового продукта необходимо учитывать в том числе и этнокультурные особенности аудитории, для которой этот бренд создается. Бренд решает целый ряд глобальных и локальных задач: на глобальном уровне данный феномен способен изменять ценностные ориентации и транслировать новые аксиологические шкалы в адрес любой аудитории, обеспечивать эффективную некоммерческую коммуникацию между различными социокультурными группами и стратами, формировать новые парадигмы взаимодействия для любых по численности и качественным характеристикам субъектов. На локальном уровне бренд ориентирован на решение задач конкретного маркетингового заказчика: он способен формировать лояльность со стороны внешней и внутренней среды[2], обеспечивать устойчивую позицию определенной группы юридических лиц на рынке, формировать паттерны принятия решения и поведенческие шаблоны.

Потребительское поведение является свидетельством вовлеченности человека в систему социально-культурных коммуникаций, поэтому необходимо контролировать эту систему и удерживать мотивацию потребителей. В этом смысле бренд — огромный нематериальный актив маркетингового субъекта в аспекте долгосрочных рыночных отношений.

Сегодня потребители начали осторожнее реагировать и анализировать любые сообщения в СМИ: постепенно увеличивался индекс недоверия, наблюдалось снижение эффективности традиционных средств массовой коммуникации. В качестве противодействия новоявленной тенденции стали появляться инструменты непрямой рекламы, возникали новые методы воздействия и доступные каналы связи, все большее внимание стало уделяться персонификации транслируемых обращений, налаживанию прямого контакта с целевой аудиторией[3].

Особенно актуальны эти изменения для контекста продвижения кросс-культурных брендов. Феномен кросс-культурного бренда достаточно давно интерпретируется в научной среде, однако на практике широкое применение получил лишь в последнее время. Со второй половины XX века и до 2020-х годов насущной потребности в формировании и продвижении этого типа стратегических отношений в маркетинговой среде не было, поскольку рынок стремился либо к локальным, либо к глобальным брендам как наиболее эффективным форматам коммуникации с массовой аудиторией. Проблемы, связанные с ковидными ограничениями, упомянутые типы брендов решали неплохо за счет цифровизации информационного поля и наращивания объемов непрямых контактов с аудиторией.

Однако с изменением геополитической ситуации в мире появилась необходимость формирования нового типа маркетинговых отношений, актуальных для взаимодействия с целевыми группами на локальных рынках, отражающих и учитывающих специфику этнокультурных паттернов аудитории, сложившиеся традиции рыночных и конкурентных отношений, особенности экономических, демографических, финансовых и прочих показателей. Построение кросс-культурного бренда представляет собой достаточно ресурсоемкий процесс, однако именно данный тип брендинговых коммуникаций способен не только опираться на существующие в определенной культуре ценности, нормы, сложившиеся традиции, картину мира, особенности когнитивного и реального поведения, но и изменять их в соответствии с собственными целями. В современных условиях цифровизации и постоянного присутствия человека в цифровом информационном поле механика формирования кросс-культурных брендов в значительной степени упростилась.

Виртуальная среда обладает рядом преимуществ в сравнении с традиционными средствами коммуникаций. Информационная гиперактивность в Сети зачастую усиливает эффект обратной связи маркетинговых обращений компании за счёт оперативной коммуникативной реакции и возможности представить целевой аудитории максимум информации[4]. Некоторые сложности, связанные с донесением объема важной информации до аудитории, возникают по той причине, что Интернет позволяет пользователям осуществлять самостоятельный контроль и выбор потребляемых ин-

---

[1] Заместитель заведующего кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП по учебной работе, кандидат культурологии, доцент. Автор более 50 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Специфика PR-деятельности некоммерческих организаций», «Креативные идеи в маркетинговой коммуникации», «Специфика интегрированных маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве», «Лоббизм и спонсоринг», «Потенциал репутационных значений в деятельности компаний» и др. Член Ассоциации преподавателей по связям с общественностью РФ.

[2] *Бердникова Э. Н.* Социально-психологические аспекты формирования лояльности к бренду // Проблемы социальной психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, 16 апреля 2021 г. СПб. : СПбГУП, 2021. С. 119–120.

[3] *Голубкова Е. Н.* Интегрированные маркетинговые коммуникации : учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. Сер. «Бакалавр. Академический курс».

[4] *Каптюхин Р. В.* Особенности маркетинговых интернет-коммуникаций и их классификации // TRANSPORT BUSINESS IN RUSSIA. 2013. № 6–2. С. 100.

формационных потоков, а также предлагает принципиально больше вариантов взаимодействия.

Эффективно управлять брендом — значит интегрировать его в социокультурное поле и оптимально позиционировать в сознании потребителя с учетом особенностей страны проживания или продвижения[1]. В этом контексте узнаваемость сильного кросс-культурного бренда формируется за счет полного погружения в арсенал актуальных маркетинговых коммуникаций, эффективных для конкретного рынка, и добавочного компонента в виде демонстративной готовности к инновациям, диалогу, адаптации.

С точки зрения маркетинга любое внедрение коммуникаций требует выработки подходящей стратегии. Дж. Грегори акцентирует внимание, что если у компании нет четкой маркетинговой стратегии или набора маркетинговых целей, то цифровизация процесса коммуникации с целевыми аудиториями станет лишь способом подчеркнуть отсутствие преимуществ по сравнению с конкурентами[2]. Д. Эванс в качестве основы коммуникационной интернет-стратегии определяет единство следующих действий: одновременно аккумулировать любую информацию о компании, распространяемую во всех источниках, в Сети и измерять ее по разных критериям[3], поскольку это сочетание обеспечит достойную основу для последующей коммуникации в сегментах B2B и B2C и позволит выстроить платформу кросс-культурного бренда.

Важным аспектом формирования особенностей внедрения интегрированных маркетинговых коммуникаций в деятельность кросс-культурного проекта является именно выбор коммуникационной стратегии, которая может стремиться к стандартизации (универсализации), локализации или сопряжению бренда с конъюнктурой рынка.

Стратегия стандартизации формирования и продвижения кросс-культурного бренда подразумевает ее использование в различных сферах рыночных отношений без наложения каких-либо ограничений или внесения дополнительных изменений в общую концепцию. В качестве основы стратегии выступают свойственные большинству населения планеты базовые человеческие качества, такие как потребность в защите, любви и дружбе, стабильность, здоровье, справедливость, свобода, эрудиция, уверенность в себе, честность, семья, самоуважение. Подобные «универсальные ценности» напоминают о том, что в человеческой природе существуют объединяющие факторы, несмотря на различие между этносами и культурами.

Профессор Гарвардской школы Т. Левитт еще в конце прошлого столетия утверждал, что желания, мотивирующие людей во всем мире к совершению покупки, зачастую одинаковы по своей сути, именно на это и должны обращать внимание компании и действовать так, будто в мире не существует расовых и национальных различий[4]. Удачным примером использования стратегии стандартизации являются косметические фирмы, которые в условиях формирования кросс-культурного присутствия берут за основу концепцию индивидуальности каждой женщины, вне зависимости от ее этнического или расового происхождения. Цель стандартизации заключается в сокращении расходов на производство рекламного и PR-продукта, создание имиджа бренда в международном масштабе, обеспечение узнаваемости за счет единства образа и текста, а также ускоренного выхода на рынки других стран[5].

Стратегия адаптации напоминает процесс ассимиляции слов в языке: бренд выводится на новую торговую площадку и видоизменяется в соответствии с конкретными запросами национального рынка. Подобные трансформации связаны с серьезной разницей в менталитете страны-производителя и страны-потребителя. Несмотря на значительное увеличение статьи расходов на производство более локального продукта, адаптация бренда к коммуникационным рынкам стран необходима, поскольку локальные нормы и традиции, иная культурная среда способны не только отторгнуть несозвучный продукт, но и подпортить репутацию бренда в мировом масштабе. Цифровое пространство для реализации данной стратегии оптимально подходит в силу своей масштабируемости и, как следствие, возможности оперативно изменять контент и контекст передачи информации в адрес целевых групп.

Причины использования стратегии адаптации кроются не только в культурных и поведенческих различиях, но и в разных уровнях экономического развития стран, наличии определенных законодательных ограничений в сфере рекламы и построения информационно-коммуникационных рынков.

Стратегия сопряженности является неким средним арифметическим между первой и второй моделью и предполагает их интеграцию для получения большей эффективности от всего процесса коммуникаций и наилучшего результата в области продаж. При использовании данной стратегии разрабатывается универсальная по своей сути идея, которая берется за основу брендирования, в некоторых ситуациях видоизменяющаяся под местные рынки. В каждом отдельном случае подобные трансформации создают эффект большей близости кросс-культурного бренда по отношению к потребителю, при этом не внося существенных изменений в общую концепцию[6].

Тенденция использования интегрированных маркетинговых коммуникаций напрямую связана с глобализацией и цифровизацией, желанием расширить географию товара посредством выхода на международной рынок и, как следствие, формированием стратегии со-

[1] *Музыкант В. Л.* Основы интегрированных коммуникаций: теория и современные практики : в 2 ч. Ч. 2 : SMM, рынок M&A : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2020. С. 247.

[2] *Gregory G., Karavdic M., Zou Sh.* The Effects of E-Commerce Drivers on Export Marketing Strategy // Journal of International Marketing. 2007. Vol. 15, № 2. P. 30–57.

[3] *Evans D., McKee J.* Social Media Marketing. The Next Generation of Business Engagement. Wiley Publishing, Inc., 2010. P. 166.

[4] *Раздьяконова Е. В.* Кросс-культурные особенности разработки рекламного продукта для зарубежного рынка // Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме : сб. науч. тр. конф., г. Томск, 22–23 ноября 2012 г. Томск : Изд-во ТПУ, 2013. С. 58–61 (URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C26/023.pdf).

[5] Там же. С. 58.

[6] *Юрьева Т. В.* Рекламная деятельность в этнокультурном аспекте // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 131–132. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnaya-deyatelnost-v-etnokulturnom-aspekte (дата обращения: 04.04.2022).

пряженности, поскольку подразумевает использование различных инструментов для достижения большего результата. Подобная коммуникационная стратегия является наиболее оптимальной для работы с кросс-культурным проектом в Сети.

Интегрированная стратегия одновременно выражается как в поддержании единообразия кросс-культурного бренда, так и его адаптации посредством перевода, изменения графических элементов из-за особенностей использования разных алфавитов, замены лиц по этнической принадлежности или на местных знаменитостей, которые имеют большую популярность в конкретной стране.

В целом реализация любой из выбранных стратегий предполагает перманентный мониторинг интернет-среды на наличие изменений в коммуникативной политике компаний-конкурентов, появление технологических новинок, касающихся средств продвижения и коммуникации в Сети, и замену активных трендов новыми, отслеживание появляющегося мнения об организации и т. п. Именно результаты подобных исследований помогают скорректировать подход к использованию коммуникационной стратегии или конкретных ее методов, приемов, средств. Апробация и анализ данных помогают определить слабые стороны кампании и вовремя отказаться от неэффективных маркетинговых интернет-коммуникаций.

В настоящее время потенциал воздействия кросс-культурного бренда на культурные паттерны, традиции, устоявшиеся системы ценностей и норм, усиленный процессами цифровизации, все чаще используется для достижения коммерческих целей, однако одновременно с этим необходимо осознавать силу трансформирующей функции данного феномена, способного безвозвратно изменять элементы культурного поля отдельно взятой этнокультурной общности.

Л. А. Миэринь[1]

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В настоящий момент мы наблюдаем процесс переустройства мировой архитектуры, сопровождающийся стремлением Запада вывести из этой «игры» такого крупнейшего субъекта, как Россия. Нарастание экономических противоречий у ведущих мировых игроков должно было получить свое разрешение, и нынешняя экономическая трансформация мира — это попытка выйти из сложившейся кризисной ситуации. Трансформационный переход к новому миропорядку не будет быстрым, поэтому очень важны формулировка стратегических ориентиров развития и осознанное выстраивание оснований для дальнейшего прогресса. По нашему мнению, такими основаниями остаются гуманистические ценности. Дмитрий Лихачев отмечал, что гуманизм в истории человечества развивался не прямолинейно, а толчками[2]. И нынешняя ситуация предполагает вновь использование гуманистических оснований, но уже в новой формирующейся реальности.

Важнейшим противоречием текущего момента выступает нарастание технологической мощи человека и его противостояние социальным, общечеловеческим ценностям. Мир переживает четвертую промышленную революцию и лавинообразное развитие технологий, меняющих не только техническую, но и социальную сторону цивилизации, порождает концепцию трансгуманизма. Однако данная концепция сосредоточена только на одной стороне технического прогресса — его использования для прогресса возможностей человека. При этом возникает проблема, которую Джон Нейсбит обозначает как проблему «обезвреживания нашего взаимодействия с техническим прогрессом»[3].

Следует отметить, что мир находится в ситуации, когда многократно усиливается отрицательное воздействие имеющих место социально-экономических процессов и явлений (эффект интерференции) в силу «наложения» друг на друга нижних поворотных точек нескольких циклов[4]:

— нижняя поворотная точка пятой кондратьевской волны, переход к шестой на базе широкого внедрения достижений шестого технологического уклада (2017–2024);

— нижняя поворотная точка перехода от индустриального цикла к постиндустриальному (конец XX — начало XXI в.);

— нижняя поворотная точка перехода от патриархата к новому «матриархату» (1960-е гг. — начало XXI в.);

— поворотная точка климатического цикла Гектосарос с периодом 1800 лет (1950–2000);

— поворотная точка цикла прецессии Земли с периодом 13 тыс. лет.

[1] Профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Методология обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильной среды», «The Impact of Monopolies on Small Business Development in Russia» (в соавт.), «Энергетическая компонента национальной силы государства», «Ростки новых социальных конструктов постиндустриализма: институционализация и риски», «Роль крупных корпораций в развитии отдаленных регионов России: социальные стратегии и инновации» (в соавт.) и др.

[2] *Лихачев Д.* Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 102.

[3] *Нейсбит Д., Нейсбит Н., Филипс Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. С. 10.

[4] *Миэринь Л. А.* Интерференция кризисных явлений в конце индустриализма: теоретическое осмысление // Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях преодоления кризиса : кол. моногр. : в 2 т. СПб. : Астерион, 2010. Т. 2. С. 46.

Можно выделить и другие, в том числе политические, циклы, но это не изменит общей бифуркационной характеристики момента, который позволяет характеризовать состояние земной цивилизации как глобализационный переход к новому миропорядку. И в связи с этим очень остро стоит вопрос о стратегических ориентирах развития как цивилизации в целом, так и российской цивилизации в частности.

Следствием вышеуказанных процессов неизбежно становятся нарастание социальных дисбалансов и асимметрий, попытки пересмотра ценностных оснований экономического развития.

В моменты социальных катаклизмов, войн нарушается баланс гуманности: обостренный запрос на гуманность со стороны людей вступает в противоречие с растущей дегуманизацией, присущей деструктивным социальным процессам.

Попытки теоретиков найти ответы на вопросы о путях развития, особенно в переходные эпохи, всегда упирались в необходимость разрешать противоречия интересов экономических субъектов разных уровней. В своей книге «Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага» Джефф Малган, анализируя ошибки, пишет: «История знает множество примеров неправильной оценки государствами самого ближайшего будущего <…> седьмая группа ошибок связана с желанием избежать трудностей или вызывающих когнитивное напряжение компромиссов. Человеческий мозг упорно сопротивляется принятию серьезного взгляда на мир, пусть даже необходимость этого не вызывает сомнений. Наглядным примером служит вопрос о возможности одновременного учета интересов „людей, планеты и прибыли“. Есть множество доводов в поддержку тех, кому хотелось бы верить в возможность построения гармоничной системы учета интересов всех этих факторов. Но нельзя отрицать и вероятности того, что данная задача может не иметь удовлетворительного решения. В историческом прошлом с лица Земли исчезло немало цивилизаций, которым так и не удалось разрешить глубокое противоречие между принятым в них образом жизни и требованиями будущего»[1].

Предпринимаемая Западом попытка подорвать с помощью санкций экономику России упрется в институциональные основания российской цивилизации.

Мы согласны с авторами учебника «Российская цивилизация», отмечающими, что концепция бытия российского народа всегда «характеризовалась приоритетом идей коллективного спасения, общественных интересов над личными (не отвергая при этом интересов личности), расположением к духовным ценностям»[2]. В этой цитате подчеркивается гуманистическая природа русского мироустройства. Именно ориентация на развитие личности через духовность при сохранении коллективистских начал жизнедеятельности является стержневым основанием российского народа, важнейшим признаком институциональной матрицы восточного типа.

Михаил Делягин справедливо отмечает, что «русская культура принципиально гуманистична, в силу исключительного значения для нее стремления к справедливости. Благодаря этому мы воспринимаем эффективность прежде всего с точки зрения общества, а не с точки зрения личности или фирмы. Благодаря этому мы готовы жертвовать своими интересами ради справедливости, которая во многих культурах, в том числе и культурах развитых стран, является совершенно абстрактным понятием. Это является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма. Наконец, русская культура носит принципиально мессианский характер, как показывает практика, ее носители не способны существовать без сверхзадачи, даже в условиях высокого комфорта»[3].

Отсутствие в настоящий момент национальной идеи в российском обществе не способствует прогрессивному развитию. Вместе с тем очевиден «запрос» на такую идею или сверхзадачу. В тяжелые, переломные моменты российской истории такая идея институционализировалась чаще всего «сверху». Потому и в нынешней ситуации руководителям страны следовало бы озвучить те ориентиры и основания, которые могли бы дать толчок развитию нового гуманизма. Очевидно, что идеи построения социально ориентированного общества в нашей стране наиболее востребованы как в силу сохранения «памяти» социалистического периода развития, так и в силу гуманистичности русской культуры.

Несмотря на то что за последние два десятилетия страна делала определенные шаги в направлении построения социального рыночного государства, достигнув определенных успехов (Россия входит в группу стран с очень высоким индексом человеческого развития), тем не менее сохранение социальных дисбалансов и асимметрии в развитии свидетельствует об отставании в решении социальных вопросов.

Как было отмечено, мир с конца 1960-х годов перешел к формированию нового социального устройства, пришедшего на смену обществу патриархата и не получившего пока названия. Данный порядок характеризуется выстраиванием равноправных позиций мужчин и женщин в экономике и обществе. Подтверждением этой социальной трансформации стал факт нарастания «леворуких» людей на всей планете, имеющих доминирующее правое полушарие, то есть женский тип мышления. Число младенцев-левшей, рожденных в 2010 году, в 2,5 раза превысило количество таких детей, которые родились в 1990 году[4]. Выравнивание позиций мужчин и женщин, в первую очередь в развитых странах, идет во многих областях жизнедеятельности: в экономике, политике, культуре, управлении.

[1] *Малган Дж.* Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. Я. Охонько. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 61.

[2] Российская цивилизация : учеб. пособие для вузов / под ред. М. П. Мчедлова. М. : Академ. проект, 2003. С. 40.

[3] *Делягин М. Г.* Основные проблемы современного человечества // Экономика для человека: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора : материалы Моск. экон. форума / под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. М. : Культурная революция, 2014. С. 107.

[4] Левши сделают мир лучше // Инфониак : [информ. агентство]. URL: https://www.infoniac.ru/news/Levshi-sdelayut-mir-luchshe.html (дата обращения: 14.02.2017).

Как ни странно, в СССР такое равноправие было достигнуто и послужило ориентиром для остальных стран, а в современной России эти позиции утрачены. Так, по данным мировой статистики, оценки и ранги России в глобальном гендерном разрыве с каждым годом только ухудшаются: в 2010 году у России была 45-я позиция среди 134 стран, а в 2021-м — 81-я среди 156[1].

Доля женщин в советах компаний в 2021 году в России составила всего 11 %, в то время как в Исландии — 45 %, в Норвегии — 40 %, в Швеции — 37 %, в США — 26 %[2].

Способность женщин подняться до должности бизнес-руководителя оценивалась по данным опроса на основе шкалы от 1 к 7 (1 = хуже оценка, 7 = лучший результат): в 2021 году у Исландии — 6,4, у Китая — 5,4, а у России — 4,84[3].

Устранение дисбаланса в положении женщин в нашей стране не требует каких-то значительных ресурсов, как это необходимо, например, для решения проблемы социального неравенства или асимметрии в развитии российских регионов.

Но все эти долгосрочные проблемы должны быть стратегическими ориентирами развития страны с четким признанием необходимости устранения существенных экономических разрывов в социально-экономическом положении как на уровне отдельных индивидов, домохозяйств, так и на уровне регионов. В качестве ключевой стратегической социально-экономической задачи, на наш взгляд, должна быть обозначена демографическая задача: существенный прирост численности населения страны и обеспечение его благоденствия на гуманистических основаниях.

В этой связи следует принять во внимание отрицательный опыт регулирования социально-экономических процессов в Китае. Так стремление властей оцифровать все параметры жизни людей, включая характеристики поведения, порождает антигуманную тенденцию отстранения отдельных граждан от получения определенных финансовых услуг (кредитов) или иных благ в силу наличия каких-либо неудовлетворительных характеристик[4].

Трансформация мирового порядка, развитие нового технологического уклада будут формировать не только новые вызовы, но и новые возможности, и требуется осознанная работа также по поиску и выработке новых форм гуманизма как основы дальнейшего прогресса.

Т. В. Никитина[5]

ВОЗМОЖНОСТИ СЦЕНАРНОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА И МОДЕЛЬНОГО АППАРАТА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Прогнозы развития макроэкономики всегда были важнейшим инструментом планирования денежно-кредитной политики страны. Как правило, под макроэкономическим прогнозом подразумевается будущее развитие экономики в целом под влиянием различных факторов и отраслевых показателей, имеющих стратегическое значение экономики в целом. Перед принятием важнейших решений и выстраиванием путей развития экономики органам регулирования необходимо смоделировать значительное количество ситуаций (так называемых моделей), а затем сверить и сопоставить результаты вычислений с имеющейся в доступе информацией и качественными суждениями экспертов и практиков.

Значительные изменения в жизни людей, произошедшие за последние три года, связанные с пандемией коронавируса и локдауном, а с февраля 2022 года — с обострением геополитической обстановки, вызвали в экономике существенные процессы структурного характера. В связи с этим модельный аппарат центральных банков всегда подвергается изменениям с учетом возникающих рисков макроэкономического характера. За последние несколько десятилетий накоплен обширный опыт построения моделей как российскими экспертами, так и иностранными центральными банками.

Формирование итогового прогноза макроэкономического развития происходит в три этапа. Реализация первого этапа включает поиск предпосылок прогнозирования, построение прогноза внешних показателей в среднесрочном периоде и составление прогноза макроэкономических показателей страны на короткий период времени. Формирование прогноза предусматривает выявление наиболее значимых предпосылок, существующих на момент проведения анализа. Выявление предпосылок осуществляется на основании оценки значительного количества данных, к важнейшим из которых относятся следующие: динамика цен на нефть, газ и другие экспортируемые товары, а также учитывается индикатор уровня риск-премий и т. д. На-

[1] The Global Gender Gap Report. 2021. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Цифровая карма: как будет работать система социального кредита в Китае // РБК Тренды : [сайт]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5ca569a7947a00440ba11 (дата обращения: 20.04.2022).

[5] Директор Международного центра исследований финансовых рынков, директор Российско-немецкого центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, доктор экономических наук. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч.: «Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (на примере практики Сбербанка)» (в соавт.), «Трансформация банковских стратегий в соответствии с методологией Agile в условиях глобальной неустойчивой среды» (в соавт.), «Особенности и перспективы развития рынка услуг бюро кредитных историй в Российской Федерации» (в соавт.), «Финансовая грамотность и ее детерминанты» (в соавт.), «The Supplementary Pension in Russia: Current Problems and Future Prospects in the light of International Experience» (в соавт.), «Investment Portfolio Modelling on the Russian Stock Market» (в соавт.), «Финансовая грамотность в эпоху цифровизации: новые возможности и вызовы» (в соавт.) и др. Председатель Ассоциации стипендиатов Федерального канцлера Германии Фонда им. Александра фон Гумбольдта в России.

ряду с анализом данных по своей стране необходимо на этом этапе учитывать экономические показатели ведущих стран, в особенности показатели ВВП и уровня инфляции США и передовых стран Еврозоны. Полученные на первом этапе результаты выявленных предпосылок используются органами регулирования как входные данные для формирования прогноза на краткосрочный и среднесрочный периоды.

Таким образом, на начальном этапе модельного прогнозирования строится матрица прогнозных значений макроэкономических показателей, таких как динамика ВВП, изменение уровня инфляции, курс национальной валюты, уровень ключевой ставки. Информационными источниками выступают имеющиеся статистические данные о тенденциях и динамике развития экономики, а также публикуемые международными организациями отчеты о развитии внешних и финансовых рынков. Таким образом, на данном этапе происходит построение прогноза на краткосрочный период. Важность данного этапа высока, так как именно он отражает тенденции будущего развития экономики, который в дальнейшем используется для построения прогноза среднесрочного периода.

Второй этап моделирования, применяемый органами регулирования с целью создания денежно-кредитной политики, предусматривает построение прогноза и формирование поведенческих сценариев среднесрочного характера на основе эконометрических и структурных моделей, включая определение основных макроэкономических показателей, инструментов денежно-кредитной политики, платежного баланса и т. д. Выявленные в рамках данного этапа показатели, используемые в анализе и разработке прогнозов, а также полученные результаты подлежат процессу обязательной адаптации к реалиям текущего развития экономики в разрезе отдельных ее секторов. Используемый к проведению модельного прогнозирования подход Банка России основан на постоянном совершенствовании моделей и по своему характеру наиболее приближен к методике построения прогнозов Банка Англии.

Третий этап заключается в проведении анализа степени согласованности прогнозных сценариев и полученных значений. Итоговые показатели первых двух этапов загружаются в модель финансового программирования, благодаря чему выявляется несоответствие значений показателей в динамике и появляется возможность информирования в случае возникновения подобной ситуации. Также на заключительном этапе построения модельного прогноза благодаря расчету большого количества макроэкономических показателей по экономике в целом и ее секторам в отдельности происходит раскрытие элементов макроэкономического прогнозирования.

Для более успешного прогнозирования специалисты применяют так называемые сателлитные модели, позволяющие детально и пристально учитывать поведение отдельных показателей в результате использования намного большего количества элементов по сравнению с обычными моделями, к которым обращаются для прогнозирования на регулярной основе. Именно благодаря полученным результатам на основе сателлитных моделей возможна корректировка прогнозных данных и в некоторых случаях результатов среднесрочного периода и его сценариев.

Большое значение при этом имеют данные, полученные с применением байесовской векторной авторегрессии, позволяющей учесть факторы и влияние США, еврозоны, Китая — крупнейших экономик.

Данная модель состоит из анализа более 40 показателей и позволяет рассчитать уровень влияния различных экономик друг на друга, провести анализ цен на рынке сырьевых продуктов и т. д. В дальнейшем разрабатывается сценарий, состоящий из динамики курса доллара, цены на нефть, прогнозируемых значений ключевой ставки, а также других инструментов монетарной политики. На основе данных прогнозного анализа и мнения экспертов формируется ви́дение будущего развития экономики.

Важным является также оценивание перспектив развития и поведения ключевой ставки, одного из основных инструментов денежно-кредитного регулирования, которую устанавливает регулятор. От ее уровня зависит поведение экономических агентов микроэкономического уровня, так как значение ключевой ставки имеет сильную связь с процентными ставками на финансовые инструменты в национальной валюте (в основном ОФЗ), а также со ставками процентных свопов (IRS). В то же время изменение ключевой ставки оказывает влияние и на процентные ставки по кредитным займам и депозитам в банках. Поэтому целесообразно построение собственной модели для ключевой ставки.

Что касается построения прогноза процентных ставок, то в данном случае применяется специальная модель корректирования (исправления) ошибок с целью оценки степени влияния котировок процентных свопов, а также так называемых премий за риски, которые, как правило, закладываются в стоимость услуг.

Стоит отметить важность прогнозирования динамики курса национальной валюты, так как именно значение этого показателя определяет инвестиционную привлекательность экономики любой страны. На динамику валютного курса влияет большое количество факторов, в том числе состояние геополитических рисков, уровень цен на нефть, а также другие ресурсы и т. д. Курс российского рубля по отношению к доллару и евро в значительной степени связан с ценами на нефть и газ, так как значительный объем доходов бюджета страны приходится на нефтегазовые поступления. Это очень волатильный рынок, поэтому необходимо прогнозировать курс национальной валюты на краткосрочный период. При построении прогноза валютного курса широко применяется модель краткосрочной динамики курса. Основой моделирования служат показатели валютного курса за каждый день, что позволяет более точно учитывать динамику и ситуацию на финансовом рынке.

Следующий немаловажный показатель прогнозного моделирования — значение валового внутреннего продукта. В данном случае для расчета прогнозного значения ВВП и его составляющих используют метод комбинирования, позволяющий создать сценарий

краткосрочного характера, основанный на таких показателях, как процентные ставки по кредитным займам, цены на нефть, валютный курс и т. п.

Необходимо отметить важность использования модели байесовской векторной авторегрессии (BVAR) при формировании прогнозных показателей денежно-кредитного регулирования. Данная модель позволяет учесть изменения и взаимосвязи между кредитованием, процентными ставками в банковской сфере и факторами, связанными именно с финансовой сферой и т. д. Наличие возможности прогнозировать как активы, так и пассивы банковского сектора делает эту модель особенно востребованной. При этом для достижения наиболее точных результатов применяется методика линейных ограничений, основанных на показателях объемов денежной массы, находящейся в обращении, объемах и динамике иностранных активов кредитных организаций и т. д. Данный метод позволяет уравновесить структуру баланса банковской сферы и оценить степень влияния внешних факторов на кредитные активности и сберегательные способности внутри страны.

Таким образом, мы назвали важнейшие методики модельного аппарата, активно используемые центральными банками. Особенно на этапе значительных геополитических рисков, которые связаны с глобальными санкционными проблемами, в значительной мере усиливается необходимость построения именно краткосрочных прогнозов с целью быстрого реагирования и использования инструментов денежно-кредитной политики со стороны Центрального банка РФ.

Источники

Сайт Центрального банка РФ (www.cbr.ru).

Banking in Europe: facts and figures. — Текст : электронный // European Banking Federation. — URL: https://www.ebf.eu.

Macroeconomic and sectoral statistics. — Текст : электронный // European Central Bank : [сайт]. — URL: https://www.ecb.europa.eu/stats/macroeconomic_and_sectoral/.

С. М. Никоноров[1]

ESG ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Жители России пока не готовы радикально менять потребительскую культуру и переплачивать за экологичность продукта в силу ограниченности доходов. В то же время стоит отметить, что в последние годы наблюдается положительная динамика понимания необходимости трансформировать экономику в соответствии с принципами устойчивого развития на основе экологической и социальной ответственности, а также эффективного корпоративного управления (ESG — Environmental, Social, Governance). Это подтверждают результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2021 году, которые свидетельствуют о том, что 55 % россиян чаще всего учитывают экологичность товаров при покупке. Остальные респонденты не придают значения данному критерию, а значит, ответственным компаниям приходится брать на себя дополнительные затраты.

Как показывает анализ современной ситуации, отсутствие инфраструктуры и единой государственной политики в области устойчивого развития мешают масштабному внедрению ESG-принципов по всей стране. Эти проблемы, вероятно, предстоит решать многие десятилетия, но первые шаги делаются уже сейчас. Владимир Путин в Послании Федеральному собранию 21 апреля 2021 года говорил о необходимости создания отрасли по утилизации углеродных выбросов, о государственной поддержке проектов по экологической модернизации предприятий, таких как обновление алюминиевых заводов в Братске, Иркутске, Красноярске и Новокузнецке.

Говоря об инфраструктуре, хотелось бы отдельно отметить мусороперерабатывающие заводы, так как в последние годы эта тема стала особенно животрепещущей. В 2021 году в 34 субъектах России было запущено в эксплуатацию 61 предприятие по обращению с твердыми коммунальными отходами. На сегодня суммарная мощность объектов, связанных с обработкой мусора, составляет 28,9 млн тонн. Но, конечно, этого недостаточно, так как каждый год в нашей стране образуется почти 60 млн тонн отходов. Новые предприятия позволили существенно повысить уровень переработки или сортировки отходов в России. В начале мусорной реформы в январе 2019 года этот показатель едва достигал 10 %. К концу 2020 года благодаря созданию 37 специализированных предприятий уровень переработки повысился до 30 %, а к январю 2022 года — до 40,6 %.

Вопросы усовершенствования законодательства затрагивают не только экологический аспект ESG-повестки, но и два других. К примеру, современное трудовое законодательство не вполне ориентировано на создание инклюзивной корпоративной среды. В этой области существуют серьезные проблемы, связанные с дискриминацией различных групп населения. Люди с ограниченными возможностями здоровья — самая многочисленная группа меньшинств в мире: в нее входит около 15 % населения земли. И однако к ним до сих пор относятся как к обузе для общества, а компании часто предпочитают не нанимать таких сотрудников.

[1] Профессор кафедры экономики природопользования, директор Центра исследования экономических проблем развития Арктики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Арктика — место для внедрения экологических проектов», «ESG-стратегирование как возможность устойчивого финансирования водных проектов» (в соавт.), «Применение зеленого финансирования зеленой экономики в России» (в соавт.), «Стратегия по достижению низкой углеродности в Архангельской области» (в соавт.), «Последствия фрактальных изменений в компонентах системы „природа–человек–производство“» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета при Правительстве РФ, Межведомственной рабочей группы при Администрации Президента РФ по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития.

Не менее распространена на практике гендерная дискриминация. Согласно отчету Всемирного экономического форума, разрыв в экономической активности между мужчинами и женщинами удастся полностью преодолеть только через 267,6 года — и то при условии, что прогресс в этом отношении сохранит нынешние темпы. В среднем женщины в России зарабатывают на 27,9 % меньше, чем мужчины. Также требуется бороться с дискриминацией работников по возрастному признаку. По данным исследования Всемирной организации здравоохранения (2021), в среднестатистической фирме со штатом 10 тыс. человек дискриминация по возрасту снижает вовлеченность персонала, что, в свою очередь, ведет к прогулам (5 тыс. человеко-дней в год) и потерям в зарплате (600 тыс. долларов в год).

Проблемы, связанные с социальными функциями компании, а также с прозрачностью отчетности и антикоррупционной политики, должны решаться на законодательном уровне.

На сегодня ESG — это скорее идеология, чем требование, и единого стандарта критериев для компаний, стремящихся к устойчивому развитию, не существует. Соответственно, бизнесу остается ориентироваться на отраслевых лидеров и авторитетные независимые рейтинги. Однако необходимость следовать принципам устойчивого развития признают все участники рынка. Тема ESG в России некоторое время назад поднималась в связи с инициативами крупного бизнеса, а с недавних пор получила поддержку государства. Это, вероятно, станет стимулом перехода на «зеленую» сторону и тех участников рынка, кто раньше медлил с внедрением этичных и социально ответственных практик или даже не задумывался об этом.

Обратимся к динамике рынка устойчивого финансирования в России: если в 2018 году его объем составлял всего лишь 11 млрд рублей, то в 2021 году он превысил 247 млрд, увеличившись в 22 раза за 3 года. Хочется надеяться, что в следующие несколько лет положительная динамика сохранится, но быть уверенным в этом в связи с последними событиями невозможно.

Хотелось бы отметить, что будущим трендом для российских компаний может стать формирование устойчивых цепочек поставок. На одном из вебинаров консалтинговой компании Deloitte, посвященных данной тематике, понятию «устойчивая цепочка поставок» было дано соответствующее определение: управление экологическим, социальным и экономическим воздействием на окружающий мир и организацию, а также поощрение передовой практики управления на протяжении всего жизненного цикла товара либо услуги[1]. На практике это означает, что все контрагенты, с которыми сотрудничает организация в процессе создания и реализации продукта, должны придерживаться принципов устойчивого развития. На сегодняшний день существует несколько международных рейтингов для оценки цепочки поставок. Они строятся на основе соответствия кодексу поставщиков, анализа рисков, а также показателей цепочки поставок при оценке социальной деятельности компаний. Кроме того, анализируются условия труда в цепочке поставок, деятельность поставщиков в области охраны окружающей среды, взаимодействие по вопросам изменения климата и водопотребления[2].

К основным методам формирования ответственной цепочки поставок можно отнести создание кодекса поведения поставщиков или кодекса делового партнера, регулирующих безопасность и охрану труда, условия труда, этику, социальную и экологическую ответственность[3]. Некоторые компании применяют анкету с целью разработки рейтинга устойчивых поставщиков и определения рисков работы с ними. Сертификаты, которые предоставляют поставщики, также подтверждают их приверженность принципам ESG.

Сегодня полноценное формирование устойчивых цепочек поставок для российских компаний затруднено, так как поставщики не обязаны разглашать нефинансовую информацию о своей деятельности. Это существенно затрудняет процесс аудита и отбора деловых партнеров. Однако, возможно, в будущем данный тренд станет очень актуальным.

[1] Deloitte : [сайт]. URL: https://www2.deloitte.com/global/en.html (дата обращения: 29.06.2022).

[2] Там же.

[3] Там же.

Н. Н. Никулин[1]

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В последнее время можно услышать мнение, что в результате принятых против России санкций произойдет значительное сокращение ее импорта и уход из страны иностранного капитала. В результате возникнут серьезные проблемы с обеспечением нормального процесса воспроизводства в отдельных сферах экономики. В этих условиях значительное внимание должно быть уделено решению проблемы импортозамещения.

Однако следует отметить, что о необходимости проведения политики импортозамещения в РФ говорят уже довольно давно. Так, еще в 2014 году постановлением Правительства РФ была принята государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». В редакции данного постановления от 12 февраля 2022 года было определено понятие импортозамещения. «Импортозамещение в современных условиях — это процесс создания современных конкурентоспособных производств, направленный на замещение импортируемых в настоящее время товаров, как потребительских, так и производственных, *принцип расстановки акцентов государственной промышленной политики, основанный на осознанном отказе от специализации в производстве только тех продуктов, в которых Российская Федерация имеет сравнительные преимущества перед другими странами в настоящее время* (курсив мой. — *Н. Н.*). Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество перед другими странами в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и в обозримой перспективе — значимым экспортным потенциалом. Это накладывает определенные требования и ограничения на структуру целей, задач и мероприятий Программы»[2].

В частности, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (2017) отмечается, что одним из направлений развития высокотехнологичного производства в России является «преодоление критической зависимости от импортных поставок научного, экспериментального, испытательного и производственного оборудования, приборов и микроэлектронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, селекционных и генетических материалов»[3].

А в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года, принятой 6 июня 2020 года, уже ставилась конкретная задача по достижению соотношения импорта продукции и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств в процентах: в 2024 году — менее 45 %, в 2035-м — менее 40 %[4].

Все вышеперечисленные положения свидетельствуют о том, что решение проблемы импортозамещения было объявлено одной важнейших стратегических задач развития экономики России.

В то же время если проанализировать реальное развитие экономики России за период 2011–2021 годов, то окажется, что доля импорта в ВВП в 2011 году составляла 19,98 %, а в 2021-м — 21,3 %. В среднем за этот период доля импорта в ВВП составила 20,6 % (ВВП рассчитан в текущих ценах, долл. США)[5]. Более того, импорт значительно увеличился в первом квартале 2022 года: в 2019 году — 75,2 млрд долларов, в 2020-м — 75,5, в 2021-м — 79,0, в 2022-м — 90,4 млрд долларов[6].

Также не достигнуты показатели, заложенные в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. Так, в 2021 году импорт машин, оборудования и транспортных средств составил 144,30 млрд долларов[7], а объем производства обрабатывающих отраслей — 256,97 млрд[8]. Таким образом доля импорта в обрабатывающих отраслях промышленности России составляет не менее 56,2 %.

Высокий уровень зависимости экономики России от импорта отмечают многие исследователи. Различаются только конкретные показатели. «В России со-

[1] Профессор кафедры экономики Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографии «Россия и СНГ в глобальной экономике»; статей «Инновационное развитие в условиях экономической глобализации», «Возможности и условия развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности России», «Экономическая интеграция в ЕАЭС: стратегия для России», «Гностические основания процесса экономической глобализации», «Накопление капитала как фактор интеграции ЕАЭС в условиях экономической глобализации», «Цифровая экономика и промышленность 4.0. Условия и возможности для России», «Экономическая политика России в условиях глобальной нестабильности и рисков» и др.

[2] Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» от 15 апреля 2014 г. № 328 (в ред. Постановления Правительства РФ от 12 февраля 2022 г. № 161). URL: http://government.ru/docs/all/91634/ (дата обращения: 29.04.2022).

[3] Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-13052017-n-208-o-strategii/#100018 (дата обращения: 28.04.2022).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р «Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-06062020-n-1512-r-ob-utverzhdenii/#100006 (дата обращения: 28.04.2022).

[5] World Bank. World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators# (дата обращения: 30.04.2022) ; Росстат. Национальные счета. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 30.04.2022) ; Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 30.04.2022).

[6] Банк России. Статистика внешнего сектора.

[7] Товарная структура импорта. Январь–декабрь 2021 г. URL: https://customs.gov.ru/folder/521 (дата обращения: 30.04.2022).

[8] Росстат. Национальные счета.

храняется высокая зависимость от иностранной добавленной стоимости как во внутреннем конечном потреблении, так и в экспорте, — говорится в докладе ВШЭ. — Так, доля иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении в продукции текстильной, фармацевтической промышленности, электрооборудования, компьютеров, электронного и электрического оборудования, автотранспортных средств превышает 50 %, в металлопродукции, бумажной и химической продукции варьируется от 30 до 50 %»[1].

Исследователи из Банка России отмечают, что результаты опроса «показали *высокую зависимость от импортных составляющих*: в 2020 году более 80 % предприятий использовали их в разной степени в производственном процессе». При этом, по их мнению, импортозависимость в промышленности усиливается. Опрос, проведенный в 2019 году, показал, что «импортные сырье и материалы использовали 65 % предприятий. Причем зависимость от импорта выросла как у экспортеров (с 75 до 88 %), так и у неэкспортеров (с 48 до 76 %). Таким образом, импорт сырья и материалов становится необходимостью для удержания или расширения позиций на рынке в условиях отсутствия отечественных аналогов или их низкого качества»[2].

В этих условиях в качестве одного из выходов из данной ситуации предлагается проведение экономической политики «обратной индустриализации» или «индустриализации на основе развития менее передовых технологий. На этом этапе, который может занять несколько лет, в результате реализации инвестиционных проектов происходит частичное импортозамещение технологий и производств, доступ к которым потерян. Производство техники и технологий увеличивается, но на более низком технологическом уровне»[3].

Однако, на наш взгляд, проводя политику импортозамещения, следует руководствоваться не конкретными политико-экономическими обстоятельствами, а теоретическим пониманием данного процесса.

Современная экономическая система является капиталистической. Ее элементы — разделение труда, обмен, рынок, конкуренция, товар, деньги, капитал, институциональная структура (частная собственность, правовые институты). Все это в совокупности формирует экономику той или иной страны. Современная национальная экономика — это часть мировой экономики, включенная в те или иные воспроизводственные процессы.

Современная экономика может быть только всемирно-капиталистической. Что-то другое — это хозяйство. Экономика — это не домоводство Ксенофонта, это хрематистика Аристотеля.

В таких условиях при проведении политики импортозамещения можно руководствоваться несколькими целями. Первая — создание относительно самообеспеченного национального хозяйства на базе собственных основных фондов и потребления результатов производства на их основе. При этом уровень производства и потребления в качественном и количественном плане будет ниже, чем в условиях открытости национальной экономики. Внеэкономические цели и ценности становятся определяющими. В определенной степени это возврат к советской модели СССР, но при наличии частной собственности на средства производства.

Вторая — включение в международное разделение труда на условиях теории естественных преимуществ А. Смита и Д. Рикардо (что в основном и происходило до настоящего времени, пока не стали применяться ограничения и санкции в отношении российской экономики).

Третья — временная определенная закрытость национальной экономики с помощью экономических и внеэкономических мер, накопление основного капитала, развитие внутреннего научно-технического прогресса, повышение конкурентоспособности национального производства, постепенное последующее расширение открытости при включенности в международные воспроизводственные цепочки с более высокой добавленной стоимостью на основе не естественных, а сформированных преимуществ для международного разделения труда.

При проведении политики импортозамещения необходимо руководствоваться положением: что важнее — производить или потреблять, если их сочетание может быть разным (что производить и что потреблять)? Включаться в международное разделение труда желательно с производством рыночных благ, содержащих значительную величину добавленной стоимости, чтобы при обмене также получить бóльшую величину других благ. Задача политики импортозамещения в экономической системе заключается именно в этом.

Теория импортозамещения — это не реакция на конкретные события, а теория формирования места национальной экономики в международном разделении труда с целью производства и присвоения большей доли мирового дохода.

---

[1] *Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г.* Новые контуры промышленной политики. М. : ВШЭ, 2022. С. 46.

[2] *Карлова Н., Пузанова Е.* Изменение бизнес-процессов после пандемии COVID-19: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. М. : Банк России, 2022. Янв. С. 6.

[3] О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки // Банк России. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2022. № 2 (54). С. 3.

В. В. Павлова[1]

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА РЫНКЕ ТРУДА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В современных социально-экономических и геополитических условиях перед Россией в полный рост встали проблемные вопросы развития отечественного рынка труда. Международная ситуация диктует российской экономике активный переход на фундаментальное формирование прежде всего материального производства.

Основная задача заключается в том, чтобы выяснить, каким образом именно материальный базис в современных условиях создаст полноценный экономический «скелет», на основе которого сформируются необходимые условия для социального процветания населения России. Ориентация на национальный промышленный базис должна определять и главную цель на данном историческом этапе — создание отвечающих современным научно-техническим требованиям мирового уровня рабочих мест. Эти рабочие места обеспечат экономически активному населению материальную, социальную и моральную уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. На основе материального производственного базиса будет активно развиваться и сфера обращения, что приведет к появлению новых рабочих мест в сферах торговли и услуг. Кроме того, переориентация российской экономики на импортозамещение и взаимодействие с восточными контрагентами вместо западных потребуют иного подхода к качеству самой занятости, профессионально-квалификационной структуре и открытию соответствующих рабочих мест.

Для решения столь грандиозной задачи первостепенное значение будут иметь создание цифровых платформ и их эффективное влияние на качество занятости. Современная многоплановая государственная и бизнес-ситуация порождает множество угроз, связанных прежде всего с активизацией внешнего недружественного воздействия проамерикански настроенных государств. Именно в сфере цифровых технологий отечественной экономике придется принять и преодолеть серьезные вызовы как профессионального, технологического, так и управленческого характера.

В сжатые сроки необходимо в корне перестроить парадигму формирования направлений занятости, которая включает и профессиональную подготовку всех уровней, и перестройку программных цифровых платформ, а также привязку и адаптацию их к материально-технической базе, определяющей качество и направления занятости. Кроме того, необходимо будет разработать концепцию, парадигму и реализационный механизм выявления и использования всех имеющихся возможностей обеспечения полной занятости экономически активного населения в различных областях государственного, коммерческого и некоммерческого секторов национальной экономики России. Также необходимо отметить, что управление общественным воспроизводством и организация субъектно-объектных отношений все больше приобретают базисные цифровые черты.

Сегодняшняя реальность — это информатизация, диджитализация, развитие беспроводной связи, социальные сети, Интернет вещей, биотехнологии, мобильные и облачные технологии, машинное обучение, робототехника и многие другие процессы и явления, охватывающие все сферы национальной и мировой экономики. Цифровой трансформации подвергается как производственная, так и социально-трудовая занятость. Масштабные изменения в системе трудовых отношений проявляются в широком распространении новых форм организации трудовой деятельности, модификации функций объектно-субъектных отношений в сфере труда, основанных на формировании цифровой экосистемы.

Информация и инновационные коммуникации стали важнейшим источником взаимодействия между работником и работодателем. В таких условиях развиваются новые системы ценностей, видоизменяются формы управления человеческим капиталом, появляются инновационные модели взаимоотношений работодателя и работника. Все чаще возникают новые формы занятости, которые принято причислять к неустойчивой занятости. Одна из таких форм — платформенная занятость, позволяющая массово выводить работников за пределы законодательно определенных трудовых отношений.

Платформенные организации предлагают большой категории работников самостоятельно искать заказы через электронную платформу, Интернет, не оформляя с ними официальных трудовых отношений и не признавая их своими сотрудниками. Это вызывает обостренную конкуренцию как на российском рынке труда в целом, так и среди работников таких организаций в частности. Например, они вынуждены перерабатывать и покрывать многие издержки работы за свой счет, проходить профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации после основной работы за собственные средства. Потребителям не гарантируется безопасность предоставляемых услуг, а компания-платформа не несет ответственности за их качество.

В настоящее время трудно оценить масштабы распространения платформенной занятости в мире. Попытки провести такую оценку опираются на разрозненные данные выборочных обследований населения и официальной статистики занятости, которые не позволяют собрать достоверную и непротиворечивую

[1] Доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебников «Управление человеческими ресурсами организации» (в соавт.), «Кадровая политика и кадровое планирование» (в соавт.), главы в коллективной монографии «Неустойчивая занятость в Российской Федерации — теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения» и др. Награждена памятной медалью «За труды в просвещении», благодарностью Министерства образования и науки РФ.

информацию. В частности, в России одна из таких попыток была предпринята Высшей школой экономики в 2021 году — использовался метод глубинного интервью.

Проблематика неустойчивой и платформенной занятости подробно разработана как зарубежными (К. Поланьи, З. Бауман, У. Бек, Р. Сеннет, Л. Ф. Воско, А. Л. Каллеберг, Г. Стэндинг и др.), так и российскими (В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, Р. П. Колосова, В. Н. Бобков[1], Т. О. Разумова, В. В. Радаев, Е. В. Устюжанина, Н. А. Волгин, И. Д. Котляров, П. В. Бизюков, О. В. Вередюк, Н. В. Локтюхина и Е. А. Черных[2], А. В. Шевчук, А. И. Мастеров и др.) учеными. Также этот вопрос находится в сфере интересов крупных международных организаций, таких как Eurofound, McKinsey Global Institute[3], OECD, BCG, European Parliament.

Перечислим основные аспекты данной проблемы, которые рассматриваются в научно-практическом плане в настоящее время: безопасность и этика занятости, доход и трудовые льготы, продолжительность рабочего времени и баланс между рабочей и личной жизнью, стабильность занятости и социальная защита, социальный диалог, повышение квалификации и профессиональное обучение, отношения в сфере занятости и трудовая мотивация, возможности трудоустройства, неприемлемая работа, адекватный заработок и продуктивная работа, стабильность и безопасность труда, справедливое обращение в сфере занятости, экономический и социальный контекст достойного труда, индекс качества труда и его составляющие, качество заработка, распределение прибыли, качество рабочей среды[4].

Таким образом, в настоящее время целесообразно сосредоточить внимание на выявлении современных и перспективных форм и видов организации как традиционного, так и платформенного труда в российских социально-экономических реалиях. Следует в контексте перспектив развития страны, используя методологические инструменты, экономико-математические модели и социально-психологические методы, разработать и предложить научные и практические подходы к формированию эффективной занятости экономически активного населения России с учетом современных условий. Кроме того, перед нами стоит научно-практическая задача найти способы разрешения социально-экономических противоречий, проанализировать изменения качества занятости, предложить пути развития российского производственного потенциала и пути формирования стабильного национального общества. Мы рассматриваем новую ситуацию в сфере труда между полюсами его интеграции и дезинтеграции, автономии и взаимодействия, квалификации и некомпетентности, устойчивости и нестабильности трудовых отношений и их проекции на общество России при применении цифровых технологий и платформ.

[1] *Бобков В. Н., Черных Е. А.* Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6–15.

[2] *Локтюхина Н. В., Черных Е. А.* Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 80–95.

[3] Independent Work: Choice, Necessity and the Gig Economy / J. Manyika, S. Lund, J. Bughin [et al.] // McKinsey & Company : [сайт]. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/independent-work-choice-necessity-and-the-gig-economy (дата обращения: 25.05.2022).

[4] *Иванова К. А.* Качественные характеристики занятости: дифференциация смежных понятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3–1. С. 58.

Н. Н. Покровская[1]

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ ЦЕННОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТКОВИДНОГО МИРА

Ценностно-смысловые системы определяют степень эффективности цепочек создания ценности в условиях более прозрачного понимания роли людей в цифровой экономике. Репликация в семантическом пространстве не добавляет ценности. Если роботизированная производственная линия на выходе выпускает материальный товар, то рыночная ценность благ в постковидном мире будет определять прибыль (убыток) такого производства не столько на основе функционала (за исключением продуктов питания, удовлетворяющих потребность выживания как на уровне индивида, так и на уровне продовольственной безопасности государств), сколько на основе восприятия товара как нового, уникального, связывающего потребителей с некоей привлекательной идентичностью.

Данный доклад посвящен рассмотрению семантического пространства как структурированной иерархической ценностно-смысловой системы, в рамках которой бизнес может получать прибыль от построения бизнес-процессов как цепочек создании добавленной символической ценности, с учетом ускорившейся во время пандемии эволюции содержания и формата картирования и ориентирования в этом пространстве.

В период пандемии переход жизнедеятельности в цифровую среду ускорился, произошла заметная дифференциация групп людей, профессий, видов деятельности и поведенческих моделей внутри профессий, которые с разной эффективностью могут быть переведены на цифровые технологии и в онлайн-телекоммуникационные пространства.

Дифференцированная цифровая трансформация включает как широко изученную проблему цифрового разрыва, так и построение новых цепочек создания ценности в постковидном мире, при этом под ценностью сегодня следует понимать новый набор значимых признаков определения действительности и своего места в ней. Определение значений и смыслов в мире символического отражения реальности в сознании людей и образует семантическое пространство, картированное, размеченное направлениями (ценностными ориентациями на основе оценочных суждений) и каналами движения потоков данных и форматов взаимодействий (нормами).

В данном материале проводится проблематизация построения сетей добавления ценности в условиях дифференцированной цифровой среды и разнообразия восприятия цифровой трансформации и возникающих новых или изменяющихся прежних идентификаций.

Обсуждение вопросов безусловного базового дохода и проблематики социального обеспечения граждан услугами здравоохранения, образования и правозащиты в пандемийные 2020–2021 годы[2] позволило сформулировать проблему новой структуры рынка труда и организации жизнедеятельности человека в условиях высокого уровня роботизации и интеллектуализации, когда смысл трудовой активности все более становится симулятивным[3] и смещается от удовлетворения потребностей выживания к символическому обмену. Цепочка (сеть[4]) создания ценности опирается на шкалу ценностей в обществе[5], примеры иерархии потребностей даны в теории мотивации А. Маслоу, структуре ценностей М. Рокича и др.

В период пандемии было существенно ограничено символическое потребление, спрос на демонстративные продукты сократился, поскольку в социальной изоляции покупателю некому и негде было показывать свое благосостояние, принадлежность к особой или исключительной группе через демонстрацию благ, одежды, обуви, аксессуаров, гаджетов. В результате содержание добавленной ценности все больше смещалось от ценностей дефицитарного характера (от «гигиенических» потребностей, по Ф. Герцбергу) к смыслам творчества и самоактуализации, личностного развития и выражения идентичности через приобретение знаковых товаров, отражающих новые приоритеты в семантическом пространстве.

С точки зрения организации бизнес-процессов постковидный мир столкнулся с развитием стратегий импортозамещения в ситуации разрыва глобальных цепочек поставок, с динамикой внутрикорпоративной логистики, с перестроением бизнес-процессов в рамках планирования, с заключением новых долгосрочных договоренностей между глобальными игроками. Если до

---

[1] Профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор социологических наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики», «Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями» (в соавт.), «Социально-экономическое исследование управления знаниями в условиях цифровой трансформации» (в соавт.), «Digital communication tools and knowledge creation processes for enriched intellectual outcome-experience of short-term e-learning courses during pandemic» (в соавт.), «Digital regulation of intellectual capital for open innovation: industries' expert assessments of tacit knowledge for controlling and networking outcome» (в соавт.), «Regulation of digital behavior models for knowledge transfer: organizational concerns of remote learning» (в соавт.), «Собирательный образ городов будущего» (в соавт.). Член Санкт-Петербургского союза ученых.

[2] Цифровые технологии государственных функций и сетевые модели коммуникации социального предпринимательства / А. К. Гарин, Н. Н. Покровская, А. О. Шангутов, О. А. Шангутов // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1 (5). С. 32–41.

[3] *Baudrillard J.* L'Échange symbolique et la mort. P. : Gallimard, 1976.

[4] *Allee V.* Reconfiguring the value network' // Journal of Business Strategy. 2000. Vol. 21, № 4. P. 36–39. URL: https://doi.org/10.1108/eb040103.

[5] *Sveiby K. E.* The New Organisational Wealth — Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco, CA : Berrett-Koehler, 1997.

24 февраля 2022 года логистические проблемы вызывали раздражение, то переход экономической борьбы в открытую фазу привел к резкому преобразованию семантического пространства, переосмыслению приоритетов и идентичностей.

Постковидный мир подошел, с одной стороны, к целесообразности планового подхода, с другой — к переосмыслению системы потребностей как источника оценочных суждений — снижение ценности удовлетворения потребностей выживания («жить, чтобы есть») и возвышение потребностей принадлежности к группе (Apple people) и самореализации («есть, чтобы жить»), понимаемой как поиск новых форм личностных проявлений.

Уникальность самоактуализирующейся личности позволяет продавать разнообразные товары и услуги, маркетинговая коммуникация опирается на создание комплексов неполноценности в сфере групповых стандартов (образцы красоты, а в период ковида — модель постоянного личностного роста и самосовершенствования, эффективно продающая доступ к онлайн-тренингам и курсам) и индивидуальной обезличенности (например, стремление выделяться в массах пользователей соцсетей).

Идентичность можно определить как воспринимаемую индивидом в качестве абсолютного приоритета его связь с «чем-то большим», чем конечная жизнь человека. В этом смысле «чем-то большим» может выступать как абстрактный трансцендентный принцип (красота, добро), так и конкретное сообщество (социопрофессиональное, потребительское и брендовое, «носит Prada», национальное, этнически-религиозное и т. п.).

Локализация патриотизма как форма идентичности («островитянин» для жителей Васильевского, «мурриноид» для жителей спальных районов, «человейников» вокруг мегаполиса) иллюстрирует дифференциацию географической принадлежности — смещение самоопределения через национальное государство к личному выбору уровня геолокации.

Приведенные примеры демонстрируют три уровня попыток изменений при построении цепочек создания ценности:

— географическое (государство — парадная) и семантическое (этнос, религия, цивилизация) структурирование пространства;

— расширение времени, захват фрагментов прошлого и будущего через навязывание сегодняшних представлений (когда человек может принимать решение) прошлому (которое уже нельзя изменить) в рамках cancel culture, одновременно через присвоение прошлого в разных ценностно-смысловых схемах, на основе которых строится стратегическое планирование; так, например, в начале мая 2022 года РФ и КНР одновременно подписали национальные решения о переходе на национальные информационные продукты (а Китай — и на компьютерное оборудование) к 2025 и 2023 годам соответственно, определяя новое позиционирование в цепочках создания ценностей в сфере информационной и социокультурной безопасности;

— динамика эволюции семантического пространства сменилась от фаз дифференциации и иерархизации к фазе интеграции, если пользоваться терминологией социальной синергетики, в которой атомизированные индивиды все в большей мере формируют крупные идентичности, будь то абстрактные сущности добра, справедливости, истины или более конкретные территориальные объединения, страны или союзы.

Цифровая трансформация цепочек создания ценностей опирается на долгосрочное планирование, требующее стабильности и крупных единых производственных комплексов. В этом смысле цифровизация бизнес-процессов выступает не следствием эволюции семантического поля, в котором шкала ценностей проживает свою динамику, а причиной, фактором («бытие определяет сознание», «производственные отношения отражают уровень развития производительных сил»), играющим решающую роль для необходимости построения крупных государственных и надгосударственных территориально-хозяйственных комплексов.

Э. Э. Полетаев[1]

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: ПОИСКИ И ВЫЗОВЫ

Как конструктивная геополитическая, экономическая и социокультурная идея евразийство, словно шампур, насквозь пронизало пространство жизнедеятельности казахстанского общества. Особую актуальность идеи евразийства обрели после распада СССР. Несмотря на то что в последние годы они чаще подвергаются критике со стороны людей, позиционирующих себя как либералы и демократы, прозападно настроенных экспертов и общественных деятелей, многовекторность остается основным внешнеполитическим кредо Казахстана, а развитие партнерских связей на постсоветском (шире — большом евразийском) пространстве — одним из приоритетных векторов внешней политики страны. В данном контексте можно быть уверенным в том, что официальный Нур-Султан продолжает поддерживать построение и наращивание евразийской интеграции.

В качестве научной концепции евразийство возникло чуть более ста лет назад: в 1921 году был опубликован сборник статей «Исход к Востоку», который можно назвать первым евразийским. Со временем вышли в свет другие труды, написанные представителями разных научных дисциплин (география, история, лингвистика, философия и др.), — они составили теоретическую основу евразийской идеи [4].

Данная концепция подразумевает, что Евразия — не просто сопряжение Европы и Азии, а срединное пространство между частями света, имеющими традиции взаимовыгодного сосуществования, культуры согласия и сотрудничества. Следовательно, необходимо разумное использование имеющегося огромного потенциала взаимодействия. Однако за минувший век ряд идей и предложений, пережив исследовательский ренессанс, устарели. Нынешнее евразийство — это в большей степени результат политической воли, отраженной в выстраивании системы внешнеэкономических приоритетов межгосударственного сотрудничества, и, как следствие, их экспертного сопровождения.

В 2022 году на пространстве Евразии произошло множество важнейших событий, которые будут определять дальнейшее его развитие. На фоне беспрецедентных санкций в отношении России и Беларуси экономики стран ЕАЭС столкнулись с угрозами. Нарушение транспортно-логистических цепочек, проблемы в промышленной кооперации, инфляция и другие сложности уже поставили перед участниками объединения вопрос о более решительных действиях, ускорении финансово-экономической интеграции [2].

Сегодня страны ЕАЭС приходят к пониманию того, что необходимо интенсифицировать развитие Союза, углублять торгово-экономические отношения, структуру торговли, повышать уровень ее диверсификации и добиваться более высокого статуса объединения на международной арене. В настоящее время активно обсуждаются вопросы формирования механизмов взаиморасчетов без доллара, в национальных валютах, стимулируется насыщение единого рынка ЕАЭС социально значимыми товарами. Уделяется особое внимание агропромышленному комплексу как одному из ключевых секторов экономики государств — членов ЕАЭС, располагающих потенциалом для насыщения внутреннего рынка и обеспечения продовольственной безопасности. Участники ЕАЭС начали прорабатывать основные направления экономического развития до 2035 года.

Насколько быстро будут происходить данные процессы, пока сказать сложно, так как это зависит от множества факторов как социально-экономического, так и политического характера. Однако очевидно, что страны оказались в совершенно новой ситуации, а мировая экономика подошла к той грани, за которой глобальные перемены неизбежны.

В связи с этим эксперты поднимают вопрос о потребности в новых моделях экономического устройства. В начале XXI века в ходе ускорения процессов глобализации в мире наблюдалось появление крупных мегарегиональных инициатив, выдвигаемых ведущими игроками. Их особенностью являлся зонтичный, гибкий и многоуровневый характер. Постепенно они становились экономическими и внешнеполитическими инструментами, входили в официальный лексикон [3].

В данный ряд включаются американская концепция «Новый шелковый путь» времен Барака Обамы, ТРАСЕКА (от *англ.* Transport Corridor Europe–Caucasus–Asia), китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» как часть более общей концепции «Один пояс, один путь». Своя инициатива есть и у Казахстана — это Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) [1].

Имеющие значимый географический охват инициативы-концепции можно назвать феноменом современной международной жизни. До недавнего времени ряд исследователей утверждали, что глобальная политика будет определяться взаимодействием между блоками, а не между странами. Одной из таких инициатив стала идея Большой Евразии (или Большого евразийского партнерства), несколько лет назад взятая на вооружение властями России и Казахстана. Главная цель этого проекта — сопряжение интеграционных процессов на евразийском материке с помощью создания партнерств разных форматов и вовлечение их во взаимодействие.

Однако пока сообщество Большой Евразии реализуется как концептуальная площадка, чье практическое содержание по сей день находится на этапе дискуссий

[1] Президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алма-Ата, Казахстан), политолог. Автор 15 научных книг и учебных пособий, в т. ч.: «Международная журналистика: навигатор для авторов из Центральной Азии», «Практическая журналистика в Казахстане: Практическое руководство» (в соавт.), «Каспий милитаризуется», «Права человека для журналистов: практические советы», «Что такое ВТО и зачем Казахстан стремится вступить в данную организацию?» (в соавт.) и др.; более 2 тыс. информационно-аналитических материалов в СМИ России, Казахстана и стран Центральной Азии.

и требует конкретного экономического и политического наполнения. Многие детали остаются неясными, вопросов задается больше, чем имеется на них ответов. Кроме того, проверкой на прочность стали пандемия коронавируса и санкционная война, которые нанесли серьезный урон торгово-экономическим и транспортным коммуникациям. В результате процессы глобализации в их традиционном понимании затормозились, при этом более явно обозначились тенденции изоляционизма при усилении позиций национальных государств, вырисовывающегося тренда широкого применения протекционистских мер [3].

На практике создание мегарегиональных проектов не всегда ведет к преодолению противоречий между странами и снижению издержек. В условиях конкуренции предлагаемые форматы взаимодействия оппоненты часто рассматривают как враждебные, несущие угрозу (например, существованию ВТО) [3]. Тенденция реиндустриализации (возврата части промышленного производства в развитые страны из-за роста зарплат в развивающихся странах и автоматизации изготовления продукции) также влияет на перспективы взаимовыгодной интеграции. Понятно, что в нынешних непростых условиях, когда возобладал страновой эгоизм, а настоящими союзниками мировые лидеры, используя старую цитату, называют армию и флот, реальное создание Большой Евразии будет продолжительным и непростым процессом. Принципы работы нового проекта еще окончательно не определены, у него нет конкретной структурной организации. С другой стороны, необходимость «большеевразийского» диалогового формата актуализируется еще сильнее. Таким образом, представляется важным теоретическое осмысление и обсуждение роли и потенциала Большой Евразии, идея которой конкретизирована в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

Не первый год работает в Казахстане международная дискуссионная площадка Astana club, где видные политические деятели, дипломаты, экономисты собираются, чтобы проанализировать стратегическое будущее Большой Евразии. В работе Евразийского информационно-аналитического консорциума, созданного в 2018 году, задействованы сотни специалистов из научных организаций, вузов, аналитических центров. На портале «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» размещено более 9 тысяч докладов и аналитических материалов, в которых содержатся выводы том, что реализация проекта предоставит возможность упрочить экономические контакты и улучшит условия для ведения бизнеса на всем огромном евразийском пространстве.

Однако даже в рассуждениях о том, откуда появилась модель Большой Евразии, возникают споры. Скажем, французского президента Шарля де Голля, несколько десятилетий назад заговорившего о едином континенте «от Лиссабона до Владивостока», сегодня можно назвать настоящим евразийцем. Кстати, о словах де Голля в июне 2021 года напомнил президент России Владимир Путин в статье, вышедшей в газете Die Zeit [3].

Со временем идея Большой Евразии попала в государственные документы. К примеру, основное направление стратегии России в Евразии было обозначено в утвержденной 30 ноября 2016 года Концепции внешней политики страны как «формирование общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства — пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» [6].

Некоторые исследователи утверждают, что инициатива Большой Евразии связана с обострением отношений между Россией и Западом и украинским кризисом 2014 года. Это не так. Если изучить проблему, можно увидеть, что Владимир Путин говорил о континентальной кооперации гораздо раньше, например в статье, опубликованной в немецкой газете Süddeutsche Zeitung в 2010 году. В 2011 году президент Беларуси Александр Лукашенко заявил о необходимости так называемой интеграции интеграций в целях построения Большой Европы от Атлантики до Тихого океана. Действительно, сначала акцент делался на более тесном сотрудничестве с Европейским союзом. Но уже в 2012 году в Послании Владимира Путина к Федеральному собранию было анонсировано новое направление страновой политики: «В XXI веке вектор развития России — это развитие на восток» [5].

Россия, Китай, другие государства Евразии, выдвигая свои мегарегиональные инициативы, преследуют серьезные цели. Россия нуждается в сглаживании некоторых противоречий на евразийском пространстве, расширении своих экономических перспектив, так как товарооборот со странами Запада снижается и соответственно увеличивается с азиатскими странами. Для Китая актуальны проблемы избытка промышленных мощностей, нехватки природных ресурсов. Казахстан с точки зрения прикладной политики намерен получить от инициатив конкретные выгоды, поскольку является весьма крупным по территории государством, которое пытается использовать свое геополитическое и транзитное положение. В казахстанском понимании Большая Евразия предполагает объединение в экономическое пространство всех интеграционных механизмов. Главное — чтобы всем от этого была польза.

Принято считать, что механизм Большой Евразии будет развиваться на основе интеграционного сближения ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и БРИКС. Понятно, что это будет непростой процесс, предполагающий высокий организационный уровень, динамизм и направленность. Вместе с тем в рамках Большой Евразии не планируется создание наднациональных органов. Поэтому вероятность, что ЕАЭС, имеющая «крышу» в виде Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), станет главным институциональным ресурсом проекта, довольно высока.

ЕАЭС имеет большие перспективы, но его экономика составляет всего 2 % от мировой. В определенной степени Большая Евразия расширяет возможности Союза. Именно здесь находятся важные точки соприкосновения проектов. Но пока Большая Евразия,

в отличие от ЕАЭС, — это «черный ящик»: она не может похвастаться конкретными целями и цифрами. У Союза же есть горизонт планирования, к примеру в 2025 году страны-участницы намерены создать несколько общих рынков.

Сегодня существует следующая проблема: конкретные постсоветские организации с указанными целями и задачами воспринимаются на Западе неадекватно, подвергаются нападкам. При этом зонтичные инициативы, рамочные повестки не вызывают большого осуждения. Никто не спорит с тем, что нужно дружить и сотрудничать. Большой Евразии необходим гибкий формат взаимодействия, поскольку он способен гарантировать активность значительного количества государств, подразумевает большую свободу в отношениях, высказываниях, предложениях и мерах поддержки [3].

Не стоит ожидать, что на основе проекта Большой Евразии в ближайшей перспективе возникнет сообщество государств, интенсивность отношений и степень взаимного доверия между которыми будут отвечать представлениям об эффективности. Тем не менее сохранится символическое отношение к Евразии, восприятие ее некоторого единства, отсутствия разрыва. Большая Евразия выполняет в том числе функцию особой психологической терапии для людей, воспринимающих интеграцию как желательное явление. Но главная функция проекта заключается в инициации диалога между политическим руководством, элитами стран о том, чего они ждут от разумной интеграции, становящейся важным фактором развития в контексте хаотизации международных отношений. На начало такого диалога есть запрос, к нему подводит сама реальность.

Что остается делать в ситуации наличия широкого спектра неопределенностей? Оснований утверждать, что идея Большой Евразии не имеет будущего, нет. Запущенные несколько лет назад процессы должны воплотить замысел в реальность. Однако качество воплощения будет напрямую зависеть от того, удастся ли соблюсти интересы всех участников проекта и правильно оценить действительность. Реально ли будет отказаться от абстрактных или слишком смелых целей и задач и начать с базовых, с нового этапа укрепления доверия между странами? Большая Евразия как мегарегиональная инициатива способна выступить в качестве некоего миротворческого фундамента, на котором вырастут более узконаправленные наднациональные объединения и конкретизированные межгосударственные договоренности. Именно такое целеполагание в условиях нарастания глобальных рисков и угроз видится самым верным.

Литература

1. База для мегарегиональной интеграции должна быть реальной. — Текст : электронный // Dialog : [сайт]. — URL: https://dialog.kz/articles/mnenie/2021-07-22/baza-dlya-megaregionalnoy-integracii-dolzhna-byt-realnoy (дата обращения: 01.05.2022).

2. *Захаркин, И.* В борьбе с Западом за финансовое влияние на евразийский рынок наступает момент истины / И. Захаркин. — Текст : электронный // Ритм Евразии : [сайт]. — URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2022-04-13--v-borbe-s-zapadom-za-finansovoe-vlijanie-na-evrazijskij-rynok-nastupaet-moment-istiny-59399 (дата обращения: 03.05.2022).

3. *Полетаев, Э.* Большая Евразия: «вещь в себе» с большим потенциалом / Э. Полетаев. — Текст : электронный // Ритм Евразии : [сайт]. — URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-07-18--bolshaja-evrazija-vesch-v-sebe-s-bolshim-potencialom-55559 (дата обращения: 03.05.2022).

4. *Полетаев, Э.* Литература в постсоветском контексте: поиски и вызовы / Э. Полетаев. — Текст : электронный // Ритм Евразии: [сайт]. — URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-10-23--literatura-v-postsovetskom-kontekste-poiski-i-vyzovy-57009 (дата обращения: 01.05.2022).

5. Послание Президента Федеральному собранию. — Текст : электронный // Президент России : [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118 (дата обращения: 03.05.2022).

6. Российская Федерация. Законы. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640. — Текст : электронный // Президент России : [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 03.05.2022).

А. Ю. Прихач[1]

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Современная ситуация характеризуется многофакторностью воздействия на нее. При этом отдельные аттракторы имеют глобальный характер, отличаются общностью для всех стран — это прежде всего, например, ситуация, связанная с пандемийными осложнениями, а другие соотносятся с конкретными зонами, определяемыми геополитическими трендами и особенностями экономической обстановки. Так, Россия и Европа испытывают в полной мере воздействие факторов того и другого типа, Америка и Китай — в наибольшей степени первого, второго — в несколько ослабленной форме, что объясняется территориальной удаленностью. Учитывая это, нужно постараться определить основные аспекты и актуальные векторы развития экономики. Прежде всего надо провести общий анализ последствий воздействия пандемии и преобразований, которые коснулись хозяйственных механизмов.

Влияние COVID-19 на мировую экономику оказалось крайне негативным и достаточно длительным. По тяжести воздействия пандемия уже значительно пре-

[1] Профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Основы управления конкурентоспособностью», «Активная инновационная деятельность персонала как конкурентное преимущество», «Значение инновационной деятельности для конкурентных преимуществ фирмы», «Информационное поле товара — понятие и значение», «Использование методов маркетинга персонала для оценки трудового потенциала новых сотрудников» (в соавт.), «Проблематика пониженной реализации трудового потенциала» и др.

высила так называемый гонконгский грипп. Если предположить, что по длительности протекания процесса ситуация будет подобна той, то следует ожидать, что напряженность начнет существенно спадать и положение выправится к концу 2022 года. Уже сейчас отмечаются положительные тенденции и оживление деловой активности. Безработица снизилась с пика 6,4 % в 2020 году до 4,1 % к февралю 2022 года[1].

Наибольшее влияние ощутил на себе бизнес, связанный с массовыми мероприятиями, предоставлением услуг в местах массового скопления людей, непосредственной живой коммуникацией и перемещениями. Блокировка транспортных маршрутов для многих стран привела к тому, что «просели» компании, занимающиеся предоставлением транспортных услуг различного характера: круизного, авиа- и железнодорожного сообщения. Это выразилось в росте безработицы в этой сфере, существенном сокращении пассажиропотоков и, как следствие, резком уменьшении доходов. Поскольку трудности стала испытывать логистика, то в уязвимом положении оказался весь зависимый от нее бизнес. Разорились многие туристические компании, не дождавшиеся своих клиентов. При этом зачастую люди не могли воспользоваться уже оплаченными турами. Стадионы, театры, кинотеатры, рестораны и кафе недосчитались значительной части своей выручки.

Что касается России, то проявилась еще одна специфическая проблема: минимизировалось число гастарбайтеров. Так, почти половина основных показателей деятельности по миграционной ситуации в стране снизилась[2]. Это сразу отразилось на тех видах работ, для которых они привлекались. Но это касается не только зарубежных трудовых мигрантов, но и отечественных, так называемых «охотников на работу». Прежде всего начали испытывать трудности национальные рестораны и кафе, которые привлекали клиентов за счет колорита и оригинальности. Уехавшие повара, специалисты и консультанты просто не смогли вернуться. Кроме того, оказались в тяжелой ситуации те области деятельности, в которые с неохотой шли местные жители ввиду непрестижности и непривлекательности зарплаты. Замедлилась работа строек и предприятий сферы обслуживания. Ради привлечения новых работников работодатели вынуждены были повышать заработную плату. Сложилось достаточно парадоксальная ситуация: с одной стороны, наблюдался рост безработицы, с другой — средняя зарплата в некоторых регионах проявила тренд на повышение.

На рынке труда наблюдался всплеск спроса на услуги IT-специалистов в связи с повсеместной организацией, где только возможно, удаленных форм работы, и курьеров, причем второе имело взрывной характер. За время пандемии только в отечественной экономике было организовано порядка 6 млн удаленных рабочих мест. Это, в свою очередь, выявило определенные нюансы, которые были взяты на заметку менеджерами на будущее. Прежде всего переход на удаленные формы сделал фактически необязательным наличие съемных офисов компаний. Таким образом, бизнесмены ощутили определенную экономию, вызванную отсутствием арендных платежей. Вероятно, в дальнейшем те фирмы, которым вполне подошла форма «виртуального» офиса, будут продолжать ее эксплуатировать.

Кроме этого, с положительной стороны проявила себя форма найма «на расстоянии», которая раньше широко использовалась в основном IT-специалистами. Это когда профессионал из другого города, региона, страны работает на фирму с помощью компьютерных коммуникаций по механизму получения заказа и последующего его персонального исполнения. Вообще было отмечено, что специалисты высокого уровня, переведенные на удаленную форму, показывают себя, как правило, высокоэффективно. Иногда их результативность даже повышается. Менеджеры объясняют это тем, что, во-первых, время, сэкономленное на дорогу до работы и обратно, может быть использовано как сверхурочное рабочее; во-вторых, такие специалисты не отвлекаются на помощь и консультации менее продвинутым коллегам. Опыт перевода на удаленную форму сотрудников низкой квалификации или новичков в большинстве случаев оказался неудовлетворительным. Лишенные оперативного управления и возможности получения сторонней помощи, они продемонстрировали пониженную работоспособность.

Также от удаленной формы сильно пострадала деятельность, заточенная под коллективный механизм, в трудном положении оказались те сотрудники, которые лучше проявляют себя в командной работе. Снижение уровня деловой коммуникативности, уменьшение возможностей своевременного группового обсуждения возникающих проблем и задач, потеря непосредственного оперативного мониторинга со стороны руководства, необходимость обязательного внедрения в рабочий процесс таких элементов, как компьютерное обеспечение и надежный Интернет, — все это сказалось на качестве выполняемой работы. Особенно сильно это проявилось в сфере образования.

Если рассматривать обобщенно, то работодатели больше склонны оценивать удаленную форму работы как вынужденную необходимость, чем как эффективный инструмент. Поэтому такой способ деятельности приживется только в тех фирмах, где он смог показать себя с положительной стороны. Но при этом нужно предусмотреть наличие в компании таких менеджеров, которые способны организовывать коллективную удаленную деятельность, запускать механизмы взаимодействия, распределять получение поэтапных заданий и согласовывать время получения результатов, осуществлять удаленное управление.

Представленные изменения в организации экономической деятельности в той или иной мере коснулись всех стран. Говоря о ситуации в России, необходимо проанализировать возможные аспекты будущего развития более детально. Прежде всего нужно учитывать сложившуюся геополитическую ситуацию и связан-

[1] Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) (оперативные данные) // ЕМИСС : [сайт]. URL: https://fedstat.ru/indicator/57341 (дата обращения: 04.05.2022).

[2] *Титова А. В.* Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 4. С. 342–348.

ную с ней необходимость определенной модернизации экономики, или даже ее мобилизации.

Основной упор необходимо сделать на развитии высокотехнологичных производств, в первую очередь аэрокосмической техники. Продукты космической промышленности обладают одним из самых высоких — если не самым высоким — уровнем прибавочной стоимости. Что касается авиационной техники, то ее необходимо возрождать на базе собственного двигателестроения. Точно такая же ситуация с отечественным станкостроением. Эти отрасли являются критически важными. Современная мировая компьютеризация уже примерно лет 10–15 назад достигла уровня, когда производители встраивают специальные чипы в станки и двигатели с тем, чтобы дистанционно контролировать процессы их работы. Объяснения при этом приводятся разные, самое распространенное: чтобы отслеживать надежность и качество функционирования. Однако такая ситуация является тревожной и даже опасной ввиду того, не захочет ли производитель удаленно изменить параметры работы или просто отключить изделие, руководствуясь своими мотивами. Отсюда вытекает необходимость развития собственной чипизации. По изготовлению своего процессора наша страна пока в роли догоняющей, особенно с учетом цены, но продолжать развитие в этом направлении крайне важно.

Учитывая ориентированность на импортозамещение, нужно признать, что придется освоить определенный пласт товаров, услуг, комплектующих. При этом процессы разделения труда в целях повышения его производительности и эффективности могут натолкнуться на объективное ограничение в виде численности населения страны. Это может вызвать затруднения при решении некоторых задач. Одним из выходов было бы развитие отечественных роботов и роботизированных процессов, отличающихся высокой продуктивностью и гибкой настройкой.

Рассматривая все эти аспекты, следует обратить внимание на еще одну принципиальную проблему, имеющую ключевое значение. А именно — повышение качества образования, прежде всего профессионального и научного, усиление роли и значения инженерно-технического, конструкторского, креативного обучения. Выявление на уровне среднего и высшего образования молодых людей с высоким потенциалом и предоставление им возможностей и программ для самореализации.

Повышение качества высшего образования — это один из тех основных факторов, который позволил состояться «японскому экономическому чуду». Аналогичным образом, оглядываясь на японский опыт, развивала профессиональную базу для своего экономического механизма Южная Корея.

Следующий аспект, который надо будет учесть и который имеет опосредованную взаимосвязь с экономикой, — это повышение качества жизни. Улучшение и облагораживание рекреационных территорий, привлекательный ландшафтный и промышленный дизайн, усиление экологической безопасности, повышение качества питания и жизни — все это сделает страну привлекательным местом проживания также и для тех зарубежных специалистов, спрос на услуги которых может возрасти в ближайшее время, учитывая векторы перспективной модернизации экономики.

Е. С. Садовая[1]

ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В НОВОЙ СИСТЕМЕ МИРОУСТРОЙСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сферу труда можно назвать системообразующим элементом сложившегося мироустройства, учитывая, что существующий, в том числе благодаря глобализации, уровень разделения труда требует значительного числа участников процесса создания цепочек добавленной стоимости. И это априори делает современный труд коллективным и солидарным. При этом сама работа, профессиональная деятельность давно стали также и мерилом успешности человека в современном обществе, условием роста его благосостояния, одним из оснований формирования его идентичности, наконец[2]. Кроме того, только работа по найму дает человеку доступ к социальной политике, формируя тем самым социальную основу всей системы современного мироустройства, известного нам как социальное государство. Именно поэтому происходящее сегодня переформатирование экономики и соответствующая ему трансформация сферы занятости, обусловленные широким применением цифровых технологий, вызывают у исследователей пристальный интерес.

Диджитализацию экономики, вслед за М. Кастельсом, мы рассматриваем как обусловленное новой технологической парадигмой изменение организационной логики бизнес-процессов, связанное с переходом от экономии на масштабе к экономии на ресурсах. Следствием этого становится ее превращение в конгломерат цифровых платформ, являющихся «системами алгоритмизированных взаимовыгодных отношений значимого

[1] Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. более 10 монографий: «Социальное государство в зеркале общественных трансформаций» (соавт. и соред.), «Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы» (в соавт.), «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.) и др.

[2] Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017. С. 574–577.

количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящих к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда»[1]. При этом меняется не только форма организации взаимодействия основных агентов рынка, но и содержание всей системы их взаимоотношений. Именно поэтому термин «цифровизация» (цифровая трансформация) понимается нами как изменение всей системы общественных отношений и отдельных ее составляющих, ведущее к переходу ее в новое качественное состояние. Это изменение происходит именно под воздействием широкого внедрения во все сферы жизни новейших цифровых технологий. Частным случаем такой трансформации является преобразование сферы труда в условиях становления цифровой экономики[2].

Предпосылкой и основным условием переформатирования в соответствии с логикой развития цифровой экономики организационно-технологической парадигмы современного рынка труда стали автоматизация и роботизация значительной части бизнес-процессов, происходившие на протяжении последних двух десятилетий. И здесь необходимо дезавуировать один из широко распространенных мифов, связанных с влиянием процессов роботизации и автоматизации на занятость. И в общественном, а зачастую и в научном дискурсах сложилось мнение, что промышленные роботы, угрожающие рабочим местам, достаточно дороги, и, следовательно, в период экономического спада, а тем более кризиса, они не будут так широко внедряться на предприятиях. Работодателям выгоднее будет сохранять занятость. Это утверждение верно лишь отчасти. В том смысле, что внедрение промышленных роботов действительно может быть заторможено экономическим кризисом. Однако сложившаяся современная постиндустриальная структура занятости подразумевает, что подавляющая часть работающих (до трех четвертей в зависимости от страны) трудится отнюдь не в промышленности, а в сфере услуг. Их рабочим местам «угрожают» роботы-программы (чат-боты), стоимость внедрения которых просто несопоставима со стоимостью производственных роботов и автоматов.

Причем современные программные роботы в состоянии выполнять не просто рутинные операции, требующие повторения достаточно простых и монотонных действий. Вследствие широкого применения в современных программных продуктах технологий искусственного интеллекта чат-боты в состоянии решать нестандартные производственные задачи, связанные с принятием решений в условиях неопределенности, с учетом множества факторов, не поддающихся формализации (например, принятие решения о выдаче кредита, о формировании оптимальной инфраструктуры для реализации социальной политики в том или ином регионе или об ассортименте выпускаемой продукции)[3].

Важнейшим следствием автоматизации и роботизации и главной особенностью цифровой трансформации рынка труда становится его платформизация (широкое распространение краудворкинговых платформ), результатом которой, в свою очередь, оказывается сокращение сферы «классических» трудовых отношений или работы по найму. Появление краудворкинговых платформ завершило процесс трансформации механизмов организации рабочей силы, превратив трудовые отношения из социальных (подразумевающих автоматическое предоставление работнику определенного набора социальных гарантий) в алгоритмизированные и технологизированные. Причем такая трансформация затрагивает все профессионально-квалификационные и отраслевые группы работников. Наемные работники в правовом отношении становятся самозанятыми, зачастую частичными работниками, дополняющими цифровые алгоритмы лишь при выполнении некоторых технологических операций. Самозанятость в этих условиях растет во всех без исключения странах мира. Так, в некоторых из них она составляет уже до 45 % от числа занятых в оптовой и розничной торговле[4].

Очевидно, что процесс платформизации занятости продолжится и далее, особенно в условиях системного экономического кризиса, поскольку стоимость программного обеспечения, используемого для автоматизации и роботизации рабочих мест в сфере обслуживания, крайне низка. Сам программный продукт хоть и стоит разработчикам определенных денег, зачастую предоставляется (особенно владельцам малого бизнеса) совершенно бесплатно. Главным условием, позволяющим цифровизации широко распространяться, оказываются наличие скоростного Интернета и высокая обеспеченность населения мобильными устройствами.

В итоге основное содержание процесса структурной трансформации занятости на современном этапе составляет не изменение ее отраслевой и профессионально-квалификационной структуры и даже не абсолютное сокращение числа рабочих мест в экономике, как это было в индустриальном обществе, а стремительное замещение качественных рабочих мест некачественными, неустойчивыми, низкооплачиваемыми, предполагающими уже не столько профессиональный труд, сколько быстро меняющиеся наборы компетенций без привязки к конкретному виду деятельности[5]. Это позволяет исследователям трактовать современный рынок труда как «безворотничковый» (в противо-

[1] На подкомиссии по цифровой экономике одобрили определение цифровых платформ // D-Russia.ru : [сайт]. URL: https://d-russia.ru/na-podkomissii-po-tsifrovoj-ekonomike-odobrili-opredelenie-tsifrovyh-platform.html?ysclid=l4s2i2tf1j507867807.

[2] См. подробнее: *Садовая Е.* Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 12. С. 35–45. URL: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-35-45.

[3] Подробнее об этапах программной автоматизации и роботизации см.: *Садовая Е. С., Сауткина В. А., Зенков А. Р.* Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М. : ИМЭМО РАН, 2019. С. 31–40. DOI: 10.20542/978-5-9535-0564-2.

[4] ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. 3rd ed. 2020. 29 apr. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_743146.pdf.

[5] См. подробнее: *Садовая Е.* Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном масштабе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 9. С. 14–24. URL: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-14-24.

вес «синим» и «белым» воротничкам индустриальной эпохи)[1].

Данные трансформации оказываются серьезным вызовом для современной науки, поскольку происходящая под воздействием логики развития цифровых технологий трансформация экономики размывает основные структурообразующие элементы экономики индустриальной. Речь идет о таких понятиях, как «работодатель», «работник», «занятость», «собственность». Исследователям только предстоит определить основных субъектов рынка труда в условиях платформенной экономики, правильно квалифицировать отношения между ними. Пока же отсутствие адекватного научного языка описания новой реальности затрудняет статистический анализ происходящих изменений, их теоретико-методологическое исследование и концептуализацию.

Происходящие сегодня в экономике и социально-трудовой сфере кардинальные изменения требуют более глубокого осмысления роли современных технологий, в том числе цифровых, в этом процессе. Дело в том, что технологии не существуют сами по себе и не могут рассматриваться как самостоятельный, самодовлеющий фактор общественной динамики. Они лишь инструмент социальных преобразований. В этом смысле вычленение собственно технологической составляющей из общей динамики общественного развития является в некотором смысле условностью и возможно только в качестве теоретического конструкта. Те же цифровые форматы ведения бизнеса и организации рынка труда получили широкое распространение исключительно вследствие экономической глобализации, сделавшей их доступными для массового потребителя. И сегодня цифровые технологии, меняющие отношения в сфере занятости, востребованы прежде всего в связи с тем, что позволяют сокращать издержки в условиях невозможности дальнейшего расширения рынка и продолжения глобализации в прежних ее форматах.

Именно поэтому мы рассматриваем развитие технологий, прежде всего цифровых, не в качестве фактора, а в качестве механизма трансформации занятости, вызванной к жизни скорее экономическими и социально-политическими причинами. Они в данном случае являются лишь инструментом сокращения издержек в условиях сжатия рынков. Правильно оценить их роль можно лишь в рамках системного анализа, позволяющего рассматривать социальную динамику в единстве экономических, социальных, политических процессов. Условное разделение единого социального процесса на данные составляющие, позволявшее адекватно описывать реальность в стабильной ситуации, перестает давать результаты в условиях, когда мир проходит точку бифуркации.

Однако происходящие трансформации являются не только теоретико-методологическим вызовом для исследователей, но и вполне практическим, предполагающим соответствующее политико-правовое и организационное реагирование на них. Серьезной проблемой для современных политиков становится рост бедности и неравенства, обусловленный постоянно ухудшающейся ситуацией в сфере занятости. А также растущий «квалификационный разрыв», обозначающий глубокие диспропорции на рынке труда, не позволяющие, с одной стороны, людям реализовать свой потенциал, а с другой — экономике получить рабочую силу необходимого качества и в нужном количестве.

Совершенно новым явлением в условиях достигнутого человечеством уровня технологического развития и одновременно серьезнейшим социальным вызовом для человечества становится архаизация отношений в сфере занятости, обусловленная тем, что в результате цифровой трансформации из отношений в сфере труда исчезает их социальная составляющая. Вопрос о необходимости распространения на платформенных работников «классических» социальных гарантий был актуализирован в период пандемии ковида, когда такая занятость по объективным причинам многократно выросла.

Однако важно понимать, что возникающие сложности с регулированием платформенных отношений обусловлены проблемами отнюдь не правового, а экономического и даже политэкономического характера, поскольку снижение себестоимости товаров и услуг становится главным конкурентным преимуществом бизнеса, вынужденного приспосабливаться к ужесточающимся условиям конкуренции в период «схлопывания» традиционных рынков. Экономия на затратах на рабочую силу, составлявших в предыдущий период значительную долю в себестоимости, оказывается наиболее востребованным способом сокращения издержек, учитывая относительную дешевизну процесса цифровизации.

Очевидно, что социальные вызовы, возникающие вследствие цифровой трансформации экономики и обусловленной этим платформизации рынка труда, не исчерпываются лишь сферой занятости — они требуют пересмотра подходов к организации всей социальной сферы в связи с возникающей в этих новых условиях угрозой разрушения системы социального обеспечения. Это, в свою очередь, неизбежно приведет и к изменениям в политической системе современного общества. В связи с чем возникает настоятельная потребность в переосмыслении роли и места социальной сферы в системе социальных институтов современного общества и в системе общественных отношений в целом[2]. Трудно точно прогнозировать, какой будет социальная и политическая организация в условиях наступающего нового мироустройства, учитывая все существующие ограничения (в том числе финансовые и организационные), однако очевидно, что отвечать на возникающие вызовы нам придется достаточно оперативно. Политическое реагирование на происходящие изменения и концептуальное их осмысление вынужденно будут идти параллельно.

[1] A government perspective: Tech Trends 2018. The symphonic enterprise. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/public-sector/us-ps-government-tech-trends-2018.pdf.

[2] *Садовая Е.* Социальные вызовы цифровой экономики…

О. А. Страхова[1],
В. Ю. Ляпунова[2]

СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Деятельность организации здравоохранения имеет целью достижение не только экономической, но и социальной эффективности. Поэтому измерителем успешной деятельности медицинской организации на рынке не могут быть только показатели экономической эффективности. Необходимо учитывать и показатели социальной эффективности, причем не только с точки зрения их доступности для потребителя медицинских услуг, но и с точки зрения эффективности медико-социальной деятельности самой организации и с точки зрения работы предприятия как социального объекта, в котором основным видом трудовых ресурсов являются человеческие кадры. При этом на основе анализа современной теории управления человеческими ресурсами авторы выделяют необходимость использования в этом процессе компетентностного подхода.

Проблема повышения конкурентоспособности организации здравоохранения в условиях глобальной нестабильности является, по мнению авторов, одной из самых малоизученных. А следовательно, требует формирования комплексного подхода к организации здравоохранения с учетом ее позиционирования на современном рынке. Этот подход должен включать стратегический анализ положения организации во внешней среде, анализ внутреннего потенциала ее деятельности, а также стратегический анализ управления человеческими ресурсами в данной конкретной организации. Следовательно, такой подход требует изменения в формировании традиционных функциональных стратегий организации, и прежде всего в стратегии управления человеческими ресурсами данной организации.

Американские исследователи Дж. Хэкман и Г. Олдхэм выделяют пять основных функциональных стратегий организации: 1) производственная стратегия — часть корпоративной системы стратегии, представленная в виде долгосрочной программы конкретных действий по развитию системы изготовления продукта или услуги; 2) стратегия управления персоналом, направленная на развитие персонала компании в интересах достижения целей; 3) финансовая стратегия, определяющая порядок использования собственных и привлечения сторонних финансовых ресурсов; 4) инновационная стратегия — долгосрочная программа мероприятий в области разработки новых продуктов, новых услуг, технологий и их реализации; 5) маркетинговая стратегия, направленная на продвижение продукции или услуг на рынок и повышение конкурентоспособности, укрепление рыночных позиций организации[3].

Исследования, проведенные в Институте делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (ИДА РАМЗ, Санкт-Петербург), позволили сформулировать концептуальные основы стратегии повышения конкурентоспособности организации здравоохранения. Эта стратегия базируется на представлении организации как предприятия бизнеса услуг, которое работает в условиях сложной эпидемиологической ситуации в мире, разработки и внедрения новых видов услуг в соответствии с непредвиденными ситуациями. При этом такая организация работает в условиях быстро изменяющейся внешней среды, высокой конкуренции, внедрения новых высоких технологий лечения пациентов.

Условия глобальной нестабильности усиливают значимость комплексного подхода к формированию функциональных стратегий организаций. При этом изменяется роль стратегического планирования и маркетинга, стратегического планирования управления человеческими ресурсами с учетом реализации товарной стратегии организации здравоохранения. Товарная политика такой организации обеспечивается ценовой политикой, которая, в свою очередь, должна быть увязана с общими целями организации и включать формирование кратко- и долгосрочных целей на базе издержек производства и спроса на продукцию, а также цен конкурентов. При этом в формировании медицинской услуги все большую роль играет человеческий фактор, который и становится главным в управлении человеческими ресурсами в здравоохранении. По оценке авторов, человеческий капитал в здравоохранении составляет бóльшую часть себестоимости медицинской услуги, но при этом использование потенциала среднестатистического работника здравоохранения составляет не более 30 %.

В контексте ресурсного подхода к управлению организацией здравоохранения и использованию современных типологий компетенций, по мнению авторов, необходимо рассматривать компетенции как составляющую интеллектуального капитала организации, которая, в свою очередь, формирует источники конкурентоспособности организации на основе управления компетенциями, построения моделей компетенций, прежде всего ключевых сотрудников организации здравоохранения.

[1] Президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Бизнес-планирование» (в соавт.), «Менеджмент» (в соавт.), «Организационное поведение» и др. Отмечена нагрудным знаком Министерства науки и высшего образования РФ за реализацию Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ, Почетной грамотой губернатора Санкт-Петербурга и др.

[2] Руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Стратегия устойчивого развития организаций здравоохранения в условиях глобальной нестабильности» (в соавт.) и др.

[3] *Hackman J. R., Oldham G. R.* Motivation through the design of work: a test of theory // Organisational Behaviour and Organisational Performance. 1976. Vol. 16. P. 154, 250–279.

В условиях глобальной нестабильности возникает острая необходимость в точечной стабилизации всей системы функциональных стратегий организации, которая и должна, в свою очередь, привести к устойчивости медицинской организации. В связи с этим объектами исследования становятся взаимодействие подсистем стратегического планирования, инновационно-маркетинговые стратегии и стратегии управления человеческими ресурсами. Именно поэтому все инновационные проекты ИДА РАМЗ в настоящее время направлены на формирование российской модели повышения конкурентоспособности организации здравоохранения с позиции стратегического планирования и инноваций. Предложенная модель позволит сформировать новый тип деловой культуры организации здравоохранения.

Обобщая оценку существующих деловых культур в мире, прежде всего необходимо учесть российский менталитет и создать модель отечественной деловой культуры, которая позволит достичь стабильности отношений в трудовом коллективе, снизить риск возникновения конфликтов, создать эффективные команды в организации, исповедующие единую систему ценностей. Именно поэтому внедрение нового типа управленческой культуры в практику управления организациями здравоохранения следует рассматривать как основной инструмент повышения их конкурентоспособности, которая, в свою очередь, обеспечивает повышение эффективности систем управления в здравоохранении России.

В условиях глобальной нестабильности очень важно, чтобы новая российская деловая культура, с одной стороны, формировалась на основе мировых трендов, а с другой — учитывала особенности российского менталитета, традиций, экономических условий в стране и даже в каждом регионе. Таким образом, любая система ценностей и сформированная на ее основе модель управленческой культуры становятся основными инструментами достижения результата, необходимого медицинской организации для повышения ее конкурентоспособности.

Предлагаемая модель управленческой культуры базируется на ключевой роли персонала, который занимает центральное место при формировании стоимости услуги и конкурентоспособности медицинской организации на рынке. Формирование медицинской услуги в условиях глобальной нестабильности должно осуществляться на основе комплексного подхода на междисциплинарном уровне с использованием современного типа проектного управления и прежде всего формирования команды проекта. Таким образом, повышение качества медицинской услуги достигается за счет формирования модели компетенции каждого члена команды, четкого взаимодействия сотрудников и ориентации всего персонала организации на конечный результат в направлении развития новых технологий лечения пациентов, что, в свою очередь, требует разработки ключевых показателей конкурентоспособности самой организации.

Важным этапом стратегического планирования в условиях глобальной нестабильности становятся предложенные французским исследователем М. Фероном варианты стратегического управления в организации, которые выражаются в следующих функциях: планирование стратегии; организация выполнения стратегических планов; координация действий по реализации стратегических задач; мотивация на достижение стратегических результатов; контроль за процессом выполнения стратегии[1].

Предложенные функции необходимо адаптировать к новым условиям глобальной нестабильности, при которых деятельность должна основываться на системе базовых ценностей каждой организации, подборе персонала в соответствии с этими ценностями. Именно такой персонал является основой ключевой компетенции медицинской организации, главным фактором, обеспечивающим ее конкурентоспособность.

Базовые ценности как основа отбора персонала хорошо интерпретированы в книге К. Нордстрема, Й. Ридерстралле «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта», где на вопрос «…а как заставить людей разделять Ваши взгляды и ценности?» дается ответ «…найдите тех, кто их уже разделяет»[2]. Очевидно, это лишь руководство к действию. Поэтому предложенная авторами модель предполагает при отборе персонала в первую очередь использовать следующие критерии: обучаемость, нацеленность на результат, интеллектуальные способности.

Одной из важных особенностей предложенной авторами модели деловой культуры является сопричастность и принадлежность к базовым ценностям медицинской организации. Сотрудник может иметь недостаточную квалификацию на текущий момент, но он должен разделять базовые ценности медицинской организации, что поможет ему повысить квалификацию за счет получения требуемых компетенций. Таким образом, непрерывный процесс обучения сотрудников также является основным бизнес-процессом в предложенной авторами модели деловой культуры. Поэтому внедрение новой модели стратегического управления человеческими ресурсами и нового типа деловой культуры в практику управления медицинскими организациями можно рассматривать как основной инструментарий повышения конкурентоспособности медицинской организации.

Предложенная авторами модель деловой культуры требует развития целого ряда необходимых поведенческих компетенций: умение формировать команды внутри организации, что позволяет добиваться синергического эффекта от деятельности медицинской организации; умение использовать технику продуцирования креативных идей; развитие навыков лидерства и инновационного управления проектами.

Разработанная модель деловой культуры требует формирования новых компетенций у руководителей организации здравоохранения, что позволит повысить устойчивость медицинских организаций в ус-

[1] *Ферон М.* Стратегия, человеческие ресурсы и организация / пер. И. Андрющенко // Reims Management School. 2003. Дек. С. 78.

[2] *Нордстрем К. А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб., 2002. URL: https://vitalik.info/pictures/photo/4484.pdf.

ловиях глобальной нестабильности. Особую значимость при этом приобретает формирование финансовой компетенции у руководителей, которая должна обеспечить финансовую устойчивость медицинской организации, в том числе за счет построения управленческого учета.

Таким образом, авторами определены основные тенденции развития системы стратегического управления человеческими ресурсами медицинской организации в условиях нестабильности и развития инноваций. Предложена модель новой деловой культуры медицинской организации, когда повышение качества медицинских услуг достигается за счет правильного формирования компетенций руководителей медицинских организаций. Эти компетенции в условиях глобальной нестабильности, в свою очередь, являются основой устойчивости и повышения конкурентоспособности каждой медицинской организации.

Литература

Багиев, Г. Л. Основы организации маркетинговой деятельности на предприятии / Г. Л. Багиев. — Санкт-Петербург : Обл. правл. ВНТОЭ, 2006. — 240 с. — Текст : непосредственный.

Страхова, О. А. Инновационная модель подготовки менеджеров в системе непрерывного профессионального образования / О. А. Страхова, Е. В. Шеппли. — Текст : непосредственный // Эффективные системы менеджмента — стратегия успеха : материалы IV Международного научно-практического форума, 20–22 ноября 2014 г. — Казань : Познание : Ин-т экономики, управления и права, 2014. — С. 223–225.

Strakhova, O. Cultural and intercultural negotiation aspects / O. Strakhova, O. Schibli, O. Shvetsova. — Текст : непосредственный // Negotiating in an international Environment: eight perspectives for business practitioners / R. Nuetzi (ed.). — Olten : Dietschi AG, 2011. — P. 42–53.

А. А. Федченко[1]

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СИСТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Трансформационные процессы охватывают все сферы общества. Актуальность исследования возникающих при этом последствий и взаимосвязей резко возрастает в условиях глобальных перемен. В настоящее время для России важно сформулировать перспективы дальнейшего развития и выявить влияющие на этот процесс факторы с целью определения вектора трансформации. Динамизм происходящих в экономической, политической и социальной сферах перемен требует адекватного реагирования в текущем периоде и формирования обоснованной стратегии развития на перспективу. Сложившееся положение порождает необходимость использования теоретико-методологического подхода, предполагающего поливариантность его реализации, и сценарного подхода к прогнозированию изменений.

Истоки изменений обусловлены прежде всего новым технологическим укладом, появление которого связывают с теорией Н. Д. Кондратьева. В соответствии с этой теорией в нашей стране реализуется пятый технологический уклад (с 1985 по 2035 г.) [1]. Изменение технологических укладов, отражающее развитие различных сфер общества, в настоящее время проявилось в цифровизированном его варианте. Новый технологический уклад характеризуется широкомасштабной цифровизацией общественной жизни. Эта особенность, на наш взгляд, ключевая: она сопоставима с точкой бифуркации при выявлении причин и последствий влияния нового технологического уклада на экономическое развитие. Цифровизация в нашей стране осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4] и национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [3].

Становление цифровой экономики привело к глобальным изменениям во всех сферах хозяйственной жизни, в частности в сфере занятости. В рамках проведенного нами исследования было установлено, что за последние 15 лет в России произошли значимые количественные, структурные и качественные преобразования в сфере занятости населения. Доказано наличие взаимовлияния между траекторией развития цифровых и информационных технологий и преобразованиями в социально-трудовой сфере [6]. Цифровизация трансформирует занятость в направлении перспективных профессий (архитектор виртуальной реальности, инженер-робототехник, специалист по анализу больших данных и т. д.). Самым востребованным станет талант.

Все большее распространение получает удаленная работа, что связано и с цифровизацией, и с эпидемиологической ситуацией. Дистанционный режим труда имеет ряд преимуществ и недостатков как для работодателя, так и для работника. Основное преимущество законодательно-регламентированной удаленной работы для работодателя — экономия за счет сокращения всех видов издержек, связанных с работающим из дома сотрудником. Основное преимущество для работника — гибкий режим труда при стабильной выплате заработной платы.

Главный недостаток законодательно регламентированной удаленной работы для работодателя — сложность применения профстандартов и координирования деятельности работника. Главный недостаток для работника — необходимость обладать цифровой и финансовой грамотностью.

Развиваются новые формы удаленной работы, трансформирующиеся в направлении повышения гиб-

[1] Профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Анализ заработной платы», «Доходы работников: сущность и регулирование», «Экономика социально-трудовых отношений», «Экономика персонала» и др.

кости и адаптивности к меняющейся социально-экономической среде. Цифровые технологии способствуют расширению границ электронной самозанятости. Данная форма занятости становится все более популярной, несмотря на отсутствие четкой законодательно-правовой базы. По данным Росстата, в марте 2021 года фрилансом в стране были заняты свыше 71 млн человек. При этом самыми распространенными возрастными категориями среди фрилансеров стали две: 18–34 года (68 %) и 35–44 года (18 %) [5]. В перспективе их численность увеличится.

Условиями эффективного сотрудничества фрилансера и потребителя его услуг являются:

— четкое обозначение круга решаемых задач, формы и сроков предоставления результата, размера вознаграждения при соблюдении всех условий договора и изменения размера вознаграждения при их нарушении;

— цифровая и финансовая грамотность, предполагающая наличие доступа к интернет-ресурсам и навыки использования баз данных в социальной и экономической сферах;

— высокий уровень компетентности, предполагающий обладание всесторонними знаниями в какой-либо конкретной области.

Возрастает также доля временных исполнителей, которые могут участвовать в работе на протяжении определенного периода, находясь в любой точке земного шара. Можно назвать следующие положительные последствия этого процесса:

— значительное снижение издержек работодателя за счет уменьшения затрат на аренду помещений, их обслуживание, подбор персонала, наем вспомогательного персонала, а также сокращение потерь времени, затрачиваемого на путь к месту работы;

— повышение производительности и снижение трудоемкости благодаря автоматизации процессов, позволяющей круглосуточно обслуживать клиентов без оплаты дополнительных часов работы;

— внедрение гибкого графика, повышающего мотивацию работников.

У работников появляется все больше самостоятельности, а работодатель имеет все меньше возможностей следить за тем, как его подчиненные выполняют свои обязанности. С целью усиления контроля внедряются такие меры, как наблюдение за сотрудниками при помощи веб-камер, отслеживание движений мышки, количества кликов, мониторинг сайтов, которые посещает работник. Подобные меры негативно влияют на моральное состояние работников. Причиной проблем во взаимодействии руководителя и подчиненных также может стать нестабильное интернет-соединение.

Поскольку сейчас взаимодействие работодателя и работника все чаще связывается с интернет-платформами, дистанционным трудом, фрилансом, считаем целесообразным выделить три основные, на наш взгляд, особенности такого взаимодействия:

— особенность организации трудовой деятельности, обусловленная развитием современных информационных технологий, ориентацией персонала на мультидисциплинарность знаний и навыков, наличие надпредметных профессиональных компетенций;

— особенность оценки результатов трудовой деятельности при нестандартных формах занятости и повышении мобильности персонала;

— особенность социальной защиты работников при дистанционных формах занятости и во время пандемии.

Вертикальные управленческие связи понемногу сменяются горизонтальными, что означает увеличение независимости работника. Это приводит к тому, что руководитель и подчиненные практически становятся партнерами, работодатель все яснее понимает, что именно благодаря ценным кадрам он имеет возможность получить значительную прибыль, поэтому строит с персоналом доверительные отношения. Кроме того, появляется новое мышление, которое отличается от позиции «одна работа — на всю жизнь».

Таким образом, трансформация экономического развития связывается с новым восприятием окружающей действительности. Для выявления особенностей этого процесса считаем целесообразным упомянуть о том, что внутри пятого технологического уклада выделяются этапы, характеризующие особенности трансформационных процессов во взаимосвязи с особенностями развития социума: 1980–2020-е годы — переход от SPOD-world к VUCA-world; с 2020-х годов — переход от VUCA-world к BANI-world. В концепции SPOD мир характеризуется устойчивостью, предсказуемостью, простотой, определенностью. В концепции VUCA — изменчивостью, неопределенностью, сложностью, неоднозначностью. В концепции BANI — хрупкостью, тревожностью, нелинейностью, непостижимостью.

Концепция BANI-world предлагает ориентиры для реагирования на современные события. Непредсказуемость развития ситуации определяет необходимость иначе реагировать на происходящие процессы, чтобы достичь позитивных изменений. В условиях BANI-world управление в экономике в существенной степени ориентировано на интуицию, «трансцензуальное мышление» и сопричастность к проблемам работников. Под трансцензуальным мышлением понимается мышление озарением, позволяющее быстро реагировать, понимая сущность явления и глубоко схватывая его нюансы [2]. При этом реализоваться оно должно в рамках ориентации на искреннее, доброжелательное, дружеское и конструктивное общение. Трансформация экономики выражается в виде перехода от управления регламентируемыми процессами к управлению вероятностными процессами.

Изменения не закончились. Ключевую роль в следующем варианте трансформируемого мира, на наш взгляд, будет играть именно ориентация на интуицию и трансцензуальное мышление.

В современной модели экономического развития эти изменения затрагивают прежде всего законодательную базу, бизнес-сообщества, социум. И все это происходит в условиях развития трансцензуального мышления на всех уровнях взаимодействия, что, на наш взгляд, обусловливает необходимость ориентации на

вероятностно-статистические методы принятия решений. В частности, речь идет об использовании метода нечеткого лингвистического оценивания, вероятностных моделей, социологических и экспертных исследований, дополняемых ориентацией на интуицию.

К причинам трансформации экономических процессов в современных условиях, на наш взгляд, относятся следующие:

— развитие современных информационных технологий;

— ослабление законодательного воздействия на федеральном и региональном уровнях;

— развитие гибкой и дистанционной занятости;

— расширение неформальной занятости.

Последствия этих изменений можно классифицировать как эффекты и риски. К основным эффектам, на наш взгляд, правомерно отнести повышение мобильности персонала и расширение его профессионально-образовательного диапазона; к рискам — снижение социальной защищенности работников, уменьшение степени их профессионализма в конкретной сфере деятельности.

Совокупный эффект трансформации экономических процессов достигается алгебраическим суммированием его значений по всем составляющим. Показатели, рассматриваемые в качестве индикаторов экономического развития, приводятся к сопоставимому виду с помощью метода линейного масштабирования. Полученный совокупный эффект должен сопоставляться с потенциальными рисками, среди которых в целом для экономики необходимо выделить социально-экономические, инфраструктурные, экологические. При оценке потенциальных рисков целесообразно, на наш взгляд, опираться на статистическую базу и использовать результаты социологических исследований.

Таким образом, главной особенностью современного периода экономического развития являются восстановительные процессы, отражающие специфику нового технологического уклада, который характеризуется широкомасштабной цифровизацией различных сфер общественной жизни. Непрерывность социально-экономического развития и преемственность его этапов обусловливают правомерность рассмотрения цифровизации как ключевой причины трансформационных процессов в сфере экономики.

Литература

1. *Каблов, Е.* Шестой технологический уклад / Е. Каблов ; [беседу ведет Б. Руденко]. — Текст : электронный // Наука и жизнь. — 2010. — № 4. — URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/ (дата обращения: 05.02.2022).

2. Лидеры и организации будущего. — Текст : электронный // BITOBE : [сайт]. — URL: https://blog.bitobe.ru/article/lidery-i-organizatsii-budushchego/?ysclid=l24phxiig6 (дата обращения: 05.02.2022).

3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». — Текст : электронный // Правительство России : [официальный сайт]. — URL: http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

4. Российская Федерация. Законы. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204. — Текст : электронный // Президент России : [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1 (дата обращения: 05.02.2022).

5. *Сапожникова, М.* Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России / М. Сапожникова. — Текст : электронный // РБК : [сайт]. — URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35 (дата обращения: 05.02.2022).

6. *Федченко, А. А.* Цифровые технологии в системе организационно-правового регулирования занятости населения / А. А. Федченко, Н. В. Дорохова, Е. С. Дашкова. — Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. — 2021. — № 1 (42). — С. 24–35.

Г. Ф. Фейгин[1]

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ С ЗАПАДА НА ВОСТОК

На современном этапе структура мировой экономики претерпевает значительные изменения. Еще совсем недавно (по крайней мере, до конца 1990-х гг.) доминирующая роль Запада (США и стран Европейского союза) казалась неоспоримой. В 1990-е годы страны Запада имели значительную долю в мировом ВВП (около 45 %). На их территории располагалось подавляющее большинство крупнейших мультинациональных корпораций, контролирующих существенную часть мировых транзакций. С начала 2000-х годов ситуация начала постепенно меняться. В современной социально-экономической литературе зачастую высказывается положение о конце «гегемонии» Запада и становлении многополярного мира. Одной из главных форм проявления этого сложного и противоречивого процесса является перемещение главной движущей силы мировой экономической динамики на Восток, то есть в азиатский регион.

Экономическая динамика стран Азии после Второй мировой войны (особенно за последние три-четыре десятилетия) в значительной мере эмпирически подтверждает концепцию «догоняющего развития», в соответствии с которой развивающиеся страны могут постепенно сокращать отставание от ведущих индустриальных стран, используя собственные конкурентные преимущества (в частности, сравнительно дешевую рабочую силу)[2]. В 1955–1973 годах экономическое чудо

[1] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор около 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Открытая экономика: макроэкономический подход», «Реальный сектор экономики», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Глобализация экономики: перспективы развития национальных хозяйственных систем», «Рынок труда в Германии: исторические основы и современные реалии» (в соавт.), «Тенденции развития рынка труда в странах Европейского союза» (в соавт.) и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] Фундаментальные основы теории догоняющего развития заложены А. Гершенкорном и М. Абрамовицом. Первый рассматривал экономическое развитие Великобритании (как передовой

совершила Япония. Темпы роста в этот период достигали 10–11 %. В качестве причин японского чуда отмечается удачная реализация курса на экспортно-ориентированное развитие экономики при активной протекционистской поддержке отечественных производителей. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что после Второй мировой войны Япония отказалась от восстановления довоенной милитаризованной экономики и начала активно развивать высокотехнологичные отрасли. Значительный вклад в становление экономического чуда внесла уникальная японская модель менеджмента, в которой нашли отражение элементы национальной культуры. В результате Япония стала одной из ведущих стран и крупнейших национальных экономик. В настоящее время экономика Японии регулярно входит в первую десятку в ряде важнейших международных рейтингов (в частности, в рейтинге международной конкурентоспособности).

Далее следует отметить значительный скачок, который совершили новые азиатские индустриальные страны (Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Малайзия). Они демонстрировали значительные темпы роста уже во второй половине 1950-х годов. Еще в 1970-е эти страны существенно отставали от США или стран Западной Европы по ВВП на душу населения. Однако уже в 1990-е ситуация существенно изменилась. В значительной мере высокие темпы экономического роста в азиатских «тиграх» объясняются эффективной реализацией курса на привлечение иностранного капитала. Успехи Японии и новых индустриальных стран привели к возникновению в Азии ведущих по меркам мировых стандартов деловых центров.

Однако в настоящее время, когда притязания азиатского региона так высоки, один из полюсов «мировой гегемонии» связан прежде всего с огромным экономическим прорывом самых населенных стран мира — Китая и Индии. В конце 1970-х годов в западных странах все отчетливее ощущалась потребность в изменении пространственного размещения цепочек создания стоимости. Производство на собственной территории с использованием национальной рабочей силы предполагало сравнительно высокий уровень издержек. Поэтому остро вставал вопрос о необходимости перемещения производства в страны с дешевой рабочей силой. И здесь ключевую роль сыграла экономика Китая. Помимо дешевой и хорошо обучаемой рабочей силы китайская экономика привлекала иностранных инвесторов гигантскими размерами потенциальной емкости рынка, а также определенными логистическими возможностями (особенно в южных регионах страны). Кроме того, с начала 1980-х годов китайское руководство открывало особые экономические зоны, что создавало значительный стимул для иностранных инвесторов. В 2000-е годы Китай наряду с США стал мировым лидером в сфере привлечения прямых иностранных инвестиций. Так, в период с 2001 по 2019 год в рамках прямых иностранных инвестиций в Китай было вложено 3211,7 млрд долларов. Тем самым на территорию Китая были фактически перемещены многие технологические процессы. В дальнейшем китайские компании использовали это обстоятельство и с учетом практически безграничной емкости национального рынка начали активно развивать собственное производство.

Не следует забывать и о том, что после провозглашения Дэном Сяопином принципа «одна страна — две системы» значительные объемы инвестиций в китайскую экономику поступали из Тайваня, Гонконга, а также от зарубежной китайской диаспоры. В результате китайская экономика в 1980–2010-х годах демонстрировала темпы роста около 9–10 %, в 2011–2020-м — около 7 %. В 2020 году ВВП (по ППС) Китая составлял 24,28 трлн долларов, что уже соответствовало уровню крупнейшей экономики мира (США — 20,95 трлн долл.). С учетом высоких темпов роста экономики Китая в 2021 году отрыв от США еще более увеличился. Таким образом, впервые за более чем столетнюю историю появилась национальная экономика, где общий уровень ВВП превышает ВВП США.

Несколько по иному сценарию развивалась в последние десятилетия экономика Индии. Она также имеет ряд характеристик, которые делают ее привлекательной для иностранных инвесторов. К таким факторам, безусловно, относится наличие дешевой рабочей силы. В Индии английский язык имеет статус государственного, что существенно упрощает работу иностранных компаний. Однако до сих пор объемы привлекаемых в страну прямых иностранных инвестиций были существенно ниже по сравнению с Китаем. Это частично объясняется особенностями финансовой и транспортной инфраструктур. С 1991 года Индия взяла курс на либерализацию экономики, но особые экономические зоны изначально создавались не столь интенсивно, как в Китае. При этом в 2014–2019 годах в экономику Индии было привлечено около 330 млрд долларов, что свидетельствует о значительном улучшении инвестиционного климата. Для Индии характерно селективное развитие высокотехнологичных производств. Среднегодовые темпы роста экономики с 1991 года составляют 6–7 % в год. По уровню ВВП (по ППС) экономика Индии уверенно входит в «лидирующую тройку» (в 2020 г. ВВП составил 8,98 трлн долл.).

Таким образом, в азиатском регионе уже сегодня находятся не только некоторые ведущие по уровню жизни населения страны, но и две крупнейшие (первая и третья) экономики мира. Однако высокие темпы роста в азиатском регионе демонстрируют и некоторые другие страны: Бангладеш, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Монголия, Филиппины.

страны), Германии (как умеренно отсталой страны) и России (как сильно отсталой страны). По мнению А. Гершенкорна, индустриализация как форма догоняющего развития зависит от трех факторов: глобальных технологических тенденций, степени экономической отсталости той или иной страны и необходимости отстающей страны конкурировать с лидерами. Чем сильнее страна отстает экономически, тем больше значимость специфических институциональных факторов в преодолении отставания [2]. М. Абрамовиц связывал способность отдельных стран к догоняющему развитию с наличием так называемых социальных возможностей, среди которых выделял технические компетенции (уровень технического образования); опыт в управлении крупными предприятиями; способность финансовых институтов к мобилизации больших объемов финансовых ресурсов; доверие и прозрачность в обществе; стабильность правительства и его эффективность в защите существующих правил и поддержке экономического роста [1].

В каждой стране есть свои специфические причины быстрой экономической динамики. Среди таких причин удачное (в контексте логистических возможностей) географическое расположение, богатейший минерально-сырьевой потенциал. Большой вклад вносят и международные инвестиционные проекты. Так, в последние годы уровень заработной платы в Китае значительно повысился. Китай уже так не привлекает иностранных инвесторов дешевизной рабочей силы, как это было еще 10 лет назад. Поэтому иностранные компании активно перемещают производство в другие страны азиатского региона (в частности, в Бангладеш и Вьетнам).

Трансграничные инвестиционные проекты осуществляются и в рамках региональной интеграции (в частности, в рамках АСЕАН). Также экономический рост в значительной мере обусловлен ростом объемов международной торговли, значительная часть которой осуществляется внутри азиатского региона. Тем самым азиатские страны в значительной мере взаимообусловливают позитивную экономическую динамику. Некоторые азиатские страны еще достаточно бедны (по ВВП на душу населения). Однако размеры этих экономик (общий объем ВВП) уже в значительной мере сопоставимы с некоторыми странами Запада. Так ВВП Южной Кореи и Индонезии сегодня сопоставим с ВВП Нидерландов, ВВП Сингапура примерно равен ВВП Швеции, ВВП Вьетнама — ВВП Финляндии и т. д.

Таким образом, наметилась очевидная тенденция: страны азиатского региона демонстрируют бурную экономическую динамику и добились значительных успехов в области догоняющего развития. Именно азиатские страны вносят в последние годы наибольший вклад в динамику мирового ВВП. И соответственно доля азиатских стран в мировом ВВП имеет тенденцию к росту, в то время как доля США и стран ЕС постепенно сокращается. Принимая во внимание планируемые и реализуемые проекты («Один пояс — один путь» и «Единый морской путь»), можно с уверенностью полагать, что уже в настоящее время страны азиатского региона представляют собой важный полюс («центр силы»), способный составлять странам Запада серьезную конкуренцию в борьбе за мировую гегемонию. Изменяются геополитические расклады и создаются предпосылки для становления многополярного мира.

Литература

1. *Fagerberg, J.* National Innovation Systems, Capabilities and Economic Development / J. Fagerberg, M. Shrolec. — Текст : непосредственный // Research Policy. — Amsterdam, 2008. — Vol. 37, № 9. — P. 1417–1435.

2. *Shin, J. S.* The East Asian Industrialization in the Gerschenkronian Mirror: Catching-up Strategies and Institutional Transition / J. S. Shin. — Текст : электронный // Department of Economics Working Paper. National University of Singapore. — 2002. — № 0208. — URL: http://www.fas.nus.edu.sg/ecs/pub/wp/wp0208.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

И. Э. Фролов[1]

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: «ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ» ИЛИ НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Попытки анализа многообразия событий и явлений последних трех лет приводят к мысли о том, что мировая экономика в 2019–2022 годах испытывала незнакомый экономистам циклический кризис, усугубленный локдаунами, стандартное посткризисное восстановление, а теперь постепенно вступает в непрогнозируемую эпоху *глобальной системной трансформации*, масштабы и результаты которой не предопределены. Соответственно перед исследователями встают задачи не только эмпирических и аналитических обобщений экономической динамики, но и нового концептуального моделирования, а в перспективе переосмысления ряда привычных теоретических положений, которые будут иначе и более универсально объяснять новообразования. На наш взгляд, такая трансформация мировой экономики и, возможно, всей человеческой цивилизации продлится как минимум несколько десятилетий, прежде чем возникнет новый миропорядок и новая устойчивая конфигурация глобальной экономики. По своим последствиям эти общественные изменения вполне могут быть сопоставимы с модерном (die Moderne) в широком смысле этого слова (как совокупного обозначения исторической эпохи Нового и Новейшего времени до 1930–1940-х гг.) с характерными для него процессами становления и объективации классических форм капиталистических отношений и соответственно процессами капитализации и модернизации социальных практик, культуры, философии и науки. В настоящее время можно зафиксировать лишь некоторые элементы этого становящегося *Нового*. Начало такой трансформации характеризуется следующими признаками:

— процессы последнего этапа глобализации, начавшиеся в 1980-е годы, завершаются *системными дисбалансами* разных звеньев мировой экономики, которые, в частности, порождают хронический дефицит государственных финансов и ускоряют инфляционные процессы;

[1] Руководитель Центра исследования и прогнозирования высоких технологий и зарождающихся рынков Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция экономико-технологического механизма ускоренного развития наукоемкого, высокотехнологичного сектора экономики и ее теоретические основы», «Анализ управления и контроля бюджетными ресурсами в условиях финансово-экономического кризиса: зарубежный опыт и уроки для России» (в соавт.), «Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки» (в соавт.), «Adjusting the Global Economy Innovation Development to the Sluggish Crisis: How Long „Innovation Pause“ Lasts?» и др.

— накопление дисбалансов и взаимных обязательств экономических агентов перерастает в политические претензии, а споры мировых политических акторов, в свою очередь, упираются в неразрешимые противоречия;

— урегулирование противоречий «общего» финансового и геоэкономического пространства с весны 2022 года происходит в форме *межгосударственных конфликтов*.

Ключевой вопрос для России, на который пока можно дать лишь предварительные ответы, заключается в следующем: как в условиях резкого сокращения экономической динамики, *деглобализации*, когда экономика нашей страны вынуждена становиться все более автономной от внешнего мира, в том числе и в технологическом плане, должны будут выглядеть изменения в экономической политике? Необходима широкая дискуссия, не замыкающаяся на привычных узкоспециализированных инструментах анализа.

По данным Международного валютного фонда, с 2010 по 2016 год темпы роста мировой экономики устойчиво снижались (по паритету покупательной способности (ППС): с 5,4 % в 2010 г. до 3,25 % в 2016 г.; по рыночным курсам валют: с 4,18 % в 2010 г. до 2,6 % в 2016 г.). В 2017–2018 годах развитие мировой экономики немного ускорилось (по ППС: 3,7 и 3,6 %, а по рыночным курсам: по 3,2 % в оба года). Темпы мировой торговли замедлились с 5,1 % в 2011 году до 1,6 % в 2016 году. Получается, что в 2011–2016 годах глобальная экономика никак не могла вырваться из ловушки низких темпов роста (то есть де-факто стагнировала) и только в 2017–2018 годах появилась надежда на новый цикличный рост. Однако она *не оправдалась*. Уже с конца 2018 года опять началось замедление мировой экономики. В 2019 году темпы роста мировой экономики по ППС упали до 2,9 %, мировой торговли — до –0,1 %, а с осени этого года начали проявляться признаки нового финансово-экономического кризиса, включая снижение с сентября промышленного производства в США [8]. Падение мировой экономики и торговли, вызванное массовыми искусственными локдаунами, и посткризисный откат (в 2020 г. мировая экономика снизилась на 3,1 %, мировая торговля — на 5,2 %, посткризисное увеличение в 2021 г. составило соответственно 6,1 и 11,0 %) [10] не могут рассматриваться как начало устойчивого роста, тем более что дисбалансы, связанные с ускорением инфляционных процессов и увеличением долговых обязательств, уже в первом квартале 2022 года снова показывают приближение кризисных явлений. Несостоявшийся выход мировой экономики на траекторию развития, предшествовавшую финансово-экономическому кризису 2007–2009 годов, получил название «новая нормальность» (New Normal) [6]. Более того, мировую экономику, по прогнозу профессора экономики Нью-Йоркского университета Н. Рубини, давно ждет «идеальный шторм» (perfect storm), который будет вызван интеграцией множества негативных факторов: замедления темпов экономического роста и одновременного ускорения инфляции, «схлопывания» гигантских «пузырей» на мировых фондовых рынках, разрыва глобальных технологических цепочек т. п. Заметим, однако, что Н. Рубини многократно предсказывал кризис, причем согласно первым его прогнозам коллапс фондовых рынков должен был начаться в КНР еще в 2013 году [9]. После нескольких попыток очередной прогноз все же почти сбылся [2]. Предсказывали ли современный мировой финансово-экономический кризис российские ученые? Этот вопрос требует отдельного исследования, но можно отметить два противоположных мнения.

Первое основано на традиционных макроэкономических моделях: «Что можно сказать о вероятности наступления кризиса в ближайшие годы (на горизонте до 2021 г.)? <…> в краткосрочной перспективе *нет оснований предрекать циклический кризис* [1, с. 42]. По прогнозам ИМЭМО РАН, в настоящее время *нет оснований* ожидать *значительного замедления роста* развитых экономик, а развивающиеся рынки уже в 2019 г. могут выйти на темпы роста порядка 5,0 %. В последующие годы можно ожидать относительного ускорения роста экономически развитых государств» (Выделено мною. — *И. Ф.*) [Там же, с. 39].

Второе мнение основывается на гипотезе, что в настоящее время мировая экономика находится на этапе глобальной системной трансформации, которая *не сводится к кризисным явлениям*, а включает становление не только новых типов капитала и новых типов модернизаций, но и новых типов богатств [4; 7]. Прогноз автора в марте 2019 года заключался в следующем: «…к концу 2019 года (возможно, к началу 2020-го) сложатся все ключевые предпосылки нового глобального финансово-экономического кризиса. Динамика новых кризисных явлений (2020 г. и далее) будет иной <…> кризис будет более глубоким и длительным» [3, с. 545].

Как продемонстрировали события 2020–2021 годов и зимы-весны 2022 года, реальность оказалась многообразнее, а природа нынешнего этапа развития глобальной экономики — сложнее.

Для оценки качественных аспектов экономической динамики потребуется заново концептуализировать категорию «богатство», используя исследовательские программы К. Маркса, Д. Лукача, П. Бурдьё, Б. Латура, а также фундаментальные выводы истории экономики и исторической макросоциологии. В таком понимании глобальная экономика представляет собой сложный, гетерогенный синтез различных типов объективаций — локальных хозяйств, собственно экономики (как нового уровня взаимодействия над хозяйствами, обеспечивающего единство общественного производства товаров и услуг и соответственно воспроизводства стоимости), а также финансового сектора и сферы финансовых активов. Этот синтез динамичен, экономические объективации разных уровней существуют на разных уровнях социума. Географическая локализация экономик конституирует воспроизводство пирамиды отношений «развитые экономики — полупериферия — периферия», в которой распределение стоимостей между уровнями неэквивалентно. Значит, богатство представляет собой *сверхценность*, которая *не потребляется* и связана с властью (обеспечивает легитимацию *статуса* человека в социуме), а также с воспроизводством раз-

ных социальных иерархий (является условием смены уровня потребления хозяйствующего субъекта и продвижения его «вверх» по иерархии с кратным превышением обычной нормы потребления). В рамках нормального устойчивого развития расширенное воспроизводство стоимости (экономическая динамика) *ограничено* приростами легитимизированного богатства. Более быстрая, чем приросты стоимости, динамика накопления богатства приводит к возникновению *диспропорций* и в итоге провоцирует кризис. Во время кризиса экономическое богатство *насильственно обесценивается* (переходит из статуса сверхценности в статус ценности (капитал), которую можно обесценить, то есть использовать в производстве или потреблении и т. д.). Это не только приводит к абсолютному сокращению богатства, но и к *падению товарного производства*, которое через определенное время приостанавливается за счет обратной реакции — неоднородного увеличения производительного потребления локальных хозяйств, в частности за счет скупки средств производства выжившими предприятиями при банкротствах фирм и покупки домашними хозяйствами на распродажах запасов потребительской продукции по сверхнизким ценам [5, с. 80–81].

Можно предположить, что сейчас происходит *становление* нового типа богатства на основе расширенного воспроизводства *финансовых активов* [Там же, с. 81], в том числе и в цифровой форме. «Замораживание» США и их союзниками валютных активов Банка России — это акт насильственного обесценения национального богатства России, направленного на сокращение совокупного мирового богатства, что является логичным следствием разворачивающегося мирового кризиса.

Литература

1. *Афонцев, С.* Новые тенденции в развитии мировой экономики / С. Афонцев. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 5. — С. 36–46.

2. *Загорский, А.* Глобальной экономике предрекли «идеальный шторм / А. Загорский. — Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. — 2018, 21 сент. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/3749885 (дата обращения: 03.05.2022).

3. *Фролов, И. Э.* Дестабилизация устойчивого развития глобальной экономики как следствие ее трансформации: вызовы для России / И. Э. Фролов — Текст : электронный // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — С. 544–546. — URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/FrolovIE_sec3_rus_300419.pdf (дата обращения: 03.05.2022).

4. *Фролов, И. Э.* Историческая реконструкция возникновения денег и рынка и их теоретико-систематическое описание как экономических объективаций / И. Э. Фролов. — Текст : электронный // История мировой экономики : [сборник статей]. — Москва : ИЭ РАН, 2017. — Вып. 6. — С. 75–126. — URL: https://ecfor.ru/publication/istoricheskaya-rekonstruktsiya-vozniknoveniya-deneg-i-rynka/ (дата обращения: 03.05.2022).

5. *Фролов, И. Э.* Соотношение иерархий власти, накопления богатства и экономической динамики: методологические и предметные аспекты / И. Э. Фролов. — Текст : непосредственный // Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост : сборник тезисов докладов участников XIII Международного симпозиума по эволюционной экономике / ответственный редактор В. И. Маевский. — Москва : ИЭ РАН, 2019. — С. 80–81.

6. *El-Erian, M.* Navigating the new normal in industrial countries / M. El-Erian. — Текст : электронный // International Monetary Fund : [сайт]. — URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010 (дата обращения: 03.05.2022).

7. *Frolov, I. E.* Adjusting the Global Economy Innovation Development to the Sluggish Crisis: How Long «Innovation Pause» Lasts? / I. E. Frolov. — Текст : электронный // Economy & Business. — 2016. — Vol. 10. — P. 424–439. — URL: https://www.scientific-publications.net/en/article/1001254/ (дата обращения: 03.05.2022).

8. Industrial Production and Capacity Utilization — G.17. — Текст : электронный // Board of Governors of the Federal Reserve System : [сайт]. — URL: https://www.federalreserve.gov/releases/g17/current/default.htm (дата обращения: 03.05.2022).

9. *Sharmim, A.* Roubini Says «Perfect Storm» May Threaten Global Economy. — Текст : электронный // Bloomberg : [сайт]. — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-06-11/china-economy-at-risk-of-hard-landing-after-2013-nouriel-roubini-says (дата обращения: 03.05.2022).

10. World Economic Outlook Databases. — Текст : электронный // International Monetary Fund : [сайт]. — URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx (дата обращения: 03.05.2022).

М. М. Хайкин[1],
А. А. Лапинскас[2]

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Национальная экономика находится на перепутье. На фоне официально заявленных ее целей и стратегий развития в мировом хозяйстве наметились новые тенденции как следствия происходящих в мире и отдельных странах событий, существующих вне хозяйственной жизни, но прямо или опосредованно влияющих на состояние и развитие мировой и национальных экономических систем.

Экономика — это часть глобальной культуры[3]. И в этом смысле развитие экономических систем есть составляющая цивилизационного развития. А это означает, что, с одной стороны, любые изменения в процессах цивилизационного развития не могут не влиять на содержание и характеристики экономических систем, а с другой — экономика не может развиваться автономно, вне политики, идеологии, культуры, социальной сферы.

Экономические цели, приоритеты и направления, таким образом, всегда должны быть «встроены» в цели, приоритеты и направления общественного развития, органично «вписываться» в них и учитывать базисные ценности современной цивилизации.

Новые вызовы обнажили все обостряющиеся противоречия цивилизаций западного и незападного типа. При этом ценности общественного развития все больше подменяются интересами, главным образом экономическими. Экономика становится главенствующей составляющей глобальной культуры. К существующим экономическим интересам западной и незападной цивилизаций все отчетливее начинают адаптироваться идеология, политика, культура. В результате экономика становится целью общественного развития, и, как следствие, «неэкономические» составляющие этого развития все активнее обеспечивают функционирование и развитие экономики.

В настоящее время особенно остро назрела необходимость четкого понимания места и роли экономики в цивилизационном развитии. Экономика не должна и не может быть целью этого развития. Она должна быть средством развития нашей жизни, обеспечивая улучшение ее количественных и качественных характеристик.

В то же время противостояние западной и незападной цивилизаций, углубление и обострение противоречий между ними в практическом плане проявляется в экономике, в борьбе экономических систем западного и незападного типа. Это обстоятельство подчеркивает особые место и роль экономики в общественном устройстве и развитии.

В существующих современных реалиях так называемые западные ценности уже несколько десятилетий пытаются вытеснить «незападную» модель общественного устройства. Известным фактом является то, что в условиях глобализации и интеграции мирового хозяйства в каждой стране происходит неминуемое ослабление границ между национальным и интернациональным. В то же время сохранение базовых ценностей, недопущение подмены их экономическими интересами при сохранении национальной идентичности — необходимые условия развития любого государства, сохранения его дееспособности и самодостаточности. И в этом смысле национальные интересы всегда должны быть незыблемыми и приоритетными для каждой страны. Их недопустимо достигать за счет наступления на интересы других стран.

События последнего времени, противостояние с западным миром известным образом ориентируют нас на независимость, самодостаточность. Но следует особо подчеркнуть, что в мировом хозяйстве нет и объективно не может быть абсолютной независимости какой бы то ни было страны: всегда будет существовать международное разделение труда и действовать экономический закон сравнительных преимуществ с учетом конкретной специализации той или иной страны[4]. В этих условиях и с учетом новых геополитических реалий разрушаются прежние внешнеэкономические связи и создаются новые экономические союзы в мировом хозяйстве.

«Проводимая экономическая политика в России с конца прошлого столетия по настоящее время учитывает основные положения теоретической экономики. Проблема заключается в другом. Постулаты рыночной экономики при реализации „шоковой терапии“ ставились „во главу угла“, особенно в первое десятилетие проводимых рыночных преобразований. При этом абсолютно не учитывались: ресурсно-сырьевая специализация национальной экономики, ее секторальные,

---

[1] Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Конкурентоспособность ресурсоориентированных экономических систем» (в соавт.), «Service Capital as a Condition for the Sustainable Development of Society» (в соавт.), «Евразийская политическая экономия — научная основа развития экономики евразийства», «Issues for development of economic system for subsurface resource management in Russia through lens of economic process servitization» (в соавт.), «Эффективность использования запасов угольных месторождений Монголии на основе концепции ценности» (в соавт.) и др.

[2] Профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук. Автор 146 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Типы и особенности функционирования экономических систем», «Роль государственной политики в условиях формирования единого цифрового пространства» (в соавт.) и др.; статей: «Основные положения программы „Цифровая экономика РФ“ и перспективы ее реализации» (в соавт.), «Modern specificity of corporate relations on the example of vertical-integrated company», «Responsible resource wealth management in ensuring inclusive growth» (в соавт.), «Resource regions as an initial base for transformation of the Russian commodity-based rental economy model» (в соавт.) и др.

[3] *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. СПб. : СПбГУП, 2018.

[4] *Киреев А. П.* Международная экономика. Ч. 1 : Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. М. : Междунар. отношения, 1997.

региональные, отраслевые особенности, социокультурные и ментальные условия и факторы развития <…> „Западная“ и „незападная“ экономики имеют отличительные признаки <…> Это инициирует сосуществование „западной“ и „незападной“ экономической теории»[1].

Эти отличия выражаются в следующем.

1. В западной экономике доминируют рыночные механизмы с элементами нерыночных, в незападной экономике доминируют нерыночные механизмы с элементами рыночных.

2. В западной экономике предметом политической экономии является поведение человека, социума в условиях недостаточности ресурсов для удовлетворения потребностей. В незападной экономике предмет политической экономии — это производственные отношения в обществе, необходимые для жизни человека.

3. В западной экономике личный интерес всегда выступает главным мотивом поведения человека, социума, в незападной же экономике на ведущих позициях оказываются общественные интересы.

4. Западный тип человека ориентирован на то, что интересами общественного всегда можно пожертвовать ради интересов индивидуума. В незападной экономике момент всеобщего доминирует над моментом единичного.

5. В западной экономике природный фактор играет меньшую роль, чем другие факторы производства. В незападной экономике природный фактор играет очень большую роль в производстве благ.

6. Если вся западная экономика построена на принципе полезности — на субъективных оценках экономической реальности, то в незападной экономике процесс принятия хозяйственных решений ориентирован на действие экономических законов — всеобщих и специфических.

7. Хозяйственная конъюнктура такова, что в западной экономике предложение систематически опережает спрос. В незападной экономике спрос материальных и нематериальных благ может существенно опережать их предложение.

8. Имеются различия и в возможностях экономического роста. Если для западной экономики характерны более низкие темпы экономического роста в результате действия рыночного механизма, то для незападной — более высокие темпы экономического роста в результате действия отношений планомерности.

9. Различия в соотношениях действий принципов свободы и справедливости: в западной экономике преобладают свободы над справедливостью, в незападной — справедливость над свободой.

10. Потенциал западной экономики устойчиво снижается, потенциал незападной устойчиво растет.

11. Имеются существенные отличительные различия и в соотношении материального и духовного. В западной экономике преобладает материальная составляющая, духовной же отводится второй план. Для незападной экономики принципиально единство духовного и материального начал, при этом духовное может превалировать над материальным. Это, в свою очередь, является следствием того, что неформальные институты, под влиянием которых функционируют и развиваются экономические системы, разные в западной и незападной экономиках. В модели западного типа идеи рационализма и прагматизма занимают главенствующее место, в модели незападного типа в принятии решений и системах управления приоритетное положение занимают чувства и эмоции, симпатии и антипатии[2].

В то же время есть общее в западной и незападной экономиках. Оно заключается в отсутствии учета неформальных законов информации, природы и социума в качестве ключевых критериев-категорий, управляющих всеми социально-экономическими процессами, что, к сожалению, способствует наступлению так называемых цивилизационных разломов[3].

Под влиянием современных социокультурных тенденций меняется в целом жизнь человека как биосоциокультурного существа. Меняется, таким образом, и весь социум. Эти изменения касаются и хозяйственной жизни человека и общества, которые носят сложный и часто противоречивый характер. Они приводят не только к положительным, но и к отрицательным последствиям.

Вся экономическая идеология современного общества во главу угла ставит максимизацию коммерческого результата в качестве своей главной целевой установки. Главной же ценностью на земле является сам человек со всеми присущими ему способностями и целевыми ориентирами развития.

Современная экономика — это доходная экономика. Максимизация дохода должна стать средством, а не целью функционирования экономических систем: средством для гармоничного эко-социо-экономического развития. Именно на это должна быть нацелена вся идеология государства и субъектов хозяйствования и именно поэтому экономическая политика должна трансформироваться в принципиально иное качество, заключающее в себе базисные ценности. Отступление от них, их игнорирование оборачиваются ярко выраженными цивилизационными разломами, просто «перепрыгнуть» которые оказывается невозможно. Это является основанием кардинального пересмотра большинства общественных институтов — формальных и неформальных. Нужна базисная идеология общественного развития, при которой экономика должна быть средством ее реализации.

Рыночная экономика объективно имеет не только положительные, но и отрицательные свойства, причем все положительное рыночной модели хозяйствования есть результат действия конкурентных сил на ресурсных и продуктовых рынках. К сожалению, существующие тенденции изменения хозяйственной жизни, как в мире, так и в России, свидетельствуют об ослаблении конкуренции и, как следствие, об усилении отрицательной составляющей в процессах функционирования и развития экономических систем.

[1] *Хайкин М. М.* Евразийская политическая экономия — научная основа развития экономики евразийства // Проблемы современной экономики. 2021. № 3 (79). С. 10–12.

[2] *Талер Р.* Новая поведенческая экономика. М. : Бомбора, 2021.

[3] *Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

В то же время в условиях цифровой экономики появляются в прошлом неизвестные технологии управления сознанием человека и общества. Эти технологии создают возможности усиливать не только положительные воздействия на людей — их мировоззрение, ценностные предпочтения, жизненные приоритеты, но и крайне негативные, более того, формировать их. Последние игнорируют или вовсе отрицают вечные ценности — истину, добро, справедливость, красоту.

Вследствие этого наше общественное сознание медленно, но устойчиво адаптируется к интересам финансового капитала. Оно все меньше привержено критическому анализу реальной действительности, критическому осмыслению сущностных, базовых ценностей цивилизационного развития. В таких условиях создается реальная опасность провозглашения ложных ценностей, выбора изначально ложного представления о предназначении человека, его развитии, жизненных приоритетах. Все это, несомненно, не может не затрагивать аспекты нравственности (нравственной экономики), культуры (экономической культуры), устойчивого общественного развития.

В этих условиях экономический рост становится главным образом целью общественного развития, а не средством развития человека. Безусловно, без экономического роста, на который делает акцент существующая стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, невозможно решить жизненно необходимые задачи общественного развития. Правительство Российской Федерации принимает положительные решения при выделении средств на развитие социальной сферы — области расширенного воспроизводства человека. В этом смысле экономика страны все больше становится социально ориентированной. Однако существующие рыночные реалии таковы, что социально-экономическая система успешно работает на интересы функционирующего олигархического капитала, для которого финансиализация — главные цель и средство социокультурной динамики.

Развитие человека, рост человеческого потенциала и капитала, как индивидуального, так и общественного, обеспечиваются способностями человека создавать материальные и нематериальные блага и, таким образом, управлять процессами производства, а не потребления. Именно поэтому мы считаем не только ложным в экономической науке, но и недопустимым в экономической политике делать потребление приоритетной целью общественного производства.

И. Г. Хангельдиева[1]

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ — СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Не дай вам бог жить в эпоху перемен.

Конфуций

Уйдя из точки «А», там поезд на равнине
Стремится в точку «Б». Которой нет в помине.

И. Бродский. Пятая годовщина

В последние два десятилетия мир наблюдает за уникальным событием — переходом на основе 4-й научно-технической революции к новому типу цивилизации. Цифровизация стала всепроникающей. Она развивается неслыханными темпами, постоянно наращивая ускорение.

В результате человечество за короткое время прошло две принципиальные трансформации: от SPOD-мира к VUCA-миру[2] и от него к BANI. Общество получило новую реальность, которую не смогло воспринимать как «новую нормальность». Мир в концепции SPOD характеризовался устойчивостью, предсказуемостью, простотой и определенностью. В этом мире жизненные и профессиональные стратегии строились, как правило, раз и навсегда. Люди ориентировались на длительную перспективу и вертикальную карьеру [1].

Однако с вхождением в информационную парадигму развития SPOD-мир сменился VUCA-миром, который кардинальным образом отличается от первого. Человечество ступило на очень зыбкую почву, вошло в эпоху нестабильности, неопределенности, сложности и непредсказуемости. Оно попало, как Алиса Л. Кэрролла, в новые и неизведанные обстоятельства. Мир взорвали «черные лебеди» Н. Талеба [6], и к концу тысячелетия проявления всех составляющих VUCA-мира стали очевидными.

[1] Профессор кафедры управления образовательными системами МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 250 научных и учебных изданий, в т. ч.: «Арт 2В & В2 Арт, или О том, что такое арт-рынок и как он работает» (в соавт.), «Управление культурой и современными коммуникациями: предпринимательство в культуре» (в соавт.), «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании», «Теория культуры» и «Теория искусства» (в соавт.) и др.; статей: «Образование: основные вызовы современности», «От синестезии к современным формам художественного синтеза», «Предпринимательство в культуре: российская версия», «Международное партнерство в исполнительских искусствах» и др. Член редколлегий журналов «Медиамузыка», «Ученый совет», «Наследие веков». Почетный доктор Международного университета в Москве. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

[2] Данная концепция предложена американскими исследователями Дж. Стэмп и Э. Жаком в период их работы с армией США (конец 1980-х). Она стала использоваться в работе Военного колледжа армии США, в 1990-х годах распространилась среди руководства армии, в 2000-х перекочевала в теорию бизнес-стратегий, а затем и в практику лидеров бизнеса.

В этих новых условиях возникла картина мира, перевернувшая мировоззрение человека. Это отразилось на образовании, которое до последнего времени было одним из самых важных и продуктивных инструментов построения картины мира, а также ее объяснения и фиксирования в духовных ценностях, взглядах и системах. Изменились фундаментальные представления о том, что такое реальность и как она соотносится с виртуальностью. Прежние жизненные и профессиональные стратегии человека разбились о невероятный темп трансформаций: горизонт планирования значительно сократился. Не успело человечество адаптироваться к этим реалиям и превратить их в «новую нормальность», его накрыло очередным цунами — началась пандемия коронавируса. Именно она во многом послужила фактором, который заставил человечество еще раз переосмыслить особенности изменений.

В статье «Встреча с эпохой хаоса» футуролог Ж. Касио пишет: «Мы живем в эпоху хаоса, в эпоху интенсивного, почти насильственного отказа от структуры. Это не просто нестабильность, это реальность, которая, кажется, активно сопротивляется попыткам понять, что, черт возьми, происходит. Текущий момент политического хаоса, климатических катастроф, глобальной пандемии и многого другого ярко демонстрирует потребность в способе осмысления мира, потребность в новом методе или инструменте, позволяющем увидеть формы, которые принимает эта эпоха хаоса» [8]. Автор статьи вводит в научный оборот определение мира-хаоса. Он назвал его BANI-миром. BANI — это англоязычная аббревиатура, объединяющая четыре новые характеристики реальности: хрупкая (brittle), тревожная (anxious), нелинейная (nonlinear) и непостижимая (incomprehensible). Если такие характеристики, как хрупкость и тревожность, относительно понятны, то нелинейность и непостижимость требуют пояснений. Нелинейность — это математический термин, позднее переосмысленный в философии. Нелинейность — многовекторная множественность: «множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями» [4]. В философско-мировоззренческом аспекте смысл нелинейности заключается в многовариантности, альтернативности путей развития, идее выбора из данных альтернатив. Что касается непостижимости, то Ж. Касио характеризует ее как происходящее, которое «не просто двусмысленно», а откровенно непонятно.

В подобной ситуации человек должен жить, учиться, работать, заниматься творчеством. Непостижимость создает «эффект информационной перегрузки»: человеческое сознание не способно обработать неограниченный поток информации, которая не дает ответов на самые актуальные вопросы, необходимых для понимания не только текущего момента, но и будущего.

Все системы жизнедеятельности человеческого общества попали в ситуацию цивилизационного слома и перехода на новый уровень или тип существования. Это касается и образования, которое представляет собой институт, призванный решать вопросы развития будущего. Не случайно Э. Тоффлер в книге, пророчески названной «Футорошок», писал, что *образование — лекарство от перемен*. Однако университеты мира прошли достаточно долгую историю развития (некоторым из них уже более 700 лет). Их модели претерпели не одну трансформацию, и из институции, передающей знания, они превратились в научно-исследовательские, а затем в инновационно-предпринимательские и биоцифровые центры. Сегодня рядом с геномом в полный рост встала цифра, и их тесное взаимодействие грозит человечеству тремя сценариями будущего [7] — консервативным, радикальным и апокалиптическим. Становится реальностью смарт-общество, или общество 5.0. Первые два типа университетов были проектами культуры, инновационно-предпринимательские и цифровые университеты стали интерпретироваться в соответствии с матрицей бизнес-проектов. Однако вспомним знаменитую триаду Гегеля, универсальность которой никто не отменял: тезис–антитезис–синтез.

Возможно, именно сейчас в условиях BANI-мира и всеобщего поворота к экологическому подходу, уже реализуемому в бизнесе, к нему обратится и образование. В этом случае может произойти синтез университета как проекта культуры и бизнес-проекта, в результате чего, вероятно, возникновение очень сложной экосистемы на фундаменте горизонтальных связей.

Передовые компании мира начинают действовать с позиций экоструктурного подхода. Есть такие компании и в России, но в сфере образования подобного опыта все еще очень мало. Важная характеристика экосистемного подхода — использование синергетического эффекта в результате взаимодействия и кооперации входящих в систему элементов. Система строится на природоподобных основах, а ее прототипом выступает естественная экосистема, которая имеет большие внутренние резервы для самосохранения, внушительные механизмы адаптации к внешним воздействиям и характеризуется социально-организационной природой, динамичностью, открытостью, гибкостью, мобильностью, эмерджентностью, вариативностью структуры, где используются горизонтальные взаимодействия, строящиеся по принципу когнитрона. В бизнесе как прагматической среде в соответствии с этим принципом трансформировалось уже много компаний. В России такие компании принадлежат к двум секторам: IT и финансовому («Яндекс», VK, «Сбер», «Тинькофф Банк» и др.).

Что касается образования, то недавно был опубликован доклад «Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования» [9] В этом докладе собраны и проанализированы самые интересные кейсы мира, касающиеся образовательных экосистем. Авторы доклада — эксперты, которые участвовали во множестве знаковых исследований: «Образовательные экосистемы для общественной трансформации» [5], «Навыки будущего: что нужно знать и уметь в новом сложном мире» [3], «Навыки будущего для 2020-х: новая надежда» [2]. В доклад «Образовательные экосистемы: возникающая практика для будущего образования» вошло 40 кейсов. Для мира такая цифра ничтожно мала, но, как говорится, «мал золотник, да дорог». Авторы собрали уникальный материал, осно-

вываясь на глубинных интервью с основателями первых образовательных экосистем.

В докладе «Навыки будущего: что нужно знать и уметь в новом сложном мире» отмечается: «Сейчас образование трансформируется в связную экосистему, в которой будут сосуществовать разнообразные образовательные элементы, от крупных хабов до маленьких центров. Она также может включать онлайн-курсы и форумы, мобильные приложения и устройства, приложения дополненной реальности, массовые игры и множество других образовательных форматов. Новая экосистема будет *возникать эволюционно, не уничтожая существующую*, а вырастая из нее, предлагая существующим институтам новые роли и „экологические ниши“» [3, с. 82].

Образовательная экосистема — это новое слово и в процессах, происходящих в мировом образовании, и в системе управления образованием. Хотя авторы докладов предрекают образовательным экосистемам эволюционный путь развития, в некоторых случаях привычные институциональные формы образования могут подвергнуться определенной ревизии, а часть школ, колледжей, университетов — утратить свои традиционные позиции. Если традиционные институциональные формы образования станут инициаторами создания новых образовательных экосистем, они могут превратиться в так называемые хабы, «новые образовательные Римы», в которые ведут все образовательно-инновационные дороги, позволяющие преодолеть трудности зарождающихся миров. Именно синергия образовательной экосистемы становится максимально притягательной для партнерских связей самого разнообразного характера.

Что касается российской практики, то и у нас есть первые опыты формирования образовательных экосистем. Однако, как правило, инициаторами их создания выступают не институциональные образовательные организации: здесь в авангарде также стоит бизнес, который, как мощный локатор, ловит импульсы инноваций. Такие опыты связаны с развитием творческих пространств. Именно они в виде творческих кластеров или близких к ним по природе структур стали ядрами, вокруг которых начали формироваться образовательные экосистемы. Эти примеры и вошли в упомянутый доклад как первые российские кейсы. Речь, в частности, идет о кластере, который возник на площадке Ленполиграфмаша. Он не является образовательной институцией в полном смысле слова, но его основатели, хорошо понимая, что образовательные программы важны для его развития, создали уникальную образовательную экосистему, которая интегрировала внушительное количество образовательных организаций Санкт-Петербурга разного уровня. Творческий кластер Ленполиграфмаша в России имеет высокую репутацию. Эта экспериментальная площадка уже сегодня дает интересные результаты.

Литература

1. *Азидес, И.* Стили менеджмента — эффективные и неэффективные : [перевод с английского] / И. Азидес. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2009. — 199 с. — Текст : непосредственный.

2. Навыки будущего для 2020-х: Новая Надежда / Н. Грэм, П. Лукша, Ш. Шукла [и др.]. — Текст : электронный // Навыки будущего для 2020-х: Новая Надежда : [сайт]. — URL: https://futureskills2020s.com/ru (дата обращения: 02.06.2022).

3. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко [и др.]. — Текст : электронный // Фонд Росконгресс : [сайт]. — URL: https://roscongress.org/materials/navyki-budushchego-chto-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire/ (дата обращения: 02.06.2022).

4. Нелинейность. — Текст : электронный // Национальная энциклопедическая служба : [сайт]. — URL: https://terme.ru/termin/nelineinost.html (дата обращения: 02.06.2022).

5. Образовательные экосистемы для общественной трансформации / П. Лукша, Д. Кубиста, А. Ласло [и др.] ; перевод с английского Agency for International Cooperation. — Текст : электронный // Образование для сложного общества. — 2018. — С. 10–127. — URL: http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

6. *Талеб, Н. Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. — Москва : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. — 736 с. — Текст : непосредственный.

7. *Харари, Ю. Н.* 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари ; перевод с английского Ю. Гольдберга. — Москва : Синдбад, 2019. — 414 с. — Текст : непосредственный.

8. *Cascio, J.* Facing the Age of Chaos / J. Cascio. — Текст : электронный // Medium : [сайт]. — URL: https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d (дата обращения: 02.06.2022).

9. *Spencer-Keyse, J.* Learning Ecosystems: An Emerging Praxis For The Future Of Education / J. Spencer-Keyse, P. Luksha, J. Cubista. — Текст : электронный // Global Education Futures : [сайт]. — URL: https://learningecosystems2020.globaledufutures.org/ (дата обращения: 02.06.2022).

Е. Г. Хольнова[1]

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Начавшаяся в XXI веке эпоха всеобщей мировой цифровизации в период глобализации экономики затронула не только экономические отношения, но и социальную сферу как на национальном, так и на мировом уровне, что, несомненно, ведет к глобальной трансформации всего общества.

Развитие цифровой трансформации экономики протекает волнообразными процессами, движимыми техническим прогрессом и развитием инноваций. Каждая волна цифровой трансформации экономики влечет за собой определенные экономические и социальные последствия, которые выливаются в соответствующие риски.

Ведущие экономисты отмечают, что во втором десятилетии XXI века активность различных стран в «гонке» по уровню цифровизации экономики нарастает, поскольку она дает потенциальную возможность повысить благосостояние и экономическую безопасность страны[2].

В последнее пятилетие Россия активно проводит политику обеспечения своего цифрового суверенитета, что особенно важно сейчас, когда наша экономика должна оперативно противостоять уже пятой волне финансовых и политических санкций США и Запада. Анализ общественных выступлений и дискуссий показывает, что бóльшая часть экономистов и государственных деятелей воспринимают переход на цифровую экономику как панацею и быстрое решение всех социально-экономических проблем страны. Практически все отмечают необходимость перехода и его позитивные последствия. Мы не будем останавливаться на положительном влиянии цифровой трансформации на социально-экономические процессы страны в условиях глобализации экономики — оно несомненно. Как очевидно и то, что глобальная трансформация экономики страны несет в себе такие же глобальные риски, которые можно рассматривать как общие — для общества, так и частные — для каждого индивидуума. К общим национальным рискам можно отнести следующие:

— возможная угроза монопольного внешнего воздействия на страну, угроза «цифровому суверенитету» и экономической безопасности государства;

— нарушение личной конфиденциальности граждан и возникновение потенциально возможного мониторинга их деятельности;

— сокращение рабочих мест, в первую очередь низко- и среднеквалифицированных, и, как следствие, рост безработицы и социального неравенства, усиление социальной напряженности среди возрастного населения;

— рост операционных и экономических рисков, связанных с усложнением бизнес-моделей и моделей взаимодействия участников этих процессов;

— возможные негативные изменения в уже сложившихся моделях поведения производителей и потребителей;

— риски инсайдерской конкуренции во всех секторах экономики и т. д.

Наибольшая часть споров по цифровой проблематике находит отражение в гуманитарных и социально-экономических исследованиях. Следует осознавать, что цифровая экономика не может быть «лекарством от всех болезней» и ее внедрение несет как позитивные, так и негативные последствия, и в первую очередь в социальной сфере. Цифровизация напрямую влияет на глобальные сдвиги в обществе, такие как национальная культура, общественные ценности и нормы жизни. Можно выделить два основных вектора встраивания цифровых технологий в образы будущего: предельную автоматизацию и предельную глобализацию. Причем в условиях современной для России неопределенности в развитии экономических процессов амплитуда возможных последствий четвертой промышленной революции (цифровизации) может варьироваться от скачка экономического роста до разрушительного падения.

Остановимся более подробно на актуальных проблемах возникновения именно социальных рисков при внедрении и развитии цифровых технологий. Появилось даже определение социального риска как «социального действия, связанного с опасными последствиями цифровой трансформации и требующего учета, контроля и регулирования социальной ситуации»[3]. Причем, в отличие, например, от экономического риска, негативные последствия социального риска, возникающего в процессе цифровизации экономики, имеют масштабные последствия и не поддаются точному прогнозированию. Экономисты, как правило, выделяют два основных социальных риска: риск уменьшения социально-экономической независимости страны путем внешнего давления через механизмы цифровизации (внешний) и риск масштабной безработицы в стране со всеми вытекающими из него социальными по-

[1] Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях», «Необходимость использования новых моделей бизнеса в практике российских коммерческих организаций», «Пути развития национальной экономики в условиях глобализации», «Системные банковские кризисы как неизбежное следствие кризиса глобализации экономики», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» и др. Награждена медалями «100 лет профсоюзам России», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ и др.

[2] *Казачек Н. А., Захарова Е. Ю.* Социальные риски цифровой экономики // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. URL: http://zabvektor.com/wp-content/uploads/120720010734-Kazachek,%20Zaharova.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

[3] *Водяненко О. И.* Детерминанты социальных рисков цифровой экономики // Наука и общество. 2019. № 1. С. 11.

следствиями (внутренний). Но это упрощенный подход к структуре социальных рисков, возникающих или усиливающихся вследствие процессов цифровизации в стране. На наш взгляд, к наиболее часто встречающимся в научной литературе социальным рискам цифровизации можно отнести следующие:

— социальная напряженность, вызванная потерей работы из-за сокращения рабочих мест низко- и среднеквалифицированных работников, развитием искусственного интеллекта, необходимостью смены профессии и переобучения для возрастного населения;

— преобладание на рынке онлайн-услуг, и в первую очередь образования в рамках дистанционного обучения, ведет к снижению ценности и качества человеческого капитала страны, причем сейчас в стране явно не хватает педагогических кадров, способных формировать цифровые компетенции у обучающихся;

— переход розничной торговли, в которой находится большая доля малого бизнеса (самого уязвимого при переходе к цифровой экономике), в интернет-торговлю приводит к росту безработицы на этом рынке и банкротству наименее финансово устойчивых, не способных приобретать и внедрять высокие технологии в своем бизнесе предприятий;

— формирование образа цифрового общества через социальные представления «умный дом», «умная еда», «умная одежда», «умный спорт» и тому подобное, которые не всегда адекватны восприятию конкретного индивидуума;

— снижение личного общения, изменение норм и ценностей общества, образование отдельных субкультур, негативно влияющих на интеллектуальное развитие общества;

— резкое перераспределение доходов и ускорение разрыва между бедными и богатыми, снижение уровня государственной защиты социальных институтов;

— возникновение нового, информационно-цифрового вида социального неравенства как причины развития цифровых технологий;

— развитие интернет-технологий увеличивает долю коммуникаций в социальных сетях, что снижает личное общение, подрывает семейные ценности, меняет характер взаимодействия индивидуумов друг с другом, с организациями и государством, в целом разрушается связь поколений[1].

Одним из серьезных социальных рисков, помимо вышеперечисленных, является то, что процессы цифровизации экономики превращают личность человека в товар, качество которого можно идентифицировать с помощью информационных систем и набора определенных цифровых параметров. Данное положение приводит к очень пугающему выводу, что в скором времени сама сущность человеческой жизни будет просто обесценена и каждый человек будет рассматриваться как управляемый биообъект, для воздействия на который будет достаточно определенного набора персональных данных, хранящихся в глобальных информационных базах данных, доступ к которым будет не так уж и недоступен.

Человеческий разум, в отличие от цифровых технологий, развивающих только искусственный интеллект на основе машинной реализации «бинарного дискретного мышления», включает помимо него еще и «интуитивное непрерывное мышление». Именно это сочетание, когда в разных жизненных ситуациях при возможности использовать два этих мышления и существования альтернативы выбора наиболее оптимального, и создает ценность человеческого капитала, который превалирует над всеми благами и ценностям экономики. Знаковые открытия, как показывает история, были основаны именно на «интуитивном озарении» (закон И. Ньютона, таблица Д. И. Менделеева и т. д.), а цифровые технологии провоцируют человека «думать как машина», то есть приводят к снижению интуитивного мышления, которое в рамках формирования человеческого потенциала надо, наоборот, развивать.

Интересно, что негативное и даже разрушительное влияние цифровизации для общества отмечают не только экономисты и политики, но и религиозные лидеры, например Святейший патриарх Кирилл. Выступая на открытии XXI Всемирного русского народного собора, он отметил: «Мировое сообщество сегодня вплотную подошло к исторической черте, за которой начинается новая эпоха… когда в жизни народов изменится очень многое, главным образом — мировоззрение. Новая эпоха неизбежно наступает в связи с тем, что пределы глобализации достигнуты, начался кризис ее унифицирующих критериев»[2]. Также он утверждал: «Вера в технологию сегодня… тоже своеобразная квазирелигия. Это вера человека в то, что с помощью науки и технологий можно достичь совершенства и бессмертия… Но это невозможно. Потому что источник совершенствования находится внутри человека, а не снаружи. <…> Все это ведет… к разрушению социума и концу истории»[3].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что развитие цифровой экономики в определенном будущем приведет к обесцениванию самой сущности человеческой жизни, поскольку все процессы жизнедеятельности индивида будут систематизированы, выражены через уравнения и адаптированы для цифрового восприятия информации. Эти процессы приведут к переосмыслению приоритетов человеческих ценностей, культуры, творчества, созидания и вряд ли будут способствовать сохранению исторических культурных и национальных ценностей.

Проведенное исследование влияния цифровой трансформации общественного развития на социальные риски в условиях глобализации экономики показало, что количество и уровень социальных рисков возрастают фактически пропорционально развитию цифровой экономики, неся больше отрицательного, чем положительного влияния на социально-экономическое развитие страны, и их последствия нельзя недооцени-

[1] *Хольнова Е. Г.* Актуальные социальные проблемы и риски цифровой экономики // Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития : XIX Всерос. науч.-практ. конф., 8 февраля 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 13–15.

[2] Слово Святейшего патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора. 2017. 1 нояб. // Русская православная церковь : [сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html (дата обращения: 22.04.2022).

[3] Там же.

вать. Причем в России развитие цифровых технологий происходит более ускоренными темпами по сравнению с медленно растущей готовностью и желанием населения их использовать. Этот вывод подтверждают аналитические данные, указывающие, что качество жизни может быть повышено за счет цифровых технологий только на 65 %[1].

Данная противоречивая динамика, несомненно, вызывает тревогу и озабоченность. Поэтому, чтобы улучшить свои глобальные экономические позиции, Россия, несомненно, должна идти по пути цифровизации, понимая, что это не только способствует экономическому развитию страны, но и ведет, как правило, к духовному обнищанию населения, к социальной деградации, что напрямую влияет на человеческий капитал нации и ее культурное развитие. Осознавая это, государство должно подумать о необходимости создания «социального механизма российского иммунитета» ко всем негативным последствиям неизбежного процесса внедрения и развития цифровых технологий, который позволит сформировать «культурную среду цифровой экономики», тем самым обеспечивая социальную стабильность на базе сохранения национального мировоззрения и духовности человека как основного участника этого процесса и, следовательно, человеческого потенциала нации.

Т. В. Чубарова[2]

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Социальное государство довольно давно обсуждается как в теоретической, так и в практической плоскости с точки зрения понимания роли государства в современном обществе, объема и состава тех благ и услуг, которые оно должно или может предоставлять гражданам, и соответственно размера необходимых для этого средств. При этом эффективность традиционных моделей и механизмов государственной социальной политики подвергается сомнению, а сама необходимость существования социального государства оказывается под вопросом. Против него выдвигаются два основных обвинения: в том, что ему не удается достичь некоторых из своих ключевых целей, и в том, что его наличие способствует ухудшению экономических показателей. Отмечается, что социальное государство было сформировано в совершенно иных социально-экономических и политических условиях и не может быть адаптировано к нынешним реалиям.

Однако опыт показывает, что, несмотря на неолиберальную критику и существенные финансовые и институциональные преобразования, социальное государство остается важной силой регулирования социальных отношений и обеспечения социальной поддержки граждан, хотя его задачи и методы их реализации неизбежно меняются. Одна из важнейших задач социального государства тесно связана с экономикой — это развитие человеческого потенциала как условия успеха в экономической и социальной сферах. При этом поддержка оплачиваемой занятости рассматривается как важнейший фактор обеспечения экономической независимости и социального благополучия граждан.

Современные вызовы для социального государства

В настоящее время социальное государство сталкивается с рядом вызовов по нескольким направлениям. Причем если раньше речь шла прежде всего о социально-экономических проблемах, часто обусловленных национальной спецификой и решаемых в ее рамках с учетом использования опыта других стран, то сегодня к ним добавляются глобальные вызовы, как эпидемиологические, так и геополитические, часто находящиеся вне прямого контроля национального государства.

Вызовы, которые необходимо учитывать социальному государству, достаточно широко обсуждаются в научной литературе [1; 2; 4]. Это прежде всего демографические изменения, приводящие к сокращению рабочей силы и старению населения; трансформация рынков труда в условиях цифровизации и формирования зеленой экономики, влекущая за собой, в частности, расширение нестандартных форм занятости; глобализация и связанные с ней новые проблемы, в том числе конкурентоспособности национального человеческого потенциала.

Одна из важнейших проблем — рост социального неравенства и ограничение социальной мобильности. При этом исследователи подчеркивают многоаспектность неравенства, которое проявляется по многим направлениям и пронизывает все сферы жизни общества. В последнее время все чаще заходит речь о размывании среднего класса, который традиционно считается опорой западной демократии и социального государства. Исследования показывают, что хотя в большинстве развитых стран граждане с точки зрения аб-

[1] *Казачек Н. А., Захарова Е. Ю.* Указ. соч.

[2] Заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий «Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство», «От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире» (в соавт. с В. А. Садовничим и Н. С. Григорьевой), «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление» (в соавт. с Н. С. Григорьевой); глав в коллективных монографиях и учебниках; статей в научных журналах: «Система здравоохранения в России: экономические проблемы теории и практики» («Вопросы экономики»), «Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике?» («Общественные науки и современность») и др. Имеет публикации на английском, французском и немецком языках. Член редколлегий 4 научных журналов. Награждена дипломом «Лучший экономист РАН — 2004».

солютных показателей живут лучше, чем их родители (у них выше абсолютные доходы и уровень образования, лучше жилищные условия, они пользуются более качественными услугами), большее значение приобретают относительная мобильность, межпоколенческое и внутрипоколенческое изменение социального статуса. Дети из малообеспеченных семей даже в экономически благополучных западных государствах имеют мало шансов в течение жизни повысить свой социальный статус, и это касается не только доходов, но и уровня образования, качества занимаемого рабочего места, состояния здоровья [8].

Испытанием для социального государства стала пандемия, которая потребовала мобилизовать ресурсы и дополнительно поддержать граждан в непростой социально-экономической ситуации. В России в этом плане основной упор был сделан на поддержку семей с детьми и безработных [7].

В настоящее время изменения в геополитической ситуации, прежде всего введение ограничительных мер экономического характера, ставит на политическую и экономическую повестку дня в России вопросы развития социального государства.

Следует отметить, что в развитых странах, с одной стороны, произошли определенная стабилизация социальных расходов, снижение темпов их прироста, перераспределение их между отдельными направлениями. С другой стороны, ставится задача перехода от перераспределительного, «пассивного» государства к активному, способствующему формированию условий для реализации гражданами своих возможностей, привлечению всех заинтересованных сторон (частный сектор, работодатели, местное сообщество, сами граждане) к решению общих социальных проблем. Это неизбежно ведет к перераспределению индивидуальной и социальной ответственности. Так, возрастание интереса к возможности выбора обусловило использование более рыночно ориентированного подхода, превращение пользователей социальных услуг в потребителей и усиление внимания к частным поставщикам социальных услуг.

В настоящее время развитие социального государства происходит в рамках двух противоречий, формирующихся как на национальном, так и на глобальном уровне. Первое противоречие, *идеологическое*, связано с распространением либеральной идеологии, утверждающей, что государство неэффективно априори. Причем, несмотря на усиливающуюся критику, она по-прежнему остается доминирующим направлением в современной науке. В то же время потребности в социальных услугах не снижаются, возникают новые социальные проблемы и риски, которые требуют, может быть, иных, но коллективных действий на уровне общества: расширяется категория работающих бедных, растет социальное неравенство, блокируется социальная мобильность (особенно в верхних и нижних этажах социальной структуры), углубляется дифференциация и усиливается нестабильность положения среднего класса.

Другое противоречие, *финансово-экономическое*, определяется тем, что государства стремятся снижать налоги для повышения конкурентоспособности экономики, что неизбежно порождает проблему обеспечения ресурсами, необходимыми для реализации социальной политики.

В последнее время, на наш взгляд, стали очевидны риски, которые можно определить как структурные. Они связаны с более фундаментальными проблемами функционирования социальной сферы и ролями различных акторов в решении социальных проблем современного общества. Эти риски явились результатом проводимой современным государством социальной политики, основанной на неолиберальных подходах. Важнейшими из них являются следующие.

1. Достижение предела перераспределения, когда необходимость поиска источников финансирования социальных программ на уровне общества сталкивается с невозможностью дальнейшего объединения ресурсов налогоплательщиков, перераспределения доходов между ними.

2. Усложнение систем организации и соответственно управления в отраслях социальной сферы, неоднозначность оценки ее работы, отсутствие доказательности взаимосвязей между вкладом и результатом. Несмотря на предпринимаемые значительные усилия, административные сложности усиливаются, а проблемы часто не решаются. Более того, в ходе реструктуризации социального государства ограничивается доступ определенных категорий граждан к социальной защите [6].

Указанные выше проблемы неизбежно ставят вопрос о целях и задачах социального государства в современной экономике. На первый взгляд, ответ на него представляется довольно простым — обеспечивать экономическое и социальное благосостояние граждан. При этом широкая социальная повестка дня — обеспечение социального развития, социальной справедливости и баланса, социальной интеграции и социального мира — в принципе никем не оспаривается, однако при конкретных действиях по ее реализации возникают проблемы, так как цели и задачи, а также механизмы их достижения могут существенно различаться.

Традиционно ключевые функции государства в социальной сфере включают поддержание уровня жизни населения, прежде всего обеспечение дохода в случае наступления ряда социальных рисков (несчастный случай, болезнь, инвалидность, безработица, старость, материнство и т. д.), преодоление неравенства и укрепление социальной интеграции, развитие человеческого потенциала, а также обеспечение эффективности использования средств, выделяемых на социальные нужды. Реализация этих целей подразумевает вмешательство в распределение ресурсов для минимизации бедности, снижения социальной уязвимости граждан, обеспечения всеобщего благосостояния.

Процесс перераспределения, который является основой социального государства, включает как минимум две составляющие. Во-первых, это вертикальное перераспределение от тех, у кого больше средств, к тем, у кого их меньше, для приближения к равенству в сфере материального благополучия. Вмешательство

государства касается и вопросов горизонтального перераспределения или перераспределения в течение жизненного цикла. Во-вторых, это обеспечение доступа граждан к услугам социальной сферы, например к образованию и здравоохранению.

Перспективы: устойчивость или трансформация?

Перспективы социального государства в современной ситуации представляются неясными [5]. Сможет ли оно приспособиться к новым вызовам и какие цели будет преследовать? Вполне возможно, что вопрос о судьбе социального государства будет ставиться довольно жестко — уже не о том, сколько тратить ресурсов и на какие социальные программы, а нужно ли оно вообще. В этих условиях, на наш взгляд, возникают две альтернативы дальнейшего существования социального государства.

Обеспечение устойчивости. Пандемия COVID-19 показала важность эффективных систем социальной защиты и социального обеспечения для смягчения экономического и социального удара любого кризиса. Поэтому вполне реальна постановка задачи поддержания социального государства, сохранения его роли в будущем на основе усиления способности функционировать в условиях неопределенности. Необходима перестройка институтов социального государства для решения новых проблем. При этом базовые цели остаются прежними, а именно: социальная защита для всех, сокращение неравенства и инклюзия. Основное направление такой перестройки — формирование системы, которая была бы устойчива к шоковым ситуациям, что подразумевает ее способность такие ситуации абсорбировать и приспосабливаться к новым условиям, при этом извлекая уроки и в дальнейшем видоизменяясь.

Трансформация. В настоящее время ведутся дискуссии о более принципиальных реформах социального государства. Они могут понадобиться, в частности, потому, что возможна ситуация, когда происходящие социально-экономические изменения ослабят широкую общественную поддержку социального государства, которой оно все еще пользуется. Усиление неравенства рисков, их предсказуемость, рост неравенства доходов и богатства, а также связи доходов и социальных рисков могут привести к поляризации отношения граждан к социальным программам и подорвать их универсальную привлекательность. Социально уязвимые граждане, не имеющие работы или занятые низкоквалифицированным трудом при невысокой мобильности, будут противопоставлены тем, у кого остается все меньше стимулов поддерживать обязательное объединение социальных рисков, потому что они могут преодолеть их самостоятельно.

В данных условиях, пожалуй, наиболее обсуждаемым новшеством является введение безусловного базового дохода [3]. Он уравнял бы граждан с точки зрения положения на рынке труда: занятость стала бы необязательной для всех, а не только для тех, кто может себе это позволить в соответствии с личными финансовыми возможностями. По-прежнему сохранится большое неравенство в доходах и богатстве, но базовый доход позволит гражданам, не имеющим ресурсов, идти на риск, который может окупиться и сделать их более мобильными. Доход, выплачиваемый каждому гражданину, также предоставит средства к существованию социально уязвимым слоям населения, которые стигматизируются при получении помощи в рамках программ, основанных на проверке нуждаемости.

Представляется, что судьба социального государства, несмотря на все указанные проблемы, будет решаться в рамках национальных границ, с учетом конкретных культурных, политических и экономических параметров, значимых в каждом конкретном случае. Вместе с тем важно учитывать глобальные тенденции развития общества и опыт других стран. Это обеспечит расширение вариативности тех мер, которые могут быть использованы для решения социальных проблем.

Литература

1. *Антонова, Н. В.* Социальные функции государства: новые векторы развития / Н. В. Антонова, О. Ю. Еремина. — Текст : непосредственный // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 89–102.

2. *Разумова Т. О.* Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии / Т. О. Разумова, Е. С. Садовая, Т. В. Чубарова. — Текст : непосредственный // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2020. —№ 3. — С. 24–34.

3. *Садовая, Е. С.* Концепция и реализация идеи безусловного базового дохода в контексте трансформации социально-трудовой сферы / Е. С. Садовая. — Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. — 2020. — № 1. — С. 59–72.

4. *Соболева, И. В.* Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели / И. В. Соболева, Т. В. Чубарова. — Текст : непосредственный // Экономическая наука современной России. — 2017. — № 3. — С. 55–70.

5. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общей редакцией Н. И. Лапина. — Санкт-Петербург : Реноме, 2019. — 232 с. — Текст : непосредственный.

6. *Чубарова Т. В.* Структурные социальные риски как последствия социальной политики современного государства / Т. В. Чубарова, Е. Е. Шестакова. — Текст : непосредственный // Вопросы теоретической экономики. — 2018. — № 1. — С. 89–101.

7. *Чубарова, Т. В.* Государственная политика как фактор, влияющий на развитие пандемии COVID-19: выводы для России / Т. В. Чубарова, М. А. Шарова. — Текст : электронный // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 83. — С. 84–107. — URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__83._dekabr_2020_g./chubarova_sharova.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

8. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. — Paris : OECD Publishing, 2018. — 355 p. — URL: https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/broken-elevator-how-to-promote-social-mobility_9789264301085-en#page1 (дата обращения: 02.06.2022). — Текст : электронный.

Н. Ю. Шведова[1]

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА НА ФОНД ОПЛАТЫ ТРУДА КАК ФАКТОР ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В современных реалиях российской экономики, связанных с последствиями COVID-19 и проведением спецоперации на Украине, для национальной экономики как никогда актуален вопрос стимулирования деловой активности бизнеса. Деловая активность многими аналитиками рассматривается как важный и полезный индикатор развития экономики, инструмент, позволяющий проводить диагностику экономических процессов и выявлять проблемы системного характера на разных уровнях управления. Деловая активность, понимаемая в широком смысле как динамичность предпринимательской деятельности, может рассматриваться в данном аспекте применительно к различным уровням хозяйствования, включая конкретные предприятия, отдельные отрасли и регионы, а также экономику страны в целом.

В период цифровой трансформации деловая активность бизнеса серьезным образом будет зависеть не только от поступательного развития бизнес-процессов и роста доходов предпринимателей, но и адекватного развития человеческого капитала и гуманистической составляющей социально-экономического развития общества в целом. С этих позиций деловая активность хозяйствующих субъектов в современной системе рыночных отношений выступает необходимым фактором и катализатором экономического роста страны.

Подход к рассмотрению деловой активности бизнеса как многоуровневой категории позволяет выявить факторы, влияющие на ее формирование на каждом из этих уровней, а также их взаимосвязи и взаимное влияние на конечный результат предпринимательской деятельности и воспроизводственный процесс в целом.

Оценка деловой активности как многоуровневой категории может быть представлена в виде нескольких групп показателей, например:

1) индикаторы деловой активности, к числу которых относятся индексы экономического настроения, рассчитываемые экспертными методами, и их динамика за анализируемый период, в том числе по отдельным секторам экономики;

2) динамика основных показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятий (микроуровень);

3) динамика ВВП страны и индекса его физического объема (макроуровень).

Итоги проведенного ретроспективного анализа показывают, что начиная с 2014 года, когда в отношении России были введены экономические санкции, деловая активность российского бизнеса продолжает находиться на очень низком уровне, о чем свидетельствуют как динамика индекса предпринимательской уверенности, так и динамика индекса физического объема ВВП. Общее падение уровня деловой активности, несмотря на его краткосрочные подъемы в отдельные периоды 2017–2019 годов, происходило в том числе на фоне ухудшения глобальной экономической ситуации, вызванной обострением внешнеполитических разногласий, межстрановых торговых противоречий и торговых войн, разрушающих глобальные цепочки поставок и ранее действующие торговые соглашения.

Главными ограничителями деловой активности российских промышленных предприятий, по данным отечественных и зарубежных аналитических агентств, являются:

— неопределенность экономической обстановки;

— снижение внешнего и внутреннего потребительского спроса;

— недостаток собственных финансовых ресурсов;

— высокий уровень налогообложения.

Введение в марте-апреле 2022 года новых пакетов беспрецедентных по своему масштабу санкций и ограничительных мер в отношении российского бизнеса уже в значительной степени повлияло на экономику страны и снизило предпринимательскую уверенность хозяйствующих субъектов. Так, по оценкам Института статистических исследований и экономики Высшей школы экономики, индекс предпринимательской уверенности (ИПУ) снизился во всех секторах экономики[2], в том числе:

— в добывающей промышленности после высоких значений предыдущих четырех месяцев в диапазоне от +3 до +4 % в марте 2022 года он упал до +1 %, сохранив, таким образом, минимальное положительное значение;

— в обрабатывающей промышленности снижение ИПУ было более интенсивным, в марте индикатор потерял сразу 5 п. п. и составил –3 %, перейдя в зону отрицательных значений.

Такая ситуация свидетельствует о росте негативного напряжения во всех исследуемых производствах, которые транслировали неоднородную, но усилившуюся уязвимость к факторам неопределенности и новым рыночным рискам, определившим переход российских предприятий на низкий уровень рискоустойчивости.

Причем ослабление деловой активности российского бизнеса происходило на фоне начавшегося в 2014 году длительного снижения реальных распола-

[1] Доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Антикризисное управление» (в соавт.), «Финансовое состояние российских предприятий в новых экономических реалиях», «Риски российской экономики в условиях введения экономических санкций», «Диспропорции стоимостной оценки активов как фактор нестабильности финансового рынка», «Состояние и стимулы роста российской экономики в условиях санкций», «Критерии отбора аналогов в оценке вертикально-интегрированных компаний нефтегазового сектора», «Финансовый анализ в оценке бизнеса и его роль в условиях нестабильной бизнес-среды» и др.

[2] Деловой климат в промышленности в марте 2022 года. Апрель 2022 г. М. : НИУ ВШЭ, 2022. URL: https://www.hse.ru/data/2022/04/13/1790588320/Industry_03.2022.pdf.

гаемых доходов населения, которые с учетом принимаемых на сегодняшний день мер денежно-кредитной и бюджетной политики, по прогнозам Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ, снизятся в 2022 году еще на 12 %[1].

Негативную тенденцию снижения реальных располагаемых доходов населения также подтверждает тот факт, что с 2017 года доля оплаты труда наемных работников в структуре ВВП постоянно сокращалась. Если по итогам 2014 года, по данным Росстата, этот показатель составил 47,4 %, то уже к концу 2020 года доля оплаты труда наемных работников в структуре ВВП снизилась до 46,2 %[2], а по итогам 2021 года она достигла 41,1 %[3].

Таким образом, проведенное исследование деловой активности на фоне ухудшающейся экономической и политической ситуации и нарастания внешних вызовов свидетельствует, что основная часть российского бизнеса находится в проблемной зоне.

В настоящее время страховые взносы составляют 30 % от заработной платы работника, если годовая ее величина не превышает установленные Правительством РФ предельные базы для пенсионных взносов и взносов на социальное страхование. Причем предельная величина заработной платы как базы для начисления пенсионных взносов была повышена с 1 млн 465 тыс. рублей в 2021 году до 1 млн 565 тыс. рублей в 2022-м. При средней заработной плате, которая по итогам 2021 года составила 56 545 рублей в месяц, применение льготного механизма исчисления страховых взносов доступно лишь небольшому числу предприятий среднего и крупного бизнеса.

В данном аспекте высокая фискальная нагрузка на бизнес по страховым взносам выступает одним из ключевых деструктивных факторов, сдерживающих предпринимательскую деятельность российских предприятий и их деловую активность.

Деструктивное воздействие высокой фискальной нагрузки по страховым взносам на деловую активность хозяйствующих субъектов и экономику в целом проявляется по следующим направлениям[4]:

— она препятствует росту заработной платы, ограничивает возможности компаний по реализации мероприятий, направленных на стимулирование повышения качества труда и роста его производительности, что в итоге является тормозом, который ограничивает потребительский спрос и тем самым расширение внутреннего потребительского рынка;

— способствует увеличению себестоимости товаров, работ и услуг, ведет к росту цен, что в условиях снижающихся реальных располагаемых доходов населения еще больше сокращает покупательную способность и внутренний спрос;

— порождает тенденцию технического застоя из-за недостатка собственных финансовых ресурсов, столь необходимых для осуществления модернизации промышленного производства, создания новых рабочих мест и инновационной деятельности;

— требует бóльших объемов средств в обороте, что приводит к их отвлечению от использования на цели расширения, создавая дополнительную потребность в оборотных средствах, покрытие которой за счет заемных источников становится проблематичным в силу высоких процентных ставок, предлагаемых сегодня банками по краткосрочным и долгосрочным кредитам;

— негативно воспроизводится в показателях эффективности использования материальных и финансовых ресурсов предприятий, занижая показатели отдачи на собственный и инвестированный капитал;

— искажает структуру затрат в себестоимости продукции, работ и услуг, искусственно завышая долю косвенных затрат в себестоимости;

— стимулирует фальсификацию финансовой отчетности и искажение отчетных данных, способствует выводу доходов в теневую зону;

— ограничивает возможности адаптации бизнеса к негативным факторам внешней среды и рыночным угрозам, что в условиях общего ухудшения экономической ситуации повышает риск утраты платежеспособности и потери финансовой устойчивости.

Проблемы, порождаемые высокой фискальной нагрузкой на труд, приобретают особую актуальность для предприятий и организаций тех секторов экономики, где в силу отраслевой специфики высока доля заработной платы в себестоимости: строительство, сельское хозяйство, информация и связь, здравоохранение и государственное управление[5].

Оказывая негативное влияние на деловую активность бизнеса и экономику в целом, высокая налоговая нагрузка на фонд оплаты труда тем самым отрицательно сказывается и на состоянии социальной сферы, снижает жизненный уровень и качество жизни населения, устойчивость бюджетов домашних хозяйств и их возможности адаптации к новым условиям внешней среды[6].

Сравнивая подходы к налогообложению фонда оплаты труда, применяемые в России и развитых зарубежных странах, можно констатировать, что в нашей стране нагрузка на фонд оплаты труда является одной из самых высоких и составляет 36,1 %. Этот показатель, по данным на конец 2021 года, выше только во Франции (53,5 %), Китае (48 %) и Италии (43,4 %). Но при этом показатели ВВП на душу населения по паритету покупательной способности во Франции и Италии превышают аналогичный показатель по России в 1,7 и 1,5 раза соответственно[7].

---

[1] Институт ВЭБа спрогнозировал влияние санкций на доходы россиян // Ведомости. 2022. 26 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/26/915330-vliyanie-sanktsii.

[2] Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Апрель 2019 г. // Аналитический центр при Правительстве РФ : [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/21979.pdf.

[3] О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2021 году // Росстат : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2418-02-2022.htm.

[4] См. также: *Шведова Н. Ю.* Снижение страховых взносов в контексте деловой активности бизнеса // Архитектура финансов: вызовы новой реальности : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., 22–26 марта 2021 г. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 271–275. URL: https://af.unecon.ru/files/845-arhitektura_2021.pdf.

[5] Российский статистический ежегодник. 2021. С. 338. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf.

[6] *Шведова Н. Ю.* Указ. соч.

[7] Рейтинг стран по ВВП на душу населения // NoNews : [информ. портал]. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-per-capita.

Следует отметить, что правительства ряда стран Организации экономического сотрудничества и развития с 2014 года реализуют политику, направленную на снижение фискальной нагрузки на фонд оплаты труда, устанавливая налоговые преференции с целью как стимулирования некоторых видов деятельности, так и поддержки низкооплачиваемых слоев населения.

Исходя из существующей практики исчисления страховых взносов, снижение налоговой нагрузки на фонд оплаты труда возможно как путем уменьшения предельной базы для их исчисления, так и за счет снижения самих ставок страховых взносов. С одной стороны, это создаст стимулы для роста заработной платы работников, а с другой — позволит получить дополнительный источник инвестиций, необходимый для расширения бизнеса и создания новых рабочих мест.

В условиях глобальных перемен, трансформации рынков сбыта и капитала, сжатия внутреннего и внешнего потребительского спроса, острого дефицита собственных финансовых ресурсов и высоких рисков роста уровня безработицы снижение налога на фонд оплаты труда может дать импульс развитию бизнеса и создать более благоприятные условия для развития экономики и ее перехода к устойчивому росту.

Г. А. Шкиренко[1]

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В настоящее время Россия столкнулась с необходимостью масштабных перемен в дальнейшем социально-экономическом развитии: двухлетний период пандемии, приведший к массовому сокращению населения и снижению количества трудовых мигрантов, нарастание противостояния с развитыми странами Запада, интенсивно вводящими различные экономические санкции, — все это приводит к существенному развороту курса социально-экономических преобразований в стране. Дальнейшее процветание страны всецело зависит от развития экономики самообеспечения, которая возможна только при интенсивном использовании человеческого капитала населения страны. Знания, умения, навыки, способности, таланты, здоровье, культура, отношение к жизни, стране, работе, возможности и способности к труду — все эти характеристики человека составляют его капитал. Именно человеческий капитал выступает основой функционирования и развития государства.

В эпоху глобальных трансформаций базовым приоритетом в достижении максимально высоких темпов сбалансированного экономического роста в долгосрочной перспективе выступает «создание условий и стимулов для развития человеческого капитала»[2]. Это подразумевает интенсивное повышение и использование человеческого капитала и научного потенциала, создание среды, благоприятной для жизни и развития, способствующей реализации активных, творческих, научных, предпринимательских способностей населения, проявляющихся в возможности развития и использования его человеческого капитала.

Человеческий капитал рассматривается как экономическая характеристика и оценка способностей людей, которые могут применяться в трудовой сфере и способствуют росту производительной силы труда. Таким образом, в исследованиях по проблематике человеческого капитала заложен экономический подход к поведению человека при осуществлении им трудовой деятельности.

Однако в современных условиях задачей социально-экономического развития выступает не только извлечение прибыли и максимизация производства, но и другие, социальные и гуманистические цели. Исследователи экономических процессов используют для характеристики современной экономики такие понятия, как «экономика счастья», «зеленая экономика», «ноо-экономика» («ноосферная экономика»), «экономика времени», «экономика гуманизма» и др. Во всех этих подходах акцент делается на усиление гармоничности развития общественного производства и человека, улучшение благосостояния, качества жизни и социального благополучия людей, а труд «должен приносить не только экономическую выгоду, но и удовлетворение самому участнику трудового процесса»[3], содействовать самореализации и раскрытию творческих способностей при доминировании интеллектуальных, творческих видов труда, позитивно воздействующих на качество человеческого капитала.

Сегодня изменяется формат не только трудовой деятельности (труд становится более интеллектуальным, разнообразным, насыщенным, работники становятся все более универсальными, владеющими знаниями не только в своей специализации, но и в смежных областях), но и вообще жизнедеятельность людей — все стороны производственной, общественной, личной жизни тесно переплетаются между собой и порой сложно отделить трудовую, производственную деятельность от досуга или другого времяпрепровож-

[1] Доцент кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Инновационные процессы в трудовой сфере: проблемы и перспективы», «Человеческий капитал: личностно-социальный аспект», «Качество рабочей силы: современные тенденции», «Актуальные проблемы исследования социально-трудовых отношений» (в соавт.) и др. Награждена Почетной грамотой Департамента образования, науки и молодежной политики Воронежской области.

[2] Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728 (дата обращения: 10.05.2022).

[3] *Шкиренко Г. А.* Труд в современной экономике // Инновационные доминанты социальной сферы : материалы ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам социально-трудовых отношений (16 заседание). Воронеж : Воронежский гос. ун-т : Акад. труда и занятости (Воронежское отд-ние), 2016. С. 270–273.

дения. Любая человеческая деятельность может принести пользу обществу — воспитание детей, занятие спортом, организация досуга и тому подобное, так же как и предоставление услуг, производство товаров или выполнение работ, что и нужно использовать для дальнейшего развития страны.

Таким образом, можно утверждать, что рассматривать человеческий капитал только с позиции экономической оценки трудовой деятельности и только в отношении трудовых ресурсов как таковых в современных условиях не верно. Человеческий капитал — это качественная характеристика способностей и возможностей всех людей вне зависимости от их вовлечения в трудовую деятельность, которая способна влиять на все стороны как общественной, так и личной жизнедеятельности, а значит, и на всестороннее развитие государства.

К базовым компонентам, формирующим основу человеческого капитала общества, на наш взгляд, можно отнести капитал здоровья, капитал образования, интеллектуальный капитал и социальный капитал.

Здоровье — основа жизнедеятельности и развития людей. Здоровье человека — это возможность вести долгую полноценную активную жизнь, сохранять и восполнять работоспособность, избегать заболеваний. «Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов»[1]. Для государства здоровье населения — это не только высокий уровень производительности труда, но и демографическое благополучие (физическое воспроизводство здорового населения, увеличение его численности), снижение преждевременной смертности, улучшение социально-культурного уровня развития населения. Именно государство несет ответственность за здоровье своего населения, что требует особо внимательного отношения к развитию системы здравоохранения и разработки мероприятий социальной направленности.

Также формирование и обогащение капитала здоровья зависят от образа жизни человека: ведение здорового образа жизни (отказ от вредных привычек, занятия спортом, здоровое питание, отдых, профилактика заболеваний и т. п.) позволяет продлить трудоспособный, здоровый, активный период жизни человека, замедляет физический износ человеческого капитала. Необходимо повсеместно пропагандировать ответственное и осознанное отношение к собственному здоровью. Во многом капитал здоровья зависит и от организаций: улучшение условий труда, медицинское обслуживание, дополнительное медицинское страхование, организация питания, оплата санаторно-курортного лечения и тому подобное, поэтому нужно стимулировать предприятия инвестировать в капитал здоровья своих работников.

В целом вложения в капитал здоровья приносят не только экономический эффект за счет повышения трудоспособности и продления трудоспособного периода жизни, снижения расходов на лечение, сокращения потерь в производстве за счет снижения заболеваемости трудовых ресурсов и тому подобного, но и определенную социальную отдачу, проявляющуюся в более активной, качественной, комфортной, длительной, разнообразной жизнедеятельности человека.

Современная экономика предстает и как экономика знаний, которая требует использования таких качеств человека, как умение усваивать и обрабатывать информацию, способность овладевать знаниями, генерировать идеи, проявлять интеллектуальную активность. Постоянно изменяющийся мир, усложнение применяемых технологий требуют непрерывного обновления и совершенствования знаний и навыков, поэтому важными являются капитал образования и интеллектуальный капитал, особенно в современных условиях глобальных трансформаций. Знания воздействуют и на мыслительные, и на творческие способности людей, именно образование позволяет человеку приобретать необходимые знания. Образование человека осуществляется на протяжении всей его жизни, начиная с рождения. В процессе образования люди не только получают определенные знания, но и впитывают ценности общества, учатся взаимодействовать, формируют определенные культурные и этические ценности. Поэтому важным является не только профессиональное образование, которое обучает специфике определенной профессии, но и общекультурное, позволяющее формировать мировоззрение, культуру, отношение к обществу, развивать свои способности, поведенческие навыки и пр. Интеллектуальный капитал неразрывно связан с капиталом образования, поскольку позволяет применять на практике полученные знания путем осуществления творческой, изобретательской, инновационной, научной деятельности, управлять информацией, создавать интеллектуальную собственность, нематериальные активы. Такие способности позволяют вести разнообразную повседневную и трудовую жизнь за счет саморазвития и самореализации личности в системе общественных отношений. Наращивание такого капитала приносит отдачу и самому человеку (более интересная работа, насыщенная личная жизнь, бóльшие возможности для развития, доступность разнообразных благ), и обществу в целом (распространение новых идей, технологий, улучшение уровня жизни, социальная стабильность). Для современной России интеллектуальная активность всего населения выступает базой существования и дальнейшего прогресса.

Социальный и культурно-нравственный капитал проявляется в процессе взаимодействия между людьми в различных аспектах жизнедеятельности, базируется на определенных нормах, правилах, принятых стандартах, дающих возможность повысить эффективность этого взаимодействия. От уровня развития социального капитала, от принятых в обществе социальных норм, традиций, правил, от образованности, порядочности, ответственности и умения вести себя в соответствии с принятыми в данном обществе нормами и традициями во многом зависит общественное взаимодействие людей: будет оно созидательным или разрушительным, взаимовыгодным или дискриминационным, в форме сотрудничества или конкуренции, доверительным или контролирующим. Культурно-нравственный

[1] Преамбула Устава ВОЗ. URL: https://www.who.int/ru/about/governance/constitution.

капитал накладывает отпечаток на поведение человека, на образ и стиль его жизни, на его социальные связи, на трудовую активность, на отношение к себе, обществу и своему месту в обществе. Чем более позитивны взаимодействия между людьми, тем легче и эффективнее идет обмен информацией (опытом, знаниями и пр.), тем быстрее осуществляется прогресс человечества, что позитивно отражается на развитии страны.

Таким образом, мы видим, что человеческий капитал — это целый комплекс способностей человека, которые влияют и на его производительность, и на его место в социуме, и на его вовлечение в общественную жизнь, и на развитие не только его самого как личности, но и общества в целом, частью которого каждый индивид является. Поэтому в современной многоаспектной экономике категория «человеческий капитал» применима ко всему населению и является неотъемлемой частью и фактором развития страны.

Во многом развитие человеческого капитала зависит от социально-экономической политики государства. В эпоху глобальных трансформаций необходимо прорывное развитие Российской Федерации, которое может базироваться именно на человеческом капитале нации. Реализация целой серии национальных проектов («Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура», «Наука и университеты», «Производительность труда», «Экология» и др.) как раз и нацелена на развитие человеческого капитала, который приведет к достижению национальных целей развития страны: росту численности населения; повышению продолжительности здоровой и активной жизни; увеличению доходов населения и снижению уровня бедности; повышению качества образования, культуры; развитию способностей, талантов и научных изысканий; гармоничному и социально ответственному развитию личности; принятию духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; росту производительности труда и других, и, как результат, к развитию всех направлений функционирования государства.

Усилия по развитию человеческого капитала в России должны приложить все сообщества страны: и государство, и граждане, и предпринимательские структуры, и различные общественные организации. Развитие человеческого капитала всего населения страны — это определяющий фактор позитивного эволюционного развития страны в современных условиях глобальных перемен.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Д. И. БАЛИБАЛОВА	профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук
В. С. ГЛАЗЬЕВ	стажер автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы», младший научный сотрудник Научного центра евразийской интеграции
Ю. В. ГОЛИУСОВА	ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат социологических наук
Г. А. ГОНЧАРОВ	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
Н. В. ДОРОХОВА	профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Ю. В. ИЛЬИНА	заместитель директора по общим вопросам Института тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова Национальной академии наук Беларуси (Минск)
Ю. Ю. КОРОЛЕВ	профессор кафедры бизнес-администрирования Института бизнеса Белорусского государственного университета (Минск), кандидат экономических наук
А. И. КОТОВ	специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
А. А. ЛАПИНСКАС	профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук
А. МИШАРОВ	студент III курса экономического факультета СПбГУП
Л. А. МИЭРИНЬ	профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Н. Н. НИКУЛИН	профессор кафедры экономики Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. В. ПАВЛОВА	доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук
Э. Э. ПОЛЕТАЕВ	президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алма-Ата, Казахстан), политолог
Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
А. А. ФЕДЧЕНКО	профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП
И. Э. ФРОЛОВ	руководитель Центра исследования и прогнозирования высоких технологий и зарождающихся рынков Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, профессор
Е. Г. ХОЛЬНОВА	заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор

Т. В. ЧУБАРОВА — заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор

Н. Ю. ШВЕДОВА — доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук

Г. А. ШКИРЕНКО — доцент кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, кандидат экономических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Хотел бы сказать несколько слов от имени Оргкомитета XX Международных Лихачевских научных чтений.

Возможно, самое большое разочарование для ученых — когда имеются научные результаты и есть представление, что и как нужно делать, но все делается иначе. Считаю, что наша экономика существенно продвинулась бы вперед, если бы, например, Набиуллину заменили Нигматулиным. На мой взгляд, Центробанк и Министерство экономического развития РФ тормозят развитие экономики в стране. Если бы академик Р. И. Нигматулин был Президентом Российской академии наук, как и присутствующий здесь академик А. Д. Некипелов, который многое сделал для Академии наук в должности вице-президента РАН, то полагаю, что наука получила бы новый импульс для развития. Даже если Центробанк и Минэкономразвития нас не слышат, мы продолжим заниматься исследованиями. Может быть, когда-нибудь руководители структур, отвечающих за экономическое развитие страны, начнут выстраивать экономику России не по американским учебникам для американских техникумов. У нас должна быть другая экономика.

Вчера в рамках Чтений состоялись пленарное заседание «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка» и панельная дискуссия «„Великая шахматная доска“ сегодня и завтра», которые дали пищу для размышлений. Хотелось бы, чтобы то, что прозвучало в ходе этих дискуссий, было осмыслено и прокомментировано сегодня. Необходимо стремиться к диалогичности, потому что возможностей для монолога у нас много, а для диалога — намного меньше.

Заседание секции под названием «Экономика в контексте глобальных перемен» — это не отраслевая конференция по узкой экономической проблематике. Международные Лихачевские научные чтения — масштабное мероприятие, которое давно переросло физические возможности отдельно взятого университета, это междисциплинарная конференция, на которой каждый ученый имеет возможность соотнести материалы своих научных исследований с более широкими размышлениями, с тем, что происходит в смежных областях гуманитарного знания, общественной жизни и, конечно, в стране и мире. Взгляды экономистов чрезвычайно интересны, ведь экономика существует не сама по себе, а как одна из больших подсистем культуры, где все взаимосвязано. Для получения полноценных результатов необходимо осмыслить то, что происходит в экономике, и взгляды экономистов на другие подсистемы культуры. Поэтому прошу выступающих фокусироваться на общей проблематике — экономика в контексте глобальных перемен.

Желаю вам хорошего настроения, яркого общения и успехов в работе!

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Уважаемые участники, мы начинаем заседание секции «Экономика в контексте глобальных перемен» в рамках уже ставших традиционными XX Международных Лихачевских научных чтений. Передаю слово руководителям нашей дискуссии — Роберту Искандеровичу Нигматулину, Александру Дмитриевичу Некипелову и Григорию Феликсовичу Фейгину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемые профессора, доценты, преподаватели, для нас выступление перед студентами — это самое главное. Обращаясь к студентам, хотел бы сказать: если вам легко учиться, значит, вас недостаточно усиленно учат и материал нужно осваивать самостоятельно. Учиться должно быть сложно, тяжело. Молодой возраст следует использовать для интенсивной учебы. Но, конечно, нельзя забывать о жизни, нужно влюбляться и переживать.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Уважаемые участники, тема Лихачевских чтений 2022 года — «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка». Действительно, мы живем в уникальное время, когда получил развитие острый конфликт. На пленарном заседании звучали рассуждения о том, является ли современный острый конфликт глобальным или нет. Настоящий период, наверное, самое острое и противоречивое время за последние десятилетия. Мы мечтаем о будущем и пытаемся понять, каким будет новый миропорядок и какой миропорядок желателен для нас.

У нашей секции более узкая тематика — «Экономика в контексте глобальных перемен», поэтому прошу всех докладчиков не забывать о глобальности и свои доклады, научные и прикладные, представлять в контексте глобальных перемен.

Хочу пожелать всем участникам интересного и плодотворного времяпрепровождения. Студенты смогут услышать здесь точки зрения разных специалистов, с которыми можно соглашаться или нет, но для профессионального развития важно принять их к сведению.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Дорогие коллеги и студенты, считаю, что тематика XX Лихачевских чтений вообще и нашей секции в частности необыкновенно актуальна. Сейчас каждый день публикуются новости, касающиеся введения тех или иных санкций против нашей страны, последствий ранее принятых ограничений и т. д. В этой сфере борьба идет не менее острая, а в некотором смысле, может быть, более фундаментальная, чем на полях сражений, где относительно результата основная часть экспертов близка к единодушию. В сфере, которая является предметом наших рассуждений, пока нет такой ясности, хотя мы верим в возможности российской экономики, которая на первом этапе проявила себя довольно уверенно.

В рамках нашей секции запланирована насыщенная программа, поэтому предлагаю сразу перейти к ее реализации. Слово предоставляется специальному представителю губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития Анатолию Ивановичу Котову.

А. И. КОТОВ: — Сейчас наш город готовится к проведению XXV Петербургского международного экономического форума, где будут обсуждаться актуальные проблемы, возникшие сегодня в глобально меняющемся мире. Символично, что XX Лихачевские чтения проходят в преддверии форума и открывают диалог.

Постоянными величинами остаются духовность, нравственность и культура, и то, что экономическая сессия проходит в рамках Лихаческих чтений, — яркое тому подтверждение. Занимаясь много лет исследованием экономики, убежден, что в ее основе должны лежать нравственность и духовность. Экономика — не абстрактный механизм, позволяющий оперировать макроэкономическими категориями, а реальный инструмент управления нашей жизнью и развитием, принятия решений, которые должны удовлетворять общество.

Мы живем в сложную эпоху, которая выражается в непростых отношениях, сложившихся прежде всего в геополитике. Сегодня каждый день мы получаем информацию, которая в значительной степени направлена против нашей страны, ее выбора и суверенитета. Во главе такой политики стоят Соединенные Штаты Америки.

В настоящее время мы ежедневно наблюдаем введение новых санкций. Но следует сказать, что наша страна постоянно находится под санкциями: так, в 1946 году началась холодная война, выразившаяся в серии санкций. Как ни странно, именно в то время мы создали первый ядерный реактор, атомные электрические станции, запустили первый искусственный спутник Земли, наш космонавт полетел в космос, страна работала и созидала. Мы должны сами строить свою страну, взаимодействовать и брать лучшее из наработанного опыта.

В период Новейшей истории, в 2014 году, когда восторжествовала историческая справедливость и Крым вернулся в состав России, началась новая эпоха санкций. С момента специальной операции Российской Федерации на Украине ведется очень жесткая санкционная политика, вызывающая все новые проблемы. В апреле 2022 года на Россию было наложено около 7 тыс. санкций, сейчас их уже более 11 тыс. По количеству санкций Россия превосходит все страны мира, вместе взятые (включая КНДР и др.). Наши недруги ожидали, что российская экономика рухнет. Но мы выжили, более того, сегодня у нас есть определенные результаты.

Существуют разные виды санкций: секторальные и индивидуальные. Большая часть введенных против России санкций, 70–80 %, относится к индивидуальным. В первую очередь они направлены против тех, у кого за рубежом много счетов и пр. Секторальные санкции нацелены против того, чем Россия богата и обеспечивает весь мир. Сложилась такая ситуация, что введенные Западом санкции по нам ударили меньше, чем по тем, кто их вводил.

Многие эксперты на первом этапе пытались предсказать развитие ситуации и дать свою оценку. В частности, предсказывалось падение ВВП на 10–12 %, сегодня этот показатель составляет 8,5 %. ВВП снижается прежде всего потому, что изменились структура экономики, логистика и все, что с этим связано. Для этого обязательно нужно менять факторы, которые привели к снижению.

Был предсказан рост числа безработных. В настоящее время уровень безработицы в России равен 8,5 %. В Санкт-Петербурге безработица находится на беспрецедентно низком уровне. Если полгода назад, до начала спецоперации на Украине, безработица была 5 %, то сегодня этот показатель составляет 4 %.

Прогнозировался рост цен на 20–22 %, что, в свою очередь, должно было повлечь снижение уровня жизни населения. Этот показатель, наверное, обоснован. Но насколько снизится уровень жизни, мы увидим позже. Это так называемые ожидаемые последствия.

Среди последствий наложенных на Россию санкций можно назвать ограничение доступа к рынку высоких технологий, снижение деловой активности бизнеса, поскольку иностранные компании уходят, нарушены связи между предприятиями и существенно вырос отток иностранного капитала и инвестиций. Если объем инвестиций сокращается, значит, мы должны изыскивать их в другом месте. Убежден, что инвестиции можно найти и в нашей стране, и в нашем городе и определить механизм их привлечения в экономику.

В Российской Федерации существует план, как компенсировать негативные последствия санкций. Он включает довольно много мероприятий, которые обеспечены финансированием. Сегодня финансовые ресурсы нужны для того, чтобы компенсировать последствия или создать цепочки новых поставок, подняться на новый виток импортозамещения.

С 2014 года действуют санкции, распространяющиеся на российское сельское хозяйство. Однако сегодня в этой отрасли мы добились таких результатов, которых давно не было. Россия всегда была импортозависимой от продовольствия, а сейчас мы экспортируем продукты. И даже несмотря на санкции, которые связаны в том числе с продовольствием, зерно и другие продукты поставляются на экспорт. В значительной степени продовольственные проблемы в мире вызваны тем, что на российское продовольствие были наложены санкции. В отрасли машиностроения и области современных технологий, которые существенно пострадали от санкций, многие мероприятия направлены на локализацию негативных последствий.

Когда возникает проблема, всегда существует возможность ее решения, поэтому санкции нужно рассматривать как возможности. Происходит перенастройка ситуации, появляются новые ресурсы, которыми нужно воспользоваться. Сегодня существует много возможностей, позволяющих нивелировать отрицательные моменты санкционной политики. В частности, в Петербурге действуют программы в сфере поддержки малого бизнеса и развития производства. Полагаю, что они помогут нам пережить трудные моменты и спустя некоторое время позволят жить в другом мире, более справедливом, ответственном и добром.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Анатолий Иванович, существуют ли какие-либо угрозы для крупнейших машиностроительных заводов, расположенных в Санкт-Петербурге (Невский, Кировский, «Силовые машины» и т. д.)?

А. И. КОТОВ: — Сегодня отечественное машиностроение на 25 % зависит от иностранных комплектующих, что определяет необходимость обеспечить импортозамещение в этой сфере. Если бы не было санкций, эту проблему все равно пришлось бы решать, в том числе путем создания электронной базы и развития станко-, машино- и двигателестроения. В Петербурге много предприя-

тий, которые сегодня активно работают в этом направлении. Импортозамещение — актуальная проблема, и сегодня не вполне понятно, как ее решить.

Е. С. САДОВАЯ: — Технологически мы можем провести мероприятия, связанные с импортозамещением. Но как решить проблему узости нашего рынка сбыта, от которой зависит себестоимость импортозамещенных деталей и товаров?

А. И. КОТОВ: — Импортозамещение — это одна сторона вопроса, но нельзя забывать о второй важной стороне — инновационной составляющей, включая изменение промышленной политики и ее более четкую координацию между федеральным и региональным центрами.

Сегодня есть рынок, но мы на нем не работаем, не всегда проявляем настойчивость в продвижении своей продукции машино-, авиа- и судостроения, например в странах, которые нас активно поддерживают (Китай, Бразилия, Иран и др.). Придется перестроить цепочку и найти других партнеров, изменив структуру нашего экспорта за счет повышения его инновационной и технологической составляющих. Около 50 % доходов нашей страны от продажи нефти и газа поступали из Европы. Годовой оборот с Европейским союзом составлял 200 млрд долларов. Сегодня внешнеторговый оборот с Китаем достиг показателя 140–150 млрд.

Сочетание ресурсных возможностей России, без которых мир не может нормально жить, и обилие продовольствия дадут нам возможность освоить другие рынки. Но на это, конечно, понадобится время.

А. А. ЛАПИНСКАС: — Отрадно, что экономика страны в целом и нашего города в частности три месяца нормально функционирует благодаря усилиям Правительства России и Санкт-Петербурга. Но так или иначе проблемы будут возникать. Губернатор Санкт-Петербурга примерно месяц назад сообщил, что китайцы отказались поставлять запчасти для автобусов и мы будем заказывать их в Беларуси. Какова ситуация сегодня?

А. И. КОТОВ: — Если говорить о запчастях, то много автобусов и деталей поставляется из Беларуси, так что это решаемый вопрос.

Проблема заключается в том, что мы начали не с того, с чего надо. Исторически все, чего хотели США, другим странам приходилось делать. Благодаря двум войнам — Первой мировой, империалистической, и Второй мировой — американцы получили полный контроль над всеми потоками. Конечно, нам это не нравится.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово предоставляется профессору Арунасу Альгевичу Лапинскасу.

А. А. ЛАПИНСКАС: — Россия является самой богатой страной по запасам природных ресурсов, в том числе нефти и газа, алмазов и золота. Вопрос: какое место наша страна занимает по уровню жизни? По разным рейтингам — с 65-го по 90-е место. Второй вопрос: на каком месте находится наша страна по уровню производительности труда? Я сравнил уровень производительности труда в таких нефтяных компаниях, как Газпром и Exxon Mobil. В последней при сопоставимых объемах занято работников примерно в шесть раз меньше, чем в нашей компании, то есть в Газпроме в шесть раз ниже производительность. В Роснефти по сравнению с Saudi Aramco та же самая ситуация, хотя у саудовцев другие условия добычи. Отсюда еще один вопрос: почему население Венесуэлы живет не так хорошо, как люди в Норвегии, хотя у первой гораздо больше запасов нефти (эта страна по данному показателю занимает первое место в мире)? Почему люди в Северной Корее живут не как, как в Южной Корее, хотя у них одни цивилизационные условия? Почему китайцы сейчас живут так, а при Мао Цзэдуне жили совершенно иначе, хотя климатические и цивилизационные условия одни те же?

ВВП нашей страны в 1989 году был примерно в два раза больше, чем ВВП Китая; в 1993 году эти показатели сравнялись, а потом уровень ВВП России устремился вниз, а Китая — вверх. Что произошло? По какому пути мы должны идти в экстремальных и нормальных условиях? Как должна развиваться Россия в ситуации глобальных проблем?

Пути развития можно рассматривать с четырех позиций.

Первый вариант — формационный подход, значение которого исследовано недостаточно. Известный физик, математик Моисеев писал о том, что не вполне понятно, что такое формация. Производительные силы определяют производственные отношения, а все это — надстройку. Поэтому в данном случае можно поспорить с Александром Сергеевичем о том, что такое экономика — пирамида целиком или только верхняя ее часть. На этот вопрос нет однозначного ответа. Траектория развития при данном подходе имеет линейно-поступательный характер. Но по этим характеристикам мы не в состоянии понять, почему китайцы при Мао Цзэдуне жили так, а сейчас — иначе. Почему не состоялся коммунизм, хотя социализм существовал как ступень на пути к нему. Коммунизм не состоялся, но и капитализм тоже, а об этом часто забывают сказать. Со времен Великой депрессии даже в США не существует чистого капитализма (изменился тип хозяйства).

Второй вариант — стадиальный подход. Он похож на формационный подход, только представлен в отраслевом разрезе, а формационный — в разрезе общего развития производительных сил. Основателем стадиального подхода является Э. Тоффлер. Стадиальный и формационный подходы имеют общие черты, а также отличия (один учитывает классовые различия, а другой — нет). Общий недостаток этих двух походов — однозначное определение сознания бытием.

Третий вариант — цивилизационный подход. Питирим Сорокин дал адекватное объяснение, что траектория развития не линейная, а двухсторонняя и циклическая. На повестку дня выходит цивилизационный вопрос разделения на славянофилов и западников. Как писал профессор В. Т. Рязанов, реформы в XIX–XX веках всегда сменялись контрреформами. Плюсы цивилизационного подхода в том, что сознание (а не производительные силы) определяется как основной фактор.

Четвертый вариант — системный подход. Описанные три типа хозяйства разные, даже противоположные друг другу, но их можно совместить. Бывший министр экономики А. А. Нечаев говорил, что плановую экономику ни в коем случае нельзя совмещать с рыночной, так как не бывает рыночно-плановой экономики. Но такое сочетание не только бывает, но и должно быть. Каждый тип хозяйства имеет свои плюсы и минусы.

Что нужно России? Сейчас наблюдается перебор со стратегическим блоком, крупные государственные корпорации обеспечивают 80 % ВВП, тогда как конкурентный сектор, он же оперативный блок, — всего 20 %. Президент России еще в 2020 году поставил задачу — до 2025 года

увеличить оперативный блок до 40 %. Но пока мы не сдвинулись с места. Однако это придется сделать, несмотря на экстремальную ситуацию, а может быть, и тем более. Китайцы сделали это в течение одного-двух лет в начале 1980-х годов и сразу перешли к экономическому росту. Нам до сих пор не хватает эффективной модели организационно-управленческой структуры. Будем надеяться, что у нас все получится, тем более что президент поставил такую задачу.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору Игорю Эдуардовичу Фролову.

И. Э. ФРОЛОВ: — Проводимая в России денежная политика не соответствует новой реальности. Необходимо вписать ее в принципиально иную реальность, которая уже наступила. Мы живем в новую эпоху, но еще не осознали этого.

Сегодня мы наблюдаем не просто переход кризисных явлений в государственный конфликт, а переход от управления государством к глобальному управлению. Сейчас, когда больше ста стран мира (кроме африканских) ввели против России санкции, мы это ощущаем на себе.

Существуют две точки зрения на происходящие события. Часть интеллигенции испытала шок, кто-то даже уехал за границу, правда, собирается вернуться. Но есть и более оптимистичный взгляд. Несмотря на адаптацию, которая будет длиться два-три года, нужно переходить к развитию, причем чем быстрее, тем лучше. Возможности есть всегда, поэтому надо быть историческими оптимистами.

Сегодня в мировой экономике мы наблюдаем интересные явления — не сверхнизкие темпы, а новую нормальность, нечто невероятное: объем мировой торговли меньше, чем мировой ВВП, чего не может быть. Это показывает, что мировой ВВП считается по-другому и, скорее всего, растет не экономика. В действительности растет мировой долг, который уже превысил 300 трлн долларов, что кратно больше, чем мировой ВВП. Такой долг уже принципиально нельзя отдать. Когда говорят о долге в 300 трлн долларов, то считают его разными способами, поэтому, например, у Вашингтонского института финансов другие данные. И помимо торгуемого долга есть забалансовый долг, который равен нескольким сотням триллионов. А раз его нельзя отдать, то это не долг, а превращенная форма, которая считается, складывается и т. д.

Вывод простой — мировая экономика неизбежно трансформируется, и периодически мы будем испытывать мировые кризисы, эпидемии, голод, войны и т. д. Скорее всего, сложившаяся ситуация будет длиться несколько десятилетий и мы все это испытаем на себе. Наступает очень интересная эпоха, несравнимая даже с 1970-ми годами, о которых нередко говорят, вспоминая кризисы. Вероятно, мы наблюдаем завершение эпохи модерна. Капитализм, о котором говорил предыдущий докладчик, и другие системы исторически оканчиваются. Мы вступаем в новую эпоху, аналогичную XVII веку, когда появились новая философия, наука Нового времени и принципиально поменялось мировоззрение. Нам придется изменить мировоззрение, а с какой скоростью это произойдет — уже другой вопрос.

Кризис наступил осенью 2021 года, сегодня мы наблюдаем его новую фазу. Породила энергетический кризис не специальная военная операция, а реформы газового рынка ЕС, начатые тогда.

Я работаю в Институте народнохозяйственного прогнозирования, и нас многие упрекают в том, что прогнозы не сбываются. В связи с этим вспоминается знаменитая фраза Анчишкина, что предсказание от прогноза отличается тем, что первое никогда не сбывается, а второе иногда сбывается. Мировой кризис можно было предсказать (что и было сделано экономистами), но не спрогнозировать. Но мир намного шире и интереснее: кроме кризисов постоянно появляется что-то новое. Как бы ни назывались новые глобальные проекты — зеленая экономика, желтая, серая, синяя, — скорее всего, они не сбудутся.

Современная экономическая теория не представляет собой глобально нечто однородное с центральной категорией «рынок». Все гораздо сложнее, мы наблюдаем конвергентный синтез хозяйства, экономики и финансов. Это принципиально разные вещи. Пример хозяйства — когда человек производит и потребляет в рамках одного хозяйства (собрали грибы, приготовили и съели). В экономике человек потребляет, но производит товары и воспроизводит стоимость. А финансы воспроизводят долговые обязательства в денежной форме. Мировой ВВП — лишь агрегат, который это скрывает. Необходимо все это изучать, потребуется новый язык для теоретического описания, которого, к сожалению, пока нет.

Несколько слов об образе будущего, о котором говорили на пленарном заседании. Важный момент связан с тем, что у нас пока нет позитивного образа. Но в любом случае я не призывал бы к созданию идеологии. Идеология — это превращенная, иллюзорная форма, а нам нужно понять, что мы реально можем сделать, как будем встраиваться в новую реальность. Мы пока представляем либо плохой, либо хороший образ будущего, а следует рисовать реалистичный.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я хотел бы обратить внимание на особенность, связанную с импортозамещением. Сегодня три крупнейших экспортера мира — США, Китай и Германия — одновременно являются крупнейшими импортерами. Это говорит о том, что конкурентоспособные страны не все производят сами. Возможна ли ситуация, когда Россия будет не импортировать из Китая, а производить продукцию сама? Опыт развитых стран показывает, что это очень сложно.

И. Э. ФРОЛОВ: — Нужно различать экспорт и мирохозяйственные связи. То, о чем Вы говорите, — это реальная включенность в мировую экономику, которая фиксируется под видом экспорта и импорта, а на самом деле это мирохозяйственные связи. Экспорт — когда производится больше, чем поглощается, потому что рынок — это избыток. Экспорт Германии на самом деле не экспорт, а включенность в мировые связи, как и экспорт Китая. То есть это не отдельные экономики, а мировая экономика, которая доминирует.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется доценту Галине Анатольевне Шкиренко.

Г. А. ШКИРЕНКО: — Базовым ресурсом для развития любой страны, в том числе и нашей, является население с его знаниями, навыками, способностями, талантом, здоровьем, мировоззрением, семейными связями, отношением к жизни, работе, друг к другу. Иными словами, единство людей и их взаимоотношений. С экономической точки зрения, конечно же, человеческий капитал трактуется иначе — это то, во что мы инвестируем, чтобы чело-

век лучше трудился и его деятельность приносила больше экономической отдачи.

На мой взгляд, у России сегодня появился шанс развивать экономику по собственному сценарию. К сожалению, в 1990-е годы мы действительно выбрали неправильный путь — стали развивать торговлю, финансовый сектор, а о производстве забыли. В итоге в условиях санкций мы столкнулись с проблемами. Показателен пример российско-немецкого аграрного холдинга «ЭкоНива», предприятия которого работают в том числе в Воронежской области. Техника на предприятиях используется немецкая, и теперь при поломке деталей компания обращается на воронежские заводы, где их пытаются починить. Таким образом, именно на человеческий капитал мы можем опереться в сегодняшней ситуации кризиса и разорванных международных связей.

Современный тип экономического развития называют по-разному: цивилизационный тип, ноосферная экономика, экономика гуманизма и пр. Все эти названия подразумевают, что человек выступает высшей ценностью и в экономическом, и в социальном, и в культурном, и в любом другом смысле. Следовательно, все усилия должны быть направлены на развитие человека — его таланта, способностей, умений, культуры; на его воспитание, формирование его мировоззрения, налаживание взаимодействия между людьми.

Александр МИШАРОВ, III курс, экономический факультет: — *Галина Анатольевна, у меня вопрос к Вам в частности и ко всем предыдущим спикерам вообще. Во время дискуссии постоянно звучит тезис о том, что мы найдем новый путь развития экономики. Может быть, стоит взять то, что уже работает, и улучшить это?*

Г. А. ШКИРЕНКО: — Все цивилизации проходят уникальный путь развития и рано или поздно заканчивают свое существование. Сегодняшняя эпоха не исключение. Речь, наверное, идет не столько о том, что мы должны найти свой путь, сколько о том, что текущая система хозяйствования не отвечает запросам современного поколения. У нас появился шанс в сложившихся условиях частичной изоляции выбрать иное направление.

Говоря о своем пути, я имею в виду именно то, что нужно идти в ногу со временем, ориентироваться на современные потребности людей. Мы не можем использовать технологии или принципы хозяйствования, которые были эффективны сто-двести лет назад. Сегодня они не имеют смысла, потому что изменились эпоха, мир, а главное — изменились потребности людей.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Действительно, правильный подход заключается в том, чтобы не ломать, а усовершенствовать то, что есть. Основная ошибка тех, кто хочет добиться перемен, — стремление к перевороту, революции. Сейчас пересматриваются итоги Октябрьской революции. На современном этапе стране ни в коем случае не нужны коренные переломы. Вместе с тем нужно учитывать, что мы оказались в ситуации, когда придется принимать решительные меры, чтобы сохранить прежний уровень жизни.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Профессор Лариса Александровна Миэринь, Вам слово.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Гуманистическая направленность и гуманизм — это общечеловеческая проблема. Экономика является только частью хозяйственной системы, другие ее части — природа и общество. Происходящее в мире связано с явлением системной интерференции, при котором наблюдается наложение друг на друга глобальных циклов развития природы, общества и экономики в определенных точках. Этот период начался приблизительно в середине XX века и закончится в середине текущего. Циклы находятся в нижних поворотных точках. Если мы накладываем эти точки друг на друга, то в результате физической интерференции деструктивные процессы усиливаются, а кризисы обостряются.

Сейчас на уровне мирового хозяйства мы наблюдаем глобальный переход к новому порядку, связанный с ростом противоречий и поиском выхода из ситуации. Наши конкуренты могут воспользоваться моментом и попытаться вывести Россию из строя как игрока, претендующего на ведущую роль в формировании нового миропорядка.

Мы ощущаем кризис прежде всего как экономический, но на самом деле мы ищем новую модель построения не только экономики, но и хозяйства, общества в целом. Этот процесс связан с рядом проблем — управленческих, социальных, природных. Он будет длительным. Конечно, любые переходные процессы обусловливают рост дисбалансов, усиление противоречий, с которыми нужно будет бороться. Но какие для этого будут избраны инструменты — старые или новые — большой вопрос к нашей управленческой элите. Нужно помнить, что ее решения сразу отразятся на жизни людей. Предстоящий период для российских граждан будет в любом случае непростым. На протяжении ближайших двух-трех лет структура экономики будет упрощаться, потребительская корзина — сжиматься и т. п. Социальные ориентиры сейчас важны как никогда. В конце концов, экономика в первую очередь нацелена на благополучие человека.

Меняются ли ценностные основания экономики? Что транслирует обществу руководство страны, которое и должно давать ему ориентиры? Например, на высшем уровне часто говорится о проблеме оттока молодых специалистов из России (особенно в сфере информационных технологий). На мой взгляд, молодежь смогут привлечь именно гуманистические ценности. Советую молодым людям читать труды гуманиста Д. С. Лихачева. Именно гуманизм должен стать ориентиром экономического развития России. К сожалению, в сообществе экономистов гуманизм обсуждается мало.

Мое поколение помнит ленинский лозунг «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны». Сейчас тоже нужно сформулировать подобную формулу. Скажем, советскую власть заменить на народную — такой гуманистический посыл может стать одной из составляющих формулы. Кроме того, могут быть социальные, управленческие составляющие и, конечно, технологическая основа. Ею может выступить цифровизация или внедрение достижений шестого технологического уклада. Кстати, за период пандемии Россия, как ни странно, значительно продвинулась по пути цифровизации.

В связи с этим нужно сказать о концепции трансгуманизма. Новые технологии позволяют совершенствовать физические возможности людей, вживлять в организм технические устройства, практически реконструировать человека искусственно. Будет нарастать проблема взаимодействия с техническим прогрессом. На мой взгляд, социальные технологии так же важны, как и обычные. Государству необходимо понимать, что поддается управленческому воздействию человека, а что — нет.

Россия обеспечена ресурсами, обладает огромной территорией, но ей не хватает населения. К сожалению, в стране нет национальной идеи. Может быть, она возникнет в этот тяжелый период, ведь лозунг «Своих не бросаем» можно рассматривать как локальную национальную идею, относящуюся к текущему моменту. Уверена, мы сможем сформулировать глобальную идею, которая задаст вектор развития страны на долгую перспективу.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Лариса Александровна, сейчас на первый план выходит другой посыл: потуже затянуть пояса, мобилизовать ресурсы и защищаться. От многих гуманистических идей приходится отказываться.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Григорий Феликсович, я не совсем понимаю, от каких гуманистических ценностей мы должны отказаться? От приоритета человеческой жизни? От приоритета человеческого капитала как важнейшего ресурса государства? Как скажется на духовности страны то, что люди потуже затянут пояса?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Лариса Александровна, по сравнению с 1990 годом, предпоследним для советской власти, в современной России ежегодно умирает на 200 тыс. человек больше. Поэтому, говоря о гуманизме, не стоит забывать о важнейшей задаче — сократить катастрофически высокую смертность. Второй аспект этой проблемы — низкая рождаемость. С 2015 по 2021 год она сократилась на 28 %. Нужно не ориентировать общество на гуманизм вообще, а ставить перед ним конкретные гуманистические цели.

Л. А. МИЭРИНЬ: — Вы правы. Я говорила о том, что российская экономика должна строиться на гуманистических основаниях. В 1990-е годы средняя продолжительность жизни мужчин в России составляла 54 года. Это произошло в первую очередь потому, что не работали социальные и карьерные лифты и т. д. Мужчины вымирали, а женщины не рожали. Я имею в виду именно такой экономический гуманизм: нужно перераспределять бюджетные средства и направлять их, в частности, на поддержку женщин. Этим должно заниматься государство.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Юлии Владимировне Ильиной, специалисту из Республики Беларусь.

Ю. В. ИЛЬИНА: — На этих Чтениях много говорили о глобализации, идеологии, новых путях развития экономики. Может быть, кто-то отнесется к моим словам скептически, но в маленькой независимой стране, откуда я приехала, всегда очень четко проговаривалось: Беларусь идет по собственному пути экономического развития. Наше сельское хозяйство независимо, мы обеспечиваем продуктами питания и Россию. Наша легкая промышленность также независима. Да, металл мы закупаем в России, но продукцию из него мы производим сами. Кроме того, теперь России тоже придется закупать у нас комплектующие и транспорт. К сожалению, надо признать, что в технологическом развитии Беларусь отстает. Тем не менее мы пытаемся идти своим путем.

Между Россией и Беларусью сформированы устойчивые экономические связи. В данный момент появилась необходимость создать единую платформу для осуществления закупок обеими странами. Представляется, что это можно сделать с помощью технологии блокчейн. Беларусь имеет единственную площадку для госзакупок, у России их сотни, но тем не менее оба государства из-за случившегося оказались на этих площадках заблокированными.

Блокчейн-технологии позволят повысить продуктивность системы государственных заказов. Прямой эффект, который две страны могут получить от внедрения данной технологии, — это дополнительная выгода и сокращение издержек за счет цифровизации. Косвенный эффект — сокращение объема теневой экономики и оборота контрафактной продукции. По подсчетам российских экономистов, прямой эффект будет составлять 782 млрд рублей, косвенный — 853 млрд.

Однако Беларусь пока не сдвинулась с нулевой отметки на пути внедрения блокчейна. Вынуждена констатировать, что законодательство двух стран в данной сфере имеет пробелы. Разумеется, если речь идет о создании единой платформы, прежде всего следует законодательно обеспечить равные условия для обоих государств. Тем не менее работа в этом направлении ведется.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Как, на Ваш взгляд, можно использовать технологию блокчейн для преодоления санкционных ограничений, прежде всего в области финансов?

Ю. В. ИЛЬИНА: — Если мы говорим о формировании единой торговой площадки на основе блокчейна, то речь идет лишь о технической поддержке платформы, а не о переводе финансов через банки-посредники. Тем не менее мы в силах создать свой маленький мир, в котором научимся работать без посредников.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Вы видите внедрение этой технологии только в рамках Беларуси и России или возможно ее распространение на Евразийский экономический союз, ШОС и другие объединения?

Ю. В. ИЛЬИНА: — В данный момент рассматривается ситуация пилотного проекта с участием России и Беларуси, но в дальнейшем количество участников может быть увеличено.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово предоставляется профессору Юрию Юрьевичу Королеву.

Ю. Ю. КОРОЛЕВ: — В сложившихся сейчас экономических условиях требуется реагировать на изменения глобальной ситуации. Одним из ответов на новые вызовы стала разработка законопроекта о внешней администрации по управлению организацией. Этот законопроект предполагает, что в отношении тех иностранных компаний, которые не желают развивать бизнес в Российской Федерации, будет применяться новый механизм, основанный на замещении активов в процессе процедуры банкротства и введении внешней администрации. То есть внешняя администрация будет сочетаться с уже используемым принципом замещения активов, предусмотренным ст. 115 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Такие меры позволят нивелировать последствия банкротства иностранных компаний и вместе с тем сохранить рабочие места для россиян, которые трудятся в них.

Замещение активов и банкротство с введением внешней администрации — комбинация, еще не применявшаяся в мировой практике. Многие специалисты высказывают сомнения по поводу того, что этот механизм жизне-

способен. Что ждет работников предприятий, на которых будет вводиться внешняя администрация? В соответствии с законопроектом на таких предприятиях внешний управляющий должен будет создать на основе имущества прежнего собственника новую организационную структуру, которая обязана на протяжении не менее одного года сохранять рабочие места 2/3 персонала, трудившегося до введения внешней администрации.

Самая большая проблема, на мой взгляд, заключается в следующем. В соответствии с действующим законодательством как Российской Федерации, так и Республики Беларусь если организация является банкротом и у нее недостаточно средств на выплату задолженности кредиторам, задолженность считается погашенной. К сожалению, если после введения внешней администрации у вновь созданной организации не будет, например, средств на выплату заработной платы работникам, то они останутся ни с чем.

Статистика удовлетворения требований кредиторов второй очереди (то есть требований по заработной плате и выходным пособиям) показывает, насколько существенна сейчас эта проблема. В 2021 году в РФ только 7 % таких требований было удовлетворено. Иными словами, только 7 % работников обанкротившихся предприятий получили причитающиеся им деньги. Таким образом, люди остаются не только без работы, но и без заработной платы и выходных пособий.

Представляется, что решением этой проблемы могло бы стать создание госкорпорации, которая занималась бы аккумулированием средств и организацией выплат работникам обанкротившихся предприятий. Законодательство Республики Беларусь не предусматривает такой формы собственности, как госкорпорация. А у вас она, к счастью, существует. В соответствии с Федеральным законом № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» госкорпорация не может быть объявлена банкротом. На мой взгляд, в России это наиболее удачный выход из сложившейся ситуации. И конечно, надо вносить изменения в законодательство и предусматривать механизмы возмещения ущерба, который причиняет обанкротившееся предприятие своим работникам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Юлии Вячеславовне Голиусовой.

Ю. В. ГОЛИУСОВА: — Хотелось бы обсудить вопросы самозанятости как одного из способов трудоустройства, то есть решения проблемы безработицы.

Самозанятость — пожалуй, самый популярный способ избежать безработицы — такого мнения придерживаются многие специалисты Международной организации труда. В нашей стране к самозанятости подошли с несколько нетрадиционной стороны и ввели в рамках этого понятия новый термин «профессиональный доход», закрепленный в Федеральном законе № 422-ФЗ. Однако некоторые работники не могут понять, к какой категории они относятся — самозанятые или индивидуальные предприниматели.

Отсюда возникает множество проблем, одна из которых связана с налогообложением. Статус самозанятого позволяет получать больше дохода, нежели статус индивидуального предпринимателя. Кроме того, не тратятся средства на само получение статуса, тогда как для оформления ИП нужен бухгалтер и в некоторых случаях юрист. От самозанятого же необходима лишь регистрация на определенной платформе.

В настоящее время в России самозанятых уже 4 млн, еще 3,2 млн человек находятся в статусе ИП. Казалось бы, ситуация благополучна. Однако есть одно «но». Самозанятые должны выполнять свою трудовую функцию самостоятельно, без привлечения наемных работников — это важно, поскольку индивидуальные предприниматели право их привлекать имеют.

В классификацию самозанятых Международной организации труда включаются не только самостоятельные работники, но и индивидуальные предприниматели, члены производственных кооперативов и семейных предприятий. Российская методология признает только первую категорию, то есть, повторюсь, в нашей стране самозанятым может быть лишь человек, работающий на себя и не использующий наемный труд. Сейчас обсуждается возможность включить в число самозанятых предпринимателей, имеющих одного-двух сотрудников. О семейных предприятиях и кооперативах речь пока не идет.

В 2020 году мы провели исследование, для чего в формате телефонного интервью было опрошено 190 самозанятых Москвы. Им задавали вопрос: «Какие преимущества и недостатки вы видите в деятельности самозанятых?» Главным преимуществом самозанятости респонденты назвали независимость. К ключевому недостатку опрошенные отнесли временный характер статуса самозанятого.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору Наталье Васильевне Дороховой.

Н. В. ДОРОХОВА: — В качестве дополнения к вышесказанному хочу отметить, что налог на профессиональный доход — это одна из попыток на государственном и законодательном уровне решить проблему неформальной занятости, или теневой экономики. Эта проблема существует во всем мире. В нашей стране теневой сектор довольно велик. Согласно статистическим данным, неформальная занятость в общей структуре занятости России достигает 20 %. Иными словами, каждый пятый работает без соответствующего оформления трудовых отношений. Эта проблема существенно обострялась в условиях кризисов и коренных изменений, в которых мы находимся и в настоящий момент.

Введение такого экспериментального метода борьбы с неформальной занятостью, как налог на профессиональный доход, позволило сократить распространение данного негативного явления в экономике. Согласно нашим исследованиям, доля неформальной занятости в Воронежской области в 2015 году достигала 24 %. В 2021 году она сократилась до 18 %. И это с учетом влияния на рынок труда пандемии коронавируса! Следовательно, можно говорить об эффективности введенного государством инструмента. Но есть и оборотная сторона медали. Самозанятый обеляет свою деятельность перед государством, но что получает взамен? Ничего. Никаких социальных гарантий такому работнику не предоставляется.

Перейду непосредственно к теме выступления. Мы действительно живем в эпоху перемен, и это самое сложное, что может выпасть на долю человека. Экономика приспосабливается к ситуации, определенным образом отвечает на изменения. Адаптируется и важнейшая составная часть экономики — сфера занятости. Тенденций приспособления занятости к происходящим изменениям достаточно много: это и структурные изменения, и профессионально-квалификационные, и т. д. Я бы хотела остановиться на двух тенденциях: появление и масштабное

распространение нестандартной занятости; разрастание неформальной занятости.

Нестандартная занятость может принимать множество форм: платформенная, дистанционная, различные виды временной и гибкой занятости. Как и любое явление в экономике, эта тенденция имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Среди основных положительных последствий нужно отметить рост мобильности рабочей силы, получение и расширение возможностей для трудоустройства. Существуют определенные категории населения, которые отличаются низкой конкурентной позицией на рынке труда из-за семейных обстоятельств или проблем со здоровьем. Им нестандартные формы занятости дают больше возможностей трудоустроиться. Если говорить об основном отрицательном последствии распространения подобных форм занятости, то это снижение социальной и правовой защищенности таких работников. Тем не менее, как показывает исследование, которое мы провели также в своем регионе, в настоящее время нестандартная занятость — выбор наемного работника. В 2015 году это в большинстве случаев была инициатива работодателя, а сейчас уже осознанное решение наемного работника.

Вторая тенденция — разрастание неформальной занятости, что представляет собой серьезную проблему. Результаты наших последних исследований говорят о том, что неформальная занятость в экономике заметно молодеет. Сейчас работники этой категории — в основном люди до 30 лет, которые осознанно предпочитают такую форму занятости. Когда беседуешь с ними (часто это студенческая аудитория) и спрашиваешь их: «Что вы предпочтете — хорошую пенсию в будущем и социальные гарантии или высокую заработную плату сейчас?», то слышишь один ответ: «Вдруг я не доживу до пенсии? Хочу денег сейчас и здесь». Задача государства — отслеживать подобные трансформационные процессы в социально-трудовой сфере и разрабатывать эффективные механизмы решения проблем, одним из которых является внедрение самозанятости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Николаевичу Никулину.

Н. Н. НИКУЛИН: — Уважаемые коллеги, представьте себе, что санкций не существует. Какие проблемы актуальны для нашей экономики? Какой мы хотели бы ее видеть? Что нужно для этого сделать? Хотите ли вы заменить айфоны йотофонами?

Об импортозамещении мы стали говорить примерно с 2013 года, в 2014-м интерес к нему повысился, а сейчас вырос многократно. Нужно отметить, что, несмотря на постоянные разговоры об импортозамещении, объемы импорта продолжают расти. В первом квартале 2022 года этот показатель составил чуть более 90 млрд долларов, что значительно больше, чем в 2019–2021 годах. Понятно, что отказаться от импорта полностью не получится.

Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество перед другими странами в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и — в обозримой перспективе — со значимым экспортным потенциалом.

В экономике известно выражение «голландская болезнь». В середине XX века в Нидерландах было найдено крупное месторождение газа. Его экспорт резко увеличился, доходы населения выросли, повысился спрос на импортные товары, из-за чего национальная промышленность начала проседать. Каким же образом можно победить «голландскую болезнь»? Как наладить импортозамещение товаров с высокой добавленной стоимостью? Способ только один: внутри страны должен накопиться капитал во всех формах, о которых уже упоминали предыдущие докладчики, — человеческий капитал, производительный, денежный. Капитал — это очень сложная и, я бы даже сказал, высокая категория. До капитализма нужно дорасти.

Обратимся к структуре импорта России в 2021 году. 147 млрд долларов мы потратили на ввоз гаджетов, алкоголя, косметики, тогда как на закупку станков было израсходовано всего 700 млн. О каком высокотехнологичном импортозамещении можно говорить?

Чтобы в России действительно развивалось импортозамещение, необходимо решить три главные проблемы. Первая — столкновение интересов поколений. В начале выступления я спросил: хотите ли вы пользоваться йотофонами вместо айфонов? Если присутствующие здесь студенты ответят отрицательно, то в нашей стране никогда не будут массово производиться смартфоны. Вторая — отсутствие единства интересов разных социальных групп. IT-специалисты уезжают в США, Индию, другие страны. Заботит ли их то, что происходит в родном государстве? Наконец, третья проблема — это соотношение интересов производства и потребления. Когда-то мы спорили, производство определяет потребление или потребление — производство. В СССР не придавали большого значения потреблению. Сегодня же мы смотрим на Запад совершенно по-другому и хотим потреблять ту же продукцию, что и он. Вчера критиковали лозунг «Deutschland über alles». Я считаю, что этот лозунг, наоборот, правильный: он провозглашает первостепенную значимость Германии для немцев — так и для россиян Россия тоже должна быть превыше всего. Если будет иначе, то у нас ничего не получится. Нами должно руководить единственное желание — обустраивать Россию ради России.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Далее выступит Эдуард Эдуардович Полетаев, политолог из Республики Казахстан.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — Я хочу рассказать о проекте «Большая Евразия». О нем В. В. Путин напомнил 26 мая 2022 года на заседании Евразийского экономического форума в Бишкеке. Не секрет, что сейчас блоковые противостояния усиливаются. Политика управляет экономикой, и политические факторы становятся решающими, нанося ущерб экономическому прагматизму. Доказательство тому — санкции, введенные против России и Беларуси. Даже те страны Евросоюза, которые, скорее всего, не хотели к ним присоединяться (скажем, Венгрия или Болгария), вынуждены были это сделать, чтобы не подвергнуться остракизму со стороны Брюсселя.

Что такое «Большая Евразия»? Это до сих пор скорее инициатива и концепция, чем проект с реальным экономическим содержанием. Пожалуй, можно сказать, что в прошлом году евразийству исполнилось 100 лет: в 1921 году был опубликован сборник «Исход к Востоку», где излагалась философия этого направления. Примерно в это же время были введены первые санкции в отношении советского правительства, которое отказалось платить царские долги. Таким образом, к санкциям России не привыкать. Можно вспомнить газопровод Уренгой–Помары–Ужгород, строительство которого началось

в результате так называемой сделки века «Газ — трубы» между СССР и ФРГ. Американцы поняли, что это грозит им потерей европейского рынка и применили к СССР многочисленные санкции.

Возвращаясь к проекту Большой Евразии, нужно сказать, что новую жизнь он получил в 2010 году, когда президент Путин в своей статье написал об объединении экономик от Лиссабона до Владивостока. Об этом же он говорил в послании Федеральному собранию в 2012 году. Потом к идее присоединился президент Казахстана Н. Назарбаев. Параллельно создавался Евразийский экономический союз, который начал функционировать с 2015 года.

На майском заседании Евразийского экономического форума Путин сказал, что Россия не собирается отказываться от взаимоотношений с Европой, но в настоящее время Европа сама ее отталкивает. Следовательно, путь России в XXI веке — это путь в Азию, в том числе транзитом через нас, Центральную Азию.

Почему Казахстан присоединяется ко всем евразийским проектам? Совершенно точно не из любви к интеграции. Казахстан — самая большая страна в мире из тех, что не имеют выхода к морю. Ближайший океан — Индийский — находится на расстоянии 3 тыс. км от Нур-Султана. Мы хотим и можем использовать наш транзитный потенциал, но при этом для нас огромное значение имеет логистика. Любой товар всегда дешевле перевозить по морю, так что из-за отсутствия моря наши товары становятся неконкурентоспособными. Казахстан — крупный производитель зерна и муки, но эта продукция доходит максимум до Ирана, не дальше. На зерновом рынке есть очень хороший покупатель — Египет, но нам невыгодно поставлять туда сельхозпродукцию, потому что логистика при этом «съест» все преимущества. Поэтому нулевые пошлины, которые Казахстан получил при вхождении в Таможенный, а потом в Евразийский экономический союз, дают нам надежду на повышение конкурентоспособности казахстанского экспорта.

Между тем основной экспортный товар у нас по-прежнему нефть. Когда весной из-за аномального шторма были повреждены причальные терминалы в Новороссийске, Каспийский трубопроводный консорциум был вынужден снизить объем транспортировки нефти. Под угрозой оказался весь бюджет Казахстана, так как 3/4 нашей нефти идет по трубопроводу КТК. Эта тревожная ситуация продемонстрировала нашу взаимозависимость с Российской Федерацией, важность экономического и политического сотрудничества. И сегодня в новых условиях страны приходят к пониманию, что необходимо налаживать взаимодействие. Ведь Евразийский экономический союз — это пять стран, 20 млн квадратных километров территории, 180 млн человек, но всего 2 % мирового ВВП. Поэтому на базе Евразийского экономического союза и в сопряжении с другими организациями, такими как, например, Шанхайская организация сотрудничества, проект «Большая Евразия» вполне может обрести реальные очертания. В условиях блокового противостояния он получит более четкие контуры в ближайшее время.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется профессору Валентине Васильевне Павловой.

В. В. ПАВЛОВА: — Я обратила внимание, что многие коллеги выступают на тему занятости, что свидетельствует об острой актуальности данного вопроса. Мы пытаемся определить, какие механизмы позволили бы избежать высокой безработицы.

В феврале нынешнего года уровень безработицы в России был самым низким за 10 лет — около 4 %, но теперь прогнозируется, что безработица возрастет вдвое, причем риски повышаются не только для граждан предпенсионного возраста, но и для молодежи, особенно молодых специалистов без опыта работы. Это во много связано с тем, что рынок покинули крупные работодатели, каковыми являлись многие зарубежные компании. Штат этих компаний состоял большей частью из молодых высококвалифицированных специалистов, так что эти люди тоже могут испытать некоторые проблемы с трудоустройством.

Итак, что надо предпринять для того, чтобы не допустить роста безработицы? На рынке труда в последнее время набирает обороты такой новый сектор, как платформенная занятость. По данным Международной организации труда, в 2020 году насчитывалось 777 цифровых платформ, работающих в этой области, а в 2023 году, по прогнозам, их будет вдвое больше. Темпы роста платформенной экономики — около 17 % в год, то есть это активно развивающийся сектор, которым не следует пренебрегать. Так, в период пандемии коронавируса объем платформенной экономики в России достиг 6 % ВВП, и рост будет продолжаться.

В чем заключаются положительные стороны этого сектора? Его перспективы, безусловно, окажут позитивное воздействие на экономику в целом, при этом платформы развиваются, а люди получают возможность заработка. Все это с большой вероятностью означает повышение занятости, благосостояния, выведение из тени определенного количества работников, увеличение налоговых поступлений. В то же время платформы могут регулировать количество тех, кто ими пользуется, и оптимизировать налоговые отчисления.

Мы много говорим о необходимости сохранения традиционных ценностей. Так вот, когда мы делали анализ для так называемого поколения *X*, то обнаружили, что новая область занятости не противоречит нашим традициям и ценностям. Человек получает возможность плавного перехода в пенсионный возраст, реализации своего творческого потенциала, который может быть даже не в той сфере, где он работал раньше, а в области его увлечений (хобби). При этом для старшего поколения возрастает шанс найти источник дохода и средство самореализации, совмещая работу с заботой о младшем поколении. Накопленный предпринимательский опыт тоже может оказаться весьма полезен. Молодежь, работая на цифровых платформах, получает возможность приобрести определенный трудовой опыт и финансовую независимость. Таким образом, платформенная занятость занимает достойное место уже сейчас, а в перспективе ее эффективность будет только расти.

Но такая занятость имеет и некоторые уязвимости. Во-первых, в законодательстве нет даже ее определения; соответственно она никак не регулируется. Во-вторых, не обеспечивает социальных гарантий. Профсоюзы занимают четкую позицию: раз это занятость, значит, на платформы должны распространяться все нормы, которые существуют для стандартной занятости. Платформы же настаивают на том, что в этих вопросах государство должно с ними сотрудничать, стимулировать обеспечение социальных гарантий на добровольных началах, а сами гарантии могут быть разработаны платформами. Минтруд сейчас работает над специальным пакетом социальных гарантий — таким, чтобы они предоставлялись без проблем, но не лишали цифровые платформы их преимуществ.

Мы же рассматриваем вопрос о разработке математической модели развития цифровой платформы, потому что оно не должно происходить стихийно, а должно быть регулируемым. Надо выявить влияние различных факторов, спрогнозировать объем цифровых платформ, оценить риски, которые могут возникнуть в результате платформенной занятости.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас выступит профессор Анна Александровна Федченко.

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Что в данный момент, в условиях глобальных перемен, наиболее важно для экономики? По моему мнению, сейчас экономика должна строиться в первую очередь с ориентацией на сохранение. С высоких трибун было заявлено о структурной трансформации экономики. Я считаю, что отправной точкой такой трансформации должна быть социализация. Мы не всегда готовы к переменам, поэтому, на мой взгляд, в качестве главного принципа при этом необходимо выбрать преемственность во всем. Нам есть с кого брать пример и чьи идеи продолжать.

Сейчас надо думать о том, как создать приемлемые для людей условия для работы. Занятость тоже трансформируется, многие работают дистанционно, с использованием электронных технологий. Да мы все, по сути, уже работаем в другой среде. Поэтому надо найти методы, по которым мы сможем оценивать новые рабочие места и находить возможности для повышения их качества.

Острая и болезненная проблема — вознаграждение за труд. И тут же возникает другая проблема, близкая профсоюзам, — социальная защита. Мы проводили исследования, которые подтвердили сильную корреляцию между занятостью и социализацией. На этих моментах мы должны сосредоточиться, чтобы рационально, конструктивно и позитивно выйти на новый виток развития.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово академику РАН Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Коллеги, приведу несколько цифр. В 1940-х годах суммарное население стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — составляло примерно 450 млн человек. Соединенные Штаты вместе с Великобританией обеспечили 30 % победы, то есть это была наша общая победа. Сталин это признал, сказав, что мы победили благодаря нашим великим союзникам. А кто нам противостоял? Кроме Германии еще несколько стран — всего 300 млн человек.

В настоящее время население России и Белоруссии в сумме вместе составляет около 150 млн человек. Против нас выступают: страны Европы — 500 млн, Северной Америки — 350 млн, Японии — 100 млн человек. Поэтому вопрос устойчивости страны очень серьезен.

Среди проблем экономики основная заключается в ее неэффективности. Инвестиции в основной капитал не превышают 17 % ВВП, в то время как в развивающихся странах на эти цели тратится в 1,5 раза больше. Но главное — на каждый рубль, вложенный в основной капитал, мы получаем в среднем два с половиной рубля прибыли, мир — четыре (не рубля, конечно, а других денежных единиц), и у нас в советский период тоже было четыре.

Высокая эффективность невозможна там, где остро не хватает инженеров. Например, петербургские предприятия испытывают катастрофический дефицит рабочих и инженеров. Но для того, чтобы люди могли получать техническое образование, требуются профессора, которые могли бы их учить. Между тем в России педагог, в том числе вузовский, — профессия низкооплачиваемая и совсем не престижная. Мой отец стал студентом в 1930 году. Тогда профессорам не доверяли, потому что они все были еще «царские», поэтому ректором университета был аспирант, а деканом — студент. И профессора обнищали. Но через несколько лет, когда мой отец уже учился на последнем курсе, Сталин устранил эту несправедливость, и зарплата профессора стала самой высокой в экономике. Если мы сейчас не сделаем то же самое, то нас ожидают трудные времена.

И еще один чрезвычайно важный вопрос. Если в стране произойдет экономический спад, то рождаемость будет снижаться, а смертность — возрастать. Рост народонаселения — это национальная проблема для России с ее огромной территорией. Доля затрат на здравоохранение у нас не превышает 3,5 % расходной части бюджета, в то время как в Европе, которую мы ругаем (и часто справедливо), — почти 8 %. Во время пандемии Путин немного увеличил финансирование, но теперь мы снова возвращаемся к той же цифре. При таком подходе мы никогда не решим нашу основную проблему.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется доценту Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Несколько лет назад мы здесь говорили о том, что приближается некая точка бифуркации, в которой завершится развитие существующей системы мироустройства, а на смену ей придет другая. Но тогда это был аналитический конструкт, а сейчас мы воочию столкнулись с этим процессом. Возникает вопрос: что нас ожидает, какая система придет на смену уходящей? Всех нас, как исследователей, интересует и другой вопрос, более узкий, — вопрос методологии. Какие подходы позволят проанализировать развивающиеся тенденции, чтобы мы могли прогнозировать будущее? Я позволю себе лишь два высказывания.

Первое: логика обстоятельств всегда сильнее логики намерений. Какие бы задачи мы перед собой ни ставили («мы хотим», «должно быть так» и т. п.), необходимо соотносить их с теми законами, которые невозможно преодолеть. В экономике есть объективные закономерности, и пытаться им противодействовать — бесполезное занятие. Можно только, поняв их логику, увеличивать свои возможности.

Второе высказывание — известная молитва немецкого богослова Карла Фридриха Этингера: «Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого». Это было сформулировано в XVIII веке, но остается актуальным во все времена и во всех обстоятельствах, в том числе и тогда, когда мы пытаемся создать картину будущего.

В сферу моих научных интересов входит вопрос о том, как цифровые технологии влияют на занятость, социальную сферу и пр. В ходе исследований я столкнулась с тем, что экономику нельзя отделить от политики и социальной сферы — все эти области и происходящие в них процессы очень тесно взаимосвязаны и подчинены единой динамике. Возможно, те аналитические конструкты эпохи модерна, которыми мы оперировали на предыдущем этапе, сегодня утратили свою эффективность. В частности, мы изучали, какие изменения под воздействием цифровых технологий происходят в социальной сфере. Мы удивля-

лись и радовались новым широчайшим возможностям, но вскоре радость сменилась тревогой. В 2020 году Генеральный секретарь ООН, выступая на юбилейной сессии Генассамблеи ООН, даже сравнил цифровые технологии с одним из всадников Апокалипсиса, сказав, что они являются препятствием на пути прогресса человечества.

С чем связаны основные опасения? Во-первых, появились прежде невиданные возможности для манипулирования, таргетирования любого посыла, которое уже может осуществлять даже искусственный интеллект. Во-вторых, роботы отнимают рабочие места у человека, а это уже угроза социальной стабильности. Речь идет не о промышленных роботах, а в первую очередь о программных, так называемых чат-ботах, которые все шире используются в сфере услуг. Стоит ли их демонизировать — ведь не сами же роботы пришли и выгнали людей. Все-таки надо понимать, что цифровые технологии — не более чем инструмент, а широкое распространение они получили благодаря экономической глобализации, которая за счет масштаба сделала их дешевыми и легкодоступными. Патформенная занятость стала основным механизмом снижения издержек и повышения эффективности, что позволяет бизнесу оставаться на плаву, когда рынок падает.

Все это оказывает огромное воздействие на социальную реальность, так как цифровые технологии и их следствие — платформенная занятость — и есть тот механизм, который ведет к ликвидации социального государства. Было бы ошибкой считать, что трудовые отношения остаются прежними, просто они теперь реализуются в цифровой форме. Нет, все меняется коренным образом, и технологии способны это до определенного момента лишь маскировать. Ждет ли нас архаизация социальной политики? Например, законы о том, что дети обязаны содержать родителей, как было когда-то? Или мы в состоянии изобрести что-то другое, более эффективное?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Владимировне Чубаровой.

Т. В. ЧУБАРОВА: — При описании реальности все чаще употребляются термины «вызовы», «риски» и т. п. Хотела бы подчеркнуть, что риски значительно возросли в период пандемии, когда многие общественные явления приняли новые формы, и еще больше — в последние месяцы, когда Россия живет в условиях экономических санкций.

Однако исследователи говорят о том, что глубинные процессы в экономике и социальной сфере начались не с пандемии и тем более не с экономических санкций. В связи с этим обращусь к двум темам, о которых многие докладчики говорили на пленарном заседании, — идеология и справедливость.

Идеология — это система идей. Она может касаться понимания мира, правил общежития и так далее, но главное — это идеи о том, каково место человека в этом мире. Предлагаю вернуться к ныне позабытому «Моральному кодексу строителя коммунизма». Идеи и принципы, содержащиеся в нем, сегодня вполне можно использовать для формирования наших универсальных ценностей.

Справедливость — вопрос более серьезный. В курсе экономики мы изучаем оптимум по Парето: это такое состояние системы, когда невозможно улучшить какой-либо показатель без ухудшения хотя бы одного из остальных. Другой критерий — равное отношение к равным и неравное к неравным. Но как понимать значение слов «равный» и «неравный»? Здесь возникает много вопросов. Но в таком парадоксальном феномене, как социальное государство, вопрос идеологем имеет более или менее четкое понимание. В чем заключается главная идеологема социального государства? Нужно ли нам государство в социальной сфере и до какого предела оно должно вмешиваться в социальную сферу личного существования человека?

А что такое социальное? Здравоохранение, образование, социальное обеспечение, жилье — все это относится к феномену социального государства. Возникает серьезный вопрос: что нам должно государство в социальной сфере? И должно ли оно что-то вообще? Нужно ли оно нам или, может быть, мы сами можем решать свои проблемы? Вопрос был бы риторическим, если бы не был связан с очень серьезным моментом — перераспределением ресурсов. В экономике есть понятие перекрестного субсидирования. Если формулировать совсем просто, то это означает, что берут у одних и передают другим. Это довольно серьезная проблема. Чтобы ее решить, требуется социальная солидарность: богатый платит за бедного, молодой — за старого, здоровый — за больного.

Еще один момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Когда говорят «социальное государство», часто подразумевают социальные права. Социальное государство признает свою ответственность за решение социальных проблем граждан. Но для того, чтобы это стало возможно, оно должно создать определенные механизм и институты. И здесь существует огромная вариативность того, как все может быть организовано. Никто не отрицает необходимость выплаты детских пособий. Но кто должен их получать? Все женщины с детьми или только те, у кого недостаточно средств? В обоих случаях это будет социальное государство.

С практической реализацией функций социального государства связаны две проблемы: с одной стороны, его устойчивость, с другой — коренная перестройка. Устойчивость означает, что мы создаем систему, которая способна абсорбировать шоки, меняться, учиться и выходить на новые уровни своего развития. Но сегодня среди самых радикальных вариантов реформирования социального государства выдвигается идея безусловного базового дохода. Возможно, для будущих поколений базовый доход окажется более приемлемым способом выражения социальной солидарности, чем те методы, которыми пользовались мы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Владиславу Сергеевичу Глазьеву.

В. С. ГЛАЗЬЕВ: — В первую очередь хотел бы отметить, что выступающие до меня в целом довольно точно и полно осветили болевые точки развития современной российской экономики. Но при этом, на мой взгляд, недостаточно внимания уделили такой теме, как стимулирование социальной активности. Эта тема является предметом экономико-математического моделирования. Хорошо известно, что между инвестициями и экономическим ростом существует прямая пропорциональная зависимость. Однако с учетом того, что инвестиций у нас крайне мало, нормы накопления в современной российской экономике не превышают 17 %, хотя для развития и поддержания экономической деятельности данный показатель должен составлять 33 % и более (именно таковы нормы накопления в экономически развитых странах).

Проблемы в сфере инвестиций связаны не только с недостаточным объемом финансирования, но и с неэффективным их использованием. Начиная с 1990-х годов ин-

вестиции в основной капитал стремительно сокращались, и их нехватка до сих пор не восполнена. Это значительно снизило возможности экономического роста.

Между тем стимулирование инвестиций является лишь инструментом управления развитием экономики; необходимым, но недостаточным условием ее роста. Чтобы была возможность реализовать потенциальный эффект от повышения инвестиционной активности, требуется увязать в единый механизм все ветви экономической политики, включая такие, как налогово-бюджетная и денежно-кредитная. Для этого можно использовать опыт Европейского союза, который показал, что путем стимулирования инвестиционной активности и выделения на это более 14 % ВВП всего ЕС (что эквивалентно почти 2 трлн евро) достигался очень высокий рост, особенно в первые годы после Второй мировой войны, а в ряде европейских экономик произошло то, что принято называть экономическим чудом.

Кроме того, в России надо создать систему стратегического управления развитием экономики, которая объединит федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также институты развития, государственные корпорации и банки, включая Центральный банк, в совместной деятельности по выполнению программы стратегического планирования. Поэтому необходима реализация комплексного стратегического плана, в рамках которого управление экономикой, в том числе в отраслевом и региональном разрезах, было бы продуманным во всех аспектах и согласовывалось с общегосударственной экономической политикой, включающей денежно-кредитную, научно-техническую, внешнеэкономическую, промышленную и другие составляющие.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Следующий выступающий — профессор СПбГУП Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — В контексте тематики наших Чтений хотелось бы обратиться к более узкому вопросу: структурные сдвиги в мировой экономике и смещение центра деловой активности с Запада на Восток. Как уже упоминали коллеги, в экономике — как российской, так и мировой — сложилась беспрецедентная ситуация. Санкции, введенные против России, весьма масштабные и жесткие. Население стран, присоединившихся к режиму санкций, — около 950 млн человек. Мы пытаемся понять, что надо сделать для того, чтобы мировой порядок стал другим, более справедливым, и чтобы Россия заняла в нем достойное место.

Однако доля России в мировом ВВП не превышает 2,5 %. Так что (давайте будем реалистами) в одиночку изменить миропорядок наша страна вряд ли сможет. Поэтому возникает вопрос: есть ли сегодня в мировой экономике объективные предпосылки для того, чтобы в ближайшие годы миропорядок изменился?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо учитывать некоторые моменты. Во-первых, мы все еще продолжаем жить в эпоху глобального капитализма. Об этом свидетельствует целый ряд признаков. Главное, что мы видим, — реализация капиталистического мотива в глобальном масштабе, построение мирохозяйственных связей и пр. Огромную роль продолжают играть мультинациональные корпорации. Конечно, трудно сохранить многие традиционные виды деятельности, если они не выдерживают рыночной конкуренции.

Во-вторых, хотелось бы обратить особое внимание на концепцию догоняющего развития. Специфика этой концепции заключается в том, что «догоняющие» страны развиваются, не будучи первопроходцами, а уже имея некий ориентир, и следуют за лидером, сокращая отставание. Реализуется ли эта теория? И да и нет. По статистике Всемирного банка, страны с высоким уровнем дохода по-прежнему многократно опережают остальные государства по ВВП на душу населения. Среди стран, реализующих стратегию догоняющего развития, одна из наиболее успешных — Китай, значительно сокративший отставание от экономически развитых стран. Страны Азии в общем успешно растут в режиме догоняющего развития. И сегодня мы видим, что китайская экономика уже самая большая в мире, а за Китаем следуют США, ЕС и Индия.

Итак, центр деловой активности действительно начинает смещаться. На что в связи с этим может рассчитывать Россия? Да, можно перенаправлять свои финансовые, товарные и прочие потоки с Запада на Восток, налаживать новые и укреплять прежние связи, развивать сотрудничество. То есть у России сейчас есть альтернатива. И можно надеяться, что усиление Востока — это предпосылка к смене миропорядка. Неизвестно, что это за новый миропорядок — тот, что будет выстроен по инициативе восточных стран. Все же у людей на Востоке другая ментальность, да и вообще Восток социально неоднороден.

Известный русский поэт Н. А. Некрасов еще в XIX веке писал: «В Европе удобно, но родины ласки ни с чем не сравнимы». При всей горячей любви к родине ему в Европе было «удобно», а вот насколько русскому человеку «удобно» в Китае и других странах Востока — большой вопрос. Неизвестно, есть ли у нас основания рассчитывать, что новый миропорядок, который придет на смену старому, действительно будет более справедливым.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Наталья Юрьевна Шведова, Вам слово.

Н. Ю. ШВЕДОВА: — Рассмотрение деловой активности как многоуровневой категории позволяет выявить факторы, влияющие на ее формирование на каждом уровне, а также увидеть взаимосвязи и проанализировать эти факторы, в том числе их результирующее воздействие на весь воспроизводственный процесс. Напомню, что деловая активность оценивается по нескольким группам показателей. Множественность показателей становится еще более обоснованной, когда мы говорим о разных уровнях хозяйствования. Ретроспективный анализ деловой активности показывает, что начиная с 2014 года, когда были введены экономические санкции в отношении российской экономики, деловая активность наших предприятий находится на очень низком уровне. В 2017–2018 годах наблюдался незначительный подъем, но он происходил на фоне обострения внешнеполитических разногласий, торговых войн, в том числе разрыва логистических цепочек по некоторым направлениям.

Основные факторы, сдерживающие деловую активность российского бизнеса, — недостаточный внутренний и внешний спрос на продукцию, неопределенность экономической ситуации, высокий уровень налогообложения и финансовые ограничения. В то же время снижение деловой активности происходило с 2014 года на фоне неуклонного сокращения предполагаемых доходов населения. В 2021 году доходы несколько подросли, но это, на мой взгляд, объясняется тем, что тремя годами ранее, в 2018-м, была изменена методика расчета. И в то же время эту тенденцию подтверждает сокращающаяся доля за-

работной платы в структуре ВВП: в 2017 году — 41,3 %, в 2018-м — 42,8, в 2019-м — 41,9 %.

Если мы сегодня откроем план социально-экономического развития России на перспективу, то что увидим? Доля оплаты труда в ВВП остается на уровне 48 %, хотя в 2019 году предполагалось повысить ее до 60 %. Сравнение налогообложения на фонд оплаты труда в России и других странах опять-таки показывает негативную картину: выше наших 36 % — только во Франции и Италии. Но при этом доля ВВП на душу населения по паритету покупательной способности у них значительно выше, чем у нас, — в 1,5 и 1,7 раза соответственно. К тому же, насколько мне известно, правительства развитых зарубежных стран с 2014 года реализуют меры, призванные снизить налоговую нагрузку на фонды оплаты труда. Это многоаспектная проблема, требующая комплексного подхода с учетом значимости деловой активности и ее активизации на всех уровнях.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Слово профессору Диане Ивановне Балибаловой.

Д. И. БАЛИБАЛОВА: — Уважаемые коллеги, напомню, что наша страна находится под внешним управлением Международного валютного фонда. В 1987 году правительство СССР начало консультации о вступлении в МВФ. Эти консультации привели к тому, что в мае 1992 года Россия подписала соглашение и стала членом Фонда.

Все рекомендации МВФ были безукоризненно соблюдены. В 1991 году по Закону «Об основах налоговой системы в РФ» было введено девять новых налогов. Дальше был введен налог на добавленную стоимость, который выгоден для бюджета: чем больше посредников в товаропроводящей цепочке, тем больше налоговых поступлений. Чем больше рост цен, тем больше НДС, и доходная часть государственного бюджета пополняется огромными суммами, но мы все время слышим, что в бюджете не хватает денег то на одно, то на другое.

Второй момент. По рекомендации МВФ было введено бюджетное правило. Когда Россия вступала в Международный валютный фонд, она получила статус государства-заемщика, но после того как мы в 2005 году погасили внешнюю задолженность, наш статус изменился: теперь мы государство-кредитор. А это значит, что значительную часть своих нефтегазовых доходов мы должны отправлять в Америку.

Наконец, третий момент. До сих пор в законе всегда указывалась цель финансовой политики на следующий год. Сначала такой целью было погашение внешней задолженности (о внутренней речь не шла никогда, хотя здесь у государства немалые долги), затем, когда стали быстро расти цены на нефть, в течение трех лет целью было повышение благосостояния населения. Но в то же время проводилась реформа здравоохранения, потом грянул экономический кризис. И американцы вышли из него в значительной мере за счет России. Каким образом? У нас начало работать бюджетное правило, и они стали получать наши деньги в свой актив, причем покупали мы долговые обязательства США. В последние годы целью финансовой политики было преодоление пандемии, но с 2022 года в законе о бюджете больше нет основной цели финансовой политики государства.

Пришло время проанализировать, насколько целесообразно наше участие в Международном валютном фонде, а также в других международных организациях, в частности в ВТО и ВОЗ.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Мы подводим итоги работы нашей секции. Пожалуйста, ваши впечатления.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Уважаемые коллеги, благодарю вас за участие и интересные выступления. Слушая вас, я еще раз убедился в сложности и разносторонности экономической науки, так как заявленная тема была освещена с разных точек зрения. Дорогие студенты, возможно, полученная сегодня информации поможет вам определиться с будущей карьерой, например заняться научными исследованиями.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — В заключение я хотел бы еще раз повторить: главная задача нашей страны, нашего народа — нас и руководства страны — повысить эффективность. Мы не эффективны. Вот что самое страшное. И поэтому студентам надо учиться, учиться и учиться. А профессорам надо учить тому, как учиться.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Дорогие друзья, большое спасибо за работу! Действительно, для многих в мире стал неожиданностью тот факт, что российская экономика перед лицом санкций оказалась настолько устойчивой. Однако мы уже ощущаем снижение спроса на нашу экспортную продукцию и разрыв производственных связей, но основные сложности еще впереди, потому что пока во многих отраслях используются старые запасы. Реструктуризация экономики России будет очень серьезной. Подчеркну еще раз: нам очень повезло, что наша страна обладает широчайшим разнообразием всевозможных ресурсов и, к счастью, достаточно хорошо работающим сельским хозяйством. Оба обстоятельства чрезвычайно важны: первое — чтобы обеспечивать базовые условия для хозяйственной деятельности, второе — чтобы в стране не было дефицита продуктов или даже голода.

Сейчас ведется обсуждение, какие потребуются изменения в экономической политике, институциональной, финансовой и т. д. В связи с необходимостью перераспределения ресурсов надо быть готовыми к тому, что придется пойти на дефицитное финансирование, которое продлится не один год, потому что необходимо будет перебрасывать ресурсы из одних областей в другие — в те, которые мы сочтем нужным развивать в первую очередь.

Денежно-кредитная политика в настоящее время вызывает много споров. Однако следует признать, что и Центральный банк, вольно или невольно, понемногу меняет свои подходы. Несомненно, все это надо серьезно осмысливать и вносить коррективы.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Благодарю всех участников секции — руководителей, докладчиков, студентов.

Секция 4
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ

10 июня 2022 г. Лекционный зал № 2 СПбГУП

Руководители секции:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
В. А. ТИШКОВ	научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, член Президиума, академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
А. В. ШЕРШУКОВ	заместитель председателя ФНПР, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность»

ДОКЛАДЫ

О. Н. Астафьева[1]

СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТАХ И ДИСКУРСАХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Понимание динамики и векторов социокультурных процессов в современной России связано не только с проникновением в суть масштабных изменений в мире, но и с осознанием того, что эти сдвиги происходят при участии субъектов, придающих этим процессам напряженность и дискуссионность содержания. В новых условиях динамика и субъектность социокультурного пространства выходят за пределы теоретико-методологических вопросов культурологии, актуализируются в прикладных междисциплинарных исследованиях, что в полной мере соответствует характеристикам мирового социокультурного пространства начала XXI века, вбирающего в себя как общезначимые для человечества традиционные ценности и смыслы, так и пронизывающие культурную жизнь конфликтные «взбросы» новых идей, трансформирующих представления о процессах воспроизводства человека культуры, отстраняющие его от творческого со-участия в развитии коммуникативных связей и отношений на всех уровнях социального бытия.

Разумеется, не только Россия вступает в новый период своей истории, но и человечество в целом оказывается перед пока неосознаваемым в полной мере выбором парадигмы глобализации — проекта планетарного переформатирования единства. Иначе говоря, тема вхождения мира в зону нестабильности и системного кризиса выходит за пределы контекстовой для России, поскольку дискурсы в современной медиасфере и плотном потоке сетевых неупорядоченных коммуникаций в Интернете воздействуют на массовое сознание и поведение людей, детерминируют индивидуальное мировосприятие каждого индивида. От стратегии выхода из зоны бифуркации зависит не только ситуация дня сегодняшнего, но и направленность социокультурных процессов в будущем.

В ситуации «переходности» культурная политика представляет сложноорганизованное поле исследова-

[1] Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры ЮНЕСКО, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Информационно-семиотическая теория культуры» (в соавт.), «Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания» (в соавт.), «Социокультурная политика в Российской Федерации» (в соавт.), «Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета по философии, социологии и культурологии ВАК Минобрнауки РФ, Общественно-экспертного совета Министерства культуры РФ, Российского философского общества, Московского культурологического общества и др. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

ния, предполагающее и философскую рефлексию проблем, и теоретическую работу с понятиями и категориями. Однако на этой территории «между», когда системное единство находится в фазе поиска и становления, где «каждый культурный акт существенно живет на границах»[1], мы можем обозначить лишь контуры и подходы к построению моделей культурной политики, поддерживающиеся конкурирующими дискурсами концептуальные пространства.

На наш взгляд, актуальное состояние культуры в российском обществе отражает ситуацию столкновения приоритетов в культурной политике и актуализирует потребность в стимулировании сложноорганизованной реальности на продуцирование диалоговой стратегии, сближающей ценностные полюсы.

Основная проблематика политических и культурологических дискурсов и дискуссий предельно сложна, направлена на раскрытие смыслов современной культуры и ее центрального ценностного ядра. В его основе прослеживаются *три оси/вектора*, которые и позволяют сохранять (воспроизводить) культурные коды, не изолируясь от глобально-цивилизационных процессов:

— устойчивость нравственных оснований и этических принципов культуры разных народов, проживающих на территории России;

— гибкий подход и особый тип интерпретации философии глобальной культуры, трансформирующей, но не устраняющей этнонациональные идентичности;

— переосмысление и обоснование идей цивилизационной идентичности на базе евразийства как стимулирующих обновление межкультурного диалога в потоке глобализирующейся культуры и геополитических трансформаций.

В этих условиях уместно обратиться к существующей типологии разделения культур/цивилизаций на «контекстно-свободные» и «контекстно-связанные» и рассмотреть, какие стимулы и предпосылки запустят механизм изменений «изнутри» в первом случае, раскрыть влияние и воздействие внешних факторов — во втором[2]. Собственно говоря, выяснить детерминанты, которыми усложняется путь к достижению позитивных перспектив развития при нынешней конфигурации мира. О явных признаках столкновения цивилизаций свидетельствует все возрастающая плотность контактов и в неменьшей степени и конфликтов в мире. Характеризуя эту ситуацию, В. Е. Кемеров подчеркивает, что «прежние границы перестают выполнять привычные функции разделения и связывания»[3] и в практическом смысле выводят на первый план *проблемы согласования разных типов хронотопа*[4]. Нынешний российский тип является результатом деятельности разных субъектов культурной политики, генерирующих локальные смысловые пространства в процессе смыслооперационной деятельности и не исключающих смысловых сдвигов[5]. В конечном счете ответственность за эти сдвиги и необходимые корреляции (сохранение различий и организацию связей между локальными пространствами смыслов) перекладывается на систему государственного управления и институты гражданского общества, то есть на «культурных политиков»[6] или администраторов, менеджеров культуры, акторов[7], то есть субъектов, реализующих культурную политику. Ими используется вся совокупность нормативно-законодательных и экономических механизмов, информационных ресурсов и дискурсов, а также инновационных программно-проектных подходов в управлении.

Посредством признания содержательности проектирования и выстраивания форм общекультурного пространства смыслов, динамично развивающихся за счет локальных смысловых пространств и учитываемых при стратегическом планировании, создается возможность взаимообусловленного существования различных социальных субъектов, систем, форм социокультурной деятельности[8]. Фактически выполняется «задача конструирования норм, ориентиров, стандартов, обладающих некими общезначимыми („межсубъектными“, „межсистемными“) свойствами, и вместе с тем задача экспертного анализа их возможностей и границ»[9]. В теоретико-методологическом плане актуализируется обоснование конкретного социального хронотопа с позиций теории управления и теории самоорганизации в границах культуры с высокой структурной неоднородностью и иерархичностью ценностно-смыслового пространства.

Исходя из такой исследовательской установки, предлагаем сконцентрировать внимание на базовых характеристиках *трех подходов к стратегии культурной политики России и заложенных в них ценностно-смысловых хронотопах* как обобщенных качественных координат предлагаемых концептов, дискурсов, нормативных схем. Фиксируемая сложность модели культурной политики переходного этапа с ее многовекторностью социокультурного развития России в глобальном мире фокусирует наше внимание на полях напряженности, ориентируя на снижение ситуативности в публичной политике, ресурсах стратегического программно-проектного управления, что, на наш взгляд, возможно обеспечить только посредством достижения динамической устойчивости и целостности модели культурной политики[10].

Охранительно-конвенциональный подход в культурной политике России, суть которого заключается в отстаивании самобытности национальной культуры в контексте глобальных перемен, выводит в центр

[1] *Бахтин М. М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. М. : Рус. словари : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 282.

[2] См.: *Цымбургский В. Л.* Столкновение цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI в.) // Pro and contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 186–183.

[3] *Кемеров В. Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М. : Академ. проект : Фонд «Мир», 2012. С. 246.

[4] Там же. С. 182.

[5] См.: *Богатая Л. Н.* На пути к многомерному мышлению : моногр. Одесса : Печатный дом, 2010. С. 192.

[6] См.: *Синецкий С. Б.* Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : моногр. / С. Б. Синецкий. Челябинск : Энциклопедия, 2011.

[7] См.: *Востряков Л. Е.* Государственная культурная политика: понятия и модели : моногр. СПб. : СЗИ РАНХиГС, 2011.

[8] См.: *Кемеров В. Е.* Указ. соч. С. 246.

[9] Там же.

[10] См. об этом: *Астафьева О. Н.* Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальных концептуализаций // Культурная политика России актуальные аспекты : кол. моногр. / А. Н. Чумаков, О. Н. Астафьева, Э. В. Деменчонок [и др.] ; под ред. А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2015. С. 15–26.

внимания два вопроса: 1) об основаниях российской культуры и принципах/формах регулирования процессов сохранения ее сложной этнонациональной и поликонфессиональной специфики, вливающейся в глобализирующийся мировой поток; 2) о сохранении имманентных качеств российской культуры, базирующейся на синтезе идей славянофильства, западной рационалистической философии, восточных традиционных представлений и в итоге предъявляющих через политические институты идею евразийства как комплексную (и по своим составляющим элементам, и по принципам трансляции). Этот подход реализуется посредством механизмов публичной политики, в том числе через институциализирующуюся систему массовой культуры и каналы массмедиа, которые между тем зачастую упрощают и искажают содержание охранительно-конвенционального подхода.

С учетом публично артикулируемого протестного и изоляционного контекста одна из дискуссионных осей в дискурсах субъектов культурной политики этого направления России проходит через центральное понятие «традиционные культурные ценности». Налицо сложности объективного и субъективного порядка, связанные с трактовкой и интерпретацией обсуждаемых концептов, с игнорированием того, что в таких понятиях «есть несколько уровней смысла — общечеловеческий (как своеобразный инвариант различных культурных традиций), весьма абстрактный, фиксирующий основания любого человеческого бытия; уровень смыслов, выражающий особенности той или иной культуры соответствующей исторической эпохи, и, наконец, уровень, выражающий личностные и социально-групповые интерпретации универсалий культуры, репрезентирующий мировоззренческие установки личности и социальных групп (классов, сословий, кланов и т. п.)»[1]. Под влиянием множества факторов происходят исторические реконструкции и переосмысливается система ценностей и мировоззренческих ориентиров культуры. Активное принятие и усвоение концепта «традиционные культурные ценности» во всей многоуровневости смыслов возможно при условии координации и «запуска» механизма самоорганизации путем управленческих воздействий, направленных на критическое переосмысление выбора средств формирования традиционных культурных ценностей из многовариантной диспозиции альтернатив, предлагаемых разными субъектами культурной политики.

Эта процедура, однако, предопределяет заинтересованность всех участников дискуссии в достижении общего решения, а значит, предполагает следование *универсальным принципам коммуникации*, таким как продвижение от целого к частям и от части к целому, как пути навстречу взаимодействию. Поиск понимания осуществляется в герменевтическом круге и связан с одновременно идущими трансформациями интерсубъективного смыслового пространства[2]. В итоге в структурно-процессуальном аспекте путь от формирования дискурса до принятия стратегических решений включает *осознание проблемной ситуации и ее решение в рамках охранительно-конвенционального подхода к культурной политике России.*

Не менее очевиден и иной по своему ценностно-смысловому хронотопу *модернизационно-мобилизационный подход в культурной политике России*, ориентирующий общество на укрепление человеческого капитала, новый образ жизни, благосостояние и повышение качества жизни, что обусловлено: 1) ростом дифференциаций ценностных оснований, расширяющих спектр социокультурных и институциональных элементов социализации; 2) модернизацией социокультурных практик взаимодействия людей в условиях постиндустриальной экономики; 3) социокультурными инновациями по стимулированию новых секторов креативных (творческих) индустрий и др.; 4) внедрением в повседневную и специализированную культуру новых форматов медиа- и цифровой среды, расширением функций медиаинститутов.

Коммуникативный подход к стратегии культурной политики оказывается самым сложным, ибо нацелен на обеспечение динамической устойчивости и общности социокультурного пространства, длительно вырабатываемого в ходе установления диалогических и (или) полилоговых отношений, сохраняющих напряжение на всех уровнях культурной политики. Совокупность общественных отношений множества агентов и институций с их практическими схемами непрерывного процесса становления/переконструирования социокультурного пространства образует коммуникативную модель культурной политики[3].

На изменение отношения к информационно-коммуникативным инструментам культурной политики, способным трансформировать когнитивные, поведенческие и мыслительные процессы человека и массовое сознание общества, указывается и в Стратегии национальной безопасности[4]. Тем самым при оценке воздействия различных дискурсов актуализируется вопрос о коммуникативных эффектах, выражающихся в когнитивных и поведенческих откликах индивидов, социальных групп и всего общества. В коммуникативном подходе не последнее место занимает вопрос целесообразности расширения установочных факторов получателей информации для повышения коммуникативных эффектов и реагентности аудитории при усилении противоречий и искажении ценностных ориентаций, нарастании информационных шумов, фейковизации[5].

---

[1] См.: *Степин В. С.* У истоков новой методологии историко-философских исследований (методологические идеи М. К. Петрова) // Петров М. К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода : моногр. / Южн. федер. ун-т. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2015. С. 384–385.

[2] См.: *Гутнер Г. Б.* Постнеклассическое исследование: коммуникативный характер практик // Постнеклассические практики: опыт концептуализации / под общ. ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой. СПб. : Издат. дом «Міръ», 2012. С. 141–142.

[3] О коммуникативной модели культурной политики см.: *Астафьева О. Н.* Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий // Культурная политика: от стратегии государства к управленческим решениям организаций : сб. ст. Вып. 9. / под науч. и общ. ред. О. Н. Астафьевой и В. К. Егорова. М. : Изд-во «Согласие», 2022. С. 28–46.

[4] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html (дата обращения: 03.05.2022).

[5] См.: *Фролов С. С.* Возможности воздействия на целевую аудиторию на основе практики убеждающей коммуникации // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1. С. 92–94.

Конкуренция подходов за ведущий вектор в стратегии культурной политики проявляется на разных площадках: нормативно-законодательной; ценностно-смысловой (политизированные дискуссии, конкурирующие дискурсы[1]); структурно-организационной (обновление системы инструментализации отношений и пр.).

Обозначенная типология подходов фиксирует исторически сложившуюся ситуацию относительно смыслов культуры и актуализирует вопрос о координации и полномочиях субъектов культурной политики разных уровней, о возможном сближении и включении идей в общую стратегию культурной политики России. И это вопрос не только формы отношений и системы коммуникаций, но и содержания и смыслов культурного развития России.

Н. Г. Багдасарьян[2]

ЖИТЬ ВМЕСТЕ: ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

События, начавшиеся в феврале 2022 года, вышли далеко за пределы двустороннего вооруженного конфликта между Россией и Украиной. В той или иной мере в него оказалась втянута практически вся планета, что неудивительно: глобальный характер процессов современного мира — вовсе не метафора. И дело даже не только в том, что на рубеже XX–XXI веков сложилась глобальная финансово-экономическая пирамида с верховенством развитых стран Европы и США, в которой сверху вниз направлялся поток высоких технологий, а снизу вверх — относительно недорогое сырье. Важными оказались следствия такого порядка вещей. Некоторые из этих следствий уже очевидны, и потому настоятельно требуют осмысления и регулирования при использовании методологии форсайт-прогнозирования и кибернетического воздействия. Главное здесь — понять, каково все же магистральное направление общественного развития. Являются ли подобного рода вооруженные конфликты эпизодом великой истории человечества или в современном мире будут найдены такие силы и такие рычаги, которые позволят грядущим поколениям отказаться от агрессивного деления человечества на противоположные лагеря?

Оказалось, что перераспределение мировых благ, осуществляющееся на глобальном уровне, повлекло за собой не только смещение центров влияния, но и изменение судеб целых социальных групп и отдельных людей. По наблюдению А. П. Назаретяна, «современный мир переживает не „столкновение цивилизаций“, а столкновение исторических эпох, сконцентрированных в едином пространстве-времени планетарной цивилизации. И происходит оно не по границам стран и регионов, а в сознании людей, причем прошлое активно берет реванш»[3]. И далее: «в вакууме стратегических жизненных смыслов реанимируются угасшие было идеологии религиозного и национального фундаментализма, заточенные на поиск врагов»[4].

Размышляя о перспективах дальнейшего развития мира, мы можем сказать лишь одно: «Мы не знаем». Не знаем, что именно будет происходить с международными институтами, глобальной финансовой архитектурой, сложившимися международными связями. Нам доступна лишь динамика и неопределенность повседневности, в структуре которой возможно выстраивание сценарных прогнозов.

Вернемся, однако, к ключевому понятию смыслов, которые концентрируются в ценностях. Даже в том состоянии тревожности, охватившем сейчас граждан всех стран, втянутых — прямо или косвенно — в российско-украинские события, ориентиры и цели людей смещаются в сторону свободы, безопасности и стабильности, о чем можно говорить со значительной долей уверенности. Об этом нетрудно судить по рейтингу стран мира по уровню счастья населения[5]. Пятый год подряд первое место как самое счастливое государство в мире занимает Финляндия. В 2022 году она значительно опередила другие страны в первой десятке. Дания продолжает занимать второе место, а Исландия поднялась с четвертой позиции в прошлом году на третью в этом. На четвертом месте Швейцария, за ней следуют Нидерланды и Люксембург. Первую десятку замыкают Швеция, Норвегия, Израиль и Новая Зеландия. Что учитывается Исследовательским центром «Институт Земли», действующим при Колумбийском университете, при составлении рейтинга? Кроме статистических показателей (уровень ВВП на душу населения; ожидаемая продолжительность жизни; гарантии занятости; уровень коррупции) оцениваются наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей. Име-

[1] См.: *Астафьева О. Н.* Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 6. С. 574–585.

[2] Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 280 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «Теория культуры в призме философии истории: идеи А. Флиера в культурологическом дискурсе» (в соавт.), «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Энергия прорыва»; учебников «Культурология», «Социология» (гл. ред.), «История, философия и методология науки и техники» (гл. ред.). Член редколлегий журналов «Философия науки и техники», «Вопросы культурологии», «Культура культуры» и др. Член Российского философского общества, Российской социологической ассоциации. Награждена медалями «В память 850-летия Москвы», «165 лет со дня рождения В. Г. Шухова».

[3] *Назаретян А. П.* Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М. : ИВ РАН, 2018. С. 130.

[4] Там же.

[5] *Данилов Д.* 100 самых счастливых стран мира: рейтинг 2022 года, место России // TOP-RF.ru : [сайт]. URL: https://top-rf.ru/places/548-rejting-stran-po-urovnyu-schastya.html (дата обращения: 17.06.2022).

ют значение и косвенные показатели состояния общества — уровень доверия; великодушие; щедрость. Россия в этом рейтинге на 80-м месте. Вероятно (и ожидаемо) в следующем году она опустится еще ниже. Санкции большого числа ведущих держав мира, объем которых ставит страну и ее граждан в позицию выживания, меры собственного правительства по ограничению свобод в период «спецоперации», неизбежный рост безработицы, связанной с уходом с отечественного рынка зарубежных компаний, и (может быть, самое существенное для индекса личного счастья) семейные и групповые разногласия вплоть до поляризации в оценках происходящего — все это негативно влияет на «чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне». Кроме того, сложное психологическое состояние общества, подогреваемое агрессивным тоном информации, транслируемой официальными СМИ, порождает деформации ценностных систем и норм регуляции социального поведения. Такая разбалансировка способна вызывать перерастание поляризации социальных групп в открытые социальные конфликты[1].

Кстати, закон поляризации был сформулирован выдающимся социологом XX века П. Сорокиным в 1941 году, в разгар Второй мировой войны: «В противовес фрейдовскому предположению, что бедствия и фрустрация непременно рождают агрессивность <…> закон поляризации гласит: люди реагируют и преодолевают фрустрацию и невзгоды в зависимости от типа личности». При катастрофической обстановке в любом человеческом сообществе выделяются два поведенческих полюса. С одной стороны, актуализируются социальные и психические патологии, ожесточенность, крайний эгоизм, трусость и злоба. Это негативная поляризация. С другой — люди реагируют «ростом творческих усилий (как у Бетховена после наступления глухоты <...>), а также альтруистическим перевоплощением (св. Франциск Ассизский, Игнаций Лойола и другие)», благородством и самопожертвованием[2].

Эксперименты по выявлению эффекта поляризации, проводимые С. Московичи в условиях малой социальной группы, показали, что поляризация закономерно возникает и в больших социальных группах, и в отношениях между государствами. Субъекты с противоположными устойчивыми позициями в процессе дискуссии или конфликта чаще всего лишь укрепляются в своих взглядах. Субъекты, не имеющие определенного мнения, чаще принимают точку зрения тех, кто им кажется более убедительным, что полностью соответствует основным положениям теории социальной поляризации[3].

Разумеется, на оценки состояния России влияет уровень субъективного благополучия. Так, субъективно благополучные люди оценивают Россию как «неагрессивную», «богатую», «последовательную», «веселую», «свободную» и «заботливую». Субъективно неблагополучные оценивают Россию соответственно как «агрессивную», «бедную», «противоречивую», «унылую», «несвободную» и «безразличную». Эти и другие характеристики важны для понимания тенденций развития у населения высших социальных эмоций, например чувства национальной принадлежности, типов патриотического поведения, долга, социальной ответственности[4].

Февраль 2022 года и последовавшие за ним шаги в направлении «денацификации» соседней страны вместе с реакцией ведущих держав мира, скорее всего, увеличат лагерь «субъективно неблагополучных». Продолжится архаизация мировоззрения в дихотомии «свой–чужой», ставя общество на грань тотального Гоббсова мира — войны всех против всех.

Сможет ли современная культура предложить стратегические смысловые ориентиры, поднимающие людей над поиском врагов?

История знает примеры подобных усилий. В 1955 году, в разгар холодной войны, появился Манифест Б. Рассела — А. Эйнштейна «Новое политическое мышление», основные положения которого не только не устарели, но и приобрели сегодня новое звучание. Уместно напомнить, что Пагуошские конференции продемонстрировали реальность сотрудничества ученых с различными научными, политическими и идеологическими взглядами, которых объединяло стремление к миру и ядерной безопасности. Несмотря на разнообразие оценок эффективности Пагуошского движения и даже разочарование в нем самого Б. Рассела, заметим, что в тот период мир все же удержался от ядерной войны, на пороге которой находился.

Есть и другой пример поиска новых смыслов. Около десяти лет своей жизни П. Сорокин посвятил «таинственной энергии любви». В 1955 году было учреждено Исследовательское общество по созидательному альтруизму. На конференции общества по новым знаниям о человеческих ценностях в Массачусетском технологическом институте с докладами выступили Г. У. Олпорт, Л. фон Берталанфи, Э. Фромм, Х. Моргентау, П. Тиллих, К. Голдстайн, А. Х. Маслоу и другие выдающиеся ученые. «Несмотря на блестящий успех на конференции и отличные планы дальнейших исследований <…> после нескольких лет тихого существования общество тихо скончалось, — писал П. Сорокин. — Господствующий во всем мире климат нетерпимости и вражды между людьми из-за их личного и группового эгоизма оказался совершенно непригодным для возделывания прекрасного сада созидающей любви»[5].

И наконец, скажем о работе, благодаря которой появилось название доклада. Это исследование одного из ведущих французских социологов А. Турена «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные»[6]. Философ выделяет три эпохи модернити по критерию характера соподчинения индивида и власти. Он пишет о том, что время, когда политические вожди расценивали самих себя как «носителей высших ценностей и считали

[1] *Осипов Г. В., Кузнецов В. Н.* Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М. : Вече, 2005.

[2] *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман : пер. с англ. Сыктывкар : СЖ Коми ССР : МП «Шыпас», 1991. С. 231.

[3] *Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Международный индекс счастья и психологическое состояние российского общества // Прикладная юридическая психология. 2018. № 2 (43). С. 23.

[4] *Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Указ. соч.

[5] *Сорокин П. А.* Указ. соч. С. 236.

[6] *Турен А.* Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 465–492.

своим долгом защиту народа — эксплуатируемого и колонизированного, лишенного собственности и голоса», прошло. Да и «…общественные движения все менее и менее призывают к созданию нового социального порядка, но все более и более — к защите свободы, обеспечению безопасности и человеческого достоинства»[1].

Мы видим, как пересекаются идеи философа-гуманиста с представлениями о счастье «простых» людей, живущих на нашей планете.

Противоречия индивидуальных интересов — идет ли речь о политиках, мнящих себя вершителями судеб наций, или об индивидах, определяющихся в траекториях собственной судьбы, — могут быть сняты через изменение самих интересов.

Может быть, некоторые выводы из анализа современного положения дел, кажущиеся сегодня актуальными (например, невозможность и неэффективность «мягкой силы» как наивного пережитка прошлой эпохи, провал публичной дипломатии, непримиримость конфликта целей и возможностей политических и экономических элит и т. п.), все же преждевременны в перспективе будущего мироустройства? Возможно ли межгосударственное, межцивилизационное взаимодействие, исключающее открытые конфликты? Мы не готовы предложить «единственно правильный» сценарий такого взаимодействия, но, если следовать общей логике смысло- и целеполагания, то международные отношения должны стремиться к максимальной интерсубъективности, то есть принятию существования других акторов мирового пространства вне зависимости от их личностных, партийных, религиозных или внутригосударственных установок.

Э. В. Баркова[2]

ЭКОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Сохранение жизнетворческого импульса в Культуре России, укрепляющее органическую целостность ее исторического бытия и *связи* как с высокими традициями и перспективами своего будущего, так и с *Экомиром Земли во всем многообразии его культурных и природных форм,* открывает пространство надежды на преодоление разбалансированности современного социокультурного пространства, а главное — возможности нового Возрождения — *Возрождения XXI века.*

Возрождение-XXI — не утопия или один из разрабатываемых сегодня научно-практических проектов, а востребованная в целях сохранения Жизни, природы Человека и Культуры эпоха и ее экофилософская рефлексия, в фундаментальных и прикладных исследованиях которой раскрывается смысл и цели гуманитарно-культурного измерения так трудно происходящего сегодня процесса перехода планетарного бытия в ноосферу. Альтернатива Возрождению-XXI — уход человечества со «сцены» Земли, а возможно, и самой Земли — органической части и звена универсальной эволюции Вселенной — с непредсказуемыми сегодня последствиями.

Цель Возрождения-XXI — *формирование нового планетарного культурно-природного ландшафта,* субъект которого, бережно сохраняя и совершенствуя свой Экодом — родную планету с многообразием ее цивилизаций и культур, осваивая космос, раздвигает границы своего присутствия, *очеловечивая* пространство за пределами Земли. И «лабораторией и мастерской», где сегодня могут быть открыты, исследованы, апробированы и транслированы соответствующие такому масштабу новые формы мышления и бытия, может быть только *Россия*. Поэтому от творческой воли интеллигенции и ученых России, направленности энергии общества и мыследеятельности на крупный гуманитарный прорыв в известной мере зависят перспективы жизни не пост-, нано- или техно-человеческой, а человеческой цивилизации будущего.

И будущее со столь ответственной миссией России, как и неразрывно связанные с ней многие векторы развития планетарного бытия, рождается сегодня не только в военных и экономических битвах за интеллектуальные и природные ресурсы, но и *в борьбе ценностных систем, идеалов, символов, экоантропологических идей, интерпретаций и моделей образования будущего*.

Победа в этой борьбе мировоззрений и ценностей возможна, но она может быть обеспечена на основе укрепляющей духовно-культурную безопасность самой России обновленной методологии и формирования картины мира, ориентированной на *оздоровление мира человека, среды* его жизни, культуры, продвижении этой картины мира в общественном сознании и безотлагательной работы с ее понятиями и образами всех институтов, но прежде всего системы российского социально-гуманитарного образования.

Методологическим основанием, соответствующим этим общим установкам, думается, может стать *экофилософия* — стремительно развивающееся направ-

[1] *Турен А.* Указ. соч. С. 482.

[2] Профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, директор научно-исследовательского центра экофилософии в Научно-исследовательском институте истории, экономики и права, доктор философских наук. Автор 360 научных публикаций, в т. ч. монографии «Экорациональность в освоении целостности бытия»; глав в коллективных монографиях: «Человек. Земля. Вселенная», «Синтез образования, воспитания и науки в ноосферной стратегии инновационного прорыва России» и др.; статей: «Органический синтез культур как возможность невозможного: к экофилософскому прочтению „Западно-восточного дивана“ Гёте», «Spatial Determination of Organization of Cultural-Communicative Eco-Environment» (в соавт.) и др. Член Комиссии РАН по изучению научного наследия академика Н. Н. Моисеева.

ление, в котором проблема человека в его связях с космосом, природой, обществом и культурой исследуется на уровне всеобщего в контексте идей жизнезащиты, жизнесовершенствования, сохранения и развития природы человека. Задачами человека как субъекта мышления и деятельности в этой парадигме становятся самосохранение, гармонизация Экомира и развитие проектов культурно-природного взаимодействия.

А потому *образование* здесь — не просто одна из подсистем социума или институт трансляции освоения и хранения информации, *а органическая часть Жизни — своей собственной, своей семьи, России, Земли, Вселенной.* Функционирование образования обеспечивает здесь формирование и совершенствование Человека как субъекта Культуры в его связях с природой[1].

В такой логике, восходящей к древнейшим традициям всех культур мира, а ближайшим образом к *философии русского космизма, актуализируется освоение философской проблемы связей* — не только эмпирических и изучаемых в циклах прикладных дисциплин, но и *фундаментальных связей* Человека, Земли и Мироздания. Именно связи и их понимание, а не технологии, эмпирические факты или фрагменты информации, становятся содержательной основой, структурирующей в этом концептуальном поле обновление Программ в логике экофилософского поворота.

В. И. Вернадский не случайно обратил внимание на недооценку связей человека с естественными и искусственными основаниями своего бытия — исходного момента с точки зрения экологии образования. «Философы и современная философия в подавляющей мере не учитывают... функциональную зависимость человека как природного объекта и человечества как природного явления от среды жизни и мысли»[2].

Исходя из этого, экоориентированный поворот в социально-гуманитарном образовании к нормально-человеческой, то есть ориентированной на здоровье человека, его природе и культуре жизни в известной мере оказывается коррелирующим с мерой «здоровья» самой среды и доминирующей в ней картины мира.

Восстановление такого здоровья в системе отечественного образования связано наряду с решением многих других вопросов с вынесением в центр системы его реформирования *экологии социально-гуманитарного образования* — направления науки и практической деятельности, которое, изучая традиционные и вводимые сегодня в научный оборот экоантропологические, экокультурные, психологические, философско-образовательные, педагогические проблемы, ориентировано на их не информационно-детерминистское освоение или констатацию доминирующих сегодня тенденций, а на сохранение мира человека и развитие-расцвет его природы и культуры как самоценности, на защиту высших достижений социально-гуманитарных наук и социальных практик всего мира и культурно ответственный поиск потенциала совершенствования.

Такая установка, сохраняя в своем пространстве-времени векторы анализа *меры человеческого* в человеке, содержание которой, естественно, трансформируется на каждом этапе эволюции, исходит из научно обоснованной установки на работу с *константами планетарного бытия и нормами* человеческой жизни и культуры. Эти нормы-константы, исторически закрепленные в науке, этике, эстетике, начиная с ранних эпох до классической формулировки в категорическом императиве И. Канта, в экологическом императиве Н. Н. Моисеева — основа не только экологии образования, но и всех экосистем — человека, общества или природы. Недопустимость их нарушения ясна, поскольку, — по словам, например, Эрика Хольтхауса, — «уничтожение экосистем планеты все быстрее ставит под вопрос само будущее человеческой цивилизации»[3].

В современном социально-гуманитарном образовании между тем доминирующее положение заняли парадигмы, ориентированные на *абсолютное снятие границ между нормой и не-нормой.* Следствия этого уже вышли далеко за пределы научных дискуссий, коррелируя с установками глобальных элит на утверждение уже начавшейся эпохи «новой нормальности» в пространстве современной антропологической революции. В. Г. Буданов в этой связи заметил: «Сегодня человечество вступило в перманентную череду кризисных состояний практически всех жизненно важных форм деятельности, которую глобальные элиты уже называют *„новой нормальностью“, а по нашему мнению, это лишь начальный этап Большого антропологического перехода*»[4].

Неизмеримо более перспективным в этом контексте представляется подход *Д. С. Лихачева,* сохраняющий *представление о высоких нормах культуры и образованности,* который соответствует направленности экологии человека и образования, поскольку акцентирует внимание на смысле сохранения типа естественного, а не искусственно-постчеловеческого развития. Применительно к системе социально-гуманитарного образования это значит сохранить Экомир человека в его целостности, развить способности входящих в жизнь поколений *по-человечески чувствовать, любить, мечтать, понимать и осваивать мир*, изучая не только внешние, но и внутренние связи Человека с самим собой, с Культурой, Обществом и Природой. Д. С. Лихачев именно с этим связывал вхождение в Мир Культуры и родной Земли — условие формирования интеллигентности. По Лихачеву, «Интеллигентность — это способность к пониманию, к восприятию, это отношение к миру и к людям»[5].

На основе *принципа системности* — одного из ключевых в современной системе образования — возможно формирование профессионализма адаптивной структуры в организационной системе корпоративной культуры, но не интеллигентности. А потому для эффективного экоориентированного управления социально-гуманитарным образованием, ставящим пе-

[1] *Баркова Э. В.* Развитие «зеленой» культуры образования в эпоху цифровизации: экоантропологический аспект // Право и практика. 2020. № 2. С. 210–216.

[2] *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. URL: https://www.rulit.me/books/nauchnaya-mysl-kak-planetnoe-yavlenie-read-53559-1.html.

[3] *Хольтхаус Э.* Земля будущего. Выживание в эпоху глобального потепления. СПб. : Портал, 2021. С. 13.

[4] *Буданов В. Г.* К вопросу о генезисе большого антропологического перехода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 40–43.

[5] *Лихачев Д. С.* Земля родная. М. : Просвещение, 1983. С. 20.

ред собой такую задачу, востребованным оказывается другой принцип — открытой саморазвивающейся целостности. Вот почему прав А. С. Колесников, показывая, почему для такого управления актуальна *экология знаний.* Современное состояние культуры, по его мысли, «требует особой экологии знания, работающей в эпистемологическом разнообразии мира»[1]. Экология знаний сегодня — необходимая установка на защиту мира человека и культуры, восстанавливающая статус субъект-объектных отношений, истины, возвращения к принципу объективности рассмотрения.

В этом контексте подчеркнем, что в арсенале отечественного опыта и его традициях открывается множество исключительно продуктивных, хотя и слабо используемых в современной практике образования идей, альтернативных доминирующим моделям постмодернизма, прагматизма, аналитической философии, снимающим статус принципа объективности рассмотрения. Сильным местом культуры образования в России традиционно было и освоение столь недостающей сегодня *глубины* внутреннего мира человека, гармонии отношений с собой и природой, исследование онтолого-этических смысложизненных вопросов, исходящих из единства истины, добра и красоты.

Не следует ли отсюда правомерность *постановки вопроса о своеобразном «импортозамещении» и в социально-гуманитарном образовании?* Цели такого «импортозамещения» предполагают не только укрепление духовно-культурной безопасности России, но и титаническую работу по переработке — с точки зрения экоориентированных стратегий развития культуры — и отбору самых масштабных, необходимых, но в силу разных причин забытых, забываемых и потому неиспользуемых научных и художественных текстов, вдохновляющих образов и глубоких идей русских и представителей народов России авторов. Это, кроме того, основа работы по «строительству» новых культурных мостов и проведению межкультурно-философских исследований.

А сегодня спросите, например, студентов: кто такой А. С. Макаренко? Не многие ответят. Между тем японские теоретики и практики, развивающие принципы тимбилдинга, не скрывают: они ничего не придумали, а позаимствовали его общие принципы и технологии эффективной организации работы в рабочей группе и в организации в книгах А. С. Макаренко.

Пользуясь ежедневно гаджетами, многие ли знают, за что Ж. И. Алферов получил Нобелевскую премию?

Примеров выдающихся имен и идей — десятки, и их активное включение в обновленные в экокультурном контексте программы важно для развития личности интеллигентного человека, способного в перспективе разрешать противоречия современного локального и глобального бытия.

Одно из них — *противоречие между непрерывным и ускоряющимся ростом сложности современной социокультурной системы,* требующей личности крупного масштаба для ответственного решения множества все более сложных, «многомерных» задач, *и недопустимо упрощенными моделями их сегодняшнего решения,* включая решения культурных, социальных, управленческих, понятых в широком смысле экологических и философско-антропологических проблем. Неспособность адекватного разрешения этого противоречия между тем уже привела в образовании к продвижению решений, проложивших путь к переводу качественно-содержательного анализа перспектив жизни человека и его культуры к анализу количественному, и, сняв сам смысл образования и образованности, заменила его бытие и деятельность «цифрой» и цифровыми технологиями, в том числе технологиями мышления.

Именно в силу этого ведущее место в системе образования заняли не фундаментальные теории, не основательное изучение первоисточников, научных трудов, учебников, а сайты, с которых всегда можно мгновенно скачать информацию по любому вопросу. Не секрет, что наряду с высокопрофессиональными онлайн-университетами и образовательными структурами появилось множество блогеров и псевдоученых, не обременяющих себя изучением преподаваемых онлайн-курсов.

В силу этого одной из целевых стратегий развития экологии социально-гуманитарного образования становится исключение из пространства образования информационного шума и различных форм наукообразия, «заглушающих» научные подходы. Против наукообразия, как известно, страстно, энергично и заинтересованно выступал Д. С. Лихачев, справедливо подчеркивая его риски в том числе для безопасности России: «наукообразность способна вытеснить науку или резко снизить академический уровень науки. Это явление в мировом масштабе очень опасно, так как открывает ворота в литературоведение разного рода шовинистическим или экстремистским тенденциям»[2]. Безусловным авторитетом для Д. С. Лихачева всегда была «только высокая наука: детальное филологическое изучение произведений литературы, текстов и их языка, доказательность и непредвзятость аргументов»[3].

Таким образом, даже при первом приближении проясняется востребованность взгляда на социально-гуманитарное образование России в контексте экофилософски поставленных проблем человека и его самосознания в мире культуры, природы, бытия Земли[4]. С точки зрения экологии образования, как видим, здесь открываются возможности преодоления *рисков духовно-культурной опасности*, связанной с интерпретацией субъективности, в пространстве которой реальный человек как субъект культуры и природы оказался вытесненным из пространства самоопределения в Жизни и самостоятельной культурной переработки *реального* мира. Результат этого — превращение человека в «квазисубъект», не различающий границы текстовой среды и реального мира, принимающего любые формы подмены своей культуры стандартами массовой культуры, а своей личности и ее достоинства — технологиями коммуникаций и этикетными правилами.

[1] *Колесников А. С.* Становление мировой философии в условиях постглобализации // Современная мировая философия. СПб. : Академ. проект : Альма-Матер, 2013. С. 16.

[2] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 13.

[3] Там же.

[4] *Баркова Э. В.* Введение в экофилософию. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2021.

Открывая основания новой эпохи — Возрождения XXI века — и восстанавливая, опираясь на фундаментальные исследования русских философов-космистов связи Человека со своим собственным миром, с миром родной и всей мировой Культуры, с ее самыми высокими достижениями, с миром Природы, экология социально-гуманитарного образования сама оказывается опережающей стратегией формирования новых отечественных брендов, направленных на оздоровление мироотношения наших детей, жизни России и содержания всех фундаментальных и прикладных образовательных проектов. В этом процессе культурного самовоспроизводства ближайшим другом, «маяком» и образцом интеллигентности всегда был и остается Д. С. Лихачев.

А. Г. Большаков[1]

РОССИЯ В СОСТОЯНИИ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современные международные отношения переживают существенные изменения, которые можно назвать трансформацией. Последние десятилетия эксперты и аналитики описывали процесс всемирной вестернизации, выдавая его за глобализацию. Распад СССР, крах мировой системы социализма и разрушение биполярной системы породили иллюзию глобализации, которую подменяло однополюсное доминирование США и их союзников. Даже в западных странах с концептом «конца истории» (Ф. Фукуяма) согласны были далеко не все, поэтому тут же появляется не менее влиятельный концепт «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). А изменения в мировой политике и международных отношениях XXI века привели к развитию третьего альтернативного и антизападного концепта «диалога цивилизаций» (М. Хатами).

Интересно, что крупнейшее социальное движение нового века антиглобализм (или альтермондиализм — самоназвание движения) в западных и некоторых странах третьего мира (1999–2006) не смогло существенно расшатать основы существующего миропорядка. Оно выступало против доминирования транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций (таких как ВТО, ВМФ, G8 и др.) и проводило альтернативные социальные форумы с массовыми протестными митингами и демонстрациями, которые очень часто сопровождались экстремистскими акциями, разрушением городской инфраструктуры, захватом собственности, несанкционированной раздачей ресурсов.

Однако более существенное влияние на подрыв либерализма и его утверждения об объективном характере процесса глобализации, оказал мировой экономический кризис 2008–2009 годов, который фактически предопределил крушение надежд на гегемонию западного либерального мира в международных отношениях как минимум до 2050 года, когда экономику США должны были существенно превзойти экономики Китая и Индии, а центр экономического развития мира должен был переместиться в страны Юго-Восточной Азии.

Потенциал сильнейшей западной экономики существенно снизился после этого кризиса. ВВП, например, уменьшился с 23 до 15 % мирового. США пропустил вперед Китай по ряду показателей экономического положения и роста. Европейский союз стал вторичен по отношению к США не только в военно-политической, но и экономической сфере. Это наглядно видно на примере европейского кризиса в период проведения Россией СВО на территории Украины.

В последние годы из состава Европейского союза вышла Великобритания, что снизило потенциал этого интеграционного образования и самих британцев, пробуксовывает модель «зеленой экономики» Д. Байдена, которую либералы-глобалисты попытались внедрить в странах коллективного Запада с начала 2021 года. Большинство западных стран озабочены поиском альтернатив российским энергоносителям, которые ставят под вопрос экономику «углеродной нейтральности», переход к которой первоначально было намечено завершить в 2030 году. К власти в США в 2022–2024 годах могут опять прийти американские республиканцы-националисты (Д. Трамп или его последователи), которые будут ратовать за изменение политики с глобальных на национальные интересы США, против бесплатного обеспечения военной составляющей безопасности Европейского союза и т. п.

Этому способствуют постоянные провалы во внутренней экономической политике Д. Байдена, а также уход американцев из Ирака, невозможность остановить гражданскую войну в Ливии, разрыв «ядерной сделки с Ираном» еще в 2018 году, катастрофа американской политики в Афганистане, кризис вокруг Тайваня и др. На этом фоне геополитический кризис во взаимоотношениях России и коллективного Запада в 2021–2022 годах демонстрирует постепенный дрейф системы международных отношений к полицентричному миру, где основные противники западных стран: Китай и Россия, создают значимые альтернативы и становят-

[1] Заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, доцент. Автор более 290 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации» (в соавт.), «Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления» (в соавт.); статей: «Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI века: трансформация и перспективы завершения», «Проблемная государственность в эпоху глобального кризиса национального суверенитета», «Политический кризис власти в современной Венесуэле: причины, динамика, перспективы урегулирования» (в соавт.) и др. Член экспертных советов при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Федерального агентства по делам национальностей РФ. Награжден медалью «За доблестный труд» (Татарстан).

ся самодостаточными центрами силы. Не исключено, что этих центров силы станет еще больше. Например, к ним может быть отнесена современная Индия, которая движется в данном направлении.

Подобная структуризация современного мира говорит о том, что идеология либеральной глобализации (вестернизации) постепенно уходит из современной мировой политики и международных отношений. Можно предположить, что ждать до 2050 года этого процесса нам не придется, 10–15 лет будет достаточно. А западные глобалисты в это время будут предпринимать многочисленные попытки удержания своего господства в экономике, политике, культурной сфере, основанные на концептах «ограниченной ядерной войны», «постправды», «культуры отмены» и др.

Необходимо понимать, что даже создание G20 — это уже альтернатива либеральной глобализации. Поэтому будущее в социогуманитарных науках за концептами деглобализации: «БРИКС+», «Один пояс, один путь» китайского происхождения, «Дивергенция против конвергенции» (Роберто Уингер), «Столкновение глобализаций» (Кевин Галлахер), «Евразийская модель глобализации» на основе концепта П. Савицкого «Континент — Океан» (Ярослав Лисоволик).

Современная гибридная война России с Западом включает противостояние в рамках вооруженного конфликта, экономическую войну (посредством санкционного давления), информационное противоборство. Наиболее проблематично для Российской Федерации складывается именно информационное противодействие. Здесь, на мой взгляд, у России наиболее слабые позиции, которые необходимо серьезно усиливать.

Есть ситуации, которые практические нерешаемы для Российской Федерации, во всяком случае быстро. Мировые глобальные СМИ в основном формируют контент, который необходим странам коллективного Запада. Что-либо противопоставить здесь Россия вряд ли сможет. Все пророссийские англоязычные СМИ Западом просто блокируются или закрываются. Это, правда, свидетельствует об отсутствии свободы слова и демократии в данных странах, но на Западе это давно никого не смущает. Истеблишмент и многие представители гражданского общества в западных странах верят в свою исключительность и возможности постоянного доминирования, хотя качество основных игроков на западном политическом поле постоянно снижается (отсутствие эрудиции и интеллекта, профессиональных знаний, гендерная сублимация и даже прогрессирующая деменция не мешают осуществлять руководство).

Адекватная позиция может быть озвучена некоторыми западными экспертами, оппозиционными СМИ, но только с целью внутриполитической борьбы или несистемными политиками и общественными деятелями на периферийных каналах или в некоторых газетах. Но влияния на всю совокупность западных медиа это практически не оказывает. Основной контент информации полностью враждебен России. Ни в одной из западных стран невозможно представить недавнюю российскую ситуацию: радио «Эхо Москвы» открыто работает против решений правительства своей страны и при этом финансируется государственным холдингом.

Социальные сети и телеграм-каналы, работающие против Российского государства и общества, безусловно, не должны иметь возможность существовать на территории России, что и подтвердили недавние решения правительства, однако контент многих российских социальных сетей и телеграм-каналов и в настоящее время удивляет, в них существует множество информации антироссийского характера (например, в социальной сети «ВКонтакте»). На мой взгляд, экспертизе должна подвергаться деятельность и многочисленных российских телеграм-каналов, поскольку информация в них является анонимной. Кроме этого, российское телевидение и пресса должны быть полностью избавлены от передач и материалов, которые готовятся на территории Украины, даже если они имеют развлекательное содержание.

Однако одними лишь запретами нежелательного контента решить проблему противостояния с информационными противниками в условиях гибридной войны не представляется возможным. Необходимо создавать и развивать отечественные цифровые платформы, поисковые системы, теле- и радиоканалы, телеграм-каналы, социальные сети и др.

Важнейшая роль, на мой взгляд, принадлежит российскому контенту, который появляется в других странах. По понятным причинам он должен различаться в дружественных и недружественных странах. В странах СНГ контент может распространяться в том числе и на русском языке, а вот в большинстве стран дальнего зарубежья требуется перевод на языки других государств. Поскольку воспроизводить русскоязычный контент на зарубежных телевизионных каналах, радио, в прессе достаточно сложно и затратно, то выигрышным выглядит распространение информации короткими сообщениями с помощью SMS (MMS), телеграмм-каналов, видео на YouTube/Rutube.

Необходимая России информация должна распространяться везде, в том числе в тех странах, которые Российская Федерация определила в качестве дружественных. Например, особую роль должен выполнять российский пропагандистский контент в таком регионе, как Центральная Азия. Правительства данных стран заняли во время последнего кризиса преимущественно нейтральную позицию (например, запрещены проукраинские и пророссийские митинги).

На территории государств Центральной Азии сегодня осуществляется прием не только российских телевизионных каналов, но и западных, украинских. Социальные сети заполнены преимущественно западным и украинским контентом. Ситуацию необходимо кардинально менять. Правдивое освещение «кризиса на Украине», целей СВО важно донести до людей в короткие сроки, поскольку регион принципиально важен для сотрудничества России и Китая и противодействия США и НАТО.

Не менее важным в плане информационной войны является изменение контента такой научной и учебной дисциплины, как политическая наука. Все обратили

внимание на украинские учебники истории и необходимость их замены на российские. Но политическая наука не менее важна, и здесь необходимо менять учебники не только украинские, но и российские, поскольку они являются калькой с учебников западных.

Конечно, нельзя запрещать политологию в России, но изменить теории, переделать учебный контент — необходимо. Подходы современной политической науки в России должны быть существенно изменены. Так, вызывает сомнения сама постановка вопроса о демократии плюралистических режимов, которые полностью отнесены к западным странам, хотя современные практики показывают, что в этих странах правительства и граждане преследуют людей за инакомыслие, поддерживают нацизм, используют «культуру отмены» для запретов русского искусства, применяют физическое насилие к людям, которые опротестовывают ход и результаты голосования и т. п. Можно вспомнить о том, что теорию тоталитарного режима в политологии создал З. Бжезинский, известный идеолог русофобии и ярый ненавистник России.

На мой взгляд, центральными темами для российских учебников политологии должны быть: становление российской государственности, политические процессы в самой России и странах СНГ, этнополитическое развитие России и ее регионов, внешняя политика России и др. Русофобские подходы, идеология неолиберализма, европоцентричность должны быть полностью исключены из отечественных учебников по политической науке.

Е. С. Дашкова[1]

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Актуальной и дискуссионной темой в социальной и гуманитарной областях современной науки является поиск вектора развития общества и экономики в условиях новых глобальных вызовов, сущностной причиной которых выступили высокие темпы научно-технического прогресса, в том числе масштабная информатизация и цифровизация всех сторон жизнедеятельности общества[2].

К числу наиболее выраженных глобальных вызовов современности, по нашему мнению, можно отнести: глубокий социально-экономический кризис, затрагивающий систему производственных отношений и экономических институтов; кризис государственности и демократии; изменение геополитической конфигурации; деградация идейных ориентиров и духовных ценностей общества.

Современный социально-экономический кризис сопровождается усилением дифференциации доходов населения, ростом масштабов бедности и безработицы, снижением правовой и социальной защищенности занятого населения, структурными изменениями в экономике и обществе, обострением проблемы миграции населения (в том числе трудовой), увеличением нагрузки на государственный бюджет в связи с ростом иждивенчества, эскалацией противоречий между дальнейшим развитием экономики и общества и деградацией окружающей природной среды.

Проблема развития демократии в мире на сегодняшний день является острой: «…в настоящее время 70 % населения мира живет в условиях диктатуры. Общемировой показатель демократии вернулся на уровень 1989 года, то есть достижения последних 30 лет демократического прогресса утрачены»[3]. В XXI веке демократия стала носить ярко выраженный формальный характер. Доверие населения к государственным институтам резко упало, сократилась избирательная активность. Развитие демократии происходит в условиях социального безразличия и пассивности, сопровождается концентрацией власти и ресурсов в «руках» элит.

Нынешняя геополитическая ситуация характеризуется обострением противоречий между государствами, разрушением сложившейся после распада СССР однополярной модели, крахом производственных и логистических цепочек, нарушением культурных, социальных и дипломатических связей, ростом числа локальных конфликтов. В результате геополитическая ситуация является сложно прогнозируемой по своей динамике и последствиям. Сегодня можно лишь утверждать, что прежняя модель миропорядка утрачена навсегда. При этом контуры будущего являются весьма неопределенными.

Фундаментальные изменения идейных ориентиров и духовных ценностей общества происходят по следующей траектории: «возрастают риски развития тенденций отчуждения человека от позитивных идейных

[1] Заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Современные системы вознаграждения персонала», «Инновационные подходы к управлению мотивацией персонала», «Партисипативность как частный принцип построения, функционирования и развития инновационных систем стимулирования работников», «Управление системой стимулирования работников: теоретические подходы», «Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты» (в соавт.), «Методика оценки эффективности системы стимулирования работников сферы здравоохранения», «Траектория развития социального партнерства» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Современная экономика: проблемы и решения».

[2] *Гиль А. В., Морозов А. В.* От информатизации к цифровизации образовательного процесса // Образование и право. 2019. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-informatizatsii-k-tsifrovizatsii-obrazovatelnogo-protsessa ; *Бодрунов С. Д.* Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-transformatsiya-sovremennogo-obschestva-i-natsionalnye-tseli-razvitiya-rossii.

[3] Диктатуры и демократии в 2021 году. URL: https://polit.ru/article/2022/03/16/ps_vdem/.

и духовных ориентиров, взрывного роста социопатических проблем вследствие стремительного прихода цифро-коммуникативно-виртуальных технологий (так называемой инфодемии) в неподготовленное к этому общество — конфликтогенности и агрессивности на межличностном, межстратовом и межстрановом уровнях, межпоколенческого коммуникативного и социального разрыва, в результате чего деформируются категории прогресса, истины, добра, исторической правды, гендерных и семейных ценностей и т. д.»[1]. Данные трансформации можно рассмотреть сквозь призму теории поколений[2]. Так, поколение беби-бумеров (1945–1964) ценит труд и отличается трудолюбием, ответственностью, ориентировано на коллективную деятельность, лояльно и уважает власть, готово преодолевать любые сложности. Они заинтересованы в стабильности и поддержке, хорошем общении на работе. Поколение X (1965–1984) самодостаточно, стрессоустойчиво и прагматично, они менее лояльны, чем беби-бумеры. Главная ценность для них — это возможность выбора. Поколение Y (1985–1999) отличается открытостью, лояльностью, высокой адаптивностью и толерантностью. Они готовы к многозадачности при выполнении трудовой деятельности. Материальная составляющая работы является далеко не самым важным мотивом в работе. Это «гибкие» люди, они прекрасно владеют возможностями информационных технологий, им удобно работать и общаться через Интернет. Представителям поколения Y комфортно работать в коллективе, они легко находят общий язык, но имеются сложности в формировании мнения о том, что именно им мешает работать. Поколение Z (2000–2014) быстро воспринимает информацию, но «фрагментарно», предпочитает основную часть своей жизни проводить в виртуальном мире, отличается еще более высокой степенью гибкости к использованию информационных технологий, которые с детства были частью его жизни. У них выражены потребности в интернет-коммуникации и аффилиации. Они не ставят работу на первое место и не ориентированы трудиться сверхурочно, но при этом стремятся к материальному благополучию, комфорту, личному успеху, саморазвитию и самосовершенствованию. Предпочитают индивидуальную трудовую деятельность. У этого поколения возникают сложности в выражении и восприятии эмоций в реальном пространстве, снижается способность к эмпатии.

Важно отметить, что одной из негативных тенденций изменения ценностных ориентиров общества является резкое снижение значимости таких ценностей, как любовь к Родине, уважение к старшему поколению, ценность знания, справедливость, ответственность.

Обозначенные глобальные вызовы и траектория трансформации общества и экономики кардинально меняют управленческую парадигму, актуализируя тренд на ее партисипатизацию. В связи с этим считаем целесообразным осуществить следующие преобразования в управленческой деятельности, ориентированные на общественное развитие:

1) трансформировать модель профессионального поведения, а именно: устранить логическую цепочку «материальное благополучие зависит от удачи и связей» и внедрить — «материальное благополучие зависит от трудовых достижений и профессионализма». Это позволит сформировать понимание среди представителей всех поколений, что материальное благополучие обеспечивается профессиональной компетентностью;

2) внедрить и развивать культуру «инноваций», обеспечивающую условия для творчества и генерации идей. Инициатива должна поощряться с помощью широкого спектра моральных и материальных стимулов. В таких условиях работники стремятся к творчеству и самореализации, формируется «вера в инновации». Такая культура также позволит мобилизовать творческий потенциал и знания людей, особенно молодежи;

3) создавать условия для самообучения и профессионального развития. Целесообразность инвестирования в развитие человеческих ресурсов организации обусловлена соответствующей экономической и социальной эффективностью. Первая сводится к повышению качества трудовых ресурсов, получению дополнительной прибыли, оптимизации рабочего процесса, повышению конкурентоспособности на рынке[3]. Социальная эффективность выражается в повышении удовлетворенности работников от процесса обучения и профессионального роста, его мотивации к работе и повышению лояльности к своей организации;

4) осуществить переход к партисипативному управлению, которое выступает гарантом партнерских отношений между руководством и персоналом, что обеспечивает синергетический эффект как в социальной, так и в экономической плоскости деятельности любой организации. А именно — повышается лояльность персонала и его приверженность организации, изменения внедряются с меньшим сопротивлением, снижается напряженность и конфликтность в коллективах, усиливается «командный дух», возрастает творческая активность работников. Следовательно, более полно используется трудовой потенциал работников и повышается их мотивация[4].

---

[1] *Бодрунов С. Д.* Указ. соч.

[2] *Депутатова Л. Н., Шишкина К. А.* Мотивация персонала в контексте теории поколений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-personala-v-kontekste-teorii-pokoleniy ; *Аранжин В. В.* Влияние цифровой экономики на трудовые ценности поколения, входящего на рынок труда // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 4 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-ekonomiki-na-trudovye-tsennosti-pokoleniya-vhodyaschego-na-rynok-truda ; *Решетников О. В.* Поколение Z и недалёкое будущее рынка труда // Школьные технологии. 2014. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-i-nedalyokoe-buduschee-rynka-truda ; *Ласкова Т. С., Губская М. А.* Поколение Z: особенности мотивации // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2018. № 2 (12). С. 88–97.

[3] Инновационные подходы к развитию персонала в российских организациях / Е. С. Дашкова, Н. В. Дорохова, О. А. Зенкова, М. И. Исаенко // Вестник ВГУИТ. 2020. Т. 82, № 3. С. 274–278.

[4] *Дашкова Е. С.* Партисипативность как частный принцип построения, функционирования и развития инновационных систем стимулирования работников // Инновационная деятельность. 2017. № 2 (41). С. 9–14.

Л. К. Круглова[1]

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ИМПЕРИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Устойчивой характеристикой нового мирового порядка, который складывается в настоящее время, является его «многополярность» или, иначе говоря, наличие нескольких центров силы, взаимодействие которых определяет образ «нового мира». В связи с этим возникает ряд вопросов, важнейшими из которых являются следующие: каков онтологический статус феноменов, получивших название «центры силы» или, проще говоря, что они собой представляют в реальности; каковы действительные и возможные взаимоотношения между центрами силы и как это связано с прошлым, настоящим и будущим процесса глобализации; наконец, каково место России в многополярном мире и соответственно каково направление ее развития на новом этапе истории.

Обращаясь к первому из названных вопросов, нужно отметить, что из всех характеристик онтологического статуса так называемых центров силы наиболее часто встречаются два концепта. Это «империя» и «цивилизация». Соответственно Россия как один из центров силы характеризуется или как «империя», или как «цивилизация».

Как нетрудно заметить, эти концепты имеют разное смысловое содержание и соответственно разное отношение к реалиям прошлого, настоящего и будущего России и всего мира.

Обращаясь к концепту «империя», нужно отметить, что смысловые границы содержания этого концепта, в отличие от многих других, весьма четко обозначаются и на уровне словарей и энциклопедий и, что не менее важно, в общественном сознании. При этом, как правило, отмечаются два значения слова «империя»: как «монархическое государство, главой которого является император», и как «государства, имевшие колониальные владения»[2].

При этом совершенно очевидно, что «империя» в первом значении характеризует весьма важный этап исторического прошлого России, а «империя» во втором значении к прошлому России не имеет отношения, хотя сторонники «имперской идеи» стараются доказать, что Россия была империей особого рода, лишенной важнейших признаков империи — разделения на метрополию и колонии и угнетение колоний со стороны метрополии.

Что касается настоящего России, то совершенно очевидно, что концепт «империя» ни в первом, ни во втором смысле не соотносится с реальностью, и соответственно, центр тяжести переносится на обсуждение вопроса, подходит ли он для обозначения будущего статуса России в многополярном мире.

Представляется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Главным аргументом является то, что Россия не обладала и не обладает теми чертами, которые свойственны классическим империям и потому вряд ли имеет смысл облекаться в эту форму в дальнейшем. Не меньшее значение отводится и аргументу «психологического» плана, который имеет большой вес в ведущейся в настоящее время информационной войне. Он заключается в том, что концепт «империя» в сознании большинства людей на земном шаре связан с крайне негативными ассоциациями: кровь, грязь, грабеж, эксплуатация и т. д. и т. п. И в этом случае оговорки типа «это другая империя» вряд ли смогут изменить в лучшую сторону устоявшийся образ и отношение к нему. К этому можно добавить, что негативные ассоциации связаны и с понятиями: «империализм», «империалист», «имперские амбиции», «империя лжи» и т. д. Кроме того, следует учитывать и то, что картина мира как совокупности нескольких империй соответствует реалиям недавнего прошлого и может служить суровым историческим уроком, который учит тому, что империи по самой своей сути не способны к иным формам взаимодействия, кроме как бесконечная борьба за передел мира.

Обращаясь к концепту «цивилизация», нужно отметить, что в настоящее время он употребляется в двух основных смыслах: цивилизация как стадия социокультурного развития и цивилизация как социокультурная целостность. В контексте рассматриваемый проблематики актуальным является второй смысл. С этих позиций можно дать следующее определение: «Цивилизация — исторически сложившаяся социокультурная общность людей, характеризующаяся спецификой территориальной локализации, спецификой принципов взаимодействия с окружающей природной средой, спецификой целевых программ жизнедеятельности и способов их осуществления». К этому определению можно добавить, что в качестве главных элементов программ жизнедеятельности следует рассматривать экономику, политику и культуру, которая, согласно А. Тойнби, представляет собой «душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации»[3].

Соотнося эти определения с реалиями прошлого и настоящего, можно констатировать, что Россия обладает всеми признаками самостоятельной цивилизации. Так, специфика территориальной локализации и принципов взаимоотношения с природой ярко выражена и определяется большими размерами территории, включением северных, южных, восточных и западных регионов, Европы и Азии, обилием природных богатств и сложными климатическими условиями.

---

[1] Профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология», «Человек и культура», «Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика», «Жизнь культуры и культура жизни: история и современность» (в соавт.) и др.; учебников и учебных пособий: «Теория культуры», «Основы культурологии», «История культуры», «История и философия науки» и др. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «300 лет Российскому флоту». Лауреат премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация» в номинации «За философскую инвестицию в культурную жизнь Петербурга».

[2] Современный словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1993. С. 231.

[3] *Тойнби А.* Постижение истории. М. : Прогресс, 1996. С. 292.

Что касается специфики программ жизнедеятельности, то здесь следует в первую очередь выявить культурные парадигмы, определяющие сущность российской цивилизации. Как представляется, есть все основания рассматривать в качестве таковых «соборность» и «справедливость». Именно с ними связаны такие особенности российской цивилизации, как многоконфессиональность, многоэтничность, открытость и восприимчивость к другим культурам.

Цивилизационная особенность России в настоящее время проявляется в том, что в области экономики разнообразие форм собственности дополняется значительной ролью государственного регулирования, в области политики — запросом на сильную централизованную власть. И то и другое соответствует не только содержанию культурно-цивилизационных парадигм «соборность» и «справедливость», но и законам гармонического развития, важнейшим принципом которого является разнообразие в единстве.

Подводя итоги сказанному ранее, можно констатировать, что Россия обладает всеми признаками отдельной, самостоятельной цивилизации, чем и определяется ее место в складывающемся многополярном мире, структурной особенностью которого является наличие нескольких цивилизаций или союзов цивилизации. В связи этим возникает вопрос о перспективах процесса глобализации. На протяжении последних десятилетий он считался основным направлением мирового развития. А в настоящее время в научном и публицистическом дискурсе получила распространение идея о конце или даже о крахе глобализации. Для того чтобы определиться в этой ситуации, необходимо уточнить, что же собой представлял, представляет и может представлять процесс глобализации.

Обращаясь к реалиям глобализационного процесса, можно констатировать, что для их осмысления больше всего подходит сравнение с абсурдистской пьесой, которая одновременно и на одной сцене разыгрывается по нескольким сценариям[1].

Главные действующие лица одного из них — это транснациональные компании, готовые весь мир превратить в конвейер по производству прибыли. Движущей силой разворачивания сюжета другого сценария глобализации является политика некой сверхдержавы, претендующей на мировое господство. И наконец, основой третьего сценария глобализации является необходимость объединения человечества для решения проблем планетарного масштаба, среди которых — устранение военных угроз, преодоление экологического кризиса и, что самое главное, создание условий для гармонического развития человека.

В настоящее время, как представляется, не только не наблюдается признаков конца глобализации, но, напротив, бесспорным фактом является усиление агрессии со стороны действующих лиц первых двух сценариев глобализации. При этом адепты второго даже превосходят в своей активности адептов первого, что, однако, не только не противоречит интересам обеих групп глобалистов, но и, напротив, полностью им соответствует.

Главным действующим лицом политического сценария глобализации являются США, государство, которое открыто провозгласило претензии на мировую гегемонию. При этом демонстрируются все черты поведения, свойственные не столько цивилизации, сколько империи в худшем смысле этого слова. Среди них: грабеж и нещадная эксплуатация территорий, которые мыслятся как колонии. Характерно при этом, что предметом грабежа являются не только материальные ценности, но и духовные: знаменем борьбы США за мировое господство стали такие ценности, как гуманизм, демократия, права человека, свобода, которым в наименьшей степени соответствуют реалии политической, общественной и культурной жизни и страны, претендующий на роль гегемона, и стран-сателлитов. Все это красноречиво свидетельствует о необходимости всемерной актуализации сценария глобализации с человеческим лицом и определения роли в нем России как действующего лица.

Представляется, что в этом плане нужно говорить не только о возрастании военной и экономической мощи, но и о более полной реализации духовного потенциала российской цивилизации. В первую очередь это касается права выступать на мировой арене под знаменем ценностей общечеловеческого значения, узурпированных в настоящее время гегемонами. При этом надо отметить, что зачастую в ходе полемических баталий разного уровня некоторые их участники склонны противопоставлять ценности демократии и прав человека традиционным российским ценностям. Представляется, что для этого нет никаких оснований, поскольку смысловое значение соборности и справедливости как культурных парадигм российской цивилизации включает в себя содержание ценностей гуманизма, свободы, демократии, прав человека в их совокупности.

К этому можно добавить, что в пылу борьбы некоторые полемисты объявляют вражеским идейным оружием также и такие понятия, как «общечеловеческие ценности», «общечеловеческая культура», «универсализм» и все производное от него. При этом, как представляется, имеет место неправомерное отождествление общечеловеческого и универсального с одинаковым и стереотипным. Между тем смысл универсального, общечеловеческого связан в первую очередь с тем общим, что свойственно человеку как виду, при всех его расовых, национальных, культурных и иных модификациях. Кроме того, основанием для формирования общечеловеческой культуры и глобальной цивилизации с человеческим лицом является то обстоятельство, что человечество имеет общий дом, или, по известному выражению, «вмещающий ландшафт». И это — планета Земля.

Все сказанное ранее позволяет обратиться к идее универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа, которая была предложена автором этих строк вниманию академического сообщества более четверти века назад[2]. Другое возможное название

[1] *Круглова Л. К.* Государственная культурная политика, национальный интерес и глобализация: пути гармонизации // Политика и культура: пути взаимодействия в современном мире. Будапешт : Semtczi BC ; Киров : Радуга-Пресс, 2019. С. 28–36.

[2] *Круглова Л. К.* Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Человек. Философия. Гуманизм : Первый Российский философский конгресс. СПб. : СПбГУ, 1997. Т. VII.

принципа универсального гуманизма — «гуманизм для всех». Оно более понятно и отражает тот факт, что все известные нам исторические формы гуманизма были существенно ограничены[1]. Чертами универсального гуманизма, или «гуманизма для всех», являются: в сфере культуры — ориентация на гармонически развитого человека, в политической сфере — демократия, в сфере экономики — многообразие форм собственности, в социальной сфере — многообразие форм негосударственных объединений.

Обращаясь к российским реалиям, можно констатировать, что все вышеназванные компоненты принципа универсального гуманизма уже нашли отражение в различных государственных документах, включая Конституцию РФ, и с разной степенью адекватности воплощаются на практике. В соответствии с этим можно сделать вывод, что Россия как цивилизация располагает огромным потенциалом, позволяющим ей стать форпостом в процессе выработки и освоения нового цивилизационную принципа, имеющего глобальное значение, — принципа универсального гуманизма, или «гуманизма для всех», на основе которого возможно не только объединение человечества, но и сохранение разнообразия культур и цивилизаций.

О. П. Кутькина[2]

НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ТРЕБУЕТ НОВУЮ МОДЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

То, что ходило в вузовском сообществе России в последние месяцы в виде проверенных и не до конца проверенных слухов, получило весомые подтверждения. Речь идет о выходе России из Болонской системы. Это сказал министр науки и высшего образования В. Фальков в интервью газете «Коммерсантъ». «К Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу, — заявил он. — Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»[3]. До этого с подобным заявлением выступил секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев. Еще ранее — вице-спикер Госдумы Петр Толстой, а также первый зампред думского Комитета по науке и высшему образованию Олег Смолин (КПРФ). Экс-министр образования, президент Российской академии образования (РАО) Ольга Васильева предлагала пересмотреть участие России в этом процессе. В апреле на эту тему высказывались лидер фракции «Справедливая Россия — За правду» Сергей Миронов, ректор МГУ Виктор Садовничий, а также председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин. Такое внимание к высшему образованию на уровне руководства страны и депутатского корпуса неслучайно. Нынешняя ситуация — экономическая, политическая, культурная — обнажила недостатки реализуемой ныне системы и модели образования и открыла перспективы их модернизации.

Начало XXI века было ознаменовано в России окончательным разрушением советской системы образования в целом и существенной деформацией высшего образования в частности. В 2003 году наша страна подписала Болонскую декларацию, взяв обязательство до 2010 года воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса, полагая, что перестанет быть в изоляции и получит возможность влиять на решения, принимаемые его участниками. В 2011 году вступили в силу первые образовательные стандарты, ориентированные на европейскую систему образования, — были введены зачетные единицы и компетентностная модель выпускника. С 2012 года все вузы перешли на трехступенчатую систему высшего образования. За шесть лет, с 2011 по 2017 год, сменилось три поколения образовательных стандартов в высшей школе, а затем в течение последующих трех лет произошли еще две модификации стандартов третьего поколения. В ближайшее время ожидается выход стандартов четвертого поколения[4].

При этом есть реальная перспектива перехода на пятилетнее образование на уровне специалитета. Что послужило столь быстрой смене образовательных стандартов высшего образования: экспоненциально увеличивающееся количество информации в мире, рождающее новое знание, развитие технологий, цифровизация экономики или приток молодого поколения преподавателей с новыми взглядами на образовательный процесс? По каждому из этих пунктов мы можем утвердительно ответить «нет». По-прежнему в большинстве вузов наблюдается старение профессорско-преподавательского состава, внедрение цифровых технологий активизировалось в период пандемии, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, не столь активно и не везде внедряются новые

[1] *Круглова Л. К.* Человек и культура. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2017. С. 157–167 ; *Она же.* Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2018. С. 283–301.

[2] Проректор по учебной работе Алтайского государственного института культуры, кандидат педагогических наук, доцент. Автор 35 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогические условия формирования медиакомпетентности», «Формирование медиакомпетентности будущих библиотечно-информационных специалистов», «Развитие критического мышления средствами технологии проблемного обучения», «Проблема разработки тестов как средств оценки уровня сформированности компетенций» (в соавт.), «Социально-культурная реабилитация людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата средствами бальной хореографии» (в соавт.), «Развитие высшего образования: мировые тенденции — региональная специфика» и др.

[3] Минобрнауки подтвердило «Ъ» намерение отказаться от Болонской системы. 2022. 24 мая // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5367629 (дата обращения: 24.05.2022).

[4] *Кутькина О. П.* Оценка качества образования и рейтинг вуза: точки сопряжения // Учен. зап. / Алтайская гос. акад. культуры и искусств. 2021. № 4 (30). С. 64–72.

знания и технологии. Но все же мы получили эффект от быстрой смены стандартов: во-первых, ушла унификация образовательных программ в рамках одной специальности или направления подготовки, а также содержательной части учебных дисциплин; во-вторых, каждое новое поколение стандартов давало все больше свободы образовательным организациям, начиная от разработки содержания образовательной программы и заканчивая построением образовательного процесса. В итоге мы получили то, что, осуществляя обучение студентов по одинаковым направлениям подготовки и даже профилям, образовательные организации выпускают на рынок труда абсолютно разных специалистов, обладающих разными компетенциями. Но это не является сугубо отрицательным результатом. Безусловно важно, когда подготовка специалистов осуществляется в соответствии с требованиями рынка труда, когда работодатели определяют качественные показатели подготовки будущих специалистов[1].

На протяжении последних десяти лет преподавателям внушалось то, что они должны быть высокопрофессиональными преподавателями в своей области, грамотными методистами, способными писать разноплановые учебно-методические материалы, при этом еще исследователями — давать значимые персональные и коллективные результаты, и новаторами — работать в тесной связке с реальным сектором экономики. Все это включалось в их должностные обязанности и распределялось либо на вторую половину дня, либо в эффективный контракт. Это было обусловлено нормативно-правовыми актами высшей школы, различного рода вводимыми рейтингами, показателями эффективности и пр. Поэтому, когда речь идет об очередной реформе, надо осмыслить, что менять. Отказаться от подготовки бакалавров и магистров в пользу программ специалитета только формально или перерабатывать всю нормативно-законодательную базу? В первом случае ничего кардинально не изменится, а во втором — все затянется на продолжительное время, будет больше сопротивления, чем принятия, так как преподавательский состав вузов весьма инертен.

По нашему мнению, в настоящее время необходимо решать проблемы иного порядка. Высшее образование переживает очередную академическую революцию, связанную с глобализацией образования[2]. В первую очередь каждому вузу следует выбрать свой путь развития — проводить массовизацию образования или работать на глобальную экономику знаний.

Вторая по порядку, но не по значимости задача — это определение содержания образовательных программ. Если говорить о компетентностной модели выпускника, то универсальные и общепрофессиональные компетенции должны формироваться через унифицированное содержание дисциплин, а не быть ориентированными на компетентность каждого конкретного преподавателя вуза. Также, и это вероятно главное, нужно определить «ядро профессии», тот объем знаний и умений, которые будут необходимы выпускнику вне зависимости от профильности образовательной программы, времени, применяемых технологий и пр. Третьим компонентом образовательной программы является вариативный блок, который как раз и позволяет выстроить индивидуальную образовательную траекторию обучающегося. Эта идея разработки образовательной программы может быть реализована как в модели «2 + 2 + 2», так и при разработке программы специалитета.

Следующая задача связана с ролью и функционалом преподавателя высшей школы. В университетах первого поколения преподаватели в совершенстве владели предметными знаниями, являлись главным источником этих знаний, их миссия заключалась в передаче знаний своим ученикам и написании ученых трактатов. В университетах второго поколения развитие науки, техники и технологий оказало влияние на расширение функционала преподавателей — они стали массово заниматься исследованиями, проводить научные опыты и эксперименты, публиковать свои научные труды, то есть генерировать новые знания, вовлекая в это своих учеников. В современных университетах, относящихся к третьему поколению, наряду с развитием основных направлений их деятельности — обучения, исследований, инноваций — развиваются основные виды деятельности научно-педагогических работников, а также формируются новые знания и навыки, базирующиеся на цифровых компетенциях, цифровой культуре, формирование которых в профессиональной сфере в настоящее время весьма актуально. Преподаватель высшей школы сегодня не является основным источником информации. Это обусловлено тем, что современные студенты могут мгновенно получить доступ к разнообразным информационным ресурсам. Лекция как основной вид учебных занятий тоже подлежит трансформации, начиная от количества часов до формата ее проведения.

Современное поколение студентов совершенно иначе воспринимают потоки информации. Если студенчество 1960–1980-х годов делало ставку на развитие своих интеллектуальных способностей, технической грамотности, стремилось учиться в течение всей жизни, то про студентов 2000-х годов говорят, что они родились с гаджетами в руках. Их в большей степени интересует быстрый заработок в Интернете, чем традиционный труд. Они любят смотреть и слушать, а не читать, тем более объемные и сложные тексты; они привыкли пропускать через себя большие потоки информации, но это фрагментарная информация, без глубины погружения. С одной стороны, благодаря этому они быстро адаптируются к технологиям электронного обучения, когда учебный материал предоставляется в удобной мультимедийной форме, есть возможность неоднократного обращения к нему. С другой стороны, очень много новых знаний имеют междисциплинарную природу, и их объем увеличивается лавинообразно. Можно предположить, что современный преподава-

[1] *Kutkina O. P., Grinevich L. A.* Higher education digitalization and regional realities // Proceedings of the National Research Workshop on Frontier Research in Digital Humanities and Applied Information Technology / A. Mikhailov, L. Letyagin (eds.). 2021. P. 40–46.

[2] *Кутькина О. П.* Развитие высшего образования: мировые тенденции — региональная специфика // Теория, история и практика образования в сфере культуры : материалы XIX Междунар. науч.-метод. конф., Барнаул, 17 октября 2019 года. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ин-та культуры, 2019. С. 92–96.

тель высшей школы — это не просто источник знаний, а своего рода проводник между многочисленными потоками информации, призванный выполнять функцию «погружения» студентов в учебный материал, обязанный непрерывно совершенствовать свое профессиональное мастерство и цифровую культуру.

Развитие технологий искусственного интеллекта в целом и машинного обучения в частности внесет серьезные коррективы в становление вузов четвертого поколения. Пока мы можем делать только эскизы университетов будущего в связи с тем, что социокультурные контексты его бытия («когнитивный мир», «когнитивное общество») еще только формируются[1]. Новые знания будут играть ключевую роль в создании чего-либо, а производителем знаний станет коллективный и гибридный (человеко-машинный) интеллект.

Таким образом, модель образовательной программы высшего образования и подготовки кадров для экономики будущего требует перенастройки с учетом лучших традиций отечественной системы образования, развития цифровой экономики, формирования когнитивного общества.

В. Е. Лепский[2]

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО РАЗВИТИЯ (Миссия России в XXI в.)

Субъектность в центре внимания конфликта между Россией и коллективным Западом

Одна из основных причин конфликта между Россией и Западом — принципиально разное отношение к субъектности развития членов мирового сообщества. Запад, реализуя глобалистский проект, последовательно осуществляет разрушение субъектности на всех уровнях — от отдельных граждан до государств, их объединений и мировых организаций, ориентированных на поддержание субъектности мирового сообщества. При этом Запад сохраняет субъектность лидеров глобалистского проекта, воспринимающих остальных субъектов мирового сообщества как средство для реализации своей утопической идеи. Убедительным доказательством является их отношение к странам Европейского союза, которые принуждаются к действиям, разрушающим их экономику и резко снижающим качество жизни населения. Кроме того, последовательно предпринимались и продолжают предприниматься попытки использовать Россию как инструмент реализации глобалистских стратегий в ущерб ее национальным интересам и суверенитету.

В отличие от стран Европейского союза, Россия смогла осознать губительные последствия такого рода политики глобалистов и встать на путь открытой конфронтации в интересах сохранения своего суверенитета. Фактически Россия заняла позицию обеспечения не только своих национальных интересов, но и гармоничного и справедливого развития мирового сообщества. Противостояние между Россией и коллективным Западом — это принципиально важный цивилизационный конфликт XXI века. Сохранит ли человечество богатство цивилизационного разнообразия или превратится в тоталитарную секту культа гегемонии лидеров неоколониальной политики? Членами этой секты будут лишенные субъектности представители мирового сообщества.

Россия первой восстала против такого проекта, и ей предстоит создать новый проект будущего, гарантирующий суверенность членов мирового сообщества и их консолидацию в интересах безопасности и гармоничного развития человечества.

Коллективный Запад как тоталитарная секта

Сталкиваясь с нарастающими проблемами в реализации глобалистского проекта, коллективный Запад вынужден все больше закрываться от рефлексии над стратегическими угрозами глобалистского проекта для человечества и для этого все чаще использовать технологии культовых организаций. Как следствие, коллективный Запад все больше становится похожим на тоталитарную секту.

Основной признак культовых организаций — применение широкого круга технологий управления рефлексивными процессами[3]. Базовые технологии, негативно действующие на субъекты, которые попадают под влияние культовых организаций, используются коллективным Западом для воздействия на своих подопечных, из-за чего те превращаются из самостоятельных, суверенных субъектов в объекты управления. Таким образом реализуется глобалистский проект.

С. Л. Рубинштейн выделяет два способа существования человека как субъекта жизни (жизнедеятельности). Первый можно назвать реактивным способом существования: это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, которые есть у человека. Вто-

[1] *Ефимов В. С., Лаптева А. В.* Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1. С. 22.

[2] Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике)», «Методологический и философский анализ развития проблематики управления», «Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах», «Аналитика сборки субъектов развития», «Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития» (в соавт.), «Ситуационные центры развития как интеграторы государственного управления в саморазвивающихся полисубъектных средах» (в соавт.), «Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве» (в соавт.) и др. Член редколлегий журналов Sistems, «Философские науки», «Проблемы управления», «Информационные войны», «Социальное время», «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты» и др.

[3] *Лепский В. Е., Степанов А. М.* Рефлексивные процессы в культовых организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.

рой способ подразумевает наличие рефлексии. При рефлексивном способе существования сознание выступает как средство разрыва полной поглощенности непосредственным процессом жизни, выхода из него для выработки соответствующего отношения к жизни, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней[1]. Эти соображения можно распространить не только на человека, но и на групповые субъекты, в том числе и на государства.

В культовых организациях и тоталитарных сектах используются технологии, ориентированные на формирование у их членов реактивного способа существования. Такой подход можно рассматривать как схему «рефлексивного программирования», которая содержит следующие механизмы, используемые «коллективным Западом»[2].

«Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности» отчетливо проявляется, например, в навязывании членам Европейского союза новых форм жизнедеятельности, наносящих явный ущерб их национальным интересам (разрушение сложившихся экономических и культурных связей за счет принудительного введения санкций, организация потоков мигрантов, разрушение института семьи и др.).

«*Рефлексивная блокада»* — блокировка «несанкционированных» рефлексивных процессов, фактически лишение субъектов возможности самостоятельно осуществлять выбор форм жизнедеятельности. Это проявляется, например, в жестком централизованном управлении СМИ, необоснованном вытеснении из информационного пространства неподконтрольных СМИ, блокировке экспертных обсуждений актуальных мировых проблем на трибунах мировых структур ООН и др.

«Социальная изоляция» — блокировка «несанкционированных» воздействий социального окружения на субъекты культовой организации, фактически лишение возможности влиять на создание или выбор новой формы жизнедеятельности ближайшего социального окружения (семьи, друзей, коллег и др.). Такого рода механизмы широко используются коллективным Западом: через санкции ограничиваются контакты, принудительно вводятся запреты на взаимодействие на международных спортивных и культурных мероприятиях, визовые запреты и др.

«Рефлексивное программирование» — навязывание человеку заранее сформированных кем-то представлений, точек зрения, позиций, мнений и других психических образований с целью принятия предлагаемой нормы жизнедеятельности. Этот «кто-то» — руководитель секты или авторитетный наставник — ставит целью достижение полного контроля над сознанием «подопечного».

Следует отметить, что в этих механизмах коллективный Запад достиг выдающихся результатов, добившись единообразия представлений в соответствующих странах при полной блокировке критического анализа мировых реалий и отношения к такого рода представлениям со стороны большей части человечества, не входящей в коллективный Запад.

Обобщенно позицию коллективного Запада как тоталитарной секты можно охарактеризовать следующими признаками[3]:

— ориентация на реактивный способ жизнедеятельности субъектов;

— ориентация на превращение субъекта в объект управления;

— блокировка рефлексии субъектов;

— рефлексивное программирование субъектов, процесс обучения, усвоения идей, построенный на эмоциональном принятии без критического анализа;

— блокировка социальных контактов (вне секты);

— ведущая роль овладения нормами секты;

— доминанта группового субъекта над индивидуальным субъектом без учета интересов последнего;

— ориентация на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей секты в нестандартных ситуациях;

— жесткая иерархическая структура управления;

— базовые знания — предметные, а не процедурные;

— подготовка субъектов к жизнедеятельности в основном осуществляется через обучение знаниям, навыкам и умениям, способствующим использованию нормативных представлений и методов секты.

Принципиально важно сказать, как коллективный Запад, опирающийся на культуру тоталитарных сект, реагировал на общую для человечества угрозу COVID-19. На примере дескриптивной модели субъекта, в которой представлены пять базовых характеристик — целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию, — проведен анализ субъектности коллективного Запада в процессе преодоления пандемии. Показано, что пандемия в очередной раз продемонстрировала его бессубъектность в обеспечении своей жизнедеятельности и развития и полное игнорирование интересов человечества. Обосновано, что глобалистский проект является одной из главных причин негативного воздействия на становление субъектности человечества[4].

Как асимметричный ответ деятельности коллективного Запада Россия может использовать следующие ориентиры для организации гармонии субъектов развития:

— ориентация на рефлексивный способ жизнедеятельности субъектов, стимулирование и поддержка рефлексивных процессов;

— ориентация на сохранение и формирование «субъектности» всех членов общества, отказ от манипулирования субъектами;

— консолидация индивидуальных и групповых субъектов;

— ориентация на самостоятельные действия в любых ситуациях жизнедеятельности (проблемный подход);

[1] *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М. : Когито-Центр, 2010. С. 170.

[2] Там же. С. 218–219.

[3] *Лепский В. Е.* Указ. соч. С. 219.

[4] *Лепский В. Е.* Рефлексия пандемии COVID-19: субъектно-ориентированный подход // Экономические стратегии. 2020. № 8 (174). С. 66–71.

— гибкая структура управления (гармония иерархий, сетей и сред)[1];

— базовые знания — предметные и процедурные;

— подготовка субъектов к жизнедеятельности через формирование базовых качеств, необходимых для ее самостоятельной организации.

Глобалистский проект и западная модель техногенной цивилизации: ключевые причины бессубъектности человечества

Глобалистский проект служит одним из важных механизмов негативного воздействия на субъектность человечества, что отчетливо проявляется в деятельности коллективного Запада по игнорированию мирового права и мировых структур, формированию стратегических угроз для человечества, созданию террористических организаций и их использованию в своих интересах, разрушению института семьи и др.

Базовой метацивилизационной моделью глобалистского проекта, по мнению ряда исследователей, является модель техногенной цивилизации.

Базовыми ценностями модели техногенной цивилизации выступают научно-технический прогресс и наука, социальные ценности при этом игнорируются. Результаты научно-технического прогресса органично вписываются в сложившиеся экономические механизмы, ориентированные на принцип максимизации прибыли и на общество потребления[2].

Это проявляется и в ориентации на создание унифицированного цифрового мира, на цифровую трансформацию социальных систем, в которых будет сведена к минимуму роль государств, унифицированы цивилизации и культуры, а строителями будущего и властелинами станут лидеры глобалистского проекта, коллективного Запада[3]. Как инструмент рефлексивного управления мировым сообществом в интересах этого проекта коллективный Запад использует технократический подход, игнорирующий социальные ценности и последствия цифровой трансформации и распространения искусственного интеллекта.

Современные мировые организации не рассматривают как актуальный вопрос поиска модели посттехногенной цивилизации, что обосновывает необходимость их трансформации с учетом сложившейся мировой ситуации и проблемы становления субъектности развития человечества. В настоящее время вопрос построения модели посттехногенной цивилизации активно начали исследовать отечественные гуманитарии, пока без существенного влияния на политические процессы[4]. Однако следует отметить, что нарастающие глобальные угрозы, включая угрозу развертывания ядерной войны, создают предпосылки для интенсификации такого рода исследований. На наш взгляд, этот вопрос должен стать главным для науки, а также для научной и общественной дипломатии в XXI веке[5].

Рефлексия над сложившейся мировой ситуацией и деятельностью коллективного Запада дает основания утверждать, что миссия России в XXI веке может быть обозначена так: формирование своей субъектности и лидерство в формировании субъектности развития человечества. В противном случае человечество будет нарастающими темпами приближаться к катастрофе.

[1] *Lepskiy V.* Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // Kybernetes. 2018. Vol. 47. № 2. P. 249–261.

[2] *Степин В. С.* XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 185–188.

[3] *Лепский В. Е.* Цифровизация и ИИ в совершенствовании общественного участия в обеспечении жизнедеятельности и развития социальных систем (онтологический подход) // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2021) : тр. XIV Междунар. конф. / под общ. ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. М. : ИПУ РАН, 2021. С. 1850.

[4] *Лепский В. Е.* Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2019. № 1. С. 33–48.

[5] *Лепский В. Е.* Общественное участие в проектировании будущего в условиях цифровой реальности (кибернетика третьего порядка) // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : тр. III Междунар. конф. (6–7 февраля 2020 г., Москва). М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2020. С. 85.

А. В. Манойло[6]

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США[7]

«Панамское досье» (2015–2016)

Современные информационные операции — это отнюдь не типичные информационные кампании, основанные на взрывном пиаре и спецэффектах; это оперативные комбинации, в реализации которых главную роль играют классические методы агентурной, оперативной, оперативно-технической и оперативно-розыскной работы. За этими комбинациями всегда стоят разведки того или иного государства.

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (ставшего отправной точкой для появления новых форм и методов информационной агрессии) информационные операции, проводимые США и их во-

[6] Профессор кафедры российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук. Автор около 360 научных публикаций, в т. ч.: «Операция Гедеон: успех венесуэльских или американских спецслужб?» (в соавт.), «Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы» (в соавт.), «Информационное воздействие в гибридных войнах: новые возможности и кризис пропаганды» (в соавт.), «Гибридные войны в контексте постглобализации» (в соавт.), «The what, how and why of fake news: An overview» (в соавт.), «International legal status of private military companies» (в соавт.) и др. Награжден медалью «Участнику военной операции в Сирии».

[7] Доклад подготовлен на основе статей: *Манойло А. В.* Эволюция информационных операций // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 80–103 ; *Он же.* Рыцари плаща и провокаций // Военно-промышленный курьер. 2021. 19–25 окт. № 40 (903). С. 11.

енно-политическими союзниками (в основном Великобританией и Германией), прошли определенный путь развития. Начало этому пути положило так называемое «Панамское досье» (скандал с панамскими офшорами конца 2015-го — 2016 г.), в котором впервые была использована новая — итерационная — схема информационно-психологического воздействия. Эта схема состоит из последовательности вбросов, разделенных периодами «тишины» (экспозиции) и объединенных в многократно повторяющиеся итерационные циклы (каскады). В дальнейшем все без исключения информационные операции будут проводиться спецслужбами США по одному и тому же шаблону (стандартной схеме), впервые использованному в 2016 году — во время скандала с «Панамскими бумагами», или «Панамским досье» (Panama papers). Появление этой схемы стало сигналом перевода «производства» информационных операций на промышленную (конвейерную) основу. Разработка и реализация операций информационных войн перестали быть уделом отдельных элитных групп гениев от разведки и были поставлены на поток, а сами операции превратились в продукт массового (промышленного) производства и потребления.

Помимо новой организационно-технологической итерационной схемы операции, в «Панамском досье» были использованы и другие революционные приемы.

1. Легализации оперативной информации (контролируемая утечка), построенная по классической схеме: кража–обнаружение–опубликование.

2. Предварительное анонсирование содержания и даты следующего вброса (так называемый преданонс), ставшее признаком практически всех без исключения информационных операций нового типа.

3. Кража как механизм попадания конфиденциальной информации в публичное пространство (согласно легенде «панамские материалы» были украдены у панамской юридической компании Mossack Fonseca агентами германской разведки БНД).

4. «Журналисты-расследователи», выступавшие в роли агентов по легализации информации, полученной от спецслужб (так называемый Международный консорциум журналистов-расследователей).

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ

«ПАНАМСКОЕ ДОСЬЕ» (классическая эталонная операция ИВ)	**ДОПИНГОВЫЙ СКАНДАЛ WADA: ЛОВЛЯ НА ЛЖИ**	**«СКРИПАЛИ», I этап: игра с пошаговым повышением ставок**	**«СКРИПАЛИ», II этап: загонная охота**
Схема: вброс — пауза (напряженное ожидание нового вброса) — предварительный анонс нового вброса — новый вброс — **...** (*последовательность инф. вбросов*, разделенных паузами, с обратной связью и коррекцией) Содержание вброса — *компромат* (вбрасываемый отдельными небольшими порциями). **Цель:** заставить фигурантов скандала публично *оправдываться, врать и извиваться*; убедить всех в том, что *они — мошенники* (наклеить ярлык). **Фишка:** *зеркальный* (трансформаторный) *эффект* (эффект усиления инф. волны при ее зеркальном отражении от первого лица на его ближайшее окружение)	**Все как в «Панамском досье», плюс:** качественный скачок в проработке структуры и содержания обвинений (против ВВП и РФ): — в *подлоге* и обмане мирового сообщества; — в создании *государственной системы* поддержки незаконной (допинговой) деятельности (международного преступного сообщества-картеля); — в *попытке убить главного свидетеля* обвинения (Родченкова). **Цель:** заставить неоднократно пойманную на лжи жертву все-таки признать обвинения по всем пунктам (что и сделал Жуков). **Фишка:** *главный герой* — свидетель и изобличитель преступлений путинского режима со стороны обвинения (перебежчик Родченков)	**Все как в «Панамском досье», плюс:** — покушение на убийство главного свидетеля обвинения (*Скрипаля*; реальное, чудом не удавшееся); — *пошаговая модификация вбросов*, шаг за шагом меняющих отношение международного сообщества к инциденту в Солсбери; — орудие убийства — боевое отравляющее *вещество «новичок»*, быстро превратившееся в оружие массового уничтожения; — обвинение руководства РФ *в политических убийствах и терроризме* (с варварским применением ОМП *против мирных граждан*). **Цель:** признать руководство РФ военными преступниками или такими же террористами, как лидеры «Аум Сенрикё» или Саддам Хусейн. **Фишка:** *ультиматум (прямой шантаж)* со стороны Т. Мэй + реальная попытка убийства с применением необычного орудия убийства («новичок»)	**Все как в «Панамском досье», плюс:** — ввод реальных лиц (Петрова и Боширова), пытавшихся осуществить устранение главного свидетеля (Скрипаля); — объявление *ГРУ преступной организацией*; — вовлечение в скандал *президента РФ*: загнали его в ловушку (фактически поймали на лжи); — *идеально отработана схема: вброс–опровержение* (со стороны официальных лиц РФ); — *разоблачение* лжи этих лиц новыми вбрасываемыми фактами. **Цель:** дискредитация президента РФ: убедить, что ВВП лжет, выгораживая себя (*потому что испугался наказания*). **Фишка:** загнать статусного чиновника в угол и заставить во всем признаться

Рис. 1. Эволюция информационных операций. «Панамское досье» — «Скрипали II»

5. «Трансформаторный эффект» — технология, когда глава государства, которого считают главным объектом информационной операции, внезапно публично открещивается от всех обвинений в свой адрес, перенаправляя (зеркально отражая с многократным усилением — «кумулятивный эффект») поток внешней информационной агрессии на свое ближайшее окружение (замешанное в тех же делах, в которых обвиняют главу государства). Таким образом он отводит опасность от себя, но при этом ставит под удар свое ближайшее окружение, рассчитывавшее на его защиту и надеявшееся отсидеться за его спиной.

Эти приемы в совокупности и задали контуры современных операций информационных войн. В пределах данных контуров получили развитие такие крупные кампании, как «Дело Скрипалей», «Допинговый скандал с WADA» (2015–2018), «Дело об аргентинском кокаине» (2018) и др. С этого момента стало понятно: как бы ни пытался лидер другого государства скрыться от информационных атак, его все равно достанут или сделают так, что представители его же окружения сдадут его организаторам операции в обмен на гарантии лично для себя.

Технической целью «Панамского досье» стало стремление заставить фигурантов скандала публично оправдываться, лгать и изворачиваться, для того чтобы убедить всех в том, что они мошенники (наклеить на них ярлык). Методом достижения указанной цели стала травля, которой были подвергнуты фигуранты скандала после опубликования и раскрутки в СМИ соответствующих компрометирующих материалов. Не все эту травлю выдержали: так, премьер-министр Исландии был вынужден подать в отставку. В свою очередь, травля и прессинг создали в отношении многих участников дела — как уже «разоблаченных» инициаторами скандала, так и тех, чье «разоблачение» было сознательно отложено, — вербовочную ситуацию, в которой чиновника, пойманного на компромате, могли склонить к сотрудничеству под угрозой раскрытия порочащих сведений. Тем самым достигалась главная цель любой информационной войны — добровольное (в идеале) или вынужденное подчинение противника.

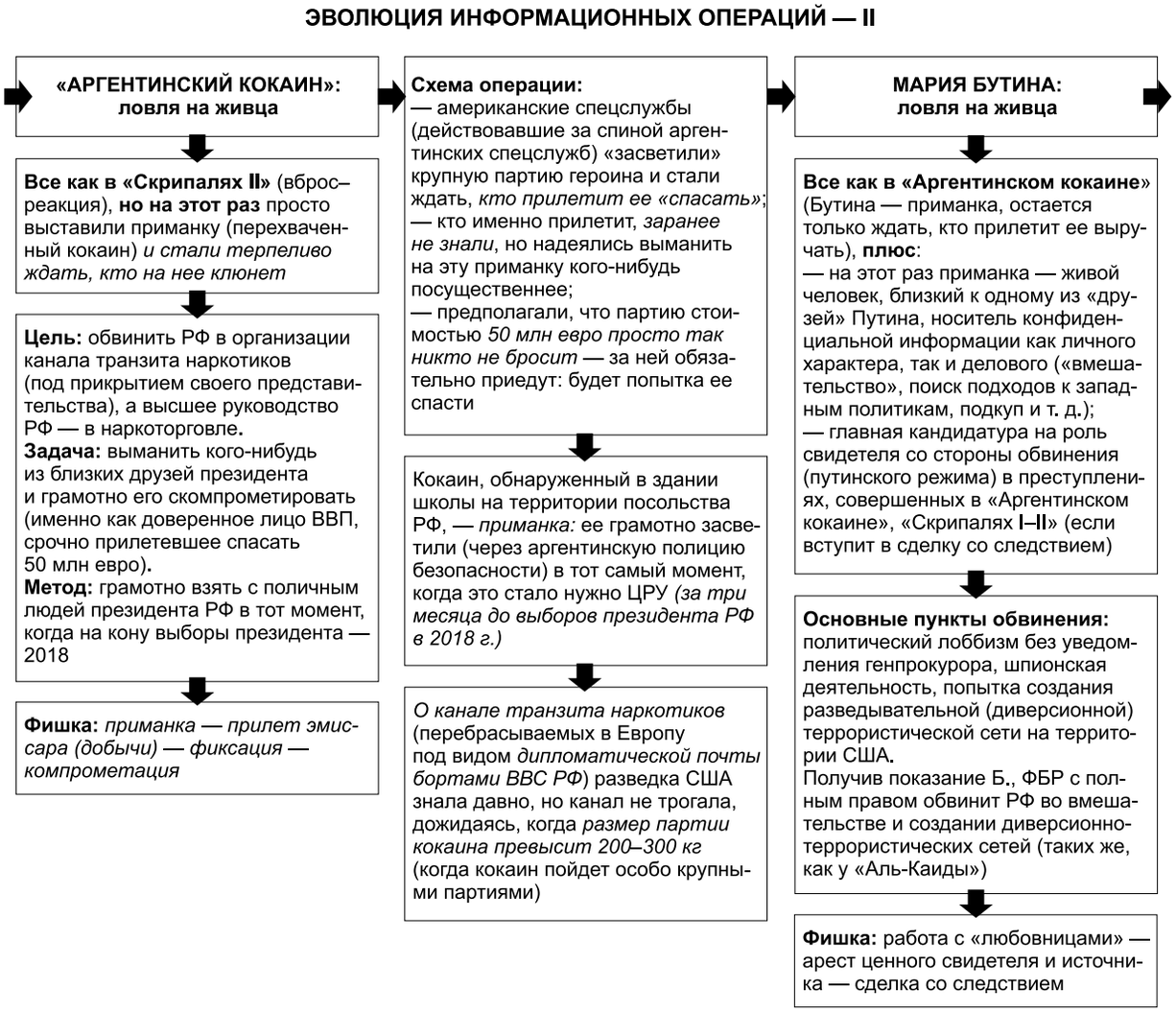


Рис. 2. Эволюция информационных операций. «Аргентинский кокаин» — «Дело Марии Бутиной»

Дальнейшая эволюция форм и методов организации и проведения информационных операций связана с последовательной модификацией исходной схемы путем добавления новых приемов и уловок, способных «зацепить» жертву и вынудить ее совершать необдуманные действия, ведущие к ее дискредитации. Каждая новая операция добавляет в исходную схему новые технологические решения, оставляя при этом неизменной ее базовую часть, по-прежнему представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделенных тактическими паузами («периодами тишины»).

«Дело об аргентинском кокаине» (февраль-март 2018 г.)

В данной операции американские спецслужбы, действовавшие за спиной аргентинских, грамотно «засветили» крупную партию кокаина и стали ждать того, кто прилетит ее «спасать». Кто именно это будет, заранее не было известно, но организаторы операции надеялись, что на приманку попадется крупная добыча, предполагая, что партию стоимостью 50 млн евро просто так никто не бросит: обязательно будет предпринята попытка ее спасти. Очень быстро выяснилось, что кокаин вывозили под видом дипломатической почты бортами военно-транспортной авиации Воздушно-космических сил РФ, то есть в деле были предположительно замешаны высокопоставленные чиновники и дипломаты, близкие к руководству страны. Далее ситуация начинает развиваться по сценарию, отработанному в «Допинговом скандале с WADA»: на этот раз уже МИД РФ обвиняют в организации наркотрафика (причем не куда-нибудь, а в Европу) и создании организованной преступной группы. Предпринимается попытка поставить знак равенства между российским внешнеполитическим ведомством и наркокартелем. Все это как две капли воды похоже на историю с допингом, когда руководство России обвинили в создании в стране нелегальной «государственной программы поддержки допинга» (очевидно, незаконной) и формировании организованного преступного сообщества.

Однако, в отличие от классической схемы операции, использованной в «Панамском досье», в «Деле об аргентинском кокаине» появляется новый прием: «ловля на приманку». Если в «Панамском досье», «Допинговом скандале с WADA» и «Скрипалях I» информационная атака была направлена на определенных людей (президента РФ и конкретных лиц из его ближайшего окружения), то в «Аргентинском кокаине» в основу оперативной комбинации лег диаметрально противоположный принцип: не важно, кто среагирует на приманку, важно, что кто-нибудь обязательно попадется в ловушку. И этот кто-нибудь обязательно будет принадлежать к ближнему кругу президента РФ, числу его доверенных лиц. Этот же прием, только уже в виде «ловли на живца», будет в дальнейшем использован в «Деле Марии Бутиной».

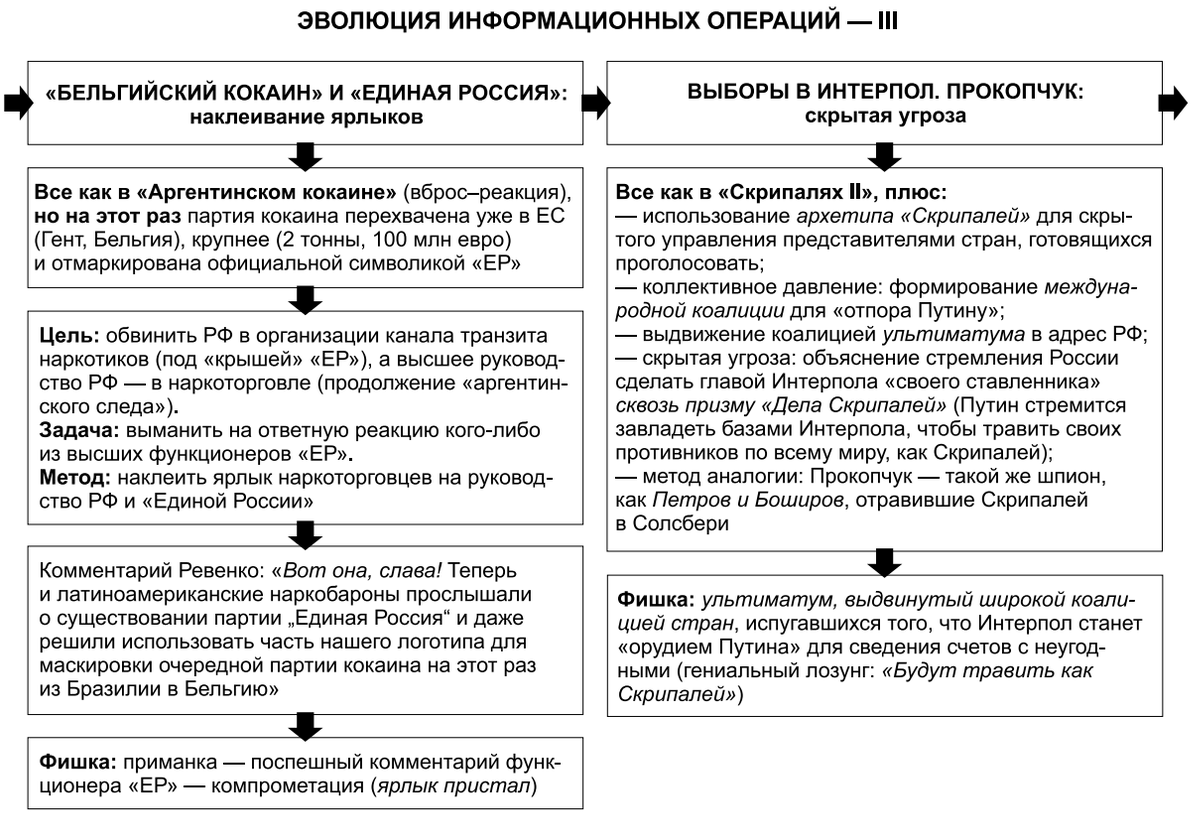


Рис. 3. Эволюция информационных операций. «Бельгийский кокаин» — «Выборы в Интерпол — 2018»

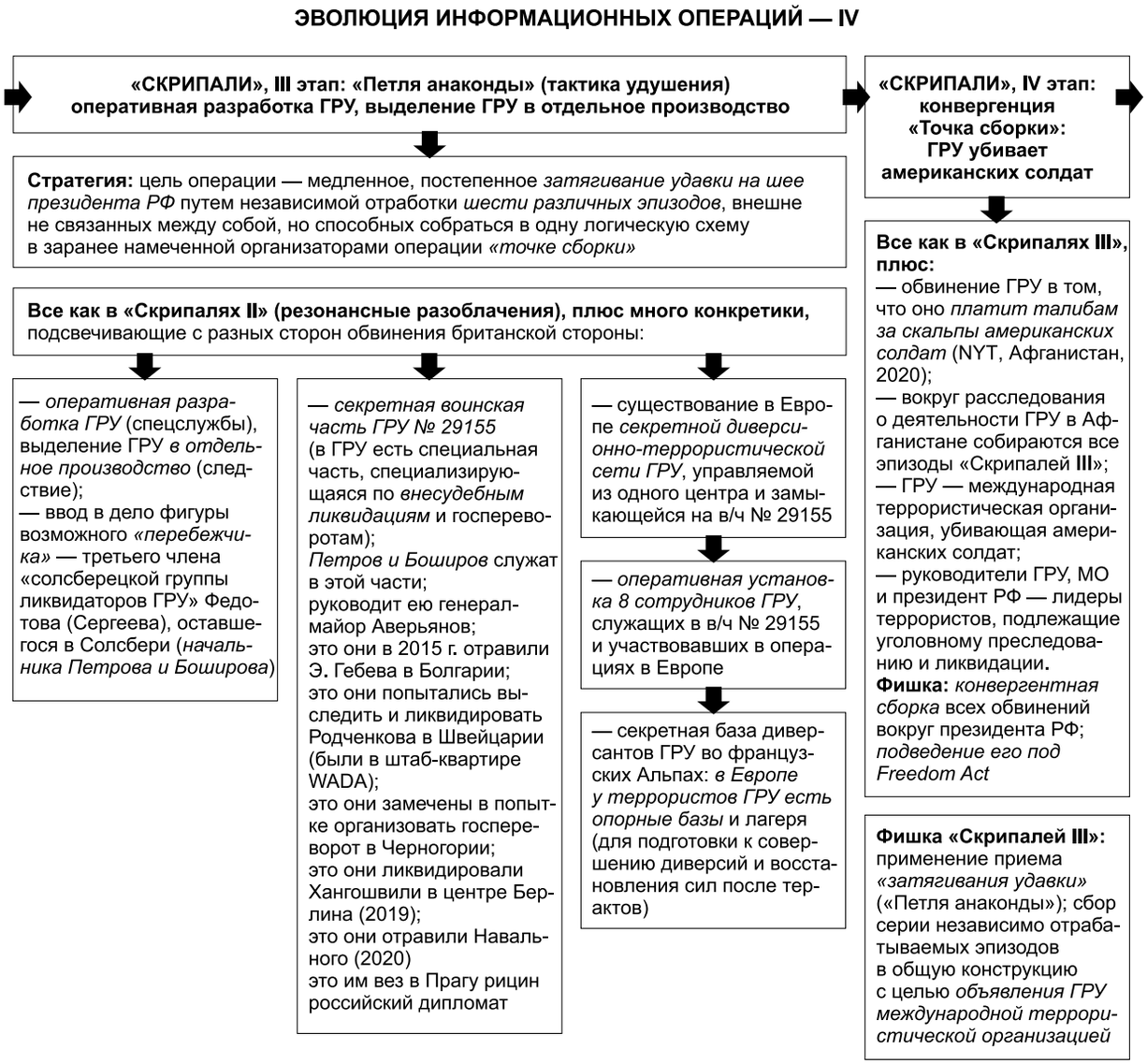


Рис. 4. Эволюция информационных операций. «Скрипали III–IV»

«Бельгийский кокаин» и «Единая Россия» (август 2018 г.): наклеивание ярлыков

Скандал с перехваченной в Генте большой партией кокаина (2 тонны), которая была маркирована символикой, похожей на официальную символику партии «Единая Россия» (далее — «ЕР»), в сценарном плане развивается идентично скандалу с кокаином, обнаруженным на территории российского посольства в Аргентине. Также используется прием «ловля на приманку», но на этот раз партия кокаина перехвачена уже в ЕС (Гент, Бельгия), она существенно крупнее аргентинской (2 тонны стоимостью 100 млн евро) и отмаркирована так, чтобы всем был виден адрес возможного получателя груза. Несмотря на маркировку, схожую с символикой «ЕР», принадлежность этой партии наркотиков до сих пор не установлена.

Цель операции заключалась в том, чтобы обвинить Россию в организации канала транзита наркотиков под прикрытием «ЕР», а высшее руководство страны — в наркоторговле (продолжение «аргентинского следа») и спровоцировать кого-нибудь из высших функционеров «ЕР» на ответные действия. Использовался известный в психологии метод «наклеивания ярлыков». Маркировка, похожая на символику «ЕР», была нужна для того, чтобы убедить западную общественность: либо груз кокаина принадлежит «ЕР», либо «ЕР» является его получателем. Примите, распишитесь.

В результате организаторам операции удалось не только наклеить ярлык наркоторговцев на представителей «ЕР», но и спровоцировать одного из высших функционеров (заместитель секретаря Генсовета партии Е. Ревенко) на поспешный и непродуманный комментарий: «Вот она, слава! Теперь и латиноамериканские наркобароны прослышали о существовании партии „Единая Россия“…» «Шутливый» комментарий Е. Ревенко выглядел как признание и еще больше ском-

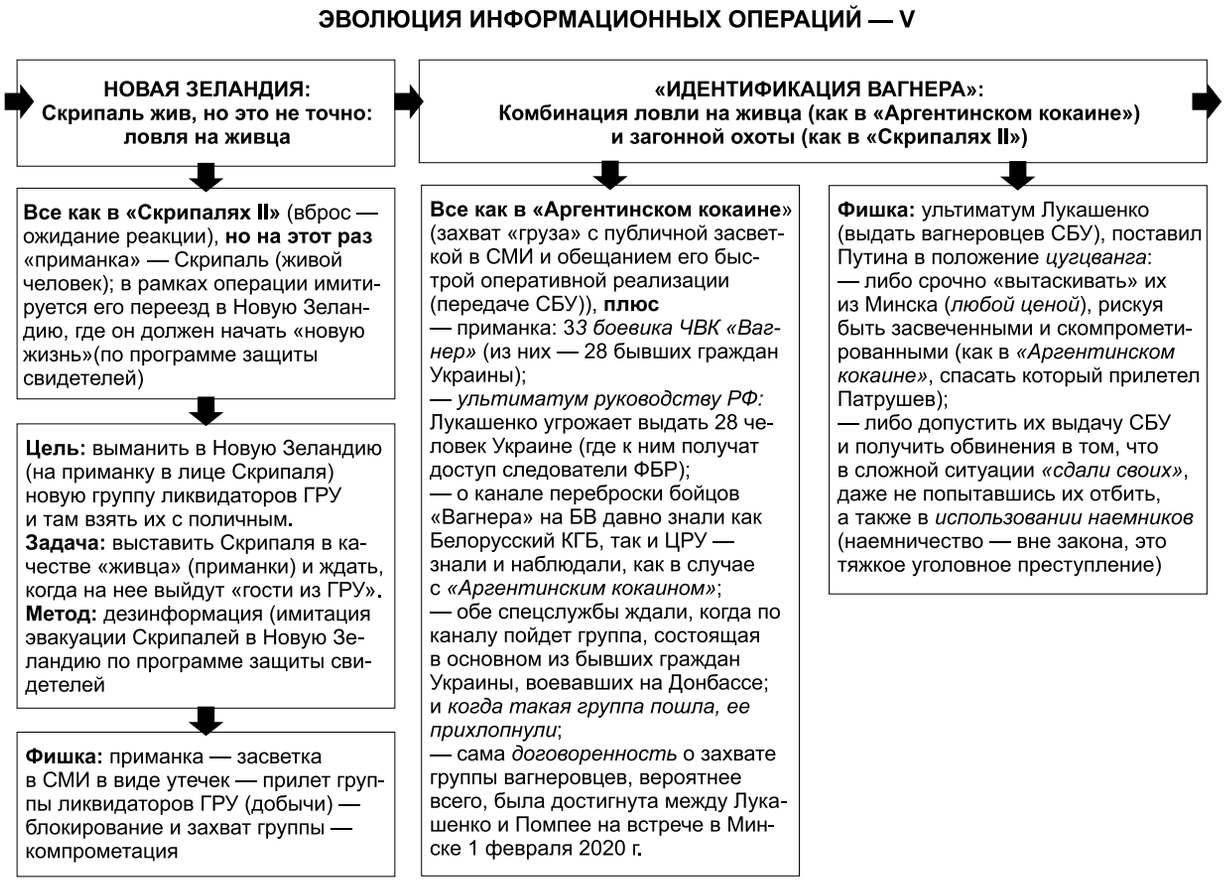


Рис. 5. Эволюция информационных операций. «Скрипали V» — «Идентификация Вагнера»

прометировал партию; ярлык пристал именно благодаря неудачной насмешке Е. Ревенко.

Помимо мастерской работы с «наклеиванием ярлыков», «Бельгийский кокаин» примечателен как очередной этап в намечающейся «кокаиновой линии» травли РФ. 389 кг наркотиков в Аргентине, затем 2 тонны в Генте — это уже не случайности, а тенденция. Впоследствии цепочку событий продолжит перехват еще большей партии наркотика в Кабо-Верде в феврале 2020 года — почти 9,5 тонн.

«Дело Скрипалей», II этап (сентябрь-октябрь 2018 г.)

Во втором этапе операции, начавшемся 5 сентября 2018 года, в организационно-техническом плане наблюдалось все то же, что и в «Панамском досье» и «Скрипалях I»: четыре вброса, четыре паузы. Была идеально отработана схема «вброс — опровержение (со стороны официальных лиц РФ, задетых выпадами в свой адрес) — разоблачение лжи этих лиц новыми вбрасываемыми „фактами“». В режиме пинг-понга применялся прием «ловля на лжи»: стоило только кому-нибудь из российских официальных лиц сделать неосторожное заявление, его тут же ловили на многочисленных нестыковках (которым человек, конечно, в порыве эмоционального возбуждения, отягощенного эффектом «туннельного зрения», не придал должного значения) и подвергали публичной порке (см. рис. 1).

Сюжет с отравлением Скрипалей заново закручивается после вброса уточняющей информации о фигурантах инцидента (А. Петров, Р. Боширов), их действиях, намерениях и мотивах. Петров и Боширов не только становятся движками-аниматорами данной истории, они еще и персонифицируют «зло», поразившее Скрипалей, дают этому злу реальные очертания. Западной аудитории предлагается ненавидеть не абстрактный образ малоизвестного обывателям ГРУ, а конкретных лиц (записанных в наемные убийцы), что психологически проще. Благодаря появлению в спектакле «актеров» скандал вокруг отравления Скрипалей становится «продуктом массового потребления»: он легко «продается» западной аудитории с использованием обычных методов политического маркетинга. Сама же «ловля Петрова и Боширова» превращает инцидент в сериал, мыльную оперу. Сверхцелью второго этапа операции становится дискредитация президента РФ: требовалось убедить всех вокруг, что В. В. Путин лжет, оправдывая себя, потому что испугался наказания. Это было уже третье по счету обвинение, выдвигаемое в адрес президента: в 2016 году — мошенничество с офшорами и отмывание денег («Панамское досье»); в 2016–2018 годах — организация преступного сообщества с целью государственной поддержки тайной допин-

говой программы («Допинговый скандал с WADA»), в 2018 году — обвинение в организации политического убийства («Дело Скрипалей»). Видно, что с течением времени обвинения в его адрес становятся все более серьезными, в них фигурируют все более тяжкие составы преступлений.

На данном этапе операции впервые применяется тактический прием, известный под названием «Загонная охота». Речь идет о системно организованной травле руководства РФ, якобы причастного к «химической атаке» в Солсбери, путем принуждения его к следованию по линии «красных флажков», выставленных «загонщиками» (организаторами). В данной фазе операции применение этой технологии ставит своей целью загнать статусного чиновника в угол и заставить его во всем признаться или начать оправдываться, многократно попадаясь на нестыковках и лжи. Кроме того, на ГРУ впервые наклеивается ярлык международной преступной организации, осуществляющей политические убийства за рубежом. Также впервые в скандал втягивается сам президент, которого, по сути, вынудили на Восточном экономическом форуме поручиться за Петрова и Боширова («Мы, конечно, посмотрели, что это за люди, и знаем, кто они такие <…> Ничего там особенного и криминального нет») и затем загнали его в ловушку (а фактически «поймали на лжи»).

Для легализации вбрасываемой информации, часть которой — разведданные спецслужб, полученные оперативным путем, используются технологии «контролируемой утечки». Информация подается как в виде заявлений от имени официальных лиц («Скрипали I»), так и в виде публикации «сенсационных разоблачений» в СМИ и на сайтах сообществ «журналистов-расследователей» Bellingcat, The Insider, Der Spiegel («Панамское досье»), то есть комбинированно.

«Дело Скрипалей», III этап (тактика удушения, 2019). «Петля анаконды», оперативная разработка ГРУ, выделение ГРУ в отдельное производство

Третий этап операции «Дела Скрипалей» (2019) принципиально отличается от двух предыдущих — и в плане тактики, и в плане технологий. В этой части операции, занявшей весь 2019 год, появляются сразу несколько революционных технологических решений. Это тактика «последовательного» (пошагового) «удушения» противника (так называемая петля анаконды) путем «затягивания удавки на его шее»; конвергентная тактика «сборки» серии эпизодов в единую «историю» и формирование на ее основе обвинительного заключения; и наконец, активное применение методов оперативно-разведывательной и агентурной деятельности, выдвигающихся в данной фазе операции на передний план. В этом смысле третий этап «Дела Скрипалей» больше всего напоминает классическую деятельность разведки — даже больше, чем ловушка («оперативная подстава»), в которую удалось заманить Петрова и Боширова. Значительная часть оперативной информации, легализуемой разведкой через СМИ и различные сайты журналистов-расследователей, была получена в результате «оперативной установки» — специальной разведывательной операции, являющейся наряду с «контролируемой утечкой» основным инструментом профессиональной деятельности спецслужб.

Таким образом, цель третьего этапа операции «Дело Скрипалей» — постепенное затягивание удавки на шее президента РФ путем независимой отработки шести различных эпизодов, внешне не связанных между собой, но способных соединиться в одну логическую схему в заранее намеченной организаторами «точке сборки». Это позволяет получить доказательную базу для целостного и аргументированного обвинительного заключения в отношении правительства РФ. Возникающее словно из ниоткуда и являющееся полной неожиданностью для обвиняемых заключение должно выступить результатом реализации стратегии операции. Общественности же объясняют, что вина стала очевидной, как только удалось собрать в рамках одного вновь открытого дела и сопоставить фрагменты, которые прежде рассматривались по отдельности.

Ключевым направлением в реализации данного этапа операции становится оперативная разработка ГРУ (как спецслужбы и «международной террористической организации») и выделение ГРУ в отдельное производство (в отдельную линию следствия).

Цель и методы

Целью любой информационной операции продолжает оставаться компрометация руководства России (в первую очередь главы государства и лиц из его ближайшего окружения) для решения следующих задач:

1) принуждения их к совершению (осознанно или неосознанно) действий, выгодных организаторам операции (скрытое управление);

2) создания вербовочных ситуаций, способствующих возможному привлечению их к конфиденциальному сотрудничеству (это касается прежде всего ближайшего окружения главы государства).

Компрометация осуществляется тремя основными способами:

— прямая компрометация конкретного лица (президента РФ или определенного представителя его ближайшего окружения — «друзей Путина») путем «наклеивания ярлыков», выдвижения обвинений или «ловли на лжи»;

— компрометация конкретного института власти РФ (МИД, «ЕР») с целью дальнейшей экстраполяции (перенесения) выдвинутых обвинений на президента, которому этот институт подчиняется;

— компрометация президента РФ путем использования приемов «ловли на приманку» или «живца», то есть через компрометацию лица из его ближайшего окружения, клюнувшего на приманку.

Операции по компрометации могут осуществляться как пассивно, так и активно. Пассивная форма подразумевает сформированный план или программу, не подлежащие изменению и предполагающие не активное взаимодействие с объектом атаки, а лишь считывание и интерпретацию его реакций в компрометирующем его ключе. Именно так были построены «Панамское досье» или «Допинговый скандал с WADA». Активная компрометация обязательно включает в себя элементы оперативной игры, где объект атаки выво-

дится на эмоции и провоцируется на совершение ответных действий (как правило, панического характера), которые затем и становятся доказательной базой для окончательного уничтожения его репутации. Особенно хорошо это проявляется, когда объект атаки, пытаясь оправдать себя, начинает лгать. На этой лжи его и ловят.

Для компрометации объекта в современных информационных операциях используются четыре основных метода:

— «ловля на лжи»;
— «загонная охота»;
— «ловля на приманку» или «живца»;
— прямой шантаж, сопровождающийся выдвижением ультиматумов в адрес конкретного человека или страны.

«Ловля на приманку» реализуется по двум направлениям.

1. Приманка — кокаин (возрастающие партии кокаина, перехваченные в Аргентине, Бельгии и Кабо-Верде). Цель — удар по репутации России и ее руководства, а также по доходам организовавших этот канал поставки (по мнению западных разведок, это люди, близкие к руководству России).

2. С лета 2018 года начинается «ловля на живца». В этой роли последовательно выступают М. Бутина (ценный свидетель обвинения, носитель инсайда, которого затем удается склонить к сделке со следствием), Скрипали (эвакуация в Новую Зеландию провоцирует желание найти и «дотравить»; можно взять посланную за ними группу и тоже сделать из ее членов свидетелей обвинения) и, наконец, летом 2020 года — так называемые вагнеровцы (как ценные носители информации перспективны в качестве возможных главных свидетелей обвинения — в случае, если начнут давать показания). Тактика действий проста: выманить (кого-нибудь из представителей России) — задокументировать — затравить.

Наиболее успешными операциями, в которых применялась тактика «загонной охоты», стали «WADA», «Скрипали II», «Идентификация Вагнера». Тактика «следования в загон» была реализована в них в том числе с навязанным объекту «выбором» из двух, в равной степени для него катастрофических путей следования (так называемая вилка навязанного выбора).

Самой продуктивной стратегией (с точки зрения формирования обвинения в совершении преступлений национального и международного масштаба) стала «Петля анаконды», наиболее ярко и эффектно проявившая себя в операции «Скрипали III». Использование этой стратегии, даже несмотря на довольно скромный результат третьего этапа «Дела Скрипалей», показало свою перспективность и фактически открыло для современных операций информационной войны новые горизонты.

«Дело Навального» дало повод обвинить руководство РФ во «внутреннем терроризме» и ассоциативно связать это событие с другими инцидентами за рубежом (рис. 6).

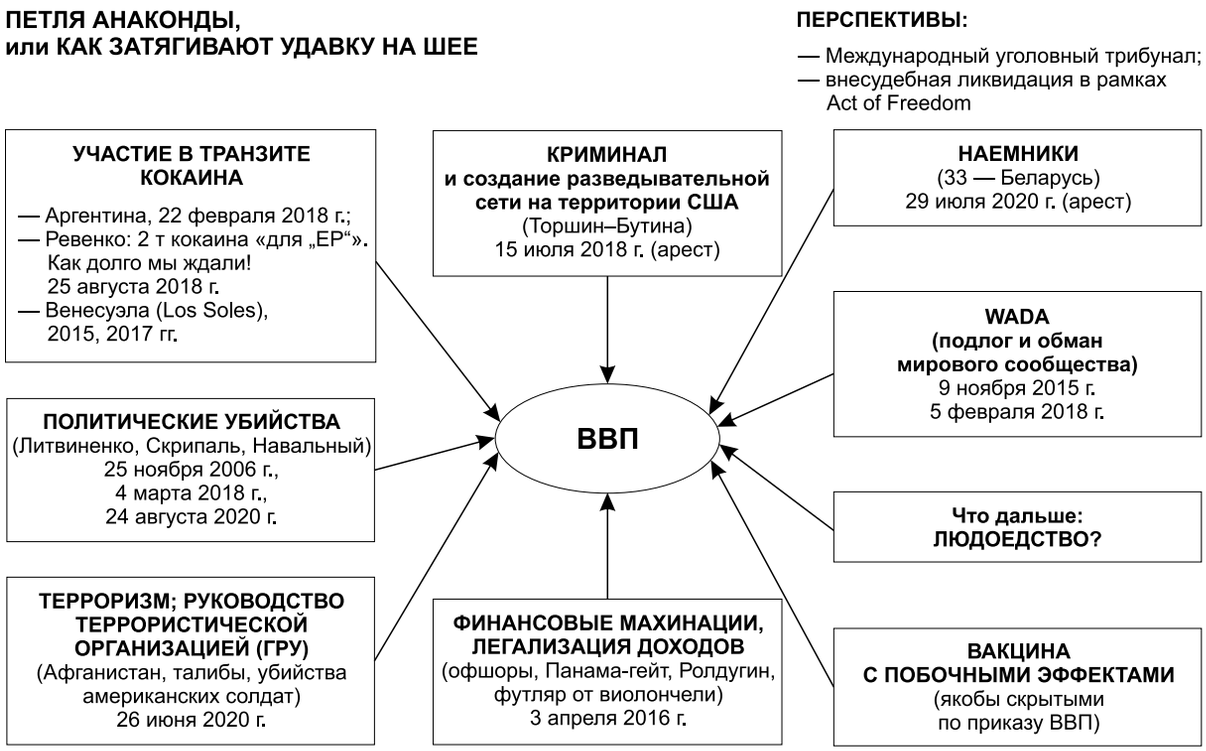


Рис. 6. Структура и характер обвинений в адрес Российской Федерации и ее высшего руководства. «Как долго мы ждали» заменить на «Вот она, слава!», «Панама-гейт» — на «Панамское досье»

Какой должна быть российская информационная операция

В свете стремительно эволюционирующих информационных операций США закономерно возникает вопрос: какой должна быть схема российской информационной операции, чтобы на равных конкурировать с технологически продвинутыми американскими аналогами?

Схема российской операции информационной войны, удовлетворяющая этим требованиям, структурно состоит из четырех этапов: провокация (1); приманка (2); разоблачение (3); прививка (4). Технологически в данной операции сочетается несколько приемов: рефлексивное управление (путем провоцирования противника на совершение немедленных ответных действий); «ловля на приманку»; публичное разоблачение клюнувших на приманку и, наконец, «прививка», позволяющая жертве внутренне смириться с поражением на условиях организаторов информационной операции.

В целом тактика современных информационных операций состоит в том, чтобы «зацепить» жертву, вывести ее на эмоции и заставить метаться в поисках выхода из сложившейся ситуации. Тогда она обязательно совершает ошибки, и удавка на ее шее затягивается еще сильнее. Если жертва впадает в гнев и яростно отрицает свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, ее последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, чтобы она могла спастись только на условиях «загонщика». Таким образом, задача провокации — первого шага российской модели информационной операции — мобилизовать жертву атаки, сфокусировать ее внимание на угрозе и лихорадочном поиске ее источника. При этом допускается серия из нескольких последовательных (тестирующих) провокационных вбросов, прощупывающих объект атаки с разных сторон. На одну из этих провокаций будущая жертва обязательно отреагирует.

В большинстве современных операций считается достаточным, если мишень отреагирует на раздражители или мотиваторы, содержащиеся во вбросе, и эти мотиваторы спровоцируют ее на совершение немедленных ответных действий. Однако эффект будет еще сильнее, если использовать провоцирующий вброс как инструмент взлома психики жертвы с целью выведения ее из себя. В этот момент ей можно «предложить» приманку. Приманка почти гарантированно будет проглочена, поскольку жертве крайне сложно распознать ловушку, когда ее действиями и поступками руководят эмоции, а не разум.

Мишень активно ищет источник угрозы, пытаясь понять, откуда исходит провокационный вброс, и в этот момент фокус ее внимания наводят на приманку. Одновременно размещается сразу несколько приманок и крючков: неизвестно, на какой именно объект попадется.

Проглотив приманку, жертва информационной операции окажется полностью во власти организаторов операции, и ее останется только «подсечь», как на рыбалке, и при попытке сорваться с крючка публично, с максимальным травмирующим резонансом, «разоблачить» ее («поймав на лжи»). Такой удар калечит психику человека и ломает его волю к сопротивлению. Если целью операции является только травмирующий эффект, то на этом этапе она завершается. Однако если при этом мишень, не выдержав натиска, начинает сдавать позиции и соглашается на условия организатора операции, встает новый вопрос: каким образом закрепить достигнутый результат, который может быть потерян, как только жертва придет в себя и залечит раны?

Чтобы объект впоследствии не отказался от своих обязательств, заявив, что «был на эмоциях» и «его вынудили», необходимо обеспечить ему мягкое возвращение в состояние «новой нормальности», постепенно снимая пресс, которым он оказался придавлен на предыдущем этапе операции (осуществить декомпрессию). Главным травмирующим фактором при этом становится психологическая неспособность жертвы внутренне смириться с поражением и вытекающими из него новыми условиями существования. Данная проблема решается с помощью «информационной прививки».

«Информационная прививка», по сути, призвана осуществить посттравматическое воздействие: мишень должна остаться на поводке; добровольно (под давлением сложившихся обстоятельств) принять «новую нормальность», в которую ее поместили победители; она не должна уйти в себя, спрятаться в бункер, откуда ее потом будет крайне сложно выманить снова. Этот прием подсказывает жертве формулу компромисса с самим собой: начинается активный синтез «постправды» по принципу «не можешь смириться с ситуацией — измени свое отношение к ней». Жертва находит оправдание своих действий и совершенных ошибок и просчетов, причем ее активно утешают, внушая нужные мысли. Жертве помогают убедить саму себя, что ее поражение было неизбежно, что на ее месте так поступил бы каждый (и каждый попался бы), что все было предопределено или просто звезды так сошлись. Затем объекту внушается надежда на то, что в следующий раз все будет по-другому. Эта надежда позволяет жертве оставаться на крючке: она фактически соглашается с новыми правилами игры, определенными ей победителями, вместо того, чтобы бороться.

Постправда оказывается мощным манипулятивным ресурсом, подавляющим сопротивление на уровне нейронов.

А. М. Митяева[1],
Е. А. Кузнецова[2]

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В условиях современной экономической обстановки в Российской Федерации педагогический процесс требует от обучающихся получения актуальных экономических знаний, формирования их экономической культуры и компетентности.

Важной задачей вузов в процессе подготовки будущих кадров является формирование экономической готовности, определяемой требуемым уровнем их экономической культуры, обеспечивающей наиболее полное и эффективное выполнение профессиональных функций, в частности, при реализации экономического подхода с целью наилучшего использования ограниченных людских и денежно-материальных ресурсов для решения профессиональных задач. Именно экономическая культура личности задает характер и содержание ее экономического поведения, позволяет наиболее грамотно использовать экономические критерии для оценки принимаемых решений и получаемых в соответствии с ними результатов профессиональной деятельности.

Остановимся на рассмотрении особенностей формирования экономической культуры современной России. Выделим следующие значимые предпосылки:

— особое географическое расположение в западной и восточной частях евразийского континента;

— высокая степень дистанцированности населения от власти и отсутствие гражданского общества;

— преобладание коллективных форм ведения хозяйства;

— длительный период отчуждения экономики от рыночных механизмов ее регулирования;

— изменения в социальной структуре общества, которые, например, повлекли за собой исчезновение таких сословий, как купечество, казачество и пр.;

— большая часть населения нашего государства никогда не имела собственности, была отчуждена от факторов и средств производства.

К наиболее характерным чертам современной экономической культуры российского общества можно отнести:

— слабо развитую индивидуальность, приоритет общинного коллективизма;

— низкую способность идти на риск, так называемое избегание неопределенности[3];

— низкую степень договороспособности;

— предрасположенность к конформизму, экономическую «апатию»;

— избыточно лояльное отношение к зарубежному опыту, копирование без адаптации к существующим российским реалиям.

Учитывая вышеперечисленные предпосылки и особенности, заметим, что педагогическая наука исходит из известных парадигм образования (когнитивной, личностно ориентированной, функционалистской и культурологической), которые в должной степени обеспечивают взаимодействие субъектов педагогического процесса. Вместе с тем, следуя существующим тенденциям общего информационного пространства, в настоящее время ряд авторов выделяют цифровую парадигму образования[4] с присущими ей теоретико-методологическими и технологическими особенностями как новый вектор развития педагогической системы.

Раскроем взаимосвязь и взаимозависимость экономической культуры и экономического поведения личности с точки зрения возможностей воздействия на них современных педагогических инструментов.

Экономическое поведение личности неразрывно связано с ее экономическим сознанием и экономическим мышлением, которые, в свою очередь, в существенной мере зависят от качественного выполнения функций экономической культуры[5]. Выделим важнейшие из них:

1) трансляционная функция — задает конкретные способы деятельности (включая экономическую) и определяет траекторию изменения поведения субъекта;

2) селекционная функция — обеспечивает выбор способа экономического поведения личности из имеющихся альтернативных социально-экономических норм, определяющих наиболее эффективное экономическое поведение.

---

[1] Заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование технологической компетенции как показатель конкурентоспособности будущего специалиста» (в соавт.), «Формирование карьерной компетенции как фактор конкурентоспособности будущего специалиста (на примере специальности „Обработка водных биоресурсов“)» (в соавт.), «Современные подходы к профилактике семейных конфликтов у несовершеннолетних», «Формирование готовности студентов к проектной деятельности» (в соавт.), «Образование старшего поколения: новые цели, функции, формы» (в соавт.) и др.

[2] Преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Серпуховского филиала Военной академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. Автор 58 научных публикаций, в т. ч.: «Сущность и роль экономической культуры в процессе обучения военных специалистов», «Использование интерактивных методов обучения экономическим дисциплинам», «Влияние экономической культуры военнослужащих на процесс принятия управленческих решений», «Особенности оформления рационализаторских предложений в военных высших учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации» (в соавт.), «Формирование экономической культуры с использованием интерактивных цифровых методов обучения в военном вузе», «Методы принятия управленческих решений в условиях неопределенности и риска» (в соавт.) и др.

[3] *Аузан А. А., Никишина Е. Н.* Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М. : Экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.

[4] *Роберт И. В.* Цифровая трансформация образования: ценностные ориентиры, перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 868–876.

[5] *Измайлова М. А.* Экономическая культура как регулятор экономического поведения субъекта // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 5. С. 47–52.

Смысловой способ взаимосвязи экономического сознания и экономического мышления вслед за регулирующим влиянием экономической культуры можно рассматривать как конструктор экономического поведения личности в целом.

Особенности экономической культуры как процесса, моделирующего последующее экономическое поведение, определяются набором ее регулирующих свойств, которые обеспечивают взаимообусловленную связь между экономическим сознанием и экономическим мышлением[1]. Это утверждение дает основание постулировать однозначное утверждение, что экономическая культура личности направлена на управление ее экономическим поведением.

Система регуляции экономического поведения субъекта посредством анализа и генерации влияния факторов экономических категорий, задаваемых экономическими сознанием и мышлением, выглядит следующим образом.

Экономическое сознание представляет собой начальный элемент системы выработки стратегии достижения цели экономического поведения личности на основе использования имеющегося у субъекта набора знаний экономических законов и категорий. Экономические знания формируются в ходе педагогического воздействия посредством пассивных, активных и интерактивных форм обучения, используя традиционные и инновационные дидактические методы и приемы. Следует заметить, что на экономическое сознание как элемент экономической культуры влияют личностные социально-психологические особенности, связанные с групповой интегрированностью, коммуникативностью и социальной активностью субъекта.

Второй элемент системы — это экономическое мышление, которое вырабатывает тактические приемы достижения поведенческих целей на основе свойственных ему и определяющих его суть критериев. В данный элемент входят рациональность как способность соотнести затраты и результаты, адаптационные навыки, умения и знания правил рациональности экономического поведения, умение адаптироваться к существующим правилам поведения. Задачей педагогического взаимодействия на данном этапе является обеспечение развития творческих, продуктивных мотивов образовательной деятельности и личностных смыслов обучающихся. Выбор форм взаимодействия участников педагогического процесса необходимо ориентировать на поддержание высокого уровня активности и интерактивности, способствующих развитию разнообразных форм экономического мышления обучающихся. Представляется возможным рассматривать цифровой образовательный ресурс как наиболее эффективный в настоящее время.

Далее путем преобразования стратегий и тактик поведения в определенный набор типов экономического поведения выбираются альтернативы экономического поведения личности. Потом делается отбор единственного приемлемого для нее типа экономического поведения, который затем преобразуется в конкретную экономическую деятельность (реализация экономического подхода в профессиональной сфере).

Качество реализации процесса конструирования для каждой конкретной ситуации зависит от лабильности достижения цели принятым типом экономического поведения, которое, по сути, начинается только тогда, когда субъектом осознается необходимость решения задачи с учетом экономического наполнения.

В случае если, по оценке субъекта, цель не достигнута либо полученный экономический результат не соответствует поставленным задачам, повторно реализуются функции регулятора экономической культуры с использованием при необходимости новых стратегий и тактик достижения целей. Необходимо отметить, что различные альтернативы экономического поведения вырабатываются в соответствии с параметрами гибкости, рациональности и избыточности, что и дает возможность придерживаться принципа вариабельности типов экономического поведения для решения конкретной задачи.

Адекватность выработанного варианта экономического поведения основывается на том, что сознание субъекта настроено на использование только эффективной, экономически обоснованной субъективной или объективной оценки доступной информации. Представляются методически обоснованными реализация педагогического взаимодействия с использованием всего многообразия информационных и коммуникационных средств и технологий, формирующих навыки и умения (формулировка необходимой исходной экономической информации, организация ее поиска, выбора, сбора, анализа, обработки, синтеза, фильтрации и пр.), а также формирование способности ориентироваться во все возрастающем информационном пространстве[2].

Сейчас существуют опасения, связанные со спорным влиянием цифровизации[3] на общество в целом и на каждую отдельную личность, в том числе наиболее уязвимую с точки зрения ее открытости и недостаточной подготовленности к огромному информационному пространству с присущим ему многообразием форм воздействия. По этой причине педагогическая система должна выстраиваться на опережающем типе информационного взаимодействия с обучающимися, стремиться создавать и использовать учебные и учебно-методические материалы с выверенной информацией в цифровой форме (электронные учебники, средства контроля, средства дидактического моделирования, программы для ЭВМ и пр.).

Обратим внимание на то, что существенное влияние на процедуру выработки и реализации экономического поведения имеют социально-психологические особенности личности и социокультурная среда. Они оказывают непосредственное воздействие на компоненты экономической культуры личности в целом, а также на экономическое сознание, мышление и по-

[1] *Соколова Г. Н.* Экономическая социология : курс лекций. Минск : Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. 188 с.

[2] По данным сайта www.iflscience.com, объем информации в мире возрастает ежегодно на 30 %, в день производится около 2,5 квинтильонов байт новой информации.

[3] *Миронов В. В.* Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019.

ведение субъекта в форме конкретной экономической деятельности. Генерирование экономической культурой личности экономического поведения возможно лишь при условии синергической включенности всех компонентов экономической культуры — экономического сознания, экономического мышления, ценностных установок с учетом влияния социально-психологических особенностей личности при высоком уровне экономических знаний и с возможностью учета воздействий внешней среды.

А. М. Осипов[1]

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Введение

Российское общество и государство в 2022 году оказались «вдруг» в новой ситуации. Меняется их отношение к решаемым проблемам. Как социолог, считаю важным расставить акценты в оценках драйверов этой ситуации и приблизиться к пониманию приоритетов России как общества и государства.

Б. Н. Ельцин начал интеграцию России в «цивилизованный мир», и она открылась. Но холодная война переросла в военно-техническое и экономическое подавление России, нагнетание напряженности на ее границах, подпитку оппозиции для внутреннего конфликта и разрушения государства.

Глобальная интеграция или партнерство, полноценно воплощающие интересы России, в ее новейшей истории неосуществимы. Решения об интеграции в мировые структуры (по сути подконтрольные США и Западу) — Всемирный банк, ВТО, ВОЗ, ПАСЕ, ОЗХО, ОБСЕ, Болонскую декларацию — принимались без учета мнения ученых и экспертизы[2].

Мировой рынок, куда элиты интегрировали Россию, обернулся при ее решительном развороте к обеспечению своей безопасности не только санкциями, грабежом вывезенных якобы «для сохранности» активов России (стоимостью в половину федерального бюджета), блокировкой ее экспорта, вынужденной переориентацией бюджетных потоков и импортозамещением. Обездвижены огромные по затратам газопроводы «Северный поток» и «Южный поток», почти все экспортно-импортные линии, производственно-технологические связи и их внутренняя инфраструктура. Зарубежный грабеж коснулся даже заграничной дипломатической недвижимости России и предметов искусства.

Красной чертой, понятой не всеми, стали военный геноцид марионеточного киевского режима против Донбасса, а также подготовка «позиционной» войны (но с применением оружия массового поражения) против России с территории части бывшего СССР, при мнимом неучастии НАТО и коллективного Запада, по волчьему принципу «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Это новый план «Дропшот» XXI века против России, якобы «убаюканной» баснями о толерантности и интеграции.

Специальная военная операция — подобие упреждающей артиллерийской атаки Красной армии 5 июля 1943 года и последовавшего наступления под Курском против изготовившегося к стратегическому броску фашистского зверя.

В этих контекстах ключевое слово — «вдруг». Оно на языке стратегического управления означает неспособность элит оценить глобальные риски, их тщетную надежду на клановое выживание и преуспевание вопреки многовековым планам глобальных лидеров разрушить Россию как общество.

Глобальные идеи, «забытые» российскими элитами

Заслуживают осмысления в России идеи, забытые элитами, выводимые их обслугой из научного оборота и из содержания образования. Главные из них следующие.

1. В XX веке капиталократия[3] стала мировой. Доказано, что ее кризисы закономерно неизбежны и цикличны (2 мировые и почти 30 иных войн с потерей 100 млн жизней и разрухой десятков стран). Капиталократия применяет стратегии управляемого хаоса и бесконечного кризиса, питает «пятые колонны» и региональные конфликты, сжигающие ресурсы и ставящие страны на грань выживания.

Сталин в 1930-е писал о закономерном обострении борьбы мировой буржуазии за продление собственного глобального господства. Был ли он неправ?

2. При видимой национально-государственной мозаичности мира в нем насаждается монополярность ради продления капиталократии. Это происходит силами глобальных и национальных элит и коррумпированными бюрократиями вопреки интересам государств и их народов.

3. В этой мозаичности особый цивилизационный статус — у России, самодостаточной в плане экономических и природных ресурсов, с культурным многооб-

[1] Профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 16 индивидуальных и коллективных монографий: «Зарубежная социология образования» (ред. и соавт.), «Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблем в сфере образования» (ред. и соавт.), «Информация в управлении образованием: теоретические проблемы» (соавт. и соред.) и др. Член Российского общества социологов, ISA, ESA.

[2] *Алферов Ж. И.* Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М. : Родина, 2019. URL: https://www.eduspb.com/public/books/classiki/alferov_vlast_bez_mozgov.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

[3] См.: *Субетто А. И.* Капиталократия и глобальный империализм. СПб. : Астерион, 2009. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19899689 (дата обращения: 01.05.2022), а также работы В. И. Ленина по этой теме.

разием и общественным интеллектом. Глобальным рыночным элитам выгодно добиться экономической интеграции России в мировой рынок для вывоза капитала и ресурсов. Так была потеряна структурная самодостаточность хозяйства, наступила технологическая зависимость. Россия ослабла в демографическом и экономическом плане, нравственно и психологически измотана льющимися из медиаресурсов фетишами рынка, стала лакомым куском для капиталократии. От способности России вернуть технологическую независимость и контроль общества над своими ресурсами, а также опору на совесть и ценность труда зависит судьба ее народов и будущих поколений, перспектива глобальных столкновений монополярности и многополярности.

Реалии глобального развития России

1. Глобальная экономика остается в основном капиталистической, живет только при скачкообразном росте производства и ресурсопотребления, с расколом мира, с неизбежными экономическими кризисами и войнами. Попытки (Римский клуб и др.) указать на гибельность такой экономики игнорируются, подконтрольные ей медиаресурсы переключают наше внимание на «Фабрику звезд», «Маску» и иные шоу, голливудские продукты, коммерческий спорт, КВН и тому подобное, чем эта гибельность лишь на время вуалируется.

2. В зарубежных исследованиях бюрократии есть вывод, что государственный топ-менеджмент склонен к выполнению наднациональных интересов и самообогащению, как в образовании[1]. Он сросся с финансовыми группами и достиг автономии от общества, отстраняет, по словам академика Ж. И. Алферова, науку от государства, укореняет бюропатологии и имитацию, а их нельзя сломать «снизу» при слабости гражданского общества.

3. Наиболее опасный эффект бюропатологий — непрозрачность менеджмента и его уход от научного, ориентированного на общественные потребности управления, пример тому — «методология» нацпроектов[2]. Этот эффект убивает цивилизационные преимущества России — ее самодостаточность, ресурсное богатство, накопленный общественный интеллект. Нередко предлагаемое «усиление регулирующей роли государства» в нынешнем его состоянии из-за бюропатологий может на деле оказаться не лучше олигархического всевластия над обществом.

4. Судя по опросам, граждане видят в политическом руководстве России ценностный диссонанс между стратегиями внешней и внутренней политики, который замалчивается. Эти две стратегии и раскрываются не равновесно. Если во внешней выражен приоритет национальных интересов, то во внутренней мы видим диктат бюрократии, расслоение регионов и населения, сверхдоходы и вывоз капитала, структурные диспропорции (РФ завозит микрочипы, бытовую технику, посуду, гвозди, нержавейку и т. д.), недовольство масс, удушение экономической активности — на фоне призывов к стабильности, рынку, конкуренции… Этот диссонанс — сильный фактор дезинтеграции.

5. Свой оттенок глобальным противоречиям и всем цивилизационным приоритетам России придал «вдруг» обнажившийся негатив Запада типа highly likely, подхваченный глобальными медиаресурсами. Западные общества в эпоху массмедиа и Интернета, роста уровня образования оказались больше подвержены информационно-политическим манипуляциям, чем век назад.

6. Отдельная тема — манипуляции обществом, осуществляемые *вне*системно (*вне*институционально), через якобы свободный выбор источников информации и досуга, а на деле — через корпоративный, подчас непубличный контроль над медиапространством и телевидением. Напомню слова классика: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана…», дальше перефразирую: пока они не научатся за любыми сериалами, телешоу, викторинами и развлечениями разыскивать интересы тех или иных классов.

Опасности для России как цивилизации

Главное внимание — социальной дезинтеграции, лишающей Родину способности к мобилизации перед лицом глобальных вызовов и кризисов, возникающих якобы «вдруг», а на деле готовящихся исподволь годами, с участием массы концептологов и аналитиков и привлечением финансовых ресурсов.

Дезинтеграция — продукт рыночно-радикальной политики, *разрушение входящей в наше ценностное ядро справедливости*. Одновременно дезинтеграция — вид гибридного социального оружия. Ее приметы: слабость взаимного социального доверия классов, групп и слоев, их готовности защищать Родину, что видно по отсутствию массовых очередей добровольцев в наших военкоматах в момент крайне напряженного военного противостояния.

Социальная дезинтеграция объективно придает политическому строю шаткость и новые риски. Она складывается из нескольких главных трендов.

1. Дезинтеграция как небывалое *экономическое расслоение населения* замалчивается. Децильный коэффициент (в СССР — менее 3–4, в капстранах — 6) официально превысил 15 (по оценке ученых РАН — 20, в Москве — до 40). Суточная плата за квалифицированный труд разнится в 4 тыс. раз — от 600 рублей у учителя до 2,5 млн у члена Правления Сбербанка. У министра Мантурова и главы Газпрома Миллера — по несколько миллионов в день[3], то есть в 70 раз больше, чем у президента. Средний класс сократился до 12 %. Для двух третей занятых труд перестал быть залогом успеха в жизни.

2. *Дезинтеграция межрегиональная*: при конституционном равенстве граждан разница оплаты за одинаковый труд в госсекторе достигла 10 раз (у учителя в столице и в провинции), а госбюджетные ассигнования на москвича выше средних по РФ в 13 раз. Идет откачка

[1] Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород : Виконт, 2020. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44237474 (дата обращения: 01.05.2022) ; *Осипов А. М.* Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2020. № 4. С. 953–966. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44423928 (дата обращения: 01.05.2022).

[2] *Осипов А. М.* К теории образовательной политики // Социс. 2022. № 2. С. 23–33 (примеч. 4). URL: www.elibrary.ru/item.asp?id=48100708 (дата обращения: 01.05.2022).

[3] Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера Председателя Правительства и членов Правительства Российской Федерации за 2021 год // Правительство России : [сайт]. URL: http://government.ru/news/45170/ (дата обращения: 01.05.2022).

молодежи из провинции, усугубляется в ней старение, потеря демографического потенциала. Все глубже сельско-городская дезинтеграция: бесконтрольный рост городов обрек село на очаговое выживание, сокращение сети поселений и обрабатываемых площадей, как следствие, слабеет продовольственная безопасность страны.

3. *Дезинтеграция общественно-политическая*, при которой вокруг человека нет сети общественно-политических организаций (раньше были КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы и др.), обеспечивающей его политическое самовыражение, включенность, помимо виртуальной через телевизор, в жизнь страны.

4. *Дезинтеграция идейная и психологическая* ведется «пятой колонной» через медиаресурсы, за исключением нескольких газет и каналов ТВ. Они навязывают историческую ложь под прикрытием «исторических реалий», поощряют «эстетику высмеивания» и соревнуются в нем как якобы престижном молодежном досуге и массовом зрелище, культ наживы и насилия, безделья и роскоши, образ преступности с человеческим лицом. В нем нет места честному труду, самоотдаче на пользу стране, подвижничеству, аграрию, рабочему, врачу, ученому, учителю. Ведется *быдлоизация населения*[1]: диван, телевизор — и нет человека. Образованию не переломить быдлоизацию и дезинтеграцию — такая задача перед ним никем не ставится.

Дезинтеграция не будет пресечена элитами и бюрократией, иначе они теряют контроль над бюджетными потоками. Пример — импортозамещение. Профессор и сенатор Андрей Клишас пишет: «Программа импортозамещения провалена полностью. Ничего нет, кроме бравурных отчетов отраслевых ведомств… Пора уже урезать аппетиты ряда заинтересованных лиц, которые свои личные интересы ставят выше государственных, запуская неактуальные на сегодня проекты…»[2]. Некому урезать? Выход — новый Рабкрин и персональная ответственность.

Пока ученые заняты «плановыми» темами, многие проблемы обостряются. Как могут меняться тематические приоритеты в гуманитарных и социальных науках, если они не координируются? Научные форумы — «мягкая сила» для назревшей корректировки их приоритетов, проблемных полей. Но положение многих научных сообществ, в том числе социологического, таково, что не позволяет им оперативно созывать свои форумы, вести активные дискуссии.

Все названные ниже идеи, перечень которых может пополниться, требуют обсуждения и сценарной проработки с участием корпуса наук об обществе.

Приоритеты России XXI века — предмет социальных наук

Отчасти эти приоритеты не новы, встречались в полемике, но заслуживают введения в научный оборот ввиду названных выше глобальных трендов.

1. Отказ от пассивного передоверия всей власти элитам, политическая установка на *социальную интеграцию общества, гармонизацию его институтов, возврат к ценности труда, опору на совесть и социальную справедливость*.

2. *Возвращение к научному управлению*, встраивание науки в механизмы выработки и реализации решений с государственно-общественным управлением и общественным контролем над природными ресурсами страны.

3. *Возвращение* в экономической, социальной, культурной и образовательной политике, здравоохранении и других сфенах *к принципу ответственности за результаты* по критерию реального улучшения условий жизни большинства.

4. *Смена экономической стратегии*:

1) *возвращение к государственному регулированию экономики* (но после системного пресечения бюропатологий[3]). Моисей водил свое племя, чтобы оно переродилось и выжило, 40 лет. Ждать ли нам еще 10 лет?;

2) отказ от *фетиша роста* экономики, *приоритет оптимальной структуры хозяйства, экологической безопасности и производительности труда — от этого эффективность производства и качество жизни общества выиграют*;

3) *уход от «слепой» открытости глобальному рынку в пользу всесторонней хозяйственной самодостаточности и технологической независимости*, что не означает самоизоляции России от мира и партнерства;

4) *отказ от экспортно-сырьевой доминанты, приоритет инвестиций в наукоемкую, природо- и человекоориентированную экономику*;

5) *отказ от монетаризма как «кнута» в финансовой и налоговой политике, переход к стимулирующему регулированию*;

6) *переход* от политики пособий бедным (а также небедным вроде компенсаций на путешествия) *к достойной оплате труда*;

7) *отказ от консьюмеризма* — антипода оптимальной структуры хозяйства; *поддержка ресурсосбережения и разумных потребностей в обществе*, чему противятся лишь экономические элиты России и глобальная капиталократия.

5. *Признание наличия «пятой колонны»* (виртуальных элит, части бизнес-элит, бюрократии и служащих им научных кланов), *вне*системных (*вне*институциональных) практик в сфере медиа, экономической, культурной и образовательной политики[4], блокирующих движение России к ее цивилизационным приоритетам. *Нужно выработать и ввести механизмы внутренней защиты цивилизационных приоритетов России*.

По мнению автора, эти идеи разделяет большинство обществоведов России. Общие приоритеты заслуживают тщательного экспертного обсуждения и затем публикации в форме доктрины развития Российской Федерации, с последующим приведением в соответствие с ними законодательства страны, ее социальных институтов и структуры управления.

---

[1] *Григорьев С. И.* Виталистская социология быдлоизации — основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества // Учен. зап. Забайкальского гос. гуманитарно-педагогического ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2013. № 4. С. 27–35. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20279473 (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Публикация от 19 мая 2022 г. на странице в сети Telegram: https://t.me/andreyklishas/329%20%20May%2019%20at%2008:26.

[3] *Осипов А. М.* Указ. соч.

[4] Там же.

И. А. Скалабан[1]

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВАЯ ЛОГИКА СТАРОГО МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА?[2]

Характер и перспективы развития любого современного общества, его векторы и динамика, определяются не только политическим режимом или состоянием экономики, но и особенностями общественного участия населения и его институциональной адекватностью современным социальным реалиям и процессам, согласованностью между собой трех его составляющих: готовности, способности и возможности участия как на макро-, так и на микроуровне.

Но является ли эта адекватность результирующей спонтанных процессов или направленной деятельности субъектов общества, позволяющей говорить о социальном управлении?

Значительный вклад в поиск ответов на данный вопрос был сделан в сфере институциональной и эволюционной экономики. Однако для анализа процессов участия перспективным представляется и проектный подход, преимущества которого видятся в возможности исследовать процесс участия как множественные, но сменяемые общественные проекты, реализуемые на макро-, мезо- и микроуровне.

Что же представляет собой проект? Оттолкнувшись от его понимания Ж.-П. Сартром[3], Ю. Хабермасом[4], З. Бауманом[5] и П. Штомпкой[6], проект можно определить как совокупность факторов, направленно влияющих на объект и проецирующих его в будущее, а также как пространство, в котором конструируется и осуществляется то или иное явление или процесс.

Важно учитывать, что общественное участие вариативно и проявляет себя в многообразии сфер и практик социального, гражданского и политического, включая электоральное, участия. Важную роль в этом играет само содержание категории «участие». Наделенное свойствами действия и принадлежности, участие бинарно по природе. Оно может проявляться в множественных и многообразных формах и практиках в диапазоне от действия без принадлежности (ситуативная спонтанная активность) до принадлежности без действия (причастность к группе). Однако приобретая общественный характер, участие может сохранять свои сущностные свойства только в случае осознанности и добровольности действий участвующих, в противном случае речь идет о квазиучастии.

Значимыми компонентами проекта являются следующие: *программа*, проявляющая себя через реализованные или нереализованные концепции и интенции (Ю. Хабермас); *субъекты*, с их ресурсами и способностью к координации деятельности и мобилизации (Ю. Хабермас, З. Бауман, Ж.-П. Сартр); социальное, культурное, структурное и физическое *пространство*, в котором разворачивается проект (З. Бауман); *дискурсы* — фоновое основание легитимации практик общественного участия, вбирающее в себя связанные с проектом смыслы (З. Бауман); *социальные практики* участия, корреспондирующие с программой и дискурсами проекта (Ю. Хабермас, З. Бауман, П. Штомпка, Ж.-П. Сартр).

Качественное разнообразие компонентов и среды их формирования позволяет говорить о *множественности проектов* (З. Бауман), реализуемых на всех уровнях общественных отношений под влиянием доминирующей макропрограммы проекта-традиции (проекта общественного развития) или периферийных программ (Ю. Хабермас). Как и все проекты, проекты общественного участия конечны и завершаются кризисами, а также перспективой построения новых программ участия, в том числе через модификацию старых.

Проекты одного временного периода влияют друг на друга через практики общественного участия, которые как структуры и социальные технологии инкорпорируются и в иные социокультурные пространства.

Историко-социологический и сравнительно-социологический анализы практик общественного участия показали, что устойчивость они приобрели только в эпоху модерна, а проектность — это свойство развитого индустриального общества, эпохи, названной З. Бауманом реалистическим модерном.

К крупнейшим можно отнести «советский» проект (1920–1980-е гг.) и проект участия США «государство всеобщего благоденствия» (конец 1940-х — начало 1970-х гг.), а также западный наднациональный проект (начало 1970-х — 1990-е гг.). Всем им свойственны признаки проекта, который З. Бауман назвал «простым»: формализация структур, мобилизационный характер, высокая включенность государства в модификацию общественного участия через прямое или опосредованное управление, определяемое не только

---

[1] Профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, доктор социологических наук. Автор более 120 научных и научно-методических публикаций, в т. ч. монографий: «Общественное участие: теория и практика социального конструирования», «Реализация государственной национальной политики на муниципальном уровне» (в соавт.), «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации» (в соавт.) и др.; статей: «Многообразие субъектов городского межэтнического сообщества», «Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции», «Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (На примере г. Новосибирска)», «Диаспоральное сообщество в городе: стратегии мобилизации» и др. Член Федерального учебно-методического объединения по психологическим наукам (отделение конфликтологии), Консультативного совета при губернаторе Новосибирской области по межнациональным отношениям.

[2] Доклад подготовлен на основе диссертации: *Скалабан И. А.* Общественное участие как социальный проект : дис. … д-ра социол. наук. Новосибирск, 2017.

[3] *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода : пер. с фр. М. : Прогресс, 1993.

[4] *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект / пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

[5] *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.

[6] *Штомпка П.* Социология социальных изменений : пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1996.

политической доктриной, но и задачами социального и экономического реформирования.

Национальный проект участия в США был реакцией государства на рост послевоенной социальной апатии населения, которая рассматривалась как угроза демократии. Государство стало субъектом ограниченного управления участием наряду с местными сообществами и ассоциациями. Практиковалось вовлечение акторов в федеральные проекты и программы борьбы с бедностью через мобилизацию внутриобщинного потенциала. Кризис проекта проявился в кризисе программы «максимально возможного участия» середины 1960-х — начала 1970-х годов, когда существенные финансовые вливания в развитие бедных сообществ не привели к росту активности жителей, но стимулировали конфликтность и появление феномена «золотых гетто».

Западный наднациональный проект сформировался на национальных и наднациональном уровнях в развитых западных странах. В основе его программы лежала концепция общественного участия как инструмента социального управления. Субъектами проекта наряду с государством выступили структуры с высоким уровнем влияния и контроля: международные, национальные общественные объединения различного типа и общественные движения, международные финансовые институты. Превалировали дискурс социального развития, демократический, гражданский, секторальный дискурсы. Проекту были свойственны технологизация практик участия и их тиражирование в развивающиеся и посткоммунистические страны.

Проект показал, что нарастающие изменения общественной структуры способствуют нелинейному расширению территориального и социального пространства общественного участия, но ослабляют возможности государства по прямому управлению, влиянию и контролю и стимулируют появление новых общественных движений и сетевых моделей массовых протестов.

Советский проект принял характер государственно-мобилизационного, где позицию субъекта сохранило и усилило государство, выступив заказчиком, инициатором и организатором общественного участия. Программа, построенная на идеологическом обосновании социалистического метапроекта, проявлялась в дискурсах классовой борьбы и противостояния систем. Сращивание государственного, коллективного и частного обусловило структурную специфику пространств, в которых осуществлялась унификация и централизация практик общественного участия. Это привело к кризису проекта — потере способности к самокоррекции, рутинизации и бюрократизации структурного пространства, отделению участия от членства, ослаблению неформальных правил социального участия.

Важной особенностью советской и российской традиции, проявляющей себя и сегодня, служит избирательность конструируемых сфер и каналов общественного участия, что обеспечивается тремя пересекающимися государственными стратегиями его конституирования.

1. Участие поощряется в нормативно регламентированных общественных инициативах в «выделенном» государством пространстве, преимущественно в сфере социальной помощи и сервисной поддержки.

2. «Приглашение» или «принуждение» к участию в проектах, инициируемых или активно поддерживаемых государственными структурами.

3. Делегитимизация практик, не одобряемых государственными структурами в сферах политического и гражданского участия.

Кризис проектов выразился в сокращении активности в устойчивых общественных структурах, росте неформализованных и даже нелегитимных практик гражданского и политического участия, «выпадении из смысла» — реинтерпретации практик. Это стало следствием общих для всех проектов тенденций: универсализации структур участия, технократизации его механизмов, ритуализации процедур общественного участия, усилении критики проектов относительно распределения власти и контроля.

Под влиянием совокупности факторов (среди которых — глобализация, системные политические, социально-экономические, технико-технологические изменения) управляемое пространство общественного участия нелинейно сокращается, замещаясь преимущественно непрямым управлением, однако государство продолжает сохранять субъектные позиции в проекте, а также функции влияния и контроля. Изменение границ проекта и появление на его периферии новых общественных программ ведет к появлению новых акторов общественного участия, дифференциации программ и практик, в том числе и радикалистского толка. Эта множественность делает проект сложным.

Сложный проект обладает следующими признаками: параллельное существование новых и традиционных структур общественного участия; появление качественно новых, в том числе маргинализированных, акторов; диффузия дискурсов, размывание границ между видами общественного участия, приводящее к смешению их пространств; переход от коллективных и отложенных к индивидуальным и прямым формам гражданского и политического участия; усиление горизонтальных связей при сокращении анонимности участия.

Усиливается эрозия и ослабевают мобилизационные возможности государств «с инженерными претензиями», формируется понимание действительности как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов, делающих совместное общественное участие непродолжительным и неустойчивым. Оно проявляется скорее в коротких проектах солидарных действий, способствующих как разъединению, так и кооперации, в частности за счет открытия новых комьюнитиобразующих ресурсов слабых и неустойчивых сетей.

Сложность проекта усиливает противоречивость практик участия. Процессы общественного участия могут приобретать дисфункциональный характер, стимулируя пассивное участие населения (сообщество «зрителей») или эксклюзию отдельных социальных групп, закрытость или усиление конфликтности отдельных сообществ, активизацию их оборонительных

функций в условиях защиты своих интересов от навязанных инвестиционных или социальных проектов.

Непринятие со стороны государственных структур сложности как естественного свойства новой социальной реальности, наличия в пространствах общественного участия разных конкурирующих программ, параллельного существования структур и культур модерна и постмодерна, сохранение в массовом общественном сознании «старых», модернистских ценностей отражает противоречивость, «межпроектность» современного российского общественного участия. Длительное время сохраняется и популяризируется альтернатива строительству нового сложного постмодернистского проекта — возвращение к модифицированной версии простого модернистского проекта со свойственными ему стратегиями мобилизации.

Воспроизводимая в новых условиях логика старых модернистских проектов, ориентируемых на формализованные механизмы участия, закрепляет избирательность их пространств. Признаками возврата к простому проекту служат и актуализация форм квазиучастия, к примеру «церемониального участия», и возврат к традиции неучастия как формы общественного участия и т. д.

Однако существующая специфика современного информационного, коммуникативного и деятельностного пространства ограничивает тотальное влияние государства на акторов общественного участия, сохраняя пространства, где формируются иные, качественно отличные культуры участия, к примеру новые городские движения. В попытке перехватить управление общественным участием и контроль за ним государство встает перед выбором. Можно либо «упростить проект», вернувшись к тотальному контролю за общественными процессами, тем самым «упростив» и их восприятие, и характер протекания за счет универсализации, ограничения множественности и гомогенизации во всех компонентах проекта, либо сконструировать новый, что потребует новых идей и программ.

А. В. Скоробогатов[1],
А. И. Скоробогатова[2]

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Важнейшим признаком поступательного развития и функционирования человека и существования социальной реальности является идентичность, выступающая конвенциональным результатом правовой коммуникации. Благодаря идентификации человек воспринимает себя членом определенного сообщества, принимает и воспроизводит в своей деятельности нормы и ценности этого сообщества, будучи уверенным, что это способствует удовлетворению не только социальных потребностей, но и его собственных. Особенно значима идентификация, когда речь идет о восприятии человеком себя в качестве члена политической нации[3] — гражданина. Наиболее острой для России эта проблема стала в последние годы в связи с ведением гибридной войны против нашей страны, одной из задач которой является уничтожение российской национальной идентичности и превращение страны в цивилизационный «придаток» Запада.

Одним из институтов идентичности является социальная память, которая транслируется членам социума в процессе передачи социального правового опыта и воспринимается сообществом как позитивное (апробированное предшествующими поколениями) средство консолидации данного социума и его локализации от других обществ[4]. Конструирование и трансляция правовой информации, содержащей фреймы памяти, могут осуществляться как обществом (локальными сообществами), так и государством. В последнем случае речь идет о целенаправленной государственной деятельности, которую можно обозначить как политика памяти.

Политика памяти и мемориальное законодательство как его важнейшая часть являются первостепенными элементами государствостроительства[5]. Эта

[1] Профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, доктор исторических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Правовая политика России в царствование императора Павла I», «Очерки по юридической антропологии» (в соавт.) и др.; статей: «Правовая традиция как социокультурное средство повышения эффективности законодательства», «Ценностная детерминация юридического дискурса», «Правовой миф как средство социальной идентификации», «Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ» и др.

[2] Заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, кандидат педагогических наук, доцент. Автор 107 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки по юридической антропологии» (в соавт.), «Методология правового воспитания» (в соавт.), «Дискурс коррупции в российском обществе» (в соавт.), «Правовая компетентность в структуре правовой культуры» (в соавт.), «Student Socio-Psychological Expectations from Studying in Higher Education Institution: Satisfaction Degree and Implementation Evaluation» (в соавт.), «Educational technologies influence on student self-presentation in modern university: problems and features of manifestation in educational communication» (в соавт.) и др.

[3] Понятие «политическая нация» мы рассматриваем в соответствии с идеями Ю. Хабермаса (см.: *Habermas Jü.* Können komplexe Gesellschaften eine vernünftige Identität ausbilden? // Zur Rekonstrution des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1976. S. 92–125).

[4] *Moore N., Whelan Y.* Preface // Heritage, Memory and the Politics of Identity. New Perspectives on the Cultural Landscape / N. Moore, Y. Whelan (eds.). Hampshire : Ashgate Publishing Limited, 2007. P. X–XII.

[5] The Politics of Memory: Transitional Justice in Democratizing Societies / A. Barahona de Brito, C. G. Enríquez, P. Aguilar (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 2001.

юридическая институализация истории особенно значимой становится в кризисные периоды, когда необходимы дополнительные ценностные инструменты консолидации общества[1].

Мемориальное законодательство после Второй мировой войны получило широкое распространение по всему миру[2]. Большинство этих законов было предназначено не для того, чтобы размышлять о содержании, а тем более об истинности знаний о прошлом. Их задачей было сконструировать позитивный образ прошлого как ценностной основы для современного государственного и социального развития. Не стала исключением и Россия, где первые законы о памяти появились еще в 1990-е годы. Однако в нашей стране мемориальное законодательство имеет существенную специфику, обусловленную обращением не только к ближайшему прошлому, но и к относительно отдаленному, формированием юридического образа непрерывно развивающегося Российского государства от Российской империи через СССР к Российской Федерации. Главным при этом является нормативное закрепление фреймов памяти об исторических событиях и акторах, которые оказали позитивное воздействие на становление российского общества и государства и использование опыта которых в современных условиях способствует не только ценностной консолидации российской гражданской нации, но и ее поступательному развитию и функционированию.

Большинство законов о памяти как в России, так и в других странах носит императивный характер и призвано не только выразить официальное отношение к прошлому, но и сконструировать границы его интерпретации[3]. Официально санкционированный способ прочтения и интерпретации истории выступает при этом как средство формирования и укрепления национального самосознания. Оно призвано соединить прошлое и будущее граждан и способствовать консолидации общества на единой системе ценностей, прошедших апробацию временем.

Онтологической целью мемориального законодательства является закрепление или запрет определенных представлений об исторических фигурах, датах, символах или событиях, устанавливая ответственность за нарушение порядка сохранения и (или) последующей передачи информации об исторических событиях и лицах[4]. Законодательство о памяти в России представлено двумя блоками нормативных правовых актов: 1) законы, устанавливающие ответственность за высказывания и (или) действия в отношении прошлого, не соответствующие официальному образу прошлого (например, ст. 354.1 УК РФ[5], устанавливающая ответственность за реабилитацию нацизма); 2) законы, регулирующие вопросы исторической памяти или воздействующие на формирование, развитие и функционирование национальной памяти (например, Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России»[6], содержащий официальный перечень событий прошлого, имеющих мемориальное значение).

Законы о памяти не являются ценностно нейтральными. Их содержание продиктовано господствующей в стране мировоззренческой парадигмой, которая ориентирует прежде всего на идеологическое обоснование легитимности существующего политического и правового режима. Однако, если в странах Восточной и Центральной Европы эта легитимация была достигнута не только путем отказа от коммунистического прошлого, но и посредством его прямого осуждения и даже официального «покаяния»[7], то в России, напротив, речь идет о сохранении традиционных ценностей, в значительной степени рассматриваемых в контексте теории официальной народности, сформулированной еще в 1830-е годы министром народного просвещения Российской империи графом С. С. Уваровым. В современном прочтении речь идет о консолидации государства и общества на единой ценностной системе. Определение этой ценностной системы дано прежде всего в Конституции РФ[8] (ст. 67.1) и принятых для ее реализации документах стратегического планирования.

Так, Стратегия национальной безопасности в качестве одного из национальных интересов обозначает «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» (п. 7 ст. 25)[9]. Легальная дефиниция «традиционные ценности» дана в проекте Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «формирующие мировоззрение граждан России нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, нашедшие свое уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (ст. 3)[10].

[1] *Krawatzek F., Soroka G.* Circulation, Conditions, Claims: Examining the Politics of Historical Memory in Eastern Europe // East European Politics and Societies: and Cultures. 2022. Vol. 36, iss. 1. P. 198–224. DOI: 10.1177/0888325420969786.

[2] Подробнее см.: *Soroka G. Krawatzek F.* Nationalism, Democracy, and Memory Laws // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30, iss. 2. P. 157–171. DOI: 10.1353/jod.2019.0032.

[3] *Koposov N.* Populism and Memory: Legislation of the Past in Poland, Ukraine, and Russia // East European Politics and Societies: and Cultures. 2022. Vol. 36, iss. 1. P. 272–297. DOI: 10.1177/0888325420950806.

[4] *Семенников А. Г., Задорожная И. В.* Мемориальное законодательство России: теория и практика // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 66–70.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

[7] См. например: *Nadkarni M.* Remains of Socialism. Memory and the Futures of the Past in Postsocialist Hungary. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 2020. 252 p.

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2020).

[9] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

[10] Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (по состоянию на 21 января 2022 г.) (подготовлен Минкультуры России, ID проекта 01/03/12-21/00123967). URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967.

В этом плане мемориальные законы призваны как раз объединить прошлое и настоящее многонационального российского народа и обеспечить его аксиологическое единство на основе уважения к традиционным ценностям как методологической базе правовой политики. Законодательство при этом используется не только для определения фреймов национальной памяти, но и для конструирования ее содержания как средства формирования и развития правовой культуры российского общества. Признание гражданами этих образов и участие в их воспроизводстве обеспечивают им российскую гражданскую идентичность. В определенной степени эту идентификацию можно рассматривать как специфичную форму гражданской религии[1].

Гносеологически законы о памяти направлены на конструирование фреймов социальной памяти, определение пределов интерпретации официально сформированного образа прошлого. Специфичное место государства в политической системе позволяет ему обеспечить максимально широкое социальное признание истинности сконструированного образа прошлого, в том числе путем нормативного определения дат, событий и лиц, имеющих нравственное и правовое значение для развития и функционирования российского общества[2]. Возможная при этом мифологизация интерпретации[3] не играет существенной роли, поскольку требования истины уступают в данном случае интересам воспроизводства общества и человека как его части[4].

Таким образом, мемориальное законодательство направлено на формирование и продвижение коллективной идентичности на национальном уровне, которую можно обозначить как российскую гражданскую (цивилизационную) идентичность. Социальное познание и интерпретация прошлого в нормативно установленных границах способствуют укреплению традиционных ценностей российской цивилизации. Ориентация законов о памяти на возвеличивание героических страниц прошлого и осуждение лиц и событий, оказавших негативное воздействие на социальное развитие и функционирование, призваны обеспечить достижение ценностных оснований российской гражданской идентичности. Законодательство при этом не только конструирует цельный социальный образ героической истории многонационального российского народа, но и обеспечивает поддержание российской гражданской идентичности как цивилизационной основы социально-экономического и политического развития в глобальном мире.

М. Н. Фомина[5]

НОВЫЙ ФОРМАТ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ДИАЛОГА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Декларируемый диалог многополярного мира в связи с украинскими событиями, переродившись в диалог между странами НАТО и Россией, не изменил сущности диалога Россия и Китая. Диалог как предмет познания в теоретической мысли трактуется в рамках классических позиций антропологичности «я и ты» Л. Фейербаха, со-бытийности с «Другим» М. Хайдеггера, единения сознаний «я и ты» М. Бубера, самосознания М. М. Бахтина, диалога культур В. С. Библера. В контексте данных теорий происходило и конструирование моделей культурного и политического диалога, основанных на онтологичности диалога Сократа (событийность, со-понимание, со-доверие), смысл которого раскрывается в совместном поиске истины.

Если в предыдущих исследованиях диалог анализировался как политический или культурный, то сегодня в контексте осмысления диалога возникает необходимость рассматривать его как механизм реализации межгосударственных интересов, которые выступают как политические в социокультурном пространстве. Ранее политический диалог был обоснован как «совместная заинтересованность в решении поставленных задач… А способность принять противоположные точки зрения и найти в их разрешении рациональное зерно — один из доминирующих принципов культуры политического консенсуса», так как он «направлен на достижение согласия между его субъектами» с учетом принятия «социокультурных особенностей участников социального и политического взаимодействия»[6]. Таким образом, политический диалог, выступая средством консолидации интересов в целях мирного сосуществования, становится возможным, когда культурные универсалии и мировоззрение «Другого» принимаются. Поэтому, если речь идет о новом фор-

[1] *Егоров В. А.* Мемориальные даты как элемент гражданской религии: секулярное и конфессиональное измерения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2019. № 1. С. 199–207.

[2] *Живой А. С.* Компоненты конструирования социальной памяти // Социально-гуманитарное знание. 2017. № 7. С. 222–228.

[3] *Женин И. А.* Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 9–28. DOI: 10/22394/2412-9410-2021-7-1-9-28.

[4] *Гапоненко Л. Б.* Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи : науч. журн. 2020. № 3 (40). С. 40–53. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10303.

[5] Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета, доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ, заслуженный работник высшей школы Читинской области. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Я в мире философии», «Философская культура: онтологический диалогизм», «Онтологичность диалога с природой» (в соавт.), «Религиозная и этническая идентичность этнофоров в условиях этнокультурного конфликта (на примере уйгурского этноса СУАР КНР)» (в соавт.); статей: «Aspectos educacionais do diálogo russo-chinês no contexto da cooperação internacional» (в соавт.), «Пространство диалога культур в глобализирующемся мире», «Российско-китайское диалоговое пространство» и др. Член Российского философского общества.

[6] *Фомина М. Н., Борисенко О. А.* От диалога к политическому диалогу: методологические подходы к исследованию // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. 2013. № 10 (101). С. 120–121.

мате диалога, который отражает межгосударственные отношения в условиях глобализации, необходимо осмысление международных отношений, представленных как диалогические.

Сотрудничество, формирование глобального гражданского общества, разрешение возможных противоречий упоминаются в документах ЮНЕСКО, касающихся межгосударственных отношений, в качестве принципов нового формата диалога[1].

Сегодня диалоговое пространство — это сфера управления глобальными процессами. Если осмысливать российско-китайское диалоговое пространство на онтологическом и мировоззренческом уровнях, то на первом оформляется его конструктивность, на втором — через взаимопонимание и взаимодоверие — единство интересов. Взаимообусловленность онтологического и мировоззренческого уровней очевидна. После состоявшейся Третьей ежегодной конференции Всемирного культурного форума (Тайху, Китай) А. Н. Чумаков отмечал, что в эпоху экономической глобализации главной проблемой «оказывается сам человек». Это требует решения «принципиальных вопросов: как повысить уровень взаимопонимания и доверия между разными цивилизациями; как обеспечить укрепление межкультурных связей и сотрудничества между народами с целью содействия процветанию и продвижению человеческой цивилизации»[2]. Идея консолидации интересов является доминирующей в совместных российско-китайских аналитических докладах «Российско-китайский диалог», подготовленных РСМД, ИДВ РАН и Институтом международных исследований Фуданьского университета (КНР). В разделе «Гуманитарное сотрудничество» этих докладов, выходящих ежегодно начиная с 2015 года, не только содержится анализ на основе систематизации проведенных за отчетный период совместных мероприятий, но и освещаются мировоззренческие проблемы, возникающие в ходе международного сотрудничества возможности и риски реализации диалога. Российские и китайские аналитики говорят о возможности плодотворного гуманитарного российско-китайского сотрудничества, несмотря на то, что, как они отмечают, политическое доверие и социальное понимание еще только предстоит сформировать (со-доверие и со-понимание — основополагающие свойства диалога). Необходимо развивать «гуманитарные контакты, позволяющие сформировать прочные межчеловеческие связи между россиянами и китайцами»[3]. Неслучайно в Рабочей тетради[4] указывается, что «основой качественно новых отношений может стать российско-китайское „партнерство для модернизации“».

В тех докладах, где за основу взято пространство диалога (как пространство взаимодействия), выйдя за его мыслимые пределы к диалоговому пространству (к со-пониманию), российские и китайские аналитики стремятся обеспечить совместный поиск решения возникающих вопросов.

Анализ докладов 2015–2021 годов показал, что на фоне реализации равных возможностей, сформировавшихся и развивающихся российско-китайских контактов в сфере гуманитарного сотрудничества, на мировоззренческом уровне проблемы остаются, так как «в новых условиях обостряются... недостаток взаимного понимания и доверия между двумя народами»[5]. Риски российско-китайского сотрудничества диктуются как «сложной идейно-политической средой», так и «трансформацией китайского общества», в котором «формируется новое „англоязычное“ поколение молодых людей», имеющих «слабые или искаженные представления об истории России, ее культуре и политике»[6]. Об этом аналитики писали в докладе 2015 года.

В материалах Доклада 2016 года указано, что гуманитарное сотрудничество осложняется из-за высокого «уровня бюрократизации, отрыва заявлений от реального положения дел, недостаточного использования ресурсов гражданского общества»[7]. В 2017 году отмечалось, что не преодолены «недоразумения, связанные с теорией „китайской угрозы“ и „парадоксами в интересах России и Китая“. Это влияет на общественное мнение «двух стран в связи с внешними и внутренними факторами»[8]. В 2018 году была заявлена глобальная задача для продвижения миссии создания[9] «сообщества единой судьбы человечества»[10]. В докладе «Российско-китайский диалог: модель 2019 года» были подведены некоторые итоги российско-китайского сотрудничества, которое «распространяется от приграничных областей вглубь, полностью охватывая территории двух государств»[11]. И уже в докладе 2021 года констатируется, что хотя «в российском и китайском общественном мнении отмечались от-

[1] См.: Среднесрочная стратегия: Вклад в дело мира и человеческого развития в эпоху глобализации посредством образования, науки, культуры и коммуникации на 2002–2007 годы. Утвержденный документ 31С/4. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. С. 40–42. URL: http://www.ifapcom.ru/files/3-Srednesrochnaya_strategiya_UNESCO_2002-2007.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

[2] *Чумаков А. Н.* «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2. С. 193.

[3] Российско-китайский диалог: модель 2021 : докл. № 70/2021. М. : НП РСМД, 2021. С. 8. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2021-Report70.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

[4] Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений : рабочая тетрадь № 20/2015. М. : Спецкнига, 2015. С. 5. URL: https://russiancouncil.ru/ common/upload/RIAC_WP_20_Russia-China.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

[5] Российско-китайский диалог: модель 2020 : докл. № 58/2020. М. : НП РСМД, 2020. С. 10. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

[6] Российско-китайский диалог: модель 2015 : докл. № 18/2015. М. : Спецкнига, 2015. С. 24. URL: https://russiancouncil.ru/upload/RIAC_ Russia_China_Report.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

[7] Российско-китайский диалог: модель 2016 : докл. № 25/2016. М. : НП РСМД, 2016. С. 50. URL: https://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Report25.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

[8] Российско-китайский диалог: модель 2017 : докл. № 33/2017. М. : НП РСМД, 2017. С. 78. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

[9] Российско-китайский диалог: модель 2018 : докл. № 39/2018. М. : НП РСМД, 2018. С. 7. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report39-Ru.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

[10] Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия — сказал Си Цзиньпин // Синьхуа. 2017. 2 февр. URL: https://www.russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521-9299677.html (дата обращения: 25.12.2017).

11 Российско-китайский диалог: модель 2019 : докл. № 46/2019. М. : НП РСМД, 2019. С. 67. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report46-Ru.pdf (дата обращения: 26.02.20)

дельные негативные явления, в целом РФ и КНР смогли сохранить дружественное отношение двух народов друг к другу»[1].

Таким образом, российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере, реализуясь как политическое сотрудничество в социокультурном пространстве, представлено как онтологическое основание политического диалога, но постановка задач, возможности и риски их реализации соотносятся с классической установкой ценностных нормативов диалога, что дает основание говорить о становящемся новом формате российско-китайского диалога.

Е. В. Харитонова[2]

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА НОВОМ ВИТКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ (На примере SWOT-анализа системы российско-африканских отношений)[3]

Стратегические просчеты невозможно компенсировать тактическими успехами.

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц

Специфика текущего момента порождает необходимость переориентации внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии России. Коллективный Запад под руководством США стремится достичь полной экономической и политической изоляции России. Введение санкций, дискредитация внешней политики России, образование буферной зоны из враждебных государств на ее границах, формирование ее негативного образа средствами информационной войны — все это призвано ослабить нашу страну и заблокировать реализацию ее национальных интересов. Россия столкнулась с необходимостью активизировать альтернативное стратегическое партнерство и создавать стратегические альянсы со странами других регионов и континентов.

В ситуации жестких геополитических вызовов заслуживающим внимания вариантом выступает стратегическое партнерство со странами Африканского континента. Однако чрезвычайная ситуация усилила существующие и создала новые угрозы и трудности для реализации российско-африканского проекта. Для выстраивания эффективных отношений с Африкой существуют препятствия как внешнего характера (наличие серьезной конкуренции и стремление «оппонентов» заблокировать проекты России на африканском направлении), так и внутреннего. Последние связаны с системой устройства страны, стратегическим планированием и моделированием, отсутствием адекватного консолидирующего образа будущего. Если Россия не сумеет выработать четкую стратегию и концепцию, которые отвечают глобальным вызовам современности и представляют основные смыслы, объединяющие людей, наша страна не будет обладать привлекательностью на международной арене. В рамках этой концепции требуется обозначить и экономический уклад, исключающий эксплуатацию. Без такой модели мы не будем отличаться от Запада, с его колониальным прошлым, неоколониальным настоящим, стремлением к эксплуатации природных и человеческих ресурсов Африки.

Сегодня для России проработанная концепция развития, наличие долгосрочных целей, формирование методов решения задач, оценка рисков и угроз (как внутренних, так и внешних), анализ необходимых ресурсов являются, наряду с национальной безопасностью, индикаторами суверенитета. У СССР концепция развития была проработана; во многом именно это обеспечивало эффективную внешнюю политику на африканском направлении. Модель справедливого общественного развития, основанная на равноправии и отсутствии эксплуатации, которую предлагал Советский Союз, была привлекательной для стран Африканского континента, и во многом благодаря этому проект деколонизации был успешным.

SWOT-анализ системы российско-африканских отношений

Еще недавно мы с уверенностью и оптимизмом говорили, что российско-африканские отношения переживают самый активный период за последние 30 лет.

[1] Российско-китайский диалог: модель 2021 : докл. № 70/2021. М. : НП РСМД, 2021. С 7. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2021-Report70.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

[2] Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук (социальная психология), доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Цивилизационные альтернативы Африки» (в соавт.), «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России» и др.; статей: «Зимбабве на перепутье. Стратегическая „ниша“ России в многополярном мире», «Глобальные вызовы и конфликты в зеркале африканских событий», «Вопросы выживания цивилизации в условиях системных вызовов. Что делать?», «Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР)» (в соавт.), «Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи)», «Взаимодействие культур в ценностно-смысловом измерении (на примере российско-африканских отношений)», «Социальные представления арабской молодежи: факторы и тренды регионального развития (на материале полевых исследований)» и др. Награждена Почетной грамотой Федерального агентства научных организаций России.

[3] Доклад подготовлен на основе главы 2 совместного доклада Российского совета по международным делам (РСМД) и союза «Африканская деловая инициатива» (АДИ): *Харитонова Е. В.* Российско-африканские отношения. Компетенции России для Африканского континента // Африка — Россия+: достижения, проблемы, перспективы / А. В. Кортунов, Н. Г. Цайзер, Е. В. Харитонова [и др.]. М. : НП РСМД, 2020. С. 30–42.

2019 год по совокупности проведенных российско-африканских мероприятий можно назвать годом Африки. Главным его событием стал первый саммит и Экономический форум Россия — Африка, прошедший в Сочи 23–24 октября, в ходе которого были подписаны 92 соглашения на сумму 1,004 трлн рублей.

Достигнутые договоренности представляли собой *возможности* для развития российско-африканских отношений в существовавших на тот момент геополитических условиях. Предполагалось, что после подписания деклараций должен наступить период конкретных действий, переход от намерений к реализации планов. Опыт сотрудничества (в том числе с СССР), политические и экономические возможности России и Африки позволяли говорить о потенциале развития российско-африканских отношений. Но ситуация меняется, и это может нарушить все планы.

Возникает вопрос: «черные лебеди» Нассима Николаса Талеба[1] — это действительно неожиданность или в большинстве случаев лишь слабость аналитики и неспособность к прогнозированию? Своевременный анализ *слабых сторон, угроз и препятствий* позволяет предвидеть помехи и по возможности наметить пути их преодоления. В настоящее время ситуация в российско-африканских отношениях подчиняется логике трансформации мирового порядка и связанной с этим тотальной неопределенностью. Как справедливо отмечает Л. Л. Фитуни, «многие из чрезмерно радужных оценок устаревают. Они не учитывают возрастающего влияния негативных факторов, в первую очередь глобального характера»[2].

С целью прояснения ситуации автором был проведен SWOT-анализ *сильных и слабых сторон* России в ее отношениях с Африкой, *возможностей и угроз*, которые существуют и (или) могут возникнуть во взаимодействии двух стран.

В арсенале современной деловой и политической аналитики существуют методы, позволяющие оценивать реальность, прогнозировать события, подготавливаться к негативным сценариям и по возможности им противостоять. К числу наиболее продуктивных методов можно отнести SWOT-анализ[3], используемый для выявления факторов, которые влияют на проект. Автор алгоритма Кеннет Эндрюс предложил оценивать следующие факторы: сильные и слабые стороны, а также факторы внешнего и внутреннего влияния: внутренние и внешние возможности, внутренние и внешние угрозы[4].

Отсюда и расшифровка аббревиатуры SWOT: Strengths — *сильные стороны,* потенциал; Weaknesses — *слабые стороны,* недостатки; Opportunities — *возможности*, перспективные направления; Threats — *угрозы,* помехи, препятствия. При этом в различных ситуациях один и тот же фактор может как представлять собой угрозу, так и определять возможности. Возникнув для решения задач оценки и развития бизнеса, метод также стал применяться в политологии, экономике и регионоведении[5].

В блоке анализа сильных сторон (Strengths) России в ее отношениях с Африкой следует отметить *установку* РФ на развитие взаимодействия между Россией, африканскими государствами и ведущими африканскими субрегиональными организациями, которая *на момент проведения саммита* была выраженной. В числе плюсов можно назвать близость оценок и подходов по вопросам глобальной и региональной политики, совпадение взглядов на основные проблемы современности и пути их решения, включая вопросы полицентричного мироустройства, глобальной безопасности, урегулирования кризисных ситуаций. Западные страны рассматривают Россию и Африку как сырьевой придаток для своих экономик, и это обстоятельство также сближает их.

Сильной стороной российско-африканских отношений является успешный опыт совместной борьбы за деколонизацию и становление независимости африканских государств, память о привлекательном для стран Африканского континента историческом прошлом, включающая идеологическую, экономическую и политическую составляющие: идеи справедливости, солидарности и равенства; экономическую и финансовую помощь; поддержку в международных организациях и помощь в борьбе с терроризмом. Заявленная на саммите приверженность России идеям справедливости, построения равноправных отношений, отсутствия эксплуатации была поддержана африканской стороной, поскольку эти идеи составляют существенную часть системы ценностей народов Африканского континента.

К сильным сторонам России относятся и конкурентоспособные компетенции в особо востребованных в Африке сферах: ВПК, оборона и безопасность, космос, высокие технологии, геологоразведка, энергетика, в том числе атомная, оборудование для обрабатывающей промышленности. Сильной, но непостоянной составляющей выступает взаимодействие и взаимопонимание с представителями африканской элиты.

В блоке анализа слабых сторон и недостатков (Weaknesses) прежде всего отмечается длительная пауза в российско-африканских отношениях, которая продолжалась с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Ее принято называть «уходом» России из Африки, а ситуация, зафиксированная на саммите, обозначается как «возвращение» России в Африку. Однако за это время опустевшая «ниша» была заполнена другими сильными игроками. Уход из Африки сопровождался закрытием торгпредств[6], культурных представительств, цен-

[1] Нассим Николас Талеб (р. 1960) — американский эссеист, риск-менеджер ливанского происхождения, доктор философии. Основная сфера научных интересов — влияние случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю.

[2] *Фитуни Л. Л.* «Недогоняющее развитие» в Африке. Экономист о прогнозах, статистических манипуляциях, демографическом романтизме и омоложении элит // Учен. зап. Ин-та Африки РАН. 2019. № 3 (48). С. 7.

[3] SWOT-анализ // Calltouch : [сайт]. URL: https://www.calltouch.ru/glossary/swot-analiz/ (дата обращения: 28.04.2022).

[4] *Andrews K. R.* The Concept of Corporate Strategy. Homewood, IL : Dow Jones-Irwin, 1971.

[5] *Гринфельдт Ю. С.* SWOT-анализ в региональных исследованиях. Перспективы науки. 2017. № 9 (96). С. 28–32.

[6] Постановлением Правительства РФ от 27 июня 2005 г. № 401 «Об оптимизации системы торговых представительств Российской Федерации в иностранных государствах» было ликвидировано 11 торговых представительств и аппаратов торговых

тров изучения русского языка, сокращением численности российских посольств.

Отдельного внимания в оценке слабых сторон России в контексте отношений с Африкой заслуживает «сдержанность» российского бизнеса, касающаяся участия в долгосрочных проектах, «пессимизм», связанный с высоким уровнем политических и коммерческих рисков, страх перед работой в условиях Африки, подкрепляемый российскими СМИ. Они создают негативный имидж континента, без учета происходящих там конструктивных преобразований — акцент делается на освещении негативных событий: войн, эпидемий, голода, террористических организаций наподобие «Боко Харам». Качественная PR-стратегия в системе российско-африканских отношений отсутствует.

К слабым сторонам следует отнести и собственные экономические проблемы России. При этом состояние экономики России в 2022 году может оказаться как слабостью и угрозой, которая заблокирует на неопределенный срок реализацию проекта, так и драйвером развития российско-африканских отношений при наличии политической воли, соответствующей стратегии и благоприятных внешних факторов.

Перейдем к блоку возможностей (Opportunities). В. В. Путин назвал Африку «континентом возможностей», а укрепление связей с Африкой — одним из «российских внешнеполитических приоритетов». Африканские страны надеются на Россию как на инвестора, стратегического партнера для установления баланса сил в условиях неоколониальных планов Запада, как на альтернативу сотрудничества, позволяющую избежать зависимости от Китая.

Сотрудничество с Африкой дало бы России большой и растущий рынок сбыта, обусловленный положительной демографической динамикой в странах Африки и активным (пока) формированием среднего класса[1], а также доступ к ресурсам, имеющим ключевое значение для развития экономики страны в условиях жесточайших санкций. Предполагается *возможность* придать представительный характер Совету Безопасности ООН за счет обеспечения широкого участия в его работе африканских государств, использовать практику взаимной поддержки при принятии решений по вопросам, имеющим значение для Российской Федерации и Африки.

Наконец, *блок угроз, рисков, препятствий (Threats)*. К числу угроз следует отнести занятые за период длительного отсутствия России на Африканском континенте «ниши» и серьезную конкуренцию со стороны ведущих мировых и региональных держав. В 2020 году США запустили проект Prosper Africa («Процветающая Африка»), который предполагает увеличение объема торговли между США и Африкой. Реализация программы может способствовать доступу американского сжиженного природного газа на африканский рынок[2].

Еще одна *угроза* — внесенный в Конгресс США 31 марта 2022 года законопроект «О противодействии злонамеренной деятельности России в Африке»[3], направленный на блокировку начавших развиваться российско-африканских отношений. Как следует из названия документа, его цель — разработка Госдепартаментом США программы противодействия российскому влиянию в Африке. Подобные программы и ранее предлагались различными американскими аналитическими центрами[4]. Планируются регулярные отчеты о дипломатических, экономических и военных приоритетах РФ в Африке в ключевых сферах и стратегических отраслях промышленности, а также работа по выявлению финансовых связей африканских правительств и отдельных должностных лиц с находящимися под санкциями российскими бизнесменами и структурами[5]. Фактически законопроект призван оказывать давление со стороны США на страны Африки[6].

Одной из упущенных возможностей России и угрозой продуктивным российско-африканским отношениям является лоббирование интересов стран-конкурентов представителями африканских элит, получивших за время бездействия России образование в странах США, Европы и Китая и интегрированных в экономическую и политическую систему этих государств.

Угрозой с отдаленными последствиями могут быть обманутые ожидания африканских партнеров. Страны Африки заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве, решении социальных вопросов, развитии технологий и создании цепочек добавленной стоимости, а представители российского среднего бизнеса (за исключением крупнейших компаний) предпочитают торговлю, быстрое получение прибыли, «гешефт». Но Африке сейчас нужен не еще один торговый контрагент, а стратегический партнер. Проведенные автором в ходе рабочих визитов в страны Африки (ЮАР, Намибия, Зимбабве, Уганда, Южный Судан, Сенегал) опросы и экспертные интервью показывают: несмотря на выраженный прагматизм и доминирующую в экономике африканских стран ориентацию на привлечение иностранных инвестиций, осознается необходимость стратегического партнерства с Россией для сохранения баланса сил и сдерживания нового экономического витка неоколониализма. Африканским странам следует понимать (и они начинают это делать), что Россия — это не социалистический СССР, а страна, идущая по капиталистическому пути. С момента распада СССР произошло формирование и (или) переформатирование сознания представителей российского бизнеса, действующих в соответствии с капиталистической максимой: «Единственная цель бизнеса — получение прибыли». Африка, которая ждет от России реализации принципов справедливости, может быть разочарована.

советников посольств в Африке. Сейчас торгпредства функционируют только в Алжире, Египте, Марокко и ЮАР.

[1] См.: *Абрамова И. О.* Население Африки в новой глобальной экономике. М. : Ин-т Африки РАН, 2010.

[2] Эксперт рассказал об истинном назначении проекта США Prosper Africa // ПолитРоссия : [сайт]. URL: https://politros.com/146452-ekspert-rasskazal-ob-istinnom-naznachenii-proekta-ssha-prosper-africa (дата обращения: 18.05.2020).

[3] H.R.7311 — Countering Malign Russian Activities in Africa Act // Congress.gov : [сайт]. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7311 (дата обращения: 04.05.2022).

[4] Законопроект Countering Malign Russian Activities in Africa Act // Livejournal : [сайт]. URL: https://israil-95reg.livejournal.com/3919116.html (дата обращения: 04.05.2022).

[5] Там же.

[6] Среди стран Африки 28 из 54 проголосовали за резолюцию ООН, осуждающую действия РФ на Украине.

Внешняя и внутренняя политика России в отношении Африки во многом осуществляется по разным схемам. Внешняя политика опирается на традиции СССР, в то время как внутренняя (в особенности ее экономическая составляющая) базируется на капиталистической парадигме. Вероятны ситуации, когда интересы бизнеса и государства будут входить в противоречие. Так, 2 мая 2022 года власти Нигерии заявили о планах России финансировать газопровод Нигерии и Марокко. Нигерийский министр по нефтяным ресурсам Чиф Тимпире Сильва сообщил, что газ «будет проходить <…> до самого края Африканского континента, где мы также сможем получить доступ к европейскому рынку»[1]. 12 апреля 2022 года нигерийское издание This Day рассказало о попытках Евросоюза надавить на Нигерию с целью вынудить ее увеличить поставки газа в Европу, чтобы получить альтернативу российским углеводородам[2]. Можно ли эти инвестиционные планы России назвать несогласованностью действий государства и бизнеса?

Существует *угроза,* что в силу серьезных вызовов Африка в очередной раз может оказаться на периферии приоритетов России. Главное, чтобы не повторилась ситуация 1990-х годов, когда мы в трудной для нашего государства ситуации просто «ушли» из Африки. На новом этапе глобальной истории России необходим осознанный выбор стратегии, учитывающей ее национальные интересы и сохраняющей долгосрочные партнерские отношения со странами Африканского континента.

О. М. Шевченко[3]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТРУКТИВНЫЙ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В настоящее время все большую актуальность приобретает обращение к проблеме исторической памяти, что вызвано не только необходимостью консолидации полиэтничного российского общества, но и противостоянием геополитическим вызовам, с которыми сегодня столкнулась Россия. Формирование у населения страны общероссийской национальной и гражданской идентичности крайне затруднено в связи с отсутствием значимого для всех духовного основания, имевшего место на предшествующих этапах развития. Таковыми выступали уваровская триада «Самодержавие, Православие, Народность» в имперский период и коммунистическая идеология — в советский. Создание и внедрение в общественное сознание подобных консолидирующих принципов традиционно инициировалось «сверху», исходило от государства, в то время как общество выступало в качестве объекта. Современные геополитические вызовы, с одной стороны, и пробуждение гражданского самосознания — с другой, показывают, что в формировании интегративного начала заинтересовано не только государство, но и общество. Сегодня возникает социальный запрос на значимые формы солидарности и потребность в самопонимании, задействующие эмоциональный и рациональный факторы — переживание и осмысление.

Среди факторов, способных объединить людей в рамках единого культурно-политического пространства, успешно интегрировать в него новых членов, значимое место принадлежит исторической памяти. Она закладывает основы представлений о коллективном прошлом общности, транслирует их посредством механизма социализации, воспроизводит в повседневной жизни в форме эмоционально заряженных общественно значимых мероприятий, прежде всего праздников.

В качестве системообразующего элемента национального самосознания историческая память оказывает личностно-формирующее воздействие, находя отражение в поведенческих стереотипах, включая и отношение к другим общностям и их представителям.

Потенциал исторической памяти амбивалентен, конструктивно-деструктивен, особенно там, где полиэтничность, усиленная поликонфессиональностью, исторически была заключена в рамки единых государственных границ и имелся титульный этнос. Социальные травмы, нанесенные этносами друг другу, уходящие в прошлое обиды и претензии различной этиологии способны превратить историческую память в объект политических манипуляций. Данное обстоятельство побуждает обратиться к исследованию возможности использовать историческую память инструментально, для достижения тех или иных политических целей.

Как отмечают исследователи, «изучение образов прошлого позволяет по-новому рассмотреть содер-

[1] Власти Нигерии раскрыли план по строительству совместного газопровода с Россией // Известия : [сайт]. 2022. 4 мая. URL: https://iz.ru/1329740/2022-05-04/vlasti-nigerii-raskryli-plan-postroitelstvu-sovmestnogo-gazoprovoda-s-rossiei (дата обращения: 04.05.2022).

[2] Там же.

[3] Профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета, доктор философских наук. Автор монографий: «Сущность и виды ксенофобии: история и современность», «Ксенофобия в России: формирование и основные виды», «Ксенофобия и идентичность: социокультурные маркеры в конструировании образа „чужого“», «История в фактах и современный подход к безопасности» (в соавт.), «Система комплексной безопасности современного общества в контексте национальной безопасности России в условиях новых вызовов и угроз» (в соавт.) и др.; статей: «Экологическое сознание и экологическая культура в решении проблем устойчивого развития современного социума» (в соавт.), «Военная безопасность современной России в условиях распространения гибридных политических технологий» (в соавт.), «Угрозы и риски духовной безопасности современной России» (в соавт.), «Экономическая глобализация и ее влияние на рост конфликтов в современном мире» (в соавт.) и др.

жание, структуру, механизмы формирования и трансляции исторической памяти, увидеть, какие именно конкретные события и каким образом в ней фиксировались, закреплялись, а иногда просто фальсифицировались, непосредственно влияя на ее содержание и динамику развития»[1].

В постсоветский период Россия подверглась национальному унижению, вызванному распадом государства, деградацией политической системы, упадком экономики, разрушением духовно-нравственного каркаса общества. Не последнюю роль в системном кризисе сыграли попытки переписать историю, принизить значение народа и государства в ключевых событиях XX века, поставить под сомнение роль титульного этноса в позитивных социокультурных трансформациях и обвинить его в уничтожении этнокультурной самобытности бывших имперских окраин.

Несмотря на сокращение территории и уменьшение числа этносов, входящих в состав Российской Федерации, продолжают сохраняться кризисные тенденции, связанные с социально-экономической и духовно-нравственной сферой. Оставаясь полиэтничным, российское население утратило общественные идеалы и ценности, способные обеспечить «ви́дение целей общественного развития и будущего общества в целом»[2]. Возможно, именно обращение к ресурсам исторической памяти позволит современному российскому социуму на новом этапе развития вновь обрести национальное единство.

На уровне общественного сознания история не только процессуальна, но и до известной степени дискретна, существуя преимущественно в форме отдельных «образов прошлого». Потенциал последних в формировании и укреплении национальной и гражданской идентичности различен. Приоритет принадлежит значимым событиям, повлиявшим на судьбу страны. Наибольшим интегративным потенциалом обладают события, относящиеся к категории социальных травм, прежде всего освободительные войны. В отличие от революций, дифференцирующих общество по классовому признаку и актуализирующих внутригосударственный социальный антагонизм, освободительные войны затрагивают общество в целом, требуют от него максимальной консолидации и самоотдачи, вплоть до самопожертвования во имя существования государственного целого.

По данным социологических опросов, особую социальную значимость для населения России имеет образ Великой Отечественной войны. Он не только символизирует величие победы многонационального народа, но и, что особенно важно, выражает идею исторической преемственности, связанную с участием молодого поколения россиян «в процессах увековечения, коллективного сохранения и ритуально-символического оформления коллективной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[3].

Дезинтегративный потенциал «образов прошлого», как было отмечено выше, проявляется там, где событие поляризует общество посредством взаимоисключающих оценок. По данным социологических исследований, к подобным событиям относится социальная революция 1917 года и репрессии в отношении собственного населения, осуществляемые властью в 30–50-е годы XX века. Позитивные и негативные оценки близки по своим значениям и приближаются к 50 %[4].

Приведенные цифры свидетельствуют, что «образы прошлого» с точки зрения их ценности могут быть принципиально различны у граждан одного государства и зависят от многих факторов, прежде всего от ценностно-мировоззренческих ориентаций респондентов. Помимо этого, данные образы не являются статичными, они «создаются и реконструируются, трансформируются и пересматриваются, конфликтуют друг с другом и служат основой для идентичности»[5]. Поэтому в условиях социальной нестабильности, неопределенности вектора дальнейшего развития страны обостряется борьба политических акторов за собственные интерпретации исторического прошлого Российского государства: «прошлое есть тот символический ресурс, за обладание и управление которым борются элиты»[6].

Политическое использование «образов прошлого» представляет серьезную проблему. Посредством ценностно и эмоционально нагруженных оценок они способны как консолидировать, так и дифференцировать общество, способствовать как формированию и укреплению национальной (гражданской) идентичности, так и ее деконструкции. Следует учитывать, что прошлое, точнее его интерпретация, лежит в основе социальной конструкции, формируемой общественными потребностями сегодняшнего дня. В связи с этим задача сплочения современного российского общества связана с необходимостью создания системы эффективного и конструктивного управления «образами прошлого». Последнее обусловлено тем, что историческая память не ограничена лишь культурными смыслами, способными связывать различные временны́е пласты. Она обладает политическим значением и может быть рассмотрена в качестве одного из действенных инструментов управления общественным сознанием.

Кризисные тенденции в духовной сфере ведут к фрагментации и атомизации общества, шаткость ценностных оснований детерминирует утрату чувства позитивной исторической перспективы и подтачивает основы хрупкого национального консенсуса. В подобной ситуации актуальность приобретает поиск универсального ценностного основания, способного обеспечить единство относительно восприятия и оценок наличного состояния общественного бытия, а также прошлого и будущего.

Процесс сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти является важным элементом на-

[1] *Мысливец Н. Л.* Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 158.

[2] Там же. С. 159.

[3] *Романова К. С.* Дискурсы исторической памяти // ДискурсПи : науч. журн. 2016. № 3–4. С. 40.

[4] Октябрьская революция: 1917–2017 // ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolyucziya-1917-2017 (дата обращения: 11.03.2022).

[5] *Мысливец Н. Л.* Указ. соч. С. 163.

[6] *Глебова И. И.* Травматическое прошлое и национальная политическая культура // Политическая наука. 2006. № 3. С. 117.

циональной политики государства. В противном случае образовавшиеся лакуны окажутся немедленно заполнены альтернативной информацией в диапазоне от тенденциозной интерпретации событий и фактов до сфабрикованных фальшивок. Выстраивая устойчивые исторические ориентиры для своих граждан, государство, особенно в условиях глобализации информационной сферы, должно не только пресекать внешние попытки нажить политический капитал на историческом прошлом страны, но и, в свою очередь, самому не допускать политических манипуляций относительно исторического прошлого. Исключая из собственной истории трагические и бесславные страницы, создавая образ лишенного противоречий «идеального прошлого», государство не только не приближается к решению поставленной задачи, но и, напротив, ставит ее решение под вопрос. Признать совершенные в прошлом ошибки — это не только взять ответственность за них, но и цивилизованно нейтрализовать аргументы оппонентов.

Социологи отмечают, что «государственный дискурс... ориентирован на героизацию исторического прошлого… но эффект в формировании общих исторических объединяющих представлений пока проявляется только в оценке событий Великой Отечественной войны»[1]. Настоящее время требует поиска новых явлений и событий, способных выполнить интегрирующую функцию.

На сегодняшний день в российском общественном сознании одномоментно присутствуют различные модели исторической памяти. Они характерны для социальных групп, имеющих различные ценностно-мировоззренческие ориентации и предпочтения. Последние во многом обусловлены основными дифференцирующими социум критериями: возрастом, образовательным уровнем, имущественным цензом, местом в общественной иерархии и др. Приверженцы советской модели истории, преувеличенно позитивно оценивающие исторические события этого периода, в основном принадлежат к старшему поколению россиян и той части молодого поколения, для которой оказались чужды индивидуалистические ориентации и либеральные ценности.

Постсоветская модель истории, имеющая преимущественно прозападную ориентацию и оценивающая историю России исходя из демократических и либеральных ценностей, в большей мере характерна для среднего и молодого поколения россиян, имеющих достаточно высокий образовательный уровень и сумевших реализовать себя в условиях конкурентной среды, а также для значительной части отечественной интеллигенции. Оставшиеся модели могут быть дифференцированы по критерию отношения к отечественной истории как таковой и характерных для нее ценностных ориентаций. «Элитная», космополитичная в своей основе модель, ориентированная на универсальные либеральные ценности и негативное отношение к отечественной истории, преимущественно отражает взгляды представителей политической и экономической элиты. «Русофильская» модель истории, ориентированная на возрождение исконных государственно-патриотических ценностей и опирающаяся на идею об особом пути развития России, имеет многочисленных приверженцев в различных социальных слоях.

Отсутствие универсальной модели восприятия прошлого, которая была бы свойственна большинству населения страны, свидетельствует об отсутствии в настоящее время общероссийской национальной и гражданской идентичности. Решить поставленную задачу способна продуманная и взвешенная политика государства в области исторического прошлого страны. Формирование коллективной исторической памяти представляет собой направляемый государством селективный процесс, предполагающий в том числе выделение одних исторических событий и забвение других, которые не укладываются в современный политический контекст. Действенными инструментами формирования и актуализации исторических символов выступают институты воспитания и образования, национальные СМИ, государственная символика, общественные мероприятия, носящие общенациональный характер.

[1] *Дробижева Л. М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 4 (158). С. 496.

Н. Н. Ярошенко[1]

КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ

В условиях становления нового мирового порядка, порождающего изменения современных идеологем и инструментов политического влияния, складываются предпосылки для новых форматов презентации российской идентичности в международном культурном пространстве. В этой связи любопытно посмотреть, как в ближайшее время будут репрезентироваться российская культура и формироваться новая международная культурная политика.

Полагаем, что наиболее ярко эти изменения можно проследить на основе актуализации концепта «мягкой силы» и того, как этот концепт трансформируется. При этом очевидно, что чисто культурологическая задача осмысления партнерского взаимодействия государств и народов перерастает в проблему реальной политики и становится практически важной, поскольку связывается с поиском действенных инструментов стратегического участия государств в развитии современного мира.

Сегодня очевидно, что развернувшаяся в ряде стран политика отмены российской культуры, ее достижений и лидеров служит инструментом политического противоборства, одной из форм гибридный войны. Мы наблюдаем много примеров того, как культура нашей страны подвергается исключению в кино, театрах, коллекциях музеев, программах международного культурного сотрудничества. И когда мы, не соглашаясь с этим, утверждаем, что невозможно отменить Чайковского, Достоевского, Чехова, невозможно нивелировать мировое значение российской культуры, то невольно констатируем, что в недружественных зарубежных странах активно формируется особое состояние общественного сознания, допускающего такую отмену. Ситуация требует анализа не только идеологической подоплеки культурного противостояния, но и обеспечивающего его инструментария, выстроенного на основе концепций «мягкой силы», публичной и культурной дипломатии. Инструменты «мягкой силы» становятся обоюдоострыми, способными приводить к улучшению или ухудшению межкультурного взаимодействия. В признании этого раскрывается новый ракурс понимания смыслов и инструментального обеспечения культурной политики.

По сути речь идет о новом состоянии внешней культурной политики, которая приобретает особый *амбивалентный статус*: с одной стороны, выступает средством активного формирования продуктивных отношений между субъектами внешнеполитического процесса, странами и народами, а с другой — средством разрушения сложившихся добрососедских отношений, практикой формирования негативных образов и паттернов общественного поведения.

Говоря о «внешней культурной политике», мы имеем в виду общий курс внешней политики государства, при котором достижение цели, выраженной в оказании влияния на зарубежное общество и его мнение, происходит с помощью средств культурной политики, что включает распространение национального языка, искусства, форм национальной культуры, спорта и т. д.[2] Внешняя культурная политика тесно связана с общей логикой формирования и реализации государственной культурной политики.

В России это направление сегодня регулируется на идеологическом уровне Основами государственной культурной политики[3] и Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года[4]. Если говорить о прикладном аспекте, то нужно упомянуть ряд документов Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (например, Модельный закон о социально-культурной деятельности[5]).

В стране активно обсуждаются новые подходы к выбору приоритетов государственной культурной политики и, шире — гуманитарной политики, в основе которой лежит ценностно-цивилизационный подход (В. В. Аристархов и др.), предполагающий поиск идеологических оснований для утверждения российской идентичности и ее международной репрезентации.

В полной мере задачи внешней культурной политики реализуются на уровне сопряжения ее основных инструментов, разработанных в XX веке:

— в 1930-е годы введено понятие «культурная дипломатия» (Ф. Ч. Баргхорн и др.): она строится на «обмене идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимоотношения» (М. К. Каммингс)[6];

---

[1] Заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Стратегические ориентиры развития художественного образования в странах СНГ» (в соавт.), «Arts Education in the CIS Countries: Policy Brief» (в соавт.), «Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в современной России» (в соавт.), «Индустрия досуга: теоретические подходы и актуальные практики» (в соавт.), «Педагогическая имплементация понятия „социально-культурная деятельность“» и др.

[2] *Соловьева А. А.* Внешняя культурная политика как новый феномен современных международных отношений // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений : электрон. науч. журн. 2019. № 2 (28). С. 163–169. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdffiles/28number/articles/Solovieva-28%20MGLU.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

[3] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Гарант : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/70828330 (дата обращения: 20.06.2022).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р // Правительство России : [офиц. сайт]. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

[5] Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2016 г. № 45-15 «О модельном законе „О социально-культурной деятельности“» // Центр народной культуры Ульяновской области : [сайт]. URL: http://ulcult.ru/uploads/2017/11/polozhenie-k-postanovleniyu-mpa-sng-ot-25-11-2016.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

[6] Цит. по: *Зонова Т. В.* Дипломатия — наука и искусство // Дипломатический вестник. 2000. № 10. С. 99–106.

— в 1960-е годы предложено понятие «публичная дипломатия» (Э. Галлион), означающее процесс, который «позволяет субъектам международных отношений достигать внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранное общество»[1];

— в 1980-е годы сформулирован концепт «мягкой силы» (Дж. Най), предполагающий наличие социокультурных практик, обусловленных культурой, политической идеологией и внешней политикой[2].

В концепте Дж. Ная дефиниция «силы» рассматривается в качестве смыслообразующей, раскрывающей вариативные инструменты влияния на зарубежное общество. Диверсификация «мягкой силы» и повышение ее влияния обусловлены несколькими факторами, среди которых исследователи М. Де Мартино и О. В. Барнашов выделяют следующие:

— существенную трансформацию сферы международных отношений, в особенности появление различных моделей, объясняющих взаимодействие акторов в международной среде;

— увеличение числа субъектов на международной арене, рост комплексных взаимодействий между субъектами международной политики и дисперсия, снижение уровня ее концентрации;

— растущую роль «мягкой силы» в современной международной динамике как возможность преодолеть «недостаточность опоры на военную силу в управлении международными процессами»[3].

Безусловно, концепт «мягкой силы», овладевший умами академического сообщества, сегодня становится широко распространенной идей, доступной для понимания и прикладной реализации. Однако данная идея все еще остается спорной. По поводу нее активно ведутся дискуссии как на философско-культурологическом уровне, так и на «культурно-политическом», объединяющем тех, кто занят изучением идеологии и практики культурной политики, в том числе в контексте международного сотрудничества.

В контексте анализа прикладных инструментов «мягкой силы» необходимо указать на изменение участников процесса внешней культурной политики.

М. Де Мартино и О. В. Барнашов отмечают со ссылкой на работы зарубежных политологов[4]: «Если в традиционной концепции международных отношений только государства и международные организации понимались в качестве единственных акторов на международной арене, в последние десятилетия появились другие игроки, имеющие ключевую роль в глобальных делах. Новые субъекты международных отношений — это многонациональные образования, неправительственные организации, преступные террористические группы, в некоторых случаях отдельные государственные деятели, бизнесмены. Появлению новых субъектов в мировой политике способствовал прогресс в науке и инновациях»[5].

Подчеркнем: в реализации внешней культурной политики сегодня определились новые участники, в числе которых представители гражданского общества и бизнеса. И соотношение их действий неоднозначно, так как связь между субъектами «мягкой силы» — теми, кто ее реализует, и теми, кто подвергается ее влиянию, перерастает однонаправленность воздействия и выходит на уровень реального взаимодействия и взаимовлияния.

При этом повышение активности нашей страны во внешней культурной политике, снизившейся из-за внешних обстоятельств, которые искусственно сдерживают продвижение русского языка, отечественного искусства, спорта, возможно прежде всего за счет активного включения в этот процесс новых акторов, субъектов российской культурной (в том числе социально-культурной) деятельности.

При этом как никогда остро ощущается потребность в формировании новой идеологии международного культурного сотрудничества России, адекватной современным вызовам и задачам репрезентации российской идентичности, а также все более возрастающая роль в этом процессе негосударственных акторов, в том числе в культурно-образовательной сфере.

[1] Цит. по: Современные международные отношения : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. И. Позднякова, В. Белозерова, М. М. Васильевой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 215.

[2] См. : *Соловьева А. А.* Указ. соч.

[3] *Де Мартино М., Барнашов О. В.* Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Ная // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 42.

[4] См., например: Persuasion and power in the modern world. L. : The Stationery Office Limited, 2014.

[5] *Де Мартино М., Барнашов О. В.* Указ. соч. С. 42.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Г. М. БИРЖЕНЮК	заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
А. Г. БОЛЬШАКОВ	заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, доцент
Е. С. ДАШКОВА	заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
А. Р. КЕТОВ	доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат политических наук
О. П. КУТЬКИНА	проректор по учебной работе Алтайского государственного института культуры, кандидат педагогических наук, доцент
В. Е. ЛЕПСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук
Д. В. ЛОБОК	доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
А. В. ШЕРШУКОВ	заместитель председателя ФНПР, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность»
Н. Н. ЯРОШЕНКО	заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, коллеги! Приветствую участников секции от имени Оргкомитета XX Международных Лихачевских научных чтений! Очень радостно видеть здесь и маститых ученых, и молодежь. Акцент нашей сегодняшней дискуссии делается на серьезных трансформациях мирового пространства. Желаю студентам, когда придет время им сменить нас за этим столом и на этой трибуне, быть ярче и интереснее нас. Лихачевские чтения (первоначально они назывались «Дни науки») проводятся в СПбГУП с 1993 года, и для меня, как председателя Оргкомитета, очень важно, чтобы здесь шли содержательные дискуссии между мыслителями прошлого, настоящего и будущего. Надеюсь, наши встречи запомнятся вам как светлые дни, посвященные науке. Позвольте пожелать вам успеха!

Д. В. ЛОБОК: — Итак, открываем работу нашей секции. Хочется, чтобы здесь состоялось живое, интересное обсуждение. Предоставляю слово профессору Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Добрый день! Позвольте всех вас приветствовать от имени Оргкомитета Чтений. Тема нашей секции — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». Хотелось бы наметить проблемы, которые можно сегодня обсудить.

Начнем с нового этапа, новой страницы российской истории — этот вопрос может стать самостоятельной темой дискуссии. Дело в том, что мы уже не первый раз открываем новую страницу — хрущевская оттепель, Афганская война, горбачевская перестройка, ельцинская демократия и так далее, но при этом не можем разобраться со старыми: как в школе — выбрасываешь тетрадку, начинаешь новую, и кажется, что все будет хорошо. Между тем осмысление прошлого — это достаточно серьезный вопрос, не менее серьезный, чем формирование будущего. Александр Сергеевич Запесоцкий во введении к своей книге «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» приводит слова Вальтера Беньямина: мы живем в «мессианское время», которое характеризуется незавершенностью прошлого и неполнотой настоящего. Действительно, мы никак не можем завершить прошлое, пытаемся это сделать неправильными средствами, например пороча его или отказываясь от него. Отсюда вечная неполнота настоящего. Это вопрос концептуальный, смысловой и в то же время практический. И эту задачу

придется кому-то решать — как представляется, в формате сценария развития дальнейшей истории России.

Философ Вадим Цымбурский написал эссе «Остров Россия», опубликованное в 2007 году. Сегодня это одна из самых цитируемых философских работ, потому что все предсказания автора сбываются. Цымбурский предложил модель России-острова, и сейчас наиболее вероятный сценарий развития нашей страны на ближайшие 10–15 лет — именно «островизация». Такой прогноз дал специальный представитель президента России по вопросам цифрового и технологического развития, гендиректор автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы» Дмитрий Песков в интервью РБК.

Идея «островизации» понятна: производство всей продукции своими силами. Пока ни одной стране это не удалось. В Северной Корее следование идее «чучхе», предполагающей полную изоляцию от внешнего мира, закончилось голодом и огромным отставанием во всех ключевых областях экономики. Современный Китай производит почти все виды продукции, но тем не менее зависит от рынков и промышленного потенциала многих других стран.

В русской культуре остров всегда отождествлялся с раем, достаточно вспомнить остров Буян. Но также это слово рождает ассоциации с Робинзоном Крузо, который подбирал разные вещи, выброшенные на берег океаном.

Россия в сложившихся условиях воплощает обе эти метафоры. С одной стороны, нам представилась прекрасная возможность проявить себя и реализовать наши лучшие идеи. С другой — мы спешно пересматриваем то, что было раньше.

Один из ключевых вопросов сегодня — идеологический. О нем много говорилось на пленарном заседании и во время панельной дискуссии Чтений. Мы находимся в уникальной ситуации. Речь идет о том, что ст. 13 Конституции России гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». При этом в преамбуле документа говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации». Это фактически утверждение ценностей, которые составляют основу идеологии. В ряде выступлений Президента, Председателя Госдумы, Председателя Совета Федерации России обозначаются ценности, определяющие российский менталитет, делающие россиян единым народом.

А. С. Запесоцкий еще в 2016 году писал в «Парламентской газете»: «Сама российская Конституция — идеология, воплощенная в законе. И все другие законы содержат в себе идеологию. Государство, способ его построения и механизмы функционирования — тоже идеология, воплощенная в реальность. Уже с этой точки зрения ст. 13 — отрицание Конституцией самой себя».

Иными словами, идеология в своей основе сформирована и формируется далее, но при этом отрицается законодательно. Данную проблему, видимо, можно и нужно продолжить обсуждать в контексте философии, политологии, культурологии, социологии.

Островизация ставит на повестку дня вопросы, которые определяют будущее страны на ближайшую и отдаленную перспективу. Оно формируется на основе инвентаризации настоящего. Яркий пример — образование. Мы прозрели: Болонский процесс нам не нужен. Получается, до 2002 года мы это знали и изо всех сил боролись за сохранение советской системы образования, затем тема оказалась закрыта: вышли директивные документы по включению России в Болонскую систему. И вдруг сегодня оказалось, что она нам все-таки не нужна. Примечательно в этой истории то, что заявления о выходе из Болонского процесса — тоже своего рода симуляция, потому что нельзя выйти оттуда, куда не входил. Смысл Болонского процесса ведь заключается не только и не столько во введении бакалавриата и магистратуры. Содержание программ российских вузов не согласуется с содержанием зарубежных, академическая мобильность по большому счету осталась в мечтах, а вот потери нашего образования весьма ощутимы. Они будут чувствоваться еще долгое время, причем в условиях островизации — еще острее.

Представляется, что можно осмыслить и эти вопросы в сегодняшней дискуссии.

Еще один серьезный вопрос, который отчасти связан с образованием, состоит в том, что мы столкнулись с коллапсом в области занятости молодежи. В 2019 году, еще до начала пандемии, безработица среди молодых людей возросла на 43 %. Причина заключается в том, что из средних и высших учебных заведений выпустилось около 780 тыс. человек и примерно столько же не вышло на пенсию. Около 15 лет назад мы давали заключение по проекту пенсионной реформы, где указывали: легко подсчитать, сколько денег она поможет выиграть, и гораздо труднее вычислить, сколько молодых людей оставит без работы, денег и будущего. Какие меры предлагают принять власти? Увеличить обучение в школе до 12 лет и возродить стройотряды для студентов. Увеличить время обучения — это то же, что увеличить число мест в зале ожидания и сократить число поездов. Настанет день, и люди начнут выражать недовольство. Кого они будут поддерживать? Это очень серьезный вопрос.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется известному журналисту Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — Все изменилось, и в нашу жизнь ворвались явления, не принадлежащие сфере сериалов, виртуального пространства и размышлений, — явления, гораздо более серьезные и глубинные. Какая «Игра в кальмара»? Идет спецоперация — я не мог себе этого представить.

22 февраля я написал на своей странице в Facebook: «Киевляне, спите спокойно!» Притом я специально опрашивал многих толковых людей, в том числе тех, которые присутствовали вчера на пленарном заседании, депутатов Государственной Думы. Точно так же, как и я, они не могли представить, что события могут развернуться подобным образом. Конечно, если бы любого из нас спросили тогда, останется ли мир таким же, какой он есть, мы бы ответили отрицательно. Но сам ход событий, сама степень турбулентности оказались непредсказуемыми для всех,

кроме тех, кто принял это важнейшее решение и действует в соответствии с ним.

Нужно очень внимательно отнестись к аргументации тех, кто говорит, что другого выхода у нас не было. Его действительно не было: наша страна столкнулась с экзистенциальным вызовом. Если мы не смогли разрешить ситуацию другими средствами, то придется доказывать правильность нашего пути военными методами.

Григорий Михайлович говорил о взгляде Цымбурского на Россию как на остров. Этого философа я в целом уважаю, но думаю, что идея островизации глубоко ошибочна. Перекресток гигантских мировых течений не может быть островом. Такая стратегия, вероятнее всего, обернется трагедией. Хотя пророк из меня, как я уже говорил, получился неважный, но я считаю, что остров из России сделать не удастся.

Мы выпускаем «Цирконы», «Буревестники», «Сарматы» и другую значимую и нужную продукцию, причем не только военного назначения, но некоторым вещам, например производству гвоздей, не уделяем должного внимания. Стране, которая не заботится о подобных вещах, трудно в сложную минуту отстаивать свой суверенитет. Вот что с нами случилось. Подход, предполагающий, что можно все необходимое покупать, а не производить самим, приводит к тому, что люди меняются, перестают предлагать технологические решения. В школах теперь нет уроков труда, и это пугает.

Какое место мы занимаем в мире? Мы добывали уголь, нефть, другие полезные ископаемые, продавали их Западу и думали, что сможем так жить и дальше. Оказалось, что нет. Выяснилось, что Запад, которому мы все продавали и у которого все покупали, не собирается платить нам достойно. Ведь Россия продает свою кровь и плоть (нефть, газ, уголь, интеллектуальный потенциал населения) и покупает то, что делает ее великой державой. Российская армия оснащена оружием высочайшего уровня. У меня есть знакомый (сейчас он политолог и философ), который работал в зарытом советском научном институте над созданием оружия с ядерным двигателем. В 1990-е годы разработки были прекращены: это же опасно, это может вызвать недовольство американцев… А сейчас ракеты с таким двигателем называются «Буревестник», и они действительно могут сильно напугать американцев.

Именно благодаря оборонной промышленности мы восстановили свой статус после распада СССР. Мы держимся на армии. На чем еще? Это интересный и важный вопрос, ответ на который нам придется искать вместе.

Итак, резюмирую. Во-первых, обязательно нужно победить в противостоянии на Украине. Победа чрезвычайно необходима и, считаю, неизбежна.

Во-вторых, островизация — это не выход. Мы слишком тесно связаны с глобальным миром в технологическом смысле. Возможно, мы должны развернуть глобализацию, заставить ее идти не тем путем, который выгоден тому миру, который нас не принял. Значит, нам нужна другая глобализация — возможно, стоит начать со сближения с восточными соседями.

В-третьих, всем нам, и особенно молодым людям, нужно сохранять здравомыслие и спокойно, вдумчиво относиться к собственному будущему. Оно не безоблачно. Одного ЕГЭ будет недостаточно, вам придется активно учиться, познавать мир по-настоящему, вникать в его устройство. Импортозамещение должно произойти в первую очередь в голове. Я не имею в виду, что нужно ставить Ломоносова выше Лавуазье и пр. Не столь важно в данном случае, кто на самом деле изобрел радио — Маркони или Попов. Важно то, как подобные изобретения мы сегодня, а вы завтра будем использовать, модернизировать и чего с их помощью добиваться. Не хотим же мы провести жизнь в офисе, перекладывая виртуальные бумаги из одной папки в другую.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Александру Владимировичу Шершукову.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Новая страница истории России по большому счету не так уж и нова, скорее можно говорить о цикличности.

Что касается идеи России-острова, то хотелось бы в этой связи вспомнить слова Джона Донна: действительно, никто не остров. Любая страна — существенная часть мировой цивилизации.

Здесь, на мой взгляд, уместны слова одного из политических деятелей, которые определили судьбу нашей страны в прошлом веке (конечно, надо учитывать, что слова эти политически ангажированы и связаны со взглядами, которые он отстаивал на протяжении всей жизни): «Знамя национальной независимости, национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Эти слова произнес Иосиф Виссарионович Сталин на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1952 году — в своем последнем публичном выступлении. Это старые страницы нашей и мировой истории, но сейчас мы к ним возвращаемся: события повторяются — и национальный суверенитет, и буржуазно-демократические свободы вновь выбрасываются за борт.

Для России сейчас существенны проблемы, возникающие не только на внешнем контуре, но и внутри страны. Одна из самых значимых внутренних проблем заключается в следующем: объединение населения в основном идет по линии «мы против», что вполне естественно в ситуации такого агрессивного внешнего воздействия. Но нужно разработать и концепцию «мы за», причем такую, которая будет актуальна не только для государств бывшего Советского Союза, но и для других стран, ведь, например, Эфиопии концепция «русского мира» точно не близка.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, я хотел бы сказать, что тема четкого образа будущего для нас весьма актуальна. Однако этот образ необходимо формулировать, руководствуясь экономическими и социальными принципами, а не принципами технократии. Все принимаемые решения должны осмысливаться с точки зрения последствий для населения страны вообще и работающего населения в частности. Это очень важно, потому что нам предстоят достаточно сложные времена. Насколько длительными они будут — вопрос открытый.

В России следует отладить механизм обратной связи между властью и обществом. На Лихачевских чтениях много говорилось о том, что в стране нет идеологии и ее необходимо сформулировать. Однако отсутствие официального документа, где она прописана, не означает, что отсутствует и сама идеология: она наличествует, но не зафиксирована на бумаге в виде определенной программы. Если многие мыслящие люди говорят о том, что она необходима, значит, устройство нашей страны не вполне правильно и следует приложить совместные усилия, чтобы появилась задокументированная формулировка идеологии и народ принял ее как внутреннее убеждение.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется академику РАН Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — В первую очередь я хотела бы отреагировать на некоторые замечания коллег. Владимир Константинович, по поводу гвоздей можно вспомнить мем, описывающий русскую ментальность, — Левша: подковать одну блоху — пожалуйста, выковать миллионы гвоздей — это не к нам, а к китайцам. Такой у русского человека характер.

Что касается замечания Александра Владимировича о технократии, то напомню, что Михаил Викторович Шмаков как раз технократ, выпускник Технического университета им. Н. Э. Баумана, его яркими выступлениями сопровождается каждое наше посвящение в студенты. Он, безусловно, защитник людей, но в то же время технократ. А вообще, не каждый выпускник технического вуза технократ, но и не каждый гуманитарий — гуманист.

Теперь хочу сказать несколько слов по поводу прошедшего пленарного заседания. В обсуждении прослеживались две основные темы: образ России и необходимость идеологии. Вряд ли кто-то не согласится с тем, что идеология нужна, но дальше возникают разногласия. Что должно лежать в ее основе? Сергей Юрьевич Глазьев вчера попытался вывести идеологическую формулу, но она не бесспорна. Должна ли идеология быть социально-консервативной и базироваться на таких институтах, как семья и брак? Не хочу показаться бегущей впереди паровоза, но, на мой взгляд, устройство современного мира уже предполагает нечто иное. Остров — это красивый образ, но может ли Россия действительно развиваться в этой парадигме?

Каким способом можно добиться идеологической общности в нашей стране? Понятно, что надо прививать молодежи патриотизм. Но как это сделать? Сегодня предлагаются краткосрочные решения. Например, господин Мединский предложил каждое утро поднимать в школах флаг и петь перед началом занятий гимн. Как вы считаете, воспитаем мы патриотов таким образом? Конечно, нет. Кроме того, есть важный нюанс: такой подход к воспитанию граждан-патриотов принадлежит не нам, а американцам. Еще и поэтому предложение кажется не совсем удачным.

Между тем сегодня глава Рособрнадзора сообщил, что ЕГЭ сохранится.

В. К. МАМОНТОВ: — Непонятно, сохранится ли сам Рособрнадзор.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Совершенно верное замечание. Возможно, вопрос стоит решать радикально.

Я была крайне огорчена, когда в конце февраля зарубежные ученые сообщили о том, что они разрывают с нами связи. Эта позиция меня потрясла: ведь мы же коллеги! Наука не может развиваться изолированно в отдельно взятой стране. Становится очень грустно оттого, что она находится под таким влиянием политики.

Размышляя о перспективах дальнейшего развития мира, мы должны признать, что сегодня Россия оказалась в очень тяжелом положении. Возможно, кого-то успокаивает мысль о том, наша страна воевала на протяжении всей своей истории. Но никогда до 24 февраля 2022 года она года не находилась в таких условиях столкновения цивилизаций. Не случайно Лихачевские чтения много лет подряд были посвящены теме диалога цивилизаций и культур. Конечно, для всех, кому важен мир (в любом смысле этого слова) — как состояние или планета — случившееся стало огромным потрясением.

Так вот, размышляя об этих перспективах, единственное, что мы сейчас можем точно сказать: «Мы ничего не знаем». Вероятно, когда будет выступать Владимир Евгеньевич Лепский, он мои слова опровергнет. Но я полагаю, что невозможно с достаточно высокой степенью определенности предсказать, что будет с международными институтами, мировой финансовой архитектурой, научными и межуниверситетскими связями, которые нарабатывались с таким трудом. Находить партнеров было сложно, и конечно, будет жалко, если контакты прервутся. Смысл деятельности многих людей моего поколения потеряется.

В состоянии тревожности, которое в настоящее время испытывают граждане не только России, но и многих других стран, прямо или косвенно втянутых в российско-украинское противостояние, ориентиры и цели людей смещаются в сторону свободы, безопасности и стабильности. Я говорю об этом как социолог, культуролог и философ. По каким показателям можно судить о подобных вещах? В частности, по рейтингу стран мира по уровню счастья населения, который составляет Институт Земли. В 2022 году на первом месте в этом рейтинге — Финляндия, на втором — Дания, на третьем — Исландия, далее — Швейцария, Нидерланды, Люксембург, Швеция, Норвегия, Израиль и Новая Зеландия. А Россия — на восьмидесятом месте.

В. К. МАМОНТОВ: — Граждане этих стран считают, что живут счастливой жизнью. Но там скучно, ничего не происходит по несколько сотен лет. Видимо, правду говорят: счастлива та страна, у которой скучная история.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — В этом зале выступала Генеральный консул Финляндии в Санкт-Петербурге Анне Ламмила. В беседе с ней я сказал, что абсолютно счастливого человека в России будут, вероятнее всего, считать глупцом, блаженным, не очень здоровым человеком и так далее, потому что в русской культуре всегда есть момент отягощенности бытием, ответственности за судьбы мира. Как писал Андрей Битов, «постоянная российская озабоченность судьбой Пизанской башни». Анне Ламмила сказала, что в моих словах что-то есть.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Нужно учитывать, что кроме формальных индикаторов счастья имеются и косвенные показатели: уровень доверия, великодушия, щедрости и др. В России говорят: «Хочешь быть счастливым — будь им». К этому вас и призываю.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Возвращаясь к тому, о чем уже говорили, хочу добавить, что нам нужно суметь пройти по тонкой грани между защитой суверенитета нашей страны и неправомерным ограничением гражданских свобод. Это очень сложная задача, которую предстоит решить законодателям.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется доктору политических наук Андрею Георгиевичу Большакову.

А. Г. БОЛЬШАКОВ: — Как конфликтолог, хочу сказать, что разжигание конфликтов в некоторых ситуациях — это часть профессии. Но есть конфликты, к которым надо относиться трепетно, например межнациональные и межрелигиозные. Глобальные конфликты отчасти зависят от нашего участия, отчасти нет, как современный

кризис безопасности, который произошел на наших глазах и участниками которого мы стали.

В настоящее время, если судить по данным социологических опросов, власть достигла консенсуса с народом. Но это не означает, что так будет и дальше, потому что ситуация постоянно меняется, в том числе и в экономике. Россия выдержала первый удар, но неизвестно, что будет в долгосрочной перспективе и как мы к этому будем относиться. Следует учитывать и проявления на бытовом уровне, служащие определенным показателем, куда мы движемся.

Хочу отметить, что СВО решает проблемы, которые зрели давно. Конфликт обусловливает развитие, но существовать внутри него нелегко. Это испытывает на себе все общество, а не только вооруженные силы, активно участвующие в спецоперации. Рано или поздно, как известно из теории конфликта, положение стабилизируется. И в этом случае возможны международные последствия: в американской политике могут произойти радикальные изменения, которые повлекут за собой глобальные изменения. Я имею в виду выборы в Конгресс США в ноябре 2022 года, а также выборы президента США в 2024 году. Полагаю, если республиканцы получат большинство в парламенте, начнется долгая юридическая процедура импичмента Байдена. И мы должны этим воспользоваться. Ни в коем случае не присоединяюсь к тем, кто уверен, что, когда к власти придут люди типа Трампа, все наладится. Они уже были у власти, и что из этого вышло? Нашу страну обвинили в том, что Трамп занял свой пост при ее содействии. Хочется надеяться, что Россия когда-нибудь достигнет таких высот, что сможет менять американских президентов. Но пока мы не можем на это надеяться. Наша страна постепенно становится центром силы, каким был Советский Союз, но, к сожалению, не смогла стать новая Россия за последние 30 лет.

Несколько слов о перестройке системы образования. Мы не сможем быстро реформировать систему образования, так как она изначально консервативна. Я начал свою карьеру преподавателя в 1992 году. И с этого момента не было ни одного года, чтобы не проводились какие-либо реформы. Считаю, что в сфере образования надо на пять лет прекратить все реформы и посмотреть, что получится. Сейчас наспех вводить специалитет опасно. Нужно понять, как соотносятся бакалавриат и магистратура, могут ли они сосуществовать со специалитетом. Поэтому, мне кажется, быстрого перехода не будет. Людей, получающих высшее образование (которых миллионы), нельзя ставить в зависимость от мнения узкой когорты экспертов, которые решают, как будет выстраиваться образование.

И последний момент, связанный с информационной войной. На мой взгляд, в этой области дело обстоит хуже всего. Разные эксперты высказывали мнение, что Россия потерпит крах на уровне экономики. Но этого не произошло. Чтобы процессы продолжались в том же направлении, нужно предпринимать активные действия. Академик Глазьев, один из лучших российских экономистов, вчера четко обозначил позицию. К его мнению раньше не прислушивались, так как у нас была популярна либеральная повестка. Сегодня, как представляется, с этим пора заканчивать, но действовать не спеша.

Д. В. ЛОБОК: — Андрей Георгиевич, в своем выступлении Вы упомянули, что гражданское общество за рубежом практически не поддержало Россию. В то же время в годы холодной войны люди в Германии и Италии выходили на демонстрации, выступая против ядерной войны. Почему сейчас этого не происходит?

А. Г. БОЛЬШАКОВ: — Это сложный вопрос, поэтому на него невозможно ответить однозначно. Я бы не стал утверждать, что общественное мнение в других странах настроено против нас, особенно в государствах СНГ. По собственному опыту работы с коллегами из Средней Азии могу сказать, что там наблюдается разделение по возрастному признаку: человек старше 50 лет однозначно поддерживает СВО и действия России, симпатии 30–40-летних, скорее всего, будут на стороне Украины. Почему так сложилось? На мой взгляд, теория демократии не действует так, как мы привыкли ее интерпретировать, в том числе и в нашей стране. Люди поддаются влиянию пропаганды. Если раньше у нас была возможность иметь свою точку зрения, то сегодня такого шанса нам не оставляют.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Екатерине Сергеевне Дашковой.

Е. С. ДАШКОВА: — Наша колоритная секция представлена учеными из различных областей и направлений: политологами, культурологами, социологами, я представляю экономический блок, потому что являюсь доктором экономических наук.

Я хотела бы обратить внимание на трансформацию ценностей человека и общества. Григорий Михайлович в своем выступлении затронул проблему молодежной безработицы. Этой темой я глубоко и предметно занимаюсь на кафедре экономики труда и основ управления. На самом деле проблема молодежной безработицы существует уже много десятилетий. Исследования, которые проводятся в том числе в нашем университете, свидетельствуют о такой проблеме: ожидания студентов и их мотивы не совпадают с требованиями, которые предъявляет работодатель. Помимо этого, имеется и другая проблема — кого и как мы учим. Здесь тоже наблюдается определенный дисбаланс. Молодежная безработица обусловлена разными причинами, в том числе ценностными ориентирами молодого поколения. Молодежь сегодня в большей степени ценит досуг, ориентирована на то, что материальный успех и благополучие должны быть подкреплены удачей и связями, но не трудовой деятельностью и профессиональными достижениями. Этот разрыв порождает проблемы.

Если говорить глобально, не затрагивая трудовых мотивов, к сожалению, в целом такие ценности, как справедливость, любовь к Родине, сегодня утрачены современным обществом. Как возродить эти ценности? Мы говорили об идеологии. Предметом обсуждения сегодня является вопрос, каким образом это можно сделать. Какие существуют механизмы, инструменты возрождения? На мой взгляд, в любом случае это нужно делать системно. Невозможно что-либо изменить, улучшить, усовершенствовать, если процесс не будет носить системный характер. Нельзя не учитывать и специфику сегодняшнего информационного общества, то, что она влияет на современную молодежь, их ценности, ориентиры, в том числе трудовые.

В ходе обсуждения был затронут вопрос патриотизма: можно ли использовать внешние механизмы и административные способы для его воспитания? Кто-то считает, что патриотизм в школе невозможно возродить, если каждое утро петь гимн и поднимать флаг. Я бы поспорила с этим утверждением. Я не считаю это инструментом, если

использовать его внесистемно, но в совокупности с другими механизмами он может дать позитивный эффект.

В рамках курса «Социальное партнерство», который я читаю студентам, мы пришли к выводу, что именно государство превратило рабочих и крестьян в пролетариат, полноправных партнеров капиталистов. Если мы говорим об административном воздействии, то это уровень организации, если речь идет о государстве, то это ресурс власти. Поэтому я считаю, что такие способы возрождения ценностей дают позитивный результат. Я наблюдала следующую ситуацию в мае, когда в школах только ввели исполнение гимна: дети младших классов, играя на детской площадке, напевали его. Безусловно, сейчас мы не можем говорить о результатах, потому что они предполагают временной период.

Помимо административного существует морально-психологическое воздействие — личный пример. В совокупности с другими инструментами он имеет действенный характер. Воспитывать и развивать патриотизм у школьников, студентов необходимо, демонстрируя им собственный патриотизм (я говорю о преподавателях школ, вузов, семье). Например, в рамках акции «Бессмертный полк».

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Екатерина Сергеевна, меня интересует вопрос об индикаторах патриотизма. Нужно понимать, что мы формируем и насколько успешно. В нашем Университете обсуждалась диссертация на тему патриотического воспитания, которую защищал военный, и в ней были обозначены рубежи воспитания патриотизма. По мнению диссертанта, высший рубеж — это защищать Родину. На что мой коллега Александр Петрович Марков возразил, что это патология: на Родину никто не нападает, но мы намерены ее защищать. Каковы индикаторы патриотизма?

Е. С. ДАШКОВА: — Возможен как формальный, так и реальный патриотизм. Мне, как экономисту, сложно назвать конкретные индикаторы патриотизма. Например, патриотизм в пандемию проявился специфическим образом среди медиков: одни продолжали лечить, другие приняли решение уйти в платную систему здравоохранения, забыв об истинном предназначении и о том, что они давали клятву Гиппократа. Все по-разному относятся к тому, что такое патриотизм. Это прежде всего любовь к Родине. Но мне сложно сказать, как его можно измерить и какие индикаторы можно предложить.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Что и как мы формируем и не получим ли обратный результат? Важно отслеживать этот процесс.

Е. С. ДАШКОВА: — Согласна. Когда закладываются определенные индикаторы, которые будут раскрывать содержание категории, должны создаваться инструменты и механизмы, обеспечивающие достижение целей.

Д. В. ЛОБОК: — Я, как и многие старшие коллеги, вырос под другим флагом. Каждое утро в пионерском лагере, куда я ездил в детстве, поднимали красный советский флаг, и я испытывал чувство гордости за Советский Союз. Честно скажу, я первые восемь лет не воспринимал российский флаг, считая его символом тех, кто развалил ту страну, поэтому вопрос патриотизма для меня не праздный: я не стал патриотом России в 1991 году. А моя восьмилетняя дочка гордится Россией, она родилась с этим ощущением.

Е. С. ДАШКОВА: — Патриотизм прививался (в том числе СМИ), мы любили Родину, потому что другого отношения не могло сформироваться. Мы не слышали ничего плохого о своей стране. А сегодня интернет-пространство формирует совсем иное отношение к Родине и патриотизму. Насколько мы контролируем то, что сегодня смотрит, слышит и воспринимает молодое поколение?

Д. В. ЛОБОК: — Во всяком случае, я бы опасался определять индикаторы патриотизма. Если человек соответствует по первому, второму, третьему пунктам, значит, он патриот, а если по одному пункту не отвечает, значит, у него отсутствует патриотизм. Патриотизм — более глубокое чувство, его нельзя измерить в процентах. И вообще опасно это чувство подводить под индикаторы и делить таким образом людей на врагов и друзей. Индикаторы не показывают, является человек патриотом или нет.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Однако такие индикаторы существуют. В частности, молодежи можно задать вопрос, как они видят свое будущее, хотят уехать из страны или остаться. Это один из индикаторов, который, может быть, не в прямой, но в косвенной форме отвечает на поставленный вопрос. Если опрос проводился корректно, то мы можем ориентироваться на эти индикаторы.

С точки зрения науки у меня возникло одно методологическое замечание. Мне не нравится слово «возрождение», в данном случае — патриотизма. Дело в том, что культура и вообще социальная динамика так устроены, что действует стрела времени и ничего нельзя возродить. Поэтому предлагаю быть более аккуратными в использовании слова «возрождение», которым сегодня часто манипулируют.

Е. С. ДАШКОВА: — Возродить — значит и модифицировать, трансформировать. Так, есть понятие «справедливость», которое сложно измерить. Но можно говорить о возрождении справедливости, что актуально во все времена.

В. К. МАМОНТОВ: — Хотел бы сказать несколько слов по поводу патриотизма и ответить на этот вопрос. Поднимите руку те, кто не считает себя патриотом? Восемь человек. Что вам мешает быть патриотом? Многие из присутствующих — реальные патриоты. Может быть, не формулируют это для себя, не поднимают утром флаг, но определяют себя как патриоты России, кроме восьми смелых. Но и те потом либо передумают, изменят свое мнение, либо уедут. Это к вопросу о том, как и что мы формулируем. Я, например, не поднял руку, как и многие в этом зале, потому что считаю себя патриотом. У меня есть список претензий к Родине, но она моя, это моя мать.

Несколько слов о сложившейся ситуации. Никто не понял, в чем состоял хитрый план введения санкций. На данный момент, несмотря на курс доллара, доходы российского бюджета в рублях составляют плюс 3 трлн от плана до начала года. К концу года такими темпами доходы составят 7 трлн, притом что бюджет равен 25 трлн. То есть мы получим 7 трлн прибыли в результате того, что нас отцепили от этого паровоза. Конечно, Россия стала меньше импортировать, но никто от этого не умер. Кроме того, на Западе есть технологически сложные вещи, без которых нам будет очень непросто. Отток капитала из России упал до нуля. Более того, мы наблюдаем приток капитала, потому что средства производства компаний, которые заявили об уходе, остались в нашей стране

(McDonald's переформатировался и пр.). Дефицита, кроме нескольких болезненных секторов, не намечается, даже наоборот.

Самое главное, что сделали те, кто вводил против России санкции, — они уничтожили свою инфраструктуру влияния, обнулили цифровые платформы. Не сбылась американская мечта — украсть, вывезти и там пожить как люди. Все, что есть, осталось в России. Соответственно, вариантов два: либо план настолько глубинный, что никто не понимает, в чем он состоит (или его вовсе нет), либо они не осознают наших сильных и слабых сторон и исходят из своей реальности. Вот над чем, уважаемые патриоты в большинстве своем и непатриоты в глобальном меньшинстве, я еще раз предлагаю задуматься.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Хочу сказать несколько слов о наличии методик оценки не столько патриотичности, сколько профессионализма, который связан с патриотизмом. Надежда Гегамовна права в том, что существуют индикаторы, но их мало. Любые опросы — социологические, психологические и прочие — не подходят.

После перестройки один из председателей Совета министров решил отбирать на министерские посты, руководящие должности компетентных людей. Он обратился в Институт психологии, который разработал блестящую методику. С претендентом на должность четыре специалиста проводили перекрестный опрос о мотивации. Эта методика прекрасно показывала, кто есть кто. Но оценивать напрямую — бессмысленно и даже вредно для человека. После этого, правда, властные структуры пошли по другому пути, и отбор высокопоставленных руководителей проводился по признаку не компетентности, а лояльности к руководству. В результате в аппарате предыдущего министра образования и науки были три слоя руководителей, и среди них — ни одного специалиста по образованию и науке. Таковы реалии, но мы их изменим.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я придумал короткое стихотворение о патриотизме в виде диалога: «Вы патриот? Да, патриот. Ну вот». И дальше его можно интерпретировать в разных направлениях.

Во-первых, я хотел бы акцентировать внимание на том, что в этой теме пока превалирует обсуждение формы контроля над формой развития.

Во-вторых, оценка патриотизма радикально изменилась после 24 февраля. Положа руку на сердце, хочу сказать: я не ожидал, что буду часто соглашаться с Рамзаном Кадыровым. Я неоднократно бывал в Грозном, но у меня другой взгляд на оценку ситуации в Чеченской Республике, включая религиозную основу. Тем не менее после 24 февраля я часто солидарен с его мнением.

В-третьих, ритуальная часть и содержание патриотизма. Отказ от ритуальной части сложен. Допустим, я являюсь атеистом, но не могу представить, что в рамках РПЦ откажутся от Пасхи. Это ритуал, в который люди должны верить, а не просто обряд. С содержанием дело обстоит сложнее. Я предложил бы следующую трактовку содержания патриотизма: патриотизм развивается тогда, когда о нем начинают писать хорошие неказенные стихи. Замечательные поэты Вера Полозкова, Анна Долгарева и Игорь Караулов диаметрально противоположно трактуют то, что происходит в нашей стране, патриотизм и пр. Я отдаю должное таланту Веры Полозковой (как и таланту Ивана Бунина с «Окаянными днями»), но мне близка тематика стихотворений Долгаревой и Караулова. В этом смысле нельзя пренебрегать и эстетикой.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется кандидату педагогических наук Олесе Петровне Кутькиной.

О. П. КУТЬКИНА: — Я буду говорить о насущном — об образовании, потому что оно во все времена во всех государствах является фундаментом. Мне хотелось бы обозначить болевые точки, от которых следует избавиться, излечив их.

Вчера на пленарном заседании и сегодня на секционном заседании неоднократно говорилось о ЕГЭ, Болонской системе, переходе к специалитету, советской системе образования. Сто лет назад в нашей стране потерпела крах система императорского образования, которое имело гораздо более длительную историю, нежели тридцатилетний период современного российского образования. И, наверное, люди переживали те же самые эмоции и размышляли, что делать. Но советская система образования себя оправдала. В 1960-е годы она вошла в пятерку, а в 1970-е годы — в десятку лучших систем образования мира.

В первом десятилетии существования Российской Федерации, в конце 1990-х — начале 2000-х, наше образование по-прежнему входило в десятку систем образования, но только уже не в первую, а в последнюю. В настоящее время ситуация не изменилась. И когда сегодня говорят о том, что Россия должна выйти из Болонской системы, хочу сказать, что мы туда и не входили. Многие высказываются в том смысле, что нужно вернуть специалитет. Что конкретно вернуть? Просто поменять двухуровневую систему на одноуровневую, а в качестве послевузовского образования предложить аспирантуру? Формально добавить еще один год обучения, увеличить нагрузку на преподавателей, получить больше госзаданий, ввести дополнительные предметы для студентов?

Считаю, что сегодня нужно решить две важные проблемы: первая — профориентация, вторая — трудоустройство. Как правило, выпускники не стремятся устроиться по полученной специальности. Им нужно все и сразу: личный кабинет, высокая должность и большая заработная плата. У них нет четкого понимания профессионального развития, карьерного роста, отсутствует желание что-либо улучшить, усовершенствовать и т. д. Усугубляет проблему фриланс: хочу — работаю, не хочу — не работаю. Это проблема современного общества. А государство вкладывает огромные деньги в образование.

Что касается школьного образования, то здесь ситуация удручающая. Действительно, в старших классах происходит «натаскивание» на сдачу ЕГЭ, а тем предметам, по которым ЕГЭ не предусмотрен, уделяется очень мало внимания. Поэтому из-за слабой подготовки первокурсников в первый год обучения в вузе нам фактически приходится восполнять школьные знания, а через несколько лет специалисты, получающие дипломы о высшем образовании, имеют недостаточный уровень квалификации. Поэтому если нам предстоит реформа системы образования, то начинать надо со школы. На мой взгляд, лучше всего вернуть советскую модель фундаментального школьного образования.

Система высшего образования также нуждается в совершенствовании. В первую очередь надо проводить исследования и делать научно обоснованные прогнозы развития рынка труда. Какие специалисты будут нужны обществу через несколько лет? В Советском Союзе была плановая экономика, и государство четко понимало, сколько специалистов потребуется и где они будут работать. Сегодня ничего подобного нет. Коллеги, которые работали еще в советский период, подтвердят: раньше от

преподавателей не требовалось писать кипы программ, методичек и т. п. Все руководства и другие документы разрабатывались на уровне учебно-методического объединения, которое ставило задачи, и преподаватели работали по четким программам. Теперь образовательные учреждения в этом плане «свободны»: учат чему хотят и как хотят. Но это означает ответственность за то, чтобы выделить фундаментное ядро профессии, которой они обучают, и определить базовый набор знаний, умений и навыков, необходимых специалисту. Причем важно ориентироваться и на современное развитие, и на перспективу, и еще непременно сформировать у студентов так называемые мягкие навыки, без которых ни о каких достижениях не стоит и помышлять. Более того, все больше востребованы знания и компетенции на стыке наук, то есть специалисты в узких областях имеют значительно меньше шансов на успех, чем более широкообразованные инженеры, экономисты и пр.

Таким образом, когда мы говорим о том, какая система образования требуется России, мы не можем делать ставку на чьи-либо успешные примеры. Копия всегда хуже оригинала. Сегодня очевидна тенденция к «гибридному» образованию и построению индивидуальных образовательных траекторий для студентов.

Дорогие студенты, скажите, если вам дадут список из 100 наименований предметов и скажут, что надо выбрать 20 для изучения на первом курсе, столько же — на втором, третьем и так далее, вы сможете сделать такой выбор?

— Да! *(реплики из зала)*.

Но чем будет мотивирован ваш выбор? В основном тем, что вам это покажется интересным. А насколько это будет полезно, пригодится ли в будущем — определить довольно сложно. К тому же современные студенты с большим трудом воспринимают поток речевой информации — им нужна визуализация, эффекты. Поэтому система образования требует новых подходов, модернизации. Нужно учитывать особенности новых поколений студентов, потому что нынешняя молодежь существенно отличается от своих предшественников по мироощущению, восприятию информации. Я называю современных студентов серферами, потому что они легко лавируют в информационном пространстве, могут быстро находить любые данные. Но большой вопрос, умеют ли они адекватно оценивать их, грамотно пользоваться полученной информацией. Поэтому образовательная система должна формироваться с учетом новых плюсов и минусов.

А. Р. КЕТОВ: — Я шесть лет проработал школьным учителем и могу подтвердить: проблемы вузовского образования берут свое начало в средней школе. Сейчас принято жаловаться на чрезмерное количество документов, которые должны вести педагоги, но я считаю, что главная проблема в другом. С одной стороны, у нас по всем предметам объемные программы, которые ученик со средними способностями не может освоить; с другой — отсутствует механизм отбора сильных учеников, которые «потянули» бы эти программы. При переходе из девятого в десятый класс фактически нет реальных экзаменов. Складывается порочная практика, когда образование заменяется имитацией бурной деятельности. Оценки «рисуют», учителя отчитываются о том, что программа пройдена, хотя в реальности 90 % учеников ее не освоили. Складывается противоречие, которое в рамках сегодняшней системы не преодолеть, особенно если обучение в школе сделать 12-летним. Это будет профанация, которая затем перейдет в высшую школу. Формальные перемены не дадут ожидаемых результатов.

О. П. КУТЬКИНА: — В последние 20 лет особое внимание уделяется качеству образования. Развиваются институты менеджмента качества, недавно все образовательные организации прошли независимую оценку качества. Что при этом учитывается? Качество оказания услуг!

В 2014 году законом «Об образовании» было введено понятие «образовательная услуга», которая оказывается в разных учреждениях — от детских садов до вузов. Потребителями услуг являются разные категории обучающихся, которые вместе с родителями теперь диктуют условия их оказания. Это первая проблема. Вторая — статус учителя. Я училась в педагогическом вузе в 1990-е годы. Нам давали фундаментальные знания предмета, то есть я, учитель физики, придя в школу, не испытывала проблем со знанием физики. Да, мне, как молодому педагогу, надо было выстроить коммуникацию с учениками, выбрать методику и совершенствовать ее. Может, придумать что-то свое.

Сегодня ситуация совершенно другая. Уровень знаний у молодых учителей-предметников недопустимо низкий, вплоть до того, что преподаватели русского языка допускают орфографические ошибки. При этом на них давят родители, предъявляющие жесткие требования. А учитель беззащитен, ему проще поставить пятерку, нежели вступать в конфронтацию с агрессивной мамой. Плюс различные проверки. Например, проверяют доброжелательность и вежливость преподавателей. Или наличие зоны отдыха в вузе. И так далее. Кроме того, стандарты, которые разрабатывались когда-то, несовершенны. Свобода в разработке образовательных программ приводит к тому, что качество образования нередко страдает.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Лепскому.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Замечательный философ, академик Вячеслав Семенович Степин ввел понятие техногенной цивилизации, примером которой является западная модель развития. Ценности, на которых базируется техногенная цивилизация, — наука, научно-технический прогресс; социальные ценности при этом считаются неважными и игнорируются. В такой модели рождаются технократы. Но это западный инструмент, который сегодня великолепно используется, например, в цифровых трансформациях, искусственном интеллекте, как инструмент рефлексивного управления человечеством в интересах глобалистского проекта. Сегодня российские философы, в том числе Надежда Гегамовна, участвуют в подготовке специалистов МГТУ и физиков в «Дубне», обучая их максимальному введению социальных ценностей, культуры в инженерную деятельность.

Чем еще плоха техногенная цивилизация? Она нивелирует другие локальные цивилизации, а это очень выгодно для тех, кто хочет манипулировать и перехватывать управление. Сегодня Институт философии работает над концепцией посттехногенной цивилизации как российским предложением, не игнорируя ценность науки, научно-технического прогресса, но ставя в центр проблематику социальных ценностей. Здесь у нас есть хороший задел, в то время как на Западе таких моделей подхода практически нет. Это связано с тем, что они, особенно американцы, боятся увидеть целостную картину. Если по-

смотреть на управление в целом, то сразу видна колониальная политика потребления за счет других. Они предпочитают сетевой подход. А с точки зрения Степина, сети — это этап неклассической научной рациональности, они не выходят в постнеклассику, которая ставит во главу угла субъектов, их взаимодействие, связи с культурой, ценностями и пр. Лучше других выглядят англичане с их многовековой культурой, а США вообще работают на штампованных алгоритмах и парадигмах. Но уже далеко не везде эти технологии срабатывают. Когда мы решаем проблемы социальной инженерии, нам не обойтись без специалистов с естественно-научным образованием.

Вчера на пленарном заседании много говорили о проблеме сохранения суверенитета и необходимости идеологии, но никто так и не ответил на вопрос, что делать и как. Потому что конструктивные ответы могут найти только люди с инженерным образованием и одновременно с хорошей гуманитарной подготовкой.

Надежда Гегамовна подняла потрясающий вопрос о счастье. Что значит быть счастливым? Приведу пример: по уровню счастья Венесуэла занимает одно из последних мест в мире по объективным показателям, но по социологическим опросам — в первых рядах, то есть граждане Венесуэлы — счастливые люди. Какие показатели здесь объективны? Это зависит от культуры, от мечты, которая есть (или ее нет) у народа.

Я много раз бывал в США, неплохо знаю эту страну. Но мне не хотелось бы там жить. Почему они все время улыбаются? Почему у них все поголовно ходят к психотерапевтам? Считаю, что в этом плане мы имеем преимущество: у православных все друг другу психотерапевты, которым можно поплакать в жилетку. Там это невозможно в принципе. Если тебе плохо, значит, ты неугоден Богу, и в таком случае мне тоже неугоден. От «неудачников» шарахаются, поэтому на лицах вечные улыбки: «У меня все отлично!»

А как они относятся к «чужим»? В этом смысле очень показателен популярный фильм «Аватар», собравший множество премий. Эпизод из фильма: герои прилетают на другую планету и видят гору, а под ней несметные богатства. Собирается военное командование и принимает решение, что это святая гора, а под ней законная добыча. На чужой планете! И начинают разрабатывать план уничтожения местного населения. Все это весьма наглядно характеризует американцев как нацию.

Представьте, что в США две машины столкнулись на перекрестке. Как ведут себя водители? Улыбаются, расшаркиваются. Но это всего лишь потому, что существует внешний контроль. А без него это настоящие звери, потому что внутренний контроль у них, в отличие от нас, не воспитан. Они с превосходством относятся ко всей планете, потому что они потребители. Так что приходим к закономерному выводу: нас хотят просто уничтожить.

Американцы по-разному относятся к специальной военной операции на Украине: кто-то поддерживает, кто-то критикует — там немало здравомыслящих людей. Я столкнулся с этим сразу после ее начала, 25 февраля. Мы получили письмо из Международной академии систем и кибернетических наук (International Academy for Systems and Cybernetic Sciences)[1]: «Мы решили разместить на нашем сайте критическую информацию о событиях на Украине. Если вы не ответите в течение трех дней, то мы считаем, что вы согласны». Я ответил через час. Постарался объяснить, что это не просто конфликт между Россией и Украиной, а цивилизационный конфликт, у него есть веские и объективные причины и т. д. Через два часа ответ: «Да, вы правы, мы передумали». Поэтому сегодня надо работать и с Востоком, и с Западом. Наука не может быть национальной — она, безусловно, должна быть интернациональной. Поэтому ученые всего мира должны работать вместе.

Несколько слов о ЕГЭ. Сегодня в элитарных школах США пользуются нашими учебниками математики и физики. Финляндия, где школьное образование признано лучшим в мире, взяла за образец российскую систему. А что произошло у нас? Абсолютный развал! Кто был к этому причастен? Могу назвать фамилии. Евгений Ясин, который работал научным руководителем Высшей школы экономики, курировал внедрение ЕГЭ, под его руководством готовились все документы. То есть этим занималось не профильное министерство, а Высшая школа экономики. Но главное — велась идеологическая работа с целью «отменить» все, что было и есть позитивного в нашей истории и культуре.

Вчера на пленарном заседании прозвучали два лейтмотива: первый — как сохранить суверенитет России, второй — как нам выйти на позитивное проектирование будущего, консолидировать государство, общество и бизнес. Чтобы найти ответы на эти вопросы, снова обращаемся к академику Степину. В постнеклассической научной рациональности в центре находятся субъекты. И если мы не сможем понять, что за субъект представляет собой коллективный Запад, то мы не сможем с ним взаимодействовать. Поэтому надо строить модель.

Я считаю (и у меня есть доказательства), что по всем характеристикам сегодняшний коллективный Запад — это тоталитарная секта. В период перестройки к нам внедрили много культовых организаций — не только религиозных, но и образовательных, психотерапевтических и пр. В культовой организации главный вопрос — рефлексия. Как мы относимся к ней? Американцы и Запад вообще относятся к рефлексии очень серьезно, полностью блокируя ее и у себя в Европейском союзе, и в других государствах. Для этого используются десятки технологий. Цель — отучить людей думать, чтобы они перестали понимать, что вокруг них происходит.

В России практикуется цивилизационный подход, не связанный с тем, чтобы гасить культурное разнообразие, рефлексию и еще пять базовых качеств: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Но у нас во время перестройки их погасили. И сегодня необходимо их восстанавливать. Модель развития общества будет перестроена, молодежь сможет использовать социальные лифты и успешно самореализовываться в будущей России. Нам предстоит большая и сложная работа.

Д. В. ЛОБОК: — Следующим выступит профессор Николай Николаевич Ярошенко.

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — На пленарном заседании говорили в основном о культуре, употребляя термины «идеология», «ценности» и т. п. Но на самом деле предметом нашего обсуждения является именно культура. Почему в тот момент, когда начался нынешний кризис в отношениях с внешним миром, мы острее всего переживаем не тот факт, что в Россию перестали завозить некоторые товары или ограничили продажу энергоресурсов — нет, больше всего нас затронуло исключение из мирового культурного пространства. Насколько я могу судить по реакции своих коллег, студентов и даже членов семьи, это за-

[1] https://wiki5.ru/wiki/International_Academy_for_Systems_and_Cybernetic_Sciences.

девает каждого. То есть «отмена культуры» переживается обществом особенно болезненно. Это неслучайно, потому что причастность к своей стране ощущается довольно остро, хотя и трудно вербализируется. Впервые за много лет работы педагогом я вдруг почувствовал, что оказался реально на поле боя, потому что те идеи, которые можно высказывать с высокой трибуны, имеют непосредственное отношение к личности человека и становятся ее частью только тогда, когда выстраивается системно организованный воспитательный процесс.

Современное образовательное пространство не исчерпывается школами и университетами. Сегодня оно насыщено огромным множеством факторов — широким перечнем субъектов, институций, возможностей. Понимая сложность среды, в которой формируется личность гражданина России, Президент РФ в 2014 году подписал указ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» — важный стратегический документ, который впервые за многие годы обозначил то, что мы называем идеологией. Сегодня нашей идеологией являются культура и идентичность. То есть культура становится стратегическим ресурсом, поэтому она должна быть поддержана на всех уровнях функциональной организации, получить импульс для развития. И поэтому многие начинают заниматься изучением именно культурной политики и всего, что с ней связано.

Под эгидой Министерства культуры работает Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева. Это крупное научно-исследовательское учреждение, созданное на базе двух отраслевых НИИ. Сегодня его возглавляет бывший министр культуры Владимир Владимирович Аристархов. Этот институт продуцирует базовые документы, которые, по сути, должны выражать ту идеологию, о которой мы так много говорим. В частности, выступая недавно на большой конференции в нашем вузе, Аристархов рассказал о том, что ведется работа по подготовке нового документа о государственной культурной политике. Пока идут споры о том, как будет называться этот документ: «Государственная культурная политика» либо «Государственная гуманитарная политика», потому что разработчики хотят охватить как можно более широкое проблемное поле и показать, что не только в институциях культуры, но и в других учреждениях и сферах деятельности размышляют и трудятся над формированием нашей национальной идентичности. Таким образом, уже, наверное, поздно артикулировать идеологию.

Однако даже те формулировки, над которыми бьются лучшие умы, не всегда бывают удачными. Приведу пример. Месяца три-четыре назад в прессе поднялся большой шум по поводу списка традиционных российских ценностей (кстати, этот список был подготовлен все тем же Институтом природного и культурного наследия). Шок вызвало то, что наши основные ценности были просто перечислены и ранжированы. Сразу возник вопрос: это полный список или он будет дополняться? И вообще, можно ли говорить о ценностях подобным образом? К сожалению, такой способ формулировки идеологии с помощью перечисления чего бы то ни было вряд ли можно назвать адекватным. Идеология фактически должна вырасти из идеи, которую солидарно примут все, кто живет в стране.

В связи с гимном у нас есть семейная история. В ночь с 31 декабря на 1 января президент России поздравляет соотечественников с Новым годом, после этого бьют куранты и звучит государственный гимн Российской Федерации. В этот момент в моей семье дети начинают подпевать, а сын говорит: «Папа, только ты не пой». Я автоматически произношу слова, выученные в детстве: «Партия Ленина — сила народная / Нас к торжеству коммунизма ведет!» Этот текст давно у меня в подкорке. Прямо по Льву Выготскому: внешнее требование интериоризуется и становится частью личности. Но вот что интересно. «К торжеству коммунизма ведет» — это о будущем! В старом тексте была сформулирована идея будущего! Это то, чего нам остро не хватает сегодня. Мы не можем отчетливо сказать, какое будущее хотели бы построить — для страны, для себя и следующих поколений россиян. Да, мы хотим видеть свою страну богатой, счастливой, безопасной, но мы живем в такой стране уже сегодня.

Григорий Михайлович предложил метафору: страна как остров. Но на островах живут люди, которые организуют это пространство. Если россиян пытаются «выселить» на «остров», то для этого намеренно «копают» вокруг страны «ров», чтобы изолировать нас. Но будущее, в котором мы хотели бы жить, — за мостами. Несмотря ни на что нам предстоит наводить мосты даже с теми людьми, которые сегодня отменяют нашу культуру, потому что все мы живем на одной планете.

Сейчас мы выходим из болонских соглашений, и нас это радует. Но я хочу напомнить, что мучительный переход российского образования на Болонскую систему был во многом обусловлен играми чиновников, которые превратили этот процесс в средство своего обогащения. Боюсь, что выход из этой системы окажется не менее мучительным. Надо отнестись к этому внимательно и постараться не выплеснуть из ванны ребенка вместе с водой, то есть не отказываться от здравых идей, которые есть в Болонской системе.

И еще раз об идеологии. Науки, которые осмысляют процессы формирования идеологии, идей будущего, используют разные подходы. Здесь европейские тенденции чаще всего отличаются от американских: если мы в рамках европейской традиции делаем акцент на гуманитарную составляющую, которая восходит к немецкой классической педагогике, то в США это скорее пример научно-исследовательского мышления. Мы мыслим в рамках Wissenschaft — науки, обогащенной целостным гуманитарным представлением о том, что в мире сегодня существует и как мы это видим; пытаемся сочетать естественно-научное знание с обобщающим ви́дением, пронизывающим рентгеновскими лучами все происходящие процессы. Американская же методика — типичный Science, то есть более узкий и конкретный подход.

Таким образом, один из главных путей, которые наша страна выстраивает на будущее, — это путь к самодостаточности, восприятию самих себя как состоявшихся, много умеющих и способных к достижениям, как тех, у кого есть все основания для того, чтобы будущее было безоблачным, чтобы мы и наши дети жили в счастливой стране.

Д. В. ЛОБОК: — В советские годы мы очень увлекались историческими романами, среди которых одним из самых популярных был роман-хроника «Нечистая сила» Валентина Пикуля. Сюжет этого романа, по-моему, можно назвать вечным. В деревню, где раньше жил Распутин, приехал пристав, и народ сбежался послушать, что в мире нового и, главное — чего еще бояться.

Почему я об этом вспомнил? Когда мы собираемся и обсуждаем проблемы современности, всегда возникает вопрос: чего еще бояться, какие новые напасти нас ждут? Но в этот раз наша секция мне понравилась своим оптимизмом. Никто не кричал: «Все пропало!» — напротив,

мы искали пути выхода из сложившейся ситуации. Все участники выступили в позитивном ключе. Практически ни один из нас не задавался вопросом: «Кто виноват?», и это уже хорошо, потому что виноватых ищут, когда в обществе высока социальная напряженность и неизвестно, что с этим делать. Мы же не ищем, кого следует наказать, а пытаемся смотреть в будущее.

И еще у меня возникла идея: может быть, пора написать книгу «Прокрустово ложе глобализации»? Ведь нам постоянно твердили, что глобальный мир означает бесконечные возможности: все страны открыты, можно поехать в любую страну работать или отдыхать. Но вдруг выяснилось, что в этом глобальном мире очень много ограничений, созданных в интересах определенных элит и финансовых групп. Существующие правила как прокрустово ложе: не влезаешь — отрубим лишнее. Но Россия слишком большая страна, она не вписывается в такой глобальный мир, который играет по правилам бенефициаров. И нам уже предлагают: «Вам надо войти в глобальную экономику частями, так что давайте мы вас на кусочки распилим. Например, сначала Санкт-Петербург закинем в эту топку, потом Урал и т. д.». Такая Россия, как сейчас, для глобализации не подходит: слишком велика и самостоятельна. Действительно, Россия — очень большая страна, западным элитам ее не «переварить». В отличие от Словении, Словакии, Литвы, которые единое европейское сообщество проглотило — и никто не заметил. А как поглотить Россию?

Лично у меня сомнения в безусловной пользе глобализации зародились в 2002 году, когда я волею судеб оказался в Генуе и увидел там антиглобалистские выступления. Поразило, что на демонстрацию вышло около 250 тыс. человек. Заинтересовался, чем они недовольны: все же так прекрасно — единая Европа, нет границ и т. д. Оказывается, те проблемы, о которых мы говорим сегодня, в Западной Европе назревали уже тогда: молодежная безработица, постепенный отказ от предоставления социальных гарантий… Но протестующим быстро объяснили, что им следует винить не евроинтеграцию, не либеральную экономическую политику и не диктат со стороны европейских комиссаров. Просто есть большая Россия, и из-за нее гармония в Европе наступить не может.

Теперь они реализуют свои идеи на практике. Обратите внимание: сегодня в Европе нет антиглобалистских выступлений, настроения сильно изменились. Кроме небольшой группы левых партий уже никто не кричит: «Долой мировой капитализм!», хотя противоречия не исчезли. Просто переключили внимание: решим проблему с Россией — и ваши проблемы тоже решатся. Сегодня в Европе происходит переформатирование общественного мнения. Последние события в мире неизбежно поставят в повестку дня вопрос о перспективах развития человечества и вовлекут в политическую жизнь миллионы ранее аполитичных людей. Вчера на пленарном заседании говорили о левом повороте. Возможно, он произойдет, но не так, как раньше, а в новом качестве. Так что времена предстоят интересные, конфликтологи точно без работы не останутся.

А. В. ШЕРШУКОВ: — В своем выступлении я использовал термин «технократ» — как вы поняли, в ироническом смысле. Дело в том, что несколько лет назад в губернаторских выборах начали участвовать новые персонажи — моложавые, в очках и при галстуках. Их стали называть технократами, подразумевая, что эти люди обладают определенным комплексом необходимых знаний и навыков, которые позволяют им без эмоций и лишних размышлений решать любые проблемы. Но в одном из регионов случился конфуз: перед выборами в некоем Telegram-канале появилась фотография жены кандидата в губернаторы. Дама, одетая в небольшие лоскутки ткани, была сфотографирована у шеста. И подпись: «технократка». То есть народ сделал правильные выводы из данной концепции.

Еще одна тема, которую мы обсуждали, — ЕГЭ. Было бы интересно узнать мнение студентов, которые на своем опыте испытали все прелести ЕГЭ. Думаю, к скульптурной группе Михаила Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых» можно добавить фигуру студента, попавшего или не попавшего в вуз через ЕГЭ. Обсуждая недостатки формализованной системы ЕГЭ, мы не должны забывать о минусах предыдущей системы отбора, которую можно отчасти описать словами Владимира Гиляровского: «В России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти». Непонятно, что лучше: механистический подход ЕГЭ либо в существенной степени коррумпированный отбор, когда акцент делался на личности. Вопрос открытый. Мы не должны идти вперед с головой, повернутой назад. Надо смотреть вперед и вместе заниматься преобразованиями, ведя страну в правильном направлении.

Что касается патриотизма, то хотелось бы отметить, что патриотизм не означает согласия со всем, а просто переустанавливает приоритеты. Неужели 22 июня 1941 года у населения Советского Союза было меньше претензий к Сталину, чем 24 февраля нынешнего года — к Путину, Государственной Думе, Правительству РФ? Ведь до того дня, когда началась Великая Отечественная война, Сталин успел провести коллективизацию, сопровождавшуюся многомиллионными жертвами, потом последовали репрессии — тоже с огромным количеством жертв. Тем не менее общественный консенсус был достигнут сразу: Родину надо защищать. Сейчас у нас тоже достигнут «донецкий консенсус» (это не мой термин). Хотя и с существенными оговорками, но согласие, в общем, есть.

В завершение процитирую одно из стихотворений Игоря Караулова:

Фронт катится вперед, как белая гора,
сметает рубежи пылающая лава.
Сегодня фронт идет быстрее, чем вчера,
и реет русский Спас над Святогорской лаврой.
Враг бьет из всех стволов, но наши прут вперед,
местами тяжело, местами бестолково.
Сегодня фронт идет в четырнадцатый год,
чтобы сомкнуть ряды с ребятами Стрелкова.
Так через восемь лет сюжет пустился вспять,
сквозь тьму перипетий стремясь к своей завязке.
Убитые встают. Не время умирать.
Сирень слепит глаза, и фронт идет к Славянску.

Секция 5
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ

10 июня 2022 г. Лекционный зал № 1 СПбГУП

Руководители секции:

Е. И. КАЗАКОВА	директор Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. КУЗЬМИНА	ректор Академии труда и социальных отношений, заместитель председателя ФНПР, заместитель координатора Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, кандидат экономических наук
О. Е. ЛЕБЕДЕВ	член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор
А. А. МЕЛЬНИКОВА	заместитель заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП по научной работе, доктор культурологии, профессор

ДОКЛАДЫ

Е. А. Александрова[1]

ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как и тридцать лет назад, система образования Российской Федерации находится в кризисной ситуации, выражающейся в расхождении представлений участников образовательного процесса о способах его организации, содержании, оценке результативности и многих иных составляющих.

На этот раз кризис протекает на фоне скачкообразного внедрения в практику образования его новых средств, что влечет модернизацию форм и методов воспитания и обучения. Заметим, что цифровизация сама по себе фактором модернизации не является, она лишь катализатор этого процесса. В большей степени происходящие изменения затрагивают сферу воспитания, что ожидаемо. За последние тридцать лет, к сожалению, многие из эффективных воспитывающих методик стали для педагогов-практиков анахронизмом. В прошлое ушли коллективные творческие дела, забываются традиции самоуправления детских коллективов. Однако за это время сформировались новые не менее позитивные идеи и воспитывающие практики, к которым стоит отнести, например, феномен педагогической поддержки, разновозрастное взаимодействие и многие другие. Наблюдается и возрождение традиций коммунарских сборов, разнообразных соревновательных активностей.

Предпринимая попытку обозначить векторы модернизации воспитывающей деятельности, мы ориентировались на базовые потребности детского возраста, изменение отношения общества к некоторым школьным традициям и педагогическим установкам, а также на государственные требования к организации системы воспитательной работы в образовательных организациях.

Вектор возрождения воспитывающей функции педагога. В связи с доступностью информации «педагог информирующий» становится менее востребованным. «Педагог обучающий» сегодня находится в поиске эффективных методов преподавания для того, чтобы привлечь внимание детей к учебе. И лишь «педагог воспитывающий» (читай: поддерживающий и развивающий,

[1] Заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. 19 монографий: «Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников», «Очерки понимающей педагогики» (в соавт.), «Модернизация классической модели тьюторства в России, странах Европейского союза и Ближнего Востока» (в соавт.) и др.; статей: «Принципы и логика организации разновозрастного воспитательного события», «Научно-методическое сопровождение педагогов», «Эволюция методов и приемов воспитания: 1917–2017» и др. Член Научного совета по проблемам воспитания подрастающего поколения при Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

помогающий увидеть свой путь и сформировать свой стиль учения) сегодня востребован как никогда. Такой функционал обозначен в примерной программе воспитания РФ, что усиливается еще и фактором наличия в ней модуля «школьный урок». Согласимся, что тема возрождения воспитывающей функции урока давно не звучала в педагогике и лишь благодаря упомянутой программе она опять стоит на повестке дня[1].

Вектор возрождения воспитывающей роли образовательной среды. Ее роль не просто теоретически обоснована, она экспериментально доказана М. Монтессори, А. С. Макаренко (по сути, автором идеи воспитания не только коллективом, но и чистотой и красотой), Я. Корчаком (как автором типов образовательных сред). Сегодня мы изучаем идеи и опыт Н. Б. Крыловой, Ю. С. Мануйлова, А. Н. Тубельского, Е. А. Ямбурга, В. А. Ясвина и др. Но среда образовательной организации — это не только ее материальное оснащение и эстетическое преподнесение, но и те процессы, события и со-бытие, которые в ней прожиты и приняты. Это общие воспоминания, традиции — все то, что называют укладом образовательной организации (Н. Б. Крылова, А. Н. Тубельский)[2].

Отсюда *вектор формирования и культивирования укладности*, в развитие которого вносят лепту и люди, и среда. Укладность является отправной точкой, от которой и начинается разработка программы воспитания. Замысел ее создателей в том, что каждая школа уникальна, ибо уникальны среда и люди — и модернизация воспитательной системы образовательной организации невозможна без понимания специфики уклада образовательной организации[3]. Самое трудное — понять, в чем воспитательная система данной организации отличается от множества рядоположенных. Для этого в первую очередь надо понять специфику детей, семей и местности. И для каждой образовательной организации необходимо создать программу воспитания, отражающую возможности, ресурсы и потребности именно этих людей.

Вектор стимулирования встречи детей и родителей. Современные родители все чаще становятся реальными участниками образовательного процесса. Модернизация воспитательной системы должна идти в направлении создания условий для *встречи* детей и родителей, чтобы они поняли друг друга, увидели смыслы поступков, чтобы сформировалось осознанное эмоциональное отношение к ним. Отсюда — планирование творческих дел так, чтобы в них принимали участие и взрослые, и дети, причем совместно. Создается сообщество образовательной организации, формируется ее уклад.

Обратим особое внимание на педагогическую ресурсность совместности людей разных возрастов. Возможность разновозрастного общения в интернет-пространстве приводит к привычке детей взаимодействовать свободно не только со своими сверстниками. Отсюда сегодня оптимально рассматривать совместность в школе в отношении не только детей-ровесников, но и, причем даже в большей степени, разновозрастных групп детей и взрослых[4].

Вектор отказа от направлений воспитательной работы. Долгое время планы работы классного руководителя строились по направлениям воспитательной работы. Однако многие организуемые в воспитательном процессе мероприятия никак не укладывались в прокрустово ложе искомых направлений. По содержанию классные часы можно отнести одновременно к двум и более направлениям воспитывающей деятельности. Невозможно отделить физическое воспитание от эстетического, экологическое от патриотического и т. д. Полагаем, что искусственное разделение воспитательной работы по направлениям во многом и привело к выхолащиванию ее сути.

В связи с этим предлагаемое авторами примерной программы воспитания РФ[5] модульное построение воспитательной системы, которая должна строиться не по направлениям воспитательной работы, а по основным образовательным событиям, полностью соответствует культуре и природе процесса воспитания и развития. Причем разностороннего, ибо известно, что каждое событие в образовательной организации затрагивает различные сферы нравственного, эмоционального и иных сфер развития личности.

Следующим выделим *вектор отказа от «мероприятийной педагогики»*, осуществляемой ради соответствия направлениям воспитательной работы. Тот факт, что *меро*приятия часто превращались в принятие мер, по сути, и стал одним из факторов уничтожения доверия детей к воспитателям, превращая подчас живое взаимодействие в карательное одностороннее общение. Мероприятия в постсоветский период существования образовательной системы не были связаны одной идеей (ключевой для образовательной организации), не являлись временем и местом думания и чувствования, «ощущений и эмоций» для детей.

Вектор пролонгирования эмоциональной и деятельностной включенности ребенка в творческое дело. Взаимодействие классного руководителя с ребенком не ограничивается временными рамками классного часа. Поясним: конспект внеклассного мероприятия начинается с формально написанных целей и задач, после чего следует сценарий. После слов «спасибо за внимание» уже *ничего не происходит*. Если ребенок и испытал эмоции, то с данного момента они выключаются, переключаются на пресловутое чаепитие и т. д.

Пора дословные конспекты превратить в планы, которые освещают весь процесс подготовки, проведения

[1] Воспитание на уроке: методика работы учителя : метод. пособие / П. В. Степанов, В. В. Круглов, И. В. Степанова [и др.]. М., 2021.

[2] *Крылова Н. Б.* Школьный уклад — какое качество образования мы создаем? // Народное образование. 2010. № 6 (1399). С. 33–37.

[3] *Степанов П. В.* Структура и содержание примерной программы воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 2, № 1 (67). С. 41–47.

[4] *Шустова И.* Ви́дение идей коллективного воспитания в современных условиях: появление детско-взрослой общности // Воспитание школьников. 2021. № 6. С. 68–78.

[5] См., например: *Селиванова Н. Л.* Апробация и внедрение примерной программы воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 2, № 1 (67). С. 106–114 ; Воспитание в современной школе: от программы к действиям : метод. пособие / П. В. Степанов, Н. Л. Селиванова, В. В. Круглов [и др.] ; под ред. П. В. Степанова. М. : ИСРО РАО, 2020.

и рефлексии творческого совместного дела — от разработки идеи до пролонгированного последействия[1].

Воспитывающее взаимодействие должно ребенком ощущаться, и это длительное ощущение должно иметь этапы предвкушения (это случится), события (это сейчас случается) и послевкусия (это случилось).

Вектор модернизации последовательности предъявления методов воспитания. Возрождается понимание необходимости придерживаться в воспитании логики использования методов воспитания: методы формирования сознания — методы организации деятельности — методы стимулирования деятельности.

На практике мы наблюдали ее усеченный вариант, без первой составляющей, что, возможно, и привело к тому, что классный час преподносится школьникам как очередной урок, эффективность которого с каждым годом снижается. Действительно, традиционно классные часы строятся по классической схеме, предполагающей ознакомление детей с историей какого-либо события, преподнесения им фактологического материала с последующими игровыми моментами и чаепитием. Сознание формируется лишь на уровне информирования, знания, без создания ситуаций, в которых возможно осознание.

Однообразие данной схемы идет вразрез с потребностью детей в приключении, некой сюрпризности. В большинстве случаев при проведении внеклассных мероприятий не существует эффекта эмоционального предвкушения, деятельностной включенности и эмоционального последействия.

Не подлежит сомнению тот факт, что информирование детей о норме поведения и общечеловеческих ценностях первично. Но далее необходимо так организовать взаимодействие, чтобы у детей сформировалось ценностное отношение к традициям и нормам, их позитивно эмоционально окрашенное присвоение. Да, в некоторых случаях этот эффект достигается в процессе рассказа. Некоторые классные руководители овладели и искусством этической беседы. И лишь немногие — сочетанием сократического диалога с организацией совместной деятельности, через которую у детей формируется опыт поведения в соответствии с нормами и общечеловеческими ценностями. К сожалению, чрезвычайно редки случаи организации рефлексивного последействия.

Полагаем, что сейчас *наступает время говорить уже не столько о методах воспитания, сколько о методах воспитывающего взаимодействия с детьми*[2].

Вектор ценностно-семантический. Модернизация ценностной сферы педагогической деятельности, несомненно, влияет на терминологию. Так, в педагогическом тезаурусе укоренились такие понятия, как, например, «воспитательная работа», «работа с родителями» и пр. Однако с распространением гуманистической парадигмы в образовании и принятии ценности педагогической поддержки все более уместными и точными для обозначения сути педагогического процесса становятся такие понятия, как «воспитывающая *деятельность*» и «*взаимодействие* с родителями».

Возрождение ценности коммунарских методик воспитания, творческих дел приводит к тому, что место дисциплинированного поведения на внеклассных мероприятиях занимает эмоциональное состояние детей во время подготовки к воспитательному «делу», его проведения и в процессе рефлексии. Термин «мероприятие» как элемент воспитательной работы также уходит в прошлое, на его место вполне своевременно возвращается понятие «творческое дело».

Как видим, отправной точкой векторов модернизации воспитывающей деятельности является возрождение уважительного отношения к воспитанию, возвращение ему статуса приоритетного, что, собственно, и зафиксировано в Законе «Об образовании в РФ» в определении термина «образование».

[1] *Александрова Е. А.* Космическое путешествие. Разновозрастная игра // Классное руководство и воспитание школьников. 2014. № 3 (138). С. 22–26.

[2] *Александрова Е. А.* Эволюция методов и приемов воспитания: 1917–2017 // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. С. 7–14.

Е. В. Алешина[1],
А. И. Зверев[2]

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОБЪЕКТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Стремящееся к развитию государство обязано уделять пристальное внимание образовательной системе: именно она является тем стержнем, который скрепляет социальный организм, не только давая знания, но и формируя морально-нравственную основу молодого поколения. Состояние неопределенности, экономические вызовы, связанные с переориентацией на внутренний рынок, а также концептуальные изменения российской образовательной стратегии актуализируют поиск форм, которые позволят не только поднять качество знаний обучающихся, но и развить их личностные качества, гражданскую позицию, культурные и ценностные приоритеты.

Воспитание и обучение в этом контексте являются целостным процессом. Обеспечение функционального единства обучения и воспитания возможно путем практического воплощения концепции социального проектирования образовательно-воспитательной среды учреждения общего образования (ПОВС УОО). В теории такая среда предоставляет возможности развития и коммуникации ключевых акторов (руководство УОО, учителя, родители, ученики, заинтересованные представители общественных организаций и социальной инициативы). Значимость полученного опыта для формирования образовательно-воспитательной среды в средней общеобразовательной школе № 13 г. Ноябрьска (Ямало-Ненецкий автономный округ), в котором реализованы авторские проекты «Школа успеха», «Мемориал Славы», «От сердца к сердцу», «Инженерная школа на Ямале», подтверждается как качественными результатами, о которых высказались участники проектов (гайд-интервью), так и отчетной статистикой УОО.

На практике в качестве эксперимента был сформирован и реализован непрерывный цикл школьных партисипативных мероприятий-проектов, предусматривающих вовлечение всех заинтересованных сторон как в их создание, так и в последующую реализацию. Можно сказать, что разработка нового проектного знания — цикла проектов — обусловила качественное поступательное улучшение прямых и косвенных показателей успеваемости, внеурочной активности, инициативности, реализации основ воспитания целостной личности, развития ключевых социальных компетенций и пр. Более того, выяснилось, что система ПОВС, созданная в УОО, детерминирует не только личностное развитие учеников, но и личностный рост, социализацию всех участников школьных отношений, постановку и решение широкого круга личностных, групповых и общественных проблем: «активная среда, реализованная в школе, предполагает существенное расширение возможностей личностного развития детей и взрослых, социализации, решения проблем различного уровня» (региональный эксперт РИРО, 36 лет). Основным инструментом (социальной технологией) создания и дальнейшего развития такой среды выступает социальное проектирование: «запустили проекты, и все пошло по нарастающей» (заместитель директора школы, 51 год).

Далее кратко рассмотрим особенности выработки и реализации (запуска, развития) цикла школьных партисипативных мероприятий-проектов, которые отметили их участники в ходе авторского интервью.

В общем виде проектирование подразумевает реализацию этапов: разработки концепции; оценки ее жизнеспособности; постановки проблем; целеполагания; анализа ресурсов; подготовки проектного плана («дорожной карты»); выработки организационного механизма реализации и запуска проекта; контроля и коррекции проекта по итогам мониторинга; завершения работ.

Инициатором создания и запуска цикла может выступать директор школы или один из его заместителей с необходимым уровнем компетенции и ответственности. Авторский опыт реализации проектов говорит также о том, что часто инициатива учителей, учеников, родителей и иных заинтересованных лиц не поддерживается, не одобряется руководством УОО. Функция инициатора в случае с партисипативным проектированием состоит не в подготовке и реализации готового проектного цикла «для других» с последующим приказом (распоряжением) о реализации (как внешнее управление), а в «стимулировании и вовлечении представителей заинтересованных сторон принять участие в проектировании и затем реализовать проекты для себя» (региональный эксперт РИРО, 51 год). На стадии идеи инициатор может стимулировать наиболее активных представителей заинтересованных сторон к совместному решению проблем в рамках взаимосвязанных проектов, подключению к процессу создания проекта, инициации индивидуальной/групповой творческой активности.

---

[1] Методист Регионального модельного центра дополнительного образования детей Регионального института развития образования, доцент, почетный работник воспитания и просвещения РФ. Автор ряда научных статей, в т. ч.: «Проектирование образовательно-воспитательной среды школы: оценки участниками процесса» (в соавт.), «К вопросу о применении социального проектирования в системе управления учреждениями среднего образования: постановка проблемы в контексте социологии управления», «Партисипативное проектирование комплексного развития учреждения среднего образования: теоретико-социологический анализ» и др.

[2] Докторант Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Области применения проектного подхода: практика проектирования социальной среды в зеркале социологического исследования» (в соавт.), «Подходы к организации проектирования городской среды развития: город для детей» (в соавт.), «Социальное проектирование в системе управления городом (на примере Гамбурга, Манчестера, Питтсбурга)» (в соавт.), «Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития» (в соавт.) и др.

Реализация проекта уже дает значимые результаты, что выражается в достижении успеха и улучшении имиджа конкретного УОО.

В качестве результатов организационно-управленческой работы можно отметить следующие:

— программа духовно-нравственного развития, воспитания и социализации «Школа успеха» — диплом 1-й степени Всероссийского конкурса «Элита российского образования» в номинации «Лучшая образовательная организация»;

— комплексная целевая программа «Здоровье в твоих руках» — лауреат национальной премии «Элита российского образования» в номинации «Здоровьесбережение детей, учащихся и молодежи в условиях модернизации образования»;

— проект «Спортивная площадка школе» — диплом 2-й степени Всероссийского конкурса «Элита российского образования» в номинации «Лучший инновационный образовательный здоровьесберегающий проект»;

— проект «Молодые педагогические кадры Ямала» — диплом 1-й степени Всероссийского конкурса «Элита российского образования» за выдающиеся достижения, высокий профессионализм и творческую инициативу;

— проект «Опыт сотрудничества с Советом ветеранов как вариативная форма в системе патриотического воспитания в школе» — номинация «Вариативные формы в системе патриотического воспитания»; лауреат Всероссийского конкурса «Патриот России» инновационных идей и опыта патриотического воспитания детей и молодежи под эгидой Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры;

— диплом и переходящий кубок победителя XIV фестиваля творчества школьников «Восхождение к истокам»;

— рейтинговая система оценки активности классного коллектива, старост;

— классные часы как неотъемлемая часть учебно-воспитательного процесса, внесенная в расписание школы. Их тематика отражает концепцию воспитательной работы в школе и календарь знаменательных дат нашей страны;

— идея «Социальный проект от каждого класса»; результат — 34 социальных практико-ориентированных проекта. Интересными и полезными стали проекты, реализуемые классными коллективами и их родителями;

— практико-ориентированный проект «Отличный класс»;

— практико-ориентированный проект «От сердца к сердцу» — один из лучших на Всероссийском конкурсе социальных проектов «Орден милосердия» за работу с детьми с ограниченными возможностями;

— опыт воспитательной работы по патриотическому направлению отмечен серебряной медалью Всероссийского конкурса «Мир молодости» молодежных социально значимых инициатив, начинаний и опыта за актуализацию проблемы поиска эффективных форм межпоколенного общения и комплект материалов, отражающих практику сотрудничества школы с Советом ветеранов;

— налажена работа Управляющего совета и запущена работа Совета отцов. Опыт работы Управляющего совета и Совета отцов был представлен на городском родительском собрании, практика по улучшению имиджа современной школы среди учащихся, родителей и общественности — на главном интернет-портале регионов России «Выставка достижений региональной системы общего образования».

К числу ожидаемых результатов от реализации проектов «Школа успеха», «Мемориал Славы», «От сердца к сердцу», «Инженерная школа на Ямале» необходимо отнести создание положительного имиджа и повышение престижа школы, ее востребованности в обществе. Доказательством результативности проектов может служить количественная оценка повышения качества образования до и после реализации указанных проектов в рамках цикла. Данные для оценки получены в результате анализа показателей:

— системы внутришкольного контроля;

— промежуточной аттестации учащихся;

— государственной (итоговой) аттестации выпускников; мониторинга качества образования;

— общественной экспертизы качества образования;

— лицензирования и государственной аккредитации и др.

Из анализа статистических данных видно, что качество образования в школе № 13 г. Ноябрьска с 2018 по 2020 год существенно возросло, что подтверждает результативность применения технологии проектирования в учреждении общего образования.

Также фиксируется существенная динамика в части образовательно-воспитательной среды в рамках повышения социальной активности детей (участие в олимпиадах и пр.), родителей (создание родительских советов, посещение собраний), повышения уровня социального благополучия детей и семей (снижение показателей девиантности и пр.). «В частности, зафиксировано: повышение уровня подготовки обучающихся, а именно: увеличение количества медалистов, повышение среднего балла успеваемости по школе, увеличение количества призовых мест на олимпиадах, конкурсах, количества получателей грантов; повышение качества условий осуществления образовательной деятельности, а именно: снижение количества трудных подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних и пр., увеличение количества социально значимых мероприятий, увеличение количества положительных упоминаний в прессе, наличие школьных общественных и патриотических объединений, кружков, органов управления, участие учительских, ученических, смешанных коллективов и индивидуально в программах, грантах, конкурсах»[1].

Таким образом, на основе данных авторских эмпирических исследований можно заключить, что реализация цикла внутришкольных партисипативных мероприятий-проектов решает актуальные задачи в сфере обеспечения единства обучения и воспитания на прак-

[1] *Алешина Е. В., Дуран Т. В., Зверев А. И.* Проектирование образовательно-воспитательной среды школы: оценки участниками процесса // Вопросы управления. 2021. № 5 (72). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-obrazovatelno-vospitatelnoy-sredy-shkoly-otsenki-uchastnikami-protsessa (дата обращения: 22.05.2022).

тическом уровне. Опрошенные, в том числе эксперты, отмечают положительное влияние вовлечения всех заинтересованных сторон во внутришкольные партисипативные мероприятия-проекты. Однако выявлено, что на практике проектирование чаще всего отождествляется с одной из форм обучения в рамках реализации школьной программы. Отмечается, что организация внутришкольных мероприятий чаще всего основана на авторитарном подходе со стороны школьной администрации и не предусматривает реальных механизмов вовлечения в проектирование представителей иных заинтересованных лиц, выявления и использования их мнения в решении школьных вопросов. Респонденты отмечают, что школьные мероприятия, проекты не нацелены на стимулирование личностного роста всех участников образовательно-воспитательного процесса, в том числе учеников. Самоуправление и самоорганизация субъектов образовательно-воспитательного процесса в школе минимизированы.

Как ранее отмечалось, «позиция школьников обусловлена фактором недоверия к педагогам и руководству школы: они не верят, что взрослые будут учитывать их мнение. Пассивность родителей вызвана мировоззренческим и отношенческим факторами. В первом случае родители считают, что обучение детей и их воспитание во время нахождения в школе — функция учителей. Во втором случае имеет место отсутствие необходимого взаимодействия между учительским и родительским сообществами, объединения действий при достижении общей цели. Важным механизмом включения всех заинтересованных акторов образовательного процесса в деятельность для достижения общей цели — получения качественного образования и личностного становления — является организация проектной деятельности, в том числе и формирование образовательно-воспитательной среды»[1].

Между тем эксперты отмечают, что применение принципа партисипативности и комплексный подход к проектированию (проектный цикл) позволяют значительно расширить возможности данного вида деятельности в учреждении общего образования, активизировать совместную деятельность акторов проектов цикла, тем самым на качественно ином уровне реализовать поставленные в Федеральном государственном образовательном стандарте и законодательстве задачи школьного образования и воспитания.

Применение партисипативности в проектировании, вовлечение заинтересованных сторон к выработке и дальнейшей реализации проектов существенно повышают активность школьной среды, меняют ее качество, ориентируют ее на достижение успеха (как личного, так и коллективного), на налаживание межгрупповых взаимоотношений, выявление и решение различного рода проблем (личностных, внутри- и межгрупповых, организационных, социальных, иных), превращают школьную среду в среду развития. То есть включение проектной деятельности в школьное образовательное пространство качественно меняет образовательную среду, позволяя решать задачи не только интеллектуального развития, но и воспитания. Участие в проектах усиливает у школьников присущее нашей культуре коллективистское начало и ценностные нормативы, формируя тот личностный тип, который будет способен развивать в непростых условиях современности социально-культурное пространство нашей страны.

Е. В. Андриенко[2]

АМБИВАЛЕНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ

Проблема актуализации амбивалентных тенденций развития образования во многом определяется понижением его результативности в контексте влияния глобальных мировых трендов. Результаты Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA, 2018) показали снижение эффективности российского образования по всем трем направлениям оценки знаний школьников: читательской, математической и естественно-научной грамотности. Так, например, самые высокие показатели по естественно-научной грамотности российские школьники показали в 2003 году. Ситуация в России определяется как особенная из-за распада СССР, разрушения системы советского образования и революционной смены парадигмы воспитания и обучения. Отказ от многих достижений советской педагогики и предметной дидактики также значительно снизил эффективность образования.

В XXI веке продолжают стремительно развиваться новые тренды, неблагоприятно сказывающиеся на образовании и его развитии. Мировые тренды оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности современного человека. Под глобальными трендами понимаются «крупномасштабные долгосрочные экономические, социальные, технологические и природные сдвиги глобального характера, которые влекут за собой радикаль-

[1] *Алешина Е. В., Дуран Т. В., Зверев А. И.* Указ. соч.

[2] Заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 260 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Педагогический профессионализм», «Педагогический профессионализм в меняющемся образовательном пространстве» (соред.), «Кросс-культурные исследования в педагогике: современный взгляд на отечественный и зарубежный опыт» (в соавт.) и др.; учебных пособий, статей. Награждена медалью Законодательного собрания Новосибирской области «Общественное призвание».

ные изменения условий жизни и деятельности человека, развития экономики и общества», в том числе:

— демографические и социальные трансформации, связанные с нарастанием урбанизации, ростом международной миграции, усилением социального неравенства, изменением ценностей и образа жизни, трансформацией системы образования и т. д.;

— переход к новой модели экономического роста, обусловленный усилением роли капитала знаний с одновременным снижением стоимости материальных ресурсов, развитием цифровых технологий и т. д.;

— трансформация геополитической ситуации и систем глобального управления, определяющаяся переходом к многополярности и обострением мировых проблем безопасности при увеличении количества конфликтных ситуаций[1].

Исследователи обозначили два возможных сценария социально-экономического развития России в данных условиях: «Технологическая адаптация» и «Технологический рывок», определяя два аспекта: приспособительный и активный, изменяющийся.

Эти глобальные тренды касаются представителей всех поколений, но особенно значимыми они являются для молодежи, обладающей большей восприимчивостью к изменениям, чем старшее поколение. Особенности социального поведения молодых людей связаны с трансформацией ценностей, которые могут значительно отличаться от ценностей родителей; с оппозицией общепринятым нормам и традиционно свойственным молодым людям радикализмом.

Мировые тренды, обусловливая изменения образования, влияют на всех его субъектов, в том числе на тех, кто обучает. В образовательном процессе сегодня принимают участие представители четырех поколений: поколение беби-бумеров (1944–1963); поколение X (1964–1984); поколение Y (1985–2003); цифровое поколение (2004–2024). Теория поколений актуализировала проблему ценностей, которые осваиваются, реализуются, создаются, меняются или сохраняются, причем межпоколенные отношения в России являются более сложными, чем в других странах, поэтому определение современного периода развития образования как турбулентного представляется весьма точным и емким.

В то же время цифровое поколение выступает сегодня в качестве постоянно растущего большинства субъектов образования, особенность которого заключается в том, что оно выросло при интенсивном развитии цифровых технологий. Во-первых, изменяются потребительские привычки за счет активизации сетевых ресурсов Интернета и отказа от многих сервисных услуг, а также снижается значимость жестко регламентированных процедур, в том числе и в профессиональной деятельности. Отвержение любой регламентации, любых требований иногда приводит к игнорированию реальных проблем и нежеланию их решать вплоть до полного ухода из реальной социальной жизнедеятельности в виртуальную сферу. Во-вторых, у части молодежи появляется стремление противостоять ускорению темпов жизни. Отказ от необходимости решения сложных проблем в пользу приоритета «простых вещей» — ощущения гармонии окружающей природы, домашнего уюта, спокойной жизни без потрясений. Отказ от активной социальной жизнедеятельности в пользу себя, своих близких, индивидуализма и созерцания. В-третьих, происходит ориентирование на социальную потребность в позитивной информации, стремительно растущую на фоне увеличивающегося недовольства агрессивным бизнесом, экономическими кризисами, снижением материального уровня жизни и увеличения времени на работу.

Такие стратегии быстро распространяются, поскольку среди молодых людей становится популярным достаточно легкое отношение к смене деятельности, профессии, занятости, выбору нового жизненного пути из-за невозможности преодолеть некоторые обстоятельства, влияющие на данные изменения. Сложность современной жизни, высокие требования к профессиональным навыкам, компетенциям и опыту, обостряющаяся конкуренция во всех сферах деятельности, стремительные темпы — все это вынуждает молодых людей повышать уровень снисходительности и некоторой «легкости» отношения к потере работы, утрате статуса и другим подобным тяжелым событиям, с которыми может столкнуться каждый.

Сегодня во многих странах мира наблюдается снижение доверия населения к различным социальным и государственным институтам управления или влияния. Большое количество организаций и общественных структур, стремительно теряющих свой авторитет, одновременно утрачивает объединяющую, интегративную функцию, что приводит многих к поиску социальных групп, учреждений или просто частных лиц, способных реализовать такую функцию относительно какой-либо идеи, деятельности или человека. Поэтому периодически появляются новые лидеры мнений, способные «перехватить эстафету» в условиях дефицита авторитетов и при наличии потребности в них. Особенно высока потребность в авторитетах у подростков и молодых людей, которые всегда найдут себе пример для подражания вне зависимости от его морально-нравственных характеристик. Одновременно в обществе появляется все больше весьма привлекательных лидеров мнений в лице успешных людей и преуспевающих компаний, демонстрирующих высокие результаты своей деятельности, благополучие и конкурентоспособность.

Образование в этих условиях трансформируется очень быстро и так же меняет свои функции, технологии, структуру, содержание, формы, методы и даже цели. Во многих странах мира, преимущественно западноевропейских и США, образование очень осторожно формулирует ценности, за исключением ценности демократии (для общества) и ценности самоактуализации личности (для самого человека). Что касается Российской Федерации и некоторых восточных стран, здесь цели образования формулируются конкретно и достаточно амбициозно. Их вектор направленности

[1] Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации: краткие тезисы : докл. к XVIII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11–14 апреля 2017 г. / Л. М. Гохберг, А. В. Соколов, А. А. Чулок [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Издат. дом ВШЭ, 2017. С. 6.

не меняется — он так или иначе связан с гармонизацией, но высокие эталоны очевидны, что вызывает некий скепсис относительно возможностей достижения, особенно с учетом реальных факторов управления и экономического статуса профессионалов, работающих в образовании.

Проблемы развития российского образования в постперестроечный период анализировались в различных аспектах, среди которых определялись как положительные, так и негативные изменения. Высшее образование подверглось жесткому реформированию и трансформации, что привело не только к сокращению числа университетов, снижению качества подготовки, но также к чрезмерной формализации образовательного процесса и хаотичному управлению при постоянных изменениях образовательной политики. Централизация управления университетами способствовала унификации образовательных программ, оттоку творчески мыслящих профессоров за пределы страны, стремительному снижению уровня обучения.

Результаты исследования российской системы образования в сравнении с другими странами (38 стран), осуществленного М. А. Аграновичем, Ю. В. Ермачковой, И. В. Селиверстовой в 2019 году, учитывали международные индикаторы и статистические показатели. Ученые выявили главные отличия, связанные с участием населения в образовании; финансированием; организацией образовательного процесса; положением педагогов. В России школьное образование ориентируется на продолжение обучения, поскольку подавляющее большинство выпускников не могут сразу выйти на рынок труда из-за отсутствия профессиональной подготовки. В странах ОЭСР доля выпускников среднего образования, которые сразу после окончания школы могут пойти на работу и имеют документ о первоначальной профессиональной подготовке, составляет 40 % (в России — 13 %). В нашей стране система общего образования имеет ограниченные возможности начальной профессиональной подготовки, в отличие от стран ОЭСР. Продолжительность общего среднего образования в России меньше, чем в зарубежных учреждениях этого уровня, где обучение длится 12–13 лет, а в некоторых странах — 14 лет. У нас дети начинают учиться в школе позже, чем в Западной Европе, где в большинстве стран школьное образование начинается в 5–6 лет и длится не менее 12 лет. Академическая нагрузка в часах за неделю, как и количество учебных недель в России, меньше, чем в странах ОЭСР. В среднем российские школьники 5–9-х классов учатся почти на месяц меньше, чем их сверстники в других странах. Среди россиян, получивших образование после школы, доля выпускников среднего профессионального образования — 44 %, выпускников вузов — 55 %; при этом средние показатели по странам ОЭСР: 17 и 81 % соответственно. В России большое число студентов вузов обучаются не по очной системе — всего 49 %, в отличие от зарубежных университетов, где таких студентов — 21 %[1].

Эффективной реализации стратегических проектов развития российского образования препятствуют факторы, связанные с особенностями его современного управления:

— чрезмерной централизацией, не учитывающей региональных факторов развития;

— тотальной формализацией, затрагивающей все уровни реализации современного образования;

— непоследовательностью государственной образовательной политики;

— низким экономическим статусом образования;

— игнорированием мнения профессионального педагогического сообщества при принятии управленческих решений в образовании;

— социальным и территориальным неравенством образовательных результатов (высокие показатели: Москва и Санкт-Петербург; низкие показатели по многим регионам Российской Федерации).

Также следует отметить нацеленность многих образовательных проектов на усиление надзора и контроля в ущерб развитию содержания и материально-технической базы образования.

Экономические и финансовые основания развития образования на всех уровнях его реализации пока еще не являются оптимистичными, несмотря на государственные проекты. Диспропорция развития регионов и организаций приводит к тому, что разрыв между «лучшими» и «остальными» не просто сохраняется, а усиливается с каждым годом.

Наконец, систематическая «оптимизация» образования, определяющая в конечном счете его недофинансирование, показывает явную недооценку результатов действующей образовательной политики в России, что на сегодняшний день очевидно для всех субъектов образовательного процесса.

[1] *Агранович М. А., Ермачкова Ю. В., Селиверстова И. В.* Российское образование в контексте международных индикаторов, 2019. Аналитический доклад. М. : Центр статистики и мониторинга образования ФИРО РАНХиГС, 2019.

О. С. Анисимов[1]

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛИФТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-МОТИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ И МЕТОДОЛОГИЯ

В России и мировом пространстве осуществляются принципиальные перемены на фоне глобального цивилизационного кризиса. Среди многих его составляющих есть как идеологический, политический, экономический, социальный культурно-духовный, так и образовательный моменты. Соотнесенность моментов в сознании реформаторов зависит от понимания особенностей цивилизации и общественной динамики. Актуальные версии сути цивилизации все еще предварительны, несут высокую эмпиричность [11]. При концептуализации и понятизации не используются преимущества диалектической или, в терминах Гегеля, «разумной» логики [10]. Принципиальная роль в углублении воззрений при использовании этой логики, в том числе относительно механизма и динамики общественного развития, нами была осознана в связи с разработкой перспективного метода работы с текстами в реализации функций понимания, критики и арбитрирования в дискуссиях [1].

«Разумная» форма организованного мышления принципиально меняет способ рассмотрения любого материала представлений, и это продемонстрировано еще в разработках К. Маркса, который показал преимущества формы в постижении глубоких оснований внешних явлений, выявлении сути происходящего. В рамках марксизма приоритет такой формы был официально оформлен и в революционном движении, и в практике созидания и укрепления СССР, а также в стандартах философского обеспечения управления страной. Было осознано, что для постановки и решения принципиальных проблем в управлении обществом, особенно в периоды качественных переходов, кризисов или развития, следует существенно повысить требования к субъективным качествам аналитика, разработчика решений. Требуется серьезная коррекция механизма образовательной сферы. Необходимо вести соответствующие поиски новых принципов, методов и средств проектирования и конструирования образовательных систем, а также создавать пробные образцы фрагментов этих систем. С 1988 года мы осуществляли особые разработки инновационной направленности методов и средств общекультурной, интеллектуальной и мотивационной трансформации субъективности при существенном повышении притязаний на уровень профессионализма в управленческой, научной, педагогической, аналитической и методологической деятельности. Был разработан стандарт базисных мыслительных средств универсальной значимости для рефлексивной самоорганизации в любом типе деятельности [12]. Благодаря этой линии разработок мы перешли от общестратегической проектной и критической мыследеятельности к ее макроформе и созданию версий будущего России и мирового проекта с учетом мировой истории.

В концепции применяется метод Гегеля, предполагающий выделение исходной «клеточки», в которой выражается суть явлений, потенциал всего того, что потом выращивается из нее. Поэтому было введено категориальное понятие образования, выявлено соотношение заказчика на приобретение необходимых способностей, образующего как организатора действий и рефлексии образуемого, а также определены функциональные места для всех типов сервиса базисного процесса. Затем осуществлялось порождение основанного из основания в рамках «псевдогенеза» ряда качественных переходов в «развитии». Специфика образовательной системы состоит в том, что образуемый с возрастом изменяется органически и субъективно, а это стимулирует модификацию всеобщего подхода под каждый возрастной период. Соответственно был разработан особый вариант образовательного «лифта», ориентированного на использование высших форм мышления.

Педагогическое воздействие направлено на циклически осуществляемые соотнесения действий и рефлексии ученика в линии самоорганизации, реализации установки на самостоятельное изменение себя. Таким образом, если циклы самоорганизации рассматривать как естественные усилия в реализации заказа (Е уровень), то циклы в позиции педагога подчинены приданию усилиям ученика неслучайного характера, обеспечению их «оискусствления». Сначала это происходит ситуационно на ЕИ уровне, а затем подчиняется высшей неслучайности на ИЕ уровне, адекватном притязаниям, соответствующим как содержанию заказа, так и миссии образования. Эта миссия состоит в подготовке учеников к будущей жизни. Но понимание этого не сводится к исторически меняющимся потребностям общества, а именно к потенциальной необходимости, сути бытия общества, его цивилизационным основаниям с их «всеобщностью» содержания, соответствием сути бытия универсума.

Именно метод Гегеля опирается на сохранение исходных оснований в основанном, на самодвижение потенциального в проявлениях. Поэтому постановка любых учебных задач сохраняет все уровни конкретизации и их основания. Ученик осваивает конкретное, опирающееся на абстрактное, демонстрирует в стадии результата их неслучайное совмещение и может обосновывать в рефлексивной фазе конкретное с опорой

[1] Профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель методологического центра «Цивилизационные стратегии», доктор психологических наук. Автор около 550 научных публикаций, в т. ч. 190 монографий и учебных пособий: «Основы методологического мышления», «Методология: функция, сущность, становление», «Акмеология мышления», «Гегель: мышление и развитие», «Методологическая культура и принятие решений», «Идеология и принятие государственных решений», «Стратегический портрет лидера России», «Теоретическая психология и понятийная парадигма», «Структура. Система. Метасистема», «Аналитика: зов перепарадигматизации», «Онтология и логика», «История и цивилизация» и др. Лауреат премии Президента РФ в области образования.

на абстрактное. Полнота соответствия принципа зависит от этапа образовательного процесса и предполагает накопление результатов каждого периода. В то же время сама форма циклов на каждом этапе имеет свое универсальное, всеобщее и конкретизируемое проявление. Только в этом случае ученик обретает способности быть «видящим и использующим сущность бытия».

Основу образовательного лифта составляет рост потенциала человеческого «духа» в «оискусствлении» естественных предпосылок ученика, в многочисленных переходах от Е к ЕИ, а затем от ЕИ к ИЕ уровням постижения и овладения под руководством учителя. Среди внутренних факторов выделяются те, которые зависят от уровня развитости рефлексии образующего во всех возрастных периодах. Именно слабая выраженность и незначимость в педагогической деятельности этих факторов в осуществлении образовательных, учебных и воспитательных процедур раньше снижала результативность и эффективность роста субъективности ученика. Поэтому утверждение ценности рефлексивной самоорганизации и ученика, и учителя становилось условием роста эффективности и достижения гармонического совмещения сторон единого процесса. В качестве ориентиров в этом устремлении выступали образцы методологической работы, которые опирались на дискуссионную практику самых сложных форм. Момент рефлексии, касающийся субъективной динамики в такой организованной практике мышления, способствовал выделению критериев психологического типа.

Создавая свою версию методологии с акцентом на организацию учебного пространства для будущих и начинающих методологов, мы достаточно быстро осознали необходимость придания психологическим критериям принципиальной значимости. Особую значимость в практике методологической работы обрел переход к игромоделированию [3; 13]. Различие мыслекоммуникации и игромоделирования в его методологической модификации состоит в существенном усилении роли идентификации с персонажами при ведении игры с типовыми ролями, заимствованными в реальной практике систем деятельности. Идентификация переводит акцент с внешнего отношения к содержанию роли на внутреннее, на организацию субъективного потенциала под требования ролевой позиции. Игрок осуществляет весь цикл психологической самоорганизации, характерный для вхождения актера в роль, подробно описанного К. С. Станиславским [2]. Рефлексия поведения игрока сопровождает процесс игромоделирования и организуется игротехником, реализующим функции режиссера-постановщика и ситуационного сценариста [6; 9].

«Главный» игротехник следит не только за реализацией замысла, стратегического сценария, за динамикой ситуационных тактических пересценарирований, действиями игротехнической команды, возможными дополнительными сервисами, исследователями, диагностами, критиками, информационными инженерами и прочими, но и за динамикой идентификации всех и отдельных игроков. Игротехник на методологических консультациях и игротехнических рефлексиях осуществляет коррекцию динамики, пользуясь всеми уровнями парадигмы, включая и психологическую. Богатство и сложность такой работы иерархизированной команды стимулировали введение установок, что именно игротехническая позиция является базисной для развития управленческих, педагогических, аналитических способностей на профессиональном уровне. Позднее мы ввели концепцию универсального аналитического центра на базе методологической парадигмы и отработали ее черты в игромодельной практике при решении проблем стратегического мышления [4; 8].

Таким образом, если рассматривать проблему стратегического «инкубатора» для выращивания новой управленческой элиты страны, а также полноценных команд в различных масштабах управления, то весь комплекс возможностей, рассмотренный нами, предстает как своеобразный культурно-мыслительный и культурно-мотивационный и самоорганизационный лифт, способный резко повысить субъективный и профессиональный потенциал страны, сделать его самым перспективным в мире.

Литература

1. *Анисимов, О. С.* «Метод работы с текстами» и интеллектуальное развитие / О. С. Анисимов. — Москва, 2001. — Текст : непосредственный.

2. *Анисимов, О. С.* Идентификация и самоорганизация актера в сценическом пространстве (Метод К. С. Станиславского и игротехника) / О. С. Анисимов. — Москва : Угрешская тип., 2013. — Текст : непосредственный.

3. *Анисимов, О. С.* Качество мышления и парадигма ММПК : [в 2 томах] / О. С. Анисимов. — Текст : непосредственный // Мышление стратега: модельные сюжеты. — Москва, 2021. — Вып. 62.

4. *Анисимов, О. С.* Культура мышления и стратегическое управление: перспектива театрализации / О. С. Анисимов. — Текст : непосредственный // Мышление стратега: модельные сюжеты. — Москва, 2021. — Вып. 68.

5. *Анисимов, О. С.* Методологическая версия категориального аппарата психологии / О. С. Анисимов. — Великий Новгород, 1989. — Текст : непосредственный.

6. *Анисимов, О. С.* Проблемы педагогики и психологии высшей школы (прелюдия игротехнической парадигмы) / О. С. Анисимов. — Москва : Угрешская тип., 2012. — Текст : непосредственный.

7. *Анисимов, О. С.* Психология: теоретические основы : учебное пособие / О. С. Анисимов. — Москва, 2019. — Текст : непосредственный.

8. *Анисимов, О. С.* Развитие аналитики и политическая инноватика / О. С. Анисимов. — Текст : непосредственный // Мышление стратега: модельные сюжеты. — Москва, 2021. — Вып. 71.

9. *Анисимов, О. С.* Упраленческие решения и стратегическая аналитика : [в 2 томах] / О. С. Анисимов. — Текст : непосредственный // Мышление стратега: модельные сюжеты. — Москва, 2018. — Вып. 52.

10. *Гегель, Г. В. Ф.* Наука логики : [в 3 томах] / Г. В. Ф. Гегель. — Москва : Мысль, 1970–1972. — Текст : непосредственный.

11. *Кузык, Б. Н.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : учебник / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. — Москва : Ин-т экон. стратегий, 2008. — Текст : непосредственный.

12. Понятийная парадигма аналитики (общий стандарт) «100 схем» / под редакцией О. С. Анисимова. — Москва : Печатный двор, 2019. — Текст : непосредственный.

13. *Щедровицкий, Г. П.* Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Изд-во шк. культ. политики, 1995. — Текст : непосредственный.

А. Н. Бакушина[1]

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ

Первый педагогический конгресс, организованный специалистами Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, был проведен в 2015 году. Главная идея и смысл таких конгрессов заключаются в проведении регулярных обсуждений профессиональным сообществом и совместного поиска возможностей, перспективных путей повышения качества общего образования, соответствующего времени, вызовам современного общества, запросам нового поколения учащихся и потребностям самих учителей в самореализации своего творческого потенциала.

Организаторам конгресса было важно создать переговорную площадку для педагогов на базе «Вышки», поддержать диалог и обмен опытом не только между учителями Санкт-Петербурга, но и между представителями регионов, расширить межрегиональное сотрудничество.

Опыт организации и проведения конгрессов получил поддержку педагогической общественности, и стал формироваться широкий круг научных и практических работников, заинтересованных в сотрудничестве с Высшей школой экономики Санкт-Петербурга и активном участии в подготовке самих форумов.

В результате практика проведения ежегодных конгрессов трансформировалась в долговременный педагогический проект взаимодействия высшей и средней школы в решении проблем повышения качества общего образования. Задача проекта — стимулирование формирования у педагогов и управленцев общеобразовательных школ опыта самооценки, самоанализа своей профессиональной деятельности путем выявления и поддержки перспективных образовательных проектов.

Можно утверждать, что конгресс обладает существенными возможностями для влияния на образовательную практику.

1. Конгресс имеет возможность принимать непосредственное участие в решении проблем профессионального развития учителей и администрации общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и других регионов России. Возможности конгресса используются для повышения уровня компетентности широкой педагогической общественности, поскольку он представляет собой коллективную деятельность, включающую изучение экспертного мнения научных работников и педагогов, ориентированную на выявление актуальных проблем развития школьного образования и способов их решения в современных условиях.

2. Конгресс как форма сотрудничества педагогического сообщества со специалистами Высшей школы экономики и других вузов Санкт-Петербурга и страны позволяет реализовать потенциал педагогов, способных компетентно выявлять, анализировать существующие педагогические проблемы, предлагать для обсуждения профессиональному сообществу способы их решения и вести опытно-экспериментальную исследовательскую работу на базе общеобразовательных школ.

3. Педагоги в процессе подготовки к конгрессу имеют возможность получать представления о взглядах авторитетных ученых, экспертов в области образования, методистов, учителей и управленцев-практиков; могут на их основании формировать собственные представления о достижениях, проблемах и возможных способах их решения в своих образовательных учреждениях; могут предъявить собственную образовательную и (или) управленческую практику и получить различные оценочные суждения по ее развитию.

Таким образом, в процесс подготовки каждого конгресса вовлекается широкий круг специалистов, проводящих аналитическую и конструктивную деятельность. Каждый потенциальный участник определяет для себя, над чем стоит подумать, как оценить собственный профессиональный опыт, какие идеи проверить на практике, на какие новые явления в образовательной практике следует обратить внимание. Задача организаторов заключается в том, чтобы в процессе подготовки к очередному конгрессу не только выявить успешный опыт решения актуальных педагогических и управленческих задач, но и стимулировать выдвижение новых, прорывных идей, постановку новых проблем.

4. В рамках педагогического проекта реализуются шесть направлений.

— *Ежегодное масштабное анкетирование потенциальных участников конгресса* (учителей, представителей администраций школ, учащихся старших классов, если тема форума требует учета мнений обучающихся, управленцев и заинтересованной педагогической общественности из Санкт-Петербурга и других регионов РФ), на основании которого регулярно готовятся и издаются информационно-аналитические бюллетени, являющиеся как предметом дискуссий на самих конгрессах, так и источником для дальнейших педагогических размышлений, самоанализа и обсуждений в образовательных учреждениях.

В частности, в 2022 году по материалам анкетирования потенциальных участников был подготовлен и издан информационно-аналитический бюллетень в соответствии с тематикой конгресса: «Кого воспитывает современная школа?». Цель издания этого бюллетеня заключалась в подготовке к участию педагогов и управ-

[1] Начальник методического отдела Центра довузовских программ, доцент Высшей школы экономики, кандидат педагогических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Цифровое неравенство школ как предмет исследования» (в соавт.), «Школа готовит к будущему: в чем проблемы? Задачи из жизни педагогов и администраторов», «Изучение общеобразовательных дисциплин: педагогические достижения учителей», «Успешный ученик = успешный выпускник = успешный специалист?», «Общественные науки в школе и в жизни: методический навигатор» и др. Член Координационного совета по опытно-экспериментальной и инновационной деятельности Петроградского района г. Санкт-Петербурга. Почетный работник общего образования РФ.

ленцев в восьми круглых столах, которые впоследствии и прошли в рамках VIII Педагогического конгресса. К обсуждению материалов анкетирования были привлечены не только все заинтересованные в поиске ответа на поставленный вопрос, но и приглашенные эксперты (специалисты, работающие в разных образовательных организациях Санкт-Петербурга: в районных информационно-методических центрах, в государственных и частных школах, в системе дополнительного образования и вузах различной направленности).

Задача экспертов заключалась в постановке таких проблемных вопросов, которые могли бы вызвать дискуссию и стать предметом обсуждения на конгрессе, при этом ответов на поставленные вопросы они не должны были давать.

— *Ежемесячное проведение вебинаров* для уточнения логики, смысловых линий и проблематики конгресса, различных форм (пленарных заседаний, круглых столов, проблемных и тематических секций), перечня вопросов, которые становятся предметом обсуждения на этапе разработки программы предстоящего мероприятия с приглашением внешних экспертов из различных образовательных организаций и управленческих структур Санкт-Петербурга.

Так, программа VIII Педагогического конгресса включала восемь круглых столов, объединенных общей темой: «Школа в ситуации выбора»; восемь проблемных секций: «Система воспитания в современной школе: возможные варианты», внутри которых были выделены еще три группы проблемных секций: цели воспитания, процесс воспитания, субъекты процесса воспитания. Завершали программу восемь тематических секций на тему «Чему учит опыт образовательных проектов?».

— *Традиционные встречи с директорами топовых петербургских школ*, которые выполняют функции расширенного заседания программного комитета конгресса. Цель таких ежегодных встреч заключается в обсуждении новой программы дополнительного профессионального образования под тематику и смыслов предстоящего крупномасштабного события — конгресса. Поэтому содержательным фокусом обсуждения с директорами образовательных учреждений Санкт-Петербурга являются темы ценностных ориентаций и самоопределения участников образовательного процесса, исходя из оценки своего воспитательного потенциала и способов его реализации; нового поколения детей и, соответственно, необходимости подготовки педагогических кадров для работы в новых условиях.

— *Ежегодная разработка и реализация программ дополнительного профессионального образования* для администрации и учителей общеобразовательных школ Санкт-Петербурга (на базе «Вышки») и иногородних коллег (онлайн) с приглашением специалистов различных научных школ, с различными подходами и собственным мнением на ту или иную проблему, выносимую на конгресс, выступающих в качестве профессиональных экспертов.

Слушатели программ, по замыслу организаторов конгресса, должны стать его активными участниками, то есть выступить либо в роли модераторов секций (круглых столов), либо в роли докладчиков с собственным образовательным проектом, либо в роли оппонента чужого опыта.

— *Регулярное (ежемесячное) проведение индивидуальных и групповых консультаций* для предполагаемых выступающих на конгрессе в онлайн- и офлайн-форматах с привлечением широкого круга профессионального сообщества, где происходит обсуждение и экспертная оценка образовательного проекта (представленного опыта).

Цель таких консультаций: помочь заявителю выявить новизну в представленном опыте; изложить предлагаемый к обсуждению опыт как решение актуальной педагогической (управленческой) проблемы, а не описывать частную ситуацию; определить задачу своего сообщения.

— *Привлечение в качестве активных участников конгресса магистрантов программы «Управление образованием» филиала Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге*, которые обеспечивают информационное и методическое сопровождение процесса подготовки к форуму в течение учебного года: отбирают поступающие в оргкомитет сообщения с точки зрения их значимости для обсуждения новых актуальных проблем развития образования; пишут на них отзывы; консультируют практических работников по поступившим текстам сообщений; выступают в качестве оппонентов и аналитиков на самом конгрессе.

Цель такой работы заключается в повышении качества сообщений, отбираемых для конгресса, а задача — помочь претендентам на выступление ответить на три ключевых вопроса: о чем говорить, как говорить и для чего говорить?

Магистранты, участвующие в работе конгресса в роли оппонентов, должны раскрыть в своих выступлениях суть обсуждаемых вопросов; в роли модераторов секций — уметь точно определять задачу предлагаемого сообщения и предмет обсуждения на секции, быть способными организовать эффективную дискуссию; в роли аналитиков — формулировать исследовательский вопрос (проблему) и давать обоснованный ответ на него. Общие вопросы, на которые отвечают аналитики любой секции: «Что вы думаете об услышанном и увиденном на конгрессе?», «Какие мысли о проблемах управления образовательными системами у вас появились?» Результатом данной работы является аналитический доклад: «Конгресс учителей в отдельных суждениях, замечаниях, наблюдениях».

Таким образом, полученная в процессе длительной подготовки к конгрессу информация и персонализированное сопровождение его потенциальных участников способствуют профессиональному развитию педагогов, поскольку:

— служат источником для личных размышлений педагогов, управленцев;

— позволяют получить и сопоставить различные оценочные суждения на происходящие события, явления, процессы и выбрать собственную позицию;

— способствуют критической самооценке своего профессионального опыта;

— определяют пути дальнейшего развития методической системы педагога и необходимость выявле-

ния и описания различных направлений совершенствования системы образования;

— способствуют установлению профессиональных контактов с коллегами, развивают горизонтальные связи в профессиональном сообществе;

— создают дополнительные возможности для познавательной и исследовательской деятельности учителей;

— отвечают на вопросы о том, возможно ли использовать полученную информацию в своей практике, что можно изменить и как это сделать.

В поиске ответов на поставленные вопросы у педагогов и управленцев от образования возникает готовность к профессиональному самоопределению, самоанализу собственных возможностей; «возрастает роль субъективного фактора в развитии системы образования: педагогам нельзя, да и не нужно навязывать какую-то позицию, но можно повлиять на их профессиональное развитие и ценностные ориентиры» (О. Е. Лебедев), о чем свидетельствует анализ представленного опыта подготовки и проведения восьми педагогических конгрессов.

Э. В. Барбашина[1]

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Переход современного общества в постиндустриальную эпоху сопровождается рядом требований к системе образования. Актуальность выполнения этих требований возрастает с учетом того, что система высшего образования в России находится в кризисной ситуации. Это проявляется в несоответствии квалификации выпускников вузов требованиям современного рынка труда, сравнительно низком уровне внедрения новых образовательных технологий, недостаточной сформированности профессиональных и личностно значимых компетенций. Сложившаяся ситуация предполагает отказ от развития образования как механизма передачи знаний в пользу развития образования как механизма адаптации российского общества к быстроменяющимся экономическим, социальным процессам. Одним из способов, позволяющих достичь этой цели, является формирование навыков критического мышления.

Владение критическим мышлением — одно из требований, которое современное общество предъявляет к человеку. Критическое мышление предполагает не только и не столько владение предметными знаниями (хотя это и является обязательным изначальным условием), сколько умение правильно рассуждать, обосновывать получаемые выводы. Такое мышление не является чем-то принципиально новым. Истоки формирования отдельных составляющих современного критического мышления укоренены в вопрос-ответном методе Сократа, учении об истине Платона, формальной логике Аристотеля, борьбе с идолами Бэкона, учении о методе Декарта, проработке трансцендентального субъекта Канта. Современные представления объединили предшествующие наработки в области критического мышления, развили их с учетом требований, предъявляемых к человеку в экономико-политической, социальной, личностно значимой сферах.

В современности сформировалось несколько основных подходов к пониманию критического мышления: философский, психологический, педагогический, медийный.

Специфика *философского подхода* заключается, во-первых, в акцентировании логической составляющей критического мышления[2]; во-вторых, в рассмотрении абстрактного идеального субъекта, применяющего навыки критического мышления[3]. Другими словами, речь идет о реализации критического мышления в идеальных условиях, в которых не учитываются «жизненные» препятствия: личные или ситуационные. В рамках данного подхода критическое мышление рассматривается преимущественно в трех более общих контекстах: первый — историко-философский; второй связан с более общими проблемами познания, знания, мышления; третий — с вопросами личностного развития.

Особенность *психологического подхода* к пониманию сущности критического мышления проявляется в сосредоточенности на условиях, ограничивающих его. В отличие от философского, речь идет о «препятствиях», то есть выясняется, «что именно и насколько мешает»[4], причем вопрос о том, что есть само критическое мышление, зачастую не ставится, а его концептуализация не осуществляется. В рамках психологического подхода изучаются «ментальные процессы, стратегии и представления, которые люди используют для решения конкретных проблем, принятия решений и изучения новых концепций»[5]. Здесь критическое мышление определяется по типам поведения

[1] Заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, доктор философских наук, профессор отдела аспирантуры Института философии и права Сибирского отделения РАН. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Методология науки и логика», «Проблемы медицинского нарратива», «Эпистемологические основания фактчекинга в условиях постправды», «Necessity of Critical Thinking in Solving Vital Problems», «Problems of On-line Education in Modern Russia and Ways to Minimize Them» и др.

[2] *Thayer-Bacon B. J., Martin J. R.* Transforming critical thinking: Thinking constructively. N. Y., NY : Teachers College Press, 2000.

[3] *Sternberg R. J.* Critical thinking: Its nature, measurement, and improvement. Washington, DC : National Inst. of Education, 1986. URL: http://eric.ed.gov/PDFS/ED272882.pdf (дата обращения: 27.03.2022).

[4] *Guyote M. J., Sternberg R. J.* A transitive-chain theory of syllogistic reasoning // Cognitive Psychology. 1981. № 13. P. 461–525.

[5] *Sternberg R. J.* Op. cit.

и его формирование включает перечень навыков, которые выполняются человеком в конкретной ситуации. Акцент ставится на умении задавать, диагностировать вопросы, классифицировать ответы, а также интерпретировать тексты[1].

Педагогический подход характеризуется повышенным вниманием к алгоритмам формирования и способам определения уровня критического мышления[2] и его совершенствования[3]. Эти процессы разрабатываются в зависимости от возраста учащихся, их способностей, а сам подход реализуется, в отличие от предыдущих, в прикладном варианте[4]. Педагогический подход основывается на эмпирических данных, полученных в процесс обучения в классах, и предназначен для практического использования. С одной стороны, эмпирическое основание является преимуществом; с другой — как правило, педагогические теории не обладают ясным эпистемологическим статусом (в отличие от философских или психологических).

Активное развитие *медийного (коммуникативно-медийного)*[5] *подхода* к критическому мышлению обусловлено снижением авторитета института экспертов, ростом фейковых новостей, формированием виртуальной реальности. В ситуации «постправды» умение «работать» с постоянно возрастающим количеством информации является необходимым для интеллектуального и морального выживания. В рамках данного подхода к критическому мышлению приоритет отдается навыкам работы с информацией: «интеграция всей возможной информации»[6], анализ, систематизация, верификация и др.

Как показывает анализ литературы, требования к критическому мышлению делятся на две группы. Первая связана с когнитивными навыками, вторая — с установками, «интеллектуальными добродетелями» личности.

Своеобразный «общий список» навыков был составлен на основе опроса 46 экспертов и позволил в некоторой степени «примирить» различные подходы к пониманию критического мышления. В него входят: интерпретация, анализ, оценивание, заключение, объяснение, самопроверка и самокоррекция[7].

Интерпретация — это умение понимать личностно значимый смысл текста, а также выявлять ценности, убеждения, заблуждения, выраженные в тексте. *Анализ* предполагает определение вида аргументации, ее правильности и соотнесение с обсуждаемыми вопросами. В анализ также входит сравнение идей, теорий, понятий (категорий), то есть соотнесение доказываемой точки зрения с уже существующими. Следующей характеристикой критического мышления является *оценивание* истинности/ложности предъявляемых аргументов, содержательный анализ и квалификация их как слабых либо сильных. Процесс оценивания предполагает расширенную «обработку» предшествующих рассуждений и формулировку следствий или, другими словами, реализуется как «требование проверки дополнительных доказательств» и «альтернатив»[8].

Важным навыком критического мышления является *объяснение*. Оно включает обоснование выбора тех или иных методологических процедур и состоит из трех шагов. Сначала определяются «доказательные, концептуальные, методологические, критериальные, контекстуальные» основания решения проблемы. На втором шаге доказывается правомерность сделанного выбора. На третьем осуществляется «работа с возражениями», то есть моделируются возможные возражения и разрабатываются ответы на них.

Цикл критического мышления завершается *самопроверкой* рассуждений и выводов, определением причин, которые могли исказить процесс критического мышления. К ним относятся эмоции, стереотипы, когнитивные искажения и др. В случае их обнаружения и определения большой значимости следует принять шаги к их устранению.

Безусловно, рассмотренные выше навыки критического мышления являются необходимыми. Однако владения ими недостаточно для того, чтобы процесс свершился. Именно поэтому вторая группа требований включает установки (диспозиции) критического мышления. К ним относится *ориентация на поиск истины*, то есть исключение «интеллектуального жульничества». Это предполагает работу со всеми вариантами решения проблемы, а не только с теми, которые соответствуют получению желаемого вывода. Следующими важными качествами являются *толерантность, пластичность* мышления. Эти качества предполагают потенциальную готовность изменить собственную точку зрения и признать ошибки (при наличии убедительных аргументов). Они проявляются в терпимости к другим точкам зрения и отсутствии догматизма. Третьим важным качеством выступает *стремление к образованности*, поиску новой информации, ее анализу и систематизации. Четвертое качество заключается в *ориентации на разум*, на формирование себя как рационального агента. Не менее важным является готовность интеллектуально трудиться и не заниматься упрощениями. Вышеперечисленные характеристики «переводят» критическое мышление из возможного уровня в действительный.

Необходимость формирования навыков критического мышления в системе высшего образования обусловлена рядом причин. Первая связана с самим образовательным процессом. Освоение всех академических дисциплин предполагает не только запоминание и воспроизводство материала, но и его понимание, анализ, систематизацию, концептуализацию, а также умение выделять глав-

[1] *Willingham D. T.* Critical thinking: Why is it so hard to teach? // American Educator. 2007. № 13. P. 8–19.

[2] *Renzulli J. S.* The enrichment triad model: A guide for developing defensible programs for the gifted and talented // Gifted Child Quarterly. 1976. № 20 (3). P. 303–326.

[3] *Arends R. I.* Learning to teach. N. Y. : McGraw-Hill, 2012.

[4] *McPeck J. E.* Critical Thinking and Education. N. Y. : St. Martin's Press, 1981 ; Reflective Teacher Education: Cases and Critiques. Albany, NY : SUNY Press, 1991.

[5] Media Literacy versus Fake News: Critical Thinking, Resilience and Civic Engagemen // Medium Studies. 2019. Vol. 10, № 19. P. 29–45.

[6] *Warnick B., Inch E.* Critical Thinking and Communication. 2nd ed. N. Y. : Macmillan, 1994.

[7] *Facione P. A.* Critical thinking: A statement of expert consensus for purposes of educational assessment and instructions. Research findings and recommendations. Millbrae, CA : California Academic Press, 1990.

[8] *Facione P. A.* Op. cit. P. 11.

ное и отбрасывать второстепенное. Навыки критического мышления выполняют функцию своеобразных фильтров, через которые проходит информация.

Следует отметить, что предметные знания также являются обязательным, но недостаточным условием развития критического мышления. Более того, характеристики критического мышления являются универсальными, но то, как они применяются, зависит частично от предметной области. Например, в сфере экологического образования важно, чтобы обучающийся был способен методологически правильно проводить операции сравнения на основе данных, анализа, синтеза, обобщения, ограничения, а также распознавать и исправлять несоответствие. В сфере медийного образования важнее умение «исследовать убеждения, предположения и мнения и сопоставлять их с фактами»[1]. Необходимость формирования критического мышления подкрепляется формализованной причиной — требованиями Федерального государственного образовательного стандарта. В большинстве образовательных стандартов (ФГОС++) системное и критическое мышление является первой универсальной компетенцией как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры.

Требования современного рынка труда отличаются от предшествующих и требуют умения решать многоаспектные задачи в условиях неопределенности, работать с абстрактными схемами и символами. Растет спрос на работников, которые способны выполнять нерутинную работу, осуществлять аналитико-системную деятельность. Гибкость мышления, способность обучаться на протяжении жизни, открытость к инновациям также стали актуальными требованиями на рынке труда. На основе опроса экспертов в рамках Всемирного экономического форума сделан вывод о том, что критическое мышление является необходимым качеством современного профессионала и должно формироваться в процессе обучения[2].

В настоящее время происходят структурные изменения в экономике, повышается уровень технологического прогресса, с каждым днем возрастает количество информации. Следовательно, в современном мире увеличивается потребность в обработке данных, оценке идей и анализе аргументов, в умении принимать самостоятельные и ответственные решения. В этих условиях особо важными и даже жизненно необходимыми становятся навыки критического мышления — как в социальных, так и в межличностных контекстах.

Наряду с требованиями рынка труда современный выпускник должен (вынужден) ориентироваться в политико-идеологической сфере, разбираться в происходящих социально значимых процессах. Для этого также необходимы навыки критического мышления. Умение работать с поступающей информацией, оценивать достоверность аргументации и получаемых выводов, стремление к истине — это навыки, которые были проанализированы выше как навыки критического мышления. И они же помогают отличать ложь от истины, ориентироваться в мире «постправды».

Жизнь человека, кроме учебы и работы, неизбежно связана с межличностным взаимодействием и взаимодействием в рамках той или иной социальной группы. Успешная коммуникация предполагает умение формулировать проблему, анализировать существующие варианты ее решения, принимать аргументированное решение, рассматривать альтернативные варианты и многое другое, что также относится к навыкам и установкам критического мышления.

Как показал проведенный выше анализ, формирование критического мышления является действенным способом минимизации кризисных явлений в сфере образования и трансформацией его в механизм адаптации российского общества к изменяющимся экономическим, социальным процессам.

---

[1] *Petress K.* Critical Thinking: An Extended Definition // Education. 2004. Vol. 24, № 3. P. 461–467.

[2] New Vision for Education: Fostering Social and Emotional Learning through Technology. World Economic Forum 2016. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_New_Vision_for_Education.pdf (дата обращения: 12.05.2022) ; The Future of Jobs Report 2018 / Centre for the New Economy and Society. World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

Г. М. Бирженюк[1],
Н. С. Сафронов[2]

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

Университеты занимают особое место как в образовании, так и в целом в культуре. Возникновение средневековых университетов было обусловлено развитием экономики, философских течений, науки в целом, ростом количества городов и численности городского населения. С одной стороны, эти университеты были порождением современной им цивилизации, с другой — именно они создали эту цивилизацию, отличающуюся новой картиной мира, уровнем жизни, способом мышления, порождающим особую ментальность, в которой наука постепенно брала верх над символизмом и схоластическим богословием. На протяжении более 800 лет университеты являлись ресурсом развития социума и культуры[3], соответствуя требованиям времени и запросам общества, решая в единстве задачи развития науки и человеческого капитала поколений, которые должны были отвечать на самые разнообразные вызовы.

Существует известное выражение, которое приписывают Отто фон Бисмарку: «Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники»[4].

Эта мысль о связи образования и успешности (или неуспешности) той или иной страны в решении актуальных задач — военных, политических, экономических, социальных и тому подобных — вспоминается каждый раз, когда заходит разговор о современных университетах и, шире — об отечественном образовании. В ней высвечиваются крайне важные моменты: во-первых, эффективность образования проявляется в острые моменты истории; во-вторых, образование осуществляется задолго до того, как история предъявит нации свой вызов, и его эффективность проверяется будущим.

Война — это только один из вызовов, остроту которого можно снизить различными дипломатическими и иными методами, выработанными человечеством на протяжении своей драматической истории. Другие вызовы предвидеть и локализовать, а тем более найти адекватный ответ крайне сложно и часто невозможно. Речь идет о будущем, которое развивается по своим законам, большинство которых пока не познано. Ясно одно: скорость изменений огромна, а их направление чаще всего непредсказуемо. Линейное и предсказуемое развитие цивилизации сменилось турбулентным и непредсказуемым.

В частности, как это ни парадоксально, будущее — это в определенном смысле враг образования. Парадокс состоит в том, что образование — это практически единственный институт, ответственный за формирование поколений, которые должны быть готовы к будущему, соответствовать ему и обеспечивать дальнейшую динамику общества будущего. Однако образование всегда отстает от того, что в публицистике называется требованиями времени. И. Е. Видт достаточно убедительно показала взаимосвязь, изоморфность культуры и образования, сформулировав «закономерности эволюции образовательных моделей, состоящие в том, что признаки культуры репрезентируются в признаках образовательной модели»[5]. Можно согласиться с автором, что «процедура смены образовательных моделей состоит в том, что <…> „чистые“ типы образования в соответствующей им культуре занимали статус актуального, они явились результатом сложения разнонаправленных векторов (традиционного и потенциального), вобрав в себя наиболее эффективные идеи и решения», и они «обязательно адекватны культурным реалиям соответственно прошлой и будущей культуры»[6]. Согласиться с автором можно только в части ретроспективного анализа смены типов образования и их адекватности как прошлой, так и будущей культуре.

---

[1] Заместитель председателя Ученого совета, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Действительный член Академии туризма. Почетный профессор Таджикского государственного института искусств им. М. Турсун-заде. Почетный профессор СПбГУП.

[2] Академик Российской академии художеств, декан факультета культуры и искусств Ульяновского государственного университета, профессор, народный художник РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Иконическое изображение и тайна православной иконы», «Кураторство как феномен культуры XX — начала XXI века», «Машина культуры управляется арт-рынком», «Искусство как форма и сфера диалога культур», «Школы в науке и искусстве как форма онтологической репрезентации социальных эстафет» (в соавт.) и др. Почетный член Украинской академии художеств и Казахской национальной академии искусств им. Т. К. Жургенова. Почетный гражданин Ульяновской области. Награжден орденом «Почетный гражданин России», Благодарностью Президента РФ и др.

[3] *Ладыжец Н. С., Неборский Е. В.* Университетский барометр: мировые тенденции развития университетов и образовательной среды // Науковедение : интернет-журнал. 2015. Т. 7, № 2. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/68PVN215.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

[4] Есть версия, что звучало оно иначе и автором был Оскар Пешель, географ и антрополог из Дрездена, чуть позже профессор Лейпцигского университета, современник Бисмарка. В статье 1866 года, опубликованной им в газете «Заграница», автор писал об австро-прусской войне, в ходе которой состоялась битва при Садове: «…Народное образование играет решающую роль в войне… когда пруссаки побили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» (см.: Моя малая энциклопедия заблуждений. Популярные мифы и стереотипы. URL: https://vk.com/book_of_delusions (дата обращения: 10.04.2022)).

[5] *Видт И. Е.* Образование как феномен культуры: эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. С. 10.

[6] Там же. С. 98.

Проведенный анализ охватывает значительные временны́е пласты, уходящие корнями в далекое прошлое. В цитированной выше работе фиксируется факт запаздывания образования по отношению к культуре, что можно интерпретировать как определенную автономность данного социального института. В организационном плане это можно объяснить инертностью образования как объекта управления, поскольку этот объект насчитывает десятки тысяч образовательных учреждений разного уровня, в них трудятся сотни тысяч людей, всем этим управляет многоуровневая система комитетов, отделов и других структур.

Актуальна ли предложенная объяснительная схема для дня сегодняшнего? Вопрос о содержании образования был актуальным во все времена. Университетское образование возникло как ответ на потребность общества и государства в специалистах, владеющих знаниями и технологиями в конкретных областях — медицине, юриспруденции и т. д.

В средневековых университетах (Болонский, Парижский, Оксфорд, Гарвард) сложилась система обучения, которая позже получит название «поддерживающей» модели образования. Суть ее состояла в том, что она обеспечивала передачу знаний от педагога к студенту. Содержание обучения составляли знания, передаваемые педагогами обучаемым. Эти знания, добытые в прошлом и осваиваемые в настоящем, предназначались для использования в будущей практической деятельности выпускника и обеспечивали успешность его профессиональной деятельности на протяжении всей жизни. Эта модель была вполне адекватна темпам развития науки того времени, когда знания обновлялись примерно раз в сто лет.

Однако в XVIII–XIX веках произошла научно-техническая революция, в ходе которой резко ускорились темпы смены научных парадигм в большинстве отраслей знания, как естественно-научного, так и гуманитарного. В конце XX — начале XXI века во многих областях науки знания начали сменяться чуть ли не ежегодно, при этом образовательный процесс в основных формах сохранил сходство с первыми университетами Европы: направленность обучения от педагога к студенту, лекции, семинары, лабораторные занятия.

В 1974 году был опубликован доклад Римского клуба, который назывался «Нет пределов образования». В нем поддерживающий тип образования был подвергнут критике по многом параметрам, основные из которых — ориентация на государственный заказ в области подготовки специалистов для той или иной сферы, а также авторитарность процесса обучения, доминирование в нем педагога.

В этом же докладе в качестве перспективного был обозначен гуманистический подход в образовании, сутью которого была ориентация на потребности человека. В рамках данного подхода цели образования определяются на основе изучения развития человека, и критерием отбора изучаемых дисциплин и их содержания становятся те качества, которые личность хочет видеть на каждом этапе своего развития.

Спустя почти полвека после опубликования доклада Римского клуба мы можем констатировать, что условия существования и развития человеческого социума изменились настолько, что прежние подходы, включая гуманистический, оказались явно недостаточными. Главной особенностью современного периода является невиданная прежде скорость перемен практически во всех сферах социальной практики. Ведущим фактором здесь выступает развитие цифровых технологий, радикально меняющих не только технологическую среду обитания человека, но и социальную, психологическую, культурную, образовательную и иные среды.

Это породило множество попыток осмыслить происходящие перемены. Возникли концепции индустриального и постиндустриального общества, теория постмодерна (Р. Арон, З. Бауман, Д. Белл, Ж. Бодрийяр, В. Л. Иноземцев, Ж. Ф. Лиотар, А. Турен)[1], парадигмы новой научной революции[2], «сверхиндустриальной революции»[3], «информационной революции», «информационной эпохи», «информационного общества» (И. Масуда и П. Ф. Друкер)[4], «информационального способа развития»[5], «цифрового общества», 3-й и 4-й промышленных революций[6] и др. Время заняло прочное место в исследованиях философов, социологов, экономистов, что отразилось в появлении новой терминологии: «текучая современность» (З. Бауман)[7], «ускользающий мир» (Э. Гидденс)[8], «третья волна» (Э. Тоффлер)[9], «общество непредвиденных последствий» (С. Лэш)[10].

Особенность переживаемого ныне момента в истории состоит в скачкообразном изменении темпов технического прогресса. Если соотнести темпы прогресса со средней продолжительностью человеческой жиз-

[1] *Aron R.* Dix-huit lecons sur la societe industrielle. P., 1962 ; *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80 ; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2004 ; *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006 ; *Иноземцев В. Л.* Постмодерн // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 296–297 ; *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 1998 ; *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y., 1971.

[2] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2001.

[3] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.

[4] *Masuda Y.* Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983 ; *Druoker P.* The Information Revolution // Forbes ASAP. 1998. № 6. P. 1–9.

[5] *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.

[6] *Abelson P. H.* A Third Technological Revolution // Science. 1998, 27 Mar. Vol. 279, № 5359. URL: http://science.sciencemag.org/content/279/5359/2019.1 (дата обращения: 25.02.2017) ; *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Kindle Edition, 2016 ; *Floridi L.* The 4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford, 2014 ; Digital Transformation Monitor Germany: Industrie 4.0. 2017. Jan. URL: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf (дата обращения: 20.04.2018) ; Industrie 4.0. Study for the ITRE Committee. 2016. Febr. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU(2016)570007_EN.pdf (дата обращения: 20.04.2018) ; Fourth Industrial Revolution // World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/agenda/archive/fourth-industrial-revolution (дата обращения: 08.06.2018).

[7] *Бауман З. Б.* Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008.

[8] *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

[9] *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004.

[10] *Lash S.* Critique of Information. L. ; Thousand Oaks, 2002.

ни или жизни одного поколения, то нетрудно убедиться, что «за чрезвычайно короткий отрезок времени (в историческом масштабе практически одномоментно) современное человечество вступило в эпоху, когда коренные изменения технологической и, как следствие, социально-экономической инфраструктуры происходят за время одной человеческой жизни многократно»[1].

Эти изменения отразились на теории и практике университетского образования. На смену концепции корпоративного университета, зародившейся в XIII веке (корпорация профессоров и студентов), пришла концепция исследовательского университета, вдохновителем которой был В. фон Гумбольдт, считавший принципиально важным сочетание научной и обучающей деятельности. Одновременно возникали теории «интеллектуального университета» (Дж. Ньюмен), «университета культуры» (Х. Ортега-и-Гассет), ориентированные на развитие свободного мышления студентов и содействие тем самым развитию гражданского общества.

Им на смену пришла концепция технократического университета, отражающая возросшие потребности общества в развитии технологий, бизнеса, экономики, создания новых рабочих мест. Именно в рамках этой концепции оформился компетентностный подход к образованию, получили развитие новые формы организации учебного процесса, делался упор на самообразование обучаемых.

Сегодня быстро развивается концепция биоцифрового университета, где прокламируются сочетание образования в физическом и виртуальном пространствах, использование цифровых платформ[2], расширение образовательного пространства и его перемещение в социальную сеть, что позволит обучаемым получать образование в любое время и в любом месте[3].

Понятно, что как таковой университет в виде корпорации профессоров и студентов, исследовательской структуры из последней модели исчезает. Он превращается в очередную сервисную цифровую платформу. Появится ли университет в следующей модели, покажет время.

Во-первых, здесь превалируют идея и технологии дистанционного образования, эффективность которого пока оставляет желать лучшего. Средний процент тех, кто окончил МООК-курсы (массовые открытые онлайн-курсы), составил приблизительно 15 %. А в целом в США этот показатель находится между 5 и 15 %[4]. «У флагмана мирового онлайн-образования Coursera, на платформе которого можно найти курсы ведущих российских вузов, средний показатель удержания студентов — четыре процента. То есть всего четыре процента доходят до середины курса. Причем студенты не доходят до конца курсов вне зависимости от того, платят они за них или нет»[5].

Во-вторых, практика показывает, что «информационная революция не привела к формированию нового общества знания. Скорее, наоборот — в информационном обществе объективно возникает переизбыток информации, которая характеризуется различным качеством, объективностью, полнотой, формами ее представления и другими компонентами, что ведет к появлению и постоянному усилению так называемого информационного шума. Человек, формируемый в этой информационной среде, складывает для себя весьма противоречивую, мозаичную картину мира, и здесь как раз возрастает роль педагога, который бы помог обучаемому сориентироваться в разнородных информационных потоках. Как представляется, информационная революция усилила и обогатила новыми гранями явления, которые зафиксировали в своих работах представители постмодернизма. Речь идет о том, что в условиях „пост…“ происходит девальвация центрального компонента просвещенческой модели культуры — знания»[6].

В-третьих, турбулентность и непредсказуемость характеризуют сегодня не только сферу науки и технологий, но и сферу труда. Фактом является то, что за время обучения в университете (4–6 лет) некоторые сферы знания и технологии кардинально меняются, а некоторые профессии исчезают. Те же, что есть, изменятся до неузнаваемости. В числе перспективных профессий эксперты называют следующие: онлайн-терапевт, инженер-генетик, биофармаколог, архитектор «зеленых» городов, тайм-менеджер, игромастер, медиаполицейский, гид в сфере космического туризма, экоаналитик в добывающих отраслях[7]. Сбудется ли этот прогноз, можно только гадать, а вот в том, что нынешнему выпускнику университета придется 3–5 раз поменять профессию на протяжении его жизни, можно быть уверенным.

---

[1] *Шестакова И. Г.* Человек и социум в темпоральности цифрового мира : дис. … д-ра филос. наук. СПб., 2020. С. 15.

[2] *Неборский Е. В.* Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0 // Мир науки : интернет-журнал. 2017. Т. 5, № 4.

[3] *Мирошникова О. Х.* Постсовременный университет: взгляд в будущее // Мир науки : интернет-журнал. 2015. Вып. 3. URL: http://mir-nauki.com/PDF/02PDMN315.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

[4] *Мирошникова О. Х.* Указ. соч.

[5] *Спиридонов М.* Ваши курсы не проходят до конца? Вот как это исправить // RB.RU : [сайт]. URL: https://rb.ru/opinion/nezakonchili-onlajn-kursy/ (дата обращения: 10.04.2022).

[6] См.: *Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В.* Институты на перепутье: созидательное разрушение или разрушительное созидание? // Журнал БГГУ. Социология. 2020. № 2. С. 97.

[7] См.: 100 профессий будущего // РБК-Тренды : [сайт]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a7947777002717b (дата обращения: 10.04.2022).

К. Э. Бронзит[1]

ШКОЛА ЖДЕТ ПЕРЕМЕН[2]

Французский философ и социолог Клод Леви-Стросс сказал, что XXI век будет веком гуманитарных наук и психологии, если он будет вообще. И это не про академическую науку и не про поход к психиатру, а про то, какое место каждый человек научится отводить себе в обществе, чтобы в конечном счете вместе со всеми людьми научиться радоваться чуду нашего совместного существования на этой планете.

Начальная и общеобразовательная школа, а потом вуз — это фундамент для всей последующей конструкции, которая называется жизнью человека. Новому веку уже исполнилось 22 года, а школа все та же. И в ней давно пора многое менять.

Будучи режиссером, я для начала скажу несколько слов о нашем среднестатистическом зрителе, откуда он берется и почему так критически невежествен. 80 % зрителей, которые с удовольствием ходят в кино или смотрят фильмы в Интернете, — непрофессиональны. Почему? Проблема в том, что этому не учат ни в школах, ни в университетах. А мое (и не только мое) глубокое убеждение, что этому нужно учиться сызмальства. Выдающийся культуролог Юрий Лотман в свое время написал замечательную книгу «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», в которой он простым и доступным языком рассказал, почему кино нужно учиться смотреть и почему при этом среднестатистический человек находится в глубоком заблуждении, что уж кино-то (от себя добавлю — тем более мультики) он смотреть умеет. Да и с остальными видами искусств дело обстоит не лучше.

Может возникнуть вопрос: а в чем проблема? Действительно, на первый взгляд, проблемы никакой нет. Это всего лишь означает, что у такого человека налицо нехватка гуманитарного образования. Но, как говорит наш знаменитый ученый, специалист по мышлению и человеческому мозгу Татьяна Черниговская, если у человека наблюдается нехватка гуманитарного образования, он видит искаженную картину мира и, следовательно, делает неправильные выводы и принимает неправильные решения. А вот это уже довольно неприятно. Сегодняшней школьной программы не хватает даже для того, чтобы хотя бы минимально решить проблему гуманитарного развития человека.

В школах нас учат совсем другому. При этом мы понимаем, что все эти знания «проклятых» квадратных уравнений, закона Ома и чего-то там еще на 95 % улетучатся из головы в ближайший же год после окончания школы и никогда уже не вернутся по причине своей бесполезности. Оставшиеся 5 % — это думы Андрея о дубе, монолог Чацкого и споры Базарова с Кирсановым. Маловато будет. При этом что с ними делать и как они могут пригодиться, тоже толком не объяснили.

В отсутствие мотивации и интереса к получаемой информации мозг становится ленивым, инертным, он защищается и блокирует сам себя. Мышление развивается не тогда, когда по одной или двум формулам ученик наловчился решать тридцатую по счету задачу, а когда ученик обучен прежде всего работе в информационном поле с информационным потоком, его оперативному анализу, умению делать выводы из сопоставления разной информации, пониманию, какая информация реально пригодится ему лично уже завтра, а какую смело можно отложить на потом, и из каких источников ее вообще имеет смысл черпать.

Дальше — один из самых главных практических навыков: понимание психологии семьи. Как выстраиваются взаимоотношения в семье, почему и в каких обстоятельствах не стоит торопиться ее создавать; психологические аспекты взаимоотношения полов; в чем вообще разница между мужчинами и женщинами не только в пределах уроков биологии; умение быть родителями (а родитель — это профессия, и одна из самых главных в жизни) — нам вообще кто-нибудь говорил об этом в школах или вузах?

Среднестатистический педагог может научить только тому, что знает сам. Если у него нет собственного опыта проживания моментов счастья, как он сможет дать ученикам этот самый важный урок? Ведь какое количество педагогов в школах сами не устроены в личной жизни, страдают от маленьких зарплат, обременены ипотеками, брошены мужьями с детьми на руках, а то и вообще не познали счастья отцовства и материнства! Какой опыт они передадут своим ученикам?

Когда же положительного опыта нет, а есть строгая школьная программа и «методичка», утвержденная различными министерствами, что мы имеем в итоге? Депрессивные настроения и самоубийства среди подростков; миллионы молодых людей, не знающих, что им действительно интересно, чем им заняться и где найти себя, миллионы будущих разводов, поломанных судеб, дети сплошь и рядом растут без отцов, потому что про отцовство мальчикам тоже никто не рассказывал.

Что же нужно сделать?

Несколько простых вещей.

Начать с того, чтобы свести к минимуму власть органов «управления образованием» — пользы от них никакой, а вреда много. Ответственность за состояние школы передать директорам, вплоть до возмож-

[1] Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, художественный руководитель студии анимационного кино «Мельница», заслуженный деятель искусств РФ. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Композиционный способ мышления как основа режиссуры», «Режиссер мультимедиа как профессиональный зритель» и др. Многократный лауреат российских и международных премий в области анимационного кино. Двукратный номинант на премию «Оскар», номинант на премию «Сезар». Член Российской академии кинематографических искусств «Ника», Национальной французской академии кинематографических искусств, Американской академии кинематографических искусств. Лауреат премии Президента РФ.

[2] Доклад подготовлен на основе интервью: Константин Бронзит: Я не испугаюсь, если и у нас в стране выйдет мультфильм про геев или трансгендеров // Daily Storm : [сайт]. 2022. 28 февр. URL: https://dailystorm.ru/kultura/konstantin-bronzit-ya-ne-ispugayus-esli-i-u-nas-v-strane-vyydet-multfilm-pro-geev-ili-transgenderov (дата обращения: 05.07.2022).

ности корректировать учебную программу на местах. Это единственный путь к тому, чтобы школа вздохнула свободно.

Школы, а потом и классы должны стать меньше. Группу в 30 человек контролировать сложно. Самый простой путь — крики и запугивание. Я проходил это в советской школе, мои дети проходят это в современной российской. В огромной школе маленький ученик теряется. Это некомфортное для ребенка ощущение, от которого всего пара шагов до чувства глубокого одиночества и депрессии.

Но дело не только в количестве учеников. Должны быть созданы такие условия, чтобы оскорбления как со стороны взрослых, так и со стороны детей стали абсолютно неприемлемы. Никакого учительского террора и никакого буллинга в детских отношениях. Здесь возрастает значение администрации. С учителями, унижающими детей, необходимо работать, а если не получается убедить, то увольнять, даже если это суперспециалист. С агрессивными детьми в свою очередь должны работать психологи.

Психологи вообще должны стать одними из самых важных людей в школе. Всем педагогам надо поднять зарплату, но психологам — в первую очередь. И требовать от них постоянной (и дружелюбной!) работы с детьми. Администрация, кстати, тоже должна быть дружелюбной. Это не отменяет сказанного выше о больших правах директоров. Но если директор оказывается тираном — извольте выйти вон.

И, конечно, нужна *огромная* работа по переподготовке учителей. Это и по-новому организованные курсы повышения квалификации, и новые программы в пединститутах, и помощь опытных коллег. Понадобится новое поколение педагогов. Главная цель — сделать так, чтобы для учителя самым важным было не прохождение программы и результаты ЕГЭ, а человеческое развитие учеников.

Надо сказать, что эти красивые слова сегодня произносят очень многие. Но как сделать их реальностью? Например, изменить критерии оценки учительского труда. Учителей необходимо награждать не за олимпиады, а за работу с трудными детьми. Не за результаты ЕГЭ, а за совпадение этих результатов со школьными оценками. Возможно, отказаться от современной системы оценок в принципе. Или перейти к системе «накопления баллов» буквально как «школьного капитала ученика». Кстати, обязательно учить финансовой грамотности.

На уроках литературы, возможно, исключить из обязательного списка некоторые романы, такие как «Война и мир», «Отцы и дети», «Преступление и наказание». Они гениальны, но это открывается нам многие годы спустя, уже в сознательной взрослой жизни. В школе же нужно что-то другое — то, что в изучаемой литературе сопрягается с общечеловеческим гораздо быстрее и яснее. Обязательны к прочтению и анализу: «Цветы для Элджернона» (Дэниел Киз) — лучшая книга о жестокости, морали и милосердии; «Белое на черном» (Рубен Давид Гальего) — лучшая книга о детстве; в старших классах — «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, одна из главных книг о том, что происходило в нашей стране в совсем недавнем прошлом и оставило шрам в душе и сознании нескольких поколений.

Есть еще многое: облегчение нагрузки, больший упор на интерактивность, развитие мышления. У детей и родителей должна быть максимальная возможность и свобода выбора предметов и самих преподавателей. Кто-то скажет, что все эти перемены могут снизить качество академического обучения. Возможно. А может быть, наоборот, увеличат мотивацию к учебе. В конце концов, давайте уясним, что в задачи школьного образования не входит подготовка будущих академиков (равно как физиков, химиков и т. д.). В свободной стране при наличии свободного выбора разных видов образования потенциальные академики не пропадут и всегда проявятся. К тому же сейчас речь идет не о поступлении в университет, а о том, чтобы преодолеть травму.

Потом вузы… В них после школы молодежь идет осваивать разные профессии. Четыре-пять лет студенты учатся строить дома, собирать приборы, лечить, снимать кино и еще много чему. Хотя совсем не обязательно, что после стольких лет обучения эти люди будут заниматься даже выбранными профессиями. Между тем с великой долей вероятности мы можем утверждать, что вся эта молодежь очень скоро станет родителями. Но едва ли профессии родителя она будет уделять столько внимания, сколько строительству домов и всему остальному.

Разумеется, гуманитарное образование вовсе не требует от каждого человека стать творческой личностью и обязательно заниматься искусством, но оно научит человека быть «профессиональным зрителем» и «профессиональным строителем» прежде всего своей собственной жизни.

Под занавес вернусь к кинематографу и приведу пример из жизни. Недавно мне по работе нужно было пересмотреть простой, но замечательный и очень смешной мультфильм «Гагарин» — совсем короткий, всего 3,5 минуты. Он был снят более 20 лет назад и с невероятным успехом прошел по всем кинофестивалям мира, получил «Золотую пальмовую ветвь» и был номинирован на «Оскар». Я нашел его в Сети. Под ним есть достаточно много восторженных комментариев. Но много и таких, от которых волосы на голове встают дыбом!

Привожу дословно некоторые из них: «Название мультфильма определяет тот смысл, который автор хотел в него внести, — облевывание советской пилотируемой космонавтики и светлой памяти о первом космонавте Земли»; «Как нужно ненавидеть свою страну, чтобы так назвать неплохой, в общем-то, мультик, превратив его в абсолютный, хотя и достаточно едкий пасквиль»; «Мульт снимался для Запада! И этим все сказано! Ох уж эта антипропаганда! Руки отрывать таким мультипликаторам»; «Авторы попиарились на имени Гагарина»… и еще много в том же духе.

Проблема в том, что люди не могут произвести в голове элементарный анализ простенького фильма. Происходит аберрация — название «Гагарин» сразу направляет их мысль к личности великого космонавта и мешает абстрагироваться и понять, что фильм рассказывает

не про Гагарина, а про маленького червячка (гусеницу), который мечтает о том, чтобы научиться летать. Эти зрители даже не видят, что название фильма написано в кавычках, что сразу говорит о его условности, релятивности, и это делает название ироничным по отношению к персонажу! В результате сознание берет ложный след и делает в корне неправильные выводы.

Казалось бы, ну и бог с ними. Да, на уровне маленького мультфильма от этих реплик действительно никто не пострадает. Беда начнется в тот момент, когда перед такими людьми встанут не только художественные тексты, но и жизненные задачи повышенной сложности, и тогда из-за подобных искаженных выводов кого-то действительно могут повести на расстрел. Эти люди где-то работают, решают задачи, от которых может зависеть что-то важное. И вот это их «руки отрывать таким мультипликаторам» — не фигура речи, такое происходило в нашей истории буквально уже много раз. Поэтому необходимо учиться не только смотреть кино, но в принципе развивать «фрагменты» своего мозга, отвечающие за понимание искусства в целом. И учить этому необходимо со школьного возраста. Если это не было сделано, то в последующей взрослой жизни наверстать упущенное практически невозможно. В общем, тревожный звонок уже давно звенит. Пора бы нам его услышать — школе нужна перемена.

О. Е. Бугакова[1],
Е. Г. Невоструева[2]

ШКОЛА И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРОСТРАНСТВО СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Современное российское образование стоит перед необходимостью разработки самобытного пути развития. Закончился период, когда мы, отринув наработанное свое, пытались вписаться в Болонский процесс, стараясь привести отечественные практики обучения в соответствие с западными стандартами. При этом на западные образцы равнялись не только высшие учебные заведения — наши школы тоже стали менять учебные программы, ориентируясь не на потребность передачи комплексных знаний, а на тренировку учеников к прохождению тестирования. В наступивший сейчас переломный момент актуализируются требования к обучению будущих учителей — тех, кто должен будет не только восстанавливать в школе продуктивные практики советского образования, но и развивать их, ориентируясь на новые социально-культурные вызовы времени.

Сложившаяся ситуация обусловливает требования к субъектности будущего школьного педагога. В современном понимании учитель — всегда субъект (своей педагогической деятельности, выражения своей социальной и профессиональной позиции, изменений в своей образовательной организации). То есть субъектность выступает как выходящее на передний план личностное и профессиональное качество будущего учителя.

Оценивая социальный портрет первокурсника — будущего учителя (по материалам ежегодного психологического исследования учащихся Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького), приходим к выводу, что это молодой человек, мотивированный скорее на поступление в образовательную организацию, чем на получение профессии, с низким уровнем сформированности профессионально значимых личностных качеств (self-skills), что, безусловно, может стать препятствием на пути овладения профессией. Самостоятельность в обучении и выборе собственной образовательной траектории, способная оптимизировать процесс обучения такого студента, естественно, базируется на становлении такого качества, как субъектность.

Субъектность — это способность человека преобразовывать свою жизнь, реализовывать поставленные цели, контролировать и оценивать свои действия и поступки, управлять ими[3].

Для формирования этих качеств необходимы определенные условия. Условия становления субъектности определены в докладе К. Н. Поливановой, представленном на XXIX Всероссийской конференции «Практики развития»: «Самостоятельность возможна тогда, когда образование построено как пространство проб и не требуется гарантированный результат. Например,

---

[1] Заведующая отделением «Преподавание в начальных классах» Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Программа наставничества „Баддинг“ для студентов первого курса педагогического колледжа» (в соавт.), «Технология смешанного обучения как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов педагогического колледжа», «Using E-Portfolio in Vocational Education and Training» (в соавт.), «Оценка профессиональных компетентностей будущих учителей», «Подходы к организации процесса измерения сформированности профессиональных компетенций студентов педагогического колледжа» (в соавт.). Награждена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

[2] Педагог-организатор Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Программа наставничества „Баддинг“ для студентов первого курса педагогического колледжа» (в соавт.), «Социальные сети как средство формирования корпоративной культуры (на примере Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького)» (в соавт.), «Формирование элементов корпоративной культуры студентов колледжа через участие в интернет-сообществе (на примере официальной группы Красноярского педагогического колледжа № 1 в соцсети „ВКонтакте“)» (в соавт.), «Опыт организации воспитательной работы со студентами колледжа в условиях дистанционного обучения (на примере КГБПОУ „Красноярский педагогический колледж № 1 им. М. Горького“)» (в соавт.) и др.

[3] *Карлина Т. А.* Субъектность как важное условие формирования личности // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 265–267. URL: https://moluch.ru/archive/290/65859/ (дата обращения: 03.05.2022).

в проектной деятельности, где происходит встреча замысла с реализацией. …Где есть настоящий выбор, где осуществляется такой контроль, который „причиняет пользу“. Контроль, минимизирующий тревогу педагога, даже если результат непредсказуемый. Где есть место эмоциям, проявляется способность выбирать форму экспрессивного поведения. Самостоятельность возникает вне школы, там, где сливаются образование и досуг»[1].

Более отчетливо условия воспитания субъектности студента сформулированы Т. А. Карлиной: это организация общения, то есть субъектом может быть человек, который постоянно находится в отношениях субъектности с другими людьми; организация соответствующей деятельности; опора в деятельности на уровень собственного содержания деятельности, ее общественной формы (наука, искусство и др.) и уровень технологического содержания деятельности (знания, умения и навыки)[2].

Все вышеобозначенные элементы можно обнаружить в таком виде деятельности человека, как социальные практики. Здесь мы рассматриваем субъектность в двух плоскостях: смысловая сторона субъектного действия (личный вызов, поиск себя и своего места в профессии, ответ на вопрос: «Зачем?») и средства и способы действия (определение подходящего вида социальной практики, поиск собственных способов действия в ней и рефлексия этого опыта, ответ на вопрос «Как?»).

Для того чтобы определить круг действий, относящихся к практикам, рассмотрим сущность понятия «социальная практика». Наиболее точно нашему пониманию отвечает трактовка с точки зрения этнометодологии — здесь социальные практики понимаются как фоновое знание; конкретная деятельность, соединяющая слова и действия; искусство решения практических задач в ситуации неопределенности[3].

В нашем понимании (вслед за С. С. Шугальским[4]) социальная практика предстает как совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов. Основные свойства социальных практик сформулируем, опираясь на выводы Г. Гарфинкеля[5]: объяснимость практик, «их наблюдаемость и сообщаемость», рефлексивный характер. Социальные практики характеризуют устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность. По мнению П. Бурдье[6], социальные практики имеют двойственную структуру: с одной стороны, они детерминируются социальной средой, с другой — воздействуют на среду, изменяя ее структуру. В. В. Волков и О. В. Хархордин рассматривают социальную практику как источник осмысленности[7].

Возвращаясь к описанию опыта организации социальных практик как места становления субъектности будущих учителей, учитываем, с одной стороны, их детерминированность социальной средой[8], сложившимися в ней нормами действия и поведения (то есть субъект должен эти нормы освоить и транслировать в различных ситуациях), с другой — возможность изменения социальной среды активными действиями в ней (то есть субъект, имея запас норм, получает возможность включаться в какую-либо среду, событие и быть активным ее участником и созидателем).

Рассмотрим подробнее возможности опыта социальных практик для становления субъектности будущих учителей на примере деятельности Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького.

Представим социальные практики как неотъемлемую часть внеурочного пространства колледжа. Включенные в воспитательную работу на уровне деятельности учебных групп, дополнительного образования, социальные практики становятся элементом корпоративной культуры и представляют собой волонтерские (добровольческие) акции, психолого-педагогическое сопровождение детей с ОВЗ и детей в социально опасном положении, групповые социальные проекты. Рассмотрим сущность каждого вида социальной практики.

Так, участие в волонтерских и добровольческих практиках, реализуемое через воспитательную деятельность в колледже, с 2019 года стало частью программы подготовки специалистов среднего звена. Стоит отметить, что участие в добровольческом движении позволяет не только усилить профессиональную составляющую будущих учителей через расширение кругозора, становление эффективной коммуникации, но и пройти студентам путь от простого выполнения функций сопровождения мероприятий до включения в организационный комитет этого мероприятия. Стоит отметить, что каждый студент колледжа не менее двух раз в учебном году становится волонтером социально значимых городских, краевых и всероссийских мероприятий.

Процесс психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ и детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, представляет собой несколько долгосрочных проектов, содержанием которых является не только организация культурно-просветительской деятельности с детьми, но и демонстрация норм коммуникации, часто не практикуемая в инклюзивном пространстве школ и в среде детей, состоящих на учете в различного рода профилактических службах. Включение студентов в эти проекты является добровольным и представляет собой демонстрацию готовности к социальной активности, изменению социальной ситуации, в которой находятся дети, нуждающиеся в сопровождении.

---

[1] *Поливанова К. Н.* Как возможна самостоятельность в образовании? // Практики развития : материалы XXIX Всерос. конф. URL: https://vk.com/confpr?w=wall-21114721856 (дата обращения: 03.05.2022).

[2] *Карлина Т. А.* Указ. соч.

[3] *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Социология : в 3 т. М. : Инфра-М, 2001. Т. 3 : Социальные институты и процессы.

[4] *Шугальский С. С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

[5] *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007.

[6] *Бурдьё П.* Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко ; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001.

[7] *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. (Сер. «Прагматический поворот» ; Вып. 2).

[8] См.: *Шугальский С. С.* Указ. соч.

Следующим видом социальных практик студентов колледжа являются групповые проекты. В зависимости от предметной направленности работы куратора группы студентам предлагается выбрать идею значимого для колледжа или своей специальности проекта и реализовать его в течение первого учебного года, обеспечивая публичность процессов разработки и реализации. Это позволяет, с одной стороны, включить каждого студента в значимые социальные процессы в колледже, с другой — выбрать свою роль, ощущая долю ответственности за общий результат.

В вышеописанных видах социальных практик просматривается логическая цепочка перехода инициативно-исполнительской деятельности («Я готов работать и быть полезным, только скажите, что делать») к инициативно-ответственной («Я знаю, что нужно делать, делаю сам и могу подсказать остальным, что делать»). То есть условия, созданные в традиционной системе ежегодных социально значимых событий, таковы, что каждый студент получает возможность проживания практик от наблюдения за тем, что и как делают другие, до инициации новых практик. Действия внутри этих практик становятся привычными, включаются в общий контекст профессиональной деятельности будущих учителей и создают основу для новых действий по изменению социальной среды и созданию новых практик.

После завершения обучения именно на этом и базируются отсроченные эффекты становящейся за время обучения субъектности: готовые к инициативно-ответственной деятельности, имеющие опыт изменения социальной среды вокруг себя, молодые учителя охотно включаются в динамичную среду современной школы, насыщенную идеями, проектами, методическими и рабочими группами. Помимо этого, становление субъектности молодых учителей напрямую связано с пониманием профессиональной агентности учителя, то есть возможности и способности самостоятельно принимать решения и действовать в профессиональном контексте (М. В. Гасинец, А. В. Капуза, М. С. Добрякова)[1].

Представленный опыт организации социальных практик для будущих учителей полностью соответствует общепринятым условиям становления субъектности, может рассматриваться как эффективный задел по формированию субъектности у будущих учителей в пространстве внеурочной и воспитательной деятельности образовательной организации.

Оценив исследовательский потенциал проб своей образовательной организации, авторы доклада обращают внимание на то, что этот опыт — только прецедент, а для перехода подобной практики в системный, стабильный, эффективно тиражируемый опыт необходимо опираться на ключевые тенденции российского образования. Так, одна из главных задач современной школы — реализация принципа lifelong learning, включенного ООН в число приоритетных задач наравне с другими глобальными вызовами современности (такими как преодоление голода или загрязнения окружающей среды)[2]. «Многие навыки в современном мире стремительно устаревают, и это в полной мере касается и самих специалистов сферы образования. Поэтому умение непрерывно (и зачастую самостоятельно) учиться станет одним из основных требований к преподавателям»[3]. Умение удерживать в зоне своих актуальных профессиональных потребностей постоянную необходимость пополнения знаний базируется на вышеописанной субъектности.

Учитывая фактор непрерывности образования, постоянных изменений внутреннего устройства школы, современному образованию нужен агент этих изменений — им может стать современный учитель, за плечами которого есть большой позитивный социальный опыт, навыки рефлексии и осознанности своей траектории, демонстрирующий субъектный подход к своей профессиональной деятельности. Именно формирование такой субъектности позволит будущему учителю наиболее продуктивно включиться в процесс преобразования школы для решения сложной задачи создания новой продуктивной системы получения знаний, которая сейчас так актуальна.

[1] *Гасинец М. В., Капуза А. В., Добрякова М. С.* Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения // КиберЛенинка : [электрон. б-ка]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agentnost-uchiteley-v-formirovanii-uchebnogo-uspeha-shkolnikov-roli-i-ubezhdeniya/viewer (дата обращения: 03.05.2022).

[2] Учителя будущего: как меняются роли специалистов образования // РБК Тренды : [сайт]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/6005a3b89a79474c66a5407b (дата обращения: 03.05.2022).

[3] Учителя будущего: как меняются роли специалистов образования // Кафедра менеджмента инноваций высшей школы экономики : [сайт]. URL: https://www.hse.ru/inman/news/435858661.html (дата обращения: 03.05.2022).

М. Н. Ветчинова[1]

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ДИАЛЕКТИКЕ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время перед отечественным образованием остро стоит задача, от которой зависит само существование Российского государства, — обучение и воспитание молодежи, готовой решать вопросы, возникающие перед страной в условиях сложного, неопределенного и быстро меняющегося мира XXI века.

На пороге XXI столетия Д. С. Лихачев говорил о том, что мы вступаем в век, в котором образование, знания, профессиональные навыки будут играть определяющую роль в судьбе человека[2]. Сегодня особенно актуально звучит его призыв учиться всегда, поскольку знания множатся и усложняются.

Однако после распада СССР ценность широкого образования объективно снизилась. После перехода к другому типу социально-экономических отношений государству потребовалось много новых специалистов, которых высшая школа не смогла качественно подготовить, потому что реформы и нескончаемые нововведения, обусловленные вроде благими намерениями модернизировать российское образование, негативно отразились на его уровне и привели к обратному эффекту: традиционное образование перестало быть актуальным, а выпускники учебных заведений не имеют практических навыков и зачастую им непросто найти свое место на рынке труда.

Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, образовательный процесс постоянно совершенствуется, а с другой — наблюдается образовательный кризис, поскольку сейчас образование не дает молодым людям достаточной подготовки, необходимой для деятельного участия в различных сферах жизни.

Следовательно, перед системой образования необходимо поставить следующие цели и задачи:

1) усилить взаимосвязь теоретического и практического образования, в которой практическая подготовка должна занимать большую часть времени, чтобы выпускники были готовы сразу включиться в производственный процесс;

2) в процессе обучения обучающиеся должны получать актуальные научные знания, соответствующие современному технологическому и культурному развитию общества;

3) образовательный процесс должен иметь идеологическую основу при подготовке обучающихся к последующей деятельности, они должны четко представлять, в чем будет заключаться их работа, и осознавать ее социальную значимость.

Поэтому государственным органам непременно следует:

— сделать образование привлекательным для всех;

— показать ценность образования для дальнейшей жизни и деятельности;

— повысить авторитет людей, работающих в системе образования.

Но поскольку времени на новое реформирование образования нет, следует использовать лучшее, что существовало в системах образования дореволюционной России и СССР, в которых было много интересных и ценных наработок, помогающих усилить подготовку обучающихся.

Сегодня ученые констатируют и научно обосновывают факт «возвращающегося прошлого» в современное образование и наличие ретроинновационных волн. При этом подчеркивается, что само понятие «ретроинновация» не несет в себе негативного оттенка, а только фиксирует такой тип инноваций, когда после определенного исторического перерыва «возвращаются» в современное образование уже ранее присутствовавшие в нем практики[3].

В 1990-е годы в отечественное образование вернулись утраченные после 1917 года образовательные феномены дореволюционной России. Например, такие виды общеобразовательных школ, как лицеи, гимназии, кадетские корпуса, институты благородных девиц и пансионы[4]. Поощрялись благотворительность и меценатство. Был отстроен кластер религиозного образования, введено получение ученой степени по теологии.

В дальнейшем постепенно произошло возвращение в российское образование тех феноменов, которые существовали в советской системе образования до 1991 года, а затем были из нее исключены. Речь идет о возвращении исполнения гимна и подъема флага РФ, ГТО, ДОСААФ, системы школ олимпийского резерва, школьной формы, возобновление преподавания астрономии, зеленых патрулей, трудовых бригад, профориентационной деятельности, общественно полезного труда и т. п.[5]

---

[1] Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 150 научных публикаций, в т. ч.: «Социальный портрет учителя иностранного языка на рубеже XIX–XX веков», «Идеал учителя в историко-педагогических исследованиях и сочинениях школьников», «Основные теории и концепции соизучения языка и культуры», «Отечественная методическая мысль конца XIX — начала XX века о проблеме использования родного языка учащихся в процессе изучения иностранного языка», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки. Награждена медалью «За заслуги в развитии истории педагогики» им. З. И. Равкина.

[2] *Лихачев Д. С.* Письма о добром. М. ; СПб., 2005. С. 85.

[3] *Богуславский М. В.* Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX — начале XXI века // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 5–11.

[4] *Богуславский М. В.* Инновационные и ретроинновационные волны в современной российской образовательной политике: потенциал и риски // Народное образование. 2018. № 6–7. С. 7–16.

[5] *Богуславский М. В.* Многомерность инновационных и ретроинновационных волн реформ российского образования во второй половине 1980-х годов — начале XXI века // Пространство и время в диалоге педагогических культур: интерсубъективность историко-педагогического понимания : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — XXXIV сессии Науч. совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО. Волгоград, 2021. С. 38–45.

В настоящее время можно отметить и приветствовать факт усиления воспитательной работы, потому что отечественное образование всегда славилось сильной воспитательной составляющей, учило любить Родину, различать добро и зло, уважительно относиться к людям, ценить труд и т. п.

Важной ретроинновацией является возобновление работы групп продленного дня, которые в советских школах функционировали с 1 сентября 1960 года, а затем в основном были упразднены, но сейчас речь идет о том, что продленка вновь станет полноценной частью образовательного процесса.

Как видим, многие уникальные ретроспективные тренды отечественного образования вполне успешно вернулись и органично соединились с современным опытом.

Следует использовать и лучшие зарубежные идеи, но не слепо копировать их, а непременно осмысливать, выявлять то ценное, что можно перенести в отечественное образование.

Например, в современных мировых системах образования все большую популярность набирает экосистемный подход, а также формирование образовательных экосистем. Если обратиться к истории становления данного подхода в западном образовании, отметим, что в немалой степени он основан на экологическом подходе к развитию человека, предложенном американским специалистом по детской психологии Ури Бронфенбреннером в 1970-х годах. Опираясь на работы Л. С. Выготского и К. Левина, он разработал психологическую теорию экологических систем, в которой «психологическая экология» человека определяется как совокупность нескольких подсистем: микросистемы семьи, мезосистемы локальной среды общения и проживания, экзосистемы крупных социальных организаций и макросистемы, в основе которой лежат культурные обычаи и ценности[1].

Получается, что образовательная экосистема должна состоять из множества участников (отдельных, но взаимосвязанных экосистем), деятельность которых направлена на обучение, воспитание, развитие человека. К их числу относятся семья, детский сад, государственная и частная школы, дополнительное образование, спортивные школы, ссузы, вузы, организации по повышению квалификации, онлайн-школы, цифровая система, школы сеньоров и т. д. Каждый из названных участников является отдельной экосистемой (пример тому — научные работы по изучению экосистемы школы или экосистемы вуза), а в комплексе они образуют образовательную экосистему, которая призвана удовлетворять потребности человека в образовании, совершенствовании профессиональных навыков, а также в переквалификации или освоении новой профессии. Участники образовательной экосистемы могут меняться в зависимости от социально-экономического, технологического развития, а также образовательных потребностей человека и общества в конкретный период.

Изучение сущности экосистемного подхода к образованию наводит на мысль о том, действительно ли современные образовательные экосистемы представляют собой новую парадигму образования, как трактуется в зарубежных и некоторых пока немногочисленных отечественных исследованиях, или его элементы уже присутствовали в истории отечественного образования, потому что вопросы взаимодействия школы, семьи и общества, высших учебных заведений и предприятий или организаций уже ставились и вполне успешно решались. Об этом свидетельствуют научные работы 1980-х годов, в которых анализируется взаимодействие школы, семьи и общественности, а также исследования начала 2000-х годов, в которых представлены различные аспекты формирования образовательной среды различных типов учебных заведений и региона и т. д. Можно добавить научные работы по различным аспектам интеграции учебной и производственной деятельности (например, работа учебно-производственных комбинатов), некогда популярному политехническому образованию, созданию профильных классов и многие другие.

Нельзя не вспомнить работу дворцов пионеров и школьников, спортивных и художественных школ, участие детей в различных кружках, спортивных секциях (причем бесплатно), трудовые летние лагеря, связь школ с предприятиями, на которых учащиеся могли проходить летнюю практику, работу на пришкольном участке и т. д.

Поэтому возникает вопрос: насколько такая специально созданная образовательная среда в нашей стране во второй половине XX — начале XXI века представляла образовательную экосистему? Ведь сегодня высказывается мысль о том, что образовательная среда трансформировалась в образовательную экосистему. Так, И. М. Федоров понимает под «образовательной средой образовательную экосистему социального, культурного и пространственно-предметного, архитектурного и природного окружения, которая создает условия формирования необходимых узкопрофессиональных (контекстных), профессиональных (кросс-контекстных), мета- и экзистенциальных компетенций»[2].

Очевидно, что при тщательном изучении в некоторых зарубежных «инновациях» порой отчетливо видны элементы лучших традиций отечественного образования прошлого, одного из сильнейших в мире, которые, к сожалению, в нашей стране были утрачены в процессе поиска «синей птицы» и непременного желания идти в ногу со временем, а в других странах были переосмыслены, усовершенствованы и сейчас предлагаются как инновационное решение выхода образования из перманентного кризиса.

Поэтому следует воздержаться от такой распространенной ошибки, когда довольно успешный иностранный опыт переносится на почву российского образования без учета реалий отечественной школы и ее традиций. А именно традициями и преемственностью

[1] Трансляция культуры и/или развитие в деятельности: германо-российская и англосаксонская модели образования / М. А. Абрамова, В. В. Крашенинников, Х. Либерска, М. Фарника // Философия образования. 2015. № 2 (59). С. 37–44.

[2] *Федоров И. М.* Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме // Молодой ученый. 2019. № 28 (266). С. 246–250. URL: https://moluch.ru/archive/266/61494/ (дата обращения: 18.02.2022).

всегда были сильны как дореволюционная, так и советская системы образования.

Стоит прислушаться к мнению основателя инициативы Global Education Futures и эксперта Центра трансформации образования «Сколково» Павла Лукши, который правомерно считает, что «сегодня речь идет о гармонизации существующих систем с учетом новых социокультурных, экономических, политических реалий, а также цифровизации, потребностей личности в более гибкой к ним адаптации, в необходимости образования не только сегодня и сейчас, а на протяжении всей жизни»[1].

На наш взгляд, гармонизация образовательных систем невозможна без обращения к прошлому в его связи с настоящим, что поможет глубже понять нынешнюю ситуацию в образовании и рассматривать ее в перспективе, с точки зрения будущего, которое еще не прописано, но к которому готовиться необходимо уже сегодня.

В настоящее время ведется активный поиск новых способов обучения и новых организационных форм образования, которые будут соответствовать социальной, экономической и технологической реальности XXI века. Но будущее базируется на настоящем, использует лучшие практики прошлого, развивая, приумножая и адаптируя их к новым современным условиям. Нельзя одним росчерком пера отказаться от прошлого и настоящего и начать строить с нуля будущее. Только те новации плодотворны, которые органически вырастают из традиций. Только тогда они смогут играть важную роль в борьбе за качественное образование, а в сущности — за достойное будущее России.

Е. В. Волкова[2]

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

По определению академика Д. С. Лихачева, «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»[3]. Принципы сосуществования культур в современном мире сильно отличаются от предыдущих эпох. По словам академика В. А. Лекторского, «современная глобализация означает невозможность какой бы то ни было изоляции»[4]. Но идея глобализации, ставившая своей целью объединение — экономическое и культурное, — породила и противостояние. Об этом писал еще Ю. М. Лотман: «Процесс единства мировой культуры составляет неоспоримый факт, но по уже отмеченным нами законам процесс этот двуедино соединяет в себе объединение единой системы и нестираемости своеобразия ее частей (на поверхности политической жизни это проявляется в обострении одновременно экономического единства и политического национализма)»[5].

В мире происходит постоянное межкультурное взаимодействие. При этом когда говорят о глобализации, речь идет о национальных культурах, и это нужно отметить особо, так как культура — это не обязательно национальная или этническая группа. Сосуществование культур происходит и внутри одной нации. Мы говорим о профессиональных, организационных, семейных, религиозных, региональных и других культурных группах. Таким образом, межкультурное взаимодействие осуществляется людьми практически постоянно, и межкультурная компетенция становится не только одной из важнейших компетенций профессиональных, но и необходимым качеством для успешного межличностного общения. Тем не менее именно национально-культурные различия замедляют процесс мировой глобализации и могут явиться непреодолимым препятствием к ее успешному завершению. Согласно «формуле Ренана» (по определению Х. Ортега-и-Гассета) нация определяется следующим образом: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим — вот существенные условия для создания нации… Позади — наследие славы и раскаяние, впереди — общая программа действий… Жизнь нации — это ежедневный плебисцит»[6]. То есть одно из определяющих свойств нации — это стремление к общему будущему, контуры которого обрисовываются в зависимости от национально-культурной ментальности, которая понимается как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, с их особым способом восприятия мира, образом мыслей, иерархией жизненных ценностей, формами бытового и социального поведения»[7].

Возможно, именно инициированный Западом процесс глобализации привел к росту числа конфликтов в мире. И если идея экономической глобализации до

[1] Почему будущее образования — за экосистемами // РБК Тренды : [сайт]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/6027f56f9a794723de4d1b34 (дата обращения: 21.04.2022).

[2] Заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 90 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Основы теории межкультурной коммуникации», «Intercultural Communication. Practicum», «Предпосылки для развития межкультурной компетенции в клубном объединении лингвокультурной направленности (английский язык)», «Перевод поэзии М. И. Цветаевой на английский язык в свете когнитивной лингвистики», «Innovative Technologies as a Means of Developing University Students' Cross-Cultural Competence» и др. Член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

[3] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 380.

[4] *Лекторский В. А.* Глобализация и культурное разнообразие // Лекторский В. А. Человек и культура. Избранные статьи. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 600.

[5] *Лотман Ю. М.* Тезисы к семиотике русской культуры // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 415.

[6] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание / пер. с исп. Е. Нелединского. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. С. 178–179.

[7] Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России. М. : Психол. ин-т РАН, 1997. С. 10.

недавнего времени не вызывала сильного отторжения, то процесс глобализации культурной поставил важнейший вопрос: а по какому образцу? Что мы будем считать идеалом? К чему каждая культура должна в итоге стремиться? Ответ предполагался однозначный: по западноевропейскому и североамериканскому образцам. Получается, все народы мира должны принять ценности, нормы и обычаи именно европейского образца?

Если говорить о России и Западной Европе, то различия в ценностях у нас не так уж критичны. Единые европейские ценности таковы: «уважение к интеллекту, к науке, образованию и просвещению; любовь к родине, патриотизм; склонность гордиться историей своей страны, ее культурой и великими деятелями; естественное желание быть счастливым; преобладание традиций, консерватизм; жажда справедливости; темперамент и чувствительность; чувство юмора; артистизм, вкус, склонность к художественному творчеству; общительность, любовь к беседе»[1]. Мы можем говорить о совпадении в отношении ко многим вещам, хотя понимание самих этих вещей может и не совпадать.

Британский антрополог К. Фокс сформулировала список моральных ценностей английской нации, в соответствии с которыми они стараются жить: справедливость, «честная игра», вежливость, скромность[2]. Это прекрасные ценности, разделяемые также и россиянами. Ценностные противоречия с другими (восточными, африканскими или азиатскими) культурами могут быть у нас гораздо сильнее, но при этом нет такого напряжения в международных отношениях и открытых конфликтов. Так действительно ли дело в ценностях?

В нашем случае конфликты обусловлены разницей в национальных интересах и принятием позиций этноцентризма представителями определенных культур. Интересно, что идеи культурного релятивизма были сформулированы в США (Ф. Боас), там же зародилась межкультурная коммуникация как наука и образовательная дисциплина (Э. Холл). Но именно в этой стране этноцентризм, взгляд на свою культуру как лучшую, эталон для других, диктует все шаги в международной политике (в межличностном общении это также проявляется). Подобным образом действует и Великобритания. Если сравнить посылы лидеров США, Великобритании и России к народам своих стран, то можно увидеть существенное различие. Так, например, Джо Байден в своем выступлении 17 сентября 2017 года сказал: «На данный момент мы самая великая, могущественная и достойная нация в мире». Более того, в США регулярно проводится опрос общественного мнения на предмет того, считают ли американцы свою страну величайшей в мире[3], где примерно 30 % респондентов отвечают положительно, а еще 50–60 % заявляют, что США — одна из величайших мировых держав. Дональд Трамп на посту президента США не уставал повторять «Америка — величайшая страна в мире»[4]. То же говорит о Великобритании премьер-министр Борис Джонсон, называя ее «величайшей нацией в мире». Из уст президента России В. В. Путина часто можно услышать слова о величии и силе нашей страны, но никогда — о том, что она лучше других. Именно это глубинное различие взглядов диктует расхождение в подходах к внешней политике государств и к межкультурному общению в целом.

В образовательном процессе, в том числе в высшем образовании, необходима совокупность трех стратегий развития человека: духовное развитие, социальное развитие и физическое развитие[5]. В языковых программах высшего образования в России обязательной дисциплиной считается межкультурная коммуникация, которая направлена как на социальное (овладение профессиональными знаниями), так и на духовное (принятие позиций культурного релятивизма) развитие студентов. В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в учебный план студентов, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» и изучающих минимум два иностранных языка, включена дисциплина «Межкультурная коммуникация» на русском и английском языках. При этом программа не предполагает лишь изучение культуры другой страны, а включает именно инструменты межкультурного взаимодействия, так как можно иметь знания о культуре и искусстве стран изучаемого языка и абсолютно не владеть умениями в коммуникации, механизмами преодоления культурного шока и другими необходимыми в межкультурном взаимодействии навыками и умениями. Основной целью обучения этим дисциплинам является формирование у студентов межкультурной компетенции — качества личности, позволяющего осуществлять успешное межкультурное взаимодействие. Важнейшими компонентами межкультурной компетенции, на наш взгляд, являются открытость (интерес к новому, уважение к иному, принятие позиций культурного релятивизма) и критичность мышления, позволяющая анализировать полученную информацию, не доверяя слепо услышанному или прочитанному.

Обратимся к курсам, предлагаемым студентам, обучающимся по лингвистическим направлениям (иностранные языки) в университетах США, отобранным методом сплошной выборки. Так, например, для обучающихся по направлению бакалавриата «Французский и итальянский языки» в Принстонском университете существует множество курсов французского и итальянского языков различных уровней, курсы перевода, а также курсы по литературе и искусству Франции и Италии и курсы, дающие представление о культуре современного общества этих стран (например, «Франция сегодня: культура, политика, общество»), но курсов, обучающих принципам и технологиям межкультурного взаимодействия, нет[6]. Возьмем еще один случайный пример: направление бакалавриата «Роман-

[1] *Сергеева А. В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 12.

[2] *Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / пер. с англ. И. П. Новоселецкой. М. : РИПОЛ классик, 2008. С. 487–489.

[3] https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/30/most-americans-say-the-u-s-is-among-the-greatest-countries-in-the-world/ (дата обращения: 01.05.2022).

[4] https://hannity.com/media-room/trump-america-the-greatest-country-in-the-world-with-the-best-scientists-doctors-and-nurses/ (дата обращения: 01.05.2022).

[5] *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. М. : Наука, 2002. С. 92.

[6] https://www.princeton.edu/academics/area-of-study/french-and-italian (дата обращения: 01.05.2022).

ские языки и литература» в Чикагском университете. Здесь также среди предлагаемых курсов нет курса по межкультурной коммуникации[1]. Возможно, где-то на одном из факультетов огромного университета этот курс можно найти, но будут ли студенты искать? Из всех знакомых автору коллег — лингвистов и преподавателей иностранных языков, обучавшихся в университетах США, Германии, Франции, Италии и Испании примерно десять лет назад, — межкультурную коммуникацию не изучал никто.

Проанализировав учебные планы и списки предлагаемых дисциплин в политологии, получаем те же результаты. Так, например, в МГИМО среди дисциплин, читаемых студентам бакалавриата направления подготовки «Политология», значится курс «Межкультурные коммуникации и стратегическая культура»[2], в то время как студенты Стэндфордского университета, обучающиеся по направлению подготовки «Политология» (Political Science), подобного курса не имеют[3].

В современном мире, где глобализация обострила национально-культурные противоречия, не может быть успешен и уважаем человек, не придерживающийся принципа культурного релятивизма. Этноцентризм обречен на поражение. Об этом свидетельствует история. Таким образом, высшим учебным заведениям Российской Федерации необходимо продолжать обучение студентов межкультурной коммуникации. Ведь это только на первый взгляд кажется, что медиативный подход — проигрышный. Агрессивные этноцентристы, наскакивающие нахрапом, со временем все равно оказываются отброшенными назад, так как национальное самосознание и национальная гордость есть у каждой, даже самой небольшой, страны, и нет культуры лучше или хуже другой, так как все культуры одинаково ценны.

В последнее время стали говорить о возможности перестройки нашей образовательной системы полностью по западному образцу, где студент сам выстраивает свою траекторию обучения, выбирая дисциплины из списка, предложенного по определенному направлению подготовки. Насколько разумна эта идея? Студент со своей позиции не может адекватно оценить необходимость того или иного курса для своей будущей профессиональной деятельности. Более того, студенты в США в личных беседах признавались автору, что выбирали дисциплины исходя из удобства расписания, желая иметь на неделе больше свободных дней. Конечно, не все студенты будут столь недобросовестными, но опыт показывает, что такое возможно. И это тоже будут выпускники, окончившие вуз с хорошими оценками. Но, исходя из своих личных соображений, они могут не выбрать курсы, являющиеся необходимыми для их будущего успеха. Например, курс по межкультурной коммуникации.

Культурный релятивизм — это подход, который вырабатывается у человека годами: в семейных разговорах, в восприятии обращений государственных лидеров, в обучении и воспитании. Это установка, которая и отличает нас сейчас от многих европейцев и североамериканцев, но именно она — залог успеха на международной арене и в межкультурном взаимодействии.

А. В. Воронцов[4]

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

В данном докладе хотелось бы указать не только на прямую связь между развитием гуманитарных наук и образования, включающего систему духовно-нравственного и патриотического воспитания, но и отметить ряд причин, тормозящих этот процесс.

На протяжении трех десятилетий система образования в России претерпевала глубинные структурные изменения. В целом образование стало рассматриваться как глобальный институт воспроизводства рынка труда. Отсюда, гуманитарная сущность образования стала терять актуальность. Если из школьного образования изымаются элементы, связанные с национальной культурой, патриотизмом, духовно-нравственным развитием личности, то высшее образование сталкивается с постепенным уменьшением общеобразовательной роли гуманитарных наук — инстанции его мировоззренческой составляющей.

Такой перекос в содержании образования неизбежно привел к определенным культурным процессам, прежде всего в отношении самосознания молодого поколения. 77 % молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет ориентированы на материальные ценности (на духовные — только 16 %); патриотами являются 39 % (равнодушны к своей стране 52 %); алчность присуща 47 % молодых людей (бескорыстие — 37 %); атеистами являются 57 % (верующими — 31 %)[5]. Около

[1] http://collegecatalog.uchicago.edu/thecollege/romancelanguagesliteratures/#degreeprograminspanishliterature (дата обращения: 01.05.2022).

[2] http://pk.odin.mgimo.ru/bakalavriat/nrp.html (дата обращения: 02.05.2022).

[3] https://politicalscience.stanford.edu/major (дата обращения: 02.05.2022).

[4] Президент Института истории и социальных наук, заведующий кафедрой социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Культурная жизнь современного села», «С думой о России», «История социологии. XIX — начало XX века. Часть 2: Русская социология» (в соавт.), «Демография: учебник и практикум для прикладного бакалавриата» (в соавт.), «Демографическая ситуация в России: риски и перспективы» (в соавт.), «XXI век как эпоха ноосферной революции в разуме и в системе смыслов бытия человека (основы ноосферных мировоззрения, науки и практики)» (науч. ред.). Член Общественной палаты Санкт-Петербурга, член Союза писателей России. Награжден орденом Франциска Скорины, Почетной грамотой Правительства Республики Беларусь.

[5] *Воронцов А. В., Субетто А. И.* Отчетный и научный доклады // Наука и образование в обеспечении устойчивого развития

60 % молодежи не имеет ярко выраженной гражданской и мировоззренческой позиций[1].

Процесс становления новой системы образования был окончательно выражен в Федеральном законе «Об образовании» 2012 года. Он широко обсуждался. Комиссия по науке и высшей школе Законодательного собрания Санкт-Петербурга, которой я в то время руководил, пыталась скорректировать концепцию первоначального проекта. Из наших поправок пять было принято, но, к сожалению, не были учтены предложения, касающиеся главной сути образования: единства обучения и воспитания.

Дальнейшее развитие событий показало, что критики были правы. Для успешного развития страны ее система образования не может быть только экономическими инструментом. Ситуация начала меняться с принятием поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году. В сентябре 2021 года президент вынес на рассмотрение поправку к Закону «Об образовании», касающуюся организации воспитательной деятельности в школе и непосредственно связанную с добавлением в Конституцию ст. 67.1, которая, в частности, гласит: «Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения»[2].

Подобные изменения необходимы, но недостаточны в отрыве следствия от причины: именно гуманитарные науки (история, философия, теология, филология, социология, культурология, политология, искусствознание и др.) формируют смыслы, значимую часть воспитательной стороны образования. Гуманитарная наука эксплицирует неосознаваемые человеком в повседневной жизни связи индивида с национальной культурой, с природой и экосистемой, связи общества и государства, связи культуры и экономики и др., а значит, делает возможным их принятие и творческое развитие. Отсюда гуманитарные науки должны формировать ядро школьной образовательной программы, быть центром высшего педагогического образования, обязательной частью любого высшего образования.

К сожалению, сегодня и сами гуманитарные науки оказались в незавидном положении, за последние десятилетия они переживают философско-методологический и мировоззренческий кризис, наука субъективизируется. Одной из причин кризиса является доминирование либерально-методологических, агностических по содержанию, установок (с принципом методологического индивидуализма), технократизма в управлении наукой. Как и в образовании, в науке стали господствовать рыночные принципы: привязка исследовательской деятельности к грантовой конъюнктуре, оценка научных публикаций по критериям западных коммерческих наукометрических баз, в целом фрагментация и излишняя специализация наук, что вступает в противоречие даже с существующими экологическими рисками, требующими от науки иного качества самоопределения и действия. Известный ученый А. И. Субетто и многие другие считают, что подобное бездумное отношение к науке и образованию сегодня уже подвергается онтологической «критике» со стороны самой природы как целого в виде резкого нарастания глобального экологического кризиса.

Но проблемы науки у нас также являются следствием структурных особенностей системы образования. Раскрою этот тезис на примере науки социологии.

До революции социология встречала сопротивление не только в консервативной академической среде, но и со стороны министра народного просвещения, из-за очевидного созвучия с общим для революционных идей того времени термином «социализм». Только после 1910 года с большим трудом М. М. Ковалевский и Е. В. де. Роберти, а позже П. А. Сорокин и другие смогли придать социологии хоть какую-то институциальную форму. После революции социология развивалась практически только как прикладная дисциплина. В условиях формирования новой социальной реальности социальная теория естественным образом соединялась с идеологией и в целом не развивалась.

Казалось бы, после снятия идеологических ограничений социологическая наука должна была расцвести. Но сегодня на пути ее развития, что парадоксально, оказались структурные проблемы системы образования. Так, социология стала постепенно изыматься из перечней обязательных общеобразовательных дисциплин, а совсем недавно (а также политология и культурология) была изъята из ядра читаемых дисциплин для высшего педагогического образования. Как следствие, сокращение кафедр социологии, уменьшение доли вузовской науки. А это, в свою очередь, бьет по качеству образования. Между тем именно социология прослеживает связь индивида и общества, начиная с его вхождения в социальные структуры в процессе ранней социализации. Именно социология призвана оказывать ключевое влияние на мировоззрение человека с точки зрения его самоощущения как части общества, части культуры, как гражданина и патриота, с точки зрения социальной ответственности человека. Именно социология вместе с другими гуманитарными науками должна закладывать смысловой фундамент для формирования системы воспитания молодого поколения.

Итак, образование и воспитание в качестве единого процесса оказываются связаны с гуманитарными науками в двух смыслах. Без гуманитарной науки это единство невозможно. Разрыв этого единства пагубно сказывается на самой гуманитарной науке.

Кратко опишу методологические и организационные просчеты политики государства в области образования и науки, приведшие к такой конфигурации. Во-первых, нужно сказать о пресловутом Болонском процессе, который у нас проходил в форме «красногвардейской атаки» на образование без учета специфики страны, советского опыта в образовании, традиций отечественной школы педагогической мысли. Ни экономически, ни организационно мы не были к этому го-

России : XI съезд Петровской академии наук и искусств / [вступ. сл. А. В. Антонова]. СПб. : Астерион, 2021. С. 15.

[1] Там же.

[2] Конституция Российской Федерации. Ст. 67.1.

товы. Даже в западных странах, таких как Германия и Франция, только 60–70 % образовательных учреждений приняли эту модель.

Что такое Болонский процесс? Это тезис о том, что образование — сфера особых услуг, реализация которого привязала образование к узким и специальным требованиям рынка. Это тезис о приоритете «общечеловеческих» ценностей в образовании над национальными, практическая реализация которого выхолостила содержание «культурного» блока учебных дисциплин. Это «компетентностный подход», который в результате дробления образовательного процесса, механизации и цифровизации его гуманитарных составляющих де-факто подкосил фундаментальное образование и науку. В конце концов это идеология образовательной политики с ложным принципом «толерантности». При этом на сопровождение подобных реформ выделялись колоссальные средства, издавались сотни монографий, проводились тысячи конференций. Приведу данные поискового сайта «Диссеркэт». Так, за годы образовательных реформ только на темы, связанные с компетентностным подходом и образовательными услугами, было защищено свыше 8000 диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук!

Во-вторых, в последние десятилетия институты образования страны подвергались дальнейшей бюрократизации, погружаясь в «бумажную пучину»[1], которая в том числе отрывает значительную часть времени у педагога как общеобразовательной, так и высшей школы. Так, если говорить о высшем образовании, в утвержденном на федеральном уровне Перечне документов, создаваемых в деятельности Министерства образования и науки РФ и подведомственных ему учреждений, содержится свыше полутора тысяч групп документов, и лишь 11 % из них прямо или косвенно затрагивают образовательный процесс[2].

В-третьих, если уж говорить о судьбе гуманитарных наук, осуществилась бездумная децентрализация системы образования. Если Закон об образовании 1992 года[3] предполагал утверждение государственными органами России государственных образовательных стандартов, в которых должна была иметь место федеральная компонента, обязательные дисциплины для всех, то уже в его редакции от 2007 года[4] для утверждения Федеральных государственных стандартов (пресловутые ФГОС) определяется особый порядок — стандарты образования отдаются на откуп профессиональному сообществу, которое, как показала практика, как правило, и без злого умысла стремится к увеличению доли специальных дисциплин в образовании за счет общеобразовательных, профессионального за счет общекультурного блока.

Между тем ключевая роль гуманитарных наук в образовании обусловлена самим характером прогнозируемого общества будущего как общества научно-образовательного. Это более емкое, содержательное понятие, чем «информационное» или «цифровое общество». Это такое общество, в котором образование, прежде всего гуманитарное, становится «базисом базиса» духовного и материального воспроизводства, а наука представляет собой не только производительную силу (по К. Марксу), но и «силу управления», беря на себя ответственность за эффективность научного управления социоприродной эволюцией[5].

Сегодня мы видим начало дискуссии о выходе из Болонской системы на государственном уровне. Это тоже нужно делать с умом. Так или иначе, убежден, что реформа образования в России в будущем должна проходить свое историческое осмысление по критерию их соответствия вызовам XXI века. Именно поэтому так важно сегодня системно заняться восстановлением ведущей роли и высокого статуса гуманитарных наук в системе образования и науки на всех уровнях.

[1] Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании : кол. моногр. / Ю. В. Башкирова, П. А. Бояджиева, К. К. Ёлкина [и др.] ; под ред. А. М. Осипова ; Рос. науч. фонд. Великий Новгород : ООО «Типография „Виконт"», 2020.

[2] Там же. С. 84.

[3] Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании» (ред. 13.01.1996). Ст. 7.

[4] Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (ред. 12.11.2012). Ст. 7.

[5] Меморандум XI съезда Петровской академии наук и искусств «Россия и мир в XXI веке: наука, культура и образование как ведущие механизмы стратегии выхода из экологического тупика истории» [принят единогласно на XI съезде ПАНИ 22 октября 2021 г.]. СПб. : Астерион, 2021. С. 21–22.

И. В. Жданова[1]

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Стратегия развития образования в современном обществе является безусловной и важной составной частью стратегии общего развития как отдельного государства, так мирового сообщества в целом. Формирование и трансформация системы образования в целях устойчивого развития связаны с реализацией документов, принятых на Всемирном саммите ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году, когда мировое сообщество впервые выдвинуло масштабное предложение о развитии образования для устойчивого развития как о глобальном цивилизационном проекте. В принятой 25 октября 2015 года Генеральной Ассамблей ООН резолюции о целях устойчивого развития на период 2030 года образованию уделена особая роль, в частности одна из целей устойчивого развития сформулирована как «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»[2]. Российское государство, разделяя цели устойчивого развития, также уделяет большое внимание развитию системы образования. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[3] развитие образования указано как одно из приоритетных направлений реализации национальных проектов. Образование в современной России, с нашей точки зрения, является одновременно и ресурсом, и инструментом развития общества в целом. Именно система образования выполняет роль «социального лифта» позволяя гражданам реализовать свой потенциал для достижения как благополучия общества в целом, так и для собственной самореализации. При этом необходимо отметить, что российская система образования в последние несколько десятилетий находится в непрерывном процессе реформирования, преобразования, поиска оптимальных образовательных моделей и приоритетов, что, несомненно, сказывается на проблематизации социальной повестки изучения проблем как в целом образовательной системы, так и отдельных направлений образования. Так, в частности в дискурсе идей развития системы образования в современной России значительное внимание уделяется проблемам инклюзивного образования на разных уровнях, начиная с дошкольного и заканчивая высшим образованием. В соответствии с приоритетами современной образовательной социальной политики развитие инклюзии является одной из приоритетных задач в российском обществе. Этот тезис нашел отражение в принятии и реализации государственной программы «Доступная среда», которая, видоизменяясь, существует в России с 2011 года, и на данный момент горизонт ее планирования определяется 2025 годом[4]. Обращение российской государственной социальной политики к проблемам инклюзии и формирования доступной среды для лиц с инвалидностью, с одной стороны, было определено внутренними имманентными причинами, а с другой — определялось внешними обстоятельствами. Так, в 2012 году Россия ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов, принятую Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года. Одной из задач политики доступности стала оценка состояния и повышение уровня доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения. В числе одной из приоритетных сфер, в которой была обозначена необходимость повышения доступности услуг для лиц с инвалидностью, стала сфера образования. Принятый в 2012 году ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» подтвердил силу намерений государства в части формирования политики доступности и впервые закрепил понятие «инклюзивное образование», которое получило интерпретацию как обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. И наверное, именно это время можно принять за точку отсчета модернизации моделей развития инклюзивного образования в современной России.

Долгое время в России в сфере образования доминировала сегрегационная (коррекционная, реабилитационная) модель обучения лиц с инвалидностью как в условиях получения ими дошкольного, среднего общего, так и профессионального образования по программам среднего профессионального и высшего образования[5]. Суть сегрегационной модели сводилась к тому, что обучающиеся из числа лиц с инвалидностью при наличии у них особых образовательных потребностей, связанных, с одной стороны, с состоянием их здоровья и наличием ограничений, а с другой стороны, обусловленных неготовностью образователь-

---

[1] Доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии, заместитель директора по стратегическому развитию Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета, кандидат философских наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Профориентация лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья» (в соавт.), «Содействие инклюзивному трудоустройству выпускников вузов из числа инвалидов» (в соавт.), «Проектирование и реализация вузами адаптированных основных профессиональных образовательных программ», «Сетевой подход к проектированию инклюзивной образовательной среды» (в соавт.), «Социокультурные аспекты внедрения супервизии в подготовку бакалавров конфликтологии в российских вузах» и др.

[2] Официальный сайт ООН в РФ. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/ (дата обращения: 21.05.2022).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 21.05.2022).

[4] Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда». URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0 (дата обращения: 01.05.2022).

[5] *Зиневич О. В., Дегтярева В. В., Дегтярева Т. Н.* Инклюзивное образование в российской высшей школе: современные вызовы // Власть. 2016. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-rossiyskoy-vysshey-shkole-sovremennye-vyzovy (дата обращения: 01.05.2022).

ной и социальной инфраструктуры к работе в условиях инклюзии, обучались преимущественно в специализированных образовательных организациях и учреждениях. При этом доминирующая стратегическая цель образования была связана не только и не столько с воспитанием и формированием общесоциальных и профессиональных компетенций у лиц с инвалидностью, сколько с необходимостью коррекции недостатков в физическом и психическом состоянии инвалидов и реабилитации лиц с инвалидностью.

Следствием доминирования сегрегационной модели образования для лиц с инвалидностью стало, с одной стороны, формирование сильнейших российских дефектологических школ (как в науке, так и практической деятельности), развитие системы специализированного коррекционного образования, создание сообщества практиков и теоретиков, занимающихся вопросами образования лиц с инвалидностью, а с другой — «исчезновение» обучающихся с инвалидностью из «обычной» образовательной среды, формирование социального разрыва, эксклюзии лиц с инвалидностью. Обычной жизненной стратегией человека с инвалидностью стало обучение в специализированном образовательном учреждении, а далее или работа в условиях «закрытого» рынка труда на специализированных предприятиях, которые создавались под эгидой обществ инвалидов различных уровней и направлений именно для трудоустройства инвалидов, либо и вовсе отсутствие перспектив в профессиональной деятельности. Лишь отдельные лица с инвалидностью, показывающие выдающие результаты, становились успешными в профессиональной деятельности и зачастую играли роль мотиваторов для всех остальных лиц с инвалидностью, задавая ориентиры и цели в достижении личностного и профессионального успеха. Фактически учились совместно с другими обучающимися с «нормой здоровья» только те из инвалидов, кто хотел и мог учиться в обычных условиях — без адаптации для них образовательной среды, без необходимости адаптации архитектурной среды, бытовой инфраструктуры, каналов информации.

Сегрегационная модель имела как свои неоспоримые преимущества в виде накопленного опыта реализации коррекционно-дефектологического специализированного образования, позволяющего добиться высоких результатов в качестве образования лиц с инвалидностью, так и безусловные недостатки, главным из которых можно назвать формирование и закрепление в российском обществе социальной разобщенности инвалидов и граждан, не являющихся инвалидами, что приводило к тому, что большая социальная группа (приблизительно 10 % от общего населения страны) становилась фактически «невидимой». Такая «невидимость» проявлялась как в реализации общей образовательной политики государства (например, при строительстве и ремонте образовательных организаций никто не задумывался о необходимости формирования архитектурной и информационной доступности среды для лиц с инвалидностью, и соответственно большое количество зданий и сооружений физически недоступны для лиц с инвалидностью), так и в формировании и закреплении общественных стереотипов о людях с инвалидностью как о «неспособных», «уязвимых», «непонятных», «пугающих». Также в сегрегационной модели не делалось особых различий в образовательной деятельности для различных нозологических групп. Учились в специализированных организациях как лица с ментальными проблемами и интеллектуальными нарушениями, так и лица с сохранным интеллектом, но имеющие особые образовательные потребности в связи с наличием у них нарушений слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата.

На смену сегрегационной образовательной модели в начале XXI века в России пришла модель инклюзивного образования. Модель инклюзивного образования основана на принципах признания уникальности образовательных потребностей лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья и вариативности формирования образовательной стратегии для лиц с инвалидностью. С одной стороны, в рамках инклюзивной модели для определенных категорий лиц с инвалидностью различных нозологических групп остается возможным получение образования на базе специализированных образовательных организаций и учреждений или по адаптированным образовательным программам, а с другой — усилия государства и общества направлены на формирование доступной образовательной среды в большинстве (за редким исключением) образовательных организаций, не «специализирующихся» на получении образования лицами с инвалидностью. При этом формируются индивидуализированные образовательные траектории для лиц, имеющих различные нарушения здоровья. Как и в сегрегационной модели, в инклюзивной есть свои преимущества и ограничения.

Инклюзивная образовательная модель способствует формированию политики толерантности в обществе, сама по себе имея существенный воспитательный потенциал, поскольку только в условиях интенсификации взаимодействия между людьми с нормой здоровья и людьми, имеющими ограничения по состоянию здоровья в обычной жизни, в том числе при получении ими образования, разрушаются сложившиеся стереотипы, исчезает страх инаковости, дисфункциональности, «ненормальности». Иными словами, находясь бок о бок, обучаясь вместе со здоровыми людьми, инвалиды преодолевают «невидимость», становятся участниками общей социальной жизни. Кроме того, инклюзивная образовательная модель способствует снижению иждивенчества инвалидов и состояния так называемой выученной беспомощности, которое формируется в результате того, что инвалиды являются прежде всего объектами профессиональной помощи специалистов, государства и общества в целом, которые создают им «тепличные» условия. Тем не менее инклюзивная образовательная модель не лишена ограничений и недостатков. Так, после некоторой эйфории связанной с первым опытом внедрения и реализации инклюзивной модели на различных уровнях российского образования от дошкольного до высшего, появился достаточно большой объем критических замечаний к этой модели, связанных как с самой идеей инклюзии, так и с условиями ее

реализации в современной российской образовательной системе. Все эти замечания, с нашей точки зрения, можно разделить на две большие группы. Первая, наиболее обширная группа связана с условиями реализации инклюзивной образовательной модели. Так, одним из таких условий можно назвать проблемы недостаточной компетенции педагогов в работе с обучающимися с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, отсутствие и (или) недостаточность материальной базы и средств для модернизации зданий и территорий образовательных организаций с учетом требований архитектурной и информационной доступности, отсутствие специализированных педагогических методик, позволяющих реализовать образовательный контент в инклюзивных группах обучающихся, включающих в себя представителей различных нозологических групп, и др. Вторую группу проблем реализации инклюзивной образовательной модели представляют проблемы, связанные с содержанием, принятием и трансляцией идей и принципов инклюзии в образовательной среде. Проявлением этой группы проблем является неготовность всех субъектов образовательного процесса к получению образования в условиях инклюзии. Многие родители детей с нормой здоровья не готовы к тому, чтобы их ребенок ходил в один садик, школу, учреждение дополнительного образования совместно с детьми с инвалидностью, в свою очередь родители детей с инвалидностью также не готовы к тому, чтобы их дети учились «наравне» со всеми, это же касается и системы профессионального образования.

Более сложна, на наш взгляд, эта группа проблем, потому что решить их нельзя, просто создав условия доступности образовательных услуг для лиц с инвалидностью, для ее решения необходимо формирование особой инклюзивной образовательной культуры, включающей в качестве центрального компонента готовность участников образовательного процесса к реальной инклюзии.

Вышеуказанные недостатки и ограничения инклюзивной образовательной модели ведут к тому, что в последнее время риторика возврата к сегрегационной, реабилитационной образовательной модели звучит все чаще и все громче. Можно констатировать, что на данный момент российская образовательная система находится на перепутье в части выбора и закрепления доминирующей образовательной модели получения образования лицами с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Н. С. Зеликина[1]

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современное российское просвещение находится в состоянии перманентного реформирования уже на протяжении нескольких десятилетий. Рассматривая период и процесс перехода от «коммунистической» к современной системе образования, можно отметить их абсолютно поисковый характер. Выявив важнейшие тенденции феномена современного российского образования, академик А. С. Запесоцкий еще в 2002 году обосновал необходимость интенсивного поиска «оптимальной модели образования, соответствующей складывающемуся типу культуры и отвечающей актуальным запросам современной цивилизации»[2]. Не претендуя на широкие обобщения, мы поставили задачу рассмотреть некоторые аспекты реформируемой модели российского образования.

Начавшаяся в 1980 г. перестройка достаточно быстро захватила и образовательные учреждения, как организационно, так и содержательно. При этом следует отметить, что реформирование российского образования проходило под лозунгами модернизации, под которой первоначально по умолчанию, а после 1991 года и номинально понималась так называемая европеизация. Среди важнейших организационных новаций можно назвать восстановление идеи автономии учебных заведений и появление негосударственных учебных заведений (в том числе лицеи, гимназии, колледжи), демократизацию или либерализацию учебного процесса, провозглашение академических свобод и пр. В учебном процессе происходили и содержательные изменения: активное обсуждение проблем гуманитаризации и гуманизации педагогической деятельности привело к ломке перечня так называемых общественных учебных дисциплин, введению в общеобразовательных школах преподавания экономики и пр. В основе процесса реформирования образования лежала идея деидеологизации. Все эти новации в те годы характеризовались одним понятием — *свобода*.

В переломные эпохи развития общества всегда остро ставятся проблемы духовного состояния общества, среди которых проблемы идентичности (как национальной, так и личностной). В основе трансформации общественного сознания (так, как это транслировалось в нормативных документах и публикациях в СМИ) лежала идея о необходимости преодоления отсталости СССР/России от передовых европейских стран (включая США и Японию) не только в техно-

[1] Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 127 научных публикаций, в т. ч.: «История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения европейского северо-востока России)», «Современные методы анализа периодической печати как исторического источника», «Философская публицистика 1920-х годов о проблемах идеологии», «Модерн в нэповской России 1920-х годов: отголоски стиля», «К истории бытования идей марксизма в Советской России: от популяризации к догматизации», «История государства Российского в исторических исследованиях П. Н. Милюкова», «Прошлое в эпоху неопределенности (концепты „культура памяти“ и „политика памяти“ в современной медиасфере)» и др.

[2] *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. М. : Наука, 2002. С. 13.

логическом/экономическом отношении, но и в отношении цивилизационном. Была поставлена задача — «привести Россию в семью цивилизованных народов». Фактически это означало нигилистическое отношение к истории и культуре нашей страны (при этом особенно резкой критике подвергался советский этап развития). Процесс «закрашивания белых пятен» в российской истории, к сожалению, не сопровождался как требуемой общественной рефлексией, так и активизацией академических исследований российской истории XX века. Естественной реакцией на положение советской историографии, когда большинство исследований посвящалось изучению (в основном крайне идеологизированному) истории рабочего класса, деятельности КПСС и тому подобному, стало появление огромного количества работ по истории дореволюционной (до 1917 г.) России, послереволюционной эмиграции и т. п. При этом нельзя не отметить, что большинство исследований на указанные темы не сопровождались (несмотря на публикацию массива архивных материалов, ранее недоступных или малодоступных отечественным ученым) серьезным источниковедческим анализом, глубиной осмысления рассматриваемой проблематики и пр. Даже в том случае, когда исследования проводились с использованием современных методов и методологии, основной проблемой оставалась идеологическая («антисоветская», «антикоммунистическая») заданность выводов, апологетичность, что, естественно, снижало научную ценность выводов. Кроме того, следует отметить, что многие достижения современной отечественной исторической науки не повлияли на формирование массового сознания вследствие сложностей экономического характера и уже указанных проблем.

Подобная ситуация в академической сфере не могла не сказаться и на преподавании истории (как в высшей, так и в общеобразовательной школе). Результатом проводимых преобразований, не сопровождаемых необходимой теоретической рефлексией, стала вопиющая историческая безграмотность выросшего в указанных условиях поколения. Опросы студентов показывают, что их представления о российской истории весьма схематичны, состоят из крайне узкого перечня имен ряда правителей и деятелей культуры вне связи с конкретной эпохой, событиями (восстание декабристов, отмена крепостного права, революция 1917 г. и разнообразные войны) и понятиями (голод, репрессии, тоталитаризм, криминал, и менее часто упоминаемые: победа, космос, героизм, коллективизм). Незнание отечественной истории приводит к негативизму и неуважению к отечественной культуре.

Не будет большим преувеличением предположить, что подобная ситуация — результат работы всей системы образования и воспитания (включая не только школу, но и семью и систему СМИ). СМИ включены нами в перечень общественных институтов, ответственных за социализацию, поскольку в современных условиях медиатизации общественной жизни, они (СМИ, как традиционные, так и «новые», или СМК) выступают естественным конкурентом традиционной системе образования.

Процесс социализации, который является важнейшей функцией образования, в современном обществе невозможен без осмысления влияния технологических инноваций на индивидуума и общество в целом. Изучение истории, как и любого учебного предмета, должно базироваться на осмыслении фактов, проведении различных экспериментов, что невозможно без свободной дискуссии, развития педагогики сотрудничества. В то же время современный образовательный процесс не может не учитывать технологические инновации, предполагающие индивидуализацию всех параметров деятельности и в то же время массовизацию = шаблонность = стандартизацию мышления. В этих условиях важнейшей задачей преподавания становится формирование (или развитие) у учащихся критического мышления, что является абсолютно необходимым качеством современного гражданина. Серьезной проблемой в данном контексте являются сущностные характеристики рассматриваемых отраслей знания. В частности, можно констатировать, что преподавание истории, как и всех гуманитарных дисциплин, *не может быть нравственно нейтральным*. Нельзя не согласиться с мнением французского историка М. Ферро, отмечавшего, что «истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба»[1].

На наш взгляд, для выхода из кризиса системе российского просвещения в целом и преподавания отечественной истории в частности может быть предложена ценностная парадигма, основанная на осмыслении педагогического и организационного опыта на всех этапах существования российского образования. Представляется, что концептуально в основу деятельности современной российской школы (от начальной до высшей) должна быть положена идея сохранения национальной российской идентичности с учетом общемировых тенденций развития. И в этом случае неизбежно велика роль исторического знания, опирающегося на историческую память. Нельзя не признать, что существует «своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества»[2]. С этой точки зрения особой проблемой является сохранение в преподавании научного взгляда на прошлое. В свою очередь, это требует повышения значимости академических экспертных оценок, постоянного внимания к уровню квалификации преподавателей отечественной истории, а также отсутствия административных ограничений и предписаний. В то же время нельзя не процитировать слова консервативного мыслителя XIX века С. Шевырева, отмечавшего, что «всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом»[3]. Таким образом, важнейшим системообразующим компонентом развития российской системы образования должно стать осмысление исторического прошлого с точки зрения традиционных для России нравственных принципов.

[1] *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира : пер. с фр. М. : Высш. шк., 1992. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

[3] *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2007. Вып. 3. С. 150.

Е. Б. Костюк[1]

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Современная кризисная социокультурная ситуация общественного развития актуализирует значимость художественной сферы, ее представителей, оказывающих влияние на умонастроения молодежи, поколений более старшего возраста. Также совершенно очевидно, что музыкальная культура в условиях стремительной эволюции информационных технологий является частью политики воздействия на ценностные смыслы, которыми живет настоящее и будут жить будущие поколения в России постиндустриальной эпохи. Невнимание государства к определенным тенденциям в этой сфере культуры уже имеет негативные последствия.

Традиции понимания музыкальной культуры как важного элемента государственного устроения, развития страны, общества были известны еще с древних времен. Хотелось бы обратиться к словам древнекитайских мыслителей, которые утверждали, что если в государстве звучит плохая музыка, то такой народ погибнет[2]: «когда звуки свободны, обильны и гармоничны, народ полон любви; когда звуки необузданны, порочны и праздны, тогда народ развратен и склонен к беспорядкам».

Музыкальная культура эпохи отображает, безусловно, достижения и проблемы своего времени. На протяжении XX века российское общество пережило несколько культурных трансформаций, однако, несмотря на все трудности, стержневые ее принципы при этом сохранились: восприятие нового извне, через «трансплантацию» (Д. С. Лихачев) инокультурных матриц, соединение их с уникальностью собственной (более с ориентиром на Запад); органичное сочетание традиции и новаторства; понимание искусства не как «товара», а как источника духовного возрастания личности и общества.

На протяжении всей советской эпохи государство активно проводило политику музыкального образования и просвещения через приобщение народа к формам элитарного искусства *в массовых масштабах*, а также целенаправленно развивало формы эстрадной музыки в самых разнообразных жанрах, нацеленных на воспитание патриота, гражданина, личности. Этой цели служил один из самых социально-эффективных массовых музыкальных жанров — песня. Формат этого жанра: краткий, с возможностью повтора главных мыслей и идей, как нельзя лучше может транслировать как хорошее, так и плохое, причем в индустриальных масштабах. А в условиях постиндустриальной культуры, как отмечает А. П. Марков: «Репертуар средств воздействия на сознание и поведение человека включает различные социально-психологические приемы и информационно-коммуникативные технологии»[3], в том числе и песню для массовой аудитории.

К жанру песни в наше время сложилось крайне недальновидное отношение в контексте государственной культурной политики, так же как и ко всей массовой музыкальной культуре. Опера, балет, симфония как формы элитарной музыкальной культуры всегда, с точки зрения общества, были в почете, однако в XX веке не они влияли на умонастроения, продвигали идеологию и даже идеалы бытия в аудиторию слушателей (в отличие от XIX в.), а жанр песни. Достаточно вспомнить революционную песню «Интернационал», или гимн пионеров «Взвейтесь кострами» и другие, которые стали символом целой эпохи, а песни рок-групп — «Кино», «ДДТ», «Аквариум» и других — выразили мысли того поколения, которое в результате на рубеже XX–XXI веков «перестроило» всю страну.

Советская массовая песня представляла собой образец идеализма с верой в нравственное совершенство прежде всего человека, призывавшая его к этому, более того, убеждавшая его в том, что необходимо отказаться от всего материального как буржуазного пережитка. Достаточно проанализировать слова таких знаменитых песен, как «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Все выше, выше, и выше», чтобы убедиться, насколько идеалистична по своей сути была концепция социалистического строительства. Однако определенная цель все-таки была достигнута — формирование культурной среды с высокими нравственными смыслами и эстетикой художественного воплощения идеалов на определенном историческом этапе. Это подтвердилось и победой народа в страшной мировой войне, и самоотверженным трудом при восстановлении страны после нее. С 1930-х годов велась целенаправленная государственная культурная политика привлечения профессиональных композиторов и поэтов к созданию произведений в жанре песни, которые приводили общество к победам в индустриализации страны («Нам песня строить и жить помогает»). При всех издержках тем не менее сказка действительно становилась былью, идеальное материализовалось в колоссальных успехах экономического[4] и культурного роста.

Во второй половине века, а в СССР фактически в последней четверти, общество дифференцировалось по музыкальным пристрастиям, которые отражали назревавшие, или, точнее сказать, усиливающиеся, материалистические и западноцентристские концепции в общественном сознании. Одним из рупоров их стала, безусловно, массовая музыкальная культура. Иде-

[1] Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук. Автор 75 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии» (в соавт.), «Музыка и мода XX века: от субкультуры к массовости» (в соавт.); статей: «Иконические знаки семиосферы элитарной музыкальной культуры постиндустриальной эпохи», «Массовая музыка как явление культуры XX века», «Концерт-лекция как образовательный проект», «Семантика джазовой культуры XX века», «Паралингвистика массовой музыкальной культуры XX века» и др.

[2] Хань шу. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1962. Т. 4. С. 1037 ; Шицзи. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1972. Т. 4. С. 1179, 1208, 1220.

[3] *Марков А. П.* Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преображения. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 191.

[4] *Галушка А., Ниязметов А., Окулов М.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. С. 20.

ал бессребреничества как качества личности истинного строителя коммунизма (Павка Корчагин и т. д.), пропагандируемый советской властью, привел к диссонансу с реальностью. Хотелось советскому человеку сейчас, а не в «светлом будущем» красиво одеваться, иметь автомобиль и хорошую квартиру с нестандартной мебелью, путешествовать. Общество нацеливалось на все те ценности, которые декларировала «буржуазная пропаганда»[1] в СССР. В музыке все это «коллективное бессознательное» воплотилось в радикальном виде — в рок-музыке, в «лайт» форме — в стиле диско. Основным жанром, реализующим все эти новые смыслы, снова стал жанр песни. Однако отечественная традиция через музыку, песню *просвещать* сохранялась даже в развлекательном стиле диско, в формате советских дискотек[2].

В доперестроечное время в рамках государственной культурной политики в сфере музыки продолжались лучшие традиции, наработанные за предшествующие годы: приобщение через сеть музыкальных учреждений, организаций (Москонцерт, Ленконцерт и т. д.) к формам серьезной и легкой музыки советского слушателя в массовых масштабах; *государственный заказ* на создание произведений самых разных жанров, и особенно песни, для детей, юношества, представителей старшего и среднего возраста; контроль за художественно-смысловым качеством музыки, предлагаемой публике. Однако к концу 1970–1980-х годов в сфере музыкального просвещения совершенно очевидными стали проблемы, которые были порождены целым рядом факторов: ограничения вплоть до запрета на новые формы музыкального творчества и мысли (рок-н-ролл, рок-музыку, авангардные течения академической музыки); формализм, наукообразность в презентации публике произведений элитарной музыкальной культуры (опера, симфония и т. п.). Они требовали решения, но в условиях сложившейся системы оно не было найдено.

Развитие музыкальной культуры в постперестроечной России было опосредовано:

— *полным* отказом государства от контроля над ней. Более того, «в области же музыкальной культуры государственная политика привела к тому, что музыкальные вкусы и интересы людей в нашей стране стали падать и сужаться». В 1980-х годах «классике отпускается всего 8 % тиража выпускаемых пластинок»[3]. Данная тенденция ныне привела к тому, что современная молодежь практически не посещает концерты классической музыки, даже и желая этого[4]. В этом плане культурная политика СПбГУП в сфере пропаганды академической музыки посредством приглашения симфонических оркестров, несомненно, может стать позитивным примером, который необходимо распространять не только в вузах, но и во всех учреждениях образовательного цикла современной России как одну из форм культурной политики по развитию общества;

— в эпоху перемен прежде всего начинают доминировать формы массового сознания, основанные на упрощенности смысловых нарративов, сводящихся к инстинктам, базовым потребностям, в том числе и в сфере искусства (развлекательность, компенсаторная функция);

— формы «элитарной» музыкальной культуры без поддержки государства оказываются в условиях «на выживание».

Музыкальное просвещение как часть формирования культурной среды российского общества на рубеже XX–XXI веков исчезает из российской реальности, уступая место «рыночному» подходу к роли музыкального искусства в жизни общества.

Выдающиеся современные российские деятели отечественной культуры и науки часто поднимают вопрос о невозможности далее продолжать культурную политику в стране по остаточному принципу, на откупе у «рыночной идеологии», «когда в человеке взращивается, культивируется все низменное, антигуманное»[5]. Произведения, которые созданы по этим принципам, как показали прошедшие от перестройки 30 с лишним лет, с точки зрения художественной ценности малоинтересны, аксиологически бессмысленны или и вовсе вредны, а это губительно для нравственного состояния общества, подрастающих поколений. О крайне тревожной тенденции свидетельствуют и результаты опроса детей младшего и среднего возраста[6], в которых Россия видит свое будущее. Любимыми песнями современные юные слушатели называют произведения низкого[7], даже вредного качества (и музыкального, и смыслового), которые к искусству можно отнести весьма условно, с пропагандой потребительского отношения ко всему.

Ныне много в российском обществе говорится о необходимости с детства прививать здоровые нравственные ориентиры, понимание ценности семьи, любви, дружбы, любви к Отчизне. Однако с музыкой, песнями, транслирующими совершенно иное, а зачастую разврат и социальный паразитизм, которые популярны у современного российского подрастающего поколения, трудно представить возможность выполнения созидательных задач.

Совершенно очевидно, что современной России нужна продуманная культурная политика, в том числе касающаяся системы музыкального просвещения, которая будет, учитывая ошибки прошлого, опираться на лучший опыт предшествующих поколений, причем не только в сфере элитарной, но и массовой музыки: госзаказ на создание произведений для детей, юношества, молодежи; создание нового и возвращение в систему школьного образования и просвещения лучших песен, созданных в СССР, имеющих в себе нравственные со-

[1] *Ястребов В.* Рок в кепке Ильича. Ульяновск, 2021. С. 393.

[2] *Запесоцкий А. С.* Дискотека как форма организации досуга молодежи : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1986.

[3] *Махлина С. Т.* Язык искусства в контексте культуры. СПб. : СПбГИК, 1995. С. 186.

[4] Опрос, весна 2021–2022, студентов вузов от 17 лет до 21 года показал, что 100 % молодых людей заявляют, что им нравится слушать классическую музыку, но посещают концерты классической музыки один раз в год 53 %, 2–3 раза в год — 11 %, более 5 раз в год — 4 %, вообще не посещают — 30 %, не ответили — 2 %.

[5] *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России. СПб. ; М., 2014. С. 662.

[6] Опрос, весна 2021–2022, школьников 9–11 лет.

[7] Среди таких: «Ягода малинка» (Хабиб), «Ты горишь, как огонь» (Slava Marlow), «Диор» (Е. Шип).

зидательные смыслы; возобновление системы просветительских концертов академической музыки[1] для охвата населения всей страны пониманием высоких образцов искусства, а не только столичных городов, с целью формирования общенациональной созидательной культурной среды, в которой доминирует постижение искусства, а не потребление его.

Академик Д. С. Лихачев утверждал: «Награжденный даром понимать искусство, человек становится нравственно лучше, а следовательно, и счастливее… Ибо награжденный через искусство даром доброго понимания мира… человек дружит с другими людьми, другими культурами, с другими национальностями, ему легче жить»[2].

Б. В. Куприянов[3]

ПЕДАГОГИКА УЧАСТИЯ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (Диалектика прошлого и будущего)

Рассматривая вызовы, встающие перед российским образованием на рубеже эпох, необходимо обратиться к анализу тех подходов, внедрение которых позволит ответить на эти вызовы. Один из таких подходов — расширение форм академической и социальной интеграции, вовлеченности обучающегося ребенка.

Исходя из теоретических построений А. Макинтайра о концепциях детства и их интерпретации в работах Д. В. Димке, можно зафиксировать фактическое возвращение в настоящее время к так называемой романтической концепции детства («ребенок оберегается от столкновения с миром взрослых»). Н. Э. Ракитина и А. Г. Филипова называют это явление «исчезновением» детей из общественных пространств. Авторы, опираясь на работы зарубежных исследователей, рисуют следующую картину: взрослые, не осознавая в полной мере своего отношения, оценивают город как враждебное пространство, создающее для несовершеннолетних множественные риски, поэтому конструируются защищенные среды (дом, образовательные организации), возможности свободного перемещения и самодеятельности для подрастающего поколения существенно ограничиваются. Из-за этого укрепляется фактически взращиваемый взрослыми и в то же время осуждаемый инфантилизм подрастающего поколения и явно видимый ориентир — переформатирование воспитательной политики и практики на «героическую» концепцию детства («ребенок как партнер и соратник взрослого»), что предполагает вовлечение детей в решение социальных проблем, обеспечение их активного участия в преобразовании окружающей жизни.

Следовательно, еще одним методологическим основанием может являться патрисипаторный (патрисипативный) подход, предусматривающий соучастие жителей в городском проектировании (соучаствующее проектирование — Г. Санофф). В этом случае мы ориентируемся на подростка не как пассивного потребителя городского пространства, а как потенциального участника его преобразования, со-участие несовершеннолетних в процессах формирования и оформления площадок неформального общения представляется деятельностным ориентиром настоящего исследования.

«Вовлеченность» является одним из популярных современных концептов в исследовании взаимодействия обучающегося со школой как целостным социальным организмом (включая участие в культурных практиках, функционирование в системе межличностных и деловых отношений и т. д.). В последние годы указанное явление весьма продуктивно изучали Н. В. Киселева, Н. Г. Малошонок, Д. К. Остапенко и ряд других авторов. В своем исследовании Н. В. Киселева обращает внимание на различия в вовлеченности на разных этапах образовательного процесса, Д. К. Остапенко в контексте вовлеченности рассматривает зависимость ценностно-смысловой сферы подростков от уровня спортивных достижений. Для целей данного исследования особый интерес представляет ряд положений Н. Г. Малошонок, которая вслед за Х. Коутс предлагает расширить представление о вовлеченности и распространить за пределы формально понимаемого обучения лояльность к образовательной организации, ощущение себя частью этой организации и т. д.). Опираясь на работы В. Тинто, Н. Г. Малошонок включает в поле вовлеченности академическую и социальную интеграцию обучающегося («соблюдение эксплицитных норм, следование ценностям образовательной организации, включенность в отношения с обучающимися и педагогическими работниками»).

Некоторый аналог вовлеченности можно обнаружить в отечественных исследованиях. Так, Л. Г. Садакова изучала развитие самодеятельности старших подростков (1991), различая разные уровни самодеятельности школьников: исполнительский, инициативный, творческий, и возлагая на педагога руководство процессом развития (позиция которого меняется в зави-

[1] В Японии посещение концертов академической музыки — обязательная часть обучения детей (до 300 концертов в год в школьной форме под присмотром учителя).

[2] *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М., 2018. С. 93–94.

[3] Профессор департамента педагогики Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Борьба советских пионеров с хулиганами по материалам „Пионерской правды“ 1950-х — 1960-х гг.» (в соавт.), «Soviet Adolescents' First Experiences of Romantic Feelings and Relationships at Pioneer Camps between the 1960s and 1980s», «The Adrenaline Rush of Children's Pranks», «Организация досуговых мероприятий» (ред. и соавт.), «Организация детского отдыха. Методика организации ролевой игры» (в соавт.), «Образование и социальная дифференциация» (в соавт.) и др. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

симости от организатора, участника до консультанта). В традиции деятельностного подхода попытка разработать сходную проблематику осуществлена в 1994 году В. В. Рогачевым. В его диссертации фактически речь идет о деятельностной вовлеченности старшеклассника в широкий поток взаимодействия с отдельными лицами и социальными институтами в различных сферах общественной жизни.

Еще одна линия, которую следует рассмотреть в данном контексте, — это линия «педагогики проживания», «событийного подхода в воспитании» (В. П. Бедерханова, О. С. Газман, Н. Б. Крылова, И. Ю. Шустова и др.). Авторы интерпретируют нахождение ребенка в детско-взрослой общности школы как прежде всего «бытие», «проживание», наличие общего объекта интереса, проблемного общения и самоопределения, открытости и доверия участников общности по отношению друг к другу, оформленной позиции каждого. Д. В. Григорьев для обозначения результатов воспитания использовал понятия «причастность» («ощущение себя частью чего-то большего») и «идентичность» («переживание и осознание индивидом принадлежности к группе, другим людям или сообществу, имеющие для него значимый смысл»), «гражданская идентичность». Автор акцентировал внимание на том, что школа — второе после семьи социальное пространство, где ребенок превращается из человека семейного в человека общественного, указанное обстоятельство может быть описано через совокупность социальных ролей, главная из которых — «гражданин (или обыватель) школьной общности».

Отечественную традицию воспитания обогащают идеи об обеспечении гражданского участия детей. Здесь ведущая роль отводится муниципальным органам власти, специалисты которых нацелены на развитие активной гражданской позиции несовершеннолетних, главным здесь выступает признание детей «способными преобразовывать свое окружение». Уместным выглядит использование такой теоретической конструкции, как School Connectedness. Под школьной интеграцией понимаются связи обучающегося со средой — межличностные отношения, чувство эмоциональной близости с другими участниками школьной общности, положительная оценка учеником своего участия в школьной среде, субъективное отражение школьником того, как его принимают, уважают, поддерживают в школьной социальной среде. В американских исследованиях интеграция обучающегося в школьное сообщество рассматривается в связи с решением проблем психического здоровья, отказом от употребления психоактивных веществ и законопослушным поведением.

Анализ публикаций Д. В. Григорьева, Н. В. Киселевой, Е. Ю. Литвиновой, Н. Г. Малошонок, А. В. Мудрика, В. В. Рогачева, М. Батановой, Дж. Д. Кэнси, М. Р. Даддса, А. Лукаса, Р. Монтегю, Д. Хама, Я. Шочета позволил определить школьную вовлеченность как состояние, характеризующееся совокупностью следующих компонентов:

— непосредственное, осознанное, целенаправленное осуществление обучающимся действий, направленных на изменение ситуации в образовательной организации, инициирование мероприятий, акций (расходование обучающимся времени, собственных усилий, энергии), выполнение в рамках совместной деятельности действий, приносящих личности удовлетворение собственных интересов и потребностей; самореализация обучающегося в учебных и внеучебных практиках, ученическом самоуправлении, в различных объединениях по интересам, обретение маркеров повышения социального статуса в общности;

— отражение школьником своей связи с образовательной организацией, интериоризация ее миссии и целей совместной деятельности, ощущение своей причастности к реализации миссии и цели школы (отражение значимости своего участия, вклада своих сил и времени); убежденность учащихся в том, что взрослые в школе заботятся об их обучении, а также о них как о личностях;

— удовлетворенность процессом и результатами совместной деятельности, межличностными отношениями, возникающими в процессе совместной деятельности по изменению ситуации в образовательной организации, переживание обучающимся собственной значимости для школьного сообщества.

Таким образом, внедрение различных форм академической и социальной вовлеченности, интеграция ученика в разные виды школьной активности способствуют его личностному преображению, формированию ценностной основы для новых моделей поведения, что, в свою очередь, является продуктивным ответом на вызовы времени.

Е. А. Легенькова[1]

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Грядущие изменения в российской системе высшего профессионального образования в последнее время активно обсуждаются на разных информационных площадках[2].

Россия присоединилась к Болонскому процессу 19 сентября 2003 года. Вопрос об эффективности проведенной реформы, несмотря на кажущуюся ее привлекательность (взаимное признание дипломов, повышение качества образования, академическая мобильность), возник еще в самом начале. Подмена рыночными принципами традиционной просветительской философии университетского образования практически сразу нашла своих критиков в ЕС, а сам процесс реформирования шел тяжело[3]. Ко времени присоединения России к процессу формирования общеевропейского пространства высшего образования вопрос оставался дискуссионным. Сошлемся на статью А. С. Запесоцкого «Ставка — будущее России. Азартная игра — Болонский процесс» (2005)[4], в которой автор поделился своими оказавшимися ненапрасными тревогами о будущем российского образования.

С 1 сентября 2024 года в силу вступают новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования[5]. В соответствии с ними профессиональное лингвистическое образование входит в укрупненную группу «Гуманитарные науки и языки. 05. Язык, общественные коммуникации, медиа и журналистика». Бóльшая часть специальностей и направлений подготовки остается в рамках двухуровневой системы и сохраняет ставшие привычными квалификации выпускников: бакалавр лингвистики, магистр лингвистики. По программе специалитета будут учиться только лингвисты-переводчики на направлении подготовки «Перевод и переводоведение». Таким образом, обучение по лингвистическим специальностям формальным изменениям практически не подлежит, и, следовательно, ряд проблем, связанных с болонской системой образования, хотя и с известной долей неопределенности, остается актуальным.

В первую очередь сохраняются проблемы, связанные с качеством образования. В статье В. Д. Табанаковой «Лингвистическое образование на фоне смены научной парадигмы» делается вывод, что «система фундаментального лингвистического образования в стране практически разрушена»[6]. С 1997 года по лингвистическим специальностям введено уже три постоянно модифицирующихся поколения ФГОС. Сравнение образовательных стандартов специалитета (ГОС 620100 — Лингвистика и межкультурная коммуникация от 14 марта 2000 г.) со стандартами бакалавриата по лингвистике показывает, что объем профессионального лингвистического компонента уменьшается, качество фундаментальной подготовки по направлению «Лингвистика» снижается, как снижается и реальный уровень общекультурных компетенций выпускника.

Если говорить о востребованности лингвистов на рынке труда, то отношение к ним работодателей вписывается в общую тенденцию — при прочих равных в приоритете магистры и специалисты. В то же время только около трети бакалавров продолжают обучение в магистратуре. В условиях современной нестабильности делать прогнозы — задача неблагодарная. Например, при пандемии оказалась практически невостребованной такая широко распространенная лингвистическая профессия, как гид-переводчик. Видимо, при сокращении прямых международных контактов можно ожидать падения спроса и на другие лингвистические профессии, требующие квалификации бакалавр. В то же время, возможно, повысится востребованность специалистов в области профессионально ориентированного/технического перевода, а также лингвистических специальностей на стыке с информационными технологиями, требующими более высокого уровня подготовки (магистр/специалист).

В этих условиях существует проблема смены специализации при поступлении в магистратуру. Социология показывает, что 39,3 % выпускников бакалавриата стремятся сменить направление подготовки[7]. Правила приема в магистратуру это допускают. При этом считается, что «мотивация, исследовательские навыки, умение экспериментально работать важнее, чем базовая подготовка»[8]. Мнение это довольно спорное. С одной

[1] Заведующая кафедрой немецкого и романских языков СПбГУП, кандидат филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «„Дорогие гости“ в советских художественных музеях: Ж. Дюамель и Л. Дюртен», «О встречах французских писателей Жоржа Дюамеля и Люка Дюртена с Владимиром Маяковским (Москва–Париж 1927 г.)», «Самая читающая страна глазами французских гостей (1925–1935)», «Воображаемое путешествие в Страну Советов Жюля Ромена: реальность и литературный вымысел» (в соавт.), «Судьба Виктора Сержа как переводчика» (в соавт.) и др. Награждена юбилейной медалью ФНПР «100 лет профсоюзам России».

[2] См., например: В России расширят подготовку по программам специалитета. Москва. 2022. 23 марта // INTERFAX.RU. URL: https://www.interfax.ru/russia/830856 (дата обращения: 13.04.2022) ; Новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования повысят гибкость образовательных программ. 2022. 4 марта. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=48034 (дата обращения: 13.04.2022).

[3] *Musselin Chr.* Les paradoxes de Bologne: l'enseignement supérieur français face à un double processus de normalisation et de diversification // La fabrique des sciences: Des institutions aux pratiques. Lausanne : Presses polytechniques et universitaires romandes, 2006. P. 25–42.

[4] *Запесоцкий А. С.* Ставка — будущее России. Азартная игра — Болонский процесс // Высшее образование в России. 2005. № 9. С. 3–8.

[5] Новые перечни специальностей и направлений подготовки высшего образования повысят гибкость образовательных программ.

[6] *Табанакова В. Д.* Лингвистическое образование на фоне смены научной парадигмы // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 7. С. 55.

[7] *Подцероб М.* Почему студенты все чаще меняют специальность при поступлении в магистратуру. URL: https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/07/20/878782-studenti-magistraturu (дата обращения: 23.04.2022).

[8] Ирина Абанкина: Зачем нам реформа образования // RG.RU : [сайт]. 2022. 23 марта. URL: https://rg.ru/2022/03/23/irina-abankina-zachem-nam-reforma-obrazovaniia.html (дата обращения: 13.04.2022).

стороны, те направления, которые связаны с развитием структурной лингвистики и обшей тенденцией к цифровизации, говорят в пользу междисциплинарности и в ряде случаев плодотворны. Однако опыт показывает, что многие бакалавры сегодня слабо представляют себе цели и задачи обучения в магистратуре.

В случае лингвистической магистратуры часто оказывается, что меняющий направление подготовки абитуриент (окончивший бакалавриат по техническим, естественно-научным или общегуманитарным направлениям) отличается лингвистической некомпетентностью в самом широком смысле слова и рассматривает свое обучение просто как способ усовершенствовать знание иностранного языка. То есть он не видит разницы между обучением в лингвистической магистратуре и на курсах иностранных языков. В реальности разные вузы предъявляют трудно сопоставимые требования к практической и теоретической подготовке поступающих в магистратуру и к форме вступительного испытания (от четырехчасового письменного экзамена по теории и практике языка до формального устного собеседования). Очевидно, что это тот случай, когда корректировка и гармонизация требований необходимы.

Эффективность системы образования зависит от идеала человека, воспитать которого она стремится. Если речь и дальше будет идти о прагматическом и утилитаристском подходе к образованию и человеку, то в качестве выпускника вуза мы получим пресловутого Homo faber, человека производящего, просто мастерового или ремесленника.

Е. А. Ленская[1]

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ В СТРАНАХ МИРА[2]

Одними из наиболее острых проблем, стоящих перед российским образованием, являются неравенство образовательных возможностей и недостаточное внимание, которое уделяется детям, обладающим рядом особых образовательных потребностей. По данным международных исследований, 17 % пятнадцатилетних детей не достигают даже порогового уровня освоения русского языка и математики, который должен быть преодолен еще в начальной школе.

Каждый год Всемирный банк готовит доклад по одной из отраслей экономики и социальной сферы. В 2018 году доклад был посвящен образованию. Приведем одну из цитат: «Хождение в школу без научения — не просто потерянная возможность, но и большая несправедливость»[3].

Сейчас все чаще стали встречаться дети, которых сразу заносят в разряд необучаемых и стараются перевести в класс коррекции или профессиональное училище, чтобы не портили статистику школе.

Пятнадцать лет назад Майкл Барбер опубликовал доклад «Как лучшие образовательные системы выходят вперед»[4]. Приведем его основные выводы. Увеличение финансирования не гарантирует роста качества, не происходит этого и тогда, когда механически сокращается наполняемость классов, но при этом не пересматриваются формы взаимодействия с учителем и одноклассниками. Только хороший учитель может добиться лучшего качества.

Работники сферы образования разных стран стали задумываться над тем, кого следует считать хорошим учителем. Ответ на этот вопрос неочевиден. Учитель должен знать свой предмет, должен уметь его преподавать, но преподавать кому? Ученику средних способностей, отстающему или тому, кого принято называть одаренным? Ответ на этот вопрос недавно попытался дать Александр Сидоркин, который убедительно показал: система образования отличается от бизнес-систем тем, что в ней ключевую роль играют взаимоотношения учителя и ученика и успешным становится тот учитель, которому интересен каждый ученик и который учит каждого исходя из его способностей, а не из среднестатистических потребностей класса[5].

Есть еще один фактор, который оказывает едва ли не самое большое влияние на качество образования. Речь идет о стратегии реформ, которые выбирает то или иное правительство или сообщество. Известный финский ученый Паси Сальберг предложил типологию реформ, каждая из которых базируется на определенных ценностных основаниях и понимании предназначения образования[6].

Если главной ценностью для правительства становится *равенство образовательных возможностей*, то

[1] Директор Центра изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Образование и инклюзия: о чем говорит исследование ЮНЕСКО в странах Центральной и Восточной Европы и Средней Азии», «Скрытые смыслы образовательных реформ», «Исключительные дети», «What Did We Learn About Our Teachers and Principals? Results of the TALIS-2013 International Comparative Study» (в соавт.), «Longitudinal Study of Changes in Teachers' Views of Early Childhood Education in the USA, Russia, and Finland» (в соавт.), «Директора российских школ. Основные характеристики» (в соавт.), «Портрет учителя» (в соавт.). Эксперт Всемирного банка.

[2] Доклад подготовлен на основе статьи: *Ленская Е. А.* Скрытые смыслы образовательных реформ // Тенденции развития образования. Качество образовательных результатов и образовательные реформы : материалы XV ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 5–15.

[3] World Development Report 2018. Learning to Realize Education's Promise the World Bank, 2018.

[4] *Barber M., Mourshed M.* How the world best performing systems come out on top. N. Y. : McKinzie and Co, 2007.

[5] *Sidorkin A.* The Pedagogy of Relation. URL: https://drive.google.com/file/d/1RCg09xi5W2oOrsJ-3l6yFnsKAcAuy_z-/view?usp=sharing.

[6] *Sahlberg P.* Teaching and Globalization // Managing Global Transitions. 2004. Vol. 2, № 1. P. 65–83.

цель реформ — усиление политической роли образования в обеспечении демократии, справедливости, социальной мобильности и равных возможностей для всех граждан. Это конструктивистский подход: система образования конструирует, моделирует будущее общество. Чтобы добиться результата, нужно реформировать прежде всего нижние уровни образования, финансировать их, ведь именно они закладывают основу образования для всех, поддерживают баланс возможностей для сельских и городских жителей, гендерное равенство, учебный план становится более интегрированным, формируется политика инклюзии. *Но усилия по достижению равенства не дают скорого эффекта в результатах тестов*. И это обстоятельство не устраивает правительства стран, которые стремятся как можно скорее продемонстрировать свою эффективность.

Такие правительства скорее выберут политику *реструктуризации*: *ее цель — приблизить систему к международным образцам*. Они исходят из представления о том, что все образовательные системы, эффективные и дающие высокие результаты, строятся на одинаковых ценностных основаниях, принципах и условиях работы. Поэтому они будут изменять соотношение учеников и учителей, численность класса и школы, время на изучение тех или иных предметов, объем подушевого финансирования и продолжительность обязательной ступени обучения. Среди таких реформ Сальберг называет появление независимых экзаменационных центров, передачу государственных школ в управление частным лицам, как это происходит в Великобритании (школы-академии) или США (чартерные школы). Когда затевалась массовая реструктуризация системы довузовского образования в Москве, утверждали, что почти во всех странах школы укрупняют. Но это не так, в Нью-Йорке, например, школы, наоборот, разукрупняли для того, чтобы каждый старшеклассник из неблагополучного района города оказался в поле зрения. В любом случае следует помнить, что *самые грамотные заимствования не гарантируют успеха в новом контексте*.

Некоторые правительства, планируя реформы, исходят из того, что образование — всего лишь одна из отраслей экономики. Если экономическая ситуация складывается не лучшим образом, они выбирают стратегию реформы системы финансирования. Ее цель — *сокращение доли государственного финансирования* путем поиска способов заставить участников образовательного процесса платить за свое образование. Поскольку на образование уходит значительная часть расходного бюджета стран, нужно его экономить, чтобы оставаться конкурентоспособными. Надо либо искать спонсоров на стороне (чаще всего ими оказываются родители), либо сокращать подушевые расходы, либо делать и то и другое. Тогда происходит приватизация среднего и высшего образования, или, например, увеличение размера классов для снижения подушевых расходов. *Но в результате государство перестает исполнять свои функции*: деньги налогоплательщиков не обеспечивают результата, за который граждане готовы платить налоги государству.

И наконец, глобализация часто является рычагом развития экономики. Чтобы улучшить экономику страны и повысить качество образования необходимо установить высокие стандарты и регулярно измерять их достижение. Международные сопоставления усилят интерес к образованию и привлекут дополнительные ресурсы. Но, к сожалению, *связь между результатами тестов и экономикой непрямая*, а эффект от реформ такого рода отсрочен по крайней мере лет на двадцать. Увлечение тестированием приводит к обилию проверочных процедур и проверяющих, число которых скоро сравняется с количеством педагогов. Стоимость такого рода процедур, если они организованы на высоком уровне, достаточно велика и может составлять значительную часть бюджета, а эти средства можно было бы направить на улучшение подготовки учителей. Нам известны страны, которые входят в число лучших по данным PISA, TIMSS и PIRLS. Пожалуй, справедливо будет сказать, что в последнее время наиболее заметный приоритет в мире довузовского образования в этих странах — внимание к раннему развитию ребенка и дошкольному образованию. *Везде дошкольное образование стало финансироваться лучше*. В Австралии, по данным ОЭСР, всего за два года оно увеличилось в три раза[1]. Можно считать доказанным: дети, получившие хорошее дошкольное образование, как правило, успешно учатся в начальной школе и тем самым закладывают прочную базу для обучения в средней.

Еще один приоритет — перенос главного акцента государственной политики с заботы об одаренных на *поддержку и «выравнивание» детей из сложной или неблагополучной среды*. В 2001 году в США был подписан акт «Ни одного ребенка за бортом», цель которого — добиться приемлемых результатов у всех без исключения детей. Это было нелегко, все пятнадцать лет этот проект был под угрозой закрытия, в конце концов его все-таки закрыли, но появился проект-наследник — Every Student Succeeds Act[2]. В целом ряде наиболее успешных стран реализуется политика поддержки школ, работающих в неблагоприятных условиях: удаленных от центра, маленьких сельских, школ с большим количеством детей мигрантов, не говорящих на языке обучения.

Как и прогнозировалось в докладе фонда *McKinsey*, страны стали активно проводить *реформы педагогического образования*, главный фокус которых можно определить как перенос акцента с теоретической подготовки на профессиональную компетентность учителя: учитель должен научиться быть не транслятором единственно верных знаний, а помощником в их приобретении. По этому пути идут Финляндия, Эстония, Великобритания, Австралия, Япония.

Наконец, системы образования стали стремиться еще к одному образовательному результату — *социализации ребенка* как цели не менее важной, чем академическая успеваемость. Не так давно в русском переводе вышла книга Джона Хэтти «Видимое обучение»[3].

[1] OECD Education policy outlook Australia. OECD, 2013.

[2] Every Student Succeeds Act. 114th Congress (2015–2016). S. 1177.

[3] *Хэтти Дж.* Видимое обучение. Синтез результатов более 50 000 исследований с охватом более 86 миллионов школьников. М. : Нац. образование, 2017.

Хэтти проводил свое исследование на огромном массиве данных — он синтезировал данные 50 тыс. исследований, в которых приняли участие более 80 млн учащихся, и выделил параметры, в наибольшей степени влияющие на качество образовательных результатов. Он подтвердил выводы Барбера о значимости качества преподавания, но ему удалось выделить его основной показатель — наличие обратной связи «учитель–ученик». Учащийся должен понимать, что нужно сделать, чтобы подняться на следующую ступеньку, должен учиться на своих ошибках, а не бояться их совершить. Наличие обратной связи не менее важно и для образовательных учреждений — и здесь, увы, ее роль часто играют рейтинги. То, что заложено в рейтинг, может стать ориентиром для школы, особенно если успех в рейтинге означает прибавку финансирования.

О том, почему важно обращать внимание на неуспешных детей, точнее всего сказал, как мне кажется, канадский ученый Скотт Мюррей: «У вас в России очень много внимания уделяют одаренным детям. Это хорошо и правильно, но надо помнить, что вы готовите этих детей не только для себя. Они могут выбрать работу в другой стране, и им везде будут рады. А вот те, кого вы недоучили, останутся с вами, и вам придется заботиться о них, платить им социальное пособие, и это огромный груз для экономики». Мюррей подсчитал на примере одной из канадских провинций, что если всех детей в ней доучить хотя бы до третьего уровня по шкале PISA (примерно уровень выпускника начальной школы), то доходы провинции вырастут втрое[1]. Эстония, которая начала материально поддерживать школы, работающие в сложных условиях, вышла, по данным исследования PISA, на первое место в Европе, а вот Великобритания существенно ослабила свои позиции, когда отказалась от ряда способов поддержки детей из неблагополучных семей. Следует сказать, что внимание к уязвимым группам детей — основа политики большинства демократических стран.

Какие же меры этому способствуют? Прежде всего осознание этой задачи как политического приоритета. Государство должно защищать своих членов и особенно тех, кого больше некому защитить.

Надо наконец не на словах, а на деле поддержать школы, работающие в сложных условиях, предоставив им финансовую помощь. Мы все еще находимся в плену ложного представления о том, что дать дополнительное финансирование школам, показывающим низкие результаты, — значит наградить их за плохое качество работы. Это не так. Для любого серьезного шага вперед нужны ресурсы, о чем свидетельствует пример Эстонии.

Поддержка детей, живущих в неблагоприятных условиях, должна стать главным приоритетом для нашей страны, особенно сейчас, когда дается не самый благоприятный экономический прогноз на ближайшие годы.

Г. В. Макотрова[2]

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ: КАКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НЕОБХОДИМЫ

Бурный рост числа научных и технических достижений, процессы цифровизации во всех сферах экономики дают существенный толчок развитию любого государства. Поэтому в современных запросах на качество российского общего образования отражено формирование функциональной грамотности школьников; создание информационно-образовательной среды, обеспечивающей развитие их познавательных интересов[3] и учет требований XXI века. При обновлении ценностно-целевых характеристик российского школьного образования в обучении все чаще реализуются учебные ситуации, которые носят проблемный характер и обеспечивают проявление функциональной грамотности школьников.

В то же время в условиях углубления в современном мире аксиологического кризиса, проявляющегося в расцвете неолиберализма и распространении явлений верховенства прагматизма над нравственными ориентирами, существует вероятность поклонения диктуемым зарубежными теориями обучения нормам, потери существующих ценностных зерен школьного обучения. Учитывая происходящие процессы гуманистического развития российского общества в противовес угасанию в ряде стран с достаточно сытой и безопасной жизнью «гуманистических инстинктов нравственного самосохранения»[4], а также тектонические сдвиги в новом ценностном осознании человеком мира и себя в нем, становятся особо значимыми гуманистические идеи развития школьного обучения. Не случайно все чаще среди ученых-дидактов возникают вопросы о том, как в условиях высокой концентрации вни-

[1] *Murrey S.* Learning a Living. First Results of the Adult Literacy and Life Skills Survey. Ottawa ; P. : Statistics Canada, OECD, 2005.

[2] Профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Использование сети Интернет в познавательной деятельности старшеклассников: культурологический подход», «Дидактические основания развития исследовательского потенциала школьников: антропологический контекст»; статей: «Системная психофизиология для дидактики развития исследовательского потенциала школьников», «Помощь учителя школьникам в преодолении познавательных барьеров при решении исследовательских задач», «Дидактические ориентиры в проектировании электронного учебного пособия для школьников». Отмечена значком «Отличник народного просвещения».

[3] *Басюк В. С., Ковалева Г. С.* Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности»: основные направления и первые результаты // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 13–33.

[4] *Иванова С. В., Иванов О. Б.* Аксиологический кризис в современном мире: найти выход // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1, № 1. С. 7–29.

мания учителей к деятельностной составляющей обучения не потерять знаниевый компонент содержания образования[1], не допустить при его освоении деформации культурного кода человечества; как обеспечить основанную на общечеловеческих, нравственно-гуманистических ценностях субъектно-личностную позицию школьника в учебной деятельности, в том числе в условиях его самостоятельной работы с использованием цифровой среды.

Поиски ответов на эти вопросы ведут к использованию в теории обучения принципа антропологизма, который рассматривается как системно интегрированная методология гуманистической педагогики и саморазвития личности[2], как целостная система идей, обеспечивающих развитие личности, сочетающей в себе свойства субъектности и индивидуальности[3]. В контексте принципа антропологизма человек рассматривается как биопсихосоциокультурное существо, а его исследовательская деятельность — как фундаментальная функция живого организма.

Обращение к принципу антропологизма создает мощную преграду слепому копированию практик обучения, в том числе зарубежных, возникновению и развитию рисков, связанных с использованием цифровых ресурсов и технологий. В его контексте развитие российского школьного обучения можно представить на основе оценки проявления субъектности учеником в проблемных ситуациях, реализации в них четырехкомпонентной структуры содержания образования (опыта открытия и включения в оборот научных знаний, опыта способов теоретической и практической деятельности, опыта творческой деятельности, опыта эмоционально-ценностных отношений и переживаний)[4]. Так, в традиционном знаниевом обучении использование метода проблемного изложения, эвристического и исследовательского методов направлено прежде всего на формирование опыта правильного понимания и воспроизведения. Ученик в таком обучении проявляет себя как субъект действий.

В проблемно-развивающем обучении у школьников формируется опыт обнаружения субъективно научных проблем и конструирования понятий (опыт теоретического мышления). Но, несмотря на то, что это обучение определяют как процессуально-методическую систему, предназначенную для усвоения особого содержания — творческого опыта[5], в нем нивелируется индивидуальный опыт жизнедеятельности, опыт творческого саморазвития. Недооценка опыта эмоционально-ценностного отношения к действительности приводит к тому, что ученик в проблемно-развивающем обучении проявляет себя как субъект деятельности.

В личностно-развивающем обучении учитель согласовывает предметный (общественно-исторический) и индивидуальный опыт школьников, использует и обогащает их познавательный опыт, сложившийся как на учебных занятиях, так и за их рамками, обеспечивает выработку школьниками личностных смыслов в познании и исследование ими собственной жизнедеятельности. В таком обучении реализуются все компоненты содержания образования. Ученик, являясь субъектом отношений, открывает в процессе познания личностно значимое новое, осуществляет процесс творческого саморазвития. Поэтому такое проблемное обучение рассматривается как особая дидактическая система, ориентированная на развитие и познавательного интереса, и опыта самостоятельного осуществления творческой познавательной деятельности, основанной на открытии нового[6].

При наличии в жизни современного человека множества взглядов на любую проблему, неоднозначности оценок и многовариантности решений возрастает необходимость реализации личностно-развивающего типа обучения. В его результатах особое место должно занять развитие исследовательского потенциала школьника, который мы рассматриваем как дидактический феномен, обусловленный задатками, способностями, опытом познания в обучении и жизнедеятельности динамичный личностный ресурс, представляющий интегративное единство направленности школьника на познание себя, других людей и мира, чувственно-наглядных образов и знаний о вселенной, живой природе, обществе и человеке, способов познания окружающего мира и обеспечивающий в ходе решения исследовательских задач личностное самоопределение, перестройку направления и содержания познавательной деятельности, творческое саморазвитие[7].

Наряду с опытом познания в школьном обучении мы впервые в сущностных признаках исследовательского потенциала школьника показали опыт познавательной деятельности, возникший за его рамками, представили реализуемые в познании школьника чувственно-наглядные образы, его ориентацию на познание себя и других людей. Для проведения учителем оценки динамики его развития нами дано как качественное описание его показателей, так и представление их в терминах универсальных учебных действий, указанных в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования. Полученная характеристика нравственной, научно-мировоззренческой, коммуникативной, информационно-действенной, когнитивной, креативной, регулятивной функций исследовательского потенциала школьника свидетельствует о том, что он обеспечивает свободное, творческое, созидательное, духовное бытие человека, его самоценность.

---

[1] *Марчукова О. Г.* Организация знаниевой деятельности на уроке в основной школе: дидактико-методическое обоснование // Педагогика. 2020. № 9. С. 55–64.

[2] *Фирсова А. Е.* Индикаторы антропологического подхода в педагогической теории и образовательной практике // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 873–876.

[3] См.: *Макотрова Г. В.* Принцип антропологизма в дидактической концептуализации развития исследовательского потенциала школьников // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1.

[4] Теоретические основы процесса обучения в советской школе / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. М. : Педагогика, 1989.

[5] *Селиверстова Е. Н.* Развивающая функция обучения: опыт дидактической концептуализации. Владимир : ВГПУ, 2006.

[6] *Селиверстова Е. Н.* Идея субъектности в дидактическом наследии И. Я. Лернера: связь веков // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 3 (39). С. 42–54.

[7] См.: *Макотрова Г. В.* Развитие исследовательского потенциала школьников: от идеи до технологии // Психолого-педагогический поиск. 2018. № 1 (45). С. 103–118.

На основе реализуемых в школьном обучении тенденций природосообразности, культурогенеза, гуманизации нами были выявлены группы проблем обучения, позволившие сформулировать ряд сущностных противоречий, отражающих единство содержания деятельности педагога и школьников, а именно: между необходимостью соблюдения требований нового образовательного стандарта, привнесения в содержание образования жизненного опыта школьников, современного научного знания и отсутствием дидактического обоснования путей реализации содержания образования, направленного на развитие исследовательского потенциала школьников в обучении; между необходимостью подготовки школьников к культуротворчеству в познании и отсутствием дидактического обеспечения этого процесса; между гуманистической установкой системы школьного обучения на получение обучающимися опыта открытия личностно значимого нового в условиях современной информационно-образовательной среды и недостаточным дидактическим осмыслением путей творческого саморазвития школьников в познании[1].

Чтобы сформировать целостное представление о развитии исследовательского потенциала школьников в отечественном обучении, обеспечивающем решение выделенных сущностных противоречий в контексте набирающего методологическую силу принципа антропологизма, мы обратились к результатам фундаментальных исследований в области нейронаук, а также междисциплинарных исследований, так как именно они ведут к прорывным изменениям в теории и практике обучения. В итоге нами были разработаны когнитивно-дидактические основы развития исследовательского потенциала личности, которые в дальнейшем позволили создать дидактическую концепцию его развития. Она определяется нами как полученная в контексте принципа антропологизма система теоретических положений, включающая ведущие тенденции, закономерности, принципы, психолого-дидактические условия, учет которых обеспечивает его научное проектирование, систематизацию, объяснение и прогноз эмпирического материала, выявление ориентиров создания новых перспективных дидактических средств.

Ведущими в дидактической концепции являются идеи целостности, культуротворчества, системогенеза, реализация которых обеспечивает единство содержательного, процессуального и деятельностного подходов в обучении. Использование идеи целостности позволяет на основе актуализации проявлений личностного отношения школьника к познанию и жизненному опыту, включения в обучение жизненных аналогий найти пути обеспечения ви́дения школьниками части в контексте целого; преодолеть разрывы между интеграцией и дифференциацией в содержании обучения, между эмоциональностью и интеллектуальностью в их познании; достичь интегративности и открытости предметного содержания. Реализация идеи культуротворчества предполагает создание последовательности учебных ситуаций, в которой отражается иерархия культурных форм познания (культуроосвоения, культуропользования, культуроинтерпретаторства, культуротворчества), что позволяет обнаружить содержательную преемственность между культурными смыслами в осуществляемых формах познания; ценностную синхронность стихийного и целенаправленного потока культурной трансляции достижений личностного опыта. Следование идее системогенеза обеспечивает определение способов организации деятельности школьников в учебной ситуации, тесно связанных с ними путей педагогического сопровождения творческого саморазвития школьников, а также предложение методов оперативной диагностики проблем развития исследовательского потенциала школьников.

Реализация дидактической концепции в обучении позволила выявить наибольшую положительную динамику развития исследовательского потенциала обучающихся в школах культуротворческого типа. Исходя из того, что влияние дидактических исследований на практику происходит с временной отсрочкой, наблюдается «растворенность» целого ряда дидактических знаний в методиках преподавания учебных дисциплин[2], считаем, что без обращения разного уровня представителей управления общим образованием к педагогической науке невозможно создание системы управления внедрением созданной дидактической концепции в различные образовательные системы.

[1] См.: *Макотрова Г. В.* Дидактическая концепция развития исследовательского потенциала школьников : дис. … д-ра пед. наук. Белгород, 2020.

[2] *Осмоловская И. М.* Взаимосвязь дидактики и педагогической практики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1, № 1. С. 30–42.

А. А. Мельникова[1]

РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫЗОВАХ ВРЕМЕНИ: КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС

Осмысливая подходы к высшему образованию, можно выделить два основных направления:

— первое, восходящее к античной традиции, ставит целью образования формирование «человека культуры». В рамках такого подхода человек на начальных этапах обучения не концентрировался исключительно на предметах, связанных с избранным направлением подготовки (для классического европейского университета это были медицинский, теологический или философский факультеты), а изучал «семь свободных искусств», включавших в себя музыку, риторику, грамматику, логику, астрономию, геометрию и арифметику, и лишь затем приступал к предметам выбранной специализации;

— второе направление основано на прагматической цели: подготовить специалиста определенного профиля, соответственно изучаемые им дисциплины должны максимально соотноситься с его будущей специализацией.

По какому пути идет российское образование? Формально старается что-то реализовать из первого подхода, введя общие для всех специальностей гуманитарного направления дисциплины, читающиеся в первые годы обучения в вузе: философию, историю, экономику, педагогику, математику, безопасность жизнедеятельности и др. Если обратиться к истории России, то у такого подхода есть и более радикальные варианты воплощения: так, в негосударственном университете Петербурга, созданном при Психоневрологическом институте в 1903 году, студенты в течение трех лет изучали одни и те же гуманитарные и естественно-научные дисциплины в равном объеме (по 1260 часов на каждый из блоков дисциплин). По окончании трех лет такого обучения начиналась специализация в выбранной научной области: либо еще два года изучения педагогики или юриспруденции, либо три года изучения медицины. Однако распространения такая образовательная модель не получила — можно предположить, что при такой концепции недостаточно времени было отведено для изучения выбранной специальности.

В то же время идея культуросообразности (сформулированная еще А. Дистервегом) в той форме, в которой она сейчас воплощается (в виде читаемых студентам всех специальностей общих предметов для расширения кругозора и всестороннего развития), явно не удовлетворяет насущным потребностям в формировании профессионала нового типа, в чем сейчас нуждается социум.

Для определения ресурсности культуры вначале необходимо обозначить сущность вызовов времени и порождаемые ими требования, ибо культура многогранна, и для разных социальных потребностей различные ее составляющие могут быть ресурсом. Итак, какова специфика сегодняшнего состояния социального бытия? Первая особенность заключается в том, что сделанная в период Просвещения ставка на знания как оплот культуры не оправдала себя — информационный бум не привел к формированию «человека культурного». Более того, индивиду все более сложно справляться с потоком захлестывающей его информации, что актуализирует необходимость в специальных умениях обрабатывать поступающие данные. Кроме того, передаваемые знания в ряде научных специальностей быстро устаревают, что тоже означает необходимость сделать акцент в учебе не на знания, а на формирование умений и навыков.

Второй особенностью современности является стандартизация — в области производства это унификация, конвейерный выпуск изделий, и над таким материальным надстраивается идеальное: брендовое сознание, стереотипизация мышления. Все усиливающийся поворот к потребительству с увеличением значимости материального снижает необходимость в размышлении над культурными явлениями, человек все более удовлетворяется простым, полученным через средства массовой информации объяснением.

Снижению запроса на анализ происходящего способствует и виртуализация как все более доминирующая тенденция современности, захватывающая все новые области социальной реальности. Если вначале речь шла о виртуализации коммуникативного пространства, то затем стали говорить о формировании виртуальной реальности, насыщенной виртуальными событиями. В этом контексте показательным является включение Оксфордским словарем в 2016 году термина «постправда» в перечень «слова года»: смысл, стоящий за этим определением, описывает такое состояние социальной реальности, в которой внимание привлекает не то, что происходит в действительности, а то, что наиболее привлекательно подано, «упаковка» становится более важной, чем сам факт (содержание сообщения). Чем более запоминающаяся упаковка — тем больше верят такому сообщению. Такой акцент в мышлении также связан с уже указанным усилением доминирования масс, ибо «человек толпы» не особо склонен к размышлениям, предпочитая «хлеб и зрелища».

Что всем этим вызовам современности и связанным с ними проблемам может противопоставить соединение образования с культурными ресурсами? Во-первых, преподавание предметов гуманитарного

[1] Заместитель заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП по научной работе, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и ментальности», «Психология кросскультурной адаптации» (в соавт.), «Семья в проблемном поле современного социума» (в соавт.); статей: «Террорист-смертник: культурно-психологические корни явления в исторической проекции», «Онтология национальной ментальности и синтаксис языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

направления — это опять усиление знаний, в то время как важной задачей является помещение студента в пространство культурных смыслов, активизация его диалога с культурой. Здесь успешный пример — реализация культурной среды в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, которая включает выступления театральных и музыкальных коллективов, приглашение внешних спикеров по разным профессиональным направлениям, организацию диалоговой среды с видными представителями науки и культуры, не говоря уже о традиционных экскурсионных программах. Погружение студентов в такой многослойный диалоговый процесс активизирует процедуру самостоятельного смыслопорождения, с акцентом не на прагматических, а на экзистенциально-ориентированных смыслах. При этом множественность смысловых модусов, которые открываются в таких диалогах, активизирует творческое начало студента, что способствует формированию как истинного «человека культуры», так и профессионала, решающего вопросы в ситуации многозадачности.

Во-вторых, необходимо вводить новые курсы, ориентированные на формирование умений выявлять за многообразием картинок и смысловых посылов истинное содержание процессов и событий и обнаруживать за «постправдой» правду. Здесь ресурсом будет именно русская культура, ибо для нее характерно прослеживание всеобщей взаимосвязи предметов и явлений — не случайно для русской философии (которая, как и всякая национальная философия, является отражением ментальности породившего ее народа) одной из наиболее значимых идей является идея всеединства. Эту идею развивали в своих работах В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк. Всеединство отворачивает сознание и от простого восприятия картинок без проникновения в суть, и от логической последовательности анализа, при котором учитывается только одна составляющая и вывод делается по принципу формальной логики: либо «А» либо «не А». При всеединстве анализируется множественность связей, учитывается многогранность реальности, выстраивается ее объемная модель.

Осознание этого принципа и построение в соответствии с ним образовательных курсов будет учить студентов объединять разрозненные информационные фрагменты, выявляя их структуру и определяя формируемую ими систему. Овладение таким умением будет способствовать развитию навыков анализа множественных составляющих с определением характера и силы их влияния на конечный результат, что чрезвычайно важно для современного профессионала.

Л. Б. Можейкина[1]

ПРИОБРЕТЕНИЯ ЭПОХИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Инклюзивная политика Российского государства рассматривается как ведущий инструмент достижения интеграции современного общества. Концепция инклюзии появилась в рамках трансформации осознания прав человека, его достоинства, идентичности, а также механизмов социальных и культурных процессов, определяющих его статус, возможности, права, перспективы. Изменение отношения к людям с инвалидностью (с особыми потребностями, нетипичным людям) — одно из проявлений этих изменений[2].

В современной образовательной парадигме инклюзия становится ведущим принципом. Идеи открытости, включенности, доступности формируют стратегии жизнедеятельности личности вне зависимости от ее медицинского статуса. Вопросы реализации принципа инклюзии в различных образовательных практиках не только задают рамки их трансформации, но и, что важнее, формируют новую инклюзивную культуру современного образования. В целом мы можем говорить о новой эпохе, где в фокусе внимания обучающийся с различными особенностями, возможностями и способностями.

Парадигмальность инклюзивного подхода активно распространяется сегодня в российском образовательном пространстве. Ключевым приобретением эпохи инклюзивного образования являются условия, инструменты обучения нетипичного ученика, основанные на принципах гуманизма и толерантности, культуры соучастия и творческого начала, помогающие социализации, адаптации и самореализации нетипичных, особенных людей. Обучающийся с инвалидностью перестал рассматриваться как субъект, не вписывающийся в стандарт/норму (физическую, психологическую, социальную, культурную и др.). Идея нетипичности как нормы становится базовой.

Нетипичность стала определяться как распространенная характеристика личности в образовательном пространстве, инициируя особые условия и нормы взаимодействия, то есть инклюзивные[3]. Современные философы и социологи утверждают, что формируется новый человек — Homo inclusive (человек инклюзив-

[1] Проректор Новосибирского государственного технического университета, кандидат психологических наук, доцент. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Профориентация лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья: принципы, алгоритмы, инструменты» (в соавт.), «Содействие инклюзивному трудоустройству выпускников вузов из числа инвалидов: концептуальные аспекты и опыт» (в соавт.), «Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии» (в соавт.), «Mobile applications as tools of alternative communication, diagnostics and language development for children with language disorders» (в соавт.), «Интеграция воспитательного и обучающего воздействия в рамках терапевтической дидактики» и др.

[2] Психолого-педагогические основы инклюзивного образования : кол. моногр. / отв. ред. С. В. Алехина. М. : МГППУ : ООО «Буки Веди», 2013. С. 28.

[3] *Яковлева Е. Л.* Инклюзивная парадигма: возможно ли ее внедрение в российской элитной школе? (Философские рассуждения об актуальном) // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. «Педагогика, психология». 2015. № 3 (22). С. 195.

ный). О формировании инклюзивного образовательного пространства говорит и тот факт, что все больше специалистов различных профилей и направленности подключаются не только к исследованию проблемы интеграции нетипичных (особых) людей в общество, но и к непосредственной работе в инклюзивной среде. Благодаря им начинает формироваться новый — инклюзивный — образ мировосприятия[1], образовательной системы, культуры и общества в целом.

Достижением современного инклюзивного образования стала возможность обучающихся участвовать в активной полноценной образовательной деятельности независимо от их особенностей, в первую очередь ограничений в возможностях здоровья и особенностей развития. Меры инклюзии подразумевают устранение любых барьеров, препятствующих полноценному участию обучающихся во всех сферах учебной и внеучебной деятельности[2].

Направленность развития современной парадигмы инклюзии видится следующим образом: инклюзивное образование — инклюзивный человек — инклюзивное общество — инклюзивная культура. Именно в пространстве инклюзивного образования у обучающегося есть шанс стать инклюзивным человеком. Человеком нового типа, личностью, активно включающейся в жизнь и проявляющей себя в ней. Главное качество инклюзивного человека — воля к включенной жизни и желание быть-в-бытии, что должно формироваться в системе воспитания и образования[3]. Включенность в бытие осуществляется в рамках повседневного опыта, требующего рефлексивности, потому что повседневный опыт формирует самобытность и неповторимость индивидуального, выступая в качестве духовного самосовершенствования и показателя уровня культуры личности[4].

Инклюзивная образовательная среда сама по себе подразумевает человека включенного, то есть соучаствующего в реальности, ее процессах и действиях, проявляющего интерес и рефлексивность, то есть человека, полноценно функционирующего. Именно поэтому инклюзивный подход связан с формированием инклюзивности как воли к включенной жизни и желания быть-в-бытии, соучаствовать[5].

Инклюзивное образование, развивая инклюзивного человека, формирует инклюзивную культуру, которая сама по себе предполагает такой уровень развития общества, который выражается в гуманном, терпимом, безопасном отношении людей друг к другу, где разделяются идеи сотрудничества и толерантности[6]. В фокусе внимания инклюзивной культуры оказывается человек с различными возможностями и способностями. Инклюзивная культура в образовательном пространстве — это высший навык развития совместного взаимодействия людей с различными видами инвалидности и людей без инвалидности[7]. Суть инклюзивной культуры — ценностное отношение к нетипичным, особым людям, тем, у кого есть особые потребности. Подобные акценты определяют новые образовательные практики, формируя тем самым новые социокультурные коды.

Инклюзия в образовании является, с одной стороны, образовательным инструментом, с другой — результатом образовательного процесса, в связи с чем мы можем говорить о новой образовательной эпохе и ее приобретениях — философии нетипичности, инклюзивной культуры и инклюзивного человека.

---

[1] Инновации в современной системе образования: подходы и решения : кол. моногр. Ульяновск, 2016. С. 98.

[2] Инклюзия //+1 : [портал]. URL: https://plus-one.ru/sustainability/inklyuziya.

[3] *Яковлева Е. Л., Гузенина С. В., Сухомлинова М. В.* Проблематизируя существование инклюзивного человека в контексте социального одиночества // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19, № 1. С. 145.

[4] *Яковлева Е. Л., Иванова О. Н.* Философско-медицинские проблемы инклюзивного человека // Бюллетень науки и практики. 2016. № 7.

[5] *Яковлева Е. Л.* Аксиосфера инклюзивной модели культуры // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3 (12). С. 107.

[6] *Гох А. Ф., Шестакова Н. Н., Юрков Д. В.* Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестн. Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2019. № 2. С. 189–198.

[7] Инклюзивная культура образования : Всерос. конф. // АНЭКС : [сайт]. URL: https://aneks.center/index.php/137-conferences/all-russia-conferences/1405-inklyuzivnaya-kultura-obrazovaniya.

С. Д. Поляков[1]

О СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ[2]

Прогнозирование общественных изменений, в частности в российском образовании, не может быть продуктивным без учета неоднозначности, противоречивости влияния на эту социальную сферу как традиционных, так и новых факторов, социокультурных по своей природе. Их диалектичные взаимосвязи порождают возможность того или иного варианта будущего.

Одной из форм анализа данных процессов является разработка прогнозных сценариев развития соответствующей социальной сферы.

1. Прогнозный сценарий (прогнозное сценирование) является одним из известных методов прогностики. Как любой метод аналитики, он имеет свои особенности, задачи и ограничения[3].

2. Технология разработки прогнозных сценариев включает, в частности, выбор параметров сценирования, описание сценариев, обозначение факторов, влияющих на сценарные события.

3. Объектом нашего сценирования является отечественное социальное воспитание как часть сферы образования.

4. Под социальным воспитанием в данных тезисах будем понимать воспитание в образовательных организациях. В качестве основного примера станем анализировать социальное воспитание в школе.

5. Мы солидаризируемся с трактовками организации социального воспитания как работы по созданию условий для развития личности[4]. Но создание условий имеет разный смысл, различное содержание на различных уровнях организации воспитания: управленческом, уровне образовательных организаций, в деятельности отдельного педагога.

6. Параметры наших сценариев на различных уровнях организации воспитания следующие.

Управленческий уровень:

— ориентация на реалистические (исходя из имеющихся ресурсов) цели организации воспитания или абстрактные, не обеспеченные ресурсами цели;

— целенаправленность, последовательность работы по наращиванию ресурсов (кадровых, материально-технических, информационных) или стихийность, нецеленаправленность такой деятельности;

— точечная поддержка лидерских прецедентов в сфере социального воспитания или отсутствие такой управленческой деятельности (а в крайних вариантах — вплоть до сопротивления деятельности лидеров);

— ориентация на оптимизацию с точки зрения полезности для школ «информационного оборота» между управленческими структурами и образовательными организациями или наращивание объема и формализации информационного потока.

Уровень образовательной организации:

— организация воспитания в образовательной организации с ориентацией на соответствующие ее ресурсам педагогические цели или преобладание в организации воспитания ориентировки на внешние непедагогические ожидания и требования;

— работа над организацией воспитания с ориентировкой на развитие школьного уклада, поддерживающего личностное развитие и самочувствие, или незначимость работы со школьным укладом в управлении школой;

— восприятие школьными управленцами детских общественных организаций как устойчивых социальных партнеров в работе воспитания или ситуативное, педагогически не осмысленное использование возможностей детских общественных организаций.

Уровень отдельного педагога (управленческий аспект):

— соответствие требований к деятельности педагога как воспитателя, его ресурсам и возможностям или устойчивое несоответствие (в сторону завышения) требований к педагогу-воспитателю и его возможностям;

— поддержка педагогов, работающих над качеством отношений в детских группах, или незначимость такой работы для оценки деятельности педагога как воспитателя;

— поддержка систематической работы педагога со школьниками, имеющими проблемы индивидуального развития, или значимость реакции педагогов в работе с отдельными школьниками только на экстремальные ситуации;

— поиск, поддерживаемый на управленческом уровне, педагогом эффективных средств, форм воспитания с особыми категориями школьников (девиантами, одаренными, школьниками с ОВЗ) или отсутствие управленческой поддержки работы педагога с особыми категориями школьников.

7. Сочетание этих параметров позволяет предложить четыре сценария развития отечественного социального воспитания[5].

Сценарий «Бег на месте». В ближайшей перспективе сохраняются как позитивные, так и негативные

[1] Профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук. Автор 280 научных публикаций, в т. ч. книг: «Психопедагогика воспитания и обучения», «Педагогическая инноватика: от идеи до практики», «Коллективное творческое воспитание: перезагрузка», «От прошлого к будущему. Психолого-педагогические очерки о социокультурном контексте развития отечественной школы», «Орбиты и пространства. Психология и педагогика: идеи, люди, образы. Часть 1. Идеи и практики» и др. Член Научного совета по проблемам воспитания подрастающего поколения Российской академии образования. Награжден медалью К. Д. Ушинского.

[2] Доклад подготовлен на основе статьи: *Поляков С. Д.* Поражение, «возвращение», сценарии: отечественное социальное воспитание XXI века // Народное образование 2019. № 5. С. 140–154.

[3] *Линдгрен М., Бандхольд Х.* Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией. М. : Олимп-Бизнес, 2009 ; *Саяпин О. В.* О сценарном подходе к прогнозированию // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 10. С. 164–168.

[4] *Мудрик А. В.* Социализация человека. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010.

[5] *Поляков С. Д.* Указ. соч. ; *Он же.* Об основаниях сценариев развития российского социального воспитания // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 6. С. 151–159.

особенности организации социального воспитания. Охарактеризуем эти особенности по уровням организации воспитания:

— *на управленческом уровне*: ситуативные, не подкрепленные анализом управленческие решения (иногда адекватные ситуации, иногда неадекватные), ориентировка на нереалистические (недостижимые с данными ресурсами) цели воспитания; поддержка работы с ценностью патриотизма (без анализа ее педагогических и психологических результатов); отсутствие системной работы со специфическими ресурсами социального воспитания;

— *на уровне образовательной организации*: преобладание имитационной, формальной направленности в организации работы воспитания (с оглядкой на внешние непедагогические ожидания и требования, а не на реально достижимые цели); сохранение и развитие в некоторых школах системной организации воспитания с ориентировкой на поддержку позитивного воспитательного школьного уклада и построение «воспитательной системы школы»[1]; ситуативное использование возможностей детских общественных организаций;

— *на уровне отдельного педагога*: сохранение разрыва между требованиями к педагогу-воспитателю и обеспечением его деятельности адекватной оплатой и ресурсами; типичность реагирования педагогов в работе с отдельными школьниками прежде всего на экстремальные ситуации; сохранение, а в отдельных регионах небольшой рост числа педагогов, целенаправленно работающих с качеством отношений в детских группах, а в некоторых случаях и с поддержкой индивидуального развития школьников;

— сохранение существующего режима и форм в работе воспитания с особыми категориями детей (девиантами, имеющими ограничения в здоровье, одаренными);

— взаимодействие с родителями преимущественно в вариантах: эпизодической работы с родителями, заинтересованными в общении с педагогом (с родительским активом), и как обращение к родителям в случаях экстремальных событий со школьником.

Сценарий «Сдвиг». Содержание этого варианта — разворот в социальном воспитании на относительно реалистические цели без значительных изменений в имеющихся ресурсах:

— *на управленческом уровне*: распределение имеющихся ресурсов под реалистические цели работы воспитания; точечная поддержка лидерских прецедентов в сфере социального воспитания; поиск возможностей ресурсного обеспечения и анализа позитивных воспитательных практик (в частности, через заказы на их научно-методическое обеспечение);

— *на уровне образовательной организации*: работа с качеством школьного уклада как один из критериев нормальной работы образовательной организации; принятие такой работы большинством руководителей как ориентира и ценности своей деятельности; восприятие детских общественных организаций как устойчивых социальных партнеров в работе воспитания;

— *на уровне отдельного педагога*: работа с качеством отношений в детской группе — принятый большинством педагогов ориентир; поддерживаемая в экспериментальном режиме (в том числе финансово) работа педагогов с индивидуальными ситуациями развития школьников; некоторое нерадикальное уменьшение разрыва между оплатой работы педагога как воспитателя и учителя-предметника;

— поиск, поддерживаемый управленчески, средств, форм работы воспитания с особыми категориями детей с акцентировкой, сосредоточением ресурсов прежде всего на работе с девиантными школьниками;

— социальное партнерство как заявленная официальная стратегия работы с различными категориями родителей, реализуемая в различной степени в разных школах.

Сценарий «Максимум». Содержание этого варианта — переоценка государством и обществом работы воспитания как действительно приоритетной части образования (в сравнении с обучением):

— *на управленческом уровне*: системная (не систематическая!) работа с наращиванием ресурсов для воспитания (финансовых, кадровых, материально-технических); системная работа с поддержкой и стимулированием инновационных процессов в социальном воспитании; устойчивое ресурсное обеспечение распространения и анализа инновационных воспитательных практик (в том числе через организацию их научно-методического обеспечения); приближение уровня оплаты работы воспитания к уровню оплаты работы обучения;

— *на уровне образовательной организации*: работа с качеством школьного уклада как принимаемая норма деятельности руководителей образовательных организаций; ориентация на построение возможностей личностного самоопределения школьников;

— *на уровне отдельного педагога*: ориентация большинства педагогов в работе с детской группой и отдельными школьниками на получение двух видов опыта: ценностно-позитивно окрашенных групповых отношений и осознанного ответственного выбора в пространстве образования;

— построение и реализация ресурсно обеспеченной государственно-общественной политики по поддержке социального и личностного развития особых категорий детей (девиантов, с ОВЗ, одаренных);

— дифференцированная работа с родителями с разными ожиданиями и позициями в отношении школьного воспитания, обеспечение такой работы технологически (с базовой технологией социального партнерства) и управленчески.

Сценарий «Жесть». Этот сценарий описывает ситуацию с наращиванием современных негативных тенденций в социальном воспитании:

— *на управленческом уровне*: использование мифологических идеологем (в частности, неконструктивного патриотизма) как компенсации за уменьшившиеся

[1] Воспитательная система школы (в понимании Л. И. Новиковой, В. А. Караковского, Н. Л. Селивановой) — как развивающая взаимосвязь соответствующих друг другу ценностей, воспитательных целей, деятельности, общения и отношений педагогов и школьников в данной образовательной организации.

ресурсы реального воспитания; значительное преобладание имитационной работы в организации социального воспитания; имитация распространения практик воспитания;

— *на уровне образовательной организации*: реальная незначимость работы воспитания, в частности незначимость качества школьного уклада для оценки образовательных организаций и получения ресурсов для ее деятельности; конфликт — типичный вариант отношений немногих школ, выстраивающих воспитательные системы, с управленческими структурами;

— *на уровне отдельного педагога*: незначимость работы педагога с реальными воспитательными ситуациями для его оценки как профессионала; акцентировка в результатах воспитания на демонстрируемое поведение школьников, а не на его основания; типичность ситуации конфликта немногих педагогов, стремящихся заниматься реальным воспитанием, с коллегами и руководителям образовательных организаций;

— в работе с особыми категориями детей никакой системной организующей деятельности не ведется; компанейство, запускаемое экстремальными происшествиями в детской среде или непедагогическими, политическими интересами;

— стихийность и имитационность в работе педагогов с родителями с нарастающим количеством неконструктивных конфликтов.

Важно понимать, что сценарии — это только сценарии. Реальный процесс социального воспитания вбирает, по-видимому, черты и особенности различных вариантов сценирования.

Какие сценарии окажутся ближе к реальному процессу социального воспитания, зависит от множества факторов: экономико-политических предпосылок; образовательной политики Министерства просвещения; образа воспитания и школы в СМИ в целом и в пространстве Интернета в частности; наличия лидеров развития, готовых держать удар, и многого другого.

Но при выделении и анализе данных факторов важно учитывать их взаимовлияния, которые в определенные моменты могут носить поддерживающий позитивные процессы характер, а в другие — порождать (эти же самые факторы) проблемы на пути развития системы образования.

А. С. Прутченков[1]

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В настоящее время постепенно возвращается осознание принципиально важного значения воспитания и социализации как важнейшей составляющей педагогической практики. Примерная программа воспитания школьников в качестве приоритета в воспитании детей юношеского возраста фиксирует необходимость «создания благоприятных условий для приобретения школьниками опыта осуществления социально значимых дел»[2].

Данный приоритет связан с особенностями школьников этого возраста: с их потребностью в выборе дальнейшего жизненного пути, который открывается перед ними на пороге самостоятельной взрослой жизни. Сделать правильный выбор обучающимся помогает имеющийся у них реальный практический опыт, который они приобретают в том числе и в школе. При этом важно, чтобы опыт оказался социально значимым, так как именно он способствует естественному вхождению школьников во взрослую жизнь[3]. И прежде всего это опыт реализации социальных проектов.

Но здесь педагогов подстерегают ошибки, прежде всего это увлечение словесными формами и методами взаимодействия с ребенком. Безусловно, важно общаться и убеждать детей воздерживаться от того, что осуждается обществом. Но только разговоры о том, что можно, а чего нельзя, не дают серьезного воспитательного эффекта. Эта аксиома проверена веками, но до сих пор используется в педагогической практике как основная. Сейчас социальная ситуация изменилась настолько, что призывы, обращенные к подросткам, вызывают с их стороны в лучшем случае легкое недоумение. Речь не идет о том, что учитель должен отказаться от воспитательного общения с ребенком, разговоров с ним на различные темы, содержание которых позволяет обсудить современные нравственные нормы или жизненные установки. Но этого недостаточно.

Вторым «подводным камнем» является излишнее администрирование воспитательного процесса, педагогическое давление, навязывание своего мнения со стороны взрослых. Но подросток и тем более старшеклассник в состоянии взять на себя значительную часть ответственности за свое саморазвитие и изменение социальной ситуации (хотя бы в рамках той образовательной организации, в которой они учатся). Пе-

[1] Главный научный сотрудник Педагогического конструкторского бюро, доктор педагогических наук, профессор. Автор 275 научных публикаций, в т. ч.: «Технология оценивания надпрофессиональных навыков (ключевых компетенций) школьников в рамках профильной смены JUNIORSKILLS» (в соавт.), «Образовательный квест „Мир личных и семейных финансов“» (в соавт.), «Основные этапы формирования ученического самоуправления в общеобразовательной организации», «Образовательная программа „Человек. Жизнь. Экономика“. Формирование социально-экономических компетенций школьников в системе дополнительного образования детей» (в соавт.). Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

[2] Примерная программа воспитания. URL: https://fgosreestr.ru/uploads/files/22fe797a18bd6d7c0048d80e0a69cfe1.pdf. С. 10.

[3] Примерная программа воспитания.

дагоги и родители здесь нужны уже совсем в другой роли — роли опытного консультанта, советника[1], а не администратора, требования которого необходимо просто выполнять.

Но в том-то и дело, что взрослый (даже профессиональный педагог, опытный воспитатель) упускает, не замечает тех принципиальных изменений, которые происходят в личности растущего ребенка, когда он становится самостоятельным (прежде всего с психологической точки зрения). Да, он все еще полностью экономически зависим от родителей, юридически — от педагога, которым вынужден подчиняться, но он уже может и готов быть ответственным за серьезные дела.

Если коснуться истории вопроса, то технология социального проектирования имеет глубокие российские корни. Взять хотя бы всем известного Тимура и его команду. Этот литературный герой стал для многих поколений мальчишек и девчонок кумиром, который помогал им в личностном становлении. Книгой зачитывались, героям подражали, умные взрослые стимулировали тимуровское движение, так как видели в нем реальную пользу для становления самостоятельной и ответственной личности. А у детей нескольких поколений была реальная возможность проявить себя в интересном и полезном деле, попробовать свои силы в ходе реализации социальных проектов[2].

Социальный проект — это один из способов участия граждан в общественной жизни путем практического решения актуальных социальных проблем[3]. В процессе работы над социальным проектом (разработка, реализация и рефлексия) важно «выдерживать организационные рамки» и «удерживать сущность социальности». Это позволяют осуществить базовые принципы[4]:

1) проживание новых норм взаимодействия. Социальное проектирование — это процесс апробации норм диалогового общения, приобретения школьниками первичного опыта активного гражданского взаимодействия и его закрепления;

2) саморазвитие членов группы[5]. Социальное проектирование как технология предлагает использование технологических приемов, алгоритмов и форм организации процесса подготовки и реализации проекта, но содержание каждого социального проекта формируется группой в соответствии с представлениями о желаемом будущем[6] той целевой аудитории, для которой разрабатывается конкретный проект;

3) социальная ответственность. Социальное проектирование предполагает способность и готовность членов проектной группы выдвигать позитивные социальные инициативы и главное — брать на себя ответственность за их реализацию;

4) социальная компетентность[7]. Социальное проектирование обусловливает наличие качеств и навыков, необходимых для успешной реализации проекта: умение анализировать и решать возникающие проблемы, критическое мышление, работа с информацией, креативность, понимание необходимости личного реального участия в реализации проекта и т. д.

Социальное проектирование направлено прежде всего на решение социальных проблем, поэтому оно и является социальным по своей природе, но при этом выступает эффективным инструментом воспитания и социализации подрастающего поколения. Поскольку суть социального проекта заключается не просто в решении социальной проблемы конкретной целевой аудитории, а в практической командной работе по:

— анализу и выявлению социальных проблем;

— изучению потребностей целевой аудитории;

— разработке алгоритма решения конкретной проблемы через постановку задач;

— выбору способов решения поставленных задач с учетом имеющихся ресурсов и собственных возможностей проектной группы;

— аргументации предлагаемых вариантов решений;

— составлению плана действий по реализации намеченного алгоритма решения;

— адекватной оценке ситуации и корректировке составленных планов с учетом получения новой информации.

В чем же положительные стороны социального проектирования как педагогической технологии?

Во-первых, социальное проектирование — это самостоятельный выбор той деятельности, которая больше всего соответствует способностям самого школьника, понимающего, что какая бы полезная и социально значимая деятельность ни осуществлялась, какие бы слова по поводу этого ни звучали, но если проект реализуется по приказу других людей, по требованию сверху, то такая деятельность теряет в его глазах главное — прелесть самостоятельного выбора. Об этом психологическом феномене можно и нужно говорить особо, так как человек, выросший без практики самостоятельного выбора, на всю жизнь становится неспособным делать любой выбор, пусть даже самый незначительный. Он будет ждать решения соответствующих органов, подсказки учителя, помощи друзей и т. п.[8] И это ради того, чтобы уйти от ответственности, которая является органичной часть выбора.

Понятия «выбор» и «ответственность» неразделимы. Человек, который делает выбор, несет и личную ответственность за его последствия. Лишая подростка и старшеклассника практики самостоятельного выбора, мы закрепляем в них привычку «перекладывания ответственности» на других. А потом, когда выпуск-

[1] Педагогический совет «Социальное проектирование воспитательной работы в школе». URL: https://pandia.ru/text/78/549/9822.php.

[2] Там же.

[3] Социальное проектирование в соответствии с ФГОС второго поколения. Воспитательный аспект. URL: https://infourok.ru/prezentaciya-socialnoe-proektirovanie-v-sootvetstvii-s-fgos-vtorogo-pokoleniya-vospitatelniy-aspekt-268387.html.

[4] *Чиркова И. А.* Социальное проектирование как один из видов проектирования воспитательной работы // Наука через призму времени. 2017. № 3 (3). С. 155–156.

[5] Принципы социальной проектной деятельности. URL: https://studopedia.ru/9_6338_printsipi-sotsialnoy-proektnoy-deyatelnosti.html.

[6] Там же. С. 155.

[7] Принципы социальной проектной деятельности.

[8] Социальное проектирование в практике работы школы как фактор социализации обучающихся. URL: https://infourok.ru/protokol-pedsoveta-na-temu-socialnoe-proektirovanie-v-praktike-rabote-shkoli-kak-faktor-socializacii-obuchayuschihsya-2543009.html.

нику школы требуется принять даже самое простое решение, он не может этого сделать. Кстати, Тимур был полностью самостоятельным лидером, им не руководила вожатая, которая предписывала ему совершать благородные поступки в соответствии с планом воспитательной работы. Вероятно, именно это больше всего притягивало к себе подростков[1].

Во-вторых, социальное проектирование — это возможность реального участия в решении проблем своего дома, двора, школы и т. д. Вероятнее всего, именно это больше всего привлекает школьников: «Я могу это сделать сам и не только для себя». Этот период становления личности характеризуется ярко выраженной потребностью быть нужным, полезным другим, проверить свои способности в реальном деле. Именно реальность, а не игрушечность социального проекта привлекает школьников. Хотя они по-прежнему любят игру и увлекаются новыми играми (сегодня это целый необъятный мир компьютерной игры), но им периодически требуется другая сфера приложения сил, иное поле деятельности, где они могут почувствовать себя взрослыми, увидеть реальный итог своей деятельности. Это своеобразный тест на взрослость. И каждый из подростков хотел бы достойно его выдержать.

В-третьих, социальное проектирование — это коллективная работа над большим и важным делом, которая формирует важные социальные навыки, крайне необходимые сегодня для профессиональной деятельности в производственных коллективах, на фирмах и т. д. Школьник сегодня стоит перед серьезнейшим выбором — жить только для себя («я успеваю по всем предметам, а что у остальных, мне все равно») или все же помнить о других и помогать им по мере своих сил и возможностей («сделал сам, помоги товарищу», «помни о тех, кто рядом»). Разумеется, обе позиции можно и нужно сочетать. Дело в том, чтобы «механизм переключения» не вышел из строя еще во время обучения в школе. Затем его запустить практически невозможно. И участие в работе группы ровесников над социальным проектом — прекрасная возможность для тренировки этого «механизма переключения» своей мотивации с сугубо личных интересов на групповые, коллективные, социальные. Здесь одними словами не поможешь, нужна практика коллективной деятельности, служения другим людям.

В-четвертых, социальный проект, осуществляемый по собственному выбору школьника, является настоящей школой жизни, так как члены проектной группы получают реальный опыт выбора и привыкают нести за него ответственность. И, разумеется, это действенная проверка своих способностей и возможность для корректировки жизненных планов. Например, подросток, который мечтал стать журналистом, после нескольких неудачных попыток «осветить» ход реализации проекта в социальных сетях понял, что ему лучше заниматься финансовыми расчетами, так как у него это прекрасно получается. В этом смысле социальное проектирование можно рассматривать как эффективную профориентационную работу с подрастающим поколением, в процессе которой подростки и старшеклассники в реальной деятельности начинают понимать, какая сфера жизни их больше привлекает[2].

Члены проектных групп имеют возможность попрактиковаться в нескольких разнообразных видах деятельности, провести опрос граждан, составить план работы, провести серию деловых переговоров или пообщаться с малышами в своей школе и т. д. У школьника, который принимает участие в этих видах деятельности, значительно повышается шанс сделать верный выбор своего профессионального будущего[3].

Таким образом, социальный проект — это усилия, предпринимаемые человеком (группой) для решения жизненных проблем целевой аудитории с использованием ограниченных ресурсов до достижения запланированного результата. А реализация социального проекта проверяет способность обучающихся в конкретной ситуации понять суть проблемы, представить, каким может быть ее решение, и способность данное решение реализовать. Все это является действенной технологией воспитания и социализации обучающихся и должно стать важнейшей составляющей педагогической практики в современной российской школе.

---

[1] *Прутченков А. С.* Стратегия государственной молодежной политики России как целевой ориентир воспитания подрастающего поколения // Вестн. ИНЖЭКОНа. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 4 (47). С. 4–12.

[2] Социальное проектирование в практике работы школы как фактор социализации обучающихся.

[3] *Нетреба В.* Подготовка школьников к проектной деятельности. URL: https://pandia.ru/text/79/314/21248.php.

Т. А. Ромм[1]

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Воспитательный дискурс современности очень широк и разнообразен: современные субкультурные молодежные практики, патриотизм, место и влияние социальных сетей как фактора социализации, социальная дифференциация детства и юности, социальная и культурная идентичность юного поколения и т. д. Эти вопросы попадают в фокус внимания государственного заказа, широкой общественности, научного сообщества[2]. Подобный «воспитательный поворот» в современном образовании связан с объективным характером вызовов, задающих необходимость поиска новой модели воспитания в обозримом будущем. К ним можно отнести: изменение социальности постиндустриального общества, связанное с трансформацией традиционных и появлением новых институтов социализации; усиление потребительского характера жизни современного человека, проявляющееся в доминировании нигилистических установок, дефиците гуманистических ценностей; смена моделей сохранения и трансляции социального опыта под влиянием Интернета и цифровых технологий.

При этом основной ракурс анализа сводится к обсуждению актуализации, неопределенности, рисков и т. п. Одна из причин такого положения — отсутствие достаточной информации, осмысленной методологической основы необходимого анализа. Для уточнения понимания роли и места воспитания в цифровую эпоху важно уточнить, каковы следствия цифровизации в изменении воспитательных практик. Продуктивной для прояснения данной проблемы является теория социального воспитания в контексте социализации (А. В. Мудрик), где воспитание рассматривается как составная часть социализации, что позволяет выявить возможность анализа воспитания в цифровой среде как составной части социализации человека в цифровом мире, что ориентирует педагогику на поиск ресурсов и ограничений воспитательных усилий в условиях цифрового пространства. Важным становится современное прочтение основных положений теории воспитательных систем (Л. И. Новикова, Н. Л. Селиванова), рассматривающей воспитание через призму создания условий, способствующих формированию личностных результатов. Обращение к методологии сетевого подхода (М. В. Ромм, Ч. Кадушин, Р. Хойслинг) создает возможность экспликации феномена сети на системный подход в воспитании, предполагающий формирование отношений в жизнедеятельности воспитательной организации[3].

Социализация человека в цифровом мире обостряет проблемы коммуникационного, организационного, социально-психологического, этического и тому подобного характера[4]. Информационно-коммуникационные технологии, субкультурные общности, сетевые сообщества начинают играть все большую роль в развитии инфраструктуры воспитания, приходя на смену семье и школе — основным носителям социальности в традиционном и индустриальном обществах. Социальная сеть динамична, анонимна, виртуальна, аморфна, безответственна, но при этом выполняет большое число замещающих функций: досуга, образования, общения, поддержки, релаксации и даже определенных форм социальной активности. Складывается явление, которое в литературе определяется как «сетевая социализация». Проигнорированные воспитательным сообществом, оставленные «в свободном плавании» информационно-коммуникационные среды и глобальные сети чаще становятся агентом десоциализации личности. Исследователи фиксируют проблему формирования ценностей у поколения детей, с раннего детства имевших опыт общения с дополненной реальностью и achieve-логикой, что сопровождается появлением девиантного поведения, обострением межпоколенческих конфликтов, затруднением индивидуализации развития. Значимыми становятся вопросы безопасности жизни человека под влиянием доступности информации антинравственного свойства, низкого культурного уровня сетевой коммуникации[5]. Это сказывается на функционировании социальных институтов, в том

---

[1] Заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социальное воспитание: эволюция теоретических образов», «Воспитание. Волонтерство. Молодежь» (в соавт.); статей: «Сетевые горизонты теории воспитательных систем» (в соавт.), «Социальное воспитание — ресурс развития социальности человека» и др. Главный редактор научного теоретического издания «Сибирский педагогический журнал».

[2] Будущее глобального образования 2015–2035. URL: http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/6.-Obrazovanie-do-2035.pdf (дата обращения: 28.04.2022) ; *Мудрик А. В.* Социокультурные вызовы современной российской школе на макроуровне // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 1. С. 117–124 и др. ; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ (посл. ред.) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/ (дата обращения: 28.04.2022).

[3] *Ромм Т. А., Ромм М. В.* Сетевые горизонты теории воспитательных систем // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. № 4 (52). С. 54–66.

[4] Например: Благополучие детей в цифровую эпоху : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова [и др.]. М. : Издат. дом ВШЭ, 2019. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/ 262127942 (дата обращения: 28.04.2022) ; *Вихман В. В., Ромм М. В.* «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 2. С. 22–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32 ; *Солодников В. В., Зайцева А. С.* Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 23–42. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7870 ; Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А. Ю. Уваров, Э. Гейбл, И. В. Дворецкая [и др.] ; под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. М. : Издат. дом ВШЭ, 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1990-5, и др.

[5] *Белозерова Л. А., Поляков С. Д.* Трансформация когнитивной сферы детей «цифрового поколения»: опыт анализа // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2021. Т. 10, вып. 1 (37). С. 23–32. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-1-23-32.

числе образовательных организаций: при удаленных коммуникациях происходит трансформация образовательных ценностей; доступность информационного пространства девальвирует роль педагога как основного носителя знаний; информационная насыщенность виртуальной среды обостряет проблему значимости и привлекательности для подростков жизнедеятельности собственно образовательных учреждений.

Ключевым вопросом образования в любую эпоху является вопрос о ценностях, которые транслируют воспитатель, педагог, определяя их как основание собственной воспитательной деятельности. В условиях ценностного разлома, межпоколенного разрыва, в которых находится современный человек, актуализируется вопрос о глобальных, вечных ценностях и их сочетании, дополнении ценностями определенной культуры (этнической, гендерной, политической, религиозной, сексуальной и др.). Учитывая специфику цифрового мира, педагогика должна «самоопределиться» относительно digital-культуры — культуры виртуальной дополненной реальности, которая не всегда имеет просоциальную направленность. В связи с этим для воспитательных практик значимой становится задача формирования культуры поведения в данной среде, которая должна сопровождаться компетентностью в распознавании ценностной составляющей информации, умением взаимодействовать с этим контентом с точки зрения личной и социальной безопасности, противостоять информационному манипулированию.

Наряду с этим формируется новое направление развития виртуальных инструментов содействия здоровой социализации поколения детей, разрабатываются интерактивные образовательные онлайн-игры и квесты для учащихся разного возраста для продвижения позитивных ценностей, складывается идеология «глобальных» интернет-классов или групп обучения, в которых формируются межкультурные компетентности, накапливается опыт работы в мультикультурной команде. Именно информационно-коммуникационные технологии могут стать ресурсом развития так называемых трансверсальных компетенций, включающих в себя наряду с цифровой компетенцией предприимчивость, инициативность и культурное взаимопонимание, социальную компетенцию, соотносящуюся с личностным и коллективным благополучием.

Важной составляющей процесса воспитания должна являться установка на формирование опыта продуктивного — в первую очередь безопасного — поведения человека в информационном мире. Это опыт личного участия в решении собственных проблем и задач, самоопределения и выбора в условиях нестабильного, изменчивого мира. Большое количество вопросов, затрагивающих жизнь молодого человека, решается вне рамок традиционных организаций: в разновозрастных, неформальных, субкультурных сообществах и группах, что ведет к актуализации компетенций (социальных, трансверсальных), основанных на командной работе, взаимодействии, умении разрешения конфликтов. На первый план выдвигаются навыки работы с людьми, с другим опытом и ценностями, фокусировки на персональных и совместных интересах. На это направлены коммуникативные концепции (К. Н. Шеффер, Б. Крамер и др.), развивающиеся в рамках интеракционизма, в которых рассматриваются пути устранения психологических барьеров, мешающих продуктивному общению, а также способы группового взаимодействия. «Коммуникативная дидактика» способствует социально-эмоциональному развитию учащихся и, таким образом — активизации субъектной позиции в социализации. Для этого жизнедеятельность образовательной организации должна наполняться разнообразными социальными практиками взаимодействия, разными видами совместной продуктивной деятельности, развития форм само- и со-управления, внеурочной деятельности.

Признание значимости виртуального пространства для социализации и развития детей и подростков, степени их активности и времени их освоения позволяет утверждать виртуальный социум в качестве среды приложения воспитательных усилий, тем самым расширяя границы воспитания. Важным становится не столько реальное место (пространственная локализация) воспитательной деятельности, сколько событийный повод совместного действия (социальный проект, социальная акция, игровые проекты) и способ его реализации (тематические научные и творческие парки, флешмобы). Средой воспитания выступает виртуальный социум со всеми его преимуществами и рисками. Важным трендом становится то, что на смену семье и школе — основным носителям социальности в традиционном и индустриальном обществах — приходят новые, такие как информационно-коммуникационные технологии, субкультурные общности, сетевые сообщества, которые начинают играть все большую роль в развитии инфраструктуры воспитания.

Как следствие, это влечет за собой развитие профессиональных компетенций педагогов: расширение профессионального языка (информационный «сленг», владение ИКТ); освоение новых информационных и сетевых форматов взаимодействия с разными партнерами в разных диалоговых ситуациях (TikTok, родительские чаты и т. п.); становление иных профессиональных функций педагога (сопровождения, курирования, фасилитации и т. п.).

Анализ продуктивных практик использования цифровых технологий позволяет сделать вывод о том, что, собственно, они не могут существовать независимо, их внедрение и использование должны быть согласованы с базовыми ценностями и целями образования и воспитания. Это актуализирует вопросы методологического осмысления аксиологических, онтологических и гуманистических оснований феномена воспитания в цифровую эпоху. На этой основе должны осуществляться теоретическая разработка и практическое создание цифровой воспитательной экосистемы на всех уровнях образования.

М. В. Созинова[1]

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Интерес к исследованию ценностей студенчества как особой социальной группы вызван необходимостью составить представление о реальной системе ценностей и потребностей данной категории для уточнения и последующего проектирования образовательных перспектив высшей школы.

Ценности характеризуются современными исследователями как многомерная категория, единство значимого и должного, цели и средства, сущего и идеала. Выделяют следующие важнейшие черты ценностей: объективность содержания (любое явление, предмет могут стать ценностью); содержание ценности определяется содержанием потребностей человека; ценность субъективна по своему выражению и проявляется в личностном суждении по поводу предмета или явления; оказывает нормативно-регулирующее воздействие на поведение человека, его деятельность, межличностные отношения; выделяют разную степень выраженности ценностного отношения; ценность имеет различную значимость для человека[2].

Ценности профессиональной деятельности определяются как совокупность идей, представлений и соответствующих им социокультурных образований, детерминирующая целеполагание, поведение, технологии профессиональной деятельности и позволяющая оценивать их соответствие интересам как общества, так и профессиональной группы и отдельного специалиста как представителя профессионального сообщества. Также профессиональные ценности являются нормативными представлениями, которые выражают позитивную и негативную значимость явлений, идей, установок профессиональной деятельности с точки зрения их соответствия общественным, групповым и личностным интересам[3].

Традиционно к базовым профессиональным ценностям относят профессиональные компетентность, долг, творчество, ответственность, достоинство и др. Выделенные ценности в соответствии со спецификой профессиональной деятельности формируют определенный набор требований к знаниям, умениям, способностям специалиста, особенностям его профессионального развития. Присвоенные профессиональные ценности являются основой успешности специалиста в профессиональной деятельности, способствуют его эффективной самореализации на практике[4].

В этом контексте принадлежность к профессии предполагает принятие и присвоение ее общественно признанных ценностей, а также определение ценностного пространства профессиональной деятельности, регулирующего нормы и принципы поведения и деятельности.

Результаты исследования проблемы развития социально-ценностных ориентаций студентов высшей школы в России показывают ряд тенденций, к которым можно отнести преимущественную индивидуально-личностную направленность ценностей студентов, обоснованных повышением роли материального фактора в определении молодежью жизненных перспектив. Так, по данным Т. М. Резер, к таким ценностям можно отнести здоровье молодежи и готовность заниматься любым хорошо оплачиваемым делом[5].

При этом социально значимый объект понимается большинством студентов как социальная инфраструктура сельских поселений; местных администраций; деятельность медицинских и образовательных организаций различного уровня. Студенты демонстрируют ориентацию на действие по отношению к социально значимому социальному объекту.

Исследования профессиональных ценностей студентов показывают существенное влияние особенностей и специфики обучения будущей профессиональной деятельности на становление ценностных приоритетов. Так, для гуманитарных вузов характерны следующие приоритеты терминальных ценностей: активная деятельная жизнь, интересная работа; красота природы и искусства; общественное признание; познание (возможность расширения своего образова-

---

[1] И. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор 80 научных публикаций, в т. ч.: «Факторы становления содержательного досуга в социокультурном пространстве современного города», «Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития личности студента в вузе» (в соавт.), «Формы взаимодействия вуза и учреждений системы социальной защиты в процессе подготовки квалифицированных кадров», «Formation of ethnocultural consciousness of youth in St. Petersburg», «Творческий потенциал руководителя как ресурс развития профессионального коллектива социальной организации», «Особенности педагогического взаимодействия в процессе дистанционного преподавания гуманитарных дисциплин в вузе» и др.

[2] *Шалова С. Ю.* Профессиональные ценности в системе ценностных ориентаций студентов педвуза // Науковедение : интернет-журн. 2013. № 3 (16). URL: https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-3-13-pedagogics (дата обращения: 05.04.2022) ; *Она же.* Системно-ориентационный подход к анализу научно-педагогического творчества // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2 (19). С. 204–207.

[3] *Вейсова В. Э., Кузьмин В. П.* Ценности как составляющая профессиональной культуры личности. URL: file:///C:/Users/sozin/Downloads/3-10-kuzmin.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

[4] *Вейсова В. Э., Кузьмин В. П.* Указ. соч. См. также: *Балданова Е. А.* Особенности ценностных ориентаций студентов технического и гуманитарного вузов // КиберЛенинка : [электрон. б-ка]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsii-studentov-tehnicheskogo-i-gumanitarnogo-vuzov (дата обращения: 05.04.2022) ; *Веселова В. С.* Ценности современного общества и образования. URL: file:///C:/Users/sozin/Downloads/tsennosti-sovremennogo-obschestva-i-obrazovaniya.pdf (дата обращения: 11.04.2022) ; Современные образовательные ценности и обновление содержания образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 21 октября 2021 г. Белгород : ОГАОУ ДПО «БелИРО», 2021.

[5] Развитие социально-ценностных ориентаций студентов высшей школы в России и зарубежных странах в условиях цифровизации образования. Результаты мониторинговых исследований в 2020 году. URL: https://gsem.urfu.ru/ru/science/portfolio-nauchnykh-proektov/2020/razvitie-socialno-cennostnykh-orientacii-studentov-vysshei-shkoly-v-rossii-i-zarubezhnykh-stranakh-v-uslovijakh-cifrovizacii-obrazovanija/ (дата обращения: 10.04.2022).

ния); развитие (работа над собой, постоянное самосовершенствование); самостоятельность, независимость суждений[1]. При этом для студентов гуманитарных вузов характерны широта взглядов и ориентация на духовное развитие, что отражается в определении инструментальных ценностей: образованность, ответственность, воспитанность, честность.

Следует отметить, что процесс присвоения профессиональных ценностей осуществляется на протяжении всего обучения в вузе, начинается с момента выбора профессии и продолжается в течение всей профессиональной деятельности специалиста. При этом присвоение профессиональных ценностей студентом предполагает осознание своей принадлежности к определенной профессиональной общности, группе, сообществу; изменение отношения к себе как профессионалу; формирование внутренних, субъективных профессиональных идеалов; знание своих сильных и слабых профессиональных качеств, а также путей профессионального самосовершенствования, саморазвития.

Одним из проектов Министерства науки и высшего образования РФ является цифровая трансформация образования, направленная на оптимизацию процессов внутри университета и внедрение цифровых технологий в образовательную систему высшей школы. Цифровизация образования предполагает решение ряда задач, к которым можно отнести повышение компетенций преподавателей в сфере цифровых технологий, совершенствование материальной инфраструктуры учреждений, развитие онлайн-обучения, внедрение цифровых программ[2].

Одним из элементов цифровой политики в образовании является перевод лекций и семинаров, преимущественно гуманитарных циклов подготовки, в онлайн-формат. При этом исследование Т. М. Резер позволяет констатировать важное условие цифровизации образования — повышение требований к подготовке и осуществлению преподавателем цифровых технологий и ресурсов в процессе профессиональной деятельности. Однако процесс цифровизации образования сопровождается сложностями при переходе в онлайн-формат не только для преподавателей высшей школы (недостаток или отсутствие требуемых цифровых компетенций, психологическая неготовность к онлайн-взаимодействию с аудиторией и др.), но и для студентов (неготовность к принятию полной ответственности за собственное саморазвитие и самообразование в процессе профессионального образования в онлайн-формате). При этом переход на онлайн-обучение в период пандемии показал, что студенты и преподаватели испытывали стресс, объясняемый отсутствием полноценного вербального и невербального общения, ограничением возможности отслеживать эмоции собеседника, удерживать активное внимание.

Положительными сторонами цифровизации образования, по мнению студентов, являются удобство, экономия времени, практичность, мобильность, экономическая обоснованность[3]. К отрицательным чертам цифровизации они относят снижение навыков учебной деятельности (письма, чтения и др.), способности формулировать мысли, проблемы со зрением, физическим развитием, здоровьем в целом, риск снижения творческого потенциала обучающихся и умственной активности, нарушение социализации и др.[4]

Следует обратить внимание на анализ зарубежных исследований, проведенный Т. М. Резер, который показал взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и применением студентами вузов сотовых технологий. Так, американские студенты, чрезмерно использующие сотовые телефоны, имеют более низкую академическую успеваемость, менее склонны заниматься сложными видами умственной деятельности на досуге. При этом приоритет саморазвития и ориентация на вклад в сообщество студентов канадских вузов приводят к большей удовлетворенности жизнью и благополучию. Исследования, проведенные в Ливии и Иране, показали, что интернет-зависимость негативно сказывается на психическом здоровье молодежи, приводит к социальной изоляции, вызывает трудности в различных видах деятельности, что разрушает традиционную систему ценностей[5].

Результаты зарубежных исследований свидетельствуют о сложности процесса цифровизации образовательной деятельности вузов, необходимости поиска ресурсов и обновления инструментария, обеспечивающего эффективное присвоение ценностных основ профессиональной деятельности студентами в условиях трансформирующейся образовательной среды.

Анализ факторов, влияющих на формирование профессиональных ценностей в условиях цифровизации высшего образования, свидетельствует, что к причинам, оказывающим негативное воздействие на данный процесс, следует отнести: индивидуально-психологические (недостаточно развитые мотивационные установки студентов на осуществление образовательной деятельности в онлайн-формате; низкий уровень волевой регуляции поведения и эмоционально-волевой устойчивости студентов; специфика онлайн-взаимодействия с преподавателем и др.); организационно-педагогические и методические (отсутствие у преподавателей единого подхода к организации деятельности по формированию профессиональных ценностей в условиях онлайн-обучения; низкий уровень информационной и технологической культуры преподавателей и др.); социально-психологические (недостаточное использование ресурса профессиональных сообществ; отсутствие сплоченности, нарушение межгрупповой коммуникации в процессе онлайн-взаимодействия и др.)[6].

---

[1] См. также: *Балданова Е. А.* Развитие коммуникативной толерантности студентов технического вуза средствами иностранного языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Улан-Удэ, 2011.

[2] *Гордеева Е. В., Мурадян Ш. Г., Жажоян А. С.* Цифровизация в образовании // Journal of Economy and Business. 2021. Vol. 4-1 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-obrazovanii/viewer (дата обращения: 05.04.2022).

[3] *Гордеева Е. В., Мурадян Ш. Г., Жажоян А. С.* Указ. соч.

[4] Там же.

[5] Развитие социально-ценностных ориентаций студентов высшей школы…

[6] *Тюнякина И. А.* Концепция формирования профессиональных ценностей у PR-специалистов в ходе образовательного процесса в вузе // КиберЛенинка : [электрон. б-ка]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-formirovaniya-professionalnyh-tsennostey-u-pr-spetsialistov-v-hode-obrazovatelnogo-protsessa-v-vuze/viewer (дата обращения: 07.04.2022).

Процесс присвоения студентами профессиональных ценностей должен носить целенаправленный характер становления, развития и закрепления системы личностно значимых профессиональных образований, обеспечивающих высокую готовность к эффективному выполнению профессиональных функций, саморазвитию в профессиональной деятельности.

Таким образом, эффективность формирования профессиональных ценностей студентов гуманитарных вузов в условиях цифровизации образования требует дальнейшего определения и поиска педагогического инструментария, средств профессиональной педагогической деятельности для конструирования механизмов погружения студентов в ценностное пространство будущей профессиональной деятельности с учетом уникальной специфики гуманитарного образования, использования ресурсов профессиональных сообществ.

И. В. Соколова[1]

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Физическая культура неотделима от человека. Она служит важнейшим средством формирования личности. От уровня образования в этой области зависит дальнейшая жизнедеятельность человека. Хотя занятия физической культурой являются обязательным образовательным элементом, имеющиеся в этой сфере стандарты не учитывают современных особенностей развития общества. Компьютеризация, виртуализация, перенос общения в чаты обусловливают малоподвижный образ жизни студента. Низкий уровень физической активности в течение дня приводит к гиподинамии — снижению функций мышц опорно-двигательного аппарата, ухудшению работы систем кровообращения, дыхания, пищеварения и др. В результате, согласно исследовательским данным, в настоящее время более 50 % выпускников вузов имеют два или более хронических заболевания, около 40 % молодых людей призывного возраста не могут выполнить нормативы по общей физической подготовке даже на удовлетворительную оценку, а 30 % призывников в Вооруженные силы Российской Федерации негодны к срочной службе по состоянию здоровья. Таким образом, в начале XXI века обусловленное цивилизационной динамикой снижение физической активности общества породило проблему здоровья нации. Одна из задач, стоящих перед российским образованием, заключается в разработке такой системы занятий физической культурой в вузе, которая противостояла бы этим разрушающим тенденциям.

Одним из основополагающих принципов концепции физического образования является овладение учащимися теоретическими и практическими знаниями в области теории и методики, психологии, социологии, истории физической культуры. Приоритетное значение этого принципа подчеркивал еще П. Ф. Лесгафт. Оканчивающий высшее учебное заведение молодой человек должен быть способен самостоятельно организовать процесс своего дальнейшего физического совершенствования на основе знаний, полученных в процессе изучения дисциплины «Физическая культура», и иметь мотивационную ориентацию на практическое применение этих знаний. Однако в настоящее время большинство выпускников вузов не способны и не готовы самостоятельно и осознанно осуществлять собственное физическое воспитание. Причина проста: система физического образования, направленная на реализацию вышеуказанных компетенций, выполняет свои функции не в полной мере. Существующие противоречия не позволяют полноценно использовать весь потенциал физической культуры.

Многие авторы указывают на строгую регламентированность и прагматическую направленность созданной государством системы физической культуры, которые негативно влияют на развитие физкультурного образования и физического воспитания в целом. Отмечается, что основной задачей физического воспитания является развитие физических качеств и повышение уровня физической подготовленности учащихся, что считается некой «панацеей» и единственной целью и критерием эффективности этого процесса. Тем не менее развитие физических качеств не решает основной задачи — улучшения здоровья студентов. «Строго заданная ориентированность педагога и содержания учебного процесса на нормативы физической подготовки оставляет без внимания наличие у студентов их индивидуально ценностных ориентаций и установок на занятия оздоровительными физическими упражнениями, мало учитывает возможность воспроизведения осваиваемого учебного материала в их повседневной жизни, в организации самостоятельных форм занятий» [3, с. 35]. Как показывает анализ образовательных программ, физическая культура исключается из сферы социализации подрастающего поколения, задачи формирования личности студентов средствами и методами физической культуры не ставятся.

Теория физической культуры как неотъемлемая часть полноценного физкультурного образования заполняет свое пространство соответствующим содержанием: санитарно-гигиеническими, биологическими и педагогическими знаниями, которые в первую очередь обеспечивают воспитание прикладных навы-

[1] Заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, мастер спорта по художественной гимнастике. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Фитнес как часть физической культуры» (в соавт.), «Оценка качества дистанционного обучения по дисциплине „Физическая культура и спорт“ в учебном процессе вуза», «К понятию менеджмента в фитнес-индустрии», «Скандинавская ходьба: от теории к практике» (в соавт.), «Оздоровительная физическая культура в философском аспекте» и др. Награждена знаком «Отличник физической культуры».

ков, физических качеств — силы, выносливости, ловкости, активности и других, укрепление физического здоровья [2, с. 5]. Анализируя внутренние механизмы развития содержания физкультурного образования, нельзя не обратить внимание на отсутствие в нем закономерных междисциплинарных связей с гуманитарными науками. Как следствие, целостность «человек–общество» оказалась разорванной и в теоретическом, и в практическом плане. Сознание и телесность, отделенные друг от друга в теоретико-идеологическом аспекте, включаются в разные сферы образования, обретая тем самым псевдоцелостность. Общественная идеология претерпела в последнее время существенные трансформации — стал не только возможен, но и необходим пересмотр принципов преподавания дисциплины «Физическая культура». Смена ее названия на «Физическая культура и спорт» не привела к содержательным и идеологическим преобразованиям.

С учетом прерогативной ориентации системы образования на формирование всесторонне развитой личности, а также ее направленности на гуманизацию образования и самореализацию личности необходимы не только отход от тоталитарных концепций, методов и форм преподавания дисциплины «Физическая культура» и возврат к принципам физического образования, провозглашенным П. Ф. Лесгафтом, но и дальнейшее совершенствование идей ученого в свете требований, предъявляемых реалиями сегодняшнего дня.

В условиях урбанизации человека на современном этапе развития общества именно образование в области физической культуры должно стать базой для формирования образа жизни. Речь идет в том числе о развитии интеллектуальных способностей человека, которые позволяют адекватно оценить свое физическое состояние с целью его дальнейшей корректировки с использованием приобретенных знаний и навыков. Формирование собственного образа жизни в условиях внешних факторов зависит в первую очередь от мышления, сознания, воли и деятельности человека. Конечно, влияет и среда обитания. Представление о применении комплекса всевозможных средств физической культуры для поддержания и укрепления здоровья включает и знания о вспомогательных компонентах: заботе о психологическом благополучии, закаливании и гигиене, рациональном питании. Учет всех этих составляющих позволяет человеку разработать собственную программу для формирования здорового образа жизни и реализовывать ее, принимая во внимание индивидуальные особенности организма.

Рассмотренные теоретические положения дают возможность утверждать, что «физическое образование, даже в такой своей части, как обучение двигательным действиям, является не просто утилитарным процессом трансляции того или иного движения, а сложной системой человеческой деятельности» [1, с. 130]. При этом дальнейшее совершенствование технологии обучения студентов во многом определяется реализацией принципа творческой осмысленности с акцентированием внимания на ценностно-смысловых ориентирах в процессе физического образования. Реализация рассмотренных направлений содержания физического образования студентов должна опираться на следующие основные принципы.

1. Гуманизация. В основе этого принципа лежит отношение к каждому студенту как к личности, которая является социальной ценностью. Человек рассматривается как часть природы, имеющая с ней неразрывную связь. Человеческие ценности ставятся выше всех остальных.

2. Демократизация. Дает студентам право на самореализацию для достижения целей физического образования, предоставляет свободу выбора для повышения его эффективности.

3. Единство мировоззренческого, интеллектуального и двигательного компонентов. Сочетание этих компонентов определяет приоритетную направленность физического образования на реализацию полученных знаний в практической деятельности, использование ценностей физической культуры в процессе физического самообразования и самосовершенствования [4, с. 28].

4. Индивидуализация (персонализация). Физическое образование должно учитывать индивидуальные личностные особенности организма человека и их влияние на самостоятельные занятия.

Реализация ценностей физического образования предполагает активное включение студентов в этот процесс. Для его более успешного результата занятия должны иметь творческую направленность. Таким образом у студентов выработается привычка самостоятельно ставить перед собой задачи и находить способы их решения, в том числе в повседневной жизни. Именно это позволит образованию в области физической культуры содействовать саморазвитию и самореализации учащихся.

Современные исследователи физической культуры отмечают, что для воспитания всесторонне образованной личности требуется ее разноплановое развитие с учетом индивидуальных и психологических особенностей, предрасположенности к разным видам деятельности, необходимой в современном обществе в целом и в физической культуре в частности. Результатом будет внедрение в практику любой профессиональной деятельности знаний в области физической культуры и спорта, смежных дисциплин, а как следствие — развитие концепции интеграции знаний в современном физическом образовании вообще.

Таким образом, недооценивание значимости образования в области физической культуры способно повлиять на развитие общества в целом.

Усиление образовательной направленности занятий по дисциплине «Физическая культура», ее реальное и грамотное проектирование в соответствии с современными тенденциями развития системы образования позволят студентам переосмыслить сущность и необходимость физкультуры в вузе.

Подводя итог, необходимо отметить, что при создании новых образовательных стандартов в сфере физической культуры необходимо делать акценты на гуманизацию, индивидуализацию процесса обучения, стимулирование самостоятельного мышления и активной жизненной позиции студентов, а также формировать

у них эмоционально положительное отношение к учебному материалу с учетом создания потребностно-мотивационной ориентации на овладение знаниями в сфере физической культуры.

Литература

1. *Германов, Г. Н.* История, теория и организация физической культуры и спорта: 150 вопросов абитуриенту: ответы и самоконтроль / Г. Н. Германов, М. Е. Злобина, П. А. Хомяк. — Воронеж : Воронежский гос. ин-т физ. культуры, 2007. — 363 с. — Текст : непосредственный.

2. *Перевозников, А. А.* Социально-педагогические аспекты деятельности спортивных клубов в России в процессе их становления и развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. А. Перевозников ; Российская государственная академия физической культуры. — Москва, 1999. — 26 с. — Текст : непосредственный.

3. Современные подходы к созданию концепции и обновлению структуры и содержания оздоровительного физического воспитания студентов вузов / Г. Я. Галимов, В. А. Кузьмин, М. Д. Кудрявцев [и др.]. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 13. — С. 34–41.

4. *Чаркин, С. Н.* Подготовка будущего учителя к самоорганизации здорового образа жизни средствами физической культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / С. Н. Чаркин ; Барнаульский государственный педагогический университет. — Барнаул, 2004. — 170 с. — Текст : непосредственный.

В. Д. Таказов[1]

ЕГЭ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В последние годы российские ученые все громче заявляют о необходимости частичного возврата к советскому опыту образования, когда педагоги стремились воспитать подрастающее поколение как строителей будущего, хороших специалистов и достойных граждан. Со сменой общественного строя в стране большинство средних и высших учебных заведений стали на путь заимствования западных форматов, не обращая внимания на психологию вопроса и общечеловеческие ценности, которые закладывались в советском человеке с детства. Этот процесс продолжается до сих пор. Приходится сожалеть, что к мнению известных профессоров ведущих вузов, давно отмечавших пагубность столь резкого перехода на рельсы «прогрессивных моделей» в деле воспитания и образования молодежи, власти начали прислушиваться только сейчас.

На смену традиционным методам классического русского образования пришли «крестики» в тестовых заданиях. При этом игнорируется индивидуальность ученика, выполняющего задания, а учитывается исключительно сумма или коэффициент тех самых крестиков, зачастую поставленных случайным образом. Опытные вузовские педагоги считают эту практику очень вредной: университет принимает выпускника школы, которого никто не видит, и лишь компьютер строго высчитывает баллы. Хорошо, что творческие вузы отстояли свое право на творческий экзамен в дополнение к баллам ЕГЭ. Только лично услышав и увидев молодого человека, можно распознать в нем талант будущего актера, композитора или журналиста. А разве нетворческие специальности не требуют того же — живого общения педагога с вчерашним школьником на экзамене в стенах университета, колледжа, училища?

Согласно данным Единой межведомственной информационной системы, всего на время экзаменов приходится 20 % детских самоубийств. Отмечают, что суицидальные переживания у школьников иногда начинаются задолго до экзамена[2]. В 2011 году, в третий год введения ЕГЭ, эксперты отмечали: «количество самоубийств среди выпускников за последние три года увеличилось вдвое. Притом что попытку суицида в нашей стране предпринимает каждый двенадцатый подросток в возрасте от 15 до 19 лет. Для 2,5 тыс. она оказывается успешной. Только в прошлом году добровольно покинули этот мир более десятка выпускников из разных регионов»[3].

Уже в начале последнего учебного года в школе ученики слышат строгое: «Вас ждет ЕГЭ. У вас будет ЕГЭ. Нужно готовиться к ЕГЭ». К чему это приводит? Несколько примеров. «Из окна седьмого этажа выбросился 16-летний московский школьник Женя Голобородько. Отец погибшего рассказал, что сын очень сильно переживал в ожидании результатов ЕГЭ по русскому языку. Двумя днями ранее подобная трагедия случилась в Воронежском регионе. 18-летний выпускник Алексей Шмаков из села Новая Покровка повесился, не выдержав стресса перед ЕГЭ. Также в преддверии сдачи Единого госэкзамена наложил на себя руки 16-летний лицеист из Татарии. А в Учалинском районе Башкирии подросток выстрелил себе в голову из охотничьего ружья, получив неудовлетворительную оценку»[4].

Не так давно против «крестиков в тестах» выступил секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев. Он призвал учитывать в школах советский опыт воспитания. «Развалить наше образование, навязав нам так называемые прогрессивные модели обучения, — это для западников столь же стратегическая задача, как, например, приближение НАТО к нашим границам»[5], — заявил он.

---

[1] Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Создание частной газеты „Казбек“ во Владикавказе», «Civilization Mission of the Russian Empire in Central Asia in the 19th century (Based on Materials from the State Archive of the Orenburg Region)» (в соавт.) и др.

[2] См.: https://news.rambler.ru/incidents/42261310-nesli-v-klass-na-rukah-shkolnitsa-umerla-na-ege/?utm_source=rnewsvk&utm_campaign=post&utm_medium=social (дата обращения: 10.07.2022).

[3] *Гомзикова С.* Смертельно опасный экзамен. Всплеск суицидов среди российских школьников, утверждают эксперты, приходится на период сдачи ЕГЭ // Свободная пресса. 2011. 10 июня. URL: https://svpressa.ru/society/article/44430 (дата обращения: 10.07.2022).

[4] Там же.

[5] Патрушев призвал вернуть советский опыт образования в российские школы // РИА Новости. 2022. 26 апр. URL: https://ria.ru/20220426/obrazovanie-1785608919.html (дата обращения: 10.07.2022).

Не менее резко высказался Александр Бастрыкин: «Давайте возродим советскую школу образования. Она была лучшей в мире, это все признавали всегда, и на это должны быть направлены наши законодательные предложения. Отменить ЕГЭ <…> Это просто пытка какая-то для молодежи»[1]. В ответ на столь конструктивную критику «крестиков» выступил руководитель Рособрнадзора, кандидат технических наук Анзор Музаев, по мнению которого альтернативы Единому госэкзамену на ближайшие годы в России нет. Мнения академиков и профессоров, заслуженных педагогов, секретаря Совета безопасности России, а также руководителя Следственного комитета для Рособрнадзора не являются достойными внимания, чтобы принять соответствующие меры. Тем временем в Интернете можно найти целые подборки видео, где выпускники вузов на простейшие вопросы дают ответы, вызывающие смех сквозь слезы.

Для справки: Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) образована в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». В соответствии с Указом Рособрнадзору были переданы функции по контролю и надзору упраздненного Министерства образования Российской Федерации и такие же функции в сфере науки упраздненного Министерства промышленности, науки и технологий Российской Федерации. Рособрнадзор является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере образования и науки.

Показатели финансирования образования также удручают: по данным Всемирного банка и ЮНЕСКО, в 2012 году по доле расходов на образование от доли ВВП Россия занимала 98-е место среди 193 стран, в 2018-м — уже 120-е. Расходы на науку в последние годы сократились на 1 %. Приходится только мечтать о 7-процентном уровне финансирования образования, как это было в СССР в 1970-х годах (в 1950-х — 10–12 % ВВП)[2].

Председатель Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Нина Останина не так давно отметила, что «система образования нацелена на отъезд детей в будущем за границу. А ЕГЭ отупляет детей. Он не выполнил ни одной из задач, которые были заявлены. Качество образования упало, стресса у детей меньше не стало, коррупция тоже никуда не делась»[3].

Известный российский историк Андрей Фурсов предупреждает: «Сегодня образование — это намного больше, чем образование, это будущее, битва за которое уже началась и проигрыш в которой означает стирание из Истории»[4]. Многочисленные выступления сторонников полной отмены ЕГЭ позволяют надеяться, что в этом вопросе, кроме гражданской воли, в России проявит себя воля политическая. Пока не поздно.

В. Е. Триодин[5]

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Человек — «наше все». «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Тем парадоксальнее осознание того, что сегодня вряд ли кто-нибудь возьмется достоверно ответить на вопросы: когда, как, почему, а главное, зачем появился человек на планете Земля?

Тайна сия великая есть. Сердцевина ее — взаимодействие Земли и Космоса. Существует точка зрения, что Космос определяет основные направления жизни на Земле — в разумном, живом организме. И сам человек — микрокосмос. Он несет в тайниках сознания (душе) целостность Космоса.

Чудо рождения человека сопровождается множеством загадок. Вот одна из них. Человек заселяет этот мир не по своему велению-хотению. Он всего лишь посланец, инструмент иной воли. И должен пройти предназначенный ему путь. И умирает (как правило) не по своему решению. Христос просит Бога Отца: «Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси» (Б. Пастернак).

Ситуация неизбежности? Да, люди не живут вечно. Жить — значит умирать. Но что происходит с человеком, когда он расстается с жизнью, — еще одна загадка.

Религиозные люди верят в воскрешение человека. И среди ученых есть исследователи, которые допускают отделение некой субстанции (души), продолжающей жить. Загробный мир перестает быть для них только религиозным мифом. Смерть — это не бытие, а инобытие. К. Циолковский, например, допускал переход человечества в фазу существования чистой энергии, которую он называл «лучистым человечеством». Так или иначе, многие ученые считают жизнь фундаментальным свойством Вселенной, признают наличие Вселенского разума.

---

[1] Бастрыкин назвал ЕГЭ пыткой для молодежи // РИА Новости. 2021. 23 нояб. URL: https://ria.ru/20211123/ege-1760336098.html (дата обращения: 10.07.2022).

[2] Глава Совбеза призвал вернуть советский опыт образования. Что не так с нынешней системой? // Накануне.ru. 2022. 27 апр. URL: https://www.nakanune.ru/articles/118751 (дата обращения: 10.07.2022).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогические основы культурно-просветительной работы», «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Социально-культурная деятельность в условиях кризиса и его преодоления», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии» и др. Почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

Еще один вопрос без ответа. Человек входит в эту жизнь через боль. Его переход из уютного, комфортного чрева матери в незнакомую, чуждую реальность сопровождается криком отчаяния и боли. Страдает и мать. «Когда родятся дети, / Исходит кровью мать!» (И. Уткин). И во всю последующую жизнь боль никуда не уходит. «Смогу ли боль перекричать, / На всем лежит ее печать» (Ф. Тютчев). Зачем человеку дана жизнь как боль?

Проблемных зон в человеке так много, что правильнее было бы называть его не homo sapiens, а homo incognites (человек неизвестный). Тем важнее найти объединяющие всех ответы на понимание природы и сущности человека.

Комочек биологической разновидности живой материи принято называть телом. Это организм человека (или животного) в его внешних физических формах проявления.

Тело — сложнейший биоорганизм. Достаточно сказать, что мозг человека вмещает порядка 100 млрд нейронов (столько же звезд в галактике). У каждого нейрона по 5–10 тыс. связей. Если пересчитывать все связи со скоростью одна в секунду, потребуется 32 млн лет (!). Тем не менее мозг ухитряется в какие-то доли секунды распорядиться гиперастрономическим числом клеток так, чтобы принять верное решение. Как ему это удается? И какой педагог-кудесник возьмется выстроить нейроны так, чтобы реализовать заданную модель поведения?

Тело может выразить любые человеческие чувства. Существует, например, «язык» рук. «„Ты моя“, — сказать лишь могут руки» (С. Есенин). Великий хореограф Ю. Григорович был убежден, что жест тождествен высказыванию. А. Ахматова поворотом головы возвращала человека в homo sapiens.

Осознание своего тела, разработка языка тела становятся важнейшими педагогическими задачами. Невербальная педагогика стучится в дверь сложившейся системы педагогических наук. Нужно активно развивать биоэтику, биоискусство, биопедагогику.

С первых же минут рождения человека в его организме закладываются зерна социализации. К. Маркс очень точно заметил, что человек появляется на свет без зеркала в руках. Сначала он смотрит, как в зеркало, в другого человека и воспринимает его как отражение себя. Так начинается социализация биологических свойств новорожденного, превращение его в «социальный атом» (А. Зиновьев). Так рождается новый тип человека — личность как «совокупность общественных отношений» (К. Маркс).

Скорее всего существует некий закон взаимотяготения, который связывает людей духовными скрепами, взаимоопыляет их, формирует мощную синергию. «Я», соединяясь с «Ты», рождает «Мы» — соборное всеединство, новое качество жизни. «Мы» — это и бессмертие. «Можно убить меня. Нас убить невозможно!» (Р. Рождественский).

Пандемия, постковидный синдром, международные санкции подорвали запрос на социальную солидарность. «Социальность, социальность, — или смерть!» — предупреждал В. Белинский. Сегодня пришло время экспериментально проверить его пророчество.

Увы, страна вступила в эпоху великого потрясения. Одиночество, социальное сиротство стали массовой «социальной болезнью» («Я сослан в себя я — Михайловское». А. Вознесенский). Идет разрушение некогда единого социального покрывала, оскопление себя. Усиливаются депрессивные настроения, психологическое выгорание, обнищание ума и души. Маска становится образом жизни.

Поэт С. Раич (современник Ф. Тютчева) ввел в оборот слово «расстретились» как альтернативу «встретились» («Одних постигла смерть, другие на пути земном расстретились со мной»). Расстреча — точная и выразительная характеристика новой ситуации, порождающей новый тип личности. Выросло поколение электронных граждан, цифровых людей, covid generaition. Виртуальная среда проникает во все сферы жизни. Возникли интернет-торговля, доставка на дом продуктов, вещей. Дистанционные люди учатся, работают дистанционно. Даже знакомства, браки совершаются не на небесах, а в соцсетях, Цифры и Интернет становятся alter ego человека. Личный компьютер — исповедальником, материализацией души.

Особый интерес вызывает генерация «Ш» — поколение шеринг. Шеринг означает потребление без владения. Культура преодоления векового инстинкта обладания превращает окружающий мир в своеобразный пункт проката: шеринг-вещи, шеринг-любовь, шеринг-дети. И самое главное: шеринг-сознание. У Н. Гумилева замечательно сказано: «Только змеи сбрасывают кожи… Мы меняем души, не тела». Речь, в сущности, идет о тихой социально-культурной революции.

Целенаправленное взращивание человека осуществляется не привычным «авось», а государством. Тип государства определяет тип личности. Так, например, сырьевое государство относится к человеку как к сырью и формирует сырьевого человека.

Сегодня во весь голос следует утверждать антропоцентристский тип государства, главная идея которого — человек, качество и продолжительность его жизни. Президент В. В. Путин посчитал необходимым распахнуть дверь эпохе антропоцентризма. Как никогда актуально стихотворение-молитва Е. Евтушенко «Государство, будь человеком».

Эпоху антропоцентризма уместно открыть поминками по сложившейся системе образования, в которой оно все больше напоминает королевство кривых зеркал. В нем образование подменялось дипломированностью, образовательной услугой; профессионализм — умением устроиться и приспособиться. Учебные заведения аттестовывали по бумагам, а не по развитию человека, раскрытию его способностей, Божьей искры. «Образованщина», по А. Солженицыну, плодила «образованцев».

Преодоление педагогического сциентизма, индоктринации приводит к пересмотру некоторых положений, вошедших в плоть и кровь массового сознания.

Все очевиднее становится, что педагогика не столько наука, сколько искусство. Если бы были открыты законы воздействия на человека, общество давно бы уже забыло об образованных неучах и преступниках.

Прав был С. Есенин, когда писал: «Но это пакость — хладная планета! Ее и Солнцем-Лениным пока не растопить!»

Педагогика как искусство расширяет круг педагогов, выводит их за пределы выпускников педагогических вузов. А. Вознесенский, например, был убежден, что В. Высоцкий сделал для формирования даже не одного поколения больше, чем вся система образования.

Новым педагогом может стать не каждый человек. Это редчайший дар избранника, который светится фаворским светом. Это слияние с учениками, как у Я. Корчака, вошедшего вместе с ними в газовую камеру. Это учителя в пастырском смысле слова, духовные доноры.

Токи воздействия таких педагогов на учеников покрыты тайной. Во всяком случае, неповторимы. Скорее всего, с ними происходит то же самое, что и с большими художниками, которые утверждают, что они всего лишь улавливают и записывают то, что им приходит свыше.

Что касается самостроительства, то оно, конечно, имеет место и в новой педагогике, ибо человек остается не объектом, а субъектом деятельности. Но до определенных пределов. Выстраивание, по А. Зиновьеву, в самом себе «суверенного государства» грозит непредсказуемыми последствиями.

Теория культурного опережения должна прийти на смену теории культурного запаздывании.

Р. Л. Урицкая[1]

ОБРАЗОВАНИЕ, КОТОРОЕ НЕ НУЖНО РОССИИ. АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ШКОЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С грустью приходится констатировать, что некоторые процессы в нашей стране происходят ничуть не быстрее, чем в Древнем Египте. 26 апреля 2013 года в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов состоялось обсуждение статьи академика Александра Сергеевича Запесоцкого «Философия образования и проблемы современных реформ». К великому сожалению, все тезисы, изложенные в данной статье, не утратили актуальности и сегодня.

Конечно, стоит порадоваться, что в современном российском образовании есть люди с колоссальным гражданским мужеством. Отрадно, что во главе одного из ведущих учебных заведений России — СПбГУП — стоит человек, опередивший общероссийскую дискуссию почти на 10 лет и практически одним из первых привлекший внимание широкой общественности к проблемам образования. В частности, в упомянутой статье Александр Сергеевич Запесоцкий писал: «Один из центральных тезисов моего доклада: важнейший результат реформ последних 20 лет — превращение нашей системы образования в набор обучающих учреждений. Как известно, образование должно осуществляться в неразрывном единстве обучения и воспитания. Обучение без воспитания не может быть эффективным в принципе»[2].

С тех пор не только появился Указ Президента РФ № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». Теперь на основании ст. 12.1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» воспитание обучающихся при освоении ими основных образовательных программ, должно осуществляться на основе включаемых в основную программу рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы[3].

Казалось бы, все прекрасно — услышали прогрессивную общественность. Но не все так благополучно, как может показаться на первый взгляд. К этому закону прилагаются многочисленные методические рекомендации, которые, как и сама концепция современного российского образования, не согласуются с многовековыми традициями нашего общества, исторической памятью нашего народа, богатейшим культурным наследием русской нации, мультиэтничной по своей сути.

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) всех поколений, а вкупе с ним и совершенно бесчисленные разъяснительные письма, распоряжения, постановления Министерства просвещения РФ и комитетов образования ориентированы исключительно на англосаксонскую либеральную модель образования, в основе которой лежат протестантские ценностные установки. Конечной целью данной модели является создание продукта, способного соответствовать запросам быстро меняющегося рынка. А где здесь человек, индивидуальность, *личность*?

---

[1] Методист Лицея № 410 Пушкинского района Санкт-Петербурга, кандидат исторических наук. Автор более 70 научных и научно-методических публикаций, в т. ч.: «Положение русских эмигрантов во Франции в годы германской оккупации (1940–1944). Правовой аспект», «Актуальность научного наследия Д. С. Лихачева в контексте осмысления этнического и национального самосознания в глобальном мире», «Вторая мировая война: русские эмигранты и советские бойцы во Французском сопротивлении», «Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 год», «Попытка осмысления национальных культурных традиций как „ресурсов“ противостояния глобализации» и др.

[2] О статье А. С. Запесоцкого «Философия образования и проблемы современных реформ» : семинар кафедры философии и культурологии СПбГУП, 26 апреля 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 7. (Дискуссионный клуб Университета ; вып. 37).

[3] Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» // Гарант.ру : [информ.-правовой портал]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351950/#:~:text.

Ни в одном из документов Минпросвещения этих слов не найти. Ко всем просьбам и требованиям со стороны общественности министерство абсолютно глухо. Неизлечимую глухоту проявило оно и в ответ на вопрос, поставленный Советом Федерации и озвученный Валентиной Ивановной Матвиенко: «Не слишком ли мы увлекаемся иностранными стандартами?».

Вся воспитательная работа в современной российской школе сводится к формированию у молодежи soft skills, гибких навыков: умению общаться с людьми, эффективно организовывать свое время, творчески мыслить, принимать решения и брать на себя ответственность.

На первый взгляд все очень хорошо. Но для сравнения следует вспомнить морально-этические основы воспитания юношества в нашей стране в XIX–XX веках. Они выражались в совершенно других терминах: «честь», «достоинство», «мужество», «долг», «братство», «служение Отечеству», «преданность профессии» и т. п.

В бравурных агитках продвинутых образовательных онлайн-платформ[1] можно прочесть: «В современном мире гибкие навыки необходимы для достижения профессионального и личного успеха. Они считаются критически важными при трудоустройстве, обеспечивают быстрое построение карьеры и высокий заработок»[2].

21 марта 2022 года в Санкт-Петербургском кампусе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) состоялся VIII Педагогический конгресс «Кого воспитывает современная школа?». Обсуждались следующие вопросы:

— чем отличаются современные цели воспитания школьников от целей воспитания в конце прошлого века;

— почему результаты воспитания могут не соответствовать целям;

— школа должна готовить к жизни, которая есть на самом деле, или к жизни, которая должна быть; к какой жизни готовит современная школа[3].

С материалами конгресса можно ознакомиться на сайте ВШЭ.

Нам же показалось интересным задать вопрос: «Кого воспитывает современная школа?» ее выпускникам. В анкетировании приняли участие учащиеся двух 10-х и двух 11-х классов (120 человек).

Ребята вынесли свой неутешительный вердикт: поставленные цели не достигаются. Аргументация была следующей:

— воспитание навыков достижения целей приводит к стремлению получать оценки, а не знания;

— школа воспитывает «невротиков», так как абсолютно неверен путь достижения цели;

— программа, учебный план и учебники составлены некорректно, за один учебный час предполагается освоить огромный объем информации;

— невозможность выполнить требуемое убивает желание учиться вообще, не остается времени и сил на размышления, осмысление материала, с которым ознакомился, «нет эмоций»;

— школа воспитывает человека, способного решать поставленные задачи, обладающего базовыми знаниями и навыками, но не личность (в процессе обучения в школе личность вообще не принимается в расчет);

— школа не учит работать в команде, ведь каждый нацелен только на личный успех, получение своей оценки.

В данном контексте вспомнилась известная фраза из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»: «К чему дорога, если она не приводит к храму?».

Такое образование России точно не нужно.

Г. А. Чередниченко[4]

ОТ ШКОЛЫ К ВУЗУ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Переход от школы к вузу осуществляется под воздействием институционально-организационных условий системы образования, в ходе которого происходит воспроизводство разного рода неравенств.

Уже к рубежу 2000-х годов школьное образование превратилась в поле разнообразных диверсифицированных типов, видов школ, потоков обучения и так далее, которые отражали все возрастающее социально-экономическое неравенство общества[4]. В высшей школе также сложилась дифференциация вузов, выражающаяся в качестве предоставляемого образования, престиже диплома, позициях, которые выпускники могут занять на рынке труда. Шансы на получение высшего образования (ВО) определенного качества (элитно-

[1] Фоксфорд. СПб.

[2] Soft skills: где учиться | Фоксфорд.Медиа. URL: https://media.foxford.ru.

[3] VIII Педагогический конгресс «Кого воспитывает современная школа?» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/preuni/pre-university/social2022.

[4] *Чередниченко Г. А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) / Г. А. Чередниченко. М. : ЦСП и М, 2014. С. 256–287.

[5] Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, доктор социологических наук. Автор 167 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда», «Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий)», «Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования)» и др.; статей: «Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования», «Положение на рынке труда выпускников вузов (по материалам опроса Росстата)», «Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню» и др. Член Исследовательского комитета «Социология образования» Международной социологической ассоциации и Российской ассоциации социологов. Награждена Почетной грамотой Российской академии наук.

го и массового) стали зависеть от дохода и образования родителей. Чаще поступали в элитные вузы выпускники гимназий, школ со специализацией, а существенным фактором преодоления конкурса была подготовка на курсах или с репетитором из данного вуза[1].

Ради повышения объективности итоговой аттестации выпускников средних школ и обеспечения им равных возможностей получения среднего и высшего образования был осуществлен переход к Единому государственному экзамену (ЕГЭ). Однако за прошедшее двадцатилетие ЕГЭ не стал, как планировалось, новым социальным механизмом доступности ВО.

Сегодня школьное образование характеризуется гораздо бóльшими и многообразными аспектами неравенства и социальной дифференциации, а более высокие шансы обучения в привилегированных школах тесно коррелируют с высокими социально-экономическим и культурным статусами родителей учащихся[2]. ЕГЭ сопровождается частными практиками дополнительной подготовки к нему. Выбор более эффективных инвестиций в такой коучинг закрепляет привилегии детей из материально обеспеченных, социокультурно продвинутых семей: по данным мониторинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), при одинаковом уровне успеваемости в конце 9-го класса школьники из высокодоходных групп семей в среднем на 4–5 баллов (из 100) лучше сдают ЕГЭ, нежели дети из групп малообеспеченных родителей[3].

Значительно усилилась и дифференциация высшей школы. С одной стороны, ВО становилось массовым — во многом за счет расширения (до последнего времени) заочного обучения, частных вузов и платных учебных мест. Это увеличивало сектор образовательных структур, предоставлявших подготовку сниженного/низкого качества. С другой стороны, на противоположном полюсе все более обособлялись элитные образовательные организации. Поляризация усилилась в результате осуществления государственных проектов, нацеленных на повышение конкурентоспособности российского ВО на глобальном рынке образовательных услуг.

Сегодня можно выделить три крупные категории вузов: 1) ведущие (вузы — участники «Проекта 5–100», Ассоциации ведущих университетов, ассоциации «Глобальные университеты», национальные исследовательские университеты, федеральные университеты); 2) опорные (крупные региональные образовательные центры, объединившие несколько вузов); 3) прочие (не попавшие в вышеназванные). Данные мониторинга НИУ ВШЭ показывают, что распределение студентов-очников в 2019/20 учебном году между тремя категориями составляло 18, 10, 73 % соответственно[4].

Ряд факторов, напрямую не отражающих уровень способностей абитуриента, существенно влияет как на доступ в высшую школу, так и на качество получаемого ВО: студенты из семей с высшим образованием родителей, высоким уровнем дохода, выпускники школ особого статуса в большей степени представлены в ведущих вузах и на очном обучении. Данные мониторинга свидетельствуют, что у 54 % всех студентов матери имеют высшее образование (в том числе ученую степень), а в ведущих вузах таких студентов 62 %, в том числе в вузах «Проекта 5–100» — 68 %.

Влияние типа школы на неравенство шансов можно проследить в соотношении выпускников: 1) общеобразовательных школ; 2) школ особого статуса; 3) учреждений среднего профессионального образования (СПО) среди студентов — в ведущих вузах оно составляет 56, 39, 4 %, а в прочих — 68, 27, 6 % соответственно[5]. ЕГЭ маскирует то, что институционализация и школьного, и высшего образования все больше разделяет молодежь из семей с разным социально-экономическим статусом. Дети привилегированных слоев учатся главным образом очно и существенно чаще в селективных, ведущих вузах, по образовательным программам наиболее высокого качества, что обеспечивает им на рынке труда повышенную отдачу от высшего образования.

Молодежь из семей со сниженными экономическими и социокультурными ресурсами вынуждена выстраивать иные образовательные траектории. Введение ЕГЭ породило массовую стратегию обходного маневра — «в вуз через колледж». Большая часть учащихся малоресурсных групп после окончания 9-го класса поступает в колледжи с двойной целью: гарантии на рынке труда в виде диплома о СПО и возможности поступления в вуз, минуя ЕГЭ[6]. К стратегии обучения в учреждлениях СПО (ради облегчения доступа в вуз) обращались представители данной группы и среди выпускников средних школ[7]. В течение 2010-х годов более половины выпускников колледжей сразу поступали в вузы, что существенно размывало выполнение системой СПО функции подготовки специалистов среднего звена для рынка труда[8].

Молодежь со средним профессиональным образованием поступает в вузы главным образом на заочное обучение, которое уступает по качеству очному и осуществляется в основном за плату. В целом молодежь

---

[1] *Рощина Я. М.* Чьи дети учатся в российских элитных вузах // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 347–369.

[2] Образование и социальная дифференциация : кол. моногр. / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. М. : Издат. дом ВШЭ, 2018.

[3] *Prakhov I., Yudkevich M.* University admission in Russia: Do the wealthier benefit from standardized exams? // International Journal of Educational Development. 2019. № 65. P. 98–105.

[4] Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию : информ. бюл. / И. А. Прахов, К. В. Рожкова, П. В. Травкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. (Мониторинг экономики образования ; № 17).

[5] Там же.

[6] *Александров Д. А., Тенишева К. Ф., Савельева С. С.* Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 66–91 ; *Константиновский Д. Л., Попова Е. С.* Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44.

[7] *Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д., Кузнецов И. С.* Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда : моногр. / отв. ред. Г. А. Чередниченко. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8499. С. 96–99.

[8] *Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А.* Среднее профессиональное образование: состояние и прогноз развития. М. : Дело, 2018.

из демократичных слоев населения гораздо чаще обучается заочно. В России лица со средним профессиональным образованием составляли 68,6 % принятых на заочное и 10,5 % на очное обучение РФ в 2016 году; платные учебные места получили 79,9 и 38,2 % принятых соответственно[1]. Среди обследованных студентов и дипломников-заочников (2019) у 61,7 % отцы были рабочими (в том числе у 35,7 % — квалифицированными), а 25,9 % матерей относились к специалистам средней и 21,6 % — высшей квалификации. Набор направлений подготовки у заочников существенно сужен: на «науки об обществе» приходится 54,2 % студентов, инженерно-технические специальности — 24,4 %, математические и естественные науки — 2,9 %, медицину — 1,4 %[2]. По данным цитированного мониторинга, у студентов очных отделений соответствующие показатели составляли 29, 19, 20, 13 %. «Науки об обществе» — это у заочников преимущественно экономика, право, менеджмент, все места платные, а «цена» их самая низкая по рынку. Низкие инвестиции в образовательный процесс оборачиваются низким качеством подготовки и далее на рынке труда девальвацией дипломов[3].

Затруднения в получении качественного школьного и высшего образования по основаниям, связанным с социально-экономическими, культурными различиями семей учащихся, ведут к искажению принципа интеллектуальной конкуренции при отборе молодежи в вуз. Для общества это чревато деформацией социальной функции ВО как института, назначение которого — формировать интеллектуальный потенциал общества, способный отвечать на разнообразные вызовы современности. Сужение человеческого ресурса, из которого на основе интеллектуальной селекции должна формироваться элита общества, ведет к снижению качества этой элиты в ее способности решать задачи, стоящие перед обществом. Накопление преимуществ доступа к ВО у высокоресурсных и убывание шансов у малоимущих слоев таят угрозы сохранения интеграции, стабильности общества, а также адекватного функционирования самих различных социальных страт. Самовоспроизводство интеллектуальной элиты ведет к ее социальной «ущербности», поскольку ее представители с трудом способны осознавать процессы, происходящие в других стратах, осмысливать и выражать интересы всего общества. Нарастание ограничений доступа к ВО у малоресурсных групп ведет к снижению мотивации получать высшее образование и интеллектуально развиваться. В условиях информационной эпохи снижение культурных и интеллектуальных притязаний и ценностей образования среди малоимущих слоев чревато «деградацией» рядового, массового работника информационной эпохи.

А. Н. Чумаков[4]

УНИВЕРСИТЕТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛИСТИКИ

С тех пор как в 2003 году Россия вошла в число участников Болонского процесса, система высшего образования в России вступила в эпоху перманентных реформ, о завершении которых говорить пока не приходится. За одним этапом преобразований следовал другой, но теперь уже вполне очевидно, что решения, направленные на дальнейшее развитие отечественного образования, в немалой степени принимались без должного учета мирового опыта, истории нашей страны, особенностей ее культуры и специфики современного глобального мира[5]. Речь идет прежде всего об *университетах* — научных, культурных, образовательных и гуманитарных центрах, призванных вести подготовку и воспитание интеллектуальной элиты страны — критически и свободно мыслящих ученых, педагогов, специалистов, а также высокообразованных, нравственных и ответственных общественных и политических деятелей, то есть тех людей, роль которых в развитии науки, образования, культуры и управлении обществом невозможно переоценить[6].

Понятие *университет* (от *лат.* universalis — общий, всеобщий, корпорация) не случайно родственно слову «универсум», означающему Вселенную, всеобщее бытие. Тем самым подлинный университет — это всегда некий образовательный микрокосм, соотносимый с макрокосмом, подобно тому как составная часть фрактала соотносится с более общей структурой, если таким образом представить Вселенную. Университеты появились не сразу и не на пустом месте. У них были предтечи, такие, например, как знаменитая Пифагорейская школа, платоновская Академия или аристотелевский Ликей, которые, с определенными оговорками,

[1] *Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д., Кузнецов И. С.* Указ. соч. С. 44, 46.

[2] Там же. С. 84, 120.

[3] Там же. С. 134–142.

[4] Профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 750 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Глобальный мир: столкновение интересов», «Путь в философию. Работы разных лет», «„Философский пароход“: 100 лет без покаяния» и др. Главный редактор журнала «Век глобализации». Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Почетный доктор Башкирского государственного университета. Член исполкома Международной ассоциации профессоров философии. Награжден медалями «В память 850-летия Москвы», «За значительный вклад в глобальные исследования», нагрудным знаком «Орден В. И. Вернадского». Лауреат премии им. Н. К. Байбакова, Международной премии мира Гузи.

[5] *Давыдов Ю. С.* Болонский процесс и Российские реалии. М. : МПСИ, 2004 ; Болонский процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

[6] *Чумаков А. Н.* Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2 (8). С. 174–180.

можно назвать первыми (античными) центрами высшего образования.

Затем, когда в Средние века по всей Европе стали возникать высшие учебные заведения, они в условиях нерасчлененного тогда знания (ибо наука еще не выделилась из философии) стали называться университетами. Как правило, они имели теологические, философские, медицинские, юридические, а также естественные факультеты, положение которых было нередко тем прочнее и независимее, чем дальше университет находился от Ватикана, то есть от папской опеки. Развитию интеллектуального творчества и свободомыслия способствовало и то, что университеты изначально имели относительную независимость от городов и светской власти. По существу, это были корпорации преподавателей и студентов, когда в одних делами заправляли преподаватели, а в других, например в Болонье, — студенты. Следует отметить, что с тех пор в западном мире университеты всегда оставались и теперь являются основным структурным элементом в системе высшего образования. Они, как и прежде, дают в первую очередь общую подготовку на уровне высшей школы, то есть универсальное образование, и лишь затем студенты специализируются по той или иной конкретной дисциплине[1].

В данном контексте интересной представляется судьба университетов, как она сложилась в России, а затем и в Советском Союзе, где они возникли намного позже, чем в Европе. Так, первый университет был открыт в Москве в 1755 году, но и это не стало началом повсеместного открытия университетов, которые в последующем непросто приживались на российской почве, а в советский период и вовсе не получили развития. Дело в том, что авторитарные системы, как и любое другое общество, испытывают потребность в высококлассных специалистах, но они не нуждаются в самодостаточных и независимых гражданах с широким университетским образованием. Показательной в связи с этим является отечественная практика, особенно если посмотреть на нее глазами таких мыслителей, как Н. Я. Грот, В. С. Соловьев, братья Е. Н. и С. Н. Трубецкие, Д. И. Менделеев и др.

Так, Д. И. Менделеев в своих «Заветных мыслях», не публиковавшихся почти сто лет, еще в 1905 году обратил внимание на то, что, хотя с момента появления первых университетов в Европе прошло более 600 лет, они и теперь продолжают играть первостепенную роль в образовании народов. «Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX века, — писал он, — была во множестве случаев упущена учреждением узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения»[2]. И далее, обращаясь к своему опыту, он пишет: «Бывши первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инженерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора»[3].

Вспоминая далее свои студенческие годы, Менделеев говорит, что он жил рядом не только с математиками, с которыми вместе слушал общие науки на первых двух курсах, но и с филологами, историками и экономистами другого факультета. «И я никогда не забуду тех столкновений во мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас, — подчеркивает он и заключает: — На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов»[4]. Прошло более 115 лет с тех пор, как были написаны эти замечательные слова, но их значимость для нашей страны и сейчас не менее актуальна[5].

Так, уже в первые годы советской власти стало ясно, что университеты, которые по природе своей являются центрами вольнодумства и свободомыслия, в силу своей полифоничности не в состоянии обеспечить идеологически заданное образование и целенаправленное коммунистическое воспитание. Тогда наиболее несговорчивых профессоров лишили работы, арестовали или выслали за границу (определенным символом этой печально известной акции стал «Философский пароход» в 1922 г.). А место университетов за относительно небольшим исключением заняли институты, основной задачей которых была подготовка узких профессионалов, специалистов по конкретным областям науки, техники и народного хозяйства. Такая система образования, конечно же, давала стране хороших специалистов технического, прикладного и гуманитарного профиля, но не была направлена на подготовку широко образованных, критически мыслящих граждан.

Пагубность такого однобокого, узкопрофессионального образования очевидна, поскольку общественный прогресс измеряется прежде всего человеческим капиталом. А он характеризуется совокупностью не только знаний, умений, навыков, но и уровнем культуры и нравственного развития, наконец, степенью цивилизованности, которые обретаются в процессе соответствующего воспитания и гуманитарного образования, где университетам отводится, как уже было сказано выше, особая и исключительно важная роль. Теперь в России почти все бывшие институты переименованы в университеты. Но сменить название и сформировать принципиально иную систему подготовки специалистов, к сожалению, далеко не одно и то же, да и процесс этот длится десятилетиями, если не столетиями[6]. Это тем более важно подчеркнуть, потому что сегодня,

[1] См.: *Чумаков А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд. М., 2017.

[2] *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. М., 1995. С. 258.

[3] *Менделеев Д. И.* Указ. соч.

[4] Там же.

[5] *Чумаков А. Н.* Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы // Век глобализации. 2019. № 2 (30). С. 38–48.

[6] *Кацура А. В., Чумаков А. Н.* Отечественные университеты: название и суть // Вестник РФО. 2005. № 1 (33). С. 81–91.

в динамичном и взаимозависимом мире, образование должно гибко реагировать на позитивные и негативные последствия глобальных процессов, что во многом является определяющим фактором общественного развития. Отсюда особую актуальность приобретает проблема подготовки специалистов в новой междисциплинарной области научного знания — глобалистике.

При этом принципиальное значение имеет то, что прежние и культивируемые ныне подходы к организации высшего образования, которые в основе своей развиваются по пути дифференциации научного знания, принципиально не подходят для глобалистики, поскольку она является результатом прямо противоположных тенденций в науке, а именно — процессов *интеграции научного знания*[1]. *Иными словами, глобалистика сформировалась в процессе взаимодействия и на стыке различных сфер теоретического знания, сопряженного с конкретной практикой. Она стала новым направлением в науке и обрела особый — междисциплинарный — статус, поскольку различные научные дисциплины, оставаясь каждая на своей платформе, объединились в своих усилиях в осмыслении глобальных процессов и их всевозможных последствий. Отсюда вполне очевидно, что специалистов в области глобальных исследований следует готовить на междисциплинарной основе, то есть по особым комплексным программам, которые сочетали бы знание технических, гуманитарных и прикладных наук. Это принципиально новая ситуация, и только университеты, а не узкопрофильные институты или целевые академии могут справиться с такой задачей*[2].

Однако и в самих университетах подготовка специалистов в области глобалистики не может осуществляться на традиционных факультетах, поскольку последние специализируются на конкретных направлениях научного знания и не в состоянии в полной мере учитывать междисциплинарность в решении сложных задач. В данном случае образование должно строиться таким образом, чтобы студенты изначально получали специальное образование по программе бакалавриата на одном из классических факультетов и только потом проходили специализацию в области глобалистики (теперь уже в магистратуре). Для решения такой задачи требуется особая университетская структура, которую правильно было бы назвать *интертетом*. Именно в таком принципиально новом структурном подразделении только и возможно реализовать то междисциплинарное взаимодействие и общение студентов, получивших различное базовое образование, о котором говорил Д. И. Менделеев. А суть новации заключается в том, что, в отличие от всевозможных факультетов, возникающих в результате дифференциации научного знания, *интертет* призван реализовывать потенциал интегративного знания, получаемого в процессе междисциплинарных исследований сложных объектов и систем. В итоге выпускник интертета всегда будет представлять ту или иную конкретную область научного знания; но при этом его профессиональная принадлежность будет имманентно связана с глобалистикой, предполагающей целостное ви́дение глобальных процессов и их последствий[3].

Несомненно, что в таком структурном подразделении должны быть представлены и последующие ступени подготовки профессиональных кадров в области глобалистики — на уровне *аспирантуры* и *докторантуры*. С учетом того, что речь идет о междисциплинарной области научного знания, где в значительной степени присутствует гуманитарная составляющая, подобные структуры целесообразнее было бы создать в рамках уже существующих крупных университетов, имеющих разветвленную сеть факультетов. Такое решение позволило бы оптимальным образом совместить теоретические изыскания с образовательным процессом, а исследовательскую и педагогическую работу поставить на прочную основу уже имеющихся достижений в области глобалистики[4].

Предлагая к обсуждению поставленные выше проблемы, хотелось бы отметить, что будущее как мирового сообщества в целом, так и России в частности зависит от того, насколько адекватно мы будем реагировать на реалии глобального мира, сумеем ли в этих условиях эффективно использовать преимущества, которые предоставляет нам наука и высшее образование. А это значит, что необходимо постоянно переосмысливать и самих себя, и мир, в котором мы живем, чтобы оптимально вписываться в динамичную структуру мирового сообщества и адекватно реагировать на перманентные вызовы современности.

[1] История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей. М. : Проспект, 2018. С. 137–156.

[2] *Чумаков А. Н.* Интертет как новационная форма образования в условиях глобализации // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6, № 3. С. 398–407.

[3] *Чумаков А. Н.* Интертет как новационная форма образования в условиях глобализации.

[4] Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 473–478.

И. Ю. Шустова[1]

ВОСПИТАНИЕ В ДЕТСКО-ВЗРОСЛОЙ ОБЩНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ[2]

В современном образовании и вопросах воспитания сложилась непростая ситуация, обусловленная целым рядом социальных факторов: быстрое устаревание конкретных знаний и способов деятельности; смена ценностных ориентиров и их размытость; «догоняющий» характер образования, которое должно соответствовать запросам сегодняшнего дня и решать задачи перспективного развития общества; отсутствие должного внимания к процессу воспитания современных детей, подростков, молодежи; кризис традиционной семьи, разрушение межпоколенческих связей; неготовность наших детей к эмпатии и сотрудничеству друг с другом; стремительное развитие потребительского общества, разрушение субъектности в современных детях, их неумение проявить и использовать свой творческий потенциал.

Все это показывает очень сложную ситуацию, в которой оказались школы и современные педагоги. С одной стороны, им важно учитывать быстро меняющиеся реалии социума, а с другой — удерживать и передавать детям ценностные ориентиры, гуманистические ценности и смыслы, которые формируют личность ребенка и определяют его взросление, способы самореализации и поведения в социуме.

Законодательно ФГОС устанавливает требования к достижению на уровне ключевых понятий обучающимися личностных результатов, сформированных в систему ценностных отношений обучающихся к себе, другим участникам образовательного процесса, самому образовательному процессу и его результатам[3]. Сотрудниками Института стратегии развития образования РАО была разработана Примерная программа воспитания для образовательных организаций общего образования[4]. Каждый модуль программы ориентирует педагогов не на «воспитательное мероприятие», а на «создание детско-взрослых общностей, которые бы объединяли детей и педагогов яркими и содержательными событиями, общими позитивными эмоциями и доверительными отношениями друг к другу»[5].

В настоящее время именно феномен детско-взрослой общности приобретает все большее значение. Общность дает возможность каждому ее участнику открыто проявить себя, актуализирует ви́дение и понимание других людей, взаимодействие с другими становится фактором развития собственной личности, условием формирования личностных результатов. Общаясь со сверстниками и взрослыми, эмоционально и деятельностно включаясь в это общение, воспитанник начинает осознавать свою личность, собственные ценности, имеет возможность проявить себя, найти единомышленников. Формирование в образовательных учреждениях детско-взрослых общностей приобретает большую воспитательную ценность.

Теоретические основы процесса формирования детско-взрослой общности следует рассматривать в рамках теории коллективного воспитания, истоки которого представлены в трудах Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого и В. А. Сухомлинского. Развитие личности в коллективе, отношения в коллективе, коллектив как инструмент педагогического влияния на личность рассмотрены отечественными психологами А. Г. Кирпичником, Я. Л. Коломинским, А. Н. Лутошкиным, А. В. Петровским, Л. И. Уманским.

Наиболее значимым в теории коллективного воспитания стал период середины — конца XX века, когда к этой проблеме обратились многие исследователи: М. Д. Виноградова, О. С. Газман, И. Д. Демакова, И. П. Иванов, М. Г. Казакина, В. А. Караковский[6], Т. Е. Конникова, А. Т. Куракин, Х. И. Лийметс, В. И. Максакова, А. В. Мудрик, Л. И. Новикова, С. Д. Поляков, Н. Л. Селиванова. Важной вехой в развитии теории коллективного воспитания стала позиция Л. И. Новиковой и А. Т. Куракина, представивших воспитательный коллектив как единство организации, системы формальных связей и общности, системы эмоционально-психологических связей и отношений[7].

В качестве рабочего дадим следующее определение детско-взрослой общности: это первичная контактная группа детей и взрослых, возникающая вокруг схожих потребностей и интересов, осуществляющая пересечение ценностей и смыслов участников в общем эмоциональном переживании, совместной деятельности и общении, отражающая характер эмоционально-психологических связей и отношений между участниками[8].

---

[1] Ведущий научный сотрудник лаборатории развития личности в системе образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук. Автор 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Воспитание в детско-взрослой общности», «Технологии воспитания школьников с ориентацией на рефлексивный подход», «Рефлексия в инновационной практике школы» и др.; статей: «Личностный образовательный результат воспитанника как основа системного развития воспитывающей общеобразовательной организации», «Воспитание в событии: ситуативная педагогика», «Феномены „социальная среда“ и „воспитательное пространство“: попытка осмысления связей», «Детско-взрослая общность: значимое условие воспитания школьников» и др.

[2] Доклад подготовлен в рамках государственного задания № 073-00058-22-04 (от 8 апреля 2022 г.) на 2022 год по теме «Теоретические и методические основы формирования личностных результатов обучающихся в условиях цифровизации образования».

[3] Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Гарант.ру : [справ.-информ. портал]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/.

[4] Примерная программа воспитания для образовательных организаций общего образования. URL: http://form.instrao.ru/.

[5] *Степанов П. В., Степанова И. В.* Педагог воспитывающий: проблемы профессиональной подготовки и государственной поддержки профессиональной деятельности // Изв. Тульского гос. ун-та. 2019. № 2. С. 77.

[6] *Караковский В. А.* Воспитание для всех. М. : НИИ школьных технологий, 2008.

[7] *Новикова Л. И.* Педагогика детского коллектива. (Вопросы теории). М. : Педагогика, 1978.

[8] *Шустова И. Ю.* Воспитание в детско-взрослой общности. М. : Пед. о-во России, 2018.

Что может являться импульсом, порождающим детско-взрослую общность: нахождение детей и взрослых в одной эмоциональной ситуации через совместное переживание значимой ситуации и ее событий; непосредственное общение и взаимодействие при коллективном обсуждении общих целей и задач, нахождение совместных решений, анализ конкретной задачи и пр.; интерес, который объединяет детей и взрослых, стимулирует целеобразование и возникновение совместно значимой деятельности; важная для всех совместная деятельность. Чаще всего средством формирования детско-взрослой общности в школе может быть участие детей и взрослых в совместной деятельности, становящейся событием для всех участников.

Слово «событие» как со-бытие имеет особое значение для процесса воспитания. Со-бытиийность является качественной характеристикой детско-взрослой общности и проявляется как особое ее состояние. Детско-взрослая общность, в которой проявляется признак со-бытийности, будет обозначаться как со-бытийная детско-взрослая общность. Она проявляется как кратковременное состояние группы, феномен, чувство единения и общности группы людей в условиях возникновения общего интереса, события, значимого для всех дела. Со-бытийная общность может быть охарактеризована как совместное бытие, соприкосновение жизней (бытия) нескольких людей, пересечение их в общем эмоционально-психологическом и ценностно-смысловом пространствах, которое ощущается ими как встреча «я–ты» (М. Бубер), духовная общность, «бытие-с-другими» (М. Хайдеггер), чувство «мы»[1].

Рассматривая развитие человека в онтогенезе, В. И. Слободчиков, опираясь на положение Л. С. Выготского о социальной ситуации развития, считает событийную общность необходимым условием развития субъектности человека: «Полнота связей и отношений между людьми обеспечивается только в структуре событийной общности, основная функция которой — развитие. Со-бытие есть то, что развивает и развивается; результат развития здесь — та или иная форма, тот или иной уровень индивидуальной и коллективной субъектности»[2].

Со-бытийная общность — это категория непостоянная; она носит «мерцательный» характер. Мерцательность — проявление со-бытия в сознании человека. То я его как бы осознаю, чувствую, то оно исчезает. Со-бытие как форма развития непостоянно. Если я в него вошел, оно меня какое-то время держит и меняет, потом, возможно, я выйду и попаду в другую форму развития, другое со-бытие[3].

Со-бытийная общность проявляется в субъективном мире человека как значимая «встреча»: значимые мысли, люди, отношения, новый значимый «я». После того как со-бытийная общность распадается в реальном пространстве и времени, она остается в субъективном мире человека как «реперная точка», удерживающая ценностно-смысловую сторону его самосознания[4].

Со-бытийная детско-взрослая общность является для воспитанника субъективным переживанием, где он чувствует близость к Другому (его мыслям, чувствам, знаниям, ценностям), а его ценности и смыслы непроизвольно присваиваются. Если между педагогом и воспитанником не возникает общность, процесс воспитания как передача воспитанникам культурных норм и общечеловеческих ценностей затруднен, почти невыполним[5].

Рассматривая личностные результаты школьников, которые могут формироваться в детско-взрослой общности, важно понимать два процесса которые заложены внутри нее.

Первый процесс — это отождествление и идентификация, когда между участниками возникают эмоционально-психологические связи, они осознают значимость для себя самой общности и ее отдельных участников, стремятся подражать и копировать их действия, ориентируются на нормы и правила, которые возникают в общности. Активно идет процесс социализации, дети осваивают опыт толерантного и уважительного отношения к другим людям.

Второй процесс — это обособление, разрыв связей, перевод их в осознанное отношение, поиск средств и способов самореализации, отстаивание своих интересов и личной позиции. Идет процесс индивидуализации, самоопределения и самоидентификации.

Обобщая все вышеизложенное, сформулируем возможные личностные результаты, которые формируются в условиях детско-взрослой общности: опыт эмоционального проживания, осознание своих эмоций и понимание источника их возникновения, их значения для себя; навыки коммуникативного проживания в открытом ценностно-смысловом взаимодействии с другими (умение слушать и слышать, запрашивать и получать обратную связь, находить причинно-следственные связи, формулировать и выражать собственную позицию, переосмысливать и уточнять ее); опыт толерантного отношения к другому (способность к эмпатии, умение понимать и принимать индивидуальность другого, видеть общее с ним); опыт значимого открытого позиционного и ценностно-смыслового взаимодействия, осознание значимых для себя ценностей и смыслов, их порождение и закрепление; осознание связи с людьми другого поколения (признание себя частью общности не только ровесников или близких по возрасту людей, но и представителей старшего поколения, других эпох); опыт самоопределения (позиционного, ценностного) и умение проявить себя, найти способ самореализации личного смысла, своего интереса, способностей и талантов; формирование рефлексивных способностей личности, так как в общности обязательно присутствует индивидуальная и коллективная рефлексия совместной деятельности, общих целей и условий их реализации, достигнутых результатов и т. д.

---

[1] См.: *Шустова И. Ю.* Фактор детско-взрослой общности в воспитании и развитии субъектности юношества : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009.

[2] *Слободчиков В. И.* Очерки психологии образования. 2-е изд., перераб. и доп. Биробиджан : Изд-во БГПИ, 2005. С. 153–157.

[3] Детская общность как объект и субъект воспитания / под ред. Н. Л. Селивановой, Е. И. Соколовой. М. : Издат. центр ИЭТ : ИТИП РАО, 2012.

[4] *Шустова И. Ю.* Детско-взрослая общность как условие становления ценностно-смысловой ориентации ребенка // Вестн. Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2013. Вып. 1 (28). С. 51–61.

[5] *Шустова И. Ю.* Со-бытийный подход к воспитанию школьников // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 438. С. 186–193.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА	заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор
Е. В. АНДРИЕНКО	заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
О. С. АНИСИМОВ	профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор психологических наук
Э. В. БАРБАШИНА	заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, профессор отдела аспирантуры Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук
М. Н. ВЕТЧИНОВА	профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Е. И. КАЗАКОВА	директор Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор
О. Е. ЛЕБЕДЕВ	член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор
Е. А. ЛЕНСКАЯ	директор Центра изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук, кандидат педагогических наук, доцент
Г. В. МАКОТРОВА	профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
Т. А. РОММ	заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
М. В. СОЗИНОВА	и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент
В. Е. ТРИОДИН	профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП
А. Н. ЧУМАКОВ	профессор кафедры геополитики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ
И. Ю. ШУСТОВА	ведущий научный сотрудник лаборатории развития личности в системе образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Мне очень приятно видеть в этой аудитории как маститых ученых, так и молодежь.

На всех секционных заседаниях я выступаю как представитель Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. Но на секции «Российское образование на новом рубеже эпох (диалектика прошлого и будущего). Что нужно России» не могу не выступить как ученый. Здесь, помимо проблем, заявленных в названии секции, на обсуждение вынесена книга Олега Ермолаевича Лебедева «Воспитание в школе: диалектика прошлого и будущего». Это наш университетский подарок Олегу Ермолаевичу к его 90-летию. Педагогическая общественность не только нашего города, но и всей страны готовится к этой дате.

На заседании секции предлагаю сделать акцент на том, что происходит сегодня в школе и вузе. Я не разделял бы школьную и вузовскую педагогику, несмотря на их существенные отличия. Конечно, дошкольная педагогика и послевузовское образование имеют свою специфику. Но мне представляется важным поговорить об общих

процессах, которые происходят в образовательной системе в целом. В своих выступлениях предлагаю всем участникам отталкиваться от идей, сформулированных в докладах и книге Олега Ермолаевича Лебедева.

Я написал предисловие к книге этого выдающегося ученого, одного из самых авторитетных в отечественной педагогике. При этом, что любопытно, оно довольно задиристое: я не во всем согласен с идеями Олега Ермолаевича. Это, пожалуй, впервые в моей жизни. Но я ценю инакомыслящих во всех сферах ничуть не меньше, чем тех, кто разделяет мою точку зрения. Мне интересно узнать идеи и взгляды, которые не совпадают с моими. Особенно если они исходят от компетентного человека, каким, безусловно, является Олег Ермолаевич, профессионал высокого уровня, вся жизнь которого посвящена служению педагогике. Интересно, когда человек, который высказывается так неординарно, как Олег Ермолаевич, делает это, соединяя теоретический «багаж» и осмысление практики. Олег Ермолаевич, будучи теоретиком, не анализирует теорию ради теории, он постоянно занимается практикой, улучшением процесса преподавания.

Как ректор Университета и одновременно академик Российской академии образования, я чрезвычайно встревожен процессами, которые последние 30 лет происходят в сфере образования. Наше начальство вновь решило реформировать эту систему, что нанесет ей огромный вред: реформы проводятся не ради того, чтобы образование стало лучше, а ради того, чтобы угодить высокому руководству, показав рвение реформаторов.

Когда Министерство образования и науки возглавлял министр Ливанов, тоже энергичный реформатор, он присылал ректорам приказы, которые должны были быть выполнены вчера. Это проблема, потому что уровень административной активности реформаторов не совпадает с уровнем осмысления ими процесса образования. Так происходит последние 30 лет: мы исправляем ошибки и преодолеваем сложности, а они обеспечивают нам тяжелую жизнь.

В чем мы глобально расходимся с Олегом Ермолаевичем? Он считает, что основная проблема советского образования заключалась в его заидеологизированности, заорганизованности, в том, что мало внимания уделялось индивидуальному развитию участников образовательного процесса — школьников и студентов. По его мнению, необходимы индивидуализация и свобода личного выбора.

Я же последние 30 лет, на протяжении которых работаю ректором СПбГУП, переживаю по поводу огромной свободы личного выбора. У меня создается ощущение, что свобода переродилась в нечто иное, поскольку у нашей молодежи она идет рука об руку с безответственностью. (Я не говорю о тех, кто присутствует, — здесь собрались лучшие.)

Приведу пример. СПбГУП ежегодно отчисляет примерно 250 студентов, несмотря на то, что Университет активно помогает адаптироваться первокурсникам и второкурсникам. Назову несколько причин отчисления.

Одна из них — студент хочет перевестись в другой вуз, потому что не может каждый день приходить на занятия к 8:30 утра. После периода коронавируса, когда преобладало дистанционное обучение со свободным режимом дня, для него это стало невозможно. Я был несколько озадачен, когда услышал это.

Другая причина связана с ЕГЭ. Несколько последних лет в СПбГУП самый высокий конкурс в Санкт-Петербурге (в 2021 г. он составил 69 человек на место). По некоторым специальностям проходные баллы ЕГЭ чрезвычайно высокие и достигают 100 на бюджетные места, а на платные — абитуриенты имеют результаты ЕГЭ на несколько баллов выше, чем в среднем по стране на бюджетные места. На мой вопрос: «Почему отчисляетесь?», студенты отвечают: «Александр Сергеевич, нам сложно изучать историю, литературу, философию, культурологию. Мы не „тянем“, поэтому переводимся в вуз попроще». И это несмотря на высокие баллы ЕГЭ.

Создается ощущение, что в обществе царит безответственность — никто ни за что не отвечает. Раньше в нашей стране такое было немыслимо, а теперь распространяется во всех сферах жизни.

Президент Ельцин первым попросил у Запада гуманитарную помощь. Я был морально подавлен, потому что жил в лучшей в мире стране. В то же время в Париже по телевидению выступала изгнанная Советами Галина Вишневская, которая сказала: «Мужики, вы что, свои семьи прокормить не можете?!» А я три месяца не мог выплатить зарплату сотрудникам, потому что наш вуз лишили бюджетного финансирования. И СПбГУП первым из университетов в стране перешел на самофинансирование. В конце концов мы извлекли много пользы из этой ситуации.

На мой взгляд, сегодня главное — не индивидуализация обучения и выбор индивидуальной траектории, а сформированность у молодежи полноценной многогранной картины мира, в которой человек не похож на слепого инвалида. Перестали быть актуальными традиционные задачи, которые решались советской школой: формирование мировоззрения, ценностных ориентаций и т. д. Свобода, плюрализм и толерантность должны иметь пределы, иначе человечество перестанет существовать, особенно если воспримет современные американские ценности.

Олег Ермолаевич, надеюсь, Вы получили удовлетворение от книги. Я прочитал Ваш отклик на мое предисловие, в котором Вы ответили на все мои возражения и предложения. Считаю, что мы с Вами задали диалогичность сегодняшней дискуссии. Олег Ермолаевич, спасибо Вам за многолетнее доброе сотрудничество, за Ваши идеи, мысли, за то, что Вы есть.

М. В. СОЗИНОВА: — Диалогичность и тонус дискуссии, которые были заданы Александром Сергеевичем, мы постараемся поддержать в ходе нашего секционного заседания.

Передаю слово руководителям секции — директору Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, члену-корреспонденту РАО, доктору педагогических наук, профессору Елене Ивановне Казаковой и члену-корреспонденту РАО, доктору педагогических наук, профессору Олегу Ермолаевичу Лебедеву.

Е. И. КАЗАКОВА: — Уважаемые коллеги, уже прозвучал анонс выступления яркого лидера нашего образовательного сообщества. Сегодня Олег Ермолаевич и его книга — главный повод для нашей научной дискуссии. Но до его выступления я хочу еще раз озвучить цель, которая ставится перед выступающими, — ответить на вопрос, что нужно России.

Александр Сергеевич в беседе с президентом Владимиром Владимировичем Путиным сказал, что современное телевидение — это враг педагога. На что президент ответил, что современное телевидение — это брак педагога. Мысль можно продолжить: все достоинства России — это достоинства образования, а недостатки — это недостатки образования. Возникает вопрос: мы, педаго-

ги, должны осознавать свою важную миссию или это гордыня и есть другие, более значимые силы, в русле действия которых мы поймем свое предназначение? Сегодня мы присутствуем на Лихачевских чтениях. И ответ Дмитрия Сергеевича Лихачева был бы очевиден — это культура, которая является направляющей, смыслообразующей, технологически порождающей, ценностно содержательной силой.

С удовольствием предоставляю слово Олегу Ермолаевичу Лебедеву, который попытается ответить на вопрос: «Что нужно России?».

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Поводом для сегодняшнего обсуждения стала моя книга «Воспитание в школе: диалектика прошлого и будущего», которая приобрела дискуссионный характер. Я признателен Александру Сергеевичу за написанное им предисловие к ней, потому что оно дало мне возможность написать послесловие, в котором я ответил на поставленные им вопросы. При этом события после 24 февраля показали актуальность проблемы и значимость ответа на вопрос о том, кого же будет воспитывать школа в условиях перемен.

Предметом сегодняшнего обсуждения могут стать три вопроса, которые затрагиваются в дискуссии с Александром Сергеевичем. Первый — на какие представления о меняющемся мире должна ориентироваться общеобразовательная школа, решая проблемы воспитания? Как известно, представления о многополярном мире могут быть разными. Второй вопрос — как исходя из представлений о меняющемся многополярном мире оценивать трансформационные процессы, которые происходят в системе образования? Эти процессы разнородны, противоречивы и могут оцениваться по-разному. Третий вопрос, который сейчас приобрел очевидную актуальность, о чем сказал и Александр Сергеевич, — как относиться к советскому опыту в области образования и воспитания? Что мы понимаем под опытом воспитания и образования в советской школе и целесообразно ли его использовать?

Начну с вопроса о том, как изменения, происходящие в мире, влияют на систему образования. То, что образовательная система всегда будет находиться под влиянием изменений, происходящих в макросистеме, — очевидно. А в какой мере она независима от этих изменений? И если иметь в виду автономность системы, то у нас появляется возможность поразмышлять над тем, на что можно повлиять посредством изменений в системе. Кого школа может, должна воспитывать и на самом деле воспитывает и как это связано с понятием автономности системы?

Школа, обладая противоположными возможностями, может воспитывать конформистов и нонконформистов, людей исполнительных и инициативных, ответственных и безответственных. В различных обществах на разных этапах развития могут быть востребованы разнообразные возможности школы. Запрос общества проявляется не только и не столько в официальных текстах, сколько в постоянных сигналах, которые общество посылает системе образования и которые могут ею по-разному интерпретироваться.

Если иметь в виду отклонения от общего тренда, то как проявлялась автономность системы? Самые известные примеры — Царскосельский лицей, где главной ценностью считались истина и необходимость говорить правду, в том числе о своей стране, неприглядных явлениях, которые имеют место. Кроме того, школа Сухомлинского, не выходившая за рамки концепции коммунистического воспитания, но расставлявшая свои акценты. В беспокойные 1990-е годы школа Ямбурга, которая видела свое предназначение в том, чтобы создать условия для адаптации к свободе. Можно привести еще много примеров.

Речь идет о том, что в любой ситуации школа может сохранять определенную автономность и вырабатывать собственное ви́дение проблем воспитания. В современной ситуации школе тоже предстоит определить, на что она ориентируется. Эти ориентиры не могут быть заданы нормативно сверху. Ценностный выбор делает каждый самостоятельно, а в школе — педагогический коллектив.

Всеволод Николаевич Столетов, который 50 лет назад был президентом Академии педагогических наук СССР (1972–1981), однажды заметил, что школа первой ощущает утрату будущего. Мысль кажется мне значимой: школа должна представлять будущее, к которому она готовит своих учеников.

Каждой школе приходится определять свою позицию в условиях полярных мнений и оценок. Исходя из такого представления о мировых тенденциях, могут складываться разные представления о многополярном мире. То, что в современном мире несколько центров силы, не вызывает сомнений. Вопрос заключается в том, чем отличаются эти центры? Это центры взаимных угроз, у которых больше возможностей нанести урон другим, или это центры, которые могут внести значимый вклад в решение глобальных проблем? За этими дискуссиями неизбежно возникают вопросы для школы: на что она должна ориентироваться, решая проблемы воспитания, к какой жизни и в каком обществе педагоги готовят детей, определяя ценностные ориентиры в сложной ситуации?

Следует учитывать разницу между тем, в какое общественное время учатся дети и с каким общественным временем они столкнутся после завершения обучения. Я окончил сталинскую школу, но жил совсем в другом обществе, которое за это время поменялось несколько раз. Те, кто оканчивал школу в 1990-е, сейчас живут в другом мире. И так можно сказать о любом поколении выпускников. Получается, что школа должна готовить к жизни, о которой сама не имеет ясных представлений. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: мы готовим детей к жизни в конкретном обществе или цель воспитания формулируется иначе?

Для ответа на этот вопрос имеет смысл обратиться к советскому опыту. Если мы исходим из того, что мир делится на друзей и врагов и мы находимся во враждебном окружении, то вполне можно обратиться к опыту воспитания в советской школе, потому что он как до войны, так и после формировался в ситуации противостояния. Система воспитания была заточена на то, чтобы подготовить учащихся жить в противоборствующем мире. И тогда надо ответить на вопрос: какие уроки советского опыта воспитания для нас важны, что мы можем использовать? Нет никаких сомнений относительно достижений советской системы образования. Она успешно решила задачу доступности образования, создала разветвленную сеть учреждений дополнительного образования для детей и др. Проблемы возникали, когда вставала задача качества, соответствующего новым социальным условиям. Здесь постоянно наблюдался разрыв между тем, что происходило на практике, и тем, что фиксировалось в официальных документах.

Итак, какие уроки следует извлечь из советской системы образования и воспитания и какие выводы можно сделать?

Первый вывод — для советской системы воспитания была характерна ориентация на заданные ценности

(строителей коммунизма). В одном из выступлений на пленарном заседании, как мне показалось, прозвучала похожая мысль. Нужно дать точное определение того, что мы считаем ценностями.

А. Зиновьев, автор «Зияющих высот», высоко оценивал качество образования в советской школе в 1930-е годы. Он окончил школу в Москве, куда приехал из глухой деревни. С точки зрения Зиновьева, советская школа 1930-х годов воспитала тех, кто встал на защиту Родины в годы войны, и диссидентов, которые верили в декларируемые ценности, но, сталкиваясь с реальностью, видели колоссальное расхождение между декларацией и сущим. Они не могли смириться с этим и выступали за то, чтобы общество соответствовало ценностям, которые оно декларирует.

Если в целом оценивать систему образования в советской школе, то в ней много внимания уделялось воспитанию, это было весьма важное направление в деятельности школы. Эту систему воспитания по мощности и значительности можно сравнить с пароходом «Титаник». Вопрос: почему он затонул, на какой айсберг налетел? Что не позволило советской системе образования реализовать воспитательный потенциал? На мой взгляд, проблема заключалась в том, что советская система была ориентирована на уже заданные ценности. Альтернативой этому выступает способность к личностному самоопределению. Сомнения Александра Сергеевича насчет свободы выбора мне понятны, но самоопределение неизбежно предполагает ответственность за свой выбор на микро- и макроуровне.

Второй вывод, касающийся советской системы образования, — была выстроена великолепная ступенчатая система детских организаций. В настоящее время в связи со столетием пионерской организации об этом часто вспоминают. Система, действительно, была продумана: октябрята — будущие пионеры, пионеры — будущие комсомольцы, комсомольцы — будущие коммунисты. Здесь нужно остановиться и сказать, что эта система была адаптирована к однопартийному политическому устройству. В условиях изменения политического строя такая система работать не будет. То есть детские организации необходимы — это безусловно. Но альтернативой будет многообразие выбора, отказ от излишней политизации таких организаций и акцент на проблемах детей соответствующего возраста.

Третий вывод — советская система отдавала приоритет идейно-политическому воспитанию. Результат — школа ответов, за которые ставят отметки. Когда в конце 1980-х — начале 1990-х годов начались массовые выступления, в которых в той или иной форме проявлялось отношение к существующему режиму, то выяснилось, что строители коммунизма, которых воспитывала школа, по выражению моего коллеги, ушли на другие стройки. Они привыкли строить, и теперь надо было искать другие строительные объекты. Это следствие прямолинейности идейно-политического воспитания, когда необходимые выводы требуется принять, но они не обязательно идут от самого человека.

Сегодня мы наблюдаем реставрацию таких попыток, это проявляется, в частности, в том, что акцент делается на патриотическом воспитании. Патриотическое воспитание сегодня сводится к военно-патриотическому воспитанию, а оно, в свою очередь, — к формированию чувства гордости за наши победы. Что может произойти при таком прямолинейном подходе, замечательно показал Э. Рязанов в фильме «Забытая мелодия для флейты». Там дано определение сущности патриотического воспитания: «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем». Этого достаточно. Когда мы говорим о патриотическом воспитании, альтернатива связана с эмоциональным восприятием, гордостью, любовью. Но есть еще одно чувство, которое характеризует позицию человека, в том числе патриотическую, — ответственность. Альтернативой может стать ориентация на нравственные качества личности, на чувство ответственности не только за будущее своей страны, но и за ее настоящее и прошлое. Человек принимает наследство со всеми обременениями, то есть он берет на себя ответственность за все невыплаченные долги.

Четвертый вывод — советская система воспитания и образования была ориентирована на отказ от возможных ресурсов развития. Частное проявление этого — мы делили педагогику на педагогику вообще и советскую педагогику. Опыт других стран, прежде всего буржуазных, являлся объектом критики, то есть не использовались зарубежные исследования, которые показывали новые тенденции и способы. К этому ресурсу мы обратились только во второй половине 1980-х годов. Это отчасти относится и к российскому опыту, когда одни элементы советской системы перенимались, а от других отказывались. Система воспитания, имеющая такую идеологическую основу, неизбежно ориентирована на отказ от ресурсов, что наносит ущерб ее развитию.

Пятый вывод — советский опыт воспитания нельзя сводить лишь к нормативным требованиям. Он интересен тем, что в его рамках предлагалось множество значимых педагогических инициатив. В нашем городе работала школа Сухомлинского. Проводили свои исследования И. Я. Лернер, В. В. Краевский, М. Н. Скаткин, в частности в области дидактики они ориентировали на иную позицию учащихся в образовательном процессе и т. д. Советский опыт содержит много ценного, что может быть использовано в современных условиях. Однако надо знать, что перенимать.

Центральная проблема, которую следует решать, размышляя о воспитании, — мера регламентации свободы и ответственности. На мой взгляд, повторение советского опыта, основанного на идеологизации и политизации процесса воспитания, — это риск повторения судьбы «Титаника».

Думаю, что мы можем быть более оптимистичны в своем взгляде на систему образования, в которой происходят обратимые и необратимые процессы. Если профессиональное сообщество поддерживает педагогические инициативы, возникающие в сфере образования, то мы можем с оптимизмом смотреть в будущее и ответить на вопрос о том, кого будет воспитывать наша школа.

Е. И. КАЗАКОВА: — Я хотела бы обратить внимание на два момента.

Олег Ермолаевич привел удачное метафорическое сравнение системы образования с «Титаником». Хорошо оценивать ситуацию, когда знаешь, чем все закончилось. Когда мы говорим о советской системе воспитания и образования как о завершенной истории, следует задаться вопросом: действительно ли все закончилось?

И второй момент, на который стоит обратить внимание. Я, готовясь к заседанию нашей секции, прочла книгу О. Е. Лебедева и вступительное слово к ней А. С. Запесоцкого: увидела точки пересечения идей обоих и поняла, где они могут поспорить. Первый посыл в разговоре о патриотизме озвучил Александр Сергеевич, вспомнивший ситуацию, когда Г. Вишневская из-за рубежа задала вопрос, неужели русские мужики не могут накормить свою страну. Это один из ответов на поставленный в названии секции вопрос и восприятие сути патриотизма.

Чем мы гордимся? Победами прошлого, которые важны и значимы, потому что за каждой победой — человеческие судьбы и ценности, и деяниями настоящего.

Слово предоставляется профессору Елене Васильевне Андриенко.

Е. В. АНДРИЕНКО: — В моем докладе представлено критическое осмысление актуального состояния системы образования в Российской Федерации. Как известно, образование представлено на дошкольном, школьном, среднем профессиональном, высшем и дополнительном уровнях. Среди них выделяются два уровня, о которых сегодня уже говорили, — это школьное и высшее образование.

Качество школьного образования всегда определяется государственной образовательной политикой. Сегодня немного субъектов образования могут сказать, что у них отличное качество школьного образования. В этой области существует немало серьезных проблем: во-первых, непомерная нормативно-правовая база; во-вторых, чрезмерная централизация образования; в-третьих, диспропорция в развитии регионов и центров.

В нашей стране есть прекрасные школы и университеты, так называемые точки роста. В большинстве образовательных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга качество образования представлено на высоком уровне. Но не всегда мы можем увидеть это в регионах. И пока существует такая диспропорция в финансировании, экономическом статусе и в поддержке точек роста и остальных, мы не можем говорить о серьезном и качественном развитии образования во всей Российской Федерации.

При этом социокультурные противоречия, которые были и раньше, а после 24 февраля обострились, обусловливают усиление акцента на воспитании. Соответственно, еще более отчетливой станет тенденция к централизации, и нормативно-правовая база будет более жесткой. И когда мы пытаемся решить проблему повышения качества воспитания и обучения, следует думать о том, какие негативные моменты мешали развитию образования в Российской Федерации. Может, надо их пересмотреть и частично отменить. Например, преодолеть диспропорцию между регионами и центром, снизить давление нормативно-правовой базы, сделать университеты и школы действительно более автономными и т. п.

Е. И. КАЗАКОВА: — Спасибо большое, Елена Васильевна, за идею, которая может быть ценностно-смысловой: выравнивание возможностей для всех регионов, причем не только для средних школ, но и для вузов.

Предоставляю слово профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Дорогие коллеги, я хотел бы подчеркнуть, что воспитание и образование — как две стороны одной медали: неразделимы, но не тождественны. Воспитание предполагает владение языком, глубокое погружение в мир традиций и верований — то, что каждый из нас впитывает с самого рождения. Образование же начинается несколько позднее.

Как возникали первые университеты, для чего они были нужны? Начиная с платоновской академии и аристотелевского лицея, это были высшие структуры подготовки кадров. В XII–XIII веках перед университетами ставилась цель воспитывать образованного человека и гражданина, в эпоху Возрождения — формировать всесторонне развитую личность. И университеты эту задачу в целом выполняют до сих пор.

А в чем заключались цели университетов в Советском Союзе? Напомню, что их было совсем немного, а высшее образование молодежь получала преимущественно в институтах и академиях. Почему? Потому что от вузов требовалась прежде всего подготовка специалистов в различных областях, так что на «непрофильные» дисциплины отводилось совсем немного учебного времени. Когда мы приняли Болонскую систему, институты и академии были переименованы в университеты, но стали ли они университетами в полном смысле? Боюсь, что лишь немногие. Высшие учебные заведения, где готовят инженеров железнодорожного транспорта или технологов пищевого производства, — это узкопрофильные образовательные организации, которые, как правило, выпускают специалистов высокого класса, но это не университеты. Это важно уточнить, поскольку глобализация в широком смысле является предметом интереса абсолютно всех дисциплин, что привело к появлению такой междисциплинарной области знаний, как *глобалистика*. В рамках глобалистики изучаются глобальные процессы, их проблемы и последствия — как негативные, о которых часто говорят, так и позитивные, о которых упоминают значительно реже; кроме того, различные дисциплины исследуют один и тот же объект каждая со своих позиций. Речь идет о структурах глобального масштаба, планетарных связях и отношениях между людьми. Хорошо ли мы понимаем, что те люди, которые получают дипломы о высшем образовании, на самом деле не имеют должного и нужного образования именно в этом аспекте ви́дения?

В XXI веке мы не сможем решить ни одной проблемы в условиях дифференциации научного знания. Поэтому сегодня сильно возросла роль университетов. Они стали возникать в те времена, когда из философии было вычленено конкретное научное знание. Философия зародилась в Древнем мире, но наука как форма общественного сознания появилась значительно позднее. Тогда философия стала самостоятельной дисциплиной, и теперь они так и сосуществуют. Благодаря дифференциации научного знания мы имеем много разных факультетов в университетах, но на этих факультетах невозможно подготовить специалистов в области глобалистики. Между тем в зарубежных университетах подобные структуры растут как грибы — и в странах Запада, и в Китае, а у нас такая структура есть только в МГУ, где создан факультет глобальных процессов.

При этом подготовка кадров в области глобалистики возможна только на интегративной основе. Междисциплинарному подходу придавал большое значение великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Представляется перспективной такая форма организации образования, как интертет, то есть структура внутри университета, в рамках которой гуманитарий и представитель естествознания могут интеллектуально взаимодействовать, «опыляя» друг друга. Очень хорошие возможности для этого дает тот университет, который работает на основе Болонской системы. Базовое образование вы получаете в бакалавриате, затем специализируетесь в магистратуре. Один углубленно изучает вопросы экономики, другой — историю, третий — филологию, четвертый — философию, а с позиции глобальной целостности такой холистический подход позволит подготовить специалистов по глобалистике, которые будут обладать масштабным взглядом на все структуры и события в мире.

Е. И. КАЗАКОВА: — Отмечу, что темы глобалистики достаточно значимы не только для университета, но и для школы, хотя мы говорим об этом немного по-другому —

о метапредметных результатах, интеграции, поиске форматов, которые позволяют построить целостную картину мира и в ее рамках развивать самостоятельные суждения, находить решения и т. д. Это очень важно для отечественной школы.

В данном контексте, думаю, сейчас будет интересно послушать кандидата педагогических наук Елену Анатольевну Ленскую.

Е. А. ЛЕНСКАЯ: — Как считает известный финский ученый Паси Сальберг, сегодня во всем мире реформа образования строится на одном из четырех принципов либо их комбинации в различных вариантах.

Первый — максимальное равенство образовательных возможностей, которое затем может стать фундаментом справедливой организации всего общества. Этот путь выбирают многие страны. В итоге они добиваются серьезных сдвигов и в качестве образования тоже, но данные процессы занимают довольно значительное время. По мере того как вы вовлекаете все новые категории населения в число тех, кому предоставляете равные возможности, на какое-то время ситуация может даже ухудшиться. Тем не менее стратегически это выигрышное, перспективное направление.

Многие предпочитают второй, более простой вариант — заимствование из других систем элементов, которые, по всей вероятности, могут оказаться полезными. Но это срабатывает только тогда, когда вы вносите изменения в такой контекст, который более или менее похож на оригинал. Так, Эстония многое позаимствовала у Финляндии и в результате вышла на первое место в Европе по качеству образования. Контексты близкие, языки тоже, поэтому многое получилось.

Третий путь — финансовые преобразования. Это попытка снять часть ответственности с государства и переложить ее на кого-то другого.

Четвертый подход — стандартизация. За основу берется следующий постулат: если задать правильные стандарты для результата, которого надо достичь, это станет залогом успеха. К сожалению, сейчас уже очевидно, что страны, которые пошли по этому пути, не добились существенных сдвигов. В частности, Великобритания показала скорее отрицательную динамику именно потому, что там увлеклись всевозможными контрольными процедурами, проверками и т. п. Об этом рассказывают британские коллеги.

Не так давно посетивший нас коллега из Канады заметил: «В вашей стране много внимания уделяют образованию одаренных учеников. Это замечательно, способности детей надо развивать. Но следует помнить, что талантливые и образованные дети будут востребованы не только в своей стране, но и в других странах. Они выберут самые престижные университеты, а потом станут работать там, где им предоставят наиболее выгодные условия. В то время как те дети, которых вы не доучили, останутся здесь. У них будет гораздо меньше возможностей принести пользу своей стране. Наоборот, их придется поддерживать, платить им пособия по безработице и т. п.». Поэтому призываю обращать самое пристальное внимание не только на развитие одаренных детей.

Мы за последнее время создали много разных школ и центров для одаренных детей, в то время как учителя, работающие в обычных школах, не имеют никаких поощрений. Их ученики не получают высоких баллов на ЕГЭ, не побеждают на олимпиадах. Часто бывает, что слабый ученик благодаря хорошему учителю поднимается сразу на несколько ступенек, но этих успехов никто не замечает.

Что еще происходит благодаря такой политике? Школы, работающие с одаренными детьми, соответственно привлекают лучших учителей. Педагоги уходят из обычных школ, тем самым качество образования там снижается. При этом у нас огромное количество детей, которых учат откровенно плохо. Я только что участвовала в большом мероприятии ЮНЕСКО, посвященном реализации политики инклюзии в 30 странах нашего региона. Так вот, в России в этой области до сих пор преобладает медицинский уклон. То есть когда у человека есть некие ограничения, их надо каким-то образом компенсировать. Соответственно специалисты должны решить, где такому ребенку учиться, а если он не справляется с учебой, его можно определить в специальную школу независимо от того, хотят ли этого его родители.

Между тем в последнее время даже в нашем регионе уже получил распространение правовой или социальный подход. В категории нуждающихся в инклюзии включается гораздо больше детей. В том числе, кстати, одаренных, потому что, когда они воспитываются в «своей» среде, им потом приходится возвращаться в общество, а они к этому не готовы, привыкли общаться только с себе подобными. В категории инклюзии попадают и дети-инофоны — те, кому приходится обучаться на неродном языке, и просто представители других этносов, и дети из семей мигрантов, и из бедных семей. В нашей стране в категории инклюзии надо включать детей, которые живут в отдаленных районах, так как у многих из них практически нет возможностей для получения качественного образования. Если мы хотим построить справедливое общество, необходимо думать обо всех детях, имеющих разные особенности и живущих в разных условиях.

Е. И. КАЗАКОВА: — Далее хочу предоставить слово доктору педагогических наук Инне Юрьевне Шустовой.

И. Ю. ШУСТОВА: — Многие участники нынешних Лихачевских чтений говорят о разобщенности, разрыве связей, разрушении контактов между детьми и взрослыми. Общество рассыпается. Взрослые и дети почти круглые сутки погружены в свои гаджеты, живого общения все меньше, люди все реже встречаются друг с другом. В этих условиях многократно возрастает роль школы как места встречи человека с человеком. Если такой встречи не произошло и педагоги ребенку неинтересны, значит, процесс воспитания не состоялся.

Нельзя допускать и другую крайность, преувеличивая значение личности педагога и ученика. Образование должно быть лишь отчасти личностно ориентированным. Воспитание — это сфера живого общения, которое выполняет и организующую функцию. Не случайно Александр Сергеевич вчера сказал, что ценности формируются не на лекциях, а в совместных делах. Поэтому, на мой взгляд, необходимо решать проблему детско-взрослой общности. В советской школе большое внимание уделялось воспитанию коллективизма, что давало очень хорошие результаты. Время изменилось, идеологии теперь нет, однако известно, что человек, живущий в обществе, не может быть свободен от него. Во все времена личность формируется в процессе выстраивания и развития отношений с другими людьми. Мне близка мысль Станислава Теофиловича Шацкого, который говорил о росте межпоколенческого барьера. В наше время этот барьер просто гигантский: у детей и взрослых все меньше общих ценностей и совместных дел, все реже появляются поводы для общего

эмоционального проживания действительности, а ведь это необходимо для формирования мировоззрения, для того, чтобы ребенок мог развиваться, идти вперед.

Я являюсь последователем научной школы Людмилы Ивановны Новиковой, которая, отстаивая идею коллективного воспитания, говорила, что любой детский коллектив — двоякая структура. С одной стороны, это общность, эмоционально-психологические связи и отношения между людьми, с другой — организация, формализованные связи и отношения, которые этот коллектив скрепляют и направляют. В настоящее время первая составляющая — эмоционально-психологические связи — приобретает чрезвычайную важность. Не так давно я проводила большое (свыше 6 тыс. участников) анкетирование педагогов и школьников, и дети писали, что им не хватает общения с одноклассниками. В итоге людям становится трудно общаться с кем бы то ни было. Этому надо учить в школе, потому что только личное взаимодействие — это тот опыт, который мы можем использовать во всех сферах жизни.

Опишу несколько позиций, которые для меня характеризуют идеальную модель детско-взрослой общности.

Во-первых, детско-взрослая общность, как и любое другое пространство межличностного общения, — это пространство событийное. Со-бытие — бытие равных. Здесь ребенок и взрослый равны в своей человеческой сущности. Свеча зажигает свечу. Педагог, которому интересно жить и любить этот мир, может увлечь детей, потому что он всегда им интересен. Те ценности, которые он транслирует, станут им близки. Но если между педагогом и детьми не возникает внутреннего резонанса, то, скорее всего, все те ценности и смыслы, которые он пытается донести до детей, останутся для них чуждыми, они их не примут, не смогут понять и усвоить. Повторяю, детско-взрослая общность — это всегда событийное пространство.

Во-вторых, на какой основе может родиться общность? Здесь, на мой взгляд, должны быть соблюдены следующие условия. Первое — совместные эмоциональные переживания. Наглядный пример — футбольные болельщики. Когда мы все вместе болеем, скажем, за «Зенит», вместе переживаем победы и неудачи команды, мы ощущаем родство друг с другом. Общее «проживание» эмоций необходимо для того, чтобы начали формироваться ценностно-смысловые ориентиры. Второе — пересечение смыслов, с которыми люди обращаются друг к другу. Это формулировка Виктора Ивановича Слободчикова, который по сути вводит в образовательное пространство понятие событийной общности. Эти смыслы дополняют друг друга, усваиваются участниками общения, и в итоге возникает ценностно-смысловое пространство, которое становится значимым для каждого. Третье — совместная деятельность. Когда на фокус-группах с педагогами я спрашивала, что же порождает общность в детском коллективе, в ответ были отчетливо артикулированы две позиции: общее эмоциональное проживание и совместная деятельность. Но деятельность должна быть такой, чтобы (опять же по Слободчикову) каждый ощущал: «без меня народ неполный»; воспринимал себя как важного участника, видел для себя личный смысл, который помогает человеку быть субъектом, проявлять свою позицию. Поэтому деятельность должна ориентироваться на интересы ребят, их жизненные приоритеты. А педагог должен быть очень чутким, чтобы понимать, как лучше организовать общую деятельность, чтобы она стала значимой для детей.

И, в-третьих, как говорил Сергей Леонидович Рубинштейн, мы находимся в потоке жизни — бежим, кричим, спорим и т. д. Но для осознания того, что происходит, надо остановиться, оглядеться и понять: зачем это все? Где я, в чем смысл моего существования? Делать такие «остановки», чтобы помочь ребятам задуматься о собственном смысле, должна детско-взрослая общность, о которой я говорю. Именно так формируется процесс самоопределения, нахождения наиболее значимых реперных точек, которые определяют жизнь юного человека.

Е. И. КАЗАКОВА: — Уважаемые коллеги, предлагаю развить гипотезу Олега Ермолаевича: в настоящее время мы строим ту систему воспитания, которая требуется России. Что является системообразующим фактором для этой системы? В советское время это была идеология, которая выступала в качестве доминанты, своеобразного стержня. Какие доминанты мы уже назвали сегодня? Любимые мной Лернер, Скаткин и Краевский утверждают, что базовый процесс является воспитывающим. Следовательно, само содержание и способ организации образования выступают для воспитания доминантной средой.

Кроме этого, мы отмечаем, что важным, а может, и главным системообразующим фактором воспитательного процесса является социальное взаимодействие. Выстраивание социальных отношений тесно сопрягается с ответственностью за принятие решений и личностными смыслами. В данном контексте нельзя недооценивать значение культуры и в связи с этим — понимания и воспитания стремления к построению такого мира, в котором каждый человек имеет право на жизнь и самореализацию.

Что нам следует определить в качестве краеугольного камня нашей воспитательной системы — предлагаю обсудить в следующих выступлениях.

А сейчас приглашаю выступить профессора Марину Николаевну Ветчинову.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Мне хотелось бы заострить внимание на ценности образования. После распада СССР ценность образования снизилась очень заметно, и эту ситуацию необходимо исправить как можно скорее.

Второе, на чем я хочу остановиться, — идеология, которая всегда была «подложена» под образование, а особенно под воспитание. В этом году в день основания пионерской организации я проводила занятия на третьем курсе, и студенты спросили: «Марина Николаевна, вы были пионеркой?» Я со счастливой улыбкой отвечаю: «Конечно!» — «А как это — быть пионеркой?» Я начала рассказывать, как это было интересно и здорово, какие-то организационные аспекты обозначила. «Скажите, что в этом плохого? Пионер — всем ребятам пример. Пионер уважает старших, пионер умеет дружить» и т. д. и т. п. Они с некоторым сожалением: «А у нас ничего подобного не было…» А у нас было! И думаю, что в деле воспитания детей и молодежи мы могли бы многое взять из опыта пионерской организации. Конечно, любой опыт необходимо, как теперь сказали бы, «фильтровать», разделяя позитивные и негативные стороны, но я голосую двумя руками за возвращение воспитательного аспекта в систему высшего образования. Неслучайно в вузы возвращается должность проректора по воспитательной работе. Значит, это нужно и важно.

И, конечно же, меня волнует выход российских университетов из Болонской системы. В 2003 году, когда Россия подписала Болонскую декларацию, у нас появилась новация: компетентностный подход, перевернувший сознание преподавателей. Все, кто работает в вузах, знают: когда мы пишем рабочую программу дисциплины, то указываем, что в процессе ее изучения у обучаю-

щегося должна быть сформирована определенная компетенция. Формулировка компетенции включает три этапа: студент должен знать (дальше идут придумки), уметь (придумки), владеть (снова придумки). Потом следующая компетенция, детализированная подобным же образом. А когда-то у нас был знаниевый подход: знания, умения, навыки. Чем от него так уж кардинально отличается компетентностный подход? Было «знания, умения, навыки», стало «знать, уметь, владеть». По-моему, различия невелики.

Следующий лейтмотив компетентностного подхода — подготовка высококлассного специалиста. Но разве не на это раньше была нацелена наша система высшего образования? Мы всегда старались готовить высококлассных специалистов. Что изменилось с введением компетентностного подхода?

В завершение скажу: пока заинтересованное внимание чиновников не будет сконцентрировано на учителе, ничего хорошего ожидать не стоит. Все начинается с учителя. Здесь и вопросы низких зарплат, и увеличения требований к учителю, когда, кроме собственно преподавания, педагоги вынуждены тратить много времени на заполнение и оформление разных бумаг, а теперь еще они должны заниматься и научной работой.

Е. И. КАЗАКОВА: — Россия действительно меняет свое отношение к Болонской системе, но и бакалавриат, и магистратура, и специалитет в нашей практике останутся. Мы строим национальную систему высшего образования, и она должна быть подчинена двум группам интересов. Во-первых, это интересы страны, которая сосредоточивается на восстановлении своей экономики и собственной идентичности в широком смысле. Во-вторых, у нас есть международные обязательства. Во многих вузах обучаются иностранные студенты, приехавшие в рамках культурного обмена с нашими международными партнерами, которые продолжают работать с Россией.

Наверное, нам не стоит ожидать мгновенного отказа от компетентностного подхода. Как председатель ФУМО одного из направлений могу сказать: в нашем институте мы не расписываем компетенцию как знание, умение и владение. Есть другая международная модель дескриптора: компетенция включает способность к деятельности определенного рода и задачи, которые способен решать человек, обладающий данной компетенцией.

А сейчас слово предоставляется профессору Олегу Сергеевичу Анисимову, лауреату премии Президента России в области образования и руководителю Московского методолого-педагогического кружка.

О. С. АНИСИМОВ: — Тема моего выступления — образовательный лифт в условиях цивилизационного противостояния. Любой лифт предполагает, что кто-то желает подняться на какой-то этаж, насколько высокий — зависит от притязаний. Какие притязания у нашей страны? Какие цели мы преследуем в рамках цивилизационного противостояния двух принципиально разных систем и каково место России в мире? С этим вопросом связан другой вопрос — о механизме образования, в котором есть содержательная линия, эталоны, связанные с действием, самоорганизацией и т. д. Иными словами, в котором есть то, что обеспечивает после завершения образования успех на практике.

При этом важно не только содержание, но и технологические формы, используемые при освоении этого содержания, то есть адекватные ему методики, методы и технологии. Само содержание должно быть не случайным, а эталонным, следовательно, должно иметь абстрактную базу. Абстракция представляет собой не наблюдаемые явления, а сущностные, выражаемые только в мышлении. Это означает, что ученик должен приобрести способность к подобной самоорганизации в любом звене цивилизационного пространства или хотя бы на более конкретном уровне — в любой функциональной нише страны. Тогда он сможет надлежащим образом реагировать на задачи и проблемы, которые его ожидают.

В настоящее время необходимый нашей стране образовательный лифт отсутствует. В прошлом году Московский методолого-педагогический кружок презентовал концепцию непрерывного образования в рамках методологического подхода, которая этот лифт формирует. Остается проверить его эффективность.

Е. И. КАЗАКОВА: — Слово предоставляется профессору Татьяне Александровне Ромм.

Т. А. РОММ: — Начну с того, что целиком и полностью согласна с Олегом Ермолаевичем в вопросе о том, что нужно современной России. Россия нуждается не просто в воспитанном человеке, хотя историю делает именно человек. Россия нуждается в воспитании. Это чувствуется даже на формальном уровне, ведь ведущиеся сейчас дискуссии о национальной идее подразумевают обсуждение вопросов воспитания.

Воспитание многообразно. Оно выступает как составляющая российской ментальности. Кроме того, воспитание выступает как социальный заказ государства, очерчивает нормативные характеристики ожиданий государства от граждан. При этом в советской педагогике существовала теория воспитания — возможно, хорошая, возможно, не очень, — но она существовала. Сегодня же научных школ, разрабатывающих теорию воспитания (не общественную идею, а именно теорию) крайне мало.

Объясняется такая ситуация во многом тем, что методологические рамки понимания воспитания очень размыты. Говоря о воспитании, мы часто имеем в виду разные вещи. Поэтому я считаю, что принципиально важно дать этому понятию четкое методологическое определение. Будучи ученицей А. В. Мудрика и последователем научной школы Л. И. Новиковой, хочу изложить принципы, составляющие фундамент моего взгляда на воспитание. Первый из них: не все в жизни есть воспитание. Давайте согласимся, что воспитание — это отдельный процесс, протекающий в рамках более серьезных процессов, во время которых формируется личность человека, в частности закладываются его ценности — социализации, индивидуализации и пр. Кроме того, воспитание всегда ограничено, как правило — временем. Это целенаправленный процесс, у него есть начало и завершение. Чем объективнее мы будем подходить к пониманию воспитания, тем легче нам будет обсуждать, что служит результатом профессиональной деятельности воспитателя. Также воспитание всегда амбивалентно, оно находится между двумя полюсами. Как общественная сущность оно возникло для того, чтобы вписать человека в жизнь социума, нормировать его. С другой стороны, воспитание субъективирует человека. Важно найти баланс между тем, насколько наши воспитательные действия прививают следование норме и приспосабливают к жизни в конкретных социальных условиях, и тем, насколько они субъективируют воспитуемого, помогают ему раскрыться, самореализоваться.

Лучшие умы российской педагогики рубежа XIX–XX веков (например, П. Ф. Каптерев, В. П. Вахтеров) вводили понятие принципа общественности. Задача педагога, согласно этим воззрениям, заключается в том, чтобы вписать человека в общественные условия, удовлетворить потребности общества, социальный заказ и в то же время помочь человеку реализовать себя в этих условиях. Отсюда возникает следующий вопрос: что сегодня требуется от педагога как воспитателя? Мы активно обсуждаем философию воспитания, теории воспитания — все это важно. Но, говоря о профессиональном подходе к воспитанию, мы практически не затрагиваем вопросы методики этой деятельности. Мы готовы рассуждать о том, что делать, но не готовы сказать, как делать. Методика воспитательной работы важна не только для школы, но и для вуза: сегодня уже упоминалось о том, что воспитательная работа приходит в вуз.

Е. И. КАЗАКОВА: — Спасибо за еще одно напоминание о том, что воспитательная работа приходит в вуз.

Профессор Екатерина Александровна Александрова включила в тему своего выступления следующие формулировки: «диагональ детского одеяла Дмитрия Сергеевича Лихачева» и «вектор модернизации воспитательной деятельности».

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА: — Пожалуй, именно в творчестве Дмитрия Сергеевича и в нашем советском наследии находятся отправные точки векторов модернизации современного воспитания. Детское одеяло, которое было вместе с Дмитрием Сергеевичем в лагере и которым он мог накрыть либо ноги, либо плечи, символизировало поддержку близких людей. Это очень важно для понимания исходной точки векторов.

Поговорим об этих векторах. На мой взгляд, нужно обозначить две доминанты модернизации воспитательной деятельности. Первая — привлекательность образовательной среды для детей и молодежи. Необходимо добиться того, чтобы им было комфортно находиться в образовательном учреждении, чтобы они хотели туда приходить и получать знания. Вторая — личность педагога, который должен быть интересен современным детям и студентам.

Соответственно мы должны перейти от стабильной образовательной среды к динамичной. Ее составляющими могут быть и герб, и гимн страны, но также она должна быть наполнена событиями, интересными детям. Кроме того, в России должны появиться воспитывающие педагоги. Обучение в цифровой среде нам удалось организовать, а вот воспитывать в цифре практически невозможно. О воспитывающем педагоге писал и Дмитрий Сергеевич Лихачев. Даже на уроке физкультуры, говорил он, игра может стать формой социализации. И тогда этот урок будет воспитывать коллективизм, ответственность и т. п.

Дети должны чувствовать радость учения, красоту знания. Отсюда вытекает следующий вектор возрождения воспитательной среды. На мой взгляд, искусственное деление направлений воспитательной работы на патриотическое, эстетическое, физическое и гражданское и есть причина того, что воспитание буксует. Как сказал Лихачев, невозможно разделить физическое и нравственное направления воспитания. Переход к модульному построению воспитательной системы мне представляется очень продуктивным.

Также, на мой взгляд, следует перейти от классных или кураторских часов как очередных уроков к действительно пролонгированным воспитательным действиям. Это должны быть не мероприятия, а именно действия, которые начинаются задолго до и продолжаются длительное время после непосредственно классного (кураторского) часа. Дети и молодежь должны предвкушать то, что на этой встрече произойдет, а после нее у них должно остаться «послевкусие».

Инна Юрьевна говорила о рефлексивности. Ее развитию может способствовать возрождение коллективных, общешкольных творческих дел — это еще один вектор.

В структуре методов воспитания, как мне кажется, необходим перелом. Сначала педагог организует деятельность ребенка: «Ты должен сделать то-то и то-то». Затем он стимулирует ученика выполнить действие: «Почему ты этого не делаешь?». Третий этап: «Как тебе не стыдно, почему ты этого не сделал?». Вот так преподносится детям воспитание. А ведь еще в советских учебниках говорилось: сначала надо сформировать нравственные ценности и сознание.

Еще один вектор модернизации (об этом тоже упоминала Инна Юрьевна) связан с привлечением внимания родителей к своему ребенку. К сожалению, родители не знают собственных детей.

Наконец, важен ценностно-смысловой вектор. Если сейчас в образовательном пространстве не сформулировать идеологию, ценности и смыслы, мы потеряем не только нынешнее, но и следующее поколение. Нужно задуматься и о лексике воспитателей. Вместо сочетания «воспитательная работа» употребляется сочетание «воспитательная деятельность», вместо «работа с родителями» — «взаимодействие с родителями». Возможно, на смену «методам воспитания» должны прийти «методы воспитывающего взаимодействия».

Е. И. КАЗАКОВА: — Слово предоставляется профессору Галине Васильевне Макотровой.

Г. В. МАКОТРОВА: — Главный вопрос, который мы сегодня рассматриваем: какое образование нужно современной России. Существуют разные типы образовательных систем: в одних преобладает традиционное знаниевое обучение, в других — проблемно-развивающее. Нужно обратить внимание на то, что для антропологического подхода характерно проблемно-развивающее обучение. Что дает нам понимание такого членения обучения в рамках образовательных систем? Прежде всего видно различие в позиции ученика. При традиционном знаниевом обучении ребенок выступает субъектом отдельных действий. При переходе к проблемно-развивающему обучению, где на первый план выдвигаются психологические теории и изучение деятельности, он становится субъектом деятельности. Система, где человек рассматривается как биопсихосоциокультурное существо, реализует третий тип обучения — личностно развивающий, в котором ребенок определяется как субъект отношений. Таким образом, в рамках проблемно-развивающего обучения происходила недооценка опыта эмоциональных отношений.

Наша система управления часто игнорирует такую важную вещь, как динамика личностного роста ребенка. Не так давно я входила в состав региональной комиссии по присуждению учителям грантов. Что требовалось продемонстрировать, чтобы получить грант? Во-первых, стабильность познавательных результатов учащихся. Во-вторых, их заслуги — победы в олимпиадах и пр. Учитель, за исключением, возможно, тех педагогов, которые работают в отдельных элитных школах, изначально не обя-

зан доказывать, что у его учеников произошел личностный рост. Я считаю, что это серьезный пробел, на который нужно обратить особое внимание. Обязанность показать динамику личностного роста ребенка будет подталкивать учителя к повышению собственного уровня знаний.

Правда, в этой связи возникают другие проблемы: нехватка у педагогов времени на самосовершенствование и низкая заработная плата. Об этом сегодня упоминала Марина Николаевна. Таким образом, мы возвращаемся к системе управления. Важно обеспечить достойную оплату труда педагогов, дать им возможность постоянно учиться самим. Они должны быть золотым запасом государства, лучшими представителями нации. Тогда мы увидим перемены.

В заключение можно сделать два вывода. Первый: в системе управления школьным образованием должны произойти перемены, которые касаются прежде всего оценивания динамики личностного роста ребенка. Второй: нужно осмыслить возможности повышения профессиональной квалификации педагогов не только в рамках новых практик и освоения методик, но и в рамках исследовательской культуры учителя.

Е. И. КАЗАКОВА: — Прошу выступить профессора СПбГУП Владимира Евгеньевича Триодина.

В. Е. ТРИОДИН: — И вчера на пленарном заседании, и сегодня мы постоянно возвращаемся к проблеме ценностей. При этом в одной из первых статей Конституции нашей страны указано, что высшей ценностью является человек. При этом — парадоксальная ситуация — никто точно не может ответить на вопрос, что такое человек и человеческая жизнь.

Вообще, хочу сказать, что мы ограничили педагогику словом, а ведь есть еще педагогика чувства, педагогика и язык тела. Вспомним: «„Ты моя“ сказать лишь могут руки…». Руки, а не слово! Или: «Но человека человек // Послал к анчару властным взглядом». А например, Анна Ахматова могла остановить зарвавшегося оратора одним поворотом головы. Я считаю, что невербальная педагогика стучится в наши двери, и нам нужно открыть их шире.

Очень серьезный вопрос — социальный фактор. Люди стремятся соединиться друг с другом, особенно в тревожной ситуации, в которой мы как раз и оказались сегодня. «Я», соединяясь с «ты», рождает принципиально новые качества «мы». У этого процесса много положительных последствий, но есть и над чем задуматься. «Мы» поглощает «я». Сегодня много говорили о пионерской и комсомольской организациях. Что такое пионерская организация? Там нет своего «я»: будь готов — всегда готов. Что такое комсомольская организация? Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!

Мы вступаем в антропоцентрическую эпоху, которой нужны принципиально новые педагоги. И не всегда из человека, даже если он умеет доносить информацию до аудитории, может получиться настоящий педагог.

Е. И. КАЗАКОВА: — Я буду всячески ратовать за то, чтобы проблемы антропологического поворота и эпохи антропоцентризма рассматривались более серьезно. А тему невербальной педагогики обязательно посоветую кому-нибудь из своих аспирантов. Мне кажется, там есть что изучать.

Предоставляю слово профессору Эвелине Владимировне Барбашиной.

Э. В. БАРБАШИНА: — Тема моего выступления — критическое мышление. Остановлюсь на его основных этапах. Первый этап — определение целеполагания. Когда мы вступаем в диалог, спор или читаем чужой текст, очень важно понять, с какой целью это устное или письменное сообщение было создано. Действует ли его автор как рациональный агент, с которым можно говорить на языке логики и аргументации, или им руководят только эмоции? Так, бессмысленно доказывать верующему человеку, что Бога нет, а воинствующему атеисту — что он есть.

Следующий этап — анализ. Во время этого этапа должно произойти определение вида аргументации (дедукция, индукция, традукция, абдукция и т. д.). Скажем, заключение делается на основе индукции — из частных случаев формируется вывод о явлении вообще. Но как только находится хотя бы одно исключение, вывод становится несостоятельным. В качестве примера можно привести открытие черных лебедей в конце XVII века в Австралии. До обнаружения этих птиц считалось, что все лебеди белые. Так рухнул вывод, построенный с помощью индукции.

Далее следует этап оценивания. Помню случай на обсуждении кандидатской диссертации: «Почему вы взяли такую методику?» — «Я других не знаю, а эта мне нравится». Неужели это уровень кандидата наук?

Очень важный этап критического мышления — самопроверка. Нужно спросить себя: почему я рассуждаю именно так? Не повлияли ли на мое мнение предрассудки или недопонимание?

Значимы и общие установки критического мышления. Вчера уважаемые участники Чтений обсуждали проблему идеологии. Возможно, кто-то из слушателей отметил, что слово «идеология» употреблялось в нескольких разных смыслах. Ни одно обсуждение не будет продуктивным, пока его участники не определят основные понятия, их объем и содержание.

Когда я прошу аспирантов, с которыми работаю, обосновать свое мнение, обычно они отвечают: «Так говорили преподаватели». Это не аргументация, а апелляция к авторитету. Когда спрашиваю у них, зачем к серьезной презентации делать эпиграф с забавной картинкой, они отвечают: «Мы всегда так делали». Это апелляция к традициям. Я призываю молодую аудиторию: изучайте логику, овладевайте критическим мышлением. От этого зависит ваше будущее.

Е. И. КАЗАКОВА: — Итоги работы нашей секции кратко подведет Олег Ермолаевич Лебедев.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — В прозвучавших выступлениях представлено множество различных научных идей, подходов, суждений. Все они могут рассматриваться как ресурсы для решения проблем, которые возникают перед системой образования.

Значимый общий результат сегодняшних обсуждений, на мой взгляд, таков: мы выявили важность определения соотношения образования и воспитания. Надо рассматривать систему образования как систему воспитания, и тогда мы сможем выявить новые ресурсы и идеи. Воспитание не гарнир к основному блюду. Оно позволяет по-другому взглянуть на возможности системы образования. Я имею в виду возможность подвести учащихся к решению проблемы личностного самоопределения, предполагающего ответственность за свой выбор. А также возможность расширить поле выбора, обогатить представление о мире ценностей, о том, что можно выбирать и за что ты несешь ответственность.

Благодарю всех за участие.

Секция 6
ПРАВО, ЦЕННОСТИ И НРАВСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

10 июня 2022 г. Лекционный зал № 5 СПбГУП

Руководители секции:

Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права, куратор юридического факультета, кандидат юридических наук, почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Г. М. Азнагулова[1]

РОССИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК

Трагический в общемировом плане по своим последствиям распад Советского Союза, прекращение существования социалистической системы и деятельности Варшавского договора как фактора стабильности биполярного мира вызвали трансформацию всей системы международных отношений в контексте не только доктрины в праве, но прежде всего политической деятельности их главных акторов. Это породило новые философские проблемы мироустройства в рамках учения И. Канта и разноплановые теоретико-правовые подходы и тенденции юридической аналитики незыблемых, как казалось, основ мирового правопорядка, закрепленных Лигой Наций и ООН, институированных как общемировые в результате глубокого осознания реальной угрозы полного уничтожения всего человечества после мировых войн. Эти новые течения политической мысли, выраженные в правовой форме международного документа в известном пакте Бриана–Келлога, нашли отражение и в активизации дискуссий о содержании, смысле и значении международного права.

«После того как обрушилась биполярная конструкция мироустройства, многие политические и общественные деятели, ученые, журналисты, в том числе и в нашей стране, провозглашали всеобщий конец эры воздействия идеологии на политику. Такое представление оказалось ошибочным»[2].

События, произошедшие после распада СССР и Варшавского договора, показывают, что главные противоречия на международной арене проистекают из объективного процесса создания многополярного мира и субъективного стремления США создать однополярный мировой порядок.

В этих условиях идеологическое противостояние приобрело новые формы. Идеология стала средством оправдания грубого вмешательства США и их союзников во внутренние дела суверенных государств для распространения «демократии в мировом масштабе», «справедливости». Не отрицая необходимости демократического обновления ряда государств, Россия считает, что демократизация и государственное устрой-

[1] Руководитель Аппарата директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, главный научный сотрудник Отдела теории права и междисциплинарных правовых исследований законодательства, профессор кафедры государствоведения, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин, доктор юридических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. 7 индивидуальных и коллективных монографий: «Современная концепция толкования международных договоров» (в соавт.), «Функционирование правовой системы России на современном этапе (теоретико-методологический анализ)», «Интересы в праве» (ред.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Правовое государство: теория и практика», член редакционного совета журналов «Юридическая мысль» и «Теория государства и права». Член Ассоциации юристов России, эксперт по профессионально-общественной и государственной аккредитации образовательных программ.

[2] *Примаков Е. М.* Россия. Надежды и тревоги. М. : Центрполиграф, 2015. С. 145.

ство — это внутреннее дело самих народов, внутренний эволюционный процесс[1]. Вся история Российского государства демонстрирует истинно справедливый характер ее действий на международной арене в борьбе народов за свою свободу и независимость.

В существовавшей ранее системе мирового порядка, «основанной на правилах», возникли проблемы[2]. Хотя после окончания холодной войны военно-политический блок НАТО потерял смысл своего существования, но, вопреки многочисленным заверениям, он начал расширяться на восток, принимая в свои ряды бывших участников Варшавского договора. Тем самым создавалась реальная угроза безопасности России, которая приняла особенно острый характер после государственного переворота на Украине в 2014 году, когда был взят курс на воинствующий национализм, возрождение фашизма. Преступления последних восьми лет против мирного населения ДНР и ЛНР стали объективным фактором проведения Россией специальной военной операции по защите населения этих государств в полном соответствии с Уставом ООН и при поддержке народов нашей страны.

За обострение международной обстановки ответственность лежит на странах Запада, прежде всего США. Это связано с тем, как вынужден признать даже Дж. Сорос, что «США стремятся вмешиваться во внутренние дела других стран, чтобы заставить тех подчиняться правилам, которым сами следовать не спешат»[3].

Серьезную тревогу сторонников сохранения мира вызывает «политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право, ставящая ООН на грань кризиса и разрывающая связи с Европой»[4].

В свете событий, свидетельствующих о нарушениях прежним руководством США общепризнанных норм международного права в условиях зарождения многополярного мира[5], попытки заменить международное право национальным правом США делают чрезвычайно важным сохранение международного правопорядка, установленного Ялтинскими договоренностями, и неукоснительное соблюдение Устава ООН. «Здесь следует упомянуть и резолюцию Ассамблеи, признающую принципы Нюрнбергского трибунала, имеющие отношение к военным преступлениям и преступлениям против человечности, в качестве принципов современного международного права»[6].

Принято считать, что у истоков геополитического реализма стоял Н. Макиавелли. Будучи сторонником сильной государственной власти, для достижения его конечных целей Макиавелли допускал возможность использования любых средств, опираясь в политике только на силу, а не на мораль, считал, что политика абсолютно независима от морали[7].

Притягательная сила воззрений Макиавелли в наши дни состоит в том, что в ходе укрепления государства в качестве политического состояния феодального государства он начертал контуры мироустройства — мира, основанного на идее Родины, национальной независимости, свободы и равенства.

Все большее внимание в науке права в последние десятилетия вызывают идеи Канта о международных отношениях и международном праве[8], где последнее впервые возвышено до уровня предмета общефилософского осмысления в широком контексте социальных явлений, главная направленность которого в соединении с моральным законом — это устранение войн как средства решения международных конфликтов и неукоснительное соблюдение прав человека. Не отрицая возможность применения военной силы в международных делах, что противопоставляется традициям политического реализма и геополитики, Кант на первый план выдвигает силу права нравственного закона и силу права дипломатии. Последовательный сторонник господства права в регулировании противоречий, Кант вместо *баланса сил* утверждает приоритет правовых норм, в которых должны фиксировать баланс интересов субъектов международного права.

Интерес представляет единство субъективного и объективного в целостности, опосредованной деятельностью и допускающей внутренние взаимопереходы. В этой двойственности заключается основная трудность категориального толкования понятия интереса[9]. Поэтому, обращаясь к анализу вопроса об интересе, мы особо подчеркиваем значимость данного многоаспектного понятия как детерминирующего фактора содержания самой доктринальной постановки его анализа в множестве мировоззренческих позиций. Также немаловажны подходы и способы практической реализации суверенными государствами внешнеполитических целей, стоящих перед системой современных международных отношений с главной, на наш взгляд, ее составляющей — обеспечением мира и безопасности в глобализированном мире, защитой прав и свобод человека.

Основным субъектом международных отношений является государство, действующее как тотальная целостность, сохраняющая в то же время свою субъективную единичность, благодаря присущим ему отличительным качествам и значимым для него интересам. Государственная власть выступает в этих отношениях как единая сила, выражающая волю народа и общества и обеспечивающая реализацию государственных интересов, как неделимая целостность и как юридическая личность, которая в соответствии с международными договорами имеет определенные права и обязанности.

В международных договорах реализация интереса одной стороны неразрывно предполагает исполнение

[1] *Примаков Е. М.* Указ. соч.

[2] *Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М. : АСТ, 2016. С. 10.

[3] *Сорос Д. Ж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм : пер. с англ. М. : Некоммерческий фонд «Поддержка культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. С. 17.

[4] *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / пер. с нем. О. М. Величко и Е. Л. Петренко ; науч. ред. Е. Л. Петренко. М. : Весь мир, 2008. С. 7.

[5] См. подробнее: *Примаков Е. М.* Мысли вслух. М. : Рос. газета, 2011.

[6] *Абашидзе А. Х., Гольтяев А. О.* Универсальные механизмы защиты прав человека. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

[7] *Макиавелли Н.* Государь. М. : ЭКСМО, 2014.

[8] *Кант И.* Метафизика нравов // Соч. : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1 ; *Он же.* К Вечному миру. М. : Моск. рабочий, 1983.

[9] *Здравомыслов А. Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л. : ЛГУ, 1964. С. 6.

обязанностей второй стороной, и наоборот. Это обусловливается тем, что в рамках международного соглашения особенная воля сторон приходит в тождество со всеобщей для них волей, создает некоторую целостность; тем самым обязанность и право обретает свое единство, становясь субстанциональной основой этой целостности[1]. В рамках теории интересов правомочие можно рассматривать как возможность осуществления интереса, основанную на соответствующей юридической обязанности. Какие бы ни были побуждения сторон для разрешения международных конфликтов, они могут быть основаны только на их суверенной воле.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, нравственное единство человеческого рода находит свое значение в том, что народы стремятся к тому, чтобы их внешняя политика отражала моральные ценности, которые и в этой сфере подлежат поддержке государством. Однако ввиду принципиальной невозможности принятия единой шкалы измерений в теории моральных ценностей рассуждения о них приобретают абстрактный характер и свойственную для Запада маскировку истинных интересов и целей.

Во-вторых, международная политика государства призвана защищать политические, экономические, духовные, языковые и тому подобные интересы народа, то есть должна быть эффективной именно с точки зрения реализации государственных интересов на международной арене. В рамках геополитики международное право самым тесным образом связано с политикой и интересами суверенных государств, что служит причиной противопоставления морали и международного права. Однако такая точка зрения не может быть полностью обоснованной, ибо одним из важных источников права является обычай, который происходит из сферы морали и нравственности. Сведение оснований этого обычая международного общения к принципу самосохранения было бы вульгаризацией идей дарвинизма и отрицания социальной и нравственной сущности человека. Во внутригосударственном праве наличие нравственных оснований права — общепризнанный факт. Согласно учению Канта, внутригосударственное право и международное право являют собой части единого целого — системы права. Поэтому государство находит свое право не в абстрактном, а в конкретном существовании, и морализаторский подход не может служить принципом его деятельности. Взгляд о мнимом не-праве в отмеченном противопоставлении «покоится преимущественно на поверхности представлений о моральности, о природе государства и его отношения к моральной точке зрения»[2].

В-третьих, в условиях развернувшейся гибридной войны возникает настоятельная необходимость разработки теории государственного интереса и выработки научно обоснованных государственных интересов в современных реалиях. Принцип историзма не теряет свою актуальность и в этом вопросе, поэтому необходимо этическое переосмысление исторического правового наследия, включающего законы царей Двуречья, индийского трактата «Артхашастра», Древней Греции и Рима.

В настоящее время все большую актуальность приобретает деятельность России и дружественных государств по сохранению статуса Устава ООН и других основополагающих международно-правовых актов — международного права в целом, вызванная утилитаристскими действиями, прежде всего, США после распада Советского Союза и Варшавского договора. Е. М. Примаков отмечает: «Право вето, обладанием которым могут воспользоваться постоянные члены Совета Безопасности ООН, безусловно, затрудняет осуществление американского гегемонизма. Но в таких условиях США делают ставку на Североатлантический союз в качестве альтернативы ООН. НАТО практически перестало быть региональной организацией в Европе — она распространяет свои действия далеко за ее пределы»[3]. Действия Запада подрывают основы международного права и мирового порядка, установленные после Второй мировой войны.

Таким образом, признание каждым национальным государством ценностей и идеалов, закрепленных в общепризнанных принципах и нормах международного права, создание нормативных и институциональных механизмов их реализации на внутригосударственном уровне служат основой для «диалога цивилизаций» и установления справедливых международных отношений между всеми государствами в соответствии с основополагающими принципами международного права.

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. С. 207.

[2] *Гегель Г. В. Ф.* Указ. соч. С. 368.

[3] *Примаков Е. Н.* Россия. Надежды и тревоги. С. 142–143.

Е. Е. Амплеева[1]

«ОГОВОРКА МАРТЕНСА» КАК КРИТЕРИЙ НРАВСТВЕННОСТИ И ГУМАНИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Несмотря на то что угроза возникновения глобального конфликта постоянно растет, взгляды на философию войны не претерпели каких-либо существенных изменений и позитивных трансформаций. И хотя военная история, социология и психология на современном этапе развиваются достаточно успешно, наиболее широкий, истинно философский взгляд на природу и логику развития войн сегодня встречается довольно редко[2].

Оговорка Мартенса — это «общеевропейское изобретение». Впервые она появилась в Преамбуле II Гаагской конвенции 1899 года о законах и обычаях сухопутной войны, а в последующем воспроизводилась в похожих вариантах в оригинальных текстах более поздних Гаагской (1907) и Женевских (1949) конвенций, регулирующих правила вооруженных конфликтов. В современном мире соблюдение норм международного гуманитарного права (далее — МГП) обеспечивает победу воюющему государству не только на полях сражений, но и в информационной войне, что гарантирует устойчивое положение страны на международной арене в поствоенный период[3].

В узком смысле оговорка Мартенса служит напоминанием о том, что обычное международное право продолжает применяться после принятия любой международно-правовой нормы по вопросам гуманитарного сотрудничества воюющих стран и их вооруженных сил. В широком смысле оговорка предполагает, что с учетом принципа гуманизма и человечности не разрешено то, что не нашло отражения в том или ином договоре гуманитарного характера, то, на что нет явного международного запрета[4]. Иными словами, оговорка Мартенса позволяет выходить за рамки конвенций и международных обычаев, но только с учетом соблюдения принципа гуманности и требований общественного сознания[5]. Таким образом, оговорка Мартенса существует на практике для более успешной реализации норм МГП как специальный универсальный гуманитарный принцип, который действует во всякое время, повсеместно и при любых обстоятельствах, поскольку отражает обычаи ведения войны «цивилизованных народов» мира.

Оговорка Мартенса как общее «требование общественного сознания» является юридическим закреплением существования естественных прав человека и представляет собой не просто «кодекс правовых норм», а «совокупность нравственных норм» для любого живущего на планете[6]. При этом особую силу МГП придает отсутствие какого-либо политического подтекста, так как оно преследует исключительно гуманитарные цели, стремясь облегчить, насколько возможно, последствия боевых действий для всех в них участвующих. С этой целью, помимо прочего, накладываются ограничения на право воюющих выбирать любые способы и средства ведения вооруженной борьбы в условиях открытого боестолкновения[7].

С другой стороны, рассматривая предпосылки, причины и характер войн с различных методологических оснований, современная цивилизация учитывает этический компонент одним из последних, считая его необязательным. Потому современные западные «ястребы войны» всячески стараются избегать ответов на важнейшие, но неудобные для себя гуманитарные вопросы, которые можно обозначить как «основные нравственные проблемы войны». В этом с полной отчетливостью отразилось влияние западной позитивистской доктрины с ее постоянным поиском выгоды. На самом деле общепринятые нормы МГП — необходимые и важные законы[8].

Безусловно, важно помнить, что международное право, регулирующее защиту прав человека, остается в силе и продолжает использоваться в том числе в период оккупации, ведь права человека и законы войны применяются в данных условиях одновременно. Вместе с тем в некоторых обстоятельствах норма гуманитарного права может превзойти норму международного права как *lex specialis* — более конкретная норма для конкретного обстоятельства, и это происходит как раз тогда, когда зона боевых действий целенаправленно смещается ближе к гражданским объектам.

При таком анализе, помимо прочего, интересен психологический аспект. Один из мотивов, которым руководствуется военнослужащий, — это желание получить одобрение своих действий со стороны товарищей или командиров. В этом случае нельзя добиться позитивного результата, если совершать поступки, идущие вразрез с общечеловеческой этикой и моралью[9].

---

[1] Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Взаимосвязь государственного суверенитета и государственной территории», «Практика ЕСПЧ и ее значение для развития национальной системы защиты прав человека», «Вопросы государственного устройства в международном и конституционном праве», «К вопросу о „пределах уступчивости“ Конституционного Суда Российской Федерации», «Кризис международного права в постсовременном глобальном мире», «Феноменология международного права» и др. Член Российской ассоциации международного права.

[2] *Закиров В. Ю.* Влияние законов и обычаев войны на мировоззрение офицера русской армии // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 26.

[3] *Ледях И. А.* Важная веха в истории развития международного гуманитарного права // Юрист-международник. 2007. № 1. С. 2–10.

[4] *Тайсхерст Р.* Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 15. С. 149.

[5] Документ A/49/10: Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок шестой сессии (2 мая — 22 июля 1994 года) // Ежегодник Комиссии международного права. 1994. Т. 2, ч. 2. С. 144. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1994_v2_p2.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

[6] *Батырь В. А.* Международное гуманитарное право : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2011. С. 35.

[7] *Кочешев С. П.* Правовые основы применения оружия и боевой техники // Военно-юридический журнал. 2008. № 4. С. 12–17.

[8] *Закиров В. Ю.* Указ. соч. С. 26.

[9] *Бондаренко О. С.* Международное гуманитарное право и армия XXI века // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 9.

Еще один тезис связан с постконфликтным урегулированием: мало разгромить противника, надо еще удержать победу. По мнению многих современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, после Второй мировой войны ни одно государство мира не сумело удержать победу регионального характера в своих руках, так как поражение происходило именно в период постконфликтного урегулирования. Очевидно, что соблюдение норм МГП, действительно, в первую очередь выгодно самому воюющему. Не победителю, а именно воюющему, так как при несоблюдении норм МГП практически невозможно выиграть современную войну[1].

Таким образом, задача МГП — регулирование военных действий в целях смягчения приносимых ими тягот и лишений как воюющим, так и жертвам войны. «Оговорка Мартенса» имеет своей конечной целью, во-первых, свести к минимуму гибель людей и разрушение материальных ценностей, во-вторых, обеспечить уважительное (доверительное) отношение к жертвам войны при любых обстоятельствах[2].

МГП содержит правовые нормы гуманитарного характера, которые для одних стран являются договорными (например, для участников конвенций), а для других (неучастников конвенций) — обычными. Данное положение закреплено в Уставе ООН 1945 года и приговорах Международного военного трибунала в Нюрнберге, в которых четко указано, что «законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях и практике государств»[3]. Поэтому в дополнение к кодексу позитивных правовых норм любого современного государства имеется и кодекс нравственных норм национального права, составляющий неотъемлемую часть МГП.

МГП устанавливает определенные ограничения по поводу как военных действий в целом, так и поведения отдельных лиц по отношению к иным лицам и объектам во время войны, предусматривает нормы обращения с жертвами войны и другими участниками международных отношений. Оно применяется с самого начала военных действий, то есть с первого выстрела. Положения Женевских конвенций 1949 года, которые ратифицированы практически всеми государствами мира, могут рассматриваться в качестве норм «универсального» права. Они применимы к любым войнам и вооруженным конфликтам между участниками и неучастниками Конвенций, а все принципы МГП находятся в диалектической взаимосвязи с другими общепризнанными принципами международного права. Это свидетельствует о том, что понятие «основные принципы международного права» более точно отражает международно-правовую реальность как в мирных условиях, так и в условиях войны.

При этом вполне справедливо, что принципы гуманности благодаря оговорке Мартенса приобретают в правовом отношении абсолютный характер и применяются независимо от того, получили они закрепление в позитивном праве или нет. Это, в свою очередь, содействует процессу универсализации норм МГП, а гражданские лица и комбатанты (то есть воюющие лица или солдаты от рядового до генерала) в экстремальных условиях вооруженных конфликтов оказываются под защитой и действием обычного права, принципов гуманности и требований общественной совести[4]. Комиссия международного права ООН, разъясняя смысл оговорки, особо выделяет ее защитную функцию в отношении гражданского населения и военнопленных, на которых распространяются защита и действие принципов международного права, вытекающих из установившихся обычаев, идей гуманности и норм общественной морали.

С точки зрения теории управления современные вооруженные силы государства — это сложная человеко-машинная эредитарная система, то есть система с последействием. МГП оказывает влияние на все ее составляющие. Принципы МГП требуют от командиров, органов военного управления и военнослужащих при подготовке боевых действий и в их ходе проводить различие между комбатантами противника и лицами, находящимися под международной правовой защитой, военными и гражданскими объектами, сохраняя жизни людей и инфраструктуру жизнеобеспечения[5].

В заключение отметим, что Женевские конвенции 1949 года и некоторые иные договоры в гуманитарной сфере, например Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, обязывают государства выдавать или преследовать в судебном порядке лиц, подозреваемых в нарушении норм МГП, если эти лица находятся на территории данной страны или иным образом подпадают под ее юрисдикцию. В соответствии с обычным международным правом в современном мире считается общепризнанным, что государству разрешается судить лиц, ответственных за военные преступления, а также геноцид или преступления против человечности, где бы эти преступления ни были совершены, поэтому все военные преступники должны быть выданы заинтересованным властям после окончания вооруженного конфликта, чтобы понести соответствующее наказание.

[1] *Бондаренко О. С.* Указ. соч. С. 10.
[2] *Батырь В. А.* Указ. соч. С. 36.
[3] Там же. С. 26.
[4] *Ледях И. А.* Указ. соч.
[5] *Бондаренко О. С.* Указ. соч. С. 11.

П. А. Астафичев[1]

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный этап развития политической системы России характеризуется как весьма сложный и противоречивый. С одной стороны, российское общество решительно отказалось от ряда идеологических установлений марксизма-ленинизма, предпочитая путь рыночной и социально ориентированной экономики, основанной на ценностях конституционной демократии, верховенства прав и свобод человека, многопартийности, парламентаризма и независимого правосудия[2]. С другой — наблюдаются тенденции усиления государственного администрирования и сокращения частной инициативы[3]. На геополитическом пространстве имеют место частичные изоляция и самоизоляция, что весьма существенным образом обострилось вследствие политических событий, начавшихся 24 февраля 2022 года. При подобных обстоятельствах актуализируется в числе прочего проблема соотношения принципов и норм международного и внутригосударственного права, причем не столько в юридическом, сколько в политическом и социально-психологическом аспектах.

В кризисных ситуациях вполне естественным образом проявляются крайности, преувеличения и гипертрофированные суждения. В их числе — едва ли не всеобщее (во всяком случае на социально-психологическом уровне) отрицание большинства «западных» ценностей, среди которых, в силу инерционности общественного мнения, оказались «общепризнанные принципы и нормы международного права». Их отрицание или сомнение в их общеобязательности для правовой системы России наблюдалось в социально-политической мысли и ранее, но с такой невероятной силой, пожалуй, еще никогда, даже в период Карибского кризиса 1962 года.

Однако в действительности механизм правового регулирования общественных отношений современной России (во всяком случае после 12 декабря 1993 г.) основывается и продолжает базироваться во многом на общепризнанных принципах и нормах международного права. Отрицать это — значит, попросту не знать подлинного содержания действующих юридических принципов и правовых норм в России, складывающейся на их основе правоприменительной практики, то есть в значительной степени — выдавать желаемое за действительное.

Пропагандируемая рядом СМИ социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей наблюдается на фоне практически полностью «западной» экономической системы и такой же «западной» нормативной формы права в ее романо-германском эквиваленте[4] (если под «западными» ценностями понимать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также положения международных договоров, которые подписаны Президентом РФ и его предшественниками, ратифицированы парламентом страны и ранее действовавшими высшими органами народного представительства РСФСР и СССР). Следует ли современной России при имеющихся обстоятельствах полностью отказываться от этого и выстраивать методологически свою строго «национальную» систему экономики и права? Или же нужно, хотя бы отчасти, признать, что закономерности развития экономической и правовой систем основываются на общих достижениях общечеловеческой мысли, что здесь объективно наблюдается весьма высокая степень стандартизации и унификации ввиду ряда общих ценностей современного цивилизованного общества?

Конечно, каждое государство имеет собственные геополитические интересы[5], которые не всегда совпадают с приоритетами внешней политики зарубежных стран и нуждаются, вопреки влиянию «извне», в адекватной защите и поддержке силами национальных правительств. Однако до какой степени эта «специфичность» может и должна доходить, если общество действительно стремится к высоким темпам социально-экономического развития и обеспечению высокого уровня благосостояния своих граждан (ст. 75.1. Конституции РФ)?

Патриотически ориентированная внутренняя политика, во всяком случае, не должна отрицать экономические и правовые инструменты «западного» *происхождения*, если они благодатно *воспринимаются* отечественной «почвой» *на современном этапе* функционирования страны (pro bono) и уже зарекомендовали себя как весьма эффективно действующие в течение нескольких десятилетий после распада СССР и разрушения марксистско-ленинской идеологической системы. Эти и ряд других обстоятельств актуализируют, на наш взгляд, необходимость исследования в современ-

---

[1] Профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Парламентская культура как индикатор правовой культуры общества», «Институт народного представительства в российском праве: специфика становления и основные этапы развития в советской государственно-правовой системе», «Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г.», «Избирательная система СССР в период „развитого социализма“ и начала „перестройки“ (1977–1988 гг.): историко-правовой опыт и его значение для современной России» и др. Член Ассоциации юристов России, Межрегиональной ассоциации конституционалистов России. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

[2] См.: *Баренбойм П. Д.* Государство как произведение искусства и конституционная экономика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 4. С. 18–24.

[3] См.: *Буздалина О. Б.* Теоретические основы необходимости усиления администрирования государственного финансового контроля // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 4. С. 16.

[4] См.: *Филонов А. В.* Правовая система Российской Федерации в романо-германской правовой семье: общее и особенное (сравнительно-правовой аспект) // Учен. зап. Крымского федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 98.

[5] См.: *Саидов З. А., Нинциева Т. М.* Внутринациональные и геополитические интересы в контексте национальных интересов // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 964.

ной российской науке проблемы реализации принципов и норм международного права в правовой системе страны с политической и социально-психологической точек зрения.

В 2020 году в Конституцию РФ были внесены многочисленные поправки[1], которые затронули в том числе и проблему соотношения международного и национального права. Вопреки расхожему мнению, конституционный законодатель тогда не только ослабил какие-то установки (об этом речь пойдет ниже), но и усилил ряд позиций, которые связаны с международными отношениями нашей страны, ее внешними обязательствами и международным авторитетом государства, что было и остается важнейшим приоритетом внешней политики современной России. Так, ч. 1 ст. 67.1 в новой (от 2020 г.) редакции Конституции РФ содержит указание на то, что Российская Федерация является правопреемником и «правопродолжателем» Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств.

Это означает, что современное Российское государство в 2020 году на конституционном уровне официально заявило о своем стремлении участвовать в международных отношениях в той мере, в какой это возможно исходя из норм международного права и национальных интересов страны. Современная Россия конституционно-юридически и, следовательно, официально выразила желание быть членом международных организаций (ООН, Всемирной торговой организации, Интерпола, Всемирной организации здравоохранения, Международного агентства по атомной энергетике, Международной организаци труда, Международного валютного фонда, ЮНЕСКО, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружества независимых государств, Евразийского экономического союза и др.)[2] и их органов (Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН и т. п.), если только в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ не будут внесены соответствующие поправки. В силу принципа верховенства Конституции РФ это официальное намерение страны, которое не может быть преодолено волей ни одного из высших государственных органов, поскольку деятельность законодателя имеет «подконституционный» характер, а функционирование всех других органов публичной власти связано и подчиняется требованиям Конституции РФ и законов.

О приверженности современной России принципам и нормам международного права неоспоримо свидетельствует содержание ст. 67 Конституции РФ, которая регулирует международно-правовые вопросы территории государства. Состав территории Российской Федерации по смыслу ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (материковая часть, внутренние воды, территориальное море, воздушное пространство над ними) полностью соответствует международно-правовым стандартам. То же можно сказать о суверенных правах и юрисдикции России на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне, что сопровождается в ч. 2 ст. 67 действующей Конституции РФ специальной оговоркой «в порядке, определяемом нормами международного права». Часть 2.1 в новой редакции ст. 67 Конституции РФ использует международно-правовые категории «делимитация», «демаркация» и «редемаркация».

Глава 1 Конституции РФ в значительной степени воспроизводит принципы Устава ООН, глава 2 — нормы Всеобщей декларации прав человека, главы 3–8 — положения многих конституций зарубежных стран. Трудовой кодекс РФ методологически построен на рекомендациях Международной организации труда. Подобные примеры можно продолжать и далее. Все они свидетельствуют о том, что международно-правовая методология содержательно (ratio legis) «пронизывает» действующее российское законодательство настолько глубоко и основательно, что ее полное исключение из юридической материи (как того требует набирающая популярность социально-психологическая установка на отрицание «западных» ценностей) означало бы ликвидацию в России положительного права как такового. Полагаем, что *международно-правовой нигилизм* в той же мере вреден правосознанию россиян, как и дружно критикуемый в отечественной науке *обычный правовой нигилизм*.

Сказанное, однако, не означает, что международное право следует абсолютизировать. Оно весьма абстрактно и отличается особой степенью правовой неопределенности. Предмет извечного спора составляет, например, вопрос о том, являются ли те или иные принципы или нормы международного права «общепризнанными». Внешнеполитические отношения подвижны и склонны к быстрым изменениям, в то время как международно-правовое регулирование стабильно и зачастую даже весьма «неповоротливо». Вследствие своей инертности оно иногда перестает отвечать новым и актуальным запросам времени. Происходит это потому, что в масштабах мирового сообщества нет единого парламента, президента, правительства и т. п. В международно-правовое регулирование некому вносить изменения и дополнения, пока нации не договорятся и не придут к определенному консенсусу. Вследствие этого международное право не является всепроникающим, оно имеет весьма ограниченную предметную область, опирается на суверенитет государств и предполагает высокую степень дискреции национальных правительств вследствие самобытности соответствующих политико-правовых культур. Возможны и неизбежны также коллизии между международным и национальным правовым регулированием.

[1] См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[2] В связи с этим примечательна практика оспаривания в Конституционном Суде РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы, которые остались в меньшинстве при голосовании за ратификацию международного договора, например, о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169).

О. А. Бенедская[1]

ПРАВОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ ПРАВА: К ПОДГОТОВКЕ СТРАТЕГИИ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Современная обстановка сурового стратегического противостояния явилась концентрированным выражением тенденций глубинной хаотизации правопорядка в глобальном масштабе. Сложившиеся во второй половине XX века на платформе общечеловеческого гуманизма институциональные механизмы сдерживания агрессивно-силового произвола через нормативное вменение диалога деградировали под воздействием «однополярных» амбиций и связанной с ними ориентации на лабильную правовую этику. Реализация международного права, призванного на основе и посредством суверенного равенства государств обеспечивать соучастие гражданских политических наций в формировании и проведении в жизнь общих гармонизированных стандартов справедливости, отошла от своего ценностно-мировоззренческого целеполагания, склонившись к сфере политико-экономических технологий.

Игнорирование социокультурного многообразия и конкретно-исторической асинхронности государственного развития как объективной предпосылки цивилизованного международно-правового общения, принципиальный отказ от обсуждения фундаментальных вопросов континентальной и мировой безопасности, понимаемых с четких позиций ее неделимости, постулирование «нормальности» применения односторонних экономических мер ограничительного характера — эти и иные им подобные моменты свидетельствуют о необходимости глубокого переосмысления роли права в текущем сложном, противоречивом комплексе взаимоотношений культур и цивилизаций. При этом следует учитывать, что сила сама по себе формально-инструментальна, не носит ценностный характер, и ее приоритет в международных отношениях на том или ином этапе определяет не достигнутое (апробированное) конкурентное преимущество силы, а скорее вынужденно-компенсаторное замещение неэффективности права. В этом плане переосмысление роли права в современных глобальных условиях должно происходить из соображений его активации и мобилизации.

Говоря сегодня о мобилизации в правовой сфере, нужно принимать во внимание как ее внешнюю (наднациональную), так и внутреннюю (внутригосударственную) направленность, различая при этом правовую мобилизацию — мобилизацию на основе и посредством права — и мобилизацию непосредственно самого права. Важно не только последовательно обеспечивать развернутое и органичное правовое обоснование предпосылок и оснований международных действий России в текущих условиях, в том числе с учетом понимания принципов права народов на самоопределение и самооборону (имеющую, в частности, упреждающий, превентивный характер), но и уже сейчас формировать на междисциплинарной основе и в научно-экспертной коллаборации с зарубежными специалистами, готовыми к сотрудничеству, своего рода «утопию» международного права, понимаемую в аспекте желаемого футуристического идеала, к которому устремлены интенции России и который она презентует и отстаивает для мира. Как очень тонко заметил Ж.-Ф. Лиотар, «право приходит не от страдания, а от того, насколько его излечение делает систему более эффективной».

Здесь будет уместно вспомнить о том, что при всех очевидных особенностях советский проект, относящийся не только к национальному, но и к общему наследию, обладал неоспоримым глобальным ценностно-гуманитарным могуществом, выступая серьезным консолидирующим фактором для зарубежной молодежи и интеллигенции и стимулируя деколонизацию и социализацию международного права. Этот уникальный опыт национального борения за мировое мировоззренческое лидерство должен быть широко востребован сегодня, когда перед Россией стоит вызов позиционировать себя в качестве семантической (идейно-мировоззренческой) сверхдержавы и, сообразно этому, свой глобальный правовой проект.

Правовая мобилизация предполагает взгляд на право как на основу, генератор и способ социального сплочения, консолидации в целях прорывного преобразования международных отношений, политики, экономики, средство форсированной реализации потребностей, стратегических задач по обеспечению публичных и частных, наднациональных и государственных интересов. В экстраординарных условиях внешнего давления и глобальной турбулентности было бы ошибкой во внутригосударственной сфере идти по упрощенному пути административно-ручного управления, а важным является также усиление права в его принципиально-ценностной составляющей. Право как ценность и принцип обеспечивает минимум определенности, предсказуемости и в этом плане оказывает стабилизирующее влияние, и одновременно на этой основе создаются условия для поиска необходимых сбалансированных решений во всех сферах жизнедеятельности. При ограниченности ресурсов требования равенства и справедливости требуют большего внимания, а объективно необходимый адресный, целевой характер поддержки, концентрация на приоритетах могут быть эффективно и легитимным образом обеспечены только через право.

В частности, предпочтения и преференции, оказываемые в текущих условиях конкретным категориям,

---

[1] Адвокат Коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры», кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Третейский суд как конституционная категория и ценность: к обоснованию доктрины», «Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе» (в соавт.), «Пределы выносливости: социальное бремя бизнеса в контексте практики российского конституционного правосудия», «Третейское разбирательство и нормоконтроль», «К вопросу о правовой природе решения третейского суда», «Администрирование третейского разбирательства: конституционное измерение», «Расширение институционального пространства правосудия: на пути к преодолению глобальной нестабильности» и др.

должны исходить из разумно обоснованных и верифицируемых критериев, а не из казуально значимых (пусть даже локально увеличивающих общественную консолидацию) резонов политической целесообразности, чтобы в более продолжительной перспективе такие решения не становились источником социального и экономического напряжения и вражды.

Общественная дискуссия, естественно лимитируемая более жесткими — в условиях развернувшегося информационного противостояния при распределенности и экстерриториальности публичных источников — требованиями к исключению подрыва доверия к действиям государства, не может полностью выпадать из сферы социально-политического многообразия и должна подкрепляться развитием просветительской (не формально-дидактической) работы. Как тут не вспомнить крылатые слова П. А. Столыпина: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии».

Правовая мобилизация возможна только через мобилизацию права, через его реальное верховенство (в том числе над любой корпоративной этикой, над абстрактным гуманизмом и т. п.). Право по своей сути нормативно, вменяет определенные модели поведения, поэтому имеет преобразовательный потенциал. В то же время оно может и консервировать отсталые, архаичные модели поведения. Мобилизация права связана с усилением его прогностической и трансформационной роли как способа обретения идеала при устойчиво-целостном (основанном на принципиальной самотождественности) развитии правового сообщества.

Применительно к мобилизации права в текущих условиях важно сделать акцент на следующие составляющие: а) ориентация на традиционные ценности (как фактор консолидации и выражения национального самосознания и духа) в сочетании с той степенью открытости внешнему опыту, которая не вступает в противоречие с коренными интересами и способствует продуктивным научно-технологическим инновациям; б) институционализация и принципиальное повышение качества научно-технической экспертизы публично значимых решений (в том числе документов стратегического планирования, нормативных актов, инвестиционных проектов и т. п.); в) активизация междисциплинарности правовой сферы и методологического плюрализма в юриспруденции в целях расширения инструментальной и информационно-экспертной базы проектирования нормативно-правовых подходов и решений; г) «фокусированный» (унитаризованный) полицентризм, обеспечивающий в рамках единой системы публичной власти достаточно широкую степень самостоятельности и инклюзивность всех ее уровней, с тем чтобы был задействован, насколько это возможно, региональный и локальный потенциал самоорганизационных правовых преобразований и обратных связей.

Таким образом, должна быть активизирована работа по концептуализации глобального правового проекта России для мира и России в мире, чему площадка Лихачевских научных чтений может служить уверенной основой.

Е. А. Брылева[1]

РАЗЛИЧИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время активно обсуждается вопрос традиционных ценностей. При этом под данным термином зачастую подразумеваются различные понятия:

1) консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам. За главную ценность принимается сохранение традиций общества, его институтов и ценностей[2];

2) религиозные;

3) национальные, народные, национально-этнографические, национально-религиозные[3].

Представляется, что каждый из этих подходов в той или иной мере обоснован, но было бы упрощением сводить традиционные ценности к религиозным воззрениям или внешним атрибутам национального костюма, народному творчеству и т. п. Более конструктивным стало бы рассмотрение традиционных ценностей с включением всех данных аспектов.

Говоря о традиционных ценностях российской культуры, исследователи выделяют духовность[4], терпе-

---

[1] Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий лицам, осужденным к лишению свободы» (в соавт.), «Корпоративная социальная ответственность в России: необходимость формирования концепции», «Legal regulation of charitable activities carried out with the use of digital technologies» (в соавт.), «The Problems of Legal Regulation of AI: a Rather-Legal Research Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs Social Origin» (в соавт.), «Urgent problems in the investigation of computer crimes at the modern stage» (в соавт.), «Post-prison resocialization — myth or reality?» (в соавт.) и др. Член Ассоциации международного права. Награждена медалями ФСИН России «За отличие в службе» трех степеней, медалью ФСИН России за усердие в службе II степени. Юрист года — 2021 Пермского края.

[2] Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1999.

[3] *Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. М. : Питер, 2003.

[4] *Рассадина Т. А.* Традиционные ценности русской культуры. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-russkoy-kultury/viewer.

ние[1], православие; патриотизм[2]. При этом практически все единодушно отмечают коллективизм (общинность) как одну из ценностей российской нации.

Каждой цивилизации присущи свои ценности, сформировавшиеся под влиянием исторических, географических, религиозных, экономических и политических факторов.

Российские ученые-правоведы традиционно опирались на понятие естественных прав личности, принятое в классических философско-правовых и юридических учениях, по-своему апроприируя его в отечественных духовной, этической и правовой традициях. Концепция индивидуальных прав была особенно характерна для либеральных правовых доктрин. Однако, несмотря на активные попытки ряда ученых и государственных деятелей (П. А. Столыпин и др.), в России либерализм не получил значительного развития, в том числе и по причине традиционности русской общественной и политической культуры.

В культуре имперской России, как и в русском общественном сознании, права и свободы не занимали значительного места. Так, Н. А. Бердяев отмечал, что в России демократия и права всегда воспринимались как отдельные, не связанные друг с другом категории, поэтому идеи автономии и неотъемлемых прав личности были чужды и сознанию, и всему укладу российского общества[3].

Традиционное понимание прав человека в российской интерпретации базируется на превалирующей роли государства. Примечательно, что в дореволюционном учебнике административного права А. И. Елистратова соответствующие параграфы озаглавлены следующим образом: «Положение обывателя в полицейском государстве» и «Положение личности в правовом государстве».

В настоящее время идея прав человека стала более популярной и действенной из-за современных феноменов трансграничности и наднациональности, снижающих ценность суверенитета. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и других документах не отражена такая ценность, как патриотизм, хотя Никколо Макиавелли в свое время утверждал, что «назначение человека на земле, его первейший долг — это патриотизм, забота о славе, величии, свободе родины»[4]. На этом базируется моральная основа личности высоконравственного человека: он не святой — он патриот.

Концепция прав человека стала частью международного права лишь в XIX веке (защита национальных меньшинств), и только во второй половине XX века она стала распространяться практически на все институты и сферы жизни.

В основе современной концепции западных ценностей лежат в первую очередь следующие составляющие: экономизм, техногенность, эгоизм, эгоцентризм, сложившиеся под влиянием западноевропейских идей Просвещения (Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, И. Бентам, И. Кант). Таким образом, две ценностные системы имеют некоторые сходства:

— они апеллируют к религиозным, политическим и гражданским правам и т. д.;

— носят универсальный характер. Всеобщая декларация прав человека (1948) была создана под влиянием опыта применения и интерпретации американского Билля о правах.

Риторика обеспечения прав человека довольно скоро стала неотъемлемой частью американской внешней политики, что помогало привнести мораль в обычные практики реальной политики. В начале XX века вильсонианизм придал этому направлению новое ускорение, оставив почти незамеченным один из своих базовых принципов — право наций на самоопределение.

Концепция индивидуальных прав человека получила дальнейшее развитие в годы политической деятельности Франклина Рузвельта, сформулировавшего в 1941 году концепцию «четырех свобод» (свобода слова, вероисповедания, экономическая свобода и свобода от страха вооруженного нападения).

В то же время отношение к правам человека в Соединенных Штатах остается двойственным и сугубо прагматическим. Слова о защите прав человека нередко можно услышать в речах американских политиков, пытающихся найти основания для внешней политики США либо ведущих предвыборную кампанию, но эта концепция практически не представляет интереса для американских политологов, которые чаще всего ограничиваются анализом ее международного аспекта. И это в ситуации, когда США до сих пор отказываются принимать обязательства по ряду международных договоров, касающихся прав человека, и не соглашаются на смягчение позиций по вопросам смертной казни. Международно-правовые обязательства США попрежнему сводятся к участию лишь в трех соглашениях — Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) и Конвенции против пыток (1984), в то время как всего в мире принято девять основных соглашений по правам человека, где предусмотрены контрольные механизмы.

США до сих пор не ратифицировали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенцию о правах ребенка (1989), Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990), Конвенцию о правах инвалидов (2006) и Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (2006).

---

[1] *Кулабухова М. А., Табачек А. Б.* Терпение как традиционная ценность России и русского мира // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : материалы VI Междунар. молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Елец, 25 мая 2018 года. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 288–291.

[2] *Дегтярев В. И.* Православие и патриотизм как основа духовно-нравственного воспитания молодежи // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения. 2014. № 1. С. 48–51.

[3] *Бердяев Н. А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 228.

[4] *Макиавелли Н.* Государь // Сочинения : пер. с итал. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. С. 636 (Сер. «Антология мысли»).

Комментируя эту ситуацию, известный американский политолог М. Игнатьев указывает на то, что подобная двойственность вообще характерна для США. По его мнению, такое отношение проистекает из американской исторической традиции индивидуализма, собственной исключительности и консерватизма, который начиная с 1960-х годов практически подменил либеральную традицию в стране[1]. Чувство своей исключительности основывается у американцев на пяти основных понятиях (свобода, индивидуализм, популизм, эгалитаризм, невмешательство государства в экономику), которые вызывают устойчивую приверженность идее суверенитета и убеждение в уникальности собственной демократии, что делает ненужным и неодобряемым привнесение каких-либо стандартов извне.

Это во многом и объясняет двойственность американского отношения к концепции прав человека. В данном случае речь не идет о том, что американская демократия абсолютна по своим достижениям, исключительна. Она, по мнению С. Липсета, «качественно другая», но не «лучшая».

«Качественная инаковость» проистекает из особого опыта государства, который сделал граждан идеальными носителями универсальных гражданских и политических ценностей. Данный миф возник еще в XIX веке из убеждения, что американский гражданин — это человек, который воспитан вне ограничений Старого Света, на «чистом» политическом пространстве, заново структурированном американской нацией и ее политическими институтами, свободными от коррупции и других пороков.

Проблема двойных стандартов была самой заметной и труднопреодолимой. Использование самой идеи защиты прав человека для морального обоснования внешней политики не могло стать ее реальной целью, что превращало защиту прав в значительной степени в риторику для реализации других целей.

В связи с этим возникали и возникают разногласия между российской, западной и американской дипломатией. Это особенно отчетливо выявилось при обсуждении проекта в III Комитете Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1948 году, когда инициатива советских представителей отразить в Декларации связь прав человека с проблемой государственного суверенитета не была поддержана участниками обсуждения. Представители стран Запада сочли, что это предложение отражает противоречащую абсолютному характеру прав человека идею подчинения личности государству, в то время господствовавшую в СССР. Западные дипломаты также не согласились с предложением советской стороны о включении в Декларацию статьи о праве наций и народов на самоопределение. Фактически то же самое происходит и наши дни (резолюция по Сирии и др.).

Таким образом, концептуальные идеологические разногласия, в том числе по вопросам формирования международного права, имеют глубокие исторические корни, базируются на различиях культурных и религиозных традиций.

О. Н. Громова[2]

ЦЕННОСТИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕН

Современное состояние общества характеризуют ранее неизвестные истории процессы, основанные на глобализации, обнажившей тенденции обесценивания многих составляющих деятельности. Нельзя делать однозначные заявления исключительно о негативных последствиях процесса глобализации. Напротив, сближение и слияние культур разных стран породили новые идеи, привели к необходимости действовать в новых условиях, ускорили процессы информатизации общества. Вместе с тем глобализация стала постоянным источником конфликтов, в том числе и в сфере труда, являющегося основополагающим звеном развития и жизни всего человечества.

Определяя ценностные аспекты труда, мы попрежнему опираемся на традиционные духовно-нравственные ориентиры личности. Ценности для человека являются основой его моральной и нравственной позиций, в том числе и в условиях трудовой деятельности. Ценности сами по себе не обладают той значимостью и смыслообразующей основой, которые они приобретают в их связи с человеком в условиях человеческого бытия.

Невозможно однозначно определить содержание ценностей, как нельзя их передавать от одного индивида другому путем простых языковых знаков. Ценности формируются при условии их значимости для жизнедеятельности субъекта и всего общества, при наличии потребностей, движущих мотивов и интересов, обладающих побудительной силой.

Ценности являются основой мировоззрения, формируя жизненную позицию человека. Одной из причин аберрации сознания является искажение ценностей, а ее следствием — девиации в поведении. Смена цен-

[1] *Игнатьев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство. М. : Новое лит. обозрение, 2019.

[2] Заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт)», «История социально-трудовых отношений в России», «Управление социально-трудовыми отношениями за рубежом: история и современность», «Исторический опыт преодоления социально-трудовых конфликтов в России», «Тенденции в сфере занятости (на примере современной России)», «Ценностные ориентиры как основа духовной составляющей профессиональной деятельности специалиста в условиях трансформации современного социума» (в соавт.), «Виктимологическая деятельность как основа профессиональной виктимологической компетентности будущего специалиста для экономической сферы», «Содержательно-психологическая составляющая профессиональной деятельности специалистов гуманитарного профиля» (в соавт.) и др.

ностного мира человека способствует смене ценностного мира общества, при этом формирующееся сознание наиболее подвержено влиянию извне, увлечению теми или иными идеями, поскольку на стадии развития не имеет возможности дать четкую оценку происходящему[1].

В современных условиях ценностный ряд трудовой деятельности существенно изменился. На задний план отошла организация труда, основанная на чувстве коллективизма. В современных условиях труд в большей степени является источником дохода. Осознав это, субъекты трудовой деятельности стали вкладывать больше сил и средств в свое образование.

Именно поэтому Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования требует от образовательных организаций не только воспитывать компетентных, высокопрофессиональных специалистов, но и заботиться о том, чтобы этот профессионализм основывался в том числе на общекультурных ценностях.

Исследователи утверждают, что в России преобладает деонтологический подход, основанный на законе нравственного долга, провозглашенного в свое время И. Кантом. Согласно этому закону нравственное начало сводится к субъективному осознанию долга. Сторонники деонтологического подхода оценивают человеческие поступки с точки зрения обязательств (долга) и прав. В соответствии с этой теорией люди поступают определенным образом не для того, чтобы своими поступками принести пользу, а просто выполняя свой долг. В обосновании своей теории И. Кант обращается к совести. Личностные нормы только тогда становятся побудителем и осознаются в качестве долга, когда они соответствуют ее ценностным установкам. Для трудовой деятельности долг является серьезным побудителем к полной реализации своего потенциала.

В начале индустриализации от субъектов трудовых отношений в большей степени требовались исполнительность и соблюдение дисциплины. В современных условиях действующее законодательство предполагает реализацию трудовой деятельности в диалоговой форме. Вместе с тем, как показывает практика, в сфере труда часто происходят конфликты, причиной которых является столкновение разных подходов к оцениванию деятельности и ее результатов.

Для того чтобы устранить ценностные конфликты в сфере труда, необходимо включить субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности. Будучи необходимым условием жизни человека, основой человеческой деятельности, труд сам по себе является ценностью, формируя своего субъекта — человека труда. Современному развивающемуся обществу, особенно в условиях международного сотрудничества, нужны высокообразованные, нравственно адаптированные, воспитанные и трудолюбивые люди, достойные его уважения.

Успешность трудовой деятельности каждого индивида зависит от того, насколько его субъективный опыт соотносится с культурными ценностями человечества. То есть основой ценностного опыта человека труда должен быть ценностный опыт, накопленный обществом.

Сегодня многие авторы пишут об утрате истинных ценностей, относящихся к труду, о вымывании из мировоззрения людей уважения к честному труду, о повышении значения денег. Л. В. Тарасенко, рассуждая о специфике профессиональной социализации личности в условиях обострения противоречий современного российского общества, ссылается на описание М. Тейлором характеристик современной молодежи: доминирование потребительского отношения к жизни и образованию; приоритет досуга; критическое отношение и недоверие к традиционным ценностям; примат личных потребностей перед общественными; высокая степень самоуверенности; убежденность в собственной уникальности; приспособляемость и прагматизм; скептицизм и цинизм; дефицит отзывчивости и воспитанности и, как следствие, недоверие к авторитетам; избирательная склонность к риску; инфантилизм и интеллектуальное равнодушие; неготовность к социальной активности; проблемы с межличностной коммуникацией при высоком уровне знаний техники. Автор признает, что многие из перечисленных характеристик свойственны и российской молодежи[2].

Полагаем, что этот вопрос не следует рассматривать однозначно. Мы в первую очередь говорим о молодежи как основном субъекте трудовых отношений. Современные быстроменяющиеся условия характеризуются ускорением социальных процессов и преобразований. Человек, будучи субъектом социально-трудовых отношений, должен быстро адаптироваться к новой социальной реальности, быть мобильным, высокоорганизованным и дисциплинированным. Сегодня действительно у большинства молодых людей наблюдается более прагматичный подход к выбору своей профессии, и связано это с тем, что труд переходит в новое качество и привлекает молодежь не только наличием материального потенциала, но и возможностью самореализации, его быстрой мобильностью, получением эстетического удовольствия от своей деятельности, возможностью проявления своего таланта, творчества и креативности.

Кроме того, современные жизненные условия диктуют совершенно иной подход к реализации права на труд. Человек стремится максимально использовать свой интеллект и творческий потенциал, увеличить размер своего вклада в трудовой процесс для того, чтобы в результате удовлетворить свои потребности.

Говоря о трудовых отношениях, мы не напрасно обращаемся к такой категории, как «человек труда». Человек труда, помимо личностных характеристик, позволяющих ему выполнять производственные задачи и получать прибыль, должен обладать определенной совокупностью социальных, психологических, моральных, нравственных и культурных свойств, формирующих мотивацию деятельности. В свою очередь мотивация зависит от ценностей, принятых в обществе,

[1] *Громова О. Н., Рыжова Н. И., Чайка В. Н.* Ценностные ориентиры как основа духовной составляющей профессиональной деятельности специалиста в условиях трансформации современного социума // Преподаватель XXI век. 2014. № 4. С. 17–28.

[2] *Тарасенко Л. В.* Специфика профессиональной социализации личности в условиях обострения противоречий современного российского общества (на примере г. Таганрога) // Власть. 2009. № 8. С. 116.

а также от корпоративной культуры организации, в которой работает индивид, от престижности профессии и других составляющих профессиональной деятельности. Мотивация как психологическая категория, определяющая в том числе и трудовую деятельность, включает такие соподчиненные понятия, как потребности, направленность, мотивы, цели, результаты и оценки[1].

Таким образом, потребности человека труда не завершаются получением прибыли, прежде всего они направлены на формирование интеллектуальной, высокопрофессиональной, нравственно зрелой личности, воспринимающей труд как особую ценность.

Направленность потребностей является смыслообразующей, регулятивной составляющей трудовой деятельности. Помимо этого, направленность определяет побуждение этой деятельности и является не чем иным, как мотивом.

В свою очередь под мотивом мы понимаем внутреннее побуждение, обусловленное потребностями и вызывающее стремление к трудовой деятельности, а также придающее этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей[2].

Мотив формирует цели трудовой деятельности не абстрактной общности людей, а конкретного человека. Чем сильнее мотив, тем реальнее цель. Это является важным аргументом в пользу цели трудовой деятельности, так как любая цель должна быть не только реальной, но и достижимой.

И наконец, результаты, которые следует рассматривать как ценности деятельности, взятые, по мнению Г. В. Суходольского, в отношении социальных и личных потребностей. Результаты деятельности автор представил следующим образом:

1) ожидаемое–фактическое — рассматривается как объективные результаты и субъективно предвидимые результаты;

2) общее–частное — представлено в виде обобщенных и конкретных результатов;

3) ценности представлены функциями относительно объективных результатов; мотивами относительно субъективно предвидимых обобщенных результатов; целями относительно субъективно предвидимых конкретных результатов.

Оценки, считает ученый, характеризующие психологические аспекты деятельности, являются способом установления ценностей[3].

Таким образом, в условиях современных перемен происходят процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности, в том числе и сферу труда. В этих условиях наблюдается трансформация трудовых ценностей, обусловленных исключительно материальными потребностями. Однако процесс глобализации породил не только негативные последствия, но также воспитал нового человека труда с положительными характеристиками, основанными на ценностях, которые формируют побудительную активность субъекта и воплощаются в его поведении.

[1] *Суходольский Г. В.* Основы психологической теории деятельности. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

[2] *Громова О. Н.* Виктимологическая деятельность как основа профессиональной виктимологической компетентности будущего специалиста для экономической сферы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: http://www.science-education.ru/123-20016 (дата обращения: 26.06.2015).

[3] *Суходольский Г. В.* Указ. соч.

М. В. Демидов[4]

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ СО СТОРОНЫ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Конституция РФ заложила новые подходы к обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина. Основной закон страны продекларировал, что в России нет ничего более ценного, чем человек, его права и свободы. Конституция не ограничилась этим, в ней также закреплено положение о том, что на государстве лежит обязанность не только по признанию и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, но и по обеспечению эффективного механизма их защиты. Таким образом было положено начало реализации новой конституционной концепции в области обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в России.

Продолжение данной концепции, направленной на защиту интересов Российской Федерации, ее суверенитета, а значит, и российских граждан, нашло отражение в конституционных поправках, внесенных в марте 2020 года. Так, в соответствии со ст. 79 Конституции РФ Россия может участвовать в работе межгосударственных органов и передавать им часть своих полномочий по международным договорам только

[4] Заведующий кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный деятель науки Чувашской Республики. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Становление и развитие местного самоуправления в России и Чувашии и роль депутатов в его осуществлении», «Парламентский контроль за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (в соавт.), «Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом» (в соавт.), «Защита прав потребителей финансовых услуг в банковской сфере в условиях глобальной нестабильности», «Институт отчетности исполнительной власти субъекта Российской Федерации перед региональным парламентом», «Land control in the system of sustainable development of municipalities» (в соавт.), «Право граждан на равную защиту законом и его реализация в уголовном праве» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета Государственного Совета Чувашской Республики. Руководитель Чувашского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России.

при условии, «если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации»[1]. При этом подчеркивается, что в случаях принятия указанными органами решений, противоречащих Конституции, они не подлежат исполнению.

В настоящее время Россия испытывает беспрецедентное внешнее давление со стороны недружественных ей государств, которое осуществляется путем введения различных санкций политического и экономического характера. Отправной точкой начала санкционной войны против России стало вхождение в ее состав территории полуострова Крым в марте 2014 года и обострение ситуации на востоке Украины.

С указанного момента США, страны Евросоюза и другие иностранные государства начали вводить санкции против отдельных граждан Российской Федерации, компаний и должностных лиц. В ответ на это в России были принят закон о контрсанкциях в отношении недружественных к ней государств. Тем не менее российская финансово-экономическая система оказалась недостаточно защищенной от внешних давлений и введенных ограничений.

Эмбарго в экономической и торговой сфере по вполне понятным причинам оказало негативное влияние на благосостояние большинства граждан. Данное обстоятельство было вызвано ускорением роста цен, в первую очередь на продовольственные товары, и сокращением объемов производства некоторых продуктов питания[2].

После начала специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года ограничительные меры по отношению к России стали намного масштабнее. Как сообщают средства массовой информации, Россия сейчас является мировым «рекордсменом» по наложенным санкциям. В базе данных Castellum можно найти сведения на конец апреля 2022 года: в отношении Российской Федерации введено 10 128 санкций, из них 2754 ограничения были применены до 22 февраля 2022 года, 7374 — начиная с 22 февраля[3]. Рубежным стало 21 февраля 2022 года, когда Президентом РФ были подписаны и обнародованы указы о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в качестве суверенных и независимых государств[4]. Для сравнения, по данным того же источника, в настоящее время после России наибольшее количество санкций наложено на Иран (3616); Сирию (2608); Северную Корею (2077); Венесуэлу (651); Мьянму (510), Кубу (208).

Больше всего санкций в отношении России ввели такие государства, как Швейцария, Великобритания, страны Европейского союза, США. Следует отметить, что большинство из введенных санкций являются индивидуальными, то есть они наложены на конкретных физических лиц — граждан Российской Федерации. На данный момент их насчитывается около 6 тыс.[5] Основные секторальные санкции и ограничения направлены на: реальный сектор экономики (ограничения на импорт российских нефти и газа, угля и металлов, экспорт металлов, предметов роскоши и технологий в Россию, ввоз предметов роскоши и ряда видов продуктов питания из России и др.); банковский сектор (ограничения на доступ к фондам Международного валютного фонда и Всемирного банка, доступ российских банков к SWIFT — международной межбанковской системе передачи информации и совершения платежей, на корреспондентские счета российских банков), а также в отношении суверенного долга.

В условиях жесточайшей санкционной политики в отношении России особое значение приобретает наличие действенного правового механизма защиты прав, свобод и законных интересов ее граждан. Основы такого механизма в гражданско-правовой сфере заложены в ст. 1194 «Реторсии» Гражданского кодекса РФ. В соответствии с ней в случаях принятия недружественных актов со стороны отдельных государств в отношении граждан России Правительству РФ предоставляется право на ответные ограничения «в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц»[6].

Базовым законодательным актом для применения специальных экономических мер при возникновении международной чрезвычайной ситуации является Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»[7]. Закон устанавливает, что специальные экономические меры применяются в случаях, когда возникает совокупность обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации, а также если они нарушают права и свободы ее граждан. Поэтому такие меры, согласно Закону, применяются в целях обеспечения интересов и безопасности России и (или) устранения или минимизации угрозы нарушений прав и свобод ее граждан (ч. 2 ст. 1).

Большую роль в формировании эффективного механизма защиты прав и свобод граждан России играет Федеральный закон «О мерах воздействия (противо-

[1] Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. М. : АСТ, 2020. С. 27.

[2] Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 29.04.2022).

[3] The Castellum.AI dashboard provides consolidated Russia sanctions data. The page is updated daily. URL: https://www.castellum.ai//russia-sanctions-dashboard (дата обращения: 29.04.2022).

[4] Указ Президента РФ от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Офиц. интернет-портал правовой информ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002? ; Указ Президента РФ от 21 февраля 2022 года № 72 «О признании Луганской Народной Республики» // Офиц. интернет-портал правовой информ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001? (дата обращения: 20.06.2022).

[5] Какие страны ввели санкции против России. URL: https://invlab.ru/ekonomika/kakiye-strany-vveli-sanktsii/ (дата обращения: 29.04.2022).

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[7] Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 44.

действия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»[1]. С его принятием были созданы правовые основы для активного противодействия давлению на Россию в политической и экономической сферах и выработке механизма контрмер. Основная цель Закона — защита интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий США и иных иностранных государств, в том числе выражающихся во введении политических или экономических санкций в отношении России, ее граждан и юридических лиц. В отличие от Федерального закона № 281-ФЗ, где речь идет преимущественно о «специальных экономических мерах», в данном случае законодатель предусмотрел возможность применения и иных «мер воздействия (противодействия)» в отношении государств, которые совершают недружественные действия, представляющие угрозу суверенитету России, правам и свободам ее граждан.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что указанные меры выступают не только как самостоятельные инструменты обеспечения экономической безопасности России, но и как действенный механизм обеспечения территориальной целостности страны, защиты прав и законных интересов граждан. Таким образом, законодательная база для применения специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) служит важным инструментом как обеспечения суверенитета и экономической безопасности страны, так и прав и законных интересов граждан России.

Реализация контрсанкционных мер обязательна для всех органов государственной и муниципальной власти, граждан и юридических лиц. В случае их неисполнения должна наступить юридическая ответственность. Однако в принятых законах не предусматривается правовой механизм привлечения к ответственности должностных лиц, которые не исполняют или исполняют ненадлежащим образом установленные требования. Также отсутствует специальный государственный орган, который бы контролировал реализацию санкционных мер, вводимых Российской Федерацией. Данные факторы, на наш взгляд, не позволяют эффективно применять котрсанкционные меры в отношении недружественных в отношении России иностранных государств.

Оперативное правовое регулирование вопросов обеспечения защиты прав и свобод граждан в условиях санкционного режима на основе имеющейся законодательной базы осуществляется президентом и правительством России. В частности, они реализуются в соответствии с указами Президента РФ: от 22 октября 2018 года № 592 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Украины в отношении граждан и юридических лиц Российской Федерации»; от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»; от 16 марта 2022 года № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации»; от 18 марта 2022 года № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» и иными нормативно-правовыми актами.

Таким образом, даже краткий анализ состояния механизма правовой защиты прав и свобод человека и гражданина в России в условиях беспрецедентного политического и экономического давления со стороны недружественных иностранных государств позволяет сделать следующие выводы:

1) хотя органами государственной власти декларируется и принимается ряд мер правового характера, направленных на поддержку населения в условиях санкционного режима, они не обеспечивают в должной мере их правовую и социальную защищенность;

2) существуют пробелы в санкционном законодательстве Российской Федерации в части осуществления контроля за соблюдением исполнения контрсанкций; главным недостатком представляется отсутствие механизма привлечения к юридической ответственности тех, кто не исполняет нормативные требования в должной мере;

3) ключевым элементом системы обеспечения правовой защиты прав и свобод человека и гражданина должны стать механизмы, нацеленные на минимизацию негативных эффектов от введенных иностранными государствами ограничительных мер.

[1] Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

Г. П. Ермолович[1]

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДРУГИЕ ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ОКСЮМОРОН В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕМЕН?

Понятие «справедливость» можно рассматривать с разных точек зрения: с этической, нравственной, философской, правовой и даже международно-правовой позиции.

Если обратиться к международным контактам, то речь должна идти о международном праве, которое должно применяться для регулирования международных отношений, складывающихся на международной арене между субъектами международного права. Поскольку основная роль в международных делах отводится государствам, научный интерес представляет то, насколько этические нормы свойственны межгосударственным контактам? Например, справедливость — насколько она необходима и востребована на международной арене?

Преамбула Устава ООН гласит, что эта организация «преисполнена решимости… создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права»[2]. Полагаю, что в контексте данного основного правоустанавливающего документа ООН справедливость следует рассматривать как морально-этическую категорию, которой будут придерживаться государства — члены ООН в своих международных делах.

Анализ ст. 1 Устава ООН указывает на то, что одна из основных целей Организации заключается в поддержании международного мира и безопасности в соответствии с «принципами справедливости и международного права»[3]. В данном случае справедливость выступает как отдельный самостоятельный принцип, то есть основное правило, которого государства будут придерживаться и которым будут руководствоваться наряду с общепризнанными принципами международного права. Например, реализуя принцип сотрудничества — основной принцип международного права, — государства будут строить свои отношения и развивать взаимодействие на международной арене, принимая во внимание и принцип справедливости.

В тексте Венской конвенции о праве международных договоров (1969), которую разработала в рамках ООН Комиссия международного права, в преамбуле отмечено, что «споры… должны разрешаться в соответствии с принципами справедливости и международного права»[4]. Данная Конвенция подтверждает самостоятельную роль принципа справедливости, придавая ему не только морально-этическую, но и правовую характеристику, поскольку споры между государствами рассматриваются в международных судах.

В Статуте Международного суда ООН (ст. 38) предусмотрена теоретическая возможность рассмотрения споров между сторонами на основании «ex aequo et bono», но пока такого прецедента не было, однако понятие «правовая справедливость», думаю, уместно для использования в судебной практике.

Принимая во внимание, что правовые принципы присущи как системе национального права применительно к отдельным его отраслям, так и к системе международного права, мы можем говорить о том, что принципы и нормы международного права имеют свою специфику в рамках единой системы. В связи с этим считаю ошибочной точку зрения, что принцип справедливости и нормы «jus cogens» являются однопорядковыми[5].

Если нормы «jus cogens» в соответствии со ст. 53 Венской конвенции принимаются всем международным сообществом, то справедливость государствам нужно устанавливать в договорном порядке, и далеко не всегда для этого требуется привлечение внимания всего мирового сообщества. Так, в ст. II Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972), отмечено, что «запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб, причиненный ее космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете»[6]. Кроме того, компенсация определяется по ст. XII данной Конвенции «в соответствии с международным правом и принципами справедливости»[7]. Данную справедливость государствам придется определять в ходе переговорного (договорного) процесса, и при этом следует иметь в виду, что каждая сторона будет преследовать свои отдельные государственные интересы, исходя из собственного представления о справедливом возмещении ущерба.

Наконец, нельзя не остановиться и на политическом аспекте, который имманентно присутствует во всех международных отношениях. Так, ведущие страны Запада закрывают глаза на действия их союзников,

---

[1] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Предупреждение преступности и судебная власть: международно-правовые аспекты», «Международные нормы и организация правосудия в отношении несовершеннолетних», «Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы» (в соавт.), «Международное право» (в соавт.), «Судебная правовая политика в России и зарубежных странах» (в соавт.), «Победы и поражения международной юстиции», «Влияние России на мировой правопорядок и международное право в середине первой четверти XXI века» и др.

[2] Устав ООН и Статут Международного суда (офиц. изд.) ООН. Нью-Йорк, 1982. С. 7.

[3] Там же. С. 9.

[4] Действующее международное право. Документы : в 2 т. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. : Междунар. отношения : Юрайт, 2007. Т. 1. С. 190.

[5] См.: *Малышева Н. И., Пустынникова Т. И.* Принцип справедливости в международном праве // Российский ежегодник международного права. 2020. С. 258.

[6] Международное публичное право : сб. док. : в 2 ч. / сост. и авт. вступ. ст. К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. М. : ТК Велби : Проспект, 2006. Ч. II. С. 1808.

[7] Там же. С. 1810.

когда речь идет о нарушении прав человека в их же государствах или иных противоправных действиях на международной арене, забывая как о принципах международного права, так и о принципах справедливости. Например, при расследовании инцидента со сбитым в 2014 году малазийским «Боингом-777» рейса МН-17, летевшим над Украиной, вряд ли было справедливо привлекать в международную следственную группу представителей Украины, но не допускать экспертов из России.

Таким образом, можно заключить, что международное право должно регулировать отношения между государствами на международной арене, опираясь не только на нормы и принципы международного публичного права, закрепленные в международно-правовых документах, но и на принцип справедливости. Однако применение последнего сопряжено со многими условиями и обстоятельствами, которые по-разному понимаются и толкуются государствами, так как страны пока не могут абстрагироваться от тех или иных политических пристрастий.

Следует также отметить, что международные отношения, а вместе с ними и основные принципы международного права в XXI веке находятся под мощным политическим прессингом[1], что приводит к замене «международного права» на некие «международные правила», о чем подробно рассказал министр иностранных дел России С. Лавров в своей статье «О праве, правах и правилах»[2].

Так, подписав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950), Западу приходится объяснять своим гражданам, как надо понимать однополые браки, так как в ст. 12 данной Конвенции говорится о праве на вступление в брак именно между мужчиной и женщиной. Европейское право на Западе теперь приходится подменять правилами, навеянными новыми «западными ценностями»: гомосексуальными связями; отказом от традиционной семьи; заменой папы и мамы на «родитель один» и «родитель два» и др.

Востребованы ли какие-то иные нравственные нормы в международных отношениях? На первый взгляд, такие понятия, как «честность», «порядочность», «принципиальность», «совестливость» и «справедливость», — явления однопорядковые, могут относиться только к физическим лицам и неприменимы к государствам.

Но в то же время, если должностные лица на международной арене делают заявления, то они выступают не в личном качестве, а озвучивают позицию государства — субъекта международного права, у которого есть не только права, но и обязанности перед другими участниками международных отношений. Есть престиж и имидж страны, которые, безусловно, пострадают в силу невыполнения официальными лицами конкретного государства ранее данных обещаний. Как поступили лидеры ФРГ по отношению к СССР, которые обещали не расширять НАТО на восток? Банальный обман и нечистоплотность западных политиков… В своей статье С. Лавров писал: «Когда мы напоминаем о дававшихся Советскому Союзу заверениях, что этого не произойдет, нам отвечают: ну, ведь это были просто устные обещания, документов никто не подписывал»[3].

Другой пример связан с позицией официальных представителей Европейского союза в лице глав МИД Франции, Германии, Польши, которые уже не устно, а письменно засвидетельствовали мирную передачу власти на Украине и… опять обман. Никакого осуждения вооруженного государственного переворота в Киеве от стран Запада так и не прозвучало.

Таких примеров из практики межгосударственных отношений можно представить очень много. Их анализ дает один неутешительный вывод, что в современных международных отношениях не только попираются нормы и принципы международного права, но и не применяются любые нравственные критерии, получается несправедливое право — это оксюморон.

Попытки России сохранить институты международного права в изначальном виде, с опорой на установленные им нормы и принципы, конечно, находят своих сторонников, но, к сожалению, противников у такого подхода пока гораздо больше.

[1] Подробнее см.: *Ермолович Г. П.* Основные принципы международного права и их отражение в межгосударственных отношениях // Закон. Право. Государство. Lex. Jus. Civitas. 2020. № 1 (25). С. 218–228.

[2] Коммерсантъ. 2021. 28 июня. № 109.

[3] Коммерсантъ. 2021. 28 июня. № 109.

З. Н. Каландаришвили[1]

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ[2]

Правовая культура согласно культурологическому подходу представляет собой создание в правовой сфере материальных и нематериальных артефактов. Под термином «цивилизация» следует понимать исторически определенное качество общества, выражающееся в специфической общественно-производственной технологии и соответствующей культуре.

Цивилизация является феноменом более широким, чем культура, и представляет собой способ общественной жизни, неразрывно связанной с культурой, так как именно цивилизация развивает и объективирует ее достижения и ценности. В отличие от цивилизации, культура — сфера бытия, где человек является исключительной целью деятельности. Культура выступает одновременно как источник формирования цивилизации и как сфера ее функционирования, при этом цивилизация удерживает культуру в заданном направлении. Цивилизация оформляет и организует культуру, в рамках которой культура развивается по тем или иным канонам.

Правовая культура западной цивилизации прошла в своем становлении и развитии длительный хронологический этап и используется как синоним европейской культуры, культурной общности стран и народов Европы, сохраняющейся с эпохи Древней Греции по настоящее время и опирающейся на типологическую общность культурных традиций и способов их самоосуществления на всем протяжении исторического развития[3].

Начиная с XX века европейский тип культуры распространился далеко за пределы Европы, охватив другие континенты — Америку, Австралию — и ряд азиатских и африканских стран.

Современная западная правовая культура, в отличие от традиционной российской правовой культуры, основана на предпринимательстве, бизнесе и деловитости. Она исключительно динамична, причем практицизм, индивидуализм, погоня за материальными благами, специфическое отношение ко времени («время — деньги») во многом разрушают сложившиеся в прежние времена идеалы человеческого поведения и личных взаимоотношений[4].

В целом западная правовая культура, основанная на ценностях свободы и частной собственности, развивается по принципу циклической спирали. Западная правовая культура возникает в античный период в древнегреческих городах полисах, трансформируется в Римскую империю, распад которой обусловил возникновение европейских государств с их последующим преобразованием в «state of law» — публичный правовой порядок, основанный на признании человека, его прав и свобод основной ценностью и целью правовой политики. Государственная целесообразность в рамках правовой культуры Запада определяется публичным интересом state как формы социального партнерства, в рамках которого публично-правовой порядок организации общественной жизни и управления обществом складывается из совокупности личных и корпоративных свобод субъектов, являющихся собственниками как самих себя, так и тех продуктов, которые возникают в результате их преобразовательной (культурной) деятельности[5].

Западное общество очень политизировано и, как следствие, атомизировано и высокодинамично. Принципы правовой культуры здесь вполне естественны, а поэтому юридическое право и право как форма стихийной жизни общества в целом совпадают[6].

Следствием анализа западноевропейской духовности является признание системообразующей роли за идеями свободы, закона, гражданского общества и естественных прав человека. Системообразующие идеи западноевропейской правовой культуры в своем единстве освящают первичность прав человека и вторичность его обязанностей и ответственности, поэтому правовая культура выступает здесь сферой и формой социальных притязаний людей, организуемой, корректируемой, обеспечиваемой положительным правом и государством[7].

В эпоху формирования традиции права на Западе преобладала теория естественного права. По общему представлению, человеческий закон являлся производным от разума и совести, в итоге разумом и совестью и следовало его поверять. Согласно не только философии права того времени, но и самому действующему праву всякий действующий закон, как утвержденный, так и обычный, должен соответствовать естественному праву, иначе ему будет недоставать законной силы и им можно будет пренебречь[8].

Следует отметить, что право в истории западной цивилизации не может быть всецело сведено ни к материальным условиям того общества, которое его порождает, ни к соответствующей системе идей и ценно-

---

[1] Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Правогенез» (в соавт.), «Правовая культура и мировые цивилизации», «Ментальная основа правовой культуры России», «К вопросу о соотношении права и культуры», «Специфика и особенности национального права и правовой культуры восточной цивилизации», «К вопросу о правовых традициях западной цивилизации», «Особенности конфуцианства в Древнем Китае» и др.

[2] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

[3] *Жиляков И.* История мировой культуры (мировых цивилизаций). Ростов н/Д : Феникс, 2002. С. 19.

[4] *Карпин А. С.* Основы культурологии. Морфология культуры. СПб. : Лань, 2003. С. 313.

[5] *Ромашов Р. А.* Право: нормативность и девиантность. СПб. : Алетейя, 2018. С. 111.

[6] *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Норма : Инфра-М, 1999. С. 28.

[7] Там же. С. 425.

[8] Там же. С. 26–28.

стей. Следует также рассматривать право и как самостоятельный фактор, одну из причин, а не только как один из результатов целого ряда общественных, экономических, политических, интеллектуальных, моральных и религиозных явлений.

Мы полагаем, что российская правовая культура принципиально отличалась от западной правовой культуры. Так, к доминантам духовности и системообразующим идеям российской правовой культуры относились элементы, которые далеко не всегда были свойственны западной правовой культуре, а именно:

1) моральность, смысл которой заключен в смиренности и терпимости, одухотворенности и негативном отношении к рационально-практическому образу жизни;

2) идея правовой справедливости, которая предстает не равной мерой воздаяния за одинаковые деяния, а такой оценкой, в которой выражена и утверждена индивидуальность человека и его деяния;

3) идея милости, которая воспроизводится в контексте исключительно российского комплекса сервильности, ненавидящего раболепие перед властью, привычную приниженность, распластанность перед ней. Но одновременно грань дозволенного, пренебрежение законом и предписанием;

4) идея служения, которая фиксирует ценность подчинения человека общественному целому, призвание человека воспроизвести в своем единичном бытии его гармонию;

5) идея мучения, которая призвана компенсировать правовой произвол, придать ему смысл душеспасения. Правовая сфера именно в силу нравственной неполноценности воспринимается как сфера насилия и страдания[1].

Самобытность российской правовой культуры была обусловлена не столько технико-юридическими, формальными признаками, сколько глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни российского народа. К таким началам, имеющим методологическое значение для анализа отечественной правовой культуры, можно отнести следующие.

1. Своеобразие российской государственности, не поддающееся элиминации даже после длительных и массированных включений иностранных управленческих и конституционных форм. Для российского права всегда была исключительно важна связь с государством. Необходимо исследовать природу целостности права и государства в русской правовой культуре, не стремясь втиснуться каждый раз в «естественно-правовой» шаблон с его противопоставлением феноменов «позитивного» и «разумного».

2. Специфические условия экономического прогресса, для которого характерна опора на коллективные формы хозяйствования: крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив, — основывавшиеся на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии и традициях местного самоуправления.

3. Конструирование особого типа социального статуса личности, для которого свойственно преобладание коллективистских элементов правового сознания и нежесткость линий дифференциации личности и государства. В этой черте нет, скорее всего, ничего упречного, и попытки навесить на нее соответствующий ярлык напоминают стремление бороться с самой жизнью. Нужно раскрыть природу этой особенности соотношения личности и государства в русской правовой культуре и обратить ее на службу человеку.

4. Единение традиционной основы права и государства со спецификой православной ветви христианства с ее акцентами не на мирском жизнепонимании Бога и человека (католицизм) и тем более благословении стяжательства (протестантизм), а на духовной жизни человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. п.)[2].

Мы полагаем, что для современного этапа развития правовой культуры западной цивилизации характерно большое стремление навязать мировому сообществу, в том числе России, западный вариант понимания права как наивысшего достижения общечеловеческой культуры.

Конечно, западная цивилизация имеет богатый социокультурный опыт, в том числе и наследие в области правовой культуры, но брать из него надо только все положительное и приемлемое для российской социокультурной и правовой почвы.

Следует подчеркнуть еще один важный момент, имеющий отношение к развитию современной российской правовой культуры. Сегодня в Российской Федерации в правовом отношении пока не решены вопросы организации жизни многонациональной страны, что накладывает свой отпечаток на ментальное основание правовой культуры российских граждан. Особенность России как пестрого религиозного и многонационального государства требует широкого и многопланового фундамента в «выстраивании» своеобразия, неповторимости национальной правовой культуры во всех сферах жизни каждого индивида.

Российская Федерация — уникальная форма государственно-правового устройства, нетипичная, «обособленная» от классических западных образцов[3]. Отсюда возникает настоятельная потребность бережного отношения к ее истории, традициям и правовому менталитету российского народа.

Мы полагаем, что сегодня в условиях известного противостояния РФ и западного мира необходимо вычленять и исследовать возможности выстраивания общецивилизационного культурного правового пространства, в котором должно быть найдено почетное место и для России, всегда адекватно воспринимавшей в прошлом и сейчас высшие идеалы и культурные ценности правовой культуры общества.

---

[1] *Малахов В. П.* Философия права. М., 2002. С. 411–412.

[2] *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Саратов : Глобус, 1994. С. 176.

[3] *Бородина М. И.* Ментальная компонента правовой культуры (социально-философский аспект) : автореф. дис. … канд. филос. наук. Волгоград, 2004. С. 19–20.

С. Н. Касаткин[1]

«УПАДОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ» И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕФЛЕКСИИ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Драматичные процессы в мире последних лет, включая пандемию COVID-19 и противостояние России и Запада из-за Украины, во многом подорвали оптимистичные прогнозы о «конце истории» и всеобщей победе либеральных ценностей[2]. Все чаще говорится о кризисе прежних экономических, политических и социокультурных моделей миропорядка, об упадке глобализации[3]. Оказывая серьезное влияние на институты государства и права, эти процессы составляют важный предмет теоретического осмысления, требуя фиксации наметившихся тенденций и пересмотра старых понятий и установок политико-правовой науки[4]. Данный мотив лежит и в основе настоящих тезисов, содержащих 1) очерк базовых смыслов и государственно-правовых следствий глобализации и 2) рефлексию их трансформации в изменившейся обстановке.

Глобализация, государство и право. Раскрывая концепт глобализации, ее можно представить как эмпирический факт, теорию и идеологию[5].

В качестве *эмпирики* она отсылает к преобразованиям общемирового характера: либерализации и росту в мировой торговле и рынках, глобальной коммуникации, сетям, миграции, изменениям климата, растущей вестернизации и гибридизации культур, усилению взаимозависимости государств, интернационализации права. Глобализация раскрывается через параметры экстенсивности, интенсивности и скорости глобальных взаимодействий, через «глокализацию» — взаимное конституирование глобальных и локальных проблем, когда местные события могут иметь общемировые следствия, а мировые события материализуются на местах[6].

В качестве *теории* глобализация связана с отрицанием «методологического национализма» и «вестфальской модели» права, центрирующих национальные государства как базовый элемент обществ модерна и методологическую рамку их изучения, и переходом к теориям мировой конвергенции, анализу мировой системы, концепциям «права и развития» и постколониализма.

В качестве *идеологии* глобализация выступает политическим проектом или идеалом миропорядка. Примером является идеология неолиберализации (роста индивидуальной свободы, эмансипации рынков от государства, создания нового *lex mercatoria*) или идеология космополитизма (единого, гомогенизированного мира, основанного на общих правилах, всемирном гражданстве и общечеловеческих ценностях)[7].

В изложенном виде глобализация меняет базовые параметры государства и права[8]. Во-первых, она проблематизирует классическую *территориальность* государства и права, снижая эффект географических расстояний и официальных границ. Это обусловливает: а) рост юридического значения нетерриториальных факторов и легитимацию экстерриториальности права; б) усиление и гармонизацию международного трансграничного сотрудничества; в) изменение статуса государственных границ от физических барьеров к формальным критериям правоприменения; г) формирование новых аспектов юрисдикции (киберпространство и пр.)[9].

Во-вторых, глобализация влияет на *население* государства, традиционно связанное с государствообразующей нацией и гражданством. Увеличение миграции ведет к а) либерализации оснований приобретения гражданства, б) признанию института бипатризма/полипатризма, а также в) равноправию граждан и иностранцев. Усиливается и роль негосударственных/транснациональных идентичностей лиц, признаваемых государством в свете начал мультикультурализма и правового плюрализма[10].

В-третьих, глобализация оспаривает монопольную *организацию власти*. Растет глобальная взаимозависимость государств, их включенность в трансгранич-

---

[1] Доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук. Автор более 185 научных публикаций, в т. ч.: «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «Концепция „раннего“ Р. Дворкина как „третья теория права“», «Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста», «Культурный плюрализм, парокиальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта» и др.

[2] См.: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y., 1992.

[3] См., например: *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 79 ; *Проданов В.* От глобализации к деглобализации // Там же. С. 173 ; *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» // Обозреватель. 2020. № 7. С. 24–38 и др.

[4] См., например: Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017 ; Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018 ; Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019 и др.

[5] Подробнее см.: *Michaels R.* Globalization and Law: Law Beyond the State // Michaels R. Law and Society Theory. Oxford, 2013. P. 1–7 ; *Касаткин С. Н.* Государство, право и правовая теория: эффекты и вызовы глобализации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 484.

[6] См.: Global Transformations: Politics, Economics, and Culture / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. Stanford, 1999. P. 14–28 ; *Sousa Santos B. de.* Toward a New Common Sense. 2nd ed. Cambridge, 2002. P. 179–180 ; *Michaels R.* Op. cit. P. 3–4.

[7] См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 6–7.

[8] Подробнее см.: *Michaels R.* Op. cit. P. 11–14 ; *Касаткин С. Н.* Указ. соч. С. 484–485.

[9] См.: Globalisaton and Jurisdiction / ed. by P. J. Slot, M. Bulterman. Dordrecht, 2004. P. 105 ; Beyond Territoriality: Transnational Authority in an Age of Globalization / ed. by G. Handl, J. Zekoll, P. Zumbansen. Leiden ; Boston, 2012 ; *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12.

[10] См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12 ; *Kofman E.* Citizenship, Migration and the Reassertion of National Citizenship // Citizenship Studies. 2006. № 9. P. 453 ; *Falk R.* The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // Citizenship Studies. 2000. № 1. P. 4.

ные альянсы с делегированием полномочий, гармонизацией права и прочим, ведя к «упадку/разделению» классического суверенитета. Повышается роль религиозных, этнических, экономических регулятивов, учитываемых государством через их а) трансформацию в нормы государственного права, или б) включение как его подсистем, или в) признание в качестве значимых для правоприменения фактов[1].

В-четвертых, следствием глобализации является всемирный правовой плюрализм, противостоящий пониманию *права как* референтной государству *единой системы* («вестфальская модель»). Образуется тесная взаимосвязь и одновременно конкуренция поднациональных, государственных, международных и негосударственных элементов регулирования, ведя к размыванию границ национального и международного, частного и публичного, государственного и негосударственного права[2].

«Деглобализация»: базовые тренды. Краткая история XXI века оказывается насыщенной различными событиями мирового значения, во многом изменившими прежние образцы и образы глобализации. Сегодня можно говорить о новых трендах в организации внутригосударственных и международных отношений.

Во-первых, это рост бедности и социального расслоения, разрушение среднего класса, атомизация обществ, усиление социальной напряженности, общее углубление мирового экономического кризиса, экономического неравенства и конфликтности между странами и регионами[3].

Во-вторых, это изменение мирового баланса сил, ее «сдвиг» от глобального Севера к глобальному Югу, от Америки и Европы к Юго-Восточной Азии: коллективный Запад утрачивает монопольное господство на фоне усиления роли иных регионов в управлении глобальными и региональными процессами[4].

В-третьих, это кризис неолиберализма как экономической модели и политико-правовой идеологии, выступающей инструментом гиперглобализации и обслуживающей интересы финансовой олигархии, транснационального капитала и правящих элит, воспитанных на принципах «Вашингтонского консенсуса», однополярного мира, военных интервенций и пр.[5]

В-четвертых, это кризис глобальных политических институтов и усиление роли/власти национальных государств, ведомых своим «национальным эгоизмом» и ориентированных на обеспечение своей автономии в международных отношениях, своего «экономического», «политического», «технологического», «информационного», «культурного» и тому подобного суверенитета[6].

В-пятых, это сдвиг от выстраивания глобальных универсальных политико-правовых пространств к фрагментации международных отношений, их регионализации — к формированию экономико-политических зон и военных альянсов вокруг наиболее сильных мировых держав[7].

В-шестых, это проблематизация прежних стандартов прав человека и гражданина, их границ и перечней/иерархий (приоритета политических прав перед социально-экономическими): растет авторитаризация государственного управления, расширяются основания ограничений прав личности (обеспечение здоровья, безопасности, политической морали), сворачиваются институты социального государства[8].

В-седьмых, размываются прежние образцы морали, рациональности, самоидентичности, усиливается чувство неопределенности и страха перед стремительными и труднопредсказуемыми изменениями как на индивидуальном уровне, так и не уровне обществ, углубляется кризис доверия к существующим политическим институтам и стандартам поведения (кризис нормативности и легитимности)[9].

Изложенные тенденции существенно меняют облик современного мира, однако их вряд ли следует считать «концом глобализации», параметры которой в целом сохраняются и в качестве эмпирики, и в качестве теоретической рамки рассуждений. Скорее, речь должна идти об определенной стадии мировых процессов, об упадке определенной (западноцентричной, неолиберальной) модели глобализации и о кризисе соответствующей глобалистской идеологии.

«Деглобализация» и правовые ценности. С одной стороны, ценности выступают основой существования социальных институтов, используемых моделей восприятия, мышления, поведения, с другой — это компонент, который сам укоренен в социальных практиках и является предметом активного формирования, манипулирования, что обусловливает повышенное внимание к их обсуждению и концептуализации.

Отмеченные изменения в глобальных трендах прямо отражаются на рефлексии связанных с правом ценностей, предполагая их инвентаризацию, переоценку, в том числе потенциально, отказ от «ненадежных и дискредитировавших себя» ценностных образцов и матриц. Это особенно важно в текущем контексте межгосударственных противостояний, когда разрушается единое смысловое политико-правовое пространство, основанное на принципах и процедурах международного права, когда активно практикуются пренебрегающие правом стратегии и приемы, двойные стан-

[1] См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 12–14.

[2] См.: *Berman P. S.* Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge, 2012 ; *Richards S.* Globalization as a Factor in General Jurisprudence // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2012. Vol. 41. P. 129 ; *Twining W.* Globalisation and Legal Theory. Cambridge, 2000. P. 82–88 ; *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12.

[3] См., например: *Громыко Ал. А.* Указ. соч. С. 25 и посл. ; *Дуткевич П.* Ключевые противоречия мирового порядка // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 76.

[4] См., например: *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Указ. соч. С. 80 ; *Громыко Ал. А.* Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 9 и посл.

[5] См.: *Громыко Ал. А.* Метаморфозы политического неолиберализма. С. 17 и др.

[6] См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы… С. 27 и др.

[7] См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы… С. 27 ; *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 74–75.

[8] См., например: *Громыко Ал. А.* (Дез)интеграционные процессы… С. 27–28.

[9] См., например: *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Указ. соч. С. 11–12 ; *Шолте Я. А.* Легитимность в глобальном управлении — краеугольный камень предсказуемости мирового развития // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 240 и посл.

дарты и ангажированные оценки, а «общечеловеческие ценности» используются как экономический, военный и тому подобный ресурс.

Как представляется, подобные события, требуя учета, не означают или не должны означать автоматического отказа[1] от традиционно ассоциируемых с Западом ценностей гарантированной свободы личности, демократического политического устройства, юридического верховенства и определенности, разделения властей, независимости суда и тому подобного — эти ценности имеют огромное значение для современного права и государства и закреплены во многих конституциях, включая Конституцию Российской Федерации, не говоря о том, что таковые не являются монополией какого-либо политического субъекта/общности. Скорее, следует вести речь о переосмыслении данных ценностей в новом историческом контексте: о нахождении нового баланса между ценностями либерализма, консерватизма и коллективизма[2], мировыми, региональными и национальными ценностями[3], ценностями права и иных социокультурных регуляторов[4] и пр. На фоне девальвации юридических критериев и инструментов в международных и внутригосударственных отношениях особая задача правоведа видится в высвечивании идущих вразрез с ними образцов мышления и действия, в продвижении ценностей российской Конституции и ценности самого права[5] как одного из системообразующих механизмов самосохранения и развития личности и современных обществ.

В. А. Ковалев[6]

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ РЕНЕ ДАВИДА В КОНТЕКСТЕ ОРИЕНТАЛИЗМА И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА[7]

Более полувека назад была опубликована знаменитая монография Рене Давида, посвященная классификации правовых систем современного мира[8]. Несмотря на наличие конкурирующих программ систематизации знаний о правовых системах и группировки их по «правовым семьям», «правовым кругам» и так далее (причем некоторые из них, например систематизация Конрада Цвайгерта и Гайна Кетца[9], имеют достаточно детализированный и проработанный характер), именно система Давида стала руководящей для юридического сознания.

При этом следует помнить, что, как было доказано знаменитым французским мыслителем Мишелем Фуко, систематизация есть не только инструмент, упрощающий и структурирующий процесс познания, но и форма овладения систематизируемым материалом, выстраивания его в определенном иерархическом порядке и придания ему такого состояния, которое делает объект систематизации поддающимся манипулированию и изменению[10]. Таким образом, процесс структурирования правовых систем не только был необходим для развития сравнительного правоведения, но и преследовал вполне конкретные цели, связанные с изменениями на политической карте и в политико-правовых практиках послевоенного мира. Так, Питер де Круз утверждал, что основой стремления правоведов к созданию классификации правовых систем после Второй мировой войны было желание обеспечить реализацию процесса унификации правовых систем[11].

При этом, как было сказано выше, систематизация неизбежно подразумевает иерархиизацию объекта структурирования. А поскольку систематиками выступили носители классической европейской универси-

[1] См., например: *Ромашов Р. А.* Право как явление национальной культуры: проблемы соотношения интерпретаций // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2016. С. 45–53 ; *Каландаришвили З. Н.* Специфика и особенности российской правовой культуры в контексте исторических преобразований // Право и государство: культурологическое измерение : II Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 32–34. Подробнее см. также: *Касаткин С. Н.* Культурный плюрализм, парокиальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 503.

[2] См.: *Громыко Ал. А.* Метаморфозы политического либерализма. С. 17 и др.

[3] См., например: *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 75–76.

[4] См.: *Коттерелл Р.* Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Правоведение. 2013. № 2. С. 225–229. Подробнее см.: *Касаткин С. Н.* Миссия правоведа в условиях глобальной нестабильности: концепция Роджера Коттерелла // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 488–490.

[5] См., в частности: *Пермяков Ю. Е.* Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. Гл. 1 ; *Мартышин О. В.* Тенденции развития российской правовой системы в новой международной обстановке // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб. : СПбГУП, 2019. С. 508 и др.

[6] Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «„Испытанный временем разум“ — генезис общего права Англии и рождение common law mind», «Идея детерминированности верховной государственной власти избирательными технологиями в европейской средневековой государственно-правовой традиции» (в соавт.), «Дом, разделившийся в себе. Историческая память, национальная идентичность и общее право в США эпохи Гражданской войны» (в соавт.), «Церковная традиция и коронационный ритуал в средневековой Англии», «Экономические, политические и правовые факторы конституционного кризиса в США в середине XIX века» (в соавт.), «Черная магия колониализма: колониальный дискурс и образ „другого“ в творчестве У. Шекспира в контексте историографии „нового историзма“», «Истина мифа власти. Континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV — начала XVII века» и др.

[7] Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

[8] *Давид Р.* Основные правовые системы современности (Сравнительное право). М. : Прогресс, 1967.

[9] *Zweigert K., Kotz H.* Introduction to Comparative Law. [3rd ed]. Oxford : Clarendon press, 1999.

[10] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : A-cad, 1994.

[11] *De Cruz P.* A Modern Approach to Comparative Law. Deventer ; Boston : Kluewer, 1993.

тетской традиции, это предопределило и подход к критериям систематики, и ее цели.

Хотя сам Давид признавал, что в послевоенный период мир постепенно утрачивал очевидность превосходства западноевропейской мысли, которая предопределяла организацию международных связей (в том числе правовых) в формах, выработанных юристами цивилистской (романской) традиции[1], представленная им схема носила ярко выраженный западноцентристский характер. Собственно, в рамках его классификации выделялись три правовые семьи — романо-германская, общего права и социалистическая. Остальной мир объединился понятием «иные правовые системы»[2]. Таким образом, формально многосоставная систематизация носила, по сути, бинарный характер и примерно соответствовала представленной в тот же период концепции «мир-системы» Иммануила Валлерстайна, согласно которой мировая экономическая система делится на «центр», «полупериферию» и «периферию»[3]. При этом «центр» составляли страны классической европейской цивилизации, включая социалистические европейские страны. Даже если отбросить тот факт, что выделение социалистической правовой семьи в современном мире неактуально с чисто эмпирической точки зрения, родство трех выделенных Давидом систем «центра» вполне очевидно с позиций западной интеллектуальной традиции и носит, по сути, цивилизационистский характер.

Основой выделения западных правовых семей в рамках этой модели стали такие элементы *credo* европейской мысли конца XIX — первой половины XX века, как идея обособленности области знания (в данном случае права), эволюционного развития, рациональности, бинарной логики, институционализированности, историчности, универсальности (и, как следствие, совместимости). С этих позиций Рене Давид и противопоставляет три правовые семьи европейской традиции остальному миру, в котором выделяет группы семей, где ценность права признается, но оно основано на других принципах, отличных от европейских. Вторая группа — правовые системы, в которых общественное регулирование осуществляется не правовыми, а иными методами[4].

В такой системе сложно не заметить иерархичность, в рамках которой европейские правовые семьи наделяются большей «правильностью», чем системы остального мира. В отношении группы, использующей неправовые регуляторы, Давид подчеркивает «отсутствие идеи прогресса и, как следствие, негативное отношение ко всякому институту, в результате которого меняется существующее положение»[5], а мышление японцев характеризует как «антиюридическое»[6]. При этом подчеркивается, что послевоенная ситуация в мире, в том числе нарастающая универсализация и расширение международного сотрудничества, ставит представителей этих систем перед необходимостью изменения отношения к праву.

Менее очевидно критичное отношение Давида к неевропейским правовым системам, признающим ценность права, — исламскому, иудейскому, индийскому праву. Если рассуждать с позиций историчности и автономности, то эти правовые системы по крайней мере не уступают западным. В известной степени автономность исламского права от политических интересов даже выше, чем в западной традиции, поскольку нормы шариата не могут быть нарушены постановлением любой власти и являются максимально стабильными. Разумеется, следует согласиться, что это скорее теория, чем практика исламских правовых систем. По справедливому замечанию Л. Р. Сюкияйнена, история не знает примеров, чтобы в каком-либо обществе в ту или иную эпоху в качестве социального регулятора действовал исключительно шариат[7].

В этом случае признание цивилизационной идентичности правовой семьи как собственно правовой в понимании Рене Давида (то есть, по сути, европейской) обусловливается представлением о рациональности западных систем и религиозности, понимаемой как иррациональность. Действительно, несмотря на различное понимание рациональности, происходящей из аристотелианской логики *ratio* римского права, «испытанного временем разума» (*tried reason*) общего права[8] или марксистской диалектики социалистической системы, все три варианта понимаются в европейской традиции как научные и рациональные. Тем не менее такой подход представляется надуманным и евроцентристским. Отличная от аристотелианской бинарной логики, но вполне эффективная и практичная логическая система, в рамках которой исследуются не только формальные паттерны вывода и их достоверность, но и философия языка, эпистемология и метафизика, служит основой иудейского[9] и исламского права[10].

Таким образом, можно утверждать, что систематика Рене Давида базируется на феномене, описанном американским историком палестинского происхождения как «ориентализм». Согласно его подходу, цивилизация Востока представляет собой конструкт, сформированный европейцами XIX века на основе паттернов западной цивилизации как их противоположность, позволяющий, с одной стороны, Западу осуществлять свою коллективную самоидентификацию через образ Другого (причем сконструированный), с другой — оправдывать колониальную экспансию[11].

В современных условиях, включающих как расширение и развитие международного права и выработку все более эффективных регуляторов для общежи-

[1] *Давид Р.* Указ. соч. С. 31.
[2] Там же. С. 43.
[3] *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М. : Ленанд, 2018.
[4] *Давид Р.* Указ. соч. С. 45.
[5] Там же. С. 403.
[6] Там же. С. 396.
[7] *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право : [журн. НИУ ВШЭ]. 2008. № 2. С. 97–109.
[8] *Tubbs J. W.* The Common Law Mind. Medieval and Early Modern Conceptions. Baltimore ; L. : John Hopkins Univ. Press, 2000.
[9] *Last-Stone S.* Judaism and Civil Society // Alternative Conceptions of Civil Society / ed. by S. Chambers, W. Kymlicka. Princeton : Princeton Univ. Press, 2002.
[10] *Hallaq W. B.* The Logic of Legal Reasoning in Religious and Non-Religious Cultures: The Case of Islamic Law and the Common Law // Cleveland State Law Review. 1985. Vol. 34 (79). P. 79–96.
[11] *Said E. W.* Orientalism. N. Y. : Vintage book, 1979.

тия всего нашего вида, так и отсутствие иерархичности в межкультурных отношениях и базовую несравнимость различных культур, необходим, на наш взгляд, переход к более гибкой классификации правовых систем (полный отказ от систематики представлялся бы нецелесообразным с чисто инструменталистских позиций).

Среди прочих типов систематизации представляется важным разделить правовые системы на парадигмальные и революционные. Данные термины методологически сопрягаются с концепцией научных революций Томаса Куна[1]. Революционные далеко не всегда (но часто) связаны с социальными революциями — речь идет о замене причинности (айтиологичности) парадигмального права телеологичностью («революционной сознательностью»), об административной воле как основном источнике норм в противовес традиционным, не зависящим от воли власти источникам норм в парадигмальном праве, о приоритете легитимности как ориентации на запросы общества над легальностью как вниманием к формальной норме и т. д.[2]

Второй важный критерий сравнения — автохтонность или реактивность правовой системы. Практически все мировые системы испытывали влияние других: римское право заимствовало институты *ius gentium*, послегерманские правовые системы испытали влияние римского права, а через церковную традицию — и иудейского. Тем не менее важно выделить не столько источник правовых норм, сколько силу, влияющую на их форму. Реактивное право может быть зависимым от права других народов даже без прямого заимствования норм или институтов. Концепцию реактивного взаимодействия обосновал для международных отношений политолог Джеймс Розенау[3].

При этом реактивные системы должны подразделяться на эссенциалистские и эпохалистские. Деление типов реакции культуры на внешнее воздействие на эпохалистские и эссенциалистские было предложено знаменитым американским антропологом Клиффордом Гирцем. Первый обозначает установление своей идентичности на основе местных традиций и институтов; второй — более широкий взгляд с учетом исторического процесса, преимущественно его ключевых факторов. В действительности эпохалистские и эссенциалистские тенденции обычно сочетаются. Этим объясняется тот факт, что новые государства нередко проводят непоследовательную политику, стараясь быть современными и в то же время отвергая многие проявления современной культуры как морально неприемлемые[4].

Разумеется, выделение этих критериев не исключает и введения других, таких, например, как понимание справедливости в правовой культуре, роли наказания, соотношения публичного и частного права. Внимание к динамике правовых взаимодействий между системами, а также между правовыми и другими социальными институтами должно позволить сформировать новую систематику, которая даст возможность учитывать историческую и международно-политическую динамику, составляющую контекст существования правовой семьи. Кроме того, многоплановость критериев позволит избежать иерархиизации и неравенства правовых систем в условиях постколониального мира.

[1] *Кун Т.* Структура научных революций. М. : АСТ, 2009.

[2] *Ackerman B.* Revolutionary Constitution. Charismatic Leadership and the Rule of Law. Cambridge ; Massachussets : The Belknap Press of Harvard Univ., 2019.

[3] *Rosenau J.* The Study of Global Interdependence: Essays on the Transnationalization of World Affairs. Asbury : Nichols Publishing Company, 1980.

[4] *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N. Y. : Basic books ink., 1973.

В. И. Крусс[5]

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

В контексте осмысления текущего геополитического «размежевания» юридическая наука оказалась в тени своих «соработников» по социально-гуманитарному цеху. Среди модераторов дискуссии о сути происходящего безоговорочным приоритетом пользуются политологи. Экспертную онлайн- и офлайн-трибуну делят с ними социологи, экономисты, международники, реже — философы и культурологи. Процент же агонистического участия ученых-юристов представляется минимальным, что не только не беспокоит аудиторию, но — приходится предполагать — воспринимается самими правоведами как «заслуженное».

В самом деле, что могут добавить профессионалы, еще вчера утверждавшие достоверность верховенства права и транснациональную императивность его общепризнанных принципов и норм, в многоголосицу мнений о «влекущем нас роке событий»? Прибегнут ли они к апробированной дидактике или, например, сошлются на пагубную кривизну исторической флуктуации, расслоившей миры социального и юридического, права и факта, — такие риторика и «схоластика» бу-

[5] Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ. Автор 212 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теория конституционного правопользования», «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Злоупотребление правом», «Конституционализация права: основы теории», «Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации» и др.; статей: «Конституционный правопорядок и право на протест: „мыльная драма“ процессуальной оппозиции», «Конституционное правопонимание vs „юридической эпистемологии“: Бьярн Мелкевик и „другие“», «Криптовалюты и майнинг как неконституционное правопользование» и др. Член Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Член редколлегий журналов «Российское право: образование, практика, наука», «Проблемы права», «Юридическая орбита» и др. Почетный профессор Тверского государственного университета. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

дут несвоевременными. Акцент на научное допущение о праве суверена («конституционного законодателя») восстановить статус-кво, когда правопорядок распадается на два элемента — право и собственно порядок[1], несостоятелен ввиду реактивной дискредитации и права, и суверена фактом пришествия «новой нормальности». Востребованными останутся суждения о центрах силы и генерируемых ими «общеобязательных» правилах; об иерархиях интересов и блоковой стратегии тактических компромиссов; о дихотомии суверенного/вассального самоопределения наций в зависимости от наличия ресурсов (природных и военно-технических).

Чем же тогда — на фоне примата политической целесообразности и экономического прагматизма — довольствоваться юридической науке? «Благоразумно» согласиться с очередной экспликацией позитивистского принципа: «тень, знай свое место»? Принципа незамысловатого, но сохраняющего возможность участия в формальной юридизации мер социальной консолидации, оперативно внедряемых вопреки канонам юридической техники, а равно и аналитической обработки «непредугаданных» нормативных конструкций мобилизационного законодательства. Или, например, адаптируя свои прескриптивно-догматические пристрастия, пожертвовать — ради «неоспоримой триумфальной победы экономического и политического либерализма»[2] — категорией ценности, исключив ее из теоретико-правового дискурса по причине функциональной «неюридичности»[3]? И продолжать говорить о ценности стабильности в праве безотносительно к сущности последнего[4].

Обозначенные направления реакции на происходящее видятся нам неприемлемыми и не сообразными с претензиями на научность. В частности, потому, что проекция методологии «дисквалификации» (отмены) на юридические ценности ведет к гипертрофии юридически значимых интересов, в избирательном восприятии которых объективно-сущностная составляющая права может «благополучно» потеряться, поскольку именно подобная операция намечает переход от принципа верховенства права к постмодернистской технологии подчинения правилам[5]. Впрочем, здесь нами не ставится задача диагностики перерастания онтологического кризиса права[6] в его фактическую деактуализацию. Мы хотим обозначить тот вектор юридизации ответа на текущие вызовы, который определяет надежда на сохранение национальных правовых систем в «расплывчатой» перспективе грядущего миропорядка. Точнее, нас интересует Россия: ее способность преодолеть глобальные вызовы, кардинально меняясь, но продолжая утверждать достоверность идеала верховенства права как актуально-конституционного целеполагания должного. Методологическую основу для прояснения искомого вектора может предложить теория конституционализации права[7], развиваемая под знаком целеполагания национальной конституционной идентичности.

Концепт конституционализации права и правовых систем предполагает генетически уникальную целостность и, соответственно, идентичность последних. К сожалению, его научная популяризация сопровождалась появлением версий транснациональной и международной конституционализации[8]. Столь же парадоксально проявляется и реакция на подобные допущения. Конституционализацию отождествляют с «экспансией» конвенционного (наднационального) права в правовые системы стран Евросоюза, отрекшихся от суверенитета, и «справедливо» характеризуют как угрозу для национальной конституционной идентичности[9]. России, как известно, подобная «унифицирующая стерилизация» *уже* не грозит. Причем именно благодаря конституционализации правового механизма разрешения фундаментальных коллизий[10]. Однако дело даже не в этом.

Ущербной видится сама гипотеза комплементарной антонимии конституционной идентичности и конституционализации, соотносящихся как цель и средство. Причем одновременно синтетическое двуединство названных категорий утверждается — сквозь призму текста национальной Конституции — как воплощение сущего и должного. Воплощение уникальное и исчерпывающее, определяющее один из модусов конституционного правопонимания; позволяющее высказываться о *легитимном* сценарии модернизации, *исключающем* «многоуровневый конституционализм», «наднациональный уровень публичной власти и правового регулирования» на основе «размытого понятия конституционности», отказ от признания национальной Конституции «единственным эталоном» такого понятия[11].

Конституционная идентичность, разумеется, должна пониматься и как актуально сущая ценность свободно (суверенно) самоопределяющегося в политическом и правовом контексте народа. Не обладая такой ценностью, он не мог бы знать и «видеть» ее как цель, дискурсивно конкретизируя задачи сбережения и «культивирования». Коллективная народная личность не могла бы быть заинтересована в таком целеполагании, а значит, и творить свою историю («жить»), оставаясь (пребывая) в свойственной смерти статической исчерпанности. Будучи онтологически укорененной в тексте

[1] См.: *Шмитт К.* Политическая телеология. М., 2000. С. 16–18.

[2] См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135–136.

[3] См.: *Варламова Н. В.* Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 27–28.

[4] См.: *Милинчук Д. С.* Стабильность правовых явлений в контексте правовых ценностей: понятие, признаки, способы достижения // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 15–19.

[5] См.: *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 19–35.

[6] См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — Норма, 1998. С. 48 и др.

[7] См.: *Крусс В. И.* Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.

[8] См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. С. 16–17, 28–29 и др.

[9] См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. С. 86–96.

[10] См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика : монография. 2-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 44–48 и др.

[11] См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика... С. 48–50, 66–67.

«живой» конституции, национальная идентичность «знает» себя, «помнит» себя и императивно предполагает свое развитие, продолжение. В этом смысле ее можно полагать и доктриной: открыто адогматичной, «настроенной» на верификацию сопутствующих спекулятивных гипотез и учитывающей полифонию народных (демократических) ожиданий и потребностей.

Общественно-политическая модернизация в целеполагании конституционной идентичности «своевременна» еще и потому, что конституционализация противостоит тренду глобализации. Данное утверждение требует разъяснения, поскольку даже видные конституционалисты признавали до последнего времени юридическую модальность глобализации. Противостояние, о котором мы говорим, не носит имманентно-конфронтационного характера. Оно потенциально воплощает все ту же дихотомию коллизионного единства и оппозиции сущего и должного в конституционных элементах и смыслах. И как таковое актуализируется в «предсказанном» конституционной доктриной глобальном конфликте. Наглядным предвидением могут быть названы, например, суждения о сложных взаимосвязях между конституционными ценностями прав и свобод человека, с одной стороны, и безопасности — с другой; о «глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств»[1]. Текущий конфликт был *возможен* и трагически воплотился в реальности через «отрицание» должного вследствие консолидированного отказа Запада от признания за Россией права на конституционную идентичность.

Разумеется, наука права не должна ограничиваться общими обоснованиями актуализации конституционной идентичности. В практико-ориентированном отношении ее соучастие в легитимной национальной модернизации может принимать разнообразные формы. Стратегия и конкретные усилия публичной власти по укреплению безопасности, обороноспособности, духовно-культурного и социально-экономического иммунитета страны будут находить воплощение в нормативных актах разной направленности и степени встречного («нейтрализующего») напряжения по отношению к внешним вызовам неправомерного и противоправного. Многие из таких актов имеют эволюционную предысторию. Например, узко-предметная, казалось бы, инновация единого налогового платежа[2] выражает интенцию качественного умаления бюрократических тягот фискально-экономического администрирования, позволяя хозяйствующим субъектам значительно снизить непроизводственные издержки и, соответственно, повысить общую рентабельность «народно-хозяйственного комплекса». В решении этом нет ничего, что входило бы в существенное противоречие с доктринально-нормативными конструкциями конституционной налоговой обязанности или форматом конституционной дискреции законодателя.

Другой уровень — решения о «параллельном импорте», протекционистских налоговых и трудовых режимах для IT-специалистов или «сенсационное» переформатирование порядка расчетов по экспортным природно-ресурсным контрактам и т. п. Здесь Россия вынужденно идет по пути асимметричного отказа от канонов и аксиом, выработанных в западной традиции права и получивших национально-конституционную «сертификацию». Очевидно, что легитимация подобных новаций требует углубленного доктринального анализа. Предварительно обоснованным (состоятельным) видится, в частности, алгоритм перманентной конституционной актуализации принципа правомерности действий в состояниях необходимой обороны и крайней необходимости.

Учитывая профильные отраслевые наработки и пользуясь конституционной аналогией, законодатель вправе рассчитывать при этом на такую поддержку ученых-специалистов, которая будет воплощать логику и онтологию конституционного правопонимания, а значит, и актуального выдвижения любви к Родине на первый план в иерархии конституционных ценностей. Вместе с тем, сохраняя конституционную идентичность, Россия не должна переходить внутринациональные «красные линии», вводить такие «новые стандарты» конституционности, которые умаляли бы ее приверженность принципу верховенства права, включающего неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина.

[1] См.: *Бондарь Н. С.* Указ. соч. С. 258–259.

[2] См.: Федеральный закон от 29 ноября 2021 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401500/?ysclid=l589uub8aa193846363 (дата обращения: 29.04.2022) ; Законопроект № 46702-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8 (дата обращения: 29.04.2022).

Г. М. Лановая[1]

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРАВЕ (Взгляд через призму общечеловеческих ценностей и «новой этики»)

Проблема толерантности на протяжении последних десятилетий стабильно остается в числе наиболее болезненных и поэтому неизменно вызывает острые дискуссии. Поскольку при этом она перестает быть исключительно этической проблемой, возникает вопрос о том, что собой представляют толерантность и толерантное поведение с точки зрения права.

В этике толерантность предстает специфическим нравственным состоянием личности, характеризующимся принятием «инаковости», терпимым и уважительным отношением к ней. Ценность толерантности как нравственного состояния связано с тем, что ею обеспечивается генерализация моделей межличностного общения, делающих возможным «мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью»[2]. Поскольку право и мораль представляют собой две принципиально разные системы социального регулирования, там, где толерантность начинает рассматриваться через призму права, возникают предпосылки для переосмысления данного феномена. В то же время в силу глубокого взаимопроникновения права и морали предъявляемые человеку правом требования не могут существовать и реализовываться в отрыве от этического контекста, в котором они звучат. В связи с этим сохраняется зависимость между тем решением, которое получает вопрос о толерантности и толерантном поведении в праве, и интерпретацией толерантности в этике.

В той системе, которую принято обозначать термином «общечеловеческие ценности» (подразумевая, что речь идет о ценностях, разделяемых большинством людей в мире и в силу своей предельной значимости выступающих основой поиска консенсуса по вопросам, решение которых зависит от религиозных, политических и иных предпочтений), происходит разграничение толерантности как специфического нравственного состояния личности и толерантного поведения как модели правомерного поведения.

Толерантность воспринимается в качестве результата самосовершенствования человека, его борьбы с собственным высокомерием, воспитания в себе смирения, терпимости, доброжелательности и добросердечия. Толерантному поведению придается значение инструментальной правовой ценности, поскольку оно способствует осуществлению таких универсальных ценностей права, как свобода, равенство, справедливость. При этом речь идет о свободе, равенстве и справедливости не только для того, в отношении кого демонстрируется толерантность, но и для того, кто сам ее демонстрирует.

Становясь нормой человеческих взаимоотношений, толерантное поведение способствует установлению порядка, в рамках которого оказывается возможным мирное сосуществование носителей различных взглядов и традиций, вне зависимости от того, являются ли сами по себе взаимодействующие люди толерантными. Конечно, идеальным с точки зрения права является такое толерантное поведение, которое обусловливается толерантностью участников социальной коммуникации и в силу этого является добровольным и ответственным. Вместе с тем и толерантное поведение, являющееся конформистским или маргинальным, тоже рассматривается в качестве варианта социальной нормы, поскольку способствует защите тех же универсальных ценностей, что и добровольное ответственное поведение.

Толерантное поведение предстает пассивным правомерным поведением, характеризуется соблюдением людьми запрета на преследование тех, кто имеет иное мировоззрение, демонстрирует поведение, не соответствующее разделяемым ими социальным нормам.

Поскольку в праве субъектами выступают не только индивиды, но и коллективные образования, запрет на нетолерантное поведение распространяется и на них. Если для индивидуальных субъектов вести себя толерантно — это действовать так, будто различий не существует, то для коллективных субъектов, в том числе государства, толерантное поведение означает отказ от ограничения свободы и дискриминации тех, кто высказывает непопулярное мнение.

Как и всякое другое правомерное поведение, толерантное поведение имеет границы, выходя за которые оно превращается в противоправное. Терпимое поведение перестает признаваться правомерным и, следовательно, толерантным тогда, когда его объектом оказываются деяния, с точки зрения самого права выступающие общественно опасными и в этой связи признаваемые противоправными. Например, сотрудники правоохранительных органов проявляют толерантность, не реагируя на высказывания представителей оппозиционных политических партий, однако обязаны реагировать на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, поскольку это деяние в силу своей очевидной общественной опасности запрещено ст. 280 Уголовного кодекса РФ.

В той сетке ценностных координат, которую задает «новая этика», толерантность и толерантное поведение принципиально не разграничиваются. Справедливо фиксируя тот факт, что и первое, и второе могут способствовать утверждению прав человека, плюрализма, демократии и правопорядка, но при этом игнорируя, что право рассчитано на регулирование поведения человека, а не его мыслей, установок и предпочтений, именно толерантность объявляют инструменталь-

---

[1] Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук. Автор 92 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Формы существования базовых типов современного права», «Государственно-правовое принуждение и его место в системе форм правоприменения»; статей: «Сущность современного права: проблемы осмысления», «Корпоративное (внутрифирменное) право эпохи постиндустриализма: особенности и тенденции изменения», «Различия права и морали: ценностный аспект», «Базовые ценности современного права» и др.

[2] *Уолцер М.* О терпимости. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 16.

ной ценностью права. В качестве задачи, решаемой последним, позиционируется обеспечение не только и не столько толерантного поведения, сколько толерантности субъектов. В этом плане показательным является содержание ст. 1 Декларации принципов толерантности, принятой 16 ноября 1995 года на 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. В ней среди прочего провозглашается, что толерантность является «активной позицией» («Tolerance is, above all, an active attitude…») и «ответственностью» («Tolerance is the responsibility…»). Одновременно вводится термин «практика толерантности» («the practice of tolerance»), по своему значению принципиально отличный от термина «практика толерантного поведения».

В описываемом контексте оказывается практически невозможным провести границу между толерантным как правомерным и нетолерантным как неправомерным.

Как следствие, во-первых, возникают предпосылки для признания нетолерантным и в этой связи неправомерным любого поведения, в котором могут быть усмотрены проявления того, что его субъект нетолерантен (мысленно осуждает являющегося носителем «инаковости» или испытывает по отношению к нему негативные чувства). При этом не принимается во внимание то, что в действительности нетолерантный субъект может вести себя толерантно в силу того, что такую модель поведения предписывает право, а толерантный субъект может демонстрировать поведение, которое по своим внешним признакам будет казаться другим нетолерантным (подобно тому, как человек, склонный по своим психологическим особенностям к агрессии, может не совершать насильственных преступлений в силу того, что они запрещены нормами права, а человек, не склонный к агрессии, может в азарте командной игры совершать действия, расцениваемые другими игроками в качестве агрессивного поведения).

Во-вторых, отсутствие четких предписаний относительно границ толерантного как правомерного и нетолерантного как неправомерного сбивает человека с толку. Он лишается четких ориентиров, позволяющих понять, какое поведение является дозволенным, а какое — запрещенным. Вместе с тем наличие четких ориентиров, позволяющих отличить правомерное от неправомерного, является условием, в принципе делающим возможным осознанный правовой выбор, а следовательно, и правовое регулирование поведения человека как таковое. В отсутствие таковых все попытки эффективно использовать правовые инструменты для обеспечения «практики толерантности» утрачивают смысл.

В-третьих, размывается представление о критериях толерантности и нетолерантности не только в правосознании, но и в массовом сознании вообще. Императив «поддерживать человека, который в нетолерантном обществе может подвергнуться дискриминации», замещающий под влиянием «новой этики» правило «не осуждать и не дискриминировать того, кто думает не так, как я, уважать его свободу проявлять собственную человеческую индивидуальность», сам постепенно утрачивает свою значимость. Единственно допустимой моделью толерантного поведения становится модель «не проявлять собственную индивидуальность из опасения того, что ее проявление гипотетически может быть воспринято как проявление нетолерантности». Возникает «культура отмены», которую Р. Аткинсон метко сравнивает с цифровым эквивалентом средневековой толпы, бродившей по улицам в поисках кого-нибудь, кого можно сжечь[1]. К сожалению, право оказывается неспособным защитить от этой современной формы остракизма человека, пытающегося свободно выразить свое мнение.

В описываемых условиях обеспечение толерантности и толерантного поведения из инструмента защиты значимых для общества ценностей превращается в фактор, способствующий обратной дискриминации, ограничению свободы и несправедливости. Достаточно вспомнить о тех последствиях, которые имела для Дж. Роулинг ее неосторожная шутка по поводу использования в заголовке статьи выражения «люди, у которых бывает менструация»[2].

Всеобщая декларация прав человека (1948) провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (ст. 18) и «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их» (ст. 19). Однако в реальности оказывается, что эти права защищаются только в тех случаях, когда речь идет о представителях культурных, религиозных, политических и иных социальных групп, которые гипотетически могут столкнуться к нетолерантным к себе отношением — в силу отличности их представлений и убеждений от получивших наиболее широкое в данном обществе распространение. В то же время любое выражение мыслей и убеждений, маркируемых в качестве «популярных», может быть расценено как демонстрация непримиримого, нетолерантного отношения к тем, кто эти мысли и убеждения не разделяет (уместно вспомнить реакцию на активизировавшееся в 2013 г. во Франции движение против легализации однополых браков и за защиту ценностей традиционной семьи). В ситуации, когда далеко не для каждого человека безопасным становится проявлять свою индивидуальность, возникают предпосылки для расчеловечивания человека, утраты им того, что дает ему чувство собственного достоинства и выступает духовной опорой в любых жизненных обстоятельствах.

Итак, выводы неутешительны. Под влиянием «новой этики» толерантность и толерантное поведение оказываются частью принципиально новой системы ценностей. Из инструмента обеспечения толерантного поведения право превращается в инструмент, при помощи которого самого человека пытаются сделать толерантным. Однако вместо снятия социального напряжения, возникающего вследствие неоднородности общества, «практика толерантности» создает дополнительные угрозы мирному сосуществованию носителей разных убеждений и традиций, а также предпосылки для расчеловечивания человека и дегуманизации общественной жизни.

---

[1] Rowan Atkinson: Cancel culture is like medieval mob looking for someone to burn // Sky News : [сайт]. URL: https://news.sky.com/story/rowan-atkinson-cancel-culture-is-like-medieval-mob-looking-for-someone-to-burn-12180007 (дата обращения: 01.05.2022).

[2] JK Rowling criticised over ‘transphobic’ tweet about menstruation // Independent : [сайт]. URL: https://www.independent.co.uk/life-style/jk-rowling-tweet-women-menstruate-people-transphobia-twitter-a9552866.html (дата обращения: 01.05.2022).

В. В. Лапаева[1]

ОСОБЕННОСТИ ВХОЖДЕНИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: С ПОЗИЦИЙ ПРАВОВОГО ПОДХОДА

Крушение социализма положило начало новому этапу глобализации, который был ознаменован вхождением стран бывшего социалистического лагеря в глобальную экономику. Трудности включения этих стран в процессы финансово-экономической глобализации были связаны прежде всего с резкой ломкой прежней экономической модели, которая в значительной степени носила изоляционистский характер. Несмотря на то, что марксистская наука относилась к понятию экономической автаркии отрицательно (главным образом по идеологическим соображениям), основы социалистического хозяйственного строя изначально отражали именно данный тип экономики[2]. С созданием социалистического лагеря у входящих в него государств появилась возможность развиваться по модели автаркии больших пространств[3], позволяющей эффективнее подчинять внешнюю торговлю целям общественного развития и прежде всего задачам осуществления догоняющей модернизации. Отказ от этой модели означал вступление в жесткую конкуренцию с более сильными экономическими игроками, находящимися уже на постиндустриальной стадии развития.

Для России ситуация усугублялась двумя существенными факторами, в которых ярко проявился неправовой по своей сути характер «расставания» страны с социализмом. Первый фактор — это поспешный распад СССР, оформленный юридически непроработанным договором о создании СНГ. Второй фактор, не менее значимый по своим разрушительным последствиям, — неправовой подход к реформе отношений собственности, нанесший колоссальный удар по народному хозяйству[4] и предопределивший нелегитимность приватизированной собственности, блокирующую нормальное развитие страны[5]. В итоге Россия вступила в глобальный мир с разорванными экономическими связями, с полуразрушенной экономикой и со сложившимся в обществе «почти консенсусным неприятием приватизации и выросшей на ее основе крупной частной собственности»[6].

Уже в начале 1990-х годов некоторым аналитикам было ясно, что Россия не сможет занять достойное место ни в глобальной экономике, ни в новом для себя геополитическом раскладе. Так, В. Л. Цымбурский еще в 1993 году писал, что у страны, стремящейся встроиться в глобальный мир со столь низких стартовых позиций, есть два пути: либо смиряться с положением дел, когда небольшая часть общества, условно говоря, пристраивается с краешка барского стола «мирового гегемона» и, опираясь на властный ресурс, сдерживает недовольство остальных, либо идти на бунт против сложившегося миропорядка[7]. В эссе «Остров Россия»[8] он противопоставил таким альтернативам идею возврата страны в допетровское геополитическое пространство, в котором Россия предстает в виде своего рода острова, окруженного устойчивым кольцом нейтральных «государств-проливов», отделяющим российскую цивилизацию от цивилизаций Запада и Востока. Россия-остров, считал В. Л. Цымбурский, могла бы в условиях умеренной экономической изоляции сосредоточиться на решении проблем своего обустройства и прежде всего на внутренней геополитике, нацеленной на совершенствование отношений между центром и регионами.

Идея России-острова встретила критику с самых разных сторон. Наиболее существенные критические соображения были высказаны В. М. Межуевым, подчеркнувшим два принципиальных момента: 1) государственные границы определяются не географией, а историей; 2) добровольный отказ страны от статуса мировой державы привел бы к тяжелому кризису национальной идентичности, ведь последние 300 лет Россия осознавала себя страной, которая играла в мировой истории «поворотную роль»[9]. Кроме того, эта концепция, предполагавшая политику маневрирования между крупными державами, могла быть реализована лишь в условиях полицентричного, но никак не однополярного мира, который сложился по итогам холодной войны[10]. Тем не менее надо признать провидческий талант автора: ведь если в начале своего постсоциалистического пути развитие России пошло по первому из обозначенных им сценариев, то с февраля 2022 года

---

[1] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Принцип формального равенства и взаимное признание права» (соред.), «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в „Капитале“ К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Член редколлегий «Российского журнала правовых исследований», журналов «Социс», «Конституционное правосудие», «Платон». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ, Почетной грамотой Министерства юстиции РФ, Благодарственным письмом председателя Конституционного Суда РФ.

[2] *Толкачев С. А.* Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12. С. 26–43. URL: http://www.politecguu.ru/files/NeoindustEconomist.doc (дата обращения: 01.05.2022).

[3] Там же.

[4] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 год / С. В. Степашин [и др.]. М. : Гос. науч.-исслед. ин-т систем. анализа Счет. палаты РФ, 2005.

[5] *Лапаева В. В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Вопросы права и политики. 2014. № 2. С. 1–46.

[6] *Капелюшников Р.* Собственность без легитимности? // Полит.ру : [сайт]. URL: https://polit.ru/article/2008/03/27/sobstv/ (дата обращения: 01.05.2022).

[7] *Цымбурский В. Л.* «Пока — не входить в мировое цивилизованное…» // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 37–42.

[8] *Цымбурский В. Л.* Остров Россия // Русский Архипелаг : [сайт]. URL: https://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения: 01.05.2022).

[9] Россия в условиях стратегической нестабильности // Лебедь : независимый альманах. 1997. № 27. URL: https://lebed.com/1997/art176.htm (дата обращения: 01.05.2022).

[10] *Цыганков А. П.* «Островная» геополитика Вадима Цымбурского // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 17.

руководством страны был резко взят курс на сценарий бунта против сложившейся модели миропорядка.

Исход и последствия этого «русского бунта» сейчас невозможно просчитать. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что даже при самом оптимистическом варианте развития событий единственно возможной геополитической стратегией нашей страны на обозримую перспективу будет политика, которую можно обозначить символом «Россия-крепость». Концепция России-крепости, кстати, также присутствует в нашем политико-философском дискурсе[1], но она не получила ни четкой идеологической маркировки, ни экономического обоснования.

Однако предложенная символика, ставшая сейчас весьма актуальной, высвечивает тот факт, что в осажденной крепости потребуется мобилизация духовных ресурсов нации. Можно, по-видимому, сказать, что необходимость решения этой задачи является на данном этапе одним из самых серьезных вызовов, стоящих перед политическим руководством страны. При этом есть большой соблазн пойти по самому легкому пути — сыграть на национальном чувстве граждан, придавая ему неизбежный в этой ситуации националистический оттенок и затушевывая таким образом социальные противоречия. Однако подобный подход не рассчитан на длительную и жесткую осаду крепости, в условиях которой власти рано или поздно придется ответить на главный запрос общества, каковым, несомненно, является запрос на социальную справедливость.

Ожидаемое ухудшение экономического положения широких масс неизбежно вынесет на повестку дня идею более справедливого распределения общественного богатства путем пересмотра итогов приватизации. В последнее время призывы к такому пересмотру звучат со стороны не только левых сил, но и некоторых интеллектуальных лидеров либеральной оппозиции[2]. Однако ни те, ни другие не предлагают каких-то правовых технологий новой национализации, которая в их версиях, по сути, является экспроприацией. И дело даже не в том, что очередной неправовой передел собственности нанесет серьезный удар по экономике страны и подорвет ее шансы на достойное геополитическое будущее. Проблема гораздо глубже: реализация этих идей, скорее всего, запустит маятник российской истории с его безжалостной «косой инверсии»[3], хорошо описанной в работах А. Ахиезера.

Мы получим ситуацию, когда Россия, признав ошибкой крайне напряженный, полный выдающихся свершений социалистический период своей истории, поспешно рванув обратно на прерванный когда-то путь капиталистического развития и потерпев на этом пути очередную неудачу, вернется на исходные позиции. Однако на этих позициях она столкнется со старыми проблемами — неэффективностью «ничейной» общенародной собственности и невозможностью правовым путем провести ее передачу в частные руки. В этой ситуации уместно будет задать вопрос: может ли страна, которая допускает такие грандиозные исторические ошибки, претендовать на достойное место в глобальном мире? Если Россия «почти весь XX в., т. е. в эпоху ее максимальной всемирно-исторической активности и значимости <…> вела себя и других в тупик, то на какую будущность она может в таком случае рассчитывать?»[4]

Поставив этот вопрос в качестве исходного пункта своего философско-правового анализа новейшей российской истории, В. С. Нерсесянц пришел к выводу, что социализм — вовсе не трагическая ошибка русской истории, а закономерный этап диалектического развития человечества от капитализма как общества, основанного на всепроникающей частной собственности, через социализм как полное отрицание частной собственности (антикапитализм) к новому общественному строю (автор назвал его цивилизмом, от *лат*. civis — гражданин), основанному на новом типе собственности — индивидуальной, то есть персонализированной, но при этом не частной собственности каждого гражданина страны. Существует принципиальная разница между частной собственностью, которой по определению обладают не все, и собственностью на средства производства, которая есть у каждого. Этому новому типу собственности соответствует и новый тип прирожденного и неотчуждаемого права на определенную и равную с другими долю собственности, гарантирующий более высокую степень свободы индивида-собственника.

С позиций такого подхода все граждане страны — это равноправные наследники бывшей общенародной собственности. Технология реализации этой идеи заключается в создании фонда, активами которого являются все объекты бывшей социалистической собственности. Через этот фонд доходы от рыночного функционирования собственности (от ее продажи или аренды) в равных долях поступают на индивидуальные счета каждого гражданина страны с момента его рождения. Доля, принадлежащая каждому гражданину, не изымается из общей собственности и носит персонально определенный, неотчуждаемый характер. Помимо равного для всех минимума денежных средств, получаемых в качестве доходов от функционирования общей собственности, каждый имеет право приобретать любую иную собственность, реализуя таким образом свой предпринимательский потенциал без каких-либо ограничений[5].

Идея цивилизма, озвученная автором еще в 1989 году, уже не может быть реализована в полном объеме, но вполне возможен общественный договор между государством, основными бенефициарами приватизации и остальными гражданами по поводу источников фор-

[1] *Юрьев М. З.* Крепость России // Новая газета. 2004. 15 марта.

[2] *Пастухов В.* Революция и конституция в посткоммунистической России: государство диктатуры люмпен-пролетариата. М. : ОГИ, 2018. С. 107.

[3] Присущая российской истории социальная инверсия, писал автор, «в своих крайних формах вызывает *косу инверсии* — массовое уничтожение людей, имущества, культуры, социальных институтов, этнических групп, сословий, слоя управляющих, врачей (холерные бунты), интеллигенции, центров власти, государственности» (см.: Ахиезер А. С. От логики к массовому социальному действию // Россия: критика исторического опыта. Т. 1 : От прошлого к будущему. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. URL: https://culture.wikireading.ru/16675 (дата обращения: 01.05.2022)).

[4] *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М. : Норма, 2001. С. 44.

[5] Там же. С. 21–31.

мирования фонда гражданской собственности на базе частичного пересмотра итогов приватизации. Во всяком случае представляется необходимым, чтобы к тому моменту, когда возникнет резкий общественный запрос на социальную справедливость, у научного сообщества была продуманная и согласованная концепция решения проблемы легитимации крупной собственности, способная не только перевести опасное социальное недовольство в договорный процесс, но и предложить обществу идею, придающую всемирно-исторический смысл социалистическому прошлому страны и открывающую перспективы ее достойного будущего.

А. А. Ливеровский[1]

ПОИСКИ КОДА РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕН

1. Процессы глобализации, обозначив проблему формирования наднационального права, стимулировали дискуссию о распространении общепризнанных принципов международного права на национальные конституционные режимы. Решение проблемы связано с пониманием универсальности конституционализма как идеологии, воплощение которой в рамках правового регулирования общественных отношений предполагает возможность создать в любом европейском государстве общественное (государственное) устройство, позволяющее гарантировать сохранение, развитие и приоритет общечеловеческих социокультурных ценностей. Процессам продвижения так называемого «глобального конституционализма» в теоретическом и правоприменительном планах противопоставляется приоритет суверенности конституционной идентичности нации[2], в какой-то мере определяющей правовую реальность государственных режимов. Ее фундамент составляют региональные, культурные и исторические национальные традиции, воплощенные в признаваемых обществом социальных ценностях. В качестве противовеса активизации внедрения универсальных ценностных стандартов конституционным законодателям отдельных европейских стран, в том числе России, предложен временной[3] тренд на поддержание стабильности государственного режима, конкурирующий с запросом на полномерную защиту индивидуальных прав и свобод человека.

В. Д. Зорькин в качестве идеологического фундамента конституционного регулирования предлагает опираться не столько на либеральные и демократические основания «западного конституционализма», сколько на сложившуюся в России правовую культуру, образующую естественно-правовую идентичность российской нации и вобравшую в себя идеологию раннего христианства[4]. При этом ученый подтверждает свое позитивное отношение к либеральным ценностям: «Собственность — это единственно возможная основа для свободы и права. Там, где полностью отрицается право индивидуальной собственности на средства производства, там невозможны свобода и право»[5].

Таким образом, для определения конституционного развития России предлагается нахождение баланса между реализацией общечеловеческих ценностей, присущих идеологии конституционализма, и спецификой правовой культуры нашего общества.

2. Благодаря деятельности органов конституционной юстиции понимание *конституционного регулирования* как реального правового воздействия на нормативное регулирование общественных отношений занимает устойчивые позиции в современной парадигме конституционного права, а проблема обозначения традиционных ценностей российской нации как основы конституционной идентичности требует серьезного уточнения, свободного от сложившихся идеологических стереотипов.

В известном определении *конституционной культуры* общества как «исторически сложившейся, обогащенной опытом поколений *ценностной* системы убеждений, представлений, правосознания, лежащей в фундаменте общественного бытия и определяющей установление и реализацию обязательных правил поведения на основе их нравственного и духовно-

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционное понимание истоков экономического кризиса», «Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд» (науч. ред.), «Экономические свойства конституционализма», «Конституционное регулирование экономических процессов», «Ежегодник конституционной экономики. 2019» и др. Судья Уставного суда Санкт-Петербурга в отставке. Член Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Награжден Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», золотой медалью Конституционного Суда Республики Армения, орденом Почета Международного аналитического центра «Конституционная культура», медалью «100 лет Санкт-Петербургскому университету ГПС МЧС России».

[2] Понятие «национальный» в современном теоретическом прочтении рассматривается в надэтническом смысле, связанном с государственностью. При этом государствообразующим свойством обладает не отдельный этнический генетический код, а определенная полиэтническая культура, имеющая объединительный потенциал.

[3] Речь идет не об отказе от «общепризнанных принципов и норм международного права», лежащих в основе конституционного строя государства, а о конституционализации различной меры содержания конституционных принципов, выбираемой законодателем с учетом традиционных ценностей конкретной нации, поскольку правоприменение конституционных принципов возможно не полностью в соответствии с их содержанием, а в некоторой его мере.

[4] *Зорькин В. Д.* Суть права // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5 (59). С. 5.

[5] *Зорькин В. Д.* Конституция Российской Федерации — правовая основа интеграции российского общества // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 4.

го осмысления»[1], усматривается содержательная связь между идеологией, основанной на признаваемых обществом социальных ценностях, и правовым регулированием общественных отношений. Конституционность же культуры связана с определенной идеологией, признаваемой обществом, — «системой убеждений, представлений, правосознания», которая может изменяться в результате исторического развития, но содержательно связана с определенной этнической идентичностью, становящейся основой национальной культуры.

Реализацию конституционализма (конституционной идеологии) в правовом регулировании обычно связывают с принятием в стране конституции, однако черты конституционного регулирования общественных отношений просматриваются не только в конституционных государствах, но и в догосударственных общественных образованиях. В традиционных этнических сообществах отчетливо обнаруживается конституционная природа общинного правового регулирования: рациональное, воплощенное в обычном праве, создающем традиционный общинный уклад, и иррациональное — в языческих верованиях. Этнорелигиозный режим общинного сообщества устойчив и соответствующее правосознание весьма консервативно, если сложившаяся система общинного управления (демократическое самоуправление) эффективна в той степени, которая позволяет общине выжить в реальной среде обитания (справедливое распределение ресурсов) и сохраниться в исторически складывающейся геополитической ситуации (обеспечение безопасности)[2].

Модель конституционного регулирования общественных отношений в традиционных общинах можно усмотреть в библейском мифе о десяти заповедях, предпосланных Моисею Богом для создания в еврейской общине правового режима. Десять заповедей можно рассматривать как систему правовых принципов, более сложных по механизму воздействия на общественные отношения правовых регуляторов, нежели запреты и дозволения. При этом, признав заповеди естественно-правовыми регуляторами общественных отношений, обратим внимание на то, что в современном прочтении эти заповеди являются нравственными нормами, то есть общинные отношения строятся на основе уважения к человеку и собственности (заповедь 10); ограничение прав этнорелигиозным регулированием признается как необходимое и осознанное условие выживания. Общинное регулирование общественных отношений, судя по конституционному анализу мифологической модели, позволяет членам общины, строя правовой режим на основе норм нравственности, не только выжить, но и сохранить человеческое достоинство и стать свободными. Интерпретируя библейские тексты как модель конституционного регулирования, академик РАН А. Гусейнов называет Законодательство Моисея конституцией свободы[3].

3. Рассмотрим конституционные аспекты российской национальной идентичности, то есть развитие конституционной культуры этнических сообществ, связанное с формированием государственности. Новгородская республика (1136–1478) — государство, которое образовалось на Северо-Востоке Европы как объединение этнорелигиозных сообществ (племен и союзов племен). В этнический состав государства входили в основном восточные славяне, а также финно-угорские народы. Специфика природных условий: леса, болота, озера, реки, — полностью определила виды хозяйственной деятельности и характер земледелия и ремесел. Жили на хуторах семьями, на выжженных лесных участках выращивали рожь и лен, ячмень для пива, а на озерных и речных поймах пасли скот. В. О. Ключевский, называя сложившуюся этноплеменную общность восточных славян великороссами, отмечал, что социально-психологическая характеристика их правосознания связана со средой обитания и спецификой трудовой деятельности[4].

Языческий характер верований и обычное общинное право, определяемые природными условиями, сделали мирным и толерантным характер объединения не только племен восточных славян, но и финно-угорских племен. Охота, кустарные промыслы, связанные с «дарами леса», специфическое хуторское расселение людей сделали сельские и городские поселения торговыми центрами. Великий Новгород, войдя в торговый союз ганзейских городов и став крупным центром свободной торговли, пунктом перемещения товаров из Западной Европы в Византию, воспринял влияние западной европейской торговой правовой культуры (римское частное право!), связанной с необходимостью эффективной реализации права собственности. Появление купеческого сословия и образование институтов судебной власти позволяют констатировать не только появление экономических отношений, связанных с частной собственностью, но и начало применения гражданского права.

Возможно, возникновение республиканского правления в Великом Новгороде можно рассматривать как рецепцию римского публичного права, но более привлекательна идея распространения конституционности общинного права на государственное управление в одном из первых в мире демократических государств. Возникло полиэтническое сообщество свободных людей, обладающее уникальной правовой культурой демократического содержания, соединившей западные социальные ценности с традиционными правилами общинного уклада. На фоне удачно сложившихся геополитических обстоятельств (путь из варяг в греки) возникло государство, уровень конституциональной культуры которого позволил обеспечить его прогрессивное экономическое развитие.

4. Вернемся к упоминанию В. Д. Зорькиным идеологии раннего христианства. Л. Н. Толстой в своих фи-

[1] *Harutyunyan G. G.* Constitutional Monitoring. Yerevan : Njar, 2016. P. 280.

[2] Напомню, что в XXI веке в Российской Федерации сохраняются этнорелигиозные режимы, которыми руководствуются, например, коренные малочисленные народы Севера и адатные этнические сообщества Северного Кавказа.

[3] *Гусейнов А. А.* Законодательство Моисея: единство морали и права // Моисей. Первый философ права. Человек, который видел Бога / П. Баренбойм, А. Гусейнов, А. Недель, С. Шиян. М. : ЛУМ, 2017. С. 45.

[4] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 312–317.

лософских произведениях[1] отделял учение Христа от «властелюбивого» учения апостола Павла, изложенного в его Посланиях к римлянам и ставшее основой церковного православного учения, принятого в России в качестве государственной религии. Христианство пришло в духовный мир человека как общинная идеология, но, становясь государственной религией, получало церковную институционализацию для принуждения к вере. Принятие православия оценивается не только как положительная культурная экспансия, но и как внедрение византизма — имперской идеологии авторитаризма, не вписывающейся в конституционную культуру великороссов. Что касается религии, то историками обозначено идеологическое явление двоеверия — смесь язычества и греческой транскрипции христианства, разделяющая духовный мир человека на два идеологических слоя — природного, близкого к христианской общинности и привнесенного, формального, требующего обязательного воцерковления.

Процесс крещения Руси не был одномоментным событием, он начался задолго до мифологического решения князя Владимира и получил свое логическое завершение церковной реформой патриарха Никона (1660–1666). Основным следствием данной реформы явилась ликвидация русского православного традиционализма. Бóльшая часть верующих отказались следовать церковным новациям и заявили о том, что не признают и не принимают этой реформы, вследствие чего в русском обществе произошел раскол на представителей начал государственного (имперского) и народного (традиционного). Раскол был не примитивным методологическим несогласием с догматами государственной церкви, а сложным социально-политическим явлением. Основополагающей чертой, характеризующей традиционный русский (старообрядческий) вариант православия, было отделение веры от церкви и государства.

Отделившись от церкви и государства, во враждебной среде и в сложных условиях выживаемости старообрядцы объединились в общины старой веры с твердыми условиями нравственного и духовного уклада, получив через много лет социальную свободу. Как царская власть, так и большевики замалчивали позитивные моменты в реализации идеологии старообрядчества. Общинная солидарность, обретенная свобода предпринимательской деятельности, безусловная честность, особая нравственность, духовное равноправие — вполне конституционные признаки правового режима, которым руководствовались старообрядцы, привели к показательным достижениям. Промышленный расцвет Российской империи XIX века во многом состоялся благодаря старообрядческой буржуазии, большинство купеческого сословия составляли старообрядческие роды.

5. Определение кода нашей национальной идентичности, на поиски которого направляет нас В. Д. Зорькин для нахождения конституционного выхода из кризисного состояния нашей экономики[2], привело нас к кажущейся архаичной (по крайней мере, для светского мировоззрения), но убедительной модели культурного кода идеологии староверов. Отметая мракобесные наслоения государственного церковного православия и самодержавного русского национализма, определим, что происхождение конституционной культуры России надо искать в истоках национальной культуры восточных славян с их религиозной и этнической толерантностью, общинной, не церковной соборностью, обогащенной нравственностью неинституциональной христианской веры. Российские староверы сохранили и пронесли через века и испытания национальную конституционную культуру, свою свободу. Свидетельство устойчивости и цельности российского кода конституционной культуры объективировалось в 1917 году, когда народ России необъяснимо легко расстался с идеологией самодержавия и православия, и в 1990 году, когда советский народ покончил с коммунистической идеологией.

Другое дело, что длительное и мощное влияние на людей идеологического воздействия предыдущего режима препятствовало внедрению идеологии конституционализма в правовую реальность нового общественного устройства. Правильно понимаемые правовые истоки российской национальной идентичности, ее конституционной культуры могут стать основой для прогрессивного развития нашего общества.

[1] *Толстой Л. Н.* Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении // Голос Толстого и Единение. 1917. № 5. С. 1–5.

[2] *Ливеровский А. А.* Экономические свойства конституционализма // Ежегодник конституционной экономики 2020. М. : Юстицинформ, 2020. С. 274.

А. И. Овчинников[1]

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ[2]

Происходящие в современном мире события с новой силой актуализировали проблему государственно-правовой идентичности Российской Федерации. Можно ли считать нашу идентичность европейской, евразийской или восточнохристианской? Европейский цивилизационный путь и европейское правовое мышление являются, как известно, в определенном смысле результатом секуляризации христианского общества, сохраняя ряд институтов, имеющих религиозное происхождение. Например, идея достоинства человека и концепция прав личности и основных свобод, равенство перед законом и признание социальных обязанностей собственника, которых не знал Древний мир, стали известны всему человечеству и получили распространение по всему земному шару именно благодаря христианству. Европейский конституционализм определил содержание конституций многих государств, в том числе не имеющих христианской истории, так как через международное право ценности достоинства и прав человека стали основными и юридически признанными. Проблема в том, что современная Европа, особенно Западная, давно стала постхристианской (за исключением Польши и Венгрии). Хотя речь о победе секуляризма не идет: классик социологии и феноменологии Питер Бергер в работе «Священная завеса» предлагает говорить о социокультурной манифестации секуляризма, а не о секуляризации сознания, а Юрген Хабермас — о постсекулярности как новом уровне взаимодействия религии и современного мышления.

Несмотря на общие христианские корни со странами Европы, российская государственность и культурно, и исторически сильно отличается от них из-за особенностей именно религиозного характера. Восточное христианство своеобразно повлияло на понимание государства. Соборность и солидаризм православного политического и правового мышления сформировали идеал социального нравственно-правового монархического государства с патерналистическим уклоном. Нереализованность этого идеала в начале XX века подготовила почву для коммунистического захвата власти в 1917 году и установления безбожного, атеистического режима, после краха которого российская государственно-правовая идентичность сильно изменилась. Она утратила черты православного имперского государства, но и европейской не стала. Дальнейший ход русской истории тесно связан с проблемой религиозного возрождения после советского атеизма. Важнейшими признаками государственно-правового идеала после почти тысячи лет христианства и почти ста лет советской демократии, отличающей Россию от европейских стран, следует признать: «юридическое закрепление нравственных ценностей и норм, приоритета общего блага; социализацию экономики и жесткую гарантию социальных прав; построение правовой идеологии на основе общественного, а не индивидуалистического права с гармонией прав и обязанностей, личности и общества»[3]; изменение режима частной собственности в сырьевой сфере, оборонной и стратегической области экономики, ориентация собственников на социальную полезность реализации их прав; расширение перечня объектов, которые могут находиться исключительно в государственной собственности, в первую очередь стратегического, социального, экологического и культурно значимого масштаба; государственная защита культурной и религиозной самобытности народов Евразии[4]. Современная российская государственно-правовая идентичность может быть охарактеризована как идентичность сильного государства с четкой не индивидуалистической, а социальной нравственной системой ценностей.

Для России идеи «симфония властей» и «Москва — Третий Рим» имеют прежде всего огромное духовно-нравственное значение, существенно превышающее политические смыслы этих идеократических символов русской культуры и цивилизации. Идея симфонии властей сформировала характерный образ идеального правителя. Религиозные обязанности государя, его духовно-нравственный облик, задачи и смыслы деятельности могут быть полностью охарактеризованы понятием правды, которое является крайне важным и для описания самодержавия и русского монархического архетипа. Еще одно понятие, передающее сущность самодержавия русских царей, — подвиг. Исходя из того, что высшее проявление подвига человека есть любовь, сострадание и самопожертвование во имя Божие, ради ближнего своего, этот подвиг является эталоном поведения для любого православного христианина, в том числе для государя, великого князя. Подвиг власти как путь спасения есть не что иное, как закон Божий, правда святая. Жить подвигом, таким образом, для человека Киевской и Московской Руси означает «жить по правде».

Понятие правды обусловливает новое прочтение понятия нравственности. Именно в силу симфонической неразрывности права и нравственности, светско-

[1] Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор. Автор более 290 научных публикаций, в т. ч.: «Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд» (в соавт.), «Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект», «Институциональный анализ права: герменевтико-феноменологический аспект», «Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904)» (отв. ред.), «Правовая теология в контексте современного правопонимания» и др.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-44228.

[3] *Овчинников А.* Правовая идеология Евразийского союза: от государства правового к государству правды // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность : [информ.-аналит. служба]. 2012. 17 мая. URL: https://ruskline.ru/analitika/2012/05/18/pravovaya_ideologiya_evrazijskogo_soyuza_ot_gosudarstva_pravovogo_k_gosudarstvu_pravdy (дата обращения: 21.06.2022).

[4] *Овчинников А. И.* Правовая теология в контексте современного правопонимания // Вестн. юрид. фак. Южного федер. ун-та. 2021. Т. 8, № 4. С. 90.

го и религиозного начал в политической деятельности русская философия государства и права до конца Российской империи имела преимущественно идеалистический характер. В странах Запада основными методами правового мышления были формально-догматический анализ, юридический формализм и позитивизм, что в XIX веке привело к кризису правосознания и деформации ценностного обоснования права. В результате большинство мыслителей отвергли теорию естественного права. В России, напротив, религиозная версия идеи естественного права продолжала разрабатываться значительным количеством правоведов. В идеализме православной традиции политического и правового мышления проявилась специфика православного понимания права, не предполагающего разделения на светское и духовное.

Россия — одна из немногих стран Европы, не допустивших институционализации прав ЛГБТ, продвижения трансгендерных и иных меньшинств, однополых союзов, эвтаназии, наркотиков. Россия готова защищать традиционные духовно-нравственные ценности. Именно это она демонстрирует миру, проводя соответствующую внешнюю и внутреннюю политику, направленную против глобального нравственного разложения. Сохранение традиционных представлений о человеке, любви к Родине, вере в Бога, мужестве и чести является для граждан Российской Федерации важнейшим условием сохранения единства народа и целостности государства в новом тысячелетии. Однако в настоящее время защита духовно-нравственной безопасности россиян, особенно молодого поколения, с целью ограждения от воздействия опасных для их нравственного здоровья информационных и пропагандистских материалов, еще не получила надлежащего законодательного обеспечения. Требуется комплекс согласованных мер со стороны государственных органов и общественных институтов на всех уровнях для того, чтобы противостоять вызовам нашим духовно-нравственным традициям.

В начале 2022 года Министерство культуры Российской Федерации подготовило проект президентского указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и предложило его для общественного обсуждения. В проекте определяется содержание деятельности по обеспечению духовно-нравственной безопасности граждан России, а также предлагается ввести в социальный и политический дискурс некоторые понятия, отсутствующие в законодательстве в настоящее время, в целях их однозначного толкования и обеспечения единой логики и согласованной практики правоприменения.

«В развитие положений данного доктринального документа требуется дальнейшее проектирование мер системной государственной поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей народов России в форме законодательного закрепления ряда основополагающих категорий и традиций духовно-нравственного порядка. В частности, в 2012 году Всемирный русский народный собор посредством учета мнения представителей разных этносов и религий России причислил к разряду таковых ценностей: веру, справедливость, мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный), взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, личную свободу, ограниченную личной нравственной ответственностью, служение ближним и Отечеству, гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества»[1].

«С технико-юридической точки зрения важно закрепить и понятие „общественная нравственность“ — совокупность духовно-нравственных традиций (ценностей), духовных и моральных представлений народов России о благе общества, семьи и человека, милосердии, сострадании, уважении к ближним, терпимости, правде и справедливости. Отдельного внимания и детальной проработки требует „общественный контроль в сфере культуры“, под которым предлагается понимать деятельность общественных организаций, состоящих из представителей Общественной палаты РФ, традиционных религиозных конфессий, творческих союзов, направленную на выявление угроз духовно-нравственной безопасности, пресечение тиражирования и распространения информации и произведений культуры и искусства, наносящих вред духовно-нравственной безопасности народов России.

Основные принципы обеспечения духовно-нравственной безопасности: 1) приоритет мер общественного порицания над государственным принуждением в случае возникновения угроз духовно-нравственной безопасности; 2) сочетание интересов и ответственности личности, общества и государства в области обеспечения духовно-нравственной безопасности; 3) недопустимость нарушения общественной нравственности со стороны отдельных граждан, государственных органов, должностных лиц и общественных объединений, в том числе деятелей культуры; 4) государственная поддержка деятелей культуры и искусства, создающих произведения, направленные на сохранение духовно-нравственного наследия; 5) обеспечение доступности информации и повышения осведомленности населения в вопросах обеспечения духовно-нравственной безопасности; 6) презумпция невиновности авторов произведений культуры, вызывающих возражения со стороны организаций общественного контроля в сфере духовно-нравственной безопасности»[2].

«В области обеспечения духовно-нравственной безопасности граждане РФ должны иметь четкие гарантии защиты со стороны государства и гражданского общества следующих прав: 1) на охрану детей и молодежи от разрушающих психику и нравственное здоровье культурных провокаций, медиаресурсов, компьютерных и иных игр; 2) на получение в соответствии с законодательством Российской Федерации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федера-

[1] Резолюция по итогам круглого стола «Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности в правовой политике России». Ростов-на-Дону, 31 марта 2022 года / Южный федер. ун-т. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/04/06/eto_shag_vpered_v_sohranenii_rossiiskoi_gosudarstvennopravovoi_identichnosti_rossii.

[2] Там же.

ции и органов местного самоуправления, а также от соответствующих организаций информации о принимаемых мерах, направленных на защиту населения и охрану общественной нравственности от воздействия опасных факторов, на предотвращение угроз для формирующейся нравственной ориентации детей и несовершеннолетних; 3) на внесение в Общественные палаты субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления предложений о мерах по обеспечению духовно-нравственной безопасности»[1].

«Очевидно, что к основным духовно-нравственным угрозам (опасностям) относятся:

1) пропаганда насилия и жестокости, алкоголя и наркотиков, психотропных и иных препаратов, азартных игр;

2) распространение порнографической информации, пропаганда сексуальных извращений, смены пола;

3) критика семейных ценностей, разрушительных для отношений в семье идеалов (например, „чайлдфри“);

4) романтизация преступного поведения, пропаганда обогащения любой ценой, потребительства, тунеядства и иждивенчества;

5) пропаганда идей, которые способствуют разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды»[2].

Дальнейшее развитие государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей стало бы значительным шагом вперед в сохранении российской государственно-правовой идентичности и цивилизационного единства России. Особенно это важно для единства этносов, исповедующих авраамические религии: христианство, ислам и иудаизм. Их духовно-нравственные ценности едины и основаны на заповедях Декалога Моисея.

Е. А. Петрова[3]

РОЛЬ ПРАВА В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В период глобальных конфликтов и трансформации принципов миропорядка на первый план выходят проблемы сохранения традиционных ценностей и базовых начал развития социума. При этом опорой для поддержания стабильности общества становятся основные социальные регуляторы: мораль, религия, обычаи, право и т. д. В таких условиях юридическим нормам как регулятору, обладающему общеобязательной силой, подкрепленной государственной властью и волей, отводится особая роль. Она проявляется в различных аспектах.

Во-первых, в период сложной мирополитической ситуации свой вклад в сохранение универсальных общечеловеческих ценностей призвано внести международное право. В частности, международное право в области прав человека. Именно международное право закрепляет тот универсальный минимум прав человека, который должен быть обеспечен при любых обстоятельствах. Международные документы по правам человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.) провозглашают такие неотъемлемые права личности, как права на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, на признание правосубъектности и т. п. Принцип уважения прав и свобод личности с середины XX века стал общепризнанным принципом международного права, строго императивной нормой (нормой jus cogens), которая не может быть изменена по воле одного или нескольких государств.

Как справедливо подчеркивается в Преамбуле Всеобщей декларации прав человека: «Пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества. Законы такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений, будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей»[4]. И хотя перечень прав и свобод, закрепленных в международных актах, отнюдь не является исчерпывающим и во многом носит абстрактный характер, но он закладывает тот фундамент прав человека как безусловной ценности для всех и каждого, целостность которого не должна быть нарушена даже в условиях глобальных конфликтов. Не случайно преступления против человечества, по сути выражающиеся в нарушении этих незыблемых прав, относятся к числу тягчайших международных преступлений, влекущих за собой международно-правовую ответственность.

Во-вторых, особая роль в сохранении традиционных ценностей принадлежит внутригосударственному праву. Если международное право закрепляет универсальные ценности, то в национальном праве они «подвергаются» трансформации с учетом национальной идентичности. И здесь уже опорой правовых ценностей выступают культура в целом и правовая культура в частности конкретного социума. Свое влияние оказывают и национальные правовые традиции, в том числе принадлежность к соответствующей правовой семье. Хотя в последние десятилетия в условиях глобализации отмечалась тенденция к интеграции и конверген-

[1] Резолюция по итогам круглого стола «Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности в правовой политике России».

[2] Там же.

[3] Заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности», «Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве», «Легитимность права» (в соавт.), «The Singularity of American Law», «Правогенез: традиция, воля, закон» (в соавт.), «Качество правотворческого акта как объект экспертной оценки» и др. Сотрудник Международного института философско-правовых исследований (Минск, Беларусь).

[4] Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.05.2022).

ции основных правовых систем современности, тем не менее их классификация по сей день не утратила своей актуальности и по-прежнему предопределяет правовой «колорит» того или иного государства. Так, например, правовая система России после «выхода» из социалистической правовой семьи фактически вернулась к континентальным правовым традициям дореволюционного права с его превалирующей ролью нормативных правовых актов и кодифицированным законодательством. Несмотря на существование определенных институтов, свойственных иным правовым традициям (прецедента толкования, славянской «соборности» и др.), ценности романо-германской правовой семьи по-прежнему обусловливают специфику российской правовой системы.

В-третьих, в контексте национального права ведущее значение в сохранении традиционных ценностей, несомненно, принадлежит конституционному праву. Именно оно закладывает юридическую основу суверенного государственного устройства и закрепляет механизмы его защиты от различных внешних и внутренних факторов, влияние которых усиливается в период глобальных конфликтов. Так, современная российская Конституция гарантирует сохранение государственных ценностей (суверенность власти, невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность и т. д.) и ценностей социальных (культурного наследия, языка, национальных традиций и др.). Например, в п. «в» ст. 114 Конституции РФ[1] прямо указывается, что Правительство РФ обеспечивает сохранение «традиционных семейных ценностей». В развитие данной нормы п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ[2] закрепляет защиту института брака как союза мужчины и женщины, что соответствует традициям отечественного социума.

Наконец, нормы отраслевого законодательства развивают и конкретизируют те правоположения, которые содержатся в тексте Конституции. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» продолжает «линию» защиты традиционных семейных ценностей. В частности, согласно п. 2 ст. 5 данного закона к информации, запрещенной к распространению среди детей, относится информация, «отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи»[3].

Говоря об отраслевом законодательстве, важно подчеркнуть необходимость четкого определения пределов правового регулирования в вопросе сохранения традиционных ценностей: какие ценности можно и должно регламентировать правом, а какие следует оставить другим социальным регуляторам — морали, религии, корпоративным нормам и т. д. Право может упорядочивать лишь то, что объективно поддается государственному воздействию. Не все ценности нуждаются в таковом: любовь, дружба, человеческая привязанность и тому подобные «личностные» ценности находятся вне рамок правового воздействия и должны поддерживаться иными средствами. С одной стороны, в период социальных конфликтов возникает необходимость в большем количестве правовых норм, обеспечивающих их сглаживание и помощь нуждающимся. С другой стороны, чрезмерная урегулированность правом может привести к необоснованному разрастанию законодательного «поля», усложняющему правоприменительный процесс и увеличивающему коллизионность нормативных актов.

Таким образом, право, как и другие социальные регуляторы, призвано обеспечивать через имеющиеся у него ресурсы сохранение тех традиционных ценностей, которые поддерживают стабильность конкретного государства, общества и миропорядка в целом.

[1] Конституция Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter6 (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Там же. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter3 (дата обращения: 01.05.2022).

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/32492/page/1 (дата обращения: 01.05.2022).

В. Г. Петухов[1]

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Давая оценку обществу, мы берем за основные критерии духовность, нравственность, культуру и историю своего Отечества. Традиционно в российском обществе в людях воспитывали любовь во всех ее проявлениях: семья, Родина, образование, труд, а также прививали необходимость служить и защищать свое Отечество, изучать историю своего государства, его величия. Это определяло любовь и преданность людей к своей Родине и осознанное желание трудиться во благо Отечества, создавать науку, летать в космос. В результате этого было построено великое государство СССР с мощной промышленностью и наукой, сильной армией. Распад Советского Союза и последовавший за ним развал экономики — то, что назвали «перестройкой», — неизбежно сказались на изменении правосознания. Перерождение правосознания проявилось в различных формах и, прежде всего, в виде умышленных нарушений законов.

Сейчас мы должны признаться в том, что начиная с 1990-х годов мы разрушали нравственные постулаты, которые формировались веками. Потребительское отношение к жизни подменило желание трудиться, изменило отношение к Родине и государству. Стали превозноситься западные ценности, чуждый нам образ жизни. Аморальное поведение, сексуальная распущенность стали не только поощряться, но и навязываться обществу. Западные политики через свои источники СМИ, Интернет распространяют среди молодежи «якобы западные ценности и понятия западной свободы».

Благоприятной средой для данной формы правосознания применительно к молодежи является то, что у значительной части молодых людей изменилось понятие о предпочтениях. Молодежь в большинстве своем имеет слабое представление об истинных человеческих ценностях и жизненном опыте. Необходимо отметить, что при разрушенной старой системе координат новая формируется очень медленно, а иногда и противоречиво. Как результат — дети и молодежь посещают несанкционированные митинги, где получают информацию, разлагающую любовь к стране, в которой живут. А что в противовес? Совсем недавние примеры — массовые убийства в Керчи и Казани. Мы получили примеры в лучших традициях США, где с помощью оружия устраивают погромы, расстреливают людей. После стрельбы в Керчи и Казани, естественно, возбудили уголовные дела. Меня же беспокоит реакция нашего депутатского корпуса: при том, что он принимает решение давать разрешение на приобретение и ношение оружия с 21 года, в то же время он рекомендует усиливать охрану учебных заведений (вплоть до привлечения Росгвардии) или увеличивать высоту забора. Наверное, сегодня (учитывая нравственное состояние общества) это тоже необходимо, но это техническое решение. Нужна долгосрочная программа обучения в школах, которая должна рассматривать учебный процесс как воспитание и обучение (кстати, это предусмотрено Законом об образовании), а также как изучение детей, обучающихся в школах.

Практика показывает, что дети, совершившие преступления, известны своим девиантным поведением, только почему-то педагоги не всегда реагируют на это правильно. Трагедия в Керчи — особенно яркий пример: мать состояла в секте, причем секта находилась на территории Украины, отец — психически больной, который давно был в поле зрения правоохранительных органов. Сам ребенок не контактен, в Интернете искал способы изготовления взрывного устройства, но явно не для охоты, непонятно, каким образом получил разрешение на приобретение оружия. Но об этом стало известно лишь после событий, связанных со стрельбой. И возникает вопрос: «Решит ли проблему безопасности выдача лицензии на оружие после 21 года?», когда в 18 лет мы призываем в армию и доверяем боевое оружие и самую современную военную технику.

Все должно начинаться со школы. Если учитель видит ребенка, который приходит в школу грязный, голодный, не выспавшийся, то, безусловно, он должен реагировать на это. При необходимости совместно с комиссией по делам несовершеннолетних и правоохранительными органами брать на контроль не только ребенка, но и семью. Если будет необходимо, надо заниматься его лечением, проводить профилактическую работу, а если потребуется, то изъять из неблагополучной семьи, не обеспечивающей нормального воспитания.

Наверное, необходимо что-то менять и в учебном процессе, который сегодня состоит во многом из «натаскивания» на сдачу ЕГЭ. Президент РФ В. В. Путин неоднократно говорил о необходимости духовного, нравственного воспитания молодежи, привития им любви к Родине. Встречаясь со школьниками, с сожалением узнаешь, что они не знают даже историю Великой Отечественной войны. Например, на вопрос: «Какой подвиг совершил Александр Матросов?» через паузу ученик отвечает вопросом: «А кто такой Александр Матросов?». На вопрос: «Как оценить поступки генералов Карбышева и Власова?» уже учитель шепчет мне: «А мы этого не проходили». А это аудитория 9–11-х классов!

Вот еще пример. Для встречи, посвященной афганским событиям 1980-х годов, в одной из школ ученики

[1] Начальник Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1999–2003). Федеральный инспектор Аппарата полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе (2003–2004). Судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011). В настоящее время профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник МВД, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса. Генерал-лейтенант милиции в запасе. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «За безупречную службу», «Ветеран труда», нагрудными знаками «За отличную службу в МВД», «За отличие в службе», орденом Республики Афганистан «За храбрость» и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

подготовили программу: подобрали слайды о героизме и подвиге солдат и в то же время представили информацию о негативной роли власти, которая посылала солдат на войну. При этом надо понимать, что готовили это педагоги, которые даже не пытались раскрыть понятие «интернациональный долг». Это еще раз говорит о том, что за 1990-е и начало 2000-х годов мы вырастили поколение с искривленным понятием правовой культуры. А это сегодняшние родители, учителя.

Я открыл учебник обществознания для 11-го класса. В нем три главы, касающиеся экономической, социальной и политической сфер жизни общества. Но нет главы, которая давала бы понятие правовой культуры. А ведь это 11-й класс, наша молодежь, которую мы выпускаем в жизнь после школы. В своем выступлении командующий Воздушно-десантными войсками РФ сказал, что какая бы мощная современная техника ни была, в нее будет садиться человек, и от его духовного состояния будет зависеть, сможет ли эта техника служить людям, Отечеству.

Подводя итог, хотелось бы высказать пожелание, чтобы мы скорее от рассуждений перешли к реальным действиям по формированию личности гражданина нашей страны с высокой духовностью и нравственностью, преданного своей Родине. Это то, что мы хотим видеть в будущем своего Отечества. Это формирует правовую культуру народа и залог национальной безопасности современного общества и государства.

Р. А. Ромашов[1]

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ[2]

Кризис (*др.-греч.* κρίσις — решение; поворотный пункт) — переворот, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации.

Кризис национального права — состояние, при котором существующие правовые средства и методы социального воздействия утрачивают инструментальную эффективность, в результате чего в государстве и обществе усиливаются тенденции политико-правовой аномии, крайней формой выражения которой является наступление периода «бесправия / правового хаоса».

Вхождение права в кризисное состояние свидетельствует о завершении государственно-правового цикла и переходе к следующему циклическому этапу развития государственно-правовой системы. В процессе полито- и правогенеза следует различать мутирующие (спиральные) и повторяющиеся (круговые) циклы.

Эволюция государственно-правовых систем в рамках мутирующей цикличности характерна для западных политико-правовых систем, минующих в своем генезисе полисный, патримониальный, республиканский этапы развития. При этом в рамках каждого из выделенных циклов качественным образом меняются представления о государственно-правовых институтах и ценностях, среди которых основными являются свобода и собственность. В таком понимании право как нормативная система социального регулирования и охраны отражает суть свободы и собственности, а также выступает в качестве гарантии их реализации и защиты.

В античном полисе свобода и собственность являлись коллективными качественными свойствами и принадлежали только гражданам, в совокупности составлявшим формирующую полис гражданскую общину. В условиях патримониальной системы свобода и собственность определялись корпоративной принадлежностью (аристократия, купечество, горожане и т. п.). Республиканский цикл связан с буржуазными преобразованиями, в основу которых были положены основанные на концепциях естественного права и трудовой теории собственности представления о личной свободе и частной собственности, являвшихся неотъемлемыми правами человека и гражданина, равного в своем правовом статусе другим субъектам, независимо от занимаемого места в социально-правовой структуре общества.

Для Российского государства характерна круговая (повторяющаяся) цикличность, на всех этапах которой государство как заселенная «народом» территория представляет собой объект владения и пользования со стороны индивидуального либо коллективного государя, чье наименование меняется, однако суть верховного правителя как «хозяина земли и народа русского» остается прежней. В таких условиях свобода воспринимается как неограниченная воля господина по отношению к слуге либо как «русский бунт — слепой и беспощадный». Что касается собственности, то она, как, впрочем, и все остальное в государстве, изначально принадлежит государю, который может как наделять ею «верных подданных» в виде «богатства», так и лишать их последнего, в силу чего в России традиционно не принято зарекаться «ни от сумы, ни от тюрьмы».

Понимание права в российской культурно-исторической ментальности сводится к двум ассоциативным образам: обычаю — «закону отцов» и государевой воле (указу) — «закону отца». Кризис обычного традиционного права обусловлен разрывом связи поколений, что влечет утрату практической значимости и ценности

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 470 научных публикаций, в т. ч.: «Правогенез» (в соавт.), «В поисках теории права» (в соавт.), «Юридическая конфликтология», «Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации», «Политогенез: Храм–Πόλις–ГосударЬство–State», «Теория государства и права» и др. Эксперт Международного института мониторинга развития демократии Межпарламентской ассамблеи СНГ.

[2] Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

накопленного предшествующими поколениями опыта. В национальной российской истории можно выделить несколько подобных «разрывов» — монгольская экспансия XII–XV веков, междинастический период смутного времени (конец XVI — начало XVII в.), революционные периоды начала и конца XX века.

На всех перечисленных этапах переставали «работать» традиционные механизмы правового воздействия, основанные на традиционных же ценностях. Что касается волюнтаристских средств и методов законного управления, то их действенность определялась не столько формой внешнего выражения, сколько принудительными обеспечительными мерами, главной из которых на всех исторических этапах являлся страх перед наказанием как легальным средством государственной репрессивной деятельности. Соответственно, ослабление страха перед государством влекло за собой снижение эффективности законных средств управления независимо от того, кем и от чьего имени они принимались.

Понимание права как индустриальной технологии, в одинаковой степени обязательной как для работников (подвластных), так и для руководства (власти), представляет собой явление второй (по Э. Тоффлеру) волны цивилизационного развития, связанного с переходом от сельскохозяйственной феодальной «культуры земли» к промышленной капиталистической «культуре индустрии». Россия, войдя в индустриальную волну буржуазных преобразований второй половины XIX века, не смогла адаптироваться к изменениям, вызванным капитализацией общественных отношений и связанными с ними социально-культурными трансформациями. Итогом кризиса императорской государственно-правовой системы стало ее разрушение в результате революционных катаклизмов 1905 и 1917 годов. При этом за короткий исторический период 1917–1918 годов друг друга сменили две переходные системы: буржуазной и советской республик, которые изначально своими «отцами-основателями» воспринимались именно как переходные (временные) формы государственности.

В буржуазной Российской Республике было создано временное правительство, ставившее своей целью формирование учредительного собрания, в перспективе должного избрать путь развития российской государственности. В свою очередь Конституция Советской Республики закрепляла временный характер новой власти, призванной обеспечить скорую победу мировой пролетарской революции. Известно, что итогом стал хаос братоубийственной Гражданской войны, победу в которой одержали большевики, основавшие новый государственно-правовой порядок, в котором социалистическое право провозглашало ценности, сходные с буржуазными, однако качественно отличные от них по своей содержательной сущности. Республика, федерация, демократия, выборная система, представительные органы государственной власти, партийное строительство — эти и многие другие понятия применительно к капиталистической и социалистической системам наполнялись диаметрально противоположными смыслами.

То же самое можно сказать о противопоставлении условных полюсов мирового развития. Если во фразе Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись» имеется в виду несводимость христианской и исламской культур, то Западная и Восточная Европа разделяется не по религиозному, а по идеологическому принципу, отделяющему прогрессивное человечество, идущее к победе коммунизма, от «загнивающего» и обреченного быть выброшенным на «свалку истории» империализма с его «лживой» государственно-правовой системой.

Объективный суд истории принял решение не в пользу системы советского Востока, разрушение которой привело к появлению на политической карте мира целого ряда государств, претендующих на национальный суверенитет. При этом практически все они в рамках разрабатываемых курсов национальной исторической идентичности заявляют о многовековой истории именно национальной государственности. Не стала исключением и Россия. Часть 2 ст. 67.1 Конституции РФ[1] содержит положение, в соответствии с которым: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Атрибутивная сторона вышеназванной преемственности отражается в символах государства, где флаг и герб заимствованы у Российской империи, а гимн — у Советского Союза. Многонациональный советский народ сменил многонациональный народ Российской Федерации, в котором неопределенное место занимает говорящий на русском языке государствообразующий народ, название которого авторы поправок по непонятной причине решили не раскрывать, предоставляя каждому читателю Основного закона право самостоятельно решить для себя этот юридический квест.

Переходный период современной российской государственно-правовой системы в первую очередь обусловлен неопределенностью транзита высшей государственной власти из-за конституционного «обнуления» срока президентских полномочий (что по сути своей придает действующей Конституции России юридические свойства правоприменительного акта, достаточно легко изменяемого и подгоняемого под запросы властвующей элиты). В сложившейся ситуации кризис права выражается в непрерывной трансформации национального законодательства, причем не является исключением и действующая Конституция, куда одномоментно было внесено 206 поправок, часть которых фактически меняют смысл положений, закрепленных в формально не подлежащих изменению гл. 1, 2, 9.

В ситуации, когда персонифицированный глава государства обладает практически безграничной властью, становится очевидным, что после того как транзит президентской власти все-таки произойдет, российская государственно-правовая система в очередной раз окажется в переходном состоянии.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

Э. Л. Садыкова[1]

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ВОПРОСЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Политико-экономические и социокультурные изменения оказывают воздействие на реализацию прав и свобод человека. Попытки утверждения доминанты западных стандартов в этой сфере противоречат объективным интересам различных народов, стремящимся сохранить свою культурно-цивилизационную идентичность и исторически обусловленные особенности традиционных ценностей. Вопросы прав и свобод человека регулируются прежде всего внутригосударственной системой права, а имплементация международных норм должна быть проявлением суверенной воли каждого государства.

Теоретико-методологические подходы к исследованию указанной темы основаны на междисциплинарности и включают аспекты права, культурологии, политологии, психологии, социологии, философии. Постановка темы предполагает определение понятия традиционных ценностей в контексте их взаимосвязи с институтом прав и свобод человека, становление и развитие которого проходило под влиянием комплекса культурных, религиозных, нравственно-этических факторов. В числе основных международно-правовых источников необходимо выделить нормы Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, принятой на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года. При разработке текста Устава ООН вопросы прав человека не входили в число главных, однако в этом универсальном документе были закреплены цели и функции организации в этой сфере, определены структурные органы, ответственные за их реализацию. Одной из главных Устав провозглашал следующую цель: «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство больших и малых наций». В международном документе также было закреплено, что свои цели ООН должна осуществлять путем международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»[2]. Таким образом, Устав ООН предусматривает необходимость гарантировать каждому широкий круг фундаментальных прав и свобод независимо от гражданства, места проживания, пола, религиозной, национальной, языковой принадлежности или иных признаков.

Ключевое место в комплексе прав человека отведено принципам недискриминации и равенства, закрепленным в целом ряде документов ООН. Созданы Управление Верховного комиссара по правам человека, уставной орган — Совет по правам человека, а также целый ряд договорных органов ООН для контроля за выполнением основных международных договоров в области прав человека, в том числе соответствующие комитеты по насильственным исчезновениям, против пыток, по правам ребенка и др.

«В нынешнем веке международная безопасность не может быть обеспечена без разработки и соблюдения основных прав и свобод человека и пресечения их преступных нарушений»[3]. Многочисленные международные и внутригосударственные конфликты сопровождаются массовыми преступными посягательствами на фундаментальные права и свободы человека. В силу специфики и природы института прав и свобод человека их ущемление и препятствие к осуществлению могут проявляться по-разному. Реальная ситуация в этой сфере служит важным критерием эффективности системы международного права.

Практика показывает, что обеспечение реализации прав и свобод человека осложняется усилением тенденций нарушения соответствующих правовых норм со стороны государств. В связи с этим особую значимость получает вопрос об ответственности Совета Безопасности ООН за объективную оценку их действий. Проблема создания конвенционного механизма международной защиты прав человека не случайно актуализировалась после завершения Второй мировой войны. Только в отношении численности жертв среди мирного населения «на сегодняшний день в науке фигурирует цифра 13 миллионов 685 тысяч. В нее входит 7,5 миллиона преднамеренно убитых карателями, более 2 миллионов погибших на принудительных работах в Германии и порядка 4 миллионов умерших от голода и отсутствия медицинской помощи на оккупированных территориях»[4]. При этом, как сообщил председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин, указанные цифры будут пересмотрены[5].

К преступлениям против человечности, подсудным Нюрнбергскому трибуналу, в соответствии с его Уставом были отнесены: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные

[1] Исполнительный директор Фонда стратегического диалога и партнерства с исламским миром, начальник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии, профессор кафедры международных отношений и мировой политики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор 38 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий: «Роль межрелигиозного диалога в развитии высшего исламского образования», «Перспективы России в партнерстве цивилизаций», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях» и др.; статей: «Участие регионов в реализации внешней политики Российской Федерации», «Межрелигиозный диалог: международные и внутригосударственные аспекты», «Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 году» и др.

[2] Устав ООН (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 05.07.2022).

[3] *Карташкин В. А.* Права человека и международная безопасность // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 1. С. 33.

[4] *Новоселова Е.* Данные о потерях мирного населения СССР в период войны пересмотрят // Российская газета. 2021. 5 февр. № 8375. URL: https://rg.ru/2021/02/04/dannye-o-poteriah-mirnogo-naseleniia-sssr-v-period-vojny-peresmotriat.html (дата обращения: 05.07.2022).

[5] Там же.

в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являются ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет (ст. 6 (с))»[1].

В ст. 3 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде критерием квалификации преступлений против человечности выступает совершение таковых в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам[2].

Происходящие в последнее время события, сопровождающиеся многочисленными жертвами среди гражданского населения (вооруженные конфликты в Йемене, политический кризис на Украине и в других странах), свидетельствуют о низком уровне эффективности международно-правовых механизмов защиты прав человека. Возникает справедливый вопрос: почему по прошествии более чем 70 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека проблема нарушения фундаментальных прав на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, свободу мысли и других продолжает сохранять остроту? Рост числа иммигрантов и беженцев в результате гражданских войн, этнорелигиозных конфликтов, международный терроризм, торговля людьми, экологические катаклизмы, эпидемии, голод, высокая детская смертность в странах Африки и многие другие масштабные угрозы в мире связаны с человеческой жизнью, ценность которой не должна зависеть от национальной или религиозной принадлежности либо территории проживания.

В этой связи необходимо подчеркнуть значимость традиционных ценностей, определяющих гуманистическую основу механизма реализации универсальных прав и свобод личности, закрепленных в международных документах. Тенденции к отказу от традиционных ценностей, наблюдающиеся преимущественно в западных странах, противоречат объективной реальности современного мира с точки зрения культурно-цивилизационного многообразия.

При анализе взаимосвязи прав человека и традиционных ценностей необходимо обратиться к понятию «традиция», имеющему отношение к духовному миру человека и определяющему его ценностные установки. В толковом словаре С. И. Ожегова дано следующее определение традиции: «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (напр. идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи)»[3]. Несмотря на дискуссионность вопроса о смысловых границах этого понятия в разных научных сферах, представляется возможным рассматривать традицию как определенную культурно-цивилизационную конструкцию, являющуюся результатом накопления группового исторического опыта. Предлагаемое определение соответствует «натуралистическому подходу к традиции как к корпусу представлений и культурных навыков, передаваемых из поколения в поколение»[4]. Можно согласиться с научным тезисом о том, что традиционные ценности «имеют истоки в прошлом и представляют собой результат исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации», являются «базовыми, фундаментальными, стержневыми, основополагающими, системообразующими»; «обеспечивают идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций»[5].

Осмысление понятия традиционных ценностей позволяет сделать вывод о том, что они оказали значительное влияние на развитие норм права, и наиболее наглядно это выражено в исламском праве. Конфессиональные устои и традиции, отражающие культурно-цивилизационные особенности народов, воздействуют на трактовку содержания прав человека и подходы к их применению. «Исследователи отмечают трудности адаптации универсальных прав человека в ряде регионов и стран, таких как Китай, Япония, Индия, тропическая Африка. Так, изучение прав человека в традиционном обществе на материалах тропической Африки позволило сделать вывод о том, что, какова бы ни была степень проникновения западных либеральных ценностей в африканские страны, в них не происходит тотальной смены социальной системы, бесконфликтного утверждения универсальных норм и стандартов в сфере прав человека»[6].

Актуальна проблема конкуренции различных ценностных установок в правовой сфере, отчетливо проявляющаяся в результате массовых миграционных потоков из стран исламского мира в Европу. Так, например, 23 июня 2010 года была принята Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) № 1743 (2010), в которой «ПАСЕ призвала мусульманские общины отказаться от любых „традиционных толкований ислама, которые отрицают равенство полов и ограничивают права женщин в семейной и общественной жизни“, так как данное толкование „несовместимо с человеческим достоинством и демократическими стандартами“ (п. 14 Резолюции)»[7]. В то же

[1] *Валеев Р. М.* Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 69.

[2] Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. // Гарант : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2540764/ (дата обращения: 05.07.2022).

[3] Традиция // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/243910 (дата обращения: 05.07.2022).

[4] *Полонская И. Н.* Понятие традиции: проблема определения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». 2006. № 2. С. 7.

[5] *Дежнев В. Н., Новикова О. В.* Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 74.

[6] *Мингазов Л. Х.* Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150, кн. 5. С. 62.

[7] *Мухаметзарипов И. А.* Традиционные ценности и права человека: мусульманские общины в рамках «европейской» системы права // Традиционные ценности — основа современного международного права : материалы круглых столов 11 апреля и 30 октября 2015 г. в рамках XIII Междунар. конгресса «Блищенковские чтения» / под общ. ред. А. Х. Абашидзе, Н. С. Семеновой, Е. В. Киселевой. М. : Издат. дом «Покров ПРО», 2016. С. 22. URL: http://intlaw.rudn.ru/files/blischenko/2015BlischenkoCongressVGender.pdf (дата обращения: 05.07.2022).

время легализация в ряде европейских стран однополых браков и закрепление на законодательном уровне разрешения таким «супругам» иметь детей противоречат традиционным представлениям о семье и воспитании детей.

Правовое закрепление традиционных ценностей и возможность их влияния на ограничение правотворчества в рассматриваемой сфере — это объективная закономерность. Искажение традиционных ценностей является одной из причин низкой эффективности правовых механизмов защиты прав и свобод человека.

Выводы

1. Изучение традиционных ценностей имеет большое значение для нормотворчества в сфере регулирования прав человека и правоприменения.

2. Критерий универсальности международных норм определяется во взаимовлиянии традиционных ценностей и особенностей правовой системы государств.

3. Традиционные ценности формируют базовые поведенческие установки человека и являются своеобразным индикатором устойчивого развития общества.

К. Е. Сигалов[1]

ПОРОКИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВ, ИЛИ ЧТО ПОЯВИЛОСЬ НОВОГО В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ ПРАВЕ

Западная цивилизация уникальна и интересна. То, что мы называем «западническим фактором», не признавать невозможно, относимся мы к этому позитивно или негативно. Основания считать Запад центром мира весьма сомнительны и ангажированы, но столь же деструктивно не признавать его чрезвычайно значимого влияния на все процессы, происходящие в мире. Отметим, что весьма долго, вплоть до конца XV века, Западная Европа была темной и безграмотной, она являлась малопривлекательным «задним двором» мировой цивилизации. Все цивилизационные достижения шли на Запад с Востока, который сумел сохранить бóльшую часть достижений Античности, успешно развивал и преумножал свои культурные достижения. Строго говоря, только после завершения Средневековья Запад стал привлекателен для всего мира, но началась тотальная агрессия западных стран с целью не столько освоения, сколько покорения остального мира и утверждения собственного превосходства, основанного на уникальности. Тем не менее представление Запада о собственной уникальности не исчезло и сегодня. Отчасти оно оправдано именно тем, что Запад сумел создать такие уникальные явления, как западное право, западное государство и гражданское общество. Однако их современное «наполнение» не соответствует изначально заложенным целям и поставленным задачам.

Современные право и государство в основном скроены по западноевропейским лекалам. Восточное право обусловлено иными формами существования, и порой это не право в полной мере. Западного государства всегда «было меньше», чем восточного, которое вмешивается в жизнь человека гораздо больше. Именно это в значительной степени обеспечило активность западного человека, его неподопечность внешним указаниям и блокирование гражданским обществом, да и самой личностью, стремления государства вмешиваться в личную жизнь человека. Признание того, что именно право в его западной интерпретации является наиболее рациональным и эффективным способом регуляции социальных отношений, возобладало в мире, и для этого были вполне значимые обоснования. Но то, что западное право и западный способ регулирования социальных отношений является верхом совершенства, — положение во многом мифологизированное.

Тем не менее в целом традиционность и консерватизм не столь уж присущи западному мироощущению. Ментальная трансгрессивность делала западного человека восприимчивым к новому, жаждущим новизны и перемен. Западная культура на этапе ее становления проявляла «отзывчивость к чужому, готовность ассимилировать новые культурные ценности... Это позволило войти в классическую европейскую культуру религиозным откровениям древних евреев, математическим достижениям арабов, техническим открытиям китайцев и многому другому»[2]. Запад добился величайших научных и технических достижений утилитарной направленности и прагматических целей. Однако стремление любой ценой достичь цели диктовало европейцам игнорировать не только моральные, но и правовые запреты за пределами западного мира. «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но, скорее, превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут»[3].

Со времени эпохи Возрождения индивидуализм становится основой мироощущения западного человека. Представления о рыцарской доблести и самодостаточной буржуазной предприимчивости, постоян-

[1] Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук. Автор 235 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические проблемы правового знания», «Западноевропейское Средневековье — юность гражданского общества», «Гражданское правосознание как феномен и как симулякр», «Гносеологические и ментальные основания правопонимания», «Прогнозирование в историко-правовых исследованиях» (в соавт.), «The sociocultural context in law: modernism — postmodernism — metamodernism» и др. Почетный сотрудник МВД. Награжден двумя правительственными и пятью ведомственными (МВД РФ) медалями.

[2] *Бачинин В. А.* Менталитет западный // Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. С. 452.

[3] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2005. С. 66.

ная борьба за свои материальные интересы, а также за честь и достоинство приводят к аксиологическому индивидуалистическому отрицанию общинного восприятия поведенческих стереотипов. Вместо общего «мы» появляется эгоистическое «я», во имя которого идет борьба за политико-правовую, социально-экономическую и ментальную независимость, за личную собственность, за обретение своих гражданских, духовных и религиозных прав и свобод. Однако любые достоинства могут стать основанием недостатков и даже пороков. Эгоцентризм западного человека делает его мир хрупким и ранимым, отождествляющим собственные, порой временные, проблемы с проблемами мирового уровня и покушением на собственную индивидуальность. Подобная позиция приводит к «маятниковому» восприятию мира, метаниям из крайности в крайность, подверженности губительному воздействию экстремальных, часто разнонаправленных идеологий.

Запад на протяжении всей своей истории, вплоть до XXI века, пережил жестокость религиозного обскурантизма, крайности радикальных социалистических, либеральных и консервативных воззрений, тоталитаризм, национал-социализм и фашизм. Характерно, что все эти политические идеи не заимствованы извне, не занесены инопланетянами — они возникли на западноевропейской почве, основаны на тех культурных традициях и духовных интенциях, которые имманентны для Запада. Западный рационализм, доведенный до своей абсурдной противоположности, стремление исключительно формальной логикой постичь суть явлений социальной, моральной и духовной жизни не позволяют воспринимать единство мира. «Стремление расчленять единую поведенческую акцию на цели и средства, превращая те и другие в разные фрагменты атомарного мира, способствовало имморализации и криминализации социальной практики»[1].

В целом европейская культура ориентирована на потребности человека. Закон, право, сакральность собственности всегда были характерны для Запада, казались естественными и незыблемыми. Первичное назначение западного права — это установление горизонтальных отношений его субъектов между собой. Вертикальные связи управления, установление отношений «власть–подчинение» — суть вторичны. Поэтому частное право было нужнее и важнее для западного человека, чем публичное, а «наличие частной собственности явилось необходимым условием для постепенного формирования индивидуалистического (гражданского) общества, политической доминантой которого служит идея индивидуальной свободы и естественных неотчуждаемых прав человека-собственника»[2].

Новые тенденции правового развития, технически удобные, позволяющие оперировать правом любому дилетанту, появились на Западе достаточно рано, они нашли свое воплощение в юридическом праве — органичном, но бесчеловечном. «Юридическое право — право государственное, позитивное, официальное, узаконенное, заранее установленное»[3]. По мнению Г. Дж. Бермана, экономическая и политико-правовая реальность изменила западное право: «Во-первых, право перестало восприниматься как единое связное целое, а превратилось в мешанину из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими „приемами“ и „техникой“. Во-вторых, исчезло представление о необходимости опираться на историю права; история воспринимается только как хронология, или, хуже того — иллюзия. В-третьих, те перемены, которые происходили в праве в прошлом, как и те, которые имеют место ныне, считаются не ответом на внутреннюю логику роста права, не разрешением напряженности между наукой и практикой права, а результатом давления внешних сил. В-четвертых, мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии право отлично от государства... все более уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть. В-пятых, унификация различных правовых систем ведет к поглощению разнообразных юрисдикций и систем одной центральной программой законодательства и административного регулирования. В-шестых, мнение, что западная традиция права трансцендентна по отношению к революции, что она предшествует великим тотальным переворотам, периодически захлестывающим страны Запада, и переживает их, подвергается сомнению противоположным убеждением — что право полностью подчинено революции. Свержение одного набора политических убеждений и замена его другим ведет совершенно к новому праву. Даже если старые формы сохраняются, они наполняются новым содержанием, служат новым целям и не могут быть отнесены к прошлому»[4].

Юридическое право удобно, так сказать, в «техническом смысле», но оно изымает из арсенала гражданского общества и личности самое важное — оно начинает принадлежать государству, а не людям. Но сегодня на Западе правом владеет даже не государство, а власть, и точнее — властная бюрократия, которая распоряжается таковым по своему усмотрению хуже любого тоталитарного правителя, но прикрываясь вновь созданными «удобными» законами и либеральной демагогией. «Юридическое право есть право государственной власти. Государственное право есть право сильнейшего, поэтому оно объективно изживает само себя, сначала в формализм, потом в произвол, потом в псевдоправо. Тем не менее, право без силы — не право, поскольку оно не только не способно принуждать, но и не способно быть признанным всеми, кого это касается»[5].

При всех явных достижениях классического западного права современное состояние западной правовой системы находится в глубоком кризисе, обусловлен-

[1] См.: *Бачинин В. А.* Указ. соч. С. 452.

[2] *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 255.

[3] *Малахов В. П.* Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 245.

[4] См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — Норма, 1998. С. 52–53.

[5] Там же. С. 249–250.

ном в первую очередь политическими и идеологическими аспектами существования современной западной цивилизации. Запад не справляется с теми вызовами, которые бросает современность. Право, мораль и политика становятся похожими на лебедя, рака и щуку. Право не исполняет своего предназначения, моральные принципы извращены, политикой руководят дилетанты или циничные, но хорошо замаскированные коррупционеры. Сегодня в ущерб праву превозносятся сиюминутные политические интересы, забываются базовые принципы западного права, власть идет на прямые нарушения международного и внутреннего законодательства, попрание договорных обязательств различного уровня. Для некоторых стран Запада стало естественным принесение в жертву материальных и духовных интересов народов собственных стран в угоду авантюрным политическим силам, сомнительным и даже преступным политическим проектам. Крайняя некомпетентность, сомнительные моральные установки, сопряженные с рисками погубить собственное подрастающее поколение, допущение к власти прямых наследников нацизма и фашизма и потворство этим режимам.

Ради достижения все той же сиюминутной политической выгоды нарушаются принципы взаимоотношений с гражданским обществом, которое само переживает серьезные кризисные изменения. В гражданском обществе многих западных стран в настоящий момент возобладали негативные явления — от либертарно-популистских до откровенно маргинальных и делинквентных настроений и действий. Часто оно расколото и поэтому не выполняет своего основного предназначения — контроля за деятельностью государства. Столь же кризисные явления характерны и для современного состояния доктринального восприятия мира — новых оригинальных теорий не возникает, а те, что появляются, отягощены политической ангажированностью и дилетантизмом. Будущее должно показать, насколько глубок этот кризис и как быстро западная цивилизация сможет его преодолеть.

Р. И. Ситдикова[1]

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Современный этап развития общества характеризуется повышением значения результатов творческой деятельности не только в культурной, но и в экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности. Соблюдение прав авторов в сфере интеллектуальной собственности также является одним из показателей развития демократического общества и интеграции государств в мировое сообщество. Президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ назвал культуру, образование «пространством для развития гармоничного человека» и подчеркнул, что «государственная политика в этой сфере должна быть направлена на решение актуальных общественных задач. Мы обязаны четко знать и отвечать на запросы современного общества»[2]. Сказанное обусловливает повышенное внимание к данной сфере правового регулирования, особенно в аспекте его совершенствования в условиях становления нового миропорядка.

Интеллектуальная собственность, ранее воспринимаемая в большей степени как элемент духовного развития человека, результат реализации его творческих способностей, с развитием общества стала приобретать экономический характер. Безусловно, экономическая составляющая очень важна. Однако в последнее время интеллектуальная собственность становится и элементом недобросовестного поведения и экономического воздействия. В таких условиях в сфере интеллектуальной собственности большое значение приобретает защита национальных интересов Российской Федерации.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300, раскрывается содержание национальных интересов нашей страны[3]. Национальные интересы России — «это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах». В настоящее время оказываемое беспрецедентное экономическое и политическое давление затрагивает именно национальные интересы, а не только интересы отдельных политиков, юридических лиц или сфер деятельности. Необходимо предусматривать меры по защите национальных интересов России и в правовом аспекте. В этом плане интеллектуальная собственность также оказалась в сфере национальных интересов страны.

---

[1] Профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор 115 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом», «Охрана программ для ЭВМ. Интеллектуальная собственность в современном мире», «Право интеллектуальной собственности»; статей: «Справедливый баланс частных и общественных интересов как критерий эффективности правового регулирования», «Цифровые права как новый вид имущественных прав» (в соавт.), «Содержание понятия „нарушение исключительных прав“» и др. Член редколлегии журнала «Имущественные отношения». Член Научно-консультативного совета при Верховном суде Республики Татарстан и Суда по интеллектуальным правам РФ. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Татарстан.

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 12.12.2012 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699 (дата обращения: 08.05.2022).

[3] Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 52. Ст. 5909.

О национальных интересах в сфере интеллектуальной собственности прямо говорится в ст. 1360 действующего Гражданского кодекса РФ, которая называется «Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности». В п. 1 названной статьи закреплено: «Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации»[1].

Введение таких норм обусловлено во многом тем, что в современных условиях санкционное давление на Российскую Федерацию оказывается именно в высокотехнологичных областях. Как известно, основой любой высокой технологии является интеллектуальная собственность. Не секрет, что исключительные права на многие технологические разработки принадлежат зарубежным правообладателям.

Иностранные правообладатели продолжают активно осваивать пространство интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Так, по данным, опубликованным на сайте Роспатента, всего в 2020 году подано 34 984 заявки на изобретения, из них 11 225 — иностранными заявителями; в 2021 году — всего 30 977 заявок, из них 11 408 — от иностранных заявителей. В отношении товарных знаков: в 2020 году подано 93 926 заявок, из них 26 530 — иностранными заявителями; в 2021 году — всего 107 030 заявок, из них 28 042 — от иностранных заявителей.

В области охраны промышленных образцов доля иностранных заявителей еще выше: в 2020 году всего подано 7740 заявок, из них 3916 — иностранными заявителями; в 2021 году — всего 7726 заявок, из них 3474 — от иностранных заявителей[2].

Зарубежные правообладатели, в том числе из недружественных стран, получают колоссальные прибыли в виде лицензионных отчислений за использование изобретений, программных продуктов и иных результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации. При этом различные международные организации в области охраны интеллектуальной собственности и национальные патентные ведомства приостанавливают сотрудничество с Российской Федерацией и Роспатентом, зарубежные правообладатели разрывают ранее заключенные контракты. Интересно, что даже в чисто культурной сфере правообладателями также осуществляются недружественные шаги. В таких условиях очень важно принять меры для нейтрализации указанных действий.

В этом плане можно отметить следующие основные направления защиты национальных интересов Российской Федерации в правовом регулировании интеллектуальной собственности:

— ограничение прав иностранных правообладателей в областях деятельности, затрагивающих национальные интересы Российской Федерации;

— ограничение доступа иностранных правообладателей на российский сектор интеллектуальной собственности;

— увеличение случаев свободного использования результатов интеллектуальной деятельности иностранных правообладателей в сфере национальных интересов Российской Федерации, например в научных и образовательных целях;

— ограничение ответственности за нарушение интеллектуальных прав иностранных правообладателей из недружественных стран;

— расширение механизма применения института так называемых принудительных лицензий;

— применение международного принципа исчерпания прав.

При этом не стоит опасаться ответных недружественных шагов в отношении российских правообладателей, поскольку интеллектуальная собственность мало экспортируется из России.

Правительством РФ предпринимаются определенные действия, направленные на снижение неблагоприятных последствий для экономики страны, российского общества и на защиту национальных интересов. Так, было принято Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 года № 299 «О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты»[3]. Названные в нем изменения позволяют не выплачивать компенсацию патентообладателям из недружественных стран при использовании их изобретений, полезных моделей или промышленных образцов. Принятые меры позволят существенно расширить возможности использования результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат иностранным компаниям-правообладателям, а местом преимущественного получения прибыли или ведения хозяйственной деятельности являются эти государства.

В аспекте защиты национальных интересов Российской Федерации обсуждается возможность применения и других мер. В частности: в случае ограничения доступа к программным продуктам иностранных правообладателей, поддержавших экономические санкции против России, ввести дополнительные ограничения исключительных прав на территории нашей страны.

Защите национальных интересов России, безусловно, будет способствовать и поддержка отечественных разработчиков путем создания правового режима благоприятствования для российских правообладателей, в том числе:

— сокращение срока рассмотрения заявки для отечественных заявителей;

[1] http://www.kremlin.ru/acts/bank/24743/page/14 (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Роспатент в цифрах и фактах 2021 / под общ. ред. Г. П. Ивлиева. М. : ФИПС, 2022. С. 4–5. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2021-short-version.pdf (дата обращения: 08.05.2022).

[3] КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411093/ (дата обращения: 08.05.2022).

— уменьшение размера госпошлины за поддержание в силе патентов российских правообладателей;

— введение так называемых патентных каникул, то есть временное освобождение российских правообладателей от уплаты пошлин за поддержание прав на объекты интеллектуальной собственности в силе;

— упрощение процедуры регистрации прав на соответствующие объекты интеллектуальной собственности и лицензионных соглашений.

Но не стоит забывать и о развитии сотрудничества со странами, не поддержавшими санкции против России, а также с правообладателями из этих стран. С этой целью представляются целесообразными разработка и заключение международных соглашений в области интеллектуальной собственности, в том числе и двусторонних.

Законотворческая и правоприменительная деятельность по защите национальных интересов очень важна для Российской Федерации. Она имеет большой экономический эффект. Пока делаются только первые шаги, а эффективность их будет оценена правоприменительной практикой. Важно после стабилизации политической обстановки не останавливаться и в правовом регулировании использования интеллектуальной собственности широко внедрять механизмы защиты национальных интересов Российской Федерации.

М. Г. Смирнова[1]

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ, ИННОВАЦИИ И НОРМЫ МОРАЛИ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ[2]

1. Социально-правовые притязания — это предъявляемые индивидами, социальными группами, иными субъектами к обществу и государству требования об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации.

Социальные притязания играют значимую роль в формировании права, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений. Они выступают критерием способности права действовать, воплощаться в конкретных отношениях, помогая преодолеть путь от замысла к результату. Динамика, действие права идет от социальных притязаний к субъективным правам, а затем и к конкретным правоотношениям.

2. Права человека являются результатом выдвижения, отстаивания и закрепления в законодательстве социальных притязаний субъектов, отражающих их извечное стремление к справедливости, равенству и свободе. Так, еще Л. Петражицкий и П. Сорокин говорили о правообразовании как о процессе, проявляющемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы[3].

Таким образом, право берет начало от социальных притязаний, придает им юридическую форму и создает правовые гарантии их реализации.

3. Человек с его психологическим складом, интересами, потребностями, волей должен находиться в центре внимания общей теории права. Многие ее проблемы тесно связаны с личностью и ее социально обусловленным поведением, в частности проблема правового опосредования социальных притязаний, интересов субъектов. При этом основная задача правовой науки заключается в юридическом обосновании, правильном законодательном закреплении указанных притязаний — как в самих правовых нормах, так и в субъективных правах. Благодаря фиксации в позитивном праве у любого участника правовых отношений появляется уверенность в том, что притязание будет постоянно поддерживаться юрисдикцией государства в качестве субъективного права и иные субъекты будут обязаны с этим считаться. Тем самым обеспечивается социальная обусловленность права[4].

4. Учет социальных притязаний в результате правового мониторинга, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов в Интернете, опросов общественного мнения и других социологических исследований образует механизм выявления социальных притязаний для их последующего закрепления в праве.

5. Английский термин «innovation», переводимый на русский язык как «инновация», «нововведение», характеризуется широким спектром значений. Понятие «инновация» соответствует слову «новшество», которое вошло в русский язык еще до XVIII века, то есть до петровских реформ[5]. Существуют различные определения инноваций, инновационной деятельности. Само понятие «innovation» появилось в научных исследова-

[1] Профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социальные притязания и субъективное право: проблемы теории и социологии права», «Институционализация социальных притязаний в праве» и др.; статей: «Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние», «Культурная обусловленность социальных притязаний», «Социальные притязания и сущность права (философско-правовой аспект)» и др.

[2] Доклад подготовлен на основе статьи: *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и юридические инновации: проблемы соотношения и взаимодействия // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 241–244.

[3] *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Тип. СПб. акц. о-ва «Слово», 1907. С. 179 ; *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль : Изд-во Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. С. 32–33.

[4] *Смирнова М. Г.* Институционализация социального притязания в праве // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 14.

[5] *Маркеев А. И.* Правовое регулирование инновационной деятельности : учеб. пособие. Новосибирск : СибАГС, 2010. С. 7.

ниях в XIX веке для объяснения «культурных диффузий», под которыми понималось введение элементов одной культуры в другую[1]. Социально-гуманитарный аспект исследования термина «инновация» получает отражение в работах французского юриста и социолога Г. Тарда «Социальная логика» (1895) и «Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества» (1898). Исследуя социальный прогресс, Тард выявляет такие сущностные характеристики инноваций, как необходимость принятия их общественным сознанием, высокая социально-прогрессивная значимость, непрерывность, целенаправленность, двойственная природа появления (внутренняя, порожденная потребностью индивида, и внешняя, порожденная потребностью общества)[2]. В 1930-е годы к феномену инноваций обратился австрийский (позже американский) ученый Й. А. Шумпетер, который увидел в инновациях главный фактор экономического прогресса[3].

Сначала термин «инновация» разрабатывался прежде всего в рамках экономической науки. Как отмечает М. В. Волынкина, сегодня «сформирована теория инноваций, изучающая явления и процессы научного и технологического развития человеческой цивилизации, экономики страны, отраслей, регионов и отдельных хозяйствующих субъектов... Внутри теории инноваций появляются относительно самостоятельные направления в виде: формирования новшеств; сопротивления нововведениям; диффузии (распространения) новшеств; адаптации к ним человека и приспособления их к человеческим потребностям; инновационных организаций; выработки инновационных решений и т. д.»[4]. В современной науке проблема инноваций рассматривается в экономическом, политическом, образовательном и других аспектах. Под правовой, юридической инновацией понимается внедренное в правовую систему новшество, качество, улучшающее ее элементы с целью гармонизиции действующего права. Юридические инновации выступают одним из проявлений динамической функции права, стремления права как регулятора общественных отношений к развитию и совершенству. От других, смежных категорий юридическую инновацию отличают следующие признаки:

— внедрение в правовую систему нового;

— наличие определенных инновационных этапов (циклов);

— конечный инновационный результат, связанный с внедрением.

Внедрение — основное отличие инновации от схожих явлений, это не что иное, как использование на практике каких-либо исследований, экспериментов[5].

6. Причиной инноваций выступает необходимость общества адаптироваться к меняющимся условиям существования путем выработки новых смыслов, средств, технологий и продуктов человеческой деятельности (вещей, знаний, символов, коммуникаций, механизмов социализации)[6].

Инновации необходимы для гармонизации права. Нельзя сводить инновации в праве только к увеличению количества нормативных правовых актов и поиску альтернативных источников права, поскольку юридические инновации могут реализовываться в правовой идеологии, правовой культуре, правоприменении. Юридические инновации необходимо рассматривать как одно из средств повышения эффективности правового регулирования[7].

Социальные притязания и юридические инновации взаимосвязаны и взаимозависимы. Посредством выявления и институционализации социальных притязаний в праве юридические инновации претворяются в жизнь и достигается правовой прогресс.

7. Несмотря на то, что социальные притязания способствуют развитию права и соответственно выступают проводником инноваций, принципиально, чтобы эти процессы согласовывались с нормами общечеловеческой морали, выраженными в том числе в библейских заповедях. На протяжении всей истории человечества формировались и крепли элементарные гуманистические представления о том, какими должны быть отношения между людьми.

Право по своей органике представляет собой явление глубоко морального порядка, и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в его ткань моральных критериев и оценок. Таким образом, право обусловлено элементарными, общечеловеческими моральными требованиями[8].

Конечно, на каждой ступени развития человечества право выражает сообразные определенной эпохе гуманитарные и моральные принципы, которые в той или иной мере согласуются с условиями жизни и требованиями общества этой эпохи. Вместе с тем нужно иметь в виду, что есть фундаментальные гуманитарные начала и ценности, обусловленные самой сутью, природой общества и заложенным в его органике стремлением человека к достойному положению — всем тем, что реализуется в высших ценностях естественного права. Важно указать, что мораль и право являются ценностными формами сознания и обладают ценностным единством; в основе своей они имеют проявление свободной воли индивида и обращены к его ответственности за свои действия; идея справедливости воплощается и в праве, и в морали (нравственности). Исходя из единства этих категорий, можно сделать вывод, что те социальные притязания, которые получают свою объективацию в праве, должны не только не противоречить нормам общечеловеческой морали, но и иметь глубоко моральное содержание. Если происходит именно так, то социальные притязания, трансформируясь в конечном счете в субъективные права, становятся своеобразным связующим звеном между правом и моралью: в нормах права при помощи институцио-

[1] *Александренков Э. Г.* Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1976. С. 26–67.

[2] *Курышев Е. Ю.* Инновации как форма обновления права // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 9–10.

[3] См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития / пер. с нем. В. С. Автономова [и др.]. М. : Прогресс, 1982.

[4] *Волынкина М. В.* Правовое регулирование инновационной деятельности. Проблемы теории. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 7.

[5] *Курышев Е. Ю.* Указ. соч. С. 10.

[6] *Курышев Е. Ю.* Указ. соч. С. 10.

[7] Там же. С. 11.

[8] *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. С. 208–209.

нализации социальных притязаний происходит объективация основных (в том числе моральных) ценностей цивилизованного общества.

Представляется, что проводимые в стране реформы способствуют внедрению тех или иных юридических инноваций. В процессе их осуществления назревшие социально-правовые притязания субъектов получают свое закрепление в праве, однако не все, а только те, которые соответствуют нормам общечеловеческой морали. Таким образом, социально-правовые притязания, инновации и нормы морали являются тесно связанными категориями. Посредством этих категорий происходит истинное развитие социума, достигается правовой прогресс в целом.

А. А. Тарасов[1]

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОЙ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА — «ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ» ИЛИ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ?

Современные геополитические процессы вновь актуализировали проблему выбора главных ориентиров развития российской правовой системы в целом и российского правосудия в частности. В официальных заявлениях руководителей государства и государственных органов, осуществляющих любые виды юрисдикционной деятельности, сегодня звучат заявления о необходимости преимущественной ориентации развития российского общества на национальные интересы России, на свою историю, на потребности российских граждан и их объединений. В этом же контексте сегодня достаточно распространены негативные оценки зарубежного законодательного и правоприменительного опыта, который не всегда способен адаптироваться к российской действительности. На этой же почве отдельные авторы требуют пересмотра каких-то уже состоявшихся законодательных и организационных решений как не соответствующих российскому национальному менталитету и нарушающих преемственность в развитии Российского государства и общества[2].

Выход России из Совета Европы и обязательные последствия этого выхода в виде денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и выхода из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее также и ЕСПЧ) требуют сегодня от профессионального юридического сообщества некоторой переоценки возможных и допустимых способов решения проблем отечественного правосудия. Понятие «международные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства» в таком варианте стало архаизмом.

С начала текущего столетия в теоретических исследованиях и при обобщении правоприменительной практики для разных целей стали привычными обращения авторов такого рода исследований к практике ЕСПЧ, его правовым позициям. При разном отношении к этой практике многих авторов — от горячей и безусловной поддержки до крайнего неприятия с самой разнообразной аргументацией — никто в специальной литературе никогда не ставил под сомнение значимость этой практики для объективной оценки процессов и явлений в нашей системе уголовной юстиции. Едва ли нуждается в специальном обосновании тот факт, что дискуссии по этому поводу, как правило, перегружены идеологическими компонентами, которые нередко вытесняют собственно юридическое содержание этих дискуссий. И здесь возникает опасность, известная человечеству с древнейших времен, — «выплеснуть вместе с водой и ребенка».

Попытаемся абстрагироваться от идеологических мотивов в анализе собственно юридических составляющих «международных стандартов справедливой процедуры судебного разбирательства». Удалим для объективности такого анализа даже определение «международные» из их названия, сочтя случайным тот факт, что в течение четверти столетия в специальной литературе эти юридические составляющие рассматривались в непременной привязке к ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В нашем контексте это не главное. Главное же то, что и в истории всего человечества, и в истории российского народа правосудие всегда воспринималось как синоним справедливости. Даже когда практика разбирательства судами конкретных дел такую синонимичность ставила под сомнение, надежда на справедливый суд оставалась частью менталитета народа любой страны. И российский народ, конечно же, не исключение.

Назовем юридические составляющие справедливой процедуры судебного разбирательства, сознательно избегая принятой юридической терминологии, с тем чтобы подчеркнуть общечеловеческую, а не только профессиональную юридическую значимость всего названного.

1. Суд создан для разрешения спора, а не для расправы над теми, кого кто-то конкретный, не являющийся судом, считает преступником.

---

[1] Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Автор 233 научных публикаций, в т. ч. монографии «Независимость судей и процессуальные проблемы ее реализации в судебном производстве по уголовным делам» (в соавт.); статей: «Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов», «Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие», «Очевидное и не очевидное в свидетельском иммунитете (опыт сравнительно-правового анализа)», «Международные стандарты правового статуса обвиняемого и проблема полноты передачи семантики юридических терминов при переводе» (в соавт.) и др.

[2] *Азарёнок Н. В.* Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук (специальность: 12.00.09). Омск, 2021. С. 10, 11, 21 и др.

2. Представший перед судом человек считается невиновным до тех пор, пока на виду у всех в понятной всем, а не только профессиональным юристам и, тем более, представителям государства форме не будет несомненно доказано, что преступником является именно конкретный подсудимый, а не кто-то другой.

3. Тот, кто обвиняет, обязан доказать виновность в совершении преступления того, кого он обвиняет.

4. Каждый, кто предстал перед судом по обвинению в преступлении, имеет право и фактическую возможность защищать себя сам и с помощью профессионального правозащитника, и его доводы, приводимые в свою защиту, должны быть опровергнуты тем, кто обвиняет.

5. Каждый, кто участвует в судебном разбирательстве и заинтересован в нем и его результатах, имеет право высказать свое мнение по любым вопросам рассматриваемого дела и реальную возможность быть услышанным судом.

6. Ни одно из высказанных в суде суждений, ни один из представленных аргументов суд не вправе молча игнорировать. Принимаемые судом доводы закладываются в основу властных решений по делу, отвергнутые доводы оговариваются в судебном решении с обязательным указанием, почему они были отвергнуты.

7. Происходящее в судах должно быть понятно любому заинтересованному лицу независимо от владения им языком судопроизводства, способности или неспособности отстаивать свои интересы самостоятельно и других факторов, прямо не обусловленных желанием либо нежеланием этого лица воспринимать происходящее.

8. Судебные решения должны быть мотивированными и изложенными в такой форме, которая позволяет понять обоснованность этого решения любому здравомыслящему дееспособному человеку. Все доказательственные предпочтения суда должны быть объяснены в тексте судебного решения.

Такое представление о компонентах справедливой процедуры отчасти закреплено в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, отчасти вытекает из системного толкования норм российского уголовно-процессуального законодательства, отчасти просто обусловлено соображениями здравого смысла. Представляется абсолютно не важным, кто именно провозгласил эти нормы, кто и в каком документе их закрепил. Ссылка на соответствующие решения ЕСПЧ в какой-то мере избавляла ссылающегося от апелляций к разуму адресатов его обращений и к соображениям здравого смысла, а нередко и просто от обоснования собственных суждений и выводов. И напротив, противники распространения практики ЕСПЧ на территории России и ее имплементации в том или ином варианте в российскую национальную правовую систему отвергали всю эту практику по мотиву источника происхождения и зачастую не утруждали себя контраргументами, которые, прозвучав, вполне могли бы войти в противоречие со здравым смыслом.

Приведем в качестве примеров несколько соображений, фигурировавших в разные годы в более или менее известных решениях ЕСПЧ в отношении системы уголовной юстиции России.

1. Содержание в следственном изоляторе обвиняемого, заключенного под стражу на предварительном расследовании (то есть когда он по российскому закону еще считается невиновным), в условиях, когда у него нет спального места, доступа к медикаментам, необходимым ему для ежедневного применения, средств личной гигиены, пищи и воды, приемлемых для употребления без угрозы жизни и здоровью, и тому подобного, приравнивается к пытке и может быть использовано недобросовестными сотрудниками правоохранительных органов для склонения обвиняемого к самооговору или получению иных выгодных для них показаний.

2. Когда человек, заключаемый под стражу, попадает в «сферу исключительной компетенции государства», то есть в места лишения свободы, на государстве лежит обязанность произвести медицинский осмотр заключенного с тем, чтобы снять с себя ответственность за любые телесные повреждения, возникшие до фактического заключения под стражу, и одновременно принять на себя ответственность за телесные повреждения, возникшие после этого. Государство в лице его уполномоченных органов, по российскому законодательству, обязано обеспечить содержание лица под стражей в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

3. Если человек, содержащийся под стражей, не высказывает и не пишет жалоб на плохие условия содержания и побои со стороны сотрудников, то удовлетворенность собственным положением не является единственной причиной отсутствия жалоб. Человек может не высказывать жалоб на избиение осматривающему его врачу, потому что при этом осмотре присутствуют те самые сотрудники, которые его избивали. Человек может не писать жалоб в прокуратуру, потому что не знает ни одного случая, чтобы такая жалоба помогла кому-то из его знакомых, но при этом знает несколько случаев, когда у заявителя жалобы возникали неприятности со стороны администрации места лишения свободы еще до ее подачи.

4. Если в суде были оглашены показания свидетеля, не явившегося в суд, и эти показания положены в основу обвинения, то суд, рассматривающий уголовное дело, не вправе отказать стороне защиты в ходатайстве об исследовании в судебном заседании письменных объяснений того же свидетеля, представленных защитой в суд. В случае если суд не сочтет возможным доверять таким объяснениям, то он обязан мотивированно отвергнуть их в тексте постановляемого решения с указанием, почему он не счел возможным доверять оглашенным в суде показаниям, полученным на предварительном расследовании, то есть вне процедуры судебного разбирательства и вне возможности контроля их получения со стороны защиты.

Важно отметить, что для всех описанных здесь правил и обыкновений при желании можно найти обоснование и в тексте действующего уголовно-процессуального закона Российской Федерации. Все сказанное — это лишь частные случаи проявления общеизвестных

и доступных для всеобщего понимания принципов существования судебной власти и правосудия.

Едва ли можно спорить с тем, что суд и судебные процедуры как раз и существуют для того, чтобы каждый, кто участвует в этих процедурах, был услышан. Смысл существования специально созданных органов судебной власти в любом государстве состоит в том, чтобы никто другой не мог присвоить себе монополию на истинное знание, исключительное право на принуждение без обоснования его необходимости в судебных процедурах. Бытовавшая в разные исторические периоды разных государств максима «органы зря не задерживают» неизменно опровергалась самим ходом истории этих государств. «Органы» обретали вид «оборотней в погонах» или каких-нибудь «цепных псов самодержавия», и вдруг выяснялось, что сосредоточенная в руках конкретных представителей этих органов бесконтрольная власть использовалась ими вовсе не для защиты публичного интереса, как было принято считать, а для собственного обогащения, решения личных карьерных и иных конъюнктурных задач.

Гласная и состязательная процедура судебного разбирательства, участие в ней непрофессиональных и не «служилых» представителей общества, мотивированность и общедоступность судебных решений — это гарантии от произвола недобросовестных чиновников, которые были, есть и будут всегда. Универсальные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства не были никем выдуманы в одночасье. Они стали результатом многовекового развития взаимоотношений государства и человека независимо от географического расположения участников этого взаимодействия. Российское общество сейчас как никогда нуждается в справедливом правосудии, ибо оно — залог доверия народа к государству, его лидерам и их действиям.

В. В. Трофимов[1]

СТРАТЕГИИ КОНФЛИКТА И СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Современный миропорядок испытывает серьезнейшие трансформации: накопившаяся энергия недовольства, неудовлетворенности своим положением в мировой системе координат одних стран, стремление господствовать и сохранять мировое «господство» других, неспособность противостоять «внешней» несправедливости и десуверенизация третьих, желание добиваться установления ожидаемой справедливости и сохранять суверенность со стороны четвертых и так далее приводят мировую арену к предконфликтным и конфликтным состояниям, а соответственно к новым политико-экономическим тектоническим сдвигам — процессам, думается, длительным, об итогах которых объективно мы сможем судить спустя годы, а может быть, и десятилетия. Причем судить (оценивать) можно будет по самым различным проявлениям, начиная от собственно государственных учреждений (которые могут поменять форму, масштаб, приобрести новую типизацию, свой функционал, начать использовать иной инструментарий и пр.) и вплоть до бытовых обыкновений.

В немалой степени о результатах трансформации миропорядка мы узнаем из нового международного и национального права, которое будет складываться и сложится на фоне происходящих перемен. Оно будет как постоянно сопровождать преобразовательный для мирового порядка процесс, так и выражать в своих объективных формах характерные тенденции и закономерности.

Фактически можно сказать, что современный мир переживает в своем роде все то, что когда-то уже неоднократно испытывал в разрезе своей долгой истории, диалектически проходя на собственном опыте все известные колебания от хаоса к порядку, и наоборот[2]. В частности, подобное в XVI–XVII столетиях переживала Европа, пройдя и испытав на себе все «прелести» Восьмидесятилетней и Тридцатилетней войн между католиками и протестантами Европы, что всколыхнуло передовые умы той эпохи и послужило эмпирической почвой для различных учений и ученых трактатов, в которых авторы пытались разобраться, как можно преодолеть череду и ажиотаж войн, достичь мира и создать условия для недопущения войн и конфликтов в будущем.

Одним из таких научных трактатов, который по форме и смыслу отвечает происходящим сегодня в мире событиям, является фундаментальный труд голландского мыслителя Г. Гроция «Три книги о праве войны и мира», который впервые был опубликован в 1625 году. Гениальное произведение знаменитого голландца, выдержавшее многочисленные переиздания на разных языках мира, сохраняет свое значение и сегодня, что неудивительно, поскольку в нем «вскрыты» не только такие важные стороны общественно-поли-

[1] Директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.), «Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований)» (в соавт.), «Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации» (в соавт.), «Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив» (в соавт.), «Конфликтное право и право сотрудничества как отражение негативных и позитивных аспектов социально-правовой жизни» (в соавт.) и др. Член Ассоциации юристов России, Российского правотворческого общества. Отмечен знаком Луганской Народной Республики «За усердие» II степени и др.

[2] Об опыте рассмотрения миропорядка через парную категорию «порядок–хаос» см., например: *Шершнев И. Л.* Миропорядок // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 273–274.

тической жизни, как «война» и «мир», но и по сути скрывающиеся за ними две базовые стратегии развития социума в виде «конфликта» и «сотрудничества» соответственно.

И то и другое из жизни общества неустранимо, а потому всегда будет составлять предмет размышлений и исканий, что активизируется, как правило, тогда, когда доминировать начинает стратегия войны и усиливается стремление выйти из порочного круга конфликтного «безумия», поскольку иным термином войну и не назовешь. Однако в это безумие почему-то мир готов впадать от раза к разу. Причем очень часто все разумные правила, которые существовали на эти случаи, для того чтобы хоть как-то удерживать конфликты в рамках гуманности и человечности, также проходят проверку на прочность.

Г. Гроций в пролегоменах к трем книгам «О праве войны и мира» писал: «Так как по приведенным основаниям я с давних пор был непоколебимо убежден в существовании в международных сношениях некоего общего права, сохраняющего силу для войны и во время войны, то многие и немаловажные причины побуждали меня предпринять настоящий труд. Я был свидетелем такого безобразия на войне между христианами, которое позорно даже для варваров, а именно: сплошь и рядом берутся за оружие по ничтожным поводам, а то и вовсе без всякого повода, а раз начав войну, не соблюдают даже божеских, не говоря уже о человеческих, законов, как если бы в силу общего закона разнузданное неистовство вступило на путь всевозможных злодеяний»[1].

Действительно, война как крайняя форма конфликта способна переходить всякие пределы дозволенного, что порой можно наблюдать в практике современных военных столкновений. Тем значительнее должна становиться роль права как одного из немногих универсальных средств, способных перевести враждующих людей из состояния вражды к миру и согласию. Вместе с тем, чтобы право было эффективным, оно должно учитывать социальный контекст, предстающий в двух своих основных ипостасях — формах социального конфликта и сотрудничества.

По своей природе сотрудничество и конфликт выступают как две диалектически противостоящие друг другу и в то же время дополняющие друг друга в индивидуальном сознании и общественной практике нравственные, политические и правовые парадигмы, регуляторы и движители деятельности людей, их поведения и поступков. При этом следует признать, что обе из названных парадигм находили себе место при объяснении того, что лежит в основе социального развития, что двигает людьми, заставляет их искать и находить новые пути и способы совместной жизнедеятельности в интересах обеспечения все более достойного образа жизни. Однако относительно того, какому из явлений (солидарности или конфликту) принадлежит ведущая роль в детерминации социальной жизни, мнения ученых расходились.

Ю. И. Гревцов в своем труде по социологии права сводит мнения по проблеме доминирования солидарной и конфликтной моделей взаимодействия в общественной жизни к двум основным группам: «Одни ученые (О. Конт, Т. Парсонс) полагали, что общественная структура, социальная жизнь вообще и ее развитие держатся только на согласии и солидарности. Причем солидарность, по их мнению, есть исключительно результат взаимодействия и сотрудничества… Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер и др. подчеркивали, в частности, что общественная жизнь порождается и развивается через противостояние, враждебность, настороженность, которые ведут к социальному напряжению на том или ином участке социальной жизни»[2].

Безусловно, стремление к сотрудничеству, компромиссу, партнерству, миру и одновременно подверженность конфликту, разладу, противоборству, войне — это две основные социальные альтернативы, в соответствии с которыми происходит развитие всей общественно-правовой системы и государственно-правовой жизни общества, воспроизводятся соответствующие правовые формы, отвечающие как задачам погашения конфликтов, локализации зоны их протекания в общественных практиках, так и задачам усиления сотрудничества, расширения сфер солидарности в общественной жизни.

Все социально-правовые процессы строятся и осуществляются на фоне этих двух базовых стратегий функционирования социально-интерактивных систем. Социальные субъекты, конфликтуя или устанавливая связи сотрудничества и создавая тем самым «минус» или «плюс» (негатив или позитив) социальных отношений, влияют на государственно-правовую картину социального мира, либо внося (внедряя) в нее элементы мер государственно-правового воздействия, предотвращающие или разрешающие конфликты (если они доминируют на практике), либо обогащая правовую жизнь общества новыми соглашениями и договорами о сотрудничестве (конвенциональными юридическими формами), если преобладают социальная солидарность, согласие и взаимоуважение меджу социальными акторами.

Данные глубинные стороны социально-правовой жизни (непрекращающегося процесса социально-правового взаимодействия/коммуникации), собственно, и выступают непосредственным предметом государственно-правового воздействия; тем, на что направлено правовое регулирование, которое может быть эффективным лишь в том случае, если механизмы (средства) такого государственно-правового воздействия (регулирования) в полной мере адекватны характеру социальных ситуаций правового конфликта и сотрудничества, где первый нужно предупредить, устранить, минимизировать, а второе — поддержать и простимулировать.

Доминирующая тенденция современной мировой общественной жизни — конфликт, конкуренция, порой достаточно агрессивная. Этот отрицательный тип социальной интеракции двойственным образом влияет на государственно-правовое развитие социума. Конфликтные отношения между социальными акторами, будучи сами по себе отрицательны, так как разруша-

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира : Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. [Репринт с изд. 1956 г.]. М., 1994. С. 51.

[2] *Гревцов Ю. И.* Социология права. СПб., 2001. С. 193.

ют те или иные элементы социальной системы (порой их ликвидируют), не исключают и конструктивного начала. Конфликты, разрушая что-либо из существовавших социально-правовых институций, в свою очередь, приводят к возникновению новых правовых институтов и регуляторов, функцией которых является предотвращение подобных конфликтов либо их разрешение, в том числе посредством санкций, негативных обязываний и запретов на осуществление той или иной социально-политической, социально-экономической и прочей активности.

В то же время все конфликты должны когда-либо заканчиваться миром, и этот мир тем ценнее, чем ощутимее оказываются последствия конфликтов. Люди все-таки так или иначе стремятся жить спокойно и не испытывать тех стрессов, которые исходят от конфликтов, жить без вражды, взаимодействовать друг с другом на мирных, взаимовыгодных началах. Э. Дюркгейм писал: «Если мы и любим войну, то мы любим также и радости мира, а последние ценятся тем больше, чем более люди социализированы, т. е. (поскольку оба слова равнозначны) цивилизованны»[1]. Правовой и в целом социальный прогресс предполагает принятие и реализацию правовых решений в формате сотрудничества, диалога, обмена мнениями, на основе согласования позиций. Данная положительная сторона социально-правового взаимодействия, без сомнения, могла бы выступить магистральной линией развития мирового сообщества на длительную перспективу, позволяя социальным субъектам в полном объеме ощущать потенциальные возможности солидарного права.

К сожалению, в настоящее время многие сферы общественной жизни (экономику, политику, культуру и пр.) характеризуют непосредственно конфликты, а мирных («замиренных») социальных сред не так много, и они постоянно испытывают воздействие окружающего негатива. Не случайно в современной социально-философской литературе даже стали использовать специальный термин, характеризующий это нынешнее состояние социума, — «глобальное общество риска» (У. Бек)[2].

Существующее преобладание конфликтных проявлений с особой остротой ставит вопрос об исправлении этой ситуации как на локальном (региональном) уровне, так и на уровне мира в целом (глобальном уровне). Это, в свою очередь, повышает роль права, которое в человеческой цивилизации является самым, пожалуй, незаменимым способом решения социальных проблем (в комплексе с другими — религиозными, морально-нравственными и прочими социальными регуляторами).

По сути, сложившееся на международном уровне за всю историю право войны и мира и было реакцией на те войны и конфликты, которые происходили в разные эпохи, периодически чередуясь с переходами на определенные временные интервалы к фазам мирного сосуществования. Это право (в своей конфликтной части) устанавливает императивные правила для враждующих, вводит ограничения для чрезмерной агрессии и бесчеловечности, которые во время войн находят свое проявление и требуют сдерживания. Это же право (по линии межсубъектного сотрудничества) определяет условия соглашений, посредством которых можно было достигать мира и взаимных уступок, обеспечивая сосуществование государств и народов на началах взаимного уважения и добрососедства.

С. Ф. Ударцев[3]

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: КОРРЕКТИРОВКА ПОЛИТИКИ, ИДЕОЛОГИИ

1. Мировой экономический и политический кризис, переформатирование мировой системы безопасности, глобальной политической и экономической систем неизбежно ведут к определенному кризису во многих сферах общественной жизни. Необходимость адекватного ответа на новые вызовы требует пересмотра, переучета, поддержки всего, на что влияет кризис, для сопротивления внешнему и внутреннему давлению на государство и общество, а также для усиления того, благодаря чему кризис может быть смягчен или преодолен. В частности, требуются реструктуризация экономики, изменение политики, идеологии, системы ценностей и приоритетов.

В разных странах, учитывая их социально-экономические, культурные и политические особенности, степень вовлеченности в кризисные процессы, уровень и стадию развития, могут быть приняты разные меры. При этом в них неизбежно проявляются некоторые общие закономерности и особенности.

2. В условиях кризисов, войн, революций, любых глубоких потрясений у общества вырабатывается закономерная защитная реакция на возникающие вызовы. В разных исторических условиях требуется раз-

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

[2] См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. Л. Филиппова. М., 2000.

[3] Руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления Академии правовых и экономических исследований им. С. Зиманова при Казахском гуманитарном юридическом университете им. М. С. Нарикбаева (Нур-Султан), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана. Автор около 600 научных публикаций, в т. ч.: «Кропоткин. Из истории политической и правовой мысли», «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность», «История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс», «Учителя и коллеги: из истории юридической мысли Казахстана XX — начала XXI в.», «Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права)», «Философия права анархизма», «Видные ученые-юристы Казахстана XX — начала XXI в.» (отв. ред. и соавт.), «Казахстан: конституционная реформа 2017 года», «Право и государство как институты и идеи: прошлое, настоящее и будущее» и др. Главный редактор журнала «Право и государство». Председатель Экспертного совета и член Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан.

ная по масштабам и уровню напряженности мобилизация, влекущая перегруппировку и концентрацию сил и средств общественного организма для его выживания, противодействия угрозам.

Закономерным направлением развития политических форм в таких ситуациях являются укрепление государственности, формирование и развитие сильного государства. Только оно, пока существует, может более эффективно противостоять кризису и угрозам безопасности, а также содействовать их преодолению. Слабое, хрупкое государство, наоборот, может умножить кризисные явления, привести к поражению, распаду государства[1].

3. Формирование и развитие сильного государства определяются системой факторов. По сути, оно является равнодействующим вектором реагирования на угрозы и вызовы общества в целом, всех сфер его жизнедеятельности. Это факторы: экономические, финансовые, технические, технологические, политические, правовые, культурные, научные, образовательные, коммуникативные, информационные, организационные, идеологические, нравственные, религиозные, экологические. Все они, внутренние и внешние, в совокупности, в разной степени и по-разному в меняющихся исторических ситуациях воздействуют на формирование «мягкой» и «жесткой» силы, мощи и эффективности государства. Ресурсом данных средств и составляющих их элементов общество и государство должны воспользоваться, чтобы их согласовать, гармонизировать, подтянуть отстающие, усилить ослабленные элементы и при этом не дать одним важным компонентам силы подавить и ослабить другие, не менее важные в некоторых ситуациях.

4. В человеческом обществе все явления так или иначе связаны с сознанием и волей человека, малых и больших групп людей. В индивидуальном и общественном сознании производится отбор, отсев, критический пересмотр и переориентация на новые критерии и ценности для решения вставших перед обществом и государством задач. В новых исторических условиях переосмысливаются многие понятия, институты, нормы, происходящие процессы. Такие понятия, как демократия, авторитарная власть, права и обязанности граждан, свобода и безопасность, соотношение интересов личности и общества, статус и ответственность собственника, индивидуализм и патриотизм, предательство, подвиг и героизм и другие, наполняются новым содержанием, обретают новый смысл и значение, в которых высвечиваются особенности исторической ситуации. Эти изменения и наполнение новыми оттенками нравственного, политического, правового смысла могут меняться, ослабляться или усиливаться, расширяться или сужаться, изменять акценты под влиянием динамики степени опасности для общества вызовов исторической ситуации.

5. В условиях глобального кризиса неизбежно корректируется внешняя и внутренняя политика государства. Практически невозможно, чтобы политика государства, эффективная в докризисное или довоенное время, была столь же эффективной в условиях кризиса и в военное время. Неизбежно наращивание степени мобилизации социального организма для концентрации и восстановления сил и средств общества. Противодействие негативным и враждебным воздействиям требует изменений политики в сфере экономики, права, науки и техники, культуры, социальных отношений, в сфере безопасности. Изменение политики должно обеспечить развитие тех отраслей экономики и военной промышленности, которые позволят нарастить и восполнить потери в необходимом количестве и качестве техники, строительных материалов, транспорта, вооружения, медикаментов, иной жизненно важной для государства и общества, его здоровья, выживания и производства необходимой промышленной продукции и услуг. Политика в сфере культуры, идеологии и нравственности должна обеспечить здоровый дух сопротивления и противостояния народа трудностям, которые он должен преодолеть для выхода из кризиса или для того, чтобы выстоять и победить в противостоянии с противником, каким бы сильным он ни был. При затяжном и масштабном кризисе изменения неизбежно глубже, интенсивнее и более системные.

Сфера формирующегося сильного государства в современном мире охватывает территорию государств на планете и постепенно, циклически расширяется в космическое пространство[2].

6. В таких ситуациях неизбежно вскрываются разнообразные недостатки, проблемы, ошибки, порой с катастрофическими последствиями, допущенные, сложившиеся и проявившиеся к моменту кризисной ситуации в государственном управлении — в системе и структуре государственных органов, в стратегии и тактике, государственных программах, управленческих решениях, кадровом обеспечении. Государство, система его органов, их взаимодействие между собой, компетенция и кадровое наполнение должны быть реформированы, оперативно преобразованы, при необходимости отсечено мешающее и неисправимое или изменяемое слишком долго и с большой вероятностью с отрицательным результатом.

Необходима мобилизация общественного сознания, включение для поддержки этих процессов мощных информационных потоков в средствах массовой информации, в социальных сетях. Для успешной деятельности государства существенное значение имеет поддержка народом его политики, действий, идеологии.

При ухудшении социально-экономического положения народ, различные социальные группы, особенно средний класс и ниже по социально-экономической и политической иерархии, становятся особенно чувствительны к справедливости и ее реализации. Политика государства в таких условиях неизбежно корректируется на более тонкий учет социально-экономических интересов широких групп населения. Требуя от общества большей дисциплины, преданности, патрио-

[1] См. также: *Ударцев С. Ф.* Право и государство как институты и идеи: прошлое, настоящее и будущее (избранное). М. : Юрлитинформ, 2022.

[2] См., например: *Ударцев С. Ф.* Космическое государство — начало новой эпохи в эволюции государственности // Государство и право. 2021. № 8. С. 21–34. DOI: 10.31857/S1026945220016441-6.

тизма и самопожертвования, государство обязано существенно повысить свою ответственность перед народом, в большей степени поддерживать позитивные проявления лояльности граждан, активнее и при этом публично пресекать негативные проявления как в отношении государства и его политики, так и в отношении общества и граждан. Неизбежно должны искореняться и неотвратимо наказываться коррупция, взяточничество, казнокрадство, предательство, новые и старые преступления против государства, его внешней и внутренней политики, а также против единства народа, межнационального мира и согласия, благополучия народа в целом и отдельных граждан.

В России, очевидно, актуализируются проблемы нравственных опор в деятельности государства, борьбы с коррупцией, национализации элиты, наведения порядка в отношениях собственности (с учетом законности приватизации, национализации собственности прекращающих деятельность резидентов стран, которые ввели санкции и заморозили золото-валютные резервы государства), обеспечения противостояния западным санкциям, приоритетной идеологии, перестройки экономики, социально ориентированной и обновленной кадровой политики, принятия законодательства, обеспечивающего наращивание силы государства и нормализацию общественной жизни в новых условиях и т. д.

7. В условиях глобального кризиса специфические проблемы встают перед каждой страной. Требуется найти свой путь укрепления государства и единства общества. Неизбежно приходится устранять препятствия на этом пути, использовать порой специфический набор средств и методов достижения необходимых в исторической ситуации результатов.

В демократических странах, особенно с расколотым межпартийной борьбой электоратом, может потребоваться несколько изменить политический режим для укрепления государства и сплочения народа. В авторитарных режимах достигнуть этого проще. За исключением случаев, когда народ осознал многочисленные накопившиеся негативные последствия крайнего авторитаризма и уже выступает против него.

Например, такая ситуация возникла в Казахстане, где монополизм в политической и экономической сферах достиг своего апогея. В ходе и после противоречивых январских событий 2022 года, включавших и стихийный протест населения, и попытку государственного переворота с использованием террористических групп, выявилось критическое и негативное отношение населения к сложившимся за 30 лет несменяемой власти монополизму и культу личности, отчуждение народа от государства. Для преодоления этой ситуации и укрепления единства государства и общества второй президент Казахстана начал преобразования, отвечающие ожиданиям общества.

Реформы направлены на устранение и запрет экономической и политической монополии в стране отдельных групп лиц или родственников главы государства, на корректировку разделения властей, введение дополнительных сдержек и противовесов, на переход от суперпрезидентской республики к президентско-парламентской республике («Вторая республика») с сильным парламентом, особенно усиленной нижней палатой. Меняется законодательство о партиях и выборах. Повышается ответственность правительства, его потенциал оперативного реагирования в кризисных ситуациях. Правительство получает право в конкретно определенных случаях вносить в парламент законопроекты для немедленного их рассмотрения и до принятия решения парламентом принимать акты, равные по силе законам. Воссоздается Конституционный суд, замененный в 1995 году органом конституционного контроля с ограниченной компетенцией (Конституционным советом). В Конституции полноценно закрепляется статус Уполномоченного по правам человека с широкими правами. Расширяются демократические основы формирования местных государственных органов. Издан указ о дебюрократизации деятельности государственных органов, имеющий целью повышение оперативности и эффективности работы государственных органов. Из Конституции исключаются упоминания о неизменности статуса и привилегиях первого президента. Меняется статус земли и недр, запрещается смертная казнь. Крупная конституционная реформа потребует изменений и дополнений практически во все конституционные законы и во многие текущие законы и подзаконные акты. Учитывая значительные конституционные изменения, планируется проведение референдума.

В Казахстане, с учетом особенностей ситуации в стране, предпринята попытка укрепить государство и обеспечить его поддержку народом за счет демократических и институциональных реформ, направленных на расширение возможностей использования силы, энергии и инициативы народа, политических партий, бизнеса. Создаются предпосылки для формирования сильного демократического и правового государства. На этом пути есть свои трудности и опасности ослабления некоторых других компонентов сильного государства. Но историческая ситуация, сложившаяся в Казахстане, требует от государства и общества выбрать и пройти этот путь оздоровления и укрепления.

И. Л. Честнов[1]

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ценностное измерение права — важная и значимая проблема постклассической юридической науки. Сегодня можно утверждать, что основной тенденцией развития современной (постклассической) философии права как раз и является акцент на ценностном измерении правовой реальности — включении ценностей в контекст и имманентности бытия права. Каким образом? Об этом будет сказано ниже. Сейчас же попробуем разобраться в том, что же такое ценности с позиции постклассической философии и изменяются ли они в постсовременном мире?

Полагаю, что перечень фундаментальных ценностей остается неизменным, однако само представление о том, что такое ценности и их содержание, значительно трансформируется. Ценности — это не сами по себе блага как некая объективная данность, а процесс и результат оценивания (предпочтительности) чего-либо. Такой процесс и результат обусловлен как оценкой ситуации (контекста), так и ценностными предпочтениями, сложившимися у индивида в процессе социализации. А эти ценностные ориентации, в свою очередь, зависят от места индивида в системе социальных статусов и наличного символического капитала, имеющегося в его распоряжении.

Ценности в эпоху постмодерна релятивны, контекстуальны и изменчивы. Они зависят от актуализации социальных проблем. Так, в 2005 году Р. Инглхарт и К. Вельцель утверждали, что процесс модернизации (или постмодернизации) сопровождается резким снижением ценности выживания и ростом ценности самовыражения[2]. Однако У. Бек убеждает: «Примат самосохранения, не зависящего от влияния моды, есть первое благо человечества»[3]. Полагаю, что «общество глобального риска» не отказывается от ценности выживания, но преобразует ее содержание. Особенно это относится к новой превентивной политике, активно формирующейся в конце XX — начале XXI века в развитых западных странах. Признавая, что любые прогнозы будущего всегда вероятностны, новая превентивная политика предполагает принятие «мер предосторожности даже в том случае, когда риск еще не явил себя в полной мере — в этом заключается сущность принципа предосторожности, который лежит в основе англо-американской модели предупреждения преступности», «центральными категориями и инструментами которой становятся пред-преступление и пред-наказание, а не традиционные механизмы уголовной ответственности, ресоциализации и социальной превенции»[4]. Таким образом, когда на повестку дня выносится проблема терактов или угроза пандемии, ценность выживания актуализируется и выходит на первый план в ценностных ориентациях большинства населения. В ситуации же относительной стабильности на первое место возвращается ценность самовыражения, которую сторонники теории модернизации поспешили универсализировать.

Вернемся к вопросу о роли ценностей в правовой реальности. Ценности, с моей точки зрения, выступают важным элементом источника права и механизма воспроизводства права. Поясню эту мысль. Реальность существует как знаково-символическая реальность, а потому ценности имманентны ей. Нет безоценочной объективной информации, по крайней мере, в социальном (и правовом) мире, как и нет объективных социальных процессов и явлений: она (информация) всегда оценивается с позиций ценностей, как и социальные феномены. Такой механизм оценивания лежит в основе выработки правовой инновации и традиционного воспроизведения правопорядка — источника права в социологическом смысле. Внешние факторы, несомненно, влияют на выработку правовой инновации и ее последующую легитимацию как воспроизводство (без которой источник права произведет «мертворожденную» статью нормативного правового акта). Но эти внешние факторы сами по себе не изменяют правовую реальность: такие изменения происходят только при интериоризации внешних факторов в правосознание, правовую культуру.

В социальном мире — выскажу эпатирующую, возможно, кого-то мысль — нет причин в классическом смысле слова как факторов, неизбежно порождающих конкретное следствие. Место причин занимает мотивация, которая всегда избирательна и вероятностна: всегда можно выбрать как минимум два варианта поведения. А содержание мотивации определяется ценностными диспозициями и ситуацией (контекстом). При этом ситуация (контекст) оценивается с позиций ценностей, интересов, потребностей актора. В этом смысле ценности входят в психический аспект механизма правового регулирования, о чем подробно и обстоятельно писал Г. В. Мальцев: «…полная и неискаженная картина правового регулирования в обществе может быть составлена на основе познавательного материала, добытого в результате *научного, нормативного и ценностного постижения юридической действительности*»[5].

---

[1] Профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 470 публикаций, в т. ч.: «В поисках теории права» (в соавт.), «Актуальные проблемы прокурорской деятельности: теория прокурорской деятельности в системе наук» (в соавт.), «Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы» (соавт. и соред.), «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

[2] *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 12.

[3] *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Б. Григорьева. В. Д. Седельника ; послесл. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. М. : Прогресс-Традиция : Издат. дом «Территория будущего», 2007. С. 333.

[4] *Гуринская А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: Критический анализ : моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 346.

[5] *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 76.

И далее: «в обществе идет непрерывный процесс взаимообогащения целей и норм, к которому прямое отношение имеют социальные и нравственные ценности. Они придают целям и нормам особую значимость, делают их привлекательными для людей, дают нужные критерии оценки и измерения нормативных и целевых регуляторов. Цели и нормы всегда имеют некоторую ценность, она может время от времени повышаться или снижаться, причем соответствующие колебания в нормативной и целевой сферах происходят, как правило, согласованно и синхронно. …Мера ценности, присущая целям, может быть распространена и на средства достижения данных целей не в том смысле, что „цель оправдывает любые средства", а в том, что цель требует средств, адекватных ее ценностному значению. При выборе между равноценными и неравноценными целями действий субъектов права роль оценочного критерия выполняют цели права, юридических институтов и норм. В целом же взаимосвязи между нормами и целями (и ценностями) в праве образуют, если можно так сказать, клубок хитросплетенных нитей, разнонаправленных связей, своеобразно переплетающихся и сочетающихся в различных точках правового пространства и времени»[1].

Специфика постсовременного общества (или общества «высокого модерна», «второго модерна») состоит в перманентном риске, в снижении ощущения общественной безопасности. Но изменение содержания ценностей связано не только с этим. «Государственно-бюрократически-юридические притязания технической цивилизации всегда включали требование контроля за последствиями и опасностями новых технологий», — пишет немецкий социолог. Однако в обществе «второго модерна» (по его терминологии) появляются и все больше распространяются самоконтролирующиеся, недоступные для человеческого вмешательства открытые технологические системы, в которых проявляется «двойственность технической цивилизации: с одной стороны, эти системы совершенствуют меры обещанной безопасности; с другой стороны, они открывают для риска непредсказуемые возможности — прежде всего относительно нового качества сложности и контингентности. Таким образом, осуществляется переход к открытым, самоконструирующимся системам, способным приспосабливаться к условиям, которые в своей сложности и многоаспектности меняются с быстротой, недоступной для человеческого вмешательства». Отсюда возникает важнейший парадокс власти эпохи «второго модерна»: «…именно та власть и те ее признаки, которые создают новое качество безопасности, обусловливают в то же время меру *абсолютной бесконтрольности*. Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними. Все попытки технически минимизировать или устранить риски умножают неуверенность, в которую мы ввергаем мир»[2]. Отсюда делается общий вывод: «Мировое общество риска, таким образом, является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания»[3].

В то же время следует прислушаться к другому выводу ученого: «Еще в большей мере, чем при исчисляемых рисках, при непредсказуемых опасностях решающую роль в определении того, что должно рассматриваться как риск и кто несет за это ответственность, играют культурные оценки и стереотипы. <…> Не из одобрения решений, а из неодобрения их непредвиденных последствий возникает и распространяется поверх национальных границ, становясь достоянием мировой общественности, дискурс, глобальное представление о ценностях и нормах, а также требование взаимосвязанной деятельности»[4]. Таким образом, глобальное общество риска сопряжено с онтологической и гносеологической неопределенностью как визитными карточками постсовременности. Поэтому сегодня признается невозможность рассчитать последствия любого более или менее сложного социального действия, какой-либо реформы. Ограниченность наших знаний и неопределенность мира вынуждают отказываться от идеи «законодательного разума» науки, от фигуры «юридического Геркулеса» (в терминологии У. Блэкстона, использованной без ссылок на оригинал Р. Дворкиным), который выносит исключительно справедливые, научно обоснованные решения по самым трудным юридическим делам. В такой ситуации приходится полагаться, как это ни парадоксально, на веру в справедливость выносимого решения, исходящего от официальной инстанции. Об этом писал еще в 1990 году Э. Гидденс: рост рациональности в обществе «второго модерна» не сопровождается увеличением уверенности, а, наоборот, приводит к снижению достоверности знаний о социальном мире. В науке сегодня ничто не может быть достоверным и доказуемым, поэтому развитие научных знаний не приводит к росту контроля над социальными проблемами[5]. Поэтому приходится все больше доверять «абстрактным системам», безличностным принципам. Эти принципы основаны на ценностях, которые их — принципы — конституируют.

С другой стороны, ценности эпохи постсовременности не только релятивны, контекстуальны и изменчивы, о чем уже упоминалось выше, но и локальны (или фрагментарны). Сегодня невозможно содержательно обосновать универсальные «общечеловеческие» ценности. Это не отрицает «общечеловеческого» характера, например, ценности выживания или самореализации, которая выступает двумя полюсами — либеральным и традиционным — в системе ценностей, провозглашаемой большинством современных теоретиков. Но конкретное их содержание и особенно ценности, находящиеся между этими полюсами, не только исторически, но и социокультурно обусловлены. Разные социальные и культурные группы, проживающие на территории одного государства, сегодня проповедуют если не противоположные, то как минимум значительно различающиеся ценности. А разные ценности

[1] *Мальцев Г. В.* Указ. соч. С. 702–703.
[2] *Бек У.* Указ. соч. С. 152.
[3] *Бек У.* Указ. соч. С. 153.
[4] Там же.
[5] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1990. P. 55, 60.

являются важным элементом механизма воспроизводства права и положены в основу обычного права, которым конкретизируются все нормы права: не только материальные, но и процессуальные. Таким образом, локализация и фрагментаризация конкретного содержания правовых ценностей — еще одна проблема постсовременного права и теории права, нуждающейся в научном осмыслении.

В. Л. Энтин[1]

ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРАВА: СТОЛКНОВЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ

1. Девальвация западных ценностей. Основные ценности любого общества находят закрепление в основополагающих документах. Конституция Российской Федерации, исходя из классической либеральной традиции повышенной защиты основополагающих прав и свобод, сосредоточила их в главе второй, оговорив максимально сложный порядок внесения изменений в статьи, определяющие правовой статус личности. В преамбуле Конституции подчеркивается, что многонациональный народ России сознает себя частью мирового сообщества. Развивая это положение, ст. 17 утверждает, что права и свободы человека и гражданина гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, как они закреплены в Конституции. Терминологически в ней содержится прямая отсылка к Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 году Национальным учредительным собранием, бросившим вызов феодальной Европе бесправия и привилегий. Пункт 4 ст. 29 «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» перекликается со ст. 19 Всеобщей декларации прав человека.

В последний год президентства Дональда Трампа мы наблюдали фактическое отлучение действующего президента от СМИ и Интернета без отрешения его от должности или отставки. На этом фоне выборочное выдавливание российских СМИ из кабельных сетей и Интернета стало предвестником грядущего противостояния, снижения уровня толерантности.

В глобальном мире все логистические цепочки гуманитарных связей взаимообусловлены. Инициированное в США и ЕС информационное огораживание подконтрольной территории стало предшественником мер по отказу в этих странах от традиционных ценностей конституционализма. На этом фоне усилилось свертывание каналов дипломатического общения. Обозначился отход партнеров России от краеугольных принципов международных отношений, закрепленных в межгосударственных соглашениях, включая Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в Хельсинки главами 35 государств. Действующий в международном праве принцип взаимности предполагает соразмерные меры противодействия внешнему давлению, будь то в информационной сфере или в области безопасности. Приближение к границам России инфраструктуры военного блока, повлекшее принятие ответных мер асимметричного характера, стало триггером катастрофического снижения взаимного доверия. Многолетний саботаж достигнутых договоренностей, демонтаж международных соглашений по контролю над вооружениями привели к обесценению западных обещаний в глазах России.

2. Линия надлома. Традиционный миропорядок, каким он видится из России, миропорядок, основанный на признании законных интересов всех государств и соблюдении норм международного права, на неприкосновенности частной собственности, соблюдении прав человека независимо от гражданства, вероисповедания и политических предпочтений, примата общечеловеческих ценностей, дал глубокую трещину. Применение мер террора времен проскрипций в Древнем Риме и Французской буржуазной революции XIX века, когда неугодных объявляли вне закона (hors la loi) и всякий мог безнаказанно отнять у него жизнь и имущество, противоречит всем наработкам в области права, сделанным за годы после Второй мировой войны, нарушает принцип господства права. Тот самый принцип, на неукоснительном соблюдении которого всеми другими настаивают наши западные партнеры.

3. Столкновение ценностных ориентиров. Узкотехнологичный характер современной цифровой экономики, потеря ценностных ориентиров административного регулирования побудили Министерство культуры РФ вынести в феврале 2022 года на обсуждение документ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В пояснительной записке указывается, что Основы являются межотраслевым документом стратегического планирования. Они служат преодолению последствий глобального ценностного кризиса и утраты присущих человечеству духовно-нравственных ориентиров и моральных

[1] Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Интеллектуальная собственность в праве Европейского Союза», «Адвокатура и адвокатская деятельность» (в соавт.), «Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза» (в соавт.) и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Член Научно-консультативного совета Суда по интеллектуальным правам, Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей по интеллектуальной собственности и креативным индустриям. Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция). Награжден медалью Федеральной палаты адвокатов РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан».

принципов. Приходится констатировать, что отмеченные кризисные явления еще глубже. Утрата Россией доверия к зарубежным партнерам, отсутствие взаимного понимания мотиваций сказываются на всех сторонах общественной жизни. Расхождение в ценностных ориентирах, нравственных оценках дозволенного поведения в межгосударственных отношениях первоначально ограничивалось интерпретацией положений международного права, но чем дальше, тем больше стало сказываться на прочих правовых дисциплинах.

4. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Оно учредило партнерство между Российской Федерацией с одной стороны и европейскими сообществами и их государствами-членами — с другой. Соглашение, подписанное 24 июня 1994 года на о. Корфу (формально оно продолжает действовать), предполагает развитие масштабного сотрудничества по многочисленным направлениям, перечисленным в одиннадцати разделах. Свертывание сотрудничества делает соглашение фактически утратившим силу, обесценивая вынесенные на его основе прецедентные решения.

5. Установки на превосходство Запада. Почти сразу понимание сотрудничества получило однобокую интерпретацию. Партнеры из ЕС интерпретировали партнерство как наставничество, где учитель может выставлять оценки, поощрять или наказывать нерадивого ученика. Статья 55, где речь шла о сближении законодательств и стремлении России к совместимости своего законодательства с правом ЕС, стала толковаться как обязанность неуклонно следовать за изменениями в практике ЕС. Пока речь шла о вопросах юридической техники интеграционного объединения, техники, наработанной в условиях рыночной экономики, рецепция правовых норм представлялась оправданной.

Но по мере эрозии нравственных ценностей, когда критерием наличия демократии стало выставление напоказ нетрадиционной сексуальной ориентации как в кино, так и в реальной жизни, а право на защиту персональных данных использоваться для сокрытия фактов привлечения к уголовной ответственности, восприятие Россией подходов, свойственных праву ЕС, стало более критическим. Отказ от соблюдения ранее достигнутых договоренностей, топтание на месте и попятные движения резко снизили притягательность правовых моделей, используемых в ЕС. Стремление оградить рынок идей в ЕС от точки зрения политических противников породило волну запретов на аналоговое и интернет-вещание российских СМИ. Асимметричный ответ российского законодательства усилил фрагментацию информационного пространства как в России, так и в ЕС, где стороны не желают слушать и слышать друг друга.

6. Необходимость переосмысления ценностных ориентиров. Расхождение в понимании того, какие действия вписываются в общее правовое поле, а какие — нет, заставляет внимательнее присмотреться к соотношению публичного и частного интереса в области права. До сих пор считалось аксиомой, что самостоятельность участников коммерческого оборота, рыночные законы спроса и предложения играют определяющую роль в функционировании мирового рынка. Оказалось, что это далеко не так. Мировой рынок жестко контролируется странами «Большой семерки» через систему проведения и отслеживания финансовых транзакций в твердой валюте и выдачу разрешений ad hoc на проведение выборочных расчетов с политическими противниками. Границы правового поля действующего миропорядка требуют переосмысления в интересах обретения национального суверенитета.

Бытовавшие ранее академические представления о свободе договора и мере самостоятельности крупных участников хозяйственной деятельности, независимо от страны происхождения, оказались далеки от реальности. Становится очевидным, что действия и поведение физических и юридических лиц, находящихся в публичном поле в силу занимаемого ими положения, оказываются под административным контролем не только национальных властей. Публичных субъектов независимо от гражданства под угрозой применения персональных санкций вынуждают отказываться от работы, прекращать прибыльную деятельность, идти на утрату инвестиций в России. Складывается ситуация, когда сохранение способов и методов производства расчетов в валюте западных стран станет рассматриваться как синоним осознанного подчинения давлению иностранных эмиссионных центров.

Появление виртуальных валют, криптовалют, расширение использования альтернативных способов оплаты товаров и услуг, позволяющих обеспечить анонимность продавца и покупателя, начинают рассматриваться не как признак связи с криминалом, а как благо, позволяющее уйти от иностранного диктата.

7. «Пределы осуществления гражданских прав» — так называется ст. 10 ГК РФ, которая дает возможность отказывать в защите имущественных прав полностью или частично по ограниченному набору оснований. К ним относится использование прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, для действий в обход закона с противоправной целью, для недобросовестного осуществления (злоупотребления) гражданским правом, для ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке. Защита публичного интереса как правовой ориентир в применении статьи отсутствует в законе, но уже начинает присутствовать в судебной практике.

8. Преодоление энтропии. С началом третьего десятилетия XXI века в условиях информационной революции и становления виртуального мира, где оборот нематериальных ценностей в стоимостном выражении существенно превышает стоимость трансферта объектов материального мира, право как антропоцентрический инструмент становится единственным средством поддержания присутствия и защиты интересов человека при использовании результатов его интеллектуальной деятельности.

Такие результаты могут участвовать в гражданском обороте только тогда и постольку, когда и поскольку они получили универсальное правовое признание в международных конвенциях. Сегодня ситуация многократно усложняется сохранением правовой охраны интеллектуальных прав на территории, выходящей за

рамки государственных границ одного государства или группы государств. Обособление режима правовой охраны авторских прав, смежных прав, промышленной собственности и средств индивидуализации в аналоговом, цифровом и виртуальном мире создает объективное препятствие для односторонних действий со стороны западных стран в ущерб правообладателям и пользователям во всем мире.

Вынужденное изъятие в США правовой охраны объектов авторского права и промышленной собственности из-под действия ограничений на взаимодействие с Россией показывает, что режим охраны интеллектуальной собственности может эффективно действовать либо глобально, либо нигде.

Попытки изоляции России, как это было в начале XX века, противоречат правовому статусу страны как постоянному члену Совета Безопасности ООН и будут выглядеть все менее состоятельными, когда информационные страсти уступят место трезвому анализу реалий.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. Е. АМПЛЕЕВА	заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент
Н. С. БОНДАРЬ	судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
Е. А. БРЫЛЕВА	начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
Ч. ГОДДАРД	профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ	заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
С. Н. КАСАТКИН	доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук
В. И. КРУСС	заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ
Г. М. ЛАНОВАЯ	профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
В. В. ЛАПАЕВА	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
А. И. ОВЧИННИКОВ	заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права, куратор юридического факультета, кандидат юридических наук, почетный профессор СПбГУП
В. Г. ПЕТУХОВ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе
Р. А. РОМАШОВ	профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
К. Е. СИГАЛОВ	профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
Р. И. СИТДИКОВА	профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук

М. Г. СМИРНОВА — профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук

В. В. ТРОФИМОВ — директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук

В. Л. ЭНТИН — директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук, доцент

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Очень рад, что в работе секции участвуют крупнейшие ученые-правоведы страны и в то же время здесь находится так много молодежи, которой я искренне желаю быть лучше нас, когда наступит пора занять наше место.

Для разработки специальных отраслей знаний особое значение имеют научно-исследовательские, отраслевые и специализированные институты. Их огромная роль заключается в разработке специальных направлений гуманитарной науки, а задача университетов — сосредоточить внимание на интегральном знании. Это не означает, что можно не учить юристов юриспруденции, а означает, что нужно постоянно помнить о междисциплинарности. Поэтому очень хотелось бы посмотреть на проблемы, обсуждавшиеся вчера, глазами правоведов. Эти люди с особым складом ума могут предлагать очень неожиданные решения.

Безусловно, юриспруденция занимает особое место в духовной жизни общества. Она связана в первую очередь с мягкими регуляторами общественных отношений — моральными и социальными истинами, которые со временем меняются, а в настоящий момент и вовсе эволюционируют стремительно как никогда. Мы видим, что в мире начинается жесткая конфронтация между так называемой новой этикой Запада и традиционными ценностями. Эта «новая этика» полностью противоречит принципам, лежавшим, в частности, в основе создания США. Документы, которые ознаменовали собой начало строительства американского государства, имеют очень мало общего с событиями, происходящими там сегодня. Не случайно сносятся памятники основателям Америки. Аналогичным образом ценности, разделяемые сегодня в Европейском союзе, не соответствуют положениям документов, с которых началось создание ЕС.

Западный мир отбрасывает принципы, выработанные за тысячелетия существования культуры. На мой взгляд, это трагедия, которой заканчивается лидерство Запада. В западных странах пока еще неплохо обстоят дела с оружием и экономикой, хотя в экономической сфере ситуация стремительно ухудшается. На мой взгляд, такое отрицание ценностей свидетельствует о моральной деградации и злодейском, я бы сказал, отношении к праву, которое по большому счету было выработано именно в рамках западной цивилизации.

Мы много лет говорили о глобализации, но на самом деле это была вестернизация — попытка Запада переделать планету по своему образу и подобию. Никто, кроме западных стран, не хочет идти по пути «новой этики», понимая, что этот путь опасен и приведет к краху. Так считают не только в России, но и в арабских государствах, Азии, Латинской Америке. Африка, в некоторой степени стоящая особняком от конфликта России и Запада, но все-таки скорее склоняющаяся к поддержке В. В. Путина, а не Дж. Байдена, оказалась мировым изгоем.

России необходимо выработать предельно понятную позицию, базирующуюся на основных ценностях права. Думаю, что для юристов особенно значима риторика российского Министерства иностранных дел о том, что Запад сегодня пытается заменить международное право придуманными им и не разделяемыми основной частью человечества правилами. Это очень опасно.

Опасность угрожает в том числе и России. В нашей стране произошли существенные деформации образования. Каждый год мы отчисляем примерно 250 студентов. Таким образом мы теряем около 50 млн рублей, но принципы важнее. В этом году мы потеряли на отчислениях в два раза больше денег, поскольку знания первокурсников не соответствуют требованиям нашего вуза.

Например, поступающие на факультет конфликтологии могли выбрать при сдаче ЕГЭ между иностранным языком и историей. Многие выбрали иностранный язык. Эти студенты не могут освоить гуманитарный цикл наук, потому что им не хватает знаний по истории. Они говорят, что перестали обращать на нее внимание за два-три года до окончания школы. Зачем им история, если для поступления в вуз нужен ЕГЭ по английскому языку? Но тот, кто не знает истории, испытывает сложности с пониманием литературы, философии, культурологии и других дисциплин базового цикла. Молодежи сложно ориентироваться в современном мире. Если молодой человек уделял внимание только иностранным языкам и толком больше ничего не знает, ему можно навязать любые воззрения, чем и занимается западная пропаганда. Она разорвала в сознании молодежи связь между свободой и ответственностью.

В такое время чрезвычайно важно вернуться к понятию мягких регуляторов, которые, подчеркиваю, проверены тысячелетиями развития цивилизации. Конечно, они должны работать во взаимосвязи с жесткими регуляторами. Соотношение между моралью, нравственностью и правом с учетом происходящих в мире событий особенно важно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Дорогие друзья, уважаемые коллеги, разрешите вас приветствовать!

Я рада, что сегодня студенты могут наконец воочию увидеть исследователей, о которых мы так много говорим на занятиях. Очень приятно, что мы возобновляем Лихачевские чтения после трехлетнего перерыва. По традиции вначале я предоставляю слово руководителям секции, чтобы они сделали несколько вводных замечаний. Академик РАН Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов, пожалуйста.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дорогие коллеги, позвольте прежде всего выразить большую бла-

годарность руководству Университета и, безусловно, вам — участникам Чтений. Сегодня мы постараемся рассматривать проблемы более широко и подходить к ним как с точки зрения права, так и с точки зрения ценностей и нравственности в условиях глобальных трансформаций. Вопросы, которые сегодня возникнут, будут индикатором проблем, волнующих каждого из присутствующих — и преподавателей, и студентов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Профессор Гадис Абдуллаевич Гаджиев, Вам слово.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я тоже хочу начать со слов благодарности Университету и Александру Сергеевичу Запесоцкому. До сих пор у нас не было возможности видеться очно, а онлайн-встречи не дают ощутить всю роскошь живого человеческого общения.

Сегодня СПбГУП, как и всегда, предоставляет юристам возможность обсудить актуальные вопросы. Выражение «актуальные вопросы», уже затершееся, сейчас совершенно изменило свой смысл. Происходит разрыв шаблонов и штампов. Наступило очень трудное время, особенно для молодых юристов, которые стоят в передней величественного здания права и которым еще предстоит понять, что такое право, как феномен. Это понимание необходимо для того, чтобы поклоняться праву, верить в него, проявлять ему преданность. Сейчас право переживает не лучшие времена. От международного права вообще, можно сказать, ничего не осталось.

И все равно право должно победить. Мы, юристы, в это верим. Наша задача — помочь ему выжить в чрезвычайно сложных условиях. Думаю, сегодня мы и будем обсуждать, как этого добиться.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — С удовольствием предоставляю слово нашему первому выступающему — профессору Николаю Семеновичу Бондарю.

Н. С. БОНДАРЬ: — Лихачевские чтения — это уникальное научное мероприятие, обладающее собственным колоритом. Его уникальность — в широком, междисциплинарном подходе к рассматриваемым проблемам, и вчера это было в полной мере продемонстрировано. С учетом такой специфики, как мне кажется, будет нелишним вспомнить методологический принцип «бритва Оккама»: не следует умножать сущности без необходимости. Иными словами, нет необходимости дополнять исследование тех или иных явлений новыми аспектами, которые не имеют сущностного значения. Очень рад, что «бритва Оккама» не прошлась по юриспруденции. Ее не исключили из проблематики Лихачевских чтений, которая была обозначена как «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка». Я бы предложил добавить в это название еще два слова. Во-первых, не просто «глобальный конфликт», а «глобальный конфликт ценностей», прежде всего конституционных, и во-вторых, не просто «нового мирового порядка», а «правопорядка». Тогда представительство юриспруденции при исследовании соответствующих вопросов будет полноценным.

Следует подчеркнуть, что неизменными, вневременными основополагающие ценности быть не могут. Однако не будем забывать мудрые изречения древних. «Все настоящее — это только мгновение вечности», — говорил Марк Аврелий. Чтобы мы ощутили связь сегодняшнего дня с вечностью, я позволю себе вспомнить слова, которые молодое поколение, наверное, хорошо знает. Это строка из песни группы «Гости из будущего»: «Только я, как прежде, верю в бесконечность каждого мгновенья на земле».

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Чарльзу Адриану Скотту Годдарду.

Ч. ГОДДАРД: — Мое выступление в основном будет адресовано студентам.

Есть такая китайская поговорка, даже проклятие: чтоб ты жил в эпоху перемен. А мы определенно живем именно в такую эпоху. Мы столкнулись с пандемией COVID-19, прямо сейчас идет специальная военная операция, три дня назад заместитель министра науки и высшего образования России объявил о выходе страны из Болонской системы. Вокруг царит русофобия, поощряется открытый, неприкрытый расизм против России и русских, и занимаются этим, как ни печально мне это признавать, люди вроде премьер-министра Великобритании и нашего министра иностранных дел. Повторю — открытый, неприкрытый расизм.

Что касается студентов и молодежи, то все перечисленное создает для них некомфортную новую реальность; думаю, из-за этого впоследствии к ним будут относиться совершенно по-другому. Так что, готовясь к сегодняшнему выступлению, я спросил себя: как же им помочь? Я бы хотел осветить истоки и причины сложившейся сегодня ситуации.

Возможно, вы знаете, что НАТО началось с Дюнкеркского пакта 1947 года. Постепенно сформировалось взаимное соглашение о гарантии безопасности в случае проявления агрессии в Европе. С момента заключения Брюссельского пакта в него вносили поправки 18 раз, и вы видите, как у наших границ оказывается все больше стран, присоединившихся к НАТО. НАТО и Америка поддерживают европейскую экспансию; по-моему, они создали в Европе абсолютно обезличенный коллективный менталитет, который сильно отличается от того, с чем я сталкиваюсь здесь, в России.

Особенно интересным источником информации о русской культуре стала для меня программа Никиты Михалкова. Я хотел бы зачитать вам отрывок одного высказывания Михалкова, который, как мне кажется, стоило бы осмыслить иностранцам на Западе. Надеюсь, что эти слова найдут отклик и в вашей русской душе. Цитирую: «…мы же понимаем [он говорит о русских], что мы никогда не будем милы. Мы — другие. Наша вера — другая. Наши представления о добре и зле — другие. Не потому, что мы лучше, но мы другие. <…> мы должны быть мощными, независимыми, вооруженными, знать свое место и точно понимать, что никому его не отдадим. И это должно быть основой для нас. Вот, как мне кажется, основой нашего существования должны быть только национальные интересы нашей страны и наших народов».

По-моему, очень жаль, что на Западе не прислушиваются к словам Никиты Михалкова и другим им подобным: раз не прислушиваются, то попросту не поймут, кто мы и как живем. Наша задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы сопротивляться этой приливной волне расширения Европы и НАТО, которое угрожает нашим границам — и в плане территории, и в плане культуры. Думаю, мы должны противостоять этому всеми способами, какие имеются в нашем распоряжении. Для тех из нас, кто преподает в школах и вузах, все сводится, пожалуй, к тому, чтобы формировать у молодежи умение мыслить, вооружать ее для борьбы с приливной волной обезличенной экспансии.

Как эта экспансия на нас повлияла? Я уже упоминал Болонский процесс, превративший превосходную пятилетнюю форму высшего образования — специалитет, — оставшуюся с советских времен, в систему, которая воспроизводит (вернее, уже в прошедшем времени — «воспроизводила») европейские и британские образцы. Думаю, это пример соблазнов либерализма и либерального мышления: мол, происходящее на Западе лучше, чем происходящее здесь. На мой взгляд, некоторые попались в эту ловушку, так что предлагаю выбираться из нее всеми возможными способами.

В Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина, где я работаю, есть кафедра правового моделирования, готовящая к конкурсам модельных судебных процессов. Существует ряд международных соревнований, где участники рассматривают вымышленное дело, причем все они получают одинаковый набор фактов. Студенты должны подготовить глубоко обоснованные правовые доводы для обеих сторон — и для истца, и для ответчика. Они предоставляют письменную работу, а потом выступают устно, как адвокаты в суде. Таким образом, на соревнованиях студенты исследуют возможности диалектического противостояния на очень высоком научном уровне. Нашему университету дважды за последние пять лет доводилось выигрывать российские туры Конкурса по международному праву им. Филипа К. Джессопа в номинации «Международное гуманитарное право и защита прав человека». Также мы отправляли студентов на Конкурс по международному коммерческому арбитражу им. Виллема С. Виса в Австрию и на Франкфуртский инвестиционный арбитражный учебный суд. Об этой области стоит подумать каждому, кто интересуется правом, потому что с учетом принятых против России санкций нам явно придется защищать свои законные права в международной сфере. В этой связи важно упомянуть о том, что при обучении студентов нужно помнить о языковой подготовке.

В заключение изложу свои выводы. Я бы хотел стать свидетелем увеличения финансирования образования до уровня Советского Союза. Я бы хотел изменить систему образования так, чтобы она отвечала вызовам, обозначенным секретарем Совета безопасности России Николаем Патрушевым. Я бы хотел, чтобы студенты в этой системе учились диалектике, а не привыкали к эмоциональным дебатам, ценностям и доводам, пришедшим из-за рубежа и разъедающим наш образ жизни и культуру. И наконец, вопрос для другого дня и другого времени: как сделать российские университеты такими, как этот, — теми, куда иностранцам нравится приезжать и учиться, а не теми, откуда они будут пытаться забрать с собой наших студентов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позволю себе высказать два-три соображения.

Что касается определенных международных расхождений, то они неизбежны и необходимы для сосуществования наций. Если посмотреть на ситуацию с правовой точки зрения, то выделяется отдельное направление исследований — проблемы взаимодействия различных правовых культур. Этой проблеме необходимо уделять должное внимание как при преподавании, так и при изучении права.

Второй вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — Болонская система. Не берусь судить, хороша она для нашей страны или плоха. Опасность, как мне кажется, кроется в другом. Если мы откажемся от Болонской системы и введем жесткое регулирование высшего образования, создадим универсальные правила для всех вузов и направлений науки, то, как говорится, сменим лягушку на кукушку. Главное в этом вопросе — дать университетам максимально допустимую возможность самоуправления.

Наконец, последнее замечание относительно языка. В настоящее время языковая подготовка в России кажется мне неудовлетворительной. Кто в 1950-е годы преподавал в СССР язык частным образом? В основном выпускницы гимназий, окончившие их до 1917 года. Дорога в высшие учебные заведения представителям определенных социальных групп после революции была закрыта, но знаний, которые они получили в гимназиях, было достаточно для преподавания. Сейчас о подобном не идет и речи. Вопросы, связанные с языковой подготовкой в современной России, отнюдь не второстепенны, и они должны быть сегодня в центре внимания.

Р. А. РОМАШОВ: — Предоставляю слово доктору юридических наук Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уже несколько месяцев мы живем в новой реальности и участвуем в ее формировании. Главное, что я вынесла из вчерашнего пленарного заседания, — у нас есть представление о стратегии развития России в новых внешнеполитических условиях. В то же время представления о стратегии внутригосударственного развития нет. Вчера много говорили об образе будущего, но каких-то подходов к формированию этого образа или даже намеков на них я, честно говоря, не увидела. Поскольку стратегии внутриполитического развития нет, то, разумеется, и о правовом обеспечении такой стратегии говорить сложно. Тем не менее некоторые проблемы правового характера обозначились.

Гадис Адбуллаевич Гаджиев очень верно сказал, что право сейчас оказалось в тяжелой ситуации. Как ценность, родившаяся на Западе, но получившая развитие во всем мире, право, в частности международное, переживает глубокий кризис. Международно-правовые отношения России с точки зрения экономики, науки и культуры находятся в сложном состоянии. Это создает предпосылки для ослабления правового начала в потенциале внутригосударственной политики.

Конечно, на уровне риторики речь пойдет не о свертывании права, а об отказе от его универсального понимания и ориентации на некое самобытное право, которое отвечает особенностям российской ментальности и т. д. При всей несомненной привлекательности такого подхода он представляется мне, во-первых, ошибочным, а во-вторых, опасным. Что касается ошибочности, сошлюсь на нашего швейцарского коллегу Ги Меттана, который вспомнил изречение Конфуция о том, что когда общество утрачивает смысл слов, оно теряет свободу. К слову «право» это относится как к никакому другому слову, потому что право — это равная для всех мера свободы. Но «право» — это не просто слово, а научное понятие. Вчера также очень кстати упомянули Чехова, говорившего о том, что нет национальной науки, как нет национальной таблицы умножения. Кроме того, есть замечательное выражение В. С. Нерсесянца о том, что право — это математика свободы.

Таким образом, отказ от правового подхода нельзя считать правильным направлением развития. Есть представление, что подобный подход не соответствует ценностям российской цивилизации. Я с этим совершенно не согласна. И в Конституции России, и во Всеобщей декларации прав человека, и во многих других международных актах говорится о том, что права личности не только могут, но и должны быть ограничены для защиты ценностей

общего блага. Правовой подход означает лишь то, что эти ценности должны не навязываться обществу сверху, а вырабатываться в рамках демократической процедуры правообразования: только таким образом можно гарантировать, что ограничения прав будут носить всеобщий равный характер без дискриминации одних и наделения привилегиями других.

Однако отсюда вовсе не следует, что российское общество разочаровано в праве как равной для всех мере свободы. Вспомним, что было главным импульсом перестройки согласно социологическим опросам. Люди стремились к праву, демократии, свободному рынку, стремились так сильно, что массово выходили на улицы. Сейчас речь пока идет не об импульсе, а о социальном запросе, и это запрос на справедливость. В чем его истоки? Порыв общества к праву был использован (думаю, сознательно) в интересах очень узкой прослойки людей, и народ ощутил эту несправедливость.

Я не имею в виду, что люди хотят неправовой справедливости. Они стремятся ко вполне понятным, простым вещам, о которых вчера говорил академик Глазьев: меритократии (власти лучших), равному старту для всех и социальной защите для тех, кто по независящим от них обстоятельствам оказался в трудных жизненных условиях. С обоснованностью таких требований согласны все. Вопрос в том, как их выполнить и почему мы не можем этого сделать. Этой цели нам мешает достичь очень болезненная проблема, причем, возможно, нерешаемая. Причина, которая блокирует нормальное продвижение нашего общества в сторону социально-правовой справедливости, заключается в крайне неправовом характере преобразования отношений собственности. Сейчас трудно сказать, как с этим бороться. Во всяком случае такой вопрос даже не поднимается.

Между тем в обществе ощущается запрос на перемены, что ясно и без социологических исследований. Это настроение будет сгущаться, усиливаться. Люди увидели, что власть пошла на кардинальные перемены в сфере международно-политических отношений. В такой ситуации она остро нуждается в поддержке общества, и общество будет предъявлять условия ее получения. Предъявлены они будут в форме запроса на пересмотр итогов приватизации. Эту тему мы вчера не затрагивали в силу, опять же, ее крайней болезненности. Значит, исследователи не готовы к такой постановке проблемы. Однако общество заставит нас ее решать, и на подобных форумах мы должны к этому подготовиться.

Сейчас разные авторы стали писать о необходимости национализации. Однако непонятно, о какой национализации идет речь. Возмездной? Национализации-конфискации? Также непонятно и то, к чему мы придем в итоге. Что означает левый поворот, о котором вчера говорили многие ораторы? Возврат к социализму? Если да, то мы вернемся к проблемам, от которых пытались уйти в период перестройки, причем в гораздо худших условиях. К тому же, на мой взгляд, возврат к социализму означал бы жесткую дисквалификацию России как исторического субъекта: получится, что страна мечется от одной крайности к другой, и обе, как говорится, хуже. Если же отбросить социализм как опыт развития страны, посчитать его исторической ошибкой (очень популярная точка зрения), то это в неменьшей степени будет означать историческую дисквалификацию нашей страны, ведь социалистический период был периодом ее наибольшей значимости. Тогда Россия предложила миру образ будущего, привлекательный для очень многих. Сейчас у нас такого образа нет, и его необходимо формировать.

Идеология нужна для того, чтобы соединить социалистический опыт с перспективой правового развития страны. Требуются смелые идеи, которых пока нет. В конце перестройки подобную идею предложил В. С. Нерсесянц. Он говорил о цивилизме — постсоциалистическом строе, основанном на правовой десоциализации (не приватизации!) собственности, в результате которой каждый гражданин страны станет в равной мере обладать долей доходов от рыночного использования общенародного достояния. Идея не была реализована, ее сочли утопической, но в этой связи хотелось бы напомнить Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву о его замечательной статье, в которой был задан вопрос: «Должны ли мы защищать награбленную собственность?». Вопрос прозвучал как риторический, однако ответить на него нужно. Если мы не сможем сформулировать ответ на таких форумах, то в ближайшее время будем просто плыть по волнам, и я очень боюсь, что это окажутся волны народного гнева.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Во-первых, позволю себе дать некоторые оценки относительно того, что прозвучало вчера. Состоявшаяся дискуссия обозначила глобальный характер кризиса, который мы сейчас наблюдаем на Украине.

Мне очень понравились и доклад, и выступление академика Глазьева о причинах того или иного военного конфликта. Следует еще раз подчеркнуть значение новых игроков на международной арене, которое вчера уже отмечалось. Они полностью меняют и характер международных отношений, и контуры будущего мира.

Возьму на себя смелость дополнить проведенный вчера анализ текущих и возможных событий правовой составляющей. Любая модель (политическая, экономическая, социальная и пр.), предложенная даже самым сильным правительством или конкретным лидером, обретает практический смысл только тогда, когда реализуется в праве, причем в каком угодно — международном, национальном, статутном, прецедентном или даже обычном. Без этого она станется лишь мыслью, соображением, которое можно обсудить. Также юристам необходимо выявить основные риски, связанные с той или иной моделью. Важно, чтобы такая работа проводилась не постфактум, а в самом начале реализации проекта.

К сожалению, я пришел к убеждению, что для вида homo sapiens характерно состояние войны. Обратитесь к истории человечества и попробуйте назвать более или менее длительный временной период, проведенный им без конфликтов. Мирное существование, продолжавшееся (пусть и с оговорками) с 1945 года до сегодняшнего дня, закончилось. Как ни прискорбно, но фраза «Хочешь мира — готовься к войне» правдива.

Однако любая война когда-то заканчивается, в конце концов неизбежно наступает мир, и юристам нужно быть к этому готовыми. Мир сам по себе не заключается, его заключают субъекты. Таким образом, возникает первый вопрос: какие субъекты международного права при нынешнем его состоянии разрозненности и упадка будут участвовать в определении условий мирного соглашения?

Также возникают вопросы относительно предмета будущего договора. Право, как и существовавшие раньше договорные отношения, действительно разрушено. Специализированные учреждения ООН практически не работают. Договор должен будет определить и саму систему

новых международных отношений, и количество лет, которое она просуществует.

И наконец, последняя ремарка. Мы часто говорим о социальном равенстве, но я не верю, что оно существует.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — В стремительном обсуждении происходящего участвует огромное количество авторитетных людей, гуманитариев разных направлений: политологов, экономистов, культурологов и т. д. Но ничтожно мало юристов, особенно там, где есть информационно открытая, общедоступная визуализация диалога. Фактическое отсутствие юристов в этом обсуждении и запроса на юридическую коннотативность обсуждаемого не волнуют общество.

Мне кажется, что сами юристы не хотят участвовать в дискурсе: ученые-юристы — теоретики, философы, конституционалисты — в глубине души должны признаться, что по большому счету им нечего сказать, что бы они ни говорили. Если они и рассуждают, то это в лучшем случае отсылка к тому, что мы сегодня уже слышали, — попытка возродить из небытия идеи, высказывавшиеся в контексте совершенно иной геополитической ситуации — распада Советского Союза, которая тогда была призвана обеспечивать возможность перевода принципа формального равенства в цивилитарный проект собственности, или цивилитаризацию собственности. Но сейчас для этого нет соответствующих предпосылок, экономических факторов.

Что может сказать юриспруденция? Если есть запрос на справедливость, гипотетическое благополучие мира, право должно высказаться по поводу новых образов, перспектив и моделей, которыми можно попытаться восполнить рушащуюся социальную реальность, подпитываемую извращенными, аномальными идеями новой нормальности. Прежде всего это важно для молодых людей, которые наполнены ощущением восторга, радости от полноты, красочности и чрезвычайной открытости, доброжелательности мира, которому на самом деле они могут оказаться не нужны. Но ведь этот мир и есть они.

Запад прежде всего враждебен и агрессивен по отношению к тому, что он вынашивал и культивировал как свою исключительность. Право — это, по сути, западная традиция, культурный проект, который всегда был экспансионистским и колониалистским, но обрамлялся в красивую упаковку и пропитывался сладостной патокой идеи права как воплощения универсального рецепта справедливости. И вдруг Запад отказывается от этого права, деактуализирует его в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы решать совершенно другие задачи — сугубо экономические, включая полное устранение и нуллификацию потенциального конкурента, который заявил о себе. Таким конкурентом выступает Россия, которая говорит о том, что этот проект можно поставить под сомнение с точки зрения его универсальности, в том числе базирующейся на якобы универсальных общепризнанных принципах и нормах права.

Запад отказался от общепризнанных принципов и норм права и деактуализировал их применительно к России. Хотя наша страна заявляла о своей приверженности общепризнанным принципам и нормам права. Сейчас Россия пытается принимать ответные меры в юридическом плане, причем без участия ученых-юристов. Юристов не спрашивают в ситуации, когда законодательные технологии стремительно модернизируются и преобразуются в совершенно иной формат, не дают времени подумать, чтобы оценить то, что происходит. Нам некогда думать, потому что все стремительно меняется.

На мой вопрос: «Какую высшую ценность вы можете назвать?» студенты отвечают: «Права и свободы человека». А Россия — это ценность? Немного подумав, говорят: «Да». Россия — это более высокая ценность, чем права и свободы человека? Студенты отвечают: «Нет». Если вы живете ответственно, как члены своей семьи, как граждане своего государства, как люди, понимающие, что их будущее немыслимо и не существует без России, то Россия — это наивысшая ценность.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, вчера произошли, на мой взгляд, три значимых события: два — концептуальных, одно — практическое, которые предполагают формирование новой картины мира.

Первый момент. Вчера специальный представитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков обозначил стратегию «островизации», в соответствии с которой мир представляет собой островные лакуны. По мнению Д. Пескова, государства, которые могут конкурировать, должны обеспечивать технологический суверенитет, задачи которого очень просты: безопасность от внешней агрессии, энергетическая и продовольственная независимость, обеспечение государства товарами первой необходимости, транспортные связи, производство информации и, наконец, доступ к средствам производства средств производства. На мой взгляд, эти задачи просто проговариваются, но достаточно сложно решаются.

Второй момент. Вчера Президент России Владимир Владимирович Путин обозначил свой подход к типологии государства, заявив, что все современные государства делятся на суверенные страны и колонии. При этом у стран-колоний нет исторического будущего, и соответственно они приобретают значение только тогда, когда в их отношении имеет место патронат суверенного государства.

Третий момент. Вчера суд Донецкой Народной Республики вынес три смертных приговора в отношении иностранных наемников — граждан Великобритании и Марокко. ДНР — сложное понятие. Если, цитируя президента, мы говорим о существовании суверенных государств и колоний, то говорить о ДНР как о суверенном государстве пока довольно сложно. Несомненно одно: эта страна находится в рамках геополитических интересов России.

Кроме того, президент, говоря о геополитике, сравнил период своего президентства с периодом правления Петра I и добавил, что геополитическая борьба всегда была, есть и будет. Поэтому принятие страной, которая находится в сфере наших политико-правовых интересов, решения о смертной казни, на мой взгляд, вызывает закономерный вопрос: «Насколько Россия вовлечена в это решение?» Если мы говорим о видоизменении мира, то для России в настоящий момент идет речь о самоидентификации, об отказе от западной либеральной идеи, то есть от вестернизации. В связи с этим возникает проблема определения приоритетов. В настоящий момент безусловным приоритетом развития России является ориентирование на коллективную Азию (понятие «Восток», думаю, себя исчерпало).

Академик А. Г. Лисицын-Светланов сказал о том, что война в настоящий момент продолжает восприниматься

как инструмент изменения мира. В условиях современных технологий она утрачивает свое конструктивное значение и невыгодна ни тому, на изменение кого направлена, ни тому, кто действует в государстве. Можно сколько угодно говорить о правильности спецоперации, которую Россия проводит в настоящий момент, но нужно помнить о том, кто в мирное время будет ликвидировать ее последствия. Если Россия, что логично, то это экономически невыгодно. Если Запад, то это невыгодно геополитически.

И вот поэтому, когда мы говорим об обращении к России сегодня, не важно, идет речь о Европе либо Западе в целом, возникает проблема определения России в мировом ВВП. Доля России в мировом ВВП составляет порядка 2 %, что не предполагает серьезного влияния. Я патриот, для меня Россия очень значима. Но для сравнения: доля Соединенных Штатов Америки в мировом ВВП — примерно 24 %, Китая — около 17 %, коллективного Запада — 40 %, коллективной Азии — около 25 %. Поэтому сейчас для экономики России важен вопрос об экономическом суверенитете, который в настоящий момент может быть определен только посредством выбора ориентира. Сегодня, как мне представляется, это выбор азиатского ориентира, что является поворотным этапом и качественным образом отличает правление президента Путина от правления Петра I, потому что у последнего была четкая ориентация на вестернизацию. Сейчас происходит кардинальное изменение выбора пути России в перспективном будущем.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Алексею Игоревичу Овчинникову.

А. И. ОВЧИННИКОВ: — Сейчас активно разрабатывается новая типология государств, в том числе западными учеными, которые признают, что эпоха национальных государств уходит в прошлое и настало время цивилизационных государств. И у России есть все шансы остаться таким цивилизационным государством. Но для этого нужно понять, кто мы, и ответить на вопросы, что представляет собой государственно-правовая европейская идентичность и является ли Россия Европой.

Если рассматривать европейскую культуру, идентичность как синтез античной культуры и христианства, то Россия является ярко выраженным европейским государством, европейской цивилизацией. Европейские страны, утратив христианскую идентичность, уже давно вступили в фазу постхристианского развития, и Западная Европа рассталась со своей идентичностью.

Когда говорят о том, что нужно конструировать образ будущего, возникает вопрос, что делать с прошлым, потому что многие противоречия в нашем обществе связаны с тем, что до сих пор не найдены ответы на вопросы: «Россия, имперская, царская, монархическая, великокняжеская, — наследница византийской культуры?», «Сохранение античных представлений о праве, государстве, обретение христианских взглядов на государство и право должны присутствовать в нашей идентичности или нет?»

Валентина Викторовна Лапаева высказала тезис о том, что право — это изобретение западной культуры. А законы Моисея — это не право? Дигесты Юстиниана — это не право? Россия о Дигестах Юстиниана узнала гораздо раньше, чем Западная Европа, которая познакомилась с ними в результате Четвертого крестового похода. Россия сблизилась с Византией в конце X столетия, а договоры с Константинополем были заключены еще раньше. Иными словами, нельзя четко идентифицировать право как конструкт Западной Европы. Постхристианское право, право светского гуманизма, секулярного гуманизма — это изобретение Запада. К чему оно привело, мы видим: однополые браки, эвтаназия, транссексуализм, феминизм, — с последствиями для общества, которое активно вырождается. Закат Европы был описан задолго до сегодняшних дней.

Я хотел бы кратко ответить на несколько главных вопросов. Первый: нужна России государственная идеология или нет? На мой взгляд, государственная идеология России не нужна. Мы пережили тоталитарный период развития. Нужны государственная идея, идеал, общественная идеология.

И надо отдать должное президенту России, он предлагает развиваться именно в этом направлении. Когда появился проект указа о традиционных духовно-нравственных ценностях, он вызвал дискуссию в обществе. А нужен ли нам вообще юридически закрепленный список базовых ценностей? Как выяснилось, нужен, особенно в условиях новой нормальности, новой этики, когда молодежь негативно относится к тезису о том, что государство Россия является более высокой ценностью, чем собственное благо, личная жизнь и счастье. Конечно, необходимы меры по юридическому закреплению базовых ценностей, потому что мы не должны забывать, что право — не только механизм принуждения, но и мощное средство конструирования социального порядка. По сути, здесь собрались социальные инженеры будущего, потому что именно посредством нормативных актов конструируется образ желаемого будущего.

Второй вопрос: как быть с тем, что наша Конституция создавалась с ориентацией на либеральный ценностный стандарт, закрепляя иерархию либеральных ценностей? Вспоминается фраза профессора В. Д. Зорькина, Председателя Конституционного Суда, сказанная в 2003 году по поводу десятилетия Основного закона РФ, что Конституцию нужно не править, а интерпретировать.

Я, как многодетный отец, хотел бы высказать благодарность присутствующему здесь Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву за то, что неоднократно в постановлениях Конституционного Суда применялась норма статьи Конституции, согласно которой нравственность должна верховенствовать над правами человека. Так было, когда не разрешили проводить гей-парад в Москве по обращению ЛГБТ-сообщества и в других случаях. Проблема заключается в том, что сегодня судьи Конституционного Суда не определяются официально как носители духовно-нравственных ценностей. Что будет завтра, когда понятие нравственности, используемое для ограничения прав и свобод, может приобрести иные смыслы, неизвестно. Николай Семенович Бондарь сказал о том, что вечные нравственные ценности могут изменяться и переинтерпретироваться — именно это мы сейчас наблюдаем в новой этике.

На мой взгляд, необходимо не принудительное закрепление государственной идеологии, а ее развитие в дискурсе, например в доктринальных документах, каковыми являются доктрина нравственности, нравственных ценностей и т. д. Это не нормативный, а доктринальный акт, который носит информирующий, социально-конструктивистский характер.

Если мы таким образом будем развиваться, то преодолеем трудности и сохраним свою традиционную идентичность, в первую очередь христианскую (она же авраамическая, поэтому легко синтезируется с исламом, иудаизмом и другими традиционными конфессиями). Тысячелетний опыт сосуществования с другими конфессиями,

полиэтничности, поликонфессиональности, который мы имеем, уникален и может служить образцом для всего мира.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Несколько слов о состоявшейся вчера дискуссии, посвященной идеологии. Я был несколько ошарашен: многие выступающие говорили о том, что нам нужна государственная идеология. И обсуждение шло вокруг одного вопроса: нужно ее сформулировать или она возникнет сама и ее надо просто закрепить?

У меня такой вопрос даже не возникает. Закрепление в Конституции тезиса, что государственной идеологии быть не может, стало ответом на ситуацию, сложившуюся в советское время, когда у нас была единственно верная идеология марксизма-ленинизма, отступление от которой каралось и имело непрогрессивное значение для развития нашего государства. Генетика и кибернетика были запрещены как идеологически вредные, люди подвергались репрессиям, ученым запрещалось проводить исследования, что нанесло большой вред стране.

Плохо, когда какая-либо идеология становится государственной и существует принуждение к ней. Но можно говорить о том, что в обществе должно возникнуть некое миропонимание, идеология, прежде всего конституционная. Я хочу напомнить замечательное высказывание академика В. С. Нерсесянца, который сказал, что настоящая государственная, или общественная, идеология — это конституционализм, то есть совокупность идей о том, какой правопорядок должен быть в обществе, чтобы люди были счастливы. Ценности должны быть прежде всего человекоцентричными — жизнь и достоинство человека.

В основе лежит конституционная культура общества. Но возникает вопрос: какая конституционная культура наша?

Я согласен с тем, что сказал Алексей Игоревич Овчинников: именно авраамические религии (ислам, христианство) создают почву для объединения разных культур, в том числе религиозных, при формировании конституционной культуры.

Русская культура выступает объединяющим фактором, позволившим создать наше замечательное государство. Но когда мы говорим о том, что самое главное — «жила бы страна родная, и нету других забот», то не должны забывать о том, что прежде всего государство для человека, а не человек для государства. Эта фраза существует подспудно в нашей Конституции, конституционный человекоцентризм очень важен.

Когда речь идет о русской культуре, то вспоминаются восточные славяне, которые, выйдя с побережья Дуная, направились на север. Племена назывались в соответствии с природными условиями, в которые они мигрировали (древляне шли по лесам и пр.). Они поднялись на север и образовали демократическую Новгородскую республику. Так зарождались Русь и русская культура. Сегодня мы должны найти себя и сказать, кто мы такие. Каждый должен задуматься, кто он, — это очень важно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — К микрофону приглашается профессор Василий Владиславович Трофимов.

В. В. ТРОФИМОВ: — Я согласен с ранее прозвучавшим тезисом о том, что существующий человеческий мир никогда не находился в состоянии «невоюющего» сколько-нибудь длительное время. Все мы разные, начиная от индивидов и заканчивая крупными государствами. Отсюда пересечение и конфликты интересов, попытка отстоять свои интересы.

Мир всегда претерпевал изменения и переживал катаклизмы, иногда более острые, иногда менее. Такие ситуации случались и в древнейшие времена, и на заре Нового времени. Здесь уместно вспомнить Восьмидесятилетнюю войну, которую вели Соединенные провинции Нидерландов против испанских Габсбургов; Тридцатилетнюю войну, которую вели европейские страны против монополизма одного суверена. Эти войны сопровождались многочисленными жертвами. Все это описал в своем труде «О праве войны и мира» нидерландский ученый Гуго Гроций, который был вынужден эмигрировать во Францию. Я думаю, что к этой книге сегодня нужно проявить особый интерес, возможно, даже переиздать большим тиражом в нашей стране (насколько я знаю, после 1994 г. эта книга не переиздавалась), поскольку в ней заложено много интересных идей, которые сегодня актуальны и ценны как рецепт выхода из сложившейся ситуации. То, что рано или поздно нам придется договариваться, — очевидно.

Сейчас мы наблюдаем кризисный момент, и справедливо говорить о том, что международное право разорвано в клочья, как сказал Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Я завидую современным юристам-международникам — это то же самое, что начать с чистого листа. Но так не получится, потому что имеется богатейший опыт международного права, поэтому следует просто остановиться, осмыслить и посмотреть, все ли связи действительно разорваны. Имеют место девиация, отклонения от международного права, хулиганы пытаются нарушать его и покушаться на него. Но есть и те, кто старается отстаивать международное право. Думаю, что у нас хватит сил противостоять разрушению системы международного права, основные принципы которого были сформулированы после Тридцатилетней войны и выразились в Вестфальской системе международных отношений. Вряд ли попытка разрушения удастся, потому что выработанные тогда принципы были объективны. Как писал в своем трактате Гроций, стороны конфликта доходили до безумия, фактически это безумие характерно для нас сейчас. Но рано или поздно рассудок вернется и возникнет необходимость решать вопросы сообща.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Розе Иосифовне Ситдиковой.

Р. И. СИТДИКОВА: — Переходя к теме своего выступления, хочу сказать, что на пленарном заседании лейтмотивом звучала мысль, что мир переживает серьезные изменения и в каждой области проходит своя спецоперация. В своем выступлении хотела бы коснуться проблемы права интеллектуальной собственности, которой я занимаюсь. Эта мирная отрасль сегодня очень важна, потому что наложенные на Россию санкции касаются преимущественно высокотехнологичных областей — интеллектуальной собственности. В этой сфере происходят интересные сдвиги: мы не нападаем, а обороняемся. Потому что захват нашего рынка интеллектуальной собственности, патентного поля, в целом интеллектуальной собственности ведется уже давно.

Сейчас я с удовлетворением наблюдаю за происходящими сдвигами, потому что наконец стало расчищаться отечественное патентное поле, российский рынок интеллектуальной собственности. Это поможет нашим изобретателям и авторам попасть на рынок и получать вознаграждение.

Сегодня огромные суммы вознаграждений уходят иностранным правообладателям. Для решения этой проблемы в российское законодательство вносятся изменения. Отрадно, что все это делается правовыми инструментами. Правительство принимает постановления, согласно которым нужно сокращать размер выплат и компенсаций правообладателям из недружественных стран. За нарушение авторских прав в отношении свинки Пеппы суд отказал в привлечении к гражданско-правовой ответственности и взысканию компенсации на том основании, что правообладатель — из недружественной страны. Действия правообладателя признали недобросовестными. А недобросовестное поведение впоследствии влечет отказ в защите.

Интеллектуальная собственность — область, которая традиционно сохраняет права автора и правообладателя. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1971) начинается со слов: «Страны Союза, воодушевленные одинаковым желанием охранять настолько эффективно и единообразно, насколько это возможно, права авторов на их литературные и художественные произведения…»

Сегодня акценты немного смещаются. Настало время защищать национальные интересы, в которые входит интеллектуальная собственность, потому что мы ожидаем технологического прорыва. Без создания условий, в том числе правовых, в этой области технологический прорыв невозможен — это наши национальные интересы. Кстати, в ст. 1360 Гражданского кодекса РФ говорится о национальных интересах: «Правительство Российской Федерации имеет право в интересах обороны и безопасности разрешить использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации». Безопасность и оборона отнесены к национальным интересам. В этом случае правительство может принять постановление о выплате компенсации или ее уменьшении. Недавно правительство приняло постановление об обнулении компенсации. Кроме того, сегодня разрешен параллельный импорт, также направленный на защиту национальных интересов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю на трибуну профессора Марину Геннадьевну Смирнову.

М. Г. СМИРНОВА: — Я хочу поблагодарить организаторов за интересную конференцию. Спустя длительное время мы собрались в очном формате, радуют выступления участников как на пленарном, так и на секционном заседании.

Я хотела бы затронуть объективные свойства права, о которых выступающие еще не говорили, — это стабильность и динамизм.

Конечно, право должно быть стабильным и закреплять конституционные ценности. Алексей Алексеевич Ливеровский сказал об основных ценностях, которые закреплены в Конституции РФ, — это жизнь и достоинство человека. С моей точки зрения, эти нормы должны носить постоянный характер и не должны меняться.

Если говорить о динамизме, то право меняется, следуя за развитием общественных отношений. Политические, экономические, социальные факторы порождают изменения, на которые право должно реагировать. Так, пандемия коронавируса породила ряд изменений, в том числе ограничение прав, что было закреплено на уровне федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации.

Хочу согласиться с Александром Сергеевичем Запесоцким в том, что на сегодняшний день право должно быть тесно взаимосвязано с мягким регулятором — моралью и нравственностью. Именно в морали и нравственности я вижу серьезные ограничения тех изменений, которые происходят. Мир меняется, меняются ценности, но ситуация не должна доводиться до абсурда.

Недавно я прочитала новость о том, что 24-летняя гражданка Индии вступила в брак сама с собой, заявив, что никогда не хотела выходить замуж, но очень хотела побыть невестой, поэтому решила жениться на себе. Она прокомментировала это так: «Может быть, я первая в нашей стране, кто подаст пример любви к себе. Самобрак — это обязательство быть рядом с собой и безусловно любить и принимать себя». Если мы дойдем до понятия «самобрак», тем самым исключим само понятие «брак». На сегодняшний день семья — наиболее важная ценность. Поэтому, с моей точки зрения, именно нормы морали и нравственности должны служить ограничением происходящих изменений и инноваций.

Соотношение морали, нравственности и права — сложная тема. Нравственность может существовать без права, а право безнравственным быть не может. В свое время философ Владимир Соловьев сказал, что в праве должен быть выражен нравственный минимум. Но возникает проблема закрепления нравственных норм.

Что касается новой идеологии, то я согласна с М. В. Захаровой в том, что принципиально новую идеологию создавать не нужно. Следует закреплять и отстаивать те ценности, которые у нас уже есть. Мне импонирует ее мысль, что самая большая ценность — когда граждане хотят жить в своей стране и воспитывать здесь детей. Это будет происходить, когда будет создан соответствующий экономический, социальный, образовательный уровень.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Галине Михайловне Лановой.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Мне хотелось бы вернуться к тому вопросу, который сформулировал Гадис Абдуллаевич Гаджиев в начале дискуссии: что происходит с правом и что надо делать для того, чтобы оно выжило. Но почему этот вопрос возникает? Чтобы это понять, мне кажется, надо в первую очередь провести четкую границу между национальным и международным правом. У нас эта граница часто стирается. Говорят, что право — единая сложная система, в каком-то смысле похожая на кентавра, но на самом деле, по-моему, между национальным и международным правом нет ничего общего, кроме названия. Международное право — это право договора, которое базируется на договоре сильных. Если сильные смогут между собой договориться и, главное, следовать своему договору, продемонстрировав тем самым пример для остальных, то такое право будет действовать. Национальное право — это несколько другой феномен.

Так вот, почему возникает вопрос о выживании национального права в современных условиях? Потому что альтернативы праву как действенному регулятору в современных условиях нет. Да, есть религия, мораль, традиция и т. д. Но это все специфические регуляторы, не обеспечивающие удовлетворения тех потребностей, которые существуют у человека. Право — это инструмент стабилизации, консервации отношений. Любой человек хочет жить в стабильной, предсказуемой действительности, хочет знать, что будет происходить завтра, в каких условиях он будет растить детей, будет ли у него возможность реа-

лизовывать свои интересы. Мораль и религия имеют большое значение, но они ориентируют человека на какие-то идеальные модели, которые не всегда достижимы. Идеалы необходимы, но человек не может жить только идеалами. У него должны быть реальные ориентиры, которым он сможет следовать. А такие ориентиры способно дать только право, так что альтернативы праву нет.

Но что мы видим сегодня? Помимо стабильности людям требуется упорядочивание динамики социальной жизни. В этом мы рассчитываем на право как на универсальный инструмент, при помощи которого можно решить если не все проблемы, то очень многие. Мы даже пытаемся приспособить право к решению тех задач, которые с его помощью решить невозможно. Например, право не может регулировать динамику общественных отношений, но может их стабилизировать. Однако сегодня такая стабилизация невозможна, поскольку весь мир погружен в хаос.

Прежде чем пытаться закрепить оптимальную модель, нужно определить ее контуры, но сегодня никто не в состоянии это сделать. Поэтому мы пытаемся использовать право для решения актуальных проблем, в то время как право, по крайней мере в том виде, как мы его понимаем, уже не справляется с этой задачей. Есть ли какие-то альтернативы? По-моему, есть. Не все согласятся со мной, но я настаиваю, что государственное право как некая стабильная система, основанная на принуждении, в современных условиях эффективно действовать не способна, особенно с учетом того, что происходит десоциализация, общество распадается на множество групп. На мой взгляд, наиболее перспективным является корпоративное право во всех его формах. Я имею в виду корпоративное право не как отрасль права, а как то, что называется внутрифирменным правом. Основанием для того, чтобы признать за этим правом будущее, может служить эффективность ведомственного права. Именно ведомственное регулирование позволяет довольно оперативно реагировать на существующие проблемы и решать довольно узкие вопросы. И те достоинства, которые есть у ведомственного регулирования, и тот подъем в развитии корпоративного права, который мы сегодня видим, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу моего утверждения. Регулирование с помощью норм среднего уровня поможет найти выход из трудных ситуаций, в которых мы оказываемся.

Р. А. РОМАШОВ: — Хотелось бы отметить несколько моментов. Во-первых, необходимо обратить внимание на категорию, связанную и с идеологией, и с духовными ценностями, — на права человека. Носят ли они абсолютный характер или относительный? Могу поспорить, что сверхдержава, которая пользуется суверенитетом и оставляет права человеку, может обойтись без изъятий, причем установленных в нормах права. При этом правам человека, его желаниям противопоставляются такие категории, как национальная безопасность, внешняя политика и экономические условия. Я имею в виду такой всеобъемлющий закон, как американский закон о контроле над экспортом, который адресуется всем и всегда, в том числе частным лицам, в мирное время и в периоды военного противостояния. Когда мы вырабатываем какой-то идеал, то не можем привести конкретный пример, где этот идеал существует, потому что его нет.

Во-вторых, важно помнить о роли сильного государства, сверхдержавы, и фантомных болях. С моей точки зрения, мы имеем хорошие примеры для иллюстрации данного обстоятельства, которые показывают Россия и Великобритания. Оба государства испытывают определенные фантомные боли. Родители и более ранние поколения родственников современных британцев имели определенное понимание того, как устроен мир и из кого он состоит, и испытывали некоторую гордость от этой картины в своем сознании. Нынешние жители Британии этого лишены. Россия также в какой-то степени страдает фантомными болями, так как доля российского ВВП в мировой экономике сильно сократилась.

В-третьих, какие перспективы ожидают человечество? А вот какие: фантомные боли еще двух государств — Китая и Индии, которые помнят о своих прошлых достижениях (ни одна европейская страна не сравнится!) в культуре, технологиях, развитии философской мысли и пр. А что такое эта память? Сознание конкретных людей, которые живут и будут жить в этих странах. Ведь слово «Поднебесная» — это не журналистский термин, оно имеет источники в иероглифическом написании. Это серьезно.

И последний момент — суверенитет. Суверенитет всегда будет сталкиваться в сознании с желаемым и возможным.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашается к микрофону профессор СПбГУП Вениамин Григорьевич Петухов.

В. Г. ПЕТУХОВ: — Вчерашнее пленарное заседание породило огромное количество мыслей, потому что все выступления актуальны как никогда в той международной обстановке, в которой мы сейчас оказались.

Специальная военная операция, начатая в феврале этого года, обнажила многие проблемы страны. В частности, некоторые представители культуры начали возражать против решений правительства, уехали за границу и теперь оттуда ведут свою подрывную деятельность. Как в этой ситуации следует оценивать понятие правовой культуры? Я бы сказал, что правовая культура — это элемент национальной безопасности общества и государства.

В 1990-х годах мы отказались от огромного количества нравственных постулатов, которые формировались веками. Мы разрушили не только экономику, но и общественное согласие. Перерождение правосознания проявилось в различных формах, прежде всего в виде умышленных нарушений закона. Для молодых людей в 1990-е годы создалась такая среда, которая во многом изменила их предпочтения. Ведь молодежи не с чем сравнивать, она воспринимает мир таким, каков он есть. А в 1990-х годах нам многое обещали — свободы, права и т. п. Мы получили некоторые элементы правовой культуры, свободы в западном понимании. Но оказалось, что в довесок полагаются и западные же проблемы, в том числе такие страшные, как подростковый шутинг. Если раньше мы неоднократно узнавали в новостях о том, что в США очередной школьник пришел в класс с оружием и расстрелял одноклассников, то теперь и у нас происходят подобные инциденты. Естественная реакция юристов и чиновников — сделать более строгими правовые нормы, чтобы такое не повторялось. Скажем, молодой человек призывается на военную службу в 18 лет, соответственно с этого возраста он учится обращаться с оружием. Наши правоведы предложили повысить до 21 года возраст, в котором разрешается иметь дело с огнестрельным оружием. Но будет ли это эффективным решением? Ведь корень проблемы — в нравственном состоянии молодежи, на которое уже давно пора было обратить внимание.

Мы должны понимать, что общественные отношения — это основа, формирующая нравственное состояние социума. Мы говорим о законе, который должен регулировать общественные отношения, но в безнравственном

обществе не может быть нравственных законов. Поэтому вновь возвращаемся к корням: необходимо заботиться о нравственном состоянии общества, тогда мы сможем создать соответствующую законодательную базу, которая будет защищать интересы общества и государства. На этом пути необходимо решить огромное множество задач. Например, меня беспокоит детская преступность. Мы недопустимо благодушно относимся к тому, что происходит в образовательных школах. Хорошо, что в 2018 году к коммерческому понятию «образовательные услуги» добавилось воспитание. Ведь от состояния общества зависит безопасность государства. В обществе с высокой нравственностью будут успешнее развиваться науки, экономика будет расти, что позволит создавать передовую технику и воспитывать в людях патриотизм и стремление защищать свое Отечество, а значит, мы будем непобедимы.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю выступить профессора Константина Елизаровича Сигалова.

К. Е. СИГАЛОВ: — Сегодня у нас очень сложная ситуация, мы должны реагировать на вызовы, которые бросают нашему обществу. Следует осознать эти вызовы, принять и выработать ответы. То есть мы должны понять, чего от нас хотят, насколько это приемлемо и что мы можем противопоставить тому, что неприемлемо. А что мы имеем такого, что позволит нам оказаться в выигрышном положении относительно Запада? С этим есть проблемы.

Как российское общество реагирует на специальную военную операцию? Наши соотечественники рискуют жизнью, отстаивая наши интересы, а что мы делаем здесь, в спокойствии и благополучии? В чем заключается наш долг в это непростое время? Для студентов все более или менее понятно — хорошо учиться. Я в любой студенческой или курсантской аудитории всегда говорю, что мир принадлежит отличникам. С двоечниками все понятно: их выгоняют, и они в других местах получат, может быть, неплохую рабочую квалификацию. Возможно, они заработают больше денег, чем смогли бы, имея диплом о высшем образовании. На самом деле все беды и весь вред — от троечников. А отличники — вот те, кто станет делать будущее.

Что же касается юридического сообщества, то мы тоже должны осознать и принять некоторые вещи. Во всяком случае многое из того, что касается теории, истории и философии права, необходимо переосмыслить по-новому. Еще раз изучить, как в истории были сформулированы многие понятия, пересмотреть те факты, которые раньше были отодвинуты на второй план, и взять те теоретические проблемы, которые не были должным образом отрефлексированы. Хотел бы, коллеги, остановить ваше просвещенное внимание на трех направлениях, которые, на мой взгляд, незаслуженно мало проработаны. Это, во-первых, доктринальное и практическое осмысление финансово-экономического сектора — финансовое, банковское, бюджетное право. Финансисты просто не желают пускать правоведов в свою область. Как говорил Михаил Абдурахманович Эскиндаров, много лет возглавлявший Финансовый университет, «есть юрист — есть проблема, нет юриста — нет проблемы». Во-вторых, право человека, о котором мы много говорим, но никто не хочет заняться этим вплотную. В-третьих, казалось бы, совсем узкое направление, но, как показала жизнь, очень важное. Почему никто не хочет заниматься спортивным правом? Огромная сфера деятельности, гигантская: интересы спортсменов, организаций, болельщиков и т. д. Много лет говорим, но ничего не делаем. Предпринимаем попытки в разных университетах — нет, не находится желающих осмысливать эту область.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется кандидату юридических наук Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Проблематика, с которой мы сейчас столкнулись, — международный правовой порядок, в частности его политико-правовые аспекты. Первой отечественной публикацией на эту тему, которая вышла еще в Советском Союзе в 1985 году, была монография «Куда идет человечество (критические очерки немарксистских концепций будущего)» под редакцией Георгия Хосроевича Шахназарова. Работа отличалась комплексным подходом, который включал две составляющие. Первая — мягкая сила, то есть распространение и пропаганда своей культуры, традиций, ценностей. Вторая — информация, которая дает возможность самостоятельно транслировать свою точку зрения. Когда создавалась Конституция Российской Федерации, в ней были воспроизведены многие формулировки из ранее принятого закона о средствах массовой информации. Это позволило нам сформировать достаточно гибкую и самобытную систему СМИ, на мой взгляд, более прогрессивную, чем во многих странах Западной Европы, не говоря уже о США: в законодательных актах был предусмотрен целый ряд механизмов, препятствующих концентрации управления СМИ в руках магнатов и снижению квалификации журналистов. Журналистское сообщество в России остается достаточно высокопрофессиональным.

Сейчас мы столкнулись с ситуацией, когда международное право фактически перестало выполнять свои функции. При любом землетрясении, как известно, в первую очередь рушатся те здания, где уже были трещины. Так вот, «трещиной» международного права оказалось стремление изменить базовые ценности, на которых оно основано. Первый и главный принцип права — способствовать взаимодействию людей и культур, но сокращение численности дипломатических представительств ведет к затуханию такого взаимодействия, препятствует ему.

Второй момент. Все страны, подписавшие международные пакты, согласны в том, что высшей ценностью является жизнь человека. Были созданы специальные инструменты, которые позволяют в случае нарушения обязательств государства по отношению к человеку, его основополагающим правам и свободам обращаться в специально созданные органы, и в таких случаях государство и человек рассматриваются как два равных субъекта права.

Человек из субъекта превращается в объект, с которым можно обращаться как вздумается. В то время как граждане одних стран могут рассчитывать на защиту международного права, граждане других становятся уязвимы для произвола. Именно с этим столкнулись наши соотечественники, находящиеся за рубежом, когда их имущество было арестовано только на том основании, что они являются гражданами России. Но это означает, что все разговоры о необходимости отказа от дискриминации по принципу гражданства носили сугубо пропагандистский характер — при столкновении межгосударственных интересов от них легко отказались.

Когда же речь идет о корпоративном интересе государства, возникает принципиально иная ситуация. Возьмем мою любимую тему — охрану интеллектуальной собственности. Как известно, для того чтобы исполнять свои обязательства по контракту, надо иметь возможность их

оплачивать. Невозможность проведения платежей в валюте, заявленной в контракте, фактически делает невозможным его исполнение. Американцы сначала наломали дров, наложив валютные запреты, но потом спохватились: огромное количество патентов и товарных знаков зарегистрировано на территории Российской Федерации, но из-за введенных ограничений продлить их действие невозможно (например, право на товарный знак, как известно, необходимо заново регистрировать каждые 10 лет, иначе его охрана прекращается). Но современная экономика держится большей частью не на обмене материальными ценностями, а на праве использования патентов, промышленных образцов, ноу-хау. Скажем, такие устройства для ежедневного пользования, как компьютеры, производимые в Малайзии и Китае, в то же время являются объектами интеллектуальной собственности, и эта собственность принадлежит вовсе не изготовителям системных блоков и мониторов. Подрывая возможность защищать эти объекты, наши западные партнеры из недружественных государств «стреляют» не только по нам, но и по себе самим. В этом есть определенный плюс: разрыв отношений не срабатывает по той простой причине, что сопровождается причинением ущерба самим себе. И как раз право показывает, что любое «коллективное помешательство» не дает ожидаемых результатов. После того как заканчивается пропагандистский хайп, начинается осмысление того, что произошло.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Сейчас перед нами выступит кандидат юридических наук Елена Евгеньевна Амплеева.

Е. Е. АМПЛЕЕВА: — Одна из главных характеристик сегодняшней картины мира состоит в том, что, как отмечал вчера академик Глазьев, западная цивилизация по-прежнему доминирует, как и сотни лет назад. Я бы дополнила, что причина этого — международное право, которое создавалось прежде всего государствами западного типа. В свое время Федор Федорович Мартенс, профессор международного права Санкт-Петербургского университета (еще императорского), отмечал, что международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации. Иными словами, международное право создавалось для регулирования межгосударственных отношений того времени, то есть по сути было системой взаимодействия между так называемыми цивилизованными народами. Термин «двойные стандарты» подразумевал, что для других народов, прежде всего в колониях, действовали другие нормы. В период классического международного права (XVIII–XIX вв.) в разных его конфигурациях разворачивалась борьба за лидерство в Европе, а значит, и в мире в целом. Вклад других цивилизационных центров — России, Китая, Индии, стран арабского Востока и так далее — либо замалчивается, либо умышленно принижается, но на самом деле он представляет достаточно большой практический интерес и ждет своего исследователя.

После распада СССР и стремительного расширения Европейского союза противостояние двух центров влияния сменилось признанием западного подхода.

ООН, к сожалению, не смогла сохранить надлежащего межцивилизационного равновесия, а ее финансовые учреждения — Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный банк — превратились в дополнительную систему инструментов, обслуживающих интересы Запада.

Россия же, безусловно, является цивилизацией смешанного типа. От того, какой вектор внешней политики подобное государство выбирает в качестве основного, зависит будущая победа западной или восточной цивилизации. Именно поэтому Восток и Запад, постоянно заигрывая с правительствами таких стран, на каком-то глубинном уровне ставят перед собой незаметную вначале, но неотменимую итоговую цель «приручить» их. Впоследствии, возможно, предполагается в результате экономической глобализации поглотить «русский мир», чтобы стал невозможен возврат к исходной точке открытого противостояния.

И все же международное право живет и функционирует. Право международной безопасности, похоже, в какой-то степени отошло в тень, но международное гуманитарное право (МГП) вышло на первый план. Особая сила МГП состоит в том, что оно не зависит от политического контекста, поскольку преследует исключительно гуманитарные цели.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется кандидату юридических наук Сергею Николаевичу Касаткину.

С. Н. КАСАТКИН: — Вчера многие коллеги говорили о том, что одним из способов разрешения кризиса ценностей представляется выработка идеологии. Но что такое идеология? Это система ценностей, мировоззрение, политическая программа.

Запрет государственной или обязательной для всех идеологии, нужный для защиты свободы личности и обеспечения других конституционных прав, по сути, тоже элемент идеологии. Такой запрет необходим для защиты политического плюрализма и свободы мысли.

Мы говорим о том, что идеология требуется как элемент политики идентичности и исторической памяти, что важно для нормального существования общества. Но в то же время идеология — это неизбежно и элемент манипуляции, и социального конструирования; например, ее можно использовать для закрепления статус-кво. Поэтому я согласен с теми коллегами, которые говорят, что в этом вопросе надо быть предельно осторожными, а для начала определить, для чего и в какой мере нам требуются изменения в подходах к идеологии. Тем более что есть проблема определения того, какая идеология нам нужна. Можно взять за основу тезис Марии Захаровой: надо сделать страну такой, чтобы человеку хотелось в ней жить и растить детей, и идеология должна этому способствовать. Но что именно, какие идеологические инструменты помогут сделать страну таким счастливым местом? И как отсутствие идеологии этому мешало?

Дальше возникает вопрос о том, кто и как будет принимать решение о «правильной» идеологии. Если пытаться учесть разные позиции, то как согласовать противоположные мнения? В общем, проблема заключается в процедурах и субъектах определенного выбора. И думаю, что нужно различать несколько вещей. Можно выбрать идеологию, которая исторически обусловлена, соответствует культуре страны и будет близка большинству населения. Или руководствоваться тем, что идеология должна представлять собой перспективную программу развития. Или нормативную систему, которая будет обязательной для всех. И так далее. Каждая концепция заслуживает отдельного обсуждения.

Опять же надо понимать, от чего мы будем отталкиваться. От культурно заданного абстрактного понимания права как формального равенства, свободы и т. д.? Или (это будет ближе юристам-практикам) от проекта консти-

туционализации юриспруденции, от конституционных свобод и ценностей, которые лежат в основе юриспруденции? Здесь опять-таки требуется очертить границы. Поэтому я не могу воспринимать как юридические те аргументы, которые высказывались в рамках сегодняшнего и вчерашнего мероприятия. Они могут быть значимы, когда мы говорим о целях развития страны, об обеспечении достойного уровня жизни, о приоритете нравственных и моральных ценностей перед правовыми ценностями и т. д. Все это важно и нужно, но в чем должна заключаться позиция юриспруденции и юристов как представителей этой корпорации? Каким образом юристы могут и должны рассуждать о праве?

Безусловно, существует кризис ценностей права и в связи с этим — кризис юриспруденции. Мы видим, что право не соблюдается и сильно разрушается, как следствие — утрачивается основание самой юриспруденции и того, чем мы занимаемся. Если у права нет собственных оснований, истории, логики и истины, то что мы тогда преподаем и что отстаиваем? То есть как возможно то, о чем говорил профессор Гаджиев, мне не вполне ясно. И это проблема, которой нужно заниматься.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю к микрофону кандидата юридических наук Елену Александровну Брылеву.

Е. А. БРЫЛЕВА: — Я уже не первый год приезжаю в Петербург на Лихачевские чтения и могу подтвердить, что в дискуссиях всегда участвуют специалисты исключительно высокого уровня. Коллеги напоминают о том, что необходимо создавать по-настоящему социальное государство, а представитель Конституционного Суда указывает, что правовое государство и социальное государство невозможны по отдельности, они как две стороны одной медали.

Известно несколько моделей социального государства, но среди наиболее успешных обычно называют Скандинавские страны, где граждане понимают, что, отдавая значительную долю своих доходов государству в качестве налогов, они поддерживают своих сограждан, а в перспективе и себя самих. Они уверены, что ни один евро не исчезнет в коррупционных схемах и не будет потрачен на что-то ненужное.

Расскажу об интересном благотворительном проекте, которым мы занимаемся по долгу службы. Мы помогаем одной из категорий женщин, вернувшихся из мест лишения свободы, а именно тем, кто был осужден за причинение вреда здоровью или убийство своих насильников. Была развернута рекламная кампания в социальных сетях и на всех пермских телеканалах, и когда 8 Марта мы открывали наш центр, я обратила внимание на пришедшую публику. Это были люди из самых разных социальных слоев. Они с таким теплым участием отнеслись к этому благотворительному проекту, что я в очередной раз убедилась: в России очень много светлых, добрых, высоконравственных людей. Поэтому хочу сказать, что не надо изобретать новую идеологию, она у нас есть и даже прописана в Конституции: человек, его права и свободы — высшая ценность.

Р. А. РОМАШОВ: — Следующий выступающий — профессор Зураб Нодарович Каландаришвили.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Выскажу свою позицию по вопросу о том, как правовая культура рассматривается учеными разных школ правопонимания. Если вы приверженец социально-антропологической школы, то включаете в это понятие всю существующую правовую реальность — знания, ценности, статусы и их реализацию в правовом порядке. Сторонник культурологического подхода скажет, что правовая культура — это все созданное в результате человеческой жизнедеятельности в правовой сфере в виде материальных и нематериальных артефактов. Получается, что вопрос, в общем, философский. Цивилизация — более широкое понятие, чем культура. Цивилизация включает в себя не только культуру, но и общественно-производственные технологии.

Что мы можем сказать о западной цивилизации? Если рассматривать ее начиная с Античности, то западная цивилизация имеет мощные хронологические рамки. Совершенно прав был академик Александр Сергеевич Запесоцкий, когда сказал, что былые позитивные положения, зафиксированные как в западноевропейских конституциях, так и в Конституции США, сегодня в значительной степени нарушаются.

Следующий тезис. Я согласен с профессором Ромашовым, что Петр I, прорубивший окно в Европу, был настоящим западником. Но добавлю, что все-таки среди русских самодержцев первыми западниками были Алексей Михайлович — отец Петра I, а еще больше — его старший брат Федор, к сожалению, скончавшийся совсем молодым. Петр I просто с удвоенной энергией продолжил их начинания. Сейчас наметилась тенденция к сближению России со странами Востока, прежде всего Китаем и Индией. Надеюсь, что наши взаимоотношения будут успешно развиваться в дальнейшем.

В этом контексте важно, что Россия имеет свои особенности — правовые, политические, культурные. Кто-то причисляет нашу страну к Западу, кто-то — к Востоку; я же считаю, что Россия — это уникальная модель государства со своей индивидуальной спецификой.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, я коротко подведу некоторые итоги нашей дискуссии. Прежде всего должен отметить, что дискуссия состоялась. Более того, мы смогли не только обсудить проблемы права и ценностей в современных условиях, но и несколько шире взглянуть на картину мира и на Россию как ее часть и субъект международной политики. Это во многом поможет нам более объективно подходить к выработке идей для неизбежного предстоящего обновления.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Спасибо, дорогие друзья. Мне очень приятно сказать это как коллегам по факультету, так и участникам секции, прибывшим из других организаций и учреждений. Сегодня здесь было высказано много интересных идей, мы еще не раз будем к ним возвращаться.

А студентам я желаю на ближайшую перспективу — успешной сессии, а на среднесрочную — серьезно поразмыслить над теми тезисами, которые вы сегодня услышали. Тем самым вы сделаете очень большой вклад в свое развитие как будущих профессионалов.

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников)

14 мая 2022 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ — профессор СПбГУП, народный артист России

Участники:

Л. А. ПАСЕШНИКОВА — первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права, куратор юридического факультета, кандидат юридических наук, почетный профессор СПбГУП

Е. Л. КОЛПАКОВА — начальник Управления довузовской подготовки СПбГУП, старший преподаватель кафедры режиссуры и актерского искусства и кафедры хореографического искусства

А. ГОРЕЛОВА, Е. ДАВЫДЕНКОВА, С. ДОРОНИНА, А. ЗЫКОВА, З. КОНАРЕВА, К. МАМАЕВ, И. НИКАНОВ, В. СМИРНОВА, М. ФАТКУЛЛИНА, Е. ХАРЬКОВА — победители и призеры конкурса творческих работ старшеклассников

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Добрый день, дорогие друзья! Я рада приветствовать вас в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Сегодня состоится финальный этап Международного конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность». Отрадно, что ежегодно количество участников конкурса увеличивается. В этом году на рассмотрение жюри было представлено 535 работ из 68 регионов России и стран зарубежья — Беларуси, Киргизии, Казахстана, Донецкой и Луганской народных республик. Радует, что в конкурсе участвуют школьники не только из крупных городов, но из небольших населенных пунктов.

На конкурс принимались сочинения или мультимедийные проекты, развивающие конкретное положение из научного и общественно-политического наследия академика Д. С. Лихачева. Жюри отобрало десять лучших работ. Сегодня здесь присутствуют финалисты конкурса, которые получили уникальную возможность поделиться основными положениями своих творческих работ с участниками форума.

Прошу первого проректора СПбГУП, кандидата юридических наук, куратора юридического факультета, профессора Ларису Алексеевну Пасешникову открыть наше мероприятие.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники Международного форума старшеклассников, гости и сотрудники Университета, представители жюри и нашего педагогического коллектива, мне чрезвычайно приятно приветствовать сегодня всех собравшихся в Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова на замечательном мероприятии, которое предваряет XX Международные Лихачевские научные чтения.

Наш Университет многие годы бережно сохраняет и популяризирует наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева. Надеюсь, что все присутствующие в зале знакомы с его трудами. Но если нет, уверена, что по окончании сегодняшнего дня вы обязательно захотите прочитать их и найти в них сокровенные для думающего интеллигентного человека мысли.

Д. С. Лихачева называют совестью нации. Его «Письма о добром и прекрасном» (хотя это и непопулярный жанр, но письма пишут близким людям) — это раздумья человека, прожившего долгую и трудную жизнь, о самом важном.

Мне нравится образное сравнение Дмитрия Сергеевича: каждый должен найти в жизни ответы на многие вопросы и понять, что такое красота, культура, иначе он будет похож на человека, который держит бинокль дрожащими руками и видит искаженную картину. Дмитрий Сергеевич умел тонко, ненавязчиво поделиться самым сокровенным.

Все участники конкурса проделали огромную работу, в течение длительного времени подготовки размышляя над цитатами из произведений Д. С. Лихачева. А финалисты конкурса создали работы такого высокого уровня, что жюри посчитало возможным пригласить их в СПбГУП.

Уважаемые финалисты, я желаю вам успехов и прошу не волноваться, потому что вы все — победители, независимо от того, какое место займете на конкурсе. Вы сделали главное — приобщились к творчеству Д. С. Лихачева. Осознав идеи Д. С. Лихачева и приняв их, вы будете идти по жизни с совершенно другим настроем и настроением. Пусть у вас все получится!

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Спасибо, Лариса Алексеевна. Возглавляет работу Международного форума старшеклассников профессор СПбГУП, народный артист России Николай Витальевич Буров. Прошу Вас, Николай Витальевич, сказать несколько слов.

Н. В. БУРОВ: — Добрый день, дорогие состязающиеся, болельщики, родственники, друзья, универсанты! Я поздравляю всех с тем, что мы собрались в уникальном зале Гуманитарного университета профсоюзов для того, чтобы еще раз поклониться имени великого ученого, нашего соотечественника и, может быть, услышать камер-

тон, который задал Дмитрий Сергеевич Лихачев как ориентир в жизни и гуманитарном пространстве, указывающий, как и куда двигаться.

Недавно я посетил скромный кабинет Дмитрия Сергеевича Лихачева в Пушкинском Доме с видом на Малую Неву. Много лет, распахивая окно кабинета, Дмитрий Сергеевич дышал невским воздухом. Он обожал Санкт-Петербург и нашу страну.

Великий ученый оставил нам удивительное, неоценимое по богатству гуманитарное наследие, выстраданное им. Жизненный путь Лихачева не всегда был усыпан розами, он был полон испытаний, даже каторжных лишений. Вспоминая о Дмитрии Сергеевиче, мы должны быть благодарны ему за то, что он страдал за нас, за каждый его посыл о добре, красоте и необходимости совершенствования.

Русская земля всегда была богата мыслителями, гуманитариями. Немного раньше Лихачева составил свод законов культуры Николай Рерих. К сожалению, он не был услышан, и то, что происходило в течение Второй мировой войны, перечеркнуло посыл, который Рерих адресовал миру еще до нее.

У Дмитрия Сергеевича Лихачева все сложилось более счастливо, он пытался донести до людей свои мысли в основном в мирные, хотя и трудные для страны годы. Он много творил в сложные 1990-е. И, может быть, отчасти благодаря именно Лихачеву мы не сошли с ума в тот период.

Дмитрию Сергеевичу мы обязаны тем, что нам есть куда двигаться и о чем размышлять. Он может служить для нас ориентиром, как нужно думать. Это тоже процесс становления человека, включая борьбу за идеалы, без которых нельзя жить.

Д. С. Лихачев похоронен под сенью елей на мемориальном кладбище в Комарове, пригороде Санкт-Петербурга. Когда бываешь там, хочется помолчать и задуматься, а вспоминая лицо этого человека, начинаешь улыбаться. Наверное, это и есть главный энергетический посыл Дмитрия Сергеевича.

Я хотел бы поспорить с Ларисой Алексеевной, посоветовавшей финалистам не волноваться. Волнуйтесь! Потому что вы подниметесь на высокую университетскую кафедру. Только сконцентрируйте свое волнение, так как без этого трудно изложить материал, а выступление должно быть эмоциональным. Кто-то сегодня победит, кто-то — нет, но то, что вы стали участниками Международного форума старшеклассников — как финалисты, так и не финалисты, — это здорово. Поздравляю вас с первым университетским днем в жизни!

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Спасибо, Николай Витальевич. Вы сказали, что Дмитрий Сергеевич обожал Петербург, он тепло относился и к нашему Университету, был большим другом СПбГУП. Вспоминаются его слова о нашем вузе: «Здесь я чувствую себя в Университете XXI века».

Предлагаю начать работу нашего форума. Итак, чтобы понять, кто одержит победу, наше жюри, как и вся Россия (к онлайн-трансляции присоединились многие школы России), посмотрит публичную защиту финалистами своих работ. Удачи, ребята!

На трибуну приглашается Анастасия Горелова, учащаяся 11-го класса школы № 16 г. Батайска Ростовской области, автор творческого сочинения в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Ноша культуры — единственная ноша, которая не отягощает движение вперед, а облегчает его».

Анастасия ГОРЕЛОВА: — Сегодня необходимы исследования творчества людей, «отмеченных Провидением», к которым относится и Лихачев: его идеи важны для всего человечества. А. С. Запесоцкий точно заметил, что работы ученого «могут быть рассмотрены как глобальный проект духовного исцеления российского общества и мирового сообщества путем обращения к многовековой толще культуры»[1].

По мнению Д. С. Лихачева, именно культура является духовным «целостным явлением, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией»[2]. Взор Дмитрия Сергеевича охватил культуру России в динамике исторического становления и системной целостности; в прекрасной внутренней сложности и щедрой открытости, многообразии внешних связей и взаимовлияний; в переплетении внутренних противоречий и стержневой нравственной силе.

Работы академика Лихачева о культуре имеют исключительное значение для национальной самоидентификации россиян. В его трудах проявляется основополагающий интерес ученого — познать Россию через ее культуру. Обретается ответ на центральный для Лихачева вопрос: существует ли духовное призвание россиян, «верховный долг» народа, замысел и смысл отечественной культуры, и если да, то в чем он состоит?

Никто не постиг сути российской культуры лучше Лихачева. Именно в этом заключаются его величайшая заслуга перед страной и общенациональное значение его работ. Европейскую культуру Д. С. Лихачев считал общечеловеческой. Через общеевропейское к всечеловеческому — такова была его формула развития России. В качестве одного из ярчайших доказательств этого он приводил творчество Пушкина — глубоко национального гения, который был открыт всему богатству бытия и которому были ведомы миры других народов и наций.

Миссия России, по мнению Д. С. Лихачева, определяется тем, что «в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты»[3]. Ученый говорил о патриотизме как о важнейшей стороне культуры духа.

По Лихачеву, наша сила в нашей культуре: «Россия — великая страна. Великая <…> прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта „великость“ России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути»[4]. И в этом заключается ее всемирное значение.

Особая заслуга Д. С. Лихачева состоит в том, что он формировал в общественном сознании понимание культуры как духовно-нравственного фундамента национального бытия, без которого настоящее и будущее не имеют смысла. По убеждению ученого, каждый человек несет моральную ответственность за сохранение культуры и ее ценностей. Бережное отношение к прошлому своей страны является обязательным условием осознания настоящего и выверенного в ценностном отношении движения к будущему.

---

[1] *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 17.

[2] *Лихачев Д. С.* Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М. : Рос. фонд культуры, 2006. С. 94.

[3] *Лихачев Д. С.* Мифы о России старые и новые // Наука и жизнь. 2007. № 1.

[4] Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Культурологическое наследие Д. С. Лихачева // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 13.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Для защиты своей работы в номинации «Лучший мультимедийный проект» приглашается Елизавета Давыденкова, учащаяся 11-го класса лицея № 486 г. Санкт-Петербурга. Тема выступления: «Для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат».

Елизавета ДАВЫДЕНКОВА: — Я нередко замечаю необычные вещи, которые пробуждают во мне желание творить. Но так получается не всегда: суета жизни иногда заставляет нас забыть о том, как удивителен наш мир.

В своем видеофильме я постаралась показать, как неисчерпаемо богат окружающий мир, насколько он необычен и интересен. С помощью звучащих в нем музыки и текста я хотела передать эмоции, которые испытываю, когда вижу какую-либо деталь или нюанс.

Мне хотелось, чтобы зритель вместе со мной отвлекся от забот и почувствовал вкус к жизни, чтобы люди вспомнили, как здорово быть ребенком и удивляться абсолютно всему, ребенком, которому никогда не бывает скучно: для него мир наполнен разными эмоциями, красками и ожиданиями.

Человек утрачивает чувство прекрасного, следуя стандартам, навязанным обществом. Чтобы избежать этого, творческие люди посредством искусства передают то, что видят и ощущают.

Д. С. Лихачев в своем произведении «Письма о добром и прекрасном» описал собственное восприятие творчества и окружающего мира. Я согласна с цитатой, вынесенной в название моей работы: «Для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат», потому что она отражает мое мироощущение — я точно так же смотрю на этот мир.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На сцену для защиты своей работы приглашается София Доронина, учащаяся 11-го класса школы № 20 г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа, автор творческого сочинения в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Читать, читать и читать. При этом не только модные произведения, а классику — то, что признано».

София ДОРОНИНА: — Актуальность выбранной темы чрезвычайно велика, ведь из нее вытекает множество насущных общественных проблем, самая страшная из которых — духовное обнищание народа.

В Советском Союзе преобладало читающее население. В то время жизнь человека ограничивали строгие рамки, сейчас же мы имеем гораздо бóльшую свободу в действиях и мыслях, но ни к чему хорошему это не приводит. Должны существовать правила и границы, идеология: не нужно равняться на Запад.

Что теряет нечитающий человек? Грамотность, красивую речь, хорошую память, развитое абстрактное мышление... Как писал А. П. Чехов, классика развивает в человеке личность, взращивает культуру и воспитанность.

М. Твен говорил о том, что человек нечитающий ничем не отличается от человека, который не умеет толково читать хорошие книги. Мало пробегать глазами «правильные» тексты, нужно вникать в них.

Верно, что человек, любящий читать, никогда не будет одинок. Можно «говорить» не только с героями произведения, соглашаясь с ними или критикуя их, но и вступить в диалог с самим писателем.

Тот, кто не читает классику, лишает себя возможности прикоснуться к избранным, лучшим литературным произведениям человечества. Многие русские классики (например, Б. Л. Пастернак, Н. Г. Чернышевский, М. А. Булгаков, А. И. Солженицын) сталкивались с непониманием или гонениями. Тем не менее произведения этих великих личностей признаны повсеместно: в них есть боль, глубочайший смысл, философские размышления, которые отзываются в душе каждого из нас.

Чтение классики, помимо прочего, знакомит нас с азами психологии. Мы постигаем человеческие характеры и непростую науку взаимодействия с окружающим миром.

Вторая часть высказывания Д. С. Лихачева, послужившего темой моей работы, звучит так: «Русскую классику. Именно она позволяет человеку вместо одной жизни прожить десять и за десятерых набраться ума».

Русская душа загадочна и непонятна — она и становится главным действующим лицом классических произведений. Для героев важно не положение в обществе, не количество денег, а поиск себя и своего места в жизни, обретение истины и душевного равновесия.

Здесь хочется отметить роман Ф. М. Достоевского «Идиот», где автор стремился описать «положительно прекрасного человека». В образе князя Мышкина получили бытовое преломление черты Христа.

Писатели-классики владели великим даром Слова, видели жизнь не плоско, а многогранно. К примеру, идея романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» проста — добро и зло неотделимы друг от друга. Но как философски и исторически сложно пишет об этом Булгаков!

Еще одна важная характеристика русской классики — высмеивание недостатков человека. Часто использовали сатиру и юмор, например, Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин. Конечно, некоторые критики называли их клеветниками, но настоящие ценители понимали, насколько их персонажи комичны и трагичны одновременно.

Многие люди полагают, что классические произведения безнадежно устарели. С этим можно поспорить, ведь душа и личность человеческая остались прежними! Главное достоинство «правильной» литературы заключается в том, что истины, заключенные в ней, вечны.

Давайте будем следовать заветам Д. С. Лихачева: читать классику русской литературы!

Н. В. БУРОВ: — Я приглашаю на трибуну Александру Зыкову, ученицу средней общеобразовательной школы д. Алексеевки Уфимского района Республики Башкортостан, автора мультимедийного проекта на тему «Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что человек, чтобы жить, должен обязательно родиться художником, балериной, ученым».

Александра ЗЫКОВА: — Когда я только начала размышлять, как снимать фильм, в голову ничего не приходило. Потом меня осенило: я же художник и могу передавать свои мысли через картины. Когда я прочитала «письмо» Д. С. Лихачева «В чем смысл жизни», перед глазами сразу же начали всплывать картинки, с помощью которых я могла бы высказать свою позицию. Каждый абзац в письме выражает собственную идею, поэтому мысленно я разделила произведение и для каждой части нарисовала картинки, показывающие суть написанного через призму моего воображения.

В первых кадрах мы видим девушку, которая поворачивается к нам. Она как бы начинает свой рассказ, взаимодействуя со зрителем.

Автор рассуждает в письме на разные темы: достоинство, обман, природа, счастье и многие другие.

Каждый день на протяжении нескольких месяцев, когда я садилась рисовать, я всегда задавала себе один и тот же вопрос, на который, как мне кажется, никогда не смогу ответить точно: «Так в чем же смысл жизни?». Возникали разные мысли, но я постоянно убеждалась, что все испытания, преподнесенные жизнью, нужно проходить с гордо поднятой головой, чувством уверенности в себе и собственных решениях.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Приглашаю на трибуну для защиты своей работы Злату Конареву, учащуюся школы № 4 г. Батайска Ростовской области, автора творческого сочинения в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Жизнь человека — это не отдельные события, а „биографическое целое“».

Злата КОНАРЕВА: — Д. С. Лихачев говорит о том, что поступки и события в жизни человека — «только звенья цепи, имеющей свою форму». Крепко срастаются звенья в одно целое, костенеют, и нельзя на склоне лет все исправить одним движением — восстановить то или иное звено.

Наследственность, социальное окружение, опыт, в том числе и культурный, — все это, несомненно, влияет на формирование нашего жизненного пути. Но и самому нужно постоянно работать над своим развитием! И даже если что-то не получается, в любом случае ты самосовершенствуешься. Лихачев утверждал: все, что происходит с человеком, важно. Препятствия посылаются ему как проверка, позволяющая познать свои сильные и слабые стороны.

Я выделила бы такие составляющие жизни как единого целого: рождение, восприятие, понимание и осознание.

Ты пришел в мир. Затем начинаешь воспринимать всех, кто находится рядом, извлекаешь уроки — так и познаешь жизнь. Взрослеешь, и открывается ее новая сторона: жить надо не только для себя, но еще и заботиться о детях, не забывать о родителях, передавать свое понимание мира подрастающему поколению. Наконец, мы подводим итоги пути. Мне, конечно, до этого еще далеко, но надеюсь, что когда придет время, мне не будет «стыдно за бесцельно прожитые годы».

Жизнь человека — это результат поступков, из которых складываются те самые единые звенья цепи, имеющей свою форму.

Какие события могут привести тебя к решающим поступкам? Думаю, самые разные, а их творцы — мы сами. Главное — иметь цель и стремиться к ней. В истории нашей страны есть немало примеров выдающихся людей, которые сделали сами себя. Один из наиболее ярких — М. В. Ломоносов, сын рыбака, ставший великим ученым.

Жизнь Ломоносова была творческим процессом, и составившие его события создали «биографическое целое», единый организм, именно поэтому память об ученом сохранится на века.

Но есть личности, судьбу которых определили негативные события. Осада Тулона стала блистательным началом возвышения Наполеона Бонапарта. О своем Тулоне мечтал герой романа-эпопеи Л. Н. Толстого Андрей Болконский. Но, в отличие от Наполеона, Андрею под небом Аустерлица открылась новая истина — сменилось одно из звеньев жизненной цепи событий.

Свои дни Наполеон окончил в заточении на отдаленном острове. А ведь это был, безусловно, талантливый и умный стратег, который мог направить энергию в мирное русло.

Но все это известные люди, а что можно сказать об обычных? Среди них много таких, с которых стоит брать пример. Скажем, герой рассказа «Судьба человека» М. А. Шолохова Андрей Соколов, простой шофер, на долю которого выпало множество тяжелейших испытаний. Но этот «человек несгибаемой воли», без сомнения, «выдюжит»: его достоинство не позволит вырвать ни единого звена из его «биографического целого».

Судьба Матрены, главной героини рассказа «Матренин двор» А. И. Солженицына, была поистине трагична, но женщина не озлобилась. Можно ли считать, что ее жизненная цепь сложилась и нигде не прервалась? Уверена, да! Ведь Матрена жила в гармонии с собой и окружающим миром.

Сам Лихачев — пример той личности, в жизненной цепи которой не было ни одного испорченного звена. Он ушел более двадцати лет назад, но до сих пор его советы помогают нам, молодым, относиться к своей жизни как к самому дорогому, что нам было дано свыше.

Н. В. БУРОВ: — Предлагаю выступить Кириллу Мамаеву, учащемуся 11-го класса Симферопольской академической гимназии (Республика Крым), автору работы в номинации «Лучший мультимедийный проект». Тема выступления: «Искусство нельзя поймать голыми руками…»

Кирилл МАМАЕВ: — Почему какие-то виды искусства становятся популярными, а другие, которые, казалось бы, ничуть не хуже, никого не интересуют? Когда я прочел «Письмо тридцать второе» из известной книги Д. С. Лихачева, то увидел в нем слова, которые как нельзя более точно выражали мои мысли по этому поводу.

В своем мультимедийном проекте я прихожу к выводу: то, что принято называть искусством, на самом деле включает два понятия — продукт творческой деятельности и контекст, в котором он был создан и продолжает жить. Как было продемонстрировано в видео, контекст очень часто оказывает на аудиторию бóльшее влияние, чем сам продукт.

Чтобы показать разнообразие и многоплановость искусства, я решил объединить в видеоролике монтажные и съемочные приемы, характерные для разных стилей: динамичный и размеренный монтаж, съемку в полустудийных условиях и пр.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Для защиты своей работы приглашается Майя Фаткуллина, учащаяся гимназии № 49 г. Тюмени, автор творческого сочинения в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Читать, читать и читать, при этом не только модные произведения, а классику — то, что всеми признано». Действительно актуальнейшая тема.

Майя ФАТКУЛЛИНА: — Известный русский писатель В. П. Астафьев когда-то сказал: «Если бы в современной России не было бы Д. С. Лихачева, его следовало бы придумать. Как не может село без праведника, так и наше общество не может стоять и дышать без истинного интеллигента русского, в том числе Лихачева, а он, интеллигент, все еще водится здесь и влияние его… на нашу культуру было и есть огромно, необходимо и бесценно».

Русская классика, по выражению Лихачева, «позволяет человеку вместо одной жизни прожить десять и за десятерых набраться ума». В этом смысле просто невозможно не вспомнить духовные искания героев великого русского писателя Л. Н. Толстого. Вместе с ними каждый из

нас страдал, любил, разочаровывался и вновь возрождался к жизни. Особенно хотелось бы отметить Пьера Безухова, любимого героя Толстого. Следуя за ним в его нравственных поисках, читатель обретает «колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни».

Тему вечности русской классической литературы, ее значимости и ценности для современных россиян мне помогло раскрыть обращение к бессмертному произведению Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Оно остается вечным потому, что учит нас: нет таких причин и обстоятельств, которые могли бы оправдать бесчеловечность идей и поступков.

Также в работе исследуется проблема концепции культуры и культурного развития, неразрывной связи русской классической литературы со всей отечественной и мировой культурой.

В отличие от большинства современников, рассматривающих культуру как ограниченный круг явлений, Лихачев настаивает, что культура — «это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией». На примере его труда «Культура как целостная среда» мы еще раз убеждаемся в том, что русская классическая литература является неотъемлемой частью всей русской и общемировой культуры.

«Классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу», — так писал Лихачев в Письме двадцать втором из книги «Письма о добром и прекрасном». Поэтому в своей работе я также обратилась к проблеме чтения современной литературы, в которой можно найти ответы на многие вопросы современности. Размышления академика Лихачева нередко находят отклик в суждениях современных ученых и деятелей культуры. Это означает, что его идеи актуальны во все времена, что любовь к чтению, в том числе произведений многих современных авторов, существует и сегодня.

Таким образом, классическая литература при всей ее непреходящей ценности не всегда помогает разобраться в проблемах настоящего времени. Вот почему в список важнейших для понимания жизни книг молодой читатель сегодня обязан включать произведения современных авторов.

Свою небольшую речь завершу еще одним утверждением великого мастера слова академика Лихачева: «Нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество».

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Сейчас свою работу в номинации «Лучший мультимедийный проект» представит Иван Никанов из Петрозаводского президентского кадетского училища (Республика Карелия). Тема его выступления: «Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя».

Иван НИКАНОВ: — «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — эта поговорка была придумана очень давно. То, что окружение напрямую влияет на человека, люди поняли еще много веков назад.

В этом отношении мне близка позиция Д. С. Лихачева. В Письме сорок первом из цикла «Письма о добром и прекрасном» он писал о том, что человека воспитывает все, что его окружает, — семья, школа, улицы, парки, даже отдельные дома. Все это — культурная среда, которая оказывает на нас положительное или отрицательное воздействие, хотя сами мы можем об этом и не догадываться.

Когда я впервые прочел это «Письмо», у меня возникло два вопроса: «Что же окружает меня?» и «Почему это так важно?». На первый вопрос я ответил с помощью видео, а на второй попытаюсь ответить сейчас.

Раньше я учился в обычной школе. Школа была хорошей, но без индивидуальной истории — в здании ни картин, ни стендов, в отличие от университета, например. А ведь так, казалось бы, незаметно происходит самое страшное — стирается историческая память. Вряд ли кто-то из школьников после уроков штудирует труды историков, а научно-популярную литературу о прошлом своего города и своей страны по собственной инициативе читают единицы. К сожалению, это проблема не одной школы.

Академик Лихачев говорил, что культурное окружение напоминает о прошлом. Пока есть напоминание — есть и сама память… Но что делать, когда напоминаний просто нет?

Я считаю, что школьникам нужно присмотреться к своему окружению. Если вы не видите вокруг себя лучших образцов культуры, ищите их, тянитесь к ним сами. Увидите: ваша жизнь заиграет совсем другими красками. Среда воспитывает человека — очень глубокая и верная мысль Д. С. Лихачева.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Как Вы хорошо показали любовь к своему дому, и как нам это понятно. Мы тоже очень любим свой Университет.

Слово предоставляется Елизавете Харьковой, учащейся 11-го класса Нахабинской гимназии № 4 (Московская область), автору творческого сочинения в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Важно воспитывать молодежь в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной».

Елизавета ХАРЬКОВА: — Эта тема сегодня актуальна как никогда, поскольку все более очевидным становится падение нравственности в обществе, исчезает понимание Родины, а значит, и рода, что в дальнейшем приведет не просто к деградации, но и к исчезновению цивилизации.

Чтобы этого не произошло, необходимо возрождать память о традиционных ценностях, что возможно только в той семье, жизнь которой наполнена религиозным содержанием. Именно православие учит человека почтению к ближнему как божественному образу, ограждая нас от зла, напоминая о смерти и об ответе перед Богом за свои поступки.

Все богатое наследие Д. С. Лихачева пронизано мотивами Священного Писания. «Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе», — писал академик. Нельзя верить в Бога «попутно», «между прочим», вспоминать о Нем, только когда Он нужен.

Академик Д. С. Лихачев призывал к изучению истории — истории всего, что нас окружает, ведь знание прошлого наполняет мир, делает его интереснее.

Память семьи, хранящая ценности и традиции предков, служит основанием памяти народа, представления о смысле человеческой жизни. Лихачев называл знание своей культуры и истории «нравственной оседлостью» человека. Без знания и памяти не могут развиваться ни народ, ни государство, ни личность.

Работая над проектом, я осознала, что религия не только мировоззрение, но и нечто большее — образ жизни. Вера должна как быть как в душе, так и в сознании,

поэтому необходимо, чтобы государственная идеология была пронизана идеалами морали и памяти, а родители и педагоги воспитывали молодое поколение на собственном примере.

Лихачев дал четкий ответ на вопрос, почему надо хранить память о прошлом: «Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. А значит, без памяти нет совести, этот Божий дар заглушается. Вот почему так важно воспитывать молодежь в моральном климате памяти — памяти семейной, народной, культурной».

Память — это основа успешного будущего человека. Живя настоящим, нельзя пренебрегать памятью о прошлом. Память формирует настоящее и будущее, дает нам жизненную ориентацию. Игнорируя историческую память, мы можем оказаться в неопределенности и сбиться с жизненного пути.

Моральный фундамент памяти — наши мысли о вечном, о том, что из прошлого протягивает светлые нити помощи в творчество, мысли и труд сегодняшнего дня и будет вести нас дальше. Это благодарная память о тех, кто помогает каждому из нас выбрать верный путь и уверенно следовать ему, по возможности становясь для других достойным примером.

Но есть и еще более глубокая память — все священное из прошлого, но данное вестниками из будущего, что, как маяки, расставлены на нашем жизненном пути. Это святые учения, труды философов, древние мудрые книги и произведения искусства.

Н. В. БУРОВ: — Слово для защиты своей работы предоставляется Владе Смирновой, учащейся 11-го класса гимназии № 8 им. академика Н. Н. Боголюбова г. Дубна (Московская область), автору мультимедийного проекта на тему «Забота объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее. Это не само чувство — это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма».

Влада СМИРНОВА: — «Забота объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее». Простые слова, но какая в них глубина...

Каждый человек надеется, что родные и друзья будут проявлять заботу о нем, но это возможно лишь тогда, когда сам ее даришь.

Эта тема всегда была очень близка мне лично, а в мире она стала особенно актуальной в наши дни, когда эгоизм больше не считается пороком и многие молодые люди сосредоточены на себе, живут ради того, чтобы накопить как можно больше материальных благ.

Основным сюжетом фильма является история одного персонажа — мальчика, который вырос в обеспеченной семье и имел все, чего только мог пожелать. Кроме внимания родителей. Поэтому он не знал, что такое забота и любовь. Только повзрослев и пройдя собственный путь становления личности, герой оказался готов к незначительной на первый взгляд, но, как оказалось, важнейшей встрече, благодаря которой пришло осознание, что смысл жизни есть забота.

Во время работы над фильмом я глубоко прочувствовала, что забота — главная составляющая человеческого счастья.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Дорогие друзья, мы ознакомились со всеми вышедшими в финал работами Международного конкурса «Идеи Лихачева и современность». Жюри Конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» в составе академиков А. С. Запесоцкого, А. А. Гусейнова, О. Е. Лебедева, заместителя главного редактора журнала «Нева» литературного критика А. М. Мелихова, проректора СПбГУП драматурга О. В. Солода, почетного профессора СПбГУП В. Е. Триодина постановило: наградить дипломом I степени победителя конкурса в номинации «Лучшая текстовая работа» Фаткуллину Майю Фархатовну. Дипломом I степени также награждается победитель конкурса в номинации «Лучший мультимедийный проект» Никанов Иван Вадимович. Диплом II степени в номинации «Лучшая текстовая работа» присуждается Конаревой Злате Ренатовне. Дипломом II степени в номинации «Лучший мультимедийный проект» награждается Давыденкова Елизавета Андреевна. Дипломы III степени в номинации «Лучшая текстовая работа» получают Горелова Анастасия Александровна, Доронина София Петровна, Харькова Елизавета Владимировна; в номинации «Лучший мультимедийный проект» — Мамаев Кирилл Николаевич, Зыкова Александра Павловна, Смирнова Влада Леонидовна. Поздравляем!

Заключительное слово предоставляется председателю нашего форума, народному артисту России Николаю Витальевичу Бурову.

Н. В. БУРОВ: — Дорогие ребята, во-первых, я хотел бы поблагодарить участников финала за то удовольствие, которое вы доставили нам всем, показав себя думающими, неравнодушными и целеустремленными людьми. Эти качества помогут вам добиться успехов в любой сфере, которую вы выберете в качестве области приложения своих сил. Желаю вам успешно завершить обучение в школе и идти дальше выбранной дорогой, освещенной путеводной звездой Дмитрия Сергеевича Лихачева. С богом!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамова И. О. 28, 213, 225
Агошков А. В. 231, 323
Азнагулова Г. М. 548
Александрова Е. А. 469, 546
Алексанков А. М. 326
Алешина Е. В. 472
Амплеева Е. Е. 551, 619
Андриенко Е. В. 474, 542
Анисимов О. С. 477, 545
Астафичев П. А. 553
Астафьева О. Н. 412
Бабич Д. О. 33, 229
Багдасарьян Н. Г. 415, 461, 463
Бакушина А. Н. 479
Бали М. 329
Балибалова Д. И. 331, 411
Барбашина Э. В. 481, 547
Баркова Э. В. 417
Бенедская О. А. 555
Бирженюк Г. М. 35, 458, 461, 463, 484
Большаков А. Г. 420, 461, 462
Бондарь Н. С. 38, 610
Бронзит К. Э. 487
Брылева Е. А. 556, 620
Бугакова О. Е. 489
Бузовский И. И. 43, 206, 223
Буров Н. В. 621, 623, 624, 626
Бурова Н. В. 329
Бюльбюль оглы П. 48
Варга Ч. 50
Ветчинова М. Н. 492, 544
Волкова Е. В. 494
Воронина Н. И. 234
Воронцов А. В. 496
Гаджиев Г. А. 53, 610
Гашкова Е. М. 235, 323
Глазьев В. С. 333, 409
Глазьев С. Ю. 55, 202, 203, 209, 217, 220, 224
Годдард Ч. 59, 610
Голиусова Ю. В. 335, 405
Гончаров Г. А. 337
Горелова А. 622
Гранин Ю. Д. 237
Громова О. Н. 558
Громыко Ал. А. 62, 215, 222
Гусев П. Н. 224
Гусейнов А. А. 65
Гусман М. С. 71, 206
Давыденкова Е. 623
Данилов А. Н. 72
Дашкова Е. С. 422, 462, 463
Демидов М. В. 560
Дмитриева А. А. 239
Доронина С. 623
Дорохова Н. В. 339, 405
Драпеко Е. Г. 75, 202, 216, 225, 226, 228
Драч Г. В. 241
Дунаев В. Ю. 243
Ермолович Г. П. 563
Ерохина Т. И. 246, 321
Жданова И. В. 499
Запесоцкий А. С. 77, 198, 200–207, 209–218, 220, 314, 399, 458, 538, 609
Затулин К. Ф. 81, 201, 210, 216, 221–230
Захарова М. В. 201, 211, 217, 220, 223, 224, 226, 228
Зверев А. И. 472
Зеликина Н. С. 501
Зыкова А. 623
Ильина Ю. В. 341, 404
Ильинская Е. А. 248, 314
Исаев А. К. 83, 211, 216
Казакова Е. И. 539, 541–547
Каландаришвили З. Н. 565, 620
Карпович О. Г. 87
Касаткин С. Н. 567, 619
Катышева Д. Н. 250
Каширина О. В. 252
Кевин Э. 92, 221
Кетов А. Р. 465
Кефели И. Ф. 96
Кёхлер Г. 99
Кисляк С. И. 205, 212, 218, 221, 224
Клейнер Г. Б. 104, 206
Ковалев В. А. 569
Козьякова М. И. 254, 317, 318
Колпакова Е. Л. 621–626
Комиссаренко С. С. 257
Конарева З. 624
Коновалов В. Н. 260
Королев Ю. Ю. 343, 404
Косачев К. И. 203
Костина А. В. 109, 315, 322
Костюк Е. Б. 503
Котов А. И. 346, 400, 401
Круглова Л. К. 424
Крусс В. И. 571, 613
Кузнецова Е. А. 439
Кузьмина Н. Н. 111
Куприянов Б. В. 505
Курганская В. Д. 243
Кутькина О. П. 426, 464, 465
Лановая Г. М. 574, 616
Лапаева В. В. 576, 611
Лапинскас А. А. 383, 401
Лебедев О. Е. 115, 540, 547
Лебедева Л. Ф. 348
Легенькова Е. А. 507
Ленская Е. А. 508, 543
Лепский В. Е. 428, 464, 465
Ливеровский А. А. 578, 615
Лисицын-Светланов А. Г. 118, 215, 609, 611, 612, 620
Лиханов Д. А. 121, 214, 316
Лобок Д. В. 458–467
Лощевский К. В. 262
Ляпунова В. Ю. 374
Мадюкова С. А. 266, 321
Макаров В. Л. 123, 215
Макаров Е. И. 124, 314–325
Макотрова Г. В. 510, 546
Максимов А. С. 204
Максимцев И. А. 127
Малинина Т. Б. 350
Малыгина И. В. 268, 316
Мамаев К. 624
Мамонтов В. К. 130, 214, 459, 461, 463
Манойло А. В. 430
Маркина К. Н. 353
Марков А. П. 134, 324
Мелихов А. М. 271
Мельникова А. А. 513
Меттан Г. 136, 207
Митяева А. М. 439
Мишаров А. 403
Миэринь Л. А. 355, 403, 404
Можейкина Л. Б. 514
Мосолова Л. М. 141
Мусиенко С. Г. 274
Наумкин В. В. 143, 212, 218, 223
Невоструева Е. Г. 489
Некипелов А. Д. 145, 204, 399, 403–406, 408–411
Нигматулин Р. И. 149, 215, 399, 401, 403, 404, 406, 408, 411
Никанов И. 625
Никитина Т. В. 357
Никонова С. Б. 152, 324
Никоноров С. М. 359
Никулин Н. Н. 361, 406
Овчинников А. И. 581, 614
Осипов А. М. 441
Павлова В. В. 363, 407
Пасешникова Л. А. 609, 610, 612–621
Петрова Е. А. 583
Петухов В. Г. 214, 585, 617
Пиотровский М. Б. 199
Покровская Н. Н. 365
Полетаев Э. Э. 367, 406
Поляков С. Д. 516
Полякова Е. А. 277, 322
Праздников Г. А. 323
Прихач А. Ю. 369
Протанская Е. С. 279, 324
Прутченков А. С. 518
Пунченко В. Н. 229, 281
Радченко А. С. 284
Ромашов Р. А. 586, 611, 613, 615–620
Ромм Т. А. 521, 545
Садовая Е. С. 371, 401, 408
Садохин А. П. 286, 319
Садыкова Э. Л. 588
Сафронов Н. С. 484
Сигалов К. Е. 590, 618
Сиднева Т. Б. 288, 317
Ситдикова Р. И. 592, 615
Скалабан И. А. 444
Скоробогатов А. В. 446
Скоробогатова А. И. 446
Скотникова Г. В. 290, 319
Смирнова В. 626
Смирнова М. Г. 594, 616
Созинова М. В. 523, 539
Соколова И. В. 525
Страхова О. А. 374
Суворов Н. Н. 292
Сухоруков С. А. 295
Таказов В. Д. 527
Тарасов А. А. 596
Тишков В. А. 155
Тощенко Ж. Т. 159, 214, 314, 315, 317–319, 325
Триодин В. Е. 528, 547
Трофимов В. В. 598, 615
Тюркер Т. 165
Ударцев С. Ф. 600
Урицкая Р. Л. 530
Успенская А. В. 169
Фаткуллина М. 624
Федченко А. А. 376, 408
Фейгин Г. Ф. 378, 399, 400, 402, 404, 405, 407, 410, 411
Фитуни Л. Л. 171, 228
Фомина М. Н. 448
Фролов И. Э. 380, 402
Хабриева Т. Я. 175, 200
Хайкин М. М. 383
Хангельдиева И. Г. 385
Харитонова Е. В. 224, 297, 450
Харькова Е. 625
Хлутков А. Д. 183
Хольнова Е. Г. 388, 399, 404, 411
Цыпляев С. А. 185, 227, 228
Чередниченко Г. А. 531
Черешнев В. А. 188, 214, 226
Честнов И. Л. 603
Чубарова Т. В. 390, 409
Чумаков А. Н. 533, 542
Шамахов В. А. 183, 228
Шарафадина К. И. 300, 325
Шахов В. А. 302, 319
Шведова Н. Ю. 393, 410
Шевченко О. М. 453
Шемякин Я. Г. 304, 320, 321
Шемякина О. Д. 306, 322
Шершуков А. В. 189, 460, 461, 464, 468
Шкиренко Г. А. 395, 402, 403
Шмаков М. В. 191, 200, 213, 217
Шустова И. Ю. 536, 543
Энтин В. Л. 605, 618
Юхнина О. Ю. 309
Яковенко А. В. 194
Янутш О. А. 311, 318
Ярошенко Н. Н. 456, 466

Научное издание

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

XX МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

9–10 июня 2022 года

Ответственный редактор *З. Н. Киселева*
Художественное оформление *А. В. Костюкевич*
Редакторы: *Е. А. Бессонова, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-1193-5

9 785762 111935

Подписано в печать с оригинала-макета 31.08.2022. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 78,5. Тираж 500 экз. Заказ № 22584

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

В сборнике опубликованы материалы XX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 9–10 июня 2022 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XX Чтениях приняли участие представители 10 стран мира.

Среди 210 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: И. О. Абрамова, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, М. Б. Пиотровский, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Фитуни, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, представители вузов, известные государственные и общественные деятели, руководители СМИ: судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, первый зам. гендиректора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ К. Ф. Затулин, директор Департамента информации и печати МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол М. В. Захарова, зам. руководителя фракции «Единой России» в Госдуме РФ А. К. Исаев, первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам С. И. Кисляк, зам. председателя Совета Федерации РФ К. И. Косачев, член Госсовета РФ, председатель ФНПР М. В. Шмаков, Посол РФ в Великобритании (2011–2019) А. В. Яковенко и др.

В числе иностранных авторов сборника — заместитель министра информации Беларуси И. И. Бузовский, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, почетный сотрудник Австралийского национального университета Э. Кевин, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия» Г. Меттан, директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы (Турция) Т. Тюркер; профессора: Ч. Варга (Венгрия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. Кёхлер (Австрия) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: «Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами».

www.lihachev.ru

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

XX Международные Лихачевские научные чтения проводятся с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов